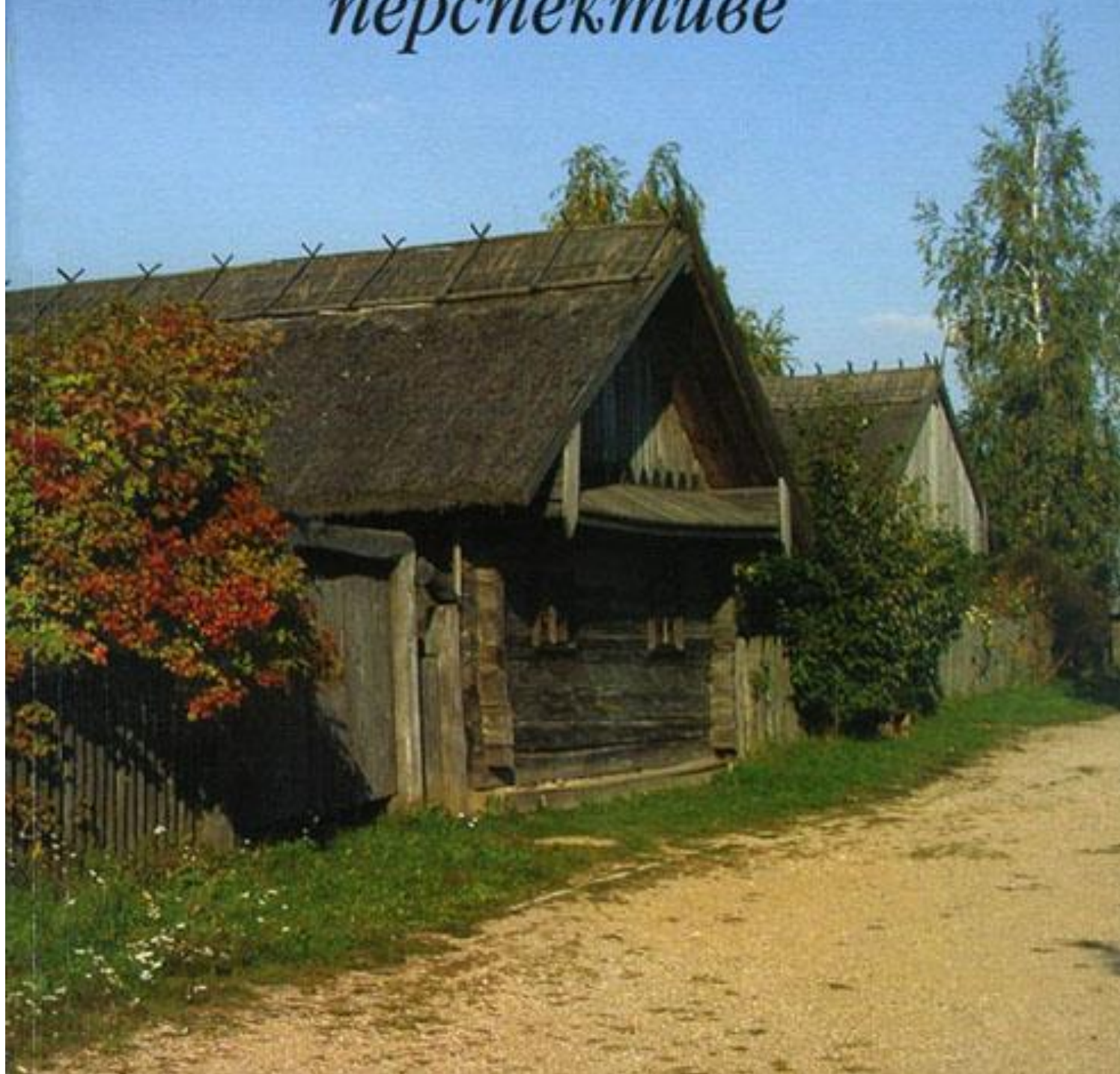

Вячеслав

Носевич

*Традиционная
белорусская деревня
в европейской
перспективе*

Вячеслав Носевич

**Традиционная
белорусская деревня
в европейской перспективе**

Минск

«Тэхналогія»

2004

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор *В.Н. Сидорцов*,
кандидат исторических наук, доцент *В.Ф. Голубев*,
кандидат исторических наук, доцент *П.В. Терешкович*

Рекомендована в печать

*Ученым советом Белорусского научно-исследовательского центра
электронной документации*

Носевич В. Л.

Традиционная белорусская деревня в европейской перспективе / В.Л.Носевич – Мн.: Тэхналогія, 2004. – 350 с.

ISBN 985-458-096-2

На примере одной небольшой популяции в современном Логойском районе прослеживается история белорусской деревни с XIV (а частично и с XI) по середину XX в. Процессы, происходившие в этой популяции или затрагивавшие ее, анализируются на широком историческом фоне, охватывающем зону пашенного земледелия Европы от Атлантики до российского Нечерноземья. Как и в каких условиях выживали наши предки, во что верили, в чем видели смысл своего существования, чему их опыт может научить нас сегодня – на эти и многие другие вопросы автор предлагает свои ответы.

Книга адресована как профессиональным историкам, краеведам, преподавателям исторических дисциплин, студентам, так и всем, кого волнуют вечные проблемы человеческого бытия, кто пытается осознать свое место в цепочке ушедших и грядущих поколений.

УДК 94 (476)

ББК 63.3 (4 Бен)

Содержание

Слово к читателю	5	Землепользование и структура наделов	168
<i>Часть первая. Введение в проблему</i>		Земледелие и животноводство	175
Цели, задачи и методы исследования	13	Повинности	179
Объект исследования	17	Бюджет крестьянского хозяйства	185
Уровни сопоставления	22	Повседневность	192
Источники	23	<i>Часть четвертая. Традиция и модернизация</i>	
Историография	38	Отмена крепостного права	201
<i>Часть вторая. Становление</i>		Жизнь после реформы	206
Исходное состояние	53	Начало демографического перехода	216
Под властью капитула	64	Миграции и разделы	223
Эволюция даннических повинностей до середины		Новая земля	233
XVI в.	68	Формирование сельской элиты	238
Численность населения и уровень освоения территории..	74	На промежуточном финише	243
Первые данные о семейной структуре	77	Духовная культура	249
Эволюция правового статуса крестьян	86	Женская доля	262
Становление барщинной системы	89	<i>Часть пятая. Разрушение традиции</i>	
Волочная реформа – первая попытка вестернизации	94	Революция, или в поисках пятого варианта	271
Кризис середины XVII – начала XVIII в. и его		Выход, спущенный по разрядке	284
преодоление	100	Между колхозом и Котласом	290
<i>Часть третья. Традиционные структуры</i>		Под тоталитарным прессом	295
Крепостное право и обновление популяции	109	Снова война	313
Брачное поведение	118	Конец традиционной деревни	321
Рождение и смерть	125	Заключение	328
Режим воспроизводства населения	137	Перечень таблиц	332
Структура дворохозяйства	150		

Слово к читателю

Эта книга посвящена миру, которого больше нет, но в котором до эпохальных сдвигов XX века протекала жизнь подавляющей части белорусов, – традиционной деревне. Сегодня этот мир – лишь объект исторического исследования. Но это не значит, что он исчез бесследно. В какой-то мере его наследие ощущается, например, в тех трудностях, с которыми столкнулись после крушения социалистической системы индивидуальные предприниматели и продолжают сталкиваться доньяне белорусские политики, апеллирующие к западным ценностям. Продукты его распада во многом послужили почвой, на которой выросла современная политическая ситуация в Беларуси.

Этот мир был весьма суров, и выживание в нем было непростым делом. И тем не менее его обитателям удавалось не только обеспечивать непрерывность цепочки поколений, но и извлекать из жизни радость и смысл, достигать пусть хрупкого, но от этого не менее желанного ощущения счастья, гармонии в своей душе. Как, за счет чего им это удавалось? Вместе с читателем мы попробуем найти ответ.

Зачем это нужно, да и нужно ли вообще? Отношение к прошлому, традициям предков разделило человечество на два лагеря. Одни убеждены, что традиции были узами, сковывавшими свободу человеческой индивидуальности, и избавление от них является главным завоеванием современного мира. Но очень многие в этом мире испытывают глубокую, порой загадочную для них самих потребность в традиции, а те, кто ее не утратил, почему-то упорно не соглашаются расстаться с ней. Противостояние этих взглядов уже перерастает в открытую войну в самом прямом и страшном смысле этого слова. Одна из сторон направляет на врага самонаводящиеся ракеты, другая – ведомые смертниками аэролайнеры и автомобили, начиненные взрывчаткой.

В такой ситуации важно хотя бы представлять себе, что же мы утратили и как это происходило. Может быть, это поможет понять, почему те, кто пока сохранил свои традиции, не только не хотят расстаться с ними, но ради них готовы жертвовать жизнями – своими и нашими. Почему они безумно отвергают то приобретение, которое для нас так важно, – представление о безусловной ценности человеческой жизни? И что у них есть взамен такого, что представляется им не просто равноценным, а более ценным?

Мир, прошедший через горнило модернизации, не впервые задается этими вопросами. Можно напомнить, какой широкий резонанс вызвал в советском обществе 1980-х гг. выведенный в романе Чингиза Айтматова «И дольше века длится день» образ *манкурта* – человека, которого жестокими пытками лишили памяти о собственном прошлом и превратили таким образом в послушное орудие чужой воли. Этот образ не случайно родился в сознании писателя тюркского происхождения. Для тюркских народов издревле характерно еще более выраженное, чем у европейцев, стремление осознавать место индивида в шеренге ушедших и будущих поколений. Неграмотный пастух-кочевник мог без труда припомнить 10–15 поколений своих предков, а родовые названия и эмблемы сохранились в культуре осколков древних родов, которые ныне рассеяны на тысячи километров друг от друга и входят в состав разных народов, но когда-то, более полутора тысячелетий назад, составлявших единое целое¹. Но не случайно и то, что образ манкурта стал знаковым именно в славянской духовной культуре – он явно попал в болевую точку.

В странах, где господствовала коммунистическая идеология, духовная связь с собственным прошлым не признавалась необходимым элементом культуры. От человека требовалось лишь знание одной на всех обезличенной истории, главным смыслом которой считалась многовековая борьба угнетенных за построение справедливого общества. Будущее, в котором эта цель обязательно будет достигнута, предполагалось неизмеримо более значимым, чем прошлое. Жизнь доказала иллюзорность этой цели, и перед людьми вновь встал вопрос о смысле собственного существования. Вполне естественными в такой ситуации стали попытки обратиться к опыту предков, чтобы понять, как они отвечали для себя на этот извечный вопрос. Но сразу же выяснилось, что мы успели забыть почти все: мало кто из самых образованных представителей бывшего советского общества был в состоянии назвать хотя бы отчество собственного прадеда, не говоря уже о том, чтобы вообразить себе его духовный мир и повседневное содержание его жизни. Те, кто осознал желательность и даже необходимость такого знания, обычно совершенно не представляли себе, где его можно получить. Живая память предков умерла вместе с ними, от их мира остались разве что случайные осколки фольклора – записи сказок, которые они наверняка слушали, песен и поговорок,

¹ Сагалаев А. М., Октябрьская И. В. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал. – Новосибирск, 1990. С. 11, 28–39.

звучавших в их устах. В музеях можно увидеть предметы – такие или почти такие, как те, что окружали их каждый день и даже были изготовлены их руками. Но, вырванные из контекста, они до обидного мало способны нам рассказать.

Когда жители постсоветского пространства получили возможность беспрепятственно читать все, что за прошедшие десятилетия было написано классиками мировой исторической науки и философии истории, неожиданно выяснилось, что в попытках вновь обрести историческую память можно очень по-разному представлять себе конечную цель. Другими словами, что же это значит – *знать свое прошлое*?

Для представителя традиционной «незападной» культуры (скажем, того же тюркского скотовода) это знание сводилось к генеалогии своего рода, набору родовых преданий, во многом носящих мифический характер, а также ритуалов и правил этикета, освященных авторитетом предков. Хронологическая последовательность прошлых событий не представляла для него особого интереса, поскольку само время ощущалось как вечное повторение естественных циклов – природных, хозяйственных, обрядовых. В противоположность этому в европейской цивилизации возобладал принцип «осевого времени» (по определению К. Ясперса). Каждое мгновение воспринимается как уникальное. Забыть его – значит утратить навсегда. А поскольку запомнить все невозможно, актуальной оказалась проблема *отбора* тех событий, которые достойны сохранения в коллективной памяти общества. Любой отбор всегда субъективен. Осознание этого порождало страх ошибиться, заполнить «ячейку памяти» менее достойным событием или историческим деятелем, потеряв при этом более достойное.

Долгое время в западной культуре доминировал «событийный» взгляд на историю, сложившийся еще во времена средневековых хронистов. Исторический процесс представлялся как серия всплесков, «исторических событий» общественной значимости, разрывавших тину повседневности. Эта повседневность сама по себе никакого интереса не представляла, помнить о ней – означало отягощать память ненужным балластом. Отсеять его стремились уже создатели хроник и летописей, а затем – интерпретирующие их историки. «Знание истории» в такой атмосфере сводилось к перечню правителей, их деяний, войн и мятежей, т. е. тому, что ныне обозначается термином «политическая история»².

Марксизм, как мы помним, предложил весьма радикальный взгляд на ценность исторической информации. Он трактовал политическую историю со всеми ее сменами династий, войнами, ростом и падением империй как своего рода «рябь на воде», лишь мешающую разглядеть истинный, глубинный смысл исторических процессов. Смысл этот сводится, согласно марксистской концепции, к непрерывному развитию способов и средств извлечения из природной среды необходимых людям благ (*производительных сил* общества) и способов распределения этих благ между ними (*социальных отношений*). Следовательно, историческую ценность представляют только те факты, которые позволяют определить, как производились и распределялись в том или ином обществе потребительские блага. Что касается политической истории, то интерес должны представлять лишь проявления борьбы разных общественных групп (*классов*) за передел общественных благ. Все же прочие, внешне даже самые яркие события являются несущественными.

В те годы, когда социально-экономическая проблематика становилась господствующей темой в советской (а во многом и в западной) историографии, британский историк Арнолд Джозеф Тойнби предложил альтернативный критерий отбора, который он сформулировал и обосновал в вышедших на протяжении 1934–1961 гг. томах труда «Постижение истории»³. Суть исторического процесса, по его мнению, можно свести к серии *вызовов*, порождаемых окружающей средой или несовершенством внутреннего устройства общества, и тех *ответов*, которые общество дает на эти вызовы. Успешный ответ позволяет развиваться дальше и встречать новые вызовы, длительная неспособность найти такой ответ ведет к надлому и упадку общества, а то и к его гибели. При этом существует некий идейный стержень, своего рода коллективный дух, который позволяет большим общностям людей действовать в ответах на вызовы как единое целое. Такие общности, охватывающие группу стран и народов, А. Дж. Тойнби именовал *цивилизациями*, что позволило обозначить его подход как *цивилизационный*. Но основное отличие от *классового* подхода, свойственного марксизму, заключается в ином понимании конечной цели развивающегося общества и человечества в целом. Эта цель лежит не в материальной, а в духовной плоскости. Не совершенствование производительных сил и социальных отношений, а рост духовных достижений – от примитивных верований к философии, науке и мировым религиям, а в конечном счете – ко вселенской церкви. Именно она, обеспечивая страстно желаемое всеми нами единение человека с Богом, составляет, по мнению Тойнби, подлинную цель исторического пути человечества.

² Понятие *история* употребляется в двух основных смыслах: как последовательность прошлых событий и как наука, изучающая эту последовательность. В этой книге я, по возможности, буду употреблять термин в первом значении. В отношении науки, т. е. совокупности текстов, написанных по поводу прошлого, будет использоваться термин *историография*.

³ *Toynbee A. J. A Study of History*. Последнее русскоязычное издание (сокращенное): *Тойнби А. Дж. Постижение истории: Избранное*. – М., 2002.

Чуть позже во Франции знаменитая школа «Анналов» предложила свой подход, быстро завоевавший признание в западноевропейской историографии⁴. В отличие от вышеописанных этот подход был лишен телеологической составляющей. Смысл истории – не в конечной цели, к которой она движется, ибо наличие такой цели научными методами недоказуемо. Живая ткань исторического процесса представляет самодостаточную ценность. Основоположники школы «Анналов» поставили под сомнение саму идею отбора исторических событий. Произвольно придавая им большую или меньшую значимость, мы лишаем себя возможности увидеть другие грани прошлого, которые при ином ракурсе могут представлять ничуть не меньший интерес. Таким ракурсом может быть, в частности, взгляд глазами самих участников исторического процесса: что представлялось значимым им самим? Видный идеолог этого направления Фернан Бродель видел своей целью не вычленение главных движущих факторов, а воссоздание *тотальной истории* – тех аспектов деятельности людей, которые обуславливали их каждодневное существование, и тех мотивов, которые стояли за привычными поступками. Особое внимание он уделял при этом условиям, заданным человеку окружающей средой или культурой и заставляющим его проживать свою жизнь определенным образом, – *структурам повседневности* в его терминологии⁵.

Такой подход приблизил историю к масштабу человеческой личности, но одновременно обострил проблему обработки и осмысления огромных массивов информации. Эта проблема не нова. Часть историков уже в XIX в. попыталась отказаться от отбора «важных» и «неважных» фактов, фиксируя всю информацию, сохраненную источниками. Для этого ее, естественно, пришлось группировать по направлениям. На этом принципе, незаметно сплавившемся с извечным инстинктом коллекционирования, сформировались «вспомогательные» научные дисциплины, в частности генеалогия. Для нее достойным внимания стал любой правитель и вообще исторический персонаж, упоминаемый в хрониках и документах. Родословные древа правящих династий обрастали все более детальной информацией: учитывались запутанные брачные связи, титулы, фиксировались отпрыски, умершие во младенчестве. От генеалогии королей и князей исследователи постепенно переходили к рыцарству, купечеству, непривилегированным сословиям. С увлечением предаваясь этому занятию, генеалоги довольно неуютно чувствовали себя, наталкиваясь на каверзный вопрос: а кому и зачем нужна *настолько* детальная информация? Попытка учесть все сохранившиеся факты о прошлом неизбежно привела к сужению поля зрения отдельного исследователя до крохотной области узкоспециальных знаний. На этой почве родилась и грустная шутка о том, что идеальный специалист – это тот, кто знает *все ни о чем*.

Современные историки испытывают те же трудности, да еще и осложненные распыленностью нужной информации. Принципы, провозглашенные школой «Анналов», акцентировали внимание на тех явлениях, которые казались хронистам настолько обыденными и очевидными, что они или упоминались вскользь, или не упоминались вовсе. «Тотальную» картину повседневности приходилось реконструировать буквально по крупицам. Произведенный школой «Анналов» переворот в оценках породил необходимость в детальной проработке отдельных тем и сюжетов, что вызвало среди историков повторную волну узкой специализации и появление целого ряда новых «вспомогательных» дисциплин, изучающих все более «узкие истории»: историю питания, детства, эмоций, преступности и т. п., вплоть до истории психических расстройств и сексуальных извращений. Все они сегодня рассматриваются, как правило, в рамках *социальной истории*⁶.

Распад потока исторических исследований на множество отдельных ручейков не может, конечно, удовлетворить ни общество, ни самих историков. Все так же актуальна необходимость нового синтеза, создания целостной картины, но на новом уровне, включающем всю сумму историографии «узких историй». Один из способов, которым общество пытается этого достичь, – своеобразная «энциклопедизация» знаний о прошлом. Исторические отделы книжных магазинов буквально ломаются от всевозможных энциклопедий, справочников, пособий и обобщающих трудов на все мыслимые исторические сюжеты. К сожалению, исторические сведения попадают на страницы этих изданий в «рафинированном» виде, предназначенном для максимально удобного усвоения. Факты, как правило, предельно четки и однозначны. Та зыбкость и неоднозначность реального знания, о которой не раз пойдет речь в этой книге, неизбежно трансформируется в конкретность и определенность. Разница между тем, что открывается историку в напряженном диалоге с первоисточником, и тем, что попадает в энциклопедии, учебники и популярные издания, примерно такая же, как между цветочным нектаром и геометрически правильными кристаллами сахара-рафинада. Вкус вроде бы столь же сладок, да чего-то не хватает. И возникает странный

⁴ Burke P. The French Historical Revolution: The “Annales” School, 1929—1989. – Cambridge, 1990; Гуревич А. Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». – М., 1993.

⁵ Бродель Ф. Структуры повседневности: возможное и невозможное. – М., 1986.

⁶ Ретина Л. П. Смена познавательных ориентаций и метаморфозы социальной истории // Социальная история. Ежегодник, 1997. – М., 1998. С. 11–52.

парадокс: книг на исторические темы становится все больше, а вот интерес к ним падает. Полистав поначалу одну-две глянцевые энциклопедии, люди быстро привыкают равнодушно проходить мимо их россыпей.

К этому добавляется то ощущение всеобщего скептицизма, которым пронизана атмосфера западной цивилизации и которое неизбежно докатилось до нас после падения «железного занавеса». Если универсальные законы человеческого развития, на овладение которыми претендовал марксизм, оказались иллюзией, то какой практический смысл можно почерпнуть из вереницы произошедших событий? Тот вечный животворный цикл, которым представлялось прошлое выразителям традиционных культур, превращается для цивилизованного скептика в *дурную бесконечность*, в духе знаменитого тезиса Шопенгауэра: *semper idem, sed aliter* (всегда одно и то же, но по-другому). Да и можно ли, сомневаются постмодернисты⁷, получить достоверную информацию о прошлом без непосредственного соприкосновения с ним, лишь на основании мертвых документов-посредников? Все равно, пропуская их через наше сознание, мы интерпретируем их с точки зрения сегодняшнего дня – чему-то придаем преувеличенное значение, чего-то в упор не замечаем. Мы не восстанавливаем реальное прошлое, а лишь создаем его грубый макет на потребу сегодняшнего дня, и этот макет не в силах пережить нас – новым поколениям все равно придется разрушать его и воздвигать взамен новые, отвечающие их заботам и проблемам. А если наше знание столь относительно и иллюзорно, то замена его предельно упрощенным глянцевым комиксом представляется вполне оправданной.

И вот уже проблема разорванной исторической памяти оборачивается неожиданной стороной. Стоит привести один абзац из книги культуролога Лидии Стародубцевой, который говорит сам за себя: *Это не значит, что вновь какой-нибудь Цинь Ши Хуанди или очередной фюрер издаст эдикт о сожжении всех исторических книг. Нет. Фигурально выражаясь, «книги останутся, и их будет слишком много, и именно поэтому их перестанут читать». В технократической, самоудовлетворенной, ориентированной на идеалы благополучия и материальной выгоды цивилизации нет «исторической жажды» самопознания: она не нуждается в прошлом, как, впрочем, и в будущем, она живет «в настоящем». Перспектива самозабвения – манкурства – утешительная и, вместе с тем, невероятно трагичная перспектива пост-истории⁸.*

Остается ли что-нибудь между этими смыкающимися крайностями, из которых на нас глядят одинаково безжизненные глаза манкурта? Почему-то мне кажется, что «историческая жажда» самопознания никуда не исчезла даже из душ тех скептиков, которые не готовы принять предложенную А. Дж. Тойнби одухотворенную цель истории. Эта жажда по-прежнему живет в глубинах наших душ, но материалистическая установка не позволяет ей найти путь наружу. И тогда мы ощущаем разочарование и скуку, даже не догадываясь об их причине. Может быть, поэтому такое двоякое чувство оставляет весь массив исторических знаний, собранный в многотомных трудах. С одной стороны, он слишком велик и явно избыточен – одному человеку его не охватить. Но, с другой стороны, нет уверенности, что в этом массиве таится то небольшое, что нужно каждому из нас по отдельности. Обилие обобщающей исторической информации предлагает нам *ничего обо всем*.

Очевидно, нам жизненно необходима не просто информация о прошлом, но нечто, позволяющее восстановить **личную** связь с ним. Язык современной науки мало приспособлен для этого. Он предполагает отстраненный, безличный подход к описываемым объектам. Без такой отстраненности наука не смогла бы сформироваться и принести те плоды, которыми мы все сегодня пользуемся. Но ограничения такого подхода уже начинают ощущаться. В свое время психолог Абрахам Маслоу привел аналогию с примитивными племенами, которые учитывали каждого индивида в своей системе родства. Если новоприбывшего не удавалось разместить в этой системе, *то они не знали другого способа решения проблемы, кроме как убийство гостя⁹*. По мнению А. Маслоу, нечто подобное происходит с личностным подходом при попытке его внедрения в мир науки. И все же человеческое общество неустанно ищет способы сочетать научную объективности с личным, субъективным восприятием.

Наверное, не случайна та трансформация, которую претерпела в последнее время генеалогия. Из вспомогательной дисциплины она превратилась в инструмент для создания *семейной истории* как способа соприкоснуться с миром предков – не абстрактных «предков вообще», а именно своих, конкретных предков. В последние годы архивы постсоветских государств переживают бум генеалогических запросов. Наши прадеды и прапрадеды, оказывается, оставили в архивных документах не так уж мало следов своего существования. Задача восстановить историю своего рода на глубину нескольких поколений

⁷ Термин *постмодернизм* применяется в самых разных, иногда противоречащих друг другу значениях. Здесь я применил его для обозначения того направления исторической науки (иногда именуемого также деконструктивизмом), которое разочаровалось в возможности получения «истинного знания» о прошлом позитивистскими методами, общепринятыми в социальных науках XIX–XX вв.

⁸ Стародубцева Л.В. Лики памяти. Культура эпохи «пост». – Харьков, 1999. С. 34.

⁹ Маслоу А. По направлению к психологии бытия. – М., 2002. С. 175.

оказывается вполне реальной, и многие с увлечением этим занимаются, находя тем самым какой-то выход для внутренней жажды самопознания. И все же генеалогия – это только имена людей и даты их жизни. Они сообщают нам о факте существования этих людей, но мало дают для проникновения в мир их мыслей и чувств, так же как знание имен, дат рождения и смерти исторических персонажей само по себе мало что давало для постижения ушедших эпох.

Еще одним способом подойти к этой же проблеме является *краеведение* – отрасль исторической науки, вычленившая из множества событий те, которые имеют отношение к определенной местности. При таком подходе теряется широкая историческая перспектива, зато появляется возможность вообразить ход истории таким, каким он представлялся жителям конкретной деревни или местечка. А в случаях, когда мы знаем, что жителями этой местности были наши прямые предки, это знание добавляет совершенно особенные оттенки в палитру наших чувств. К сожалению, такой подход обычно оставляет незамеченными те явления, о которых так много говорит «история повседневности» и которые редко попадают на страницы документов. Шанс на то, что в подборке документов по отдельному микрорегиону будут отражены хотя бы некоторые из таких тем, слишком невелик. Лишь сравнивая сведения по многим местностям, можно было бы уловить их. Краевед может даже не подозревать, что к изучаемому им уголку земли они также имели отношение.

С учетом всего вышеизложенного формировался мой подход к написанию этой книги. Она в известной степени необычна, *нетрадиционна* с точки зрения привычной исторической науки. Объектом рассмотрения является лишь одна небольшая популяция, зато исследуется она с дотошностью и скрупулезностью, далеко превосходящей обычный уровень детализации. В работе учтены практически все сохранившиеся письменные свидетельства, которые относятся к этой популяции. Но концентрация на микрообъекте имела более широкие цели. В конечном счете эта книга о вечных вопросах человеческого существования, и конкретные примеры – лишь примеры, не более.

Не последнюю роль при выборе объекта исследования сыграло то обстоятельство, что именно в этой местности на протяжении многих поколений жили мои предки по мужской линии. Первым толчком к написанию книги явились мои изыскания в области собственной генеалогии. Этот отчасти случайный выбор территории исследования счастливо совпал со сравнительно неплохой сохранностью источников. Таким образом, я не выбирал территорию, идеально обеспеченную документальными свидетельствами, а просто убедился, что родина моих предков в достаточной мере отвечает необходимым пожеланиям: данные сохранились за разные промежутки времени и в источниках разных типов, поддающихся взаимной проверке, что позволяет оценить степень их полноты и достоверности.

Генеалогия собственного рода послужила лишь первым толчком. Источники позволили проследить генеалогию всех индивидов, проживавших в этой местности в определенный период. Более того, сведены воедино все упоминания, касающиеся каждого из них, но и это не было самоцелью. Микроуровень исследования был избран лишь для того, чтобы добиться максимальной надежности и достоверности выводов, которые в конечном счете предназначены для экстраполяции на традиционное сельское общество в целом.

В предлагаемой читателю книге я попытался частично реализовать на практике свои представления о том, каким должно быть комплексное исследование на микроисторической основе. Усилия, затраченные на это, были огромны. Достаточно сказать, что работа над книгой велась (правда, с большими перерывами) более десяти лет. Честно говоря, я и сам затрудняюсь исчерпывающе объяснить, что было главным движущим мотивом на протяжении всех этих лет. Не последнюю роль сыграло извечное человеческое стремление «дойти до сути», нечто вроде длительной медитации на одной точке в ожидании, что она раскроет тайну бытия. Можно ли через прошлое лучше понять настоящее и предвидеть будущее? Вопрос этот – из категории вечных.

Эта работа долгое время проводилась по моей личной инициативе, но впоследствии появилась возможность опереться на финансовую поддержку ряда научных фондов. В 1997–1999 гг. я реализовал индивидуальный исследовательский проект «Белорусская сельская микропопуляция: демографические и социальные процессы», поддержанный грантом Research Support Scheme, в 2001–2002 гг. – проект «Модель жизненного цикла крестьянского хозяйства Беларуси во второй половине XVIII – первой половине XIX в.», поддержанный грантом American Council of Learned Societies. В 2001–2003 гг. я был также руководителем белорусской части коллективного белорусско-российского проекта «Сравнительный анализ структуры дворохозяйства на территории Российской империи (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.), поддержанного совместным грантом Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований и Российского гуманитарного научного фонда. Результаты, полученные в ходе работы над этими проектами, практически полностью вошли в эту книгу.

И еще хотелось бы выразить благодарность всем людям, с которыми я так или иначе соприкасался в работе над книгой: работникам Национального исторического архива Беларуси, Государственного архива Минской области, Центрального государственного архива Литвы, отделов рукописей Библиотеки Академии наук Литвы, Библиотеки Вильнюсского университета, отдела редкой книги Центральной библиотеки Национальной академии наук Беларуси, сотрудникам государственной архивной службы, органов МВД и КГБ, создававшим картотеку жертв политических репрессий и базу данных «Реабилитированные», членам Кембриджской группы по истории народонаселения и социальной структуры и Кевину Шуреру из Эссекского университета, с которыми я плодотворно сотрудничал во время поездки в Англию в 1997 г., работникам Гайненского сельсовета и простым жителям Кореньщины, делившимися со мной своими воспоминаниями. Многими страницами эта книга обязана уроженцу деревни Михалковичи Владимиру Полупанову, обеспечившему публикацию воспоминаний своего земляка Язепа Гладкого и предоставившему мне его книги, изданные в США. Компьютерные карты для этой книги выполнил мой сын Олег. Особую благодарность выражаю моей жене Инне, чья самоотверженная забота о нашем семейном очаге позволяла мне спокойно работать над книгой.

Минск, август 2003 г.

Часть первая
Введение в проблему

Цели, задачи и методы исследования

Первой целью исследования является реконструкция традиционного сельского общества как *целостной системы*, выявление его общих черт и тех особенностей, которые были свойственны именно белорусской деревне, а в предельно узком смысле — локальной и относительно замкнутой общине крестьян-католиков центральной Беларуси.

Понятием *традиционное* историки и этнографы определяют общество, в котором поведение его членов управляется образцами, унаследованными от предыдущих поколений. Жизненный путь человека, родившегося в таком обществе, в значительной степени предопределен уже в момент рождения, и количество степеней свободы в его поведении несоизмеримо меньше, чем в нашей сегодняшней жизни. Практически на каждый случай имелись правила или ритуалы, и в распоряжении человека всегда была готовая модель поведения (допускавшая небольшое число вариантов). Попытки регулярно уклоняться от следования такой модели неизбежно привели бы к отторжению индивида из такого общества, а возможно — и к его гибели. Впрочем, сеть традиции была такой плотной, что сама мысль о возможности альтернативного поведения возникала только в исключительных случаях. Значительная часть образцов существовала не в форме словесных инструкций, а в виде поведенческих стереотипов, которые усваивались бессознательно, путем подражания. Как правило, это происходило уже в детском возрасте, и предписанное традицией поведение казалось человеку единственно возможным.

Выявление общего и особенного с помощью данных, охватывающих гораздо более широкую территорию Беларуси и смежных регионов, в частности Западной Европы, позволяет выявить те формы поведения, которые не были единственно возможными в конкретной природно-исторической ситуации, т.е. были *культурно обусловлены*, и это составляет вторую цель данной работы. По мере возможности я пытался разобраться, какие из элементов культуры были наиболее адекватными ответами на вызовы внешнего мира, а какие — лишь одним из равноценных (а порой далеко не оптимальным) вариантом поведения, обусловленным инерцией прошлого.

Третьей целью является изучение *исторической динамики* исследуемой системы — от наиболее раннего состояния, фиксируемого письменными источниками (в данном случае речь идет о XIV—XV вв.), до окончательного распада, произошедшего на протяжении второй — третьей четвертей XX в.

Последняя цель — выявление тех черт традиционного сельского общества, которые были унаследованы и адаптированы современной, глубоко урбанизированной культурой Беларуси, в известной мере определяя ее своеобразие.

Основным методом исследования избран *системный подход*. Он предполагает анализ исследуемого объекта исходя из представлений о его *целостности* (объект несводим к сумме своих составляющих, все вместе они приобретают новое качество) и *структурированности* (возможности выделить в составе объекта относительно самостоятельные компоненты, или подсистемы, определенным образом увязанные и взаимодействующие друг с другом). Соответственно возможны два взаимодополняющих взгляда на системный объект: через структуру (каким образом упорядочены составляющие элементы, какую иерархию они образуют) и через функции (какую роль играет тот или иной элемент, в какой мере он ответственен за сохранение стабильности системы и ее изменения).

С точки зрения системного подхода культура традиционного общества в широком смысле охватывает совокупность стереотипно повторяемых его членами рациональных и ритуальных действий, а также стоящих за ними представлений, которую можно условно разделить на ряд систем (точнее — подсистем более общей системы).

1. **Биологическое и социальное воспроизводство.** Система действий и представлений, обеспечивающая появление новых членов общества и полноценную замену ими ныне живущих. В свою очередь состоит из нескольких подсистем.
 - 1.1. **Брачное поведение.** Действия и представления, ограничивающие сексуальную активность рамками законного брака, обеспечивающие выбор брачного партнера и сам процесс заключения брака.
 - 1.2. **Рождение.** Действия и представления, сопровождающие вынашивание ребенка, процесс родов и обращение с новорожденным.
 - 1.3. **Воспитание и обучение.** Действия, направленные на социализацию — введение индивида в общество и адаптацию в нем в качестве субъекта, занимающего предписанную ему социальную нишу и способного вести полноценную хозяйственную деятельность. Качества, признаваемые необходимыми и желательными для успеха в этом мире, а также порицаемые из прагматических соображений.
2. **Труд (производство).** Система, обеспечивающая получение из окружающей среды материальных ресурсов, необходимых для поддержания жизни, их обработку и хранение.

- 2.1. **Земледелие и животноводство.** Весь комплекс знаний и навыков, обеспечивающий годовой земледельческий цикл, уход за домашними животными, заготовку кормов, получение основных продуктов и их первичную переработку.
- 2.2. **Охота, рыболовство и промыслы.** Все, связанное с получением из дикой природы продуктов животного и растительного происхождения. Сюда же можно отнести заготовку дров для отопления жилища и лесоматериалов для строительства.
- 2.3. **Строительство и ремесла.** Вторичная переработка ресурсов, полученных с помощью двух предыдущих подсистем, направленная на создание построек, хозяйственного инвентаря и прочей бытовой утвари, посуды, мебели, одежды и пр.
- 2.4. **Временная трудовая миграция.** Наемный труд за пределами мест непосредственного проживания, включая сезонное отходничество в собственном регионе, выезд на заработки в города, отдаленные регионы и за границу (если это предполагает использование заработанных средств в основном хозяйстве).
3. **Владение средствами производства.** Характер собственности на землю, скот и другие ресурсы, являющиеся критическими факторами производства. Условия и правила владения ими для членов общества, не обладающих безусловной собственностью. Регламентация изменений, вызываемых демографическими событиями (наследование, раздел имущества, вено и посаг при браке). Возможность и условия произвольного отчуждения средств производства (купля-продажа, дарение).
4. **Распределение.** Способы перераспределения произведенных ресурсов между членами общества, а также между данным обществом и другими человеческими объединениями — как по горизонтали, так и по вертикали.
 - 4.1. **Потребление.** Внутрисемейное распределение, традиционный рацион, практика приема пищи и др.
 - 4.2. **Обмен.** Добровольное перемещение ресурсов и изделий между человеческими объединениями. Включает как рыночные отношения купли — продажи, так и обмен дарами, носящий дружеский или ритуальный характер.
 - 4.3. **Налоги и повинности.** Принудительное отчуждение части ресурсов в пользу правящей элиты и/или государства, неизбежное в условиях классового общества.
5. **Социальная организация.** Отношения главенства — подчинения, распределение прав и обязанностей между членами общества, обеспечивающее возможность их совместного проживания и коллективных действий.
 - 5.1. **Распределение половых ролей.** Характер отношений между мужчиной и женщиной в семье, круг их обязанностей, прежде всего не обусловленных физиологическими особенностями мужского и женского организма.
 - 5.2. **Организация семейного хозяйства.** Размер минимальной хозяйственной группы, принципы принятия решений в ней. Использование или неиспользование в семейном хозяйстве рабского труда и наемной рабочей силы.
 - 5.3. **Межсемейные связи.** Отношения кумовства, своячества и т.п., обеспечивающие особые отношения между самостоятельными семейно-хозяйственными группами.
 - 5.4. **Организация общины.** Способы объединения самостоятельных хозяйств, позволяющие им сообща регулировать свои взаимоотношения и выступать как единый правовой субъект в отношениях с другими обществами или ячейками своего общества. Принципы равенства или иерархии хозяйств внутри общины. Компетенция общины в разрешении конфликтных ситуаций и ее карательные функции.
 - 5.5. **Правовое взаимодействие с надобщинными структурами.** Судебные и карательные функции, принадлежащие надобщинным объединениям и/или государству. Требования и ограничения, диктуемые обществу со стороны правящей элиты, а также доступные обществу способы оказывать обратное воздействие на власть.
6. **Военное дело.** Способы, которыми общество обеспечивает свою безопасность в случае агрессии соседей (самостоятельно или посредством надобщинных объединений и государства), а также готовность и способность общества к собственной агрессии. Воздействие военных потребностей общества на локальные социальные структуры (семью и общину).
7. **Бытовая культура.** Действия и представления, регулирующие повседневную жизнь индивида в тех аспектах, которые не детерминированы жестко характером производственной деятельности и не связаны с отправлением религиозного культа.
 - 7.1. **Охрана здоровья.** Меры гигиены и табу, осознанно или неосознанно применяемые обществом для предотвращения болезней, а также лечебная (магическая) практика и связанные с ней ритуалы. Характер и факторы смертности.
 - 7.2. **Сексуальное поведение.** Все виды реализации сексуальной энергии, не направленные непосредственно на деторождение. Способы предотвращения беременности и родов, если таковые существуют.

- 7.3. **Организация досуга.** В широком смысле сюда относятся игры и прочие светские развлечения, практика общения, потребление наркотических и опьяняющих веществ (за исключением культовых целей) и пр.
- 7.4. **Прикладное искусство и устное творчество.** Традиции орнамента и дизайна изделий, не связанные с их функциональным назначением. Все виды фольклора, имеющие не ритуальный, а развлекательный характер.
8. **Информация и коммуникация.** Получение информации об отдаленных событиях и окружающем мире в целом, не имеющей прикладного значения, но отвечающей познавательным потребностям индивидов. Практика дальних путешествий и наличие технических возможностей, включая уровень совершенства транспортных средств. Распространение информации внутри общества и передача ее из поколения в поколение. Сюда же можно отнести наличие письменности и уровень грамотности среди членов общества.
9. **Духовная жизнь.** Осмысление членами общества своего места в мире и смысла своего существования.
- 9.1. **Высшая мифология и онтология.** Представления о причинах и факторах существования материального мира, о высших духовных сущностях (богах, демонах, духах природы). Характер взаимоотношений с ними и представления об их отношениях между собой. Выделение сакрального пространства и сакрального времени, поведение в нем.
- 9.2. **Смерть и загробный мир.** Отношение к идее существования души после смерти и представления о ее посмертной участи. Отношения с предками, включая культ святых и других обожествленных личностей, а также меры, принимаемые против угрозы со стороны умерших.
- 9.3. **Этический идеал.** Представления о роли человека в поддержании миропорядка и факторах, влияющих на посмертную участь. Модели поведения и поступки, которых следует избегать или придерживаться исходя не из прагматических, а из духовных соображений.

Эта схема основных составляющих традиционной культуры условна. Выделенные в ней подсистемы можно было бы сгруппировать по-иному, например в зависимости от того, в каких источниках они отражаются и объектом каких научных дисциплин обычно являются. Так, подсистемы 1.2, 1.3 и 5.2 считаются прерогативой исторической демографии, подсистемы 3, 4.3 и 5.5 — социально-политической истории и т.д. По устоявшейся классификации часть из них подпадает под категорию материальной, а часть — духовной культуры. И все же именно такой способ группировки представляется наиболее оптимальным. Основными критериями являются (согласно терминологии А. Дж. Тойнби) фундаментальные вызовы, предъявляемые человеку его внешним окружением и собственной природой (врожденными потребностями), а конкретные формы культуры представляют собой ответы, выработанные данным обществом.

Предложенный вариант классификации позволяет взглянуть на общество как на живую, цельную систему, а именно такой взгляд чаще всего утрачивается при исследовании в рамках устоявшихся направлений. К тому же эта схема позволяет осознать, какие стороны жизни общества нам известны лучше, какие — хуже, а о каких мы вообще знаем очень мало. Подходы, базирующиеся на характере определенных видов источников, в гораздо меньшей степени способствуют осознанию тех сторон жизни общества, которые в этих источниках не отражены. При изложении материала придерживаться указанной схемы удастся далеко не всегда, но важно постоянно держать ее в сознании. Это позволяет понимать, на каком участке общей картины сконцентрировано внимание в данный момент.

Анализ системы требует выражения некоторых ее характеристик в количественной форме, и это предполагает использование *квантитативного (количественного) метода* исследования. Его особенности и методологические основы нашли отражение в трудах Международной ассоциации “History and Computing” и ее региональной (для стран СНГ) ветви, членом которой автор является практически с момента ее образования — с 1993 г. Несмотря на то что количественный метод имеет существенные ограничения, он весьма эффективен при изучении некоторых аспектов жизни общества, прежде всего связанных с демографическим поведением, землепользованием и другими сторонами хозяйственной деятельности. Именно он позволяет проводить строгое сопоставление разных обществ между собой.

Критерием современного квантитативного подхода является изучение *всего комплекса фактов*, касающихся темы исследования, и построение выводов только на основе их анализа. Но фактов, даже относящихся к сравнительно узким проблемам, бывает очень много. Полный их учет возможен только путем статистической обработки, которая неизбежно порождает усредненные цифры. Они, к сожалению, дают слабое представление о тех индивидуальных отклонениях, из которых, собственно, и складывается реальная жизнь. Возникает дилемма: иллюстрации на уровне единичных фактов наглядны и понятны, но их «типичность» недоказуема. С другой стороны, статистический анализ позволяет строго обосновать выводы и подкрепить их расчетами, но лишен наглядности и «человеческого измерения».

Хотя бы частично снять эту дилемму позволяет *микроисторический подход*, также заложенный в основу данного исследования. Он предоставляет широкий набор единичных фактов (на уровне отдельных человеческих судеб), причем сравнительно небольшой объем объекта исследования дает возможность *статистически достоверно* определить место каждого такого факта в масштабах изучаемой выборки (микрорегиона). Насколько эти факты пригодны для иллюстрации общеисторических выводов, зависит от типичности явлений, наблюдаемых в микрорегионе, для общества в целом. Тем самым проблема сводится к оценке репрезентативности выборки в том или ином аспекте — задаче, вполне разрешимой не только для историка, но часто и для читателя. При этом сохраняется вся сила и наглядность «живых примеров», свойственная *иллюстративно-описательному методу*, который также используется в необходимых случаях, хотя играет вспомогательную роль.

Как уже отмечалось ранее в одной из моих публикаций, микроистория напоминает исследование отдельной клетки под микроскопом, предпринятое с целью лучшего понимания функционирования многоклеточного организма¹⁰. Клетка в таком случае рассматривается не как самостоятельная сущность, а как часть более широкой системы, и интерес в первую очередь представляют ее характеристики, имеющие общесистемное значение. Именно на эту сторону микроисторического подхода обращал внимание итальянский исследователь Карло Гинзбург, который традиционно считается его родоначальником. В 1966 г. он сформулировал идею отображения масштабных общественных явлений через их частные проявления¹¹. Наиболее ярко он продемонстрировал этот подход в своей книге «Сыр и черви», вышедшей десять лет спустя¹². Объектом его исследования стали материалы суда инквизиции над итальянским крестьянином Меноччио, обвиненным в ереси в середине XVI в. Детально проанализировав подробные протоколы его допросов и ходатайство о помиловании, К. Гинзбург не только реконструировал представления участников процесса о себе и окружающем мире, но через призму конкретных фактов попытался отразить такие общие процессы, как отмирание средневекового мировоззрения, начало противостояния церковных и светских ценностей, кардинальную трансформацию всей социальной системы.

Вскоре сторонники этого подхода появились в Германии, США, Франции. Их объединяет стремление воссоздать как можно более полную («тотальную» в понимании школы «Анналов») картину в масштабах микрообъекта — одного селения или группы селений, узкой социальной группы, а порой даже в масштабах одной семьи или индивидуальной биографии¹³.

Микроисторическому подходу свойственна также определенная ограниченность — она тем больше, чем более целостную картину мы стремимся получить. Далеко не все составляющие традиционной культуры можно исследовать с помощью источников, непосредственно относящихся к изучаемой выборке. В таких случаях бреши приходится заполнять с помощью данных, касающихся других аналогичных микропопуляций, если условия их жизни не слишком отличались от таковых в изучаемой выборке. Неизбежно встает вопрос о достоверности реконструкции и оправданности ее распространения в качестве «типичной» для того или иного общества. В 1973 г. Клиффорд Гирц в своей работе «Интерпретация культур» подверг идею выявления «типичных» объектов в инокультурной среде резкой критике с постмодернистских позиций¹⁴. По его мнению, каждый социальный объект уникален, а субъективный выбор одного из них в качестве эталона только мешает увидеть своеобразие остальных. При этом этнолог, как правило, трактует чужую культуру на основании собственных ценностей и стереотипов. Относительная объективность может быть достигнута лишь тогда, когда исследователь фиксирует любые черты изучаемого объекта с равной тщательностью, отбросив всякие представления о том, насколько они свойственны другим аналогичным объектам.

Позиция К. Гирца целиком оправдана на стадии сбора информации об изучаемом объекте. Впрочем, постмодернисты безусловно правы в том, что идеал беспристрастности заведомо недостижим, поскольку противоречит законам человеческого восприятия. Психологами установлено, что мозг воспринимает не всю поступающую извне информацию, а лишь ту, которая соответствует действующей в данный момент психологической установке (*гейтальту*). Другими словами, исследователь порой просто не в состоянии увидеть то, что идет вразрез с его системой ценностей. Это справедливо не только

¹⁰ *Nacevich B.* Мiкрагiсторыя: мiнулае ў чалавечым вымярэннi // Беларускi гiстарычны агляд. Т. 6. Сш. 1–2 (10–11). Снежань 1999. С. 133–151.

¹¹ *Ginzburg C.* I Benandati. Ricerche sulla stregoneria e sui culti agrari tra Cinquecento e Seicento. – Torino, 1966.

¹² *Ginzburg C.* Il formaggio e i vermi. Il cosmo di un mugnaio del '500. — Torino, 1976. Русский перевод см.: *Гинзбург К.* Сыр и червию. Картина мира одного мельника, жившего в XVI в. – М., 2000.

¹³ *Grendi E.* Micro-analisi e storia sociale // Quaderni Storici. 1977. V. 35. P. 506 – 520; *Schulze W.* Mikrohistorie versus Makrohistorie? Anmerkungen zu einem aktuellen Thema // *Meier C. und Rösen J.* (Hg.). Historische Methode. (Theorie der Geschichte. Beiträge zur Historik 5). – München, 1988. S. 319–341; *Levi G.* On Microhistory // *Burke P.* (ed.). New Perspectives on Historical Writing. – Oxford, 1991. P. 93–113; *Medick H.* (Hg.). Mikro-Historie. Neue Pfade in die Sozialgeschichte. – Frankfurt a.M., 1994; *Медик Х.* Микроистория // THESIS. 1994. Т. 2. Вып. 4. С. 193–202.

¹⁴ *Geertz C.* The Interpretation of Cultures. – N.Y., 1973.

в отношении чуждых культур, но и в отношении пройденных стадий эволюции собственной культуры, с которыми обычно имеет дело историк или этнограф.

Отмеченное выше является дополнительным аргументом в пользу применения наряду с микроисторическим **сравнительно-исторического подхода**. Сопоставление результатов, полученных исследователями разных культур, позволяет ощутить своеобразие собственной культуры, изначально воспринимавшееся как «само собой разумеющееся» ее качество. Поэтому во всех возможных случаях следует сравнить исследуемую популяцию с другими. Этот метод — один из наиболее распространенных, что избавляет автора от необходимости давать его развернутую характеристику. Отметим лишь наиболее принципиальные моменты. Сопоставлять можно, конечно, любые общества, но наибольший эффект достигается сравнением, с одной стороны, *синхронных* обществ, т. е. существующих в одно и то же время, но территориально удаленных друг от друга или находящихся в разных условиях, и, с другой стороны, *синстадиальных* обществ, т. е. существовавших в разное время, но в примерно одинаковых природных условиях и проходивших примерно одинаковую фазу общественного развития. В обоих случаях желательно, чтобы данные были сопоставимы, т. е. статистически подсчитаны и обработаны по сходной методике. Методически корректно сопоставлять данные на одном уровне (т. е. микроданные с микроданными, а агрегированные статистики — друг с другом). Но иногда приходится отступать от этого принципа, если для какого-то хронологического среза по одному из регионов имеются только обобщенные данные, а по другому — данные на микроуровне. Все же лучше использовать такие сопоставления, чем игнорировать их, хотя это и требует повышенной осторожности в выводах.

Но помимо чисто технической стороны чрезвычайно важно знать, на какие качества изучаемого объекта стоит обратить особое внимание, чтобы не утонуть в обилии цифр. Здесь уместна аналогия с медициной. Врач тоже имеет дело с очень сложной системой — человеческим организмом. В принципе существует множество количественных характеристик, которые можно получить при его обследовании. Но опытный диагност, как правило, знает, какие параметры имеют первостепенное значение. Это, например, температура тела, повышение которой выше определенного предела однозначно сигнализирует, что человек болен. При исследовании общества также чрезвычайно важно удачно определить **диагностические параметры**, которые можно сравнительно легко измерить и которые способны многое рассказать о состоянии этого общества.

Применяя вышеперечисленные методы и подходы для воссоздания микроистории на широком фоне, необходимо решить несколько взаимосвязанных задач:

- выбрать объект исследования и выявить источники, содержащие нужную информацию о нем;
- очертить границы исследуемой популяции, установить ее персональный состав и проследить его динамику во времени (включая миграцию вовне и приток новых членов), проследить жизненный путь составляющих ее индивидов, что позволяет получить нечто вроде *коллективной генеалогии* изучаемой группы;
- выбрать объекты, которые будут использоваться при сравнительном анализе;
- провести структурный и функциональный анализ основных подсистем, образующих структуру традиционного общества, и сопоставить их диагностические параметры с аналогичными показателями других обществ;
- учесть все факты «большой» истории, которые затрагивали данную популяцию, по возможности показать, как они преломлялись на ее судьбах.

Решению этих задач и посвящено все дальнейшее содержание этой книги.

Объект исследования

От старинного села Корень (примерно в 50 км севернее Минска), долгое время являвшегося центром местного католического прихода, происходит название этой местности — *Кореньщина*, впервые использованное в литературе одним из ее уроженцев, деятелем белорусского национального возрождения, этнографом и фольклористом Язепом Гладким (1890—1972), который с 1944 г. жил в эмиграции и писал под псевдонимом *Адам Варлыга*¹⁵. Наличие фольклорных материалов,

¹⁵ Палуцкая У. Дума пра Адама Варлыгу // Літаратура і мастацтва. 20 снежня 1991; Энциклапедыя гісторыі Беларусі: У 6 т. Т. 3. — Мн., 1996. С. 42.

собранных им в родных местах в начале XX в. и впоследствии частично опубликованных¹⁶, явилось существенным аргументом при выборе объекта.

Очертить границы изучаемой территории (рис. 1) в нашем случае оказалось относительно просто. Начиная с самых первых упоминаний в источниках Великого Княжества Литовского исследуемая территория представляла собой один владельческий комплекс — имение Корень (в польскоязычных и латинских источниках — *Korzen*, в дореволюционных российских документах — *Коржень*)¹⁷. Его центром первоначально было село Корень, упоминаемое впервые в 1395 г.¹⁸ Тогда же имение было выделено, вероятно, из состава *Айненской* (Гайненской) волости и пожаловано великим князем Витовтом учрежденному незадолго до того капитулу виленского кафедрального костела Св. Станислава.

Во второй половине XVI в. имение Корень входило в состав Менского повета одноименного воеводства и разделялось на две части (*престимония*), доход с которых шел на содержание членов капитула. В последней четверти XVI в. в Корене основан католический костел, приход которого охватывал все имение и ряд сопредельных территорий. Часть имения с застенком *Нарбутов* (Набутово) в 1605 г. выделена на содержание ксендза Кореньского костела. Кроме того, в XVII в. в составе имения упоминаются три отдельных престимония, распределенных среди каноников Виленского капитула: Великий и Малый Корене и Прудки. К двору Великий Корень относились, по крайней мере со второй половины XVII в., деревни Михалковичи и Чернево. Инвентари XVIII в. впервые освещают полный состав имения, в которое помимо села Корень входили 3 сравнительно крупных поселения — Михалковичи, Прудки и *Черехи* (Терехи), а также 4 более мелких и, вероятно, недавно возникших — Громница, *Жвирблевичи* (Жирблевичи), Лищицы и Чернево. Кроме того, периодически возникали и вновь исчезали мелкие поселения — *застенки*, насчитывавшие от 1 до 3 дворов. Из них застенки Нарбутово и Козыри в XIX в. превратились в постоянные деревни. Внешние границы имения практически не испытывали серьезных изменений.

После присоединения к Российской империи в 1793 г. территория Кореньщины вошла в Докшицкий, а с 1796 г. — Борисовский уезд Минской губернии. Село Корень и застенки Нарбутово остались во владении плебании Кореньского костела (в 1843 г. они присоединены к государственному имению Гайна). Остальную часть имения, конфискованную у Виленского капитула, императрица Екатерина II 18 августа 1795 г. пожаловала в собственность генерал-майору Ивану Николаевичу Неплюеву, первому правителю Минского наместничества (впоследствии минскому губернатору, тайному советнику и сенатору). При этом три бывших капитульных престимония объединились в одно имение, получившее название Красный Бор. После смерти Неплюева в 1823 г. имение перешло к его наследнице Марии, по мужу Енгальчевой, которая в 1826 г. продала его гвардии полковнику Казимиру Ивановичу Чудовскому. В 1846 г. имение унаследовал брат последнего Алексей.

После отмены крепостного права в 1861—1864 гг. на переданных крестьянам наделных землях образовались 3 сельских общества: Жирблевичское, Лищицкое и Прудковское. Бывшие подданные Кореньской плебании вошли в состав Гайненского сельского общества. Все 4 общества в 1867 г. включены в Гайно-Слободскую волость Борисовского уезда. Туда же вошла и оставшаяся часть имения Красный Бор, земли которого были частично распроданы в начале XX в. Часть из них купили в складчину крестьяне из соседнего Вилейского уезда, основавшие на купленных землях деревни Новое Чернево и Антоновка, и община русских староверов, образовавшая деревню Гани. На бывших помещичьих землях возникли также несколько новых застенков (хуторов).

Недалеко от этих мест, видимо, родились первые стихи одного из самых замечательных белорусских поэтов XX в. — Янки Купалы. Отец поэта, безземельный шляхтич Доминик Луцевич, с 1895 г. арендовал землю в фольварке Селище в 20 км на юго-запад от Кореня, где и умер в 1902 г. Его похоронили возле Кореньского костела, после закрытия которого в 1920-е гг. могилу перенесли на парафиальное кладбище, где она находится и поныне. После смерти отца сам Я. Купала несколько месяцев продолжал отцовское хозяйство.

¹⁶ Варлыга А. Прыказкі Лагойшчыны. — Нью-Ёрк; Мюнхен, 1966; Варлыга А. Чатыры ўрачытасці. — Нью-Ёрк, 1970; Забабоны. Запісаў Адам Варлыга на Лагойшчыне. — Нью-Ёрк, 1972; Варлыга А. Дадатак да зборніка “Прыказкі Лагойшчыны”. — Нью-Ёрк, 1972; Варлыга А. Карэншчына // Літаратура і мастацтва. № 14–15. Красавік 1994. Собрание пословиц и поговорок А. Варлыги в значительном (примерно наполовину) сокращении было воспроизведено в издании: Аксамітаў А. Прыказкі і прымаўкі: Тлумачальны слоўнік беларускіх прыказак і прымавак з архіваў, кафедральных збораў, рэдкіх выданняў XIX і XX стст. — Мн., 2000.

¹⁷ Здесь и далее приходится иметь дело с разными вариантами написания названий и имен собственных. Иногда это не просто разночтения, из которых одно можно принять в качестве основного, «правильного» написания. Например, одна из деревень в исследуемой выборке в документах XVII – первой половины XIX в. упоминается исключительно в форме *Черехи* (в польском написании *Czereche*), а с конца XIX в. обычным становится написание *Терехи*. Обе они равно отличаются от современного белорусского написания *Церахі*. В таких случаях я придерживаюсь принципа: упоминать название или имя в форме, наиболее обычной для периода, к которому относится упоминание. Поэтому одна и та же деревня в разных разделах книги может выступать как Черехи и Терехи, в зависимости от контекста.

¹⁸ Kodeks dyplomatyczny katedry i diecezji Wileńskiej. — Kraków, 1948. N 25. S. 40–42; Vitoldiana. Codex privilegiorum Vitoldi magni ducis Lithuaniae 1386–1430 / Wyd. J. Ochmański. — Warszawa; Poznań, 1986. N 13. S. 18–19.

Рис. 1. Территория Кореньщины на военно-топографической карте Российской империи («двухверстке») издания 1916 г. Масштаб 1:84000

Советская власть на этой территории окончательно утвердилась летом 1920 г. В середине 1924 г. на всей территории Советской Белоруссии было введено новое административное устройство. Уезды ликвидировались, вместо них создавались районы, которые включались в состав административных единиц более высокого ранга — округов. Кореньщина вошла в Логойский район, относившийся к Минскому округу (с 1938 г. район вошел в Минскую область). Территория сельсоветов также подверглась изменению. Населенные пункты бывших Михалковичского и Черневского сельсоветов в основном вошли во вновь созданный Кореньский сельсовет, а селения Прудковского сельсовета — в Кузевичский. К нему же отнесли поселок Красный Бор из прежнего Михалковичского сельсовета, основанный на бывших помещичьих землях в результате землеустройства в 1923 или начале 1924 г.

Католический приход был ликвидирован, костел закрыт (он возобновлял работу лишь на короткий период немецкой оккупации в 1941—1943 гг.). В начале 1930-х гг. в результате массовой коллективизации почти в каждой деревне образовался отдельный колхоз. Все хутора в ходе коллективизации исчезли. Следующее (и последнее) крупное преобразование имело место в 1960 г., когда все деревни Кореньщины вошли в состав Гайненского сельсовета того же Логойского района, а большинство мелких колхозов — в огромный совхоз «Кореньский». Лишь три деревни на южной окраине — Антоновка, Жирблевичи и Красный Бор — оказались в составе соседнего совхоза «Гайна».

Таким образом, на протяжении длительного периода времени изучаемый микрорегион представлял собой одно, а с конца XVIII в. — два смежных имения. К тому же он располагался в границах одной парашии — Кореньского римско-католического прихода, составляя чуть более трети его территории. Во многом историческая общность сохранялась и в более поздние периоды. До настоящего времени все деревни, входящие в изучаемую выборку, являются частью одного административного образования — Гайненского сельсовета, а большинство из них (10 из 13) входят в состав бывшего совхоза, а ныне колхоза «Кореньский».

Эти обстоятельства не только предоставляют исследователю комплексы источников единого происхождения (метрические книги одного прихода, инвентари одного имения, похозяйские книги одного сельсовета), но и позволяют говорить о территории исследования как об устойчивом историческом единстве. Границы имения и прихода на протяжении многих поколений сформировали относительно замкнутую популяцию со свойственными ей в основном внутренними миграциями и брачными связями. На обитателей данной местности воздействовали практически идентичные природные, религиозные и социально-экономические факторы. Мой опыт изучения территориальной структуры Беларуси в разные исторические периоды¹⁹ позволяет утверждать, что подобная замкнутость микрорегионов была хотя и не универсальным, но достаточно типичным явлением.

Относительной обособленности Кореньщины способствовали и географические факторы. Поселения здесь расположены на холмистой моренной гряде, вытянутой в направлении с северо-запада на юго-восток и представляющей собой один из типичных ландшафтов Логойской возвышенности. Абсолютная высота гряды над уровнем моря составляет в основном от 220 до 250 метров, хотя вершины холмов, лежащих южнее дороги из Корень в Новое Чернево и к юго-востоку от Козырей, поднимаются выше 280 метров и принадлежат к числу наиболее высоких точек центральной Беларуси. Почвы на гряде в основном супесчаные, каменистые дерново-подзолистые, исходный тип растительности — смешанный лес.

С севера и юга гряде окаймляют плоские низины (около 200 метров над уровнем моря). В настоящее время они сильно изменены мелиорацией и частично распахананы, но в прошлом были непригодны для земледелия. На юге по низине протекали река Гайна (в самом верхнем течении) и ее левый приток Лавница, ныне представляющие собой мелиорационные каналы. Их заболоченная пойма, шириной от 1 до 2 километров, носившая название болото Чертеж, отделяла Кореньщину от параллельной гряды холмов — территории смежных поместий Эйнарловичи (Мурованный Двор) и Гайна. С этой южной гряды Кореньщина и сегодня смотрится очень живописно, особенно летом: темно-зеленые шапки леса на холмах, которые на фоне голубого неба на 30—40 метров возвышаются над ярко-зелеными пойменными лугами. Северную низину занимало обширное (около 7 км в поперечнике) болото Чистик, пересеченное речкой Громницей (Громычанкой), впадающей в реку Двиносу. Сейчас эта речка практически исчезла, превратившись в сеть мелиоративных каналов. Восточную, более сухую часть болота покрывал лес. Далее к северу начинались земли имения Плещеницы, сообщение с которым осуществлялось только в обход болота. Граница двух владений разделяла болото примерно пополам.

На востоке естественной границей имения была старая дорога, пересекавшая моренную грядку почти строго с юга на север и соединявшая местечки Логойск и Плещеницы. Дорога существовала уже в XI—XII вв., о чем свидетельствуют цепочки курганных могильников, сохранявшихся вдоль нее (у деревень Козыри и Слаговище) еще в начале XIX в. и позднее раскопанных владельцем имения Логойск — известным археологом-любителем графом К. Тышкевичем²⁰. Впервые эта дорога упоминается в разграничительных актах имения Корень в XVI в. Уже тогда она служила границей с соседним имением Логойск, к которому относились расположенные непосредственно за дорогой деревни Губа и Слаговище. Далее на восток тянулся на многие километры огромный лесной массив — Хатынская пуца (Графщина), также принадлежавшая к Логойскому имению графов Тышкевичей. Помимо границы владений здесь популяцию ограничивал и конфессиональный барьер — подданные имения Логойск были православными, а подданные имения Корень — католиками, что сдерживало браки между ними гораздо сильнее, чем природные преграды.

Лишь на западе исследуемая территория не имела выраженной естественной границы. Здесь решающим фактором при разграничении послужила владельческая принадлежность поселений, в результате чего в состав микрорегиона не включены

¹⁹ Процесс развития территориально-владельческой структуры XV—XVII вв. в разных регионах Беларуси прослежен автором в очерках, подготовленных им для книг серии «Память»: *Насевич В. Л.* У складзе Вялікага княства Літоўскага // *Памяць. Гісторыка-дакументальная хроніка Лунінецкага раёна.* — Мн., 1995. С. 29–45; *Он же.* Феадальныя маёнткі і іх уладальнікі // *Памяць ... Круглянскага раёна.* — Мн., 1996. С. 92–106, 117–119; *Он же.* З сёвай даўніны // *Памяць ... Горацкага раёна.* — Мн., 1996. С. 26–37; *Он же.* Дубровеншчына ў складзе Вялікага княства Літоўскага // *Памяць ... Дубровенскага раёна.* Кн. 1. — Мн., 1997. С. 50–67; *Он же.* У складзе Вялікага княства Літоўскага і Рэчы Паспалітай // *Памяць ... Кіраўскага раёна.* — Мн., 1997. С. 19–26; *Он же.* У складзе Вялікага княства Літоўскага // *Памяць ... Веткаўскага раёна.* Кн. 1. — Мн., 1997. С. 41–43; *Он же.* У складзе Вялікага княства Літоўскага; У складзе Рэчы Паспалітай // *Памяць ... Крупскага р-на.* — Мн., 1999. С. 40–64; *Он же.* Чэрвеньшчына ў X—XIII стст.; У складзе Вялікага княства Літоўскага і Рэчы Паспалітай; У складзе Расійскай імперыі // *Памяць ... Чэрвеньскага р-на.* — Мн., 2000. С. 30–32, 32–47, 53–54; *Он же.* У складзе Вялікага княства Літоўскага і Рэчы Паспалітай; У складзе Расійскай імперыі // *Памяць ... Смалявіцкага р-на і г. Жодзіна.* — Мн., 2000. С. 27–48, 58–59; *Он же.* У складзе Вялікага княства Літоўскага і Рэчы Паспалітай // *Памяць ... Бялыніцкага р-на.* — Мн., 2000. С. 41–59. *Он же.* Старонкі мінулага Лагойшчыны; У складзе Вялікага княства Літоўскага; У складзе Рэчы Паспалітай; У складзе Расійскай імперыі // *Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Лагойскага р-на.* Кн. 1. — Мн., 2003. С. 49–50, 51–68, 69–86, 113–139. См. также: *Насевич В. Л.* Лукомль і Лукомльская воласць // *Гістарычна-археалагічны зборнік. № 4.* — Мн., 1994. С. 161–186; *Он же.* Друцкае княства і князі Друцкія // *Друцк старажытны: Да 1000-годдзя ўзнікнення горада.* — Мн., 2000. С. 49–76.

²⁰ *Штыхов Г. В.* Археологическая карта Белоруссии. Вып. 2: Памятники железного века и эпохи феодализма. — Мн., 1971. С. 267, 293. № 267, 293.

деревни, непосредственно примыкающие к нему с запада, — Лозки, Великие и Малые Укроповичи. Все они также входили в состав Кореньского прихода, а позднее — в состав Гайно-Слободской волости, Кореньского (ныне — Гайненского) сельсовета и совхоза «Кореньский», но никогда не принадлежали к имению Корень (Красный Бор). Лозки и Великие Укроповичи в XVIII — первой половине XIX в. представляли собой россыпь застенков, где проживала измелъчавшая шляхта (частично — на собственных, частично — на арендуемых землях), а Малые Укроповичи и несколько дворов в Лозках населяли крепостные крестьяне, принадлежавшие наиболее зажиточным представителям этой же шляхты. Хотя мелкопоместная и безземельная шляхта сама по себе представляет очень интересный и почти неизученный объект исследования, для изучения ее истории требуется несколько другой круг документов и иная методика. Поэтому граница исследуемой выборки проведена в данном месте по исторической границе между имениями Корень, с одной стороны, Укроповичи, Лозки и далее к северу Сукневичи — с другой, насколько ее удалось реконструировать на основании разграничительных актов XIX в.

Очерченная таким образом территория простирается в самом протяженном месте на 10 км с юга на север и на 12,5 км с запада на восток. Расстояние от центра территории до ее окраин не превышает 6—7 км, но поскольку исторический центр — село Корень — смещено к самой западной границе, расстояние от него до наиболее удаленной деревни Козыри составляет 9 км по прямой, а до северо-восточной и юго-восточной окраин — около 10 км. Площадь территории 113,5 кв. км. При этом около 57% приходится на возвышенную моренную гряду, а около 43% — на примыкающие низины.

На протяжении XVIII—XX вв. на этой территории одновременно существовали от 8 до 26 поселений разных размеров, из них 8 деревень устойчиво сохранялись в течение всего указанного периода. В 1740 г. в 8 деревнях насчитывалось 83 двора и около 560 человек. К 1765 г. население выросло до примерно 850 человек, с конца XVIII до середины XIX в. эта цифра колебалась от 1000 до 1500 (150—180 дворов). К концу XIX в. численность населения достигла порядка 3000 человек (до 400 дворов), к 1930-м гг. — около 3300 человек (640 дворов). В результате потерь, вызванных Второй мировой войной, и миграции в города во второй половине XX в. население микрорегиона сильно сократилось и в 1990-е гг. составляло приблизительно 500—600 человек, что отражает общие для всей Беларуси процессы депопуляции деревни на фоне завершающего этапа урбанизации.

Степень репрезентативности или «типичности» данной территории в тех или иных аспектах будет оговариваться по ходу изложения. Наиболее общими характеристиками являются:

- водораздельное расположение при отсутствии крупных рек или озер (что позволяет исключить черты хозяйственного поведения, специфичные для прибрежных селений);
- удаленность от основных транспортных магистралей (с соответствующим исключением черт, формирующихся у поселений на торговых путях), но наличие развитой транспортной сети местного значения (микрорегион нельзя считать территориально изолированным);
- отсутствие особых промыслов, ремесел и иных занятий, придающих микрорегиону уникальность на региональном или общеполорусском уровне;
- достаточно характерная для среднестатистического населенного пункта Беларуси удаленность от крупного города (около 50 км) и локальных торгово-ремесленных центров (от 10 до 20 км);
- близкие к среднестатистическим для Беларуси показатели плодородия почв, климатических условий, а также плотности населения;
- католическое вероисповедание жителей, что в целом нехарактерно для Беларуси — в разные периоды истории доля католиков в ее населении не превышала 20%, примерно такой же она остается и в настоящее время;
- длительная (на протяжении 400 лет) принадлежность к владениям католической церкви, что также не слишком характерно для периода Великого Княжества Литовского — в это время церковные имения охватывали менее 10% территории и крестьянского населения Беларуси (зато после пожалования И. Неплюеву в 1794 г. и до отмены крепостного права большая часть Кореньщины относилась к наиболее массовой категории частновладельческих имений, охватывавшей порядка 80% крестьян);
- сохранение советской власти между 1921—1939 гг., что объединяет микрорегион с другими частями центральной и восточной Беларуси и резко отличает от западной.

Уровни сопоставления

Поскольку микроисторическое исследование ориентировано на выводы, характеризующие общество в целом, особую важность приобретает сопоставление данных, полученных на микроуровне, с более общими данными. Допускается наличие нескольких уровней такого сопоставления. Выявленная в процессе исследования особенность может быть уникальной для изучаемой микропопуляции, специфичной для определенного региона, общей для страны в целом или для еще более широкого ареала, в масштабах целого континента или цивилизации. В идеале исследование должно отразить все эти уровни сопоставления — естественно, с разной степенью детализации.

Целью нашей работы является изучение **белорусской** деревни. Следовательно, основным уровнем сопоставления должна стать территория Беларуси. Как правило, под ней будет пониматься территория современного белорусского государства в границах на момент обретения независимости в 1991 г. Количественные характеристики, полученные для исследуемой микропопуляции, по возможности будут сопоставляться с имеющейся статистикой в отношении всей этой территории. Но, поскольку в прошлом административные границы на территории Беларуси обычно не совпадали с современными, во многих случаях приходится иметь дело с другими территориальными единицами. Для периода Великого княжества Литовского ситуация, как ни странно, более проста, так как территория этого государства после Люблинской унии 1569 г. довольно точно совпадала с территориями современных Беларуси и Литвы. Следовательно, при работе с материалами этого времени достаточно лишь разграничивать сведения, относящиеся к «литовской» и «белорусской» частям (в современном понимании, поскольку для жителей этого государства оно было «литовским» в широком политическом смысле безотносительно к этнической составляющей). При этом, насколько это возможно, будут учитываться прежде всего данные, относящиеся к центральной части Беларуси (Менский повет в границах 1565 г. и непосредственно прилегающие территории смежных поватов).

Для периода Российской империи нередко приходится оперировать агрегированными сведениями в пределах губерний. Из них Минская и Могилевская губернии практически полностью находились на территории Беларуси, а Витебская, Гродненская и Виленская в разной пропорции охватывали и часть смежных территорий — Латвии, Литвы, Польши и России. Часто белорусские историки оперируют в таких случаях данными только тех уездов указанных губерний, которые целиком или преимущественно находились на белорусской территории. Это возможно, однако, лишь в тех случаях, когда имеется статистика на поезде уровне.

В ряде случаев для отражения «общебелорусских» черт (при всей условности этого понятия) достаточным представляется сопоставление на уровне Минской губернии, на территории которой находится объект нашего микроисследования. Эта губерния занимала примерно 40 % территории Беларуси, притом охватывала весь ее центр и значительную часть такого своеобразного региона, как Полесье. На материалах Минской губернии не находит отражения, пожалуй, только специфика ряда окраин — брестского Побужья, прилегающих к Литве областей Понеманья и особенно восточной Беларуси (бассейны Днепра и Двины), которая вкупе со Смоленщиной, Брянщиной и южной Псковщиной является широкой переходной зоной между белорусской и русской этническими территориями. Но в любом случае общие для Минской губернии черты значительно лучше соответствуют тем, которые можно определить как «общебелорусские». Часто при сопоставлении статистики по губерньскому уровню обнаруживается, что цифры по Минской губернии и всей совокупности белорусских уездов наиболее близки между собой, тогда как цифры по белорусской части Гродненской и Виленской губерний выглядят переходными в сторону более западных, а по Могилевской и белорусской части Витебской губернии — в сторону более восточных территорий. К тому же их своеобразие без труда выявляется при более высоком, региональном уровне сравнения.

Необходимость использования этого уровня объясняется тем, что по-настоящему понять суть традиционной белорусской деревни можно только при ее сопоставлении с другими территориями, где крестьянство существовало в несколько иных природных, историко-политических и культурных условиях. Но степень таких отличий не должна быть слишком высока. Поэтому в качестве ареала для широких сравнений выбрана **зона пашенного земледелия Европы** — область, которая включает в себя основную часть Англии, северо-восточную часть Франции (Парижский бассейн), Нидерланды, Германию и Австрию (за исключением альпийских областей), Данию, южные земледельческие районы Норвегии, Швеции и Финляндии, Польшу, Прибалтику, северную часть Украины (Галицию, Волынь и Киевщину), российское

Нечерноземье. С некоторыми оговорками в эту же зону включены территории Центральной Европы с чередованием горных и равнинных ландшафтов (Чехия, Словакия и Венгрия с Трансильванией).

Указанный ареал охватывает страны с сопоставимыми природно-климатическими и почвенными условиями. Правда, различия, выражаемые в общем ухудшении этих условий в направлениях с запада на восток и с юга на север, достаточно велики. Например, в зоне от Атлантики до Вислы и на Украине преобладают широколиственные леса на серых лесных почвах, а далее на восток и север — смешанные леса на менее плодородных дерново-подзолистых почвах. Продолжительность вегетационного периода также сильно различается. Но все же во всем ареале произрастает примерно одинаковый набор культурных растений, средние температуры как зимних, так и летних месяцев не слишком различаются, уровень осадков также сопоставим. К тому же на протяжении столетий не раз происходили климатические колебания, и в периоды ухудшений природные условия в западной части ареала были весьма близки к таковым для северо-востока в благоприятные периоды. Другими словами, жителям указанного ареала приходилось так или иначе находить ответы на сходные вызовы внешней среды. Существенно и то, что на большей части ареала (за исключением Англии и Франции) классовое общество и государство впервые возникли с небольшой разбежкой во времени (с VIII по XI в.) и в течение долгого периода развивались практически синхронно.

С другой стороны, ареал резко различается этническим и конфессиональным составом населения. Здесь проживают представители германской, западнославянской, финно-угорской, балтской и восточнославянской языковых групп, с языческих времен имевших существенные отличия в культуре. На эти древние отличия наложилось воздействие разных ветвей христианства — католицизма, протестантизма и православия. Очень разной была и роль инокультурных инфильтрантов, прежде всего еврейства. Тем интереснее оценить общее и особенное белорусской деревни на этом фоне.

В историографии со времен римских географов сложилась устойчивая традиция рассматривать очерченный регион с точки зрения дихотомии между его западной и восточной половинами, за которыми в эпоху Ренессанса закрепились восходящие к Тациту и Птолемею обозначения «Германия» и «Сарматия» (под последней понималась зона расселения славян и других негерманских народов²¹). Это противопоставление значительно углубилось в Новое время, когда произошло окончательное оформление столь уникального в мировом масштабе явления, как западноевропейская цивилизация (нередко именуемая попросту «европейской», изредка — «германо-романской»). Ее мыслители долго осознавали свою общность вопреки языковым, политическим и конфессиональным различиям и одновременно пытались определить «от противного», отмечая (а порой гиперболизируя) отличия от ближайших соседей. Не было ясности в том, где же проходит внешняя граница этой цивилизации. Вхождение в ее состав западной части нашего ареала сомнений ни у кого не вызывало, но по мере мысленного движения к востоку эти сомнения нарастали. Для жителей восточной части ареала ситуация была еще сложнее — им предстояло самим найти свое место по одну из сторон дихотомии «запад — восток» и при этом как-то согласовать его с мнением бесспорных «европейцев». Мнения эти далеко не всегда совпадали в прошлом, продолжают расходиться они и по сей день.

Для современных белорусов проблема отношения к западноевропейской цивилизации тоже вполне актуальна. Будучи белорусом, я не мог абстрагироваться от нее при проведении этого исследования. Поэтому сопоставления в масштабах широкого ареала будут делаться и с учетом этого обстоятельства.

Источники

Первое упоминание Кореньщины содержится в акте, написанном на латинском языке и датированном **2 февраля 1395 г.** В нем великий князь Витовт сообщал, что по поручению и с согласия короля Польши Владислава Ягайлы он жалует кафедральному костелу в Вильне и его капитулу (духовному совету) ряд новых владений, среди которых названы три села с людьми (*villas cum hominibus*) на территории современного Логойского района: Корень (*Corzen*), Ганевичи и Волча. Оригинал этого акта до наших дней не сохранился, он известен лишь по нескольким рукописным копиям, сохранившимся в актовых книгах Виленского капитула. На основании этих копий акт был опубликован в 1948 г.,²² а впоследствии переиздан в 1986 г.²³

²¹ *Chranowski T. Wędrówki po Sarmacji europejskiej. — Kraków, 1988; Пазднякоў В. Сарматизм // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: У 6 т. Т. 6. Кн. 1. — Мн., 2001. С. 230–231.*

²² *Kodeks dyplomatyczny katedry i diecezji Wileńskiej. — Kraków, 1948. N 25. S. 40–42.*

²³ *Vitoldiana. Codex privilegiorum Vitoldi magni ducis Lithuaniae 1386–1430. N 13. S. 18–19.*

Польские историки Е. Фиялэк и В. Семкович, первыми опубликовавшие документ, снабдили его комментарием, в котором высказали сомнение в подлинности акта. В частности, их насторожило то, что эти пожалования не упомянуты в акте Владислава Ягайлы, которым он после смерти Витовта в 1430 г. подтвердил Виленскому капитулу пожалования умершего. Кроме того, заверивший акт 1395 г. виленский наместник Монивид назван воеводой (*palatinus*), тогда как этот титул был официально введен в Великом Княжестве только в 1413 г. Эти сомнения позднее детально рассмотрел другой польский исследователь — Е. Охманьский, который признал их несостоятельными²⁴. Он показал, что великокняжеские наместники иногда титуловались воеводами и до официального введения этого титула. Отсутствие упоминания Кореня и других сел в подтвердительном акте 1430 г. также не доказывает поддельность акта 1395 г., так как в подтверждении отсутствуют и другие владения, несомненно пожалованные капитулу Витовтом. Наконец, при судебном разбирательстве, касающемся имения Ганевичи, в 1516 г. виленские каноники представляли в суд оригинал документа, из которого следовало, что данное имение было пожаловано им именно Витовтом (*иж великий князь Витовт тоє село Ганевичи им на церковь Божью дал з людми Ганевицкими и з данью и з ловы*)²⁵.

На протяжении всего XV в. Корень и пожалованные вместе с ним села среди владений Виленского капитула не упоминаются. Это можно объяснить тем, что почти весь архив капитула сгорел во время большого пожара в Вильне в 1529 г. Весьма вероятно, что тогда же погибли и документы с упоминаниями Кореня. В дальнейшем название имения неоднократно встречается в многотомном собрании документов, известном как «Акты Виленского капитула» (*Acta Venerabilis Capituli Vilensis*). В книги этого собрания вписывались все наиболее важные документы (на латинском и польском языках), относившиеся к деятельности капитула с XVI в. до 1797 г. Все 34 актовые книги сохранились до наших дней и ныне находятся в отделе рукописей Библиотеки Академии наук Литвы в г. Вильнюсе (бывшей Виленской публичной библиотеки) в фонде Виленского капитула²⁶.

В первом томе этого собрания имеется и копия акта великого князя Александра на латинском языке, датированного 1500 г., в котором подтверждается право капитула владеть различными имениями, включая *Korzen* (Корень), Ганевичи и Волчу²⁷. Хронологически это второе упоминание Кореня в дошедших до нас документах. Следующее упоминание, столь же отрывочное, датируется 4 октября 1518 г. В нем зафиксировано распределение капитульных имений среди каноников, которым надлежало получать с них доход. В частности, имение Корень (к тому моменту уже разделенное на две части) досталось каноникам Жуковскому и Вележинскому²⁸.

Среди записей XVI в. особый интерес представляет документ, содержащий сведения о новой системе повинностей, введенной в имении в 1576 г. в процессе так называемой *волочной померы*²⁹, а также материалы об основании Кореньского костела в 1575 г. и обеспечении его настоятеля в последующие годы. Помимо этих записей в архиве капитула в 1780-е гг. была составлена отдельная сводка данных о материальном обеспечении (*фундации*) костела, написанная на польском языке и озаглавленная «Ведомость о фундациях Кореньского костела, из актов виленского капитула изъятая»³⁰. Копии части этих документов (фундушевые записи за 1605 и 1787 гг.) были вписаны также в актовую книгу Минского гродского суда за 1791 г.³¹

Кроме упоминаний в актовых книгах, сохранилось немало отдельных документов XVI—XVIII вв., относящихся к этому владению. Большинство из них находится в том же фонде капитула, некоторые — в фонде Виленского епископства в Государственном историческом архиве Литвы. Самым ранним из таких документов является реестр раскладки внеочередного налога (*серебщизны*) с духовных имений Виленского епископства, составленный в 1553 г. на *руском* (старобелорусском в современной терминологии) языке. Этот документ дошел до нас в копии 1645 г.³² Он содержит только общие сведения о количестве *сох* — податных единиц, с которых исчислялся налог. Эта скупая информация позволяет тем не менее оценить примерную численность крестьянских хозяйств в середине XVI в.

²⁴ *Ochmański J. Najdawniejsze przywileje Jagielly i Witolda dla biskupstwa Wileńskiego 1387 — 1395 r. // Zeszyty naukowe Uniwersytetu im. A. Mickiewicza. — Historia. — Zeszyt 5. — 1961. S. 19–36.*

²⁵ Акты, относящиеся к истории Западной России (АЗР). Т. 1. — СПб., 1846. № 62. С. 59–60.

²⁶ Отдел рукописей Библиотеки АН Литвы (далее — ОРБАНЛ). Ф. 43. Ед. хр. 210–244.

²⁷ ОРБАНЛ. Ф. 43. Ед. хр. 210. Л. 11.

²⁸ ОРБАНЛ. Ф. 43. Ед. хр. 210. Л. 31.

²⁹ ОРБАНЛ. Ф. 43. Ед. хр. 213. Л. 202об.–204.

³⁰ ОРБАНЛ. Ф. 43. Ед. хр. 10749.

³¹ Национальный исторический архив Беларуси (далее — НИАБ). Ф. 1769. Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 431–434.

³² ОРБАНЛ. Ф. 43. Ед. хр. 435.

Во второй половине XVI в. Корень неоднократно упоминается также в судебных документах Великого Княжества Литовского (на старобелорусском языке) — актах так называемой *Литовской метрики*³³ и Минского гродского или земского суда (последние документы сохранились в виде более поздних копий). В них речь идет в основном о границах этого имения. Один из актов размежевания, описывающий восточную границу Кореньщины с соседними селами *Славогоща* (Слаговище), *Хатынь* и *Добринево* (Добренево) в **1566 г.**, дошел до нас даже в нескольких экземплярах. Одна из копий (переписанная со старобелорусского оригинала латинскими буквами) сохранилась в архиве Виленского епископства³⁴. Другая копия хранилась в архиве имения Логойск (в состав которого входили упомянутые села) и была представлена суду во время разбирательства о границах почти через три столетия — в 1848 г.³⁵

Кроме того, имеется несколько фальсификатов, составленных не позднее XVII в. на основе этого же документа, но описывающих границу между Коренем и Логойском несколько иначе (в более выгодном для владельцев Логойска варианте). Один из них упоминается в реестре документов, представленных в суд в 1848 г. Среди прочих документов тогда были явлены купчая владельца Логойска *Василя Тишкевича* на фольварк *Славогоща*, приобретенный им 11 сентября 1531 г. у Змитрия и Андрея Махистовинов (о ее подложности свидетельствует термин *фольварк* — крайне маловероятно, чтобы имение мелких шляхтичей называлось так уже в 1530-е гг.), а также копия акта ограничения этого же фольварка, составленного якобы 28 мая 1537 г. *айненским* (гайненским) наместником князем Богданом Соломерецким и впоследствии вписанного в актовую книгу Минского земского суда за 1777 г.³⁶ Данная актовая книга сохранилась, и в ней действительно имеется акт разграничения владений *Василя Тишкевича* и капитула, вписанный 22 сентября 1777 г. по просьбе настоятеля Логойского базилианского монастыря, но датирован он 28 февраля 1536 г. Содержание этого акта несколько иное: речь идет об отграничении князем Соломерецким имений *Хотынь*, *Губа*, *Славогоща* и *Добринево* (принадлежащих *Василю Тышкевичу* и его сыну Остафию) от капитульных имений *Корень* и *Ганевичи*³⁷. Начало документа близко к тексту подлинного разграничения 1566 г., но затем в нем описываются совсем другие земельные участки, якобы принадлежащие имениям *Хотынь* и *Губа*. Другая копия этого же фальсификата, также датированная 28 февраля 1536 г., сохранилась в одном из дел фонда Радзивиллов³⁸. Обе даты — и 1536, и 1537 г. — явно недостоверны, так как айненским наместником князь Б. В. Соломерецкий стал только в 1552 г. и оставался им до своей смерти в 1565 г.³⁹ В текстах обоих документов масса анахронизмов, начиная с того, что фамилия Тишкевичей приводится в полонизированной форме «Тышкевич» (это написание утвердилось только в конце XVI в.). Не соответствуют действительности должности Остафия Тышкевича (воевода подляшский, староста пинский и державца лидский), указанные в акте 1536 г. К тому же в качестве свидетелей фигурируют лица, жившие и действовавшие не ранее 1550-х — 1560-х гг., и также с неверным указанием должностей.

Имеется еще одна версия фальсификата. Согласно ей, разграничительный акт был составлен в 1598 г., а в 1608 г. представлен для внесения в актовую книгу Главного трибунала Великого Княжества Литовского. К сожалению, книга трибунала за этот год до нас не дошла, поэтому проверить существование фальсификата уже в начале XVII в. невозможно. Эта его версия сохранилась в копии, вписанной в 1794 г. в книгу Минского гродского суда. В ней вновь фигурирует айненский наместник Б. В. Соломерецкий, проводивший разграничение между Коренем и Славогощем (теперь уже в 1598 г.!), с перечислением тех же микропонимов — реки *Лавницы*, плещеницкой дороги, урочища *Омельник* и сеножатей у реки *Двиносы* и т. д.⁴⁰

Фальшивые разграничения представляют определенный интерес, так как были сфабрикованы достаточно рано — возможно, в конце XVI — начале XVII в., когда еще сохранялись смутные воспоминания о том, что князь Б. Соломерецкий был айненским наместником. Более поздняя датировка возможна при допущении, что создатель фальсификатов располагал не только текстом подлинного разграничения 1566 г. (князь Соломерецкий в нем не фигурирует), но и другими образцами реальных документов середины XVI в.

³³ НИАБ. Ф. КМФ-18. Ед. хр. 34. Л. 360; Ед. хр. 229. Л. 51–52 об.

³⁴ Государственный исторический архив Литвы (далее – ГИАЛ). Ф. 694. Оп. 1. Ед. хр. 4149.

³⁵ НИАБ. Ф. 147. Оп. 2. Ед. хр. 121. Л. 136.

³⁶ НИАБ. Ф. 147. Оп. 2. Ед. хр. 121. Л. 134 об.

³⁷ НИАБ. Ф. 1769. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 84–86 об.

³⁸ НИАБ. Ф. 694. Оп. 1. Ед. хр. 4151. Л. 21–24.

³⁹ Wolff J. *Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku.* – Warszawa, 1897. S. 499–500.

⁴⁰ НИАБ. Ф. 1727. Оп. 1. Ед. хр. 37. Л. 439–440.

В архиве Виленского епископства сохранилась еще одна выписка из актовой книги Минского гродского суда. Она содержит копию документа, датированного **27 марта 1593 г.**, — освидетельствования ущерб, причиненного имению Корень подданными соседнего имения *Ойнаровичи* (Айнаровичи)⁴¹. На сей раз нет оснований сомневаться в подлинности документа.

Интерес представляет также выписка из тарифа *подымного* за **1653 г.** Этот налог собирался с владельцев имений на основании присяги, которую они приносили о количестве крестьянских дворов (*дымов*) в своих владениях. Выписка содержит сведения о дымах во владениях Виленского епископства, включая и имение Корень⁴². В дальнейшем на протяжении конца XVII — начала XVIII в. это имение неоднократно упоминается в тарифах подымного и актовых книгах Виленского капитула, причем в некоторых из них по десятку и более раз. Среди записей начала XVII в. наибольший интерес представляют постановление, которым капитул установил доплату за счет доходов с имения Корень тем викариям и студентам, которые не покинули город Вильню во время эпидемии в 1603 г., и поручение от 11 мая 1611 г. канонику Станиславу Шидловскому начать судебный процесс с магнатом Янушем Кишкой, наемный полк которого по дороге на войну с Россией разграбил капитульные имения Корень, Ганевичи, Бакшты и Трусевичи⁴³. Другие известия в основном касаются закрепления кореньских престимониев за разными канониками.

Возможно, более подробные сведения содержались в трех не дошедших до нас документах, которые хранились в Кореньском костеле и упомянуты в его инвентарном описании от 5 февраля 1822 г.⁴⁴ Один из них — инвентарь костела, датированный 8 июня 1608 г., второй — *Устава платы и паницы для подданных Прудчанских, до Кореня належачих*, составленная 30 октября 1640 г., третий — инвентарь двора (престимония) Прудки по случаю передачи его от каноника Яна Паца канонику Адаму Коптю 27 августа 1643 г. Эти документы, как и все остальные, хранившиеся непосредственно в Кореньском костеле, впоследствии были утрачены.

Первый из сохранившихся *инвентарь* престимония Великий Корень (на польском языке, как и последующие) не датирован, но довольно надежно относится ко времени *около 1680 г.*⁴⁵ Он содержит первые упоминания имен обитателей Кореньщины — крестьян деревень Михалковичи и Чернево. Всего названо 6 имен. К сожалению, инвентари за конец XVII — начало XVIII в. не сохранились, хотя они, несомненно, существовали. Например, в акте, составленном по случаю передачи имения в трехлетнюю аренду в **1690 г.**,⁴⁶ упоминается не дошедший до нас инвентарь, содержавший перечисление всех подданных.

Сохранилась серия инвентарей более позднего времени в виде отдельных документов в фондах капитула. В **1740 г.** было составлено инвентарное описание костела в Корене⁴⁷. В нем перечислено (с указанием имен и фамилий) все население 7 деревень, которые являлись владениями капитула (70 дворов, 240 человек мужского пола и 204 — женского), а также принадлежащего костелу села Корень (13 хозяйств, 48 представителей мужского пола). Следующий по времени инвентарь Кореньского костела датируется **1742 г.** Он дошел до нас (единственный из инвентарей, хранившихся в самом костеле) благодаря тому, что оказался подшитым в судебное дело о границах имения Красный Бор, которое рассматривалось в середине XIX в.⁴⁸ Документ в отличие от предыдущего не содержит перечня прихожан из капитульных престимониев. Перечислены только подданные плебании. Близок по времени инвентарь престимония Прудки, не имеющий даты, но по ряду признаков датируемый *около 1744 г.*⁴⁹ В нем перечислены 23 владельца хозяйств в деревнях Прудки и Лищицы и указано количество их сыновей (всего 56 представителей мужского пола). В **1747 г.** составлен инвентарь престимония Великий Корень⁵⁰, включавшего 25 хозяйств в деревнях Михалковичи и Чернево. Количество сыновей в нем не указано.

Единственный инвентарь престимония Малый Корень датируется **1761 г.**⁵¹ В нем фигурируют 34 двора (131 человек мужского пола, включая сыновей) в деревнях Громница, Жирблевичи и Черехи. 1770-е гг. представлены серией из трех инвентарей престимония Прудки, датированных **1774, 1775 и 1778 гг.**⁵² Они содержат только имена дворохозяев, число которых в Прудках достигло 22, в Лищицах — 13. Кроме того, появились застенки Городец и Млын, имевшие по 1 двору.

⁴¹ ГИАЛ. Ф. 694. Оп. 1. Ед. хр. 4150.

⁴² ОРБАНЛ. Ф. 43. Ед. хр. 609.

⁴³ ОРБАНЛ. Ф. 43. Ед. хр. 216. Л. 31, 195. Упоминания этих документов см. также: *Przyalgowski W. Żywoty biskupów wileńskich.* — Petersburg, 1860. Т. 2. S. 49, 62.

⁴⁴ НИАБ. Ф. 1781. Оп. 27. Ед. хр. 377. Л. 34.

⁴⁵ ОРБАНЛ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 10750.

⁴⁶ ОРБАНЛ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 10740.

⁴⁷ ГИАЛ. Ф. 694. Оп. 1. Ед. хр. 4481.

⁴⁸ НИАБ. Ф. 147. Оп. 2. Ед. хр. 121. Л. 82, 89–90.

⁴⁹ ОРБАНЛ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 10771.

⁵⁰ ОРБАНЛ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 10758.

⁵¹ ОРБАНЛ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 10760.

⁵² ОРБАНЛ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 10761, 10762.

Инвентарное описание подданных Кореньской плембани за **1783 г.**⁵³ упоминает 9 дворов и 3 семьи *кутников* в Корене, 4 двора в Нарбутове, а также по 1 двору в Громнице, Черехах и Жирблевичах и семью кузнеца, проживавшего в Черневе (очевидно, без собственного двора и земельного надела). Всего в 16 дворах перечислены 111 лиц мужского и женского пола. Два близких по времени инвентаря относятся к престимонию Великий Корень. Один из них датирован **1781 г.**⁵⁴, второй — **1786 г.**⁵⁵ Эти инвентари, в которых перечислены все жители мужского и женского пола с указанием возраста детей, являются наиболее подробными. Инвентарь 1781 г. фиксирует население старых деревень Михалковичи и Чернево, а также вновь возникших — деревни Загорье (впоследствии слившейся с Михалковичами) и застенка Юрши. В них указаны 49 дворов, населенных 141 представителем мужского пола и не менее 109 — женского⁵⁶. Инвентарь 1786 г. содержит гораздо большие цифры, лишь отчасти объяснимые ростом населения. Количество дворов увеличилось до 56. Численность населения обоего пола составила 339 человек, не считая кутников, для которых состав семей не указан. Завершают список сохранившихся инвентарей XVIII в. два инвентаря престимония Прудки, датированных **1787** и **1789 гг.**⁵⁷, где поименно названы только главы хозяйств, но в инвентаре 1789 г. указано также количество членов семьи с разбивкой по возрастам. Число дворов в этом престимонии составляло в 1787 г. 39, а два года спустя — 40, причем в них насчитывалось 236 человек обоего пола.

Помимо инвентарей от 1730-х — 1740-х гг. до нас дошли несколько разрозненных документов, отражающих повседневную жизнь Кореньщины. В архиве капитула сохранилась целая серия документов по поводу выдачи одного беглого крестьянина, нашедшего приют в деревне Прудки, а затем его сыновей. Тяжба по поводу этой семьи тянулась на протяжении более 40 лет — с 1680-х по 1720-е или даже 1730-е гг. (завершающая дата не вполне точна)⁵⁸. Еще один документ касается спора о сенокосных угодьях, который возник между жителями деревень Прудки и Черехи. Этот конфликт разбирал 18 августа 1730 г. (возможно — 1736) от имени капитула каноник Тышкевич, а затем с резолюцией от **5 октября 1736 г.** его решение было вписано в актовую книгу капитула⁵⁹. **13 мая 1737 г.** капитулу пришлось вновь разбирать жалобу жителей Черехов и *Жирблян* (Жирблевич) из престимония Малый Корень на *войта* престимония Прудки и жителей одноименной деревни, захвативших 12 волок сенокосов в урочищах Селище и Лавница⁶⁰. Той же датой — **13 мая 1737 г.** — датировано решение капитула по поводу имущественной тяжбы жителей Прудков, которая проливает свет на некоторые стороны их жизни⁶¹. Другой документ, вписанный в актовую книгу капитула **11 мая 1744 г.**, содержит решение по поводу многочисленных жалоб, поступавших на *войта* Прудков Юрия Лиса и его сыновей⁶².

Стоит упомянуть еще датированную **12 сентября 1780 г.** жалобу плембана Кореньского костела Яна Бобровича на держателя престимония Михалковичи каноника Игнатия Климантовича по поводу конфликта между ними, связанного с доходами от аренды корчмы в застенке Копцы и приведшего к ее разгрому⁶³.

Одним из важнейших источников второй половины XVIII — первой половины XIX в. являются *метрические книги*. Регистрация рождений, браков и смертей в католических костелах Великого Княжества Литовского началось во второй половине XVII в. В частности, самая ранняя из сохранившихся метрических книг соседнего с Коренем Гайненского костела начата в 1684 г. В Корене к ведению метрических книг приступили, вероятно, несколько позднее. В описании костела за 1783 г. упоминаются книги за 1710 г. Эти сведения подтверждаются более поздними описаниями, составленными в середине и конце XIX в. Так, описание от 4 августа 1844 г.⁶⁴ отмечает наличие в костеле метрических книг о браках и смертях начиная с 1743 г., а о рождениях — с 1810 г. Очевидно, в последнюю дату (о рождениях) вкралась описка, и речь должна идти о 1710 г. Во всяком случае описание за 1899 г.⁶⁵ упоминает метрические книги о рождениях за 1710—1737 и 1736—1762 гг., о браках за 1710—1730 гг., о браках и смертях за 1729—1773 гг., а также книги за более поздний период.

К сожалению, наиболее ранние книги до нас не дошли. Оригиналы их, хранившиеся в костеле, погибли или после его закрытия в 1920-е гг., или при пожаре, уничтожившем здание костела во время Второй мировой войны. Самой ранней из

⁵³ НИАБ. Ф. 1781. Оп. 27. Ед. хр. 219. Л. 125–168.

⁵⁴ ГИАЛ. Ф. 694. Оп. 1. Ед. хр. 3397. Л. 50–53.

⁵⁵ ГИАЛ. Ф. 694. Оп. 1. Ед. хр. 3397. Л. 55–56об.; ОРБАНЛ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 10763, 10764.

⁵⁶ Концы строк, посвященных жителям Чернева, в этом инвентаре повреждены, поэтому утрачены имена нескольких дочерей (по крайней мере в трех дворах), которые всегда писались после имен сыновей — в конце строки.

⁵⁷ ОРБАНЛ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 10765, 10766.

⁵⁸ ОРБАНЛ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 10751–10755, 10757, 10772.

⁵⁹ ОРБАНЛ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 233. Л. 292–294.

⁶⁰ ОРБАНЛ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 233. Л. 352–354.

⁶¹ ОРБАНЛ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 10756.

⁶² ОРБАНЛ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 234. Л. 412–414.

⁶³ ОРБАНЛ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 10743.

⁶⁴ НИАБ. Ф. 131. Оп. 2. Ед. хр. 1. Л. 71–78.

⁶⁵ НИАБ. Ф. 1781. Оп. 26. Ед. хр. 1481. Л. 23–26.

сохранившихся является копия трех метрических книг Кореньского костела — о рождениях и смертях за 1762—1797 гг. и о браках за 1773—1797 гг. Указанные книги переписаны в 1798 г. в одну общую книгу, которая попала в фонд созданного в том же году Минского католического епископства⁶⁶. Тексты книг — на латинском языке. Во всех трех оригинальных книгах утрачены некоторые листы, что видно по воспроизводимой в копии нумерации страниц оригинала. В книге о рождениях имеется одна небольшая лакуна — нет записи за февраль — май 1791 г. В книге о браках полностью отсутствуют записи за 1787 г., а также за август — декабрь 1796 г. Книга о смертях хотя и начинается с 1762 г., но до 1766 г. в ней имеются лишь единичные записи, и лишь с 1767 г. они становятся регулярными (без лагун).

Сохранилась также копия метрических книг Борисовского деканата за 1798—1799 гг., которая включает и записи о рождениях, браках и смертях Кореньского костела⁶⁷. Характер этих записей аналогичен предыдущим — они велись на латинском языке, с указанием тех же сведений. В дальнейшем такие сводные копии по деканату составлялись, видимо, ежегодно, но до нас они не дошли. Зато уцелели копии метрических книг Кореньского костела за 1800—1826 гг. в виде трех отдельных книг — о рождениях⁶⁸, браках⁶⁹ и смертях⁷⁰. Все они также написаны по-латыни. Книга записи о рождениях имеет лагуну с мая по декабрь 1801 г. включительно. Книга записей о браках также прерывается в 1801 г. (нет записей с марта по декабрь). Книга регистрации смертей явных пропусков не имеет. Следующая по времени метрическая книга Кореньского прихода объединяет записи о рождениях, браках и смертях за 1827—1848 гг.⁷¹ Она написана на польском языке. В записях о смертях полностью отсутствуют сведения за 1838 г.

После 1848 г. большинство метрических записей Кореньского костела утрачены. Это объясняется отчасти общим упадком католической церкви на Беларуси, вызванным активизацией русификаторской политики властей, отчасти конкретными преобразованиями в русле этой политики, в частности упразднением Минской епархии и передачей ее приходов сначала в состав Виленского епископства, а затем Могилевского архиепископства. Все это не лучшим образом сказалось на сохранности церковных архивов, в которые поступали ежегодные копии метрических книг. Уцелели лишь их случайные фрагменты. Так, в фонде Могилевского архиепископства сохранились копии метрик по Борисовскому деканату (включая и Кореньский приход) о рождениях⁷², браках⁷³ и смертях за 1850 г.⁷⁴, а в фонде самого Борисовского деканата — о браках за 1851 г.⁷⁵, о рождениях за 1858 г.⁷⁶ и о смертях за 1861 г.⁷⁷ Эти книги составлены уже на русском языке.

В записях о рождениях в XVIII в. практически всегда зарегистрирована дата крещения, но дата собственно рождения приблизительно в 40% случаев отсутствует. Еще примерно в 10% записей дата не проставлена, но указано, что ребенок родился вчера (*natum heri*) или, реже, сегодня (*natum hodie*). В тех случаях, когда имеются обе даты, интервал между рождением и крещением составляет обычно от 1 до 3 дней, хотя иногда достигает порядка 10, а в одном случае даже 17 дней. Среднее значение — примерно 2,4 дня. Кроме того, в книге фиксировались: имя новорожденного, его пол, место рождения (иногда оно пропущено), состояли ли родители в законном браке, имя и фамилия отца, имя матери (девичья фамилия матери отмечалась только в единичных случаях у дворян), имена и фамилии крестных отца и матери (*levantes*). Изредка отмечалось место жительства крестных, если оно не совпадало с местом рождения ребенка. Как правило, аббревиатурой *GD* (*Generosi Domini*) указывалась принадлежность родителей и крестных к дворянскому сословию, аббревиатурой *LL* или словом *Laboris* — принадлежность к крестьянам.

В последующих записях до середины 1807 г. приводятся даты рождений и крещений, затем — только даты крещений, за исключением 1814 г., в течение которого почти всегда фиксировались обе даты. Остальная информация аналогична более ранним книгам.

Записи о браке за XVIII в. содержат дату венчания, имя и фамилию жениха, был ли он юношей (*juvenem*) или вдовцом и аналогичные сведения о невесте, а также имена и фамилии двух свидетелей (*festibus*). Возраст молодоженов долгое время не фиксировался, как и имена их родителей. Место жительства обычно называлось одно независимо от того, происходили жених

⁶⁶ НИАБ. Ф. 937. Оп. 4. Ед. хр. 42.

⁶⁷ НИАБ. Ф. 1781. Оп. 27. Ед. хр. 199. Л. 191–223.

⁶⁸ НИАБ. Ф. 937. Оп. 4. Ед. хр. 43.

⁶⁹ НИАБ. Ф. 937. Оп. 4. Ед. хр. 44.

⁷⁰ НИАБ. Ф. 937. Оп. 4. Ед. хр. 45.

⁷¹ НИАБ. Ф. 937. Оп. 4. Ед. хр. 46.

⁷² НИАБ. Ф. 1781. Оп. 30. Ед. хр. 52. Л. 68–81.

⁷³ НИАБ. Ф. 1781. Оп. 30. Ед. хр. 53. Л. 38–42.

⁷⁴ НИАБ. Ф. 1781. Оп. 30. Ед. хр. 54. Л. 33–35.

⁷⁵ НИАБ. Ф. 131. Оп. 2. Ед. хр. 2. Л. 28–31.

⁷⁶ НИАБ. Ф. 131. Оп. 3. Ед. хр. 2. Л. 64–76об.

⁷⁷ НИАБ. Ф. 131. Оп. 3. Ед. хр. 1. Л. 27–32об.

и невеста из одной или разных деревень. Иногда оно соответствует месту жительства жениха, реже — невесты. Более чем в 85 случаях указывалось одно место жительства для жениха, невесты и свидетелей, что далеко не всегда соответствовало действительности. После 1800 г. записи фиксируют девичью фамилию невесты и, как правило, ее место жительства. Более информативными записи становятся с конца 1820-х гг. Как правило, в них отмечаются возраст, место жительства, имена и фамилии новобрачных, а также имена обоих родителей. Довольно часто указаны даже девичьи фамилии матерей жениха и невесты (хотя и не всегда точно). Столь подробная информация преобладает в записях за 1827 — начало 1828 и затем за 1836—1847 гг. В другие годы обычно отсутствуют девичьи фамилии и имена родителей (или обоих, или только матерей), а во второй половине 1828 и в 1830 — начале 1835 г. — также сведения о возрасте молодоженов.

Данные метрических книг о смертях за XVIII — начало XIX в. довольно скудны: имя, фамилия усопшего, его возраст (иногда он отсутствует), дата смерти (возможно, во многих случаях ее заменяет дата погребения, которая отдельно не регистрировалась), место погребения. Обычно умерших хоронили на парафиальном кладбище в Корене, так что информация о месте похорон стереотипна. Место жительства покойного называлось примерно в половине случаев. Причина смерти не фиксировалась, лишь в единичных случаях подчеркнута ее внезапность или случайность (*morte subitanea casuali*). Начиная с 1787 г. часто указывается имя отца умершего ребенка, а с 1792 г. — имена обоих родителей. Для пожилых людей иногда фиксировалось вдовство, но регулярного характера эти сведения не имели.

В записях о смертях 1820-х и последующих годов информация становится более полной. Как правило, в них присутствуют имена обоих родителей умерших детей, а в записях за 1828 — начало 1830, 1836—1838 гг. — девичья фамилия матери. В 1827—1831 гг. и затем с 1835 г. обычно называются имена оставшихся супругов и детей взрослого покойника. С 1827 г. указывается причина смерти. В отношении пожилых людей часто сообщается, что они умерли от старости. В случаях смертей от заболеваний обычно отмечались лишь внешние проявления болезни — горячка, лихорадка, кашель, понос и т. п. Впрочем, встречаются и конкретные названия болезней — скарлатина, круп, корь, воспаление легких и др., а также разные виды несчастных случаев.

После присоединения к Российской империи и вплоть до отмены крепостного права в 1861 г. наиболее ценным источником наряду с метрическими книгами являются *ревизские сказки*. Подушные переписи (*ревизии*) проводились в России с 1718 г. Перепись 1795 г. была уже пятой по счету в Российской империи и первой, охватившей всю территорию присоединенной Беларуси. Материалы ее в целом сохранились неплохо, но среди немногих утраченных книг оказалась именно та, в которой содержались сведения о помещичьих имениях Докшицкого уезда, включая Красный Бор. Уцелели лишь материалы переписи других имений генерала И. Неплюева — Ганевич, вошедших в 1795 г. в состав Борисовского уезда⁷⁸, и Ловцевич, включенных в Вилейский уезд⁷⁹. Они позволяют проследить перемещения подданных между имениями, осуществленные новым владельцем.

Общие итоги ревизии 1795 г. отражены в *Экономических примечаниях к Генеральному межеванию Минской губернии*, составленных в 1798—1800 гг. В них перечислены все имения и населенные пункты Минской губернии с указанием количества дворов и душ мужского и женского пола в каждом селении согласно недавней ревизии⁸⁰. Во владениях Неплюева и племении Кореньского костела зафиксированы 136 крестьянских дворов, в них 1089 человек (559 мужского пола и 534 — женского). Утраченные первичные материалы ревизии 1795 г. можно в значительной степени реконструировать, поскольку следующие по времени ревизские сказки имения Красный Бор⁸¹ и Кореньской племении⁸² за 1811 г. содержат имена всех лиц мужского пола, проживавших в нем в 1795 г., с отметками о том, кто из них умер, кто отдан в рекруты или переведен в другую деревню и т. п. В частности, эти сведения позволяют установить, что в деревню Копцы, основанную И. Неплюевым рядом с усадьбой Красный Бор, были переселены 44 мужчины и около 30 женщин из соседних деревень этого же имения, а также 35 мужчин и около 50 женщин (судя по количеству жителей этой деревни в *Экономических примечаниях*) из других имений.

Между ревизиями 1795 и 1811 гг. появились 2 инвентарных описания Кореньского костела и его племении (оба на польском языке), датированных соответственно 1804 и 1807 гг.⁸³ Как и более ранние инвентари, оба эти документа содержат поименные списки подданных племении, проживавших в селе Корень и застенке Нарбутово. В 1804 г. в них насчитывалось 7

⁷⁸ НИАБ. Ф. 333. Оп. 9. Ед. хр. 27. Л. 1039–1098.

⁷⁹ ГИАЛ. Ф. 515. Оп. 15. Ед. хр. 131. Л. 386–440.

⁸⁰ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1350. Оп. 312. Ед. хр. 89. Л. 582–582об.

⁸¹ НИАБ. Ф. 333. Оп. 9. Ед. хр. 204. Л. 563–591.

⁸² НИАБ. Ф. 333. Оп. 9. Ед. хр. 204. Л. 758–760.

⁸³ НИАБ. Ф. 1781. Оп. 27. Ед. хр. 276. Л. 25–34об.; Ед. хр. 309. Л. 33–43.

крестьянских дворов (59 душ обоего пола). Инвентарь 1807 г. свидетельствует, что число дворов увеличилось до 9, а количество подданных в обоих селениях составило 69.

Ревизия **1811 г.** фиксировала только лиц мужского пола. Во владениях Кореньской плембании таковых было 39 в 10 дворах, в имении Красный Бор — 607 в 177 дворах. С момента предыдущей ревизии возникли 4 новых мелких поселения (Гани, Гряда, Козыри и Селище), зато исчезли деревня Копцы и застенки Юрши. При ревизии в **1816 г.** и во всех последующих учитывалось население как мужского, так и женского пола. Согласно ревизской сказке имения Красный Бор⁸⁴, здесь в 159 дворах проживал 1041 человек (513 мужского и 528 — женского пола). Ревизская сказка Кореньской плембании⁸⁵ фиксирует в 9 дворах 66 человек (34 мужского и 32 — женского пола).

В очередном инвентарном описании Кореньского костела, составленном в **1822 г.**⁸⁶, зарегистрировано 8 крестьянских дворов в Корене и Нарбутове — всего 63 человека обоего пола. Помимо этого, документ содержит описание Кореньской парафии с перечнем всех населенных мест и указанием количества дворов и прихожан. Население Кореньщины, согласно этому описанию, составило 1121 человек в 155 дворах, или 45 % общего числа прихожан в парафии (2469 человек). Отметим, что в перечне отсутствует обитаемый в то время застенки Гряда, т.е. общая цифра заведомо несколько занижена. Вероятно, занижены сведения и по другим селениям.

В ревизской сказке имения Красный Бор за **1834 г.**⁸⁷ в составе имения указаны 141 двор и 1188 человек обоего пола, в ревизской сказке Кореньской плембании⁸⁸ — 11 дворов и 89 подданных.

Сохранился также недатированный инвентарь имения Красный Бор, составленный губернским инвентарным комитетом⁸⁹. В его заголовке владелец имения Казимир Чудовский назван покойным (умер 12 июня 1846 г.⁹⁰, а 21 августа того же года во владение имением вступил его брат Алексей⁹¹). Формально инвентарь следует датировать июнем — августом 1846 г., однако сопоставление указанного в нем возраста крестьян с данными метрических книг и ревизских сказок указывает на то, что при его составлении механически использованы сведения из какого-то хозяйственного инвентаря за 1841 г., хранившиеся в архиве имения. Всего в имении значилось 142 хозяйства, имевших полный надел, 3 семьи огородников, 6 семей халупщиков и 13 кутников. Числилось 628 душ мужского пола и 698 — женского (всего 1326 человек). В этом же инвентаре содержится много ценных сведений о хозяйственной жизни имения.

В ходе *люстрации* государственных имений летом **1850 г.** появились два дела, относящихся к люстрации казенного имения Гайна. В одном из них есть некоторые документы, касающиеся земельных владений Кореньского костела⁹², в другом — посемейный список крестьян, включающий 12 дворов в Корене и Нарбутове⁹³. Сопоставление этого списка с материалами очередной ревизии, проводившейся в имении Гайна 15 сентября того же года⁹⁴, а также с метрическими книгами показывает, что в списке в действительности отражен состав населения на более ранний период — примерно на 1848 г. В Корене и Нарбутове тогда проживали 86 человек (48 мужчин и 38 женщин). Еще 4 человека отнесены в разряд бобылей. Общая численность, по данным ревизии, составила 98 человек (50 душ мужского пола и 48 — женского). В ревизской сказке имения Красный Бор за **10 августа 1850 г.**⁹⁵ значатся 159 крестьянских дворов в 9 населенных пунктах Кореньщины (со времени предыдущей ревизии исчез застенки Селище), где проживало 1209 крестьян (603 — мужского пола и 606 — женского).

Завершают серию подворных списков, составленных до аграрной реформы 1861 г., материалы последней (десятой по общероссийскому счету) ревизии, проводившейся уже в преддверии реформы. Ревизская сказка имения Красный Бор датирована **15 декабря 1857 г.**⁹⁶, однако сопоставление ее с метрической книгой рождений за 1858 г. показывает, что в сказку были включены дети, родившиеся в январе — феврале 1858 г., т.е. она отражает население имения примерно на начало марта **1858 г.** В ней перечислены 17 душ дворовых людей и крестьяне 8 деревень (застенок Гряда к этому времени также прекратил существование). Всего в них насчитывалось 153 двора, в которых имелось в наличии 1203 души (557 — мужского пола и 646

⁸⁴ НИАБ. Ф. 333. Оп. 9. Ед. хр. 87. Л. 543–637.

⁸⁵ НИАБ. Ф. 333. Оп. 9. Ед. хр. 87. Л. 1460–1465.

⁸⁶ НИАБ. Ф. 1781. Оп. 27. Ед. хр. 377. Л. 28–41.

⁸⁷ НИАБ. Ф. 333. Оп. 9. Ед. хр. 544 Л. 782–832.

⁸⁸ НИАБ. Ф. 333. Оп. 9. Ед. хр. 1163. Л. 272–277.

⁸⁹ НИАБ. Ф. 142. Оп. 1 Ед. хр. 305.

⁹⁰ НИАБ. Ф. 146. Оп. 2. Ед. хр. 1778. Л. 6об.

⁹¹ НИАБ. Ф. 146. Оп. 2. Ед. хр. 1004.

⁹² НИАБ. Ф. 27. Оп. 1. Ед. хр. 67. Л. 16об.

⁹³ НИАБ. Ф. 27. Оп. 1. Ед. хр. 68. Л. 52 об.–53 об.

⁹⁴ НИАБ. Ф. 333. Оп. 9. Ед. хр. 408. Л. 687–695, 698об. Второй экземпляр: Ед. хр. 395. Л. 218–227, 253.

⁹⁵ НИАБ. Ф. 333. Оп. 9. Ед. хр. 419. Л. 295–459.

⁹⁶ НИАБ. Ф. 333. Оп. 9. Ед. хр. 1096. Л. 931–1057.

— женского). Ревизская сказка казенного имения Гайна составлялась в *январе 1858 г.*⁹⁷ В деревнях Корень и Нарбутово было в сумме 15 дворов, в них 105 душ (53 — мужского пола и 52 — женского).

Из других документов первой половины XIX в. стоит отметить опись убытков, которые понес Борисовский уезд во время российско-французской войны 1812 г. Среди прочего она включает сводные данные по владениям И. Неплюева (имениям Мурованый Двор, Красный Бор и Ганевичи)⁹⁸ и плербании Кореньского костела⁹⁹. Ценные подробности о жизни Кореньщины после перехода имения в руки Казимира Чудовского содержатся в деле об угнетении крестьян помещиками Минской губернии, которое находится в фонде губернского предводителя дворянства. В частности, там сохранилась выписка из инвентаря имения Красный Бор, составленного при его продаже *1 января 1826 г.*, в которой приводится перечень повинностей на тот момент. Далее следует переписка предводителя дворянства по поводу жалоб крестьян на новые повинности, установленные Чудовским, которая велась в *1827—1829 гг.*¹⁰⁰ К тому же времени относятся решение Борисовского уездного межевого суда по поводу тяжбы Казимира Чудовского о границе с имением Логойск от *4 мая 1829 г.*¹⁰¹ и появившееся вскоре подробное описание границ имения Красный Бор от *19 октября 1834 г.*¹⁰² В деле о переводе долгов покойного Казимира Чудовского на его брата Алексея, которое велось с сентября 1846 по февраль 1853 г., есть данные о структуре землепользования в имении Красный Бор: суммарная величина крестьянских наделов по каждой деревне (эти сведения датируются примерно *1851 г.*), а также статистическое описание имения от *4 ноября 1855 г.*¹⁰³, составленное по случаю отдачи его в залог.

События, связанные с отменой крепостного права, отражает дело, сохранившееся в фонде Минского губернского по крестьянским делам присутствия¹⁰⁴. Среди прочих документов в нем содержатся: *уставная грамота* имения Красный Бор от *8 марта 1862 г.*; именной список дворохозяев, получивших тогда наделы, и список батраков, не получивших наделов; протокол Борисовской уездной поверочной комиссии, пересмотревший условия освобождения крестьян в этом имении, датированный *27 августа 1864 г.*; окончательный выкупной акт на имение Красный Бор от *8 декабря 1865 г.* с перечислением всех дворохозяев. К этому же времени относятся несколько упоминаний о перераспределении земельных участков, принадлежавших государственным крестьянам имения Гайна — бывшим подданным Кореньской плербании¹⁰⁵.

Чуть позже появился рапорт борисовского декана минскому губернатору от *16 апреля 1876 г.*, посвященный состоянию дел в Кореньском приходе¹⁰⁶. Стоит отметить, что ряд ежегодных копий метрических книг этого костела за вторую половину XIX — начало XX в. сохранялся еще в 1943 г. в городском архиве ЗАГС г. Минска, о чем свидетельствует опись, составленная на белорусском языке во время немецкой оккупации и выявленная в Федеральном архиве Германии в г. Коблинце нынешним руководителем архивной службы Беларуси Владимиром Адамушко, который предоставил мне ее копию. В описи упомянуты метрические книги Кореньского костела за 1871, 1873—1878, 1880, 1889, 1891, 1895—1899, 1901, 1905, 1907, 1914 и 1916 гг. К большому сожалению, во время освобождения Минска советскими войсками в 1944 г. в здание городского архива попала бомба, в результате чего все его документы сгорели.

Другой утраченной категорией документов этого времени являются *посемейные списки*, которые велись с целью учета военнообязанных и хранились в волостном правлении. Первые такие списки составлялись по состоянию на 1 января 1874 г., причем в них упоминались все лица, зафиксированные в ревизии 1858 г., а для выбывших указывалась дата смерти или другая причина убытия. Затем в списки вносились ежегодные изменения — вписывались все вновь родившиеся лица мужского пола, делались отметки о призыве или признании негодности к военной службе. По мере заполнения книг, в которых велись списки, они возобновлялись в новой книге с указанием состава семей на тот момент (включая жен и дочерей), после чего вновь фиксировались изменения, касающиеся только лиц мужского пола. Судьба этих ценнейших источников также оказалась печальной. На момент революции 1917 г. они находились в волостных правлениях, и в дальнейшем о них некому было позаботиться. Поэтому подавляющее большинство этих документов (включая и списки по территории Кореньщины) оказались утраченными. Об их содержании позволяют судить лишь 3 выписки из посемейных списков за 1893 и 1904 гг., которые были в

⁹⁷ НИАБ. Ф. 333. Оп. 9. Ед. хр. 1090. Л. 831об.–838.

⁹⁸ НИАБ. Ф. 319. Оп. 1. Ед. хр. 50. Л. 1342об.–1343.

⁹⁹ НИАБ. Ф. 319. Оп. 1. Ед. хр. 50. Л. 1358об.–1359.

¹⁰⁰ НИАБ. Ф. 320. Оп. 1. Ед. хр. 74. Л. 5–18.

¹⁰¹ НИАБ. Ф. 299. Оп. 2. Ед. хр. 2786.

¹⁰² НИАБ. Ф. 147. Оп. 2. Ед. хр. 121. Л. 138 об.–140.

¹⁰³ НИАБ. Ф. 146. Оп. 2. Ед. хр. 1004. Л. 37–8, 46–7, 56–59об.

¹⁰⁴ НИАБ. Ф. 242. Оп. 2. Ед. хр. 392.

¹⁰⁵ НИАБ. Ф. 27. Оп. 5. Ед. хр. 735. Л. 94, 132, 146, 178, 207об.

¹⁰⁶ НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Ед. хр. 3092.

свое время приобщены к судебным делам трех уроженцев деревни Лищицы и одного — деревни Козыри¹⁰⁷. Любопытно, что некоторые документы Гайно-Слободского волостного комитета за начало 1920-х гг., сохранившиеся в Государственном архиве Минской области, написаны на оборотах дореволюционных документов волостного правления. Большинство фондов волостных правлений, видимо, попросту пошло на растопку и бумагу для самокруток.

Значительно лучше сохранились материалы о земельных конфликтах и уголовных преступлениях — главным образом те из них, которые становились предметом разбирательства на губернском уровне. Они отложились в фондах канцелярии минского губернатора, губернского правления, казенной палаты, губернского по крестьянским делам присутствия, земской управы, Минского окружного суда и некоторых других фондах, ныне хранящихся в Национальном историческом архиве Беларуси в Минске. Ввиду рассеянности этих материалов трудно рассчитывать на их стопроцентное выявление. Тем не менее объем документов, в которых упоминаются отдельные жители Кореньщины, впечатляет: их удалось обнаружить более сотни, в том числе в фонде губернского правления — 3 документа¹⁰⁸, в фондах судебных учреждений — 46¹⁰⁹, в фондах крестьянского присутствия — 28¹¹⁰, в фонде казенной палаты — 2¹¹¹. Кроме того, около 10 различных документов за 1880-е гг. включены в дело о выкупе земли крестьянами имения Красный Бор, а около 25 документов за период 1878—1914 гг. — в дело о разграничении крестьянских наделов с этим же имением¹¹². Среди них 7 приговоров сельских сходов и расписок в получении решений по указанным делам, в которых перечислены имена большинства дворохозяев Жирблевичского, Лищицкого и Прудчанского сельских обществ за период с 1881 по 1887 г.

В феврале 1897 г. состоялась первая перепись населения Российской империи, проведенная по международным стандартам. Ее первичные данные (опросные листы) были почти полностью уничтожены в 1920-е гг. для освобождения архивных площадей. Сохранились лишь данные на уровне населенных пунктов — о числе дворов, душ мужского и женского пола в каждом селении. Они хранятся в Российском государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге, но Институтом истории Национальной академии наук Беларуси были приобретены копии этих материалов (ныне они переданы в Национальный архив Беларуси). Среди населенных мест Гайно-Слободской волости в материалах переписи упоминается по состоянию на **9 февраля 1897 г.** 31 селение на территории Кореньщины¹¹³.

Ряд документов освещает дальнейшую судьбу имения Красный Бор, в конце XIX в. неоднократно переходившего из рук в руки. Особый интерес представляют документы о серии распродаж земель из состава имения, осуществленных в 1901—1903 гг. его владельцами. Эти документы образуют отдельное дело в фонде Минской казенной палаты¹¹⁴. Имеются также сведения о всех частных владельцах земель бывшего имения Красный Бор. Они представлены в **окладных листах денежного сбора**, которые сохранились за период с 1904 по 1912 г. Эти листы содержат имя владельца и сведения о размере участка с разбивкой по угодьям (усадебная земля, пашня, сенокосы, пастбища). Листы делились на несколько разрядов в зависимости от категорий лиц, облагаемых денежным сбором, и сгруппированы в книги: оклады с помещичьих имений и крупных владельцев (включая крестьянские товарищества, приобретавшие землю в складчину) за **1904—1907 гг.**¹¹⁵ и **1908—1912 гг.**¹¹⁶, а также с мелкопоместных владельцев за те же годы¹¹⁷ (в эту категорию входят и крестьяне, купившие индивидуальные участки). Отдельно велись окладные листы на надельные земли бывших помещичьих и государственных крестьян, в которых указаны лишь суммарные цифры по деревням¹¹⁸. Схожая информация содержится в списках землевладельцев Минской губернии, опубликованных в качестве приложения к «Минским губернским ведомостям» за **22 июня 1911 г.**¹¹⁹ В них перечислены все лица, владевшие индивидуальными участками в размере 20 и более десятин, причем члены крестьянских товариществ на сей раз упоминаются порознь. За последующие годы в фонде казенной палаты имеются три ведомости плательщиков

¹⁰⁷ НИАБ. Ф. 183. Оп. 2. Ед. хр. 9075, 10591, 12134, 13682, 35410.

¹⁰⁸ НИАБ. Ф. 299. Оп. 2. Ед. хр. 14208, 15205, 16532.

¹⁰⁹ НИАБ. Ф. 145. Оп. 2. Ед. хр. 868, 1214; Ф. 147. Оп. 3. Ед. хр. 11899, 12981, 14343, 14499, 15951, 16415, 16425, 18702, 20028, 22355, 22405, 24648, 28443–28446, 32716, 32761, 35328; Ф. 183. Оп. 2. Ед. хр. 63, 1321, 1340, 5291, 6165, 7117, 7118, 8121, 8122, 9075, 10591, 12127, 12134, 13682, 13695, 21229, 22524, 22557, 23500, 23501, 24559, 26186, 26360. Оп. 3. Ед. хр. 215, 7289.

¹¹⁰ НИАБ. Ф. 242. Оп. 1. Ед. хр. 232, 4504, 4505, 4512, 4515, 4516, 4518, 4528, 11393-7, 12385, 12386, 13797-9, 15677. Оп. 2. Ед. хр. 137, 138. Оп. 3. Ед. хр. 424; Ф. 1595. Оп. 1. Ед. хр. 1918, 4373, 5145. Оп. 2. Ед. хр. 4055. Оп. 8. Ед. хр. 7263, 7453, 7493.

¹¹¹ НИАБ. Ф. 333. Оп. 4. Ед. хр. 10367, 10841.

¹¹² НИАБ. Ф. 242. Оп. 2. Ед. хр. 392; Ф. 1595. Оп. 2. Ед. хр. 147.

¹¹³ РГИА. Ф. 1290. Оп. 11. Ед. хр. 1299. Л. 605-35, 761, 762.

¹¹⁴ НИАБ. Ф. 333. Оп. 4. Ед. хр. 10841.

¹¹⁵ НИАБ. Ф. 333. Оп. 2. Ед. хр. 1237. Л. 47об.–48.

¹¹⁶ НИАБ. Ф. 333. Оп. 2. Ед. хр. 1247. Л. 163об.–164, 187об., 189об.

¹¹⁷ НИАБ. Ф. 333. Оп. 2. Ед. хр. 1239. Л. 149об., 152об.–154об., 230об., 241об.–242, 243 об.–244; Ед. хр. 1246. Л. 22об., 24об., 26об., 27об., 30, 64об., 66об., 67об.

¹¹⁸ НИАБ. Ф. 333. Оп. 2. Ед. хр. 1238. Л. 38об.–40, 41об.–44; Ед. хр. 1240. Л. 27об.–29; Ед. хр. 1241. Л. 37об.–42; Ед. хр. 1242. Л. 26об.–27.

¹¹⁹ Библиотека НИАБ. № 16760.

поземельного налога по Борисовскому уезду: на 1913¹²⁰, 1914¹²¹ и 1916 гг.¹²² В этих документах, подобно окладным листам, зафиксированы сводные данные по землям сельских обществ и товариществ, индивидуальные — по участкам, купленным отдельными лицами после 1901 г.

Богатой информацией насыщены материалы **Всероссийской аграрной (сельскохозяйственной) переписи**. Она осуществлялась в два этапа — *летом 1916 и 1917 гг.* (второй этап проводился уже после Февральской революции Временным правительством). При этой переписи применялись несколько учетных форм, из них не все имеются по Гайно-Слободской волости. За 1916 г. сохранились материалы 2-процентного выборочного обследования крестьянских хозяйств (форма № 2), в которых содержатся описания 23 хозяйств на территории Кореньщины: по одному в Ганях, Идалине, Козырях и Новом Черневе, по 2 — в Громнице, Корене, Лишицах и Черневе, 3 — в Прудках, по 4 — в Михалковичах и Терехах¹²³. К сожалению, по всему Борисовскому уезду отсутствует такой ценный источник, как списки дворохозяев (форма № 6).

Форма № 3 переписи за 1917 г. содержит суммарные данные о площади земли сельских обществ и индивидуальных владельцев¹²⁴. Эти сведения аналогичны предшествующим данным из списков плательщиков поземельного налога. Результаты сплошного обследования хозяйств, имевших 50 и более десятин земли, отражает форма № 1 переписи 1917 г., причем в эту категорию попали два хозяйства Кореньщины — имение Красный Бор и хутор Остров крестьянина Франца Ивановича Окулича¹²⁵. Но особенно подробную информацию дают бланки состояния крестьянских хозяйств (форма № 2)¹²⁶. Хотя персональные данные по большинству хозяйств отсутствуют (за исключением вышеупомянутой выборки за 1916 г.), общая информация достаточно богата и разнообразна. Приводятся суммарные сводки по деревням и сельским обществам о числе хозяйств, количестве и структуре населения, домашнего скота, посевов и других сельхозугодий. К сожалению, материалы формы № 2 за 1917 г. не совсем полны — нет сведений по некоторым малодворным и однодворным поселениям, основанным на купчих землях (Затишье, Идалино, Равы и еще ряд хуторов), а по хуторам Лисовичи, Коренево, Осетище, Селище и Ставок данные приведены суммарно.

Примерно в это же время уроженец деревни Михалковичи Язеп Гладкий (Адам Варлыга) начал фиксировать исторические предания, живую устную память своих земляков. После Второй мировой войны он эмигрировал в США, где издал на белорусском языке ряд вышеупомянутых этнографических материалов. Воспоминания о родных местах и записи преданий Адама Варлыги остались неопубликованными и после его смерти перешли в распоряжение историка Витовта Кипеля, а недавно переданы в Библиотеку Конгресса США. Другой уроженец Михалкович, Владимир Полупанов, в 1994 г. опубликовал их фрагменты¹²⁷. Эти сведения крайне интересны, хотя на их подборе, вероятно, отразились политические убеждения самого Адама Варлыги — его явно привлекали в первую очередь факты и предания, имевшие антироссийскую окраску.

Самые ранние документы, отражающие жизнь Кореньщины в условиях советской власти, сохранились в фонде Борисовского уездного отдела социального обеспечения (сокращенно *собеса*). Это ведомости по Гайно-Слободской волости на выдачу пособия семьям солдат, находящихся в плену, пропавших без вести или потерявших трудоспособность во время Первой мировой войны. Они датируются *январем 1919 г.*¹²⁸ В них перечислены семьи 46 солдат — уроженцев Кореньщины, хотя этот список скорее всего далеко не полный. Сведения о мобилизации в Красную Армию в первой половине 1919 г. отражены в ведомостях на выдачу пособия семьям мобилизованных красноармейцев, в которых фигурируют 24 такие семьи¹²⁹. В списках мобилизованных в Красную Армию за август — сентябрь 1920 г. упомянуты еще 23 фамилии¹³⁰. Имеется также список дезертиров по Гайно-Слободской волости, бежавших от призыва в период с 22 августа по 2 сентября 1920 г. Среди них 7 жителей Козырей и 1 — Лишиц¹³¹. В этом же фонде хранится несколько дел о назначении пенсий отдельным жителям Кореньщины в начале 1920-х гг.

¹²⁰ НИАБ. Ф. 333. Оп. 1. Ед. хр. 3233. Л. 8об.-9, 44об.-48, 116, 242, 256, 260-262, 269-271.

¹²¹ НИАБ. Ф. 333. Оп. 1. Ед. хр. 3234. Л. 10, 46-49, 117; Ед. хр. 3235. Л. 129, 137, 139, 142-144, 152, 153.

¹²² НИАБ. Ф. 333. Оп. 1. Ед. хр. 3587-с. Л. 18об.-20, 67, 90, 95; Ед. хр. 3587-д. Л. 17-25, 38-43.

¹²³ НИАБ. Ф. 325. Оп. 2. Ед. хр. 129. Л. 12, 13, 15, 21, 22, 26, 31, 32, 35, 37, 44, 46, 48, 54, 55, 59, 87, 96, 97, 98, 103, 104, 109, 124.

¹²⁴ НИАБ. Ф. 325. Оп. 2. Ед. хр. 605. Л. 35, 39, 74, 75, 99-101, 116, 160, 161, 169-185, 197-200, 204, 205, 220-222

¹²⁵ НИАБ. Ф. 325. Оп. 2. Ед. хр. 603. Л. 12, 2.

¹²⁶ НИАБ. Ф. 325. Оп. 2. Ед. хр. 604. Л. 3-5, 8, 11, 23, 25, 30, 31, 35, 40, 80-83, 92, 95, 98, 99, 101, 102.

¹²⁷ *Варлыга А.* Карэншчына. Успамін-нарыс з канца XIX – пачатку XX ст. // Літаратура і мастацтва. № 14 (8 красавіка 1994); № 15 (15 красавіка 1994 г.).

¹²⁸ Государственный архив Минской области (далее – ГАМО). Ф. 475. Оп. 1. Ед. хр. 106.

¹²⁹ ГАМО. Ф. 475. Оп. 1. Ед. хр. 108, 470.

¹³⁰ ГАМО. Ф. 475. Оп. 1. Ед. хр. 470, 574.

¹³¹ ГАМО. Ф. 475. Оп. 1. Ед. хр. 356.

Второй крупный комплекс документов за первые годы советской власти представляют дела Гайно-Слободского волостного исполнительного комитета (*волисполкома*). В отличие от утраченных документов волостного правления за дореволюционный период документы за 1921—1923 гг. сохранились сравнительно неплохо. Ранее они образовывали отдельный фонд 53 в Государственном архиве Минской области, а в самом конце XX в. были переданы в объединенный фонд Борисовского уездного исполнительного комитета (фонд 1715, опись 1). Для восстановления состава популяции в условиях отсутствия посемейных списков особую ценность представляют списки лиц, испытывающих потребность в лесоматериалах, дровах и семенных ссудах на *1921 г.*¹³², а также списки хозяйств, нуждающихся в дополнительном наделении землей, составленные в *апреле 1922 г.* По Михалковичскому сельсовету в них фигурируют все 77 хозяйств деревни Михалковичи и еще 18 — из Кореня и Жирблевич. По Прудковскому сельсовету список содержит 10 хозяйств в Козырях, 39 в Прудках и 19 в Лищицах, по Черневскому — 32 хозяйства в Терехах¹³³. Список по этому сельсовету, очевидно, неполон.

Сведения по отдельным хозяйствам имеются в заявлениях о наделении землей, протоколах общих собраний по поводу перераспределения земельного фонда и индивидуальных исках по земельным вопросам. Из них можно увидеть, что многие крестьяне продолжали столь же упорные, как и до революции, тяжбы по поводу разделов земли и имущества. В фонде волисполкома насчитывается 14 таких дел, разбиравшихся волостным земельным судом в период *с начала 1921 по середину 1924 г.*¹³⁴, а в фонде Борисовской уездной земельной комиссии — 10 дел, поданных туда на апелляцию¹³⁵.

Некоторые материалы о состоянии крестьянских хозяйств содержатся в фонде уездного продовольственного комитета (*упродкома*), в том числе в деле о раскладке налогов за *1922 г.*¹³⁶ В его сводках есть суммарные данные по деревням Кореньщины. В другом деле того же фонда имеются налоговые ведомости за 1922/23 сельскохозяйственный год с информацией по каждому хозяйству в отдельности (с указанием имен дворохозяев). Они не имеют точной даты, но составлены, видимо, *весной 1922 г.*¹³⁷ Ценность этому источнику придает то, что он является первым полным списком домохозяйств после долгого перерыва (с 1858 г.).

Из устных воспоминаний явствует, что примерно в 1923 или 1924 г. целый ряд семей получили возможность переселиться в новый поселок Красный Бор, основанный по соседству с бывшей помещичьей усадьбой. Точнее, там возникли два одноименных поселка — по обе стороны от усадьбы. Их обитатели получили земельные наделы из состава имения. Документальные материалы о перераспределении бывших помещичьих земель и переселении в эти поселки обнаружить не удалось.

В фондах Борисовского уездного суда (ГАМО, ф. 434) сохранилось большое число *уголовных и гражданских дел* за период *с 1919 по 1924 г.* К сожалению, их архивные описи не упоминают места жительства обвиняемых, а называют только фамилии. Поэтому выявление материалов, относящихся к истории микрорегиона, превращается в весьма трудоемкую задачу по просмотру десятков дел, в заголовках которых фигурируют фамилии, присущие популяции Кореньщины. К сожалению, большинство из них имели широкое распространение по всему уезду. С другой стороны, остается риск пропустить фамилию, искаженную при составлении заголовка дела, да и перечень выявленных фамилий Кореньщины 1920-х гг. нельзя считать исчерпывающе полным.

В более позднем фонде Логойского районного народного суда, созданного в 1924 г. (ГАМО, ф. 422), имеется около 25 уголовных и 25 гражданских дел за 1924—1928 гг., участниками которых были жители исследуемой территории. Точное их количество установить сложно по тем же причинам.

Другие документы периода 1924—1929 гг. весьма немногочисленны. Они составлены на родном языке жителей Кореньщины — белорусском, что связано с проводившейся в эти годы политикой *белорусизации* органов государственного управления. Часть из них находится в материалах двух сельсоветов, между которыми в 1924 г. была разделена исследуемая территория, — Кореньского и Кузевичского. Эти документы в основном сосредоточены в фондах вышестоящих органов — Логойского районного исполнительного комитета (*райисполкома*, *РИК* — ГАМО, ф. 25) и районного финансового отдела (*райфинотдела*, *РайФО* — ГАМО, ф. 314). По Кузевичскому сельсовету часть материалов собрана в отдельный фонд (ф. 122).

¹³² ГАМО. Ф. 1715. Оп. 1. Ед. хр. 8 – 10.

¹³³ ГАМО. Ф. 1715. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 4, 15, 17, 25–26.

¹³⁴ ГАМО. Ф. 1715. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 15; Ед. хр. 3. Л. 13, 36–37, 39; Ед. хр. 4. Л. 114; Ед. хр. 11. Л. 158–161, 164; Ед. хр. 22, 45, 48, 66, 69, 76, 79, 80.

¹³⁵ ГАМО. Ф. 1495. Оп. 1. Ед. хр. 103, 118, 206, 207, 233, 302, 342, 343, 350, 450.

¹³⁶ ГАМО. Ф. 369. Оп. 1. Ед. хр. 260.

¹³⁷ ГАМО. Ф. 369. Оп. 1. Ед. хр. 437. Л. 18–21, 28–30, 35–38.

Среди этих документов практически отсутствуют налоговые ведомости и другие массовые источники. Сохранились списки избирателей, явившиеся на выборы Кореньского сельсовета **27—30 января 1926 г.** (в выборах приняли участие около 38 % имевших право голоса)¹³⁸. В деле по выборам Кузевичского сельсовета списки проголосовавших отсутствуют, но имеются разнообразные материалы об этих выборах, в том числе перечень лишенных избирательных прав и избранных в члены сельсовета, а также информация об общем количестве жителей в селениях¹³⁹. Помимо избирательных материалов уцелели документы о деятельности сельсоветов в 1920-е гг. — протоколы заседаний, резолюции о наложении административных взысканий и т. п. По Кореньскому сельсовету такие материалы охватывают 1925—1929 гг.¹⁴⁰, по Кузевичскому — 1927 и 1928 гг.¹⁴¹ По последнему сохранился также единственный полный список дворохозяев с раскладкой так называемого *самообложения* — денежного налога, поступавшего в бюджет сельсовета, на **1928/29** финансовый год¹⁴². В фонде райфо выявлен реестр наиболее зажиточных хозяйств, обложенных налогом на **1929 г. в индивидуальном порядке**. В эту категорию попали 14 хозяйств Кореньщины — 11 в Кузевичском сельсовете и 3 — в Кореньском¹⁴³.

Разнообразную статистическую информацию по Логойскому району в целом содержит справочное издание «Логойский район Минского округа», выпущенное на белорусском языке Минским окружным краеведческим обществом в начале 1929 г.¹⁴⁴

Начало кампании по массовой коллективизации отражают протоколы собраний жителей деревень, состоявшихся **в феврале 1930 г.** В Кореньском сельсовете протокол собрания жителей Терехов (совместно с застенком Гряды и хутором Солдатское) датирован 16 февраля, жителей Михалкович и Антоновки — 19 февраля, Громницы — 22 февраля¹⁴⁵. Вероятно, аналогичные собрания проводились и в Кузевичском сельсовете, но их протоколы обнаружить не удалось.

О судьбе жертв первой волны *раскулачивания*, как и последующих политических репрессий 1930-х гг., свидетельствует **база данных «Реабилитированные»**, в которую внесены сведения о лицах, подвергшихся репрессиям в 1920-е — 1950-е гг. и впоследствии официально реабилитированных. Составление базы данных началось в 1990-е гг. в Комитете по архивам и делопроизводству Республики Беларусь, в 2001 г. она передана в Белорусский научно-исследовательский центр электронной документации для ее дальнейшего заполнения. К сожалению, на момент написания книги этот процесс не завершен, база не содержит исчерпывающей информации по высланным в административном порядке. Зато в ней есть сведения о лицах, высланных или осужденных по приговорам судов и внесудебных карательных органов — так называемых *троек* в составе секретаря райкома, председателя райисполкома и руководителя районного управления ГПУ. Сами дела, на основании которых проводилась реабилитация, донныне хранятся в архивах Комитета государственной безопасности Республики Беларусь и его областных управлений.

Административная высылка некоторых кулацких хозяйств упоминается в связи с написанием отчета о выборах по Кореньскому сельсовету на **1930/31 г.** (досадно, что избирательные списки по этим выборам отсутствуют)¹⁴⁶. Одно из дел в фонде райисполкома отражает ход коллективизации по всему Логойскому району за 1930 г.) и содержит ряд сведений по изучаемой территории. Так, к **весне 1930 г.** относится список земель, оставшихся после раскулаченных хозяйств. По Кузевичскому сельсовету в нем упомянуты 11 пострадавших семей на территории Кореньщины, по Кореньскому сельсовету — 6 таких хозяйств¹⁴⁷. В том же деле имеется коллективная жалоба, поданная в **апреле 1930 г.** 37 единоличными хозяйствами деревни Корень по поводу того, что при новом землеустройстве им достались неудобные земли вдали от деревни, тогда как под колхоз отошли лучшие земли¹⁴⁸, а также заявление уроженца Терехов Антона Ивановича Балцевича, полученное земельным отделом **28 июня 1930 г.**¹⁴⁹ К этому же делу приобщен акт описи имущества Сергея Иосифовича Тимофеева, раскулаченного в Ганях **8 ноября 1930 г.**¹⁵⁰

¹³⁸ ГАМО. Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 28. Л. 61–86.

¹³⁹ ГАМО. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 105. Л. 6, 12 об., 15, 40–45, 50, 64–66, 80.

¹⁴⁰ ГАМО. Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 39, 40, 67, 120, 127, 128, 348.

¹⁴¹ ГАМО. Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 129, 130.

¹⁴² ГАМО. Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 222.

¹⁴³ ГАМО. Ф. 314. Оп. 2. Ед. хр. 11. Л. 5.

¹⁴⁴ Лагойскі раён Менскага акругі. Кароткае крэйзнаўчае апісанне / Выданне Менскага акруговага таварыства крэйзнаўства. – Мн., 1929. С. 19.

¹⁴⁵ ГАМО. Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 431. Л. 7, 9, 13.

¹⁴⁶ ГАМО. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 116. Л. 5.

¹⁴⁷ ГАМО. Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 440. Л. 89, 231, 486–487.

¹⁴⁸ ГАМО. Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 440. Л. 232–233.

¹⁴⁹ ГАМО. Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 440. Л. 76, 78.

¹⁵⁰ ГАМО. Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 440. Л. 481.

Среди фрагментарно сохранившихся *карточек обложения налогом* по Кузевичскому сельсовету на **1930/31** хозяйственный год выявлены данные по 23 семьям, входившим в колхоз «Красные Козыри» (деревня Козыри)¹⁵¹. По колхозу «Красный Бор» карточка налогообложения не сохранилась, но в том же деле есть такие карточки на 11 единоличных хозяйств этого поселка. Кроме того, имеется 9 разрозненных карточек на единоличные хозяйства деревни Прудки, по 2 — на хозяйства хуторов Осетище и Табун, по 1 — на хутора Падары и Лисовичи. За **1931 г.** уцелели только карточки по налогообложению на 5 единоличных хозяйств деревни Громница¹⁵² и дело об обложении в индивидуальном порядке Ивана Андреевича Равины, жившего на хуторе Равы. Оно датировано **3 марта 1931 г.**¹⁵³

В документах Логойского районного суда удалось обнаружить 3 случая, когда жители микрорегиона привлекались к суду по уголовным делам в 1931 г.¹⁵⁴ В 1932 г. таких дел было 13¹⁵⁵, причем во многих случаях за уголовными формулировками скрывались коллизии, порожденные коллективизацией, — неуплата повышенных налогов, насилие над активистами и т. п.

Представление о темпах коллективизации дает недатированный список населенных пунктов Логойского района, сохранившийся в деле райисполкома среди разных материалов за 1932—1933 гг. В нем указано количество дворов по Кореньскому и Кузевичскому сельсоветам, отдельно для колхозов и единоличников. Судя по составу колхозов, этот список составлен в первой половине 1932 г.¹⁵⁶ План хлебозаготовок на 1932 г. содержит аналогичные цифры по состоянию на конец лета или осень этого года (в момент временного оттока крестьян из колхозов),¹⁵⁷ а сводка в документах райфо — по состоянию на 1 июля 1933 г.¹⁵⁸

Протоколы президиума Кореньского сельсовета за **1932 г.** дают многочисленные материалы по обложению зажиточных хозяйств *твердым заданием* — дополнительным налогом на поставку определенного количества продуктов сельского хозяйства¹⁵⁹. Список зажиточных хозяйств, подлежащих обложению твердым заданием, датированный **24 августа 1932 г.**, имеется в материалах Кузевичского сельсовета¹⁶⁰. В **августе 1933 г.** создается новый перечень кулацких хозяйств Кореньского сельсовета, обложенных индивидуальным налогом¹⁶¹. В фонде районного финансового отдела сохранились дела по апелляциям многих из этих крестьян, не согласных с таким решением¹⁶².

В тех же протоколах президиума Кореньского сельсовета найдена датированная **3 октября 1933 г.** резолюция, утверждающая решение жителей Жирблевич от 29 сентября об основании колхоза имени Покровского в количестве 6 хозяйств¹⁶³. Такое же решение о создании колхоза имени Луначарского в Лищицах (в составе 9 хозяйств и 4 *одиночников*) было принято **28 октября**¹⁶⁴. В других делах, составляющих ныне фонд Логойского райисполкома, также эпизодически упоминаются события, имевшие место на территории Кореньщины в начале 1930-х гг.

Очень много ценных подробностей о жизни исследуемого микрорегиона содержат **подшивки районной газеты «Чырвоная Лагойшчына»**, издававшейся на белорусском языке с середины 1931 г. В Национальной библиотеке Беларуси сохранились почти все номера этой газеты за период с начала 1932 по июнь 1935 г., а также за вторую половину 1936 г., вторую половину 1938 — первую четверть 1939 г. Особенно интересны подшивки за 1932—1934 гг., содержащие массу бытовых подробностей местной жизни — заметки крестьянских активистов (сельских корреспондентов — *селькоров*), информацию о ходе сельскохозяйственных работ, заготовительных кампаний и т. п. По мере упрочения идеологического диктата информативная ценность районной газеты неуклонно падает, и номера за вторую половину 1930-х гг. содержат в основном политические и агитационные материалы, фотографии советских летчиц — участниц рекордных авиаперелетов, крайне упрощенные статьи на международные темы, речи партийных вождей и прочий официоз. Узнать что-либо о реальной жизни из газет этого времени практически невозможно.

¹⁵¹ ГАМО. Ф. 314. Оп. 1. Ед. хр. 17.

¹⁵² ГАМО. Ф. 314. Оп. 1. Ед. хр. 16.

¹⁵³ ГАМО. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 116. Л. 47–49.

¹⁵⁴ ГАМО. Ф. 422. Оп. 1. Ед. хр. 526, 558, 626.

¹⁵⁵ ГАМО. Ф. 422. Оп. 1. Ед. хр. 730, 840, 863, 879, 890, 911, 935, 941, 953, 954, 1044, 1052, 1064.

¹⁵⁶ ГАМО. Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 480. Л. 70, 71об.

¹⁵⁷ ГАМО. Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 497. Л. 59об., 60об.

¹⁵⁸ ГАМО. Ф. 206. Оп. 1. Ед. хр. 192. Л. 16.

¹⁵⁹ ГАМО. Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 485. Л. 19, 28, 30, 56.

¹⁶⁰ ГАМО. Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 485. Л. 11.

¹⁶¹ ГАМО. Ф. 314. Оп. 2. Ед. хр. 11. Л. 4, 30.

¹⁶² ГАМО. Ф. 314. Оп. 2. Ед. хр. 168, 169, 172, 178.

¹⁶³ ГАМО. Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 526. Л. 67.

¹⁶⁴ ГАМО. Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 526. Л. 72.

Все документы предвоенных лет, находившиеся к июню 1941 г. в сельсоветах и районных учреждениях, утрачены. Такая же судьба постигла документы военного времени, за исключением фондов партизанских бригад Борисовско-Бегомельской зоны, деятельность которых затрагивала Кореньщину и прилегающие территории. Эти документы сейчас находятся в Национальном архиве Беларуси: ф. 4080 (бригада «Большевик», 40 ед. хр.), ф. 4081 (бригада «Дяди Коли», 31 ед. хр.), ф. 4082 (бригада «Железняк», 7 ед. хр.), ф. 4083 (бригада им. Калинина, 13 ед. хр.), ф. 4085 (бригада «Народные мстители», 136 ед. хр.), ф. 4087 (бригада «Смерть фашизму», 61 ед. хр.), ф. 4089 (бригада «Штурмовая», 246 ед. хр.).

В Государственном архиве Минской области хранится микрофильм материалов комиссии по расследованию преступлений оккупантов, которая работала в Логойском районе вскоре после его освобождения, летом или осенью **1944 г.**, скопированный с оригинала, находившегося в Центральном государственном архиве Октябрьской революции в Москве (ныне Государственный архив Российской Федерации): ф. 7021, оп. 87, ед. хр. 8. Основная информация по событиям военного времени хранится в памяти людей — живых очевидцев этих событий. К сожалению, полный сбор этой информации — задача непосильная для одного исследователя. В данной работе использована лишь очень незначительная часть воспоминаний старожилов, которым автор глубоко признателен за неоценимую помощь и искреннюю доброжелательность.

Среди послевоенных материалов ценнейшим источником являются *похозяйские книги* — основная форма учета населения на местах, осуществляемая сельсоветами. Эти документы составлялись на период в 3—4 года, в них вносились имена и возраст всех проживавших в каждом дворе, а также некоторая справочная информация — размер приусадебного участка, количество крупного домашнего скота, дата постройки дома и др. (эти сведения далеко не всегда точны). Наибольшую ценность похозяйским книгам как историческим источникам придает то, что в них, как некогда в ревизских сказках, фиксировались все изменения в составе населения двора — кто родился, умер, выбыл на новое место жительства. По мере заполнения книги оставались на хранении в сельсовете, а вместо них заводились новые — с информацией на момент создания. В результате накопилась серия книг, покрывающих в большинстве случаев отрезки за 1944—1946, 1946—1948, 1949—1951, 1952—1954, 1955—1957, 1958—1960, 1961—1963, 1964—1966, 1967—1970, 1971—1973, 1973—1975, 1976—1979, 1980—1982, 1983—1986, 1986—1990, 1991—1996 гг. и с 1997 г. по настоящее время. На момент написания этих строк все книги по исследуемой территории находятся в здании Гайненского сельсовета в деревне Гайна. Первые книги, заведенные в 1944 г., часто (но не всегда) упоминают погибших, а также тех, кто еще находился в армии или был угнан в Германию. По мере возвращения демобилизованных солдат делались соответствующие отметки, как и в случае убытия кого-либо из жителей на учебу, работу в город и т. п. Эти первые книги сохранились только по территории бывшего Кореньского сельсовета, в Кузевичском самые ранние книги — за 1946—1948 гг.

Таким образом, всего удалось выявить около 500 свидетельств по истории Кореньщины. Имеются досадные пробелы, но их в целом не больше, чем по любой другой территории. Может быть, тщательный анализ архивных материалов позволил бы найти микрорегион, по которому сохранился более полный комплекс документов за весь хронологический период. Но вряд ли различия по своду источников в целом оказались бы очень велики. Некоторые местности лучше обеспечены довольно ранними материалами (например, сериями инвентарей за XVI в. или метрическими книгами начиная с конца XVII в.), но в более поздних зияют огромные лакуны. В других случаях хорошо сохранились как раз поздние документы (метрические книги и, реже, посемейные списки второй половины XIX в.), но при полном отсутствии ранних. Кое-где хорошие последовательности метрических книг не сопровождаются синхронными данными переписного характера (инвентарями и ревизскими сказками), что сильно сужает возможности исследования. И уж совсем редки такие компактные подборки этнографических материалов, как собрание А. Варлыги. Все вместе взятое позволяет оценить степень документированности прошлого в данном микрорегионе как достаточно типичную для Беларуси (может быть, несколько выше средней).

В разные исторические периоды характер источников существенно различается. За конец XIV в. сохранилось единственное упоминание, за весь XV в. — ни одного. Сведения XVI — первой трети XVIII в. освещают только некоторые моменты истории поселений, и лишь к концу этого времени появляются первые имена их обитателей. Инвентарь 1740 г. отражает полный состав популяции. Затем на протяжении примерно столетия (с 1762 по 1858 г.) источники позволяют проследить судьбу всех крестьянских домохозяйств, в том числе почти все перемены в их персональном составе, а также общие тенденции в изменении феодальных повинностей, величины земельных наделов и обеспеченности домашним скотом. Зато другие стороны жизни общества (интересы, ценности, отношение к происходящим событиям и т. п.) почти не нашли отражения в документах. Некоторые исторические предания, зафиксированные А. Варлыгой, лишь частично восполняют этот пробел.

После 1858 г. содержание уцелевших источников существенно меняется. Персональный состав популяции прослеживается гораздо хуже, зато появляется большое число документов, отражающих характерные конфликты и в меньшей степени повседневную жизнь. Ко второй половине XIX — началу XX в. относится и основная часть этнографических наблюдений. Впрочем, многие из них могут быть ретроспективно использованы и для предшествующих десятилетий. Иногда некоторые уточнения тех или иных событий можно получить при устном опросе старожил. В документах начала XX в. много сведений о землевладении и другой статистической информации, хотя персональные данные сравнительно редки. Лишь наличие полных списков домохозяйств за 1922 г. служит опорной вехой, которая в совокупности с другой информацией отражает судьбы большинства семей в пореформенный период.

Характер источников не изменяется вплоть до середины 1930-х гг. с той разницей, что события предвоенных лет достаточно полно сохраняются в памяти местных жителей. Путем устного опроса можно, как правило, восстановить состав каждого двора и каждой семьи, а также определить миграции, не отраженные в документах. База данных «Реабилитированные» позволяет проследить за судьбами большинства жертв политических репрессий, происходивших в эти годы, а устные воспоминания иногда проясняют подоплеку некоторых арестов.

Период Великой Отечественной войны отражен в документах очень фрагментарно. В то же время он настолько богат драматическими событиями и столь глубоко запечатлен в памяти людей, что детальное его изучение (главным образом путем устных опросов) могло бы стать предметом самостоятельного исследования. Пока же, к сожалению, даже перечень жертв этой войны остается неполным, несмотря на наличие в сельсовете соответствующих списков и их недавнюю доработку для издания книги "Память" Логойского района.

История послевоенных лет плавно смыкается с современностью, поскольку большинство родившихся в эти годы продолжают жить и поныне. Наличие похозяйских списков, документально подтверждающих полный персональный состав популяции и все миграции, а также почти неограниченные возможности для устного опроса допускают поистине "тотальную" реконструкцию событий и образа жизни второй половины XX в. Но эта задача выходит за рамки моей книги. Надеюсь, она будет отчасти решена в работе профессора Ецуо Ёшино, который в декабре 2001 г. с моей помощью проводил устный опрос старожил Кореньщины в рамках более широкого исследования современной белорусской деревни.

Историография

Краеведческие исследования в Беларуси зародились в XIX в. Владелец имения Логойск Евстафий Тышкевич опубликовал на польском языке описание Борисовского уезда, в котором опирался не только на собственные наблюдения, но и на материалы официальной статистики¹⁶⁵. Из серии краеведческих очерков, появившихся на рубеже XIX—XX вв., стоит особо выделить работу К. Т. Аникиевича, в которой предприняты интересные попытки описать модель хозяйственного цикла, типичного для белорусской деревни¹⁶⁶. Затем краеведение пережило короткий период подъема в 1920-е гг. На страницах журнала «Наш край» тогда появился целый ряд локальных микроисследований, не претендующих на широкие обобщения¹⁶⁷. Отдельные попытки дать общую картину бытовых условий белорусского крестьянства¹⁶⁸ не получили развития.

Наиболее крупной работой, посвященной **микроанализу сельского населения**, в отечественной историографии является очерк Н. Н. Улащика о деревне Вицковщина, расположенной примерно в 20 км на юго-запад от Минска. Материалы для него собирались во второй половине тех же 1920-х гг. В этом очерке автор по воспоминаниям, рассказам родственников, земляков и с ограниченным привлечением архивных материалов реконструирует картину повседневности своей родной деревни. Работа ценна прежде всего большим количеством живых подробностей, собранных автором по методике, как бы

¹⁶⁵ *Tyszkiewicz E.* Opisanie powiatu Borysowskiego. – Wilno, 1847.

¹⁶⁶ *Аникиевич К. Т.* Сененский уезд Могилевской губернии. – Могилев, 1907.

¹⁶⁷ *Азбукін М.* Мясэчка Шацк // Наш край. 1927. № 1. С. 44; *Нямцоў А.* З матэр'ялаў абследавання Асіповіцкага раёну // Там жа. С. 51; *Ганжын А.* Мясэчка Чачэрск Гомельскай акругі // Там жа. С. 59; *Крукоўскі А. Я.* Горад Мазыр і яго ваколіцы // Наш край. 1927. № 3. С. 16; *Самцэвіч В.* Эканамічна-культурнае становішча м. Багушэвічы // Там жа. С. 29; *Нямцоў А.* Замоскі сельсавет // Наш край. 1927. № 6–7. С. 19; *Самцэвіч В.* Вёска Дакудава (Крупскі раён Аршанскай акругі) // Наш край. 1927. № 8–9. С. 38; *Тамковіч М.* Да пытаньня аб санітарна-бытавым стане вёсак Глядкі, Шабунькі, Куляшы, Бранчыцы і Чапялі, Старобінскага раёну Бабруйскай акругі // Наш край. 1927. № 12; *Мікіцінскі, Пяцэвіч Р., Ажэўскі П.* Падарож па Случчыне // Наш край. 1928. № 2. С. 24; № 3. С. 28; *Самцэвіч В.* Мясэчка Лагойск (Менскай акругі) // Наш край. 1928. № 4; *Бараноўскі Яз.* Санітарна-бытавы стан вёскі Радзілавічы, Букчынскі сельсавет, Тураўскі раён Менскай акругі // Наш край. 1928. № 8–9; *Кулакоў Т.* Мясэчка Азарычы Мазырскай акругі // Там жа. С. 81; *Шашалевіч А.* Па Гомельскай акрузе (краязнаўчыя нататкі) // Наш край. 1928. № 11. С. 43.

¹⁶⁸ *Магілеўчык З. К.* Санітарна-гігіенічныя ўмовы хаты і двара беларускага сялянства // Наш край. 1925. № 6–7.

сейчас сказали, «устной истории». Они охватывают краткую предысторию деревни, основанной в 1883 г. на купленных крестьянами в складчину помещичьих землях, и характеристику крестьянского быта от момента основания Вицковщины до 1917 г. Статистические методы в очерке практически не применялись, но это не мешает использовать его сведения как очень яркую иллюстрацию. Правда, объектом исследования была уже не столько традиционная, сколько сильно модернизированная деревня, а уровень зажиточности ее обитателей намного превышал средний. Показательно, что книгу рекомендовали к печати в конце 1978 г., но вскоре исключили из плана издания и при жизни автора она так и не увидела свет. Не помогли даже такие отчаянные шаги Н. Н. Улащика, как письма в редакцию газеты «Правда» в октябре 1985 г. и в адрес XXVII съезда КПСС в феврале 1986 г.¹⁶⁹ Опубликована эта работа была только посмертно¹⁷⁰.

Общий упадок в советский период (начиная с 1930-х гг.) краеведческих и других видов исследований, ориентированных на личностный контакт с историей, кратко упоминался во введении, равно как и последствия этого упадка. Даже тогда, когда для возрождения краеведческих очерков появился такой великолепный шанс, как издание книг серии «Память» по каждому району Беларуси, этот шанс практически не был использован на должном уровне. Большинство из нескольких десятков книг этой серии, вышедших с 1985 г. по настоящее время, в лучшем случае содержат лишь отрывочные сведения о повседневной жизни, а в худшем ограничиваются событиями военно-политической истории с явным акцентом на установление советской власти и годы Великой Отечественной войны. Исключение составляют случаи, когда в написании текстов принимали активное участие профессиональные историки. На этом фоне поистине ярким бриллиантом выглядит недавно изданная книга «Хроніка Убарцкага Палесся», автором-составителем которой выступил местный уроженец Анатолий Атнагулов¹⁷¹. При работе над ней выявлены основные комплексы документов, относящихся к истории Лельчицкого района с древнейших времен до конца XX в., а наиболее интересные из них полностью опубликованы. В данном случае, конечно, речь идет не о микроисторическом, а о чисто краеведческом подходе, но в рамках такого подхода работа не имеет себе равных в Беларуси и свидетельствует о начавшемся возрождении белорусского краеведения.

Что касается **общенсторических выводов**, то здесь белорусскими историками советского периода накоплен и проанализирован большой массив сведений, относящихся прежде всего к социально-экономическим процессам в белорусской деревне, правовому статусу крестьян и их борьбе против его ухудшения¹⁷². Итоги этих исследований обобщены в двух недавно вышедших томах «Гісторыі сялянства Беларусі», охвативших период от древнейших времен до 1917 г.¹⁷³ Этот коллективный труд содержит в концентрированном виде массу фактического материала. Правда, при обобщении и интерпретации историки редко выходили за рамки марксистской методологии. Некоторые тексты несут в себе печать догматизма, заставляющего вспомнить знаменитую легенду о халифе Омаре¹⁷⁴. Часть советских историков была искренне убеждена, что наиболее принципиальные вопросы общественного устройства уже решены классиками марксизма-ленинизма. Разве что, в отличие от средневековых мусульманских фанатиков, новые подтверждения правоты «Священного писания» не считались излишними. Наоборот, именно они составляли смысл исторического исследования. Если историку удавалось фактами и цифрами подтвердить вывод, соответствующий тому или иному постулату Маркса или Ленина, он мог считать свою задачу выполненной.

Несмотря на эти ограничения, многое из написанного в те годы имеет непреходящую ценность. Историки более молодого поколения тоже внесли достойный вклад¹⁷⁵. Их работам свойственны оригинальные выводы и более широкое

¹⁶⁹ Второе из этих писем опубликовано в сборнике: Русь – Литва – Беларусь. Проблемы национального самосознания в историографии и культурологии. – М., 1997. С. 201–203.

¹⁷⁰ Улашчык М. Была такая вёска: Гіст.-этнагр. нарыс. – Мн., 1989.

¹⁷¹ Хроніка Убарцкага Палесся / Аўтар-уклад. А. І. Атнагулаў. – Мн., 2001.

¹⁷² Похилевич Д. Л. Крестьяне Белоруссии и Литвы в XVI–XVIII вв. – Львов, 1957; Улащик Н. Н. Предпосылки крестьянской реформы 1861 г. в Литве и Западной Белоруссии. – М., 1965; Похилевич Д. Л. Крестьяне Белоруссии и Литвы во второй половине XVIII в. – Вильнюс, 1966; Чепко В. В. Сельское хозяйство Белоруссии в первой половине XIX в. – Мн., 1966; Козловский П. Г. Крестьяне Белоруссии во второй половине XVII–XVIII вв. (по материалам магнатских вотчин). – Мн., 1969; Литинский Л. П. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Белоруссии. – Мн., 1971; Мелешко В. И. Очерки аграрной истории Восточной Белоруссии (вторая половина XVII–XVIII вв.) – Мн., 1975; Он же. Классовая борьба в белорусской деревне во второй половине XVII–XVIII вв. – Мн., 1982; Козловский П. Г. Землевладение и землепользование в Белоруссии в конце XVIII – первой половине XIX в. – Мн., 1982; Панютин В. П. Социально-экономическое развитие белорусской деревни в 1861–1900 гг. – Мн., 1990; Спиридонов М. Ф. Закрепощение крестьянства Беларуси (XV–XVI вв.) – Мн., 1993; Панютин В. П. Наемный труд в сельском хозяйстве Беларуси 1861–1914 гг. – Мн., 1996.

¹⁷³ Гісторыя сялянства Беларусі са старажытных часоў да нашых дзён: У 3 т. Т. 1: Гісторыя сялянства Беларусі ад старажытнасці да 1861 г. – Мн., 1997; Т. 2: Гісторыя сялянства Беларусі ад рэформы 1861 г. да сакавіка 1917 г. – Мн., 2002.

¹⁷⁴ После завоевания арабами Египта халифу Омару доложили об огромном количестве книг, хранившихся в Александрийской библиотеке, и спросили, что с ними делать. Халиф сказал: «Если их содержание соответствует Корану, они излишни, если противоречит – вредны».

¹⁷⁵ Лойка П. А. Прыватнаўласніцкія сяляне Беларусі. Эвалюцыя феадальнай рэнты ў другой палове XVI–XVIII ст. – Мн., 1991; Голубеў В. Ф. Сялянскае землеўладанне і землекарыстанне на Беларусі XVI–XVIII стст. – Мн., 1992; Кіткурка І. Ф. Дзяржаўныя ўладанні на землях Беларусі ў другой палове XVII – XVIII стст.: палітыка гаспадарчага аднаўлення і развіцця. – Гродна, 2003. С. 142–144.

привлечение статистического материала, хотя уровень его анализа не отличается особой изощренностью. Среднестатистические данные (например, относительно величины крестьянского надела, численности дворохозяев или объема повинностей) приводятся в основном на макроуровне — по регионам, лишь иногда они дополняются таблицами сводных цифр по отдельным именам. Это диктовалось задачами авторов, и полученные ими цифры могут быть использованы при сопоставлении конкретной выборки с общей совокупностью.

Немало ценных сведений о материальной культуре белорусской деревни накоплено этнографами. В их работах описаны и классифицированы постройки, орудия труда, другие предметы, окружавшие человека в его повседневной жизни¹⁷⁶. Слабой стороной этих работ является прежде всего незначительный акцент на динамике изменения материальной культуры, недостаточное использование исторических и археологических свидетельств. Установить даты возникновения или исчезновения каких-то вещей и явлений с помощью этой литературы довольно сложно, или же они приводятся голословно, без надлежащего обоснования.

К сожалению, по политическим причинам не получила развития очень перспективная методика изучения **экономики крестьянского хозяйства**, которую предложил в начале 1920-х гг. российский экономист Александр Чаянов. Она основывалась на диахронном анализе крестьянского семейного хозяйства, в частности динамики производства и потребления, выражаемой через *пропорцию едоков/работников*¹⁷⁷. Эта пропорция подвержена непрерывным изменениям по мере рождения членов семьи и других демографических событий. Она может послужить еще одним примером удачно выбранного диагностического параметра. Сравнительно простой численный показатель, легко устанавливаемый при наличии данных о возрасте членов семьи, позволил оценить уровень благосостояния семьи, распределение бюджета рабочего времени и даже такую трудноуловимую вещь, как интенсивность труда (*меру самоэксплуатации* в определении А.Чаянова). На основании подобного подхода чаяновской школой была сформулирована *теория трудопотребительского баланса* семейного хозяйства, которая включала не только объективные экономические показатели (трудозатраты, цены, доходность хозяйства), но и такие параметры, как субъективная оценка крестьянами тягостности собственного труда и относительной полезности каждой единицы произведенной продукции. Похожие подходы начинали использоваться и белорусскими экономистами¹⁷⁸. Все надолго оборвалось после того, как в конце 1920-х гг. сам А.Чаянов и его ученики были репрессированы.

Из непосредственных соседей Беларуси единственной, где исследования на макроуровне довольно широко сочетались с микроисследованиями, была **Польша**. Микроисторический подход впервые применил там Франтишек Буяк еще в 1903 г.¹⁷⁹ Объектом изучения стала крупная деревня Жимянца в Новосандецком воеводстве (Западная Галиция) с населением на тот момент свыше 800 человек. Ф. Буяк одним из первых успешно употребил метод устного опроса, сочетая его с анализом метрических записей местного костела и других доступных ему документов. Это позволило поистине всесторонне проанализировать жизнь и быт жителей деревни. Исследователь в той или иной степени затронул вопросы демографии, землепользования и наследования наделов, технологию земледелия и животноводства, применение наемной рабочей силы, торговлю и промыслы, практику получения и использования кредита, культуру, образование, религиозную жизнь и даже вопросы политики.

Спустя полвека, в 1957 г., уже другой польский исследователь Збигнев Вержбицкий заново предпринял изучение той же деревни, результаты которого опубликовал в 1963 г.¹⁸⁰ Он сознательно использовал ту же методику, чтобы сравнить перемены, произошедшие в Жимянце за полстолетия. Почти одновременно аналогичную работу в отношении деревни Модльница недалеко от Кракова провела Данута Марковска, которая опиралась на опросы всех жителей деревни в возрасте 60 лет и старше, а также на анкетирование каждого домохозяйства¹⁸¹. При этом ее интересовали в первую очередь проблемы

¹⁷⁶ Никифоровский Н. Я. Очерки простонародного житья-бытья в Витебской Белоруссии и описание предметов обиходности. — Витебск, 1895; Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. / Собр. П. В. Шейном. — СПб., 1902. Т. 3; Лебедева Н. И. Жилище и хозяйственные постройки Белорусской ССР. — М., 1929; Молчанова Л. А. Материальная культура белорусов. — Мн., 1968; Гринблат М. Я. Белорусы. Очерки происхождения и этнической истории. — Мн., 1968; Беларускае народнае жыллё. — Мн., 1973; Беларускае народнае адзенне. — Мн., 1975; Народная сельскагаспадарчая тэхніка беларусаў. — Мн., 1975; Трацэвский В. В. Народное зодчество Белоруссии. — Мн., 1976; Молчанова Л. А. Очерки материальной культуры белорусов XVI–XX вв. — Мн., 1981; Тутов В. С. Историко-этнографическое районирование материальной культуры белорусов XIX – начала XX в. — Мн., 1983; Локотко А. И. Белорусское народное зодчество. Середина XIX–XX в. — Мн., 1991; Цімоў В. С. Народная спадчына: Матэрыяльная культура ў лакальна-тыпалагічнай разнастайнасці. — Мн., 1994.

¹⁷⁷ Чаянов А. В. Крестьянское хозяйство: Избр. тр. — М., 1989. С. 218–241 и др. Аналогичный подход применял значительно позднее Е. Мюллер: Mueller E. The economic value of children in peasant agriculture // Ridker R. G. (ed.). Population and development. — Baltimore, 1976. P. 98–153.

¹⁷⁸ Кісьлякоў Я. Тып беларускай сялянскай гаспадаркі // Наш край. 1925. № 2–3.

¹⁷⁹ Bujał F. Żymiąca: wieś powiatu Limanowskiego – stosunki gospodarcze i społeczne. — Kraków, 1903.

¹⁸⁰ Wierzbicki T.Z. Żymiąca w pół wieku później. — Wrocław, 1963.

¹⁸¹ Markowska D. Rodzina w środowisku wiejskim – studium wsi podkrakowskiej. — Wrocław, 1964.

семьи. В дальнейшем в Польше продолжались историко-демографические исследования на микроуровне — в масштабе одного прихода, города или местечка. Их результаты публиковались в основном в ежегоднике «Демографическое прошлое Польши» (“Przeszłość Demograficzna Polski”), который начал издаваться с 1968 г.¹⁸²

В жанре социальной истории выполнено микроисследование деревни Стрельцы-Давидовичи в Белостокском воеводстве (населенной этническими белорусами), опубликованное в 1994 г. Иреной Матус¹⁸³. В нем рассматривается судьба практически всех хозяйств этой деревни с конца XIX в., но главным образом в период между двумя мировыми войнами.

Микроистории польского крестьянства также посвящена работа японского исследователя Ецуо Ёшино¹⁸⁴. Его интересовали прежде всего экономические параметры изучаемого общества. Основным методом сбора информации избран устный опрос. Практически не привлекались архивные материалы, что, безусловно, сузило источниковую базу. Тем не менее Е. Ёшино удалось реконструировать историю 31 крестьянского домохозяйства из деревни Точонек (название условное, подлинное название не разглашается в интересах сохранения тайны личной жизни) от начала века (иногда даже ранее) до начала 1990-х гг., когда проводилось исследование. Для каждого хозяйства реконструировано генеалогическое древо его членов, прослежена история недвижимой собственности (передача земли по наследству, разделы, покупка, продажа), динамика обеспеченности тягловой силой и сельскохозяйственным инвентарем, использование наемной рабочей силы, уровень дохода и факторы, его определявшие. В работе подчеркивается, что многие обстоятельства в истории домохозяйств стали очевидны только после реконструкции состава семьи и его динамики, а также родственных связей между семьями.

Другие исследования подобного плана были успешно осуществлены в конце XX в. в Германии¹⁸⁵, Италии¹⁸⁶, Великобритании¹⁸⁷. Их полный обзор потребовал бы слишком много места.

В качестве аналога микроисторического подхода, ценного с методологической точки зрения, можно рассматривать и этнографические исследования традиционных культур так называемых «первобытных» народов, не испытавших деформирующего воздействия западной цивилизации (с той разницей, что этнолог изучает живое общество путем непосредственных наблюдений, а историк реконструирует общество прошлого на основании сохранившихся свидетельств). В 1920-е гг. этнологи начали применять заимствованный из экспериментальной психологии метод возрастных срезов, который позволил реконструировать более продолжительные циклы путем параллельных наблюдений за несколькими разновозрастными группами. Большой общественный резонанс вызвала вышедшая в 1928 г. книга Маргарет Мид “Взросление на Самоа”, в которой результаты наблюдений за возрастными группами полинезийских девушек послужили основой для объемной реконструкции социальных и психологических аспектов самоанской культуры в целом¹⁸⁸.

Довольно показательным примером микроисторического подхода в исторической демографии может послужить исследование индейского племени яномама, предпринятое в середине XX в.¹⁸⁹ Все племя насчитывало около 15 тыс. представителей, расселенных примерно в 125—150 поселениях в джунглях на пограничьи Бразилии и Венесуэлы, на территории площадью около 250 тыс. кв. км. Материалы для воссоздания демографических параметров яномама были собраны в 29 поселениях в процессе обследования около 1400 мужчин и 1200 женщин. При этом авторы высказали

¹⁸² Brodnicka E. Ludność parafii Wieleń nad Notecią w drugiej połowie XVIII w. // *Przeszłość Demograficzna Polski*. Т. 2. 1969. S. 177–215; Т. 3. 1970. S. 179–202; Puczyński B. Ludność Brzeżan i okolicy w XVII i XVIII w. // *Przeszłość Demograficzna Polski*. Т. 4. 1971. S. 177–214; Т. 5. 1972. S. 15–64; Т. 6. 1974. S. 3–52; Gawrysiakowa J. Badania demograficzne w parafii Bockotnica Kościelna // *Przeszłość Demograficzna Polski*. Т. 8. 1975. S. 81–123; Borowski S. Próba odtworzenia struktur społecznych i procesów demograficznych na Warmii w schyłku XVII w. na przykładzie Dobrego Miasta i okolicy // *Ibid*. S. 125–198; *Он же*. Procesy demograficzne w mikroregionie Czacz w latach 1598–1975 // *Przeszłość Demograficzna Polski*. Т. 9. 1976. S. 95–191; *Он же*. Prawdopodobieństwo powiększania rodziny w mikroregionie Czacz od XVII do XX wieku // *Przeszłość Demograficzna Polski*. Т. 10. 1977. S. 135–155; Górna K. Analiza demograficzna metryk dolnośląskiej parafii Rzażnik z lat 1794–1874 // *Przeszłość Demograficzna Polski*. Т. 17. 1987. S. 197–199; Kukło C. Rodzina w osiemnastowiecznej Warszawie. – Białystok, 1991.

¹⁸³ Matus I. Wieś Strzelce – Dawidowicz w tradycji historycznej. – Białystok, 1994.

¹⁸⁴ Yoshino E. Polscy chłopcy w XX wieku. Podejście mikro-deskrytywne. – Warszawa, 1997.

¹⁸⁵ Levi G. Das immaterielle Erbe. Eine bauerliche Welt an der Schwelle zur Zmoderne. — Berlin, 1968; Ginzburg C. Die Käse und die Würmer. Die Welt eines Müllers um 1600. — Frankfurt a.M., 1979 (2 Aufl. — Berlin, 1990); Knodel J. E. Demographic Behavior in the past. A Study of Fourteen German Village populations in the Eighteenth and Nineteenth Centuries. — Cambridge, 1988; Medick H. Leben und Überleben in Laichingen vom 17. bis 19. Jahrhundert. Untersuchungen zur Social-, Kultur- und Wirtschaftsgeschichte in den Oerspektiven einer lokalen Gesellschaft Altwürttemberg. — Göttingen, 1994.

¹⁸⁶ Cerutti S. La ville et ses métiers. Naissance d'un langage corporatif (Turin 17-e et 18-e siècles). — Paris, 1990.

¹⁸⁷ Phythian-Adams C. Desolation of a City: Coventry and the Urban Crisis of the Late Middle Ages. — Cambridge, 1979; Sabeian D. Property, Production and Family in Neckarhausen 1700 to 1870. — Cambridge, 1990; Reay B. Microhistories: Demography, Society and Culture in Rural England, 1800—1930. — Cambridge, 1996.

¹⁸⁸ Mead M. Coming of Age in Samoa. A Psychological Study of Primitive Youth for Western Civilisation. — N. Y., 1928. Сокращенный русский перевод этой и ряда аналогичных работ Маргарет Мид см. в книге: Мид М. Культура и мир детства: Избр. произв. — М., 1988.

¹⁸⁹ Chagnon N.A. Yanomamo: The Fierce People. — N. Y., 1968; *Он же*. Tribal social organization and genetic microdifferentiation // G. A. Harrison and A. J. Boyce (eds.). The Structure of Human Population. — Oxford, 1972. P. 252—282; *Он же*. Studying the Yanomamo. — N. Y., 1974; Neel J. V., Weiss K. M. The Genetic Structure of a Tribal Population, the Yanomama Indians. XII. Biodemographic Studies // *American Journal of Physical Anthropology*. 1980. 42: 25—52.

предположение, что *общий демографический характер яномама репрезентативен для первобытного человека*¹⁹⁰. Одним из способов реконструкции целостной картины на основании локальных данных в этом случае была имитационная компьютерная модель, в которой воспроизводилось поведение «виртуальной популяции» с демографическими характеристиками, свойственными яномама. В компьютерной программе использовались возрастные распределения вероятностей рождения, брака, смерти и другие параметры, установленные при обследовании четырех селений с численностью населения 451 человек. Искусственная популяция с такими параметрами «размножалась» в памяти компьютера на протяжении 200 лет, после чего ее характеристики (половозрастной состав, среднее число детей в семье и т.п.) вновь сопоставлялись с реальными¹⁹¹.

Что касается данных для **сопоставления на уровне всей зоны пашенного земледелия**, то здесь общее количество имеющегося материала тем более не поддается даже самой поверхностной характеристике. Впрочем, это и не входит в мою задачу. Для сопоставления на таком уровне достаточно учесть наиболее значимые, определяющие черты материального производства и других сторон крестьянской жизни. В большинстве случаев для этого вполне пригодны сводные обобщающие работы, в частности трехтомная «История крестьянства в Европе»¹⁹² и успевший выйти до распада Советского Союза второй том «Истории крестьянства СССР»¹⁹³ (третий том вышел уже как «История крестьянства России»¹⁹⁴). По территории России недавно появилось фундаментальное исследование Б.Н. Миронова¹⁹⁵, которое выполнено на современном методологическом уровне и потому может служить серьезным дополнением к материалам соответствующих разделов многотомных «Историй крестьянства». По этим причинам необходимость широко использовать непереводные работы по западноевропейской территории возникала сравнительно редко — в тех случаях, когда упомянутые сводные работы советских авторов совершенно упустили существенные моменты.

Одним из таких случаев является освещение некоторых аспектов **исторической демографии**. По оценке Стивена Хока, *целый ряд историков советского периода занимался «политической арифметикой», стараясь выделить различные категории населения по их принадлежности к географическому региону, навыкам и производственной деятельности, официальному и этническому статусу. Часто эти исследования не выходили за рамки перепечатки официальных данных статистики населения царского времени (с небольшими поправками) и обсуждения динамики изменения*¹⁹⁶. Действительно, довольно быстро определив динамику базовых демографических показателей (численности и плотности населения, рождаемости, смертности) на макроуровне,¹⁹⁷ советские исследователи не стали углубляться в более изощренный анализ тонкостей воспроизводства населения. На территории СССР практически не проводились историко-демографические исследования на микроуровне (в отношении отдельных локальных популяций или узких социальных групп).

Серьезными методическими просчетами страдает и раздел по исторической демографии конца XVIII — первой половины XIX в. в первом томе «Гісторыі сялянства Беларусі»¹⁹⁸. Некритическое использование источников привело при подсчете демографических коэффициентов к ряду курьезных показателей, выходящих за биологические пределы человеческой репродуктивности.

В Западной Европе во второй половине XX в. объектами всестороннего исследования стали первичные демографические данные — метрические книги церковных приходов, для анализа которых применялся метод восстановления истории семей (*family reconstitution*). На основании записей о крещениях, браках и смертях для каждой семьи по отдельности устанавливались продолжительность брака, возраст матери при рождении детей, общее количество рожденных и выживших детей, распределение смертей по возрастам и другие демографические характеристики, на основании которых определялись данные для популяции в целом — как правило, более детальные и надежные, чем агрегированные сведения официальной

¹⁹⁰ Neel J.V., Weiss K.M. The Genetic Structure of a Tribal Population, the Yanomama Indians. P. 26.

¹⁹¹ MacCluer J.W., Neel J.V. and Chagnon N. A. Demographic Structure of a Primitive Population: A Simulation // American Journal of Physical Anthropology, 1971, 35: 193—208.

¹⁹² История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма: В 3 т. Т. 1: Формирование феодально-зависимого крестьянства. — М., 1985; Т. 2: Крестьянство Европы в период развитого феодализма. — М., 1986; Т. 3: Крестьянство Европы в период разложения феодализма и зарождения капиталистических отношений. — М., 1986.

¹⁹³ История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции: В 5 т. Т. 2: Крестьянство в периоды раннего и развитого феодализма. — М., 1990.

¹⁹⁴ История крестьянства России с древнейших времен до 1917 г. Т. 3: Крестьянство периода позднего феодализма (середина XVII в. — 1861 г.). — М., 1993.

¹⁹⁵ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи и правового государства: В 2 т. — СПб., 1999 (2-е изд., испр. — СПб., 2000). Английский вариант этой книги издан в США: Mironov B. with Eklof B. The social History of Imperial Russia, 1700—1917. In 2 vol. — Boulder, 2000.

¹⁹⁶ Хок С. Л. От редактора // Анри Л., Блюм А. Методика анализа в исторической демографии. — М., 1997. С. 7—8.

¹⁹⁷ Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811—1913 гг.): Стат. очерки. — М., 1956; Кобузан В. М. Народонаселение России в XVIII — первой половине XIX в. — М., 1963; Вишневецкий А. Г. Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР. — М., 1977.

¹⁹⁸ Гісторыя сялянства Беларусі са старажытных часоў да 1996 г.: У 3 т. Т. 1. — Мн., 1997. С. 267—276.

статистики XVIII—XIX вв. Этот метод, впервые использованный французским исследователем Луи Анри в 1950-е гг., нашел последователей среди историков других стран¹⁹⁹. На территории СССР он был взят на вооружение только группой эстонских ученых под руководством Х. Палли²⁰⁰.

Впечатляющие успехи в изучении метрических книг были достигнуты в Великобритании. Кембриджская группа по истории народонаселения и социальной структуры (Cambridge Group for the History of Population and Social Structure), возглавляемая Питером Леслеттом (Peter Laslett), реализовала масштабный проект по выявлению и обработке ежегодной статистики о рождениях, браках и смертях по каждому английскому приходу за период с середины XVI в. по 1871 г. Всего в проекте было учтено около 3,7 млн. численных значений из примерно 10 тыс. приходов, которые позволили проследить демографические колебания в малые отрезки времени и по малым регионам, а также реконструировать сравнительно точные характеристики английской популяции на протяжении трех столетий, отталкиваясь от достоверных данных переписи 1871 г. и двигаясь в прошлое в технике *обратной проекции*²⁰¹.

Демографические методы исследования нашли новое преломление в социальной истории. Австрийская школа одной из первых проявила интерес к восстановлению жизненного цикла семьи (*family life course*) на протяжении длительных отрезков времени. Этот подход позволил проследить практику наследования статуса главы семьи его сыном, братом и т. п., соотношения семьи и дворохозяйства, включавшего, помимо членов семьи, также работников, примаков, дальних родственников и другие категории лиц. В частности, в вышеупомянутом сборнике «Семейные формы в исторической Европе» особое место занимает статья Р. Зидера и М. Миттерауера, посвященная реконструкции жизненного цикла семьи как динамического процесса. Она демонстрирует, что отмеченные П. Леслеттом формы домохозяйства могут последовательно сменять друг друга²⁰².

Объектом другого направления исследований стало определение круга социальных связей индивида, т. е. круга лиц (родственников, свояков, крестных и кумов), на эмоциональную, а часто и материальную поддержку которых он был вправе рассчитывать в различных жизненных ситуациях²⁰³. Например, количество близких кровных родственников связано с демографическими параметрами популяции, поэтому для его определения применялись методы, свойственные «чистой» демографии, включая компьютерное моделирование процесса воспроизводства населения²⁰⁴.

В середине 1960-х гг. британский исследователь Джон Хайнал продемонстрировал перспективность сравнительного изучения **структуры семьи и дворохозяйства** в разных регионах мира. Сравнив демографическую статистику разных европейских стран за период со второй половины XVIII до начала XX в., Дж. Хайнал показал²⁰⁵, что эти страны распадаются на две большие группы, разделительную линию между которыми он провел в направлении от Санкт-Петербурга до Триеста. К востоку от этой линии господствовала ориентация на *раннюю и универсальную брачность*. Уже в возрасте 25 лет от 85 до 95 % женщин и около 70 — 80 % мужчин состояли в браке. В течение жизни вне брака оставались в основном лишь те, кто имел к этому какие-то биологические препятствия (от одного до нескольких процентов). В западной части Европы отмечался более высокий возраст первого брака: к 25 годам около половины мужчин и порядка 30 — 40 % женщин еще не вступали в брак. Не существовало там и установки на всеобщую брачность: до конца репродуктивного периода оставались одинокими от 10 до 20 % мужчин и женщин. Несколькими примерами Дж. Хайнал продемонстрировал, что восточноевропейская модель была свойственна также и другим регионам мира, в то же время западная модель как уникальное явление за пределами Европы

¹⁹⁹ Henry L. Manuel de démographie historique. — Paris, 1967; Drake M. Historical Demography: Problems and Projects. — London, 1974; Fleury M., Henry L. Nouveau manuel de dépoulement et d'exploitation de l'état civil ancien, 2 éd. — Paris, 1976; Willigan D. J., Lynch K. Sources and Methods of Historical Demography. — N. Y., 1982; Drake M. Population Studies from Parish Registers. — London, 1982.

²⁰⁰ Палли Х. К методике обработки демографических материалов Эстонии XIII—XVIII вв. (до ревизии душ 1781—1782 гг.) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1966 год. — Таллин, 1971. С. 147—161; Палли Х. Методика использования метрик в историко-демографических исследованиях // История СССР. 1982. № 1.

²⁰¹ Wrigley E.A., Schofield R.S. The Population History of England, 1571—1871. — Cambridge, 1981.

²⁰² Sieder R. and Mitterauer M. The reconstruction of the family life course: theoretical problems and empirical results // R. Wall (ed.), in collaboration with J. Robin and P. Laslett. Family Forms in Historic Europe. — Cambridge, 1983. P. 309—345.

²⁰³ Plekans A. Kinship in the Past: An Anthropology of European Family Life, 1500—1900. — Oxford, 1984; Smith R.M. (ed.). Land, Kinship and Life-cycle. — Cambridge, 1984; Boulton J. Neighbourhood and Society in the Seventeenth Century. — Cambridge, 1987; Wellman B. and Berkowitz S.D. (eds.). Social Structures: A Network Approach. — New York, 1988; Wetherell C., Plakans A. and Wellman B. Social Networks, Kinship, and Community in Eastern Europe // Journal of Interdisciplinary History. Vol. XXIV:4 (Spring 1994). P. 639—663.

²⁰⁴ Smith J. E. The Computer Simulation of Kin Sets and Kin Counts // Boungaars J., Burch T. K. and Wachter K. W. (eds.). Family Demography: Methods and their Applications. — Oxford, 1987. P. 249—266; Smith J. E. and Oeppen J. Estimating Numbers of Kin in Historical England Using Demographic Microsimulation // Reher D.S. and Schofield R. (eds.). Old and New Methods in Historical Demography. — Oxford, 1993. P. 280—317; Post W., Poppel F. van., Imhoff E. van. and Kruse E. Reconstructing the Extended Kin-network in the Netherlands with Genealogical Data: Methods, Problems, and Results // Population Studies. Vol. 51. 1997. P. 263—278.

²⁰⁵ Hajnal J. European marriage patterns in perspective // D.V. Glass and D.E.C. Eversley (eds). Population in History. — Chicago, 1965. P. 101—143.

наблюдалась лишь в странах, населенных выходцами из нее и входивших в состав западной цивилизации: США, Канаде, Австралии. Таким образом, брачное поведение западноевропейцев (“европейская брачная модель”, как предложил именовать ее сам Дж. Хайнал) отличало их от всего остального мира.

Работа Джона Хайнала является очень хорошим примером выявления диагностического параметра, пригодного для широкого сопоставления. Ему удалось обнаружить фактор, который поддавался количественному измерению — специфический способ брачного поведения, и за которым, как выяснилось, стояла глубокая разница в культурных и поведенческих стереотипах. В 1979 г. эта работа опубликована на русском языке (правда, фамилия автора приводилась в неправильной транслитерации — Хаджнал)²⁰⁶, но на территории СССР она не вызвала большого резонанса. Зато на Западе интерес к сравнительному изучению брачного поведения и семейной структуры неуклонно нарастал. Лидером этого направления стала в 1970-е годы Кембриджская группа по истории народонаселения и социальной структуры. Огромную роль в становлении названного подхода сыграла конференция “Домохозяйство и семья в прошлом”, проведенная в Кембридже в 1969 г. (ее материалы были опубликованы в 1972 г. отдельной книгой)²⁰⁷. На конференции П. Леслетт предложил систему классификации семейных форм²⁰⁸, впоследствии доработанную им совместно с антропологом Юджином Хэммелом²⁰⁹. В ней выделялись пять основных типов домохозяйства в зависимости от родственных связей между его членами. Методика описания дворов П. Леслетта публиковалась на русском языке одновременно со статьей Дж. Хайнала²¹⁰, но в ту пору не нашла последователей на территории СССР. Между тем западные исследователи широко использовали ее для сравнительного анализа структуры дворов в разных регионах.

Первые итоги такого изучения представлены в коллективном труде “Семейные формы в исторической Европе”, изданном в 1983 г.²¹¹ В своей статье для этого сборника Дж. Хайнал показал, что с выявленным им типом брачности тесно связан (и фактически определял его) *специфический для Запада способ организации домохозяйства*, которое базировалось на простой (нуклеарной) семье, состоявшей из родителей и их детей. Состарившись, глава такой семьи передавал хозяйство одному из своих сыновей (который только после этого обзаводился собственной семьей). Другие сыновья (даже в зажиточных семьях) обычно не получали доли недвижимого имущества, а некоторое время работали по найму. Заработанные таким способом средства позволяли им устраиваться в жизни самостоятельно — овладевать какой-либо профессией или основывать собственное хозяйство. И в том и в другом случае время женитьбы наступало сравнительно поздно. На востоке Европы и в других регионах мира гораздо чаще встречались хозяйства, основанные на совместном труде нескольких брачных пар (отца и женатых сыновей или нескольких женатых братьев). В таком большесемейном хозяйстве не было препятствий для ранних браков, а новые хозяйства обычно образовывались путем раздела, при жизни отца или после его смерти. В некоторых регионах имел место раздел в третьем поколении (между детьми ведших совместное хозяйство братьев) или еще позже, что приводило к высокой пропорции очень крупных по западным меркам домохозяйств, состоявших из десятков членов²¹².

В том же издании П. Леслетт наметил в пределах Европы четыре основные зоны, в которых способы формирования домохозяйства существенно различались: запад и северо-запад Европы (ареал преобладания выявленной Дж. Хайналом “европейской брачной модели”), центр Европы, Средиземноморье и, наконец, Восточная Европа, включая Балканы и европейскую часть бывшей Российской империи. В контексте сопоставления “европейской” и “восточной” моделей особый интерес представляют в сводке П. Леслетта те параметры, по которым наиболее ярко различаются между собой первая и четвертая из этих зон. На востоке Европы наблюдались, по его мнению, более высокая пропорция совместно живущих родственников, отсутствие одиночек, низкая пропорция простых и расширенных семей, очень высокая пропорция

²⁰⁶ Хаджнал Дж. Европейский тип брачности в перспективе // Брачность, рождаемость, семья за три века: Сб. статей / Под ред. А.Г. Вишневского и И.С. Кона. — М., 1979. С. 14—70.

²⁰⁷ Laslett P. and Wall R. (eds.). Household and Family in Past Time: Comparative Studies in the Size and Structure of the Domestic Group over the Last Three Centuries in England, France, Serbia, Japan, and Colonial North America, with Further Materials from Western Europe. — Cambridge, 1972.

²⁰⁸ Laslett P. Introduction: The history of the family // Laslett P. and Wall R. (eds.). Household and Family in Past Time ... P. 1—89.

²⁰⁹ Hammel E.A. and Laslett P. Comparing household structures over time and between cultures // Comparative Studies in Society and History, 16 (1974). P. 73—109.

²¹⁰ Ласлетт П. Семья и домохозяйство: исторический подход // Брачность, рождаемость, семья за три века: Сб. статей / Под ред. А.Г. Вишневского и И.С. Кона. С. 132—157. Перевод осуществлен с франкоязычной публикации: Laslett P. La famille et le ménage: approches historiques. — Annales: Économies. Sociétés. Civilisations. No. 4—5 (July — October 1972).

²¹¹ R. Wall (ed.), in collaboration with J. Robin and P. Laslett. Family Forms in Historic Europe.

²¹² Hajnal J. Two kinds of pre-industrial household formation systems // R. Wall (ed.), in collaboration with J. Robin and P. Laslett. Family Forms in Historic Europe. P. 65—104.

многопоколенных (три и более поколения) и многосемейных хозяйств, повсеместное привлечение родственников в качестве работников, редкое использование наемных работников и др. (всего П. Леслетт предложил 22 диагностических параметра)²¹³.

За последующие десятилетия накоплен чрезвычайно богатый материал в отношении структуры семьи и дворохозяйства в разных регионах Европы²¹⁴. Но при этом указанные структуры долгое время оставались почти неизученными в восточной части ареала пашенного земледелия. В лучшем случае исследователи располагали лишь агрегированными данными на уровне больших регионов. Первое микроисследование на российском материале предпринял Питер Зап, который по материалам инвентарей и ревизских сказок, сохранившихся в фонде князей Гагариных, изучил принадлежавшее им имение Мишино Рязанской губернии²¹⁵ и определил основные параметры семейной структуры в период 1782—1858 гг. Почти одновременно лидер австрийской школы исторической демографии М. Миттерауер совместно с российским исследователем Александром Каганом сделали попытку сравнительного анализа структуры семьи в Центральной и Восточной Европе²¹⁶, а Родни Богач защитил диссертацию в университете штата Мичиган по материалам микроисследования имения Мануиловское Тверской губернии (принадлежавшего тем же Гагариным). К сожалению, результаты этой работы остались неопубликованными и практически не вошли в научный оборот²¹⁷. Зато две статьи, в которых П. Зап опубликовал свои результаты, на протяжении 1980-х — начала 90-х гг. неизменно упоминались во всех работах, посвященных исторической демографии Восточной Европы, и нередко служили единственным основанием для выводов, распространяемых на весь регион.

Вопросы структуры крестьянской семьи и двора Восточной Европы рассматривал также американский исследователь Стивен Хок. Он подверг анализу материалы из фонда князей Гагариных, относящиеся к селу Петровское Тамбовской губернии. Хотя основная тема исследования С. Хока — социальный контроль со стороны помещика в условиях крепостного права, одну из пяти глав своей книги он посвятил демографическим аспектам жизни села, в том числе привел данные о среднем возрасте первого брака и о структуре крестьянского двора в период с 1813 по 1856 г.²¹⁸ Еще один американский историк, Дэниел Кайзер, проанализировал структуру городской семьи России и некоторые аспекты брачного поведения по сохранившимся материалам переписей десяти уездных городов за период с 1710 по 1720 г.²¹⁹

В общем ряду достойна упоминания магистерская диссертация, защищенная в 1995 г. Хердис Колле в Бергенском университете (Норвегия). Она содержит результаты анализа демографических параметров, семейной структуры и социально-экономических условий в двух деревнях Московской губернии (Дракино и Спас-Коркодино) в пореформенный период²²⁰. Материалом для изучения послужили подворные списки 1869/71 и 1886 гг. — источник, ранее практически не используемый ни западными, ни российскими историками.

Особую ценность для сопоставления на уровне пашенной зоны Европы приобретают работы австрийского ученого Карла Казера, который в двух книгах на немецком языке рассматривает широкую панораму социально-демографических моделей в масштабах Европы²²¹. Стоит упомянуть также монографию американской исследовательницы Кристины Воробек «Крестьянская Россия. Семья и община в пореформенный период», в которой вопросы семейной структуры русского

²¹³ Laslett P. Family and household as work group and kin group: areas of traditional Europe compared // R. Wall (ed.), in collaboration with J. Robin and P. Laslett. *Family Forms in Historic Europe*. P. 513—563. Особо см. табл. 17.5 на с. 526—527.

²¹⁴ Сводки данных о структуре двора в разных выборках по Западной Европе см., напр.: Laslett P. Introduction: The history of the family // Laslett P. and Wall R. (eds.). *Household and Family in Past Time ...* P. 85; Blayo Y. Size and structure of households in a northern French village between 1836 and 1861. Ibid. P. 258; Flandrin J.-L. *Families in Former Times*. — Cambridge, 1976. P. 68, 71, 90; Wall R. Real property, marriage and children: the evidence from pre-industrial communities // R.M. Smith (ed.). *Land, Kinship and Life-cycle*. — Cambridge, 1984. P. 460; Reay B. *Microhistories: Demography, Society and Culture in Rural England, 1800 — 1930*. — Cambridge, 1996. P. 159; Wall R. Zum Wandel der Familienstrukturen im Europa der Neuzeit // *Historische Familienforschung. Ergebnisse und Kontroversen*. Michael Mitterauer zum 60. Geburtstag. Herausgegeben von J. Ehmer, T.K. Hareven und R. Wall. — Frankfurt; N. Y., 1997. P. 276—277, 280.

²¹⁵ Czap P. The perennial multiple family household, Mishino, Russia, 1782—1858 // *Journal of Family History*, 7 (1982). P. 5—26; Czap P. “A large family: the peasants’ greatest wealth”: serf households in Mishino, Russia, 1815—1858 // R. Wall (ed.), in collaboration with J. Robin and P. Laslett. *Family Forms in Historic Europe*. P. 105—151.

²¹⁶ Mitterauer M. and Kagan A. Russian and central European family structures: a comparative view // *Journal of Family History*, 7 (1982). P. 103—131.

²¹⁷ Bohac R. D. *Family, Property, and Socioeconomic Mobility: Russian Peasants on Manuilovskoe Estate, 1810—1861*. (Ph.D. diss., University of Michigan, 1982).

²¹⁸ Hoch S. *Serfdom and social control in Russia: Petrovskoe, a village in Tambov*. — Chicago, 1986. Русский перевод: Хок С.Л. Крепостное право и социальный контроль в России: Петровское, село Тамбовской губернии. — М., 1993.

²¹⁹ Kaiser D. H. Urban household composition in early modern Russia // *Journal of Interdisciplinary History*, 23 (1992). P. 39—71; Он же. The seasonality of family life in Early Modern Russia // *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*, 46 (1992). P. 21—50; Он же. Возраст при браке и разница в возрасте супругов в городах России в начале XVIII в. // *Сословия и государственная власть в России. XV — середина XIX в.: В 2 ч. Ч. 2*. — М., 1994. С. 225—237.

²²⁰ Kollé H. *The Russian Post-Emancipation Household. Two Villages in the Moscow Area*. Master thesis in history, University of Bergen. — Bergen, 1995. Работа доступна на сайте Бергенского университета: www.uib.no/hi/herdis/.

²²¹ Kaser K. *Familie und Verwandtschaft auf dem Balkan*. — Vienna, 1995; Он же. *Macht und Erbe. Männerherrschaft, Besitz und Familie im östlichen Europa (1500—1900)*. — Wien; Köln; Weimar, 2000.

крестьянства обсуждаются вместе с широким кругом других социально-исторических проблем, включая правила наследования надела и статус членов семьи в зависимости от пола и возраста²²². В то же время американские исследователи Андрейс Плаканс и Чарльз Ветерелл плодотворно изучали параметры крестьянской семьи Балтии в контексте социальных и родственных связей, в том числе с использованием данных на уровне отдельных имений и приходов²²³.

Вклад восточноевропейских историков долгое время оставался скромным. Отрывочные сведения о структуре домохозяйства в разные периоды и по разным регионам России публиковались неоднократно, но большинство из них подсчитывались и группировались таким образом, что не позволяли провести сплошное сопоставление ни с данными западноевропейских исследователей, ни между собой²²⁴. Для этого годились разве что отдельные цифры. Несопоставимой с методикой Кембриджской группы оказалась и система классификации семейных форм, предложенная В. Александровым²²⁵. Ряд публикаций касался семейных форм на территории Латвии²²⁶ и Эстонии²²⁷, причем эстонские исследователи придерживались схемы П. Леслетта.

В 1993 г. опубликована практически единственная сводка данных о структуре крестьянского двора на территории Беларуси. В ней учитывались сведения многочисленных инвентарей конца XVI — первой половины XVII в., которые охватывали 5663 двора в 267 населенных пунктах. К сожалению, и в этом случае методика подсчета отличалась от общепринятой в западной историографии²²⁸.

С середины 1990-х гг. западноевропейские исследователи начали привлекать своих российских коллег к совместным проектам по изучению исторической демографии, и это сыграло позитивную роль. Один такой проект, в рамках которого сопоставлялись демографические выборки на микроуровне (главным образом на основании приходских метрических книг и с использованием методики когортного анализа), реализовали совместно исследователи из Нидерландов и России (Москвы, Ярославля, Тамбова)²²⁹. Краткие результаты проекта публиковались в Гронингене в 1998 г. в сборнике под броским заголовком «Когда эти двое сходятся» (“Where the twain meet”)²³⁰. С конца 1990-х гг. к нему подключились ученые из Санкт-Петербургского и Петрозаводского университетов, которые проводили анализ метрических книг Олонецкой губернии.²³¹ Одновременно схожий проект инициировал Стивен Хок (Университет штата Айова, США) совместно с Тамбовским и Санкт-

²²² Worobec C. D. Peasant Russia: Family and Community in the Post-Emancipation Period. — Princeton, 1991.

²²³ Plakans A. Interaction between the household and the kin group in the Eastern European past: posing the problem // Journal of Family History, 12 (1987). P. 163—175; Wetherell C., Plakans A., and Wellman B. Social networks, kinship, and community in Eastern Europe // Journal of Interdisciplinary History, 24 (1994). P. 639—63; Wetherell C., and Plakans A. Borders, ethnicity, and demographic patterns in the Russian Baltic provinces in the late nineteenth century // Continuity and Change, 14 (1999). P. 33—56.

²²⁴ См. напр.: Бакланова Е. Н. Крестьянский двор и община на русском Севере: конец XVII — начало XVIII в. — М., 1976; Горская Н. А. Монастырские крестьяне Центральной России в XVII в. — М., 1977. С. 226—228; Биленко М. В. О мордовской семье XVII века // Советская этнография. 1979. № 1. С. 92—104; Миненко Н. А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII — первая половина XIX в.) — Новосибирск, 1979; Власова И. В. Структура и численность семей русских крестьян Сибири в XVII — первой половине XIX в. // Советская этнография. 1980. № 3. С. 37—50; Швейковская Е. Н. Крестьянская семья и община как категории социальной структуры феодальной России (конец XV — XVII в.) // Социально-демографические процессы в российской деревне (XVI — начало XX в.): Материалы XX сессии Всесоюз. симпоз. по изучению проблем аграрной истории. Вып. 1. — Таллин, 1986. С. 5—14; Гришкина М. В. Типология удмуртской крестьянской семьи конца XVII — первой половины XIX в. // Там же. С. 146—153; Кох О. В. Крестьянская семья // Аграрная история Северо-Запада России XVII века (население, землевладение, землепользование) / Под ред. А. Л. Шапиро. — Л., 1989. С. 56—58; Дашкевич Л. А. Семья государственных крестьян на Урале (по материалам подворных описей Потапинской волости 1805 г.) // Государственные крестьяне Урала в эпоху феодализма. — Екатеринбург, 1992. С. 109—121; Голикова С. В., Нечаева М. Ю. Домохозяйства населения Златоустовского округа на рубеже XVIII—XIX вв. (по материалам подворных описей) // Металлургические заводы и крестьянство: проблемы социальной организации промышленности России и Швеции в раннеиндустриальный период. — Екатеринбург, 1992. С. 150—156; Зырянов П. Н. Крестьянская община Европейской России: 1907—1914 гг. — М., 1992.

²²⁵ Александров В. А. Типология русской крестьянской семьи в эпоху феодализма // История СССР. 1981. № 3. С. 78—96; Он же. Обычное право крепостной деревни России. XVIII — начало XIX в. — М., 1984. С. 58—61.

²²⁶ Ефремова Л. С. Латышская крестьянская семья в Латгале, 1860—1939. — Рига, 1982; Стродс Х. Социальная структура латышского крестьянства в Курляндии (1734—1813 гг.) // История СССР. 1984. С. 2. С. 142—150.

²²⁷ Кахк Ю., Уйбу Х. О социальной структуре и мобильности эстонского крестьянства в первой половине XIX века. — Таллин, 1980 (особо см.: С. 50—55); Палли Х. Э. Естественное движение сельского населения Эстонии (1650 — 1799): В 3 ч. — Таллин, 1980 (особо см.: Ч. 1. С. 114); Он же. Estonian households in the seventeenth and eighteenth centuries // R. Wall (ed.), in collaboration with J. Robin and P. Laslett. Family Forms in Historic Europe. P. 213—215; Палли Х. Население крестьянского домохозяйства (дворохозяйства) в Эстонии в XVII—XVIII веках // Социально-демографические процессы в российской деревне (XVI — начало XX в.): Материалы XX сессии Всесоюз. симпоз. по изучению проблем аграрной истории. Вып. 1. С. 48—56.

²²⁸ Капыскі З., Капыскі Б. Беларуская вёска і яе насельніцтва ў канцы XVI — першай палове XVII ст. Восьмі дэмаграфічнай характарыстыкі // Беларускі гістарычны часопіс. 1993. № 2. С. 42—45. Позднее эти данные были воспроизведены, причем уже с использованием терминологии П. Леслетта, в издании: Гісторыя сялянства Беларусі са старажытных часоў да нашых дзён: У 3 т. Т. 1. — Мн., 1997. С. 103.

²²⁹ Kanishchev V., Protasov S. A project of integral history on local level. Preliminary results of data collection and computer analysis // Data Modelling, Modelling History. Abstracts of XI International Conference of the Association for History and Computing. — Moscow, 1996. P. 91—92.

²³⁰ Kooij P. (ed.). Where the twain meet. Dutch and Russian regional development in a comparative perspective. 1800 — 1917. — Groningen, 1998. Название является парафразом знаменитого двустишия Редьярда Киплинга *Oh, East is East, and West is West, and never the twain shall meet*, в дословном переводе: *О, Восток есть Восток, а Запад есть Запад, и эти двое никогда не сойдутся* (Kipling R. The Ballad of East and West).

²³¹ Костригина Е. В. Русско-голландский исследовательский проект “Интегральная история на локальном уровне”: Некоторые итоги и перспективы анализа демографической ситуации в Нидерландах и России в XIX в. // Историография и источниковедение отечественной истории: Сб. науч. статей и сообщ. — СПб., 2001. С. 132—135.

Петербуржским университетами²³². В процессе его реализации изучалась динамика рождаемости, брачности и смертности на основании анализа метрических книг нескольких приходов Тамбовской губернии. Результаты проекта нашли отражение в отдельных публикациях его участников. С. Хок опубликовал анализ метрических книг прихода Борщевка Тамбовской губернии за 1830—1912 гг.²³³, а сотрудники Тамбовского университета — прихода Малые Пупки той же губернии за 1811—1916 гг.²³⁴ Петербургские исследователи напечатали очень краткие результаты своих работ, связанных с динамикой рождаемости и смертности²³⁵.

Третий совместный проект организовали сотрудник Национального института демографических исследований (Institut national d'études démographiques) в Париже Ален Блюм и сотрудники экономического факультета Московского государственного университета Александр Авдеев и Ирина Троицкая. В этом случае осуществлено комплексное микроисследование имения Выхино в Московской губернии, принадлежавшего графам Шереметевым, путем сопоставления данных ревизских сказок за 1811—1858 гг. и метрических книг за 1815—1861 гг.²³⁶

Значительным событием стало рождение ежегодника «Социальная история», издание которого осуществляется с 1999 г. в России при поддержке Международного института социальной истории в Амстердаме²³⁷. На его страницах российские историки демонстрируют успешные примеры использования новейших методологических подходов, активно применяемых и обсуждаемых мировой исторической наукой.

Реконструкция **мировоззренческой составляющей** традиционной культуры — задача гораздо более сложная, требующая специфических подходов. Особое значение имеют свидетельства уроженца Кореньщины Язеп Гладкого (Адама Варлыги). В своих воспоминаниях, очерках «Забабоны» («Суеверия») и «Чатыры ўрачыстасьці» («Четыре торжества») он приводит факты, виденные и слышанные им непосредственно на Кореньщине в годы своего детства, в конце XIX и начале XX в. Его материалы, собранные вместе, отражают взгляд на мир самого автора — некогда обычного крестьянского паренька, родившегося 4 октября 1890 г. в Михалковичах в семье коренного жителя этой деревни Адама Гладкого. Мать Язеп была дочерью Адама Яковлевича Окулича, переселившегося в начале 1850-х гг. из Чернева. Сам Язеп сначала закончил всего двухклассную начальную школу. Он жил в Михалковичах до Первой мировой войны, затем был призван на фронт, а в 1918—1919 гг. учился в Минске в педагогическом институте. Потом около 10 лет учительствовал в родных местах — вместе со старшим братом Казимиром, пока оба они не попали под жернова политических репрессий против национальной белорусской интеллигенции. Казимира расстреляли, а Язеп уцелел и жил в Минске, где в 1935 г. устроился в Институт школьного образования. Во время Второй мировой войны он ненадолго вернулся в Михалковичи, но в 1944 г. покинул родину навсегда, уйдя с отступающими немецкими войсками. После этого путь домой для него был закрыт.

Бесспорно, своим образованием, литературным даром и активной политической позицией Язеп Гладкий значительно выделялся среди земляков. Но в остальном он являлся таким же сыном своей земли, как и каждый из них. Взгляд на мир, чуть-чуть приоткрытый нам в его текстах, в чем-то характерен для всей популяции. Даже описывая ее с позиций исследователя, Адам Варлыга всегда оставался Язепом, и этим он особенно дорог нам.

²³² Hoch S.L., Kashchenko S., Mizis Yu. Project in Russian population history, 1700—1917: Preliminary results // Data Modelling, Modelling History. Abstracts of XI International Conference of the Association for History and Computing. P. 89—91. См. также очень краткую информацию о проекте в предисловии С. Хока к изданию: *Апри Л., Блюм А.* Методика анализа в исторической демографии. — М., 1997. С. 8—9.

²³³ Hock S. L. Famine, disease, and mortality patterns in the parish of Borshevka, Russia, 1830—1912 // Population Studies, 52 (1998). P. 357—368. Русский вариант этой же статьи: *Хок С. Л.* Голод, болезни и структуры смертности в приходе Борщевка, Россия, 1830—1912 // Социально-демографическая история России XIX—XX вв. Современные методы исследования: Материалы науч. конф. (апрель 1998 г.). — Тамбов, 1999. С. 3—29. См. также полемику С.Г. Кащенко с некоторыми выводами этой статьи: *Кащенко С.Г.* К вопросу о смертности в Тамбовской губернии в XIX — начале XX в. (Некоторые соображения по поводу доклада профессора Стивена Л. Хока) // Там же. С. 30—40.

²³⁴ *Канищев В.В., Кончаков Р.Б., Мизис Ю.А.* Соотношение когортного и сплошного анализа демографического поведения российского крестьянства XIX — начала XX в. (по материалам прихода с. Малые Пупки Тамбовской губернии) // Социально-демографическая история России XIX—XX вв. Современные методы исследования: Материалы науч. конф. (апрель 1998 г.). С. 60—71.

²³⁵ *Кащенко С.Г.* Некоторые новые тенденции в исследованиях по исторической демографии России // Новые информационные ресурсы и технологии в исторических исследованиях и образовании: Сб. тез. докл. и сообщ. Всерос. конф. — М., 2000. С. 153—154; *Менухова П.А.* Опыт применения когортного анализа при изучении демографических процессов в Олонецкой губернии (1810—1918 гг.) // Там же. С. 162—163; *Смирнова С.С.* К вопросу о влиянии эпидемий на смертность в карельской деревне во второй половине XIX в. // Там же. С. 169—170; *Маркова М.А.* Некоторые наблюдения за полнотой фиксации младенческой смертности в метрических книгах Олонецкой губернии // Компьютер и историческая демография: Сб. науч. тр. — Барнаул, 2000. С. 165—172.

²³⁶ *Avdeev A., Blum A., Troitskaia I.* La nuptialité en Russie avant le reforme de 1861 (une étude sur 3 villages de la region de Moscou). The paper presented for the European Population Conference. The Hague, 30 August — 3 September 1999; *Blum A., Troitskaya I. and Avdeev A.* Family, marriage and social control in Russia — Three villages in Moscow region // *M. Neven and Catherine Carpon* (eds.). Family Structures, Demography and Population. A Comparison of Societies in Asia and Europe. — Liège, 2000. P. 88—92.

²³⁷ Социальная история. Ежегодник, 1997. — М., 1998; Социальная история. Ежегодник, 1998/99. — М., 1999; Социальная история. Ежегодник, 2000. — М., 2000.

Из этнографических записей, пригодных для сравнительного сопоставления, наиболее ценна подборка, опубликованная в издании Института искусствоведения, этнографии и фольклора, посвященном свадебному обряду. Особую ценность с точки зрения данного исследования имеет очень раннее описание свадебного обряда в Гайненском приходе, т. е. в непосредственном соседстве с исследуемым микрорегионом, составленное И. Шидловским (или, по другой версии, З. Доленга-Ходаковским) и датированное 1800—1802 гг.²³⁸ Под *сельским людом* в этом случае, возможно, имелось в виду не только крестьянство, но и мелкая шляхта, но их обрядность вряд ли резко различалась. Учитывая территориальную близость, можно почти не сомневаться, что обряды населения Кореньщины на рубеже XVIII—XIX вв. были аналогичными или очень схожими.

Основной багаж фактов, фиксирующих духовную составляющую традиционного белорусского общества, накопили исследователи второй половины XIX — начала XX в.²³⁹ При этом особое внимание уделялось таким экзотическим явлениям, как пережитки первобытной магии, суеверия и т. п. Вопрос об описании традиционного мировосприятия как целостной системы в ту пору еще не ставился. Достаточно объемную и яркую, но порой чересчур обобщенную картину бытовых отношений и мировоззрения белорусских крестьян дают этнографические записи, обобщенные на рубеже XIX и XX вв. М. В. Довнар-Запольским и Д. З. Шендриком для девятого тома издания «Россия»²⁴⁰. Более конкретен и компактен материал, собранный в 1880-е — начале 1890-х гг. Адамом Богдановичем (отцом белорусского поэта Максима Богдановича) на территории центральной Беларуси²⁴¹. Значительная часть этого материала происходит из окрестностей местечка Холопеничи на востоке Борисовского уезда, где в 1862 г. родился и провел детские годы А. Богданович.

Большие возможности дает анализ устного фольклора, в данном случае прежде всего собрания пословиц и поговорок того же А. Варлыги. Эффективность этого приема продемонстрировал Б. Н. Миронов, который использовал собрание пословиц и поговорок В. И. Даля для реконструкции ментальности российских крестьян²⁴². То, что поговорки передавались из уст в уста и из поколения в поколение (многие известны по всей Беларуси и имеют аналоги в фольклоре других народов), доказывает, что люди внутренне соглашались с ними — иначе, несмотря на всю свою искрометность, они были бы забыты. Тот факт, что пословицы и поговорки собрал и записал уроженец Кореньщины, придает им дополнительную ценность. Во-первых, это бесспорно свидетельствует, что все они бытовали именно в указанной местности и потому отражают реальный этический кодекс, а не случайный конгломерат мнений, присущих совершенно разным людям в разных краях. Во-вторых, этот фольклорный материал, проходя через сознание одного человека, подвергался определенному отбору. Записывалось или припоминалось через много лет только то, что когда-то вызвало отклик в его душе. Таким образом, перед нами не только коллективный банк данных, но и его индивидуальное преломление.

Серьезным подспорьем является упоминавшаяся уже книга Н. Улащика о его родной Вицковщине. Правда, эта деревня, основанная предприимчивыми и зажиточными крестьянами, которые уже в 1883 г. оказались способны купить крупные (от 20 до 40 дес.) земельные участки, в конце XIX в. была сильно модернизирована. Однако многие детали быта и мировоззрения крестьянской элиты Вицковщины оставались вполне традиционными, о чем не раз упоминает сам автор.

В целом отмеченные материалы укладываются в единую систему, но взгляды авторов и общие парадигмы восприятия архаичных верований, бытовавшие во время формирования их личности, не могли не проявиться, на что нужно делать некоторую поправку. Все авторы слишком дорожили тем новым взглядом, который придало им городское образование, и зачастую делали поспешные суждения. Особенно это свойственно А. Богдановичу с присущей ему склонностью абсолютизировать первое впечатление, а порой и недостаточной вдумчивостью. Материалам из издания «Россия», с одной стороны, придан слишком универсальный характер — некоторые черты, приписываемые в этом очерке всем белорусам, на самом деле являлись региональными особенностями. С другой стороны, в качестве отличительных черт белорусов указываются явления, характерные для любого традиционного общества.

Белорусские этнографы советского периода при изучении духовной культуры главный упор делали на сбор, публикацию и поверхностную характеристику фольклора, прежде всего народных песен. В последние годы появились пять

²³⁸ Вяселле. Абрад. — Мн., 1978. С. 39—50.

²³⁹ *Анимелле Н.* Быт белорусских крестьян // Этнографический сборник, издаваемый РГО. — СПб., 1854. Вып. 2; *Никифоровский Н. Я.* Очерки простонародного життя-быття в Витебской Белоруссии и описание предметов обиходности. — Витебск, 1895; *Довнар-Запольский М. В.* Исследования и статьи. Т. 1. — Киев, 1909.

²⁴⁰ Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей / Под ред. *В. Л. Семенова*. Т. IX: Верхнее Поднепровье и Белоруссия. — СПб., 1905. С. 135—202.

²⁴¹ *Богданович А. Е.* Пережитки древнего мирозерцания у белорусов: Этнограф. очерк. — Гродно, 1895.

²⁴² *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи и правового государства: В 2 т. — 2-е изд., испр. — СПб., 2000. Т. 1. С. 327—349.

коллективных монографий серии «Беларускі фальклор: Жанры, віды, паэтыка», исследующих белорусский фольклор более углубленно²⁴³. Довольно подробно была исследована также свадебная обрядность, а в последнее время — символика народного орнамента²⁴⁴ и традиции семейного воспитания²⁴⁵.

В последние годы появились крупные обобщающие работы, в которых накопленный материал представлен в систематизированном и концентрированном виде. Прежде всего следует отметить последние тома серии «Беларусы», один из которых посвящен этногенетическим и этническим процессам, второй — семейным отношениям в самом широком смысле, а третий — общественным традициям²⁴⁶. К сожалению, этим изданиям свойственен описательный, а порой и попросту констатирующий характер многих выводов. Эпизодически привлекаемые статистические данные отличаются достаточной произвольностью. Совершенно неприсуще стремление точно датировать изменения в бытовой культуре. В текстах некоторых авторов белорусская деревня предстает чем-то вроде кладезя неисчерпаемой мудрости, потенциально способного обеспечить индивиду полноценное и гармоничное существование. «Темные» стороны традиционного уклада, неоптимальность некоторых традиций в сравнении с принятыми у других народов остаются на периферии внимания, и уж совершенно отсутствуют попытки вскрыть неявные, не признаваемые открыто модели поведения. Того, о чем информатор считал неловким вслух говорить этнографу, для авторов как бы и не существует. Для рубежа XXI в. такой уровень проникновения в материал представляется явно недостаточным.

Одной из сторон ментальности белорусов, а именно стереотипам традиционного мышления, посвящена работа И. А. Марзюлюка²⁴⁷, охватывающая период от Киевской Руси до конца XVII в. Правда, использованные автором письменные источники позволяют говорить о ментальности преимущественно интеллектуальной и социальной элиты общества, в меньшей степени — рядовых горожан. Отразить специфику крестьянства с их помощью практически невозможно. Тем не менее многие выводы общего характера представляют несомненный интерес.

Воспринимать выводы этнографов XIX — начала XX в. необходимо сквозь призму знаний и концепций, накопленных науками о человеке в последующие годы. Прежде всего необходимо учитывать достижения психологии, серьезно изменившие представления о человеческой психике и происходящих в ней процессах. У истоков этого переворота стоял классический психоанализ Зигмунда Фрейда, обогативший науку категориями *бессознательного*, *вытеснения*, *сублимации*, *проекции*, *рационализации* и т. п. Хотя попытки самого Фрейда расширить теорию психоанализа на сферу социальной жизни сегодня выглядят устаревшими, они дали начало целому ряду направлений *глубинной психологии*. Немало полезного для интерпретации исторических и социальных процессов можно почерпнуть, например, из поздних работ Карла Густава Юнга²⁴⁸. Очень ценными представляются взгляды Виктора Франкла²⁴⁹, который выработал их, пройдя через нацистские концентрационные лагеря. То, что определенная система мировосприятия, по его собственному убеждению, позволила ему выжить в нечеловеческих условиях, заставляет относиться к ней предельно внимательно, тем более что она оказалась вполне эффективной в клинической психиатрии. Сформулировать новую мировоззренческую парадигму (*трансперсональную психологию*) пытался в свое время американский психиатр чешского происхождения Станислав Гроф²⁵⁰. Эти идеи уже используются, например, историками религии для пересмотра некоторых устоявшихся взглядов на истоки человеческой религиозности.²⁵¹

Несколько иной подход, который можно условно определить как «технократический», предлагают сторонники *структуралистского* направления, у истоков которого стоял Клод Леви-Строс²⁵². В данном случае исследуются те особенности человеческого мышления, которые объединяют его с работой компьютера: потребность классифицировать поступающую информацию на основе *бинарных оппозиций* (добро — зло, чет — нечет, белое — черное и т. п.), склонность

²⁴³ Каляндарна-абрадавая паэзія / А.С. Ліс, А.І.Гурскі, В.М.Шарая, У.М.Сівіцкі; Навук. рэд. А.Г.Фядосік. — Мн., 2001; Сямейна-абрадавая паэзія. Народны тэатр / А.Г.Фядосік, А.С.Емельянаў, У.М.Сысоў, М.А.Каладзінскі; Навук. рэд. К.П. Кабашинікаў. — Мн., 2001; Пазаабрадавая паэзія / А.І.Гурскі, Г.А.Пятроўская, Л.М.Салавей; Навук. рэд. А.Г.Фядосік. — Мн., 2002; Народная проза / К.П. Кабашинікаў, А.Г.Фядосік, А.В.Цітавец; Навук. рэд. А.С.Ліс. — Мн., 2002; Міфалогія, духоўныя вершы / А.М.Ненадавец, А.У.Марозаў, Л.М.Салавей, Т. А. Івахненка; Навук. рэд. А.Г.Фядосік. — Мн., 2003.

²⁴⁴ Никольский Н. М. Происхождение и история белорусской свадебной обрядности. — Мн., 1956; Беларуская народная вусна-паэтычная творчасць. — Мн., 1967; Кацар М. С. Беларускі арнамент. Ткацтва. Вышыўка. — Мн., 1996.

²⁴⁵ Ракава Л.В. Традыцыі сямейнага выхавання ў беларускай вёсцы. — Мн., 2000.

²⁴⁶ Беларусы. Т. 4: Вытокі і этнічнае развіццё. — Мн., 2001; Беларусы. Т. 5: Сям'я. — Мн., 2001.

²⁴⁷ Марзюлюк І. А. Людзі даўняй Беларусі: Этнаканфесійныя і сацыякультурныя стэрэатыпы (X—XVII стст). — Магілёў, 2002.

²⁴⁸ Юнг К. Г. Проблемы души нашего времени. — М., 1994; *Он же*. Ответ Иову. — М., 1995; и др.

²⁴⁹ Франкл В. Человек в поисках смысла. — М., 1990; *Он же*. Основы логотерапии. Психотерапия и религия. — СПб., 2000.

²⁵⁰ Гроф С. За пределами мозга. Рождение, смерть и трансценденция в психотерапии. — М., 2000; *Он же*. Психология будущего. Уроки современных исследований сознания. — М., 2001; *Он же*. Человек перед лицом смерти. — М., 2002.

²⁵¹ Торчинов Е. А. Религии мира: Опыт запредельного: Психотехника и трансперсональные состояния. — СПб., 1998.

²⁵² Леви-Строс К. Структурная антропология. — М., 1985.

устанавливать связи между выделенными объектами вполне определенным образом и группировать их в специфические *структуры*, которые легко узнаются в мифологии самых разных народов (они отчасти перекликаются с *архетипами* К. Г. Юнга²⁵³). Врожденные особенности человеческого мышления, продемонстрированные структуралистами, необходимо учитывать, но в целом их методы, предполагающие анализ формы при абстрагировании от содержания, не привели к столь глубокому проникновению в закономерности культурной эволюции, как ожидалось поначалу. Эта их относительная неудача указывает на безусловный приоритет содержания перед формой. Продолжая аналогию с компьютером, можно сказать, что роль «программного обеспечения» оказалась гораздо более важной, чем конкретные свойства той «вычислительной машины», в которой оно реализуется.

Стремление напрямую применить методы глубинной психологии для анализа исторических процессов породило такое направление, как психоистория²⁵⁴. В рамках исторической науки оно осталось маргинальным, чему в немалой степени способствовала претенциозная и поучающая манера изложения материалов самими психоисториками. Но полностью игнорировать их наработки при всей порой шокирующей их новизне было бы опрометчиво.

Более взвешенный стиль работы с материалом, позволяющим заглянуть в тайники души ушедших поколений, свойственен работам некоторых советских историков, творчески воспринявших подходы школы «Анналов»²⁵⁵. В современной белорусской этнографии попытка использовать новые взгляды на психику человека (как структуралистские, так и свойственные глубинной психологии) предпринята в исследовании Я. Крука²⁵⁶. Эта работа очень неровная. Сам подход, основанный на реконструкции общекультурного семантического кода, можно только приветствовать. Но некоторые из предложенных реконструкций представляются излишне смелыми. В других случаях автор, наоборот, остался на уровне констатаций. И уж совсем неоправданной представляется попытка возродить в современной бытовой культуре далеко не лучшую черту языческого мировоззрения — его насыщенность суевериями, гипертрофированное стремление защититься от враждебного мира духов с помощью до мелочей регламентированной системы ритуальных запретов и предписаний

²⁵³ Юнг К. Г. Воспоминания, сновидения, размышления. — М., 1998. С. 459—461. Сам Юнг, видимо, склонялся к более метафизическому истолкованию архетипов — как объективных реальностей, существующих вне индивидуальной психики. Трактовку, сближающую их с врожденными мыслительными структурами, он использовал в своих научных публикациях, чтобы не порывать окончательно с материалистическим научным сообществом. См.: Нолл Р. Арийский Христос. Тайная жизнь Карла Юнга. — М., 1998.

²⁵⁴ Демоз Л. Психоистория. — Ростов н/Д., 2000; ШUTOVA O. M. Психоистория: школа и методы: Учеб. пособие. — Мн., 1997.

²⁵⁵ История и психология. Сб. науч. статей. — М., 1971; Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. — М., 1987; Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. — М., 1990.

²⁵⁶ Крук Я. Сімваліка беларускай народнай культуры. — Мн., 2001.

Часть вторая
Становление

Исходное состояние

Анализу доступны лишь несколько аспектов традиционной общественной структуры на стадии формирования зрелого классового общества, которую на территории Беларуси можно датировать в широких рамках с XI по первую половину XVI в. Для указанного периода сведения, касающиеся непосредственно изучаемого микрорегиона, практически отсутствуют. Приходится опираться на разрозненные упоминания, относящиеся к смежным и удаленным районам, а порой и на еще более отдаленные аналогии. Поэтому, строго говоря, эта часть книги не может считаться микроисследованием и носит в целом компилятивный характер. Тем не менее она необходима, ибо для понимания последующих процессов на территории Кореньщины (и Беларуси в целом) очень важно представлять себе исходное состояние.

Вопросы **воспроизводства населения** пока приходится оставить в стороне. О них совершенно нет прямых данных, а кое-какие косвенные соображения можно будет проинтерпретировать лишь после изучения системы воспроизводства в устоявшемся традиционном обществе — в XVIII и первой половине XIX в.

Зато **характер производства** не вызывает особых сомнений и разногласий среди исследователей. На всей территории Беларуси господствовал общий для славян, балтов и германцев хозяйственно-культурный тип: пашенное земледелие в сочетании с пастбищно-стойловым животноводством. Судя по археологическим данным, уже к XII—XIII вв. сложился основной комплекс сельскохозяйственных орудий, бытовавший затем в почти неизменном виде до XIX в.: для первичной обработки залежных земель применялось тяжелое деревянное рало с металлическим наральником, для вспашки постоянно обрабатываемых участков — легкая однозубая или двузубая соха, также с металлическими сошниками. В качестве основных тягловых животных использовались вол (кастрированный бык) и лошадь. Одной пары этих животных (или даже одной лошади) было достаточно для пахоты. По сравнению с Западной Европой здесь совершенно не применялся тяжелый плуг, в который впрягали несколько пар животных (в Англии в это же время, например, нормой считалась восьмиволовая запряжка²⁵⁷). Примерно с XIV в. в Восточной Европе распространяется соха с перекидной полицей, позволявшая переворачивать взрезаемый пласт подобно тому, как это делает плуг. Рыхление почвы осуществлялось разными видами борон, до конца XIX в. — исключительно деревянными. Для уборки урожая и заготовки кормов на зиму существовал целый комплекс разнообразных орудий: коса (первоначально, видимо, на короткой ручке, длинное косовище для косьбы стоя распространилось с XV в.), серп, деревянные вилы, грабли, молотильный цеп и пр. Для заготовки дров и плотницких работ использовался преимущественно топор, хотя уже с X в. известны находки полотниц от пилы-ножовки, с XIV в. — от двуручной плотницкой пилы.

Животные продукты давали корова, коза, овца и свинья. Судя по костным останкам, весь скот был малорослым, адаптированным к зимовке в условиях скудного рациона и поэтому малопродуктивным. Убойный выход мяса с одной коровы составлял, возможно, порядка 130—150 кг, а годовой надой — несколько сот литров молока. Из домашней птицы известны курица, утка, гусь.

В этот период сложился и традиционный набор возделываемых злаков. Преобладали в нем рожь, ячмень и овес, достаточно распространены были также просо, пшеница, горох. Из овощей и корнеплодов выращивались репа, редька, капуста, морковь, из технических культур — лен и конопля. Такой состав культурных растений предполагает сочетание небольшого овощного огорода при доме на хорошо унавоженной земле и основного полевого участка, где сеялись зерновые. Последние, судя по более поздним сведениям, отличались невысокой урожайностью, которая сильно колебалась в зависимости от климатических условий и степени истощения почвы. В самом грубом приближении можно предполагать, что на старопашотных землях хорошим считался урожай в пределах 5—7 ц/га, плохим — 2—3 ц/га (при норме высева порядка 1—1,5 ц). На землях, впервые вводимых в сельскохозяйственный оборот после очистки от леса, урожай поначалу мог быть гораздо выше — до 25 ц/га. Но на таком уровне он держался год-два, после чего быстро снижался.

В качестве основной системы земледелия, обеспечивавшей приемлемую урожайность и самовосстановление плодородия почвы, не позднее XIV—XV вв. утвердилось трехполье. Пахотные земли разделялись на три поля, из которых одно поочередно засевалось озимой рожью, другое — яровыми культурами (пшеницей, ячменем, овсом), а третье оставалось

²⁵⁷ История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма: В 3 т. Т. 1. — М., 1985. С. 277.

под паром и использовалось под пастбище, естественным путем удобряясь навозом. Но скорее всего трехполье не имело классической формы, т. е. три поля не обязательно были равными. Все зависело от погодных условий. После засушливого лета, погубившего часть яровых, крестьянин мог увеличить (до 1,5 раза) размер озимого клина за счет пара, и наоборот, вымораживание озимых приводило к увеличению ярового посева²⁵⁸. Прямое указание на наличие в структуре угодий трех полей (*на вси 3 лета*) датируется на территории Беларуси 1549 г.²⁵⁹, но в качестве обычной практики, причем уже в одном из самых ранних сохранившихся хозяйственных инвентарей.

Характер жилых и хозяйственных построек, также сложившийся в этот период, оставался в дальнейшем удивительно стабильным. Не позднее XIII в. основным типом жилища в лесной зоне Восточной Европы становится наземная однокамерная постройка с длиной стороны 4—5 м, рубленая из бревен (изба)²⁶⁰. Помещения для скота, хранения урожая и сельскохозяйственной утвари представляли собой отдельные постройки (срубные или каркасные), которые могли ставиться вплотную к жилой избе или на удалении от нее, образуя двор. Изба отапливалась или печью-каменкой, или глинобитной курной печью (без трубы, дым выходил в жилое помещение), которая у восточных славян традиционно размещалась с левой стороны у входа.

Вопрос о **владении средствами производства** более дискуссионен. Его целесообразно рассматривать вместе с вопросом **социальной иерархии**. Характер общественного устройства Киевской Руси, в состав которой с IX в. входил наш объект исследования, разные исследователи определяют по-разному и даже по-разному датируют появление классового общества. Несомненно, что вершину социальной пирамиды занимал княжеский род Рюриковичей, осуществлявший своеобразный коллективный сюзеренитет над всей территорией Руси²⁶¹. Владения отдельных ветвей рода образовывали княжеские вотчины, а конкретные князья делили их между собой на временные административные единицы — уделы. Поскольку ближайшим городом, известным по летописям древнерусского времени, являлся Логойск (летописный *Логожеск*), расположенный примерно в 16 км от Кореня, можно предполагать, что Кореньщина первоначально была частью Логойского удела, территория которого сложилась в XI в. Этот удел в свою очередь входил в состав Полоцкой земли — вотчины старшей ветви Рюриковичей (потомков Изяслава Владимировича). По мере дробления из нее выделилась Менская земля, которая, вероятно, включала в себя и Логойский удел. Вместе с Менским княжеством Кореньщина вошла позднее в состав Великого Княжества Литовского. Хотя прямых упоминаний об этом событии не сохранилось, оно произошло во время правления великого князя Гедимины, примерно в 1320-е гг.

Княжеская власть опиралась на военно-служилый социальный слой — боярство, из которого рекрутировались полководцы и постоянная дружина, а также представители административно-управленческого аппарата, взаимодействовавшие с основной массой населения, — наместники. Эта система в целом сохранялась неизменной и долгое время после того, как верховная власть в процессе образования Великого Княжества перешла от Рюриковичей к литовским князьям.

А. Варлыга упоминает о двух земляных укреплениях (*замчищах*) по обоим берегам болота Чистик, которые он относил ко времени Логойского княжества. Одно из них находилось за пределами Кореньщины, хотя и у самых ее границ — на горе Малиновка, близ деревень Лозки и Городище. Другое городище-замчище располагалось в урочище Сукромное, на восточном берегу болота Чистик — видимо, в северо-восточном углу Кореньщины. К сожалению, никем из археологов оно не обследовалось.

Крестьянское население принадлежало к *волостям* — основным структурным единицам общества и государства. О внутреннем устройстве волости в этот период непосредственных источников нет, но на нее можно с достаточной уверенностью экстраполировать более поздние данные XV—XVI вв. по тем волостям, которые сохранили свой прежний статус и не были розданы в частную собственность. Эти сведения по территории Великого Княжества Литовского на рубеже XIX—XX вв. обобщены в ряде исследований²⁶². Их дополняют исследования по другим территориям, где долго сохранялись

²⁵⁸ История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма: В 3 т. Т. 2. — М., 1986. С. 256; История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции: В 5 т. Т. 2. — М., 1989. С. 188–189.

²⁵⁹ Документы Московского архива Министерства юстиции. Т. 1. — М., 1897. С. 95.

²⁶⁰ Древняя Русь. Город, замок, село. — М., 1985. С. 102–103, 136–143.

²⁶¹ Назаренко А. В. Родовой сюзеренитет Рюриковичей над Русью (X–XI вв.) // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования, 1985 год. — М., 1985. С. 149–157.

²⁶² Владимирский-Буданов М. Ф. Крестьянское землевладение в Западной России до половины XVI в. — Киев, 1892; Любавский М. М. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского статута. — М., 1892; Леонтович Ф. И. Крестьянский двор в Литовско-Русском государстве. — СПб., 1897. Вып. 1; Довнар-Запольский М. В. Западнорусская сельская община в XVI в. — СПб., 1897; Он же. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах: В 2 т. — Киев, 1901; Он же. Очерки по организации западно-русского крестьянства в XVI в. — Киев, 1905.

пережиточные черты древнерусской волости — Северо-Западной и Северо-Восточной Руси (там она известна как *черная* или *черносошная* волость)²⁶³.

Судя по этим данным, волость представляла собой общину с довольно высоким уровнем самоуправления. Ее административный аппарат (волостной староста, старцы, сотники, десятники) выбирался самими крестьянами. Интересы верховного собственника — князя представлял его боярин — *наместник*, в распоряжении которого находились администраторы низшего ранга — *тиуны*. В эпоху Киевской Руси тиунами были, как правило, холопы. Позднее термин *тиун* стал более многозначным, в разных условиях он означал и наемных администраторов из числа свободных людей (даже шляхтичей), и сельских старост, если они не выбирались крестьянами, а назначались владельцем. Резиденцией наместника был административный центр волости, в древности именовавшийся *погостом*. К XV в. крупные погосты превратились в укрепленные замки, более мелкие выступают обычно под названием *двор господарский* (от титула *господар*, которым в ВКЛ обозначался великий князь).

Территория волости разделялась на соседские общины более низкого ранга. Отрывочные упоминания *сотен* и *десятков* дают основания предполагать, что первоначально иерархическая система распределения повинностей имела десятичный характер: волость разделялась на сотни, а те в свою очередь на десятки, представлявшие собой объединения нескольких (не обязательно строго десяти) самостоятельных хозяйств, сообща выполнявших определенную норму повинностей. К XV в. на территории Великого Княжества эта система, видимо, уже ушла в прошлое. Структурные единицы низшего уровня выступают под названием *села*. За каждым селом были закреплены необходимые общинные угодья: пастбища, сенокосы, леса, специфические охотничьи и рыболовные угодья (*бобровые гоны, ловы*). Обычно сельская община имела четко отграниченную территорию. Село не обязательно представляло собою компактное поселение, его могли образовывать отдельные усадьбы хуторского типа, разбросанные по общинной территории. Но чаще оба этих варианта сочетались: сельскую общину образовывали одно сравнительно крупное поселение (собственно *село*) и несколько отдельных усадеб, которые в древнерусское время назывались *починками*. Позднее крупное поселение стало называться *весью* (отсюда белорусское *вёска*), а починок — *застенком*. Новые починки основывались по личной инициативе крестьянина, хотя и требовали, вероятно, санкции со стороны общины или наместника. Пахотная земля, а также *бортные* деревья в лесу (на них устанавливались *борти* — колоды для гнездования полудиких пчел) находились, по-видимому, в индивидуальном владении крестьянских дворохозяйств.

Господарский двор как центр волости и *село* как центр общины следует отличать от личных боярских или княжеских имений, также называемых в источниках *дворами* (часто с определением *княжий* или *панский*) и *селами* (с теми же определениями). Обычно такие имения располагались вблизи городов, а на территории удаленных волостей их могло не быть вовсе. Они представляли собой, очевидно, небольшие поселения, в которых помимо семьи владельца или его управляющего жили холопы (*челядь невольная*), которые и вели основные работы в доменальном²⁶⁴ хозяйстве.

Статус и даже наименование основной части крестьянского населения не совсем ясны. Для земледельцев Киевской Руси наиболее часто применялся термин *смерды*. Исследователи расходятся во мнениях, охватывал ли он основную массу крестьянства (в других случаях выступающую под наименованием *люди*) или относился к его специфической прослойке, находящейся в личной зависимости от князя²⁶⁵. Отчасти решение проблемы сводится к толкованию статей Русской правды, устанавливающих штраф за убийство лиц разных социальных категорий. Жизнь *людина* (явно свободного) оценивалась в 40 гривен, жизнь представителя низшей категории княжеских или боярских слуг — *рядовича* — всего в 5 гривен. На этом фоне

²⁶³ Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в России. — М., 1988. С. 152–232; Данилова Л. В. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV–XV вв. — М., 1955; Раскин Д. И., Фроянов И. Я., Шапиро А. Л. О формах черного крестьянского землевладения XIV–XVII вв. // Проблемы крестьянского землевладения и внутренняя политика России: Сб. статей. — Л., 1972; Горский А. Д. К вопросу о сущности черного землевладения на Руси в XIV–XV вв. // Проблемы развития феодальной собственности на землю: Сб. статей. — М., 1979; Данилова Л. В. О внутренней структуре сельской общины Северо-Восточной Руси // Россия на путях централизации: Сб. статей. — М., 1982.

²⁶⁴ Термин *домен* на территории Великого Княжества Литовского не употреблялся, хотя само явление, обозначаемое этим словом в западноевропейской практике, было столь же распространенным. Здесь и далее под доменом понимается часть имения, находящаяся не в пользовании крестьян или арендаторов, а в прямом и непосредственном распоряжении собственника. Примерно с середины XVI в. в этом значении в Княжестве (поначалу только в государственных имениях) начал употребляться термин *фольварк*.

²⁶⁵ По поводу разной трактовки термина *смерд* см.: Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. — М.; Л., 1939. С. 89–113; Греков Б. Д. Крестьянство на Руси с древнейших времен до конца XVII века. — 2-е изд. — М., 1952. Кн. 1. С. 181–213; Зимин А. А. О смердах древней Руси XI – начала XII в. // Историко-археологический сборник: А. В. Арциховскому к шестидесятилетию. — М., 1962. С. 222–228; Черепнин Л. В. Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX–XV вв. // Новосельцев А. П., Пауштов В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма. — М., 1972. С. 176–180; Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. — Л., 1974. С. 119–126, 148, 157–158; Рыбаков Б. А. Смерды // История СССР. 1979. № 1–2; Свердлов М. Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. — Л., 1983. С. 74–78, 135–193.

одна из статей в части дошедших до нас списков гласит: *а за смерди холоп 5 гривен, а за робу 6 гривен*²⁶⁶. Но в Академическом списке читается: *в смерде и в холопе 5 гривен*. Небольшое разночтение меняет смысл радикальным образом. В первом случае смерд предстает как свободный человек, который может иметь собственных рабов (аналог англосаксонского *кэрла* и скандинавского *бонда*), во втором он сам оказывается на одном уровне с рабом.

Исследователи, по-разному трактовавшие статус смердов, предпочитали тот или иной вариант прочтения²⁶⁷. Мне представляется, что при решении вопроса следует опираться не на формально-текстологические, а на общесистемные критерии, и с этой точки зрения первый вариант выглядит гораздо убедительнее. Во-первых, договоры Новгорода со служилыми князьями неоднократно упоминают смердов как одну из основных категорий населения, притом бесспорно связанную с волостью (*кто купец, поидеть в свое сто, а смерд поидеть в свои погост*²⁶⁸) и способную *заложиться* под патронат князя²⁶⁹ (т. е. в норме лично независимую от него). Во-вторых, смерды прямо противопоставляются холопам в статьях Русской правды, оговаривающих штраф (*продажу*) за угон скота: *то ти уроци смердом, оже платять князю продажу; аже будуть холопи татие любо книжи, любо боярьстии, любо чернечь* (монастырские. — В.Н.), *их же князь продажею не казнить, зане суть несвободни*²⁷⁰. В-третьих, смерды еще в начале XIII в. упоминаются в качестве ополченцев в составе княжеского войска (*смерды многы пешьце*²⁷¹), что во всех раннеклассовых обществах было правом и обязанностью свободных людей. Отсутствие отдельного штрафа за убийство смерда в Русской правде объясняется, видимо, тем, что он являлся лишь одной из категорий *людина*. Что касается *смердьего холопа*, то остается возможным двойное толкование: это мог быть или принадлежащий смерду холоп (что представляется мне более вероятным²⁷²), или холоп, аналогичный смерду по роду занятий, т. е. посаженный на землю.

Очень мало можно сказать о **структуре семьи и крестьянского дворохозяйства** в указанный период. Мне уже приходилось подчеркивать то особое значение, которое имеет данный вопрос, поскольку отражает очень глубинные формы демографического и хозяйственного поведения²⁷³. В конечном счете он сводится к тому, сколько нуклеарных семей (брачных пар с детьми) вели совместное хозяйство — жили под одной крышей, имели равное право на средства производства и продукты коллективного труда. Это зависело как от формы хозяйствования (например, подсечное земледелие или отгонное пастбищное животноводство представляются невозможными без совместного труда нескольких взрослых мужчин, что предполагало и их совместное проживание), так и от культурных традиций. Нередко одну и ту же хозяйственную задачу решали разными способами: некоторые использовали домашних рабов, другие нанимали сезонных работников, третьи кооперировали усилия нескольких родственных семей. Очень часто общество, избрав один из таких путей, продолжало стойко придерживаться его, хотя альтернативный путь оказывался более эффективным.

Помимо прямых указаний письменных источников структура дворохозяйства отчасти отражается в археологических материалах. Так, характерный для Скандинавии VI—X вв. дом столбовой конструкции, имевший длину около 10—30 метров при ширине 4,5—7 метров²⁷⁴, явно был рассчитан на совместное проживание так называемой *большой семьи*, включавшей несколько брачных пар двух-трех поколений близких родственников. Кроме них в хозяйстве полноценного бонда предполагалось и 2—3 домашних раба. Действительно, указания на совместное ведение хозяйства членами большой семьи встречаются в записях обычного права Норвегии и Швеции еще в XIII—XIV вв.²⁷⁵ У восточных славян в VI—VIII вв. господствует иной тип жилища — квадратная полуземлянка с размером стороны от 3 до 4 метров, рассчитанная на небольшое число жильцов. Но такие полуземлянки группируются на поселениях в гнезда от 5—6 до 10—15 с общими для них ямами-погребями и наземными хозяйственными постройками, а также площадкой коллективного двора. Данный тип поселения также интерпретируется как большесемейная община, образуемая несколькими нуклеарными семьями. Хотя каждая из них спала в

²⁶⁶ Правда Русская / Под ред. Б. Н Грекова. Т. 1: Тексты. — М.; Л., 1940. Пространная редакция. Археографический I список. Ст. 16; Троицкий список. Ст. 26.

²⁶⁷ Любимов В. П. Смерд и холоп // Исторические записки. 1941. Т. 10. С. 66–83.

²⁶⁸ Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. — М.; Л., 1949. С. 16, 20, 22, 30, 41.

²⁶⁹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. С. 11–13.

²⁷⁰ Правда Русская / Под ред. Б. Н Грекова. Т. 1: Тексты. Пространная редакция. Троицкий список. Ст. 45–46. В других списках — аналогичные формулировки.

²⁷¹ Полное собрание русских летописей. Т. 2: Ипатьевская летопись. — М., 1960. Стб. 797.

²⁷² Аналогичным образом в Русской правде *смердий конь* противопоставляется *княжему*.

²⁷³ Насевич В. Структуры сям'і і дворагаспадаркі ў гісторыі Еўропы // Беларускі гістарычны агляд. Т. 7. Сш. 2 (13). Снежань 2000. С. 448–475; Русскоязычный вариант этой же публикации: Насевич В.Л. Еще раз о Востоке и Западе: Структуры семьи и домохозяйства в истории Европы // Круг идей: Историческая информатика в информационном обществе: Труды VII конференции Ассоциации «История и компьютер». — М., 2001. С. 15–38.

²⁷⁴ Хлевов А. А. Предвестники викингов. Северная Европа в I–VIII вв. — СПб., 2002. С. 86–96.

²⁷⁵ История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 1. С. 304.

отдельном жилище, скот и пищевые запасы были общими и, видимо, являлись объектами совместного труда. Предполагается, что это обуславливалось подсечной формой земледелия²⁷⁶.

В последующие века по мере возобладания постоянных пахотных наделов произошел переход к усадебной застройке, при которой жилое и хозяйственные строения образуют единый комплекс. Размер срубной избы, как уже отмечено выше, был невелик. Типы жилища, ориентированные на совместное проживание нескольких супружеских пар, отсутствовали²⁷⁷. Но это не исключает возможности того, что в одном доме жили если не 5—6, то хотя бы 2 семьи. Отрывочные сведения письменных источников позволяют допустить, что в Киевской Руси основной формой крестьянского хозяйства была скорее малая (нуклеарная) семья, состоящая из одной супружеской пары и детей. Именно такая семья подразумевается в речи Владимира Мономаха, занесенной в летопись под 1103 г.: *оже то начнет орати смерд, и приехав половчин ударить и стрелюю, а лошадь его поиметь, а в село его ехав иметь жену его и дети его, и все его имень*²⁷⁸.

В своде юридических норм Киевской Руси — *Русской правде* (датируемой в данной части XII в.) упоминается **право наследования** крестьянских наделов. Непрерывность владения имуществом смердов (включая, видимо, и земельный надел) предполагалась только при наличии сыновей. Этот надел мог быть разделен между ними согласно воле отца, поскольку особо оговаривается альтернативный случай: *а двор без дела отень всяк меньшому сыну*²⁷⁹, т. е. неразделенный двор должен достаться младшему. В случае же смерти смерда без прямого наследника его выморочное имущество (*задница*) отходило не боковым родственникам (скажем, братьям и племянникам), а князю, за исключением части, предоставляемой незамужним дочерям²⁸⁰. В этом состояло отличие смердов от бояр, наследство которых при отсутствии сыновей делилось поровну между дочерьми.

Наличие указанной юридической нормы имело условием совершенно обособленную нуклеарную семью, надел которой переходит по прямой линии наследования, подобно *аллоду* западногерманских крестьян в составе империи Каролингов. Но такому выводу противоречат некоторые другие подробности, известные нам об общественном устройстве Руси. Право князя на выморочное имущество смердов при его повсеместном действии неминуемо должно было привести к чересполосице княжеских и крестьянских земель. Результаты компьютерного моделирования показывают, что следствием повсеместного действия этой нормы при определенных условиях явилось бы «окняжение» примерно за 300 лет, т. е. с XII по XV в., порядка 90% наделов²⁸¹. В империи Каролингов действительно вперемешку с крестьянскими землями лежали участки, перешедшие в собственность короля, церкви или крупного сеньора (графа) и сдаваемые в пользование лично несвободным *сервам* или разорившимся крестьянам на условиях выполнения барщины или других повинностей²⁸². Между тем источники XIV—XV вв. не содержат никаких следов этого процесса на территории Великого Княжества Литовского. Подавляющее большинство волостей на момент их раздачи частным владельцам при Витовте выглядят однородными, состоящими лишь из крестьянских земель и общинных угодий.

Типологически общественное устройство Руси XII—XIV вв. напоминало скорее не империю Каролингов, а ранние англосаксонские королевства VI—X вв. или Скандинавию X—XIII вв.²⁸³ Между тем в Скандинавии земля, находящаяся в распоряжении крестьянского хозяйства, рассматривалась не как индивидуальная, а скорее как коллективная собственность — *одаль*. В случае пресечения линии непосредственных держателей участка или их отказа от своих прав отдаленные родичи (двоюродные и даже троюродные братья, племянники и т.п.) имели преимущественное право унаследовать или выкупить такой надел.

О сохранении похожей традиции на Руси косвенно свидетельствует правило в отношении боярских вотчин, законодательно закрепленное Статутом 1529 г. уже в пору его отмирания (в Статуте 1566 г. оно уже исключено). Согласно этой норме, владелец вотчины мог свободно отчуждать (продавать, завещать, дарить или обменивать) не более третьей ее части. Остальные 2/3 должны были обязательно переходить к его прямым наследникам, а при их отсутствии — к более отдаленным сородичам. Что касается самого права свободного отчуждения, то в Великом Княжестве даже бояре (и то не все, а лишь принявшие католическое вероисповедание) только в 1387 г. особым *привилеем* получили его в отношении владений,

²⁷⁶ Тимощук Б. А. Восточнославянская община VI—X вв. н. э. — М., 1990. С. 16–29.

²⁷⁷ Древняя Русь. Город, замок, село. — М., 1985. С. 102–103, 136–143.

²⁷⁸ Повесть временных лет / Под ред. В. П. Андрияновой-Перетц. Ч. 1. — М.; Л., 1950. С. 183.

²⁷⁹ Правда Русская / Под ред. Б. Н Грекова. Т. 1: Тексты. Пространная редакция. Ст. 100.

²⁸⁰ Правда Русская / Под ред. Б. Н Грекова. Т. 1: Тексты. Пространная редакция. Ст. 90.

²⁸¹ Носевич В. Л. Компьютерная модель «окняжения» земель в Древней Руси // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». 1993. № 8. С. 39–43.

²⁸² История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 1. С. 248–275.

²⁸³ История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 1. С. 276–294, 296–313.

унаследованных от родителей. На православных бояр это право распространилось в 1434 г. Крестьянский надел и подавно не был свободно отчуждаемым.

Из сказанного следует, что обособление индивидуальных семей, вызвавшее к жизни княжеское право наследования их наделов, было неполным (меняло лишь право наследования, но не касалось права отчуждения) и ограниченным территориально. Реально оно, видимо, не распространялось на основную массу волостей, охватывая лишь примыкавшие к крупным городам районы концентрации боярских и княжеских сел. В Беларуси это окрестности Полоцка, Витебска и принадлежавшая Галицко-Волынскому княжеству юго-западная окраина — Берестейская земля. Именно там во второй половине XII — начале XIII в. получили широкое распространение различные виды зависимого населения, упоминаемого источниками Киевской Руси: *проценники* (отпущенные на волю и посаженные на землю рабы), *закупы* (крестьяне, попавшие в имущественную кабалу от князя или боярина либо выданные по суду за причиненный ущерб, вынужденные отрабатывать долг в его хозяйстве наравне с холопами), *издольники* (бывшие общинники, лишившиеся своего надела и арендующие землю за часть урожая, близкий аналог шведских и датских *ландбу*).

Не исключено также, что волостные общины, если они даже частично разложились в период Киевской Руси, заново возродились после сокрушившего ее татарского нашествия и вхождения белорусских земель в состав Великого Княжества Литовского (чему могло способствовать более архаичное устройство этнической Литвы). Примечательно, что в это же время термин *смерды* выходит из употребления, а термин *люди* снова становится общеупотребительным.

О характере **распределения** общественных благ можно судить только в отношении одной из подсистем — налогов и повинностей, извлекаемых в пользу княжеской власти. Данных о том, как распределялся произведенный продукт между членами семьи и общины, в источниках найти невозможно. Неясен даже характер таких отношений между крестьянами и боярством. Вполне вероятно, что бояре как более богатая часть населения в какой-то мере эксплуатировали соседних крестьян (например, путем кабальных ссуд), но утверждать это с уверенностью сложно. Вплоть до конца XIV в. даже крупный боярин имел обычно одно, редко два собственных имения (двора). Поэтому основной источник его средств к существованию составляли доходы, получаемые от исполнения наместнических функций в виде доли от даней и пошлин, взимаемых им в пользу князя, и прямых повинностей в свою пользу. Срок наместничества в определенной волости был коротким — несколько лет или всего один год, после чего должность по очереди переходила к представителю другого боярского рода (соглашения между князем и его боярами об очередности наместничества в волостях дошли до нас от XV в., когда этот обычай уже уходил в прошлое). Такой способ организации государства можно условно определить как *перераспределительный*. Его главной чертой является то, что привилегированные слои получали значительную часть средств к существованию от государственной власти, аккумулирующей эти средства в централизованном порядке.

Преобладающую часть, если не все население волости составляли лично свободные крестьяне — *данники*, обязанные выплачивать дань и выполнять некоторые общественно-значимые повинности²⁸⁴. Их роль в государстве сводилась главным образом к выплате натуральных и денежных налогов, которые затем централизованно распределялись властью (великокняжеской или удельной, в последнем случае удельное княжество было уменьшенной копией государства в целом). Часть этих поступлений шла на поддержание аппарата управления (путем распределения между боярами наместнических должностей и доходов с них), часть потреблялась церковью в форме *десятины*, часть оставалась в распоряжении великого князя и его двора и могла быть направлена на его обеспечение, а также на общегосударственные нужды, например на строительство монументальных оборонительных сооружений, закупку оружия и т. п. Некоторые затраты по поддержанию инфраструктуры осуществлялись крестьянами непосредственно, путем участия в работах по строительству и ремонту дорог, замков.

Труд свободных жителей прилегающих волостей использовался, вероятно, лишь в княжеских хозяйствах, и то периодически, в страдную пору. Самое раннее на территории Беларуси упоминание отработочной повинности датируется 1287 г. и относится к Кобринской волости Берестейской земли. Владевший этой волостью галицко-волынский князь Владимир Василькович завещал своей жене село Городец (в тексте — *Городел*), оговаривая, что *людье* этого села обязаны *страдать* (работать) на княгиню, *како то на мя страдале*²⁸⁵. Источники последующего периода позволяют предполагать, что в таких

²⁸⁴ Я не затрагиваю такую специфическую форму повинности, как *издольщина*, при которой пользование наделом осуществлялось за часть урожая. Ареал ее распространения сложился, видимо, еще в XII–XIII вв. и охватывал северо-запад Руси: Новгородскую, Псковскую, Полоцкую земли. На Беларуси издольщина была относительно локальным явлением, распространенным лишь в ее северной части, где она наряду с другими видами повинностей дожила до середины XVI в.

²⁸⁵ Полное собрание русских летописей. Т. 2: Ипатьевская летопись. Стб. 903.

случаях с каждого крестьянского двора причиталось по несколько дней *летней помощи* или *толки*, причем за нее полагалась символическая плата — владелец домениального хозяйства или его тиун угощал всех участников таких работ *хлебом и пивом*.

В отношении Логойского княжества есть прямое указание на то, что основной повинностью была именно дань. Она упоминается в контексте второй половины XIV в., когда это княжество (видимо, разделявшееся на ряд волостей) принадлежало частично литовскому князю или боярину Воишвилу, частично — какому-то Рыту. Жалованная грамота великого князя Ягайлы своему младшему брату Скиргайле в 1387 г. оговаривает, что в удел последнему достался среди прочих владений *також и Логожеск весь, и Рытова доля, люди и села, и земля и дань Рытова, и весь доход, також логозкая дань и люди и весь доход, што Воишвил держал*²⁸⁶. Видимо, в числе этих *людей и сел* в неявном виде фигурирует и Корень.

Дань в XIV—XV вв. взималась прежде всего медом, хотя могла включать и пушнину (меха бобров, куниц, белок), зерно и иные натуральные продукты, а также деньги (*дань грошовая, серебро*). Другой древней повинностью, упоминаемой уже в древнерусских летописях, являлось *полюдование*, поступавшее в распоряжение наместника. Оно, видимо, издавна взималось с каждого индивидуального хозяйства в фиксированном объеме. Наместник обычно не имел права свободно передвигаться по волостным землям, а мог въезжать на них лишь в строго регламентированных случаях, обычно для осуществления судебных функций. При этом его должен был сопровождать старец, а в обязанность общины входило обеспечение сообщая представителя власти и его людей определенным количеством продуктов и фуража — *стацией*.

Особую группу повинностей составляли общественно-значимые работы, требовавшие коллективного труда: строительство и ремонт замков, поддержание в надлежащем состоянии дорог (нужно было периодически *мостить* их, т. е. чинить мосты через реки и укладывать гати в топких местах), предоставление подвод для военных нужд или транспортировки государственных грузов. Разрядка на такие работы распределялась волостью между отдельными хозяйствами или службами. Часто она дополнялась обязанностью участвовать в коллективных рыболовецких предприятиях — *тянуть невод* или *забивать ез* (устраивать на реках заграждения-ловушки для проходящей на нерест рыбы). Обязанность мостить дороги и ремонтировать замки нередко сохранялась за жителями бывших государственных сел даже после их пожалования в частную собственность. Правда, с этого момента обеспечивать выполнение повинностей должны были уже не волостные старцы, а новый владелец. Данническая повинность могла сочетаться и с обязанностью заготовки сена в резиденции наместника или главном имении владельца, нередко расположенном очень далеко.

От конца XIV—XV в. сохранился ряд документов, конкретизирующих размеры традиционной медовой дани. Литовский боярин Войтех Монивид, один из приближенных великого князя Витовта, в 1407 г. получил от него многочисленных крестьян-данников в селах Хорецкой волости, ранее входившей в состав Логойского княжества: *in districtu Choreyki willam et censuales mellis alias bortnyky* (в волости Хорейки села и данников медовых, или бортников), среди которых перечислены: Гнездиловичи, Докшичане, Гойлочичане, Березинцы, Дольчане, Воронянцы, Домжиричане, Мстижи, Дедиловичи, Домашковичи, Корсаковичи, Гостиловичи²⁸⁷. Большинство этих поселений локализуется в верховьях реки Березины, в современном Докшицком и северной части Борисовского района, а Гостиловичи — рядом с Логойском. Позже, в 1422 г., Войтех Монивид подарил Виленскому епископству два родственных клана на Березине, составлявших некогда, вероятно, одну службу — в документе они названы Львовичами и Небутовичами с их братьями и родственниками (*Lwowicze et Nebutowicze fratres et consangwinei*). При этом отмечалось, что они представляют собой 6 самостоятельных семей (*sex familiae vlgariter siemie*). Судя по всему, это была одна из тех служб, которые он сам получил в 1407 г. от Витовта. Вместе с ними Монивид уступил епископству три семьи Терентьевичей, живших в другом месте. Объем дани был дифференцированным: со Львовичей и Небутовичей причиталось шестипядное *лукно* меда (берестяной короб размером в 6 *пядей*, т. е. 195 см), а с Терентьевичей — пятипядное²⁸⁸.

Польскому исследователю Ежи Охманьскому удалось установить весовой эквивалент этих мерных единиц. В одном документе 1473 г. вместимость *лукна* (*лукошка*) дважды выражена в пудах, причем одно такое *лукошко* вмещало 12 пудов, а другое — 8²⁸⁹. В ином документе, датированном 1516 г., указывается *в лукне по десяти пудов*²⁹⁰. На основании этих данных Е. Охманьски предположил, что 8 пудов могло вмещать четырехпядное *лукно*, тогда как пятипядное вмещало 10 пудов, а

²⁸⁶ Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в. / Сост. А.Л. Хорошкевич. — М., 1977. № 10. С. 50—54.

²⁸⁷ Vitoldiana. Codex privilegiorum Vitoldi magni ducis Lithuaniae 1386–1430 / Wyd. J. Ochmański. — Warszawa; Poznań, 1986. N 70. S. 70.

²⁸⁸ Kodeks dyplomatyczny katedry i diecezji Wileńskiej. — Kraków, 1948. N 86. S. 745. См. также: Ochmański J. Powstanie i rozwój latyfundiów biskupstwa Wileńskiego 101 (1387–1550). / Wyd. Uniwersytetu im. A. Mickiewicza. Ser. historyczna. T. 16. — Poznań, 1963. S. 104.

²⁸⁹ Praeitis. T. 2. — Kaunas, 1933. S. 419.

²⁹⁰ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. Т. 1. — СПб., 1861. № 65. С. 54.

шестипядное — 12²⁹¹. При переводе этой цифры в современные меры следует учитывать, что пуд как весовая единица на территории Великого Княжества в ту пору еще не приобрел стандартного значения. В одном документе упоминается, что в XV в. (при Витовте и последующих великих князьях) пуд был равен 4 *безменам*, а к моменту составления документа (1534 г.) эта цифра возросла до 5 *безменов*²⁹². В документе 1520 г. упоминаются весовые соотношения *10 пудов и 4 безмена*, т. е. в данном случае пуд также состоял уже из 5 *безменов*²⁹³. Вероятно, *безмен* весил около 3 кг²⁹⁴, а *пятибезменный пуд* — 15 кг²⁹⁵. Из этого следует, что вышеупомянутые Львовичи и Небутовичи поставляли сообща 12 пудов на 6 семей (по 2 пуда, или 30 кг на семью), а Терентьевичи — 10 пудов на 3 семьи (по 3,3 пуда, или 49,5 кг на семью).

В других известных случаях объем медовой дани аналогичен. В пожаловании пана Андрея Саковича в пользу Виленского епископства в 1432 г. упоминаются *данники (homines tributarii)*, из которых 5 человек в селе Дуброва вносили 20 пудов меда (*viginti lapides alias pudi mellis*), т. е. по 4 пуда с каждого, а два человека из имения Сола — 5 пудов²⁹⁶. Здесь, видимо, имелся в виду еще 4-*безменный пуд*, т. е. на семью в Дуброве приходилось 48 кг, в Солах — 30.

В 1476 г. пан Михаил Кежгайлович подарил Виленскому епископству *данников Гейгаловичей*, дававших четыре *ушатка* меда и в довесок четыре *куля липца*²⁹⁷. Очевидно, подаренные епископу *данники* делились на 4 службы, причем повинности каждой из них составляли по 1 *ушатку* и 1 *кулю* меда.

Вместимость *ушатка* дважды указана в документе, датированном 1520 г. В одном случае прямо указывается — *ушатов по пяти пудов*. Однако в другом месте при указании размеров медовой дани упоминаются *полиеста ушатка* (т. е. 5,5 *ушатка*. — В.Н.) и *3 пуды липцу, то 6 ушатков с тым липцом*²⁹⁸. Вероятно, пять пудов весил *ушатов* обычного меда (часто называемого в источниках *пресным*), тогда как другая его разновидность — *липец* (липовый мед?) имела большую плотность и в *ушатов* вмещалось его 6 пудов. *Куль* мог быть примерно равен пуду или его половине, и в таком случае *дань* с одной службы составляла 5,5—6 пудов (*пятибезменных*), или 82,5—90 кг. К сожалению, в данном случае неизвестно, сколько семей составляли одну службу. Если предположить, что их было 2—3, то на одну семью могло приходиться от 30 до 45 кг.

Особый интерес для нас представляет упоминание старинной дани в селе Ганевичи, выделенном из Логойского княжества одновременно с Коренем при пожаловании Виленскому капитулу. Упоминание относится к 1516 г., но отражает более раннюю ситуацию: опрошенные в ходе судебного разбирательства свидетели показали, что *з села Ганевицкого на костел Святого Станислава здавна дани давали 8 ушатков и 4 пуда меду, а 2 человека Овдеевичи и Охромеевичи к Логожску 2 ушатка и 2 пуда давали*²⁹⁹. Следовательно, с каждой службы причиталось по одному *ушатку* меда плюс довесок в размере еще 0,5 или 1 пуда. В таком случае полный объем дани составлял 5,5—6 пудов со службы. Учитывая время составления документа, речь должна идти о *пятибезменном пуде*. Это дает те же 82,5—90 кг, что и в предыдущем случае. Есть все основания полагать, что и в селе Корень изначальный объем медовой дани был аналогичен.

Судя по тому, что службы обычно назывались по именам (точнее, отчествам) их держателей, каждая из них находилась во владении одного крестьянского рода. На момент установления службы ее держателем могла быть одна крестьянская семья, глава которой обычно выступает в источниках как *человек*. Но в условиях фиксированной повинности с нечетко очерченной единицы обложения крестьяне были заинтересованы в том, чтобы при разрастании семьи взрослые сыновья оставались держателями общей службы — при этом налоговое бремя на каждое хозяйство сокращалось. В некоторых документах прямо указывается, что повинность выполнялась целыми родственными кланами, называвшимися по имени первоначального держателя — *Авдеевичи, Львовичи* и т.п. Вероятно, их размер зависел от того, насколько долго служба находилась в распоряжении одной семьи. За два-три поколения непрерывного держания такая семья могла разрастись до 5—6 и более взрослых мужчин.

²⁹¹ Ochmański J. Powstanie i rozwój latyfundiów biskupstwa Wileńskiego (1387–1550). S. 191 (Примечание 399).

²⁹² Довнар-Запольский М. Очерки по организации западно-русского крестьянства в XVI веке. Приложения. С. 17. Тот же документ: Социально-политическая борьба народных масс Белоруссии: Сб. документов и материалов. Т. 1. — Мн., 1988. С. 33.

²⁹³ Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. Т. 7. — Вильно, 1870. С. 12–14.

²⁹⁴ Позже *безмен* составлял 8 фунтов, но стандартный вес литовского фунта был установлен только сеймовой конституцией 1766 г.: он был на пятую часть меньше берлинского фунта (467 г), т. е. весил 375 г. (См.: Volumina legum. Т. 7. — Petersburg, 1860. S. 230). В таких фунтах *безмен* соответствовал 3 кг. Но до 1766 г его вес мог быть иным.

²⁹⁵ В более позднее время, в конце XVI–XVII в., пуд включал уже по 6 *безменов* (что означало его вес в 18 кг?), но сеймовой конституцией 1766 г. был приравнен к 40 литовским фунтам (по 375 г), т. е. вновь составил 15 кг.

²⁹⁶ Kodeks dyplomatyczny katedry i diecezji Wileńskiej. N 132. S. 150.

²⁹⁷ Kodeks dyplomatyczny katedry i diecezji Wileńskiej. N 296. S. 349: ... *Una cum tributariis dictis Heygaloviczy et tributo videlicet quatuor tenas mellis alias vszaszcze, et quattuor kule lipczu ad eisdem annis singulis provenienties.*

²⁹⁸ Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. Т. 7. С. 10. *Ушатов*, таким образом, точно соответствовал по объему другой мерной единице — *кади*, также вмещавшей 5–6 пудов меда. Вместимость *кади* упоминается в документе 1483 г.: Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 1. — СПб., 1846. С. 103.

²⁹⁹ Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 1. С. 59–60.

Сбор дани и организация общественных работ издревле были прерогативой самой общины в лице ее выборных представителей — *старцев*. Они собирали дань и свозили в резиденцию наместника. Сохранился датированный 1396 г. привилей великого князя Витовта жителям одной из государственных волостей — Борисовской³⁰⁰. Он описывает типичный для того времени способ взимания медовой дани. Крестьяне свозили мед в центр волости — Борисовский замок, где его взвешивал великокняжеский тиун. Для предупреждения злоупотреблений (которые, вероятно, имели место в предыдущие годы) Витовт запретил тиуну пользоваться собственным безменом, предписав ему применять стандартную весовую единицу — *великий камень меньский*. Процесс взвешивания надлежало осуществлять *по старине* представителю волостных крестьян в присутствии тиуна и свидетелей. С середины 1480-х гг. этот порядок начал нарушаться. В волости сначала для сбора недоимок (*недополнков*), а затем и для распределения разных видов денежных сборов (*даней и серебицины правити*) направлялись великокняжеские писари. Это нововведение вызвало жалобы со стороны волостных общин, и в 1511 г. въезды писарей в государственные волости были временно прекращены. Составленная по этому случаю великокняжеская грамота восстанавливала традиционный порядок: *как бывало за предков наших, за вел. кн. Витовта и Жигимонта, иж они сами, собравши дань грошовую, и бобры, и куницы, отношивали до скарбу нашего, а мед пресный до ключа*³⁰¹.

Преобладание меда в составе дани, видимо, объясняется тем, что в XIV—XV вв. он стал основным сырьем для производства алкогольных напитков, играя в лесной зоне примерно такую же роль, как виноград в Средиземноморье. После татарского нашествия сократилось поступление виноградного вина из Византии, а после захвата Константинополя турками в 1453 г. оно на какое-то время почти сошло на нет. В это время наряду с архаичным способом приготовления медового питья (*ставленного меда*)³⁰² распространяется упрощенный, дававший больший выход продукта за меньший срок, притом более пьянящего, хотя и худшего качества — медоварение³⁰³. Вареный мед стал, видимо, продуктом относительно широкого потребления, а его производство — существенной статьёй дохода как для государства, так и для бояр-землевладельцев. Территория Литвы и Беларуси была одним из важнейших в Европе ареалов гнездования лесных пчел и развития бортничества. Получаемый здесь наряду с медом воск после принятия католицизма в качестве государственной религии вывозился в Западную Европу как основное сырье для изготовления церковных свечей³⁰⁴. Но тот факт, что в составе дани доминировал не воск, а именно мед, может служить указанием на то, что эта дань предназначалась не для экспорта на Запад, а прежде всего для внутреннего потребления.

Если это так, то многочисленные службы крестьян-данников были нужны государству и церкви, а затем и частным землевладельцам не как источник продуктов земледелия (его продукцию в объемах, необходимых правящей элите, обеспечивал в основном труд холопов в дворовом хозяйстве), а как незаменимый ресурс для обеспечения «сладкой жизни» и в прямом (мед заменял неизвестный еще сахар), и в переносном («питейном») смысле.

Что касается **военных аспектов** взаимодействия общества и государства, о них можно сказать немного. Выше упоминалось, что смерды в начале XIII в. еще были военнообязанными и составляли пешее ополчение во время княжеских междоусобиц или при отражении вражеских вторжений. Последнее упоминание такого ополчения содержится в привилее великого князя Ягайлы от 20 февраля 1387 г., когда этот обычай уже уходил в прошлое. Всеобщее ополчение (*которое по-народному называется погоней*), отмечает латиноязычный документ, приводя последнее слово в транслитерации) созывалось уже не для наступательной войны, а лишь в случае преследования вражеского набега с целью отбить пленных. В нем обязаны были участвовать *не только рыцари, но и каждый мужчина, какого бы он ни был происхождения или состояния, только бы он был способен носить оружие*³⁰⁵. В остальных случаях уже в те времена, надо полагать, боевые действия велись исключительно силами рыцарской конницы, которая состояла из профессиональных воинов.

На конец XIV в. приходится серьезная перестройка общественной структуры, вызванная изменениями в военном деле. В годы правления Витовта (с 1392 г.) началась массовая раздача отдельных крестьянских семей с их наделами, целых сел и

³⁰⁰ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. Т. 1. С. 2–3.

³⁰¹ Белоруссия в эпоху феодализма: Сб. документов и материалов: В 3 т. Т. 1. — Мн., 1959. С. 188; См. также: Lietuvos Metrika — Литовская метрика. Кн. 8. — Vilnius, 1995. P. 454–455.

³⁰² Ставленный мед готовился по сложной технологии, требовавшей в несколько раз больше сырья, чем получалось готового продукта, и предусматривавшей очень длительную (от нескольких лет до 10 и даже 25 лет) выдержку. Зато напиток получался крепкий (крепче вина) и очень вкусный. По этим причинам он был предметом потребления лишь для социальной элиты — князей и бояр. См.: *Похлебкин В. В. История водки*. — М., 2002. С. 37–39, 63–66.

³⁰³ *Похлебкин В. В. История водки*. С. 41, 66–68.

³⁰⁴ Свечной воск упоминается как один из основных объектов транзитной торговли в договоре между Полоцком и Ригой в 1338 г.: Русско-ливонские акты / Изд. К. Е. Нанерский. — СПб., 1868. С. 54–55.

³⁰⁵ *Działyński T. Zbiór praw Litewskich od 1389 do r. 1529*. — Poznań, 1841. S. 2; Социально-политическая борьба народных масс Белоруссии: Сб. документов и материалов. Т. 1. С. 16.

даже волостей в руки частных владельцев. Это знаменовало переход от перераспределительного принципа к иерархическому (феодалному), при котором каждый представитель знати существует не столько за счет доходов с государственной службы, сколько за счет личных владений. Мотивы реформы не имели четкой формулировки со стороны ее инициаторов, но, очевидно, она предполагала извлечение феодалами гораздо большей прибыли, которую можно было использовать на совершенствование вооружения, улучшение породы лошадей, а также на образование своих детей, необходимое для эффективного исполнения государственной службы. Такой путь развития характерен в то время для большинства европейских стран, хотя он не являлся единственно возможным. Например, в Китае перераспределительный принцип преобладал почти на всех этапах его истории, что не помешало создать там очень стабильную цивилизацию. Даже в Европе некоторые страны (Норвегия, Исландия, Финляндия) сохранили основную массу свободных налогоплательщиков. Впрочем, и территориально, и политически они располагались на периферии континента.

В Великом Княжестве Литовском за образец был взят общественный строй, уже сложившийся к тому времени в Польше под западноевропейским влиянием. Главной целью пожалований великокняжеской земли являлось превращение архаичного боярства в аналог западноевропейского рыцарства. В ходе реформы изменилось даже само название рыцарского сословия — вместо боярства его стали называть заимствованным из Польши термином *шляхта*. В отличие от Московской Руси, где подобная реформа проводилась столетием позднее, основным типом феодального имения в Княжестве стало не *поместье* (владение, которое выделялось феодалу на определенный срок или пожизненно на условиях вполне конкретной службы), а *вотчина* — имение, передаваемое в полную собственность с правом перехода по наследству. Право передачи имений по наследству неоднократно (в 1387, 1413, 1434, 1447 гг.) подтверждалось великокняжескими привилегиями, причем каждый раз оговаривалось, что это делается для уравнивания шляхты Великого Княжества в правах с польской шляхтой.

Каждый шляхтич обязан был идти на войну лично, как правило, в качестве тяжеловооруженного всадника — *копейщика* в полном облачении (*доспехе*). Его сопровождал так называемый *почт* из нескольких всадников — *стрельцов*, вооруженных арбалетами (*самострелами*) или примитивными гладкоствольными ружьями (*ручницами*) и защищенных только панцирями³⁰⁶. Всадник выставлялся с фиксированного числа крестьянских служб, но сами держатели этих служб на войну не шли. Для этого возникла особая категория *панцирных слуг*, или *панцирных бояр*, освобожденных от большинства других повинностей. Впрочем, церковные владения (а именно в их число перешло село Корень в эти годы) полностью освобождались от воинской повинности, поэтому вводить в нем панцирные службы не было необходимости.

Что касается оставшихся компонентов формирующейся традиционной структуры, то несколько слов следует сказать лишь о **духовной культуре**. С рубежа XI в. на всей территории Киевской Руси формально утвердилось христианство в его восточном, заимствованном из Византии варианте. О том, насколько поверхностной была христианизация в первые столетия, свидетельствует повсеместное бытование погребального обряда, совершенно не предусмотренного церковными канонами, — насыпание над могилой кургана. Единственной уступкой христианству стал отказ от практиковавшегося ранее сожжения покойников, после которого курган сооружался над их прахом. Теперь умершего клали на землю (с конца XII в. — в могильную яму, как того требовал канон) и лишь затем возводили над ним курган.

Свидетельства этого полуязыческого погребального обряда известны и на территории Кореньщины. Местные жители, как и во многих других местах Беларуси, называют курганы *копцами*. Сплошное археологическое обследование региона никогда не проводилось, поэтому данные о древнейших памятниках весьма фрагментарны. О двух могильниках, раскопанных К. Тышкевичем у дороги из Логойска на Плещеницы, уже говорилось во введении. В литературе неоднократно упоминаются еще по крайней мере два курганных могильника на территории Кореньщины. Один из них находился примерно в 2 километрах от деревни Михалковичи и, по данным опроса 1924 г., насчитывал 10 насыпей³⁰⁷. В воспоминаниях уроженца этой деревни Адама Варлыги отмечается, что в 1896—1897 гг. этих курганов было еще около сотни, но они постепенно распахивались крестьянами, поскольку мешали обработке наделов. Сам он лично наблюдал один свежераспаханный курган, в котором несожженный скелет находился под насыпью на уровне земли (такой погребальный обычай практиковался в основном в XI—XII вв.)³⁰⁸. К настоящему времени от этих курганов не осталось и следа.

³⁰⁶ Бохан Ю. Структура войска Вялікага княства Літоўскага ў другой палове XIV–XV стст. // *Castrum, urbis et bellum*: Зб. навук. прац. – Баранавічы, 2002. С. 79–89.

³⁰⁷ Опросные листы 1924 г. по Минскому и Борисовскому уездам // Архив Института истории Национальной академии наук Беларуси. № 71; Штыхов Г.В. Археологическая карта Белоруссии. Вып. 2: Памятники железного века и эпохи феодализма. – Мн., 1971. С. 180, № 275.

³⁰⁸ Варлыга А. Карэншчына. Успамін-нарыс з канца XIX – пачатку XX ст. // Літаратура і мастацтва. № 14. 8 красавіка 1994.

Второй могильник, насчитывавший не менее 30 насыпей, находился примерно в 200 метрах западнее помещичьего двора Красный Бор. В середине XIX в. его обследовал К. Тышкевич³⁰⁹. А. Варлыга в 1920-е гг. также наблюдал разрушение одного из курганов в этом могильнике. По приводимым им слухам, иногда в них находили ржавые пики и сабли, из чего он сделал вывод о недавнем (времен наполеоновской войны 1812 г.?) происхождении этих курганов. Впрочем, для населения Беларуси характерно называть *французскими могилами* древние курганы XI—XII вв. Ныне этот могильник также полностью уничтожен.

Несколько более поздним временем (примерно XIII—XV вв.) можно предположительно датировать обширный могильник в урочище Рябинник, примерно в 1,5 километра юго-западнее деревни Михалковичи (также упоминаемый А. Варлыгой). Для этого заброшенного кладбища характерны могилы без высоких насыпей, обложенные дикими камнями, или большие камни у изголовья, но без крестов или каких-либо знаков на них. Поскольку раскопки здесь не проводились, то можно только предполагать, что там обитатели Кореньщины хоронили своих близких до появления костела и парафиального кладбища, которое доныне располагается на восточной окраине села Корень.

Исчезновение курганного обряда погребения в XIII в. отнюдь не доказывает, что христианское мировоззрение возобладало. Комплекс языческих представлений не исчез, а переплелся с христианством. Такое мировоззрение некоторые авторы склонны обозначать как *двоеверие*³¹⁰. В него довольно органично вошли христианские и языческие элементы. Из язычества ушли наиболее одиозные вещи, совершенно неприемлемые для настоятелей церковных приходов: поклонение идолам, признание мифологических персонажей богами. Но занявшая их место христианская Троица, дополненная Богородицей, воспринималась предельно конкретно, как семейство высших богов. Наряду с ним сохранили свою функциональную роль другие божества. Те из них, кто имел благожелательные аспекты, приняли имена и некоторые черты христианских святых, близких по звучанию имен (Велес — Св. Власий), по дате почитания (Перун — Св. Илья), по характерным атрибутам (небесный кузнец Сварог — Св. Кузьма и Демьян). Весь сонм хтонических существ и злых духов сохранился практически в полном объеме, лишь некоторые черты, демонстрировавшие ранее их божественный характер, перешли на собирательный образ черта. Однако некоторые авторы ставят под сомнение термин «двоеверие». По их мнению, это была цельная система, в которой христианские ценности увенчали комплекс языческих представлений, а воля Божья признавалась высшей, непререкаемой силой³¹¹. Возможно, более удачным следует считать понятие *религиозный синкретизм*.

С конца XIV в. на переплетение двух религиозных традиций наложилась третья — католическая. Одним из условий Кревской унии между Великим Княжеством Литовским и Польшей, подписанной в 1385 г., было провозглашение католичества государственной религией Княжества. Выполняя это условие, Ягайло в 1387 г. учредил Виленскую католическую епархию во главе с епископом. При епископе действовал духовный совет — *капитул*, состоявший из *прелатов* и *каноников* — священников костела Св. Станислава в Вильне. Для материального обеспечения деятельности епископа и капитула в их собственность передавались немалые земельные владения³¹².

Витовт продолжил политику Ягайлы по укреплению позиций католической церкви. Именно с этими событиями связано пожалование Кореня и других сел Виленскому капитулу в феврале 1395 г. С момента пожалования сельская община в Коренеполностью и окончательно вышла из подчинения великокняжеского наместника. В великокняжеском акте это изложено стереотипной фразой на вульгарной латыни с вкраплениями старобелорусских слов, которая более или менее точно повторяет другие аналогичные тексты: *villas cum hominibus videlicet Corzen, Honobicze, Volcze, iacentes in districtu Choreckowski, assignamus et presentibus capitulo eiusdem ecclesie, cum omnibus fructibus, redditibus, censibus, utilitatibus, agris, pratis, campis, silvis, nemoribus, gais, rubetis, quercetis, virgultis piscinis, piscatures, borris, mellificiis, molendinis, venacionibus, aucupacionibus, pertinenciis et appendiis universis, prout progenitores nostri et nos eas tenuimus cum omni iure, donimo pro donacione perpetua et irrevocabili perpetus temporibus duraturis*³¹³. На современный русский язык эту фразу можно перевести примерно таким образом: *села с людьми, именуемые Корень, Ганевичи (это название в тексте искажено. — В.Н.) и Волча, что в Хорецковской волости, даруем и жалуем капитулу такового епископства, со всеми доходами, судебными и прочими платежами, пожитками, пашнями, лугами, пастбищами, лесами, рощами, гаями, дубравами, запрудами, рыболовными угодьями, борами,*

³⁰⁹ Тышкевич К. О курганах в Литве и Западной Руси. — Вильна, 1865; Штыхов Г.В. Археологическая карта Белоруссии. Вып. 2: Памятники железного века и эпохи феодализма. С. 180, № 269.

³¹⁰ Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. — М., 1988. С. 455 и далее.

³¹¹ Толстой Н. И. Религиозные верования древних славян // Очерки истории культуры славян. — М., 1994. С. 148.

³¹² Ochmański J. Biskupstwo Wileńskie w sredniowieczu. Ustroj i uposażenie / Wyd. Uniwersytetu im. A. Mickiewicza. Ser. historyczna. T. 55. — Poznań, 1972.

³¹³ Kodeks dyplomatyczny katedry i diecezji Wileńskiej. N 25. S. 40–42.

бортями, охотничьими гонами, птичьими ловами, всеми пространствами и добавками, так, как предшественники наши и мы сами держали в нашем пользовании, даруем даром вечным и нерушимым на вечные времена.

Это событие в долгосрочной перспективе оказало кардинальное воздействие на жизнь местных обитателей: если ранее они были подданными государства (в лице великого князя или одного из удельных князей), то теперь превращались в подданных феодального сеньора, причем этим сеньором была духовная организация, которой принадлежала решающая роль в упрочении католицизма. Ей были переданы все права, ранее принадлежавшие государству, включая право взимать (и, видимо, налагать) судебные штрафы. Поэтому поведение, несовместимое с христианской моралью, с этого момента наверняка преследовалось более строго. В привилее 1413 г. католической церкви подтверждалось такое же вечное, как у шляхты, право владеть своими именами и полное невмешательство государства в их внутреннюю жизнь опять-таки со ссылкой на практику, существовавшую в Польше. Тем не менее подданные капитула почти на двести лет формально остались православными, их духовным пастырем продолжал считаться настоятель ближайшей церкви (возможно, она находилась в Логойске).

Под властью капитула

Из текста пожалования вроде бы следует, что все три пожалованных капитулу села ранее принадлежали к Хорецковской (Хорецкой) волости, центром которой был двор Камень-Хорецкий (современное село Камено Логойского района, в 18 км северо-восточнее Кореня). Но представляется более вероятным, что уточнение *в Хорецковской волости* касается только последнего села — Волча (в 40 км к северу — северо-востоку от Кореня, в современном Докшицком районе). Дань из села Ганевичи (в 19 км к востоку — юго-востоку от Кореня) до пожалования шла непосредственно в Логойский замок, и часть жителей этого села продолжали выплачивать ее туда еще в начале XVI в. Что касается Кореня, то он, вероятно, относился к третьей волости Логойского княжества — Айненской, центром которой был двор Айна (современная Гайна), расположенный примерно в 10 км южнее Кореня. Этот двор впервые упоминается в документах практически одновременно с Коренем, с конца XIV в. (в 1397 г. десятину с его доходов получил кафедральный костел Св. Станислава)³¹⁴, а вскоре там был основан один из первых на территории Беларуси католических костелов³¹⁵. О том, что Корень входил именно в Айненскую волость, косвенно свидетельствует принадлежность к ней села Нестанишки (Нестановичи)³¹⁶. Поскольку это село находилось в 12 км к северу — северо-западу от Кореня, последний оказывается почти точно между ним и центром этой волости.

В XV — начале XVI в. село Корень было небольшой частью обширных владений Виленского епископства. По подсчетам Ежи Охманьского, эти владения охватывали в первой половине XVI в. около 6000 крестьянских дворов в разных частях государства, что составляло примерно 1,5% его населения, а по подсчетам Михаила Спиридонова — порядка 3% всех дымов Великого Княжества³¹⁷. Из них капитулу костела Св. Станислава принадлежало свыше 1300 дворов, или около 22% всех владений епископства. Капитульные имения разделялись на *столовые* (доход с них шел на нужды капитула в целом) и *престимониальные* (находившиеся в распоряжении отдельных его членов). Столовыми были две крупные волости, доставшиеся капитулу практически целиком: Стрешинская (на юго-востоке Беларуси, по обоим берегам Днепра), включавшая 14 сел, и Каменецкая (на территории современной Украины, у южной границы Беларуси), в которой насчитывалось 11 сел. В престимониальные имения входило примерно 65 сел, разбросанных по разным поветам (преимущественно на территории современной Беларуси)³¹⁸.

Кореньщина относилась к числу престимониальных имений. В это время село Корень уже не было единственным населенным пунктом на ее территории. В подтвердительном акте великого князя Александра от 1500 г. вслед за Коренем вписано название еще одного села, которое в сохранившейся копии акта читается как *Czielnergorucze*. В 1518 г. при распределении престимониев между членами капитула канонику Жуковскому досталось имение Корень, а канонику Вележинскому — также имение Корень с селами Корень и *Череховичи (villo Korzen et Czererhowicza)*³¹⁹. Последнее написание,

³¹⁴ Kodeks dyplomatyczny katedry i diecezji Wilenskiej. N 28. S. 47.

³¹⁵ Ochmański J. Biskupstwo Wileńskie w średniowieczu. Ustrój i uposażenie. S. 57.

³¹⁶ В начале XVI в. 15 семей крестьян — *куничников* и 4 пустоши в Нестанишках Айненской волости были пожалованы *до живота* (в пожизненное владение) великокняжескому боярину Михаилу Плюскову, а после его смерти в 1551 г. переданы его зятю — князю Тимофею Пузыне. См.: НИАБ. Ф. КМФ-18 (Метрика ВКЛ). Ед. хр. 15. Л. 64–65.

³¹⁷ Спиридонов М. Ф. Закрепощение крестьянства Беларуси (XV–XVI вв.). — Мн., 1993. С. 48.

³¹⁸ Ochmański J. Powstanie i rozwój latyfundiów biskupstwa Wileńskiego (1387–1550). S. 95–98.

³¹⁹ ОРБАНЛ. Ф. 43. Ед. хр. 210. Л. 31.

на этот раз читаемое вполне четко, позволяет утверждать, что как в этом, так и в предыдущем документе речь идет об одном из населенных пунктов Кореньщины — деревне *Черехи* (ныне Терехи, по-белорусски Церахі)³²⁰.

Поскольку в 1518 г. упоминаются два разных Кореня, следовательно, уже к этому времени имение было разделено на две части, доход с которых шел на содержание двух разных членов капитула. Это подтверждается реестром раскладки *серебщизны* в 1553 г. В тот момент имение Корень представляло собой два *престимония канонических*, одним из которых владел каноник Хоцько, другим — жемойтский епископ, также входивший в состав капитула³²¹.

Каноник, которому доставался во временное пользование престимоний, должен был управлять им или непосредственно, или через нанимаемого им урядника (по латыни именуемого *factor*)³²². Поскольку местом жительства и службы членов капитула была столица государства Вильня, можно предполагать, что в свои удаленные престимонии они наезжали нечасто. Фактическим хозяином в имении оказывался урядник, которому вменялись в обязанность своевременный сбор и отправление в Вильню дохода, шедшего затем на содержание каноника.

Выше уже упоминался интересный документ, который, правда, не касается непосредственно Кореня, но проливает свет на историю соседнего престимония, перешедшего в собственность капитула одновременно с ним, — Ганевич³²³. В феврале 1516 г. православный митрополит Киевский и всея Руси Иосиф Солтан подал жалобу великому князю Жигимонту на каноников Виленского капитула за то, что они незаконно пользуются доходом с той части села Ганевичи, которая принадлежит ему в качестве наследства после брата, Михаила Солтана. Митрополит утверждал, что две *службы* в Ганевичах, Овсевици и Охромеевици, а также опустевшие *земли служебные, где сидели Петр с братьею, Литва*, относились к Логойску, когда тот еще при Витовте принадлежал князю Олельку Владимировичу, а затем его брату Андрею. Потом эти службы вошли в состав имения, пожалованного в середине XV в. собственником Логойска князем Александром Чарторыйским своему боярину Солтану — предку митрополита.

Каноники в свою очередь заявляли, что никакой логожской доли в имении, пожалованном им Витовтом, не было. По их версии, капитульные подданные из Ганевич *выступ учинили* и были признаны подданными соседнего имения, принадлежавшего брату митрополита. Тот поселил их на самой границе с Ганевичами. Позднее, когда имение уже перешло по наследству к Иосифу, тот *гвалтом вперся в границу* и захватил капитульные земли, на которых и поселил упомянутых *Петра с братьею*, о чем каноники якобы уже жаловались в течение трех предыдущих лет. Сторонами были предоставлены привилеи Витовта в пользу капитула и привилеи Семена Чарторыйского в пользу Михаила Солтановича, в которых оговаривалась дань ганевичских подданных. Великий князь Жигимонт пришел к выводу, что митрополит Иосиф действительно имеет право на пятую часть медовой дани, которая идет с Ганевич, но не на охотничьи угодья (*ловы*) и не на пашню, которые должны целиком остаться в собственности капитула.

Территория села Корень, пожалованного капитулу в 1395 г., впоследствии не претерпела серьезных изменений. Источники позволяют очертить ее с высокой точностью, иногда — до нескольких метров. Впрочем, в отношении **северной границы** имения таких упоминаний нет. Видимо, это объясняется тем, что от соседнего имения Плещеницы (впервые упомянутого в конце XV в.³²⁴) его отделяло болото Чистик, затруднявшее контакты между подданными.

На западе имение Виленского капитула граничило с имением Путилово, впервые упомянутым в недатированном реестре пожалований великого князя Казимира (примерно в 1440-е гг.)³²⁵. В конце 1530-х гг. это имение в качестве *материзного* (унаследованного от матери) принадлежало Ядвиге Яновне, вдове великокняжеского боярина Укроповича. Она

³²⁰ Совсем рядом с Логойском есть еще одна деревня с созвучным названием — Терховичи. Однако никаких сведений о ее принадлежности Виленскому капитулу нет, тогда как для Терехов такая принадлежность несомненна. Что касается окончания *-овичи*, отсутствующего в современном названии деревни, то утрата подобных окончаний, зафиксированных в документах XVI в., не является уникальным случаем. Например, два таких случая можно найти в списке исторических населенных пунктов XVI в., приложенном к статье автора этих строк и М. Ф. Спиридонова: *Ожуничи* (совр. Ожуны Поставского р-на Витебской обл.), *Гнездиловичи* (совр. Гнездилово Докшицкого р-на Витебской обл.). (*Насевич В., Спірыдонаў М.* «Русь» у складзе Вялікага княства Літоўскага ў XVI ст. // 3 глыбі вякоў. Наш край: Гіст.-культуралаг. зб. Вып. 1. — Мн., 1996. С. 22, 23). В опубликованном инвентаре Могилевской волости за 1560 г. встречаются названия *Голенищевичи* (совр. Голени Могилевского р-на), *Чавусовичи* (совр. районный центр Чаусы Могилевской обл.) и т. п. (Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. Т. 3. — Вильно, 1867. № 109. С. 245–81).

³²¹ ОРБАНЛ. Ф. 43. Ед. хр. 435.

³²² *Kurczewski J.* Kościół zamkowy czyli Katedra Wileńska w jej dziejowym, liturgicznym, architektonicznym i ekonomicznym rozwoju. Cz. 3. — Wilno, 1916. S. 19.

³²³ Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 1. С. 59–60.

³²⁴ НИАБ. Ф. КМФ-18. Ед. хр. 5. Л. 204.

³²⁵ Русская историческая библиотека. Т. 27. — М., 1910. С. 85.

продала его другому боярину, Николаю Валицкому, за 200 *коп*³²⁶ грошей. У нового владельца Путилова вскоре вспыхнул конфликт с владельцами и подданными имения Корень, который 4 декабря 1540 г. стал предметом рассмотрения совета великого князя — *панов-рады*. Конфликт возник из-за спорных сенокосов и бортовых угодий у истоков реки Илии. Первоначально Николай Валицкий жаловался панам-раде на Виленский капитул, *иж ему в том именьи его в Путилове кривды ся великие деють з ыменя их костельного Кореня от брата их князя Евстахиюса, который на тот час именье оное держит, и от врьдника его, и от людей тамошних, в его землях, в сеножатях, гаях, ловах и иных речах*. По ходу разбирательства Николаю Валицкому был присужден спорный участок *по старым границам того именья его Путиловского, то ест по реку Илью, почонишы оттоль, где река оная Илья встала, вниз аж до Чорного ручая и до великого мосту*. Члены капитула заявили протест и выдвинули дополнительные обвинения в том, что Валицкий совершил наезд на их имение Корень, где сжег 18 стогов сена *на сеножатех их межы рекою Ильею и дорогою полоцкой над речкой Прудошевицною*, также испортил 100 бортей с пчелами и 200 пустых. Выслушав обе стороны, паны-рада в конце концов оставили спорные земли за капитулом³²⁷.

Из обстоятельств дела явствует, что земли имений Путилово и Корень соприкасались в районе истоков реки Илии, чуть южнее и юго-западнее современной деревни Корень. К сожалению, другие местные приметы не поддаются локализации — упомянутая в документе полоцкая дорога (вероятно, шедшая из Полоцка в Минск или Новогрудок чуть западнее Кореня) впоследствии исчезла. Не упоминается позднее и речка Прудошевщина — вероятно, один из правых притоков Илии.

Таким образом, западную границу имения Корень, не описываемую подробно в документах XVI в., можно реконструировать «методом исключения» — она, несомненно, проходила восточнее селений, принадлежавших имению Путилово. В дальнейшем среди владений сильно размножившегося рода Валицких упоминается имение Укроповичи (название его, очевидно, происходит от фамилии прежних владельцев — бояр Укроповичей), а в 1600 г. в составе имения Путилово впервые упоминается село *Лозовцы* (Лозки)³²⁸. Частично эту границу уточняет более поздний инвентарь, составленный на польском языке в июне 1688 г. при продаже Геронимом Валицким одной из частей имения Укроповичи. Земли, принадлежавшие к этой части, севернее села Корень доходили до дороги, идущей из Хотаевич (ныне Октябрь) до Кореньского костела, и даже частично заходили за дорогу. Крайней отметкой был *камень жолобоватый*, который с давних времен признавался *котцом* (межевым знаком). Оттуда граница Укропович с кореньскими владениями капитула шла на юг, *где под костел близко приходила*, через поле в ручей, называемый Гатовка, затем через болото к тому месту, *откуда начинается река Илья*³²⁹.

О юго-западном участке границы имения Корень в XVI в. имеется один документ — датированное 27 марта 1593 г. освидетельствование ущерба, причиненного ему подданными соседнего имения *Ойнаровичи* (Айнаровичи), принадлежавшего пану Лаврину Ратомскому³³⁰. Согласно документу, урядник этого имения Станислав Захарич *с многими боярами и подданными* (из них поименно перечислены 8 человек) совершили наезд на пуцу в урочище *Бочилова*, принадлежащую имению Корень, где вырубил и вывезли около 1200 стволов (20 *коп*) строевого леса, около 1500 стволов *дерева на жердь и колье гождого* и около 1000 возов дров. Пуца занимала юго-западный угол имения Корень, между верховьями рек Гайны и Илии. Она, видимо, находилась на восточном берегу речки Бачиловки (в XIX в. называемой также Гатовкой или Конишовкой), которая начиналась недалеко от села Корень и текла на юго-запад, впадая в реку Илию в ее самом верхнем течении.

Далее к востоку естественную южную границу имения Корень представляла река Гайна. Об этом сохранилось одно подтверждение в документе XVI в. — дарственной от 26 августа 1555 г. *Василя Тишкевича* (владельца имения Логойск) на купленное им ранее имение Селец к западу от Логойска, которое он подарил своей жене Настасье Андреевне. Земли этого имения, как явствует из описания его границ, тянулись на север до реки Гайны, которая отделяла их *от именья каноницкого Кореня*³³¹.

В середине XVI в. земельный массив, прилежавший к имению Корень с востока и отделявший его от соседнего владения каноников — имения Ганевичи, был приобретен все тем же Василем Тишкевичем. В актовых книгах *Литовской метрики* сохранились упоминания о тяжбе с ним служилых татар, продавших ему в 1551 г. свои имения Нивки, Слаговище и

³²⁶ Коп — счетная единица, включавшая 60 однородных предметов. Ее распространение в качестве денежной единицы объясняется тем, что при чеканке пражского гроша 60 монет получались из стандартной марки серебра весом в 222 г, близкой к русской и польской *гривне* (около 204 г).

³²⁷ НИАБ. Ф. КМФ-18. Ед. хр. 229. Л. 51–52об.

³²⁸ НИАБ. Ф. 1727. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 114об., 893об.–894об.

³²⁹ НИАБ. Ф. 1769. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 733–733об.

³³⁰ ГИАЛ. Ф. 694. Оп. 1. Ед. хр. 4150.

³³¹ НИАБ. Ф. 1769. Ед. хр. 34. Л. 360.

Хатынь³³². Более подробно восточную границу Кореньщины фиксирует акт размежевания имений Василя Тишкевича и Виленского капитула, составленный 5 июля 1566 г. В нем описывается граница, которая *од давних часов* разделяла земли имения Корень и земли сел *Славогоща, Хатынь и Добринево*, приобретенных В. Тишкевичем у татар. Участок границы, не имевший четких природных рубежей (от дороги на Плещеницы до реки Лавницы, впадающей в Гайну), был маркирован насыпями из земли и камней — копцами. Всего на данном участке было насыпано 54 таких копча. В разграничительном акте оговаривался штраф за разрушение копцов, причем виновный должен был восстановить их заново³³³.

В обзоре источников упоминались несколько сфальсифицированных версий разграничительного акта между логойскими и кореньскими землями. Смысл всех версий един — они устанавливают границу на спорных участках между рекой Лавницей и плещеницкой дорогой, а также между этой же дорогой и верховьями реки Двиносы, т. е. там, где отсутствовали четкие естественные рубежи. При этом к Слаговищу всякий раз возвращаются земли, леса и сеножати, ранее захваченные «кореньцами капитульскими». Очевидно, что целью создания фальшивок было как раз противоположное — обоснование прав владельцев Слаговища и Логойска на земли, которые они пытались оттянуть у имения Корень. В частности, в подлинном разграничении 1566 г. участок между плещеницкой дорогой и рекой Гайной описан в таких выражениях: *дорогой плещеницкой до Логойска идучей, до колодежа вонячое воды, его держачи влево, якобы к шапце Стрельце, круто вправо <...>, через мох, через дуброву, до дороги из Кореня к Логойску <...>, на Лавницу, до Гайны реки, держачи Прудиче полеве*. При этом справа оставались земли каноников, слева — имений *Славогоща, Хотыни и Добренева Кезгайловского*. Речка Лавница служит лишь одним из ориентиров, но граница по ней непосредственно не проходит. В фальсификате, ложно датированном 28 мая 1537 г., отсчет начинается *от Гайны реки, где впала речка Лавница*. Далее разграничение идет в противоположном направлении, с юга на север, *Лавницей вверх на полмили*, причем земли по левой руке *належи до Кореня Прудков ойцов капитулы*, а по правой идут сеножати Тышкевичей *с озером самородным, называемым Ерополком*. Таким образом, левый берег Лавницы оказывается причисленным к владениям Тышкевичей.

Многие детали фальшивого разграничения соответствуют реалиям XVI в. — это было необходимо для придания ему достоверности. В частности, на логойской стороне границы упоминается имение Губа, сеножати которого якобы тянулись по болоту до реки Двиносы, включая урочище Омельник и дворец Филиповичи. Имение Губа, не упоминаемое в разграничении 1566 г., тем не менее в XVI в. существовало несомненно — оно фигурирует в двух вариантах завещания В. Тишкевича, датированных 1567 и 1570 гг.³³⁴ Поэтому заслуживает внимания и упоминание в фальсификате деревни Прудки. Возможно, она уже существовала в XVI или начале XVII в., хотя прямых упоминаний ее в аутентичных документах этого времени не сохранилось. Ценно также упоминание об *озере самородном* под селом Терехи, права на которое даже создатель подделки признал за капитулом. Возможно, речь идет о лесном озере, около которого в XIX в. существовал хутор Остров.

Уточнить представление о границах имения и одновременно убедиться в их исключительной стабильности позволяет более поздний комплекс документов. Он относится к XIX в. и фиксирует **границы имения Красный Бор** вскоре после его приобретения Казимиром Чудовским в 1826 г. Вне данного описания осталась часть бывшего имения Корень, которая в это время принадлежала племени местного костела и охватывала земли села Корень и застенка *Нарбутов*. Поводом для составления ограничения послужила некоторая неочерченность исконных границ, сохранившаяся с XVI в., из-за чего начались конфликты нового владельца с соседями. В частности, вновь встал вопрос о землях, спорных с имением Логойск. Дело дошло до Борисовского уездного межевого суда, решением которого от 4 мая 1829 г. Чудовский был признан виновным в незаконном захвате спорной земли, примыкавшей к фольварку Слаговище графа Константина Пиевича Тышкевича³³⁵. Аналогичный конфликт с помещиком Козелом, владельцем имения Кузевичи (примыкавшего к Красному Бору с юго-востока), был решен 28 июня 1829 г. полюбовным соглашением, которое упоминается в подробном описании границ имения Красный Бор, составленном 19 октября 1834 г.³³⁶

Описание начинается с места впадения в реку Гайну речки *Городца или Лавницы*. Оттуда вверх по течению Гайны (т. е. на северо-запад) до впадения в нее речки *Айнеровки* на протяжении 1248 саженей (около 2,7 км) шла граница с казенным имением Гайна. Далее вверх по Айнеровке начиналась граница с имением *Мурованый Двор*, которая шла сначала по прямой на 2,6 км, еще примерно на 1 км речкой и затем посуху на 0,8 км до речки *Заровки*, впадающей уже в реку Илию в ее верхнем течении. Вдоль по Заровке до ее впадения в Илию протяженность границы составляла приблизительно 2 км. Пройдя еще

³³² НИАБ. Ф. 1769. Ед. хр. 35. Л. 41об.–44об.; Ед. хр. 569. Л. 950–953, 956, 959

³³³ ГИАЛ. Ф. 694. Оп. 1. Ед. хр. 4149.

³³⁴ Акты, издаваемые Виленской археографической комиссией. Т. 22. – Вильно, 1895. № 629, 632. С. 388–392, 400–408.

³³⁵ НИАБ. Ф. 299. Оп. 2. Ед. хр. 2786.

³³⁶ НИАБ. Ф. 147. Оп. 2. Ед. хр. 121. Л. 138об.–140.

около 0,5 км вверх по Илии, граница переходила на ее правый берег, где Красный Бор на протяжении примерно в 0,5 км граничил с сенокосами Кореньской плебании.

Следующей опорной точкой было место впадения в Илию речки Гатовки. Вверх по этой речке (т. е. на северо-восток) шла граница чересполосных владений Красного Бора и плебании с именем Укроповичи — примерно на 0,5 км до мельницы, принадлежащей Укроповичам, и еще на 2,2 км вверх по речке, мимо деревни Укроповичи. Затем несколькими отрезками ломаной линии граница имения огибала село Корень и выходила (видимо, севернее его) в точку, где сходились земли плебании, имений Укроповичи и Лозки. Оттуда мимо земель фольварка Лозки на протяжении примерно 1,2 км она шла на север к границе казенного имения Хотаевичи, вдоль которой еще через 1 км выходила к мосту на речке *Громычанке* — очевидно, на дороге из Кореня в Сукневичи.

От моста граница сворачивала на северо-восток и вдоль Громычанки *по разным изворотам* шла примерно 2 км мимо земель Хотаевичского монастыря и фольварка Сукневичи, принадлежащего помещику Валицкому. Оттуда Громычанка на протяжении 5,3 км (в общем направлении на восток, через болото) отделяла земли Красного Бора от имения Плещеницы графини Софьи Тышкевич. От места впадения в Громычанку речки Озерницы граница шла прямо по болоту на 1,5 км влево (видимо, на северо-восток), затем сворачивала под углом в 65 градусов (на юго-восток?) и через 3,6 км выходила на дорогу Логойск — Плещеницы в урочище Мостище. От этого места до речки Громычанки (очевидно, до начала границы вдоль нее, т. е. до моста) по прямой было около 8,6 км.

Далее начиналась граница с Логойским имением графа К. Тышкевича. Она шла на юг по копцам *по-над дорогой* около 1,7 км до корчмы Сибирки и еще на 2,3 км до проселочной дороги, ведущей к деревням Прудки и Черехи (видимо, в этом же месте и сегодня от дороги Плещеницы — Логойск отходит дорога на Козыри и далее на Корень). Дальнейший участок границы на протяжении чуть более 4 км (мимо фольварка Слаговище) был спорным, но в целом шел в юго-западном направлении, в сторону озера, называемого Палик или Ерополк. Оттуда граница, по версии графа Тышкевича, должна была идти вниз по речке Лавнице до ее впадения в Гайну, а левый берег Лавницы принадлежал имению Логойск. По версии Чудовского, участок между Лавницей и землями имения Кузевичи скорее всего относился к имению Красный Бор. Граница, видимо, выходила к реке Гайне примерно в 1,5 км ниже устья Лавницы — в урочище Коханов Брод. Между устьем Лавницы и Кохановым Бродом река Гайна отделяла этот спорный участок от имения Родзевичи помещицы Малофеевой.

К. Тышкевич, судя по всему, опирался на одно из фальшивых разграничений, датированных 1530-ми гг. Впрочем, в тексте подлинного разграничения 1566 г. также упоминается река Лавница, но в решении комиссара капитула (по иронии судьбы принадлежавшего к тому же роду Тышкевичей), которое было вписано в книгу капитула за 1736 г., явно речь идет о крестьянских сенокосах престимониев Прудки и Малый Корень, расположенных по обоим берегам Лавницы. Из дальнейших событий явствует, что спорный участок остался за имением Красный Бор (там во второй половине XIX в. находились земли его фольварка Идалино).

Таким образом, за исключением одного участка у реки Лавницы, границы имения не претерпели изменений на протяжении всей его истории. Это не было исключительным явлением в истории земельной собственности на территории Беларуси. Однажды выделившись из состава архаичной волости в результате пожалования, большинство имений в дальнейшем лишь уточняли или детализировали свои границы с соседями. Такое имение могло раздробиться между несколькими наследниками, но и после этого общая граница всех частей, как правило, соответствовала первоначальному владению. Даже в случаях, когда в руках одного владельца временно объединялись два смежных имения, граница между ними изменялась исключительно редко, и в дальнейшем они могли вновь обособиться.

Эволюция даннических повинностей до середины XVI в.

Несмотря на отсутствие прямых данных, можно примерно представить себе изменение повинностей кореньских подданных в XVI в., привлекая для этого имеющиеся сведения по другим имениям капитула и по частным имениям, расположенным в ближних и дальних окрестностях Кореня. Те общие черты, которые удастся выявить при таком анализе, с высокой долей вероятности относились в равной мере и к объекту нашего исследования. В некоторых случаях можно определить и специфику, которая отличала его на общем фоне.

Как упоминалось выше, почти одновременно с Коренем из состава Хорецкой и Логойской волостей был выделен целый комплекс сел, пожалованных Войтеху Монивиду. В конце 1480-х гг., после смерти его последних мужских потомков,

половина этих владений по наследству перешла к пану Николаю Радивилевичу, женатому на внучке Монивида Зофии. При разделе имений между правнуками Монивида, сыновьями Зофии и Николая Радивилевича (Николаем, Яном и Юрием), учиненном в 1520 г. по случаю смерти их брата Войтеха³³⁷, упоминаются *людей данников Хорецких 316 человек*. На долю каждого из братьев пришлось по 105 человек, *1 звыш зостался*. Со 105 данников, вошедших в каждую долю, причиталось *меду 4 пуловицы и 14 пудов и 4 безмена*. Кроме того, со всех данников причиталось *плату грошового 15 коп без 12 грошей*, т. е. 888 грошей. Таким образом, у бывших монивидовских подданных медовая дань сочеталась с денежной. Ее сумма раскладывалась за вычетом 27 данников, вошедших в долю Николая³³⁸. На оставшихся 289 семей приходилось примерно по 3 гроша с каждой.

В начале января 1522 г. умер старший из братьев — Николай Радивил, занимавший, как и его отец, должность виленского воеводы. Трое сыновей Николая и вдова Альжбета (из рода Саковичей) в свою очередь учинили раздел его имений, которому посвящены два близких по содержанию документа. Оба они не датированы, но составлены, вероятно, в том же 1522 г. или вскоре после этого³³⁹. При этом разделе непосредственно упомянуты повинности некоторых данников на территории бывшей Хорецкой волости. В частности, в долю одного из братьев, помимо главного имения Упники в этнической Литве, вошел среди прочих двор Томиловичи (в Докшицком районе, в 70 км севернее Кореня), насчитывавший 32 человека (семьи), с которых причиталось повинностей на сумму 6,5 копы грошей (т. е. 390 грошей, в среднем примерно по 12 грошей с человека). В целом по имениям, вошедшим в эту часть, 399 подданных выполняли повинности, *сумуючи за медом и житом и овсом*, на общую сумму 62,5 копы, или 3750 грошей, что дает примерно 11 грошей с человека. Очевидно, всю повинность подданных из *Томилович* (Томилович) составляла медовая дань, поскольку чуть ниже отмечается, что она взималась с данников *Томиловских и Докшичских* в размере 33 пуда и 0,5 безмена, а пуд меда там же оценивался в 12 грошей. Это позволяет распознать в них именно тех *хорецких данников* из доли Николая Радивила, с которых при предыдущем разделе не исчислялась денежная подать. Они, видимо, являлись потомками данников, которые в привилее Витовта Войтеху Монивиду от 1407 г. фигурируют как *Докшичане*. Но объем медовой дани был для них сравнительно невелик — около пуда с человека, или в 2—3 раза меньше, чем вносили в 1422 г. семьи, подаренные Монивидом епископу. Такая дань явно не могла взиматься со службы, а лишь с отдельного крестьянского двора. Следовательно, древние службы в имениях, доставшихся Радивилам по наследству от Монивидовичей, к 1520-м гг. подверглись разделу на более мелкие единицы обложения.

Еще одна часть хорецких данников прослеживается в той части наследства Николая Радивила, где главным было имение Мусники. В нее вошли села *Домашковичи, Мстижане* (оба они упоминались в привилее Монивиду в 1407 г.), а также ненаселенная земля *Айнаровская с сеножатями*, которая находилась у самой границы Кореньщины (современные Айнаровичи). Количество людей в этих селах не указано, но, учитывая общую численность подданных в этой части (324 человека в 7 имениях) и принятый Радивилами принцип раздела хорецких данников на равные части, можно полагать, что эта цифра не сильно отличалась от числа подданных двора Томиловичи. Это подтверждается и схожим размером медовой дани — 34 пуда и 2 безмена. Следовательно, и в указанных селах на одну семью должно было приходиться около пуда.

Учитывая, что Николаю Радивилу по разделу 1520 г. досталось 105 хорецких данников, подданные из Томилович, Домашкович и Мстижа составляли лишь две трети из них. Недостающая треть, примерно 30—35 семей, соответствует, видимо, двору Зебин (современный Зембин в 30 км восточнее Кореня), количество подданных и размер повинностей в котором не указаны. Зато известны повинности в некоторых селах поблизости от Кореньщины, входивших в ту же часть, что и Томиловичи. Среди них *Дорогомичи 30 человек данников с пустошцами* (жители села Дорогомичи, которое находилось в 38 км севернее Кореня), к которым были добавлены 4 человека *каменчан* (жителей Каменя-Завилейского, в 35 км северо-западнее Кореня), в сумме вносили 30,5 пуда меда, т. е. менее 1 пуда на человека. В расположенном неподалеку от Дорогомич селе Мильча 17 человек выплачивали 10 пудов и 4 безмена, т. е. в расчете на одного человека — еще меньше. А в селе Хотенчицы (23 км к западу от Кореня), которое также было внесено в род Радивилов внучкой Монивида, с 21 человека причиталось всего 6 пудов меда. Надо полагать, что остальная часть повинностей вносилась житом и овсом, а возможно, имела место и барщина.

³³⁷ Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. Т. 7. № 9. С. 7–14.

³³⁸ Сыновья и потомки Николая Радивилевича использовали имя родоначальника в качестве фамилии — Радивилы, с XVII в. возобладала польская форма — *Радзивиллы*. Чтобы различать двух Николаев, отца и сына, далее первый из них будет именоваться Николаем Радивилевичем, а второй — Николаем Радивилом.

³³⁹ Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. Т. 7. № 10. С. 12–14; Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. Т. 1. — Вильно, 1867. № 23. С. 32–34 (этот документ при публикации датирован ошибочно).

Характерно, что при разделе наследства Николая Радивиля не упоминаются *пуловицы*, в которых исчислялась хорецкая дань в 1520 г. Видимо, во владениях Радивилов вскоре после 1520 г. дань начала раскладываться на отдельные семьи, с каждой примерно по пуду (пятибезменному), или по 15 кг. В денежном исчислении это соответствовало 12 грошам. Некоторые крестьяне вносили дань частично деньгами — по 3 гроша, а в отдельных селах зафиксировано снижение медовой дани за счет введения дани житом и овсом, т. е. дякла.

В имениях Виленского капитула формы эксплуатации отличались достаточным разнообразием. Подданные Стрешинской волости, по обработанным Ежи Охманьским данным инвентаря 1538 г.³⁴⁰, подразделялись на три категории. Большинство из них (107 хозяйств из 149, или 71,8%) платили медовую дань, 23 хозяйства вносили денежную дань (*proventus recessuarius*), а 19 наиболее бедных являлись *чернокунцами* или *коморниками*, платившими лишь по 15 грошей в качестве *кунцы*. Данники Стрешинской волости были организованы, подобно хорецким данникам в 1520 г., в *половицы медовые*. Всех половиц насчитывалось 10, т. е. на каждую приходилось в среднем 10—11 семей. Дань, причитавшаяся с половицы, соответствовала *старинной мере (antique mensure)*, которая расшифровывается в последующем инвентаре Стрешина за 1561 г. — она представляла собой *лукно* объемом в 12 *медниц*.

Вместимость медницы можно определить с помощью вышеупомянутого документа о разделе радивиловских имений. В нем упоминается, что пуд меда стоил (около 1522 г.) 12 грошей, а медница — 20³⁴¹. Из этого следует, что медница вмещала 1,67 пуда, или около 25 кг. В таком случае половица из 12 медниц соответствует 20 пудам. Этот вывод подтверждается объемом дани, указанным при разделе хорецких данников в 1520 г.: приходившиеся на 105 семей 4 половицы, 14 пудов и 4 безмена составляли в таком случае 94,8 пуда, или в среднем по 0,9 пуда на семью. Выше уже отмечалось, что в тех селах, где прямо указано количество семей и размер дани, на одну семью действительно приходилось по пуду меда или чуть меньше.

Если в Стрешине применялась медница такого же объема, то на 10,7 двора, что в среднем составляло половицу, приходилась 20-пудовая дань, а на семью выходило по 1,9 пуда — значительно больше, чем в имениях Радивилов. В ценах 1520-х гг. это равнялось 240 грошам на половицу или 22,8 гроша на семью. При этом, видимо, имелся в виду *широкий*, или *пражский*, грош — серебряная монета чешской чеканки весом в 3,86 г, имевшая хождение на территории Великого Княжества примерно до середины XVI в. Одновременно с 1492 г. Виленским монетным двором чеканился *литовский*, или *узкий*, грош, весивший 2,5 г, но за счет низкой пробы содержащий серебра примерно в 3,5 раза меньше, чем пражский³⁴². Официальный курс пражского и литовского грошей не соответствовал их фактическому серебряному наполнению и составлял в 1520 — 1540-е гг. от 1 : 1,4 до 1 : 1,5. Цена меда, выраженная в узких грошах, была существенно выше, чем в широких: в инвентаре имения Мядель в 1545 г. пуд оценивается в 20 грошей, а в инвентаре Стрешинской волости в 1561 г. медница стоила 30 грошей. По этому счету дань радивиловских подданных составляла 17 — 18 грошей на семью, а стрешинских — 33,6 гроша.

Помимо меда с каждой стрешинской половицы причитался еще целый ряд дополнительных повинностей. Одной из них было *налуконье* — очевидно, денежная доплата уряднику, осуществлявшему сбор меда, в размере 50 узких грошей с лукна, но с половиц, владевших территориально удаленными угодьями за рекой Днепр, взималась двойная такса — 100 грошей. На семью это составляло от 5,6 до 11,1 гроша. Кроме того, существовал платеж за бобров (*pro castore*), который также различался — по 15 грошей с обычных половиц и по 30 — с удаленных. Далее следовала плата за воск (от 7 до 12 грошей), кунца (6 грошей), за пользование добавочными пашенными участками в лесу — *островами* (от 9 до 18 грошей). В сумме с семьи причиталось от 4,1 до 7,3 гроша.

Целый ряд дополнительных платежей распределялся не по службам, а по селам, которых было 5 (численностью в 51, 43, 23, 16 и 16 дворов). Независимо от размеров каждое село вносило по 2 безмена воска или денежный эквивалент в сумме 16 грошей; овес в количестве от 2 до 6 мер, именуемых *смырами* (или по 2 гроша за меру); по 20 вязок льна; меру проса за 1 — 1,5 гроша и курицу. Вместо некоторых старинных повинностей (участия в коллективных рыбных ловлях или охотах в пользу владельца) взималась денежная плата: по 40 — 42 гроша *язовщины*, 10 грошей *неводовщины*, 15—30 грошей *ловщины*, 40 грошей взамен подводной повинности (транспортировки господских грузов). Видимо, вместо дани зерном устанавливалась *коробовщина* в размере от 6 до 12 грошей. Стация, причитавшаяся на кормление урядников при объезде ими сел, составляла от 4 до 12 пудов *меда тиунского*, 1,5—3 пуда *меда полудного*, от 4 до 8 пудов *меда ситного* с села, а одно из сел вносило еще 3 пуда *меда горного*. Вместо практиковавшегося некогда предоставления уряднику проводников также взималась денежная

³⁴⁰ Ochmański J. Powstanie i rozwój latyfundiów biskupstwa Wileńskiego. S. 109–111.

³⁴¹ Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. Т. 1. № 23. С. 33, 34.

³⁴² Gutowski M. Podręcznik numizmatyki polskiej. – Kraków, 1914. S. 286.

плата — от 25 до 30 грошей. Сохранялась обязанность давать уряднику при необходимости корм для коней. Таким образом, на село приходилось отмеченных платежей на сумму от 180 до 420 грошей, а на семью — порядка 10 грошей.

Еще одна группа платежей распределялась в Стрешинской волости индивидуально и скорее всего представляла собой недавние нововведения. С каждой трех *огниц* (домашних очагов или печей) надлежало платить по 6 грошей *огневицны*, а с каждого *дыма* — по *тесновой кунце* в размере 6 грошей (эта плата взималась раз в два года). За освобождение от обязанности сторожить на господском дворе нужно было внести *белку сторожовскую*, а в случае брака (надо полагать, при выходе невесты замуж за подданного другого имения) — *белку шлюбную*. Очень любопытен платеж под названием *радуничное*, который собирался после Пасхи и представлял собой, вероятно, своеобразный выкуп за право проведения в церковном имении языческого обряда поминовения усопших — *Радуницы*: с каждого полноценного хозяйства причитался 1 грош, а с убогого — 0,5 гроша. Интересную повинность представлял собой также *пропой* — плата за право изготовления пива или хмельного меда, которая вносилась сообща, по 40 грошей с села. На каждое хозяйство приходилось в год таких платежей примерно на 5 грошей.

Общая сумма повинностей стрешинского данника составляла, по подсчетам Ежи Охманьского, 60 грошей в год. Причем на основную повинность (медовую дань) приходилось 56%, а 44% составляли всевозможные дополнительные поборы. Многие из них явно унаследованы с той поры, когда волость содержала еще великокняжеских наместников. Сохранение этих повинностей в Стрешине в полном объеме (с переадресацией в пользу капитульных урядников и постепенной коммутацией в денежный эквивалент) объясняется, видимо, тем, что в данном случае объектом пожалования стала целая волость. При пожаловании отдельного села, превращаемого в престимоний для одного из членов капитула (как в случае с Коренем), или при переходе такого же села в частную собственность некоторые из повинностей (например, предоставление проводников или плата за разъезды тиунов по удаленным угодыям) должны были отмереть еще до того, как возник повод для перевода их на деньги. Вряд ли практиковались в небольших владениях и такие коллективные акции, как облавные охоты с участием десятков крестьян в качестве загонщиков, а при удаленности села от крупных рек или озер не имела смысла и повинность на ловлю рыбы неводом. Но нельзя исключить, что многие из упомянутых второстепенных платежей существовали повсеместно, хотя они редко упоминаются в источниках, поскольку получателем большинства из них был не сам владелец, а его урядники на местах.

В другом столовом имении капитула — Каменецкой волости, по данным инвентаря за тот же 1538 г., основную повинность также составляла дань, но она взималась не медом, а деньгами. Тем не менее общая ее стоимость (в среднем по 38 грошей с хозяйства) была близка к стоимости стрешинской медовой дани. С учетом всех дополнительных платежей с хозяйства причиталось, по подсчетам Е. Охманьского, около 80 грошей³⁴³.

В нашем распоряжении имеется единственное и очень скупое упоминание о повинностях, издавна существовавших в самом Корене. Оно относится к 1576 г., но ретроспективно эти данные можно распространять, по крайней мере, на середину XVI в. При проведении волочной реформы в Коренеотменялись прежние повинности — медовая дань и *налукоње*, которые перед этим исчислялись уже не со службы, а с каждого двора в отдельности³⁴⁴. К сожалению, размер дани не указан, но можно предполагать, что она в расчете на двор находилась в пределах от 1 до 2 пудов. Если в начале века со службы в Коренепричиталась приблизительно такая же дань, как и в Ганевичах, т. е. около 5,5 пуда, а каждая служба впоследствии разделилась минимум на 2,5—3 хозяйства, то дань с каждого из них могла измеряться примерно 2 пудами. Если же служба разделилась в среднем на 5—6 хозяйств (как это произошло, вероятно, в имениях Радивилов), то на хозяйство должно было прийти около 1 пуда. При цене в 18—20 узких грошей за пуд это составляет в денежном исчислении от 18 до 40 грошей.

Что касается *налукоња*, то эта повинность, отмененная в 1576 г. в качестве дохода капитула, сохранилась как один из доходов новооснованного Кореньского костела. В 1605 г. она увеличена с прежних 18 пенязей (1,8 гроша) до 2 грошей³⁴⁵. Вероятно, на протяжении большей части XVI в. эта повинность равнялась 1,8 гроша со двора.

Предполагаемые размеры повинностей в имении Корень были, видимо, очень близки к повинностям данников, описанных в инвентарях государственных и частных имений середины XVI в. Одним из наиболее ранних является инвентарь имения Радощковичи³⁴⁶, составленный в 1549 г., вскоре после того, как имение покойного бездетного магната Станислава Гаштовта перешло в государственную собственность. Основная часть имения находилась в 40 км к юго-западу от Кореня, но

³⁴³ *Ochmański J. Powstanie i rozwój latyfundiów biskupstwa Wileńskiego. S. 111–112.*

³⁴⁴ ОРБАНЛ. Ф. 43. Ед. хр. 213. Л. 202об.

³⁴⁵ ОРБАНЛ. Ф. 43. Ед. хр. 216. Л. 58–59об. См. также копию: НИАБ. Ф. 1769. Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 433–434.

³⁴⁶ Документы Московского архива Министерства юстиции. Т. 1. – М., 1897. С. 90–119.

там дань уже давно заменили другими повинностями. Для нас особый интерес представляет помещенное в конце указанного инвентаря описание Реваничской волости, расположенной в 17 милях (около 133 км) от Радошкович, в 80 км юго-восточнее Кореня³⁴⁷. Затерянная среди лесов и болот, эта волость в XV в. выделилась из Борисовской волости и относилась (*прислухала*) к еще более удаленному имению Гаштовтов — Гераненам, расположенным на западе современной Беларуси, у самой границы с Литвой. Незадолго до составления инвентаря вдова Станислава Гаштовта — Барбара из рода Радивилов (известная впоследствии как жена короля и великого князя Жигимонта Августа) приписала (*прывернула*) Реваничскую волость к Радошковичам, но при этом состав повинностей в ней остался в целом таким, каким он, видимо, выглядел еще в момент пожалования этой волости Гаштовтам.

Всего в селе Реваничи вместе с расположенным неподалеку небольшим селением Дрегуча насчитывалось 80 крестьянских дымов. Их основной повинностью считалась выплата медовой дани, причем в среднем на один дым приходилось по *каменю меда, в каждом камени по шести безменов менских*. Составители инвентаря специально измеряли тот сосуд, которым пользовались при взимании дани: *мають судно свое старое, которое зовуть медницею, и в него меду дают, нижли великое медницы далеко не доходить; а мерыли есмо с паном Фурсом: нет боли, одно в камени шесть безменов*. Очевидно, применявшийся в Реваничах нестандартный мерный сосуд восходит к *каменю меньскому*, введенному в Борисовской волости привилеем Витовта еще в 1396 г. Он был больше пуда, но заметно меньше 25-килограммовой медницы и вмещал примерно 18 кг меда.

Имелись также денежные выплаты, которые, судя по названию, представляли собой коммутированную на деньги меховую дань: *куничных пенезей дают на господара 7 коп грошей, а бобровых пенезей дают рубль грошей шырокий, нижли поведают, же за тот рубль здавна по 2 копе грошей дают* (т.е. рубль широкими грошами, состоявший из 100 таких грошей, приравнивался к 2 копам, или 120 узким грошам). Таким образом, всего на 80 дымов приходилось 9 коп, или 540 грошей — в среднем по 6,75 гроша с дыма. Кроме того, с волости причиталось в пользу владельца 10 бочек-солянок овса, какое-то количество льна (86 *десятков*, но размер этой единицы точно не известен), 36 беличьих шкурок, 2,5 безмена воску. Ежегодная *стация* состояла в выплате трех телок (*яловиц*), причем в инвентаре поясняется, что эта повинность первоначально имела характер полудобровольного подношения по случаю женитьбы владельца, а затем стала обязательной: *на веселе небожчика пана Станислава Кгаштолта по своей воли стацею тую дали, а потом пани Кгаштолтовая по смерти небожчыка пана на них завжды правила и брала за подачку*. Так же недавно была установлена дополнительная повинность в пользу урядника: по 1 грошу и по курице с дыма, 10 солянок овса со всей волости. Еще одному уряднику, *кидничому*, со всей волости полагался рубль, *нижли то им новина*. Единственная отработочная повинность заключалась в обязанности отправлять каждое лето в главное имение 12 человек на 4 недели для косьбы сена.

Медовая дань распространялась на всю волость круговой порукой: *и хотя бы под которым человеком чого не было, або вбог был, однакже вси складают и спольне вси подают*. Действительно, из 80 дымов 5 не платили ничего по причине полной деградации их хозяйства: *Степан Крывопуск, калека, не маеть ничего, ни земли; Овдотья вбогая, не маеть ничего, калека* и т. п. Еще 14 хозяйств платили дань в половинном объеме — по 0,5 камня. Зато их доля распределялась между другими (видимо, наиболее зажиточными) крестьянами, из которых 5 платили по 2 камня, а 13 — по 1,5. Наибольшее число хозяйств — 42 платили ровно по одному камению. Примечательно, что в Реваничской волости служб не существовало совсем, а повинность исчислялась с каждого дыма индивидуально. Общинная раскладка (*разруб*) повинностей отсутствовала, каждая податная единица была жестко связана с индивидуальным земельным наделом, переходящим по наследству. Перераспределение повинностей осуществлялось, видимо, по согласованию с урядником самими крестьянами, путем соглашений между ними — кто-то принимал на себя чужой земельный надел (или его часть) вместе с причитавшейся данью. Это могли быть родственники. Так, в одном случае сказано: *Артим Малашкович, калека, отчызну свою братом своим Коношу а Мойсею Малашковичом спустил*. Но сделка могла касаться и посторонних людей: *Санко Осташкович Друченин, дым, тот здал отчыну свою Михалю Лучычу, который маеть за него дань давати и повинность всякую полнити*.

Другой документ, датированный 1555 г., упоминает повинности в селах Гнездиловичи и Войборовичи³⁴⁸. Эти два села, расположенные в 55 и 65 км севернее Кореня, некогда входили в число данников Войтеха Монивида в Хорецкой волости, а затем перешли по наследству к потомкам его второй внучки Ядвиги, жены Олехны Судимонтовича, и были приписаны к имению Сольчники (современный Шальчининкай в Литве, недалеко от границы Беларуси). В них медовая дань сочеталась с

³⁴⁷ Документы Московского архива Министерства юстиции. Т. 1. С. 116–119.

³⁴⁸ Акты, издаваемые Виленской археографической комиссией. Т. 14. — Вильно, 1887. С. 10–11.

полуконным — вероятно, аналогом *налуконья* в имениях капитула. Всего в двух селах насчитывалось 69 дворов, с которых причиталось 40,5 пуда меда и еще 10,5 пуда за пустоши, распределенные между ними. Полуконное с обоих сел составляло 18 грошей, т. е. по 0,26 гроша на двор, или около 0,35 в расчете на пуд меда.

И медовая дань, и полуконное в этих селах выглядят сравнительно невысокими — видимо, за счет наличия других повинностей, которые составляли 220 грошей деньгами (по 3,2 гроша на двор) и очень небольшое дякло в размере 0,5 бочки жита, 4 бочек овса и 2 белок. Его, вероятно, вносили лишь некоторые из подданных. Известны и дополнительные платежи в пользу урядника — *тиуница на выезждого* в размере 1,5 пуда меду и 10,5 гроша со всех дворов вместе, а также с каждого в отдельности по 4,5 гроша, по *корцу* (четверти бочки) овса и по *десятку* льна, причем при сдаче овса и льна полагалось еще уплатить по 1 грошу *писчого*. В этих селах сохранилась также небольшая отработочная повинность — ежегодно в пору сенокоса предписывалось направлять в двор Сольчники (расстояние до него по прямой составляло около 160 км) 9 косарей, 2 рабочих лошади и одного плотника с топором, которые должны были отработать там 8 недель.

Есть сведения о повинностях данников, относившихся к имению *Острожчицы* (ныне Острошицкий Городок в 30 км южнее Кореня, между Логойском и Минском). Когда это имение было пожаловано в 1440-е гг. великокняжескому маршалку пану Войтку, к нему были причислены *4 човеки Гоголичан Менских, а два човеки Корговци Логожан*³⁴⁹. В инвентаре 1557 г., когда имение принадлежало пану Горностаю, в его составе фигурируют оба этих поселения: *Гоголица* (Галица западнее Острошицкого Городка) и *Коргово* (20 км северо-восточнее Кореня)³⁵⁰. В отличие от основного имения, в котором, как и в Радощковичах, была введена барщина, жители Коргова остались данниками. Они по-прежнему делились на 2 службы, но теперь одна состояла из 4 дымов, другая — из 3. На все 7 дымов приходилось медовой дани 10 *каменей шестерных*, или в среднем по 1,43 камня (вероятно, около 25 кг) с дыма. Вместо отработочной повинности на кошени сена в главном имении они выплачивали деньгами по 30 грошей со службы, а также по 16 грошей серебщизны с каждой сохи, включая 1 грош *бирчого* (в пользу урядника, который собирал этот налог). В Гоголице насчитывалось 10 дворов, службы там отсутствовали — принадлежащий каждому участок определяется в инвентаре как *земля зупольная*. Эти подданные находились на денежном чинше, именуемом *куницей*, в размере 40 грошей серебром. Кроме того, к имению принадлежало еще одно село данников — *Латыголичи* (возможно, Латыголь в Вилейском районе, 35 км западнее Кореня). В нем на 4 *зупольных* (полных) службы приходилось 24 дыма, и выплачивали они по 6 каменей меду со службы (ровно 1 камень на дым, или около 18—20 кг) и по 16 грошей серебщизны с каждой сохи.

Данники, проживавшие в селах Ширневичи, Соколовичи, Грушка и Ельняне (в 80—100 км восточнее Кореня), описаны в 1560 г. в инвентаре великокняжеского Оршанского замка³⁵¹, к которому они были временно приписаны несколькими годами ранее (а до этого относились к частному имению Воронцевичи в бывшем Друцком княжестве). В Ширневичах и Соколовичах вместе насчитывался 31 двор, которые еще разделялись на 8 старинных служб (от 3 до 5 дымов в службе, в среднем — по 4). С каждой службы причиталось по 4 пуда меда (т. е. по 1 пуду со двора), а полуконное в Ширневичах составляло по 6 широких грошей со службы (1,5 со двора, что соответствует чуть более чем 2 узким грошам), в Соколовичах — по 14 узких грошей со службы (по 3,5 со двора). Кроме этого, единственная повинность, упомянутая в инвентаре, — *хмелевое* — составляла 3 узких гроша с каждой службы. В Грушке 20 дворов подразделялись на 4 службы, с каждого двора причиталось по 1 пуду меда, по 2,5 гроша (видимо, узкого) полуконного и по 20 грошей денежного чинша. В Ельнянах имелось 10 дворов в 2 службах, всего с них шло 6 пудов медовой дани, 6 грошей полуконного и 100 грошей чинша, причем с 1 пуда полагалось 1,2 гроша полуконного.

Приведенные примеры показывают, что архаичные даннические повинности, пережиточно сохранявшиеся в разных частях Беларуси в первой половине — середине XVI в., могли различаться в деталях, но в целом характеризовались относительной однородностью. Они претерпели эволюцию по сравнению с исходным состоянием, причем в разных владениях эта эволюция протекала неодинаково. Со второй половины XV в. появляется новая тенденция — замена традиционной натуральной дани денежным эквивалентом или особыми, чисто денежными выплатами, которые в разных местах назывались по-разному: *куница, осада, чинш*. В условиях массового перехода сел в частное владение с конца XIV в. натуральные повинности, некогда взимавшиеся в пользу наместника, коммутировались, превращаясь в один из дополнительных платежей.

³⁴⁹ Lietuvos Metrika. Kn. 3 (1440–1498). – Vilnius, 1998. P. 44.

³⁵⁰ Инвентарь имения Острожчицы был выявлен в Главном архиве древних актов (AGAD) в Варшаве В. Ф. Голубевым (фонд Потоцких из Радыня, № 390). Он любезно позволил мне воспользоваться его личными выписками из этого инвентаря.

³⁵¹ Документы Московского архива Министерства юстиции. Т. 1. С. 133.

Деньги, ранее причитавшиеся наместнику за непосредственный прием медовой дани (*налуконье*), обычно сохранялись, но переадресовывались в распоряжение урядника (тиуна).

Численность населения и уровень освоения территории

О населенности имения Корень в середине XVI в. можно очень грубо судить на основании лишь одного документа — реестра *серебщизны* (специального налога на оплату наемного войска) за 1553 г.³⁵² К этому времени имение состояло из двух престимониев. В первом из них значилось 58 *сох* и 2 *огорода*, во втором — 50,5 *сохи*, 3 *земли* и 2 *огорода*. В качестве фискальных единиц при раскладке серебщизны принимались не дымы или службы, а специфические *сохи*, являвшиеся единицами упряжки.

Критерии раскладки государственных повинностей в зависимости от количества тяглового скота изложены (правда, без упоминания *сох*) в указе великого князя Жигимонта от 20 марта 1534 г. В частности, владелец двух волов или двух коней должен был уплачивать по 12 грошей, а владелец одного вола или одного коня — 6 грошей³⁵³. Таким образом, конь приравнивался не к целой воловьей упряжке, как считают некоторые исследователи, а к половине. Можно полагать, что в 1553 г. эти критерии были в целом аналогичными. Под *сохой* имелась в виду упряжка в составе двух волов или двух лошадей, которая в идеале принадлежала одному крестьянскому хозяйству. Но сплошь и рядом отмечались случаи, когда хозяйство имело лишь одну лошадь или одного вола — это принималось за половину сохи (отсюда и дробное количество сох в документе). И наоборот, в зажиточном хозяйстве могло быть две полных запряжки и даже более. Поэтому количество сох соотносится с количеством дворов лишь очень приблизительно. Под *огородам*, очевидно, подразумевался небольшой приусадебный надел, владелец которого не имел рабочего скота.

Некоторые соображения о соотношении сох и дворов можно получить из инвентаря имения Мядель (примерно в 100 км к северо-западу от Кореня), датированного 1545 г.³⁵⁴ В распоряжении 97 крестьянских дымов в этом имении находилось 92 вола и 138 коней (*кляч*). Этот рабочий скот распределялся между дымами очень неравномерно: 11 дворов вообще не имели тягловых животных, а 13 имели по одному коню. Зато многие хозяйства располагали более чем одной упряжкой. В шестнадцати дымах насчитывалось по 2 коня и 2 вола, в шести — по 3 коня и 2 вола, в двух — по 4 коня и 2 вола. Применяя к этим данным критерии, которые действовали при раскладке серебщизны, можно условно говорить о наличии в имении Мядель 115 сох и 11 земель или огородов. Всего на двор приходилось в среднем по 1,19 упряжки, а если считать только дворы, обеспеченные скотом, — по 1,34. Общее число — 128 единиц обложения — оказывается чрезвычайно близким к количеству малых семей — 126. Это совпадение отражает тенденцию: как правило, более одной упряжки имели хозяйства, состоявшие из более чем одной семьи.

В Реваничской волости в 1549 г. на 80 дымов приходилось 122 тягловых животных (43 вола и 79 коней), или около 0,75 сохи на дым. Если учесть, что 10 дымов не имели скота, на 70 оставшихся приходится по 0,87 упряжки. В основной части имения Радошковичи количество коней и волов указано для 147 крестьянских дымов, составлявших 55 и 2/3 службы. В отличие от Реванич подданные этой части имения, как и жители Мяделя, выполняли барщину. Всего там было 346 тягловых животных (186 волов и 160 коней), что дает 1,18 сохи на дым. С учетом того что 12 хозяйств не владели скотом, на 135 оставшихся приходится по 1,28 сохи.

Известно соотношение дымов и упряжек в даннических селах Гнездиловичи и Войборовичи в 1555 г.: 69 дымов и 57 сох, в том числе 42 дыма имели по полной сохе (2 вола), 21 — по 1 волу (т.е. 0,5 сохи), а 3 — по 3 вола, или 1,5 сохи. Кроме того, в 3 хозяйствах тягловые животные отсутствовали. На 66 упряжных дворов приходилось 114 волов, или 0,86 сохи на дым. Но следует учитывать, что лошади в этих селах совсем не упоминаются. Если они, тем не менее, существовали, то при раскладке серебщизны количество сох оказалось бы большим.

³⁵² ОРБАНЛ. Ф. 43. Ед. хр. 435.

³⁵³ Белоруссия в эпоху феодализма: Сб. документов и материалов. Т. 1. С. 136.

³⁵⁴ Документы Московского архива Министерства юстиции. Т. 1. — М., 1897. С. 75–85. См. тот же документ: Белоруссия в эпоху феодализма. Т. 1. С. 199–208. Имение состояло из трех частей, в тексте названных *волость двора Мядельского*, *волость двора Заворноцкого* и *волость двора Склениковского*. Инвентарь имеет небольшие пропуски: общее количество подданных Мядельского двора указано как 36 служб, тогда как поименно перечислены лишь 35, а в Склениковском дворе в одной службе указаны 2 дыма, хотя описание одного из них отсутствует. Не сходится и большинство других сумм, подсчитанных составителями инвентаря, поэтому все цифры пересчитаны автором заново.

Сохранился также инвентарь имений на территории современного Логойского района, разделенных между мелкими шляхтичами Щепаном и Матфеем Ваньковичами в декабре 1559 г.³⁵⁵ Разделу подлежали владения, ранее пожалованные их предку, видимо, из состава той же Айненской волости, из которой выделилось и имение Корень: части сел Слижин, Нестановичи и Белое. Всего в инвентаре упоминаются 38 дымов, образующих 27,5 службы. Все они выполняли барщину. На них приходилось 82 упряжных животных (44 вола и 38 коней), что дает 1,08 сохи на дым. Если исключить 2 дыма, не имевших скота, на 36 оставшихся приходится по 1,14 сохи.

К этим данным можно присовокупить информацию по более отдаленному имению Свержень в верховьях Немана (120 км к юго-западу от Кореня), обработанную М. Ф. Спиридоновым. По инвентарю 1569 г. он насчитал в этом имении в среднем на один дым по 1,4 вола и 1,2 коня, что дает 1,3 полной запряжки на дым³⁵⁶.

Обобщая приведенные выше сведения, отметим, что количество условных полных сох (2 вола или 2 коня) в середине XVI в. колебалось в центральной Беларуси в диапазоне от 0,9 до 1,3 сохи на упряжный двор. При этом для сел, населенных данниками, характерно меньшее количество тягловых животных, чем для сел, выполнявших барщину. Можно перенести выявленную пропорцию на реестр серебщизны по имению Корень. Упомянутые в нем 108,5 сохи могли означать в таком случае от 83 до 120 дымов, имевших тягловый скот. К ним следует добавить 7 дворов, не владевших скотом (упомянутые в реестре 3 земли и 4 огорода). Всего получается около сотни (от 90 до 127) крестьянских хозяйств.

Если допустить, что в одном крестьянском дворе проживало порядка 6 человек (эта цифра будет обоснована в следующем разделе), то население Кореньщины в середине XVI в. можно очень грубо оценить в пределах 540—690 человек. Плотность населения, таким образом, составляла от 4,75 до 6 человек на 1 кв. км. Для сравнения, в имении Ганевичи, которое занимало территорию примерно на 25% меньшую, чем Корень, что составляло около 90 тыс. кв. км, насчитывалось в 2,7 раза меньшее количество сох — 41. Соответственно там отмечалась и более низкая плотность населения — порядка 2—3 человека на 1 кв. км. Возможно, это объясняется тем, что процент земель, введенных в сельскохозяйственный оборот, был там ниже, и на значительной части территории произрастал нетронутый лес.

Степень аграрного освоения территории Кореньщины также можно установить, используя данные инвентарей Мяделя и Радошкович, в которых указана величина крестьянских наделов. В первом из них на 97 дымов приходилось удобряемой земли (*навоза*) на 76 бочек посева, неудобряемой — на 905 бочек, а пустоши измерялись 437 бочками. Кроме того, в распоряжении крестьян находились сенокосы на 676 возов сена, а под пустошами — еще на 342 воза (всего пустовало 36,1% пашни и 33,4% сенокосов). В среднем надел на дым был равен 0,78 бочки унавоженной земли, 9,23 бочки пашни и 6,9 воза сенокоса. В Радошковичах на 147 тяглых крестьянских дворов приходилось 971,5 бочки пашни и 714 возов сенокоса. Под лесом в крестьянских наделах оставалось земли на 105 бочек. В расчете на дым это 6,61 (а с учетом леса — 7,32) бочки пашни и 4,86 воза сенокоса. Близкие по времени сведения сохранились также по имению Глуск (около 170 км к юго-востоку от Кореня). Там, по подсчетам М. Ф. Спиридонова, в 1571 г. на один дым приходилось 5,6 бочки посева и 7,8 воза сенокоса³⁵⁷.

Чтобы перевести эти цифры в привычные нам единицы, нужно знать емкость бочки и нормы высева. Согласно артикулу 17 Уставы на волоки 1557 г., вместимость стандартной бочки (в некоторых источниках именуемой также *солянкой*) составляла *четыре корцы краковских, под стрых, без верху и топтанья*³⁵⁸. Похожее определение содержит артикул 30 раздела 3 Статута ВКЛ 1566 г.: *4 корцы без верху и тресенья, але под стрых*³⁵⁹. Известно, что *краковский корец* до 1764 г. вмещал 14 *гарцев* и имел объем 38,5 л, позднее его вместимость была немного изменена и составила 37,8 л³⁶⁰. Соответственно объем бочки равнялся примерно 154 л, что вмещало около 94 кг озимой ржи, 114 кг пшеницы, 87,5 кг ячменя, 74 кг яровой ржи или 72 кг овса³⁶¹.

Нормы высева в это время неизвестны, но позднее, в конце XVIII в., они упоминаются неоднократно³⁶² и были очень стабильными — четверть *виленской бочки* озимой ржи (67 кг) или 0,5 бочки овса (103 кг)³⁶³ на 1 морг, т. е. на 0,71 га. Таким

³⁵⁵ НИАБ. Ф. 1727. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 477—479.

³⁵⁶ Гісторыя сялянства Беларусі са старажытных часоў да нашых дзён. У 3 т. Т. 1. — Мн., 1997. С. 65.

³⁵⁷ Гісторыя сялянства Беларусі са старажытных часоў да нашых дзён. Т. 1. С. 63—64.

³⁵⁸ «Устава на волоки» и дополняющие ее документы шестой книги публичных дел Метрики Литовской // Русская историческая библиотека. Т. 30. — Юрьев, 1914.

³⁵⁹ Статут Великого княжества Литовского 1566 г. — Мн., 2003.

³⁶⁰ Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: У 6 т. Т. 4. — Мн., 1997. С. 135.

³⁶¹ Отмечу, что неправомерно распространенное в литературе отождествление этой бочки с *виленской бочкой*, введенной в качестве стандартной меры постановлением сейма в 1766 г. и имевшей объем в 144 гарнца, или около 442 л (в нее входило примерно 270 кг озимой ржи или 207 кг овса). Эту ошибку ранее повторил и я: *Насевіч В. Карэньшчына: тры стагоддзі з жыцця аднаго маёнтка* // Беларускі гістарычны агляд. Т. 7. Сш. 1 (12). С. 4—5 (заўвага 6), 13.

³⁶² Гісторыя сялянства Беларусі са старажытных часоў да нашых дзён. Т. 1. С. 234.

образом, в пересчете на гектар обычно высевалось около 1 ц озимых или 1,6 ц яровых. Если *бочка посева* мядельского инвентаря определялась по норме посева озими, она соответствовала 0,9 га. Если же в расчет брался посев овса или яровой ржи, то она соответствовала менее 0,5 га. Но это дает неправдоподобно низкие размеры наделов. Для сравнения, в России типичной нормой надела монастырских крестьян в XV — первой половине XVI в. являлась *выть*, равная примерно 15 десятинам³⁶⁴ *доброй* земли (в трех полях), или 18 десятинам *средней* или 24 десятинам *худой* земли. В Новгородской земле средним исследователи считают надел приблизительно в 9 десятин³⁶⁵. В княжеских личных владениях в двух центральных уездах Московского государства средний надел составлял соответственно 10,5 и 17,5 десятины. В другом уезде наделы в крупной дворцовой вотчине колебались от 8 до 10 десятин³⁶⁶. В Ливонии одним из основных типов надела была так называемая крестьянская, или малая, *соха* площадью порядка 8—14 га³⁶⁷. В Польше в это же время преобладал надел, равный целому *лану*, что в разных местностях составляло от 17 до 24 га, хотя в Мазовии уже был высок процент наделов в 0,5 лана. Надел в четверть лана (т.е. порядка 4,5—6 га) считался настолько малым, что он специально упоминается в хронике Яна Длугоша в качестве вопиющего факта³⁶⁸.

В дальнейшем автор исходит из того, что бочка посева равнялась примерно гектару. Что касается *воза сена*, то ему, вероятно, соответствовал участок не более 0,3 га³⁶⁹. Таким образом, средний надел на 1 дым в имении Мядель можно считать равным примерно 12 га (10 га пашни и 2 га сенокоса), в имении Радошковичи — 8,8 га (7,3 га пашни и 1,5 га сенокоса), в имении Глуск — 8 га (5,6 га пашни и 2,4 га сенокоса, при этом часть сенокосов, видимо, находилась не на луговых, а на суходольных землях и могла быть в принципе превращена в пашню). Еще примерно от 0,5 до 1 га могло приходиться на унавоженный приусадебный участок. Сведения о размерах наделов в более позднее время показывают, что эти цифры были достаточно устойчивыми и типичными для центральной Беларуси³⁷⁰.

Для примерно 100 дымов, предположительно имевшихся в Коренев 1553 г., эта норма дает от 560 до 1000 га удобряемой и неудобряемой пашни, а если принять максимальное число — 127 дымов, то площадь пашни могла составлять до 1270 га. Еще порядка 250—400 га пахотной земли могло оставаться под временно пустующими наделами. Общая площадь имения Корень исчислялась примерно 11,3 тыс. га, но потенциально пригодной под пашню в условиях традиционной агротехники, до широкого внедрения мелиорации, была лишь возвышенная часть этой территории. Переувлажненные луга и тем более болота могли использоваться в лучшем случае для сенокоса. Соотношение двух видов угодий хорошо видно на крупномасштабной военно-топографической карте (так называемой двухверстке) издания 1916 г.³⁷¹ С ее помощью можно определить, что более возвышенные земли занимали около 55% территории Кореньщины, или 6,2 тыс. га. Из них потенциально пригодными под пашню были не менее 4 тыс. га, а реально освоено к середине XVI в. от 20 до 35 %, максимум — до 40% этой площади.

Даже этот, сравнительно невысокий уровень освоения территории был достигнут лишь в предшествующие несколько десятилетий. По всем имеющимся данным, период со второй половины XIV по конец XV в. характеризовался глубоким демографическим упадком не только на территории Беларуси, но и во всей Европе. Это объясняется наложением нескольких неблагоприятных факторов. Уже с начала XIV в. источники фиксируют ухудшение климата, повлекшее за собой затяжные неурожаи и жестокий голод. Например, во владениях Ливонского ордена в Прибалтике между 1300 и 1500 гг. не отмечено ни одного благополучного десятилетия, особенно тяжелые времена фиксируются источниками в 1315—1318 и 1409—1422 гг.³⁷² В Западной Европе ситуация обострялась социально-экономическим кризисом и достижением предела феодальной эксплуатации

³⁶³ Удельная плотность зерна разных злаков различается, из-за этого их соотношения, указываемые в мерах объема и мерах веса, могут сильно расходиться между собой. Здесь и далее при переводе таких единиц средняя плотность озимой ржи принимается равной 610 г на литр, яровой ржи — 480 г, пшеницы — 745, ячменя — 570, овса — 470 г. Эта плотность ниже, чем у современных сортов, но наилучшим образом соответствует соотношениям, приводимым в источниках. Например, в справочниках XIX в. указывается вместимость русской четверти (210 л) в 9,5 пуда пшеницы, 7,25 пуда ячменя, 6 пудов овса, 6,25 пуда ржи — очевидно, яровой, поскольку емкость той же четверти повсеместно выражалась в 8 пудов озимой ржи. См., напр.: Федосюк Ю. А. Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века. — 3-е изд. — М., 2000. С. 48.

³⁶⁴ Десятина равнялась примерно 1,09 га.

³⁶⁵ История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Т. 2. С. 140.

³⁶⁶ История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 2. С. 273.

³⁶⁷ История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Т. 2. С. 186.

³⁶⁸ История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 2. С. 391.

³⁶⁹ В 1783 г. во владениях ксендза Кореньского костела 200 возов накашивали с сенокосных угодий, имевших площадь чуть более 53 га: НАРБ. Ф. 1781. Оп. 27. Ед. хр. 219. С. 149, 150.

³⁷⁰ После волочной реформы, произошедшей во второй половине XVI — начале XVII в., наиболее распространенным был надел в половину волюки, или около 10,5 га пашни.

³⁷¹ Военно-топографическая карта Российской империи. М 1:84000. — Пг., 1916. Ряд XIV. Л. 24.

³⁷² История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Т. 2. С. 193.

крестьян, приведшими на рубеже XIII—XIV вв. к относительному аграрному перенаселению³⁷³, в Восточной Европе — последствиями разрушительного монгольского нашествия и установлением власти Золотой Орды на большей части Руси³⁷⁴, сопровождавшимся неоднократными повторными вторжениями. К тому же резко ухудшилась эпидемиологическая обстановка. Чума, занесенная в Европу в 1340-е годы и получившая там название «черная смерть», привела к огромным опустошениям. В Англии потери оцениваются примерно в треть населения³⁷⁵, в Германии — в четверть³⁷⁶, во Франции — в таких же пределах³⁷⁷. Имеются летописные свидетельства о чуме на Руси, где пик эпидемии пришелся на 1352—1353 гг.³⁷⁸, но надежные количественные данные по Восточной Европе, к сожалению, отсутствуют. В последующие десятилетия чума давала неоднократные повторные вспышки (в 1363—1366, 1372—1374, 1393—1399, 1417, 1441—1443, 1467 г., в том числе и на Руси³⁷⁹), которые препятствовали восстановлению населения. По оценкам разных авторов, к 1460 г. население большинства европейских стран еще не достигло уровня 1340 г. Исследователи единодушны в том, что процесс депопуляции носил общеевропейский характер³⁸⁰.

На этом фоне вполне объяснимо, что экстраполяция данных о количестве служб начала XVI в. на более раннее время заставляет говорить о крайне низкой плотности населения. На одно село с округой порядка 100 кв. км должно было приходиться считанное число семей. Вероятно, 10 служб, упоминаемых в Ганевичах в 1516 г., и примерно 20—25 таких же служб в Коренебыли установлены в период пожалования этих сел Виленскому капитулу, т.е. в 1390-е гг. Если тогда каждой службе соответствовала одна крестьянская семья, состоявшая из 6—8 человек, то население Кореньщины в те времена можно очень гипотетически оценить в диапазоне от 100 до 200 человек, а его плотность — один-два человека на квадратный километр. В Ганевичах плотность населения, вероятно, составляла менее 1 человека на квадратный километр.

В течение последующего столетия количество служб оставалось прежним, но большинство из них понемногу разрасталось, и к началу XVI в. они могли включать в среднем по 1,5—2 самостоятельных семейных хозяйства. Общее их число можно оценить в пределах от 30 до 50 семей, что дает на начало XVI в. численность населения в пределах 200—300 человек обоего пола, а плотность населения Кореньщины — порядка 2—3 человека на квадратный километр. Видимо, такая плотность типична для Беларуси того времени (за исключением нескольких издревле освоенных районов, прилегавших к крупным городам, где концентрировалось основное число княжеских домениальных сел и боярских вотчин).

Первые данные о семейной структуре

Сохранившиеся документы XVI в. не позволяют непосредственно оценить соотношение числа дворохозяйств и семейных пар в имении Корень. Но такие сведения имеются в сохранившихся инвентарях ряда имений, находившихся в относительной близости от Кореньщины — в радиусе ста километров. Эти инвентари не упоминают женщин, но отражают родственные связи между лицами мужского пола, и на их основе можно провести классификацию хозяйств по структуре семей.

Здесь нужно остановиться на вопросах терминологии. Мне представляется необходимым последовательно разграничивать понятия *семья* и *дворохозяйство*. Как правило, они не разграничивались самими крестьянами, в представлении которых все члены общего хозяйства были одной семьей. Но когда исследователи следуют за этой практикой, возникает необходимость постоянно различать малые и большие семьи, вводить такие понятия, как *хозяйство-семья* и *составная семья* (по терминологии Б.Н. Миронова³⁸¹), *домовая община* (по терминологии Ю. Л. Бессмертного³⁸²) и т. п. По моему мнению, проще под семьей понимать именно нуклеарную семью, а любую группу лиц, ведущих совместное хозяйство и, как правило,

³⁷³ История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 2. С. 289–290.

³⁷⁴ История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Т. 2. С. 132–133.

³⁷⁵ Russell J. C. British Medieval Population. — Albuquerque, 1948. P. 92.

³⁷⁶ Keyser E. Die Pest in Deutschland und ihre Erforschung // Actes du Colloque International de démographie historique. — Liège, 1964. P. 369.

³⁷⁷ Бессмертный Ю. Л. Жизнь и смерть в средние века. Очерки демографической истории Франции. — М., 1991. С. 136–139.

³⁷⁸ Полное собрание русских летописей. Т. 10: Патриаршая, или Никоновская летопись. — М., 1965. С. 217, 221–224, 226; Борисенков Е.П., Пасецкий В. М. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. — М., 1988. С. 274–299 и др.; Насевич В.Л. Пачаткі Вялікага княства Літоўскага: Падзеі і асобы. — Мн., 1993. С. 95.

³⁷⁹ Полное собрание русских летописей. Т. 11: Патриаршая, или Никоновская летопись. — М., 1965. С. 3, 6, 25, 162.

³⁸⁰ Самаркин В. В. «Черная смерть» по данным современной зарубежной литературы // Вестник Московского университета (история). 1976. № 3. С. 75–79; История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 2. С. 292–293.

³⁸¹ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи и правового государства: В 2 т. — 2-е изд., испр. — СПб., 2000. Т. 1. С. 220–221 и др.

³⁸² Бессмертный Ю. Л. Структура крестьянской семьи во франкской деревне IX в.: данные антропонимического анализа // Средние века. 1980. Вып. 43. — М., 1980; История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 1. С. 236.

отражаемую в учетно-фискальных документах под одним номером, именовать *домохозяйством*, что является точным эквивалентом англоязычного понятия *household*, или, предпочтительнее, *дворохозяйством* (в качестве сокращенных форм уместны варианты *двор* и *хозяйство*). При таком подходе дворохозяйство может не включать ни одной семьи (дворохозяйство, состоящее из *одинок*), включать одну семью (в этом случае можно говорить об *односемейном* дворохозяйстве) или семью в сочетании с одиночками (*расширенное* дворохозяйство). Во всех случаях, когда совместно живут и хозяйствуют более одной семейной пары, следует вести речь о *многосемейном* дворохозяйстве.

Примерно такой подход используется в классификационной схеме П. Леслетта, завоевавшей международную популярность³⁸³. Но в развитие ее я предлагаю столь же последовательно различать понятия *полной*, *неполной* и *редуцированной* семьи. Полная семья обязательно включает обоих супругов независимо от наличия детей. Если жив один из супругов и хотя бы один из детей, следует говорить о неполной семье. Бездетный вдовец (вдова) или братья и сестры, у которых умерли оба родителя, представляют собой редуцированную семью. При всех подсчетах методически правильнее учитывать их как одиночек. Если совместно с ними проживает еще одна брачная пара (в том числе, например, женатый сын такой вдовы или женатый брат таких братьев и сестер), совместно они образуют расширенное дворохозяйство, в котором есть лишь одна полная семья. В случае повторного брака, при котором вместе с родителями живут дети одного из супругов от предыдущего брака (пасынки и падчерицы главы семьи или его дети от прежней жены), они рассматриваются наравне с родными детьми. Но если в одном хозяйстве со своими пасынками оказывается вдовый приемный родитель, все должны считаться одиночками (двумя редуцированными семьями).

Подсчет числа хозяйств в составе одиночек, односемейных, расширенных и многосемейных хозяйств возможен (с минимальными погрешностями) при наличии источников, где указаны только лица мужского пола, что не позволяет провести детальную классификацию по схеме П. Леслетта. При этом данные оказываются сопоставимыми, поскольку полная схема Леслетта почти однозначно преобразуется в обобщенную (таблица 1).

Можно убедиться, что источники, не указывающие лиц женского пола, затрудняют точную классификацию как минимум четырех возможных вариантов: когда указан неженатый или женатый глава без других мужчин, женатый глава с женатыми и неженатыми братьями. В зависимости от наличия у них матерей и сестер они могли бы быть отнесены к разным типам по классификации П. Леслетта.

Если использовать более обобщенную классификацию, то есть вероятность несколько завязать пропорцию одиночек и односемейных хозяйств и одновременно понизить долю расширенных и многосемейных. Это возможно в случаях, если у женатого мужчины есть вдовья мать (в первом столбце эти ситуации помечены знаком вопроса). Но число таких случаев сравнительно невелико, и их можно учесть введением небольшого поправочного коэффициента.

Для анализа структуры семьи можно использовать прежде всего немногочисленные инвентари, составленные в 1540-е — 1560-е гг. Они ценны тем, что являются одними из самых ранних на территории Великого Княжества Литовского. Правда, распространять их данные на другие имения, включая Корень, следует с очень большой осторожностью, поскольку возможны очень сильные локальные различия. В инвентаре имения **Мядель** за 1545 г. фигурируют 97 дворохозяйств (дымов) с указанием всех лиц мужского пола (их было 268, или в среднем 2,76 на дым). Даже если интерпретировать как неполные или расширенные семьи все случаи, когда в хозяйстве упомянуты 2—3 бездетных брата, можно утверждать о существовании не более 126 семей. Абсолютно преобладали дымы, состоящие из одной семьи, — примерно 68 (70,1%). В 25 случаях в составе дыма было по две таких семьи (в основном это семьи двух женатых братьев), в 4 случаях — по 3 семьи. На один дым приходилось в среднем по 2,76 мужчины и 1,3 семьи, на одну семью — по 2,1 лица мужского пола. Если допустить, что количество женщин в целом соответствовало количеству мужчин, то средняя численность семьи немногим превышала 4 человека, а средний размер дворохозяйства (*mean household size*) был близок к 5,5 человека.

Все лица мужского пола упоминаются в датированном 1569 г. инвентаре имения **Ганута**³⁸⁴ (70 км к западу от Кореня). Он фиксирует 65 дымов. Абсолютное большинство дымов (58, или 89%) состояли из хозяина с сыновьями или без них, т. е. представляли собой скорее всего малые семьи. Оставшиеся 7 дворов являлись многосемейными (отец, сын и внук; женатые братья с детьми и т. п.), причем на каждый двор приходилось по две семьи. Всего, таким образом, в имении было 74 семьи (1,2 на дым), в них 186 лиц мужского пола (2,5 на семью, или 2,86 на дым). В этом случае размер полной малой семьи следует

³⁸³ Hammel E.A. and Laslett P. Comparing household structures over time and between cultures // *Comparative Studies in Society and History*, 16 (1974). P. 73–109; Леслетт П. Семья и домохозяйство: исторический подход // *Брачность, рождаемость, семья за три века: Сб. статей / Под ред. А.Г. Вишневецкого и И.С. Кона.* – М., 1979. С. 132–157.

³⁸⁴ Istorijos archivas. T. 1: XVI amžiaus Lietuvos inventoriai. – Kaunas, 1934. № 20.

оценивать примерно в 5 человека, а населенность двора — в 5,7 человека. Эти цифры, как мы видим, не сильно отличаются от цифр по имению Мядель.

Т а б л и ц а 1. Соотношение возможных вариантов классификации дворохозяйств

Состав лиц мужского пола	Варианты полного состава хозяйства	Тип по классификации П. Леслетта	Тип по обобщенной классификации
Неженатый глава без других мужчин	Одинокый вдовец	Хозяйство вдовы или вдовца (1a)	Хозяйство, состоящее из одиночек (редуцированных семей)
	Одинокый холостяк	Хозяйство человека, никогда не вступавшего в брак (1b)	
	Неженатый мужчина с братом или сестрой (братьями и сестрами)	Хозяйство холостых сиблингов (2a)	
Неженатый глава с братом (братьями)			
Неженатый глава с неженатым однофамильцем	Неженатый мужчина с племянником или кузенком	Хозяйство холостых лиц, связанных иными родственными узами (2b)	
Неженатый глава с посторонним мужчиной	Два (и более) неженатых мужчины	Хозяйство лиц, не связанных явными узами (2c)	
Женатый глава без других мужчин	Брачная пара	Бездетная супружеская пара (3a)	Односемейное хозяйство
Женатый глава с сыновьями (пасынками)	Брачная пара с детьми	Супружеская пара с детьми (3b)	
Неженатый глава с сыновьями	Вдовец с детьми	Вдовец с детьми (3c)	
Вдова главы с сыновьями	Вдова с детьми	Вдова с детьми (3d)	
Женатый глава с отцом	Брачная пара с одним из родителей	Хозяйство, расширенное вверх (<i>ascendant</i> , 4a)	Расширенное хозяйство
Женатый глава без других мужчин?			
Женатый глава (с неженатыми сыновьями) с внуком или племянником	Брачная пара (с детьми) с внуком или племянником	Хозяйство, расширенное вниз (<i>descendant</i> , 4b)	
Женатый глава с неженатыми братьями (двоюродными братьями, племянниками)	Брачная пара с холостым братом (братьями и сестрами или другими родственниками)	Хозяйство, расширенное по горизонтали (<i>collateral</i> , 4c)	
Женатый глава с отцом (тестем) и неженатым однофамильцем (швагером, двоюродным братом, племянником)	Брачная пара с одним из родителей и родственниками по боковой линии	Сочетание предыдущих сочетаний (<i>ascendant and collateral</i> , 4d)	
Женатый глава с отцом (тестем) и неженатыми братьями	Женатый мужчина с обоими родителями (тестем и тещей) или любым вдовым родителем и неженатыми братьями (сестрами)	Многосемейное хозяйство с вертикальной связью вверх (<i>secondary ascendant nucleus</i> , 5a)	Многосемейное хозяйство в составе двух и более полных или неполных семей
Женатый глава с неженатыми братьями?			
Глава с сыновьями, один из которых женат, или зятем и неженатыми сыновьями (и неженатыми внуками)	Женатый мужчина с женатым сыном или зятем или вдовый родитель с женатым сыном и неженатыми детьми (и внуками)	Многосемейное хозяйство с вертикальной связью вниз (<i>secondary descendant nucleus</i> , 5b)	
Женатый глава с отцом (тестем) и женатым братом	Два (и более) женатых брата или женатый мужчина с шурином, жив один из родителей	Многосемейное хозяйство с горизонтальной связью (<i>collateral nuclei</i> , 5c)	
Женатый глава с женатым братом или шурином	Два (и более) женатых брата или женатый мужчина с шурином	Братчина (<i>frèreche</i> , 5d)	
Женатый глава с женатыми сыновьями или зятьями	Женатый отец и два (и более) женатых сыновей или зятьев	Сочетание предыдущих сочетаний (5e)	
Женатый глава и женатый издольщик (потужник и пр.)	Два (и более) женатых мужчины	Хозяйство, в котором родственные связи несводимы к одному из вышеперечисленных видов (6)	

Ряд инвентарей датируется более поздним временем — самым концом XVI в., зато они относятся к землям, ныне входящим в Логойский район. Содержащиеся в них сведения представляют особый интерес по причине их территориальной близости к объекту нашего исследования и аналогичных природных условий. Из них инвентарь части имения **Крайск** (его центр находился в 24 км северо-западнее Кореня) за 1590 г.³⁸⁵ явно неполон. В нем очевиден недоучет малолетних детей (ни в одной семье не упоминаются внуки, что для других инвентарей совершенно нехарактерно). Всего перечислен 51 крестьянский двор (дым), в них — 89 мужчин, т. е. в среднем 1,74 на двор. Указанная цифра также представляется слишком низкой. Все это дает основание исключить упомянутый инвентарь из дальнейших подсчетов. По данным более полного инвентаря за 1593 г.³⁸⁶, в другой части того же имения на 53 дыма приходилось 62 малые семьи (1,17 на дым), 151 представитель мужского пола (в

³⁸⁵ Акты, издаваемые Виленской археографической комиссией. Т. 14. С. 373–377.

³⁸⁶ Акты, издаваемые Виленской археографической комиссией. Т. 33. С. 129–132.

среднем 2,85 на дым или 2,44 на семью). В инвентаре 1594 г., касающемся части соседнего имения **Нестановичи** (12 км к северо-западу от Кореня)³⁸⁷, указаны 46 дымов, в них определяются 62 семьи (1,35 на дым), 165 лиц мужского пола (3,59 на дым или 2,66 на семью). Если суммировать информацию этих двух инвентарей, то на 99 дымов приходится 124 семьи, 316 мужчин. На двор приходилось 1,25 семьи, на семью — чуть более 2,5 мужчины, а полную населенность двора можно оценить примерно в 6,3 человека.

Наиболее близко находилось имение **Селец**, непосредственно граничившее с Коренем на юго-востоке, по реке Гайна. Согласно инвентарю 1596 г.³⁸⁸, имение состояло из 177 дворов. К сожалению, в нем упомянуто много одиноких мужчин, для которых не указан брачный статус. Это многократно увеличивает произвольность классификации. Из таблицы 2 можно увидеть, на каком из возможных вариантов остановился автор.

При таком подсчете получается 201 семья, что дает 1,14 на двор. Но в 22 случаях вместе с главой хозяйства упомянуты бездетные братья, из которых часть могли быть уже женатыми, хотя и не имели сыновей. Как видно, указанное количество малых семей, вероятно, занижено, в действительности их могло быть порядка 210—220, или 1,19—1,24 на двор. В инвентаре фигурируют 533 представителя мужского пола, на одно хозяйство приходилось в среднем 3 мужчины, а на семью — от 2,4 до 2,65. При удвоении числа мужчин средний размер дворохозяйства оказывается равным 6, что неплохо согласуется с данными других инвентарей.

Т а б л и ц а 2. Состав хозяйств в имении Селец, 1596 г.

Состав членов мужского пола	Вероятная форма хозяйства	Количество дворов	%	Количество мужчин	%	Количество мужчин на 1 двор
Вдова с сыновьями	Неполная семья	2	1,1	6	1,1	3,0
Глава с братьями		14	7,9	41	7,7	2,9
Глава без других мужчин	Полная или неполная семья	20	11,3	20	3,8	1,0
Глава с сыновьями или пасынками		121	68,4	388	72,8	3,2
Всего односемейных		157	88,7	455	85,4	2,9
Глава с сыновьями и братьями	Расширенное хозяйство	8	4,5	30	5,6	3,8
Всего расширенных		8	4,5	30	5,6	3,8
Глава с одним или более сыновьями и внуками	Многосемейное хозяйство	3	1,7	13	0,6	4,3
Глава с двумя сыновьями, имеющими сыновей		1	0,6	10	1,9	10,0
Глава с братом, имеющим сына		1	0,6	4	0,8	4,0
Глава с внуком и правнуками		1	0,6	4	0,8	4,0
Глава с зятем, шурином или издольщиком		6	3,4	17	3,2	2,8
Всего многосемейных		12	6,8	48	9,0	4,0
Итого		177	100	533	100	3,0

Таким образом, в Сельце тоже преобладали разные варианты малых семей, составлявшие, как минимум, 88,7% всех дворов. В них проживало около 87% жителей имения. Но их ориентацию на хозяйственную самостоятельность брачных пар не следует переоценивать. Во многих случаях несколько хозяйств, перечисленных в инвентаре вслед друг за другом (что, видимо, свидетельствует об их территориальном соседстве), принадлежали носителям одной фамилии, т. е. являлись, вероятно, потомками одной семьи, разделившейся в предшествующие годы (таблица 3).

Такое совместное проживание родственников, возможно, говорит о сохранении относительно тесных хозяйственных связей между ними, подобно тому как в более раннее время несколько родственных семей сообща исполняли одну службу. К родственному клану принадлежала третья часть всех подданных имения Селец.

³⁸⁷ НИАБ. Ф. 1769. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 32–36об.

³⁸⁸ Акты, издаваемые Виленской археографической комиссией. Т. 14. № 77. С. 543 и далее.

Т а б л и ц а 3. Группы соседних родственных дворохозяйств в имении Селец, 1596 г.

Родственные кланы	Возможная форма хозяйства	Количество случаев	Количество дворов	%	Количество мужчин	%	Количество мужчин на 1 случай
Два соседних двора с одной фамилией	Родственные семьи, разделившиеся	20	40	22,6	121	23,1	6,05
Три соседних двора с одной фамилией	несколько лет или десятилетий назад, но	4	12	6,8	29	5,5	7,25
Четыре соседних двора с одной фамилией	сохранившие хозяйственные связи	2	8	4,5	24	4,6	12,0
Всего		26	60	33,9	174	33,3	6,7

Из сказанного выше следует, что количество мужчин на 1 двор в частновладельческих имениях Логойщины конца XVI в. приближалось к 3. Следовательно, можно предполагать, что число лиц обоих полов составляло около 6 человек. Это несколько выше, чем в более ранних инвентарях Мяделя и Гануты, но не настолько, чтобы уверенно говорить о какой-то тенденции. Разная населенность двора в указанных имениях может объясняться случайными колебаниями или просто неполнотой учета. Количество малых семей, проходящихся на одно хозяйство, видимо, колебалось в пределах 1,15—1,35.

Очень общие выводы, но зато на основе анализа большого числа инвентарей конца XVI — первой половины XVII в. сделали Зиновий и Борис Копыские. Обработав данные по 217 поселениям и 35 службам, для которых источники позволяют установить родственные отношения между лицами мужского пола, эти исследователи насчитали в них 5663 дыма и 6969 малых семей. Таким образом, в среднем на 1 дым приходилось 1,2 семьи. При этом 4741 дым, или 85,6% от их общего количества, был представлен одной семьей (видимо, включая и расширенные хозяйства), а оставшиеся 14,4% хозяйств являлись многосемейными. Из них 745 дымов (10,6%) состояли из двух малых семей, а 266 (3,8%) — из 3 и более³⁸⁹.

В другой публикации Зиновий Копыский привел несколько иные, но в целом аналогичные цифры³⁹⁰. В 96 имениях он насчитал 8624 хозяйства, из которых 7282 (84,4%) представлены простыми (малыми) семьями. Население 842 дворов (9,8%) он определяет как «корневые семьи», включая в эту категорию хозяйства, в которых совместно жили родители и женатые сыновья, замужние дочери, а также сестры и братья главы хозяйства. Это соответствует многосемейным и расширенным хозяйствам вместе. Еще 500 хозяйств (5,8%) З. Копыский определяет как «смешанные» семьи, в которых под одной крышей жили люди, не связанные прямым родством. Вероятно, это более или менее соответствует типу 6 классификации П. Леслетта, и в большинстве случаев такие хозяйства были многосемейными. Несмотря на разницу в терминологии и не совсем одинаковые критерии группировки хозяйств, общие цифры, как видим, достаточно близки к данным по имению Селец 1596 г. Это позволяет оценить структуру домохозяйства в нем как типичную для Беларуси этого времени.

Для широкого сопоставления этих данных имеется не слишком много синхронных материалов. Некоторое представление о величине крестьянского домохозяйства на северо-западе России можно получить из новгородских писцовых книг XV в. Правда, они не указывают не только полный состав семьи, но даже детей мужского пола. В число «людей», фигурирующих в этих источниках, включались только женатые мужчины. Зато количество таких «людей», по-видимому, близко к общему количеству малых семей. В среднем на двор в Новгородской земле приходилось 1,3 женатых мужчины, хотя в ряде районов эта цифра доходила до 1,6³⁹¹. Исследователи отмечают наличие тех же категорий расширенных и многосемейных домохозяйств, которые встречаются в белорусских инвентарях: дворы, находящиеся в совместном владении женатых братьев, с присутствием двоюродных братьев (*братанов*), внуков и племянников, а также зятьев³⁹². Если даже количество многосемейных хозяйств и было выше, чем в Беларуси, то неамного.

В Западной Европе ситуация несколько отличалась, поскольку там формы многосемейных хозяйств, объединявших женатых братьев, практически исключались общепринятым принципом единонаследия. М. Миттерауер в одной из своих работ³⁹³ попытался проследить историю зарождения этой традиции примерно в междуречье Луары и Рейна и ее последующее

³⁸⁹ *Капыскі З., Капыскі Б.* Беларуская вёска і яе насельніцтва ў канцы XVI – першай палове XVII ст. Выход дэмаграфічнай характарыстыкі // Беларускі гістарычны часопіс. 1993. № 2. С. 42–45.

³⁹⁰ Гісторыя сялянства Беларусі са старажытных часоў да нашых дзён. Т. 1. С. 103.

³⁹¹ История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 2. С. 274.

³⁹² История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Т. 2. С. 143.

³⁹³ *Mitterauer M.* Medieval roots of European family development // *J. Michálek* (ed.). *Stredoeurópske kontexty l'udovej kultúry na Slovensku.* – Bratislava, 1995. P. 92–105. Сходные идеи также отражены в публикации: *Mitterauer M.* Family context: The Balkans in European comparison // *Journal of Family History*, 21 (1996). P. 387–406.

распространение в течение позднего Средневековья и Нового времени. По его мнению, этот процесс находился в тесной связи с базовым для империи Каролингов и ее исторических преемников типом землепользования — системой неделимых наделов (позднелатинские *mansus* или *laneus*, в германоязычных странах — *Hufe*), каждый из которых, как правило, оказывался в держании малой семьи и передавался целиком одному из сыновей. Важным сопутствующим фактором стало появление значительной прослойки населения, проводившей часть жизни в качестве наемных работников (*life-cycle servants*). Как отмечал Дж. Хайнал, именно лишённые надела сыновья становились наемными работниками в хозяйствах держателей *гуфов*, восполняя таким образом недостаток рабочей силы в них³⁹⁴.

В подобных условиях в среднеанглийских графствах в XIII—XV вв. господствовало односемейное дворохозяство. Его размер исследователи оценивают в 4—4,85 человека. И в дальнейшем, с конца XVI до начала XX в., в Англии эта цифра колебалась в узких пределах — от 4 до 6 человек на двор, в среднем — 4,75³⁹⁵. Тем не менее не исключается наличие некоторого числа расширенных семей, а также «корневой» семьи, в которой женатый отец жил совместно с женатым сыном, обычно старшим (наследование по принципу *майората*). Но в некоторых графствах (например, в Кенте) наследниками становились младшие сыновья (принцип *минората*)³⁹⁶. Лишённые наследства холостые братья зачастую выступали в роли батраков в том же хозяйстве, которое приобретало в этом случае вид расширенной семьи. Но они могли работать по найму и в чужих семьях. По списку налогоплательщиков 1380 г., в имении Букленд (в Глостершире) числилось 30 дворов, в половине из них указаны взрослые сыновья и дочери, в пяти дворах — постоянные слуги. Кроме того, в отдельном списке слуг указаны 8 семейных пар, 6 холостых мужчин и 2 незамужние женщины³⁹⁷.

На севере Франции в XIV—XV вв. отмечалось преобладание малых семей в маломощных крестьянских хозяйствах, тогда как более зажиточные, широко арендовавшие землю в дополнение к своему наделу хозяйства могли включать женатых детей и боковых родственников, а также наемных работников³⁹⁸. В середине XVI в. типичная деревня в Иль-де-Франс под Парижем насчитывала около сотни домохозяйств. Ее население составляло порядка 400—500 жителей, т. е. средний размер домохозяйства находился в пределах 4—5 человек, что близко английскому. Примерно 65 дворов принадлежало крестьянам-хозяевам, полноправным держателям наделов. Несколько дворов населяли вдовы, сельские ремесленники, различные служащие, которые работали в хозяйстве помещика или входили в состав церковного причта. Не менее 30 малоземельных крестьян — огородники и виноградари — нередко нанимались на обработку чужих виноградников за часть урожая³⁹⁹. Очевидно, лишённые наделов крестьяне предпочитали жить в собственных домах, хотя основные средства к существованию получали за счет работы по найму.

В Дании для XIV—XVI вв. также характерно наличие массовой прослойки безземельных крестьян, работавших по найму, — халупников (*husmaen*) и батраков (*leghodraendar*). Первые из них снимали дом в чужом дворе, но без земельного участка, вторые жили в доме хозяина, на которого работали. Эти категории крестьян происходили как из разорившихся держателей наделов, так и из сыновей, не получивших наследства. Иногда халупники, являвшиеся младшими братьями зажиточных крестьян, отличались достаточной состоятельностью, но в целом они представляли одну из беднейших прослоек крестьянства⁴⁰⁰.

Обилие лишённых наделов крестьян отмечено на северо-западе Германии, где также господствовал принцип наследования неделимого надела (нем. *Hufenverfassung*). Ко второй половине XVI в. в изученных Г. Хейцем 80 саксонских деревнях почти две трети крестьян (65,2%) входили в разряд безземельных. Из них 36% числились в качестве домашней прислуги в хозяйствах других крестьян, 39% — младшими партнерами зажиточных крестьян (*Hausgenossen*, эквивалент славянских терминов *сябры*, *потужники* или *подсуседки*), а 25% — безземельными родственниками-захребетниками в расширенных семьях⁴⁰¹. В таких условиях успешно процветал надомный труд по обработке льна и ткачеству, возникали сельские мануфактуры. По оценке того же Г. Хейца, в среднем на каждую саксонскую деревню приходилось по 3,5 ткача, в

³⁹⁴ Hajnal J. Two kinds of pre-industrial household formation systems // R. Wall (ed.), in collaboration with J. Robin and P. Laslett. Family Forms in Historic Europe. — Cambridge, 1983. P. 65–104.

³⁹⁵ Laslett P. Mean household size in England since the sixteen century // P. Laslett and R. Wall (eds.). Household and Family in Past Time ... — Cambridge, 1972. P. 91–102.

³⁹⁶ История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 2. С. 291.

³⁹⁷ Hilton R. H. The English Peasantry in the Later Middle Ages. — Oxford, 1975. P. 32–34; История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 2. С. 333.

³⁹⁸ История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 2. С. 317.

³⁹⁹ Jacquot J. La crise rurale en Ile-de-France, 1550 – 1670. — Paris, 1974. P. 137–138; История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 3. — М., 1986. С. 78.

⁴⁰⁰ История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 2. С. 411; Там же. Т. 3. С. 294.

⁴⁰¹ Heitz G. Die Entwicklung der ländlichen Leinenproduktion Sachsens. — Berlin, 1958. S. 24; История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 2. С. 369; Там же. Т. 3. С. 140.

отдельных деревнях их число доходило до 20. Таким образом, в некоторых частях Саксонии преобладали многосемейные или расширенные хозяйства, но они строились на совершенно иных принципах, чем в Беларуси или России, — полноправными держателями надела были лишь часть жителей соответствующего двора. Впрочем, масштаб этого явления не нужно переоценивать. В целом по Саксонии, по данным Р. Гросса, около 1550 г. полнонадельные крестьяне составляли 73,7% всего населения, огородники и другие малоземельные — 6,8%, бобыли-захребетники — 18,7%⁴⁰².

В Северных Нидерландах скопилось еще большее число безземельных крестьян, занимавшихся главным образом сельским надомничеством. Однако в связи с возросшей конкуренцией со стороны городской мануфактуры и падением цен на шерстяные изделия к началу XVI в. они оказались в тяжелом положении. Часть из них нашла работу на городских мануфактурах, верфях, в мелиорации, на флоте, но число обнищавших в отдельных областях достигло в это время 63% всего населения. Только бродяги и нищие в некоторых местностях составляли свыше 40%⁴⁰³. Другими словами, традиционное крестьянское хозяйство там почти исчезло, и ситуация очень мало напоминала восточноевропейскую.

Эволюция правового статуса крестьян

В масштабах европейской зоны пашенного земледелия XVI столетие оказалось во многом переломным. В это время наметилось разделение указанной зоны на две части, устойчиво сохранявшиеся до середины XIX в. Условная граница между этими частями проходила по реке Эльбе. Ситуация к западу от нее характеризовалась отсутствием или ничтожной ролью владельческой пашни и, следовательно, барщины; преобладанием в составе повинностей денежной ренты; сохранением личной свободы основной массы крестьянства. К востоку от Эльбы возобладали совершенно противоположные тенденции — значительная роль собственной пашни владельцев имений (в Польше и Великом Княжестве Литовском известной под термином *фольварк*), обрабатываемой подневольным трудом и инвентарем крестьян, которые находились в условиях крепостной зависимости, нередко напоминающей рабство. В Германии, по территории которой проходила линия раздела, первый тип эксплуатации получил среди историков название сеньории, или вотчины (*Grundherrschaft*), а второй — барщинно-крепостного поместья (*Gutsherrschaft*). Земля и там, и тут являлась собственностью помещика, но в первом случае лично свободные крестьяне фактически арендовали ее у помещика, во втором крестьянские семьи рассматривались как своего рода «приложение» к земельным участкам.

Вопрос о причинах такого различия представляет особый интерес. Большое влияние на последующую историографию проблемы имело внимание к ней одного из основоположников марксизма — Фридриха Энгельса. По его словам, наметившийся с середины XV в. выход Западной Европы из затяжного кризиса сопровождался ростом городов и появлением на рынке большого количества производимых городскими ремесленниками предметов роскоши и других материальных благ. Спрос на них со стороны дворянской верхушки феодального общества заставил ее искать дополнительные источники дохода. Это привело к *сеньориальной реакции* — усилению эксплуатации крестьян, которая вызвала в свою очередь сопротивление последних. На германских землях к западу от Эльбы противостояние вылилось в крестьянскую войну 1525 г., поражение которой привело к установлению *второго издания крепостного права* (под *первым изданием* Ф. Энгельс подразумевал период господства личной зависимости между крестьянином и его сеньором в IX—XI вв., которая затем почти повсеместно сошла на нет). Но период реакции там был недолог, дальнейшее развитие капиталистических отношений привело к развитию домена, обрабатываемого наемными работниками, или сдаче земель в аренду. К востоку от Эльбы, где отвоеванные у славян земли подверглись широкой колонизации только в XII в., крестьяне в последующие два-три столетия находились в сравнительно лучшем положении, поэтому они не приняли участия в крестьянской войне. *За это отступничество от своего собственного дела они, однако, жестоко заплатились*, — считал Ф. Энгельс, поскольку чуть позже, с конца XVI в., там установилось гораздо более жесткое и продолжительное крепостное право⁴⁰⁴.

Таким образом, объяснение основывается на идее классовой борьбы. Застойная форма крепостничества утвердилась там, где пассивность крестьян позволила установить наиболее удобную для правящего класса форму эксплуатации. Советские ученые вынуждены были так или иначе учитывать этот (отчасти верный, но лишь отчасти!) вывод классика. Его можно было развивать в том или ином направлении (например, изучать факторы, способствовавшие противоположным исходам классового

⁴⁰² Gross R. Die bürgerliche Agrarreform in Sachsen in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts. — Weimar, 1968. S. 31; История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 3. С. 144.

⁴⁰³ История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 3. С. 117, 124.

⁴⁰⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 339, 340; Там же. Т. 35. С. 105–107.

противостояния), но прямо противоречить ему или хотя бы игнорировать его было немыслимо. Очень трудно оказалось избавиться от использованного Энгельсом неявного допущения о том, что **барщина и крепостное право** неразрывно связаны между собой, причем первая определяет второе (это отразилось в самом понятии *барщинно-крепостническая система*). Попутно термин *второе издание крепостничества* превратился в ходячее клише, которое применялось даже при описании ситуации в Восточной Европе, где никакого *первого издания* не существовало вообще⁴⁰⁵.

Впоследствии в качестве причин, обусловивших успех сеньориального наступления на крестьянство в Восточной Европе, предлагались разные объяснения⁴⁰⁶, но большинство из них при внимательном рассмотрении оказываются частными. Одно из них — политическое доминирование дворян-землевладельцев в государстве. Если для Польши и Великого Княжества Литовского такое доминирование несомненно (исследователи говорят даже о своеобразной «шляхетской демократии»⁴⁰⁷), то феодальные вассалы Ливонского ордена или российские дворяне вынуждены были в гораздо большей степени подчиняться верховной власти (в недавней работе Б. Н. Миронова даже ставится вопрос о том, что дворянство России находилось, по сути дела, в крепостной зависимости⁴⁰⁸). Между тем в этих странах также сформировалась барщинная система, причем в России ко второй половине XVIII в. она сопровождалась, пожалуй, наиболее жестоким крепостничеством в отношении крестьян.

Для восточных областей Германии и Прибалтики многообещающим представлялся фактор иноземного господства и связанной с ним правовой дискриминации местных жителей. Действительно, класс землевладельцев там формировался преимущественно из пришлого немецкого рыцарства, а зависимые от них крестьяне были потомками побежденных племен: полабских славян, прусов, куршей, ливов и т. д. Такое объяснение можно с некоторыми (хотя и небесспорными) основаниями распространить на славянскую (*русскую*) часть Великого Княжества Литовского, где большая часть знати происходила из этнической Литвы и впоследствии полонизировалась, а также на Чехию, где после подавления антигабсбургского восстания в 1618 г. местную знать заменили верные императору выходцы из разных частей Европы. Но это никак не относится к Польше или России, где владельцы имений и их подданные всегда принадлежали к одному этносу.

Крепостная зависимость в XV — первой половине XVI в., видимо, развивалась независимо от барщины, хотя и параллельно с ней. На территории Великого Княжества крестьяне формально оставались субъектами правовых отношений, могли подавать иски друг на друга, а в государственных волостях — и на своих наместников (и даже выигрывать их)⁴⁰⁹. Правоспособность крестьян оговаривалось первым общегосударственным судебником, созданным в 1468 г., в правление великого князя Казимира. В большинстве его статей нормы права излагаются независимо от того, кто (крестьянин или пан) мог быть их объектом: *а хто украдет..., а тако ж кому до каго будет дело какое ...* и т. п., а три статьи специально определяют порядок рассмотрения дел, в которых истцами и ответчиками выступали бы подданные государства (великого князя), князей, панов и бояр: *а коли бы наш человек у вину дал князскому, или паньскому, или боярьскому человеку, ... а которому человеку князьскому, или панскому, или боярьскому до князьских и до панских и до боярьских людей дело...*⁴¹⁰ Разбираться такие дела должны были или наместником, или владельцем имения — в соответствии с судебным иммунитетом княжеских и панских вотчин, которым они пользовались с 1447 г.⁴¹¹ Существовал также *копный суд*, или *копа*, в котором участвовали представители крестьянских общин — старцы⁴¹². Это было отголоском древнего права участвовать в судебном

⁴⁰⁵ Обзор концепций на эту тему был в свое время проведен в публикации: Сказкин С. Д. Основные проблемы так называемого «второго издания крепостничества» в Средней и Восточной Европе // Вопросы истории. 1958. № 2.

⁴⁰⁶ Недавние обзоры этой проблематики содержатся в изданиях: История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 3. С. 234–247; История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Т. 2. С. 382–397.

⁴⁰⁷ Голенченко Г. «Шляхетская демократия» в Великом княжестве Литовском XVI–XVIII вв. // Белоруссия и Россия: общества и государства. — М., 1997. С. 31–56.

⁴⁰⁸ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи и правового государства: В 2 т. — 2-е изд., испр. — СПб., 2000. Т. 1. С. 360–363.

⁴⁰⁹ В пользу крестьян был решен, например, конфликт жителей Свислочской волости с наместником Г. Громькой в 1513 г.: Русская историческая библиотека. Т. 20. Ст. 804–808. Об этом и других подобных случаях см. также: Насевич В. Л. У складзе Вялікага княства Літоўскага і Рэчы Паспалітай // Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Чэрвеньскага р-на. — Мн., 2000. С. 32–47.

⁴¹⁰ Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 1. С. 80–83; Белоруссия в эпоху феодализма: Сб. документов и материалов. Т. 1. С. 129; Старостина И. П. Судебник Казимира 1468 г. // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования 1988–1989 гг. — М., 1991. С. 337–338.

⁴¹¹ Иммунитет, или право самостоятельно вершить суд над своими подданными, было закреплено за католической церковью Городельским привилеем 1413 г., за частными землевладельцами — привилеем Казимира 1447 г.: *Олиж бы первой от пана, которому ж тот поддан, который кривду вчинил, правда пожадана была, <...> а виноватый, который вину заслужил, пану своему, а не иному будет обязан заплатити.* См.: Белоруссия в эпоху феодализма: Сб. документов и материалов. Т. 1. С. 116; Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 1. С. 77.

⁴¹² Состав, полномочия и практика копного суда наиболее полно освещаются в написанном И. Спрогисом введении к изданию: Акты, издаваемые Виленской комиссией для разбора древних актов. Т. 18: Акты о копных судах (1522–1708). — Вильно, 1891. См. также: Древний копный суд в Северо-Западной Руси / Сост. И. Спрогис. — Витебск, 1895.

собрании, которое наряду с правом участвовать в ополчении рассматривалось как неотъемлемый признак свободного состояния⁴¹³.

Вместе с тем несомненно, что из всех сословий, пользующихся юридическими правами, статус крестьян был самым низким. Решающим фактором, определявшим его падение, являлась утвердившаяся к концу XIV в. феодальная система военной службы, не предполагавшая более всеобщего ополчения. По мере распространения огнестрельного оружия ко второй половине XVI в. возросла роль артиллерии и вооруженной мушкетами пехоты, но и эти роды войск не нуждались в крестьянах — они комплектовались преимущественно профессиональными наемниками, в том числе из западноевропейских стран⁴¹⁴. На крестьян возлагалось материальное обеспечение своего военнообязанного господина и выплата государственного налога для найма войска — *серебщизны*.

Поскольку крестьяне перестали составлять основу военной мощи, заинтересованность государства в защите их прав заметно снизилась. Во всех трех Статутах Великого Княжества Литовского, как и в Русской правде, штрафы за убийство имеют определенную градацию — от знати до холопов (челяди). Это соотношение в целом аналогично, но за одним существенным исключением, касающимся крестьян: в Статутах они оказываются в самом низу этой шкалы, непосредственно за холопами. В период Киевской Руси убийство *княжего мужа* (боярина-дружинника) оценивалось в 80 гривен, убийство *людина* — в 40 гривен, холопа-ремесленника или тиуна — в 12, а простого холопа — в 5. В Статуте 1529 г. *головица* за убийство шляхтича составляла 100 коп грошей, за тяглого крестьянина — 10 коп, столько же — за тиуна из холопов, за простого холопа — 5 коп⁴¹⁵. В Статуте 1566 г. цена жизни холопов и тяглых повысилась вдвое (для невольного тиуна и тяглого крестьянина — 20 коп, для простого холопа — 10 коп), но одновременно добавлена *головица* за убийство панцирного слуги, по своей общественной роли близкого к свободному человеку Киевской Руси. Она составила 50 коп⁴¹⁶, и на этом фоне пониженный правовой статус тяглого крестьянина еще более нагляден.

Ярким проявлением неполноправности крестьян, напрямую связанной с их статусом плательщиков податей, стало ограничение на свободу менять место жительства, со временем развившееся в крепостное право. Такое ограничение выступало общей чертой средневекового общества на определенной стадии его развития. На западе континента эта фаза была пройдена в IX—XI вв., и там остатки подобных ограничений в XIV—XV вв. повсеместно отменялись. Зато законодательные акты, так или иначе ограничивающие право крестьян самовольно переходить из одного владения в другое, вводились в разных странах Центральной и Восточной Европы. На Руси, видимо, уже к XIII в. установилась традиция ограничивать переход конкретным сроком — накануне и после дня св. Георгия осеннего, или *Юрьева дня* (26 ноября), т. е. после сбора урожая и выплаты годовых повинностей. Это правило подтвердил венгерский король Андрей III для крестьян Закарпатья (ранее входившего в состав Галицко-Волынской Руси) в 1298 г., причем в качестве *старого закона*⁴¹⁷.

Прямые запреты на крестьянские переходы на Руси первоначально касались лишь границ княжеств и государств. В договорных грамотах Новгорода с тверскими (с 1264 г.) и московскими (с 1316—1319 гг.) великими князьями оговариваются взаимные обязательства *людии не выводити в свою землю, вывода не чинити* и т. п. Члены московского княжеского дома в XIV—XV вв. взаимно обязались не принимать *черных людей* (государственных крестьян) из владений друг друга. Но князья — совладельцы Рязанского княжества в 1496 г. придерживались прямо противоположной практики: *хрестьяном меж нас волным воля*. При пожаловании имений боярам и монастырям московские князья обычно позволяли заселять их людьми *из иных княжений*, но особо оговаривали свои интересы: *а моих людей великого князя не приимати ему*. Грамот с такими формулировками начиная с первой четверти XV в. известно около 150. Свыше 50 актов содержат более строгое ограничение: не принимать в свои владения *волостных, тяглых, вытных, письменных* (занесенных в писцовую книгу по конкретному уезду и имени) людей. В то же время ряд грамот середины — второй половины XV в. упоминает право выхода на Юрьев день. Оно закреплялось статьей 57 Судебника 1497 г. в качестве общей нормы для Московского государства. При этом был узаконен обязательный выкуп — *пожилое* в размере 1 рубля для безлесной местности и полтины — для лесной, что мотивировалось разными издержками на ремонт и строительство жилья⁴¹⁸.

⁴¹³ Эти привилегии свободных людей бытовали во всех раннеклассовых обществах. Их упоминает, например, грамота одного из англосаксонских королевств VII в. См.: История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 1. С. 279.

⁴¹⁴ *Усціновіч Ю.* Фарміраванне і арганізацыя наёмных войск ВКЛ з 2-й паловы XVI ст. да рэформы Стэфана Баторыя // *Castrum, urbis et bellum*: Зб. навук. прац. — Баранавічы, 2002. С. 379–382.

⁴¹⁵ Статут Великого княжества Литовского 1529 г. — Мн., 1960. Разд. 3, арт. 14; Разд. 7, арт. 28; Разд. 11, арт. 2.

⁴¹⁶ Статут Великого княжества Литовского 1566 г. — Мн., 2003. Разд. 11, арт. 12; Разд. 12, арт. 1–3.

⁴¹⁷ История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Т. 2. С. 178.

⁴¹⁸ История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Т. 2. С. 148–149, 223–228.

В Новгородской земле, судя по отсутствию соответствующих нормативных актов и содержанию берестяных грамот, не существовало запрета на перемещения крестьян между владениями. Исследователи склонны объяснять такой факт интересами правящей боярской верхушки, беспрепятственно переманивавшей крестьян из мелких вотчин, и даже предполагают, что вызванное этим недовольство владельцев последних способствовало поражению Новгорода и включению его в состав Московского государства, где интересы мелких землевладельцев были лучше защищены⁴¹⁹.

В Галицкой земле, в середине XIV в. вошедшей в состав Польши, в 1435 г. принято сеймовое постановление, согласно которому желающий сменить владельца должен был уплатить старому хозяину копу грошей, ведро (*джбер*) пшеницы, две *колоды* овса, четыре русских калача, четыре курицы, воз сена и воз дров. Дополнительно в 1444 г. устанавливалось, что владелец, взявший выкуп, но не отпустивший крестьянина, подвергался штрафу в размере трех гривен. На практике, однако, плата за выход обычно взималась в меньших размерах — 1 гривна (48 грошей), что, видимо, объяснялось низкой платежеспособностью крестьян. В 1445 г. срок выхода был определен двумя неделями после Рождества. В соседней Холмской земле с 1477 г. вводилось свое ограничение: желающему уйти крестьянину вменялось в обязанность продать свое хозяйство равноценному хозяину⁴²⁰.

В собственно Польше действовали аналогичные нормы. В статутах Казимира III, принятых в XIV в., оговаривалось, что покидающий деревню крестьянин обязан либо оставить в порядке хозяйство, уплатив все ежегодные платежи, либо найти себе замену. При переводе этих статутов с латыни на польский язык, осуществленном в середине XV в., оба условия были объединены. В то же время неоднократно предпринимались попытки ограничить количество крестьян, покидающих деревню одновременно. Их окончательно узаконил статут, принятый на Петрковском сейме 1496 г. Отныне покидать деревню мог лишь один крестьянин в год, при обязательном согласии владельца. Одновременно ограничивалось право крестьянских сыновей уходить из отцовского дома для работы по найму или обучения ремеслу. Такое право оставлялось лишь за одним сыном в многодетной семье, единственный же наследник лишался его вовсе⁴²¹. С 1507 г. эти правила распространялись на галицкие земли, чего настойчиво добивалась местная шляхта⁴²².

В Дорогичинской земле, входившей в состав Великого Княжества Литовского, но имевшей традиционно тесные связи с Польшей, условия крестьянского перехода ограничены в 1451 г. При уходе крестьяне обязаны были привести в порядок все хозяйственные постройки или уплатить за их ремонт, а также либо выплатить копу грошей *останево* или подыскать себе замену⁴²³. На основной территории Княжества действовал запрет на переходы между владениями разных категорий: из государственных имений в частные и наоборот. Он вводился привилеем великого князя Казимира от 2 мая 1447 г. и касался *людей данных, извечных, селянистых, невольных* (в латинском варианте привилея — *homines tributarios, originarios, cmetones, mancipiorum obnoxios*)⁴²⁴.

В государственных и, насколько можно судить, крупных церковных владениях Великого Княжества статус крестьян оставался сравнительно благоприятным. В *Уставе на волоки*, разработанной в 1557 г. специально для государственных имений, условия замещения крестьянских наделов регламентировались довольно детально. Крестьянину разрешалось с ведома *войта* (так в Уставе называлась должность прежнего *старца*) продать свой дом и хозяйственные постройки, обеспечив себе таким образом преемника. В этом случае ему не возбранялось уйти на другой надел или даже в другое государственное имение. При каждой смене держателя взималась небольшая пошлина — *приемное* в размере 2 грошей в пользу урядника и 1 гроша за внесение нового имени в реестры. Запрещалось брать какую-либо дополнительную плату за предоставление опустевших наделов, *абы тым не множилися пустки*. Если крестьянин самовольно оставлял землю, *не оповедавшиися вряднику пры войте*, его надлежало разыскивать, чтобы по возможности вернуть как беглого. Однако, не дожидаясь результатов розыска, на опустевшем наделе полагалось осадить нового подданного. Если прежний держатель возвращался, даже добровольно, он терял право на старый надел и должен был получить взамен одну из пустошей⁴²⁵.

В частных вотчинах, появившихся после массовых пожалований конца XIV—XV в., ситуация была существенно иной. В привилее 1447 г. формально не затрагиваются крестьянские переходы между разными шляхетскими или церковными имениями — их допущение или недопущение остается как бы на усмотрении владельцев. Частично такое право признавалось.

⁴¹⁹ История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Т. 2. С. 227.

⁴²⁰ История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Т. 2. С. 178 – 179.

⁴²¹ История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 2. С. 394.

⁴²² Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 2. – СПб., 1848. С. 28, 34–36.

⁴²³ Спиридонов М. Ф. Закрепощение крестьянства Беларуси (XV – XVI вв.). – Мн., 1993. С. 111.

⁴²⁴ Спиридонов М. Ф. Закрепощение крестьянства Беларуси (XV–XVI вв.). С. 139–141.

⁴²⁵ Белоруссия в эпоху феодализма: Сб. документов и материалов. Т. 1. С. 226–227.

В соглашении землевладельцев Витебского повета в 1531 г. лишь оговаривалось обязательное уведомление хозяина накануне установленного срока перехода (*збора*), а также выкуп (*куница*) в размере 12 грошей: *а ити от нас людем проч не тайно, возити статок свой з ведомом, чолом ударывши и с своим господарем во всем росправившися и куницу заплативши 12 гр.*⁴²⁶ Однако на практике право перехода признавалось лишь за теми крестьянами, которые некогда пришли в имение извне. Они считались людьми *прихожими* (*похожими*), или *вольными*. Исконные жители данного поселения, унаследовавшие свой надел от дедов и прадедов, рассматривались как *люди извечные*, *дедичи*, или *отчичи*. Владельцы склонны были трактовать таких людей как свою неотъемлемую собственность и распространять на них правовые нормы, действовавшие в отношении холопов: пожизненную связь с господином и принудительный возврат в случае бегства. Примечательно, что запрет *людям извечным* покидать свой надел так и не был сформулирован в явном виде. Видимо, он считался чем-то само собой разумеющимся, причем как в глазах владельцев, так и самих крестьян. Де-факто он сложился уже в XV в., что и позволило в привилее 1447 г. ставить в один ряд людей *извечных* и *невольных*. В Статуте 1529 г. лишь регламентировался срок давности для поиска ушедшего отчича — 10 лет⁴²⁷.

По-видимому, негласное закрепощение отчичей в частных владениях не требовало законодательного оформления отчасти потому, что не встречало серьезного сопротивления с их стороны. В нормальной ситуации крестьяне вовсе не помышляли о переходе на новое место. Привязанность к родным местам, к унаследованному отцовскому дому, к могилам предков как характерная черта менталитета земледельцев нашла отражение в пословице: *где родился, там и сгодился*. Немаловажным было гарантированное с рождения право на надел в родной деревне, которое не ставилось под сомнение ни сельской общиной, ни землевладельцем. На новом месте надел предоставлялся уже не по такому праву, а по соглашению сторон, при заключении которого крестьянин, как правило, находился в заведомо худшем положении. Поэтому люди обычно держались за свое хозяйство. Даже когда условия эксплуатации ужесточались, они предпочитали временный уход с возможностью вернуться. В грамоте великого князя Жигимонта Августа по случаю конфликта государственных крестьян Бобруйской волости с наместником в 1533 г. упоминается именно такой стиль поведения: *люди по волостям нашим таковыи хитрыи обычаи взяли, иж коли час приходит дани наши выдавати, тогда они, опустивши отчизны свои, а через год вжывавши, на тот час отходять по иныым волостем нашим, князьским и паньским. А как тот час оминет, они зася к свои домам приходять. А иныи таки, там по иныым волостем мешкаючы, отчизны держуть, и земли паишуть, и бортя лязать, а даней наших нигде не дают*⁴²⁸.

Инициатором перехода чаще оказывался не сам крестьянин, а новый хозяин, во владениях которого он обосновывался. Поэтому источники говорят не столько об уходе крестьян, сколько об их *выводе*. Распространенность этой практики привела к появлению в Судебнике Казимира (1468 г.) специальной статьи, предусматривающей за незаконный вывод чужих крестьян и холопов смертную казнь (в случае поимки на месте преступления): *который будет люди выводить, а любо челядь невольную, а ухватять с лицом, того на шибеницю*⁴²⁹. Впрочем, случаи применения этой нормы неизвестны.

Отношение землевладельцев к свободе переходов на деле было двойственным. Каждый из них испытывал заинтересованность в ограничении права своих собственных крестьян на переход к другому владельцу. Но, с другой стороны, отмечалась их заинтересованность в росте числа подданных за счет чужих имений. При этом крупный вотчинник мог гораздо более свободно переманивать соседских крестьян. Чем мельче было владение, тем меньше возможности привлечь новых подданных кредитами и льготами оно имело, а каждый проживавший там крестьянин был на счету. В идеале в имениях такого владения все крестьяне должны были бы стать отчичами, но в государстве в целом не мешало бы иметь как можно больше вольных людей. Сознавая взаимоисключающий характер этих интересов, владельцы не требовали официального закрепощения всех крестьян и далеко не всегда добивались обязательного возврата своих беглых подданных, справедливо опасаясь, что кем-то из соседей это же оружие может быть обращено против них.

Благодаря этому сохранялась и постоянно пополнялась прослойка вольных (похожих) людей, права которых в юридической практике того времени обычно приводятся в такой формулировке: *вольно им, кому хотя, служити*. Как правило, поселяясь на новом месте, они получали от владельца имения ссуду или освобождение от повинностей (*жалобу*, или *слободу*) на определенный срок (обычно на 5—10 лет). Их уход до погашения ссуды сулил хозяину прямые убытки, и именно это обстоятельство в первую очередь стало объектом правового регулирования. Согласно Статуту 1529 г. похожий человек,

⁴²⁶ Белоруссия в эпоху феодализма: Сб. документов и материалов. Т. 1. С. 192.

⁴²⁷ Статут Великого княжества Литовского 1529 г. — Мн., 1960. Разд. 7, арт. 27.

⁴²⁸ Белоруссия в эпоху феодализма: Сб. документов и материалов. Т. 1. С. 209. Дата этого документа в публикации ошибочна.

⁴²⁹ Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 1. С. 80–83; *Старостина И. П.* Судебник Казимира 1468 г. // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования 1988–1989 гг. С. 340.

проживший в имении льготный срок, обязан оставаться в нем еще на такой же срок с выплатой всех повинностей либо перед уходом погасить долг из расчета 6 грошей за каждую неделю. В случае его побега и принудительного возврата беглец терял право на уход, т. е. превращался в отчича. Землевладелец, давший приют такому беглецу, должен был либо вернуть его, либо возместить прежнему хозяину сумму долга⁴³⁰. В этом случае, как и во многих других, срок исковой давности составлял 10 лет.

Как показал М. Ф. Спиридонов, эта норма Статута вскоре стала трактоваться землевладельцами очень широко. Ранее граница между прихожим и извечным человеком оставалась зыбкой и неопределенной. Давность проживания на одном месте, необходимая для превращения в отчича, поначалу составляла, вероятно, порядка 50 лет. Судя по юридической практике, на вольность могли небезуспешно претендовать даже уроженцы имения, если их отцы не являлись его старожилами, а некогда прибыли извне. Но после издания Статута появилась тенденция рассматривать десятилетний срок проживания на одном месте как основание для превращения в отчича. В 1542 г. волковыский наместник, разбиравший один из конфликтов по этому поводу, так прямо и заявил: *в статуте прав земских ест описано, естли бы который человек за паном своим десять лет жил, таковой вже маеть быти за отчича*. Хотя в действительности такая норма в Статуте отсутствовала, суд вынес решение в пользу землевладельца⁴³¹. При окончательной кодификации права в Статуте 1588 г. формально сохранялось право вольного человека покинуть имение после критического срока (*десять лет за тым паном заседел*), но обязательное возмещение ссуды было дополнено требованием о внесении огромного выкупа — в размере 10 коп грошей⁴³², что примерно соответствовало общему объему повинностей за 10 лет. Этот выкуп надлежало выплатить независимо от того, получил ли крестьянин льготу при поселении или нет.

Насколько велика была прослойка крестьян, постоянно перемещающихся из одного владения в другое и нигде не оседающих надолго? Отрывочные сведения на этот счет содержатся в некоторых инвентарях второй половины XVI в., т. е. относятся к периоду, когда процесс закрепощения прихожих людей уже шел полным ходом. М. Ф. Спиридонову удалось выявить 59 источников, в которых прослеживается соотношение отчичей и вольных людей. В 16 из них все подданные поголовно названы отчичами, в остальных пропорция вольных колеблется от 1—2 до 75%, а в одном небольшом имении (15 дымов) достигает даже 87%⁴³³. Если суммировать его данные, то пропорция вольных составляет 27%. Но эти сведения очень неоднородны. Большую их часть (7640 из 12047 учтенных дворов) составляют материалы ревизии Полоцкого воеводства 1552 г., в которой доля вольных дворов очень высока — 39%. По всем остальным имениям (4407 дворов) она составляет всего 5,7%. Видимо, здесь проявилась региональная особенность Полоцкой земли, резко отличающая ее от центра и запада Беларуси, откуда происходит большинство остальных инвентарей. Полоччина отличалась очень высоким числом панцирных и путных слуг, а также лично свободных издольников. Важно отметить, что и по некоторым другим историческим традициям (вечевое боярское самоуправление, невысокий процент княжеского землевладения) она имела сходство скорее с Новгородской землей, чем с остальными землями Великого Княжества Литовского. В отношении последних можно лишь утверждать, что в последней трети XVI подавляющее число крестьян (до 95%) в центре и на западе Беларуси относились к категории отчичей. Но какова была пропорция в середине столетия, а тем более в его начале, по имеющимся данным судить невозможно.

Становление барщинной системы

В числе факторов, приведших к возобладанию именно **барщинной формы** эксплуатации, многие исследователи также отмечали перемены в военном деле, связанные с появлением огнестрельного оружия и возрастанием роли наемной пехоты. В XVI в. это привело к падению значения рыцарской конницы и, следовательно, сокращению военных источников дохода для дворянства. Ему приходилось все больше полагаться исключительно на доходы с собственного имения. При этом денежные поступления теряли свою привлекательность в условиях порчи монеты и связанной с этим инфляции, охватившей в XVI в. всю Европу. Ситуация усугублялась потоком дешевого серебра, хлынувшим из новых испанских колоний в Америке и вызвавшим «революцию цен» (в столетний период с 1520 по 1620 г. цена хлеба, выраженная в граммах серебра, выросла в 4—6 раз).

Огромную роль сыграли особенности развития общеевропейского рынка. Общие для всей Европы новые условия не просто по-разному проявлялись в ее западной и восточной частях, но и обусловили их специализацию в рамках своеобразного симбиоза. На западе порожденная «революцией цен» относительная дешевизна наемного труда привела к формированию слоя

⁴³⁰ Статут Великого княжества Литовского 1529 г.

⁴³¹ Спиридонов М. Ф. Закрепощение крестьянства Беларуси (XV – XVI вв.). С. 85–87, 104–105.

⁴³² Статут Вялікага княства Літоўскага 1588. – Мн., 1989. Разд. 11, арт. 27; Разд. 12, арт. 13.

⁴³³ Спиридонов М. Ф. Закрепощение крестьянства Беларуси (XV – XVI вв.). С. 198–203.

высококвалифицированных городских ремесленников, обеспечивавших своими товарами не только Запад, но и Восток. Практически все новшества, изменившие быт зажиточных слоев (черепица для крыш, печные изразцы, оконное стекло и стеклянная посуда, курительные трубки, новые виды огнестрельного оружия и морских судов, книгопечатание и т. п.), зарождались на западе, но в течение нескольких десятилетий распространялись по всему континенту⁴³⁴. Это товарное производство было бы немыслимо без постоянного притока сырья и продовольствия с востока. Сельское хозяйство Западной Европы не могло обеспечить пищей и сырьем свое сравнительно немногочисленное (порядка 10—15%) городское население. Как отмечает В. В. Дорошенко, *вплоть до 1650-х годов задержки в доставке балтийского хлеба или дунайских волов, льняного семени или корабельных мачт воспринимались подчас как катастрофа, вызывали задержки и трудности в производстве и даже являлись поводом к обострению социальных конфликтов, например, в Нидерландах*⁴³⁵.

Этот же автор приводит очень емкую и наглядную сводку основных грузопотоков, перемещавшихся по Европе в XVI — первой половине XVII в. Через контролируемые Данией морские проливы ежегодно проходило на запад порядка 150 тыс. т зерна, из которого не менее 2/3 поставлялось через Гданьск из бассейна Вислы (т. е. из Польши, западной Украины и белорусского Побужья). Из Риги и Кенигсберга шло в основном промышленное сырье — лен и пенька, корабельные мачты, смола, зола и пр. Поставщиками перечисленных товаров были земли в бассейнах Немана, Западной Двины и верховьев Днепра — Литва, Латвия, Беларусь, Смоленщина. Эти потоки концентрировались в Голландии, которая специализировалась на посреднической торговле и перераспределяла хлеб далее в Испанию и Италию, а также потребляла значительную часть промышленного сырья. Живой скот перегонялся сухопутным путем либо из Венгрии и Украины, либо из Дании и восточных (заэльбских) областей Германии)⁴³⁶.

Такая грандиозная система товарообмена, конечно, сложилась не в одночасье. На ее формирование ушло примерно столетие — со второй половины XV по первую половину XVI в. Для этого потребовалась глубокая трансформация общественного уклада в обеих частях Европы, и фольварочно-барщинная система явилась одной из форм адаптации Востока к новым условиям. Вспомним, что еще к середине XV в. основными компонентами дани на Руси (включая и белорусские земли Великого Княжества Литовского) были мед и пушнина. К сожалению, для этого времени нет таких источников, как таможенные реестры балтийских и нидерландских портов, которые бы позволили реконструировать грузопотоки последующего столетия. Поэтому мы не знаем точно, какая часть колоссальных запасов меда потреблялась на месте, а какая шла на экспорт и куда именно. Но можно довольно уверенно утверждать, что мед употребляли преимущественно в форме алкогольных напитков. С XVI в. у него появился в этом плане сильный конкурент — водка (*хлебное*, или *горелое вино*, отсюда и белорусское название — *гарэлка*), ставшая массовым продуктом именно в то время⁴³⁷. Она обладала рядом преимуществ — готовилась из зерна, которое производилось в большом количестве повсеместно; расход сырья намного превышал выход готового продукта; водка не портилась и имела сравнительно низкую себестоимость. Видимо, это был один из основных факторов, определивших падение спроса на мед. Зато на внешнем рынке особую ценность приобретали товары, получаемые только в налаженном земледельческом хозяйстве: зерно, конопляная пенька, льноволокно и льняное семя. Одновременно появлялось и предложение новых, невиданных ранее товаров, которые можно было приобрести на вырученные деньги.

Фиксируемый во второй половине XV в. перевод в денежную форму прежде всего пушной дани (*куничные и бобровые деньги*) отражал, видимо, первую фазу адаптации к изменившемуся спросу. Владельцы имений предпочитали упавшим в цене мехам наличные деньги, которыми могли расплатиться за заморские товары. Поэтому их подданным пришлось отказаться от охоты и производить больше товаров, имеющих спрос на местном рынке, чтобы от их реализации получить деньги для уплаты дани. Кто же покупал крестьянские товары и зачем? Очевидно, что не сами крестьяне: при практически натуральном характере хозяйства каждый из них имел все то, что мог предложить другой. Города в Восточной Европе еще носили полуаграрный характер, их жители имели собственные поля и огороды и поэтому не испытывали острой потребности в

⁴³⁴ М. Ф. Спиридонов справедливо обратил внимание на характерные названия импортных товаров в источниках XVI–XVII вв., указывающие на направление их поставок: *адамашка* – шелковая ткань из Дамаска, *альякант* – вино из испанского города Аликанте, *аркабуз* – гладкоствольное ружье из Франции (аркебуза) и т.п. См.: *Спиридонов М. Ф. Закрепощение крестьянства Беларуси (XV–XVI вв.)*. С. 52; *Булыка А. М. Даўня запазычанні беларускай мовы*. – Мн., 1972.

⁴³⁵ История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Т. 2. С. 387.

⁴³⁶ История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Т. 2. С. 386.

⁴³⁷ Секрет получения спирта из виноградного вина был открыт алхимиком Арнольдом Вилльневом в Провансе в 1334 г., что вскоре привело к появлению коньяка. Технология получения крепких спиртовых напитков из зерна (*винокурение*) начала распространяться с конца XV в. В 1485 г. появились английские джин и виски, в начале 1490-х – шотландское виски, в начале 1520-х – немецкий *Brantwein* («горящее вино»). В 1506 г. другой вариант «горящего («горелого») вина» (видимо, прототип русской водки) был впервые завезен в Швецию из Московского государства. На территории ВКЛ эта технология появилась, возможно, в 1540-е гг. – на ее основе готовилась *горілка* запорожских казаков. См.: *Похлебкин В. В. История водки*.

крестьянском хлебе, а тем более в пеньке или смоле. Вероятно, продукцию крестьянского хозяйства охотно скупали местные купцы, первыми ощутившие интерес к ней у своих контрагентов в балтийских портах. Именно они проторили первые тропинки, которым предстояло превратиться в торные маршруты грузопоставок.

Возрастание денежных форм ренты отчетливо прослеживается в первой половине XVI в., но, как уже отмечалось, к его середине этот путь стал неэффективным: начинающаяся инфляция ударила по денежным доходам дворян, а их абсолютное увеличение выглядело нарушением устоявшейся традиции и наталкивалось на сопротивление крестьян. В поисках новых источников дохода дворяне не могли не обратить взор на прибыль, извлекаемую из поставок товаров в балтийские порты. Наблюдалась огромная разница между ценами на зерно на местных рынках и в портовых городах. Например, в 1561 г. рожь стоила в Гданьске в четыре раза дороже, чем в одном из основных центров ее производства — на Волыни⁴³⁸. В отличие от купцов дворяне не имели оборотного капитала для того, чтобы массово скупать товары на внутреннем рынке и поставлять на внешний. Зато они владели имениями, населенными производителями этих товаров. Оставалось два пути: либо изменить структуру повинностей, включив в их состав пользующиеся спросом товары, либо наладить собственное производство таких товаров на базе домена, который существовал во многих имениях по крайней мере с начала XV в. Раньше его продукция предназначалась в основном для личных нужд владельца, и обрабатывался он преимущественно трудом холопов. Теперь предстояло преобразовать домен в товарное хозяйство, ориентированное на внешний рынок⁴³⁹.

Имеющиеся данные позволяют утверждать, что оба пути использовались на территории Беларуси одинаково активно. Вспомним, что в повинностях радзивилловских данников в 1520-е годы размер медовой дани сокращается за счет дякла, выплачиваемого рожью и овсом, а среди даннических повинностей в Реваничской и Стрешинской волостях фигурирует лен. В то же время подданные многих имений вообще переходят с даннической на *тяглую* службу, предполагавшую регулярную работу в господском домене. Наряду с ней сохранялась и традиционная *толока*, причем владельцы имений постепенно отказывались от сопутствующего ей бесплатного угощения. При перечислении повинностей теперь прямо оговаривалось, что крестьяне выполняют ее *на своем хлебе*.

В имении Радошковичи инвентарь 1549 г. описывает домениальное хозяйство с собственным скотным двором, гумном, пашней и относительно небольшим (на 2 бочки посева) овощным огородом. Перечислены 8 *паробков* — холопов с их женами (при этом у троих жены были вольными). На их содержание выдавалась *месячина* в размере 12 коп жита, кроме того, у них имелись земельные наделы. Наличие паробков и тягловых животных (5 сох *волово орых*, *кляча рабочая* и еще один конь — видимо, ездовой) показывает, что домениальная пашня обрабатывалась отчасти своими силами, как исстари. Но ее размеры были слишком велики для этого: посев яровых культур (*сего лета посеяли*) составлял 80 бочек-солянок, озимый клин (*на другое лето*) — еще больше — 100 бочек. Клин, оставленный под паром (*на третье лето*), исчислялся 90 бочками, не считая 55 бочек резервной земли, временно заросшей лесом. Всего культивируемая пашня составляла 270 бочек посева, или примерно 294 га. Кроме того, имелись сенокосы на 170 возов (около 85 га). Наличные 8 работников с помощью 5 упряжек волов и 1 лошади могли эффективно обработать не более 15—20% этой площади, остальная часть должна была обрабатываться силами крестьян, приходивших со своим инвентарем, т. е. в форме барщины.

Действительно, крестьяне близлежащей Радошковской волости (8 служб, на них 30 дымов) выполняли в основном тяглую повинность: с полного надела *службу служить день в день з воли и з клячою*. Видимо, речь идет о 6 днях барщины в неделю, за исключением воскресенья. Учитывая, что одну службу в среднем держали 3,75 двора, на каждый из них приходилось по 1,6 человеко-дня барщины. К этому полагалась *подачка* в размере 1 курицы и 10 яиц, а с некоторых служб — еще по 1/3 бочки ржи и овса. Такую же повинность выполняли жители удаленных на 1 милю (7,8 км) сел Ровкутевичи (7 служб и 19 дымов, что означает 2,2 дня барщины на дым) и Шатиловичи (3 службы и 12 дымов, 1,5 дня на дым). Еще 12 человек прибывали ежегодно на 4-недельный сенокос из удаленной Реваничской волости. От барщины освобождался лишь *пристав*, а еще одному крестьянину половина службы была заменена денежным эквивалентом — 30 грошей (значит, общая стоимость барщины оценивалась в 60 грошей, что равнялось сумме повинностей в Стрешинской волости). Медовая дань в Радошковичах отсутствовала вообще. Она, очевидно, компенсировалась поставками меда из приписанной Реваничской волости, что позволяло установить в основном имении сравнительно высокую норму барщины.

⁴³⁸ Спиридонов М. Ф. Закрепощение крестьянства Беларуси (XV – XVI вв.). С. 51.

⁴³⁹ Факты, свидетельствующие о непосредственном участии белорусской шляхты и магнатов в поставках товаров на внешний рынок, приводятся М. Ф. Спиридоновым. Он же обратил внимание на то, что товары магнатов часто получали освобождение от таможенных сборов, поэтому они не всегда фиксируются в таможенных регистрах: Спиридонов М. Ф. Закрепощение крестьянства Беларуси (XV – XVI вв.). С. 54–56.

В имении Острожчицы в 1557 г. типичная норма барщины со службы составляла *день в день с сохой, з бороною, с косою и с чим кажут, кром суботы, то ест тыдень выпускной*. Это надо понимать в том смысле, что число рабочих дней составляло 5 в неделю (за исключением субботы, оговоренной специально, и воскресенья, которое подразумевалось само собой). При этом на тяглую службу приходилось, как правило, 2—3 дыма, на каждый дым — около 2 рабочих дней. Помимо барщины причиталась медовая дань в размере от 3 до 6 безменов (с доплатой от 2 до 4 грошей уряднику), а также с каждой сохи по 16 грошей серебщизны, по полбочки овса и по 5 горстей льна.

В имении Мядель, также переведенном на тяглую службу, размер барщины в 1545 г. составлял 1 день в неделю со службы: *служать день один з чим роскажут, лех з волы на дело не ходять, хиба клячами оруть* (надо понимать, что волы использовались лишь в собственном хозяйстве крестьян, а барщина выполнялась на лошадях). Служба здесь почти соответствовала дыму, поэтому на отдельное крестьянское хозяйство приходилось 0,9 дня барщины в неделю. Зато сохранялась медовая дань (в среднем по 0,5 пуда со службы или 10 грошей деньгами), дякло по 1 бочке ржи и овса (рожь могла быть заменена деньгами из расчета 10 грошей за бочку), воз сена (или 3 гроша), а также плетение невода в размере 1 сажени (эта специфическая повинность объяснялась близостью огромного озера). Дополнительно *на державцу* (наместника) с каждого дыма причитался 1 калач хлеба (или 1 грош), *десяток* льна, 1 белка (или 0,5 гроша), курица и десяток яиц.

В других местах размер барщины также варьировал, при этом она сочеталась с разным количеством денежных выплат. В государственной Марковской волости Ошменского повета в 1530 г. была установлена сравнительно небольшая барщина — 1 день в месяц: *мають они на пашни нашой дворной 12 день в кожний год робити, т. е. 3 дни паренину орати, 3 дни на жыто, а 3 серпом жыто жати, а 3 дни ярины*. Это сопровождалось денежной данью (*осадой*) в размере 60 грошей⁴⁴⁰. Землевладельцы Витебского повета в 1531 г. заключили соглашение о единой норме эксплуатации в своих имениях (с целью пресечь переходы крестьян в поисках лучших условий). Среди прочего оговорен и единый размер барщины: *мають тые люди 2 дни у недели пригону служити с сохою, або з бороною, або с косою, або с топором, або жать*⁴⁴¹. Если предполагать, что на службу здесь приходилось в среднем 2 дыма (как в целом по стране), то на один дым должно выпадать по 1 дню барщины в неделю.

Распространение господского домена, обрабатываемого трудом зависимых крестьян, было главной чертой формирующейся барщинной системы. Аналогичные явления происходили в это время на широких пространствах Европы, прежде всего примыкающих к торговым путям. На западе Германии источники второй половины XV в. фиксируют участвовавшие жалобы крестьян на обременение их барщинными работами, а также на рост требований сеньоров по выполнению повинностей, связанных с выращиванием, переработкой и доставкой на рынок товарных культур — конопли, льна, вина⁴⁴². К востоку от Эльбы, в Мекленбурге, к середине XVI в. общей нормой барщинной повинности стал один день в неделю⁴⁴³. В Польше первые случаи однодневной барщины зафиксированы уже в конце XIV в. В 1421 г. князь Мазовии Януш своим указом ввел однодневную барщину с лана в качестве общей нормы на территории этого княжества, но долгое время это оставалось местной особенностью. В 1477 г. аналогичное решение приняла на своем сейме шляхта Холмской земли⁴⁴⁴. В Галицкой земле, на территории Украины, в селах немецкого права барщина в середине XV в. составляла 14 дней с лана в год, в селах русского права подданные работали *когда прикажут*, без фиксированной нормы. В Дрогичинском повете 14-дневная ежегодная барщина была заменена еженедельной в 1492 г.⁴⁴⁵ Вскоре барщина в размере 1 дня в неделю распространилась на всю территорию Польского королевства, и общегосударственные постановления (*конституции*) Торуньского и Быдгощского сеймов в 1519 и 1520 гг. окончательно узаконили ее⁴⁴⁶. Во владениях Ливонского ордена распространение барщины фиксируется (правда, по очень отрывочным данным) примерно с начала XVI в. Параллельно вводится преимущественное право помещика на скупку продуктов у своих крестьян (его оговаривает, например, датируемый около 1550 г. устав помещика Мейделя). К середине XVI в. окончательно заглохла тенденция к замене натуральных повинностей денежными⁴⁴⁷.

В то же время территории, сравнительно удаленные от балтийских портов, не обнаруживают еще тенденции к росту барщины. В Чехии к середине XVI в. более половины деревень не имели барщинных повинностей, а в остальных ее объем в

⁴⁴⁰ Белоруссия в эпоху феодализма: Сб. документов и материалов. Т. 1. С. 191.

⁴⁴¹ Белоруссия в эпоху феодализма. Сб. документов и материалов. Т. 1. С. 191.

⁴⁴² История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 2. С. 370–371.

⁴⁴³ История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 3. С. 274.

⁴⁴⁴ История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 2. С. 395.

⁴⁴⁵ История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Т. 2. С. 177–178.

⁴⁴⁶ История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 3. С. 252.

⁴⁴⁷ История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Т. 2. С. 185, 192.

расчете на одно хозяйство составлял всего 1—3 дня в год⁴⁴⁸. Впрочем, ориентированный на рынок фольварк там присутствовал, но он был основан на наемном труде. На северо-западе России (в Новгородской земле, присоединенной к Московскому государству в 1470 г.) барщина тоже отнюдь не стала ведущей формой эксплуатации. Преобладали различные дани и оброки натуральными продуктами⁴⁴⁹. Сведения о других регионах России противоречивы и отрывочны, но в последнее время исследователи склоняются к тому, что нет оснований говорить о доминировании барщины⁴⁵⁰. В Московском государстве сохранялась тенденция к переводу ряда отработочных и натуральных повинностей на деньги (*ямские, посошные* и т. п.).

Исследователи сходятся на том, что возросшего спроса на сельскохозяйственную продукцию самого по себе было недостаточно для возобладания именно барщины. Теоретически землевладельцы могли увеличить продуктивность своих владений различными способами, например, расширив использование рабского труда и перейдя к своего рода плантационному хозяйству. Но для этого требовалось большое количество рабов, которых просто неоткуда было взять. Сложившийся баланс сил не позволял ни одному государству Восточной Европы вести победоносные наступательные войны, которые являлись одним из основных источников дешевых рабов. Другим таким источником могла бы стать варварская периферия, поставлявшая рабов в обмен на колониальные товары (как происходило в Западной Африке в эпоху трансатлантической работорговли). Однако на востоке Европы не было ни контакта с такой периферией, ни соответствующих товаров. Возможности порабощения соотечественников за долги или преступления всегда ограничены, и нигде в мировой истории этот источник рабства не становился ведущим.

Существовала возможность использовать в домене труд наемных работников, что широко практиковалось в Западной Европе⁴⁵¹. Но переходу в этот статус препятствовали прежде всего особенности менталитета местного населения. Основу жизненных ценностей крестьянина составляло собственное хозяйство, весьма желательное — унаследованное от отца и деда. Ведение такого хозяйства на условиях временной аренды (одна из форм ее — предоставление надела *прихожему* человеку) расценивалось как менее желательное, но все же допустимое. Зато полная утрата собственного хозяйства и превращение в наемного работника воспринимались (и самим человеком, и его окружением) как жизненная катастрофа, спуск на самое дно социальной иерархии. Как верно подметил Б. Н. Миронов, на Руси любой труд по найму имел оттенок рабства, превращая работника в зависимого, а нанимателя — в господина⁴⁵². Не случайно Русская правда одним из путей превращения свободного человека в холопа признавала *тивунство без ряду, или привяжетъ ключь к собе без ряду*⁴⁵³. Другими словами, наем на работу в господское хозяйство даже на такие влиятельные должности, как тиун или ключник, автоматически превращал свободного в холопа, если иное специально не оговаривалось условиями найма. Плата за убийство *рядовича* (человека, явно вступившего в зависимость добровольно, по договору — *ряду*) равнялась цене жизни холопа, что также говорит об идентичности их правового статуса в глазах современников. Об устойчивости этих представлений свидетельствует поговорка, слышанная А. Варлыгой в начале XX в.: *Наняўся, як прадаўся*.

Именно такое мировосприятие, видимо, препятствовало утверждению принципа единонаследия, который предполагал в качестве одного из вариантов устройства для лишенных наследства работу по найму. Поэтому попытки землевладельцев привлечь наемных работников в свои домены были обречены на провал — рынок рабочей силы пополнялся только полностью разорившимися крестьянами или сиротами и был поэтому слишком узок.

Зато эта же черта менталитета делала возможным увеличение феодальной ренты. Крестьянин столь прочно держался за собственное хозяйство, что был готов на немалые жертвы ради его сохранения. Это, конечно, не означало, что усиление эксплуатации крестьяне встречали без сопротивления. Наоборот, попытки введения новых повинностей повсеместно вызывали конфликты. Крестьянская война в Германии была действительно одним из самых ярких эпизодов, но случаи сопротивления в той или иной форме можно найти в истории любой восточноевропейской страны. Ряд примеров, относящихся

⁴⁴⁸ История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 3. С. 358.

⁴⁴⁹ Аграрная история Северо-Запада России / Под ред. А. Л. Шаниро. — Л., 1978. Т. 3. С. 194–196.

⁴⁵⁰ История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Т. 2. С. 394–395.

⁴⁵¹ Экономический эффект от использования наемной рабочей силы в Северо-Западной Германии был столь очевиден, что уже в XIV в. началось искусственное форсирование процесса обезземеливания. Землевладельцы объединяли по четыре крестьянских надела в держания площадью до 40 га, сдаваемые арендаторам — *мейерам*. Вошедшие в состав держания земли перераспределялись таким образом, чтобы основная часть пашенного фонда доставалась двум мейерским хозяйствам. На оставшихся землях нарезались два крошечных участка площадью в 0,66–1,3 га, предназначенные для *коттеров* (огородников). Они должны были трудиться в хозяйствах мейеров за наемную плату. См.: Wittich. W. Die Grundherrschaft im Nordwestdeutschland. — Leipzig, 1896; История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 2. С. 178; Т. 3. С. 138.

⁴⁵² Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи и правового государства. Т. 1. С. 375.

⁴⁵³ Правда Русская / Под ред. Б. Н. Грекова. Т. 1: Тексты. Пространная редакция. Ст. 110.

к территории Великого Княжества Литовского, содержится в сборнике «Социально-политическая борьба народных масс Белоруссии». На стороне крестьян при этом была традиция, регламентировавшая состав и размер повинностей. Не случайно они апеллировали к нерушимости старинных обычаев: *як з веков предки и отцы наши, и мы перед тем служивали, так и тепер служити хочем*⁴⁵⁴.

Как справедливо отмечает В. В. Дорошенко, в этом противостоянии именно отработка в форме барщины оказалась тем вариантом, который можно было навязать крестьянам легче всего: *Это оказалось возможным отчасти из-за того, что определенной «традиции» в отношении барщины попросту не было. Другой причиной была, как можно предполагать, психология сельского труженика. Для крестьянина проще «выложить» своим трудом, чем оторвать от себя готовый продукт, или тем более деньги*⁴⁵⁵. Можно согласиться с ним и в том, что землевладельцы испробовали все возможные варианты увеличения доходности своих имений и в конце концов остановились на самом эффективном. Таким вариантом оказалось превращение собственных подданных в своеобразный аналог плантационных рабов, при этом их население пополнялось путем самовоспроизводства, исключая необходимость в затратах на рабочую силу.

Существенной особенностью формирования барщинно-крепостнической системы было сближение, а затем и слияние двух социальных групп: холопов и крестьян. Первые получили земельные наделы и минимальный уровень личной неприкосновенности, вторые утратили многие привилегии свободных людей. На территории Великого Княжества результат долгого процесса отмирания холопства законодательно закреплял Статут 1588 г., упразднивший все категории челяди, кроме военнопленных⁴⁵⁶. Аналогичное явление имело место в России. Правда, там оно произошло значительно позднее — в 1719 г., когда при переписи податного населения бывших холопов и крепостных крестьян занесли в один разряд. Как отмечает Б. Н. Миронов, при этом не просто произошло распространение на холопов всех государственных налогов, но одновременно помещики в отношении крепостных стали пользоваться правами, принадлежавшими ранее господам в отношении холопов, хотя в законе на этот счет не содержалось никаких указаний⁴⁵⁷.

Для восточноевропейских крестьян была совершенно нехарактерна специализация на производстве какой-либо продукции, имеющей спрос на рынке, но не применяемой в собственном хозяйстве. Этим они резко отличались от западноевропейских крестьян. В Германии уже в XVI в. многие хозяйства не только внедрили у себя картофель, но также начали широко выращивать технические культуры, в частности вайду, которая тогда использовалась как естественный краситель. В районе Эрфурта она на какое-то время превратилась в монокультуру: крестьяне засевали ею большую часть земли, а свое пропитание обеспечивали за счет доходов, полученных от реализации. Правда, появление на европейском рынке краски индиго, более дешевой, хотя и менее качественной, подорвало эту практику. С середины XVII в. немецкие крестьяне вновь сосредотачиваются на выращивании зерновых⁴⁵⁸.

Столь же глуха оказалась традиционная деревня и к другим видам специализации, например рыбоводству. В Чехии, Силезии и Малой Польше рыбные пруды устраивались в помещичьих хозяйствах уже с конца XIV в. Это занятие было очень хлопотливым, требовавшим заинтересованного труда, но зато и высокорентабельным. В нем очень широко применялся не крепостной, а наемный труд⁴⁵⁹.

Волочная реформа — первая попытка вестернизации

В середине XVI в. процесс оформления фольварочно-барщинной системы в Великом Княжестве Литовском нашел свое законченное воплощение в *волочной реформе*. Впервые она началась в 1547 г. в личных уделах королевы-матери Боны (происходившей из итальянского рода Сфорца) и ее сына, великого князя Жигимонта Августа. Спустя 10 лет началось активное проведение ее в государственных имениях Княжества⁴⁶⁰. Общие правила перераспределения земельных наделов в государственных имениях изложены в 1557 г. в подробной инструкции, получившей название *Устава на волоки*⁴⁶¹. По ее

⁴⁵⁴ Социально-политическая борьба народных масс Белоруссии: Сб. документов и материалов. Т. 1. — Мн., 1988. С. 32.

⁴⁵⁵ История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Т. 2. С. 390.

⁴⁵⁶ Спиридонов М. Ф. Закрепощение крестьянства Беларуси (XV–XVI вв.). С. 101.

⁴⁵⁷ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи и правового государства. Т. 1. С. 367.

⁴⁵⁸ История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 3. С. 134.

⁴⁵⁹ История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 2. С. 383, 388.

⁴⁶⁰ Пичета В. Аграрная реформа Сигизмунда Августа в литовско-русском государстве. Т. 1-2. — М., 1917; *Kolankowski L. Pomiarą włoczna // Ateneum Wileńskie*. 1927. Т. 4. S. 235–51.

⁴⁶¹ «Устава на волоки» и дополняющие ее документы шестой книги публичных дел Метрики Литовской // Русская историческая библиотека. Т. 30. — Юрьев, 1914. С. 4–47. Публикацию этого же документа с небольшими купюрами см. также: Белоруссия в эпоху феодализма. Т. 1. С. 214–230.

образцу вскоре началось преобразование структуры повинностей в частных имениях Великого Княжества, которое в основном завершилось в 1590-е — 1600-е гг.

В ходе реформы структура наделов и состав повинностей приобрели тот вид, который в общих чертах сохранялся до конца существования Речи Посполитой, а в пережиточных формах — вплоть до упразднения крепостнической системы во второй половине XIX в.

Суть волочной реформы сводилась к повсеместному переделу крестьянской пашни на стандартные единицы — *волоки*, которые в свою очередь делились на 30 *моргов*, и выделению лучших земель под фольварк, обрабатываемый трудом крепостных. Название *волока* (как вариант — *уволока*) имеет бесспорно славянскую этимологию (от слова *волочить*). Но инициаторы реформы, видимо, рассматривали его как эквивалент немецкого термина *Gufe*, которым обозначался стандартный земельный участок с фиксированным объемом повинностей. Термин *морг*, по мнению польских исследователей, напрямую заимствован из Германии, где изначально обозначал земельный участок, который пахарь был в состоянии обработать за рабочий день, от рассвета до полудня (от немецкого *Morgen* — утро)⁴⁶². В Великом Княжестве Литовском он имел площадь в 0,71 га, а площадь волоки равнялась 21,36 га. Такой надел делился на три части, из которых одна засеивалась озимыми культурами, вторая — яровыми, а третья оставалась под паром. За владение волокой устанавливалась определенная норма повинностей, зависевшая от качества земли. Обычно вводились три градации земли — хорошая, средняя и плохая (*подлая*), иногда выделялась еще категория *преподлой*. Там, где вводился фольварк, часть повинностей заключалась в отработке барщины, но реформа допускала и денежную форму повинности — чинш (с части волок либо со всех, если введение фольварка оказывалось нецелесообразным).

Как показал В. Ф. Голубев, изначально 30-морговая волока предполагала распределение только пашни, сенокосные угодья при этом оставались в совместном общинном владении. Если же сенокосы тоже закреплялись за индивидуальными хозяйствами, они именовались *наддавом* и обычно выделялись в расчете 3 *моргов сеножатных* на волоку (чуть более 2 га). Такая волока с наддавом составляла 33 морга, или 23,4 га⁴⁶³.

Одним из непосредственных исполнителей реформы во владениях Жигимонта Августа был каноник Виленского капитула Войтех Ленартович Нарбут, размечавший в 1549—1550 гг. на волоки земли Слонимской волости. Он и выступил инициатором перенесения этой реформы в капитульные имения Корень и Трусовичи (которые, видимо, находились под его непосредственным управлением). В 1559 г. Войтех Нарбут подготовил проект декрета о начале волочной реформы в этих имениях, одобренный капитулом⁴⁶⁴. Однако в 1560 г. сам каноник умер, не успев, видимо, приступить к реализации своего плана.

Повторное решение о проведении волочной реформы в имении Корень принято капитулом 3 октября 1572 г.⁴⁶⁵ Размерили его земли на волоки не позднее конца 1575 г. каноники Лаврин Вольский и Томаш Маковецкий. Не желая вводить новую систему повинностей без ведома и согласия капитула, они представили ему проект *волочной уставы*, одобренный капитулом 13 февраля 1576 г. Копия письма, направленного по этому поводу *тиунам и людям имения Кореньского*, была вписана в актовую книгу капитула. В письме жители имения извещались о том, что капитул рассмотрел предложенные нормы повинностей, дабы материальное положение подданных в результате реформы не ухудшилось (*jakoby wam za takową ustawą wielka obciążliwość nie była*). Проект, найденный достаточно справедливым, был утвержден, а польская копия с его латинского оригинала вписана в актовую книгу непосредственно вслед за письмом капитула⁴⁶⁶.

Содержание этой *уставы* очень близко к ее прототипу — Уставе на волоки 1557 г. Из преамбулы следует, что за сбор повинностей с Кореньского имения отвечали *тиуны*. В других документах упоминаются также *урядники*, представлявшие в имении интересы отсутствующего владельца. Как и в большинстве других имений Великого Княжества, они нанимались из состава мелкой шляхты. В частности, Кореньский урядник каноника Лаврина Вольского пан Ян Соболевский совместно с возным Минского повета 14 апреля 1582 г. освидетельствовали ущерб, нанесенный другому капитульному имению — Волче — его нерадивым урядником⁴⁶⁷. В документе 1591 г. по поводу обеспечения Кореньского костела (см. ниже) в имении Корень упоминается еще одна категория должностных лиц — *старцы*. В более поздних документах эти должностные лица фигурируют под названием *войты*, которое соответствовало терминологии Уставы на волоки 1557 г. В ней предписывалось,

⁴⁶² Yoshino E. Polscy chłopci w XX wieku. Podejście mikro-deskryptywne. — Warszawa, 1997. S. 97.

⁴⁶³ Голубев В. Ф. Сялянскае землеўладанне і землекарыстанне на Беларусі XVI–XVIII стст. — Мн., 1992. С. 48–49, 65.

⁴⁶⁴ Ochmański J. Dawna Litwa. Studia historyczne. — Olsztyn, 1986. S. 190; ОРБАНЛ. Ф. 43. Ед. хр. 211. Л. 212–212об.

⁴⁶⁵ ОРБАНЛ. Ф. 43. Ед. хр. 213. Л. 77об.–79; Ochmański J. Dawna Litwa. Studia historyczne. S. 190–191.

⁴⁶⁶ ОРБАНЛ. Ф. 43. Ед. хр. 213. Л. 202об.–204. См. также: Ochmański J. Dawna Litwa. Studia historyczne. S. 191, 195–6.

⁴⁶⁷ Акты, издаваемые Виленской археографической комиссией. Т. 36. — Вильно, 1912. № 69. С. 67–68.

что каждые примерно 100 волок должны образовывать отдельное войтовство, во главе которого становился войт из числа крестьян. Ему полагалась полная волока, свободная от всех платежей. При этом по желанию он мог взять еще дополнительную землю, но уже на общих условиях. В качестве главной обязанности войту вменялось следить за сохранением земельных участков строго в размерах, установленных в процессе реформы. Если кто-либо из крестьян нарушал межу, войт имел полномочия самостоятельно ее восстановить, взыскав с виновного 12 грошей штрафа в пользу урядника и 4 гроша — себе за труд. Войт был обязан своевременно сообщать обо всех опустевших наделах и, видимо, подыскивать кандидатуры для замещения прежних держателей. Ему же надлежало вести учет выполнения повинностей и всех платежей, которые подданные обязаны были вносить в период с дня Св. Михаила (29 сентября) по день Св. Мартина (5 ноября). По истечении этого срока войт должен был докладывать уряднику обо всех недоимщиках.

Можно предполагать, что другие условия, не оговоренные явно в кореньской уставе 1576 г., в результате волочной реформы или вскоре после нее также были приведены в соответствие с требованиями исходной для нее уставы 1557 г. В частности, в ней предписывалось размещать крестьянские дворы в одну линию вдоль деревенской улицы — так, чтобы каждый двор приходился на среднее поле волоки, выделенной ему. При этом жилые постройки и хлева располагались с одной стороны улицы, а гумна — напротив. В дальнейшем такой принцип планировки стал традиционным и сохранился до конца XIX в. Современные старожилы еще помнят, что в прошлом хаты стояли в ряд с одной стороны улицы, а другую занимали гумна.

Взамен отменяемых старых повинностей в имении Корень, как и повсеместно при проведении реформы, вводились две категории волок — *тяглые* и *осадные*. Условия пользования *осадной* волокой были близки к прежним — надлежало вносить определенное число продуктов и денег. Изменился лишь состав этих платежей. Пользователи такой волоки на хорошей земле платили денежный *чинш* в сумме 70 грошей, а также вносили натуральную повинность (*дякло*) — по 1 бочке озимой ржи (*жита*) и овса. При среднем качестве земли размер чинша уменьшался до 60 грошей (при том же размере дякла), а на плохой земле полагался только чинш в 60 грошей, без дякла.

Пользование *тяглой* волокой предполагало, помимо денежных и натуральных выплат, выполнение отработочных повинностей в домениальном хозяйстве — на *дворской* пашне. Это является первым свидетельством существования барщины на территории Кореньщины. Скорее всего, само ее появление здесь было результатом волочной реформы. Отработочная повинность (*панщина*) независимо от качества земли составляла по 2 дня с волоки в неделю, плюс 6 дней *толки на своем хлебе* в год, обязанность отвозить в Вильно подводы с дяклом и при необходимости другие грузы, косить *дворские сеножати*, сторожить в панском дворе, а в случае приезда владельцев имения поставлять им на мясо телку (*яловицу*). С тяглой волоки хорошей земли подданным надлежало платить также чинш в размере 35 грошей и поставлять дякло — 1 бочку жита и 2 бочки овса. С такой же волоки средней земли полагалось 30 грошей, по 1 бочке жита и овса. Кроме того, пользователи волоки должны были давать ежегодно 2 курицы и 10 яиц.

К сожалению, сохранившиеся документы не позволяют установить соотношение двух категорий волок в имении Корень, а также то, какая часть крестьянских домохозяйств обрабатывала, помимо собственного надела, еще и господский домен. По этому поводу можно высказать лишь самые приблизительные суждения. Устава 1557 г. устанавливала норму: на каждую дворную волоку по 7 тяглых, держатели которых должны совместно ее обрабатывать. Учитывая данные о количестве сох в 1553 г. и имеющиеся сведения о величине наделов накануне реформы, можно полагать, что всего в имении Корень было пахотной земли на 40—80 волок. Сделав все крестьянские наделы тяглыми, можно было сформировать фольварк в пределах от 5 до 10 дворных волок и к ним соответственно 35 или 70 крестьянских. Но поскольку в имении вводились также осадные волоки, общий размер фольварка был заведомо меньшим. Удельный вес тяглых волок в некоторых государственных имениях в результате реформы составил от 12,4 до 41,3%, в частных — от 53,3 до 86,6%⁴⁶⁸. Учитывая отсутствие барщинных традиций в имении Корень, пропорция тяглых волок в нем вряд ли превышала 50%. Поэтому можно предполагать, что дворная пашня составила порядка 3—5 волок. В таком случае от 21 до 35 волок могли быть тяглыми и столько же — осадными.

Устава на волоки 1557 г. предписывала также размечать под наделы участки, поросшие лесом, чтобы впоследствии осаживать на них новых подданных. Крестьянину, соглашавшемуся взять такой участок под расчистку, гарантировалось освобождение от повинностей на срок от 5 до 10 лет. Остальные леса оставались в общем пользовании, причем подданные имели право заготавливать там дрова, лыко, хворост на изгороди и строевой лес *на свою только потребу, а не на продажу*. Детям и молодым девушкам (*невестам*) разрешалось без ограничений заготавливать в лесу грибы, ягоды, хмель и трут. На

⁴⁶⁸ Гісторыя сялянства Беларусі са старажытных часоў да нашых дзён. Т. 1. С. 81, 87.

своих наделах крестьяне имели право убивать зашедших туда лесных зверей — волка, лисицу, рысь, росомаху, зайца, белку и *иный звер малый*, а также птиц. Однако даже там им запрещалось охотиться на крупных копытных — серн, оленей и т. п.

Ежи Охманьски, анализируя сведения кореньской уставки 1576 г., пересчитал натуральные повинности в денежный эквивалент (из расчета 10 грошей за бочку жита, 5 грошей за бочку овса плюс 5 грошей за отвоз) и сравнил их с аналогичными данными по государственным имениям согласно Уставе на волоки 1557 г. Он пришел к выводу, что сумма повинностей с осадной волоки хорошей земли составляла в капитульных владениях 90 грошей, а в государственных — 106 грошей, со средней земли — соответственно 80 и 97, с плохой — 60 и 83. Размер барщины был одинаков, за тем исключением, что в государственных имениях 2 недели в году были свободными от работ. Толоки составляли в капитульных владениях 6 дней против 4 в государственных. С такими подсчетами можно согласиться, но с той оговоркой, что они отражают стоимость повинностей в ценах 1550-х гг. Между тем к 1576 г. серебряное наполнение гроша из-за инфляции понизилось на 10%, соответственно изменились и цены⁴⁶⁹.

Согласно Статуту 1566 г., *копа* озимой ржи (60 снопов) оценивалась в 12 грошей. Обычный намолот с такой копы составлял, судя по данным более позднего Статута 1588 г., около 0,83 бочки, т. е. цена бочки равнялась 14 грошам и 4 пенязям. Копы овса стоила 6 грошей при среднем намолоте 0,5 бочки с копы, характерном для всех яровых культур. Бочка овса должна была стоить в таком случае до 12 грошей⁴⁷⁰. Курица в Статуте 1566 г. оценивалась в 1,5 гроша. Стоимость яиц в это время неизвестна, но в другие годы цена за десяток соответствовала, как правило, 0,5—0,75 цены курицы. Таким образом, ее можно оценить в пределах от 8 пенязей до 1 гроша. С такими поправками выплаты подданных капитула с осадной волоки хорошей земли должны были составлять в середине 1570-х гг. в абсолютном исчислении более 100 грошей, со средней — более 90, а с тяглой волоки — около 80 и 60 грошей соответственно, плюс барщина. Стоимость последней можно примерно оценить, используя данные инвентаря Радошкович. Там шестидневная барщина в денежном эквиваленте соответствовала 60 грошам 1540-х гг. Двухдневная барщина в таком случае должна соответствовать 20 грошам, а с поправкой на инфляцию — 22 грошам. Сумма повинностей с тяглой волоки оказывается почти равной повинностям с осадной волоки: чуть более 100 грошей с хорошей земли и около 82 — со средней.

Напомню, что, по подсчетам того же Ежи Охманьского, сумма повинностей Стрешинской волости в 1538 г. составляла 60 грошей с дыма, и аналогичной была повинность в имении Радошковичи. Если предположить, что повинности имения Корень тогда примерно соответствовали этой же норме, можно сделать вывод, что волочная реформа действительно не слишком ухудшила положение крестьян: максимальные повинности с волоки средней земли примерно эквивалентны 75—80 грошам доинфляционных 1530-х гг., притом что волока отнюдь не всегда доставалась одному хозяйству.

Согласно уставу 1557 г., при проведении реформы предписывалось выделять волоку в распоряжение или односемейного хозяйства, или неразделенного (отец и взрослый сын, или два брата). Количество дворов в имении Корень на момент реформы наверняка превышало 100. Это значит, что идеальный вариант — выделение отдельной волоки для каждого хозяйства — был возможен только в случае, если значительная часть из них получала не окультуренные земли, а лесные участки под расчистку. Вряд ли это было возможно, учитывая огромные трудозатраты на освоение таких участков: по российским данным середины XIX в., на разработку одной десятины (1,09 га) от валки леса до первого посева требовалось 100—125 человеко-дней⁴⁷¹. Для освоения целой волоки требовалось около 10 человеко-лет. Семья, имевшая трех взрослых мужчин, должна была целиком посвятить себя этому занятию примерно на 3 года. Если половину времени приходилось уделять обычным хозяйственным делам, обеспечивая себе пропитание, этот срок возрастал вдвое. При наличии двух работоспособных он растягивался лет на 10. Даже при условии освобождения от всех повинностей на 5—10 лет позволить себе такое могло далеко не каждое хозяйство. Скорее всего, уже в момент реформы большинство волок выделялось не одному хозяйству, а двум родственникам (например, уже фактически разделившимся братьям).

В дальнейшем волочные наделы очень быстро подверглись последующему дроблению, что ранее происходило со службами. Разрастающиеся семьи явно предпочитали образовывать новые хозяйства путем раздела имеющегося надела, а не выделения новой семьи на неосвоенный или пустующий участок. Пропорционально уменьшался и объем повинностей, приходящихся на такое хозяйство. Похоже, что реформа, в целом проводимая по западноевропейским образцам, натолкнулась

⁴⁶⁹ Курс золотого дуката составлял в 1545 г. 50 польских грошей. К 1586 г. за дукат давали уже 56 грошей, что отражает примерно тот же уровень обесценивания гроша. См.: *Gutowski M. Mennica Wileńska w XVI i XVII wieku.* – Warszawa, 1921. S. 88, 145; *Рябцевич В. Н.* О чем рассказывают монеты. – 2-е изд., перераб. и доп. – Мн., 1977. С. 112.

⁴⁷⁰ В одном инвентаре, датированном 1578 г., бочка овса с отвозом оценена в 10 грошей: Акты, издаваемые Виленской археографической комиссией. Т. 14. С. 192.

⁴⁷¹ История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 3. С. 326.

на местные культурные традиции: право каждого мужского потомка на часть отцовского имущества представлялось здесь незыблемым. По суммарным данным многочисленных инвентарей конца XVI — первой половины XVII в., из 36419 учтенных наделов лишь 4353 (12%) соответствовали волоке и 408 (1,1%) превышали ее. Сравнительно редко встречались наделы в 3/4 волоки (649, или 1,8%) и 2/3 волоки (647, или 1,8%), тогда как подавляющее число хозяйств пользовалось половиной волоки (15354, или 42,2%), ее третью (4376, или 12%) или четвертью (10632, или 29,2%)⁴⁷².

Практически одновременно с волочной реформой в имении Корень был учрежден **католический приход**. Не сохранились прямые указания о парафиальной принадлежности жителей имения в XV — большей части XVI в., но по косвенным данным можно предполагать, что в ту пору большинство их исповедовали православие и принадлежали к приходу одной из ближайших церквей (возможно — гайненской). Католиками могли быть лишь некоторые переселенцы из Литвы, осаживаемые на пустующих службах, подобно упоминавшимся выше Петру с братьями в Ганевичах. Такие чужаки имели возможность совершать обряды в гайненском костеле, существовавшем со времен Витовта.

3 октября 1572 г. Виленское епископство приняло решение об основании в Коренесамостоятельного католического прихода⁴⁷³. Целью акции явно было не удовлетворение религиозных запросов немногочисленных католиков (если таковые имелись вообще), а перевод в католическую веру основной массы местных жителей. Это выступало частью общей программы по усилению в государстве роли католицизма, сильно подорванной в предыдущие десятилетия успехами реформации.

Строительство костела завершено примерно в 1575 г. В вышеупомянутом письме капитула по поводу волочной реформы от 13 февраля 1576 г. упоминается костел, основанный канониками Вольским и Маковецким *в том краю Руском*, и устанавливаются доходы каплана, собираемые им во время рождественского объезда, — *коляды*. С каждой волоки ему полагалось по 1 грошу и по *краковскому корцу* жита, что составляло четверть *бочки-солянки*. Эти повинности были подтверждены 21 октября 1582 г. в качестве десятины с доходов имения⁴⁷⁴, но, учитывая стоимость повинностей с волоки, можно предполагать, что в доход костела поступало гораздо меньше, чем десятая часть указанной суммы. Дополнительно оговаривалась обязанность крестьян возить из леса бревна в случае ремонта костела и его звонницы.

Время показало, что меры по обеспечению приходского священника оказались неэффективными. Три каноника виленского капитула — Марцел Суходольский, Николай Коризна и Бартоломей Недведзкий (в совместном распоряжении которых находилось имение Корень) приняли 10 октября 1591 г. постановление (*уставу*) по поводу Кореньского прихода. В нем отмечается, что первоначальная дотация была недостаточна для деятельности каплана, в связи с чем он покинул приход, а крестьяне, которые ранее обратились из православия в католичество, возвращаются в православные церкви и там выполняют обряды (*poddani tez, ktory incz byli nico od Rusi do Kosciola Catolickiego przystali, zasie nazad sie wracaiq y dzieci chrzcza hodzac do Ruskich Cerkiew*).

Тот факт, что жители Кореньщины, лишившись настоятеля в новооснованном костеле, предпочли обратиться в соседние православные приходы, но не оставлять детей некрещеными, очень примечателен. Он указывает на явный прогресс по сравнению с ситуацией начала века, которую великокняжеская грамота от 1509 г. характеризует так: *Мовил нам наречений митрополит Киевский и всея Руси, владыка Смоленский Иосиф, што ж дей там многии люди, Русь, в тых местех незаконне мешкають, жоны поймуючи не венчаються, и детей крестити не хотят, и на исповедь не ходят*⁴⁷⁵. Видимо, на протяжении XVI в. произошел решающий сдвиг в массовом крестьянском сознании, придавший церковным таинствам обязательный характер.

В целях восстановления прихода капитул решил направить на обеспечение костела доход с аренды корчмы в селе Корень. Кроме того, от каждой крестьянской волоки каплану причиталось ежегодно по возу дров (из этого можно заключить, что причиной бегства прежнего каплана послужил не только голод, но и холод: без прямого распоряжения владельцев имения он не смог обеспечить заготовку дров на отопление своего жилища зимой).

На сей раз определялась и новая процедура сбора повинностей — их должны были собирать урядники или *старцы* и свозить в тот из трех дворов (престимониев), при котором будет находиться настоятель костела. Если же священник решит сам или через своего порученца осуществлять прежний объезд волости на Рождество (*колядовать*), то крестьяне могут давать ему что-либо по своей доброй воле⁴⁷⁶.

⁴⁷² Гісторыя сялянства Беларусі са старажытных часоў да нашых дзён. Т. 1. С. 109.

⁴⁷³ ОРБАНЛ. Ф. 43. Ед. хр. 213. Л. 78.

⁴⁷⁴ ОРБАНЛ. Ф. 43. Ед. хр. 214. Л. 244; Там же. Ед. хр. 10749.

⁴⁷⁵ Акты Западной России. — СПб., 1848. Т. 2. С. 62–63.

⁴⁷⁶ ОРБАНЛ. Ед. хр. 215. Л. 168об.–171об.

Увеличение дотации не достигло цели, и уже 1 октября 1596 г. капитул принял решение ввиду *недостатка капланов и малой провизии* ликвидировать самостоятельный Кореньский приход, а его костел считать филиалом соседнего Гайненского костела⁴⁷⁷.

Повторное решение об образовании Кореньского прихода было принято 11 февраля 1605 г., и в более поздних документах вплоть до XX в. именно этот год фигурирует в качестве официальной даты основания костела. В данном случае, учтя прежний опыт, капитул определил настоятелю (плебану) недвижимую собственность — застенки Нарбутово (в тексте постановления — *Kierbutowo*) с земельным наделом в размере 1 волоки и 22,5 морга (около 36 га). На нем владельцы каждой из 4 частей, на которые делилось в тот момент имение, должны были осадить по 1 семье крепостных крестьян (т. е. на каждый надел предполагалось чуть менее полуволоки). Кроме того, костелу по-прежнему причиталась доля с доходов имения — денежная повинность, называемая *погорцовщина*, и натуральные выплаты в размере 5 коп ржи, 5 коп ячменя, плюс еще по 1 бочке ячменя и 0,5 бочки гороха с каждого престимония. Размер *полуконья* с каждого крестьянского надела был увеличен с 18 пенязей (1,8 гроша) до 2 грошей. В распоряжении плебана оставался доход с аренды корчмы. При этом оговаривалось, что крестьяне имеют право с его разрешения варить пиво на свадьбу сына или дочери⁴⁷⁸.

В ценах Статута 1566 г. погорцовщину в пользу костела можно оценить так: 60 грошей за 5 коп ржи (по 12 грошей за копу), 40 грошей за 5 коп ячменя (по 8 грошей), 64 гроша за 4 бочки того же ячменя (по 16 грошей за бочку), 20 грошей за 2 бочки гречки (по 10 грошей), в сумме — 184 гроша. Но следует учитывать, что содержание серебра в гроше, чеканенном до 1580 г., составляло около 0,86 грамма. В период 1580—1607 гг., когда устанавливалась фундация костела, обращался грош серебряным наполнением около 0,67 грамма, т. е. его стоимость понизилась на 22%. Соответственно выросли и цены. В Статуте 1588 г. копа озимой ржи оценивалась уже в 20 грошей, яровой — в 12, бочка ржи — в 24 гроша. Копа ячменя стоила в среднем 10 грошей, бочка — 20 грошей, бочка гороха, овса и ряда других культур — 16 грошей. В новых ценах погорцовщина соответствовала 262 грошам. Если к этому добавить примерно 200—250 грошей полуконья, которое должны были выплачивать костелу 100—125 имевшихся на то время крестьянских дворов, а также доход от аренды корчмы, то ежегодные поступления в пользу костела предположительно превышали 500 грошей.

Нет прямых сведений о том, как менялась **ставка чинша** с осадных волок имения Корень на протяжении конца XVI — первых десятилетий XVII в. Но можно предполагать, что эти изменения соответствовали тем, которые проследил Павел Лойко для двух магнатских имений — Ивьы и Деревной (оба — на юго-запад от Кореньщины, соответственно в 140 и 105 км)⁴⁷⁹. В принадлежавшем панам Кишкам Ивье в 1596 г. чинш составлял 110 грошей с волоки, в 1634 г. — уже 240 грошей⁴⁸⁰. В Деревной, владении Радзивилов, — 80 грошей в 1591 и 1593 гг., 247 грошей в 1646 г.⁴⁸¹ П. Лойко обратил внимание на то, что номинальное повышение ставки чинша в лучшем случае едва поспевало за уровнем инфляции, а скорее — отставало от него.

Серебряное наполнение гроша неуклонно снижалась: с 0,87 грамма серебра на 1570-е гг. до 0,67 грамма в 1580—1607 гг. (за золотой дукат тогда давали 56—58 грошей), до 0,54 грамма в 1607—1625 (при цене дуката в 75 грошей на 1616 г.), до 0,29 грамма в 1625—1652 и 0,27 грамма — после 1652 г. Дукат к 1640-м гг. стоил 180 грошей⁴⁸², так что падение курса гроша даже опережало снижение его серебряного наполнения. В целом грош обесценился с 1570-х по 1640-е гг. в 3 раза или чуть более. Что касается реальных цен, то воз сена, который в одном инвентаре 1578 г. оценен в 5 грошей (с отвозом)⁴⁸³, а в Статуте 1588 г. — в 8 грошей, в 1647 г. стоил 1 *злотый* (30 грошей). Бочка ржи в 1640-е гг. стоила даже 120 грошей (2 копы или 4 злотых), бочка овса — 60 грошей⁴⁸⁴, но это могло быть следствием неурожая. Так или иначе, рост цен был никак не ниже, чем падение курса гроша, а скорее выше раза в 2. Если ставка чинша с осадной волоки в Коренево выросла до тех же 240—247 грошей, что и в Ивье или Деревной, его реальная стоимость осталась на уровне 40—80 грошей 1570-х гг. — времени проведения волочной реформы.

⁴⁷⁷ ОРБАНЛ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 215. Л. 279.

⁴⁷⁸ ОРБАНЛ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 216. Л. 58–59об. См. также копию: НИАБ. Ф. 1769. Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 433–434.

⁴⁷⁹ Лойка П. А. Прыватнаўласніцкія сяляне Беларусі: Эвалюцыя феадальнай рэнты ў другой палове XVI–XVIII ст. – Мн., 1991. С. 37.

⁴⁸⁰ НИАБ. Ф. КМФ-5. Оп. 1. Ед. хр. 1468. Л. 15, 16, 24; Там же. Ед. хр. 1469. Л. 12, 13.

⁴⁸¹ НИАБ. Ф. КМФ-5. Оп. 1. Ед. хр. 733. Л. 17; Ед. хр. 734. Л. 15; Ед. хр. 735. Л. 18, 27, 28, 36.

⁴⁸² Археалогія і нумізматыка Беларусі: Энцыклапедыя. – Мн., 1993. С. 197; Volumina ligum. Т. 3. – Petersburg, 1859. S. 11, 80; Gumowski M. Mennica Wileńska w XVI i XVII wieku. S. 112, 145; Рябцевич В. Н. О чем рассказывают монеты. С. 127, 157.

⁴⁸³ Акты, издаваемые Виленской археографической комиссией. Т. 14. С. 192.

⁴⁸⁴ НИАБ. Ф. КМФ-5. Оп. 1. Ед. хр. 439. Л. 1, 2; ОРБАНЛ. Ф. 148. Ед. хр. 283. Л. 1, 2.

Кризис середины XVII — начала XVIII в. и его преодоление

В начале второй половины XVII в. территория центральной Беларуси, включая Кореньщину, испытала всю тяжесть войны, которая считается самой разрушительной в истории Речи Посполитой. Эту катастрофу сделали возможным события общегосударственного и даже общеевропейского уровня, относившиеся как к экономической и социальной, так и к духовной сфере жизни общества.

К середине XVII в. верхние и нижние классы общества оказались полностью разобщенными. Они больше не представляли себя частями единого организма, выполнявшими в нем разные, но равно необходимые функции. Крестьяне, отстраненные от роли защитников своей родины, не могли уловить связь между периодически собираемой с них серебщицей и успехами или неудачами наемной армии, финансируемой из этих средств государственной казной. Соприкосновение с этой армией могло стать для них скорее чем-то вроде стихийного бедствия, как случилось в 1611 г. Тогда наемный полк, возглавляемый магнатом Янушем Кишкой, по дороге на войну с Россией (речь идет об известных событиях Смутного времени, когда войско Речи Посполитой активно вмешивалось в российские дела), разграбил капитульные имения Корень, Ганевичи, Бакшты и Трусовичи. По этому поводу капитул поручил канонику Станиславу Шидловскому, в ведении которого находились перечисленные имения, начать за счет капитула судебный процесс с Кишкой⁴⁸⁵.

Регулярные повинности, взимаемые в пользу непосредственного владельца, еще менее ассоциировались с той защитой от внешнего врага, которую этот владелец мог обеспечить в качестве участника шляхетского ополчения. Стремление шляхты всячески уклониться от этого ополчения было для современников притчей во языцех, и надо полагать, что крестьяне тоже были осведомлены об этом. Оттесненные в собственном государстве в нишу, которую в других обществах заполняли плантационные рабы, они не могли испытывать особой симпатии ни к непосредственным эксплуататорам, ни к государству в целом, обеспечивавшему стабильность такого устройства.

Но все же уровень экономической эксплуатации, видимо, не переходил через критическую черту. В истории Великого Княжества Литовского XVII в. нет случаев голодных бунтов или массовых социальных движений, вызванных чисто экономическими факторами, участники которых выдвигали бы в качестве главных лозунгов сокращение барщины, снижение ставки чинша или более справедливое перераспределение наделов. До массовых конфликтов дело доходило лишь в тех случаях, когда добавлялся идеологический фактор. Объективные обстоятельства сложились так, что территория Беларуси (равно как и ее южной соседки — Украины) оказалась на стыке двух цивилизаций: католической (точнее, пронизанной неразрывными католическими и протестантскими веяниями) и православной. Влияние первой распространялось через Польшу, с которой Великое Княжество находилось в государственной унии, влияние второй исходило из Московской Руси, граница с которой на востоке была самой протяженной. При попытках самоотождествления на уровне, превышающем принадлежность к местной общине, индивид неизбежно сталкивался с дилеммой: какому вектору внешних воздействий отдать предпочтение?

Западный вектор не имел местных корней, но в течение столетий после Кревской унии действовал через посредство государства, понемногу становился привычным (хотя это и не могло затушевывать его чужеродные черты). Восточный вектор был более традиционным, поскольку и Московская, и местная «Литовская» Русь были прямыми преемницами одной цивилизации — Киевской Руси XI—XIII вв., сокрушенной татарским нашествием. Но это не значит, что те черты, которые сформировались в Московском государстве в тесном и обоюдном взаимодействии с Золотой Ордой и придали ей черты особой, качественно новой цивилизации, были совершенно близки и понятны жителям Великого Княжества Литовского. В какой-то мере эта цивилизация тоже стала чуждой, внешней, отождествление с ней требовало определенной адаптации.

Пока государство воспринималось как «свое», действовал дополнительный фактор патриотизма, и лояльные к этому государству социальные группы (шляхта, основная масса духовенства, городская верхушка и концентрирующееся в городах и местечках еврейское население) в целом избирали западную ориентацию. Но разрыв духовной общности прошел как раз между этими слоями и крестьянством, отстраненным ими от общественной жизни и подвергнутым довольно жесткой эксплуатации. Поскольку государство стало «их» государством, связанные с ним идейные веяния (и без того вызывавшие внутреннее сопротивление) натолкнулись на огульное отторжение. Естественной альтернативой стало принятие противоположного вектора как «своего», что требовало закрывать глаза на все проявления его относительной чужеродности.

⁴⁸⁵ *Przyalgowski W. Żywoty biskupów wileńskich.* — Petersburg, 1860. Т. 2. S. 62.

В результате система вошла в опасный резонанс: любые действия лояльных к государству (и в силу этого прозападных) классов вызывали глухое недовольство, которое объективно провоцировало соседнюю и без того экспансионистски настроенную Московскую Русь ко вмешательству. Это требовало новых ответных мер (в частности, подчинения местной православной иерархии римскому папе, что было реализовано путем Брестской церковной унии в 1596 г.), которые наталкивались на новое противодействие социальных низов, и т. д. Центром притяжения для недовольных стала слабозаселенная степная окраина (*украина*) в нижнем Поднепровье. Там с середины XVI в. на протяжении считанных десятилетий стремительно сформировалась казачья вольница, которую оказалось невозможным ни встроить в государственную систему, ни подавить силой. На *Низ*, к казакам, уходили толпы крестьян, недовольных засильем барщины, притеснениями «родной» православной веры, просто склонных к анархии и вольной жизни. Дважды, в конце XVI и в середине XVII в., этот отстойник недовольства переполнялся и выплескивался так называемыми *казацкими войнами*, когда многотысячные отряды вторгались вглубь Правобережной Украины и на юго-восток Беларуси, воодушевленные намерением истребить всю шляхту, евреев-торговцев и очистить страну от католического влияния. Донесение приграничного российского воеводы царю о последствиях казацкого вторжения в белорусское Поднепровье в 1648 г. хорошо характеризует расклад участников социального конфликта: *ис тех де, государь, литовских городов из всех паны, и державцы, и урядники, и ляхи, и жиды, все выбежали з женами и з детьми за Днепр в королевские города, а остались де в тех литовских городах одне мещане и пашенные мужики*⁴⁸⁶.

На сей раз Россия, восстановившая силы после перипетий Смутного времени, открыто вмешалась в конфликт, что привело к опустошительной войне между нею и Речью Посполитой. Первоначальный успех русской армии был ошеломляюще легким. С лета 1654 по лето 1655 г. практически вся территория Беларуси оказалась в руках России и союзных ей казаков, которые одновременно контролировали и большую часть Украины. Полная неспособность Речи Посполитой к эффективному отпору была следствием внутреннего надлома общества. Шляхта, попавшая в социальную изоляцию, оказалась не в силах в одиночку защитить свое государство, в то время как социальные низы остались безразличными и даже желали победы Москвы. Но реальное соприкосновение с российским общественным устройством, причем в самом худшем его проявлении — в форме оккупационного режима — принесло горькое разочарование.

О событиях этого времени повествуется в записках шляхтича Яна Цедровского, имение которого Плещеницы находилось у самых границ Кореньщины⁴⁸⁷. Первый же год российского правления ознаменовался массовыми реквизициями продовольствия и фуража, а также общей дезорганизацией хозяйства. Весной 1656 г. поля не были должным образом обработаны, а летом небывалая численность полевых мышей привела к уничтожению урожая на корню. Парализованная войной система торговли не позволила подвезти хлеб из других мест, и к зиме в центре Беларуси наступил жестокий голод, вплоть до поедания трупов и случаев людоедства. Весной 1657 г. на него наложилась не менее жестокая эпидемия. Порядка не стало больше, когда в местечко Каменец (около 26 км к юго-западу от Кореня) перебазировался казацкий полк под командованием Дениса Мурашко. Формально являясь российским союзником, Мурашко проводил собственную линию на очищение земли от шляхты. Поскольку под рукой оказались лишь те ее представители, которые ради сохранения своих имений принесли присягу русскому царю (*присяжная* шляхта), именно они подверглись погромам и насилию. Местных крестьян Мурашко охотно записывал в казачьи реестры — тем самым они становились военнообязанными и должны были служить в его полку, при этом освобождаясь от власти прежних хозяев. По сообщению Я. Цедровского, такие крестьяне весьма активно участвовали в погромах.

В конце 1657 г. две хоругви из полка Мурашки стояли в Гайненском старостве, непосредственно к югу от имения Корень. Жители Кореньщины при желании имели все возможности записаться в реестр и уйти с казаками. Трудно сказать, насколько широко они этим воспользовались. Но события тех лет, включая голод, мор и налеты казачьих отрядов, наверняка затронули Кореньщину сполна.

Российские власти не предпринимали никаких мер, чтобы нормализовать положение. В конце концов присяжной шляхте удалось организовать и зимой 1657/58 г. в имении Прусовичи (28 км северо-восточнее Кореня) своими силами разбить один из подчиненных Мурашке крестьянско-казачьих отрядов. По свидетельству Цедровского, среди убитых казаков оказались и его собственные подданные. После этого мятежные крестьяне, по его словам, *утихомирились*. Возможно, они увидели бесперспективность своих надежд как на русских (при которых присяжная шляхта сохранила все свои права, но

⁴⁸⁶ Белоруссия в эпоху феодализма. Т. 2. С. 24–25.

⁴⁸⁷ Временник Московского общества истории и древностей Российских. Кн. 18. Отд. 3. С. 22–24.

добавились поборы в пользу оккупационной армии), так и на казаков, действия которых вырождались в откровенный бандитизм и не сулили никакой стабильности. Более того, вскоре наметился союз между крестьянами и шляхтой, направленный против русских, т. е. на восстановление довоенного порядка. Дело дошло до настоящей партизанской войны. В 1658 г. у Каменя-Харецкого, в 20 км северо-восточнее Кореня, вооруженный отряд в составе шляхты и крестьян разгромил российское подразделение численностью до 300 солдат, которое отделилось от армии князя Долгорукова и грабило окрестности⁴⁸⁸.

Даже казачество не могло дальше закрывать глаза на то, что Россия преследует лишь собственные цели и глубоко чужда интересам местного населения. В том же 1658 г., после смерти гетмана Богдана Хмельницкого, его преемник Иван Выговский перешел на сторону Речи Посполитой. Тогда же казацкие полки на территории Беларуси начали прямые боевые действия против русских, а полк Дениса Мурашки покинул окрестности Кореня и был переброшен на восток. Впоследствии, по окончании войны, за заслуги перед Речью Посполитой полковник Мурашко был произведен в шляхетское достоинство — несколько неожиданный исход для непримиримого врага шляхты.

Перемена общественных настроений привела к перелому в войне, и уже в 1660 г. Россия утратила контроль над центром Беларуси. Но расплата за несбывшиеся иллюзии была очень суровой. Польский исследователь Ю. Можи, изучивший демографические последствия войны, пришел к выводу, что население Беларуси сократилось примерно вдвое⁴⁸⁹. В отдельных местностях прямые разрушения и послевоенное запустение были еще более сильными. Так, инвентарь имения Смолевичи (40 км к юго-востоку от Кореня), составленный в 1664 г., зафиксировал лишь 216 наличных хозяйств из 1087, имевшихся накануне войны, т. е. сохранился один двор из пяти. Крестьяне лишились 87,6% лошадей и 97,4% волов. Администратор имения так охарактеризовал его общее состояние в тот момент: *вокруг нищета, в ряде деревень нет ни одного крестьянина, волов не пахут, среди оставшегося населения царит страшная бедность*⁴⁹⁰.

Можно точно определить число хозяйств на территории Кореньщины накануне этих драматических событий. Сделать это позволяет выписка из тарифа *подымного* за 1653 г.⁴⁹¹ В имении Корень престимоний каноника Паца составлял 40 дворов (*дымов*), престимоний каноника Коптя — 48, владения кореньского плебана — 10, а отдельный престимоний Прудки — 35 дымов. Таким образом, всего в имении числилось в то время 133 крестьянских хозяйства, а общее количество жителей было близко к 800. Плотность населения составляла около 7 человек на 1 кв. км.

К сожалению, тариф подымного Минского повета, составленный сразу по окончании войны с Россией в 1667 г., не содержит сведений об имении Корень, за исключением владений плебана. В них, согласно тарифу, из 10 прежних дымов после войны остался всего один⁴⁹². Очевидно, владения капитула тоже подверглись сильному опустошению, о чем свидетельствуют данные по имению Ганевичи. В нем тариф 1653 г. фиксирует два престимония, включавших 48 и 38 дымов, а тариф 1667 г. упоминает всего 11 дымов⁴⁹³. Это позволяет предполагать, что на территории Кореньщины последствия войны были не менее тяжелыми, чем в Смолевичах.

В архиве капитула сохранились два близких по времени инвентаря престимония Малые Ганевичи, к которому относилась деревня Юрковичи. Один из них датирован 1678 г. и упоминает трех подданных, из которых Каптур пользовался одной волокой земли, а вторая его волока значится *в пустошах*⁴⁹⁴. Второй инвентарь не имеет даты, но в нем упомянуты те же подданные, причем за Каптуром записаны обе волоки. Очевидно, этот документ составлялся или чуть ранее — если предположить, что упомянутый Каптур оставил одну из двух принадлежавших ему волок, или чуть позднее, когда он вновь взял ранее пустовавшую волоку. Для нас инвентарь ценен прежде всего тем, что на обороте его содержится первый из дошедших до нас (к сожалению, тоже недатированный) инвентарь престимония Великий Корень⁴⁹⁵. Учитывая возможную датировку инвентаря Малых Ганевич, время его создания можно условно определить — около 1680 г. или несколькими годами ранее.

Этот инвентарь содержит первые упоминания имен обитателей Кореньщины — крестьян деревень Михалковичи и Чернево. Всего названо 6 имен: Матей Калуш, Миколай Калуш, Роман, Гаврилко (с примечанием *новик, что отделился*), Янук

⁴⁸⁸ Сагановіч Г. Невядомая вайна: 1654–1667. – Мн., 1995. С. 80.

⁴⁸⁹ Morzy J. Kryzys demograficzny na Litwie i Białorusi w 2 połowie XVII wieku. – Poznań, 1965.

⁴⁹⁰ Государственный архив древних актов в Варшаве. Архив Радзивиллов. Ф. 23. Ед. хр. 138. (Цит. по: Гісторыя сялянства Беларусі са старажытных часоў да нашых дзён. Т. 1. С. 140–141).

⁴⁹¹ ОРБАНЛ. Ф. 43. Ед. хр. 609.

⁴⁹² ГИАЛ. Ф. ДА. Ед. хр. 3721. Л. 28.

⁴⁹³ ГИАЛ. Ф. ДА. Ед. хр. 3721. Л. 36.

⁴⁹⁴ ОРБАНЛ. Ф. 43. Ед. хр. 8584.

⁴⁹⁵ ОРБАНЛ. Ф. 43. Ед. хр. 10750.

Жолнерович и Яско Жолнерович. Судя по всему, возглавляемые ими 6 дворохозяйств составляли все население престимония на тот момент. Описание хозяйского двора фиксирует картину полного запустения и упадка: обвалившиеся ворота, жилые и хозяйственные постройки охарактеризованы как *надгнилые*, с разрушенными печами и с крышами, держащимися только на подпорках. От посеянных годом ранее 2 бочек озимого жита, по определению составителя инвентаря, никакой пользы не ожидается (*korzysci niespodziewac zadnej*), а ярового на дворной земле не сеяли вообще.

Видимо, в связи с полным упадком фольварка все вышеупомянутые подданные были полностью свободны от барщины и платили чинш общей суммой в 300 злотых (что дает по 50 злотых на каждое из 6 хозяйств). Кроме того, вновь возродилась упраздненная при волочной реформе медовая дань — по 3 *кварты* с каждого хозяйства. Объем кварты составлял чуть более 7 литров⁴⁹⁶, т. е. объем дани равнялся 21,2 литра, что при удельном весе меда около 1,4 кг на литр должно составлять 30 кг. Размер медовой дани вполне сопоставим с прежним, дореформенным. Зато указанная сумма чинша вызывает большие сомнения. Во-первых, в инвентаре Малых Ганевич, находящемся на обороте, состав повинностей совсем иной: с полной волоки причиталось всего 5 злотых чинша (в 10 раз меньше!), а также дякло в размере 3/4 бочки жита, 3/4 бочки овса, 2 куриц и 20 яиц, 3/4 пуда меду. Во-вторых, чинш в размере 50 злотых совершенно не соотносится ни с более ранними, ни с последующими сведениями.

Чтобы сопоставить величину чинша с установленной при волочной реформе в 1576 г. (60 грошей с волоки средней земли), нужно учесть изменения в курсе монет. *Злотый* как счетная единица, утвердившаяся в середине XVII в., соответствовал 30 грошам. Но это были уже не те гроши, что столетием ранее и даже накануне войны с Россией. После войны серебряные гроши вообще перестали чеканить, и грош стал такой же условной счетной единицей, как и злотый. Он был приравнен к 3 мелким медным монетам (*солидам* или *шелягам*), которые быстро теряли покупательную способность. Золотой дукат, сохранявший неизменно высокую стоимость, в 1650-е гг. соответствовал 6 злотым, в 1660-е — 6,5 (т. е. 195 грошам), а постановлением сейма в 1717 г. был приравнен к уже 18 злотым, т. е. к 540 грошам. К интересующему нас времени — началу 1680-х гг. — отношение счетных злогого и гроша к полновесной монете находилось где-то в этом промежутке. Определить его точнее позволяет курс *орта* — одной из наиболее доброкачественных монет (2,7 г серебра). В том же 1717 г. он был приравнен к 1 злотому 8 грошам (т. е. к 38 грошам), а в 1677 и 1684 гг. равнялся еще 18 грошам⁴⁹⁷. Если по отношению к орту грош за это время обесценился в 2,1 раза, то на начало 1680-х гг. его соотношение с дукатом составляло 257 : 1, а с грошем 1570-х гг. — примерно 4,5 : 1.

Реальную стоимость денег можно определить и другим способом: сравнивая цены на идентичные товары. Так, в 1582 г., вскоре после волочной реформы в имении Корень, в актовой книге Минского гродского суда при оценке причиненного ущерба два коня (*мерина*) оценивались по 9,5 копы (570 грошей), хороший почтовый конь — в 12 коп (720 грошей)⁴⁹⁸. В 1677 г. в такой же ситуации два коня оценивались в книге Гродненского земского суда по 80 злотых (2400 грошей)⁴⁹⁹. На могилевском рынке, судя по актовым книгам местного магистрата, хорошего коня в 1680-е гг. можно было купить за 100 злотых⁵⁰⁰. Соотношение получается примерно 4,2 : 1. Это позволяет утверждать, что покупательная способность денег в целом соответствовала их курсам.

В таком случае указанный в инвентаре Великого Кореня чинш в 50 злотых (1500 грошей начала 1680-х гг.) соответствовал бы примерно 330—350 грошам конца 1570-х гг., что означает рост почти в 6 раз. Этому еще можно было бы поверить, если бы не данные инвентарей этого же имения за середину XVIII в. (см. ниже), в которых чинш с волоки *подле давних зостав* не превышал 18 злотых — при том, что за это время злотый еще двукратно обесценился.

Чинш в размере 50 злотых выглядит неправдоподобно высоким и на общем фоне других имений второй половины XVII — первой половины XVIII в. Хотя сводные данные разновременных инвентарей тут мало что дают, поскольку относятся к периоду, когда курс злогого все время менялся, все же приведем их: в 28 магнатских владениях на западе и в центре Беларуси средняя сумма чинша с осадной волоки составляла 784 гроша (26,1 злогого), в 31 шляхетском имении — 940 грошей (31,3 злогого) и лишь в 4 магнатских владениях на востоке Беларуси — 1512 грошей⁵⁰¹. Вряд ли ставка чинша в небольшом и совершенно разоренном престимонии соответствовала максимальным показателям для всей страны. Видимо, в этом кратком и

⁴⁹⁶ Энциклапедыя гісторыі Беларусі: У 6 т. Т. 4. — Мн., 1997. С. 159.

⁴⁹⁷ Volumina ligum. Т. 6. — Petersburg, 1859. S. 162–163; Т. 7. S. 199; Gumowski M. Mennica Wileńska w XVI i XVII wieku. S. 173; Рябцевич В. Н. О чем рассказывают монеты. С. 153, 154, 157.

⁴⁹⁸ Акты, издаваемые Виленской археографической комиссией. Т. 36. — Вильно, 1912. С. 276–277.

⁴⁹⁹ Рябцевич В. Н. О чем рассказывают монеты. С. 155.

⁵⁰⁰ Дембовецкий А. С. Опыт описания Могилевской губернии. Кн. 1. — Могилев, 1882. С. 173.

⁵⁰¹ Лойка П. А. Прыватнаўласніцкія сяляне Беларусі. Эвалюцыя феадальнай рэнты ў другой палове XVI–XVIII ст. С. 102.

в целом маловразумительном инвентаре опущены какие-то существенные подробности, объясняющие, откуда взялась общая сумма в 300 злотых. Скорее всего, реальный объем чинша был таким же, как в Ганевичах (5 злотых с волоки), а если и превышал его, то не более чем вдвое.

Факт исчезновения барщины по-своему примечателен. Сокращение отработочных повинностей и частичный возврат к денежным или натуральным фиксируется в послевоенные десятилетия по всей территории Беларуси, особенно в крупных магнатских владениях⁵⁰². На надель, опустевшие в годы войны, посадить новых держателей на условиях барщины было, видимо, весьма проблематично. У *похожих* крестьян появилась теперь богатая возможность для выбора. Уцелевшие *отчичи* если и соглашались принять дополнительно часть пустоши в качестве *приемной* земли, то предпочитали делать это на условиях оплаты натурой (третья часть урожая) или деньгами, притом в уменьшенном объеме по сравнению с основным наделом. Впрочем, сокращение барщины было не столько результатом вынужденных уступок со стороны владельцев, сколько следствием сознательной государственной политики по восстановлению разрушенной экономики. К таким выводам пришла, в частности, И. Ф. Киткурка, проанализировавшая хозяйственную политику в государственных имениях ВКЛ в послевоенные десятилетия⁵⁰³. В результате крестьянские надель приобрели сложную структуру. По данным В. Ф. Голубева, чисто тяглыми были 4806 из 17670 учтенных им дворохозяйств второй половины XVII — первой половины XVIII в. (27,2%), а чисто чиншевыми — 4314 (24,4%, причем три четверти из них находились в восточной части Беларуси). Оставшиеся 8550 хозяйств (почти половина их общего количества — 48,6%) или сочетали в своем наделе чиншевую и тяглую части (2620, или 14,8%, практически все — в западной и центральной части Беларуси), или в придачу к одной из них имели еще приемный участок на более льготных условиях (4956, или 28,1%), а 974 хозяйства (5,5%) вообще имели только приемную землю⁵⁰⁴.

В церковных владениях центра и запада Беларуси (той категории имений, к которой формально принадлежал и Корень) наблюдается несколько иное соотношение: чисто чиншевых надель было очень мало — 3,9%, а преобладали чисто тяглые — 57,8%. Надель с тяглой и приемной землей составляли там 20,9%, чисто приемные — 6,1%. Отсутствию тяглых надель в престимонии Великий Корень около 1680 г. гораздо лучше соответствует ситуация в церковных имениях востока Беларуси, включая большую Стрешинскую волость и соседнее имение Горваль, принадлежавшие тому же Виленскому капитулу. Они на протяжении второй половины XVII—XVIII в. были полностью чиншевыми⁵⁰⁵. Видимо, это явилось результатом сознательной политики капитула, предпочитавшего наличные деньги и не заинтересованного в развитии фольварочного хозяйства.

В 1690 г. составлен новый тариф подымного Минского повета, который дошел до нас благодаря копии, вписанной в актовую книгу Минского земского суда. В нем, однако, понятие *дым* утратило свой первоначальный смысл. Теперь оно означало не реальный крестьянский двор, а некую условную единицу обложения, включавшую несколько дворов. Об этом свидетельствует тот факт, что в тарифе регулярно встречаются дробные величины — 1/2 и даже 1/4 дыма. Тем не менее указанный источник дает некоторое представление хотя бы об относительной численности подданных. Согласно ему, в Великом и Малом Кореневместе было 9 дымов, в Прудках — 2, в плебании Кореньского костела — 1. Для сравнения, в Великих и Малых Ганевичах вместе значится 5 дымов⁵⁰⁶. С учетом данных вышеприведенных инвентарей можно предполагать, что *дым* данного тарифа соответствует примерно 4 дворам (этим можно объяснить и величины в 1/4 или 3/4 дыма, встречаемые в тарифе). В таком случае общее количество подданных имения Корень на 1690 г. можно оценить примерно в 48 дворов. Если эти предположения верны, то спустя 30 лет после окончания военных действий население Кореньщины не достигло и половины довоенного уровня.

В том же 1690 г. каноник Ян Николай Згерский, имеющий в своей *диспозиции* престимонии Великий Корень, Малый Корень и Прудки, отдал их в трехлетнюю аренду за 2400 злотых (с выплатой 800 злотых ежегодно) плебану Кореньского костела ксендзу Петру Щеглейскому. В составленном по этому случаю акте упоминается намерение плебана за свой счет основать в Прудках водяную мельницу на реке Лавнице, стоимость которой должна быть учтена при окончательном расчете за аренду⁵⁰⁷. Это свидетельствует о некотором, хотя и весьма скромном оживлении хозяйственной активности.

⁵⁰² Козловский П. Г. Крестьяне Белоруссии во второй половине XVII—XVIII в. (по материалам магнатских вотчин) — Мн., 1969. С. 80–81, 189–191.

⁵⁰³ Киткурка И. Ф. Дзяржаўныя ўладанні на землях Беларусі ў другой палове XVII – XVIII стст.: палітыка гаспадарчага аднаўлення і развіцця. — Гродна, 2003. С. 142–144.

⁵⁰⁴ Голубеў В. Ф. Сялянскае землеўладанне і землекарыстанне на Беларусі XVI–XVIII стст.; Гісторыя сялянства Беларусі са старажытных часоў да нашых дзён. Т. 1. С. 150.

⁵⁰⁵ Гісторыя сялянства Беларусі са старажытных часоў да нашых дзён. Т. 1. С. 153.

⁵⁰⁶ НИАБ. Ф. 1769. Оп. 1. Ед. хр. 144. Л. 38.

⁵⁰⁷ ОРБАНЛ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 10740.

Запустение капитульных имений не было преодолено и в начале следующего XVIII в., о чем свидетельствуют три инвентаря престимония Великие Ганевичи — за 1694, 1708 и 1711 гг. В первом из них количество подданных, проживавших в селе Ганевичи, измеряется 10 дворами, во втором — 9, в третьем их осталось всего 6⁵⁰⁸. Очевидно, убыль населения вызвана последствиями новых военных действий — во время Северной войны, когда территория Беларуси стала ареной борьбы между Швецией и Россией. Летом 1708 г. армия шведского короля Карла XII прошла через центральную Беларусь с запада на восток. Корпус генерала Шпара, двигавшийся из Радошкович на Логойск и Борисов, должен был пройти через территорию Кореньщины или в непосредственной близости от нее. Продвижения войск сопровождалось массовыми реквизициями хлеба и фуража. В письме Петру I командующий русской армией князь Меншиков упоминал, что шведы подвергают крестьян пыткам, требуя показать ямы, где спрятан хлеб⁵⁰⁹. После поражения Карла XII под Полтавой в 1709 г. на эту территорию пришли уже русские войска. Война сопровождалась эпидемией, вспышки которой фиксируются с 1708 по 1711 г., а кое-где — до 1717 г.⁵¹⁰

Смутные воспоминания о событиях Северной войны сохранились в памяти обитателей Кореньщины вплоть до начала XX в., когда они были зафиксированы Адамом Варлыгой. В них отразилось равно враждебное восприятие обеих чужеземных армий — как шведской, так и российской: *Со времени шведской войны довелось слышать такой народный пересказ. Те люди, которым посчастливилось убежать из деревень, сидели в лесах. Придут чужаки в деревню, а там нет никого. Тогда чужак лезет на азыроды (решетчатая конструкция из столбов и жердей для сушки сена. — В. Н.) и кричит: «Гануля, Авдуля, Грипина, Марина, Ульяна, Татьяна - идите домой! Уже шведы поехали!» После такого призыва одна женщина прибежала из лесу домой, а тут в хате солдат-чужак — москаль. Он набил кур и приказал ей варить, сам же сел с ружьем на пороге и сторожит, чтобы она не убежала. Сидя так, москаль задремал, а баба нагрела саган кипятку и плеснула ему на голову, так что он и покатился с порога. Женщина же тогда в двери и скорей побежала в лес⁵¹¹.*

Следующий тариф подымного за 1722 г. не дает оснований говорить о существенном росте населения. На этот раз в обоих Коренях и Прудках вместе значится 9 дымов, еще 1 — в плебании Кореньского костела⁵¹². Всего, таким образом, в имении было 10 дымов. Количество дымов в обоих Ганевичах не изменилось — их осталось 5. Если исходить из того, что в этом тарифе дым также соответствовал 4 дворам, то в имении Корень было около 40 дворов. Но не исключено, что количество дымов окончательно утратило прямую связь с реальным числом крестьянских дворов, превратившись в чисто условную единицу обложения. Во всяком случае в записи актовой книги капитула от 13 мая 1737 г.⁵¹³ говорится, что *согласно давним тарифам и обычаям* денежные выплаты с Великого, Малого Кореня и Прудков осуществляются из расчета 10 дымов, при этом престимоний Великий Корень приравнивается к 4 дымам, Малый Корень и Прудки — к 3 дымам каждый, Великие и Малы Ганевичи — по 4 дыма. Это упоминание появилось вследствие того, что администраторы Ганевич ошибочно выплатили налог за лишний дым. Таким образом, при определении количества дымов и соответственно ставки налога в расчет принималась не численность наличного населения, а своего рода «исторический прецедент».

Можно предполагать, что восстановление хозяйственного уклада стало ощутимым примерно в 1730-е гг. Об этом косвенно свидетельствует строительство нового костела в Корене, которое удалось осуществить именно в эти годы. Прежний деревянный костел, построенный в 1576 г., обветшал уже к началу XVIII в. Впервые вопрос о возведении нового здания обсуждался капитулом 14 мая 1715 г. Но в течение последующих 20 лет никакие конкретные действия, видимо, не предпринимались. 4 ноября 1735 г. принято решение строить в Корене новый костел, причем строевой лес для него предписывалось заготовить подданным имений Корень и Ганевичи. Такое же решение последовало затем и 15 мая 1736 г.⁵¹⁴ Специальная комиссия капитула в своем акте о состоянии Кореньского прихода от 28 августа того же года указывала на обветшалость здания костела. Упоминалось также, что на землях, выделенных плебании в 1605 г., постоянных подданных нет, хотя плебан использовал (надо полагать — сдавал в аренду) пустоши и сеножати. В этой связи вновь предлагалось поселить 4 подданных в застенке Нарбутово. В заключение комиссия констатировала, что проблема материального обеспечения плебании так и остается нерешенной⁵¹⁵.

⁵⁰⁸ ОРБАНЛ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 8591, 8597.

⁵⁰⁹ Гісторыя сялянства Беларусі са старажытных часоў да нашых дзён. Т. 1. С. 141.

⁵¹⁰ Гісторыя сялянства Беларусі са старажытных часоў да нашых дзён. Т. 1. С. 141.

⁵¹¹ Варлыга А. Карэншчына // Літаратура і мастацтва. № 14. 8 красавіка 1994.

⁵¹² НИАБ. Ф. 1769. Оп. 1. Ед. хр. 144. Л. 53.

⁵¹³ ОРБАНЛ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 233. Л. 357 — 360.

⁵¹⁴ ОРБАНЛ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 229. Р. 154; Ед. хр. 233. Р. 196, 225. См. также: Kurczewski J. Kosciół zamkowy czyli Katedra Wileńska w jej dziejowym, liturgicznym, architektonicznym i ekonomicznym rozwoju. Cz. 3. S. 219, 311, 312.

⁵¹⁵ ОРБАНЛ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 10741.

Только в мае 1737 г. ксендз Антоний Домброва сообщил в капитул о начале работ по строительству костела. При этом он отметил, что в старом здании при сильном ветре уже небезопасно совершать службу⁵¹⁶. Новый костел, видимо, еще не начал функционировать, когда весной 1739 г. старый сгорел вместе со всей утварью. В связи с этим капитулу пришлось срочно разыскивать утварь для продолжения службы⁵¹⁷. Таким образом, первый костел просуществовал 163 года. Вновь возведенное здание костела, судя по его упоминанию в инвентаре 1740 г., в это время уже было освящено.

Влияние католицизма в государственной идеологии в тот период несомненно было господствующим, но вряд ли он глубоко проникал в народную среду. Два отрывочных свидетельства позволяют судить об этом. При визитации нового костела в 1742 г. отмечалось, что из подданных престимониев Великий, Малый Корень и Прудки некоторые называют себя католиками, некоторые — *русскими*, но все крестят детей в Кореньском костеле, там же исповедуются и confirмируются, а посты и церковные праздники соблюдают по русским канонам. Узнав об этом, проводивший ревизию каноник Ян Быхович распорядился, чтобы впредь посты и праздники соответствовали католическому календарю. Заодно был установлен штраф в размере *шостака битого* за непосещение костела⁵¹⁸.

Речь идет о несовпадении церковного календаря, применявшегося католической и православной церковью, которое возникло в 1582 г., когда летосчисление в Великом Княжестве Литовском перевели на григорианский стиль. Православная церковь тогда отвергла эту реформу, из-за чего даже начались народные волнения. В результате православные, а затем и перешедшие в унию подданные Княжества получили позволение в религиозной жизни придерживаться юлианского календаря. Жители Кореньщины в те же годы стали прихожанами католического костела, но умудрились, похоже, сохранить юлианский календарь до середины XVIII в. Вероятно, это явилось следствием их желания синхронизировать свои церковные праздники с таковыми в соседних деревнях, жители которых исповедовали в основном униатство.

Еще один документ представляет собой записку без подписи, адресата и даты, но его можно примерно датировать по другой записке на обороте, датированной 9 октября 1789 г. Автор записки (очевидно, один из членов капитула) ссылается на донесение каноника Пузыны о низкой осведомленности в вопросах веры *в престимониях наших Кореньских*. В связи с этим автор выражает надежду, что неизвестный адресат, завершив свою миссию в местечке Илии, заедет в Корень и *тех протачков научить пожелает*⁵¹⁹. Если так обстояло дело в конце XVIII в., можно себе представить, что было раньше.

По этим причинам традиционное сельское общество Беларуси оказалось совершенно не затронутым кардинальной трансформацией мировоззрения, произошедшей в эпоху Реформации и контрреформации (во второй половине XVI — первой половине XVII в.) в Западной Европе. А. Я. Гуревич в свое время сделал очень хороший обзор исследований, в которых освещается этот процесс⁵²⁰. В тот период произошла, по определению Ж. Делюмо, *спиритуализация* (одухотворение) веры, в результате чего западное христианство приобрело те черты, с которыми ассоциируется сегодня⁵²¹. И протестантизм, и католицизм, обновленные решениями Тридентского собора, преобразовали то чувство тревоги, которое составляло неперемный эмоциональный фон Средневековья, переместив его источник из окружающей среды в душу индивида. Одной из превалирующих черт религиозной жизни в указанный период Ж. Делюмо считает воспитание мысли о виновности грешника и, следовательно, его личной ответственности за все происходящее с ним. Для православного восприятия эта идея тоже была не чужда — формулировка *по грехам нашим* стереотипно предваряет описания бедствий в русских летописях. Но на Западе в этот период она впервые глубоко проникает в массовое сознание. При таком взгляде не остается места для магии: если беда является возмездием за твой собственный поступок или помысел, бесполезно страховаться от нее оберегами и заклинаниями. И наоборот, даже дьявол может причинить вред человеческой душе лишь в том случае, когда человек сам позволит ему это.

Характерным проявлением происходившей трансформации сознания стала эпидемия охоты на ведьм, охватившая в то время Западную Европу. Любое проявление паранормальных способностей трактовалось Церковью как могущество, полученное из рук Сатаны, а значит, с прямого согласия субъекта. Смертью карался не тот ущерб, который колдун или ведьма могли причинить другим, а преступление перед своей духовной сущностью. Массовый психоз, охвативший широкие слои населения, был неожиданным для духовенства побочным эффектом — результатом бессознательных попыток вновь спроецировать экзистенциальную тревогу вовне. Во многих случаях крестьяне охотно включались в игру по выявлению ведьм

⁵¹⁶ ОРБАНЛ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 10742.

⁵¹⁷ ОРБАНЛ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 234. Р. 7. См. также: *Kurczewski J. Kosciół zamkowy czyli Katedra Wileńska w jej dziejowym, liturgicznym, architektonicznym i ekonomicznym rozwoju. Cz. 3. S. 315.*

⁵¹⁸ НИАБ. Ф. 147. Оп. 2. Ед. хр. 121. Л. 82.

⁵¹⁹ ОРБАНЛ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 10746.

⁵²⁰ История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 3. С. 492–516.

⁵²¹ *Delumeau J. Le catholicisme entre Luther et Voltair. — Paris, 1971; Он же. Au sujet de le déchristianisation // Revue d'histoire moderne et contemporaine. Т. 23. 1975; Он же. Le péché et la peur: La culpabilisation en Occident (XIIIe – XVIIIe siècles). — Paris, 1983.*

и даже требовали новых процессов, невзирая на то что все расходы оплачивались самой общиной. А. Макфэрлен, исследовавший судебные протоколы графства Эссекс в Англии, пришел к выводу, что гонения на ведьм сопровождали переход от общества, основанного на тесных соседских связях и интеграции индивида в коллектив, к обществу более индивидуалистическому⁵²². По мнению П. Шоню, женщины становились основными жертвами обвинений, поскольку они были главными хранительницами и передатчицами ценностей устной архаической культуры, сопротивлявшейся аккультурации⁵²³. Прекращение охоты на ведьм Р. Мюшембле объясняет тем, что от традиционной народной культуры, на почве которой и произрастала вера в ведовство, ко второй половине XVII в. почти ничего не осталось⁵²⁴. Добавим — прекращение психической эпидемии стало возможным и потому, что общество адаптировалась к новой системе нравственных ориентиров, в которой главной стала личная ответственность индивида перед Богом.

На территории Великого Княжества Литовского казни ведьм тоже имели место, но носили эпизодический характер и не сопровождалась психической эпидемией. Зато и затянулись они до второй половины XVIII в., и лишь сеймовая конституция 1776 г. отменила уголовную ответственность за чародейство⁵²⁵. Довольно яркий пример приводит в третьем томе своей работы «Поэтические воззрения славян на природу» А. Н. Афанасьев. Он цитирует письмо управляющего одного из имений графа Тышкевича (возможно, речь идет о Логойске), которое датируется серединой XVIII в.: *Ясновельможный пан! С возвращающимися крестьянами доношу, что с вашего позволения сжег я шесть чаровниц: три сознались, а остальные — нет. Две из них престарелые, третья тоже лет пятидесяти, да к тому же одиннадцать дне они все просидели у меня под чаном, так, верно, и других заколдовали. Вот и теперь господская рожь в двух местах заломана. Я собираю теперь с десяти костелов святую воду и буду на ней варить кисель: говорят, непременно все колдуны прибегут просить киселя; тогда еще будет мне работа! Вот и г. Эпернетти, по нашему примеру, сжег женичину и мужчину⁵²⁶*. Эти события, судя по всему, были вызваны личной инициативой не совсем здорового психически человека, а отнюдь не массовой кампанией со стороны Церкви.

⁵²² Macfarlane A. Witchcraft in Tudor and Stuart England: A regional and comparative study. — N. Y., 1970.

⁵²³ Chaunu P. Sur la fin des sorcières au XVIIe siècle. — Annales: ESC, 1969. N. 4. P. 906.

⁵²⁴ Muchembled R. Culture populaire et culture des élites dans la France moderne (XVe – XVIIIe siècles): Essai. — Paris, 1978.

⁵²⁵ Марзалюк І. А. Людзі даўняй Беларусі: Этнаканфесійныя і сацыякультурныя стэрэатыпы (X–XVII стст). — Магілёў, 2002. С. 208–216.

⁵²⁶ Цитируется по: Богданович А. Е. Пережитки древнего мирозерцания у белорусов: Этнограф. очерк. — Гродно, 1895. С. 148.

Часть третья
Традиционные структуры

Крепостное право и обновление популяции

Источники XVIII в. позволяют оценить степень подвижности населения Кореньщины. На протяжении нескольких десятилетий собственникам имения Корень пришлось вести тяжбу по поводу выдачи крестьянской семьи, поселившейся в их владениях. Эта история началась с побега, совершенного подданным фольварка Гребень в Ошмянском повете Титом Крупским, который в 1680-е гг. после смерти своих родителей покинул это имение и нашел приют в деревне Прудки. Там он женился и завел свое хозяйство. Собственник Гребеня Антоний Ян Стабровский обратился к владельцу Прудков канонику Згерскому с требованием вернуть беглеца. Тот предложил взамен выплатить 250 злотых отступного. Стабровский согласился на эти условия, о чем оговорил специально при продаже Гребеня пану Петру Каролу Сабине 8 ноября 1689 г.⁵²⁷ Однако примерно через 30 лет сын пана Сабина Юзеф неожиданно предъявил претензии на трех сыновей уже покойного Тита, с тех пор проживавших в Прудках, — Казимира, Николая и Томаша. Примерно в начале 1720-х гг. братья Крупские обратились к капитулу с просьбой о защите. Они жаловались, что пан Сабина не дает им покоя, требуя вернуться в его владения, из-за чего они вынуждены прятаться у соседей⁵²⁸. Не вполне ясно, какую юридическую основу могли иметь под собой подобные притязания — учитывая как давность произошедшего побега и ранее достигнутое соглашение, так и то, что сыновья Тита родились уже на новом месте и никогда не были подданными прежнего владельца. Еще более удивительно, что эти притязания имели успех.

В январе 1725 г. шляхтич Антоний Горновский подрядился вернуть Юзефу Сабине его подданных (выступающих уже под фамилией Шеляжонки) за вознаграждение в 300 злотых, о чем был составлен соответствующий документ⁵²⁹. Вероятно, Горновский был большим мастером по ведению тяжбы. С полученными от Сабина документами, доказывающими права последнего на этих крестьян, Горновский обратился в высшую судебную инстанцию Великого Княжества Литовского — Главный трибунал, который 31 августа 1726 г. вынес решение в его пользу⁵³⁰. Каноники, однако, отказались выполнить это решение, за что на имение Прудки был наложен штраф в размере 3393 злотых. Впрочем, и судебных исполнителей, прибывших 5 мая 1727 г. взыскивать этот штраф, каноники с помощью слуг, войтов и крестьян не пустили в свое имение. Это вызвало увещание короля Августа II от 25 октября 1727 г. в адрес капитула⁵³¹, которое, похоже, также было проигнорировано. Горновский, так и не добившись выполнения судебного решения, 8 марта 1728 г. подал в трибунал новую жалобу⁵³². Конец этой истории фиксирует документ, датированный 26 августа 1738 г. (не исключено, что одна цифра в дате ошибочна, и речь идет о том же 1728 г.). В нем Горновский свидетельствует канонику Антонию Жолковскому, что наконец получил от него трех упомянутых крестьян — Казимира, Николая и Томаша Шеляжонков — *со всею рухомостью, конями, быдлом рогатым и нерогатым*, а также сумму в 345 злотых⁵³³.

История с выдачей потомков Тита Крупского могла бы служить доводом в пользу существования весьма жесткой лично-наследственной зависимости крестьян, распространявшейся даже на их возможных потомков. Но вопреки этому состав населения в имении Корень отнюдь не был постоянным, что можно установить путем сопоставления последовательных инвентарей и анализа метрических записей. Удастся проследить динамику персонального состава популяции Кореньщины на протяжении последнего полувека ее существования в составе Великого Княжества: с 1740 г. (в некоторых случаях — чуть ранее) и до начала 1790-х гг.

Ситуация несколько осложняется тем, что в некоторых случаях несомненные родственники фигурируют в источниках под разными фамилиями, а порой одно и то же лицо упоминается под несколькими фамилиями или прозвищами. В качестве примера можно привести жителя Прудков Алексея Шуляка. В документе 1737 г. он фигурирует вместе с братом Николаем (*Никлусом*), жившим в деревне Жирблевичи, а в инвентаре 1744 г. выступает как новоназначенный войт престимония Прудки. Тем не менее в инвентаре 1740 г. мы не находим Алексея Шуляка, а вместо него выступает Алексей Ковалевский с пятью сыновьями. Между тем его брат записан в Жирблевичах как Николай Шуляк. В дальнейшем оба они, а также их многочисленные потомки неоднократно упоминаются в метрических книгах 1760-х — 1780-х гг. то под фамилией Шуляк, то под фамилией Ковалевский.

⁵²⁷ ОРБАНЛ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 10751.

⁵²⁸ ОРБАНЛ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 10772.

⁵²⁹ ОРБАНЛ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 10754.

⁵³⁰ ОРБАНЛ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 10752.

⁵³¹ ОРБАНЛ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 10753.

⁵³² ОРБАНЛ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 10755.

⁵³³ ОРБАНЛ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 10757.

Такую же стойкую взаимозаменяемость обнаруживают фамилии Шаршун и Пустошило, распространенные в деревне Громница, а также Жукович и Шаповал — в деревне Жирблевичи. Трое других дворохозяев Громницы в инвентаре 1740 г. проходят под фамилией Войцелевич. Видимо, один из них упомянут чуть позднее в решении капитула по делу о войтовстве Юрия Лиса в 1744 г. как Стасько Войтюк, но это — единственные случаи употребления фамилии в такой форме. В инвентаре 1761 г. и во всех позднейших документах их потомки в деревне Громница выступают под фамилией Стасюлевич, которой я буду придерживаться в дальнейшем изложении.

В иных случаях употребление одним крестьянским родом разных фамилий или прозвищ также устанавливается с большей или меньшей долей предположительности. Так, в Михалковичах инвентарь 1740 г. упоминает двух дворохозяев под фамилией Носевич (Федора и Лаврина), а в еще одном дворе указан Максим Сатаневич с тремя сыновьями, старшим из которых был Степан. В следующем инвентаре 1747 г. Максим Сатаневич отсутствует, но фигурирует Степан Носевич. Очевидно, Максим умер между 1740 и 1747 гг., а унаследовавший хозяйство старший сын в дальнейшем пользовался фамилией Носевич. К сожалению, проверить это предположение невозможно, поскольку к моменту появления метрических книг в начале 1760-х гг. потомки Максима Сатаневича в престимонии Великий Корень уже отсутствовали. Что касается Федора Носевича и его сына Казимира, то они в метрических книгах эпизодически упоминаются под еще одной фамилией — Лосики. Другие случаи изменения фамилий будут оговариваться в тексте по мере необходимости.

Несмотря на многовариантность некоторых фамилий, имеющиеся источники при их перекрестном анализе позволяют идентифицировать практически все фамильные группы, упомянутые в инвентаре 1740 г., — их было 35, и еще 3 семьи указаны без фамилий, в качестве зятьев или примакнов. Фамилию одного из них (Себастьяна, зятя Николая Жолнеровича) установить не удалось, так как в иных документах он не упоминается. В двух других случаях фамилии таких зятьев относительно надежно реконструируются. Так, среди жителей Громницы в инвентаре 1761 г. фигурирует *вечистая* семья Воронко в составе пяти братьев, из которых лишь старший, Павел, был к тому времени женат. Такой состав семьи предполагает, что незадолго до того они лишились родителей. В 1740 г. указанная фамилия в деревне не упомянута, но в одном из дворов в качестве зятя Федора Шаршуна назван некий Григорий, имевший сына Павла. Весьма вероятно, что именно он был отцом пятерых братьев, носивших в инвентаре 1761 г. фамилию Воронко. Позднее данная фамилия также выходит из употребления, а члены этой семьи и их потомки упоминаются под другими фамилиями — Руцкий или Рудковский.

В другом случае инвентарь 1740 г. упоминает в одном хозяйстве деревни Михалковичи двух братьев Церахневичей, Корнея и Апанаса, у первого был зять Казимир. Вполне возможно, что с ним следует отождествлять Казимира Коренского, младшие дети которого рождались в названной деревне в 1760-е гг., а старшие к тому времени достигли брачного возраста (т. е. родились в начале 1740-х гг.). С учетом этих двух предположительных отождествлений общее число распознаваемых фамилий в инвентаре 1740 г. достигает 37, и одна из них остается неизвестной.

Многие фамилии встречались лишь в одном или двух дворах, но некоторые были распространены очень широко, представляя собой настоящие родовые кланы. При анализе их распространенности и динамики происходивших изменений возникает проблема выбора единицы учета. Отдельные фамилии даже в одном дворе были представлены двумя и более малыми семьями (например, женатые братья с детьми или отец и женатый сын), поэтому подсчет может быть проведен по разным критериям (число дворохозяев с одинаковой фамилией, количество нуклеарных семей или общее число лиц мужского пола, принадлежавших к данной фамилии). Результаты таких подсчетов сведены в таблицу 4.

Как видно из таблицы, распространенность некоторых фамилий (Лис, Жолнерович, Стасюлевич, Щербович, Колоша, Равина, Балцевич) явно свидетельствует о длительном обитании их носителей на одном месте. В деревне Чернево, например, фамилия Жолнерович представлена во всех пяти дворах. Напомним, что среди шести дворохозяев, отмеченных в первом инвентаре престимонии Великий Корень (около 1680 г.), двое носили именно эту фамилию. Не приходится сомневаться, что все упомянутые в 1740 г. Жолнеровичи являлись их прямыми потомками. То же относится и ко второй фамилии, названной в инвентаре около 1680 г., — Калуш (Колоша). В тот момент дворохозяев с такой фамилией было двое, к 1740 г. их число увеличилось до семи.

Вместе с тем есть надежные данные о том, что некоторые из указанных в инвентаре 1740 г. фамилий появились на Кореньщине сравнительно недавно. Это относится к двум из трех дворохозяев деревни Лищицы — Михаилу Высоцкому и Апанасу (в инвентаре — Тимоху) Корчашко, которые в более раннем документе 1736 г. фигурируют соответственно как зять основателя Лищиц Юрия Лиса и как *новик*. Можно полагать, что оба они осели на Кореньщине не ранее начала 1730-х гг. В

самом инвентаре 1740 г. про одного из жителей Кореня, Якуба Надольского, говорится, что он незадолго до того *пристал до вдовы* умершего дворохозяина — Щербовича.

Т а б л и ц а 4. Распространение фамилий в селениях Кореньщины на 1740 г.

№ п/п	Фамилия	Деревня	Количес тво дворо- хозяев	Количе ство семей	Количес тво мужчин
1	Балцевич	Терехи	5	7	18
2	Банцаревич	Корень	2	2	5
3	Башко	Прудки	1	1	3
4	Бубер	Корень	2	3	3
5	Булах	Громница, Терехи	2	4	5
6	Бычковский	Михалковичи	2	2	8
7	Вашкевич	Громница, Терехи	2	3	8
8	Воронко? (Руцкий)	Громница	0	1	2
9	Высоцкий	Лищицы	1	1	4
10	Гладкий	Михалковичи	1	1	4
11	Жолнерович	Чернево, Терехи	5	10	22
12	Жукович (Шаповал)	Жирблевичи	1	3	5
13	Кичин	Прудки	1	1	1
14	Клементович	Терехи	1	1	3
15	Колоша	Михалковичи, Чернево	7	8	23
16	Коренский?	Михалковичи	0	1	1
17	Корчашко	Лищицы	1	3	5
18	Кухаронок (Кухар)	Громница	1	3	3
19	Лешкевич	Жирблевичи	3	3	7
20	Лис	Прудки, Лищицы	13	16	33
21	Можальский (Мазальчик)	Прудки	1	2	4
22	Надольский	Корень	1	1	1
23	Неведомский	Громница	1	1	3
24	Носевич + Сатаневич	Михалковичи	3	3	8
25	Равина	Прудки, Жирблевичи, Михалковичи	5	7	22
26	Радкевич	Прудки	1	2	1
27	Стасюлевич (Войцелевич)	Громница	3	9	17
28	Тарлецкий	Михалковичи	1	2	5
29	Церахневич (Церахович)	Михалковичи	1	2	2
30	Цеханович	Жирблевичи	0	1	2
31	Цёрло	Михалковичи	1	1	3
32	Черепан	Прудки	1	1	2
33	Шаршун	Громница	1	2	5
34	Шуляк + Ковалевский	Жирблевичи, Прудки	2	3	10
35	Щербович	Корень	7	9	22
36	Юркевич	Корень	1	1	4
37	Ясинский	Терехи	1	1	3
38	Не указана	Чернево	0	1	1

В инвентаре престимония Малый Корень за 1761 г. часть крестьян упоминаются как *вечистые* (т. е. крепостные, исконные обитатели), а некоторые — как *захожие*. При этом *давно захожими* названы носители трех фамилий, упоминаемых в 1740 г. Один из них Юзеф Кухаронок из деревни Громница (его имя в инвентаре 1740 г. отсутствует, но он, видимо, состоял в каком-то родстве с упомянутыми в нем Бартоломеем Кухаром и его племянником Федором). Другим *давно зашлым* назван

житель Черехов Матей Вашкевич (он упомянут в качестве дворохозяина этой деревни в 1740 г.). Наконец, к той же категории крестьян отнесены в 1761 г. жители Жирблевич — Ефим Лешкевич и его братья (все они фигурируют в 1740 г. в качестве сыновей Матее Лешкевича). Вероятно, все три семьи обосновались в престимонии Малый Корень незадолго до 1740 г., причем память об их пришлое происхождении сохранилась более двадцати лет спустя. Отмечу, что фамилия Кухаронок в эти годы фиксируется по метрическим книгам в деревне Бесяды соседнего Гайненского прихода⁵³⁴, а фамилия Лешкевич — в имении Укроповичи Кореньского прихода. Фамилия Вашкевич в более позднее время часто встречалась в деревне Стайки, относившейся к Гайненскому униатскому (позднее — православному) приходу. Но, поскольку униатские метрические книги за середину XVIII в. не сохранились, утверждать о проживании уже тогда Вашкевичей в этой местности с полной уверенностью нельзя.

Можно допускать, что и *зять Казимир* (предположительно — Коренский), поселившийся в хозяйстве Корнея Церахневича в Михалковичах за несколько лет до 1740 г., прибыл извне. Похожая фамилия — Корженевский — зафиксирована в 1745 г. в метрических записях соседнего Хотаевичского костела⁵³⁵. Очевидно также пришлое происхождение семьи Черепан, чья фамилия представлена всего в одном дворе деревни Прудки (там жили неженатые братья Гришко и Матей Черепаны, видимо, сыновья недавно умершего крестьянина), тогда как в соседнем имении Эйнарловичи, относившемся к Гайненскому приходу, она была довольно распространенной⁵³⁶. Вероятно, один из носителей этой фамилии (отец указанных братьев?) не позднее 1730-х гг. переселился оттуда.

Инвентари 1740-х гг., близко отстоящие друг от друга по времени, позволяют более-менее точно датировать исчезновение некоторых семей. В принадлежавшем плембании селе Корень из 13 крестьян-дворохозяев, упомянутых в 1740 г., следующий инвентарь за 1742 г. упоминает всего 10, причем два из их хозяйств тоже фактически запустели. О жителях одного из них (Матее Банцеревице с женой и маленьким сыном) сказано, что все они вымерли. В другом дворе дети поумирали, а хозяин (Кондрат Юркевич) бежал, так что осталась лишь его жена. О судьбе трех хозяев (Якуба Надольского, Гаврилы Бубера и Якуба Щербовича) ничего не известно, кроме того, что они исчезли в коротком промежутке с 1740 по 1742 г.

В деревнях Прудки и Лищицы престимония Прудки из 24 хозяйств, указанных в инвентаре 1740 г., два тоже отсутствуют уже в следующем инвентаре (около 1744 г.). Как и в предыдущем случае, нет данных о том, что послужило причиной их исчезновения — смерть дворохозяев (Андрея Башко и Ильюка Кичина) или их уход из имения.

В деревнях Михалковичи и Чернево, составлявших престимоний Великий Корень, за время между инвентарями 1740 и 1747 гг. состав подданных также слегка изменился. В Михалковичах исчезло хозяйство Самуэля Колоши, имевшего в 1740 г. сына и четырех дочерей. Возможно, он и его сын умерли за это время, но нельзя исключать и того, что он покинул имение. В Черневе также не упоминается Петр Жолнерович, ранее имевший троих сыновей и ведший совместное хозяйство с двумя женатыми братьями (в 1747 г. главой хозяйства выступает его брат Криштоф). Впрочем, в этом случае наиболее вероятным представляется, что Петр умер за время между двумя инвентарями, хотя его убийство также нельзя исключить.

Таким образом, среди 123 малых семей, представленных в 82 хозяйствах Кореньщины в 1740 г., примерно 8 (если считать предположительно пришлыми Коренского и Черепана) появились незадолго до того, а не менее 9 вымерли или покинули имение в течение нескольких последующих лет. Пропорция новоприбывших (6,5%) примерно соответствует пропорции *похожих* людей, подсчитанной М. Ф. Спиридоновым по инвентарям последней трети XVI в. Это позволяет утверждать, что данная социальная прослойка за полтора столетия не уменьшилась.

Дальнейшие изменения в составе кореньской популяции на протяжении конца 1740-х — 1750-х гг. приходится на лагуну в источниках, но их можно в той или иной мере реконструировать на основании инвентаря Малого Кореня за 1761 г., метрических записей (дошедших до нас с начала 1760-х гг.) и более поздних инвентарей других престимониев. За указанный период на территорию Кореньщины переселились не менее 18 новых семей. В Громнице появились 2 новые фамилии (Гилевский и Гусаковский), в Жирблевичах — 2 (Мазур и Рашкевич), в Прудках — 3 (Ловцевич, Шваб и Юшкевич), в Лищицах — 6 (Богатыревич, Греский, Жуковский, Павлович, Шейпа и Хвастович), в Черневе — 3 (Борейко, Подольский и Саврицкий), в Михалковичах — 1 (Михальский) и в Корене — 1 (Лемеш). Есть основания полагать, что четверо или пятеро из новоприбывших подселились в существовавшие до того хозяйства в качестве *примаков* путем брака с вдовами или дочерьми

⁵³⁴ НИАБ. Ф. 937. Оп. 4. Ед. хр. 28.

⁵³⁵ НИАБ. Ф. 937. Оп. 4. Ед. хр. 58. Л. 165 об.

⁵³⁶ Эта фамилия неоднократно упоминается в метрических записях Гайненского костела начиная уже с 1710-х гг., причем некоторые из Черепанов названы *греко-униатами*: НИАБ. Ф. 937. Оп. 4. Ед. хр. 28.

дворохозяев. Остальные образовали собственные домохозяйства. Некоторые из них переселялись целыми семьями, а иногда и группами семей.

Так, Андрей Гусаковский выступает в инвентаре 1761 г. как *примак* одного из коренных жителей Громницы, Петра Стасюлевича. *Примаками* же названы и три сына Андрея, родившиеся (судя по обстоятельствам их позднейших упоминаний в метрических книгах) в 1750-е гг. Это позволяет предполагать, что термин *примак* в данном случае употреблен не в смысле «зять, поселившийся в семье тестя», а в другом значении, которому соответствуют столь же традиционные термины *издольник*, *участник* или *потужник*. Они обозначали постороннего человека (хотя это мог быть и родственник), жившего и работавшего совместно с семьей основного дворохозяина. Семья Андрея Гусаковского появилась в имении, вероятно, незадолго до этого. Отметим, что в метрических записях Гайненского и Хотаевичского костелов в это время неоднократно упоминаются Гусаковские, но с пометкой *MD* (сокращение от латинского выражения *Magnificus Dominus*, которым обозначались обычно представители мелкой шляхты). В то же время Гусаковские на территории имения Корень, как и другие его подданные, указываются с пометкой *L* (*Laboris*, крестьянин). Видимо, это разные роды, хотя в принципе нельзя исключать разделение одного рода на крестьянскую и шляхетскую ветви.

В деревне Жирблевичи тот же инвентарь 1761 г. фиксирует в доме *вечистого* Ивана Жуковича его зятя — *захожего* Сымона Мазура. Он явно незадолго до того подселился в существовавшее хозяйство путем брака на дочери его главы.

С другой стороны, пришлый род Жуковских⁵³⁷ успел сильно размножиться в деревне Лищицы: в инвентаре 1774 г. три его представителя (Матей, Иосиф и Франц) выступают самостоятельными домохозяевами, а Адам Жуковский — *кутником*, т. е. последний не имел собственного дома (при этом он владел полевым наделом в четверть волоки *пустовской* земли). В инвентаре 1778 г. все они указаны как *захожие*. Скорее всего четверо Жуковских были братьями — сыновьями крестьянина, обосновавшегося в Лищицах во второй половине 1740-х — 1750-х гг. и умершего задолго до составления указанных инвентарей. Возможно, это был Иосиф Жуковский. Запись о его смерти, датированная ноябрем 1763 г., фигурирует одной из первых среди сохранившихся.

Еще одна пришлая семья в Лищицах, носившая фамилию Шейпа, также успела разделиться не позднее 1760-х гг., хотя в инвентарях 1774 и 1778 гг. выступает всего один ее представитель — Савка Шейпа (при этом в первый раз он явно ошибочно назван *вечистым*, а во второй раз правильно — *захожим*). Помимо него с первых же метрических записей упоминается Фадей Шейпа, который умер в мае 1770 г. в возрасте около 45 лет, после чего его вдова, вероятно, повторно вышла за подданного престимония Великий Корень Матей Жолнеровича и вместе с четырьмя сыновьями переселилась в его дом (дальнейшая судьба этих повзрослевших сыновей в 1780-е гг. прослеживается по инвентарям и метрическим записям деревни Чернево). Кроме того, в 1764 г. в Лищицах зафиксировано рождение сына у Мартина Шейпы, а в 1769 г. в качестве крестного отца выступает Марко Шейпа. Возможно, это было одно и то же лицо (случаи искажения имен в метрических книгах достаточно часты). Марко Шейпа умер в Лищицах в апреле 1785 г. в возрасте около 50 лет. В дальнейшем в инвентаре 1787 г. и ревизских сказках названной деревни фигурируют его сыновья Франтишек (Франц) и Бенедикт, родившиеся примерно во второй половине 1750-х гг. Все это указывает на то, что его семья прочно обосновалась в Лищицах и, видимо, жила там столь же постоянно, как и семья его родственника (брата?) Савки. Почему инвентари 1774 и 1778 гг. совершенно не упоминают данную семью — остается загадкой. Сказанное выше позволяет предположить, что домохозяйство в составе Савки, Фадея и Марка Шейпов (а возможно, и их отца) обосновалось в Лищицах примерно в одно время с семьей Жуковских. Вероятно, во второй половине 1760-х гг. братья Шейпы уже имели отдельные хозяйства.

Параллельно с появлением новых семей шел обратный процесс — исчезновение прежних. Помимо 9 упомянутых выше семей, исчезновение которых датируется началом 1740-х гг., за последующие 20 лет (до появления регулярных метрических записей) исчезли не менее 23 семей. Трудно сказать, сколько из них попросту вымерли за это время, не оставив мужских потомков. Тем не менее можно полагать, что некоторые семьи переселились в другие имения.

С начала 1760-х гг. по начало 1790-х появление пришлых людей в имении Корень фиксируется достаточно надежно, главным образом благодаря метрическим книгам. За эти примерно 30 лет появились около 50 новых семейств. В одном случае пришлое происхождение семьи можно предполагать, но не утверждать наверняка: в деревне Жирблевичи с 1763 г. регулярно упоминается семья Петра Войцеховича, еще отсутствующая в инвентаре 1761 г. Эта фамилия созвучна фамилии Войцелевич, под которой в инвентаре 1740 г. упоминаются три крестьянские семьи из Громницы, в 1761 г. и позднее известные уже как

⁵³⁷ По всей видимости, этот род не имеет ничего общего с семьей, известной в Жирблевичах с 1740 г. и носившей схожую фамилию — Жукович (как вариант — Шаповал). В дальнейшем фамилия Жуковские закрепилась за представителями обоих родов, но изначально они явно имели разное происхождение.

Стасюлевичи. Был ли Петр Войцехович сыном одного из них или прибыл извне — наверняка сказать невозможно. В любом случае он поселился в Жирблевичах вскоре после 1761 г. и прожил там около 15 лет. Чуть позднее этот же крестьянин, похоже, упоминается под фамилиями Ерошевич, Юрша или Юрашевский. Это, видимо, связано с его переездом около 1775 г. в новооснованный застенек Юрши престимония Великий Корень, жителем которого Петр Юрашевский выступает в последующих инвентарях.

Помимо этой семьи на территории Кореньщины в 1760-е гг. появились 17 новых поселенцев: семья Стаськи Шульговича (около 1762 г. в Жирблевичах, затем в новооснованном застенке Городец), Николай Петрище (около 1763 г. в Черехах), Матей Единович (около 1764 г. в Лищицах, затем в застенке Юрши), Михаил Лесюкевич (с 1764 г. в Черехах), Антон Гусаковский (с 1764 г. в Громнице, вероятнее всего, родственник поселившегося там ранее Андрея Гусаковского), Франц и Пахом Азаровы (около 1765 г. в Черневе), Михаил Буйко (с 1765 г. в Черневе, возможно, в качестве зятя; эта фамилия с начала 1760-х гг. фиксируется также в соседних имениях Лозки и Путилово, где жили несколько ее носителей), Семен Соколовский (с 1766 г. в Михалковичах), Юрий Бортко или Борткевич (с 1767 г. упоминается в Жирблевичах, в конце 1770-х — в Лищицах, где в это же время фигурирует его вероятный брат Апанас Борткевич), Семен Третьяк (с 1767 г. в Прудках), Петр Новицкий (в 1768 г. на очень короткое время в застенке Нарбутово), сразу несколько членов семьи Манко, позднее упоминаемых под фамилией Арендаревич (с 1768 г. в Корене), Янко Станкевич (с 1768 г. в Михалковичах, причем в инвентаре 1786 г. он выступает как кутник), Петр Томецкий (с 1768 г. в Жирблевичах), семья Зеялиных и Андрей Заянковский (около 1769 г. в Михалковичах), Иосиф Филипович (с 1769 г. в Корене). При этом двое Азаровых после 1768 г. исчезают со страниц метрических книг — вероятно, они снова убыли из имения. Кроме того, за эти же годы исчезли примерно 6 семей старожилов, о кончине которых нет записей в метрических книгах. Возможно, смерти некоторых из них попросту не зарегистрированы (ведение метрических книг в те годы было еще далеко не идеальным), но кое-кто мог покинуть имение.

В течение 1770-х гг. число обитателей Кореньщины пополнили 12 новых семейств: Ян Цеханович, Николай Кеминковский и три брата Фальковских (примерно с 1770 г. в Михалковичах), Николай Кушлевич (с 1770 г. в Жирблевичах), Леон Саврицкий (с 1771 г. в Черневе), Антоний Долинский (с 1771 г. в Михалковичах), Онуфрий Соколинский (с 1773 г. в Черневе), Иосиф Пахилко (с 1773 г. в Прудках), Ян Гусаковский с братьями (с 1774 г. в Корене), Юрий Микульский (с 1774 г. в Лищицах), Василь и Константин Борейко или Бурные (с 1776 г. в Михалковичах), Илья Квятковский (с 1778 г. в Нарбутово). Среди них Николай Кеминковский, Антоний Долинский, Юрий Микульский женились на вдовах прежних дворохозяев, а Илья Квятковский — на вдове жителя Чернева. За это же десятилетие 11 семей исчезли при отсутствии записей о смерти их главы. Из них 6 были пришлыми семьями, появившимися в предыдущие годы (Борткевич, Греский, Лесюкевич, Мазур, Микульский, Подольский), остальные — из числа старожилов.

В 1780-е гг. добавились еще 16 семей: Федор Бортко (возможно, родственник вышеупомянутых Борткевичей; в 1780 г. обосновался в Прудках, женившись на вдове), Василь Троцевский (в 1780 г. подселился в Лищицы, также женившись на вдове), Максим Орловский и Ян Турчинович (с 1780 г. упоминаются в Михалковичах, причем Орловский женился на вдове), Ян Петковский (с 1781 г. в Корене), Михаил Белостоцкий (с 1781 г. в Черневе), Николай Мазуркевич (с 1782 г. в Михалковичах, в 1786 г. упоминается как кутник), Франц Яцкевич (с 1782 г. в Черневе), Казимир и Томаш Заянковские (с 1785 г. в Громнице), Давид Мошницкий, Ян Хотько и Андрей Лопата (с 1786 г. в Михалковичах, причем Мошницкий подселился в качестве зятя в семью старожила, а Лопата в этом же году упоминается как кутник), Иосиф Тумаш (с 1788 г. в Михалковичах), Андрей Сивицкий (с 1789 г. в Прудках, женился на вдове), Сымон Тарасевский, Ян и Ефим Морозы (с 1789 г. в Корене, ранее фамилия Мороз широко распространена в деревне Слобода соседнего имения Эйнарровичи). За эти годы исчезли 36 семей, в том числе 12 пришлых (Борейко, Бортко, Лопата, Пахилко, Петковский, Сивицкий, Тумаш, Турчинович, Филипович, две семьи Хвастовичей, одна семья Цехановичей) и 24 местные. Исчезновение какой-то части из них можно объяснить пропусками в регистрации смертей, но явно имел место и значительный отток населения. Некоторые новоприбывшие исчезают уже через год-другой после своего появления.

В начале 1790-х гг. (до конфискации имения российскими властями в 1794 г.) появились лишь два новых переселенца — Андрей Казаковский и Павел Мышковский, причем оба в Корене, и оба вскоре исчезают. Первый из них упоминается всего однажды — в январе 1790 г. в Корене родилась его дочь. За эти же годы резко усилился отток населения из имения: помимо вышеупомянутого Казаковского на протяжении 1792–1794 гг. исчезают сразу 18 семей, из которых 7 были недавно прибывшими (Квятковский, Мазуркевич, Мышковский, три обособившиеся семьи Фальковских, Цеханович). Это, возможно, объясняется военными действиями между российскими войсками и шляхетским ополчением Речи Посполитой,

происходившими в 1792 г. и предопределившими второй раздел Речи Посполитой, а также наступившим затем безвластием, когда Виленский капитул лишился реального контроля над своим имением, а новый владелец еще не появился.

Сопоставление данных о дворах, зафиксированных в ревизии 1795 г., с метрическими записями и сведениями инвентарей позволяет достаточно уверенно утверждать, что к 1793 г. на территории Кореньщины насчитывалось примерно 160 дворохозяев, из них 112 являлись потомками местных уроженцев, упомянутых в инвентаре 1740 г., а 48 прибыли извне либо были потомками недавних переселенцев. Другими словами, за полвека обновилось около 30% популяции. Многим удалось закрепиться на новом месте и образовать устойчивые хозяйства, просуществовавшие затем не менее столетия. Но некоторые не были столь удачливы и продолжали поиски счастья на новом месте. К ним за это время присоединились и многие коренные жители — вероятно, бежавшие или переманенные в другие имения.

Сводка миграционной активности отражена в таблице 5. Вероятно, часть исчезнувших семей просто вымерла, что не всегда получало отражение в метрических книгах, но в целом динамика убытия была не меньшей, если не большей, чем появление пришлых людей.

Т а б л и ц а 5. Прибытие и убытие семей на территории Кореньщины в XVIII в.

Период	Главы семей	
	Прибыли	Убыли / исчезли
1730-е — начало 1740-х гг.	8	?
Конец 1740-х — 1750-е гг.	18	23
1760-е гг.	18	8
1770-е гг.	12	11
1780-е гг.	16	36
Начало 1790-х гг.	2	20
Всего	74	98

Эти цифры вынуждают несколько смягчить сделанный М. Ф. Спиридоновым вывод о том, что процесс закрепощения основной массы крестьянства Великого Княжества Литовского завершился к середине XVI в.⁵³⁸ О завершении этого процесса можно говорить только в формально-юридическом смысле. На практике нормы крепостной зависимости постоянно нарушались. Видимо, довольно близка к истине оценка мобильности белорусских крестьян, сделанная российскими властями в 1777 г. при описании территорий, приобретенных в результате первого раздела Речи Посполитой: *Крестьяне губернии Могилевской до присоединения к Российской империи земли не были настоящие хозяева в их жилищах, по причине вольного перехода из одного места в другое. Хотя то и по польским правам запрещалось, но ненаблюдаемое тогда правосудие к сему как им, так и принимающим их вновь владельцам было поводом, посему не помышляли они ни о домоводстве, ни о земледелии, и так что редко поселянин, живущий в деревне, имел свою землю*⁵³⁹.

Последнее заключение, конечно, преувеличено. Но оседлость некоторых переселенцев действительно была весьма относительной. Показательна в этом смысле история рода Шульговичей. Носители этой фамилии упоминаются с первых метрических записей как жители Жирблевич. Учитывая, что в инвентаре 1761 г. они еще отсутствуют, а в метрических книгах упоминаются с августа 1762 г., время прибытия можно определить довольно точно. Вскоре на территории престимония Прудки возникло небольшое поселение — застенек Городец, при котором была основана мельница. Его обитателями и стала семья Шульговичей. Впервые *мельница Городец* упоминается в метрической записи 1769 г. как место рождения ребенка у Франца Шульговича. В реестре документов Кореньского костела упомянута хранившаяся там копия иска от 25 августа 1772 г. ксендзу Иозефу Варжецкому от помещика Франтишека Оборского, который требовал вернуть его беглого подданного — *млынара Стаська Орловского с сынами его, уже отделенными*⁵⁴⁰. Иск прежнего владельца остался безрезультатным, и эта семья прочно обосновалась на Кореньщине, где фигурирует исключительно под фамилией Шульгович. В инвентаре 1774 г. Городец отдельно не назван, а в конце списка жителей деревни Прудки значатся *млынар* (мельник) Стасько Шульгович с сыновьями Францем, Михаилом и Петром, а отдельно на *слободе* — Леон Шульгович (вероятно, его недавно отделившийся старший сын). Еще один сын Стаськи Шульговича, Ян, до 1769 г. упоминается в Жирблевичах, а затем неоднократно менял

⁵³⁸ Спиридонов М. Ф. Закрепощение крестьянства Беларуси (XV—XVI вв.). — Мн., 1993. С. 131.

⁵³⁹ Атлас Могилевской губернии за 1777 г. НИАБ. Ф. 120. Оп. 1. Ед. хр. 2661. Л. 60б.

⁵⁴⁰ НИАБ. Ф. 1781. Оп. 27. Ед. хр. 377. Л. 34.

место жительства: в 1771 г. местом рождения его ребенка значится Чернево, в 1773 и 1775 гг. — застенки Копцы, в 1778 г. — Нарбутово, а в 1780 г. — село Корень. В инвентаре престимония Прудки за 1778 г. в качестве самостоятельных поселений названы застенки Городец (единственным дворохозяином там выступает *захожий* Леон Шульгович) и Млын (там жил *захожий* Франц Шульгович, сменивший в качестве мельника умершего к тому времени отца). Михаил Шульгович впоследствии также переселился — в застенки Юрши, где в инвентаре 1781 г. упомянут как *млынар-огородник*. Ранее 1786 г. он покинул Кореньщину (ревизская сказка 1795 г. обнаруживает его на территории имения Ганевичи).

Другим примером может послужить история рода Гусаковских. Его представитель Андрей Гусаковский, как уже отмечалось, еще до 1761 г. обосновался в Громнице в качестве примака одного из местных уроженцев. После смерти домохозяина Андрей, вероятно, унаследовал его надел, и в дальнейшем его потомки прочно обосновались в этой деревне. К моменту ревизии 1795 г. они уже разделились на два двора. Вероятный родственник (брат?) Андрея, Антон Гусаковский, появился в той же деревне в начале 1760-х гг., но после составления инвентаря 1761 г. При этом он, скорее всего, не был полноправным дворохозяином. Тем временем в селе Корень с 1774 г. появляется Ян Гусаковский, записанный в инвентаре 1783 г. как глава хозяйства, которое он делил с братьями Михаилом и Матеем и тремя племянниками. Возможно, эта семья состояла в родстве с Андреем и Антоном Гусаковскими. Около 1781 г. Антон также перебрался в Корень. Там в течение 1782 г. умерла его дочь и родился сын, а в инвентаре плембании за 1783 г. он упомянут с пометкой *без хаты*, т. е. как кутник.

Не позднее 1764 г. в Лищицах обосновался еще один пришлый крестьянин — Матей Единолич. В этой деревне до 1771 г. рождались и умирали его дети. Вскоре (но до составления инвентаря 1774 г.) он, видимо, переселился в застенки Юрши, основанный на территории престимония Великий Корень. В инвентаре этого престимония за 1781 г. он выступает одним из четырех дворохозяев этого застенка, причем упомянут как *слободчик*. Там же он умер в апреле 1784 г., после чего один из его сыновей переселился в застенки Городец, а другой — в Чернево.

Под российским правлением крепостное право приобрело более строгие черты. Перемещения целых семей проводились, как правило, только по прямой инициативе владельца имения или с его санкции (обычно через брак).

Сразу после перехода имения в руки И. Неплюева произошли массовые переселения как между разными его владениями, так и внутри имения Красный Бор. Судя по данным ревизских сказок 1795 и 1811 гг., в урочище Копцы не позже весны 1795 г. была основана новая деревня, куда переселены 8 семей из Чернева (все по фамилии Окулич). Туда же в качестве *неоседлых* переведены еще 34 семьи (около 115 человек), из которых 13 семей — бывшие подданные кореньских престимониев, 20 переведены из имения Ганевичи и одна, вероятно, из Мурованого Двора. Взамен 11 семей (39 человек) из разных деревень Кореньщины переселены в имение Ловцевичи Вилейского уезда, двое неженатых парней — в Мурованный Двор и один — в деревню Молоди имения Ганевичи.

Многие переселенцы не прижились на новых местах, и через несколько лет, а то и месяцев 20 человек из Ловцевичи вернулись в родные места. Но вместо них около 1798 г. туда переведены еще 6 молодых парней, среди которых четверо братьев Окуличей (до этого всей семьей они были переселены из Чернева в Копцы, но их родители вскоре умерли). Чуть позже в Вилейский уезд перешел житель Михалкович Дмитрий Хотько с женой и малолетним племянником.

Около 1795 г. пришедшая семья Михаила Кишкурны в составе 5 человек поселилась в деревне Лищицы. Ее происхождение точно установить не удалось, но такая фамилия была довольно распространенной в окрестных приходах. В 1798 г. житель Эйнарвич Василий Рулькевич перешел в примаки в хозяйство своей невесты, в деревню Михалковичи. Затем до ревизии 1811 г. на Кореньщине появляются еще несколько новых фамилий. В Коренесреди неоседлых упоминается семья Михаила Мороза из Мурованого Двора, в Прудках — семья Самуэля Стеткевича из Ганевич, вместе с которой, возможно, прибыл Томаш Каптур из той же деревни (впоследствии отданный в рекруты). Среди дворовых людей при помещицкой усадьбе появляются братья Иосиф и Андрей Заборонько, которые позже основали собственные семьи (один из них иногда упоминается в метрических книгах также под фамилией Воронович, второй — под фамилией Бекеш).

Поселение в урочище Копцы оказалось недолговечным и к моменту ревизии 1811 г. прекратило существование. Из 20 семей, переселенных из имения Ганевичи, назад вернулись 10, вымерли 6 и расселились по деревням Кореньщины (в качестве примачов и *здольников*) три семьи и два одиночки: сыновья Василя Троцевского или Пиннокваши (в Лищицах), Франтишек Яцковский с сыновьями, Казимир Драч или Воронько с сыновьями, Доминик и Авлас Воронько (все в Михалковичах). Все местные уроженцы также рассеялись, в основном по родным деревням, а один из них, Петр Равина осел в качестве примака в Эйнарвичах.

Между ревизиями 1811 и 1816 гг. две семьи и два неженатых парня переселились из Чернева в имение Мурованый Двор. Одно из этих переселений явилось следствием повторного брака главы семьи, Мартина Жуковского, на вдове из деревни Эйнарровичи, в хозяйство которой он перешел с детьми от первого брака (там он впоследствии фигурирует как *здольник*). В другом случае в примаки в ту же деревню перешел Игнат Кушлевич, для которого этот брак был первым. Николай Стасюлевич до переселения в деревню Слобода того же имения был уже женат, но происхождение его жены неизвестно.

В это же время, около 1813 г., в Михалковичах появляется семья Данилы Богдановича, переведенного из Ганевич (вероятно, вместе с женой). Чуть позже, на рубеже 1820-х гг., в число дворовых из деревни Юрковичи того же имения переведены Иван и Давыд Ясюкевичи, а в Коренеосела семья Семена Рыбчинского (вероятно, в качестве арендатора дворной пашни).

После смерти Неплюева в 1823 г. в ходе раздела имений между его наследниками и последующей перепродажи Красного Бора и Ганевич также произошло перераспределение некоторых подданных. Из Красного Бора в Мурованый Двор по *купчей крепости* перешли 8 неженатых мужчин, еще двое попали в отдаленные имения — в Тверскую и Черниговскую губернии. Взамен в Прудки из Мурованого Двора перешла семья Василия Бекеша в составе 5 человек. В 1824 г. благодаря браку вдовы из имения Ганевичи с жителем Черехов Матеем Лисом в хозяйство последнего перешел ее сын от первого брака Емельян Масловский, который по достижении совершеннолетия основал собственную семью в этой деревне.

Новый владелец Красного Бора и Ганевич К. Чудовский между 1826 и 1834 гг. переселил (или позволил переселиться) четырем семьям и трем одиночкам (всего 16 человек) из первого имения во второе, причем в одном случае это произошло вследствие брака уроженца Кореньщины с девушкой из Ганевич. В число дворовых людей при своей усадьбе в Красном Бору в 1830 г. он перевел 4 мужчин из другого своего имения, расположенного в Мстиславском уезде на востоке Беларуси. Один из них, вероятно, был уже женат, второй женился позднее на вдове. Потомства никто из них не оставил. Несколько семей и одиночек в момент ревизии 1834 г. находились на временной службе в других имениях, но впоследствии вернулись назад.

В 1840-е гг. еще 5 семей и одиночка (20 человек) перебрались в имение Ганевичи, причем главы четырех из этих семей были к тому времени женаты на его уроженках, а пятая семья (Бенедикта Лиса) в полном составе в 1850-е гг. вернулась в Красный Бор. Два человека из других семей также вернулись затем назад. Кроме того, из Ганевич в деревню Михалковичи в 1840-е гг. перешли Павел Адамович и Федор Анискович (оба — в качестве примаков в хозяйства своих невест), а в число дворовых — 3 неполные семьи (дети и, возможно, вдовы Казимира Колковского, Адама и Иосифа Воронько), а также Яков Кункевич. В 1848 г. из Ганевич в Громницу перешел в примаки Василий Масловский, вместе с которым поселился и его неженатый брат Николай.

Помимо этих санкционированных перемещений в конце 1790-х — 1800-е гг. из имения бежали четверо мужчин и одна семья — Станислав Церла с женой и взрослым сыном. В 1811–1812 гг. бежали еще двое мужчин, в 1818 г. — один (вероятно, вместе с женой). В 1820-е гг. и, возможно, в начале 1830-х (до ревизии 1834 г.) бежали 5 мужчин, замужняя женщина, девушка и одна брачная пара. В 1840-е гг. зафиксировано бегство еще 11 человек (5 мужчин и 6 женщин, все поодиночке), между 1854 и 1858 гг. — еще 20 (11 мужчин и 9 женщин). Общее число бежавших за эти годы составляет не менее 49 человек.

Новым, неизвестным в период Великого Княжества Литовского фактором убыли населения стала **рекрутская повинность**. Отныне все мужское население в возрасте от 19 до 35 лет (в кореньской популяции на призывной возраст приходилось около 150 мужчин) попадало в разряд военнообязанных, и при объявлении очередного набора (проводившегося, как правило, раз в 2–3 года) любой его представитель рисковал быть мобилизованным на 25-летнюю воинскую службу (даже этот огромный срок был введен лишь в 1793 г., ранее воинская служба была пожизненной). В психологическом плане вероятность попасть под набор означала постоянную угрозу, тем более неприятную, что она была новой и непривычной. О восприятии рекрутской повинности даже издавна привыкшим к нему населением России свидетельствуют известные строки Н. Некрасова: *И ужас народа при слове «набор» подобен был ужасу казни*.

Риск попасть в число рекрутов для конкретного индивида был поначалу не очень велик. При первом после присоединения наборе 1797 г. одного рекрута брали с 900 ревизских душ, в 1802 г. — с 500 душ. При следующих наборах рекруты постоянно исчислялись из расчета на 500 душ. В 1805 г. в связи с начавшимся участием России в наполеоновских войнах с 500 душ набирали 4 рекрутов, в 1807 г. — 5, в 1811 — 7, в 1812 г. — 2. Практически всем призванным в эти годы довелось вынести на своих плечах войны с Францией, включая и кампанию 1812 г. Затем в 1813 г. взяли еще по 13 рекрутов с 500 душ, и им пришлось участвовать в завершающем этапе этих войн на территории Западной Европы. Из тех, чей призывной

возраст пришелся на этот отрезок, в рекруты угодили в итоге каждый пятый. Из жителей Кореньщины с 1797 по 1811 г. в рекруты были отданы 38 человек, еще четверо — в 1812 г. и 24 — в 1813 г.

В последующие годы брали обычно по 1–2 рекрута с 500 душ. До ревизии 1834 г. с территории Кореньщины были взяты 40 рекрутов, затем по 1840 г. включительно — еще 15. С 1834 г. срок воинской службы понижен до 20 лет, и к этому времени смогли вернуться домой те немногие, кто выжил из наборов 1807–1813 гг. Из них достоверно известно о шестерых. Из набора 1812 г. вернулись Семен Иванов Долинский (1789 г. рожд.) и Иосиф Николаев Зелянин (ок. 1791 г. рожд.), из набора 1813 г. — Михаил Казимиров Балцевич (1788 г. рожд.), Станислав Васильев Вашкевич (ок. 1785 г. рожд.), Иван Семенов Шульгович (1783 г. рожд.) и Казимир Юрьев Лемеш (ок. 1790 г. рожд.). Зелянин, Балцевич, Вашкевич и Шульгович к моменту набора были уже женаты, трое из них не застали жен в живых. О Михаиле Балцевиче есть лишь одно известие — в декабре 1829 г. он зафиксирован крестным отцом при рождении ребенка, при этом назван солдатом Белостоцкого пехотного полка (не исключено, что к тому моменту он вернулся не окончательно, а лишь был отпущен на побывку). Пятеро остальных в дальнейшем женились, а Долинский и Зелянин — даже по 2 раза, у Долинского и Лемеша рождались дети.

Через несколько лет вернулся со службы младший брат Иосифа Зелянина Антон (1793 г. рожд.), отданный в рекруты после 1816 г. Он единственный застал дома жену, с которой обвенчался в 1815 г. Немного позднее был призван холостой Иосиф Юрьев Лис (ок. 1798 г. рожд.), который после возвращения со службы женился в 1841 г.

В 1840-е — 1850-е гг. норма набора рекрутов исчислялась с 1000 душ. В 1846 г. из такого количества мужчин призывались 2 человека, в 1847 г. — 7, в 1849 — 8, в 1850 и 1852 гг. — по 7, во время Крымской войны в 1854 и 1855 гг. осуществлено по два набора — 9, 10, 12 и 10 человек. На Кореньщине с 1841 по 1855 г. в рекруты отданы 50 человек, из них 20 — в годы Крымской войны. Срок службы с 1856 г. был понижен до 15 лет. В это время вернулись трое жителей Кореньщины: Ефим Касперов Можальский (1814 г. рожд.), отданный в рекруты в 1835 г., Иван Филипов Балцевич (1815 г. рожд.), отданный в 1841 г., и Рафал Андреев Романович (1826 г. рожд.). Последний призывался в 1850 г. и, видимо, участвовал в Крымской войне — он вернулся без руки. Все трое ушли на службу холостыми и женились после возвращения, все имели детей.

Всего за 60 лет с территории Кореньщины были взяты 170 рекрутов, вернулись 10 из них. До отдачи в рекруты женились 60 человек, т. е. их семьи оказались разрушенными.

Брачное поведение

Источниками, позволяющими проследить демографические параметры популяции, являются в первую очередь метрические книги. Говорить о данных аспектах традиционной культуры можно только в отношении периода, охваченного сохранившимися книгами, — с середины XVIII по середину XIX в. Этот круг источников имеет свои особенности, в той или иной степени влияющие на полноту и надежность выводов. Всего за период с 1740 по 1858 г. в источниках так или иначе упоминаются 1578 семейных пар. Основную выборку составляют 957 семей, в которых рождение детей приходится на период с 1762 по 1840-е гг. и которые оставались в исследуемой популяции до смерти одного из супругов или отдачи отца в рекруты (для самых поздних семей — до 1858 г.).

Полнота регистрации браков была далека от идеальной. Из около 1100 семей, созданных в популяции в период с 1773 по 1851 г. включительно, лишь для 863 удалось обнаружить записи о венчании. Это означает, что порядка 230–250 браков (21–23%) либо вообще не были зарегистрированы, либо заключались в другом приходе — по месту жительства невесты. При выборочном просмотре некоторых метрических книг соседних приходов в них действительно найдены такие записи. Например, в книге регистрации браков Гайненского костела за 1701–1799 гг. выявлены 4 брака с уроженцами Кореньщины (начиная с 1750-х гг.), за 1802 — 1827 гг. — 6 браков, в такой же книге Хотаевичского костела за 1745–1798 гг. — 3 брака. Но сплошной просмотр книг всех соседних приходов, католических и униатских, представляет собой слишком трудоемкую и малоэффективную работу.

Круг брачных связей характеризуется относительной узостью. Основное количество браков заключалось внутри популяции. Происхождение обоих молодоженов удалось установить в 972 случаях. Из них 760 браков (78,2%) были заключены между двумя уроженцами Кореньщины. В 99 случаях (10,2%) местные жители женились на уроженках соседних имений. Чуть больше оказалось браков, когда местные девушки или вдовы выходили замуж за мужчин из соседних имений — 113 (11,6%). Из них 102 перешли в дома своих супругов, а в 11 случаях мужья становились примаками в хозяйствах

Кореньщины. Обобщенно можно утверждать, что за пределы популяции в среднем отдавалась одна невеста из десяти и примерно столько же прибывало извне.

Довольно часто точное место рождения невесты или, реже, жениха не указывалось, но на их рождение вне кореньской популяции указывает фамилия, нехарактерная для местных уроженцев. Возможно, некоторые из таких женихов и невест происходили из отдаленных местностей, но утверждать это наверняка нельзя. В тех случаях, когда места происхождения обоих супругов устанавливаются точно, ими являются ближние окрестности.

В период принадлежности Корень Виленскому капитулу были заключены 19 браков местных уроженцев с пришлыми невестами, место происхождения которых указано или устанавливается по косвенным данным. Чаще всего (в шести случаях) это имение Укроповичи, непосредственно граничившее с Коренем на западе и входившее в тот же приход. Три невесты были из имения Коцели, находившегося в 10 км к северо-западу от Кореня и тоже относившегося к его приходу. Столько же невест происходили из Хотаевич, граничивших с Коренем на северо-западе, причем все три записи о венчании внесены в метрические книги местного костела. Из Гайненского прихода, расположенного на юге, происходили три невесты (браки также регистрировались в приходе невесты). Кроме того, в Кореньском костеле были зарегистрированы браки с уроженками двух деревень с одинаковым названием Городище (в Гайненском и Хотаевичском приходах), деревни Губа имения Логойск, деревень Ганевичи и Олешники, принадлежавших тоже капитулу и расположенных в 22 км от Кореня.

Куда выдавались замуж местные уроженки, известно в 31 случае. В четырех из них это соседние с Коренем Укроповичи и еще в одном — находящиеся рядом с Громницей Лозки, в двух — расположенные чуть далее за Укроповичами Коцели, в пяти — также соседние Эйнарловичи и Слобода (принадлежавшие к Гайненскому приходу), в одном — сама Гайна, в пяти — Хотаевичи и находящиеся совсем рядом с ними имения Дрила и Пушенка, в двух — Плещеницы, в пяти — село Камень (вероятно, Камень Харецкий в 20 км к северо-востоку от Кореня), в одном — соседний с Камнем Клин, в четырех — Ганевичи и принадлежавшая к этому же имени деревня Молоди. Лишь в одном случае зафиксировано замужество в относительно удаленные Радошковичи. В качестве приматов на Кореньщине осели в этот период уроженцы как минимум трех соседних имений. Один из них происходил из Кременца (15 км к западу), двое, вероятно, из Укропович и Ганевич.

После объединения в 1795 г. в руках И. Неплюева бывших имений Корень, Ганевичи и Эйнарловичи (Мурованый Двор) произошла некоторая переориентация брачных связей. В течение последующих 30 лет установлены 24 брака местных уроженцев с пришлыми невестами. В одиннадцати случаях невесты были из деревень имения Ганевичи, в семи случаях — имения Мурованый Двор, а в одном случае указана просто Гайненская парафия. Из Укропович происходили четыре невесты, одна — из Селища (населенных пунктов с таким названием в ближних окрестностях было несколько). Не менее 12 невест были пришлыми, судя по их фамилиям, но их место жительства не указано.

Жительницы Кореньщины за это же время вступили в браки с 27 уроженцами других имений. Из них 9 вышли замуж за подданных имения Ганевичи, 8 — за подданных Мурованого Двора, еще в одном случае житель имения Мурованый Двор перешел в примак в деревню Михалковичи. В Укроповичи выданы замуж 4 девушки и 2 — в Лозки. В оставшихся трех случаях женихи являлись жителями деревни Стайки имения Гайна, деревни Кузевичи имения Логойск и, вероятно, имения Хотаевичи. Еще в 9 случаях место жительства женихов не указано, а их фамилии не позволяют определить происхождение.

После нового обособления Мурованого Двора, когда в руках Чудовских остались Красный Бор и Ганевичи, соответствующим образом изменился и характер браков. С 1826 по 1851 г. установлено происхождение 21 пришлой невесты, из которых 17 перешли из деревень имения Ганевичи. Еще в двух случаях жители Кореньщины перешли в примак в это же имение. Из остальных четырех пришлых невест три происходили из Укропович, одна указана просто *из мещан*. Место жительства еще 8 невест неизвестно.

Кореньские девушки выходили замуж за пределы популяции 29 раз, а в 5 случаях их брак с подданными имения Ганевичи привел к переходу женихов в примак. В то же имение вышли замуж 5 невест. Остальные женихи распределялись так: 6 — из имения Родзевичи около Гайны, 2 — из самой Гайны, 4 — из деревень Губа и Кузевичи имения Логойск, 3 — из Городища (вероятно, в Хотаевичском приходе, по соседству с Громницей), 3 — из Укропович, по одному — из Лозок, Путилова и Коцелей (Кореньского прихода). Один жених был из фольварка Дрыгаловичи, локализовать который не удалось (возможно, речь идет о Дриле около Хотаевичей), а еще у двоих место жительства не указано.

Столь высокая пропорция браков с подданными однодворянского имения Ганевичи, деревни которого находились в 15–20 км от деревень Кореньщины, на фоне малого числа браков с жителями непосредственно граничащих имений свидетельствует в пользу того, что помещик достаточно жестко контролировал браки своих подданных. Возможно, что

сплошное изучение метрических книг соседних приходов позволило бы выявить несколько случаев, когда жители Кореньщины брали невест в других имениях и венчались там. Но вряд ли это кардинально изменило бы общую картину. В рамках Кореньского прихода преобладание брачных связей с Ганевичами по сравнению с гораздо более близкими территориально Укроповичами, Лозками и Путиловом несомненно. Границы имений, принадлежавших разным владельцам, были серьезным барьером на пути брачных и, видимо, иных социальных контактов.

Еще одной характерной особенностью является избирательность браков между поселениями. На протяжении 20 лет, с 1773 по 1793 г., жители Кореньщины регулярно отдавали невест за жителей довольно удаленной деревни Камень. Всего таких браков зафиксировано пять, из них три — в течение 1786 г. (все три жениха-родственники носили одну фамилию — Симонович). Очевидно, первый брак повлек за собой более тесные контакты, которые способствовали заключению последующих. После 1793 г. этот вектор брачных связей теряет свое значение, но в 1827 г. появляется новый — деревня Родзевичи. В том году две девушки из Кореньщины вышли за парней из этой деревни, причем оба носили фамилию Куницкий. Затем браки с жителями этой деревни становятся регулярными: они повторяются в 1828, 1833, 1838 и 1850 гг.

Время заключения браков подчинялось сезонному хозяйственному циклу и, кроме того, имело сильную зависимость от церковного календаря. За весь период наблюдений ни одного брака не отмечено в декабре и лишь три — в марте, т. е. в месяцы, на которые приходятся самые значительные посты. В XVIII в. почти две трети свадеб приходилось на два месяца: ноябрь (по окончании уборки урожая) и февраль (период масленицы накануне Великого поста). В последующие десятилетия эти два острых пика постепенно смягчаются, но отчетливо прослеживаются вплоть до конца наблюдений. В таблице 6 приводится как абсолютное число браков и процентное распределение по месяцам, так и *помесячные индексы брачности*, призванные учесть неравное количество дней в месяцах. Эти индексы рассчитываются как отношение числа браков в данном месяце к среднемесячному (принимаемому за 100), умноженное на число дней в месяце и разделенное на среднее число дней в году (365,25).

Т а б л и ц а 6. Суммарное распределение браков по месяцам

	Янв.	Фев.	Март	Апр.	Май	Июнь	Июль	Авг.	Сент.	Окт.	Нояб.	Дек.	Всего
За 1762–1794 гг.													
Число браков	23	68	1	2	23	11	9	5	5	12	111	0	270
%	8,5	25,2	0,4	0,7	8,5	4,1	3,3	1,9	1,9	4,4	41,1	0,0	100
Помесячный индекс	106	286	5	9	106	49	42	23	22	55	496	0	
За 1795–1825 гг.													
Число браков	54	80	0	7	23	20	29	12	18	29	146	0	418
%	12,9	19,1	0,0	1,7	5,5	4,8	6,9	2,9	4,3	6,9	34,9	0,0	100
Помесячный индекс	160	216	0	20	68	57	86	36	52	86	419	0	
За 1826–1848 гг. и 1850–1851 гг.													
Число браков	40	52	2	10	21	28	33	33	20	34	85	0	358
%	11,2	14,5	0,6	2,8	5,9	7,8	9,2	9,2	5,6	9,5	23,7	0,0	100
Помесячный индекс	138	163	7	33	72	93	114	114	67	117	283	0	

Столь сильная приуроченность браков к церковному календарю не была характерна для Западной Европы. Сравнительные данные можно получить из работы Е. Ригли и Р. Скофилда, в которой обобщена статистика по примерно 10 тысячам английских приходов, а также приводятся данные по приходам Швеции и Финляндии⁵⁴¹.

Впрочем, агрегированные цифры здесь могут ввести в заблуждение. Анализ данных по 14 приходам в разных регионах Германии показал, что традиционные сроки свадеб очень сильно различались. Так, в Бадене резкий максимум (помесячный индекс на уровне 180–220) приходился на январь и февраль, а менее выраженный пик (на уровне 140) — на ноябрь, тогда как минимумы (индекс ниже 30) — на март и декабрь. В Баварии февральский максимум еще более резкий — на уровне 260, тогда как в январе, мае, июле и ноябре индекс достигал значений не выше 115–130. Минимумы на уровне 30–60 приходятся на март, август, сентябрь и декабрь. В Вюрттемберге пик на уровне 180–200 отмечается в октябре и ноябре, с мая по июль брачность

⁵⁴¹ Wrigley E.A., Schofield R.S. The Population History of England, 1571–1871. — Cambridge, 1981. P. 300, 303.

находилась на уровне 130–140, а в феврале индекс был чуть ниже 100. Глубокие минимумы (на уровне 20–30) приходились на декабрь, январь и март. В приморской Восточной Фрисландии наблюдается один выраженный максимум — с апреля по июнь, когда индекс со 150 взлетал до отметки выше 250 в мае и вновь возвращался к 170. В августе — сентябре и с декабря по март индекс оставался на уровне 50–70⁵⁴². Но все же нигде не отмечалось полное прекращение брачной активности, характерное для Кореньщины в марте и декабре, и нигде максимум не был столь выраженным, как ноябрьский пик нашей выборки.

Т а б л и ц а 7. Помесячные индексы брачности в Западной Европе

Страна, период	Янв.	Фев.	Март	Апр.	Май	Июнь	Июль	Авг.	Сент.	Окт.	Нояб.	Дек.
Англия, 1750–1799	96	102	60	105	117	91	84	79	86	143	127	112
Англия, 1800–1834	89	94	73	99	108	94	87	89	90	132	125	119
Швеция, Финляндия, 1749–1795	78	66	67	84	72	97	62	36	83	217	166	185

Что стояло за этим пиком, можно уяснить из описания свадебного обряда в Гайненском приходе, датируемого 1800–1802 гг.⁵⁴³ Его автор отмечает, что оптимальным для свадьбы на рубеже XIX в. считался период между праздником Покрова (1 октября у католиков, у православных в это время он приходился на 13 октября григорианского календаря) и началом рождественского поста, причем октябрьские дни уходили на длительные подготовительные обряды (малые и большие *заручины*, *змовины* и др.), предшествовавшие собственно венчанию. Характерной особенностью этих обрядов является очень высокая степень их детализации. Она разделялась на три фазы. Первым шагом к предстоящему браку было официальное сватовство, или *малые заручины*. Сват являлся в дом будущей невесты с предложением, на которое ее родители должны были дать предварительный ответ. Если этот ответ был положительным, он сопровождался определенными ритуалами и небольшим застольем, что породило другое название обряда — *первые запоины* (оба названия упоминаются в известной народной песне: *А ў полі вярба нахілёная, маладая дзяўчынанька заручоная — заручоная і запітая, заручоная і запітая*). В метрических записях Кореньского костела этот обряд, естественно, не зафиксирован, но упоминается действие, которое было, видимо, непосредственно с ним связано: о состоявшейся помолвке публично объявлялось с крыльца храма в день службы.

В течение недели после малых заручин помолвку еще можно было расторгнуть без морального ущерба для обеих сторон. Затем наступало время *великих заручин*, или *великих запоин*. В этом обряде уже участвовал жених, который представлял перед оценивающими взглядами всей родни невесты. После этого решение о браке приобретало окончательный характер, и об этом также объявлялось с крыльца костела (церкви), и в метрических книгах речь идет именно о двойном оповещении. На пятый день после этого происходили *обряды*, или *змовины* (сговор), на которые приглашались все односельчане и все родственники с обеих сторон, как бы далеко они ни жили. В их присутствии молодые обменивались кольцами, а сват дарил невесте сапожки. Это, видимо, символизировало ее предстоящий переход в род жениха. К моменту описания эти два обряда уже начали смешиваться, а связанные с ними ритуалы — взаимно переходить с места на место, а в последующие десятилетия они окончательно слились.

Собственно церковные обряды подключались лишь на завершающей стадии этого многодневного действия. Через неделю после змовин, обычно в субботу, невеста с подружками шла к исповеди, а затем устраивался *девичий вечер*, на котором она в компании подруг символически прощалась с незамужней жизнью. На следующий день происходило венчание, и на этом роль официальной религии завершалась. Последующий обряд собственно свадебного торжества, растягивавшегося на несколько дней, описан этнографами многократно. Он также был насквозь пронизан ритуалами явно языческого происхождения, большинство из них интерпретируются с точки зрения магии плодородия.

Таким образом, процесс заключения брака растягивался почти на месяц и сочетал в себе обширную, строго регламентированную последовательность действий, из которых подавляющее большинство имело языческие корни. В то же время оба таинства, рассматриваемые как обязательные с точки зрения христианства — исповедь и венчание — не просто заняли в этой последовательности свое место, но и являлись его смысловой кульминацией. Это сочетание двух мировоззренческих пластов отчетливо сохранялось на протяжении последующих десятилетий.

⁵⁴² Knodel J. E. Demographic Behavior in the Past. A Study of Fourteen German Village populations in the Eighteenth and Nineteenth Centuries. — Cambridge, 1988. P. 145.

⁵⁴³ Вяселле. Абрад. — Мн., 1978. С. 39—50.

Ноябрьский пик брачности объясняется наложением трех факторов: сельскохозяйственного цикла (не позволявшего начинать брачную активность до конца сентября), церковного календаря (запрещавшего венчание с конца ноября) и длительности ритуалов подготовительного периода, отнимавших весь октябрь. Аналогичная ситуация наблюдалась и между двумя главными постами, т.е. в период *мясоеда* (январе — феврале). Постепенное расширение пиков брачности на октябрь и январь к середине XIX в. говорит о снижении роли третьего из этих факторов, т. е. о деградации архаичных черт брачного поведения. Свадьбы явно начали происходить по более упрощенному сценарию, и этнографические материалы конца XIX — начала XX в. подтверждают это.

Средний возраст на момент первого брака устанавливается для 986 индивидов (485 мужчин и 501 женщины), для которых известны одновременно даты рождения и даты брака. В период с 1780 по 1793 г. в первый брак вступили 53 мужчины и 66 женщин с известной датой рождения. Средний возраст составил 20,1 года у мужчин и 19,8 у женщин, медиана — 20,3 и 19,8 года. Период российского господства можно разделить на два примерно равных отрезка. В течение 1794–1820 гг. возраст первого брака у мужчин составил 22,1 года, медиана — 21,9 (учтены 189 случаев), у женщин — 20,6 и 20,3 (184), в период 1821–1851 гг. — соответственно 23,6 и 23,1 года (243 случая) у мужчин, 23 и 22,8 года (251) у женщин. Возраст брака постепенно повышался, но все равно был ниже, чем в Западной Европе (именно это различие в свое время позволило Дж. Хайналу выделить *европейский тип брачности*). В Англии в первой половине XVIII в. средний возраст составлял 27,5 года у мужчин и 26,2 у женщин, во второй половине — 26,4 и 24,9, в первой половине XIX в. — 25,3 и 23,4⁵⁴⁴. Выборка по 14 германским приходам дает на первую половину XVIII в. 27,8 года у мужчин и 25,3 у женщин, во второй половине — 28 и 25,7, в первой четверти XIX в. — 28,3 и 26,2, во второй четверти — 29,4 и 26,9⁵⁴⁵.

Разница в брачном поведении становится еще нагляднее при разбивке возрастов на интервалы. Так, в Кореньском приходе моложе 20 лет были 127 женихов (26,2%) и 165 невест (32,9%). Возраст от 20 до 25 лет имели 241 жених (49,7%) и 270 невест (53,9%). Всего, таким образом, на возраст моложе 25 лет приходились браки 75,9% женихов и 86,8% невест. В тех же 14 германских приходах вступали в брак до 20 лет всего 1% женихов и 9,4% невест, до 25 лет — соответственно 23,8 и 51%. В Кореньском приходе лишь 24 мужчины (4,9%) и 11 женщин (2,2%) вступили в первый брак в возрасте старше 30 лет, из них трое мужчин (0,6%) и две женщины (0,4%) были старше 40 лет. В Германии на возраст старше 30 лет пришлось первые браки 29,4% мужчин и 19,5% женщин, в том числе на возраст старше 40 лет — 4,1 и 3,4%. Как будет показано ниже, эта разница имела существенное значение для общего режима воспроизводства населения.

Самый ранний брак на Кореньщине зарегистрирован при возрасте невесты в 11,8 года: в июне 1826 г. Елена Томашова Лис выдана замуж за 19-летнего Карла Вашкевича. Но, вероятно, этот брак был полуфиктивным и обеспечивал вступление Карла в хозяйство отца Елены в качестве примака. Первое рождение ребенка в этой семье зафиксировано десятью годами позже. Для жениха самым ранним был брак в мае 1820 г. Фомы Запольского, которому исполнилось 12,4 года, с 19-летней Марцелой Шуляк. В этом случае брак, видимо, также диктовался желанием пополнить в односемейное хозяйство лишнюю пару рабочих рук, поскольку отец Фомы, Данила Запольский, к тому времени имел возраст около 45 лет, а из шести детей старше Фомы была только его 16-летняя сестра. Первый ребенок в этом браке родился через 8 лет.

Иных случаев столь ранних браков за 70-летний период наблюдений не выявлено. Еще в семи случаях женихи имели от 14 до 15 лет, а невестами до достижения 15-летнего возраста стали две девушки. В возрасте моложе 18 лет в брак вступили 58 женихов (12%) и 49 невест (9,8%).

Самый поздний возраст жениха в первом браке составил 43,3 года: отставной солдат Семен Долинский после отбытия 20-летней воинской службы женился в январе 1833 г. на 35-летней Антонине Яцкевич. Но этот поздний брак вполне понятен: Семен был отдан в рекруты в 1812 г. в 23-летнем возрасте. Из «закоренелых холостяков» позже всех (в 41,7 года) женился в ноябре 1807 г. Фома Церла. У женщин позже всех вступила в брак в октябре 1850 г. его родная племянница (дочь сестры) Агата Рулькевич, которой исполнилось на тот момент 46,3 года. Ее мужем стал 45-летний вдовец Карл Лис, первая жена которого умерла тремя месяцами ранее. Сложности с браком у Агаты Рулькевич, видимо, объяснялись низким социальным статусом: она происходила из семьи кутников, имевшей 5 дочерей и ни одного сына, а отец умер, когда девушке было 18 лет. Старшая сестра вообще не вышла замуж. Три младшие, правда, обзавелись семьями в возрасте от 23 до 29 лет. Зафиксирован

⁵⁴⁴ Wrigley E.A., Schofield R.S. The Population History of England, 1571—1871. P. 255.

⁵⁴⁵ Knodel J. E. Demographic Behavior in the Past. A Study of Fourteen German Village populations in the Eighteenth and Nineteenth Centuries. P. 128.

почти столь же поздний брак (в июле 1834 г.) Дороты Балцевич, которой исполнилось 41,8 года. До этого она жила в хозяйстве двух своих женатых братьев. Такое позднее замужество, возможно, объясняется каким-то физическим недостатком. Ее мужем также стал вдовец в возрасте 41 года, первая жена которого умерла за 3 месяца до этого.

Общую продолжительность брака с погрешностью максимум в несколько лет можно установить для 957 семей основной выборки. Два самых продолжительных брака длились более 50 лет. К сожалению, оба они слегка выходят за диапазон наблюдений. Первый заключен между Иваном Вашкевичем и некоей Ксенией еще до начала сохранившихся записей о браке, но не позднее первых месяцев 1769 г. (в ноябре у них родился ребенок) и прекратился со смертью мужа в 1821 г. Этот брак длился не менее 52 лет. Примерно таким же по длительности был брак между Игнатом Белостоцким и Гертрудой Гусаковской. Их венчание состоялось в ноябре 1805 г., когда Игнату исполнилось 17 лет, а Гертруде — 19. Оба они числились в живых на момент последней ревизской сказки, в начале 1858 г., т. е. их брак длился не менее 52 лет. Игнат Белостоцкий дожил до составления выкупного акта в 1864 г., а его жена — неизвестно.

Среди 40 браков, длившихся свыше 40 лет, завершение некоторых тоже не удалось зафиксировать. Так, Данила Окулич и Урсула Лис на начало 1858 г. имели возраст по 62 года и состояли в браке 43 года, а Игнат Шуляк (59 лет от роду) и Елизавета Колоша (62 лет) состояли в браке 46 лет (в момент их венчания жениху было неполных 14 лет, невесте — 17). Обе эти пары вполне могли прожить еще лет по 10 и даже более. Во всяком случае Игнат Шуляк был еще жив в момент составления уставной грамоты в 1862 г., а Данила Окулич упомянут также в выкупном акте 1864 г.

Столь продолжительные браки были исключением. Гораздо чаще брак прерывался из-за ранней смерти одного из супругов, отдачи мужа в рекруты и т. п. По этим причинам около 35 браков вообще продолжались менее года. Средняя продолжительность брака составила в рамках основной выборки 18,4 года.

Т а б л и ц а 8. Распределение браков по длительности

Длительность брака	Число браков	%
5 лет и менее	163	17,03
6–10 лет	159	16,61
11–15 лет	127	13,27
16–20 лет	131	13,69
21–25 лет	110	11,49
26–30 лет	85	8,88
31–35 лет	77	8,05
36–40 лет	63	6,58
41–50 лет	40	4,18
Свыше 50 лет	2	0,21
Всего	957	100

Для 871 семьи удалось установить причину прекращения брака. В 60 случаях это отдача мужа в рекруты (лишь один из них вернулся и при этом достоверно застал в живых прежнюю жену), в 9 случаях — бегство одного из супругов (5 раз беглецом оказывался муж, 4 — жена), что можно расценивать как своеобразную альтернативу разводу, не признаваемому католической церковью. В остальных 748 случаях брак прекращался со смертью одного из супругов. При этом 20 супружеских пар умерли практически одновременно — с интервалом не более месяца. В 417 семьях жена пережила мужа. 143 вдовы остались одинокими до конца жизни (период вдовства продолжался от нескольких месяцев до 36 лет, в среднем — 11,1 года), не менее 130 повторно вышли замуж, а 144 были одинокими до конца периода наблюдений или их судьбу после смерти мужа проследить не удалось. Возможно, часть из них тоже вступила в новый брак. Мужчины пережили своих жен в 364 случаях. Из них 210 затем женились повторно, 19 оставались одинокими до конца периода наблюдений, а 136 — до смерти. Период вдовства у мужчин длился от нескольких месяцев до 30 лет, в среднем — 8,3 года.

Всего в **повторный брак** вступили около 54% овдовевших мужчин и не менее 30% женщин. Вдовцы при повторном браке очень часто (в 73,7% случаев) женились на девушках, и даже при третьем (а в одном случае — при четвертом) браке

вдовец мог выбрать невесту, впервые вступающую в брак. Для вдов это было нехарактерно. Если они и выходили замуж повторно, то, как правило, за вдовцов (в 77,6% случаев). Распределение повторных браков в основной выборке можно представить в виде матрицы (см. таблицу 9).

Т а б л и ц а 9. Частота повторных браков

	1-я жена	2-я жена	3-я жена	4-я жена	Всего
1-й муж	713	155	12	1	881
2-й муж	17	42	7	1	67
3-й муж	0	7	2	0	9
Всего	730	204	21	2	957

Среди 957 браков основной выборки 713 (74,5%) были первыми для обоих супругов, в 168 случаях (17,6%) вдовец женился на девушке, в 17 случаях (1,8%) холостяк женился на вдове и в 59 случаях (6,2%) вдовыми были оба. Любопытно, что в этом смысле белорусские крестьяне почти не отличались от немецких. По агрегированным данным четырнадцати приходов Западной Германии, во второй половине XVIII в. аналогичные показатели составляли соответственно 72, 15,5, 8,5 и 4%, в первой половине XIX в. — 74,1, 15,8, 7,2 и 2,9%⁵⁴⁶. Для Германии лишь браки между холостяком и вдовой более часты, чем на территории Кореньщины, а браки между вдовцом и вдовой встречаются немного реже.

Точная продолжительность **интервала между первым и вторым браком** устанавливается для 114 мужчин и 61 женщины. При этом 80 мужчин (70,2%) вступили в повторный брак в течение первого года после овдовения, из них 65 (57%) — в течение первых шести месяцев. Очевидно, что длительный траур не соблюдался. Гораздо важнее представлялось иметь в доме хозяйку, особенно при наличии маленьких детей. В двух случаях повторный брак наступил в течение первого месяца после овдовения, в 18 случаях — в течение второго, в 12 случаях — третьего, в 14 — четвертого. Из женщин в течение первого года повторно вышли замуж 32 (52,5%), в том числе 20 (32,8%) — в течение первых шести месяцев. Выход замуж вдовы на первом месяце после смерти супруга не отмечен. На втором месяце вышли замуж 4 вдовы, на третьем — 7, на четвертом — 5. Не исключено, что эти числа занижены, поскольку для женщин повторный брак проследить труднее. Некоторые из них могли выходить за жителей других приходов и венчаться по месту жительства нового мужа.

От 1 до 2 лет период вдовства продолжался у 15 мужчин (13,1%) и 14 женщин (22,9%), 2 года и более — у 19 мужчин (16,7%) и 15 женщин (24,6%). Дольше всех оставался вдовцом Павел Лис из Михалкович. Потеряв первую жену через два года после женитьбы — в 1822 г., он вступил в повторный брак только через 17,8 года — в 1840 г., в возрасте 34 лет. Иосиф Вашкевич из Терехов потерял первую жену в 1811 г., прожив с ней 21 год. На тот момент ему было 44 года. Он оставался вдовцом 17 лет, а в возрасте 61 года повторно женился на 53-летней вдове (потерявшей первого мужа за несколько месяцев до этого). Умер он два года спустя. Еще четверо мужчин повторно женились через 7–8 лет после смерти первой жены. Из женщин более 10 лет оставалась вдовой Агата Заянковская, потерявшая первого мужа Игната Окулича в 1824 г. после 11 лет замужества, когда ей было 35 лет. Повторно она вышла замуж в возрасте 45 лет за 42-летнего Якова Лойковского, овдовевшего за два месяца до этого. У еще двух женщин период вдовства продолжался 8,3 и 6,8 года.

Лишь один аспект брачного поведения ускользает со страниц архивных документов — это **любовь**. Этнографические материалы свидетельствуют о том, что этот аспект если и не игнорировался полностью, то не был решающим. Как и в любом традиционном обществе, брачный союз представлял собою прежде всего экономическую сделку между двумя хозяйствами, в результате чего одно приобретало нового члена и оба — новых родственников (*свояков*), на поддержку которых отныне можно было рассчитывать. Если между молодыми возникала любовь, это расценивалось как идеальный вариант, поскольку никто из родителей не был против того, чтобы дети чувствовали себя счастливыми. Но основное назначение брака заключалось не в поиске личного счастья, что хорошо отражает пословица из собрания А. Варлыги: *Горка рэдзька, ды ядуць, горка замужам, ды йдуць*. Исполнить свою общественную роль, оставив после себя потомство, считалось моральным долгом индивида, и в этом плане взгляды белорусских крестьян были идентичны взглядам российских⁵⁴⁷. За сложными подготовительными обрядами отчетливо просматривается поэтапное заключение союза между двумя семьями, в котором не последнюю роль играл

⁵⁴⁶ Knodel J. E. Demographic Behavior in the Past. A Study of Fourteen German Village populations in the Eighteenth and Nineteenth Centuries. P. 162.

⁵⁴⁷ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи и правового государства: В 2 т. — 2-е изд., испр. — СПб., 2000. Т. 1. С. 161.

и брачный выкуп со стороны семьи жениха. Переговоры о его размере обыгрываются в одной из песен, которая пелась в Гайненском приходе от лица невесты: *Даражы, татуйка, даражы! Да сто чырвонцаў запрасі, тады мяне маладу аддасі!* Этнографические материалы конца XIX в. свидетельствуют, что на Беларуси брак *в семьях старинного покроя* даже тогда воспринимался как экономическое мероприятие. Наблюдатели отмечали: *Если вы поговорите со стариками и старухами, то они вам скажут, что и красота невесты мало нужна для хозяйства, куда требуются только хорошие рабочие руки. Правда, молодое поколение уже сильно восстает против такого взгляда. И среди него личные симпатии начинают получать преобладающее значение*⁵⁴⁸.

Любовь могла вспыхнуть в неподходящее время и к неподходящему объекту, стать помехой в выполнении общественного долга. Об этом напоминала другая пословица: *Ня ўсе краскі цвятуць, што рана распускаюцца, ня ўсе дзеўкі замуж ідуць, што змалада кахаюцца*. Поэтому одной из задач воспитания являлась выработка у подростков психологической установки (*фрейма*, как говорят современные психологи), исключающей возникновение интереса к юноше или девушке такого социального статуса, который затруднял или делал невозможным брачный союз с родительским хозяйством. Эта установка призвана была защитить детей от попадания в «ситуацию Ромео и Джульетты». Своеобразным тестом для выявления подростковых симпатий выступали танцы и игры, связанные с выбором пары и имитацией элементов свадебного обряда. Например, в игре «Женитьба Терешки», одной из самых популярных и распространенных в Беларуси⁵⁴⁹, каждый играющий делал шуточный выбор «жениха» или «невесты», а потом обоюдное совпадение симпатий проверялось поочередно ловлей парнями выбранных девушек, а девушками — парней. Кто-то позволял поймать себя почти сразу, кто-то мог уклоняться очень долго. В этой игре каждый получал возможность в санкционированной обществом форме продемонстрировать свое предпочтение, не опасаясь открытого отказа и насмешек окружающих. Взрослым же оставалось зорко следить за этим выбором, оценивая его по своим критериям. Зарождающуюся симпатию можно было или тонко поощрить, или вовремя пресечь в зародыше. Язеп Гладкий еще застал эту игру в Михалковичах, ее отмирание происходило на его глазах. В своих воспоминаниях он пишет, что к началу XX в. игра в «Терешку» была почти забыта, но в 1907 г. при помощи старых женщин ее удалось на время возродить. Вскоре ее забыли окончательно, хотя в некоторых соседних местностях в нее играли до конца 1920-х гг.

При должном уровне досуга и чуткости старших такие традиции позволяли сформировать брачные пары, вполне способные если не к счастливому, то к благополучному существованию. Проблемы могли возникать в тех случаях, если родители, занятые заботами по хозяйству, упустили подростков из сферы своего влияния в самом критическом возрасте. Еще в одной ситуации родители могли не только не предотвратить, но и спровоцировать неудачу в личной жизни детей: если они умышленно или неосознанно ориентировали их на повышение социального статуса за счет удачного брака. Как и в любом обществе, такой путь был возможен, но чреват последствиями двоякого рода. Во-первых, юноша или девушка могли столкнуться с проблемами уже на стадии подростковых игр и ухаживаний, пытаясь наладить отношения с представителями более высокого социального слоя. У тех вырабатывалась установка игнорировать таких ухажеров, это могло привести к фрустрации или, в лучшем случае, неразделенной любви. Но если брачный альянс между хозяйствами разного достатка и заключался, психологический дискомфорт в молодой семье был почти гарантирован.

Рождение и смерть

Показатели рождаемости и выживания потомства можно установить лишь в той степени, насколько позволяет сделать это характер сохранившихся метрических книг. Их неполноту частично удастся компенсировать, сопоставляя между собой все три вида записей и подвергая их перекрестному анализу с помощью инвентарей и ревизских сказок. Но степень погрешности все равно остается ощутимой. Этому способствует частое искажение имен и фамилий, вследствие чего одного реально существовавшего индивида можно принять за двух, а иногда и за трех. По указанным причинам ни одну цифру, необходимую для статистических подсчетов, невозможно установить с точностью до единицы. Всегда присутствует некоторая неопределенность, своего рода «квантовый эффект» на популяционном уровне, который можно лишь снизить до приемлемого уровня, но невозможно устранить совсем.

⁵⁴⁸ Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей / Под ред. В. Л. Семенова. Т. IX: Верхнее Поднепровье и Белоруссия. — СПб., 1905. С. 152—153.

⁵⁴⁹ Сводку этнографических описаний этой игры см. в издании из серии «Беларуская народная творчасць»: *Жаніцьба Цярэшкі* / Уклад. гэктаў, уступ. арт. і камент. Л. М. Салавей. — Мн., 1992.

Недоучет рождений в метрических книгах был очень высок. В период между 1762 и 1858 гг. в популяции родились 5176 индивидов (2606 мужского пола и 2570 — женского), упоминаемых во всех видах документов. На период наблюдений приходится три значительные лакуны в метрических записях о рождении: с мая по декабрь 1801 г., в течение всего 1849 г. и затем с 1851 по 1857 г. За это время, судя по упоминаниям возраста в ревизских сказках, на свет появились около 300 индивидов. Среди оставшихся 4876 в 740 случаях (15,2%) записи о рождении отсутствуют. Если рассматривать только период, для которого последовательность метрических записей относительно полна, — с 1770 по 1842 г., результат получается аналогичный. За это время родились не менее 3930 детей. Факт существования 132 из них удостоверяют только записи о смерти (как правило, в детском возрасте) или браке (для 20 девушек). Еще 477 детей упоминаются в ревизских сказках (инвентарях), но не отмечены в метрических книгах о рождении. Всего, таким образом, не было зарегистрировано рождение 609 несомненно существовавших детей, или 15,5%.

В рамках основной выборки дети рождались в 800 семьях. Всего у них родились не менее 3798 детей. С учетом поправки на недоучет на 800 семей приходится 3930 детей, или в среднем по 4,9 на семью (таблица 10).

Т а б л и ц а 10. Продолжительность брака и число детей в семьях

Длительность брака	Число браков	%	Число детей	Количество детей на 1 брак
5 лет и менее	83	10,38	118	1,4
6–10 лет	123	15,38	325	2,6
11–15 лет	111	13,88	420	3,8
16–20 лет	121	15,13	601	5,0
21–25 лет	108	13,50	649	6,0
26–30 лет	79	9,88	492	6,2
31–35 лет	75	9,38	511	6,8
36–40 лет	61	7,63	419	6,9
41–50 лет	37	4,63	245	6,6
Свыше 50 лет	2	0,25	19	9,5
Всего	800	100	3798	4,7
			3930*	4,9

*С учетом неотожествленных.

Численно преобладали сравнительно малодетные семьи. Из таблицы 11 видно, что из семей, имевших потомство, почти в половине (49,6%) рождалось не более 4 детей. Но основной прирост обеспечивали те семьи, где детей рождалось много. Около 2/3 детей (65,6%) родились в семьях, имевших от 5 до 9 детей.

Т а б л и ц а 11. Распределение семей по числу детей

Количество детей в семье	Количество семей	%	Всего детей	%
1	106	13,25	106	2,79
2	104	13,00	208	5,47
3	94	11,75	282	7,42
4	93	11,63	372	9,79
5	88	11,00	440	11,58
6	92	11,50	552	14,53
7	78	9,75	546	14,37
8	70	8,75	560	14,74
9	44	5,50	396	10,42
10	16	2,00	160	4,21
11	10	1,25	110	2,89
12	1	0,13	12	0,32
13	3	0,38	39	1,03
15	1	0,13	15	0,39
Итого	800	100	3798	100

Наибольшим количеством детей оказалось в семье Франца Колоши (около 1745–1800) и его жены Агаты (около 1745–1799). За время брака, длившегося примерно 33 года, у них родились 15 детей. Впрочем, выжили из них всего четверо.

Из 957 семей, включенных в основную выборку, 157 (16,4 %) оказались бездетными. Но эту последнюю цифру, видимо, неоправданно распространять на популяцию в целом. Более точным является подсчет среди 1392 семей,

существовавших на протяжении 1760-х — 1840-х гг. Среди них дети отсутствовали в 204 случаях, что составляет 14,7 %. С учетом бездетных семей в среднем на одну брачную пару приходилось примерно по 4,2 ребенка.

Продолжительность детородного периода можно определить для 120 женщин, у которых известна точная дата их рождения и дата рождения последнего ребенка (сюда не включены случаи, когда женщина умирала или становилась вдовой менее чем через 3 года после рождения последнего ребенка, т. е. просто не имела возможности родить следующего). Возраст на момент родов последнего ребенка составил от 27,3 до 47,8 года, среднее значение — 39,6 года, медиана — 40,2. Таким образом, обычно менопауза у женщин наступала в возрасте примерно 40 лет. При среднем возрасте на момент брака в 21 год детородный период мог продлиться 19 лет, максимум (при раннем браке в 16 лет или позднем наступлении менопаузы) — около 25 лет.

С этой точки зрения особый интерес представляют семьи, просуществовавшие 25 и более лет. Этот отрезок совместной жизни преодолели 267 супружеских пар, или 27,9 % основной выборки. У них родились, как минимум, 1686 детей, т. е. среднее количество детей на семью, полностью завершившую естественный репродуктивный цикл, составило 6,3. Бездетных семей в этой группе — 13 (4,9%).

Однако полученные цифры в любом случае неадекватно отражают реальное количество деторождений. Многие дети умирали во младенчестве и вообще не вписывались в метрические книги, и без того страдающие очень высоким **недоучетом смертей**. Из примерно 4130 достоверно существовавших индивидов, умерших в период с 1762 по 1850 г., записи о смерти обнаружены в 2587 случаях, т. е. для примерно 1540 индивидов они отсутствуют. Правда, следует учитывать наличие двух лакун в записях, приходящихся на 1838 и 1848 гг. На их счет можно отнести около 60 смертей. Оставшиеся примерно 1480 смертей (36,3%) не были зарегистрированы в годы, когда регистрация осуществлялась без перерывов. Из 2445 детей, умерших в возрасте не старше 15 лет, смерть не была зарегистрирована в 973 случаях (39,8%), в том числе для 849 детей (34,7%) имеется лишь запись о рождении, и больше в источниках они не упоминаются. Доля неучтенных смертей в возрасте от 16 лет и старше составляет 33,6% (число умерших — примерно 1680 человек, запись о смерти отсутствует для 565 из них).

Если незарегистрированный ребенок умирал во младенчестве или раннем детстве, то никаких следов его существования не осталось вообще. Это же относится и к случаям мертворождений, а тем более выкидышей. Они практически не регистрировались: за все годы обнаружена лишь одна запись о том, что ребенок родился мертвым. Между тем число таких случаев было велико.

Чтобы оценить количество неучтенных родов, достаточно сопоставить даты брака и рождения первенца. Особенно наглядно это в отношении семей, где последующие дети рождались через регулярные промежутки. Например, в семье Ивана Заянковского и Клары Юшкевич венчание состоялось в сентябре 1813 г., а первый ребенок зарегистрирован в сентябре 1818 г., т. е. ровно через 5 лет. Затем в этой семье дети рождались с завидной регулярностью: в 1820, 1823, 1825, 1828, 1830, 1833 и 1837 гг. Тут можно полагать, что в 1814 и 1816 гг. имели место даже две неучтенные беременности. Похожая ситуация — в семье Иосифа Долинского и Марьяны Лис. Они обвенчались в ноябре 1819 г., первый ребенок зарегистрирован в январе 1825 г., а последующие — в 1828, 1831, 1834, 1837, 1840 и 1843 гг. Как минимум одна неучтенная беременность, в пределах 1822–1823 гг., представляется весьма вероятной.

Семей, для которых известны точные даты венчания и рождения первенца, насчитывается 591. Средний интервал между этими событиями — 32,6 месяца, или 2,7 года (таблица 12).

Т а б л и ц а 12. Интервалы между венчанием и рождением первенца

Интервал	Число случаев	%
Менее 9 мес.	11	1,86
От 9 до 17 мес.	213	36,04
От 18 до 24 мес.	100	16,92
От 24 до 30 мес.	47	7,95
От 31 до 60 мес.	142	24,03
Более 5 лет	78	13,20
Всего	591	100,00

Разброс значений весьма велик. В трех семьях рождение ребенка последовало соответственно через 1, 2 и 3 месяца после венчания, и здесь брак явно узаконил внебрачную беременность. Но такие случаи были редчайшими исключениями.

Еще в двух случаях от венчания до родов прошло 6 месяцев, в двух — по 7 и в трех — по 8 месяцев. Здесь можно предполагать как беременность невесты к моменту венчания, так и преждевременные роды. С другой стороны, в 11 случаях от венчания до зарегистрированного рождения ребенка прошло более 10 лет, в том числе в двух случаях — 15,5 и 15,9 лет соответственно. Здесь явно имели место какие-то проблемы со здоровьем матери, или она просто выходила замуж до наступления половой зрелости. Но в тех случаях, когда от венчания до рождения первенца проходило от 18 месяцев до 5 лет (а такие случаи составляют 48,9%), есть основания предполагать неудачную первую беременность если не для всех, то для значительной части браков.

В пользу того, что большие интервалы между беременностями нужно интерпретировать именно таким образом, свидетельствует исследование В. Л. Дьячкова, изучившего отчетность родильного и гинекологического отделений Тамбовской губернской земской больницы за конец XIX — начало XX в., когда медицинская помощь охватывала уже широкие слои населения, а случаи выкидышей и мертворожденных начали тщательно фиксироваться⁵⁵⁰. В Тамбовском уезде в 1897–1899 гг. на 2164 учтенных родовспоможения пришлось 1568 благополучных родов, 142 мнимоумерших (которые без медицинской помощи вряд ли были бы реанимированы), 267 мертворожденных и 187 выкидышей. На две последние группы приходится 21% всех родовспоможений, с учетом мнимоумерших — 27,5%. В период 1907–1914 гг. количество выкидышей и неправильных родов, заканчивавшихся смертью плода (без учета мнимоумерших и доношенных мертворожденных), колеблется от 19,8 до 26,1%, в 1915 г. снижается до 17,4%, но в 1916 г. взлетает до 34,7%. Если к этому добавить младенцев, умиравших в первые дни жизни, можно довольно уверенно полагать, что неудачно заканчивалась каждая четвертая, если не третья беременность. Это значит, что на каждые 100 рождений, учтенных в метрических книгах, приходилось порядка 35–40 неудачных беременностей, оставшихся незамеченными церковным учетом.

По мнению В. Л. Дьячкова, примерно такую же цифру составляли выкидыши в ранние сроки беременности (2–5 месяцев), которые часто не распознавались или игнорировались даже самими женщинами. Среднее количество беременностей на один брак с этими поправками должно составлять от 7,1 до 7,6. Из них благополучно заканчивались около 55–60%. На семью, полностью завершившую репродуктивный цикл, среднее число беременностей составляло примерно 11 ($\pm 0,3$).

Внебрачная рождаемость была поначалу очень невысока. С 1762 по 1775 г. зарегистрировано 571 рождение, и среди них ни одного внебрачного. В следующие четверть века, с 1776 по 1800 г., среди 1244 рождений зафиксировано 8 внебрачных, или 0,64%. Но в XIX в. их число резко возрастает. В 1801–1825 гг. из 1181 учтенного ребенка внебрачными были 25, или 2,11% (в одном случае это была двойня), в 1826–1850 гг. из 1080 рожденных — 47 (в том числе две двойни), или 4,35%. В среднем за первую четверть XIX в. ежегодно рождался один внебрачный ребенок, за вторую четверть — два, причем в 1842 г. их было сразу шестеро, включая одну двойню. Иногда фамилии матерей не имеют аналогий среди уроженцев Кореньщины, хотя место рождения и имена крестных подтверждают, что ребенок родился в данной местности. Возможно, такие матери-одиночки были работницами, нанятыми издалека.

В 40 случаях удалось установить происхождение матери. 16 из них были солдатками, мужей которых забрали в рекруты (в том числе одна из них рожала после этого трижды, еще одна — дважды), 8 — вдовами (одна тоже родила после смерти мужа двух незаконных детей), 17 — девушками (одна рожала дважды), и один случай совершенно нетипичный — жена родила незаконного ребенка при живом муже. Этот внебрачный ребенок был вторым в ее жизни. Первого она родила в возрасте 21 года, затем в 33 года вышла замуж за вдовца, от которого имела одного или двух детей (это приходится на 1840-е гг., когда в метрических книгах есть большие лакуны), а в 1850 г. в возрасте 40 лет родила незаконную дочь. Муж ее умер примерно через 2 года после этого, а в ревизской сказке 1858 г. она отмечена как бежавшая в 1856 г.

Девушка, которая родила вне брака дважды, в 25 и 32 года, затем все же вышла замуж в возрасте 34 лет, причем муж был на 10 лет моложе ее. Его вскоре забрали в рекруты, и в возрасте 40 лет она родила еще одного внебрачного ребенка. Такие женщины, явно игнорировавшие общепринятые моральные нормы и регулярно рожавшие незаконных детей, встречались нечасто. Всего за время наблюдений таких случаев было 5. Из 13 девушек, которые, видимо, оступились случайно, 6 впоследствии все же вышли замуж.

Выживаемость внебрачных детей была очень низкой. Достоверно можно утверждать о дожитии до совершеннолетия лишь девяти из них. В том числе выжили все три ребенка той солдатки, которая трижды рожала после отдачи мужа в рекруты.

⁵⁵⁰ Дьячков В. Л. О женской доле, мужской роли и нашем месте под Солнцем, или о том, что бывает за неправильное и несознательное демографическое поведение // Социальная история. Ежегодник, 2000. — М., 2000. С. 219—229.

Интерес представляет **сезонное распределение рождений**. Правда, оно подвержено очень сильным случайным колебаниям от года к году, вызванным малым объемом выборки. В отдельные месяцы каждого года не зафиксировано ни одного рождения, тогда как уже в следующем году в этом же месяце оно могло оказаться максимальным. Но все же прослеживаются определенные закономерности. В таблице 13 отражены данные о зарегистрированных рождениях с начала регулярных записей, с 1762 г. Они разбиты на три периода. Годы, на которые приходятся значительные лакуны в записях, из подсчета исключены.

Т а б л и ц а 13. Суммарное распределение рождений по месяцам

	Янв.	Фев.	Март	Апр.	Май	Июнь	Июль	Авг.	Сент.	Окт.	Нояб.	Дек.	Всего
За 1762–1794 гг.													
Число рождений	167	146	171	109	92	86	99	128	142	154	160	150	1604
%	10,41	9,1	10,66	6,8	5,74	5,36	6,17	7,98	8,85	9,6	9,98	9,35	100
Помесечный индекс	123	118	126	83	68	65	73	94	108	113	121	110	1201
За 1795–1825 гг.													
Число рождений	141	146	138	108	114	108	131	132	152	123	146	131	1570
%	8,98	9,3	8,79	6,88	7,26	6,88	8,34	8,41	9,68	7,83	9,3	8,34	100
Помесечный индекс	106	120	104	84	86	84	98	99	118	92	113	98	1202
За 1826–1850 гг.													
Число рождений	109	100	98	84	72	85	117	86	94	105	80	79	1109
%	9,83	9,02	8,84	7,57	6,49	7,66	10,55	7,75	8,48	9,47	7,21	7,12	100
Помесечный индекс	116	117	104	92	76	93	124	91	103	112	88	84	1201

Можно констатировать устойчивое понижение рождаемости в конце весны — начале лета (с апреля по июль, что соответствует времени зачатия с августа по ноябрь), которое с небольшими вариациями наблюдается во всех трех периодах. Очевидно, столь длительно проявляющаяся особенность не является результатом наложения случайностей, а отражает какие-то черты сексуального поведения исследуемой популяции. Во второй четверти XIX в. впервые проявилась еще одна особенность — понижение рождаемости также в ноябре — декабре. Время зачатия в этом случае приходится на февраль и март, что соответствует самому длительному и строгому посту, когда предписывалось и сексуальное воздержание. Но в конце XVIII в. ощутимого снижения рождаемости в ноябре — декабре не наблюдается.

Интересно, что в отношении свадеб влияние церковного календаря проступает очень явственно: в периоды главных постов число венчаний падает до нуля. Тот факт, что ритм зачатий происходил по собственным законам, гораздо слабее связанным с календарем, говорит о чисто внешнем воздействии официальной церкви. Она добивалась успеха в тех делах, которые могла легко контролировать — венчание без ксендза обойтись не могло. Но когда дело доходило до интимных сторон жизни, крестьяне игнорировали предписания религии. При этом они, как единодушно отмечают все наблюдатели, достаточно строго соблюдали традиционные, полуязыческие и даже чисто языческие ритуалы. Проникновение христианской морали до уровня интимной жизни индивида стало заметным только в 1820-е гг.

Анализ **продолжительности жизни** требует рассмотрения судьбы всех лиц, упоминаемых в источниках за время наблюдений. Всего с разной степенью уверенности можно говорить о более-менее длительном проживании в деревнях Кореньщины 6380 индивидов, в том числе 3118 лиц мужского пола и 3282 — женского. Из них 843 человека (420 мужчин и 423 женщины) родились до начала сохранившихся метрических книг, что не позволяет точно определить их возраст на момент смерти, а для женщин — девичью фамилию и происхождение. Для 56 индивидов этой группы известно, что они покинули популяцию, в том числе 23 девушки или вдовы вышли замуж за ее пределы. В возрасте до 16 лет умерли на протяжении 1760-х гг. 12 детей (3 мальчика и 9 девочек). Из оставшихся для 254 человек (110 мужчин и 144 женщины) не известен не только год рождения, но и точный год смерти, что не позволяет оценить продолжительность их жизни.

Зато это возможно для 521 индивида (288 мужчин и 233 женщин), для которых известна точная дата смерти или ее можно определить с погрешностью не более года. Правда, год рождения их определяется с гораздо большей погрешностью (± 5 лет), поэтому и возраст на момент смерти не слишком точен. Но все же эти данные представляют определенный интерес (все смерти указанных индивидов пришлось на период с 1762 по 1837 г.). Средняя продолжительность жизни в этой группе составила 52,3 года, у мужчин — 53,4, у женщин — 51,1 (таблица 14).

Т а б л и ц а 14. Количество смертей по возрастным группам у лиц, родившихся до 1762 г.

	16-20	21-25	26-30	31-35	36-40	41-55	46-50	51-55	56-60	61-65	66-70	71-75	Свыше 75	Всего
	лет													
Мужчины	5	9	9	16	22	24	28	36	45	38	32	13	11	288
%	1,7	3,1	3,1	5,6	7,6	8,3	9,7	12,5	15,6	13,2	11,1	4,5	3,8	100
Женщины	8	11	16	12	18	14	19	33	33	27	17	15	10	233
%	3,4	4,7	6,9	5,2	7,7	6,0	8,2	14,2	14,2	11,6	7,3	6,4	4,3	100

В период между 1762 и 1858 гг. в популяции родились 5176 индивидов (2606 мужчин и 2570 женщин), еще 175 индивидов этих же годов рождения (67 мужчин и 118 женщин) прибыли извне, 155 жен остались неотожествленными. Из учтенных местных уроженцев 368, или 7,1%, тем или иным способом покинули популяцию: 49 бежали, 68 переведены в другие имения, 168 молодых мужчин отданы в рекруты, 83 девушки вышли замуж за пределы Кореньщины. Можно предполагать, что еще примерно 20 индивидов также убыли из популяции, хотя достоверных данных об этом нет. Среди 175 пришлых 21 человек (12 мужчин и 9 женщин) впоследствии также вновь убыли из популяции: 5 переведены в другие имения, 3 бежали, 6 отданы в рекруты, 1 вышла замуж за пределы Кореньщины, судьба одного неизвестна.

Чтобы раскрыть картину смертности среди родившихся в период с 1762 по 1836 г., использован **когортный анализ**. Для этого все индивиды разбиты на когорты, в каждую из которых вошли лица, рожденные в пятилетний промежуток времени. Таких когорт получается 15, но лишь в первых шести практически все индивиды умерли к концу периода наблюдений. Принципы формирования окончательного состава этих когорт отражены в таблице 15.

Т а б л и ц а 15. Общие изменения в составе первых 6 когорт

Основные показатели	1-я когорта	2-я когорта	3-я когорта	4-я когорта	5-я когорта	6-я когорта	1762-1791 гг.
	1762- 1766 гг.	1767- 1771 гг.	1772- 1776 гг.	1777- 1781 гг.	1782- 1786 гг.	1787- 1791 гг.	
Число мужчин, рожденных в популяции	117	130	130	157	170	153	857
Число женщин, рожденных в популяции	135	154	134	170	164	167	924
Общее число лиц, рожденных в популяции	252	284	264	327	334	320	1781
Число мужчин, убывших из популяции	4	8	13	12	29	32	98
Процент убывших от числа рожденных мужчин	3,4	6,2	10,0	7,6	17,1	20,9	11,4
Число женщин, убывших из популяции	17	9	7	11	9	8	61
Процент убывших от числа рожденных женщин	12,6	5,8	5,2	6,5	5,5	4,8	6,6
Общее число убывших	21	17	20	23	38	40	159
Процент убывших от числа рожденных	8,3	6,0	7,6	7,0	11,4	12,5	8,9
В том числе:							
Общее число бежавших	3	0	2	0	3	1	9
Число переведенных в другие имения	5	6	6	6	7	9	39
Число женщин, выданных замуж за пределы популяции	1	4	5	8	21	23	62
Процент от общего числа рожденных женщин	0,9	3,1	3,8	5,1	12,4	15,0	7,2
Число мужчин, отданных в рекруты	12	7	7	9	7	7	49
Процент от числа рожденных мужчин	8,9	4,5	5,2	5,3	4,3	4,2	5,3
Число мужчин, прибывших в популяцию извне	13	5	2	3	2	7	32
Процент от числа мужчин в когорте	10,3	3,9	1,7	2,0	1,4	5,5	4,0
Число женщин, прибывших в популяцию извне	16	9	6	7	8	9	55
Процент от числа женщин в когорте	11,9	5,8	4,5	4,2	4,9	5,4	6,0
Общее число прибывших	29	14	8	10	10	16	87
Процент от числа включенных в когорту	11,2	5,0	3,2	3,2	3,3	5,4	5,1
Число умерших мужчин	126	127	119	148	142	122	784
Число умерших женщин	134	154	133	165	160	160	906
Общее число умерших	260	281	252	313	302	282	1690
В том числе известных только по записи о рождении	70	90	61	88	71	68	448
Процент от числа включенных в когорту	27,8	31,7	23,1	26,9	21,3	21,3	25,2
Число мужчин, оставшихся живыми на 1858 г.	0	0	0	0	1	6	7
Число женщин, оставшихся живыми на 1858 г.	0	0	0	1	3	8	12
Общее число лиц, оставшихся живыми на 1858 г.	0	0	0	1	4	14	19
Всего мужчин в когорте	126	127	119	148	143	128	791
Всего женщин в когорте	134	154	133	166	163	168	918
Общая численность когорты	260	281	252	314	306	296	1709

Для каждой из когорт получено распределение смертности по возрастам. В отличие от данных таблицы 14 для

Т а б л и ц а 16. Количество смертей и продолжительность жизни среди взрослых в первых 6 когортах

	16-20	21-25	26-30	31-35	36-40	41-55	46-50	51-55	56-60	61-65	66-70	71-75	Свыше 75	Всего	Средний возраст
лет															
1-я когорта, 1762–1766 гг. рожд.															
Количество мужчин	2	3	2	4	5	5	13	4	5	3	8	2	1	57	48,4
% взрослых	3,5	5,3	3,5	7,0	8,8	8,8	22,8	7,0	8,8	5,3	14,0	3,5	1,8	100	
% всех (126)	1,6	2,4	1,6	3,2	4,0	4,0	10,3	3,2	4,0	2,4	6,3	1,6	0,8	45,2	23,2
Количество женщин	6	11	7	7	6	7	10	15	5	4	4	2	0	84	42,1
% взрослых	7,1	13,1	8,3	8,3	7,1	8,3	11,9	17,9	6,0	4,8	4,8	2,4	0	100	
% всех (134)	4,5	8,2	5,2	5,2	4,5	5,2	7,5	11,2	3,7	3,0	3,0	1,5	0	62,7	26,6
2-я когорта, 1767–1771 гг. рожд.															
Количество мужчин	2	3	0	5	1	13	6	3	6	10	2	2	2	55	49,7
% взрослых	3,6	5,5	0,0	9,1	1,8	23,6	10,9	5,5	10,9	18,2	3,6	3,6	3,6	100	
% всех (127)	1,6	2,4	0,0	3,9	0,8	10,2	4,7	2,4	4,7	7,9	1,6	1,6	1,6	43,3	21,5
Количество женщин	4	3	4	9	5	8	10	3	1	13	6	1	0	67	47
% взрослых	6,0	4,5	6,0	13,4	7,5	11,9	14,9	4,5	1,5	19,4	9,0	1,5	0	100	
% всех (154)	2,6	1,9	2,6	5,8	3,2	5,2	6,5	1,9	0,6	8,4	3,9	0,6	0	43,5	21,2
3-я когорта, 1772–1776 гг. рожд.															
Количество мужчин	2	1	3	1	6	3	5	5	11	3	5	2	1	48	50,9
% взрослых	4,2	2,1	6,3	2,1	12,5	6,3	10,4	10,4	22,9	6,3	10,4	4,2	2,1	100	
% всех (119)	1,7	0,8	2,5	0,8	5,0	2,5	4,2	4,2	9,2	2,5	4,2	1,7	0,8	40,3	21,8
Количество женщин	4	2	3	1	8	3	3	2	10	8	2	3	0	49	48,4
% взрослых	8,2	4,1	6,1	2,0	16,3	6,1	6,1	4,1	20,4	16,3	4,1	6,1	0	100	
% всех (133)	3,0	1,5	2,3	0,8	6,0	2,3	2,3	1,5	7,5	6,0	1,5	2,3	0	36,8	19,8
4-я когорта, 1777–1781 гг. рожд.															
Количество мужчин	1	1	3	2	5	4	6	12	9	2	5	0	0	50	49,1
% взрослых	2,0	2,0	6,0	4,0	10,0	8,0	12,0	24,0	18,0	4,0	10,0	0	0	100	
% всех (148)	0,7	0,7	2,0	1,4	3,4	2,7	4,1	8,1	6,1	1,4	3,4	0	0	33,8	18,3
Количество женщин	0	2	4	6	6	5	2	5	7	4	7	0	1	49	48,6
% взрослых	0	4,1	8,2	12,2	12,2	10,2	4,1	10,2	14,3	8,2	14,3	0	2,0	100	
% всех (166)	0	1,2	2,4	3,6	3,6	3,0	1,2	3,0	4,2	2,4	4,2	0,0	0,6	29,5	15,8
5-я когорта, 1782–1786 гг. рожд.															
Количество мужчин	4	1	6	4	1	3	7	9	5	4	6	2	1	53	47,9
% взрослых	7,5	1,9	11,3	7,5	1,9	5,7	13,2	17,0	9,4	7,5	11,3	3,8	1,9	100	
% всех (143)	2,8	0,7	4,2	2,8	0,7	2,1	4,9	6,3	3,5	2,8	4,2	1,4	0,7	37,1	17,6
Количество женщин	9	2	15	3	6	2	9	6	6	8	6	3	1	76	44
% взрослых	11,8	2,6	19,7	3,9	7,9	2,6	11,8	7,9	7,9	10,5	7,9	3,9	1,3	100	
% всех (163)	5,5	1,2	9,2	1,8	3,7	1,2	5,5	3,7	3,7	4,9	3,7	1,8	0,6	46,6	21,4
6-я когорта, 1787–1791 гг. рожд.															
Количество мужчин	1	5	3	1	1	4	5	10	10	7	3	2	1	53	51
% взрослых	1,9	9,4	5,7	1,9	1,9	7,5	9,4	18,9	18,9	13,2	5,7	3,8	1,9	100	
% всех (128)	0,8	3,9	2,3	0,8	0,8	3,1	3,9	7,8	7,8	5,5	2,3	1,6	0,8	41,4	22,3
Количество женщин	2	9	5	4	1	8	5	7	9	10	8	4	2	74	48,8
% взрослых	2,7	12,2	6,8	5,4	1,4	10,8	6,8	9,5	12,2	13,5	10,8	5,4	2,7	100	
% всех (168)	1,2	5,4	3,0	2,4	0,6	4,8	3,0	4,2	5,4	6,0	4,8	2,4	1,2	44,0	22,4
Всего в 6 когортах, 1762–1791 гг. рожд.															
Количество мужчин	12	14	17	17	19	32	42	43	46	29	29	10	6	316	49,5
% взрослых	3,8	4,4	5,4	5,4	6,0	10,1	13,3	13,6	14,6	9,2	9,2	3,2	1,9	100	
% всех (791)	1,5	1,8	2,1	2,1	2,4	4,0	5,3	5,4	5,8	3,7	3,7	1,3	0,8	39,9	20,7
Количество женщин	25	29	38	30	32	33	39	38	38	47	33	13	4	399	46,2
% взрослых	6,3	7,3	9,5	7,5	8,0	8,3	9,8	9,5	9,5	11,8	8,3	3,3	1,0	100	
% всех (918)	2,7	3,2	4,1	3,3	3,5	3,6	4,2	4,1	4,1	5,1	3,6	1,4	0,4	43,5	21,1

большинства индивидов известны даты либо обоих демографических событий (рождения и смерти), либо одного из них, а второе событие определяется, как правило, с точностью ± 2 года. Лишь для пятой и шестой когорты возраст смерти тех индивидов, которые были живы к концу периода наблюдений, определен приблизительно, с учетом общей динамики смертности в предыдущих когортах. В таблице 16 эти данные приведены для всех умерших в возрасте старше 15 лет, по каждой когорте отдельно и суммарно по всем когортам. Указан также процент умерших в каждой возрастной группе, исчисленный от членов когорты, доживших до 16 лет, и от всех членов когорты. Средняя продолжительность жизни тоже указана дважды: только для взрослых и с учетом всех умерших до 16 лет.

Процент умерших в детстве очень сильно менялся от когорты к когорте, и в результате общая продолжительность жизни испытывала такие же хаотические колебания. В четвертой когорте у женщин она упала до 15,8 года, хотя продолжительность жизни взрослых почти не отличалась на общем фоне. В среднем во второй половине XVIII в. умирало около 60% детей. Из первой когорты выжило намного больше девочек, чем мальчиков. Во второй когорте их число примерно равное, и преобладание женщин среди взрослых объясняется их более высокой рождаемостью. В третьей и четвертой когортах, где выживаемость детей была особенно низкой, процент выживших девочек оказался ниже, чем мальчиков. В двух остальных когортах общая выживаемость находится на среднем для того времени уровне, и девочек среди выживших вновь оказалось больше. Объяснить эту особенность я попробую чуть ниже.

Среди тех, кто выжил в детстве, продолжительность оставшейся жизни (правая колонка таблицы) оказалась несколько ниже, чем у тех, кто родился до 1762 г., но это может быть следствием неточности в определении возраста последних. От когорты к когорте средняя продолжительность жизни взрослых в целом возрастала, за исключением пятой когорты, в которой она оказалась самой низкой. Для ее представителей возраст активной жизни, от 20 до 50 лет, пришелся на период утверждения на Кореньщине крепостного права — примерно с 1804 по 1834 г. В год франко-русской войны этим людям было 26–30 лет, и преодоление военного разорения легло основной своей тяжестью именно на них. На этот возраст приходится гораздо более резкий, чем у других когорт, пик смертности. Но в целом 1812 год проходит диагональю через всю таблицу (проценты, отражающие смертность в соответствующих возрастах, выделены курсивом). Малое число смертей у мужчин четвертой когорты в это время объясняется тем, что их удельный вес в популяции был низок: все предыдущие годы из этой возрастной группы набирали основную массу рекрутов. У женщин первых двух когорт основной пик смертности смещен на послевоенное пятилетие, около 1817 г. Возможно, в эти годы умирали те, кто ранее утратил своих мужей.

Для анализа **детской смертности** пригодны как первые 6, так и оставшиеся 9 когорт. После 1813 г. детская смертность ощутимо снизилась: в последующие годы до 16-летия устойчиво доживали более половины детей. Детская смертность среди мальчиков по-прежнему была выше, за исключением десятой и частично одиннадцатой когорты. Раннее детство родившихся в эти годы пришлось на войну и послевоенные лишения, и в такой ситуации выживаемость девочек вновь оказалась ниже.

Данные о **факторах смертности** свидетельствуют, что главную угрозу для жизни представляли многочисленные инфекции, значительная часть из которых поражала именно детей. Вспышки детских инфекций хорошо прослеживаются даже по ранним метрическим книгам, в которых причины смерти не указывались. С мая по август 1783 г. на территории Кореньщины зарегистрирована смерть 32 детей в возрасте от нескольких дней до 12 лет, из них 21 смерть пришла на июль. При этом 8 детей умерли в деревне Михалковичи, а 12 — в Терехах, где в тот момент было 22 двора. Если учесть, что в той же деревне четверо детей умерли чуть ранее (с декабря 1782 по февраль 1783 г.), а двое — чуть позже (в ноябре и декабре 1783 г.), то получается, что за год смерть посетила каждый второй дом, из них некоторые — неоднократно. Чуть менее выраженная вспышка повторилась в конце следующего 1784 года, когда за три месяца умер 21 ребенок (в октябре — 7, в ноябре — 10 и в декабре — 4). На этот раз 5 детских смертей пришлось на деревню Чернево, в которой насчитывалось 20 дворов. Устойчивое повышение смертности наблюдалось затем с мая по ноябрь 1794 г., когда умерли 54 человека, из них 35 детей.

Следующая вспышка наблюдается с декабря 1803 по начало апреля 1804 г. За 4 месяца умерли 33 ребенка. Раньше всего эпидемия началась в деревнях Жирблевичи и Лищицы. Там с декабря по февраль умерли по 6 детей, в марте в Лищицах умер еще один. Чуть позже инфекция перекинулась на Михалковичи, и там с января по март умерли 5 детей. В Прудках и Коренеболезнь проявилась в феврале — начале апреля, там умерли соответственно 5 и 4 ребенка. В других деревнях имели место единичные случаи детских смертей. Возможно, они не были связаны с эпидемией.

Т а б л и ц а 17. Детская смертность в 14 когортах по возрастным группам

Когорта	Годы рожд.	пол	Всего родилось	До 1 г.		1–5 лет		6–10 лет		11–15 лет		Всего умерло	
				число смертей	%	число смертей	%	число смертей	%	число смертей	%	число	%
1	1762–1766	м	126	41	32,5	17	13,5	7	5,6	4	3,2	69	54,8
		ж	134	37	27,6	9	6,7	6	4,5	1	0,7	53	39,6
2	1767–1771	м	127	50	39,4	13	10,2	5	3,9	4	3,1	72	56,7
		ж	154	59	38,3	18	11,7	3	1,9	6	3,9	86	55,8
3	1772–1776	м	119	42	35,3	18	15,1	9	7,6	2	1,7	71	59,7
		ж	133	44	33,1	23	17,3	7	5,3	10	7,5	84	63,2
4	1777–1781	м	148	53	35,8	30	20,3	12	8,1	3	2,0	98	66,2
		ж	166	68	41,0	31	18,7	16	9,6	2	1,2	117	70,5
5	1782–1786	м	143	53	37,1	32	22,4	10	7,0	0	0,0	95	66,4
		ж	163	41	25,2	40	24,5	4	2,5	2	1,2	87	53,4
6	1787–1791	м	128	40	31,3	25	19,5	6	4,7	4	3,1	75	58,6
		ж	168	57	33,9	29	17,3	3	1,8	5	3,0	94	56,0
Всего за 1762–1791		м	791	279	35,3	135	17,1	49	6,2	17	2,1	480	60,7
		ж	918	306	33,3	57	6,2	39	4,2	26	2,8	521	56,8
7	1792–1796	м	137	37	27,0	23	16,8	9	6,6	4	2,9	73	53,3
		ж	176	36	20,5	31	17,6	7	4,0	0	0,0	74	42,0
8	1797–1801	м	109	22	20,2	24	22,0	5	4,6	7	6,4	58	53,2
		ж	135	27	20,0	30	22,2	3	2,2	4	3,0	64	47,4
9	1802–1806	м	126	26	20,6	33	26,2	16	12,7	4	3,2	79	62,7
		ж	161	28	17,4	36	22,4	21	13,0	4	2,5	89	55,3
10	1807–1811	м	135	27	20,0	35	25,9	9	6,7	2	1,5	73	54,1
		ж	124	32	25,8	29	23,4	7	5,6	3	2,4	71	57,3
11	1812–1816	м	135	36	26,7	20	14,8	2	1,5	2	1,5	60	44,4
		ж	140	25	17,9	32	22,9	4	2,9	3	2,1	64	45,7
12	1817–1821	м	137	29	21,2	24	17,5	2	1,5	2	1,5	57	41,6
		ж	149	34	22,8	23	15,4	4	2,7	1	0,7	62	41,6
13	1822–1826	м	142	29	20,4	23	16,2	6	4,2	3	2,1	61	43,0
		ж	156	33	21,2	19	12,2	3	1,9	6	3,8	61	39,1
14	1827–1831	м	100	24	24,0	23	23,0	2	2,0	2	2,0	51	51,0
		ж	145	28	19,3	22	15,2	7	4,8	5	3,4	62	42,8
Всего за 1792–1831		м	1021	230	22,5	205	20,1	51	5,0	26	2,5	512	50,1
		ж	1186	243	20,5	222	18,7	56	4,7	26	2,2	547	46,1

Сильнейшая эпидемия охватила Кореньщину сразу после отступления деморализованной наполеоновской армии в конце 1812 г. Вероятно, французскими солдатами была занесена инфекция, приведшая к эпидемии. На нее наложился голод, вызванный реквизициями и грабежами. С декабря 1812 по апрель 1813 г. в метрической книге зафиксированы 210 смертей — соответственно 19, 65, 42, 40, 31 и 13. С поправкой на неполноту учета можно утверждать, что за этот период умерли около 225 человек (каждый шестой житель Кореньщины), причем январский пик смертности представляет собой абсолютный рекорд за все время наблюдений. Возрастная структура смертности показывает, что смерть косила людей всех возрастов без разбора. Детей не старше 15 лет среди зарегистрированных умерших было 93 из 213 (43,6%), что близко к их пропорции в составе популяции.

Очередная вспышка смертности зафиксирована в июле 1822 г. Она была кратковременной, но острой. За месяц умерли 29 человек, из них 18 детей не старше 15 лет. В маленьком застенке Городец (Коханов Брод), насчитывавшем всего 4 двора, с 30 июня по 17 июля умерли трое детей и девушка 17 лет, а в сентябре там умерла еще одна 15-летняя девочка-подросток. 8 смертей (из них 7 детских) имели место в Михалковичах, между остальными деревнями смерти распределились относительно равномерно.

Причины смерти указываются в метрических книгах Кореньского костела за 1827–1848 и 1850 гг. Разумеется, во многих случаях они сформулированы по чисто внешним признакам. Священник явно записывал их со слов родственников умерших, которые были весьма далеки от современной медицинской терминологии. Всего причины смерти устанавливаются в 805 случаях, относящихся к обитателям Кореньщины. В их число не вошли записи, в которых смерть была вызвана неизвестной болезнью. Ниже причины смерти сгруппированы по типам, хотя группировка достаточно условна (таблица 18).

Т а б л и ц а 18. Причины смерти по данным метрических книг 1827–1850 гг.

Причина смерти	Число случаев	%	Причина смерти	Число случаев	%
Старость	61	7,6	Инфекционные болезни	218	27,1
Голод	5	0,6	<i>В том числе:</i>		
Несчастные случаи	17	2,1	<i>желтуха</i>	17	2,1
			<i>коклюш</i>	17	2,1
Роды и послеродовые осложнения (полог)	10	1,2	<i>корь</i>	13	1,6
			<i>круп</i>	23	2,9
Внутренние болезни	79	9,7	<i>лихорадка (фебра)</i>	8	1,0
<i>В том числе:</i>			<i>нарыв, карбункул</i>	23	2,9
<i>апоплексический удар</i>	1	0,1	<i>оспа</i>	29	3,6
<i>боль в груди</i>	6	0,7	<i>сифилис (французская болезнь)</i>	1	0,1
<i>боль в сердце</i>	4	0,5	<i>скарлатина</i>	18	2,2
<i>внезапная смерть</i>	13	1,6	<i>сыпь</i>	2	0,2
<i>головная боль</i>	5	0,6	<i>туберкулез (сухоты)</i>	80	10,0
<i>колики</i>	9	1,1	<i>холера</i>	3	0,4
<i>опухоль (водная пухлина)</i>	35	4,4	Простудные заболевания	89	11,1
<i>паралич</i>	2	0,2	<i>В том числе:</i>		
<i>слабость</i>	4	0,5	<i>воспаление легких</i>	25	3,1
Желудочно-кишечные расстройства	75	9,2	<i>кашель</i>	64	8,0
<i>В том числе:</i>			Трудноопределимые причины	245	30,4
<i>боль в желудке</i>	30	3,7	<i>В том числе:</i>		
<i>запор (обструкция)</i>	9	1,1	<i>горячка</i>	170	21,1
<i>понос (диарея)</i>	34	4,2	<i>детинец</i>	6	0,7
<i>тошнота (ваниты)</i>	2	0,2	<i>конвульсии</i>	69	8,6
Колтун	1	0,1	Эпилепсия (болезнь Св. Валентина)	4	0,5
			Помешательство	1	0,1
			Всего	805	100

Во многих случаях за определением *диарея* скрываются инфекционные заболевания (дизентерия или холера), равно как и за смертью от кашля могла стоять инфекция (все умершие от кашля, за одним исключением, были детьми в возрасте не старше 8 лет). Вероятно, большинство случаев *горячки* (самой распространенной причины смерти) также связано с инфекционными заболеваниями. Порой она носила явно эпидемический характер. Так, за 12 месяцев с сентября 1833 по август 1834 г. зарегистрирована смерть 97 человек, что более чем вдвое превышает среднегодовую норму. Из них в 45 случаях смерть наступила от *горячки*. В сентябре — декабре 1834 г. умерли еще 12 человек, из них 10 — по той же причине. Еще 8 человек во время этой вспышки погибли от каких-то нарывов (в одном случае сказано — *нарыв под горлом*, что указывает на круп), причем 7 из них — на протяжении августа 1834 г. Почти все эти люди были взрослыми: среди умерших от *горячки* лишь двое детей, среди умерших от нарыва — один. Эта вспышка смертности могла быть вызвана инфекцией, занесенной при передвижениях войск для подавления польского восстания.

В целом инфекционные заболевания являлись причиной не менее чем половины всех смертей, в первую очередь — детских. Практически все умершие от оспы, коклюша, кори, крупа, скарлатины, сыпи (100 случаев из 102) имели возраст не более 10 лет, и еще в одном случае от оспы умер ребенок 13 лет. От желудочных инфекций также чаще всего страдали дети. В 22 из 34 случаев смерти от поноса (*диареи*), в 21 из 30 — от боли в желудке и в обоих случаях смерти от тошноты (*ванит*) скончались дети до 15 лет. Даже единственным умершим от сифилиса был годовалый ребенок.

Смертность от детских инфекций в середине XIX в. по-прежнему накатывалась волнами. Так, в марте — апреле 1839 г. вспышка скарлатины оборвала жизни 11 детей. Еще 5 детей в это же время умерли от кашля, 2 — от сыпи. За период с 17 мая по 7 августа 1841 г. 16 человек (из них 11 детей) скончались от диареи, а еще 5 детей — от крупа (в двух случаях он назван явно, в трех речь идет о нарыве в горле или просто нарыве). Пик крупа пришелся на вторую половину ноября 1841 — январь 1842 г., когда он унес жизни 14 детей. Но особенно неблагоприятной оказалась середина 1840-х годов. За период с 27 марта по 22 июля 1845 г. 10 детей умерли от кори. На это же время пришлось новая вспышка диареи (возможно, холеры) — 12 смертей с конца мая по конец августа, из них 8 детских. На конец того же года пришлось вспышка оспы, унесшая с октября по декабрь жизни 6 детей. В первой половине 1846 г. ее сменила горячка, ставшая причиной смерти с января по август 11 человек (из них 6 детей и подростков не старше 15 лет). Про сложившуюся острую, неблагоприятную ситуацию свидетельствуют и три голодные смерти, которые случились в этот же период (из всех 5 зарегистрированных), причем одним из умерших был мальчик 11 лет.

Существенной причиной детской смертности были конвульсии, обусловленные как врожденными органическими дефектами, так и инфекцией (например, менингит). Вероятно, *детинец* также связан со смертью в конвульсиях. Среди 75 умерших по этим двум причинам насчитывается 70 детей, в том числе 42 — не старше года и еще 16 — до 3 лет. Дети часто погибали также от простуды. В 62 из 64 случаев, когда смерть наступила от кашля, умершими были дети, в том числе в 37 случаях — не старше года. На этом фоне смертность от несчастных случаев в детском возрасте незначительна. Из всех 17 таких случаев дети оказались жертвами в 6. Двое из них (в возрасте 2 и 8 лет) погибли от испуга, один 2-летний ребенок замерз, 4-летнего мальчика убил вол, а 15-летняя девочка подавилась орехом. Еще один 9-летний мальчик погиб где-то в лесу (его кости нашли спустя несколько месяцев).

Несчастные случаи среди взрослых единичны: сгорел, утонул, искусан собакой, надорвался. Один 20-летний парень был убит (при каких обстоятельствах — не сообщается), еще один 17-летний умер от побоев. Одна девушка ошпарилась. Зафиксирован и один случай самоубийства: 31-летний арестант повесился в Борисовском остроге. Это случилось в декабре 1845 г. с Карлом Колошей из Терехов. Для его семьи (жены и троих сыновей, в возрасте от 11 до 6 лет) последствия также оказались трагическими. Старший ребенок умер от горячки в марте 1846 г., а жена и двое остальных — в январе 1847 г., причем их смерти зарегистрированы в метрической книге в один день, хотя точные даты не указаны.

Смерть отца повлекла демографическую катастрофу всей семьи еще в одном случае. 46-летний Лаврин Равина из Лищиц потерял жену в ноябре 1843 г. (она умерла от *полога* — неудачных родов), после чего сиротами остались четыре его сына, в возрасте от 13 до 2 лет. В январе следующего 1844 г. он женился повторно, взяв в жены уже дважды вдовую к тому времени Екатерину Шейпу. Но когда в апреле 1845 г. сам он умер от туберкулеза (*сухот*), мачеха не смогла заменить сиротам родителей. Двое из них умерли в мае и ноябре того же 1845 г. (причиной смерти одного также назван туберкулез, второго — боль в желудке). Старший сын в неполных 16 лет умер через год после отца, в апреле 1846 г., причем назван в метрической книге *жабраком* (нищим). Мачеха с оставшимся пасынком вернулась в хозяйство предыдущего мужа в деревню Михалковичи, где вместе с ними в ревизии 1850 г. указана также ее дочь от первого брака. Последний сын Лаврина Равины умер в 1852 г. в возрасте 14 лет.

Вероятность выживания детей в семье если и зависела от их количества, то очень опосредованно. Наилучший результат зафиксирован в семье Николая и Марьяны Зеляниных (Жилинских), существовавшей примерно с 1777 по 1811 г. За указанное время у них родились не менее 10 детей, и можно предполагать принадлежность к этой же семье еще одной дочери. Из всех детей лишь один умер на 4-м году жизни, остальные достигли брачного возраста. В двух семьях, имевших по 13 детей, выжили по 9 из них, в одной — 8 из 11. По 7 выживших детей зафиксировано в 15 семьях, в каждой из которых рождалось от 7 до 12.

Наихудший исход, видимо, демонстрирует семья Матвея и Магдалены Вашкевичей, существовавшая примерно с 1765 по 1784 г. Из 10 детей, рожденных в это время, ранняя смерть пятерых зафиксирована в метрической книге, остальные после рождения больше не упоминаются в источниках. Вероятно, они умерли в раннем детстве. Правда, смерть главы этой семьи

тоже не зарегистрирована, и потому сохраняется вероятность того, что она покинула популяцию. Не вызывает сомнений другой схожий случай: у умершего в 1790 г. Василя Балцевича и его жены Екатерины, умершей в 1787 г., за время брака, заключенного около 1762 г., зафиксировано рождение 9 детей. Из них не выжил никто: смерть шестерых документально зафиксирована, остальные трое не упоминаются после крещения. В еще одной семье не выжил ни один из 7 детей, в пяти семьях — ни один из 6, в семи семьях — ни один из 5. В двух семьях выжил 1 ребенок из 8 родившихся, в шести — 1 из 7.

Репродуктивный исход, т. е. количество детей, доживших до брачного возраста (18–20 лет), можно определить для 762 семей (таблица 19). В них в сумме родились не менее 3615 детей, а с учетом неотожествленных — 3747. Более половины из них — 1966, или 52,5 %, умерли в детстве или ранней юности.

Т а б л и ц а 19. Репродуктивный исход в семьях, имевших детей

Количество выживших детей в семье	Количество семей	%	Всего выживших детей	%
0	146	19,16	0	0
1	178	23,36	178	10,11
2	130	17,06	260	14,76
3	106	13,91	318	18,06
4	82	10,76	328	18,63
5	70	9,19	350	19,88
6	31	4,07	186	10,56
7	15	1,97	105	5,96
8	1	0,13	8	0,45
9	2	0,26	18	1,02
10	1	0,13	10	0,57
Итого	762	100	1761	100

Среднее число выживших потомков составило 2,3. В эту цифру не входят 20 неотожествленных девушек, известных только по записи об их браке. Кроме того, примерно в 40 семьях к 1858 г. репродуктивный период уже в основном закончился, но часть детей оставались маленькими, что не позволяет установить их дальнейшую судьбу. Во всяком случае из 185 детей, родившихся в этих семьях, 116 были живы к концу периода наблюдений, многие из них уже успели достичь брачного возраста. Общее количество выживших потомков в этих семьях, видимо, близко к 100. Всего, таким образом, на 800 учтенных семей приходится примерно 1880 выживших детей (2,35 на семью). С учетом почти 15-процентной пропорции бездетных семей репродуктивный исход в популяции составлял, вероятно, порядка 2,05–2,1 потомка на семью.

Чтобы устранить воздействие эпидемии 1812–1813 гг. (сильно искажающей повседневную статистику смертности) при подсчете **сезонного распределения смертей** не учитывались данные о смертях за вторую половину 1812 и первую половину 1813 г (таблица 20).

Т а б л и ц а 20. Суммарное распределение смертей по месяцам

	Янв.	Фев.	Март	Апр.	Май	Июнь	Июль	Авг.	Сент.	Окт.	Нояб.	Дек.	Всего
За 1762–1794 гг.													
Число смертей	80	84	94	83	82	88	101	75	39	55	71	80	932
%	8,58	9,01	10,09	8,91	8,8	9,44	10,84	8,05	4,18	5,9	7,62	8,58	100
Помесячный индекс	101	117	119	108	104	115	128	95	51	70	93	101	
За 1795–1825 гг.*													
Число смертей	94	113	89	85	74	69	81	56	55	49	63	70	898
%	10,47	12,58	9,91	9,47	8,24	7,68	9,02	6,24	6,12	5,46	7,02	7,8	100
Помесячный индекс	123	163	117	115	97	94	106	73	75	64	85	92	
За 1826–1850 гг.**													
Число смертей	86	90	110	91	80	70	82	88	66	54	71	77	965
%	8,91	9,33	11,4	9,43	8,29	7,25	8,5	9,12	6,84	5,6	7,36	7,98	100
Помесячный индекс	105	121	134	115	98	88	100	107	83	66	90	94	

* Без учета данных о смертях за 1801, вторую половину 1812 и первую половину 1813 гг.

** Отсутствуют данные о смертях за 1828 г.

Показатель смертности демонстрирует устойчивый минимум в сентябре — октябре, частично захватывая и ноябрь. За весь период наблюдений на эти месяцы не пришлось ни одного пика смертности. Два максимума смертности столь же устойчиво приходятся на конец зимы или начало весны и на вторую половину лета, из них второй пик в XIX в. сглаживается.

Режим воспроизводства населения

Наиболее общим показателем, характеризующим демографическое состояние популяции, является **баланс рождаемости — смертности**, выражаемый коэффициентами в промилле (на 1000 живущих в календарном году). Чтобы подсчитать такие коэффициенты, необходимо знать не только количество родившихся и умерших за каждый год, но и точную численность населения, учитывая сальдо миграций — соотношение лиц, покидающих популяцию и прибывающих в нее извне. Неверное определение численности может привести к серьезному завышению или занижению коэффициентов. Видимо, именно это произошло с данными, приведенными Е. Г. Королевой по восьми церковным деканатам за 1776 г.⁵⁵¹ Коэффициент рождаемости в них варьирует от 27,6 промилле (что представляется неправдоподобно низким для Беларуси второй половины XVIII в.) до 75,7 (эта цифра фантастически велика). Коэффициент смертности в одном из деканатов составил 11,9 промилле — показатель, характерный скорее для современных индустриальных стран. Даже в Англии в период промышленной революции он не опускался ниже 20 промилле до 1880-х гг.⁵⁵² Этот пример показывает, сколь важно правильно определить численность популяции, для которой исчисляются коэффициенты.

Опорными точками являются материалы инвентаря 1740 г. (не сопровождаемого метрическими книгами, зато охватывающего всю популяцию), инвентаря Малого Кореня за 1761 г. (практически синхронного самым ранним метрическим записям, но охватывающего только три поселения), серии инвентарей Великого Кореня, Прудков и Кореньской плембании за 1780-е гг. (в сочетании с метрическими книгами они отражают подворный состав населения в 9 из 12 существовавших на тот момент поселений), ревизских сказок за 1795 и 1811 гг. (по ним есть данные о мужском населении, а в экономических примечаниях за 1795 г. — численность лиц обоего пола на уровне деревень для всей популяции), ревизских сказок за 1816 и 1834 гг. (наиболее полных и прекрасно сопоставимых с метрическими книгами), инвентаря за 1841 г. (без данных о владениях Кореньской плембании), ревизских сказок за 1850 и 1858 гг.

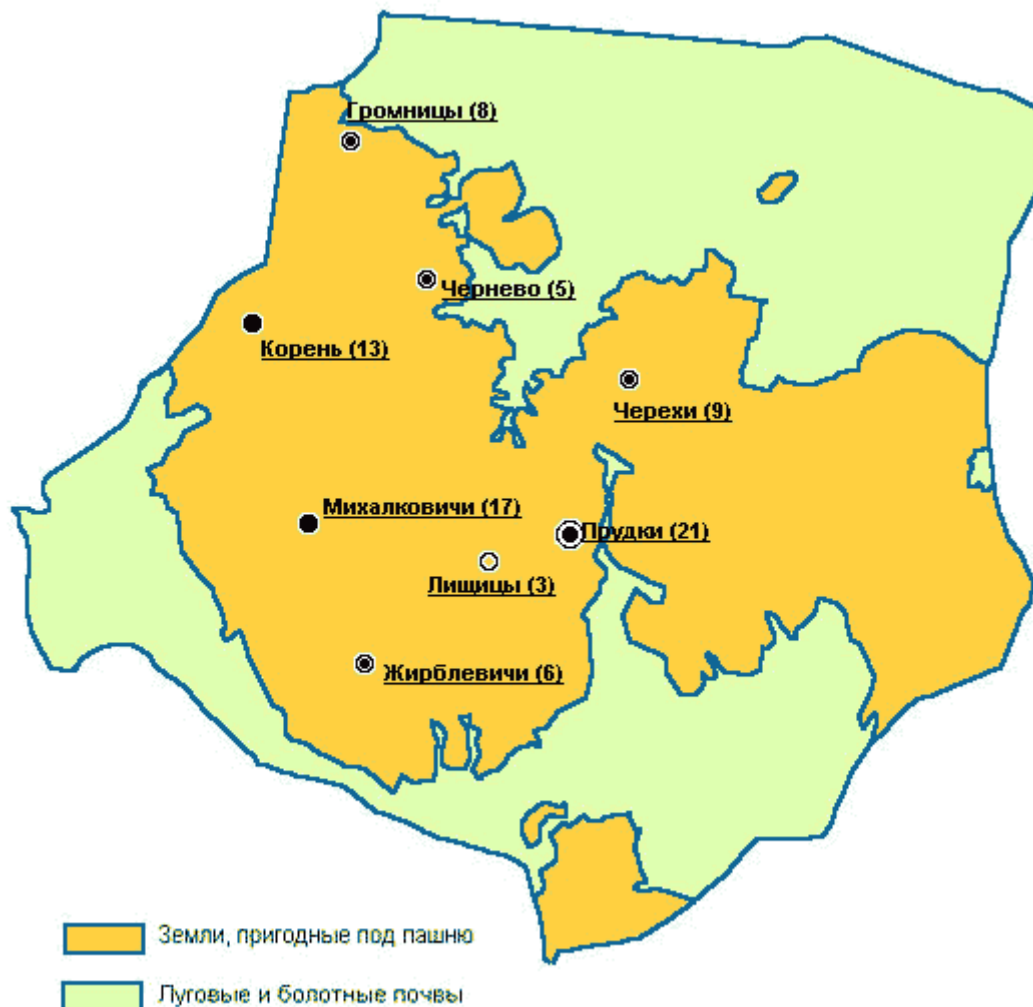

Рис. 2. Расположение поселений кореньщины на 1740 г.

(в скобках – количество дворов)

⁵⁵¹ Гісторыя сялянства Беларусі са старажытных часоў да нашых дзён: У 3 т. Т. 1. — Мн., 1997. С. 272—273.

⁵⁵² Wrigley E.A., Schofield R.S. The Population History of England, 1571—1871. P. 181.

Для периода Великого Княжества Литовского данные отрывочны и не всегда позволяют прийти к точным цифрам. В инвентаре 1740 г. впервые перечислены обитатели всех 8 селений, существовавших на тот момент на территории Кореньщины (рис. 2). Суммарные данные по деревням приведены в таблице 21.

В принадлежавшем плембании селе Корень инвентарь не упоминает дочерей, что не дает возможности определить полную численность жителей. Если экстраполировать на него общую пропорцию мужчин и женщин, характерную для капитульных владений (примерно 112:100), то женское население села можно оценить примерно в 31 человек, а популяцию в целом — в 520 человек.

Т а б л и ц а 21. Численность населения Кореньщины по данным инвентаря 1740 г.

Деревни	Число дворов	Число душ		
		мужчин	женщин	всего
Громница	8	37	33	70
Жирблевичи	6	23	18	41
Лищицы	3	14	17	31
Михалковичи	17	57	43	100
Прудки	21	58	59	117
Черехи	9	32	22	54
Чернево	5	22	22	44
<i>Всего в капитульных владениях</i>	<i>69</i>	<i>243</i>	<i>214</i>	<i>457</i>
Корень	13	35	14*	49
Итого	82	278	228	506

* Упомянуты только жены, данных о дочерях нет.

Эта цифра является минимальной. Следует учитывать возможный недоучет населения, который проверить нечем. В этой связи интерес представляет пропорция полов. Известно, что в нормальных условиях на каждых 100 девочек рождается примерно 105 мальчиков, но в силу более высокой смертности новорожденных мужского пола (характерной не только для человека, но и для многих млекопитающих) пропорция полов уже в раннем детстве выравнивается. В нашем случае мужское население преобладает. Эта ситуация, довольно распространенная в учетных документах многих стран в XVIII в. и ранее, может интерпретироваться двояко. Не исключено, что женское население, представлявшее меньший интерес для владельцев имений, учитывалось хуже, чем мужское. При такой интерпретации более точная численность получается не при подсчете обоих полов, а при умножении мужского населения на 2. В нашем случае это дает порядка 550–560 человек.

Но некоторые исследователи полагают, что диспропорция полов была реальной. Преобладание мужчин, по их мнению, свидетельствует о практике явного или скрытого инфантицида — умышленной или неосознанной небрежности при уходе за грудными младенцами, чаще девочками, что приводило к их более высокой смертности⁵⁵³. Чуть ниже этот вопрос будет затронут более подробно. Пока нужно лишь отметить, что простое удвоение мужского населения может не приблизить, а отдалить нас от истины.

С другой стороны, вполне вероятен неравномерный недоучет обоих полов — в масштабе нескольких процентов. В более поздних инвентарях и ревизских сказках он присутствует постоянно и в среднем составляет около 7%. Это дает примерно ту же сумму, что и предположение о недоучете только женской части популяции. Поэтому численность порядка 560 человек можно расценивать как правдоподобную.

В последующие десятилетия в имении Корень ощущался хозяйственный подъем, в оборот вводились дополнительные земли. Численность населения возросла. Инвентарь 1761 г. фиксирует в трех деревнях престимония Малый Корень (Громнице, Жирблевичах и Черехах) 34 двора, тогда как в 1740 г. в тех же деревнях их было 23. Если прирост населения во всей популяции был сопоставим с увеличением числа дворов в этом престимонии (примерно в 1,5 раза), ее численность на начало 1762 г. могла достигать 840 человек. Правда, в метрических книгах и последующих инвентарях упоминается лишь около 725 местных уроженцев, рождение которых следует датировать до 1762 г. Но, как отмечено выше, недоучет смертей в метрических книгах очень высок, а в последовательности инвентарей есть большие перерывы. Поэтому из жителей престимониев Великий Корень и Прудки, родившихся в 1740-е — 1750-е гг. и умерших в 1760-е — начале 1780-х гг., примерно треть не нашла отражения в документах. Это же касается и женщин престимония Малый Корень, в котором

⁵⁵³ Подробнее об этом см. приложение к работе Ллойда Демоза: DeMause L. The Formation of the American Personality Through Psychospecification // The Journal of Psychohistory. 4 (1976). P. 1—30. Русский перевод: Демоз Л. Психоистория. — Ростов н/Д, 2000. С. 153—163.

инвентарь 1761 г. упоминает только мужское население. Число таких неучтенных индивидов можно оценить в пределах 80–90, а численность всей популяции на 1762 г. — около 810 человек.

Инвентарь Кореньской плембани за 1783 г. указывает число ее подданных в 113 человек. В Великом Коренев 1786 г. насчитывалось не менее 350 жителей, в Прудках в 1787 г. — 236. Всего в этих трех частях Кореньщины проживало в середине 1780-х гг. как минимум 700 человек, а с поправкой на возможный недоучет — порядка 750. По Малому Кореню прямых данных нет, но по метрическим книгам устанавливается существование в эти годы не менее 360 жителей этого престимония. Таким образом, общая численность популяции составляла порядка 1110 человек или чуть более.

Попытка реконструировать полный состав популяции на начало 1793 г., т. е. накануне включения в состав Российской империи, дает численность около 1120 человек. Но эта реконструкция приближительна. Из-за пропусков в регистрации смертей не всегда можно точно установить, был ли еще жив тот или иной индивид. Погрешность может составлять до нескольких десятков человек.

Опираясь на эти приближительные цифры, можно построить модель изменений численности населения в период с 1762 по 1793 г. (таблица 22). В ней учтены все рождения и смерти, отраженные в метрических книгах, а также реконструированы примерные даты этих событий для тех индивидов, которые упоминаются хотя бы в одном виде источников, и сделана поправка на число тех, кто мог остаться незамеченным. Учтены также все сведения о миграциях. В случаях, когда их невозможно точно датировать, они равномерно распределены по периодам.

Т а б л и ц а 22. Предположительная динамика популяции Кореньщины в 1762–1793 гг.

Год	Численность на начало года	Количество рождений			Количество смертей			Прирост	Миграции			Коэффициент рождаемости	Коэффициент смертности
		зарегистрированных	неучтенных	всего	зарегистрированных	неучтенных	всего		прибыло	выбыло	сальдо		
1762	810	29	16	45	1	32	33	12	16	6	10	55,56	40,74
1763	832	39	13	52	2	30	32	20	6	6	0	62,50	38,46
1764	852	36	12	48	1	31	32	16	4	6	-2	56,34	37,56
1765	866	37	14	51	2	32	34	17	4	4	0	58,89	39,26
1766	883	39	14	53	6	30	36	17	3	1	2	60,02	40,77
1767	902	33	14	47	21	25	46	1	16	1	15	52,11	51,00
1768	918	41	14	55	35	21	56	-1	6	1	5	59,91	61,00
1769	922	57	14	71	25	22	47	24	1	1	0	77,01	50,98
1770	946	49	15	64	13	23	36	28	10	1	9	67,65	38,05
За 9 лет		360	126	486	106	246	352	134	66	27	39	61,28	44,38
1771	990	42	12	54	18	24	42	12	4	2	2	54,55	42,42
1772	1014	36	12	48	28	23	51	-3	3	2	1	47,34	50,30
1773	1018	48	13	61	23	25	48	13	8	4	4	59,92	47,15
1774	1022	44	11	55	20	24	44	11	5	3	2	53,82	43,05
1775	1041	41	12	53	32	25	57	-4	8	5	3	50,91	54,76
1776	1042	43	11	54	13	24	37	17	3	3	0	51,82	35,51
1777	1059	55	11	66	30	24	54	12	3	3	0	62,32	50,99
1778	1071	45	11	56	19	25	44	12	6	5	1	52,29	41,08
1779	1084	70	13	83	21	28	49	34	4	3	1	76,57	45,20
1780	1119	50	16	66	44	29	73	-7	9	5	4	58,98	65,24
За 10 лет		474	122	596	248	251	499	97	53	35	18	56,98	47,71
1781	1116	41	14	55	14	26	40	15	4	4	0	49,28	35,84
1782	1131	45	13	58	33	27	60	-2	12	4	8	51,28	53,05
1783	1137	51	12	63	51	24	75	-12	6	8	-2	55,41	65,96
1784	1123	54	13	67	64	25	89	-22	5	5	0	59,66	79,25
1785	1101	48	13	61	29	27	56	5	11	5	6	55,40	50,86
1786	1112	69	12	81	11	27	38	43	5	7	-2	72,84	34,17
1787	1153	40	14	54	24	28	52	2	5	3	2	46,83	45,10
1788	1157	60	15	75	33	30	63	12	6	7	-1	64,82	54,45
1789	1168	63	13	76	17	29	46	30	4	6	-2	65,07	39,38
1790	1196	38	12	50	34	26	60	-10	6	12	-6	41,81	50,17
1791	1180	50	13	63	49	26	75	-12	6	23	-17	53,39	63,56
1792	1151	53	13	66	19	31	50	16	3	20	-17	57,34	43,44
1793	1150	48	15	63	28	23	51	12	8	40	-32	54,78	44,35
За 13 лет		660	172	832	406	349	755	77	81	144	-63	55,93	50,76

Если цифры за отдельные годы могут отклоняться от реальности, то аккумулярованные данные за десятилетия, видимо, отражают демографические параметры популяции относительно точно. Коэффициент рождаемости находился в пределах 56–61 промилле, коэффициент смертности — от 45 до 51. Это обеспечивало постоянный рост численности порядка

1% в год. Периодически его прерывали вспышки смертности, которые имели место в 1768, 1780, 1783, 1784 и 1791 гг. Сальдо миграций близко к нулю. Вероятно, в предшествующие десятилетия режим воспроизводства был таким же, а число прибывших значительно превышало число убывших. Этим можно объяснить тот факт, что с 1740 по 1762 г. популяция выросла примерно на 45%.

Оба коэффициента выглядят очень высокими по сравнению с Западной Европой. За вторую половину XVIII в. имеются сопоставимые данные по скандинавским странам⁵⁵⁴, а также по Англии⁵⁵⁵. В Финляндии коэффициент рождаемости колебался от 36 до 47 промилле (среднее значение за полвека — около 41), коэффициент смертности — от 20 до 41 (среднее — 28). В Швеции средние значения составляли соответственно 34 (при диапазоне от 26 до 39) и 27 (от 22 до 37, вспышка смертности в 1773 г. дала 52,5 промилле), в Норвегии — 32 (от 25 до 36) и 25 (от 20 до 48), в Англии — 36 (от 33 до 39) и 24,5 (от 25 до 29). Во Фландрии небольшая выборка за 1786 г. фиксирует рождаемость в 36–42 промилле, в 1792 г. — 33–37⁵⁵⁶. Можно предполагать, что разница в уровне рождаемости объясняется главным образом разной длиной детородного периода у замужних женщин. У белорусских крестьянок он был длиннее, поскольку они вступали в брак на 5–6 лет раньше. На уровень смертности, видимо, влиял целый комплекс факторов — экологических, культурных и социальных. Среди них немалую роль могло играть несколько пренебрежительное отношение к выживанию потомства, поскольку рождаемость была не просто высокой, а в какой-то мере даже избыточной. Именно об этом может говорить преобладание мужчин над женщинами в большинстве инвентарей данного периода. Половозрастная пирамида, рассчитанная по результатам реконструкции на начало 1793 г., выглядит весьма примечательно (рис. 3).

Выраженная диспропорция полов в 1793 г. приходится прежде всего на младшие возрасты (по оси абсцисс обозначен процент каждой возрастной группы в общей структуре популяции). Отчасти это может объясняться неточностями исходных данных и погрешностями самой реконструкции. Непропорционально большое число женщин в возрасте до 30 лет явно получилось за счет завышения возраста некоторых представительниц предыдущей возрастной группы — до 25 лет. Очевидный провал в женских возрастных группах от 10 до 19 лет (годы рождения с 1764 по 1783) частично объясняется недоучетом девочек, чьи последующие браки не были зарегистрированы. Но это объяснение не может быть универсальным, поскольку сохранившиеся инвентари 1786 и 1787 гг. отражают женское население 7 из 12 селений на территории этой выборки, и все (или почти все) девочки соответствующих возрастов фигурируют в них. Реконструкция проводилась с учетом этих данных. Сколь бы ни был велик недоучет в этих инвентарях, и сколько бы девочек ни оказались «потерянными» в оставшихся 5 населенных пунктах, это не может покрыть всю оставшуюся разницу. Об этом говорят и приведенные выше результаты когортного анализа. Из девочек 1771–1781 гг. рождения, факт существования которых нашел отражение в документах, более 70% не дожили до 16 лет.

Решающую роль сыграли две вспышки какой-то инфекции, пришедшиеся на 1783 и 1784 гг. Но не исключено, что многие новорожденные девочки (а также и немалое количество мальчиков) погибали просто из-за отсутствия заинтересованности семьи в их выживании. Если число родившихся к тому времени детей считалось достаточным, чтобы обеспечить смену поколений в данной семье (интересы всей популяции тут вряд ли принимались в расчет), смерть новорожденного могла восприниматься безразлично и даже с чувством облегчения. Известно, что в традиционном крестьянском сознании ценность мальчика — будущего наследника и продолжателя хозяйства была гораздо выше, чем ценность девочки, которой предстояло стать хозяйкой в чужом доме, а выдача ее замуж сопровождалась расходами. Это нашло многочисленные отражения в фольклоре: *Сын у дом грабе, а дачка ў людзі бярэ, Хто мае дочкі, той ходзіць без сарочки, а хто мае сынкi, той пячэ блінкі* и т. п.⁵⁵⁷ Подобный взгляд широко бытовал в достаточно модернизированном крестьянском обществе конца XIX — начала XX в. В более раннее время такое отношение приводило к тому, что нежеланные дети имели меньше шансов выжить. Общеизвестно: чем менее общество затронуто модернизацией, тем ниже ценность человеческой жизни. Видимо, в XVIII в. белорусская деревня еще находилась на той стадии, когда недостаток внимания к менее ценным новорожденным девочкам проявлялся в заметной диспропорции полов.

⁵⁵⁴ Mitchell B. R. European Historical Statistics 1750—1975. Second revised edition. — London, 1981. P. 114.

⁵⁵⁵ Wrigley E.A., Schofield R.S. The Population History of England, 1571—1871. P. 531—535.

⁵⁵⁶ Deprez P. The demographic development of Flandres in the eighteenth century // Population in History. Essays in Historical Demography / Ed. by D. V. Glass and D. E. C. Eversley. — London, 1965. P. 614.

⁵⁵⁷ Беларусы. Т. 5: Сям'я. — Мн., 2001. С. 115. Вторая из этих поговорок приводится в собрании А. Варлыги: Прыказкі Лагойшчыны / Запісаў Адам Варлыга. — Нью-Ёрк; Мюнхен, 1966. С. 84.

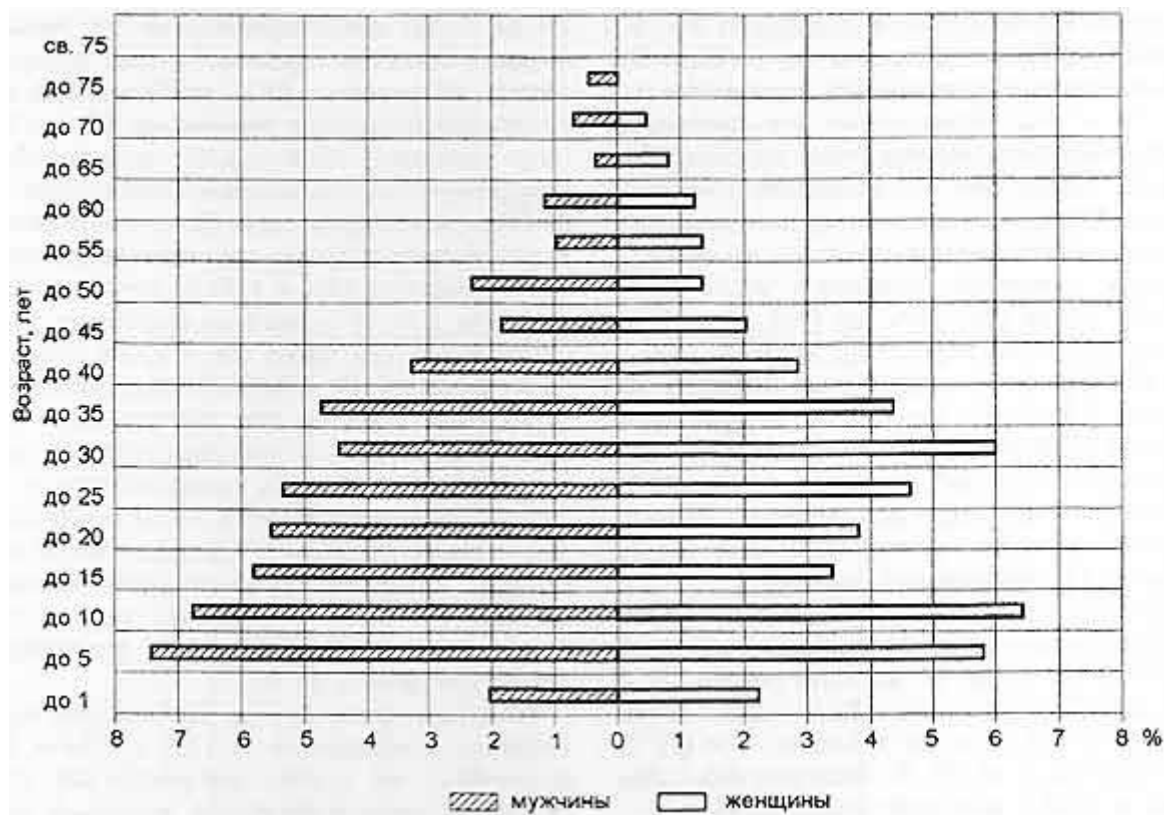

Рис. 3. Структура популяции в 1793 г.

Наличие такого же механизма регулирования численности прослеживается и в России. Даже во второй половине XIX в. небрежность в уходе за детьми бросалась в глаза земским врачам: *О сохранении двух-трех детей родители заботятся более или менее сильно, дальнейшие же дети зачастую являются в тягость и к их судьбе относятся более чем хладнокровно: «пускай их Бог приберет к себе» — слова, которые часто приходится слышать нам, земским врачам, от крестьянок, матерей многочисленных семей. <...> Если дети рождаются через 1–2 года, то становятся обузой для женщины, не получают надлежащего ухода и часто умирают*⁵⁵⁸. Это отношение отражено и в русских пословицах, собранных В. Далем в первой половине XIX в.: *Первые детки — соколятки, последние — воронятки, Хороши ягоды с проборцем, а дети с проморцем*⁵⁵⁹. В собрании А. Варлыги подобных пословиц нет, но нужно учитывать, что оно создавалось в начале XX в., когда такой фольклор уже звучал дико. Может быть, поэтому, даже слыша нечто подобное, он не решился записать и опубликовать его.

Примечательно и то, что Б. Н. Миронов, приводя эти высказывания и пословицы в своей книге, делает несколько неожиданный общий вывод: численность населения регулировалась за счет сознательного контроля рождаемости. Он даже объявляет помещичьих крестьян «пионерами» такой практики в России⁵⁶⁰. Это может послужить примером того, как исследователь проецирует свою ментальность на людей изучаемой эпохи, избирательно акцентируя одни факты и игнорируя другие, на что справедливо обращала внимание постмодернистская критика. В действительности все выглядело проще и суровее: беременность воспринималась как одно из физиологических отправления, и пытаться предотвратить ее, скажем, за счет воздержания или прерывания полового акта (*coitus interruptus*) было немислимо для мужчины сразу с двух сторон. Во-первых, это расценивалось как совершенно ненужное осложнение сексуального поведения, во-вторых — прерванное сношение являлось грехом с церковной точки зрения, о чем он мог слышать от священника на исповеди. Регулировать число детей в семье представлялось гораздо проще не активным, а пассивным деянием — предоставляя их выживание на волю Божью: *Бог даў, Бог і ўзяў*.

Что касается народных способов прерывания беременности, то они были, конечно, известны, но не могла не быть известной и их крайняя рискованность. Поэтому прибегали к ним лишь в тех случаях, когда роды следовало предотвратить любой ценой, — при внебрачной беременности. Подвергать себя такому риску замужней женщине при наличии совершенно безобидной, на ее взгляд, альтернативы даже не пришло бы в голову.

Для периода российского господства есть гораздо больше данных, чтобы реконструировать демографические параметры Кореньщины. Экономические примечания к Генеральному межеванию Минской губернии за 1800 г. содержат

⁵⁵⁸ Жбанков Д. Н. Влияние отхожих промыслов на движение народонаселения Костромской губернии по данным 1866—1883 гг. — Кострома, 1887. С. 456—458. Цит. по: Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи и правового государства: Т. 1. С. 183.

⁵⁵⁹ Даль В. И. Пословицы русского народа. — М., 1957. С. 378, 388.

⁵⁶⁰ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи и правового государства: Т. 1. С. 181—190.

сведения о числе мужчин и женщин в каждом селении на основании ревизии 1795 г. По территории Кореньщины эти данные сведены в таблицу 23.

Т а б л и ц а 23. Численность населения Кореньщины по данным ревизии 1795 г.

Деревни	Число дворов	Число душ		
		мужчин	женщин	всего
Городец	3	21	12	33
Громница	17	61	54	115
Жирблевичи	9	26	20	46
Копцы	8*	86	83	169*
Лищицы	12	32	30	62
Михалковичи	30	97	83	180
Прудки	21	67	77	144
Черехи	20	79	73	152
Чернево	12	39	37	76
Юрши	2	8	13	21
<i>Всего в имении Красный Бор</i>	<i>134</i>	<i>516</i>	<i>482</i>	<i>998</i>
Корень	9	46	43	89
Нарбутово	4	14	12	26
<i>Всего в имении плебани</i>	<i>13</i>	<i>60</i>	<i>55</i>	<i>115</i>
Итого	146	576	537	1113

* Включая 21 неоседлую семью дворовых людей (около 115 человек).

Но в этой ревизии были пропущены около 30–40 человек, впоследствии упоминаемых в других документах. Поэтому реальная численность населения составляла около 1140–1160 душ.

Ревизия 1811 г. фиксировала только лиц мужского пола. Общее их число составило 647. Но недоучет был довольно значительным. Реконструкция полного состава популяции с учетом метрических книг дает порядка 1390 человек, из них 693 мужчины.

В ревизии 1816 г. учтены 1107 душ, но пропущены еще не менее 100. Реальная численность популяции, видимо, слегка превышала 1200 человек. Снижение численности по сравнению с 1811 г. объясняется последствиями франко-русской войны (рис. 4).

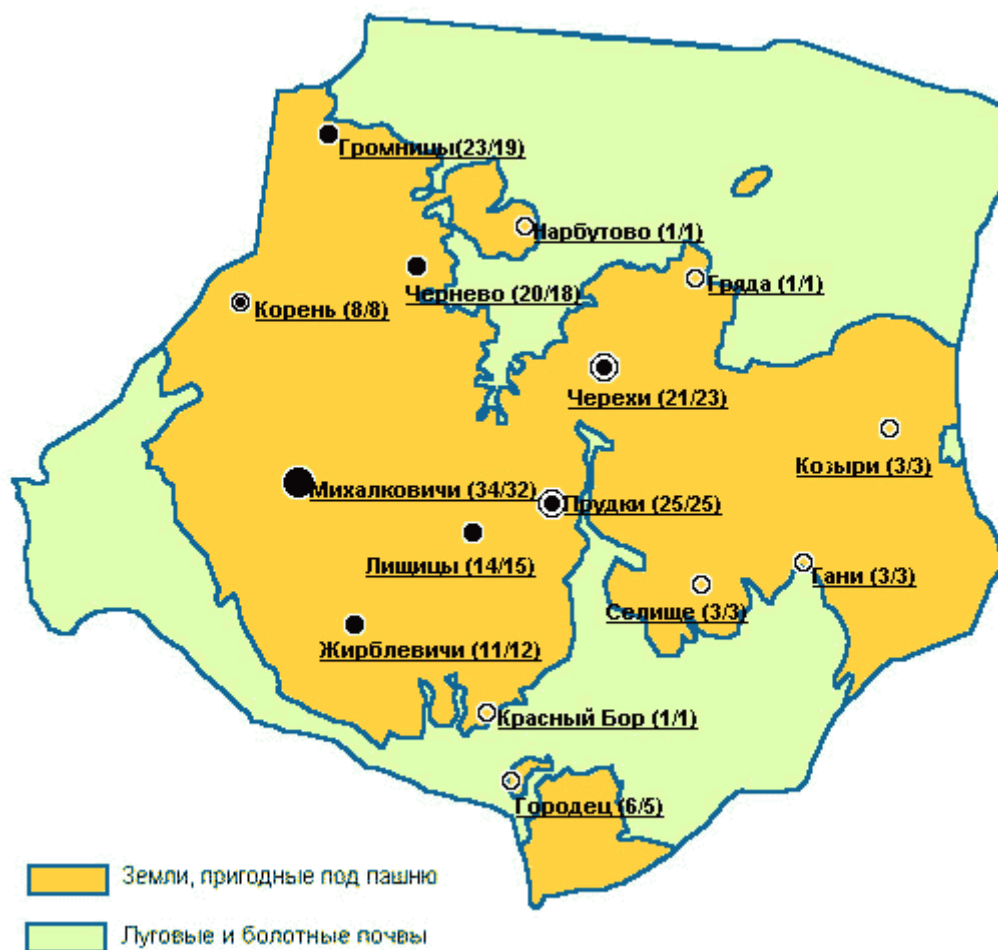

Рис. 4. Размещение поселений на 1811 г. и изменение числа дворов к 1816 г.
(в скобках – количество дворов на 1811 и 1816 гг. соответственно)

Бросается в глаза снижение обоих основных показателей — как рождаемости, так и смертности. Рождаемость колебалась вокруг цифры в 45 промилле, т. е. сократилась по сравнению с концом XVIII в. на 9 промилле. Наиболее вероятным объяснением может быть увеличение среднего возраста первого брака у женщин. Напомню, что в 1780–1793 гг. он составлял 19,8 года, а в 1794–1820 гг. возрос до 20,6 года. Увеличение брачного возраста у девушек в среднем на 9 месяцев исключало в течение жизни одну беременность. В масштабе всей популяции это не могло не отразиться на количестве рождений.

Довоенная численность, судя по соотношению рождений и смертей, восстановлена примерно за 10 лет. Общая динамика популяции в первые четверть века российского господства отражена в таблице 24.

Т а б л и ц а 24. Предположительная динамика популяции Кореньщины в 1794–1820 гг.

Год	Численность на начало года	Количество рождений			Количество смертей			Прирост	Миграции			Коэффициент рождаемости	Коэффициент смертности
		зарегистрированных	неучтенных	всего	зарегистрированных	неучтенных	всего		прибыло	выбыло	сальдо		
1794	1130	47	14	61	52	24	76	-15	42	30	12	53,98	67,26
1795	1127	48	14	62	22	22	44	18	9	4	5	55,01	39,04
1796	1150	54	13	67	10	22	32	35	3	3	0	58,26	27,83
1797	1185	25	12	37	14	19	33	4	5	6	-1	31,22	27,85
1798	1188	46	10	56	43	12	55	1	4	12	-8	47,14	46,30
1799	1181	60	11	71	19	18	37	34	3	2	1	60,12	31,33
1800	1216	41	12	53	30	18	48	5	2	6	-4	43,59	39,47
1801	1217	9	26	35	8	28	36	-1	5	2	3	28,76	29,58
1802	1219	47	11	58	44	14	58	0	4	2	2	47,58	47,58
1803	1221	53	10	63	28	14	42	21	3	3	0	51,60	34,40
1804	1242	57	10	67	51	15	66	1	3	3	0	53,95	53,14
1805	1243	56	10	66	18	16	34	32	7	3	4	53,10	27,35
1806	1279	46	10	56	16	20	36	20	3	7	-4	43,78	28,15
1807	1295	42	9	51	48	14	62	-11	6	2	4	39,38	47,88
1808	1288	43	9	52	30	11	41	11	5	0	5	40,37	31,83
1809	1304	55	9	64	22	13	35	29	5	4	1	49,08	26,84
1810	1334	50	9	59	14	16	30	29	17	6	11	44,23	22,49
За 17 лет		779	199	978	469	296	765	213	126	95	31	46,98	36,75
1811	1374	40	10	50	17	22	39	11	2	5	-3	36,39	28,38
1812	1382	48	9	57	46	26	72	-15	5	5	0	41,24	52,10
1813	1367	39	9	48	190	25	215	-167	2	25	-23	35,11	157,28
1814	1177	61	10	71	21	20	41	30	1	1	0	60,32	34,83
1815	1207	42	11	53	22	9	31	22	3	9	-6	43,91	25,68
1816	1223	47	10	57	25	14	39	18	1	3	-2	46,61	31,89
1817	1239	54	10	64	22	10	32	32	0	1	-1	51,65	25,83
1818	1270	43	9	52	18	18	36	16	1	4	-3	40,94	28,35
1819	1283	49	9	58	20	19	39	19	2	3	-1	45,21	30,40
1820	1301	69	8	77	18	23	41	36	1	5	-4	59,19	31,51
За 10 лет		492	95	587	399	186	585	2	18	61	-43	45,78	45,62
Без 1813				539			370					47,05	32,30

Что касается смертности, то ее снижение становится особенно наглядным, если опустить при подсчетах кризисный 1813 г. В остальные годы этого десятилетия смертность составляла всего 32,3 промилле, и даже с учетом этой вспышки она оказалась ниже, чем в конце XVIII в. Общая частота неблагоприятных лет снизилась: если за 31 год предыдущего периода зафиксировано 5 вспышек смертности, то за 27 лет этого периода — только 2 (в 1794 и 1813 гг.), причем обе пришлись на послевоенные годы. Сравнительные данные по ряду западноевропейских стран⁵⁶¹ за этот же период приведены в таблице 25.

Т а б л и ц а 25. Коэффициенты рождаемости и смертности в Западной Европе в 1801–1820 гг.

Страна	Коэффициент рождаемости	Коэффициент смертности
Норвегия	от 22 до 32	от 18 до 29
Дания	от 29 до 33	от 19 до 29
Швеция	от 27 до 35	от 23 до 30 (при вспышках — до 40)
Финляндия	от 29 до 40	от 21 до 33 (при вспышках — до 60)
Франция	от 30 до 33	от 25 до 31
Англия	от 38 до 42	от 24 до 27

Половозрастная пирамида, построенная по результатам реконструкции на момент ревизии 1811 г., выглядит гораздо более симметрично, чем в предыдущем случае (рис. 5). Провал в возрастной группе женщин 1770-х гг. рождения частично

⁵⁶¹ Mitchell B. R. European Historical Statistics 1750—1975. Second revised edition. P. 115—116; Wrigley E.A., Schofield R.S. The Population History of England, 1571—1871. P. 531—535.

сгладился, но все еще различим. Появление такого же провала у мужчин как явное следствие рекрутских наборов привело к выравниванию соотношения полов. Но в возрасте до 5 лет девочек по-прежнему меньше, хотя теперь это никак не может быть отнесено на недоучет. Все неучтенные при рождении девочки этого возраста, как правило, вступили бы в брак позже 1816 г. и, следовательно, в ревизии их отразили бы в семьях родителей. Но там мы их не находим. Значит, их действительно было меньше, чем мальчиков. Впрочем, разница заметно сгладилась, и это может означать определенные сдвиги в общественном сознании.

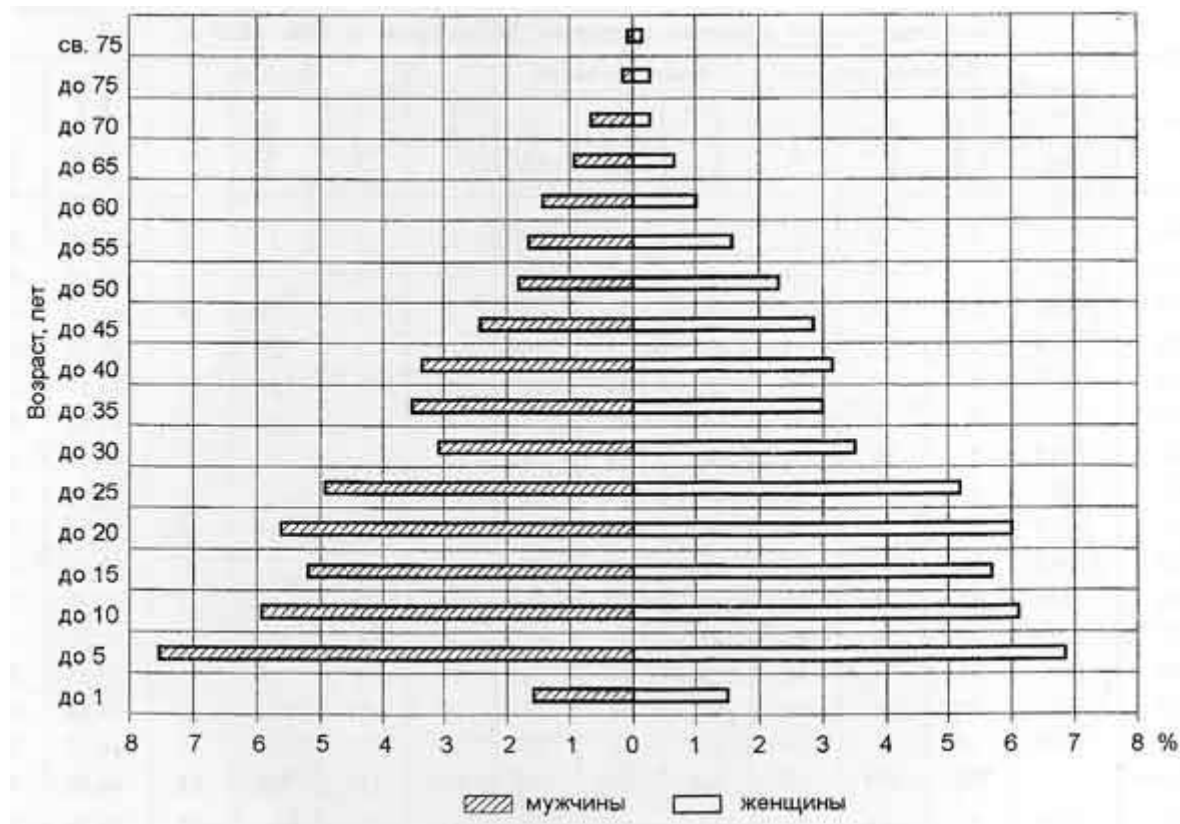

Рис. 5. Структура популяции в 1811 г.

Немаловажен тот факт, что снижение рождаемости, обусловленное более поздним возрастом первого брака у женщин, сопровождалось почти пропорциональным снижением смертности. Это подтверждает гипотезу о том, что рождаемость на уровне 50–60 промилле, характерная для жителей Кореньщины в XVIII в. и обусловленная ранними браками, была избыточной. Она представляла собой своеобразный «запас прочности», который регулировался отношением к выживанию потомства. Если популяция нуждалась в быстром повышении численности (например, после войн или при активизации процесса внутренней колонизации), достаточно было обеспечить выживание максимально возможного числа детей, и естественный прирост мог достигнуть 2–3% в год. Если же перспективы пристроить подрастающее поколение не обнадеживали, к нему и относились соответственно. Не снижая рождаемости, популяция повышала смертность, обеспечивая демографическое равновесие.

Наметившееся повышение брачного возраста (вызванное, возможно, влиянием церкви или помещика⁵⁶²) сокращало этот запас прочности в среднем на одну «лишнюю» беременность, и крестьяне уже не могли столь беззаботно относиться к выживанию новорожденных. Они отреагировали снижением смертности — вплоть до уровня 32 промилле, который, видимо, был пределом возможности в тех условиях.

Для последующего 30-летнего отрезка, с 1821 по 1850 г., демографические параметры населения Кореньщины устанавливаются относительно надежно. На момент ревизии 1834 г. проведена еще одна полная реконструкция персонального состава популяции. Ее результаты отражены в таблице 26. В каждом столбце первая цифра отражает официальные результаты ревизии, цифра в скобках — результат реконструкции с учетом пропущенных.

Разница в количестве дворов объясняется тем, что их реальное число по ревизским сказкам определить сложно. В конце списка по каждой деревне обычно приводятся без номеров несколько семей, которые почему-то не рассматривались как полноценные хозяйства. Вероятно, они находились в той или иной степени хозяйственного упадка, но в ревизских сказках нет

⁵⁶² Для России известны инструкции управляющим имений, которые прямо предписывали регулировать возраст брака крестьян. В XVIII в. оптимальным признавался возраст в 18 лет для юношей и 15–16 для девушек, в конце XVIII — первой половине XIX в. — 18–20 для юношей и 16–18 для девушек. Предельный возраст устанавливался в 25 лет для юношей и 20 для девушек. См.: Александров В. А. Сельская община в России (XVII — начало XIX в.). — М., 1976. С. 304–305; Семенова Л. Н. Очерки истории быта и культурной жизни России: Первая половина XVIII в. — Л., 1982. С. 29–33; Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи и правового государства. Т. 1. С. 167–168.

никаких указаний о том, жили они по-прежнему в собственных дворах или представляли собой *кутников* — приживальцев в более состоятельных семьях. Сопоставление с данными близкого по времени инвентаря 1841 г. показывает, что часть нумерованных дворов существовали реально, хотя и не пользовались полевым наделом. В подобных случаях они обозначены в инвентаре как *огородники* или *халупники*. Количество таких дворов на момент ревизии 1834 г. определено приблизительно.

Т а б л и ц а 26. Население Кореньщины по данным ревизии 1834 г. и с учетом пропущенных

Деревни	Число дворов	Число душ		
		мужчин	женщин	всего
двор Красный Бор	-	12 (16)	10 (15)	22 (31)
Громница	17 (18)	61 (62)	63 (70)	124 (132)
Гряда	2 (2)	13 (13)	14 (14)	27 (27)
Жирблевичи	12 (13)	49 (51)	55 (59)	104 (110)
Козыри	9 (9)	44 (45)	44 (46)	88 (91)
Лищицы	11 (12)	54 (56)	42 (53)	96 (109)
Михалковичи	30 (34)	114 (118)	120 (139)	234 (257)
Прудки	27 (29)	91 (91)	94 (106)	185 (197)
Селище	3 (3)	17 (17)	15 (15)	32 (32)
Черехи	21 (23)	74 (74)	71 (83)	148 (157)
Чернево	14 (16)	67 (75)	60 (65)	127 (140)
<i>Всего в имении Красный Бор</i>	<i>146 (159)</i>	<i>596 (618)</i>	<i>588 (665)</i>	<i>1187 (1283)</i>
Корень	7 (8)	34 (37)	24 (30)	58 (67)
Нарбутово	4 (4)	17 (18)	14 (14)	31 (32)
<i>Всего в имении племани</i>	<i>11 (12)</i>	<i>51 (55)</i>	<i>38 (44)</i>	<i>89 (99)</i>
Итого	157 (171)	647 (673)	626 (709)	1276 (1382)

Половозрастная пирамида, построенная по уточненным данным ревизии 1834 г., очень примечательна (рис. 6). В отношении женского населения прослеживается новый провал в возрастах от 20 до 34 лет включительно (годы рождения — между 1799 и 1813). Это именно то поколение, на детство которого пришлось бедствия 1812–1813 гг. Примечательно, что у мальчиков провал сдвинут на более ранний возраст и затрагивает родившихся в 1799–1804 гг. Среди выживших представителей этой возрастной группы мальчиков и девочек было примерно поровну. Зато среди родившихся и выживших в 1809–1813 гг. девочек намного меньше.

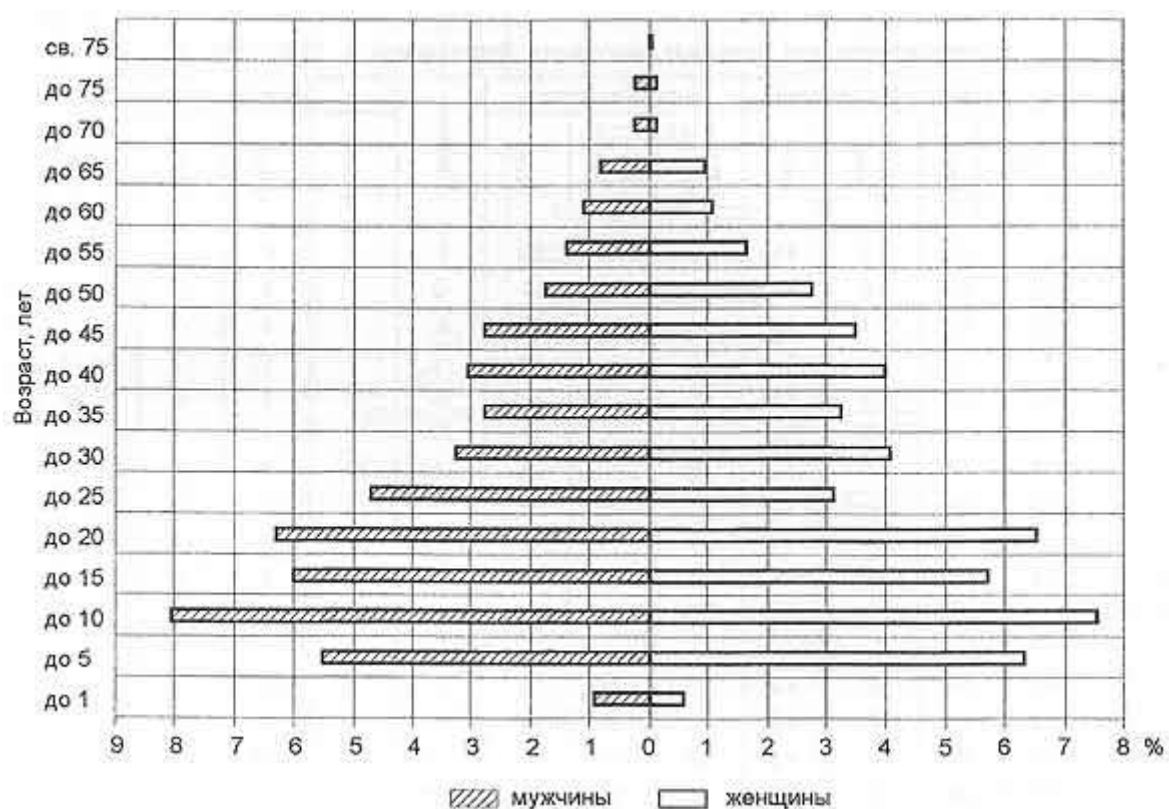

Рис. 6. Структура популяции в 1834 г.

Именно тот факт, что бедствие ударило прежде всего по самым маленьким девочкам (тем, кому в начале 1813 г. было не более 4 лет), подтверждает избирательное отношение к выживанию потомства. В обычные, сравнительно благополучные годы в начале XIX в. и девочки, и мальчики имели примерно равные шансы на выживание, а во многих когортах девочек выживало заметно больше. Но в действительно кризисных ситуациях, когда вставал вопрос о физическом выживании популяции, остатки ресурсов направлялись прежде всего на сохранение мужской части потомства.

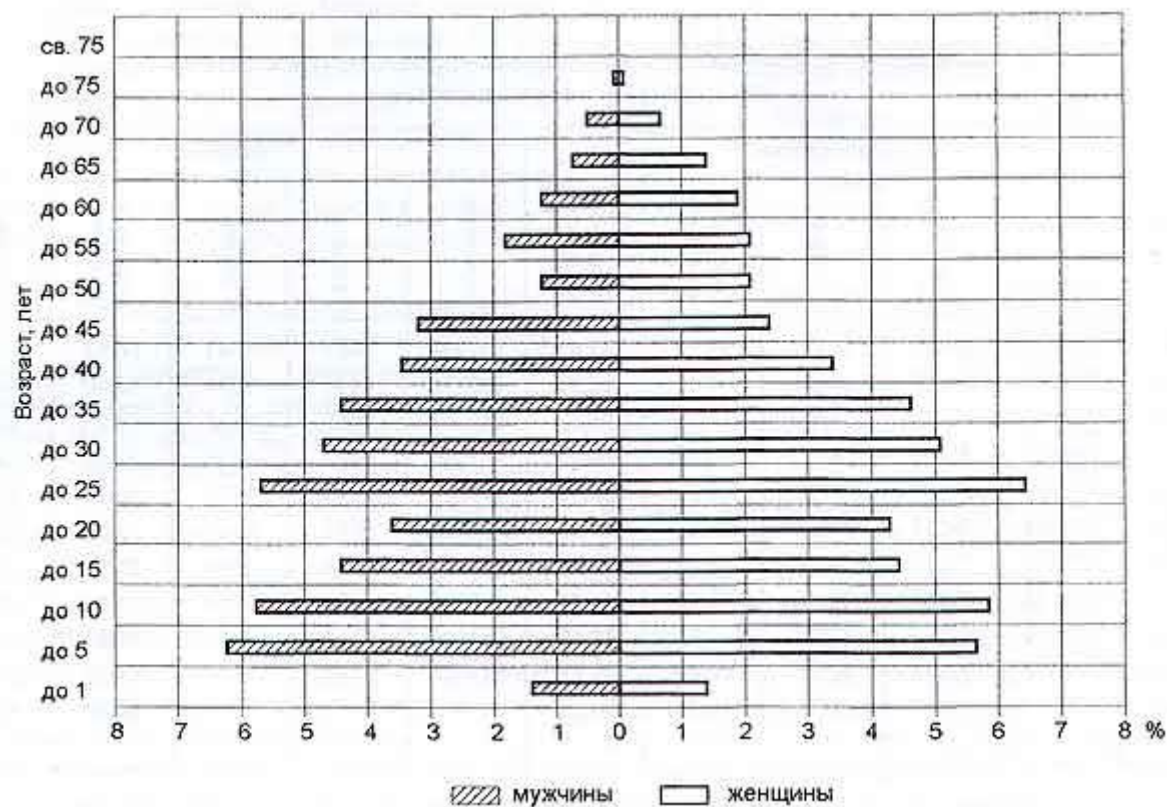
В инвентаре имения Красный Бор за 1841 г. учтены 1328 индивидов, но несколько из них упоминаются дважды — в семьях своих родителей и в качестве работников в чужих хозяйствах. Зато не упоминаются дворовые люди, есть пропуски и в составе некоторых семей. Реально население имения составляло не менее 1350 душ. Еще около 100 человек нужно добавить на жителей Кореня и Нарбутова — владений Кореньской плебании. В результате популяцию Кореньщины на начало 1840-х гг. можно оценить цифрой не менее 1450 человек.

Ревизия 1850 г. дает несколько меньшую цифру — 1358 официально учтенных (таблица 27).

Т а б л и ц а 27. Население Кореньщины по данным ревизии 1850 г.

Деревни	Число дворов	Число душ		
		мужчин	женщин	всего
При имении		27	24	51
Громница	21	59	63	122
Гряда	2	11	12	23
Жирблевичи	13	53	47	100
Козыри	12	52	59	111
Лищицы	12	43	47	90
Михалковичи	36	114	120	234
Прудки	23	97	117	214
Черехи	26	101	111	212
Чернево	13	46	57	103
<i>Всего в имении Красный Бор</i>	<i>158</i>	<i>603</i>	<i>657</i>	<i>1260</i>
Корень	11	37	38	75
Нарбутово	4	13	10	23
<i>Всего в бывшем имении плебании</i>	<i>15</i>	<i>50</i>	<i>48</i>	<i>98</i>
Итого	173	653	705	1358

Возможность уточнения данных этой ревизии сильно сократилась, поскольку записи о рождениях и смертях за 1849 г. отсутствуют, а после 1850 г. обрываются совсем. Поэтому выявить людей, пропущенных при ревизии, проблематично, но они были наверняка. В число учтенных ревизских душ не входят, как минимум, солдатские жены и отставные солдаты, которые фиксировались в отдельных ревизских сказках сразу по всему уезду (эти данные обнаружить не удалось). Общее число жителей на 1850 г. составляло не менее 1380 человек. Похоже, что снижение численности действительно имело место, поскольку в метрических книгах середины 1840-х гг. фиксируется повышение смертности (рис. 7).

Модель демонстрирует дальнейшее снижение обоих основных показателей (таблица 28). Рождаемость в 1830-е — 1840-е гг. сократилась еще на 10 промилле по сравнению с началом XIX в., а относительно 1770-х — 1780-х гг. ее снижение составило порядка 20. Видимо, сыграло свою роль продолжающееся повышение возраста первого брака: у девушек в этот период он составил в среднем 23 года, что означало сокращение числа возможных беременностей еще на одну.

Т а б л и ц а 28. Предположительная динамика популяции Кореньщины в 1821–1850 гг.

Год	Численность на начало года	Количество рождений			Количество смертей			Прирост	Миграции			Коэффициент рождаемости	Коэффициент смертности
		зарегистрированных	неучтенных	всего	зарегистрированных	неучтенных	всего		прибыло	выбыло	сальдо		
1821	1331	36	12	48	18	21	39	9	2	0	2	36,06	29,30
1822	1342	47	16	63	52	13	65	-2	0	4	-4	46,94	48,44
1823	1336	42	13	55	44	11	55	0	1	4	-3	41,17	41,17
1824	1333	35	11	46	20	16	36	10	4	5	-1	34,51	27,01
1825	1342	71	12	83	16	17	33	50	4	1	3	61,85	24,59
1826	1395	59	12	71	31	13	44	27	2	9	-7	50,90	31,54
1827	1415	41	10	51	18	17	35	16	8	8	0	36,04	24,73
1828	1431	72	8	80	35	12	47	33	1	11	-10	55,90	32,84
1829	1454	45	9	54	37	12	49	5	2	6	-4	37,14	33,70
1830	1455	34	10	44	27	12	39	5	5	4	1	30,24	26,80
За 10 лет		482	113	595	298	144	442	153	29	52	-23	43,01	31,95
1831	1461	34	9	43	27	25	52	-9	0	4	-4	29,43	35,59
1832	1448	49	3	52	12	32	44	8	0	1	-1	35,91	30,39
1833	1455	36	6	42	55	22	77	-35	1	18	-17	28,87	52,92
1834	1403	29	2	31	68	12	80	-49	2	1	1	22,10	57,02
1835	1355	43	7	50	36	8	44	6	2	4	-2	36,90	32,47
1836	1359	40	6	46	18	12	30	16	2	6	-4	33,85	22,08
1837	1371	60	8	68	32	10	42	26	5	1	4	49,60	30,63
1838	1401	47	7	54	0	21	21	33	3	4	-1	38,54	14,99
1839	1433	58	8	66	46	11	57	9	0	0	0	46,06	39,78
1840	1442	52	8	60	30	10	40	20	1	9	-8	41,61	27,74
За 10 лет		448	64	512	324	163	487	25	16	48	-32	36,24	34,47
1841	1454	37	8	45	42	10	52	-7	4	3	1	30,95	35,76
1842	1448	58	10	68	39	14	53	15	7	2	5	46,96	36,60
1843	1468	50	10	60	38	17	55	5	2	10	-8	40,87	37,47
1844	1465	68	10	78	23	21	44	34	1	4	-3	53,24	30,03
1845	1496	39	9	48	64	17	81	-33	6	9	-3	32,09	54,14
1846	1460	18	7	25	58	12	70	-45	0	8	-8	17,12	47,95
1847	1407	15	8	23	65	8	73	-50	1	4	-3	16,35	51,88
1848	1354	46	8	54	24	21	45	9	3	5	-2	39,88	33,23
1849	1361	2	57	59	0	35	35	24	7	10	-3	43,35	25,72
1850	1382	48	7	55	40	18	58	-3	2	5	-3	39,80	41,97
За 10 лет		381	134	515	393	173	566	-51	33	60	-27	36,03	39,59

Смертность в 1820-е гг. оставалась на уровне предыдущего десятилетия (без учета кризисного 1813 г.). В это время был лишь один неблагоприятный год — 1822. Хотя смертность в тот год и не достигла уровня, характерного для конца XVIII в., на фоне понизившейся рождаемости произошло кратковременное падение численности популяции. В дальнейшем смертность начинает вновь повышаться. Ее вспышки отмечаются в 1833 и 1834 гг., затем в 1845–1847 гг. Притом весь период сальдо миграций оставалось устойчиво отрицательным, главным образом вследствие рекрутских наборов. Рост популяции практически прекращается, с середины 1820-х гг. ее численность испытывает лишь хаотические колебания.

О демографических параметрах в годы, непосредственно предшествовавшие отмене крепостного права, можно высказать только самые общие соображения. Единственной опорной точкой является последняя ревизия, проведенная в 1857–1858 гг. Она фиксирует снижение численности дворов до 168. Население составляло 1325 человек (618 душ мужского пола и 707 — женского), в том числе количество дворовых людей сократилось до 17 человек (8 мужчин и 9 женщин). В деревнях изменения по сравнению с предыдущей ревизией были незначительны.

Проверить эти данные нечем. Также можно лишь предполагать, сколько детей родились и умерли в промежутке между двумя последними ревизиями. Наверняка можно утверждать только то, что численность населения не росла. Если количество пропущенных в ревизии 1858 г. было сопоставимо с предыдущими (порядка 6–7%), можно говорить о реальной численности порядка 1400 человек или чуть более — на том же уровне, что и в 1840-е гг.

Серединой XIX в. датируются первые данные официальной демографической статистики⁵⁶³, с которыми можно сопоставить результаты реконструкции. Но следует помнить, что статистика эта находилась еще в зачаточном состоянии. Число рождений и смертей определялось по метрическим книгам, степень недоучета в которых, как уже не раз отмечалось,

⁵⁶³ Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Минская губерния. Ч. 1 / Сост. И. Зеленский. — СПб., 1864. С. 411, 446—447.

была весьма велика. Данные об общей численности населения, на основании которых определялись коэффициенты, также не слишком надежны. Но все эти цифры имеют одинаковую тенденцию к занижению, так что конечный результат, возможно, не столь сильно отличается от реальности (таблица 29).

Т а б л и ц а 29. Коэффициенты рождаемости и смертности у православных и католиков Минской губернии в 1848–1857 гг.

Годы	Православные					Католики				
	численность	родились	умерли	коэффициент рождаемости	коэффициент смертности	численность	родились	умерли	коэффициент рождаемости	коэффициент смертности
1848	702947	30846	23670	43,88	33,67	204466	7489	4567	36,63	22,34
1849	705388	34079	16174	48,31	22,93	205636	7959	3294	38,70	16,02
1850	714926	31739	22322	44,39	31,22	199717	6857	4177	34,33	20,91
1851	718827	31195	20160	43,40	28,05	187109	6021	3454	32,18	18,46
1852	730499	29449	20726	40,31	28,37	195790	5925	4011	30,26	20,49
1853	729263	29557	25933	40,53	35,56	189231	6074	4563	32,10	24,11
1854	727220	27019	25776	37,15	35,44	186936	5788	4590	30,96	24,55
1855	700137	23220	38924	33,16	55,59	179581	5199	6754	28,95	37,61
1856	690879	25367	22504	36,72	32,57	183709	5864	3958	31,92	21,54
1857	698134	33548	18752	48,05	26,86	182764	6303	3675	34,49	20,11
1849–1857				41,59	33,01				33,15	22,48

Разница в демографических параметрах православных и католиков Минской губернии в середине XIX в. весьма существенна (таблица 30). Но она объясняется прежде всего тем, что представители этих конфессий имели разный социальный состав. Среди православных абсолютно доминировали крестьяне, тогда как среди католиков основную массу составляли дворяне и горожане. Кореньский приход, в котором крестьяне составляли в 1863 г. 85% населения, а дворяне — лишь 11,5%⁵⁶⁴, был нетипичным для католических приходов Борисовского уезда и губернии в целом⁵⁶⁵.

Т а б л и ц а 30. Социальный состав православных и католиков Минской губернии в 1863 г.

Сословия	Общая численность сословия, чел.	Православные				Католики				
		численность, чел.	% от общей численности и сословия	% сословия в конфессии	% от всего населения	численность, чел.	% от общей численности и сословия	% сословия в конфессии	% от всего населения	
Губерния в целом*										
Дворяне	86221	25446	29,5	3,4	2,5	60775	70,5	33,1	6,1	
Городские сословия (без евреев и пр.)	39826	23587	59,2	3,1	2,4	16239	40,8	3,4	1,6	
Сельские сословия	818000	711176	86,9	93,6	71,0	106824	13,1	58,1	10,7	
Всего по губернии	1001335	760209			75,9	183838			18,4	
Борисовский уезд*										
Дворяне	8524	348	4,1	0,4	0,3	8176	95,9	37,8	7,0	
Городские сословия (без евреев и пр.)	2410	1603	66,5	1,8	1,4	807	33,5	3,7	0,7	
Сельские сословия	98473	85815	87,1	97,8	73,6	12658	12,9	58,5	10,9	
Всего по уезду	116577	87766			75,3	21641			18,6	

*По: Памятная книжка Минской губернии на 1865 г. — Мн., 1864. С. 3.

К этим данным можно добавить, что в составе сельских сословий около 1/5 католиков приходилось на однодворцев (представителей измелъчавшей шляхты, не утвержденных в дворянстве Российской империи), тогда как среди православных однодворцы были малозаметной прослойкой.

⁵⁶⁴ НИАБ. Ф. 1781. Оп. 32. Ед. хр. 69. Л. 82об.—83.

⁵⁶⁵ Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Минская губерния. Ч. 1. С. 415.

Поэтому не удивительно, что реконструированные демографические параметры у жителей Кореньщины, католиков по вероисповеданию, оказываются ближе к средним по Минской губернии параметрам православных, а не католиков. По-видимому, рождаемость у белорусских крестьян во второй четверти XIX в. вне зависимости от конфессии колебалась в пределах 36 — 43 промилле, смертность — 32 — 40 промилле. По сравнению с 1770-ми — 1780-ми гг. рождаемость в этот период снизилась на 15–20 промилле, смертность — на 10–15.

Сводные данные по нескольким губерниям Европейской России, для которых имеется статистика (Вологодской, Московской, Санкт-Петербургской, Смоленской), говорят о сопоставимом уровне смертности (35 промилле), но более высокой рождаемости — она оставалась на уровне 51 промилле⁵⁶⁶. Эта разница хорошо объясняется различием в возрасте первого брака у женщин — в России к середине XIX в. он стабилизировался на уровне 21,6 года⁵⁶⁷, т. е. почти на полтора года ниже, чем у жительниц Кореньщины, что позволяло иметь на одну беременность больше. Зато оба параметра белорусских крестьян уже вполне сопоставимы с параметрами некоторых западноевропейских стран, в частности Германии и Австрии (таблица 31)⁵⁶⁸.

Т а б л и ц а 31. Коэффициенты рождаемости и смертности в Западной Европе в 1821–1850 гг.

Страна	Коэффициент рождаемости	Коэффициент смертности
Норвегия	от 27 до 35	от 18 до 22
Дания	от 29 до 33	от 19 до 29
Швеция	от 29 до 37	от 19 до 29
Франция	от 26 до 32	от 21 до 28
Финляндия	от 30 до 41	от 21 до 29 (при вспышках — до 46)
Англия	от 35 до 39	от 22 до 23
Германия	от 33 до 41	от 23 до 30
Австрия	от 33 до 43	от 26 до 44

Как отмечалось выше, возраст первого брака у крестьян Кореньщины и некоторых западноевропейских стран также сблизился. Например, в Англии он составлял у женщин 23,4 года. Не исключено, что возраст брака, расцениваемый обществом как оптимальный, и уровень заботы о потомстве влияли друг на друга обоюдно: постепенное повышение ценности жизни вообще и жизни новорожденных в частности способствовало их выживанию и уже не требовало столь высокой плодовитости. Осознанно или, скорее, неосознанно общественное мнение в отношении поздних браков тоже начинало меняться. Одним из регуляторов брачного поведения выступал возраст, в котором девушку начинали дразнить *старой девой*. Долго сопротивляться такому давлению не могла ни сама невеста, ни ее родители: *Хоць за вала, абы дома не была*. Но если женщина, вышедшая замуж в 23–24 года, могла обеспечить достаточное число выживших потомков, то и она сама, и окружающие не имели причин побуждать к раннему браку 20-летних односельчанок. К началу XX в. критический возраст, после которого шансы на замужество стремительно сокращались, ассоциировался с 25-летием, о чем свидетельствует записанная А. Варлыгой поговорка: *Калі мінула дваццаць пяць, дык дома сядзь*.

Постепенно, на протяжении десятилетий, система приходила в новое равновесное состояние, характерное для западноевропейских крестьян по крайней мере с XVI в.: меньшее (за счет более позднего брака) количество рождений при более полном выживании новорожденных. Очевидно, что этот режим воспроизводства был экономнее, не требовал лишней нагрузки на организм рождающей женщины. Поэтому его можно расценивать как более прогрессивный.

⁵⁶⁶ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи и правового государства. Т. 1. С. 179.

⁵⁶⁷ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи и правового государства. Т. 1. С. 168—169.

⁵⁶⁸ Mitchell B. R. European Historical Statistics 1750—1975. Second revised edition. P. 115—116.

Структура дворохозяйства

В организации минимальной хозяйственной ячейки, каковой являлось дворохозяйство, на протяжении XVIII — начала XIX в. произошли глубокие перемены, за которыми стояли изменения в мировосприятии и поведении. Количественно это выразилось в увеличении размеров дворохозяйства.

Если принять численность популяции в 1740 г. равной 555 человек, средний размер хозяйства можно оценить в 6,8 человека. Для 69 хозяйств, в которых указаны жены и дети, можно провести и более детальную классификацию по схеме П. Леслетта. Ее результаты отражены в таблице 32.

Т а б л и ц а 32. Структура дворохозяйств Кореньщины в 1740 г.

Состав	Форма дворохозяйства (тип по классификации П.Леслетта)	Число хозяйств	%	Число мужчин	Число лиц обоого пола	Мужчин на хозяйство	Человек на хозяйство
Неженатые братья без родителей	Редуцированная нуклеарная семья (2a)	1	1,4	2	4	2,0	4,0
Брачная пара с детьми	Нуклеарная семья (3b)	38	55,0	112	215	2,9	5,7
Всего односемейных		39	56,4	114	219	2,9	5,6
Брачная пара с одним из родителей	Расширенная по вертикали (вверх) семья (4a)	1	1,4	1	4	1	4,0
Женатый глава с неженатыми братьями	Расширенная по горизонтали семья (4c)	4	5,8	9	15	2,3	3,8
Всего расширенных		5	7,3	10	19	2,0	3,8
Женатый глава с одним женатым сыном (зятем) и неженатыми детьми	Многосемейное хозяйство с вертикальной связью (5b)	11	15,9	46	82	4,2	7,5
Брачная пара с одним из родителей и братьями (сестрами)		1	1,4	5	8	5,0	8,0
Женатый глава с женатым братом и одним из родителей	Многосемейное хозяйство с горизонтальной связью (5c)	1	1,4	6	10	6,0	10,0
Женатые братья или шурины без родителей	Братчина (5d)	4	5,8	27	49	6,8	12,3
Женатый глава с несколькими женатыми потомками или племянниками	Многосемейное патриархальное хозяйство (5e)	7	10,1	34	64	4,9	9,1
Две неродственные брачные пары (сябры, потужники)	Хозяйство на основе неродственных связей (6)	1	1,4	3	5	3,0	5,0
Всего многосемейных		25	42,1	123	226	4,9	9,0
Итого		69	100	242	453	3,5	6,6

Средний размер хозяйства слегка повысился по сравнению со второй половиной XVI в. Тогда, напомню, в крестьянском дворе разных регионов Беларуси, включая и соседнее с Коренем имение Селец, насчитывалось в среднем около 6 человек. Увеличение составило порядка 10%, причем его нельзя относить за счет повышения рождаемости и, следовательно, увеличения размера малой семьи. Рост среднего размера хозяйства сопровождался увеличением количества малых семей в его составе. В 1740 г. в 82 учтенных дворохозяйствах насчитывалось 116 полных или неполных нуклеарных семей, или 1,4 семьи на двор, тогда как еще в конце XVI — начале XVII в. эта цифра составляла примерно 1,2 (максимум — 1,3) семьи на двор.

Инвентарь Малого Кореня за 1761 г. указывает в 34 дворах 131 индивида мужского пола, что дает 3,9 на двор. В престимонии Прудки в 1774 г. на 36 дворов приходилось 96 мужчин, или 2,7 на двор. Количество дворов в каждой из этих выборок мало, а разброс значений слишком велик. При отсутствии сведений о полном составе дворов далеко идущие выводы делать рискованно. Возможно, структура дворохозяйства в двух престимониях действительно существенно различалась, но могли иметь место и случайные колебания численности или пропорции полов.

Полные данные о составе дворохозяйств содержатся в инвентарях Великого Кореня за 1781 и 1786 гг., плебании за 1783 г. и Прудков за 1787 г. В 1781 г. кутники не упоминаются, а основное население 49 дворов состояло из 140 мужчин и около 114 женщин. На двор приходилось 5,1 человека (2,9 мужчины), 1,1 полной семьи и 0,2 одиночки. Не исключено, что инвентарь содержит пропуски в женском населении. Спустя 5 лет в том же престимонии указаны 336 душ основного населения на 56 дворов. Это дает ровно 6 человек на двор (в том числе 3,1 мужчины), 1,2 полной и 0,1 неполной семьи, 0,5 одиночки. Указаны также 12 кутников (6 мужчин и 6 женщин). С их учетом на двор приходилось 6,2 человека. Доля

односемейных хозяйств за это время снизилась с 80 до 44%, расширенных — выросла с 10 до 27%, многосемейных — с 10 до 29%. Впрочем, такие колебания порождены прежде всего малым объемом выборки.

Во владениях плембании на 15 дворов приходились 98 душ основного населения (47 мужчин и 51 женщина), или 6,5 человека на двор (3,1 мужчины). Семейная структура может быть определена лишь приблизительно, поскольку женщины не указаны поименно (приводится лишь общее их количество в каждом дворе). Вероятно, на двор приходилось около 1,2 полной семьи, 0,5 неполной и 0,1 одиночки, но число неполных семей может быть завышено, а число одиночек — занижено. Если учесть три неоседлые семьи (11 человек, включая 8 мужчин), то средний размер хозяйства составит 7,3 человека (3,7 мужчины). Пропорция односемейных, расширенных и многосемейных хозяйств была равной — по 5 хозяйств каждого типа.

В инвентаре Прудков за 1787 г. поименно не названы не только женщины, но и мужчины (за исключением глав хозяйств), что делает реконструкцию семейной структуры вовсе проблематичной. Без учета кутников на 40 дворов приходилось 236 человек (122 мужчины и 114 женщин), или в среднем 5,9 человека на двор (3,05 мужчины). Если учесть 4 неоседлые семьи, в которых было 18 душ (6 мужчин), то размер хозяйства равен 6,4 человека (3,2 мужчины).

Эти данные позволяют утверждать, что в 1770-е — 1780-е гг. в среднем на двор приходилось около 6 человек основного населения и от 0,2 до 0,5 кутника. Мужское население, видимо, несколько преобладало над женским (примерно в пропорции 52 : 48), поэтому в среднем в хозяйстве оказывалось 3,1 мужчины и 2,9 женщины. Общее число полных и неполных семей на хозяйство составляло от 1,3 до 1,7, а доля многосемейных хозяйств колебалась от 10 до 50%.

По результатам реконструкции на начало 1793 г. в популяции насчитывалось примерно 1125 человек (600 мужчин и 525 женщин). Из них около 35 душ относились к категории неоседлых (кутников). Остальные 1090 человек распределялись примерно между 156 дворохозяйствами, выступающими как самостоятельные единицы учета в инвентарях и ревизских сказках. Средний размер хозяйства без учета кутников составлял около 7 человек, а вместе с кутниками — чуть более 7,2 человека (3,85 души мужского пола, или 53,6%). На дворохозяйство приходилось 1,74 нуклеарной семьи (1,52 полной и 0,22 неполной), около 0,5 одиночки. В классификации П. Леслетта на типы 1, 2 и 3 (одиночки, редуцированные и нуклеарные семьи) приходится 30,1% хозяйств, на подтипы 4а–4с (расширенные семьи) — 11,5, на все виды многосемейных хозяйств — 58,3%.

Согласно результатам следующей реконструкции, на момент ревизии 1811 г. общая численность популяции составила 1390 душ (693 мужчины и 697 женщин), из них около 45 человек были неоседлыми. На 177 хозяйств приходилось в среднем по 7,6 человека основного населения, а с учетом неоседлых — 7,85 человека. На одно хозяйство по-прежнему приходилось 1,8 семьи (1,58 полной и 0,22 неполной), 0,5 одиночки. Пропорция хозяйств трех типов составила 29,4 : 10,7 : 59,9.

На момент ревизии 1834 г. зафиксировано 171 более-менее полноценное дворохозяйство, в которых проживали 1304 полноправных члена и 21 работник. Правда, часть из них временно отсутствовала: 12 человек значились как беглые, хотя впоследствии они упоминаются в составе популяции, еще 17 человек находились на службе в других имениях. При дальнейших подсчетах эти временно отсутствующие учитывались наравне с остальными. Около 25 членов оставшихся нумерованных семей являлись в действительности кутниками. Кроме того, при помещичьем имении проживали около 30 душ дворовых людей, исключенных из дальнейших подсчетов, поскольку они не были заняты в крестьянском хозяйстве. С учетом этих соображений на 171 двор приходилось по 7,6 полноправного члена, с учетом работников и кутников — 7,9 человека. Число нуклеарных семей составило 1,73 на хозяйство (1,26 полной и 0,47 неполной), число одиночек — 0,76. Пропорция односемейных, расширенных и многосемейных хозяйств составила 23,4 : 17 : 59,6.

Ревизия 1850 г. фиксирует 1384 членов популяции, из которых 46 были дворовыми людьми. Оставшиеся 1338 индивидов (из них 13 кутников) распределяются по 171 дворохозяйству, что дает в среднем около 7,8 человека на двор. Если принимать во внимание возможный недоучет, то можно говорить о дальнейшем росте среднего размера хозяйства, хотя и очень небольшом: принимая степень недоучета в этой ревизии равным 5%, получаем средний размер хозяйства порядка 8,2 человека. Семейная структура включает 1,76 нуклеарной семьи (1,47 полной и 0,29 неполной) и 0,9 одиночки. Пропорция хозяйств: 17,1 : 15,3 : 67,6.

По данным ревизии 1858 г., на 167 дворов приходилось, без учета 17 дворовых, 1308 человек, или 7,8 на двор. Если предполагать недоучет в пределах 5%, то средний размер дворохозяйства составит около 8,2 человека. По сравнению с предыдущей ревизией семейная структура практически не изменилась.

В целом наблюдается отчетливая тенденция к увеличению среднего размера дворохозяйства: от 6–7 душ в XVIII в. до 7,9 в 1811 г., к середине XIX в. этот показатель, возможно, достигает 8,2. Параллельно растет и среднее число семей на

хозяйство: от 1,4 до 1,7–1,8. Доля многосемейных хозяйств возрастает с одной до двух третей (точнее — с 36 до 68%), а доля односемейных и редуцированных снижается с 57 до 17%.

Для более детального анализа механизмов, порождающих такую статистику, были построены **модели-реконструкции жизненного цикла**, отражающие полный набор ежегодных статистических параметров по 50 из примерно 450 дворохозяйств, существовавших на территории Кореньщины с 1762 по 1858 г. включительно. Критерием отбора явилось устойчивое сохранение хозяйств на протяжении всего или практически всего 97-летнего периода наблюдений. Из отобранных хозяйств 29 уже существовали к моменту начала уцелевших метрических книг и сохранились до последней ревизии 1858 г. (а фактически — и после отмены крепостного права). Еще 7 хозяйств образовались на протяжении 1760-х гг. и также сохранялись до конца, а 3 существовали с начала периода, но пресеклись в 1830-е — 1840-е г. Оставшиеся 11 хозяйств являются дочерними по отношению к первоначальным, они отпочковались от некоторых из них в конце XVIII — начале XIX в. и существовали также либо до конца наблюдений (8 хозяйств), либо пресеклись за несколько лет до этого. Таким образом, все они в большей или меньшей степени отражают «идеальный образ» традиционного крестьянского хозяйства, сохраняющегося из поколения в поколение, а по мере своего роста дающего начало столь же устойчивым сыновним хозяйствам.

Модель-реконструкция учитывала ежегодные изменения таких параметров, как количество мужчин, женщин, полных и неполных семей, одиночек, а также индексов едока (e) и работника (p). Эти два понятия были введены в 1920-е гг. А. Чаяновым⁵⁶⁹. Он предложил простой способ количественного выражения их взаимосвязи — *соотношение едоков/работников в хозяйстве*. Оба индекса условны, у взрослого мужчины они считаются постоянными и равны 1, у женщины — 0,8. У детей оба индекса изменяются в зависимости от возраста. В своих работах А. Чаянов использовал усредненную модель, в которой дети рождаются с регулярным интервалом в 3 года и начинают работать с 13 лет, причем до 20 лет считаются полуроботниками (индекс p для них принимается равным 0,7). Усредненный жизненный цикл крестьянского хозяйства, основанного на труде одной малой семьи, представлен в таблице 33.

Т а б л и ц а 33. Соотношение индексов едока (e) и работника (p) в модели А. Чаянова

Год наблюдения	Муж		Жена		1-й ребенок		2-й ребенок		3-й ребенок		4-й ребенок		5-й ребенок		Все хозяйство		Соотношение e/p
	e	p	e	p	e	p	e	p	e	p	e	p	e	p	e	p	
1	1	1	0,8	0,8											1,8	1,8	1
2	1	1	0,8	0,8	0,1	0									1,9	1,8	1,06
3	1	1	0,8	0,8	0,3	0									2,1	1,8	1,17
4	1	1	0,8	0,8	0,3	0									2,1	1,8	1,17
5	1	1	0,8	0,8	0,3	0	0,1	0							2,2	1,8	1,22
6	1	1	0,8	0,8	0,3	0	0,3	0							2,4	1,8	1,33
7	1	1	0,8	0,8	0,3	0	0,3	0							2,4	1,8	1,33
8	1	1	0,8	0,8	0,5	0	0,3	0	0,1	0					2,7	1,8	1,50
9	1	1	0,8	0,8	0,5	0	0,3	0	0,3	0					2,9	1,8	1,61
10	1	1	0,8	0,8	0,5	0	0,3	0	0,3	0					2,9	1,8	1,61
11	1	1	0,8	0,8	0,5	0	0,5	0	0,3	0	0,1	0			3,2	1,8	1,78
12	1	1	0,8	0,8	0,5	0	0,5	0	0,3	0	0,3	0			3,4	1,8	1,89
13	1	1	0,8	0,8	0,5	0	0,5	0	0,3	0	0,3	0			3,4	1,8	1,89
14	1	1	0,8	0,8	0,7	0,7	0,5	0	0,5	0	0,3	0	0,1	0	3,9	2,5	1,56
15	1	1	0,8	0,8	0,7	0,7	0,5	0	0,5	0	0,3	0	0,3	0	4,1	2,5	1,64
16	1	1	0,8	0,8	0,7	0,7	0,5	0	0,5	0	0,3	0	0,3	0	4,1	2,5	1,64
17	1	1	0,8	0,8	0,7	0,7	0,7	0,7	0,5	0	0,5	0	0,3	0	4,5	3,2	1,41
18	1	1	0,8	0,8	0,7	0,7	0,7	0,7	0,5	0	0,5	0	0,3	0	4,5	3,2	1,41
19	1	1	0,8	0,8	0,9	0,9	0,7	0,7	0,5	0	0,5	0	0,3	0	4,7	3,4	1,38
20	1	1	0,8	0,8	0,9	0,9	0,7	0,7	0,7	0,7	0,5	0	0,5	0	5,1	4,1	1,24
21	1	1	0,8	0,8	1	1	0,7	0,7	0,7	0,7	0,5	0	0,5	0	5,2	4,2	1,24
22	1	1	0,8	0,8	1	1	0,9	0,9	0,7	0,7	0,5	0	0,5	0	5,4	4,4	1,23
23	1	1	0,8	0,8	1	1	0,9	0,9	0,7	0,7	0,7	0,7	0,5	0	5,6	5,1	1,10

Эта модель хорошо демонстрирует циклический характер пропорции едоков/работников, которая возрастает по мере рождения детей в семье и достигает максимума на 12-м — 13-м годах после брака. В этот момент супругам приходится трудиться особенно напряженно. Затем по мере вступления детей в трудоспособный возраст ситуация постепенно улучшается.

При построении модели я несколько модифицировал методику А. Чаянова, чтобы сделать динамику индексов e и p по мере роста детей более плавной, а также отразить снижение трудоспособности и потребления у пожилых людей.

Модифицированные индексы приведены в таблице 34.

⁵⁶⁹ Чаянов А. В. Бюджет крестьянского хозяйства // Очерки по экономике трудового сельского хозяйства. — М., 1924. С. 76—93. Недавнее переиздание этой работы см.: Чаянов А. В. Крестьянское хозяйство: Избр. труды. — М., 1989. С. 90—109.

Т а б л и ц а 34. Динамика индексов e и p по мере взросления и старения индивида

Мужчины			Женщины			Мужчины			Женщины		
возраст	e	p	возраст	e	p	возраст	e	p	возраст	e	p
0	0,1	—	0	0,1	—	19	0,9	0,9	19	0,8	0,8
1–3	0,3	—	1–3	0,3	—	20–49	1	1	20–49	0,8	0,8
4–6	0,4	—	4–6	0,4	—	50–51	1	0,9	50–51	0,8	0,7
7–11	0,5	—	7–11	0,5	—	52–54	0,9	0,8	52–54	0,7	0,6
12	0,5	0,1	12	0,5	0,1	55–56	0,8	0,7	55–56	0,7	0,6
13	0,7	0,3	13	0,7	0,3	57–58	0,7	0,6	57–58	0,6	0,5
14	0,7	0,4	14	0,7	0,4	59–60	0,7	0,5	59–60	0,6	0,4
15	0,7	0,5	15	0,7	0,5	61–64	0,6	0,3	61–64	0,5	0,2
16	0,7	0,6	16	0,7	0,6	65–68	0,6	0,2	65–68	0,5	0,1
17	0,7	0,7	17	0,7	0,7	69–74	0,5	0,1	69–74	0,5	0,1
18	0,9	0,8	18	0,8	0,8	75 и старше	0,4	—	75 и старше	0,4	—

Принадлежность индивидов к определенному хозяйству устанавливалась по инвентарям и ревизским сказкам, а их возраст, даты браков и смертей — по метрическим книгам. Поскольку случаи недорегистрации рождений, браков и смертей в метрических книгах достаточно часты, а моменты убытия индивидов из хозяйства (отдача в рекруты, выделение в собственное хозяйство и т.п.) не всегда правильно датированы, реконструкция оказывается максимально достоверной в годы, близкие к годам проведения ревизий. В промежутках между ревизиями ее точность неизбежно понижается. В процессе реконструкции в каждом конкретном случае использовались следующие допущения:

1. При отсутствии записи о рождении она определялась на основании возраста, указанного в ближайшей ревизской сказке (инвентаре), если это не вызывало явного противоречия с точными датами рождения братьев и сестер. В таких случаях принимался год, равноудаленный от рождения старшего и младшего брата (сестры).
2. Для новорожденных, которые не упоминаются нигде, кроме записи о рождении, год рождения считался и годом смерти.
3. Для девушек, доживших до 16 лет, отсутствие последующих упоминаний о них предполагало выход замуж в возрасте 20 лет.
4. Если запись о браке отсутствует, но известен возраст жены, датой брака в большинстве случаев считалось ее 20-летие. Если она в возрасте старше 20 лет упоминалась как незамужняя, за дату брака принимался год, следующий за таким упоминанием.
5. Если в отношении молодых вдов дальнейшие упоминания не обнаружены, предполагается их повторный брак в год, следующий за годом смерти мужа.
6. Если для лиц, достоверно проживших более 60 лет, дата смерти не зарегистрирована, таковой признавался год, следующий за последним упоминанием.
7. Во всех остальных случаях при отсутствии записи о смерти или убытии датой этого события считался год, равноудаленный от даты последнего упоминания и даты ревизии, в которой данное лицо отсутствует. При недатированном появлении в хозяйстве нового лица применялся тот же принцип.
8. Наемные работники и другие лица, однократно упоминаемые в составе хозяйства, при реконструкции не учитывались, т.е. она охватывала только основных членов.

Несмотря на возможные погрешности, модель-реконструкция продемонстрировала неплохое соответствие с результатами, полученными на синхронных хронологических срезах по прямым результатам ревизий. Модель фиксирует сосуществование в одном хозяйстве в среднем двух брачных пар. Как правило, это семьи отца и старшего сына или же семьи двух и более женатых братьев, но демографические ситуации бывали самыми разными. Для наиболее часто встречавшихся имелись уже выработанные стереотипные модели поведения. Если в хозяйстве оказывался всего один взрослый мужчина и не было подрастающих сыновей, он мог дожидаться совершеннолетия старшей дочери и принимал в свое хозяйство зятя, который и становился его наследником. Последний расценивал это как не слишком желательный вариант, поскольку в психологическом плане примак чувствовал себя неудобно. *Прымацкі хлеб сабацкі*, — гласит одна из пословиц в собрании А. Варлыги. (Но такое сожителство было обоюдоострым — к старости тестя роли могли поменяться: *З сынам сварыся ды на печ бярися, з зяцем сварыся ды за парог цягніся*.) В других случаях компаньоном мог стать муж сестры, который переходил в его дом — либо сразу после брака, либо через несколько лет, когда ситуация в этом доме становилась неблагополучной. Случалось, что хозяйство продолжали вести совместно мужья двух сестер. Объединение под одной крышей семей более отдаленных родственников или вообще посторонних людей наблюдалось сравнительно редко и, видимо, объяснялось какими-

то специфическими факторами, не нашедшими отражения в источниках. Среди крестьян бытовало убеждение, что каждый такой чужак втайне мечтает о смерти хозяина, которая позволила бы унаследовать его статус. Далекое не случайно в число четырех заповедей крестьянина, вышестованных горьким житейским опытом, вошла и касающаяся *здольников*: *Пану верна ні службы, жонцы праўды ні кажы, з жыдам шчыра ні дружы і здольнікаў ні бяры*.

Выделение взрослых мужчин в отдельные хозяйства вовсе не исключалось. Большинство хозяйств на протяжении нескольких десятилетий последовательно проходило через разные формы семейной структуры. В какой-то отрезок времени хозяйство могло быть односемейным или, при наличии вдового родителя или неженатого брата, расширенным. Но главной особенностью является то, что брак практически никогда не приводил к немедленному образованию нового самостоятельного хозяйства. Этот момент откладывался до наступления определенных условий.

Причина заключается в том, что хозяйство, состоящее из одной брачной пары, по мере рождения детей неизбежно проходило через неблагоприятный период (наглядно видимый даже в упрощенной модели А. Чаянова в таблице 33). Когда в семье оказывалось 3–4 ребенка, старший из которых только приближался к работоспособному возрасту (обычно он наступал через 10–15 лет после брака), пропорция e/p достигала значений порядка 1,8 и даже 2. В такие моменты нагрузка на взрослых членов семьи становилась предельной. Некоторое снижение пропорции намечалось после того, как старший ребенок достигал возраста примерно в 15 лет, но в случае смерти первенцев неблагоприятный период мог затянуться надолго. Если же в хозяйстве одновременно существовали две брачные пары, разница в возрасте между ними составляла, как правило, 5–10 лет. В результате первая семья проходила через пик неблагоприятной пропорции e/p тогда, когда во второй деторождение еще только начиналось. И наоборот, вторая семья достигала пика в тот момент, когда первая успевала его преодолеть. Оба пика взаимно сглаживались. После этого раздел хозяйств становился возможным, и он обычно наступал сразу же (а иногда и чуть ранее — до окончательного преодоления пика одним из хозяйств). Как правило, это событие происходило в тот момент, когда глава семьи достигал примерно 40-летнего возраста, а его старший сын в свою очередь имел 13–15 лет, т. е. находился в начале работоспособного возраста. Но если что-то нарушало естественный ход демографического цикла и раздел мог резко повысить пропорцию e/p в одном или обоих новых хозяйствах, он откладывался на неопределенное время. Если один из братьев не имел сыновей или они рано умирали, обе семьи могли оставаться под одной крышей до конца своего жизненного цикла.

Вышесказанное можно проиллюстрировать конкретным примером. Он относится к моим собственным предкам, но достаточно типичен для большинства из отобранных 50 хозяйств. К моменту начала наблюдений в деревне Михалковичи у пожилых родителей, Федора Носевича и его жены Федоры, был единственный сын Казимир, который женился около 1763 г. в возрасте примерно 23 лет. До смерти отца и матери, соответственно в 1767 и 1771 гг. (в возрасте около 60 лет), обе семьи вели общее хозяйство. Собственная семья Казимира и его жены Екатерины эволюционировала по чаяновской схеме с той разницей, что рождались почти исключительно мальчики и четверо из них умерли во младенчестве. Пропорция e/p плавно возрастала с единицы в 1762–1764 гг. до 1,67 в 1773 г., когда в семье Казимира имелось два сына — 9 и 5 лет. После смерти старшего сына в 1774 г. она временно упала до 1,44, затем по мере рождения новых детей возрастала до 1,94 в 1780 г. (на 18-м году брака). В тот момент в семье насчитывалось четверо детей: 11-летний Павел, 9-летний Томаш, 4-летняя Агата и годовалый Леон. Со следующего года старший сын мог уже оказывать какую-то помощь в хозяйстве, но мать была беременна еще одним ребенком (который родился и сразу же умер в 1781 г.). Пропорция чуть снизилась — до 1,89 в 1781 и 1,76 в 1782 г., но все еще оставалась очень высокой. Возможно, напряженный труд в предыдущие годы стал причиной ранней смерти Казимира и его жены, последовавшей в 1782 г., т. е. примерно в 40-летнем возрасте. Естественный цикл при этом нарушился, и хозяйство в составе трех несовершеннолетних братьев (старшему было 13) и 7-летней сестры оказалось в критической ситуации — пропорция подскочила до 4,2. Источники не позволяют установить, за счет чего им удалось выжить в течение трех последующих лет. Вероятно, они получили какую-то помощь со стороны более отдаленных родственников. К 1785 г., когда Павлу было 16 лет, а Томашу — 14, пропорция e/p составляла 2,3.

Женитьба Павла в 17-летнем возрасте (невесте было 19) сразу же понизила пропорцию до почти приемлемого уровня — 1,69. Ранний брак Павла почти несомненно продиктован именно этим соображением. В его семье начался новый цикл деторождения, на этот раз осложненный и наличием иждивенцев в лице младших братьев и сестры. Впоследствии двое младших братьев тоже женились (в 1792 и 1800 гг.), оставаясь в том же хозяйстве. Сестра вышла замуж в 1795 г. и переселилась в дом своего мужа. Общая пропорция при этом снижалась с 1,55 в 1787 г. до 1,14 в 1795 г., но больший интерес представляет ее рассмотрение отдельно в каждой из семей.

В семье Павла максимальное значение e/p вновь пришлось на 18-й год брака — 1803 г., когда его двум сыновьям было 12 и 9 лет, дочери — 7, а очередная беременность жены завершилась ранней смертью младенца. Если бы эта семья оставалась единственной в хозяйстве, пропорция составила бы 1,89, но с учетом семей младших братьев, где деторождение еще только начиналось, она была существенно ниже — 1,43 для хозяйства в целом. Годом позже, в ноябре 1804 г., умерла первая жена Павла. Женившись повторно, в 1806 г. он со всей семьей переселился в деревню Прудки, где основал собственное хозяйство. Раздел произошел в тот момент, когда Павлу исполнилось 36 лет, а его старший сын достиг 14-летнего возраста, т. е. критическая фаза жизненного цикла приближалась к концу. В новом хозяйстве пропорция e/p сразу же составила 1,8, но уже через два года снизилась до 1,54. В старом хозяйстве, где остались семьи Томаша и Леона, суммарная пропорция с уходом обремененного детьми Павла даже снизилась с 1,47 накануне раздела до 1,29 в 1806 г., затем вновь начала возрастать.

В семье среднего брата Томаша (Фомы) наблюдался аналогичный цикл, пик которого пришелся на 19-й год брака, когда в 1810 г. его сыновьям исполнилось 12 и 6 лет, дочери — 3 года и родился еще один сын (он умер затем в 4-летнем возрасте). В тот момент пропорция в этой семье находилась на уровне 1,76, но в хозяйстве в целом — лишь 1,59, поскольку у младшего брата она составляла 1,28 (его старший ребенок имел 5 лет от роду, а второй только родился). По истечении короткого времени после ревизии 1816 г. (точная дата неизвестна) Томаш также обособился в отдельное хозяйство (в той же деревне Михалковичи). Это произошло вскоре после того, как его семья преодолела критическую фазу соотношения едоков и работников. В 1817 г. (наиболее вероятная дата раздела) самому Томашу было 46 лет, его сыновьям — 19 и 13, дочери — 10. Пропорция в его семье составляла 1,47, в хозяйстве в целом — 1,4. Если в 1818 г. в старом хозяйстве оставалась только семья младшего брата Леона, то пропорция на тот момент также была приемлемой — 1,43. Самому Леону тогда исполнилось 36 лет, сыновьям Ивану и Киприану — соответственно 14 и 9.

Особенностью жизненного цикла семьи Леона являлось то, что количество едоков в ней не повышалось до кризисного уровня (выше 1,6) по причине ранней смерти детей. В первом браке их было пятеро, но трое умерли во младенчестве, и максимальное значение пропорции достигло лишь 1,56 — на 14-м году брака, когда родился пятый по счету и третий из живых на то время детей. Если бы он выжил, пропорция возрастала бы и дальше, но этого не произошло. Первая жена Леона умерла на 22-м году брака в 1821 г., после чего он женился на 37-летней вдове с двумя детьми, 7 и 2 лет, и пропорция составила 1,52. От второго брака у него родился один сын Юрий, и именно после его рождения в 1823 г. соотношение e/p в семье впервые повысилось до 1,7, поскольку старший 18-летний сын Иван в том же году женился. Но он остался в отцовском доме, и за счет приведенной им молодой жены пропорция в хозяйстве в целом осталась на уровне 1,58.

Таким образом, хозяйство Леона после отделения его брата Томаша оставалось односемейным около 5 лет. С 1823 г. после женитьбы старшего сына в хозяйстве вновь сосуществовали две брачные пары. Леон умер в 1827 г. в возрасте 48 лет, после чего в начале 1828 г. женился его второй сын Киприан, а в начале 1829 г. вдова в третий раз вышла замуж и покинула хозяйство. Любопытно, что она взяла с собой в новую семью детей от первого брака, тогда как Юрий в дальнейшем фигурирует в хозяйстве своих единокровных братьев.

Иван и Киприан так и не разделили свое хозяйство до конца жизни. В семье первого из них большой разрыв между старшими и младшими детьми (от разных браков) позволил избежать высоких значений отношения e/p . Максимальное значение 1,56 было достигнуто через 13 лет после первой женитьбы, в 1835 г., когда двум выжившим детям от этого брака исполнилось 9 и 6 лет и только что родился первенец от повторного брака, заключенного годом ранее. Последний вскоре умер, и по мере взросления старших дочери и сына пропорция с 1838 г. начала снижаться, достигнув уровня 1,24 к 1843 г. Тогда Ивану было 36 лет, его дочери — 16, сыну от первого брака — 12 и единственному на тот момент выжившему сыну от второго брака — 2. Данная семья вполне могла бы основать новое хозяйство, но этому препятствовала демографическая ситуация в семье второго брата — Киприана: неудачные беременности и смерти детей. К 1843 г., вероятно, умер упоминаемый в инвентаре 1841 г. сын (запись о его смерти отсутствует), и единственным выжившим ребенком оставалась годовалая дочь. Не исключено, что именно поэтому в хозяйстве оставался 20-летний единокровный брат Юрий, мать которого с детьми от первого брака жила в другой деревне. Похоже, что Иван не мог или не хотел оставить отцовский дом в такой ситуации. Но отсрочка раздела ничего не дала: к 1846 г. в семье Киприана вообще не осталось детей, а Юрий был отдан в рекруты. После этого Иван, а не его младшие братья, как того требовала традиция, стал естественным продолжателем отцовского хозяйства — тем более что Киприан умер в 40-летнем возрасте вскоре после ревизии 1850 г., оставив вдову и позднего сына Степана, родившегося годом ранее. Этому ребенку посчастливилось выжить, но раннее сиротство очень неблагоприятно отразилось на

его дальнейшей судьбе. В уставной грамоте по случаю отмены крепостного права, составленной в 1864 г., он указан как батрак. Надельной земли Степан не получил — весь надел достался его дяде Ивану и детям последнего.

В итоге средняя пропорция e/p в этом хозяйстве, прослеженном на протяжении четырех поколений, составила 1,46. В первые 32 года хозяйство было в основном односемейным. Точнее, в течение 7 лет в нем проживали две семьи, 10 лет — одна, 12 лет хозяйство было расширенным (одна семья и одиночки) и 4 года состояло только из одиночек. В среднем за период число семей составило 1,13, а пропорция e/p за это время оказалась очень высокой — 1,61. Зато в оставшиеся 65 лет хозяйство почти непрерывно оставалось многосемейным: 6 лет оно состояло из 3 семей, 46 — из 2 полных, 8 лет — из одной полной и одной неполной и лишь 5 лет — из одной семьи. В среднем это дает 2,03 семьи, что практически совпадает со средним уровнем для всех 50 отобранных хозяйств. Пропорция e/p составила 1,37. За все годы она ни разу не превысила уровень в 1,6, хотя в каждой семье по отдельности он превышался неоднократно. Этот пример наглядно демонстрирует, почему крестьянам было выгодно вести совместное хозяйство.

Реконструкция жизненного цикла всех 50 устойчивых хозяйств позволяет утверждать, что оптимум пропорции e/p находился в очень узком диапазоне от 1,32 до 1,36. При характерной для данного периода половозрастной структуре это соответствовало примерно 1,9 брачной пары на двор. Если состав семьи позволял смягчить кризисную фазу демографического цикла одним из вышеописанных способов, хозяйство на время становилось многосемейным. В зависимости от числа взрослых сыновей (братьев) оно могло включать две, три и даже более семейных пар. Но при нормальном ходе событий такое хозяйство в конце концов распадалось, от него последовательно отпочковывались семьи старших по возрасту (первыми преодолевшие кризисную точку). Обычно отцовский дом наследовал младший в семье. К возрасту его 40-летия хозяйство почти наверняка вновь становилось односемейным или расширенным, после чего вступало в новый цикл. Суммарная пропорция e/p для такого хозяйства почти никогда не превышала 1,6, что, видимо, было реальной мерой приемлемости.

Суммарная статистика по всем 50 хозяйствам приводится в таблице 35. Она разбита на три примерно равных отрезка, из которых первый соответствует периоду Великого Княжества Литовского, а два других приходятся на время российского

Т а б л и ц а 35. Результаты реконструкции жизненного цикла 50 выбранных хозяйств

Параметры	Численность			Соотношение e/p	Семей на хозяйство			Средний размер семьи	Одиночек
	мужчин	женщин	всего		полных	неполных	всего		
1-й период: 1762 — 1793 гг. (учтенных хозяйство-лет — 1234)									
Среднее по всем хозяйствам	4	3,04	7,04	1,38	1,51	0,12	1,64	4,10	0,45
Стандартное отклонение	1,22	1,23	1,94	0,12	0,51	0,19	0,55	0,60	0,51
Доверительный интервал (0,95)	0,34	0,34	0,54	0,03	0,14	0,05	0,15	0,16	0,14
Нижний предел интервала (-)	3,66	2,7	6,51	1,35	1,37	0,07	1,49	3,93	0,31
Верхний предел (+)	4,34	3,38	7,58	1,42	1,66	0,18	1,79	4,26	0,59
2-й период: 1794–1825 гг. (учтенных хозяйство-лет — 1513)									
Среднее по всем хозяйствам	4,01	3,66	7,67	1,36	1,65	0,22	1,87	3,88	0,45
Стандартное отклонение	1,02	1,23	1,95	0,09	0,45	0,25	0,49	0,70	0,48
Доверительный интервал (0,95)	0,28	0,34	0,54	0,03	0,12	0,07	0,14	0,19	0,13
Нижний предел интервала (-)	3,73	3,32	7,13	1,33	1,53	0,15	1,74	3,68	0,32
Верхний предел (+)	4,29	4,01	8,21	1,38	1,78	0,29	2,01	4,07	0,59
3-й период: 1826–1858 гг. (учтенных хозяйство-лет — 1567)									
Среднее по всем хозяйствам	3,91	4,18	8,08	1,32	1,58	0,35	1,93	3,87	0,69
Стандартное отклонение	1,03	1,41	2,03	0,09	0,47	0,27	0,48	1,01	0,4
Доверительный интервал (0,95)	0,28	0,39	0,56	0,02	0,13	0,07	0,13	0,28	0,11
Нижний предел интервала (-)	3,62	3,79	7,52	1,29	1,45	0,27	1,79	3,59	0,58
Верхний предел (+)	4,19	4,57	8,65	1,34	1,71	0,42	2,06	4,16	0,8
2-й и 3-й периоды: 1794–1858 гг. (учтенных хозяйство-лет — 3080)									
Среднее по всем хозяйствам	3,96	3,93	7,88	1,34	1,61	0,29	1,9	3,88	0,57
Стандартное отклонение	0,77	1,21	1,71	0,06	0,37	0,2	0,4	0,62	0,34
Доверительный интервал (0,95)	0,21	0,33	0,47	0,02	0,1	0,06	0,11	0,17	0,1
Нижний предел интервала (-)	3,74	3,59	7,41	1,32	1,51	0,23	1,79	3,71	0,48
Верхний предел (+)	4,17	4,26	8,35	1,35	1,72				

правления. Указаны также среднее квадратическое отклонение, характеризующее степень разброса результатов, и доверительный интервал, в который с вероятностью 95% укладывается погрешность, неизбежная при малых выборках.

Можно утверждать, что реконструкция в целом отражает единую модель поведения. Достоверные (выходящие за пределы доверительного интервала) различия наблюдаются только между первым и последующими двумя периодами, но их интерпретация требует большой осторожности. Прежде всего в реконструкции наблюдается различное количество женщин во всех трех периодах, а количество мужчин выглядит примерно одинаковым, за счет чего средний размер дворохозяйства в первом периоде оказывается ниже. Но нетрудно убедиться, что при этом имеет место резкая диспропорция полов (соотношение 4 : 3). Инвентари XVIII в. действительно фиксируют некоторое преобладание мужского населения, но далеко не в таких размерах. Можно говорить (и то с большой долей осторожности) о том, что мужское население составляло порядка 53%. В данном случае на 4 мужчин в первом хронологическом периоде должно было приходиться около 3,6 женщины — примерно такое соотношение модель демонстрирует для второго периода.

Разбежка в числе женщин вполне объяснима. Для второй половины XVIII в. почти отсутствуют инвентари, точно фиксирующие женское население. При реконструкции состава хозяйств в этот период приходилось опираться преимущественно на метрические книги, а вероятность недоучета женщин при такой методике гораздо выше. Если неучтенная при рождении девочка вступала в неучтенный брак, сам факт ее существования без ревизской сказки или полного инвентаря установить невозможно. В такой ситуации сложно датировать и смерть пожилых женщин. Для мужчин можно хотя бы установить приблизительную дату смерти — до ревизии 1795 г. или позже, но для женщин, чья смерть осталась незарегистрированной ранее 1816 г. (года первой сохранившейся ревизии, отражающей женское население), датировка возможна лишь в очень широких пределах. Все это и привело к тому, что в модели-реконструкции количество женщин для XVIII в. оказалось заниженным, тогда как практически все мужчины нашли в ней свое отражение. По этой причине и пропорция *e/p*, видимо, несколько искажена.

При сопоставлении модели-реконструкции с возможными характеристиками всей популяции возникает еще одно противоречие: имеющиеся 7 инвентарей отдельных частей имения, приходящихся на указанный период, фиксируют в среднем чуть более 3,1 мужчины на хозяйство, тогда как реконструкция дает 4. При всех поправках на возможный недоучет разница оказывается слишком значительной. Я склонен трактовать ее в том смысле, что полученные при реконструкции жизненного цикла параметры в 1760-е — 1780-е гг. были свойственны не всей популяции, а только наиболее устойчивым дворохозяйствам (именно по этому критерию они и отбирались для моделирования).

Примечательно, что для второго и третьего периодов те же 50 долговечных хозяйств оказываются вполне репрезентативными: результаты реконструкции очень неплохо соответствуют данным ревизий, проводившихся в это время, лишь средний размер семьи оказывается слегка заниженным. Чем можно объяснить тот факт, что один и тот же критерий отбора (в целом не случайный, как того требуют каноны математической статистики, а произвольный) в одном случае не отразился на конечном результате, а в другом существенно повлиял на него? Дело, видимо, не в самом критерии, а в характере той совокупности, из которой делалась выборка. Очевидно, в ней в период Российской империи произошли существенные изменения по сравнению с периодом Великого Княжества Литовского.

Понять суть этих изменений позволяет более широкое сопоставление с другими популяциями. Это возможно благодаря результатам коллективного исследовательского проекта «Сравнительный анализ структуры дворохозяйства на территории Российской империи (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.)», проводившегося под моим руководством с 2001 по 2003 г.⁵⁷⁰

В рамках проекта проанализированы четыре выборки в центральной части Минской губернии, находящиеся в одинаковых природных условиях, но принадлежащие к разным конфессиям (православные и католики) и разным социальным слоям (помещичьи, государственные крестьяне, измелывавшая шляхта). Первой из этих выборок послужила Кореньщина. Вторую выборку составила территория части имения Зембин (в 30 км к востоку от Кореня), население которой принадлежало к Зембинскому униатскому (с 1839 г. — православному) приходу. В течение всего периода наблюдений выборку составляли помещичьи крестьяне, причем владевший этим имением до 1811 г. граф Иоахим Хребтович придерживался прогрессивных взглядов, стремился внедрять эффективные формы хозяйствования. В его главных имениях (Щерсах и Вишневе) крестьяне с

⁵⁷⁰ Исследование осуществлялось при финансовой поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований, договор № Г00Р-005. В работе над проектом в разное время участвовали В. В. Адамчик, В. Н. Веревкин, Ю. Л. Заранко, К. А. Карчевский, И. С. Ляльков, А. В. Метельский.

1770-х гг. были переведены на чинш, более напоминая по своим условиям аренду. Правда, в отношении Зембина прямых данных о такой реформе нет, но можно не сомневаться, что и в нем уровень барщины не мог быть высоким.

Затем имение неоднократно переходило из рук в руки и раздробилось между заурядными совладельцами-помещиками. В третью выборку включена часть крупной латифундии Борисовщины (до 1794 г. — Борисовское староство), входившая в Бытчанский униатский, затем также православный приход (40 км к востоку от Кореня). В XVIII в. ее население относилось к государственным крестьянам, в первой половине XIX в. принадлежало сначала магнатам Радзивиллам, затем — удельному князю Николаю Николаевичу из дома Романовых. Четвертую выборку составили семьи мелкой шляхты униатского и католического вероисповедания, жившие на территории приходов Узденского костела и Слободо-Пырашевской церкви (около 100 км к югу от Кореня). Несмотря на свой относительно привилегированный социальный статус, многие представители этой выборки не имели собственной земли, а арендовали ее у помещиков.

Для всех выборок проанализирована дворохозяйственная и семейная структура на нескольких хронологических срезах: по материалам ревизий 1795–1797, 1811, 1834 гг., а для Зембина и Бытчи — также по ревизии 1850 г. Поскольку исходные материалы ревизии 1795–1797 гг. для этих выборок обнаружить не удалось, семейная структура реконструировалась, как и для Кореньщины, по мужскому населению, ретроспективно упомянутому в следующей ревизии, с корректировкой по метрическим книгам. Поскольку в Зембинском и Бытчанском приходах отмечался высокий процент неоседлых, средний размер хозяйства подсчитывался дважды: без их учета и с ними (по Кореньщине все цифры даны с учетом неоседлых и работников, число которых колебалось от 0,1 до 0,3 на двор). По шляхте отдельно подсчитаны данные по арендаторам и по владельцам земельных наделов (последние подразделялись еще на шляхту на собственной земле и чиншевую шляхту, но эта разница при подсчете не учитывалась). На срезах 1834 и 1850 гг. по Зембину учтена лишь часть раздробившегося имения. Итоговые результаты представлены в сводной таблице 36.

Т а б л и ц а 36. Структура дворохозяйств по четырем выборкам

Выборка (приход) и даты хронологических срезов	Число дворов в выборке	Средний размер хозяйства	Число семей на хозяйство	Число одиночек	Средний размер семьи	% односемейных хозяйств	% расширенных хозяйств	% многосемейных хозяйств
1. Кореньский католический:								
1740	69	7	1,4	0,2	4,9	56,5	7,3	36,2
1793	156	7,2	1,7	0,5	3,9	30,1	11,5	58,3
1811 все население	177	7,9	1,8	0,5	4,1	29,4	10,7	59,9
1834	171	7,9	1,7	0,8	4,2	23,4	17	59,6
1850	171	8,2	1,8	0,9	4,1	17,1	15,3	67,6
2. Зембинский униатский:								
1795 без неоседлых	79	5,8	1,6	0,4	3,3	46	14	39
все население		6,7	1,7	1	3,4			
1811 без неоседлых	72	8,7	1,9	0,5	4,3	32	8	60
все население		9,2	2,1	0,6	4,1			
1834 все население	59	7,9	1,6	0,6	4,6	30,5	20,3	49,2
1850 все население	48	9,5	1,9	1	4,5	22,9	12,5	64,6
3. Бытчанский униатский:								
1795 без неоседлых	110	8,1	1,7	0,5	4,4	38	12	50
все население		8,9	2	1,2	3,9			
1811 без неоседлых	116	8,6	1,8	0,4	4,5	23	17	60
все население		9,3	1,8	0,9	4,7			
1834 без неоседлых	109	7,7	1,7	0,5	4,2	30,5	13,7	56,3
все население		8,2	1,8	0,5	4,3			
1850 без неоседлых	189	8,2	1,85	0,6	4,1	20,1	16,9	63
все население		9,1	2	0,8	4,2			
4. Слободо-пырашевская шляхта:								
1795 все население	110	4,3	1,3	0,3	3,1	85,5	3,5	11
арендаторы	62	3,2	1	0,2	3,0	97	0	3
владельцы и чиншевики	48	5,9	1,4	0,3	4,0	71	8	21
1811 все население	116	6,2	1,4	0,4	4,1	71	8	21
арендаторы	74	5,5	1,1	0,4	4,6	81	11	8
владельцы и чиншевики	42	7,5	1,6	0,4	4,4	55	2	43
1834 все население	109	6,5	1,4	0,5	4,3	50,5	14,7	34,9
арендаторы	69	6,7	1,4	0,55	4,4	49,3	14,5	36,2
владельцы и чиншевики	40	6,1	1,5	0,5	3,7	50,5	14,7	34,9

Среди трех первых выборок, отражающих крестьянское население, несколько особняком стоят параметры Кореньщины за 1740 и 1793 гг. и имения Зембин за 1795 г. Они находят соответствие в параметрах мелкой шляхты, особенно

за 1834 г. И средний размер хозяйства, и доля многосемейных хозяйств в них заметно ниже, чем в данных по всем трем крестьянским выборкам за XIX в., а по Быгчанскому приходу — и за 1795 г. Напрашивается вывод, что здесь проявились разные модели поведения. Одна из них объединяла чиншевых подданных Виленского капитула с чиншевой и владельческой шляхтой и с подданными имения Зембин в то время, когда это имение принадлежало Иоахиму Хребтовичу. Выше уже отмечалось, что он, возможно, также перевел зембинских подданных на чинш или, во всяком случае, не слишком обременял их барщиной. К тому же данная выборка не была чисто крестьянской — более трети ее первоначального состава приходилось на местечко Зембин, жители которого занимались не только земледелием, но и торгово-ремесленной деятельностью. Это также могло повлиять на демографические параметры.

Внутри четвертой выборки можно выделить и более радикальный стиль поведения. Безземельная шляхта, арендовавшая землю у помещиков, при формировании своей дворохозяйственной структуры придерживалась модели, совершенно нетипичной для Восточной Европы. Пользователями арендуемых участков становились почти исключительно нуклеарные семьи (порядка 80–90% всех хозяйств), а доля многосемейных хозяйств не превышала нескольких процентов. Малый средний размер семей (3 человека), вытекающий из реконструированных данных ревизии 1795 г., также нетипичен для крестьян. В 1811 г. размер хозяйства арендаторов составлял около 5 человек, при этом оно по-прежнему включало в среднем чуть более одной нуклеарной семьи.

Похожую модель поведения демонстрирует инвентарь престимония Великий Корень за 1781 г. В нем средний размер хозяйства равен 5,1 человека, а из всех дворов 80% были односемейными и лишь 10% — многосемейными, при среднем числе семей 1,1 на двор. Но на Кореньщине такое возобладание односемейных хозяйств оказалось кратковременным. К сожалению, отрывочность данных об арендаторах из числа мелкой шляхты не позволяет пока оценить устойчивость их поведения на протяжении XVIII в.

У слободо-пырашевской шляхты, владевшей собственной землей или державшей наделы на условиях чинша, размер хозяйства был выше (за исключением флуктуации 1834 г., возможно, порожденной малым объемом выборки) и приближался к значениям, свойственным крестьянам имения Корень в 1740 г. и подданным имения Зембин в 1795 г. Во всех этих случаях на хозяйство приходилось 1,4–1,6 нуклеарной семьи. К 1830-м годам статистические параметры арендаторов приобретают те же черты.

Можно говорить о наличии трех специфических моделей поведения. Первую из них, ориентированную на односемейное хозяйство, я предлагаю именовать *малосемейной*. На хозяйство при ней приходится одна брачная пара или чуть более (порядка 1,1), а средний его размер определяется в основном количеством детей в семье, на которое влияли как биологические (колебания продолжительности жизни и баланса рождаемости — смертности), так и социальные факторы. Обычно средний размер малой семьи слегка превышал 4 человека, а средний размер хозяйства при чистой малосемейной модели приближался к 4,5. Эта модель вполне сопоставима с западноевропейской: по приведенной Р. Уоллом сводке, в Англии выборка из 1916 хозяйств на протяжении 1750–1821 гг. распределяется на 8,4% одиночек, 3% редуцированных, 74,2% односемейных, 10,9% расширенных и 3,4% многосемейных хозяйств. Выборка из 2568 хозяйств за 1851 г. распределяется аналогично: 7,2% одиночек, 2,6% редуцированных, 72,8% односемейных, 14% расширенных и 3,3% многосемейных⁵⁷¹.

Другая модель свойственна большинству крестьянских хозяйств конца XVIII — первой половины XIX в.: близкий к 8 человекам размер дворохозяйства (с довольно широким размахом колебаний между хозяйствами, о чем говорит высокое значение стандартного отклонения) и количество семей на хозяйство, приближающееся к 2. Поскольку данная модель предполагала совместное проживание двух и более брачных пар, ее можно условно назвать *общежительской*. Таблица 35 демонстрирует именно такую модель, которой осознанно или неосознанно следовало каждое из 50 наиболее стабильных крестьянских хозяйств Кореньщины. В таблице 36 эта общая модель прослеживается в разные годы во всех трех крестьянских выборках. На фоне ее наблюдаются хаотические колебания, но и они в целом укладываются в общее русло.

В XIX в. общежительская модель была характерна для обширных регионов Российской империи. Именно ее описывают микроданные Питера Запа: в имении Мишино Рязанской губернии в период 1782–1858 гг. многосемейные хозяйства составляли от 75 до 82%, односемейные — от 6,7 до 12,2%, средний размер дворохозяйства в 1814–1858 гг.

⁵⁷¹ Wall R. Zum Wandel der Familienstrukturen im Europa der Neuzeit // Historische Familienforschung. Ergebnisse und Kontroversen. Michael Mitterauer zum 60. Geburtstag / Herausgeben von Josef Ehmer, Tamara K. Hareven und Richard Wall. — Frankfurt; N. Y., 1997. P. 280.

варьировал от 8 до 9,7 души⁵⁷². В имении Суховарово Тверской губернии в 1816–1858 гг. на долю многосемейных дворов приходилось от 66 до 79,8%, односемейных — от 7,1 до 13,7%, средний размер хозяйства колебался от 8,2 до 9,1 человека⁵⁷³. Данные о структуре крестьянского двора в селе Петровское Тамбовской губернии, приведенные Стивеном Хоком, говорят о том же: в период с 1813 по 1856 г. доля многосемейных хозяйств изменялась от 78 до 45%, односемейных — от 8 до 20%, средний размер хозяйства — от 7,7 до 9 человек⁵⁷⁴. Аналогичные результаты получены и в совместном франко-русском проекте, который реализовали Ален Блум, Александр Авдеев и Ирина Троицкая. В имении Выхино Московской губернии за период 1811–1858 гг. доля многосемейных хозяйств составляла в разные годы от 64,5 до 86,5%, простых семей — от 7 до 20,3%⁵⁷⁵. Средний размер дворохозяйства в их выборке изменялся с 9 человек в 1816 г. до 12 в 1834 г. и до 7 в 1850 г., но в этом случае исследователи оперируют неоткорректированными данными, поэтому не исключено искажение средних значений за счет учета или неучета неоседлых, нумерованных дворов и т.п. По агрегированным данным, приводимым Б. Н. Мироновым, в целом по Европейской России людность крестьянского двора составляла 8,4 человека⁵⁷⁶.

При третьей поведенческой модели средний размер хозяйства оставался в пределах 6–7 человек, а доля многосемейных дворов не превышала 40%. Она была характерна для земледельческого населения, пользовавшегося относительной свободой или сочетавшего труд на земле с иными источниками дохода. Такая ситуация, видимо, наблюдалась у подданных имения Корень в 1740 г., у крестьян и мещан имения Зембин в 1795 г., а также у владельческой и чиншевой шляхты на землях имения Пырашевская Слобода в конце XVIII — начале XIX в. Для этой модели свойственны наличие в одном хозяйстве 1,4–1,6 нуклеарной семьи и его средний размер порядка 6–7 душ, а доля односемейных дворов выше 50%. Я предлагаю именовать ее *сбалансированной* (смысл такого названия будет разъяснен чуть ниже).

Имеются сведения о достаточно широком распространении и устойчивом бытовании третьей поведенческой модели в некоторых регионах Восточной Европы. В одной из своих публикаций я уже упоминал весьма интересные данные украинского исследователя Микола Крикуна, представленные им для международного семинара по проблемам семейной структуры (Вена, ноябрь 2000 г.)⁵⁷⁷. Он провел статистическую обработку переписи населения в 28 униатских приходах Житомирского повета Киевского воеводства за 1791 г.⁵⁷⁸ Материалы этой переписи охватывают 2903 двора в 6 местечках и 72 сельских поселениях повета. Детально проанализировав их семейную структуру, М. Крикун показал, в частности, что 56,5% из них состояли из простой семьи или одиночек, 8,1% представляли собой расширенное хозяйство и 35,3% — многосемейное. Средний размер дворохозяйства составил 6,6 человека, на это число приходилось 0,17 *соседа* и *коморника*, 0,32 наемного работника, без их учета размер хозяйства равен 6,1 человека. При среднем размере семьи в 4,2 человека на двор приходилось 1,55 семьи. Эти цифры удивительно близки к отраженным в инвентаре имения Корень за 1740 г. (см. таблицу 21).

В опубликованной на финском языке работе Матти Пооллаа «Институт семьи Восточной Карелии 1600–1900 гг.»⁵⁷⁹ отмечается, что в этом регионе в 1760–1910-х гг. доля многосемейных дворохозяйств составляла от 39 до 57%, а их средний размер колебался от 6 до 9 человек. Для классической общежительской модели это слишком мало и скорее соответствует сбалансированной (точнее, говорит об их смешении).

В Эстонии во второй половине XVIII в. также широко существовала пропорция хозяйств, характерная для сбалансированной модели. В приходе Отепя на юге Эстонии в 1765 г. на крестьянский двор приходилось 6,8 человека. Хозяйства в составе одиночек, редуцированных и нуклеарных семей составляли 59,3%, расширенные — 6,2, многосемейные — 33,5%. На севере Эстонии, в приходе Карузе, в 1782 г. насчитывалось 54% односемейных (с одиночками) дворов, 14%

⁵⁷² Czap P. The perennial multiple family household, Mishino, Russia, 1782—1858 // Journal of Family History, 7 (1982). P. 5 — 26; Czap P. “A large family: the peasants’ greatest wealth”: serf households in Mishino, Russia, 1815—1858 // R. Wall (ed.), in collaboration with J. Robin and P. Laslett. Family Forms in Historic Europe. — Cambridge, 1983. P. 105—151.

⁵⁷³ Czap P. “A large family: the peasants’ greatest wealth”: serf households in Mishino, Russia, 1815—1858 // R. Wall (ed.), in collaboration with J. Robin and P. Laslett. Family Forms in Historic Europe. P. 128—129, 147.

⁵⁷⁴ Hoch S. Serfdom and Social Control in Russia: Petrovskoe, a Village in Tambov. — Chicago, 1986. Русский перевод: Хок С. Л. Крепостное право и социальный контроль в России: Петровское, село Тамбовской губернии. — М., 1993.

⁵⁷⁵ Avdee A., Blum A., Troitskai I. La nuptialite en Russie avant le reforme de 1861 (une etude sur 3 villages de la region de Moscou). The paper presented for the European Population Conference. The Hague, 30 August — 3 September 1999; Blum A., Troitskaya I., and Avdee A. Family, marriage and social control in Russia — Three villages in Moscow region // M. Neven and Catherine Carpon (eds.). Family Structures, Demography and Population. A Comparison of Societies in Asia and Europe. — Liège, 2000. P. 88—92.

⁵⁷⁶ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи и правового государства. Т. 1. С. 225.

⁵⁷⁷ Носевич В. Л. Еще раз о Востоке и Западе: Структуры семьи и домохозяйства в истории Европы // Круг идей: Историческая информатика в информационном обществе: Труды VII конференции Ассоциации «История и компьютер». — М., 2001. С. 15—38.

⁵⁷⁸ Центральный государственный исторический архив Украины в Киеве. Ф. 8. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 147—904об.

⁵⁷⁹ Pöllä M. Vienankarjalainen perhelaitos 1600—1900. — Helsinki, 2001.

расширенных и 32% многосемейных⁵⁸⁰. Обе пропорции опять-таки очень близки к данным кореньского инвентаря 1740 г. В еще одной эстонской микропопуляции, имении Пинкенхоф, та же пропорция в 1816 г. составляла соответственно 58 : 18,5 : 23,3, в 1850 г. — 49,9 : 23,3 : 26,6 (в обоих случаях учтены 124 двора)⁵⁸¹. Согласно опубликованной Р. Уоллом сводке, в трех эстонских выборках 1850 г. (451, 388 и 165 дворов) пропорция составляла соответственно 52 : 17 : 31, 44 : 23 : 33 и 34 : 19 : 47. В выборке по имению Линден на территории Курляндии (современная Латвия, 92 двора) в 1858 г. зафиксирована пропорция 52 : 24 : 24⁵⁸².

В эстонских материалах есть дополнительная информация, которая проливает свет на механизм формирования этой поведенческой модели. Источники позволяют различать две категории наделов: одновладельческие и совладельческие. Первый вид надела, господствовавший на севере и островах, находился в полном распоряжении одного дворохозяинства и обрабатывался его членами с помощью батраков. О довольно большом количестве последних свидетельствует тот факт, что их использовали свыше 30% всех хозяйств, причем в 15,6% таких дворов работал одинокий батрак, в 16,1% — семья наемных работников. Представители экономически деградировавших хозяйств — бобыли-лострейберы являлись социальным аналогом белорусских кутников или неоседлых. Некоторые из них жили отдельно на окраинах деревни и соответствовали в данном случае скорее не кутникам, а халупникам и огородникам белорусских инвентарей. На характерном для большей части материковой Эстонии совладельческом наделе совместно жили члены 2–3 основных дворохозяиств и примерно 5 семей лострейберов. Первые из них также использовали батраков (13,8% — одиноких, 10,5% — семейных). Структура основного дворохозяиства на двух типах наделов в приходе Отепя заметно различалась: одновладельческие имели в среднем 26,7% односемейных дворов и 67,2% многосемейных (что вполне соответствует общежительской модели), совладельческие — соответственно 42 и 48,5%. Общая низкая доля многосемейных хозяйств в этом случае достигалась за счет лострейберов, имевших совершенно иную семейную структуру: 16,4% одиночек, 3,4% редуцированных семей, 73,3% односемейных, 14,9% расширенных и только 2,9% многосемейных дворов. Очевидно, что эстонские бобыли, как и белорусская безземельная шляхта, несмотря на разницу в их социальном статусе, одинаково придерживались малосемейной модели.

Существование разных моделей поведения было характерно для части Австрии — района Тирольских Альп, где преобладали скотоводческие хозяйства. У горцев, населявших округ Виллгретен, в 1781 г. очень хорошо прослеживается корреляция между дворохозяиственной моделью и количеством скота. Если в среднем по выборке из 522 хозяйств пропорция трех типов составляла 60,6 : 21,6 : 17,8, то у тех 103 хозяйств, которые имели менее 5 голов скота, — 83,5 : 14,6 : 1,9 (классическая малосемейная модель); у 116 хозяйств, имевших от 7 до 9 голов, — 60,6 : 21,6 : 17,8 (сбалансированная модель); у 40 хозяйств, имевших 15 и более голов скота, — 24,6 : 27,9 : 47,5 (та же общежительская модель, что у русских крестьян)⁵⁸³.

Очевидно, *сбалансированная поведенческая модель представляла собой специфическое сочетание общежительской и малосемейной*. В сельском обществе одновременно существовали семьи, ориентированные на один из этих крайних стилей поведения, но их соотношение не было произвольным. В целях совместного выживания и поиска экономически оптимальных условий они достигали баланса (в примерно равных пропорциях), при котором агрегированные статистики порождали характерные особенности промежуточной модели. Если популяция меняла поведение таким образом, что ее ориентированная на односемейность часть исчезала или переставала учитываться в качестве дворохозяев, характеристики оставшейся части становились общими, а популяция в целом приобретала черты общежительской модели.

В порядке эксперимента автор пересчитал результаты ревизии 1850 г. по Бытчанскому приходу, в которых доля неоседлых особенно велика, таким образом, что каждая семья неоседлых принималась за отдельное дворохозяиство. Хотя такой подход и не является методически корректным, он позволяет представить, как выглядела бы семейная структура, если бы эта категория населения продолжала вести полноценное хозяйство или учитываться наравне с прочими (подобно тому, как учитывались эстонские лострейберы). Результаты заслуживают того, чтобы привести их отдельной таблицей. Хозяйственная структура с учетом неоседлых не приводится, поскольку источники не позволяют проследить, в каких именно дворах они квартировали (таблица 37).

⁵⁸⁰ Палли Х. Население крестьянского домохозяиства (дворохозяиства) в Эстонии в XVII—XVIII веках // Социально-демографические процессы в российской деревне (XVI — начало XX в): Материалы XX сессии Всесоюз. симпозиума по изучению проблем аграрной истории. Вып. 1. — Таллин, 1986. С. 48—56.

⁵⁸¹ Wetherel C. and Plakans A. Borders, ethnicity, and demographic patterns in the Russian Baltic provinces in the late nineteenth century // Continuity and Change, 14 (1999). P. 33—56.

⁵⁸² Wal R. Zum Wandel der Familienstrukturen im Europa der Neuzeit // Historische Familienforschng. Ergebnisse und Kontroversen. Michael Mitterauer zum 60. Geburtstag. P. 276—277.

⁵⁸³ Schmidtbauer P. The changing household: Austrian household structure from the seventeenth to the early twentieth century // R. Wall (ed.), in collaboration with J. Robin and P. Laslett. Family Forms in Historic Europe. P. 364.

Т а б л и ц а 37. Семейная структура в Бытчанском приходе 1850 г. при разных способах подсчета

Способ подсчета	Средний размер хозяйства	Число семей на хозяйство	Число одиночек	Средний размер семьи	% односемейных хозяйств	% расширенных хозяйств	% многосемейных хозяйств
При игнорировании неоседлых	8,2	1,85	0,6	4,1	20,1	16,9	63
При учете неоседлых как сожителей в чужих дворах	9,1	2	0,8	4,2			
При учете неоседлых как самостоятельных дворохозяев	6,7	1,6	0,6	3,8	35,7	14,3	50

Из таблицы 37 можно увидеть, как при изменении критериев подсчета популяция, демонстрировавшая классические параметры общежительской модели, резко смещается в сторону сбалансированной, хотя и не вполне ее достигает. Этот пример, по моему мнению, наглядно демонстрирует механизм образования статистики, характерной для сбалансированной модели.

Видимо, общежительская модель поведения присутствовала в восточноевропейских популяциях постоянно: или как единственная или абсолютно доминирующая, или в виде одного из компонентов — и тогда вся популяция могла иметь черты сбалансированной модели. Если земледельческие хозяйства имели достаточную экономическую свободу, они неизбежно расслаивались на более и менее успешные. То, что присуще ей статистические параметры независимо друг от друга воспроизводились в этнически разных и территориально удаленных популяциях от Карелии до Украины, означает, что примерно равный баланс успешных (ориентированных на общежительскую модель) и неуспешных (склоняющихся в силу этого к индивидуалистической модели) хозяйств был весьма устойчив.

Это можно подтвердить оценками уровня имущественной дифференциации в разных регионах. В крупном имении Бельниччи на востоке Беларуси, по оценке его владельца князя Огинского, в конце XVIII в. убогие крестьянские дворы составляли 39,9%, средние — 38,2, богатые — 21,9%⁵⁸⁴. В Логишинской волости имения Чемерин на Полесье в 1780 г. 21,2% хозяйств нуждались в помощи, чтобы дотянуть до нового урожая, 59,9% могли обеспечить себя и 18,9% имели излишки зерна⁵⁸⁵. Если взять за критерий количество запряжек, то в 17 имениях на востоке Беларуси, по данным инвентарей второй половины XVIII в., 32% хозяйств имели не более одной запряжки, 29% — две, 39% — три и более⁵⁸⁶. По государственным крестьянам в середине XIX в. есть данные, разграничивающие средние и зажиточные хозяйства, с одной стороны (те и другие при люстрации казенных имений зачислены в число тяглых, или полнонадельных), и все виды неимущих — с другой (сюда можно отнести полутяглые хозяйства, огородников и бобылей). В 1843 г. эти две категории составляли соответственно 64,2 и 35,8% государственных крестьян Минской губернии, 62,4 и 37,6% — по всей Беларуси. В 1854 г. их удельный вес слегка изменился: по Минской губернии — 66 и 34%, по всей Беларуси — 71,6 и 28,4%.⁵⁸⁷ При всей относительности этих градаций они свидетельствуют, что количество хозяйств, поднявшихся выше среднего уровня и опустившихся ниже его, было сопоставимым (выражаясь языком математической статистики, распределение хозяйств по степени зажиточности подчинялось нормальному, или гауссову, закону).

Мировосприятие в этих двух слоях существенно различалось. Члены успешных, благополучных хозяйств видели ясную перспективу и стремились принять все меры к тому, чтобы обеспечить стабильность подрастающим наследникам. Их жизненное кредо хорошо отражает пословица из собрания А. Варлыги: *Хто дбае, той і мае* (кто старается, тот и имеет). В условиях барщины и при отсутствии рынка наемной рабочей силы такую стабильность обеспечивала только общежительская модель в ее классической форме, позволявшая поддерживать оптимальный баланс едоков и работников. Но этот способ хозяйствования не стоит идеализировать. Совместная жизнь родителей и взрослых сыновей, равно как и взрослых самодостаточных мужчин и женщин, не вполне соответствует инстинктивным программам поведения, предполагающим уход достигающих совершеннолетия отпрысков в самостоятельную жизнь (именно в этой врожденной программе психологи и

⁵⁸⁴ ГИАЛ. Ф. 1177. Оп. 1. Ед. хр. 2350. Л. 34—35; Гісторыя сялянства Беларусі са старажытных часоў да нашых дзён. Т. 1. С. 225.

⁵⁸⁵ Библиотека Польской академии наук в Кракове. Отдел рукописей. Ед. хр. 4446; Гісторыя сялянства Беларусі са старажытных часоў да нашых дзён. Т. 1. С. 224.

⁵⁸⁶ Гісторыя сялянства Беларусі са старажытных часоў да нашых дзён. Т. 1. С. 222.

⁵⁸⁷ Гісторыя сялянства Беларусі са старажытных часоў да нашых дзён. Т. 1. С. 329.

этологи видят первооснову всем известной проблемы «отцов и детей», резко обостряющейся в «переходном возрасте» последних)⁵⁸⁸.

Жить, десятилетиями преодолевая эту программу, можно было только в условиях постоянного психологического напряжения (не всегда осознаваемого) и при столь же постоянном присутствии элемента насилия. Все авторы, описывавшие многосемейное хозяйство, отмечали, что оно держалось только на безоговорочной власти главы хозяйства (которым мог быть отец или старший брат) и столь же безоговорочном подчинении остальных: *Воля отца, матери или старшего дядьки, вообще самого старшего в семействе члена священна для всего семейства, без его воли ничего важного не бывает*⁵⁸⁹. Другими словами, для противодействия одной врожденной программе задействовалась другая, столь же мощная — программа иерархического доминирования и подчинения, хорошо описанная этологами. Побочным эффектом было формирование с младенческих лет специфического психологического типа, или, в терминологии психоисториков, *психокласса*⁵⁹⁰, в котором сочеталась глубокая внутренняя неуверенность, нереализованный потенциал агрессии, непреодолимая готовность подчиняться и в то же время склонность командовать, когда появлялась возможность. Сколь бы жесткой ни была иерархия, конфликты случались неизбежно. *Няма той хаткі, каб не было звадкі* (ссоры), — гласит еще одна поговорка из собрания А. Варлыги. Эта поведенческая модель в силу присущего ей психологического дискомфорта могла существовать только при дополнительной внутренней мотивировке — потребности иметь самодостаточное и эффективное хозяйство, переходящее от отцов к детям. Этнографические материалы конца XIX в. так описывают эту психологическую установку: *Хорошая зажиточная семья понимает значение в сельском хозяйстве большого числа рабочих рук, почему и принимает всяческие меры против разделов. Раздел считается злом, к этому старики относятся весьма враждебно*⁵⁹¹.

Если же крестьянское хозяйство опускалось в низший экономический слой, его поддержание любой ценой утрачивало свою привлекательность: *Хто мала мая, той мала і дбая* (кто мало имеет, тот мало и усердствует). Врожденная индивидуалистическая программа активизировалась и в своем крайнем проявлении могла привести к переходу на малосемейную модель поведения. Последствия этого тоже отмечены в этнографических очерках: *Старшие члены семьи, выделившиеся уже со взрослыми сыновьями, еще перебиваются кое-как; но младшие, обремененные подростками, падают, бессилеют под тяжестью труда, в конце концов бросаются на посторонние заработки, сплав, и все хозяйство приходит в упадок*⁵⁹².

Именно такие агонизирующие в экономическом или демографическом плане хозяйства часто фиксируются инвентарями как состоящие из одиночек или редуцированных семей. Можно полагать, что как раз эта категория регулярно пополняла прослойку *захожих людей*, благодаря которым за вторую половину XVIII в. обновилось около 30% населения Кореньщины. Многим удалось закрепиться на новом месте и образовать устойчивые хозяйства, просуществовавшие затем не менее столетия. Но некоторые не были столь успешны и продолжали поиски счастья на новом месте. К ним за это время присоединились и многие коренные жители. Они вряд ли поступили бы так, если бы с хозяйством все обстояло благополучно.

На последней стадии хозяйственного упадка члены деградировавшего хозяйства переходили в разряд кутников (неоседлых). Нередко в кутников превращались брачные пары с детьми или даже расширенные семьи, которые в иных условиях вполне могли бы вести самостоятельное хозяйство. Они вынуждены были ютиться в чужих домах, доставляя неудобство и себе, и хозяевам: *Калі маеш у хаце вольны куток, дык настаў барану, бо лепі будзя абыходзіць барану, як добрага кутніка*. В отчете виленского губернатора за 1841 г. упоминается, что помещики обычно устраивают кутников и бобылей в те хозяйства, которые нуждаются в дополнительных рабочих руках, для использования их в качестве батраков⁵⁹³.

Различие пропорции неоседлых в разных выборках в несколько раз свидетельствует о том, что вероятность лишиться собственного двора сильно зависела от местных условий. В инвентаре имения Красный Бор за 1841 г. огородники, халупники и иногда даже кутники фиксируются под отдельными номерами, но и в этом случае некоторые семьи, принадлежавшие к

⁵⁸⁸ См. об этом: Дольник В. Р. Непослушное дитя биосферы. Беседы о поведении человека в компании птиц, зверей и детей. — 3-е изд., доп. — СПб., 2003. С. 125—127 и др.

⁵⁸⁹ Довнар-Запольский М. В. Очерки семейного обычного права крестьян Минской губернии // Этнографическое обозрение. М., 1897. №1. С. 94.

⁵⁹⁰ О понятии психокласса как общности людей, в процессе формирования своей психики (прежде всего в младенчестве и раннем детстве) испытывавших одинаковые воздействия со стороны взрослых, см.: DeMause L. The Psychogenic Theory of History // The Journal of Psychohistory. 4 (1977). P. 253—267. На русском языке см.: Демоз Л. Психоистория. — Ростов н/Д, 2000. С. 183, также с. 140—141 и др.

⁵⁹¹ Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. Т. IX: Верхнее Поднепрорье и Белоруссия. С. 147.

⁵⁹² Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. Т. IX: Верхнее Поднепрорье и Белоруссия. С. 148.

⁵⁹³ Улащик Н. Н. Предпосылки крестьянской реформы 1861 г. в Литве и Западной Белоруссии. — М., 1965. С. 201.

указанным категориям, пропущены. Всего в таком качестве упомянуты 15 семей, их население составило 62 человека (около 5% популяции). Средний размер семьи у них равен 4,1 человека. По Минской губернии в 1848 г. огородники составляли 2,2% населения помещичьих имений, неоседлые — 2%, по Беларуси в целом — соответственно 1,9 и 1%. В 1859 г. эти же показатели по Минской губернии находились на уровне 1,3 и 2,1%, по Беларуси — 1 и 4,1%. Среди государственных крестьян доля огородников и бобылей была выше: в 1854 г. — соответственно 6,2 и 7,6% по Минской губернии, 5,6 и 9,5% — по Беларуси⁵⁹⁴. Вместе с дворовыми людьми бобыли составляли в 1848 г. 7,9% сельского населения Минской губернии⁵⁹⁵.

Еще ниже на шкале общественных ценностей находилась перспектива превратиться в **наемного работника**. Анализ ревизской сказки имения Красный Бор за 1834 г., в которой перечисляются работники, показал не только низкий удельный вес этой группы (1,6% населения, при этом использовали работников 10,5% хозяйств, на одно хозяйство в среднем приходилось 0,12 работника), но и позволил составить ее социальный портрет. Из 21 лица, определенного в ревизии как работники, одним оказался 9-летний внебрачный сын одинокой солдатки, 17 — юноши и девушки в возрасте от 14 до 20 лет, еще трое — юноши от 21 до 25 лет. Среди работников 3% насчитывали представители возрастной группы от 10 до 14 лет, 5,1% — от 15 до 19, 3,7% — от 20 до 24, 2% — от 25 до 30 лет. Достоверно установлено, что четырнадцать из них происходили из распавшихся хозяйств — были круглыми сиротами или имели вдовую мать и одного-двух младших братьев или сестер. Еще одна 14-летняя девушка по имени Франтишка Балцевич, возможно, происходила из полной семьи, в которой сын Франц соответствующего возраста отмечен как бежавший в 1831 г. Если эти Франц и Франтишка в действительности одно лицо, то девушка покинула отцовский дом и подвизалась в качестве работницы в другой деревне. Лишь 13-летний Петр Вашкевич, вероятно, был младшим сыном в полной семье Антона Вашкевича, но это можно предполагать лишь по совпадению имен, поскольку запись о его рождении в этой семье отсутствует, а в дальнейшем он стал примаком в другом хозяйстве. Единственным взрослым мужчиной среди работников был 48-летний холостяк Андрей Руцкий, имевший незамужнюю 39-летнюю сестру, которая в ревизской сказке упомянута как беглая.

В инвентаре 1841 г. фиксируется несколько большее количество *наймитов* — 43 (3,3% населения имения), которые использовались в 39 из 151 двора (25,8% всех дворов, в среднем на двор приходилось по 0,26 работника). Их социальный портрет аналогичен. Среди них два пожилых мужчины: 48-летний Игнат Михайлов, упомянутый без фамилии и поэтому неотожествленный (такие имя и фамилию имели три подходящих по возрасту мужчины, но все они отмечены в том же инвентаре как полноценные главы семей), и 50-летний Петр Домиников Руцкий, который ранее был женат, но жена его в ревизии 1834 г. упомянута как беглая. Ни детей, ни близких родственников он не имел. Столь же одиноким был 28-летний холостяк Войтех Балцевич. Работницами зафиксированы также 4 женщины в возрасте от 30 до 40 лет, из них две незамужние и две — вдовы, имевшие незаконных детей (что само по себе говорит об их маргинальном статусе). Все остальные работники находились в возрасте от 12 до 25 лет, ни в одной возрастной группе их доля не превышала 10%. Пятерых отождествить не удалось, из оставшихся 31 полными сиротами были 10, четверо имели вдовую мать, еще четверо, кроме того, — младших братьев и сестер. У троих мать вышла повторно замуж в другое хозяйство (один из них имел младших брата и сестру), у двух девушек были отец и мачеха, а также по одной сестре. В одном случае 15-летняя Анна Клементович имела мать и отца, но была их единственным ребенком, а само хозяйство явно находилось в коллапсе, поскольку родители в инвентаре пропущены. Семья, в которой родилась 21-летняя Анна Руцкая, относилась к категории огородников или халупников — у них не было ни полевого надела, ни домашних животных. Еще двое, 18-летний Петр и 16-летняя Екатерина Кишкурно, вышли из семьи кутников, в которой остались их родители и две младшие сестры.

Из всех 43 наемных работников лишь 4 происходили из полноценных хозяйств, но и их нельзя отнести к процветающим. Хозяйство, из которого ушел в работники 17-летний Георгий Щербович, включало кроме него 10 человек (его родителей, трех братьев и сестру, родную тетку и двоюродную тетку с двумя детьми). Обеспеченность скотом указывает на весьма скромный достаток: одна корова, а из двух волов один значится как *скарбовый* (казенный) — вероятно, взят в кредит или в качестве безвозмездной помощи. У 14-летней Малгожаты Жолнерович были отец, мать, пять сестер и два брата — 9 и 2 лет. В хозяйстве имелась пара волов и одна корова. 25-летний Ефим Лис ушел в работники из двора, где кроме него остались 10 человек (две полных, неполная семья и одиночка), на всех тоже приходилась пара волов и одна корова. У 19-летнего Петра Шульговича, помимо матери и женатого брата с двумя детьми, оставались еще три брата и сестра. На всех были 2 коня и 1 корова.

⁵⁹⁴ Гісторыя сялянства Беларусі са старажытных часоў да нашых дзён. Т. 1. С. 327, 329.

⁵⁹⁵ Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Минская губерния. Ч. 1. С. 637—638.

Количество наемных работников в имении Красный Бор, судя по всему, было достаточно типичным для Беларуси. Аналогичные данные имеются по ряду имений второй половины XVIII в. В радзивилловских имениях западной Беларуси (Чернавчицы, Радзивилмонты) наемным трудом пользовались 11–12% хозяйств, в Копыльском графстве — 16,8%, в принадлежавших Огинским имениях Тетерин и Круглое на востоке — соответственно 21,7 и 24,7%⁵⁹⁶. Как и в случае с Кореньщиной в 1834 и 1841 гг., разница вполне может объясняться степенью полноты учета. Вероятно, и категория населения, из которой рекрутировались наймиты, была аналогичной. Любопытно, что в Англии число хозяйств, использовавших наемную рабочую силу, составляло 28,5%, что не намного превышало этот показатель в Беларуси. Но число работников на одно такое хозяйство было гораздо выше. В результате наемные работники составляли 13,4% всей популяции — примерно в 5 раз больше, чем на Кореньщине⁵⁹⁷. Похожая картина наблюдается в середине XVIII в. в провинции Оверийссел в Нидерландах — слуг использовало в среднем каждое третье хозяйство, при этом 7,5% хозяйств имели 3 и более слуг. В другой выборке работники использовались в 17,6% хозяйств и составляли 5,9% популяции⁵⁹⁸.

В Беларуси дети из благополучных хозяйств, равно как и женатые взрослые мужчины, практически никогда не становились наемными работниками. Работа по найму явно расценивалась как крайний выход из тупиковой ситуации или даже как симптом жизненного краха. В этом проявляется кардинальное отличие от западноевропейской единой наследственной системы, в которой нередко все дети, кроме наследника, проходили через стадию работы по найму. По приводимым Дж. Хайналом переписным данным, в Дании в 1787 и 1801 гг. пропорция работников среди юношей в возрасте 15–19 лет находилась на уровне 52%, в возрасте 20–24 лет — 56, в возрасте 25–29 лет — 43%. У девушек в тех же возрастных группах она составляла соответственно 50, 51 и 28%. Среди мужчин старше 40 лет доля наемных работников снижалась до 5–6%, среди женщин — до 2–5%. В Англии XVII–XVIII вв. в возрастной группе 15–19 лет работали по найму 35% юношей и 27% девушек, в возрасте 20–24 лет — 30 и 40%, в возрасте 25–29 лет — по 15%⁵⁹⁹. В Австрии действовала аналогичная практика. В XVIII в. доля работников в возрастной группе от 10 до 19 лет (по всему населению, включая городское) насчитывала 25,3%, от 20 до 29 лет — 42,4%. В XIX в. эти же цифры составляли 28,1 и 37,3%⁶⁰⁰.

Как уже не раз отмечалось, такая практика позволяла односемейному хозяйству нанимать недостающие рабочие руки на стороне. Это также представляло собой известный компромисс, поскольку хозяева в данной ситуации вынужденно делили кров (а обычно и пищу) даже не с родственниками, а с чужими людьми. Но в целом в психологическом плане хозяева испытывали меньше неудобств, поскольку работники не имели права голоса в общих делах, с их мнением можно было не считаться. В таких условиях малосемейной модели поведения могла придерживаться и успешная, зажиточная часть популяции. При вышеупомянутых переписях населения Дании семьи хозяев и работников, живущие на одной ферме, обычно учитывались раздельно, как самостоятельные хозяйства, притом и те, и другие состояли преимущественно из одной брачной пары.

В Восточной Европе малосемейная модель оказывалась привилегией низшего слоя — тех, кому не было смысла держаться за недвижимость и терпеть ради этого психологические неудобства. Это не означает, что односемейные дворы принадлежали исключительно представителям этой социальной группы. Общежительская модель также давала индивиду возможность ощутить себя единственным хозяином в собственном доме, но лишь на определенных стадиях жизненного цикла — чаще всего в тот период, когда старший сын находился в возрасте от 12 лет до женитьбы. В эстонском обществе, где низший слой имел собственное название и фиксировался социальными нормами, мы легко можем различить среди односемейных хозяйств те, которые временно проходили односемейную фазу классического цикла, и те, для которых эта форма была основной. Первые, видимо, преимущественно формировали 42-процентную группу односемейных среди совладельческих хозяйств, вторые — 73-процентную группу односемейных среди лострейберов. Аналогичное различие можно провести между индивидуальными дворохозяевами среди арендной и чиншевой шляхты в имении Пырашевская Слобода. Но во многих случаях социальные группы, занимавшие нишу лострейберов и арендаторов, внешне не отличаются от держателей

⁵⁹⁶ Козловский П. Г. Крестьяне Белоруссии во второй половине XVII—XVIII в. (по материалам магнатских вотчин). — Мн., 1969. С. 155, 157; Гісторыя сялянства Беларусі са старажытных часоў да нашых дзён. Т. 1. С. 226—228.

⁵⁹⁷ Laslett P. Mean household size in England since the sixteen century // P. Laslett and R. Wall (eds.). Household and Family in Past Time ... — Cambridge, 1972. P. 152.

⁵⁹⁸ Van der Woude A. M. Variations in the size and structure of the household in the United Provinces of the Netherlands in the seventeenth and eighteenth centuries // R. Wall (ed.), in collaboration with J. Robin and P. Laslett. Family Forms in Historic Europe. P. 307, 314.

⁵⁹⁹ Hajnal J. Two kinds of pre-industrial household formation systems. In: R. Wall (ed.), in collaboration with J. Robin and P. Laslett. Family Forms in Historic Europe. P. 94.

⁶⁰⁰ Schmidtbauer P. The changing household: Austrian household structure from the seventeenth to the early twentieth century // R. Wall (ed.), in collaboration with J. Robin and P. Laslett. Family Forms in Historic Europe. P. 358.

благополучных хозяйств. В инвентаре помещичьего имения и те, и другие могут выступать как полноправные подданные, и у нас нет средств установить, что одни из них унаследовали свой надел от деда и прадеда и собираются передать внукам, другие же живут по принципу: продержаться до урожая — а там видно будет.

К сожалению, непостоянство обитания второй категории крестьян не позволяет построить надежную модель-реконструкцию их жизненного цикла за длительный период. Поэтому предположение о том, что на стадии кризиса своих хозяйств они начинали ориентироваться на малосемейную модель поведения, остается недоказанным. Но по-иному трудно объяснить тот факт, что у включенных в реконструкцию хозяйств на протяжении 1760-х — 1780-х гг. в среднем оказывается по 4 мужчины, а для популяции в целом инвентари фиксируют 3,1. Если у устойчивых хозяйств, отобранных для реконструкции жизненного цикла, этот показатель был выше среднего, то у какой-то части популяции он должен быть ниже — порядка 2–2,5 мужчины на хозяйство, или 4–5 душ обоого пола. Такой размер дворохозяйства характерен именно для малосемейной модели.

Видимо, в XVI в. малосемейная модель преобладала на всей территории Великого Княжества Литовского и Европейской России. Данные о структуре дворохозяйства по Беларуси и Новгородской земле, приведенные автором во второй части книги, говорят о только начинающемся формировании сбалансированной модели. Ее становление и дальнейшая эволюция в сторону общежительской модели прослеживается затем по отрывочным сведениям. Подсчеты по новгородским и псковским писцовым книгам 1580-х — 1640-х гг. дают средний размер хозяйства примерно в 6,4 человека (данные охватывают 4242 двора в 1620-е гг. и 7401 двор в 1646 г.). Односемейные и многосемейные дворы составляли в 1620-е гг. соответственно 59,6 и 38,7 %, в 1646 г. — 69 и 22,5 %. Эти цифры свидетельствуют в пользу преобладания сбалансированной модели. К 1678 г. доля односемейных хозяйств снижается до 49,4%, а доля многосемейных возрастает до 43% (информация по 10436 дворам)⁶⁰¹. У монастырских крестьян Вологодской губернии в 1678 г. простых и многосемейных дворов насчитывалось 58,5 и 33,9%, но к 1717 г. цифры изменились на почти противоположные — 39,3 и 53,7% (данные охватывают 1000 дворов в 1678 г. и 428 дворов — в 1717 г.)⁶⁰². Таким образом, у российских крестьян в конце XVII — начале XVIII в., как раз во время формирования жесткой крепостнической системы, наблюдается переход на общежительскую модель, что вряд ли является простым совпадением.

Среди городского населения России доминировала сбалансированная модель: по сохранившимся материалам переписей десяти уездных городов (Белева, Боровска, Вятки, Зарайска, Малоярославца, Рязани, Торопца, Тулы, Углича, Устюжны) за период с 1710 по 1720 г. среди 6719 хозяйств пропорция трех основных типов составила 54,2 : 12 : 33,8, а средний размер хозяйства — 5,7 человека (при размахе вариаций от 4,6 до 7,2)⁶⁰³.

Более поздние данные по территории Великого Княжества Литовского ограничиваются несколькими подсчетами, результаты которых свидетельствуют о сосуществовании разных поведенческих моделей. Разница по отдельным имениям могла быть огромной. Так, в 1770-е — 1780-е гг. в одном из *ключей* имения Тимковичи (центр Беларуси) на двор приходилось 4,4–4,5 человека, в одном из ключей Берестейской экономии (юго-запад) — 4,9, в имении Смедынь на Полесье — 6,3, в имении Дубровно на самом востоке — 7,1. Но в поднепровском Быховском графстве в 1796 г. на двор приходилось уже 8,1 человека, а в имении Друя на северо-западе в 1793 г. — 8,5 человека⁶⁰⁴. Поэтому сильно расходятся агрегированные данные разных исследователей. А. М. Карпачев и П. Г. Козловский по 58 инвентарям второй половины XVII–XVIII в. насчитали в 766 населенных пунктах 10235 дворов и 68370 жителей, что дает 6,7 человека на двор⁶⁰⁵. По общему впечатлению П. Г. Козловского, в мирное время размер хозяйства был близок к 7 человекам, а после демографических кризисов середины XVII и начала XVIII в. снижался до 5 человек⁶⁰⁶. По данным З. Ю. Копыского, в 1238 хозяйствах 70 населенных пунктов насчитывалось 7608 душ, или 6,2 на двор⁶⁰⁷. Такой размер двора (даже с поправкой на возможный недоучет) характерен для сбалансированной модели. Но Ю. Можи по 15 инвентарям Беларуси и Литвы 1725–1808 гг. насчитал в 414 селениях 4370

⁶⁰¹ Александров В. А. Типология русской крестьянской семьи в эпоху феодализма // История СССР. 1981. № 3. С. 83; Кох О. В. Крестьянская семья // Аграрная история Северо-Запада России XVII века (население, землевладение, землепользование) / Под ред. А. Л. Шатиры. — Л., 1989. С. 56–58.

⁶⁰² Бакланова Е. Н. Крестьянский двор и община на русском Севере: конец XVII — начало XVIII в. — М., 1976. С. 37–38.

⁶⁰³ Kaiser D. H. Urban household composition in early modern Russia // Journal of Interdisciplinary History, 23 (1992). P. 39–71; Он же. The seasonality of family life in Early Modern Russia // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte, 46 (1992). P. 21–50; Он же. Возраст при браке и разница в возрасте супругов в городах России в начале XVIII в. // Сословия и государственная власть в России. XV — середина XIX в.: В 2 ч. Ч. 2. — М., 1994. С. 225–237.

⁶⁰⁴ Гісторыя сялянства Беларусі са старажытных часоў да нашых дзён. Т. 1. С. 235.

⁶⁰⁵ Карпачев А. М., Козловский П. Г. Динамика численности населения Белоруссии во второй половине XVII — XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1968 год. — Л., 1972.

⁶⁰⁶ Козловский П. Г. Крестьяне Белоруссии во второй половине XVII—XVIII в. (по материалам магнатских вотчин). С. 34.

⁶⁰⁷ Гісторыя сялянства Беларусі са старажытных часоў да нашых дзён. Т. 1. С. 185.

дымов (дворов) и 34950 человек, т. е. 8 душ на двор⁶⁰⁸. Это говорит в пользу того, что общежительская модель в конце XVIII в. была уже достаточно массовым явлением.

Теперь можно дать объяснение тому факту, что произвольная выборка наиболее устойчивых хозяйств оказалась непредставительной для всей коренной популяции второй половины XVIII в. и представительной — для первой половины XIX в. После установления российского господства на Беларусь была распространена наиболее жесткая форма крепостного права, сложившаяся к тому времени в России. Свободные переходы из одного имения в другое практически прекратились. Помещики ввели жесткий социальный контроль, регулируя разделы крестьянских хозяйств по своему усмотрению. Это диктовалось очевидным стремлением землевладельцев сохранить максимальную стабильность хозяйств своих подданных. Если ранее только успешные, ориентированные на долгосрочность хозяйства сознательно шли на психологические неудобства, чтобы отсрочить раздел, то теперь помещики стали требовать этого от всех крестьян — в том числе и тех, кто не имел к этому внутренней мотивации.

Резкое изменение семейной структуры имения Зембин ко времени перехода от И. Хребтовича к новому владельцу И. Лиходзиевскому в 1811 г., видимо, является примером того, насколько эффективным мог быть социальный контроль. Нечто подобное, но не в такой резкой форме имело место и после пожалования имения Красный Бор И. Неплюеву и замены в нем чинша барщиной. В Бытчанском приходе, представлявшем собой часть огромного Борисовского староства, уже к концу XVIII в. семейная структура точно соответствовала общежительской модели. Надо полагать, что социальный контроль эффективно проводился администраторами староства еще до присоединения к России. В начале XIX в. эта практика стала повсеместной, и основная масса крестьянских хозяйств независимо от их экономической эффективности и планов на будущее вынуждена была придерживаться оптимальной пропорции едоков/работников. Те же, кто терпел в своей хозяйственной деятельности полный крах, переходили в категорию неоседлых или огородников. Хозяйственные инвентари часто вовсе перестают их учитывать, а ревизские сказки приводят общим списком, который не позволяет установить, в каких дворах и в каком составе они реально проживали. Таким образом, эта категория населения выпадает из подсчетов дворохозяев, и ее семейная структура (по-прежнему ориентированная на нуклеарную семью) больше не воздействует на сводную статистику как понижающий фактор.

Любопытно, что у мелкой шляхты имения Пырашевская Слобода, в массе своей не получившей подтверждения российского дворянства и впоследствии переведенной в податные сословия, наблюдается переход от малосемейной к сбалансированной модели. Он затронул арендаторов и чиншевиков примерно в одинаковой степени. Видимо, это говорит о том, что часть из них продолжала стойко придерживаться ориентации на односемейное хозяйство, а часть начала воспроизводить модель поведения, господствующую у соседних крестьян (от которых мелкая шляхта практически не отличалась ни по уровню жизни, ни по характеру деятельности).

Аналогичный процесс прослеживается у венгерских крестьян во второй половине XVIII в.⁶⁰⁹ Микроданные по трем выборкам за 1747 г. (соответственно 105, 98 и 140 дворов) фиксируют выраженную малосемейную модель поведения. Средний размер хозяйства составлял от 4,6 до 4,8 человека, с учетом наемных работников и приживальцев — от 5,1 до 5,6. На хозяйства в составе одиночек и нуклеарных семей приходилось от 75 до 87%, на расширенные — от 6 до 8, многосемейные — от 7 до 17%. В двух выборках за 1769 и 1762 гг. (190 и 173 двора, первая из них соответствует третьей выборке за 1747 г.) картина уже несколько иная: средний размер хозяйства равен 5,3 и 5,9 человека, с работниками и приживальцами — 6,3 и 6,2. Хозяйства из одиночек и нуклеарных семей составляли 80 и 57 %, расширенные — 6 и 10, многосемейные — 14 и 32%. На конец XVIII — начало XIX в. есть данные по двум другим выборкам: по одной — за 1792 и 1804 гг. (82 и 91 двор), по второй — только за 1792 г. (122 двора). На двор приходилось соответственно 5,5, 5,8 и 5,8 человека, с работниками — 5,8, 6,2 и 6,1, семейную структуру отражают 73, 55 и 46% односемейных, 5, 9 и 15% расширенных, 21, 36 и 39% многосемейных хозяйств. Аналогичные данные есть и по еще одной выборке за 1816 г. Все эти цифры отражают практически завершившийся переход к сбалансированной модели.

В Восточной Европе этот переход произошел гораздо раньше — в XVI–XVII вв. На протяжении второй половины XVIII в. сбалансированная модель уступала место общежительской, но кое-где (в Эстонии, Карелии) сохранялась в течение всего XIX в.

⁶⁰⁸ Morzy J. Kryzys demograficzny na Litwie i Białorusi w 2 połowie XVII wieku. — Poznań, 1965. S. 132, tabl. 13.

⁶⁰⁹ Andorka R. and Farago T. Pre-industrial household structure in Hungary // R. Wall (ed.), in collaboration with J. Robin and P. Laslett. Family Forms in Historic Europe. P. 281—307.

Землепользование и структура наделов

В инвентарях плебании за 1740-е гг. есть данные о размерах ее дворной пашни. В 1742 г. указаны местонахождение и размеры составлявших эту пашню четырех земельных участков. Один находился между землями деревни Михалковичи, другой — у деревни Чернево, третий — между наделами деревни Громницы, а четвертый — между наделами деревни Жирблевичи. Площадь каждого из них составляла три четверти. При этом явно имелись в виду не площади, на которых можно высевать четверть бочки зерна (что соответствовало бы моргу), а четверти волоки. Это позволяет определить общий размер дворной пашни — 3 волоки (остальные 3 волоки, надо полагать, сдавались в аренду). Согласно инвентарю 1740 г., на этой земле было тогда посеяно: ржи озимой — 16 виленских бочек, яровой — 2,5 четверти, пшеницы — 0,5 четверти, ячменя — 1 четверть, овса — 4 четверти, конопли — 1 четверть, гречки — 0,5 четверти. Такое количество ржи при норме высева в 0,25 бочки на морг предполагает очень большой размер озимого клина — порядка 64 моргов, а посев яровых (в сумме 9,5 четверти) — менее 6 моргов. Если вся плебанская пашня, как и двумя годами позже, занимала 90 моргов, то под пар оставалось чуть более 20. Столь резкое преобладание озимых в структуре дворной пашни выглядит загадочным. Похоже, они занимали два с лишним из трех полей, тогда как яровые и пар были сосредоточены в урезанном третьем. Возможно, это было вызвано полной гибелью ярового посева в предыдущий год, но никаких пояснений на этот счет в инвентаре не содержится.

Величину крестьянских наделов начиная с 1740-х гг. можно установить во владениях капитула. В **престимонии Прудки** (включавшем деревни Прудки и Лищицы) около 1744 г. все 23 хозяйства владели основными наделами по 0,5 волоки (10,7 га), из которых одна четверть волоки считалась *оседлым* наделом, а другая — *приемным*. 11 хозяйств пользовались дополнительно *пустовской* землей: 4 двора имели по 0,25 волоки такой земли, 4 — по 0,5 волоки, а один хозяин (Юрко Лис) имел 1,5 волоки. У 12 хозяйств других земель, помимо основного надела, не было. Всего у крестьян этого престимонии было в тот момент земли на 5,75 оседлой волоки и на 5,75 приемной, а пустовской земли — на 4,5 волоки.

В **престимонии Великий Корень** в 1747 г. не было приемных волок. Из 25 хозяйств 18 имели по 0,5 оседлой волоки, 5 — по 2/3 волоки, а двое (войт Симон Колоша и Франтишек Колоша) — по целой волоке. Кроме того, одной волокой пользовался еврей — арендатор корчмы. Пустовской землей пользовались всего 3 хозяйства (все — в деревне Чернево), они имели соответственно 1/2, 3/4 и 1 волоку. Остальные 22 двора имели только основные наделы. Таким образом, земли было на 14,33 оседлой волоки и 2,25 пустовской, не считая 1 волоки для корчмаря.

В **престимонии Малый Корень** в 1761 г. из 34 хозяйств 32 имели основные наделы по 0,5 волоки (по четверти оседлой и по четверти приемной волоки), в двух было только по четверти оседлой волоки. При этом 21 хозяйство имело дополнительную пустовскую землю: 12 дворов — по 1/4 волоки, 5 — по 1/2, 3 — по 3/4, один — целую волоку. 13 хозяйств пользовались лишь основным наделом. Земли было на 8,5 оседлой волоки, 8 приемных и 8,75 пустовской. В этом инвентаре специально подчеркнуто, что никто из крестьян не имеет дополнительных расчисток (*выробков в лесах*).

Сенокосы в середине XVIII в. оставались в общинном ведении, хотя пользовались ими индивидуальные хозяйства. В 1730-е гг. из-за спорных сенокосных угодий вспыхнула распря между общинами престимониев Прудки и Малый Корень⁶¹⁰. Капитулу пришлось разбирать жалобу жителей Черехов и *Жирблян* (Жирблевич) из престимония Малый Корень на войта престимония Прудки Юрия Лиса и жителей деревни Прудки Лаврина и Матея Лисов, захвативших 12 волок сенокосов в урочищах Селище и Лавница, *от чего походят эксцессы, гвалты и бои*. Со своей стороны жители Прудков предъявили права на сеножать *Седлище*, которой пользовались три крестьянина престимония Малый Корень из деревни Черехи: Юрко, Крысько и Алексей Балевици (очевидно, Балцевичи — именно под этой фамилией они упоминаются в инвентаре 1740 г. и позднейших документах). Расследуя дело, каноник Тышкевич пришел к выводу, что спорная сеножать *Седлище от ста лет и больше* принадлежала Черехам. Поскольку документальных подтверждений этому в виде инвентарей или разграничительных актов не имелось, комиссар постановил трем вышеупомянутым крестьянам принести присягу в Кореньском костеле, после чего их права никто не вправе был оспаривать. Если же жители Прудков откажутся соблюдать это решение, им полагался штраф (*вина*) в размере 10 талеров⁶¹¹ со двора. Сеножать Лавница на участке от одноименной реки, *идучи мостом до млына Прудница по правой стороне, аж мостица старого и до реки Гайны*, признавалась за жителями деревень Черехи и *Жирбли*

⁶¹⁰ ОРБАНЛ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 233. Л. 292—294.

⁶¹¹ Талер — крупная серебряная монета с содержанием около 25 г чистого серебра, курс которой с 1717 г. равнялся 8 злотым, или 240 грошам медной монетой. Был распространен во всей Европе. С XVI в. был основной монетой на территории Германии, в Чехии известен как *иоахимиталь*, от которого происходит и российское название — *ефимок*. Во Франции аналогичная монета имела название *эю*, в Италии — *скудо*, в Испании — *песо*. См.: Федоров-Давыдов Г. А. Монеты — свидетели прошлого. Популярная нумизматика. — М., 1985. С. 69.

(Жирблевичи), а на участке за рекой Лавницей — за жителями Прудков и Лищиц. Третья спорная сеножатъ — между Лищицами и Жирблевичами — присуждалась последним.

Есть свидетельства тому, что в 1730-е — 1740-е гг. крестьяне активно расширяли пахотные угодья за счет леса. В отношении деревни Лищицы в документе 1736 г. сообщается, что она основана недавно (*de novo*). В ней насчитывалось всего 3 двора, в которых жили Юрась, его зять и некий *новик*. В инвентаре 1740 г. все трое названы поименно: Юрий Лис с сыновьями и внуками, Михаил Высоцкий с сыновьями Казимиром, Францем и Григорием, Тимох (в инвентаре 1744 г. — Апанас) Корчашко с сыновьями. Основатель Лищиц Юрась (Юрий) Лис явно был уроженцем Прудков, поскольку фамилия Лис упоминается еще в 12 дворах этой деревни. В 1736 г. уполномоченный капитулом комиссар подтвердил границу между угодьями Прудков и Лищиц, прибавив к последним *выгон под домами, абы прудчане не вдирались*. Спорными были также делянки (*пасеки*), расчищенные из-под леса Юрасем. По мнению прудчан, они находились *на шнурах прудчанских* (вероятно — на участке леса, отмеренном под расчистку для крестьян этой деревни). Тем не менее комиссар постановил, чтобы расчистки оставались в распоряжении Юрася *до корней пяти* (вероятно, пока он не снимет с них пять урожаев, чтобы окупить затраты на расчистку). Было подтверждено и право лищан пользоваться лесами, лежавшими напротив их деревни.

В трех последовательных инвентарях **престимония Прудки**, датированных 1774, 1775 и 1778 гг., в деревне Лищицы значатся уже 11 полноценных дворов (владельцы 5 из них были новоприбывшими — *захожими*), а кроме того, Гришка Грецкий и кутник Адам Жуковский пользовались только пустовскими наделами (1/2 и 1/4 волюки соответственно). За 30 лет со времени предыдущего инвентаря площадь оседлой земли выросла с 11,5 до 18,58 волюки — очевидно, в эту категорию уже переведена вся земля, ранее значившаяся приемной и пустовской (4,5 волюки), и к ней еще 1,58 вновь освоенной. Вновь добавилось также приемной земли на 1,08 волюки, пустовской — на 2,5. Общее число хозяйств в престимонии возросло с 23 до 36. Из них 22 принадлежали наделы в 0,5 оседлой волюки, еще 5 имели вдобавок приемную (от 1/4 до 1/2 волюки), а 7 — пустовскую землю (все по 1/4 волюки). На общем фоне выделяются жители Лищиц Савка Шейпа и Матей Жуковский, владевшие соответственно 1 и 1,5 волюки оседлой земли.

За 9 лет, отделяющих нас от следующего инвентаря этого престимония (за 1787 г.), в нем произошли большие изменения. Учет земли начали вести не в волюках, а в моргах (1/30 волюки). Структура наделов заметно усложнилась. Самым крупным был надел в 2 волюки (более 42 га), принадлежавший Матею Жуковскому из Лищиц. Еще 3 человека имели наделы свыше 1 оседлой (*седибной*) волюки, а у семерых сочетание седибных и приемных моргов в сумме давало волюку и более. Половина всех наделов (20) укладывалась в размеры от 20 до 27 моргов (0,67–0,9 волюки) седибной земли, еще у пяти крестьян такие же цифры давало сочетание седибных и приемных моргов. Самые маленькие наделы — по 10 седибных моргов, или 1/3 волюки — были у 3 крестьян. Вся пахотная земля состояла из 30,21 оседлой волюки и 4,64 приемной. Общий земельный фонд крестьян вырос более чем в полтора раза.

Ситуацию в **престимонии Великий Корень** в 1780-е гг. отражают два инвентаря. В инвентаре за 1781 г. утрачены сведения о размерах наделов для 5 дворов по причине повреждения соответствующего листа документа. Из остальных 44 хозяйств 28 имели наделы по 1/2 волюки. У 9 хозяев они были немного крупнее: двое держали по 5/8 волюки, семеро — по 3/4. Наделы остальных 7 находились на уровне ниже среднего: у двоих — по 3/8 волюки, у троих — всего по 1/4, а двое вообще не имели пахотной земли (один из них записан как *паробок*, другой — как *млынар-огородник*).

Инвентарь за 1781 г. довольно подробно освещает активную деятельность крестьян по освоению новых участков под пашню и пастбища. Вся деревня Загорье за *розробки и пустоши* сообщала платила 40 злотых, а жители Михалкович в это время осваивали кусок земли (*кавал грунту*) в пуще у границ соседнего имения Мурованый Двор, плата за который должны была определиться чуть позднее. Два жителя этой же деревни, Игнат и Матеуш Колоши, платили 5 злотых за освоенный ими лужок в урочище Купели, а Матей Тарлецкий — 6 злотых за кусок выгона. Подданные другого престимония, Малого Кореня, столь же активно осваивали леса, находившиеся на территории Великого Кореня: жители деревни Жирблевичи сообща разрабатывали участок в лесу под Михалковичами, а житель Громницы Стасюлевич и подданный плебании Лаврин Жолнерович платили по 8 злотых за расчищенные ими участки в урочище Углы, каждый из которых составлял *пустых 1/2 волюки* (очевидно, отнесенных в разряд пустовской земли, что помогает уяснить ее происхождение). Применяя эти расценки к участку в Загорье, можно установить, что он должен был занимать 2,5 волюки.

В 1786 г. из 56 хозяйств Великого Кореня 39 имели наделы по 1/2 волюки. Число крупных наделов чуть сократилось: 5 — по 3/8 волюки и 3 — по 3/4. У 8 хозяйств было по 1/4 волюки, безземельных на этот раз не зафиксировано. Все волюки относились к разряду оседлых (седибных). Одно хозяйство — лесничего Станислава Фальковского — имело помимо 3/4

волоки основного надела еще $1/2$ *вольной* волоки (вероятно, это соответствует пустовским волокам прежних инвентарей). В Михалковичах почти все дворы имели также по 2 морга (около 1,4 га) индивидуально закрепленных за ними сеножатей. В других деревнях их не было почти ни у кого, лишь в Черневе 3 двора имели к своим полуволочным наделам по 5 дополнительных моргов — пахотных и сенокосных. Седибные наделы составляли (вместе с 13 пахотными моргами) 26,06 волоки, вольная земля — 1,5 (из них 1 волока пустовала), а сенокосные морги — 1,63 волоки. После волок деревни Загорье указаны еще 4 пустые волоки, которые лежали отдельным *островом* (возможно, это и был участок, расчищенный несколькими годами ранее).

Во владениях **Кореньского костела** непосредственных данных о структуре наделов нет, но они поддаются реконструкции. В инвентаре 1783 г. описаны принадлежавшие плембании земли, которые находились в самом селе Корень (около 8 волок) и чересполосно с владениями капитулы — в застенке Нарбутово (1 волока 22 морга), в урочище Копцы на южной окраине Кореньщины (1 волока), среди земель деревни Прудки в урочище Дворище (1 волока), а также по 1,5 волоки в Михалковичах, Жирблевичах, Черехах и Громнице. Всего на эти земли приходилось около 10 волок пахотных угодий, около 7 волок леса, около 2,5 волоки сенокосов. Примерно 6 волок использовались ксендзом *на свои потребности* (частично под дворную пашню, а частично, видимо, сдавались в аренду), 5 волок были выделены под наделы крестьянских дворохозяйств, которых насчитывалось на тот момент 15 (в Корене — 9, в Нарбутове — 4, по одному в Черехах и Жирблевичах). На каждый двор приходилось в среднем $1/3$ волоки (7,1 га). Но нужно учитывать, что некоторые из них владели пустовской землей в капитульных престимониях, за которую платили чинш не плембании, а капитулу. Упомянувшийся выше Лаврен Жолнерович из Жирблевич, державший 0,5 волоки в Великом Корене, был именно таким подданным плембании (рис. 8).

Рис. 8. Примерное расположение пахотных земель в 1787 г.

(в скобках — число дворов)

Эти данные о размере крестьянской земли не противоречат более поздним, относящимся уже ко времени Российской империи. По инвентарю 1804 г., земельные владения плембании составляли 18 волок, из них дворная пашня — 9,5 волоки и 2,5

морга (т. е. всего 9,58 волоки, из них 8 моргов занимало *болото неужиточное*), боровой лес — 3 волоки и 12,5 морга (3,42 волоки). 4 пустоши из состава дворной пашни (их размер не указан, но, вероятно, каждый участок занимал по одной волоке) находились в аренде у еврея-корчмаря и трех мелких шляхтичей — Михаила Гловацкого, Антония Гашинского и Станислава Добринского. На крестьянские наделы (*змяны влосянские*) по-прежнему выделялось 5 волок (150 моргов). Из этой земли 4 морга предназначались под огород для органиста Кореньского костела, еще 50 моргов представляли собой луговые сенокосы, разделенные на 20 участков: по 2 морга *на 10 домов* на болотах в урочище Бачиловка, по 5 моргов *на 5 домов* в урочище Кенпы и по 1 моргу *на 5 домов* в урочище Заячье Болото.

К этому времени в подданстве плебании осталось 7 дворов, что позволило увеличить их наделы до стандартной полуволоки. Любопытно, что бывшие подданные плебании, поселенные в Черехах (Андрей Банцаревич) и Жирблевичах (Лаврен Щербович), с 1794 г. уже значатся подданными имения Красный Бор, конфискованного у капитула. Очевидно, они предпочли при смене владельцев закрепить свои добавочные, но большие по площади участки в качестве основных, отказавшись от плебанских наделов.

Все наделы оставшихся плебанских подданных включали по 15 моргов пахотной земли и по 3 морга сенокосов. Пахотная земля каждого надела делилась на 3 морга *седибной* (в данном случае, вероятно, усадебной) земли и полевой надел в 12 моргов, разделенный на 3 *смены* по 4 морга в каждом участке. В сумме на все 7 наделов приходилось пахотной земли на 3,5 волоки и сенокосов на 0,7 волоки. В пользовании одного из дворохозяев — Матея Гусаковского находился небольшой «довесок» в 3 морга *пустоши* и 3 морга сенокосов. Как использовались оставшиеся нераспределенными 26 сенокосных моргов, неизвестно.

К 1807 г. в селе Корень добавилось 2 новых хозяйства — на наделы были посажены бывшие кутники Ефим Мороз и Ян Красовский. Первый из них получил стандартный надел за счет того, что два других хозяина, Иосиф Арендаревич и Матей Гусаковский, отказались от половины своих прежних наделов (или были лишены их) и держали теперь только по 1/4 волоки пахотной земли. В застенке Нарбутово также произошло перераспределение: два хозяина, Франтишек Бубар и Франтишек Щербович, уменьшили свои наделы до 1/4 волоки, а надел Балтрука Бубара вырос до 3/4 волоки. Надел Яна Красовского, видимо, был выкроен из остатков второго нарбутовского надела и каких-то небольших резервов, в результате он составил 3/8 волоки. Всего, таким образом, у четверых хозяев остались полуволочные наделы, у троих стало по четверти волоки, у одного — 3/8 и у одного — 3/4. К каждому из них по-прежнему прилагалось по 3 морга сенокосов. Пахотной земли под всеми наделами стало чуть менее 3,9 волоки, сенокосной — 0,9 волоки (таблица 38).

Т а б л и ц а 38. Обеспеченность дворохозяев Кореньщины землей в XVIII — начале XIX в.

Даты	Селения	Хо- зяйст ва	Души		Всего земли		На 1 двор		На 1 душу (га)
			муж.	всего	волок	га	волок	га	
1742	Корень, Нарбутово ^а	9	13	-	5?	105?	0,56?	11,7	-
1744?	Прудки, Лищицы	23	56	-	16	341	0,69	14,8	-
1747	Михалковичи, Чернево	25	-	-	15,6	332	0,62	13,3	-
1761	Громница, Жирблевичи, Черехи	34	131	-	24,25	516,5	0,71	16,2	-
1774 — 1775	Прудки, Лищицы, Городец, Млын	36	96 ^г	-	20,3	433	0,55	11,7	-
1781	Михалковичи, Чернево, Юрши	49	141	255?	22 ^б	469 ^б	0,5	10,6	-
1783	Корень, Нарбутово ^б	15	47 ^г	98 ^г	5	105	0,33	7,1	1,07
1786	Михалковичи, Чернево, Юрши	56	175 ^г	339 ^г	25,6	546	0,46	9,8	1,61
1787 — 1789	Прудки, Лищицы, Городец, Копцы	40	127	236	34,6	737	0,86	18,4	3,12
1804	Корень, Нарбутово	7	26	50	4,2	89,7	0,6	12,8	1,8
1807	Корень, Нарбутово	9	34	67	4,8	102	0,53	11,3	1,52

^а Включая 1 двор в Громнице.

^б Подсчеты только в отношении 44 хозяйств.

^в Включая по 1 двору в Жирблевичах и Черехах.

^г Не считая кутников.

Общая площадь надельных земель в двух престимониях составила в 1740-е гг. 31,6 волоки, в 1780-е гг. 61,2 волоки. С учетом того что в Малом Корене площадь наделов была не ниже, чем в Великом Корене, во всех владениях капитула могло быть в середине XVIII в. не менее 48 волок пашни (порядка 1000 га) и к ним около 100 га добавочных сенокосов. К концу столетия площадь наделов возросла примерно до 90 волок пашни (порядка 1900 га) и к ним около 190 га сенокосов. Эта цифра ненамного превышает полученную для второй половины XVI в. (от 40 до 80 волок). Выходит, что в число интенсивно осваиваемых в середине — второй половине XVIII в. земель попала значительная часть тех старопашотных земель, которые в

период демографических кризисов временно выпали из оборота и заросли лесом. Теперь их пришлось осваивать заново, и лишь к концу столетия началось освоение действительно первичных лесов.

В период российского господства в бывших капитульных престимониях была введена барщина, что не могло не повлечь за собой формирование дворной пашни и перераспределение крестьянских наделов. Возможно, под фольварк распахали часть земель, ранее представлявших собой общинные сенокосы. Леса в начале столетия тоже сводились. Об этом косвенно свидетельствует организация смолокурного производства в 1820-е гг. Документов, отражающих динамику освоенных площадей в этот период, не сохранилось. Есть лишь данные о результатах этого процесса на середину XIX в.

Сведения о величине крестьянских наделов содержатся в инвентаре имения Красный Бор, составленном в 1846 г. с использованием информации из несохранившегося инвентаря за 1841 г. Согласно последнему, все дворы имели одинаковые наделы — по 15 дес. пахотной земли и 5 дес. сенокосной (21,8 га). Но в помещенной в начале инвентаря общей характеристике хозяйства (составленной в 1846 г.) указано, что на двор приходилось по 1 дес. (1,09 га) усадебной земли, 10 дес. пахотной и 3,3 — сенокосной. Пахотная земля вместе с усадебной составляла в этом случае 12 га, т. е. 0,56 старой волоки, и более соответствовала традиционной норме. Означает ли это, что между 1841 и 1846 гг. размеры наделов сократились, уверенно утверждать сложно. Но это предположение подтверждают более поздние сведения: в процессе отмены крепостного права факт сокращения наделов упоминался в акте поверочной комиссии, что дало основание прирезать крестьянами добавочные участки за счет помещичьей земли (см. ниже). Это должно означать, что между концом XVIII в. и 1841 г. пахотные наделы стали гораздо большими, порядка 3/4 старой волоки. Не исключено, что это действительно было так и отражало увеличение среднего размера дворохозяйства, произошедшее в этот период. Для хозяйства в составе 8–10 членов полуволочного надела было уже мало. В таком случае сокращение наделов на 20%, проведенное в начале 1840-х гг., ощутимо затрагивало интересы крестьян, поскольку размер хозяйства при этом не сократился.

В инвентаре указаны 142 хозяйства, имевших полный надел, 3 семьи огородников, 6 семей халупников и 13 кутников. Если принять все наделы одинаковыми, как указано в инвентаре, то суммарная площадь усадебной и пахотной земли в 1841 г. составляла 2139 дес. (2331,5 га), сенокосной — 710 дес. (774 га), а в 1846 г. — соответственно 1571 дес. (1712 га) и 468,6 дес. (510,8 га). Между указанными датами от крестьянских наделов были отрезаны 568 дес. пашни и 305,4 дес. сенокосов. Видимо, это не привело к их включению в дворную пашню, которая обрабатывалась в виде барщины. Отрезанные земли образовали запасной земельный фонд, из которого наделались землей вновь образуемые хозяйства. В основном он предназначался для сдачи в аренду тем же крестьянам, что должно было обеспечить приток наличных денег.

Цифры по крестьянским наделам, приведенные в статистическом описании за 1855 г.⁶¹², явно получены не путем измерений на местности, а методом несложных подсчетов. Согласно описанию, стандартный крестьянский надел по-прежнему включал 10 дес. пахотной и 3,3 дес. сенокосной земли. Общая площадь пашни и сенокосов точно соответствует этой цифре, умноженной на количество хозяйств — 160. Весь остаток пахотной надельной земли отнесен к категории запасной. В описании указывается, что эти запасные земли, занятые под общественной запашкой, находились в застенках (урочищах) Антоновка, Гряда, Затишье, Междугорье, Остров, Селище. В результате структура надельных земель имела вид, представленный в таблице 39.

Т а б л и ц а 39. Структура надельных земель в имении Красный Бор в 1855 г. (в десятинах)

Деревня	Усадебная	Пахотная	Сенокосная	Пастбищная	Запасная пахотная	Запасная сенокосная	Всего
Громница	20	180	66,6	17,7	46,7	16,8	347,8
Жирблевичи	17	153	56,6	31,2	25,9	0	283,7
Козыри	13	117	43,3	18,1	53,2	11,7	256,3
Лищицы	12	108	40,0	14,6	27,3	9,9	211,8
Михалковичи	31	279	103,2	32,0	99,2	5,2	549,6
Прудки	30	270	100,0	40,8	107,6	4,2	552,6
Черехи	24	216	79,9	41,8	114,9	1,2	477,8
Чернево	13	117	43,3	49,5	76,2	0	299,0
Итого	160	1440	532,9	245,7	551	49	2978,6

Несколько иная площадь наделов указана в деле о переводе на Алексея Чудовского долгов его покойного брата, которое велось с сентября 1846 по февраль 1853 г. Эти сведения датируются примерно 1851 г.⁶¹³ Суммарная величина крестьянских наделов по каждой деревне указана дважды, причем в первый раз — в волоках и моргах, во второй — в

⁶¹² НИАБ. Ф. 146. Оп. 2. Ед. хр. 1004. Л. 56—59 об.

⁶¹³ НИАБ. Ф. 146. Оп. 2. Ед. хр. 1004. Л. 37—38, 46—47.

десятинах и сажнях (в отдельных случаях между ними имеются разночтения). В таблице 40 они приводятся в пересчете волок в морги, а сажень — в десятины (с округлением до десятых долей).

На один двор при этом приходилось в среднем 19 моргов, или 12,2 дес. (13,3–13,5 га), пашни и огородов, 2,8 морга, или 1,73 дес. (1,9–2 га), сенокоса. Площадь пашни и сенокосов (в сумме 2209 дес.) расходится с описанием 1855 г.: если предполагать, что она указана без запасной земли, то оказывается выше на 76,3 дес., если включает запасную — ниже на 523,7 дес. В любом случае данные различаются по соотношению пашни и сенокосов. Можно предполагать, что в действительности под крестьянские наделы (с учетом запасной земли) предназначалось около 2200 дес. пашни, а сенокосы (порядка 550–600 дес.) и пастбища (здесь цифра 1855 г. — около 250 дес. — также выглядит более правдоподобной) должны учитываться отдельно. Земли, реально использовавшиеся в качестве наделов, более-менее адекватно отражены в данных 1851 г. Разница с данными 1846 г. должна объясняться тем, что за это время число хозяйств в имении увеличилось на 17.

Т а б л и ц а 40. Распределение земель по угодьям в имении Красный Бор около 1851 г.

Деревня	Число дворов	Число душ	Пашня		Сенокосы		Пастбища		Всего	
			морги	дес.	морги	дес.	морги	дес.	морги	дес.
Громница	21	122	315	208,3	60	39,7	2	1,8	377	249,8
Гряда	2	23	60	39,7	6	4	2	1,8	68	45,5
Жирблевичи	13	100	255	168,6	39	25,8	2	1,8	296	196,2
Козыри	12	111	225	148,8	27	17,9	3	2	255	168,7
Лищицы	12	90	225	148,8	39	25,2	2	1,8	266	175,8
Михалковичи	36	234	615	406,7	93	61,5	4	2,6	712	470,8
Прудки	24	214	540	357,2	96	43,6	4	2,6	640	403,4
Черехи	26	212	520	277,7	66	43,6	2	1,8	588	323,1
Чернево	13	103	270	178,5	21	13,9	2	1,8	293	194,2
Итого	159	1209	3025	1934,3	447	275,2	23	18	3495	2227,5

Позднее в уставной грамоте по случаю отмены крепостного права отмечалось, что в некоторых деревнях оставались принадлежавшие помещику фольварочные участки, равные по размеру крестьянским (т. е. по 13,3 дес.) и сдаваемые внаем тем же крестьянам. В Жирблевичах было 2 таких участка, в Михалковичах — 3, в Громнице — 1 и в Прудках — 8. Их общая площадь равнялась 172,9 дес. Они, видимо, представляли остаток запасной земли.

На душу населения при указанной в данных 1851 г. цифре приходилось чуть более 2 га (около 1,76 га наделной пашни и 0,26 га сенокоса). Но, согласно ревизии 1850 г., население имения составляло 1260 чел., а в действительности, возможно, порядка 1280. В таком случае на душу должно приходиться 1,9 га (1,65 га пашни и 0,23 га сенокосов).

Согласно статистическому описанию 1855 г., земли, оставшиеся в непосредственном ведении помещика, разделялись между несколькими фольварками (таблица 41).

Помещику принадлежало также 950 дес. строевого леса, 2540,6 дес. дровяного, под разными угодьями (неудобицами и пр.) находилось 125,3 дес. Суммирование этих цифр дает 6211,2 дес. (6770 га), что несколько не совпадает с общей суммой, указанной в описании — 6491,2 дес. Видимо, 280 дес. при описании куда-то выпали.

Т а б л и ц а 41. Структура помещичьих земель в имении Красный Бор в 1855 г. (в десятинах)

	Усадебная	Пахотная	Сенокосная	Пастбищная	Всего
При им. Красный Бор	12,2	226,9	461,3	15,8	716,2
При ф. Идалино	2,6	160	102,7	64	329,3
При ф. Алексаполь	4,2	241,2	149,1	10,9	405,4
При ф. Гани	2,4	220,4	288,5	50,8	562,1
Запасные земли	28,5	471,5	21	61,3	582,3
Итого	49,9	1320,0	1022,6	202,8	2595,3

Общую площадь пахотных и усадебных земель в имении Красный Бор на 1850-е гг. можно оценить в 3570 дес. (из них 1370 дес. принадлежали помещику и 2200 предназначались под наделы), площадь сенокосов — в 1600 дес. (около 1025 дес. помещику и около 575 под наделы), пастбищ — 450 дес. (соответственно 200 и 250 дес.). Под лесом и неудобьями находилось не менее 3616 дес. (а с поправкой на неучтенные 280 дес. — 3896). Подсчет общей площади имения на основании этих данных дает 9516 дес., или около 10,4 тыс. га. С учетом бывших владений плетения (в описании 1855 г. их площадь указана в 17 волок и 22,5 морга, что дает 351,5 дес., или около 383 га) общая площадь Кореньщины должна составлять в 10755 га. Измерения по карте дают несколько большую цифру — 11300 га. Разница в 545 га (4,8%) частично может объясняться погрешностью измерений землемеров XIX в., частично — неточностью в определении некоторых участков границы на карте (особенно на севере, где она проходила по болоту).

Сравнивая эти цифры с цифрами на конец XVIII в., можно заключить, что площадь надельной земли выросла примерно с 1900 до 2200 дес. Вероятно, вся площадь дворной пашни сформировалась в период Российской империи, поскольку ничто не позволяет предполагать наличия в период Великого Княжества Литовского крупных массивов пашни помимо крестьянских наделов (зато есть основания предполагать большие площади общинных сенокосов, о чем будет сказано ниже). Всего за это время в пашню превращены площади, составлявшие около 1670 дес. (1820 га), из которых 300 дес. пошли на увеличение надельной пашни, а 1370 дес. позволили сформировать дворную. Часть этой площади, видимо, представляла собой распаханнные сенокосы, а часть была очищена от леса.

Сведения о **наделах бывших подданных Кореньского костела**, переданных в 1834 г. в государственное ведомство, приводятся в деле о люстрации казенного имения Гайна, к которому они были приписаны (за ксендзом остался лишь участок бывшей дворной пашни). Наделы прежних подданных плебании при первичном обследовании в 1847 г. имели размеры до 15 дес. При упорядочении наделов крестьяне надеялись получить по 1 десятине усадебной земли, по 16 дес. пашни, разделенной на 4 смены, по 5 дес. сенокосов и по 1,5 дес. пастбищ. Также прозвучало пожелание переселить в Корень одно из трех хозяйств, расположенных в застенке Нарбутово, — хозяйство Ивана Францева Щербовича, по причине недостаточного количества тамошних угодий. Общество выразило готовность помочь ему с переездом на новое место⁶¹⁴.

В итоге люстрации пожелания крестьян были учтены не во всем объеме. На полное (тяглое) хозяйство выделялось по 1 дес. усадебной земли, 12 дес. пахотной, 3,75 дес. сенокосной, 1 дес. пастбищной, т. е. всего по 17,75 дес. (19,3 га, включая 14,2 га под пашней и усадьбой).⁶¹⁵ Из 12 крестьянских хозяйств 11 могли управляться со стандартным тяглым наделом, лишь одного, Ивана Андреева Гусаковского, надлежало зачислить в полутяглые с половинным наделом и соответственным объемом повинностей. Общая площадь земли, предназначенной под крестьянские наделы, составила 264,1 дес.⁶¹⁶, ее распределение по угодьям приведено в таблице 42.

На душу населения (всего их было 98) приходилось, без учета пастбищ и запасной земли, 2,4 дес. (2,7 га), в том числе 1,8 дес. (2 га) пашни и 0,4 дес. (0,45 га) сенокосов. За счет секуляризованных угодий плебании наделение землей ее бывших подданных оказалось более щедрым, чем в имении Красный Бор, а также по сравнению со средней обеспеченностью государственных крестьян Беларуси: в 1857 г. она составляла 3,2 дес. (включая 2,3 дес. пашни) на душу мужского пола⁶¹⁷, т. е. около 1,7 га (1,25 га пашни) на душу обоего пола.

Т а б л и ц а 42. Распределение земель в Корене и Нарбутове по данным люстрации 1850 г. (в десятинах)

Деревня	Категория земли	Под усадьбы	Пашня	Сенокосы		Пастбища	Всего
				луговые	болотные		
Корень	Для крестьян	8,5	136,0	8,5	22,4	8,5	183,9
	В запас	4,5	8,0	0,5	1,4	0,5	14,9
	Всего	13,0	144,0	9,0	23,8	9,0	198,8
Нарбутово	Для крестьян	2,5	40,0	2,5	6,9	2,5	54,4
	В запас	0,5	8,0	0,5	1,4	0,5	10,9
	Всего	3,0	48,0	3,0	8,3	3,0	65,3
Итого		16,0	192,0	12,0	32,1	12,0	264,1

При проведении люстрации в 1847 г. ксендз Аврелиан Горбацевич показал, что после секуляризации в его распоряжении остались 3 *смены* пахотной земли по 15 дес. каждая (на одной из них посеяно три четверти озимой ржи), а также *худые* сеножати, дающие сбор до 80 пудов сена. К тому же на отведенной земле оказались жилые дома бывших подданных плебании. В связи с этим ксендз предлагал выделить ему земли одним компактным куском, а крестьян переселить. В ходе люстрации за костелом были оставлены земельные участки общей площадью в 33 дес., разбросанные в нескольких местах. Из них 6 дес., расположенных у границы имения Красный Бор, оказались совершенно непригодными для земледелия. Позднее по дополнительному ходатайству ксендза Горбацевича управление государственных имуществ согласилось взамен этих 6 дес. выделить костелу 2,4 дес. пашни, ранее оставленной под лес, а также 0,5 дес., занятых сосновой порослью, и 3,3 дес. под лиственным кустарником, т. е. всего 6,2 дес., что и было закреплено актом 14 мая 1860 г.⁶¹⁸ Около 54,5 дес. остались под лесом и другими угодьями (рис. 9).

⁶¹⁴ НИАБ. Ф. 27. Оп. 1. Ед. хр. 67. Л. 16об.

⁶¹⁵ НИАБ. Ф. 27. Оп. 1. Ед. хр. 68. Л. 52об.—53об.

⁶¹⁶ НИАБ. Ф. 27. Оп. 1. Ед. хр. 67. Л. 65об.

⁶¹⁷ Гісторыя сялянства Беларусі са старажытных часоў да нашых дзён. Т. 1. С. 289.

⁶¹⁸ НИАБ. Ф. 27. Оп. 5. Ед. хр. 735. Л. 8.

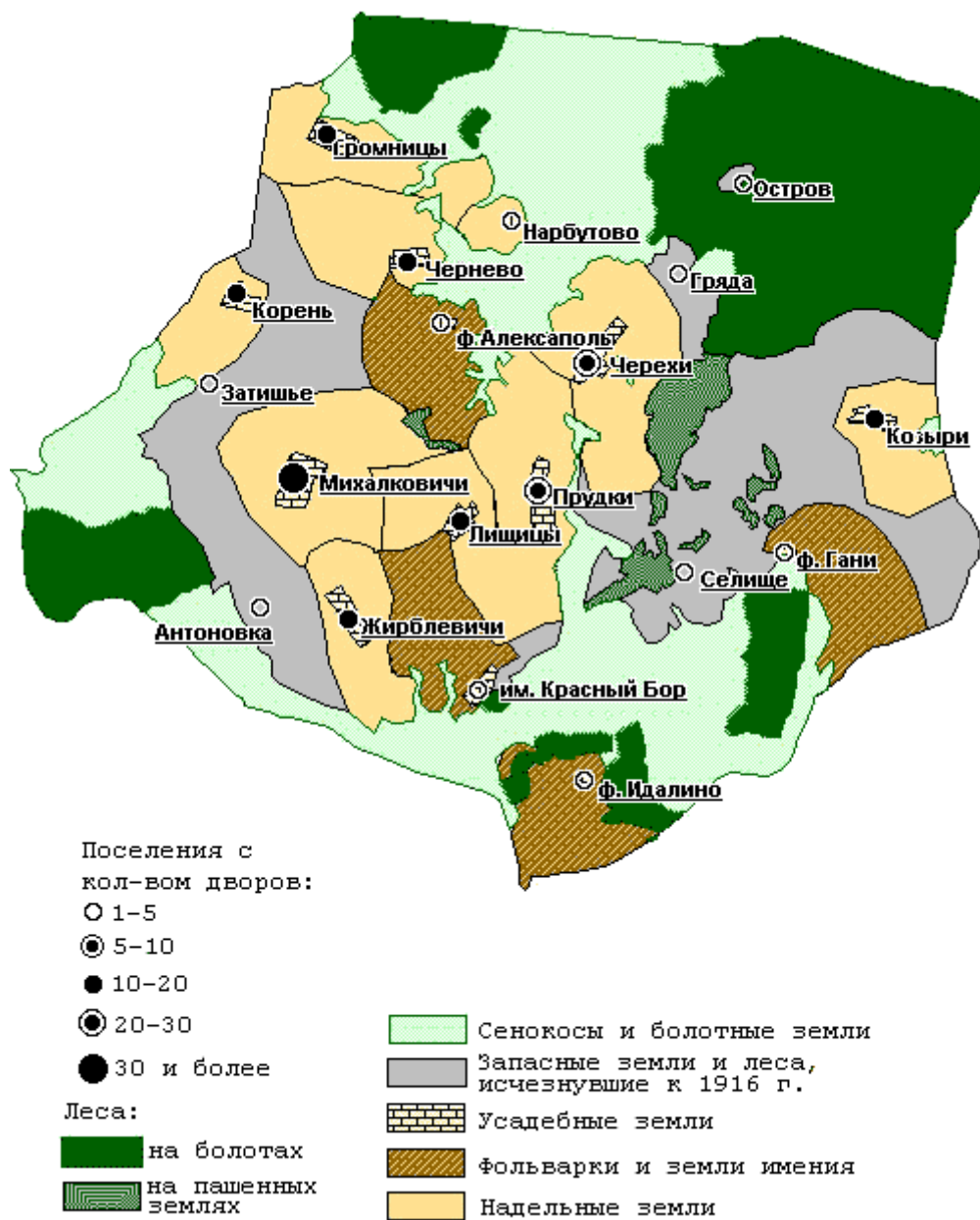

Рис. 9. Примерная структура землевладения в имениях Корень и Красный Бор в 1855 г.

Один из крестьянских наделов остался незанятым после смерти в 1863 г. Владислава Гусаковского. По причине плохого качества земли никто из односельчан не пожелал взять его участок (что означало бы не только увеличение площади сельхозугодий, но и соответствующий рост платежей). Отказался от выморочного участка даже брат Владислава Антон Гусаковский, заявивший, что он вовсе не занимается хлебопашеством. Поэтому сельский сход деревни Корень обратился 29 октября 1863 г. в управление госимуществ с просьбой отдать указанный участок постороннему лицу⁶¹⁹. Возможно, за этим стояли какие-то действия проживавшего в Коренебезземельного еврея Абрама Фойна (Файна) (по другим источникам, владельца лавки — *крамы*). Во всяком случае через несколько дней после сельского схода он обратился в управление госимуществ с просьбой передать ему *огород, никем не взятый по причине плохой земли* в деревне Корень, обязуясь при этом выплачивать все причитающиеся с него платежи⁶²⁰. Как был решен этот вопрос, неизвестно, но семья Фойна продолжала жить в Коренеи содержать лавку до начала XX в.

Земледелие и животноводство

Данные о **структуре посевов** для XVIII в. имеются только по владениям плембании. В 1783 г. на крестьянских наделах там высевалось 10 бочек *жита* (озимой ржи), около 2 бочек ячменя, 8 бочек овса, 4 бочки *ярки* (яровой ржи), по 2 бочки пшеницы и гороха, по *четверти*⁶²¹ льна и конопли. Площадь наделов составляла 5 волок, но часть ее, возможно, приходилась на сенокосы, как в 1804 г. Размер озимого клина можно установить по размеру посева: 10 бочек жита при норме 0,25 бочки (67,4 кг) на морг предполагают высев на 40 моргах (28,4 га). При равной площади трех полей они должны были занимать 120 моргов, или 4 волоки. В таком случае под сенокосы могло оставаться 30 моргов (по 2 на каждое из 15 хозяйств). Структуру

⁶¹⁹ НИАБ. Ф. 27. Оп. 5. Ед. хр. 735. Л. 132.

⁶²⁰ НИАБ. Ф. 27. Оп. 5. Ед. хр. 735. Л. 146.

⁶²¹ Литовская четверть, как явствует из ее названия, соответствовала 1/4 виленской бочки и вмещала примерно 110,5 л.

ярового клина тоже можно приблизительно восстановить, основываясь на нормах высева. Легкие овес и ярка высевались из расчета 0,5 бочки на морг, более тяжелые — примерно по четверти бочки пшеницы и трети бочки ячменя; усредненная для всех яровых норма высева — около 0,4 бочки на морг. Это составляло примерно 82,3 кг пшеницы, 106,1 кг ярки, 103,4 кг овса, 83,8 кг ячменя на морг. В расчете на гектар нормы высева составляли 95 кг жита, 116 кг пшеницы, 149,4 кг ярки, 145,7 кг овса, 118 кг ячменя.

Картофель, который с 1771 г. начали культивировать в Эстляндии и Лифляндии (на территории современной Латвии)⁶²², в центральной Беларуси пока не выращивали. Впрочем, и в Прибалтике его посеы стали массовыми только в 1830-е гг. Нет никаких свидетельств и разведения клевера, который распространялся в Латвии в это же время. Земледелие Кореньщины в конце XVIII в. имело еще совершенно традиционный характер, как и в предыдущие столетия.

Высев озимых на всех 15 крестьянских наделах составлял 27 ц. Для 8 бочек овса (16,6 ц) требовалось 11,4 га (1/3 площади ярового клина), для 4 бочек ярки (8,5 ц) и 2 бочек пшеницы (7,1 ц) по — 5,7 га (1/6 площади), для двух бочек гороха — примерно столько же, для двух бочек ячменя (5 ц) — 4,3 га (12,8%). На лен и коноплю, вероятно, оставалось около 1 морга (0,71 га, или 2,1%). В сумме яровой клин составлял при таком раскладе 33,4 га, или 47 моргов, — несколько больше, чем озимый. Можно допустить, что его увеличивали за счет пара, чтобы наверстать недобор яровых, если предыдущий год выдавался неурожайным.

Нормы высева, приведенные в инвентаре Красного Бора 1841–1846 гг., не слишком отличаются от вышеописанных. Жита, пшеницы, гречихи и гороха высевали 6 четвериков⁶²³ на десятину (1,09 га), т. е. 88 кг жита и 107,4 кг пшеницы в расчете на гектар. Ячмень высевался из расчета 1 четверть⁶²⁴ на десятину (109,6 кг/га), овес — 12 четвериков (135 кг/га), картофель — 11 четвертей (15,7 ц/га). Это первое упоминание посевов картофеля на Кореньщине. Как известно, эта новая для Беларуси культура появилась в хозяйствах местных помещиков в конце XVIII в., а важное место среди земледельческих культур заняла в течение первой трети XIX в.⁶²⁵

О структуре посевов на стандартном крестьянском наделе в 10 пахотных десятин (10,9 га) можно судить по количеству высеянных семян. По данным упомянутого инвентаря, на указанном наделе высевалось 20 четвериков (319,6 кг) жита, 4 четверика (59,7 кг) ячменя, 18 четвериков (220,7 кг) овса, по 2 четверика (порядка 26 кг) гречихи и гороха, 11 четвертей (14,4 ц) картофеля. Из яровых посевов исчезли рожь-ярка и пшеница. В структуре ярового клина доля овса выросла до 42,8%, ячменя — до 14,3, горох и гречиха занимали по 9,5, а картофель — 24%.

Урожайность ржи, указанная в инвентаре плетении за 1783 г., примерно пятикратно превышала посев (т. е. составляла около 4,75 ц/га), ячменя — колебалась от сам 1 до сам 10 (если принять за среднее сам 5, это означает 5,9 ц/га), яровой ржи и овса — около сам 3 (4,4–4,5 ц/га), причем в инвентаре отмечается, что в давние годы урожай овса даже не возвращал посеянные семена. Пшеница имела урожайность сам 4 (4,6 ц/га), горох — сам 2, лен — сам 4, конопля — сам 5. На луговых сенокосах, занимавших во владениях костела общую площадь 2,5 волюки (53,25 га), накашивали обычно около 200 возов сена (3,8 воза с гектара). Это значит, что 1 воз выходил с 0,27 га. При возможном весе воза до 400 кг укос мог составлять 15 ц/га, если принимать вес воза в 260 кг — всего 10 ц. В инвентаре Красного Бора за 1841–1846 гг. средний сбор сена указан в 80 пудов с десятины, что соответствует 12 ц/га.

По агрегированным данным середины XIX в. известна средняя урожайность льняного и конопляного волокна — соответственно 15 и 18–20 пудов с десятины, а данные о суммарном сборе этих культур в конце XIX в. позволяют установить, что сбор семени в абсолютном исчислении примерно равнялся сбору волокна: при валовом сборе льноволокна в 1,31 тыс. пудов сбор семени составил 1,18 тыс. пудов (на 11% меньше, порядка 13,5 пуд/дес.), сбор конопляного волокна и семени был одинаковым — по 0,5 тыс. пудов⁶²⁶. Если урожайность льна и конопли в самах, указанная в 1783 г., соответствовала их урожайности в пудах в более позднее время, то сбор 13,5 пуда льняного семени с десятины, или 203 кг с гектара, при урожайности в сам 4 предполагает высеив 50,8 кг, а сбор 19 пудов конопляного семени с десятины, или 287 кг с гектара, при урожайности сам 5 — высеив 57 кг на гектар.

⁶²² История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма: В 3 т. — М., 1986. Т. 3. С. 288.

⁶²³ Четверик вмещал около 26,1 л или примерно пуд озимой ржи и картофеля — 16,4 кг.

⁶²⁴ Здесь имеется в виду новая русская четверть, которая была примерно вдвое больше литовской и состояла из 8 четвериков. В XIX в. она равнялась 208,8 л или 8 пудам ржи (131,5 кг).

⁶²⁵ Панютин В. П. Социально-экономическое развитие белорусской деревни в 1861—1900 гг. — Мн., 1990. С. 167.

⁶²⁶ Гісторыя сялянства Беларусі са старажытных часоў нашых дзён. Т. 2. — Мн., 2002. С. 172, 174.

Согласно инвентарю Красного Бора, средний урожай пшеницы, ржи, гречихи и гороха в 1840-е гг. составлял до 3 четвертей с десятины (для пшеницы это 5,1 ц/га, для ржи — 4,2, в обоих случаях — сам 4,8), овса — 7 четвертей и 4 четверика (7,5 ц/га, сам 5,5), ячменя — 5 четвертей (6,5 ц/га, сам 5,9), картофеля — 66 четвертей (94 ц/га, сам 6).

В реальности урожай постоянно колебался. По мнению Е. Тышкевича, из 7 лет один раз урожай оказывался средним, два раза — выше среднего и два раза — ниже среднего, по одному разу — очень хорошим и очень плохим⁶²⁷. Это мнение отчасти подтверждается материалами статистики. В Минской губернии из 7 лет, с 1854 по 1860, один год действительно выдался урожайным для озимой ржи (урожай составил сам 6,8, или 7,3 ц/га), один — совсем неурожайным (сам 1,8, или 1,9 ц/га). Два года урожай был относительно низким — сам 2,5 и сам 3,4 (2,7 и 3,7 ц/га), три года — средним или чуть выше среднего — дважды сам 3,7 и один раз сам 3,8 (4–4,1 ц/га). Для яровых хлебов отмечаются гораздо меньше колебания урожайности — видимо, за счет того, что у разных культур пики и спады взаимно компенсировались. Три года наблюдался относительно низкий урожай (от сам 2,5 до сам 2,6, или 4–4,2 ц/га), два года — средний (сам 3, или 4,9 ц/га), два года — выше среднего (сам 3,2 и сам 3,3, или 5,2–5,4 ц/га). Для картофеля один год был урожайным (сам 5), два года — относительно хорошими (сам 4,3 и сам 4), два года — средними (сам 3,7 и сам 3,6), два года — плохими (сам 3,1 и сам 3)⁶²⁸.

Бросается в глаза падение урожайности озимой ржи в 1840-е гг. по сравнению с 1780-ми: на Кореньщине от сам 5 до сам 4,8, а по губернии в целом она упала намного ниже (если, конечно, приведенная статистика точна). Возможно, урожайность снижалась вследствие истощения почвы, так как удобрение пара перед высевом озимых не проводилось или было недостаточным. В общей характеристике имения Красный Бор в инвентаре отмечается, что почва в нем каменистая, песчаная, пригодная для посевов ржи, ячменя, овса, картофеля, а при унавоживании — частично и пшеницы. Указана норма внесения навоза под яровую пшеницу — до 300 возов на десятину. Впрочем, пшеница в структуре посевов в это время уже отсутствовала — видимо, именно из-за нехватки удобрения. В бывших владениях плебании крестьяне при проводимом в ходе люстрации опросе в 1847 г. утверждали, что их наделы составляют земли *худого качества*, лишь примыкающая к усадьбам часть имеет от унавоживания *более питательной силы*. На десятину такой улучшенной земли высевалось до 7 четвериков озимой ржи (112 кг), урожай составлял не более 3,5 зерна (т. е. 3,9 ц/га). На остальной земле высевалось на десятину не более 5 четвериков, при этом урожай едва возвращал посеянное. Этим сведениям не стоит слишком доверять: в ожидании перераспределения земли крестьяне явно приbedнялись. Но навоза на удобрение паров действительно не хватало.

В различных статистических и экономических обзорах второй половины XIX — начала XX в. отмечается, что для получения нормальных урожаев каждый участок пашни должен удобряться раз в 9 лет, т. е. за один год необходимо удобрить третью часть паров, или 1 га при среднем наделе в 10 га на хозяйство. Одна голова крупного рогатого скота или 4–5 голов мелкого давали около 20 возов (500 пудов, или 82 ц) навоза. Нормы унавоживания в разных источниках расходятся. По данным И. Зеленского, на морг требовалось 180 возов навоза, на гектар — около 250 возов⁶²⁹, что близко к норме, указанной в инвентаре Красного Бора. По мнению Д. И. Будаева, для удобрения 1 дес. достаточно было навоза от 6–7 голов скота⁶³⁰. С. Касперчак исходил из того, что на 1 морг требуется навоз от 4 голов скота, или от 5,65 головы на гектар⁶³¹. К. Аникиевич в своих расчетах годовую потребность в навозе указывает в 75 возов, из них 15 — для удобрения огорода и 60 — для одной десятины пара⁶³². Такие же цифры фигурируют в расчетах А. Чайнова: навоза от одной головы скота достаточно для удобрения 1/3 десятины, при этом на целую десятину требуется 1500 пудов, или те же 60 возов от 3 голов⁶³³. Видимо, разница объясняется тем, что легкое удобрение всего клина один раз в 3 года было эквивалентно более обильному удобрению его третьей части один раз в 9 лет. При легком и частом варианте для 3,3 га пара необходимо в год около 200 возов. Вся проблема в том, что для получения даже такого минимального количества навоза требовалось довольно большое поголовье: примерно 9 голов крупного рогатого скота и лошадей, или 6–7 голов крупного и от 12–15 до 8–10 голов мелкого скота.

Обеспеченность хозяйств **домашним скотом** отражена в нескольких инвентарях. В престимонии Прудки в 1774 г. 20 хозяйств имели по 2 коня и 2 вола, 6 — по 1 коню и 2 вола. Лишь 2 хозяйства в Прудках и 2 в Лищицах держали по 4 вола и 2 коня (в 1778 г. у двух хозяев значится уже по 4 вола и 3 коня, а у трех — по 4 и 2). С другой стороны, в одном дворе были 1

⁶²⁷ *Tyszkiewicz E.* Opisanie powiatu Borysowskiego. — Wilno, 1847. S. 227.

⁶²⁸ Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Минская губерния. Ч. 1. С. 16–17.

⁶²⁹ Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Минская губерния. Ч. 1. С. 50, 62, 159.

⁶³⁰ *Будаев Д. И.* Изменения в агротехнике, структуре посевных площадей и урожайности в крестьянском хозяйстве пореформенной Смоленской губернии // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1965 г. — М., 1970. С. 368.

⁶³¹ *Kasperczak S.* Rozwój gospodarki folwarcznej na Litwie i Białorusi do połowy XVI wieku. — Poznań, 1965. S. 133.

⁶³² *Аникиевич К. Т.* Сенненский уезд Могилевской губернии. — Могилев, 1907.

⁶³³ *Чайнов А. В.* Крестьянское хозяйство: Избр. труды. — М., 1989. С. 328.

вол и 1 конь, в другом — всего 1 конь, а 4 хозяина не имели тягловых животных (из них Гришка Грецкий и Адам Жуковский держали только пустовскую землю).

Инвентарь Великого Кореня за 1781 г. фиксирует в 49 дворах 75 коней, 84 вола, 100 коров, 202 овцы, 70 коз, 125 свиней и 4 улья пчел. Этот учет, вероятно, не полон, что видно из сравнения с чуть более поздним инвентарем 1786 г., в котором количество скота резко возросло: 191 конь, 233 вола, 347 коров, 443 овцы, 148 коз, 617 свиней и 79 ульев. Цифры по отдельным дворам впечатляют: например, в хозяйстве Левона Саврицкого из Чернева значатся 4 коня, 8 волов, 12 коров, 14 овец, 7 коз и 13 свиней, тогда как в предыдущем инвентаре указаны всего 1 конь, 2 вола, 2 коровы, 5 овец, 2 козы и 1 свинья. Столь большая разбежка, видимо, объясняется не только недоучетом в первом случае, но и разными критериями учета: в 1781 г. явно подсчитывались только взрослые животные, а пятью годами позже — также и молодняк.

В 15 дворах Кореньской плембании (считая и 3 семьи кутников) в 1783 г. перечислены 21 рабочий конь и 4 жеребенка, 31 рабочий вол и 6 молодых, 27 коров и 6 телок, 70 овец, 18 коз и 48 свиней. Непосредственно в плембанском хозяйстве имелось тогда 6 дойных коров, 1 племенной бык (*бугай*), 10 овец, 10 свиней, 7 гусей, 6 уток, 10 кур. Кроме того, за личные деньги плембана были куплены 7 коров, 2 вола, 1 бугай, 19 овец, 1 коза, 1 козел, 7 свиней, 9 индюков и 4 гуся.

В 1804 г. тягловый скот распределялся у подданных плембании очень неравномерно. Из 7 хозяйств два (Михаил и Матей Гусаковские) имели соответственно 3 и 4 коней, а также по 4 вола, тогда как из оставшихся у трех было по одной *кляче* (кобыле), а у двух — лишь по жеребенку, и к тому у большинства по 2 вола, а Иосиф Арендаревич имел кобылу и одного вола. Коров у шести хозяйств значится по одной, у Михаила Гусаковского — две. Из остальной живности упомянуты 12 коз, 35 овец, 16 свиней и 41 курица, распределенные относительно равномерно.

В инвентаре плембании за 1807 г. в 9 дворах указаны 7 коней, 11 *кляч*, 3 жеребенка, 18 волов, 6 бычков, 4 телки, 16 коров, 2 *передойки*, 8 коз, 48 овец, 21 свинья, 59 кур. В хозяйстве Матея Гусаковского было 6 ульев пчел, еще 1 улей — в хозяйстве Михаила Гусаковского.

Среднее количество животных на 1 дворохозяйство (включая молодняк в тех случаях, когда он указан) отражено в таблице 43.

Т а б л и ц а 43. Обеспеченность домашним скотом в расчете на одно хозяйство

Годы	Селения	Количество хозяйств	Кони	Волы	Коровы	Овцы	Козы	Свиньи
			голов					
1742	Корень, Нарбутово ^а	9	1,0	1,6	1,0	-	-	-
1744?	Прудки, Лищицы	23	1,9	3,0	-	-	-	-
1761	Громница, Жирблевичи, Черехи	34	1,7	2,1	-	-	-	-
1774-1775	Прудки, Лищицы, Городец, Млын	36	1,6	2,0	-	-	-	-
1774-1775	Прудки, Лищицы, Городец, Млын	49	1,5	1,7	2,0	4,1	1,4	2,6
1783	Корень, Нарбутово ^б	16	1,6	2,3	2,1	4,4	1,1	3,0
1786	Михалковичи, Чернево, Юрши	56	3,4	4,2	6,2	7,9	2,6	11,0
1804	Корень, Нарбутово	7	2,0	2,4	1,3	5,0	1,7	2,3
1807	Корень, Нарбутово	9	2,3	2,0	3,1	5,3	0,9	2,3

^а Включая 1 двор в Громнице.

^б Включая по 1 двору в Жирблевичах и Черехах.

Нетрудно убедиться, что норма, необходимая для полноценного удобрения паров, не достигалась практически никогда. Лишь в 1786 г. обеспеченность скотом в Великом Корене вроде бы превысила этот уровень. Но, как будет показано ниже, для сохранения такого поголовья в масштабах всей популяции просто не было достаточного количества сенокосных угодий. Видимо, значительную часть из этих животных составлял молодняк, подлежащий забою до перехода на стойловое содержание.

Обеспеченность скотом резко ухудшилась в результате реквизиций и грабежей во время войны 1812 г. Статистических данных за последующие годы нет, но из общей описи убытков, понесенных именными И. Неплюева (Мурованый Двор, Красный Бор и Ганевичи), вытекает, что из 604 коней не стало 219, из 1565 голов крупного рогатого скота — 472, из 2166 овец — 994⁶³⁴. По имени Кореньской плембании цифры приводятся совместно с именем Укроповичи, собственником которого фигурирует настоятель костела И. Валицкий. Там из 28 коней не стало 5, из 60 голов крупного рогатого скота — 26, из 136 овец — 114⁶³⁵.

⁶³⁴ НИАБ. Ф. 319. Оп. 1. Ед. хр. 50. Л. 1342об.—343.

⁶³⁵ НИАБ. Ф. 319. Оп. 1. Ед. хр. 50. Л. 1358об.—1359.

Видимо, довольно скоро эта убыль была восстановлена. В инвентаре 1841 г. количество скота соответствует уровню XVIII в. На один двор в среднем приходилось 1,48 коня (1,83 с учетом молодняка), 2,32 вола (3,3), 1,58 коровы (2,81), 5,23 овцы, 1,6 козы и 3,58 свиньи. У бывших подданных плебании в 1850 г. на 12 хозяйств насчитывалось 14 коней, 25 волов, 15 коров, 93 овцы и козы, 19 свиней. В каждом дворе зафиксировано как минимум по паре волов. В трех из них (включая оба полутяглые) не было коней, в одном — также и коровы. Зато 5 хозяйств имели по 2 коня, а в одном из них значатся 3 коровы. На двор приходилось 1,17 коня, 2,08 вола, 1,25 коровы, 7,75 овцы и козы, 1,58 свиньи.

Обобщая приведенные данные, можно утверждать, что крестьяне ориентировались на некое оптимальное количество домашних животных, увеличение которого сдерживалось, видимо, ограниченными площадями сенокосов. Кроме того, численность скота могла колебаться по причине эпизоотий, войн или под влиянием других внешних факторов, но затем вновь восстанавливалась. Крестьяне явно разводили скот только для собственных нужд, а не на продажу. Типичное хозяйство стремилось иметь 1–2 коней, пару волов, не менее 2 коров, 2–3 свиней, несколько овец и коз. Этого было достаточно для хозяйственных нужд (пара волов обеспечивала пахоту, коня использовали при бороновании и перевозке грузов), но недостаточно для унавоживания полей в размерах, предотвращающих снижение их плодородия. Если в какое-то время и происходил рост количества скота, то он оказывался кратковременным, эпизодическим.

Пчеловодство практиковалось отдельными семьями, которые, видимо, из поколения в поколение сохраняли традицию тех времен, когда мед был основным видом дани. Судя по этнографическим данным, пчелиные семьи гнездились в деревянных колодах, укрепленных на деревьях. По данным середины XIX в., с такой колоды собирали от 10 до 20 фунтов меда (4,1–8,2 кг), по данным начала XX в. — 4–5 кг⁶³⁶.

В Великом Коренев 1786 г. пчел держали 19 из 56 хозяйств — всего 79 пчелиных семей (по 4,2 на хозяйство). Больше всех пчел имел Петр Юрашевский из застенка Юрши — 13 семей. У Криштофа Жолнеровича из Чернева насчитывалось 10, у Онуфрия Соколинского из той же деревни — 5, у всех остальных — от 2 до 4 пчелиных семей.

В Прудках в 1787 г. наличие пчел значится у 12 из 40 дворохозяев. На всех приходилось 37 пчелиных семей (26 старых и 11 молодых), т. е. в среднем по 3,1 на пчеловодческое хозяйство. На общем фоне выделялся Семен Лис, державший 8 старых и 6 молодых семей. У Адама Лиса и Павла Радкевича было по 3 старые и 2 молодые семьи, у остальных — от 1 до 3 семей.

В инвентаре 1841 г. пчелы указаны у 30 из 151 хозяйства. В сумме насчитывалось 160 пчелиных семей, или по 5,3 на хозяйство. Больше всего умелых пчеловодов отмечено в деревне Козыри. Там Михаил Степанов Лис имел целых 25 семей, Павел Францев Лис — 11, Иосиф Фомин Вашкевич — 6. В Черехах Касперу Карлову Балцевичу принадлежало 15 семей, Антону Адамову Вашкевичу — 12, Павлу Доминикову Балцевичу — 8. В Жирблевичах Адам Матвеев Кухаронок держал 12 семей, Михаил Бартоломеев Романович — 6. По 6 пчелиных семей зафиксированы также у Антона Фадеева Вашкевича из застенка Гряда, Николая Фадеева Шейпы из Лищиц, 5 семей — у Казимира Павлова Лиса из Прудков. У остальных было от 1 до 4 семей. Те, кто разводили пчел, выплачивали дополнительную натуральную подать медом — по кварте (0,77 л или 1 кг) за каждую семью.

По данным люстрации Кореня и Нарбутова в 1850 г., лишь в одном хозяйстве (Ивана Мороза) имелось 5 пчелиных семей.

Сведений о сколько-нибудь развитом **садоводстве** нет. В отчете минского губернатора за 1842 г. отмечается, что крестьяне *не имеют склонности* к выращиванию плодовых деревьев, хотя климат для этого целиком благоприятный. Приводивший это мнение П. Г. Козловский замечал, что причиной могло быть не столько отсутствие склонности, сколько недостаток времени в условиях барщинной системы⁶³⁷.

Повинности

Приведенные в инвентарях **середины XVIII в.** данные о структуре и размере повинностей во всех трех престимониях выглядят так:

Прудки и Малый Корень — за оседлую четверть волоки чинш в размере 5 *тынфов*⁶³⁸, а за приемную — 2 тынфа. Всего за 0,5 волоки основного надела — 7 тынфов (266 грошей).

⁶³⁶ Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Минская губерния. Ч. 1. С. 181; Лагойскі раён Менскай акругі. Кароткае крязазнаўчае апісанне / Выданне Менскага акруговага таварыства крязаўстава. — Мн., 1929. С. 18.

⁶³⁷ Гісторыя сялянства Беларусі са старажытных часоў да нашых дзён. Т. 1. С. 296.

⁶³⁸ Тынф — серебряная монета, которая в период 1717—1749 гг. приравнивалась к 38 грошам, или 1 злотому 8 грошам.

Великий Корень — за оседлую полуволоку 9 злотых (270 грошей) чинша.

За пользование пустовской землей во всех престимониях — 1 тынф (38 грошей) за каждую четверть волюки.

Дякло в денежном эквиваленте: в Прудках и Малом Корене — 2 тынфа (76 грошей), в Великом Корене — 2 злотых и 16 грошей (те же 76 грошей).

В Прудках значилось *медового полгроша*, но, очевидно, имелась в виду половина злотого, так как то же медовое в Малом и *медовщина* в Великом Коренесоставляли 15 грошей.

В Прудках существовала отработочная повинность: 6 дней *роботы* и 1 день *подводы* в год; в Малом Корене вместо этого — за 6 дней *рабоцизны* 2 тынфа деньгами, еще 2 тынфа *за лодровцизну* (всего 4 тынфа, или 152 гроша); в Великом Корене — 15 грошей *работнины*, 2 злотых и 16 грошей *ладройцизны* (в сумме 81 грош, причем независимо от величины надела).

С типичного хозяйства, владевшего полуволокой оседлой и приемной земли, в Прудках и Малом Корене причиталось 266 грошей чинша, 76 грошей дякла, 15 грошей медового и отработочных повинностей на 152 гроша, что в сумме дает 509 грошей (чуть менее 17 злотых). У хозяйств, владевших пустовской землей, к этому добавлялось от 38 до 228 грошей.

В Великом Корене расклад был такой: 270 грошей чинша, 76 грошей дякла, 15 грошей медового и отработочных повинностей на 81 грош, что в сумме дает 432 гроша (14,4 злотого). Держатели 2/3 волюки платили по 405 грошей чинша, 114 грошей дякла, 22 гроша медовщины и тот же 81 грош за отработочные повинности, в сумме 622 гроша (20,7 злотого). У держателей целой волюки выходило по 803 гроша (26,8 злотого).

Таким образом, сумма повинностей с целой волюки в двух престимониях составляла около 1000 злотых, в третьем — около 800 (за счет меньшей цены отработочных повинностей). Данные цифры можно сопоставить с цифрами 1570-х гг., как автор делал это в отношении инвентаря 1680 г. Напомним, что с того времени курс злотого по сравнению с полновесной монетой упал еще более чем в 2 раза. Дука́т, за который в 1580-е гг. давали от 56 до 58 грошей, с 1717 г. приравнялся к 540 грошам. Можно привести еще данные по курсу *талера* — крупной монеты, содержание серебра в которой на протяжении второй половины XVI–XVIII в. оставалось почти постоянным (в пределах 20–25 г). В 1570-е гг. талер приравнялся к 30 грошам, а с 1717 г. — к 8 злотым (240 грошам)⁶³⁹. Это подтверждает вывод о том, что грош со времени волочной реформы на Кореньщине обесценился в 8–9 раз. Поэтому повинности с волюки реально сопоставимы примерно с 90–125 грошами того времени. Следует подчеркнуть, что тогда они в действительности составляли 100 грошей с волюки лучшей земли и 90 — со средней. Другими словами, рост повинностей по-прежнему не опережал темпов инфляции.

Особенно выгодной для крестьян оказалась коммутация дякла в денежную форму. В 1570-е гг. с полуволочного участка хорошей или средней земли причиталось дякло в 0,5 бочки-солянки ржи (в тогдашних ценах — 7,2 гроша) и 0,75–0,5 бочки овса (9–6 грошей), 2 курицы и 10 яиц (около 4 грошей), что в сумме составляло 16–20 грошей. В середине XVIII в. денежная стоимость дякла с полуволоки составляла 76 грошей, что соответствует примерно 9 прежним грошам.

Можно приблизительно подсчитать, какой сумме соответствовало бы дякло, если бы его по-прежнему выплачивали натурой. Цены на продовольствие в середине — второй половине XVIII в. неоднократно указываются в инвентарях разных имений. Они колебались в разные годы и на разных территориях, но в целом виленская бочка ржи (442 л) стоила от 16 до 25,5 злотого, бочка овса — от 6 до 20 злотых, курица — от 6 до 12 грошей, десяток яиц — от 3 до 10 грошей⁶⁴⁰. Если перевести эти цены в объем бочки-солянки (154 л), в которых измерялось дякло в XVI в., то при средних ценах половина солянки ржи стоила бы примерно 3,8 злотого, 0,75 солянки овса — 3,7 злотого. Принимая курицу и яйца за 0,5 злотого, дякло в вышеуказанном объеме следует оценивать в 8 злотых, или 240 грошей, — более чем в 3 раза дороже.

Данные о повинностях середины XVII в. можно сравнить с близкими по времени сведениями о соседнем имении Эйнарновичи. Часть его в 1752 г. прежний владелец Томаш Цедровский продал супругам Михаилу и Зофии Свидам. На момент продажи там насчитывалось 17 дымов и 8,5 оседлой волюки, что тоже составляет по 0,5 волюки на хозяйство. С каждой хаты причиталось по 2 мужских (конных) и 2 женских (пеших) дня барщины в неделю, к тому по 5 *гвалтов* (единовременных выходов по 1 человеку со всех дворов) во время жатвы (*жнив*) и по 2 гвалта во время пахоты (*оранья*). Дякло, также с каждой хаты, составляло по 2 четверти (т. е. полбочки) *минской меры* жита и овса, воз сена, 2 курицы и 2 десятка яиц. Еще надлежало выпрясть из своего льна 3 рулона (*талки*) полотна и уплатить 1 злотый (видимо, подымного)⁶⁴¹.

⁶³⁹ Рябцевич В. Н. О чем рассказывают монеты. — 2-е изд., перераб. и доп. — Мн., 1977. С. 157.

⁶⁴⁰ Акты, издаваемые Виленской археографической комиссией. Т. 35. — Вильно, 1910. С. 67, 73, 108, 110, 119, 192, 198, 233, 242, 305, 320, 325; Там же. Т. 38. — Вильно, 1914. С. 76 — 77, 202. Данные по инвентарю 1734 г. имения Бочейково приводятся в публикации: Цехановецкий В. П. Хроника одного поместья. Бочейково. — Витебск, 1905. С. 18.

⁶⁴¹ ГИАЛ. Ф. ДА. Ед. хр. 116. Л. 13—16об.

В 1770-е — 1780-е гг. объем повинностей в престимониях Прудки и Великий Корень возрастает, впервые опережая темпы инфляции. Это было связано с периодической отдачей престимониев в аренду, что сразу приводило к скачку повинностей.

В Прудках в 1774 г. плата за типичный надел в 0,5 оседлой волоки составляла 18,5 злотаго (555 грошей). При этом никаких отработочных повинностей крестьяне не выполняли. В 1775 г., когда престимоний взял в аренду ксендз Кореньского костела, с полуволоки полагалось 10 тынфов (по тогдашнему курсу 32 злотых, или 960 грошей) чинша и 6 тынфов (576 грошей) за мед и воск, к тому же крестьяне отработывали еще по 2 дня панщины в год в пользу ксендза. Надо полагать, что барщина отработывалась на плебанской дворной пашне, с которой не справлялись собственные подданные. К 1778 г., по окончании аренды, барщина исчезла, а чинш снова понизился, но не до прежнего уровня — до 20 злотых (600 грошей) с полуволоки. В 1787 г. сумма чинша за 0,5 волоки по-прежнему составляла 20 злотых. Вероятно, существовали и иные повинности, аналогичные повинностям крестьян из других деревень (подымное, медовое), но в инвентаре они не упомянуты.

В Великом Коренев 1781 г. с типичного надела в 0,5 волоки причитались подати в размере 20 злотых чинша, 4 злотых и 20 грошей подымного, в сумме — 740 грошей. В октябре 1783 г. этот престимоний отдан в аренду шляхтичу Михаилу Осецинскому, стольнику Речицкого повета. Инвентарь 1786 г. фиксирует довольно сложный состав повинностей на протяжении этой аренды. Разнообразные денежные платежи, которые надлежало внести ко дню св. Михаила, со стандартной полуволоки составляли 24 злотых чинша, с каждого двора по 2 злотых медового и 1 злотый 10 грошей *подымного* — государственного налога. Ранее этот налог уплачивали владельцы в зависимости от количества дымов в имениях, а во второй половине XVIII в. они начали раскладывать его непосредственно по крестьянским хозяйствам. За дополнительные морги полагалась особая плата — по 1 злотому и 15 грошей с пашенного и по 24 гроша — с сенокосного морга. За каждый уплаченный злотый начислялась надбавка в размере 1 гроша — *грошовая* подать. С кутников причиталось только по 6 злотых 20 грошей подымного. Всего со двора в зависимости от размеров надела приходилось разных денежных платежей на сумму от 18 до 55 злотых, чаще всего — порядка 35–37 злотых (1050–1110 грошей) в год. Можно констатировать увеличение чинша по сравнению с 1747 г. в 2,7 раза, медового — в 4 раза и появление новых денежных податей — подымного и грошового.

Дякло снова выступало в виде натуральной повинности — по полбочки (виленской, т. е. по 221 л) ржи и овса, по 4 курицы и 30 яиц, по 2 копы грибов в год с каждой полуволоки. В денежном исчислении стоимость этих товаров (без грибов) составляла примерно 17,8 злотаго, или 534 гроша (из расчета 10 злотых за рожь, 6 злотых за овес, 36 грошей за кур и 18 — за яйца), т. е. стоимость дякла по сравнению с серединой века выросла в 7 раз. Вместо работнины и лодройщины также появилась реальная отработка (*повинность рочна*) в размере 3 мужских и 2 женских дней в год, плюс одна поездка на своей подводке или транспортировка по воде одного плота до Вильни (на расстояние около 210 км). Кроме того, надлежало выходить на ремонт мостов, гатей и корчмы (в других документах такая повинность известна под названием *шарварок*), а в случае основания в деревне нового двора каждое хозяйство обязано было вывезти из леса по 10 бревен для построек.

Суммарно денежный эквивалент всех повинностей в Великом Коренев 1786 г. можно оценить примерно в 3200–3300 грошей в расчете на целую волоку — в 3–4 раза выше, чем в 1740-е — начале 1760-х гг., при сопоставимом уровне цен (на сейме 1766 г. курс злотаго по отношению к серебряному талеру в пропорции 8 : 1 был подтвержден, а по отношению к золотому дукату даже повышен с 18 : 1 до 16 злотых и 3 гроша за дукат⁶⁴²). Возможно, впрочем, что после окончания аренды в престимонии Великий Корень повинности, как и в Прудках, снова сократились. Но вряд ли они опустились до уровня 1740-х гг.

Чинш в размере 20 злотых с полуволоки (40 злотых, или 1200 грошей, с целой волоки), утвердившийся во владениях капитула к концу 1770-х гг., сопоставим со средним уровнем чинша в 25 магнатских имениях запада и центра Беларуси во второй половине XVIII в. (1219 грошей с волоки) и превышал показатель по 14 шляхетским имениям (960 грошей). На востоке чинш был выше: в среднем 1398 грошей в 18 шляхетских имениях и 2880 грошей — в 4 магнатских⁶⁴³. Это, видимо, объясняется распространением в магнатских латифундиях на востоке *голого* чинша, почти без дополнительных повинностей. Поэтому его размер сопоставим с общей суммой повинностей в Великом Коренев 1786 г.

Чисто чиншевые имения, каковым оставался капитульный Корень, и даже имения с сохранением заметной доли чисто чиншевых наделов в это время представляли собой меньшинство в масштабах Великого Княжества Литовского. Из учтенных В. Ф. Голубевым по данным многочисленных инвентарей 23,5 тыс. дворов чисто чиншевыми был 6451 (27,4%), из них

⁶⁴² Volumina ligum. Т. 7. — Petersburg, 1860. S. 320.

⁶⁴³ Лойка П. А. Прыватнаўласніцкія сяляне Беларусі: Эвалюцыя феадальнай рэнты ў другой палове XVI—XVIII ст. — Мн., 1991. С. 70, 102.

основная масса (5462) — на востоке Беларуси, где их доля составляла 55,8%. На западе и в центре такие дворы насчитывали 989 из учтенных 13724 (7,2%), еще 301 двор (2,2%) пользовался одновременно чиншевыми и приемными либо только приемными волоками⁶⁴⁴.

Во владениях плебании в отличие от престимониев капитула сохранялась дворная пашня и соответственно барщина. В 1740-е гг. ее выполняло каждое хозяйство в объеме 2 дней в неделю зимой (*от Св. Юрия осеннего до Св. Юрия весеннего*) и 3 дней — летом. К 1783 г. барщина составляла уже по 3 дня как летом, так и зимой. Всего за год каждому хозяйству надлежало отработать 156 мужских дней (женщины к барщине не привлекались). В течение года 9 хозяйств (это 31 мужчина работоспособного возраста, не считая 3 кутников) должны были, помимо своих наделов, обработать 3 волоки дворной пашни. На каждого мужчину приходилось в среднем 45 дней барщины в год. Зато от большинства других повинностей подданные плебании, видимо, были освобождены. В 1783 г. упоминается только подъемное в размере 3 злотых и 10 грошей с хозяйства.

Стойкое сохранение фольварка в небольших земельных владениях плебании, а также возврат в натуральную форму дякла и подводной повинности в Великом Корене(в последней нуждались для транспортировки собранного продовольствия в Вильню) указывают на то, что сбыт зерна на внутренних и внешних рынках вновь стал важным хозяйственным фактором. Для всей Беларуси во второй половине XVIII в. характерно возрождение фольварка. Рынки сбыта зерна, частично утраченные за десятилетия войн и неурядиц, были постепенно восстановлены, вновь сложилась благоприятная конъюнктура. На рынках Гданьска и Крулевца (Кенигсберга), через которые вывозилась на Запад основная масса зерна из Речи Посполитой, на протяжении 1750–1795 гг. цены на рожь выросли в 4,5–5 раз, на пшеницу — в 3–4 раза⁶⁴⁵. Землевладельцы не замедлили отреагировать на изменение конъюнктуры. В 109 государственных имениях Великого Княжества Литовского площадь дворной пашни с 1738 по 1760-е — 1770-е гг. увеличилась в 2,6 раза⁶⁴⁶. В помещичьих и церковных имениях происходил аналогичный процесс. Исследователи единодушно расценивают вторую половину XVIII в. как время расцвета барщинно-фольварочной системы в разных регионах Восточной Европы⁶⁴⁷.

Более 2/3 из учтенных в сводке В. Ф. Голубева дворов выполняли барщину либо в чистом виде (35,1% по всей стране, с незначительными региональными отличиями), либо в сочетании с чиншем (35%, на востоке число таких хозяйств достигало 41,4%). Среди 389 дворов в церковных имениях Минского повета, вошедших в эту сводку, барщину в чистом виде выполнял 351 (90,2%), в сочетании с чиншем или платой за приемную землю — 29 (7,5%). На этом фоне владения Кореньской плебании, где также практиковалась барщина, соответствовали общей картине, а владения капитула были исключением из правила.

Но даже при наличии барщины в плебании ее норма была ниже средней по территории Беларуси. По подсчетам П. О. Лойко, в 29 частновладельческих имениях запада и центра Беларуси во второй половине XVIII в. панщина составляла в среднем 9,8 человеко-дня в неделю с волоки⁶⁴⁸, т. е. 4,9 дня с полуволочного надела.

Типичный уровень барщины демонстрирует соседнее с Коренем имение Эйнарровичи. В одной его части, принадлежавшей Ярошу Галимскому и его жене Елене из Цедровских и сдаваемой ими в аренду, в 1774 г. барщина с одного хозяйства (селибы) составляла 112 мужских и 122 женских дня в год, т. е. 4,5 дня в неделю⁶⁴⁹. Видимо, здесь дни барщины исчислялись по такой же схеме, как в расположенном неподалеку имении Метличицы. Там, судя по инвентарю 1777 г., обычный уровень барщины составлял по 2 мужских и женских дня в неделю, но на период жатвы (*начиная со Св. Ильи русского*) женщины выходили по 3 раза в неделю⁶⁵⁰. В другой части имения Эйнарровичи (той, которую в 1752 г. купили Свиды) к моменту ее повторной продажи в 1779 г. отработочная повинность осталась на прежнем уровне — 5 дней (2 мужских и 3 женских) в неделю с каждой хаты. Гвалты составляли теперь 3 женских дня во время жатвы и 2 мужских во время пахоты (т. е. число женских гвалтов сократилось на 2). С оседлой полуволоки причиталось подъемное в размере 2 злотых (в 2 раза больше, чем в 1752 г.), а также 3 курицы и 20 яиц, 3 тальки полотна, с приемной — чинш в 10 злотых. Упоминаются также

⁶⁴⁴ Голубеў В. Ф. Сялянскае землеўладанне і землекарыстанне на Беларусі XVI—XVIII стст. — Мн., 1992. С. 153, 156, 160.

⁶⁴⁵ Гісторыя Беларускай ССР. Т. 1. — Мн., 1972. С. 354; Лойка П. А. Прыватнаўласніцкія сяляне Беларусі: Эвалюцыя феадальнай рэнты ў другой палове XVI—XVIII ст. С. 52.

⁶⁴⁶ Żabko-Potapowicz A. Praca najemna i najemnik w rolnictwie w Wielkim księstwie Litewskim w wieku XVIII. — Warszawa, 1929. S. 118.

⁶⁴⁷ Маркина В. А. Крестьяне Правобережной Украины. Конец XVII — 60-е годы XVIII ст. — Киев, 1871. С. 57; Тихонов Ю. А. Помещичьи крестьяне в России. Феодальная рента в XVII — начале XVIII в. — М., 1974. С. 305; История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма: В 3 т. Т. 3. — М., 1986. С. 331—333; Лойка П. А. Прыватнаўласніцкія сяляне Беларусі: Эвалюцыя феадальнай рэнты ў другой палове XVI—XVIII ст. С. 65.

⁶⁴⁸ Лойка П. А. Прыватнаўласніцкія сяляне Беларусі: Эвалюцыя феадальнай рэнты ў другой палове XVI—XVIII ст. С. 100.

⁶⁴⁹ НИАБ. Ф. 1769. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 1031—1037об.

⁶⁵⁰ НИАБ. Ф. 1769. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 2—10.

повинность по ремонту дорог (*до засыпания гребель, т. е. гатей, ежели бы того потреба была*) и поочередное ночное сторожество⁶⁵¹.

Присоединение к Российской империи в 1793 г. повлекло развитие белорусской деревни в направлении, прямо противоположном тому, в котором происходило развитие западноевропейской деревни в это же время. Французская революция, ликвидировавшая все формы феодальной зависимости, дала мощный толчок общественной мысли в других странах. Идея о моральной неприемлемости крепостничества возобладала почти повсеместно. В Пруссии крестьяне получили личную свободу (хотя и без земли) в 1807 г., в Баварии — в 1809 г., в Гессене — в 1811 г., в Вюртемберге — в 1817 г. На той части Речи Посполитой, которая в ходе наполеоновских войн попала под протекторат Франции в качестве Великого Княжества Варшавского, крепостное право было отменено в 1807 г.⁶⁵²

Накануне крушения Речи Посполитой веяния французской революции начали проникать и на Беларусь. В имении Гать, расположенном всего в 20 км восточнее Кореньщины и непосредственно граничившем с имением Ганевичи, помещик Игнаций Корибут Дашкевич в начале 1792 г. отменил крепостное состояние своих крестьян, о чем была внесена запись в актовую книгу Минского земского суда⁶⁵³. Но под властью России, где крепостничество приобрело, пожалуй, самые жесткие формы в истории всей Европы, процесс пошел вспять. Не только подданные имения Гать вновь стали крепостными, но и подданные Виленского капитула впервые испытали настоящую барщину.

После второго раздела Речи Посполитой владения капитула, как и соседний Мурованый Двор (Эйнаровичи), в 1794 г. были конфискованы и примерно на 30 лет объединились в одно имение. С 1795 г. оно принадлежало И. Н. Неплюеву, а затем его родственнице, генеральше Енгалычевой. Барщина, издавна привычная подданным Мурованого Двора, распространилась и на бывших капитульных подданных. Это нововведение оказалось столь болезненным, что мрачную память о нем зафиксировал более столетия спустя Адам Варлыга: *С этого времени вольные люди Кореньщины должны были отработывать пригон в Мурованке по одному дню в неделю. По народным пересказам, люди уклонялись от пригона. Да их нелегко было и выгонять на пригон, так как они были расселены маленькими группками по лесам. Поэтому новый помещик приказал, чтобы эти люди переселились в большие деревни, и отвел им там усадьбы. Если же кто-то не хотел переселяться в деревни, Неплюев приказал сжигать их строения и заново строиться на старом месте не разрешал*⁶⁵⁴.

Подобный рост повинностей затронул и владения Кореньского костела. В них на момент инвентаря 1804 г. барщина составляла уже 4 дня (2 мужских и 2 женских) в неделю, а также 2 *толоки* в год (на вывоз навоза и на жатву). Одному из крестьян — Винценту Щербовичу, как *новику недавно оседлому*, предоставили льготу на 2 года, по истечении срока которой он должен был выполнять повинности наравне с другими. В инвентаре 1807 г. при том же объеме барщины появился еще и денежный оброк в размере 53 злотых 10 грошей (1600 грошей) с полуволочного надела.

Новый состав повинностей в бывших капитульных владениях отражается в пересказе не дошедшего до нас инвентаря, составленного в начале 1826 г. — накануне их продажи полковнику Чудовскому⁶⁵⁵. Крестьяне делились на тяглых и оброчных (количество тех и других не указано). С тяглого надела размером в 0,5 волоки причиталось по 2 мужских (упряжных) и 2 женских (пеших) дня барщины в неделю, от восхода до заката солнца. Ежегодные гвалты для тяглых крестьян заключались в отработке 6 дней на косьбе сена (для мужчин) и жатве (для женщин), причем участвовать в них должны были все трудоспособные в возрасте от 14 до 55 лет, оставляя лишь одного человека в доме *для избережения от огня*. Для оброчных крестьян (основной повинностью которых являлся денежный оброк — эквивалент прежнего чинша) количество гвалтов было вдвое меньшим. К дополнительным повинностям относились *сторожество* (по одному конному и одному пешему сторожу в течение полунедели с разрешением отработки взамен этого дополнительно 2 дней панщины), ночной караул в господском дворе (поочередно по 2 взрослых мужчины в ночь, только от тяглых дворов) и такой же караул у крестьянского *запасного магазина*, где хранился резервный запас зерна (наравне для тяглых и оброчных дворов), обязанность участвовать в починке дорог, мостов и гатей. Подводная повинность для тяглых заключалась в одной большой поездке (на расстояние от 15 до 25 миль) и одной малой (от 7 до 15 миль), для оброчных — по 2 большие и 3 малые поездки. При этом поклажа не должна была превышать 17 пудов. Тем, кто имел в лесу ульи, половину меда надлежало отдавать помещику. Все же прочие работы или посылки для нужд помещика следовало учитывать в зачет барщины, *не употребляя мужских дней за женские и не оставляя до взыскания с одной на другую неделю*.

⁶⁵¹ НИАБ. Ф. 1769. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 278—283об.

⁶⁵² История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 3. С. 145, 270.

⁶⁵³ НИАБ. Ф. 1769. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 91—100об.

⁶⁵⁴ Варлыга А. Карэншчына // Літаратура і мастацтва. № 14. 8 красавіка 1994.

⁶⁵⁵ НИАБ. Ф. 320. Оп. 1. Ед. хр. 74. Л. 15—16об.

Контроль за исполнением повинностей возлагался на войта, назначаемого *по давнему заведению* не более чем на 2 деревни. За это его полуволочный надел освобождался от панщины, гвалтов, ночного караула и мужского сторожества. Но если войт имел земли свыше полуволоки, то за излишек обязан был выполнять повинности наравне со всеми, равно как за его двором сохранялись подводная повинность и женское сторожество. В помощь войту назначались десяцкие, с которых снимались 1 день панщины в неделю и 1 гвалт. Должность войта давала реальную власть и большие возможности, но почти неизбежно влекла ухудшение отношений с односельчанами, которых приходилось выгонять на барщину. Это даже нашло отражение в одной из пословиц, собранных А. Варлыгой: *Ня будзь ні войтам, ні сватам, дык ня будзіш чалавекам праклятым.*

В 1840-е гг. в имении применялась довольно сложная система раскладки повинностей, зависевшая не от величины надела, а от количества трудоспособных в хозяйстве (такowymi признавались мужчины от 15 до 55 лет и женщины от 15 до 50). Как правило, на каждого трудоспособного приходилось по 1 дню барщины (*пригона*) в неделю. В целом на 142 тяглых хозяйства это давало еженедельно 286 мужских дней (из них 275 дней конных и 11 — пеших) и 288 женских, т. е. примерно по 4 дня на хозяйство. Кроме того, независимо от числа трудоспособных каждое хозяйство обязано было отработать один день в качестве шарварка, что давало еще 100 конных и 42 пеших дня в неделю, а среднее число отработочных человеко-дней с тяглого хозяйства достигало 5. Помимо еженедельных отработок с каждой работоспособной души (включая огородников и даже кутников) причиталось в год по 6 дней *летней помощи*, или *толоки*. Эта повинность была унаследована еще с XVI в., но вместо волоки или двора исчислялась теперь с каждой души. 138 наиболее крепких хозяйств выполняли еще в год по 1 *подводе* (поездка со своим гужевым транспортом на расстояние в среднем в 1 милю, или 7,4 км).

В инвентаре приведены **нормы трудозатрат** на обработку 1 дес. сельхозугодий (эти нормы обязан был выполнить крестьянин при отработке барщины и шарварков). На трехкратную вспашку десятины под посев сохой в упряжке из пары волов отводилось 9 дней, на боронование — 4,5, на вывоз семян и посев — по 0,25 конного и пешего дня. Для уборки хлеба отводилось 6 пеших (женских) дней, для отвоза его на гумно — 1 конный, на укладку в скирду — 1 пеший. Для обмолота хлеба с десятины озимого посева (с веянием и уборкой соломы) требовалось 14 пеших дней, а с ярового посева — 10. На сенокосе 1 дес. требовала 3 мужских дней на кошение сена и 3 женских на просушку и укладку в копны, 1,5 конного дня на перевозку и 3 женских — на укладку в скирду. Суммарные затраты на десятину озимого посева составляли при таких нормах 36 человеко-дня, ярового — 33, сенокоса — 10,5.

Статистическое описание за 1855 г. подтверждает, что с полного надела по-прежнему полагалось по 2 конных и 2 пеших дня пригона в неделю, по 6 дней сгонов с рабочей души. Огородники были обязаны отрабатывать по 24 дня в год, бобыли — по 12, кутники — по 6.

В бывших владениях плетбании повинности крестьян в первой половине 1840-х гг. составляли по 2 мужских и 2 женских дня пригона в неделю, по 4 дня конных *сгонов* со двора и по 4 дня пеших с каждой души в год, 6 строительных дней в год со двора. Переведенные в разряд государственной собственности, прежние владения плетбании попали под действие положения о люстрации казенных имений, принятого в 1839 г. Положение предусматривало упорядочение земельных наделов крестьян и замену отработочных повинностей денежным оброком. В зависимости от обеспеченности рабочей силой и скотом крестьяне должны были получать *тяглые*, *полутяглые* наделы или не получать их вовсе, переходя в разряд *бобылей*. Люстрация проходила в общем русле мероприятий, проводимых правительством в процессе подготовки к отмене крепостного права. В ходе люстрации жителей Кореня и Нарбутова перевели на оброк в размере 10 руб. 58 коп. с полного надела. С полутяглого надела он выплачивался в половинном размере.

В период Российской империи крестьяне должны были платить также **государственные налоги**. По указу от 23 июня 1794 г. на территории Беларуси с крестьян взимался подушный (поголовный) налог в размере 85 копеек с каждой души, указанной в последней ревизии. Если кто-то из мужчин, отмеченных в ревизской сказке, умирал, его доля подушного налога раскладывалась на остальных вплоть до очередной ревизии. В случае неуплаты налогов крестьянами помещик рассчитывался с государством за своих подданных, а затем взыскивал с них сумму недоимки в свою пользу. Кроме того, в пользу государства собиралось по одному четверику муки (оцененному в 15 копеек) и по половине гарнца круп (с помещичьих крестьян — по целому гарнцу). Дополнительные налоги взимались на строительство дорог, на содержание *присутственных мест*, на *винокурение* (право производить в данном имении водку).

В белорусской историографии пока не осуществлен систематический анализ структуры и динамики государственных налогов в первой половине XIX в., и мне не удалось до конца прояснить этот вопрос. По отрывочным фактам известно, что к концу 1830-х — началу 1840-х гг. у государственных крестьян (каковыми стали и бывшие подданные капитула) подушный

налог составлял 3 рубля ассигнациями⁶⁵⁶, еще 25 копеек — дорожный налог, 5 копеек — налог для строительства каналов, 10 копеек — продовольственный налог⁶⁵⁷. У помещичьих крестьян ставка налогов была сопоставимой. В имении Понятичи в 1836 г. его платили в сумме 1 руб. 65 коп. подушного налога в полугодие (т. е. 3 руб. 30 коп. в год), плюс 1 руб. — на винокурение, 15 коп. — на полицию, 5 коп. — на продовольствие⁶⁵⁸.

Существовали еще так называемые **земские повинности**: на ремонт дорог, постой войск, содержание арестантов, предоставление подвод для государственных нужд. Эти повинности выполнялись частично натурой, частично — деньгами. Жители Кореня и Нарбутова, по материалам люстрации, отрабатывали общественную запашку — по 3,5 тяглового (конного) дня в год с каждого тяглового хозяйства и по 5 пеших дней — с полутяглового. Для ремонта общественных строений, мостов, дорог полагалось ежегодно по 3 тяглых и 3 пеших дня с тяглового хозяйства, по 6 пеших — с полутяглового. Сумма земских сборов в денежном эквиваленте в Минской губернии равнялась 68 коп. В имении Понятичи земские повинности, выплачиваемые деньгами, составляли около 40 коп. на душу.

Общая сумма денежных выплат на душу достигала не менее 5 руб., а на хозяйство из 8 чел. — 40 руб.

Бюджет крестьянского хозяйства

Приведенные данные позволяют представить примерную **модель хозяйственного цикла**, а также сопоставить ее с аналогичной моделью, предложенной в свое время П. Г. Козловским для 7 имений конца XVIII в.⁶⁵⁹ В 1770-е — 1780-е гг. среднее крестьянское хозяйство Кореньщины насчитывало 6–7 членов, включая как минимум одну брачную пару с двумя детьми. Кроме того, в зависимости от фазы демографического цикла в таком условно-типичном хозяйстве могли быть еще 2–3 ребенка или столько же взрослых родственников (пожилые родители, неженатые братья и сестры или недавно женившийся младший брат). Подобное хозяйство имело в своем распоряжении одного или двух коней, пару волов, двух коров, 4–5 овец и 1–2 козы (или 5–6 овец), 2–3 свиней, какое-то количество домашней птицы.

Надел составлял половину волоки, т. е. около 1 га под усадьбой и овощным огородом, 10–11 га под пашней, около 1,4 га сенокоса. Пашня делилась на три клена примерно равной площади (по 5 моргов, или 3,5 га), один из которых оставался под паром и мог использоваться под пастбище. В распоряжении хозяйства, наравне с односельчанами, было также общинное пастбище и, возможно, дополнительные сенокосы. На озимом клене в августе высевалось около 332 кг жита, которое поспевало к середине следующего лета. Яровой клен распределялся между несколькими культурами. Около 1,2 га выделялось под овес, по 0,6 га — под пшеницу, яровую рожь (ярку) и горох, 0,45 га — под ячмень, около 0,08 га — под лен и коноплю. Эти культуры высевались с конца апреля по начало июня, на семена требовалось 173,5 кг овса, 89 кг яровой ржи, 69 кг пшеницы, 53 кг ячменя, 46 кг гороха, по 2 кг льняного и конопляного семени. Весь семенной фонд составлял около 7,7 ц зерна.

При такой структуре посевов и средней урожайности можно было собрать около 31 ц зерна (1662 кг жита, 521 кг овса, 264 кг ячменя, 267 кг ярки, 276 кг пшеницы, 93 кг гороха). За вычетом семян оставалось около 23,3 ц (1329 кг жита, 347 кг овса, 211 кг ячменя, 207 кг пшеницы, 178 кг ярки и 46 кг гороха), что составляло около 9,3 виленской бочки (при указанной структуре зерновых в среднем в бочку вмещалось 2,5 ц).

Кроме того, в актив шли 54,3 ц соломы (27,4 ц ржаной, 17,3 ц овсяной, 5 ц ячменной, 1,4 ц пшеничной)⁶⁶⁰, 8,3 кг льноволокна и 5,7 кг льносемени, 10,6 кг конопляной пеньки и 8,5 кг семени. Если надельный сенокос давал 12 ц сена с гектара, то всего с двух моргов выходило 17 ц. Приусадебный огород площадью около 1 га обеспечивал корнеплодами, капустой, огурцами. В соседней Польше в XVIII в. с морга собирали 1,25 бочки моркови, 4 бочки репы, 1 бочку брюквы, 36 качанов капусты, 16 коп огурцов (960 штук), 2 копы чеснока, 68 коп лука, 20 коп петрушки⁶⁶¹, примерно таким же был набор овощей и у белорусских крестьян.

⁶⁵⁶ В Российской империи применялся двойной денежный счет: на серебряные рубли и на ассигнации (бумажные деньги, на которые велись все сделки). Курс рубля ассигнациями по отношению к рублю серебром в конце XVIII в. составлял 1,47, в первой трети XIX в. колебался от 2,9 до 4,3. С 1839 г. установлен твердый курс 3,5, а с 1843 г. ассигнации в обращении заменены кредитными билетами. См.: *Рябцевич В. Н.* О чем рассказывают монеты. С. 182; *Федосюк Ю. А.* Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века. — 3-е изд. — М., 2000. С. 56—57.

⁶⁵⁷ Гісторыя сялянства Беларусі са старажытных часоў да нашых дзён. Т. 1. С. 308.

⁶⁵⁸ Гісторыя сялянства Беларусі са старажытных часоў да нашых дзён. Т. 1. С. 309.

⁶⁵⁹ Гісторыя сялянства Беларусі са старажытных часоў да нашых дзён. Т. 1. С. 234—236. В модели П. Г. Козловского учтены данные инвентарей крупных латифундий Быхов и Дубровна на востоке Беларуси (Поднепровье), Друя на западе Полоцкого воеводства, церковного имения Смядынь на Полесье, имений Тимковичи и Рачкевичи в Новогрудском воеводстве, части Берестейской экономии на юго-западе.

⁶⁶⁰ Выход соломы по отношению к зерну взят на основе данных К. Аникиевича: *Аникиевич К. Т.* Сенненский уезд Могилевской губернии.

⁶⁶¹ *Polskie instruktarze ekonomiczne z końca XVII i z XVIII wieku / Wyd. S. Pawlik.* — Kraków, 1915. S. 191.

Продукцию животноводства составляли около 1200 л молока⁶⁶² (200 л на душу в год или около 1 л в сутки в течение полугодия, пока коровы доились) и 2 теленка (убойным выходом по 50 кг) от двух коров, 7–8 кг овечьей шерсти (от 1,2 до 1,6 кг с овцы) и 5–6 ягнят (по 5 кг мяса с каждого), по 25 кг сала, 65 кг мяса и 7–10 поросят (общим убойным весом до 100 кг) с каждой свиньи, по 30 яиц от каждой курицы. Раз в 10 лет выбраковывалась по старости одна корова (убойный выход составлял около 150 кг мяса) или вол (около 200 кг), т. е. при 4 головах взрослых животных их забивали раз в 2,5 года, в среднем на год это давало 70 кг мяса. Из взрослых овец выбраковывали примерно одну в год, что давало еще 10 кг мяса. Всего при отсутствии падежа можно было получить около 540 кг мяса (по 90 кг на душу в год или 250 г в сутки) и 50 кг сала (от 12,5 до 25 кг на взрослого работника, в зависимости от состава семьи). Но падеж, видимо, был неизбежен (*Маеш статак, трэба мець і ўпадак*, — гласила пословица) и снижал эти цифры процентов на 20.

Эти ресурсы следовало распределить так, чтобы прокормить в течение года семью и всю живность, а также выручить наличные деньги на уплату налогов и повинностей, покупку необходимых товаров.

Нормы потребления могли, конечно, варьировать, но в определенных пределах. Систематическое недоедание снижало продуктивность работников, что приводило к худшему сбору в следующем году, образуя опасный порочный круг. По разным оценкам, на пропитание взрослого работника требовалось от 18 до 20 пудов хлеба (300–330 кг)⁶⁶³, эту норму можно считать биологически обусловленной. Женщинам, старикам и детям требовалось меньше хлеба. Потребность изменялась примерно так же, как коэффициент едока в чаяновской модели. Сам А. Чайнов принимал суммарный коэффициент едока семьи из 6 человек в 3,5. Но в моих реконструкциях для хозяйств, средний размер которых был близок к 6 человекам, этот коэффициент составлял от 4 до 4,5. Если принять его равным 4,25, то на такое хозяйство в год требовалось от 1275 до 1400 кг зерна, или 212,5–233 кг на душу. Подтверждением этой оценки может послужить тот факт, что норму в 13 пудов на душу (214 кг) официально принял Центральный статистический комитет России в конце XIX — начале XX в., когда средний размер хозяйства тоже был близок к 6 человекам⁶⁶⁴. На рубеже XVIII–XIX вв. официальная норма составляла две четверти на душу (219 кг ярового или 256 кг озимого хлеба)⁶⁶⁵. Нижний предел среднедушевой нормы, видимо, составлял 12 пудов (197 кг)⁶⁶⁶, но до такого уровня она могла опускаться лишь после появления в рационе картофеля.

Годовой рацион рабочей лошади, по данным XIX — начала XX в., составлял 4 четверика или 3 пуда (49 кг) овса и 120 пудов (19,7 ц) сена⁶⁶⁷, и эту норму тоже нужно считать биологически обусловленной. На одну голову прочего скота уходило в среднем 2 четверика зерна (25 кг). Для стойлового содержания коровы и вола требовалось около 25 фунтов сена в день (10,2 кг), что при характерном для Минской губернии стойловом периоде в 194 дня (с конца октября по начало мая) составляло 19,8 ц в год⁶⁶⁸. При нехватке сена его частично компенсировали соломой, учитывая при этом, что 10 пудов овсяной соломы по калорийности соответствовали 6 пудам сена⁶⁶⁹, а ржаная солома еще на треть менее калорийна, т. е. 6 пудам сена эквиваленты порядка 14 ее пудов. Такой комбинированный рацион мог составлять 10 ц сена и от 16,7 до 23,3 ц соломы. На голову мелкого рогатого скота требовалось 20 пудов (3,3 ц) сена. Примерный рацион свиньи составлял около 25 кг овса, 82 кг ячменя, 16 кг гороха, до 20 ц корнеплодов. На домашнюю птицу уходило 33–50 кг зерна (ячменя или овса).

Таким образом, на прокорм 6 человек при минимальной норме (2 ц на душу) требовалось 12 ц зерна, или 4,8 бочки, при оптимальной (2,3 ц) — 13,8 ц, или 5,5 бочки. На 1 коня, 4 головы крупного рогатого скота, 2 свиней и домашнюю птицу уходило еще 4 ц зерна, при двух лошадях и 3 свиньях требовалось дополнительно около 1,6 ц. Минимальную потребность одноконного хозяйства в зерне можно оценить в 16 ц, или 6,4 бочки, оптимальную (для двуконного) — в 19,4 ц, или 7,8 бочки⁶⁷⁰.

⁶⁶² К. Аникиевич в своей модели крестьянского хозяйства принимал удой от 1 коровы равным 200 гарнцам (614 л). В конце XIX в. хорошей считалась корова, дававшая в год 45 ведер молока, т. е. около 550 л (ведро вмещало 12,2 л). Доилась такая корова всего 6 месяцев в году: *Гісторыя сялянства Беларусі са старажытных часоў да нашых дзён*. Т. 2. С. 276.

⁶⁶³ Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства / Под ред. А. И. Чупрова и А. С. Постникова. — СПб., 1897. С. 14; *Чаянов А.В.* Крестьянское хозяйство: Избр. труды. С. 328.

⁶⁶⁴ *Гісторыя сялянства Беларусі са старажытных часоў да нашых дзён*. Т. 2. С. 169.

⁶⁶⁵ *Гісторыя сялянства Беларусі са старажытных часоў да нашых дзён*. Т. 1. С. 236, примеч. 202.

⁶⁶⁶ *Горбачевский И. Д.* Лепельский уезд Витебской губернии. Оттиск из «Витебских губернских ведомостей» за 1895 г. — Витебск, 1895. С. 8.

⁶⁶⁷ *Аникиевич К. Т.* Сенненский уезд Могилевской губернии.

⁶⁶⁸ Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Минская губерния. Ч. 1. С. 62. А. В. Чайнов дает почти аналогичную цифру — 125 пудов сена на голову, или 20,6 ц.

⁶⁶⁹ *Чаянов А.В.* Крестьянское хозяйство: Избр. труды. С. 328.

⁶⁷⁰ В модели П. Г. Козловского норма потребления на душу принимается равной 1,24 бочки, или 3,37 ц. Здесь потребление взрослого мужчины распространено на всех членов хозяйства, но не учтен расход зерна на фураж для скота. В моей модели оптимальная норма потребления с учетом фуража (3,23 ц) практически совпадает с цифрой П. Г. Козловского, полученной на основе иных предпосылок.

На реализацию оставалось от 7,3 до 3,9 ц зерна (если дякло взималось в натуральной форме, как в Великом Коренев 1786 г., от этих цифр нужно отнять еще 1,4 ц ржи и 1 ц овса). Среднюю для всех зерновых цену А. Жабко-Потопович принимает равной 18 злотым⁶⁷¹, с чем, видимо, можно согласиться. Но основными товарными культурами были озимая рожь и пшеница — именно их берегли на продажу. Можно полагать, что на рынок шел почти весь чистый сбор пшеницы — 1,7 ц, или 0,5 бочки (при весе бочки в 3,3 ц) и от 2,2 до 5,6 ц ржи (от 0,8 до 2,1 бочки, при весе бочки в 2,7 ц). Виленская бочка пшеницы стоила в последней трети XVIII в. от 23 до 36 злотого, среднее значение — около 27 злотых 10 грошей. Бочка ржи стоила от 16 до 25,5 злотых, среднюю цену можно принять в 20 злотых и 20 грошей⁶⁷². Значит, за вышеуказанные объемы зерна можно было выручить от 30,3 до 56,2 злотого⁶⁷³.

Напомню, что сумма денежных повинностей в капитульных владениях в 1780-е гг. составляла 24,7 злотого (20 злотых чинша и 4,7 — подымного), а в периоды аренды престимония возрастала до 50–55 злотых. Цифры оказываются удивительно близки к тому остатку, который получается при моделировании. Похоже, что владельцы имения умели выжать из крестьян практически весь прибавочный продукт. В нормальных условиях это достигалось без снижения их потребления, но при аренде для выплаты всех платежей приходилось переходить на полуголодный рацион.

Разумеется, хозяйство не могло устойчиво существовать совсем без денежных средств. Нужно было покупать кожаную обувь, посуду, изделия кузнечного промысла, соль. Кое-какие деньги требовались и для посещения корчмы. П. Г. Козловский оценивает сумму этих потребностей от 6 до 12 злотых. Такие деньги выручались за счет дополнительных источников дохода. Одним из них могла быть работа по найму в свободное от сельскохозяйственной страды время. Годовое жалованье при неквалифицированном труде в 1770-е гг. составляло порядка 10 злотых, при квалифицированном — вдвое больше: пастух получал от 8 до 10 злотых, служанка (*девка*) — 12, домоправительница (*господыня*) — от 16 до 25, пасечник — 20 злотых⁶⁷⁴. Но жители Кореньщины скорее всего практиковали сезонные заработки — нанимались на лесозаготовки, сплав леса или груженых товарами плотов, которые по Вилии перегонялись в Вильню. В модели П. Г. Козловского доходы от неземледельческих занятий оцениваются от 10 до 15 злотых.

Еще одним источником дохода могла быть продажа льна и пеньки. Льноволокно оценивалось примерно в 10 злотых за пуд⁶⁷⁵, но большая его часть, видимо, шла на внутреннее потребление — крестьяне носили самотканую одежду. Льняное и конопляное семя были единственными источниками растительного масла, а из пеньки вились необходимые в хозяйстве веревки, потому их продажа тоже не могла быть значительной. В инвентарях мера льняного и конопляного семени по цене обычно оказывались сопоставимы с соответствующей мерой пшеницы, отклоняясь от нее вверх или вниз не более чем на 20%. Если принять среднюю стоимость бочки семян этих культур (3 ц) в 24 злотых, то за весь чистый сбор, 14,3 кг семян, можно было выручить чуть более злотого, а за 10,6 кг пеньки (0,7 пуда) — около 5 злотых, что в сумме дает 6 злотых (в имениях, данные которых использовал в своей модели П. Г. Козловский, этот доход составлял от 12 до 48 злотых).

На рынке наверняка реализовывалась и часть продукции животноводства, лесных промыслов. Сведений о стоимости мяса и сала в XVIII в. мне отыскать не удалось. Но учитывая, что в середине XIX в. пуд сала стоил примерно столько же, сколько русская четверть (128 кг) ржи, его цена была эквивалентна примерно 10 злотым. Свинина и говядина стоили в 3–4 раза дешевле сала, потому их цену можно приравнять к 3 злотым за пуд. От реализации на рынке 100 кг мяса и 25 кг сала можно было выручить порядка 23 злотых, но мясо было совсем не лишним и для собственного хозяйства. Если его и продавали, то тем самым сводили потребление животных белков до минимума (150 г мяса на душу с учетом падежа). Особенно важным ресурсом считалось сало, которое берегли для периодов особо энергоемких работ, в первую очередь сенокоса. Без высококалорийной пищи мужчины были просто не в состоянии справиться с такими работами.

⁶⁷¹ *Żabko-Potapowicz A.* Praca najemna i najemnik w rolnictwie w Wielkim księstwie Litewskim w wieku XVIII. — Warszawa, 1929. S. 142.

⁶⁷² Указания на цены продовольствия содержатся в инвентарях, опубликованных Виленской археографической комиссией: Акты, издаваемые Виленской археографической комиссией. Т. 35. С. 67, 73, 108, 110, 119, 192, 198, 233, 242, 305, 320, 325; Там же. Т. 38. С. 76—77, 202.

⁶⁷³ Способ подсчета и результат несколько расходятся с моделью П. Г. Козловского. Там чистый остаток составлял от 2,7 до 7 виленских бочек, или от 7,3 до 19 ц, а денежная выручка — от 48,6 до 126 злотых. Но этот результат, по моему мнению, завышен за счет одного неоправданного упрощения: он принял норму высева всех яровых в 0,5 бочки на морг. Такая норма применялась только для легковесных овса и ярки, а для более тяжелых ячменя и пшеницы была ниже, как это видно из инвентаря Красного Бора за 1841 г. Общая норма высева всех яровых составляла около 0,4 бочки на морг. За счет этой разницы чистый сбор зерновых в модели П. Г. Козловского завышен примерно на 20%, а остаток за вычетом потребления — от 40% до 2,5 раза. Введение поправки снижает выручку от продажи зерна (при принятой им средней цене 18 злотых за бочку) до диапазона 14—91 злотый. Результат для Кореньщины по методике, использованной П. Г. Козловским, дает в этом случае 37,5 злотого.

⁶⁷⁴ Акты, издаваемые Виленской археографической комиссией. Т. 35. № 46, 63.

⁶⁷⁵ Акты, издаваемые Виленской археографической комиссией. Т. 35. С. 539, 571—572.

Шерсть с одной овцы стоила в 1770-е — 1780-е гг. в среднем 15 грошей, гусь — 1 злотый, курица — 10 грошей, десяток яиц — 6 грошей. За низку сушеных грибов длиной в сажень можно было выручить до 15 грошей, за гарнец лесных орехов — 10 грошей, за сажень дров — 3,3 злота. Те, кто держал пчел, имели дополнительный доход от продажи меда. Один улей давал меда на 2 злотых⁶⁷⁶. П. Г. Козловский оценивает общий доход от животноводства и птицеводства в пределах от 18 до 32 злотых.

Воз сена стоил от 1 до 4 злотых, но крестьяне вряд ли имели возможность его продавать — скорее, наоборот. Их собственная потребность в сене не могла быть обеспечена за счет двух сенокосных моргов — этого укуса не хватало, чтобы прокормить одну лошадь. Даже с учетом соломы дополнительно требовалось 60–80 ц сена. Видимо, добавочную потребность в корме для скота обеспечивали общинные сенокосы, не упоминаемые в инвентарях, для чего на каждое хозяйство должно было приходиться от 5 до 6,7 га таких сенокосов, всего в имении — от 800 до 1000 га. Они и в самом деле могли занимать такую площадь, если предположить, что часть из них впоследствии была обращена в дворную пашню.

Можно примерно представить себе и **бюджет рабочего времени** на выполнение основных работ. Нормы, указанные в инвентаре Красного Бора (36 дней на десятину озимого и 33 дня — ярового посева), достаточно близки к тем, которые получены для нечерноземных губерний России при хронометраже специальных кадастровых комиссий Министерства госимуществ в 1850-е гг.: 35,2 дня на десятину озимой ржи, 30,75 дня на десятину яровых, 16,25 дня на десятину сенокоса⁶⁷⁷. По данным А. Чайнова, в начале XX в. при двукратной вспашке и троекратном бороновании на обработку десятины озимого посева требовалось 27 дней, на десятину овса — от 20 до 32,2 дня, льна — от 83 до 88,2 дня, картофеля — от 47,2 до 56,9 дня⁶⁷⁸. В очерке К. Аникиевича указываются также трудозатраты на унавоживание десятины паров — 4 дня⁶⁷⁹.

Средние трудозатраты при норме, установленной для барщины в имении Красный Бор, в пересчете на гектар составляли 30,3 дня для озимого посева, 26,6 дня для ярового и 9,6 для сенокоса. Для надела, состоящего из 3,5 га в каждом поле, требовалось 106 человеко-дней на озимые, 93 дня на яровые, 14 дней на унавоживание паров. На 0,08 га посевов льна и конопли уходило 6,5–7 дней, на 1 га огорода — не менее 4 дней. Сенокосы, необходимые для обеспечения всего поголовья (от 6,4 до 8,1 га), требовали 61–78 дней. В сумме работы на наделе составляли от 280 до 297 человеко-дней, в основном в период с апреля по октябрь. Кроме этого, необходимо было заготовить дрова и строительные материалы (на это традиционно выделялся период от Крещения до Масленицы — *Мясаед*), заниматься строительством и ремонтом хозяйственных построек, домашним рукоделием и промыслами.

Учитывая, что в хозяйстве имелись не менее 2 полных работников, а суммарный коэффициент был эквивалентен 3,15 такого работника, на каждого приходилась не такая уж и непосильная ноша — от 89 до 94 дней работы с полной нагрузкой. Даже если на основного работника, главу хозяйства, приходилось раза в два больше, т. е. порядка 180 дней, то и для него около 185 дней в году оставалось на другие занятия или чистый досуг. Если принимать период страды равным 214 дням, то на это время приходилось 120 свободных дней в среднем на каждого работоспособного, а если нагрузка главы была двойной — то и у него оставалось около 60 таких дней.

Проведение значительной части из этих свободных дней регламентировалось традицией. Работа в воскресенье или церковный праздник воспринималась как грех. Воскресений в году насчитывалось 52, главных праздников — около 20 (часть из них приходилась на воскресенье). Почти из сплошных празднований и обрядов состоял двухнедельный период от Рождества до Крещения (*Калядоўка*, с 25 декабря по 6 января), в это время разрешалось выполнять лишь некоторые работы: ездить в лес за дровами, шить новую одежду и обувь, топить печь и пр.⁶⁸⁰ Всего дней, связанных с запретами или ограничениями на работу, было не менее 90. Оставшиеся около 182 дней на одного условного работника составляли резерв рабочего времени на все занятия, не относящиеся к основным полевым работам. Ключевым ресурсом в чиншевом хозяйстве являлось не время, а здоровье, потому что неспособность выполнить очередной этап интенсивных работ в оптимальные сроки могла сильно отразиться на урожае и нарушить весь хозяйственный цикл.

⁶⁷⁶ Акты, издаваемые Виленской археографической комиссией. Т. 35. С. XXIV—XXV, 108, 110, 320, 325; Там же. Т. 38. С. 76—77, 202 и др. В инвентарях имений, отошедших к России в 1772 г., цены обычно указываются в копейках серебром (одна такая копейка соответствовала 2 грошам), иногда — в *злотых русских* (такая счетная единица соответствовала 20 грошам).

⁶⁷⁷ Хозяйственно-статистические материалы, собираемые комиссиями и отрядами уравнивания денежных сборов с государственных крестьян. — СПб., 1857. Вып. 2. С. 26—27; *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи и правового государства. Т. 2. С. 308.

⁶⁷⁸ *Чайнов А. В.* Крестьянское хозяйство: Избр. труды. С. 279, 352.

⁶⁷⁹ *Аникиевич К. Т.* Сенненский уезд Могилевской губернии.

⁶⁸⁰ *Варлыга А.* Чатыры ўрачыстасьці. — Нью-Ёрк, 1970. С. 17.

Во владениях плембании общие трудозатраты отличались значительно большими размерами — за счет 156 дней барщины, из них 91 день выпадал на период страды. Всего на хозяйство приходилось около 444 дней полевых работ, или 141 на одну единицу условного работника, из них на период страды — около 380, или 120 на работника. Нагрузка на каждого работоспособного тут была весьма ощутимой и оставляла мало возможностей для маневра. Резерв за вычетом нерабочих дней составлял 134 дня. Глава хозяйства, при отсутствии сына или брата, даже при всем желании не смог бы принять на себя нагрузку вдвое большую, чем у остальных членов, — он просто не успел бы выполнить всю эту работу. Выход из ситуации виделся только в интенсификации труда в своем хозяйстве по сравнению с нормой, принятой для барщины. Думается, кое-какой резерв для этого имелся, но его реализация была под силу только физически крепкому человеку. Становится понятным нежелание крестьян расставаться с лишней парой рабочих рук, отдавая сына в наемные работники, — гораздо выгоднее было рано женить его и получить еще одного работника в лице молодой невестки. Но эта же традиция делала невозможным альтернативное решение — нанять такого парня для отработки барщины, а самим сконцентрироваться на собственном хозяйстве.

Аналогичная **модель для середины XIX в.** выглядит так. Из стандартного надела в 10 дес. пахотной земли на каждое из трех полей приходилось по 3,63 га. На озимом клине высевалось 2 четверти и 4 четверика жита, т. е. 320 кг. Яровой посев распределялся между 221 кг овса, 60 кг ячменя, по 26 кг гороха и гречихи, 14,4 ц картофеля. **Сбор за вычетом семян** составлял 1200 кг жита, 1000 кг овса, 295 кг ячменя, по 98 кг гречихи и гороха, или всего 27 ц зерновых, и 72 ц картофеля. Выход соломы — около 77,3 ц, в том числе 40,7 ц овсяной, выход сена с 3,3 га надельных сенокосов — 40 ц.

Потребление теперь распределялось на 8 душ, суммарный коэффициент едока для них составлял 5,6. Среднедушевая норма потребления при этом составляла от 2,1 до 2,3 ц зерна. В соответствии с разницей в калорийности питательная ценность 1 ц зерна могла быть уравновешена примерно 5 ц картофеля⁶⁸¹. При минимальной норме на душу могло выходить, скажем, 1,6 ц зерна и 2,5 ц картофеля, при оптимальной — 1,8 ц зерна и те же 2,5 ц картофеля. Для всех членов хозяйства в год требовалось от 12,8 до 14,4 ц зерна и 20 ц картофеля.

Поголовье скота осталось почти таким же, как в XVIII в., но появление картофеля несколько изменило его рацион. На каждого из 1–2 коней по-прежнему уходило 0,5 ц овса и 19,7 ц сена, на каждую из 4 голов крупного рогатого скота — по 0,7 ц картофеля, 7,8 ц сена, 12,5 ц соломы, для пары волов требовалось еще по 0,25 ц овса. На каждую из 5–7 голов мелкого скота нужно было по 3,3 ц сена, на каждую из 3–4 свиней — по 0,25 ц овса, 0,8 ц ячменя, 0,16 ц гороха, 4,6 ц картофеля⁶⁸². При минимальном поголовье требовалось 5,1 ц зерна, 15,4 ц картофеля, 56,2 ц сена, 76 ц соломы. При максимальном поголовье нужно было 6,8 ц зерна, 20 ц картофеля, 82,5 ц сена, 76 ц соломы. Минимальная потребность хозяйства составляла 17,9 ц зерна и 35,4 ц картофеля, оптимальная — соответственно 21,2 и 40 ц.

В каждом имении существовал, как это предписывалось постановлением правительства, *запасный хлебный магазин*, где хранился резерв зерна на случай неурожая. Год составления инвентаря как раз выдался неурожайным, и хлеб был почти весь роздан на *продовольствие и посев*. Магазин формировался путем отсыпки каждым хозяйством после осенней уборки урожая по 4 пуда зерна на каждую душу⁶⁸³. Таким образом, с 8 душ хозяйство обязано было отсыпать 32 пуда, или 1,3 ц.

К реализации оставалось от 7,8 до 4,5 ц зерна (если это был овес, то центнер равнялся четверти, а если рожь, то выходило от 6,1 до 3,5 четверти) и от 36,6 до 32 ц (от 28 до 24,4 четверти) картофеля. Согласно инвентарю Красного Бора, четверть ржи, ячменя, гороха и гречихи стоила 2 руб. 50 коп., четверть овса — 1 руб. 50 коп., пшеницы — 5 руб., картофеля — 75 коп. В таком случае за зерно можно было выручить от 6,75 до 15,25 руб., за картофель — от 24 до 27,45 руб., а суммарная выручка составляла от 30,75 до 42,7 руб.

Видимо, крестьяне вынуждены были продавать зерно на месте, по гораздо более низкой цене, чем на городском рынке в Борисове или Минске. Средние по губернии рыночные цены за конец 1840-х — 1850-е гг. приводятся в статистическом обзоре И. Зеленского⁶⁸⁴. Цена четверти ржи за эти годы составила 4 руб. 61 коп., ячменя — 4 руб. 43 коп., овса — 3 руб. 37 коп., гороха — 5 руб. 35 коп., гречихи — 5 руб. 24 коп., пшеницы — 7 руб. 73 коп., картофеля — 1 руб. 92 коп. При таких ценах за зерно можно было выручить от 10 до 28 руб., за картофель — от 53 до 60 руб. Но для транспортировки зерна на расстояние более 50 км при грузоподъемности воза в 2,5 ц требовалось от 17 до 20 поездок. Наем гужевого транспорта для

⁶⁸¹ По нормам, принятым в Германии в конце XIX в., пуд картофеля по пищевой ценности приравнивался к 0,19 пуда ржи: Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. Т. IX: Верхнее Поднепровье и Белоруссия. С. 245.

⁶⁸² Примерно такой рацион рассматривается в модели К. Аникиевича.

⁶⁸³ Гісторыя сялянства Беларусі са старажытных часоў да нашых дзён. Т. 2. С. 170.

⁶⁸⁴ Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Минская губерния. Ч. 1. С. 42—43.

перевозки грузов на 50 верст в это время стоил от 17 коп. до 1 рубля за каждую четверть⁶⁸⁵, чем в значительной мере и объясняется разница в цене.

Не исключено, что к реализации оставалось гораздо меньше зерна и картофеля. Крестьянское хозяйство могло скормить скоту большее их количество, чем предполагал оптимальный рацион, чтобы компенсировать нехватку сена. Хотя наделные сенокосы увеличились по сравнению с концом XVIII в. вдвое, их по-прежнему не доставало. При минимальном поголовье дефицит сена должен был составлять 16,2 ц, при максимальном — 42,5 ц. По калорийности 1 ц овса эквивалентен 2,2 ц лугового сена, а 10 ц картофеля — 6,7 ц⁶⁸⁶. Дополнительно направив на фураж 2 ц овса и 20 ц картофеля, можно было решить проблему недостающих сенокосов для одноконного хозяйства, при этом на реализацию оставалось бы около 6 ц зерна и 16 ц картофеля. Но для второго коня и 2–3 лишних овец не хватило бы всего зерна и картофеля, и в данном случае оказывалась неизбежной или аренда сенокосов в размере порядка 2 га (стоимость такой аренды указана в акте поверочной комиссии в 1864 г. — 1 руб. за десятину⁶⁸⁷), или покупка готового сена (что при средней цене 12 коп. за пуд⁶⁸⁸ обходилось намного дороже).

Резерв сенокосов для аренды имелся: в структуре сельхозугодий, по данным 1850-х гг., они составляли около 600 дес., или 654 га. На каждое из 159 хозяйств в среднем приходилось по 4 га, тогда как в составе наделов было только по 3,3 га. Свободные 100 га сенокосов сдавались в аренду хозяйствам, имевшим большое поголовье скота, и могли удовлетворить потребности примерно 50 таких хозяйств.

Если эти соображения верны, то хозяйство имело в остатке до 4 четвертей зерна (скорее всего ржи) и 16,6 четверти картофеля, за которые при продаже на месте могло выручить до 22,5 руб. У двуконных хозяйств небольшая часть этой выручки (около 2 руб.) могла уходить на аренду сенокосов.

Крестьянам уже не надо было платить большой чинш (его заменила барщина), но на уплату государственных налогов требовалась сумма, не только съедавшая весь доход от реализации продуктов земледелия, но даже превышавшая его. Отсюда становится понятным, что вопрос о недоимках государственных налогов имел в российский период хронический характер. Деньги на налоги и нужды хозяйства приходилось выручать за счет продуктов животноводства, промыслов и работы на стороне. В деле о выкупе земли крестьянами Красного Бора после реформы 1861 г. содержатся показания его владельца, что заработки трудолюбивого хозяина на стороне (на вывозке леса из смолевичских лесных дач) или при найме непосредственно в имении (при оплате за пеший день в 30 коп., а за упряжный — 40) составляли порядка 40–50 руб. в год⁶⁸⁹. Но, учитывая, что помещик в тот момент был заинтересованным лицом (речь шла о размере выкупных платежей), общие суммы возможного заработка могут быть завышены раза в два.

Уровень цен в середине XIX в. по сравнению с последней третью XVIII в. можно, в самом грубом приближении, выразить отношением 0,5 рубля к 1 золотому, или 1,67 копейки за грош. Рыночные цены в сводках за 1854, 1861, 1864–1866 гг.⁶⁹⁰ таковы: пуд сала — от 3,5 до 6 руб., пуд говядины — от 0,75 до 1,8 руб., гусь — от 30 до 45 коп., десяток яиц — 10 коп., пуд меда — от 3,5 до 8 руб. Сажень дров стоила от 5 до 6 руб. За 100 кг мяса можно было выручить около 10 руб., за 25 кг сала — до 7 руб., за мед с одной колоды, после уплаты соответствующей повинности, — около 55 коп. Пуд соли стоил около 1 руб., фунт мыла (409 г) — 8,5 коп.

Часть зерна и картофеля, по дешевке скупаемого помещиком у своих крестьян, обращалась в водку. В Российской империи с 1765 г. винокурение являлось привилегией дворянского сословия. Помещики имели возможность беспрепятственно гнать водку для собственных нужд, а также для продажи подданным своих имений. Вся остальная продажа осуществлялась на условиях откупа — частные лица могли приобрести право продавать водку от имени государства, отчисляя за это в казну определенную сумму. На короткий период, с 1819 по 1826 г., была введена государственная монополия на водку, но затем откупная система была восстановлена. Из четверти ржи (128 кг) выгонялось 27 гарнцев (89 л) водки, из четверти картофеля (131 кг) — 8,5 гарнца (28 л), причем гораздо худшего качества⁶⁹¹. Себестоимость литра хлебной водки составляла, таким образом, 2,8 копейки, в то время как ведро водки (12,2 л) в середине XIX в. стоило на рынке от 1,5 до 2,1 руб., т. е. 12–17 копеек за литр.

⁶⁸⁵ НАРБ. Ф. 295. Оп. 1. Ед. хр. 1279. Л. 84.

⁶⁸⁶ В 1 кг лугового сена содержится 0,46 кормовой единицы, болотного — 0,4, в 1 кг овса — 1 единица, картофеля — 0,31. См.: Сельскохозяйственная энциклопедия. Т. 3. — М., 1972. С. 282.

⁶⁸⁷ НИАБ. Ф. 242. Оп. 2. Ед. хр. 393. Л. 5—18.

⁶⁸⁸ Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Минская губерния. Ч. 1. С. 49.

⁶⁸⁹ НИАБ. Ф. 242. Оп. 2. Ед. хр. 393. Л. 19—27 об.

⁶⁹⁰ НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Ед. хр. 1279, 1399—1402; Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 45об., 64, 87 об.

⁶⁹¹ Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Минская губерния. Ч. 1. С. 30—31.

На момент инвентаря 1846 г. в имении Красный Бор (вместе с Ганевичами) имелись 2 винокурни, из которых одна закрылась по случаю неурожая, а другая давала 100 пудов водки в год. Реализовывалась водка через 16 корчем. Вероятно, тут указано общее их число в двух имениях Чудовского, но и в этом случае получается, что корчма существовала почти в каждой деревне. На корчму в среднем приходилось по 100 кг (порядка 10 ведер) водки, а в хороший год ее реализовывали вдвое больше. Но после 1847 г. такая система была упразднена. Отныне производить водку могло только государство на казенных винокурных заводах, которые по фиксированной цене поставляли ее откупщикам. Последние осуществляли розничную продажу, самостоятельно формируя цену сверх обязательных отчислений в пользу казны. Именно в то время цена водки начала стремительно расти, равно как и объемы продаж, в которых и откупщики, и казна были крайне заинтересованы.

По данным люстрации 1847 г., в селе Корень тоже действовала корчма, которая обслуживала в основном бывших подданных плембании. По словам ее арендатора, казенного крестьянина Ильи Михайлова Кишкурно, он мог реализовывать не более 15 ведер *горелого вина* в год, поскольку ближайшие казенные деревни Корень и Нарбутово насчитывали всего 12 дворов, а корчма стояла при дороге, имеющей второстепенное значение. Но сам же он признает, что только отчисления в казну за право розничной продажи составляли ежегодно 20 руб. серебром (т. е. 70 руб. ассигнациями). При продаже 15 ведер это составило бы по 4,7 руб. с ведра — в 2–3 раза больше оптовой цены, а в окончательную цену входили еще арендная плата и доход самого корчмаря. Видимо, реальный объем продаж значительно превышал названную цифру.

Следует отметить, что местная корчма была не единственным (и, может быть, далеко не главным) источником потребления водки крестьянами. Находясь на виду у односельчан, каждый из них считался с общественным мнением, боясь осуждения, и с традицией, требовавшей соблюдения меры. Совсем другая ситуация возникала при поездке на базар в ближайшее местечко — Логойск, Гайну или Плещеницы. Крестьянин на время уходил из-под контроля, к тому же имел на руках немалую сумму, вырученную от продажи. Последствия описаны колоритной картиной, одинаково типичной, по мнению авторов, для любого уголка Беларуси: *Стоит под вечер заглянуть в базарный день на базар любого местечка или городка, чтобы убедиться в поголовном опьянении деревенского люда, привезшего для продажи часто последние крохи; стоит выйти на дорогу, ведущую из местечка, чтобы увидеть поголовное движение пьяного люда*⁶⁹². По воспоминаниям, некоторые мужчины предусмотрительно брали с собой сыновей-подростков и вынуждали их весь день томиться без дела, чтобы потом, находясь в состоянии опьянения, доверить им управление повозкой на обратном пути. Кроме этого, помногу пили в основном в дни религиозных праздников, а также на свадьбах.

Среднедушевое потребление водки в России в 1863 г., на момент отмены откупной системы и замены ее акцизной, составило, по данным Министерства финансов, 1,23 ведра (15 л на человека, включая женщин и детей, или 289 г в неделю). Этот показатель не был превзойден до конца существования Российской империи. Не приходится удивляться, что к концу откупной системы, в 1859–1862 гг., она приносила 38% всех государственных доходов⁶⁹³. Зато хозяйство из 8 человек при потреблении, близком к среднедушевому, т. е. около 10 ведер в год на хозяйство, и при цене порядка 2–3 руб. за ведро могло потратить на водку около 20–30 руб. — сумму, сопоставимую с доходом от основных видов деятельности.

Бюджет рабочего времени в середине XIX в. включал трудозатраты на обработку собственных наделов и выполнение отработочных повинностей. На 3,63 га озими, 1,71 га яровых посевов, 0,92 га картофеля, 1 га огорода и 3,3 га надельного сенокоса, вывоз навоза на 3,63 га паров требовалось от 268 до 278 человеко-дней. Отработочные повинности составляли 574 дня барщины, 52 дня шарварков и около 30 дней толоки. В сумме получается около 930 дней, что при среднем коэффициенте в 4,15 означает 224 дня на одного условного работника. Резерв за вычетом выходных и праздников составлял 51 день. На период страды, с апреля по октябрь, приходилось около 660 рабочих дней, или 159 на работника — из общих примерно 214 дней. Еще около 45 дней в эти месяцы были праздничными или воскресными, резерв рабочего времени составлял всего около 10 дней. Становится очевидным, что для того, чтобы успеть управиться с наиболее тяжелыми работами и при этом восстановить свои силы, в хозяйстве требовались как минимум два взрослых мужчины. Но если нагрузка равномерно распределялась между четырьмя трудоспособными, то даже в период страды у каждого из них на два дня интенсивного труда приходился один день для отдыха и других занятий.

Барщина сильно ограничивала и возможность для дополнительных заработков в зимний период. С ноября по март нужно было отработать на барщине и при подготовке к полевым работам около 270 человеко-дней, или 65 на работника.

⁶⁹² Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. Т. IX: Верхнее Поднепровье и Белоруссия. С. 156.

⁶⁹³ Зайцева Л. И. С. Ю. Витте и Россия. Ч. 1. Казенная винная монополия. 1894—1914. (По научным публикациям и архивным материалам конца XIX — начала XX века.) — М., 2000. С. 127, 295.

Свободными оставались 86 дней, из них около 40 приходились на праздники и воскресенья. За оставшиеся 46 дней при поденной ставке в 30–40 коп. можно было заработать от 14 до 18 руб., а не 40–50, как утверждал помещик.

Повседневность

Первые документальные свидетельства, которые освещают некоторые стороны повседневной жизни обитателей Кореньщины, датируются серединой XVIII в. В основном их появление вызвано разного рода **конфликтами**. 13 мая 1737 г. уполномоченный капитула каноник Тышкевич разбирал жалобу жителя Прудков Алексея Шуляка на его односельчан Василя и Лаврина Лисов. Василь одолжил у Алексея пивоваренный котел, купленный в Крулевце (Кенигсберге). Когда же брат Алексея *Миклус* (вероятно — Николай), житель деревни Жирблевици, приехал по его просьбе забирать этот котел назад, Лаврин Лис пригласил его в свою хату и увлек разговором, а сам тем временем забрал котел у Василя Лиса и спрятал. Свой поступок он объяснил тем, что Миклус Шуляк служил *паробком* на плотях пана Богдановича, на которых сплавлялся разный товар, в том числе и груз пеньки, принадлежавший Лаврину Лису. По вине Шуляка эта пенька намокла, из-за чего Лаврин понес убытки. Поэтому котел он изымает в качестве компенсации за ущерб. В своей жалобе Алексей Шуляк отмечал, что его брат нанимался в работники не к Лаврину Лису, поэтому последний не вправе предъявлять к нему какие-либо претензии. К тому же *брат за брата не отвечает*, поэтому и он, Алексей, не должен страдать за вину своего брата⁶⁹⁴.

Этот документ уникален подробностями о достаточно активной экономической деятельности подданных капитула. Один из них поставляет на рынок груз пеньки, выступая деловым партнером шляхтича Богдановича. Другой занимается пивоварением настолько регулярно, что даже приобрел для этого котел иностранного производства, который затем одалживал своим односельчанам. При этом брат пивовара ведет отдельное хозяйство в другой деревне и явно не имеет высоких доходов, что вынуждает его наниматься плотогоном для транспортировки чужих товаров. Характерен и наметившийся конфликт представлений о том, насколько общими являются имущественные обязательства близких родственников. Василь Лис действует в интересах своего родственника (возможно, брата) Лаврина, пытаясь взыскать долг Николая Шуляка с его брата Алексея. Последний же убежден, что *брат за брата не отвечает*. Здесь старая патриархальная традиция явно сталкивалась с новой индивидуалистической, порожденной рыночными отношениями.

Еще один интересный документ, датированный 11 мая 1744 г.⁶⁹⁵, содержит решение капитула по поводу многочисленных жалоб, поступавших на войта Прудков Юрия Лиса и его сыновей Михаила и Лаврина. Вместо Юрия Лиса на должность войта назначался Алексей Шуляк (вышеупомянутый автор жалобы 1737 г.). Лиса и его сыновей каноники постановили *навечно от войтовства отдалить*. Согласно документу, вся земля и имущество, незаконно захваченные Лисами у других крестьян, подлежат возврату. В частности, подданным Малого Кореня Стаське Войтюху и Мартину Булаху должны быть возвращены их сенокосы в урочищах Селище и Лавница, вследствие лживой присяги Юрия Лиса отошедшие к Прудкам. Михаилу Кореньскому надлежит получить компенсацию за отнятые у него два воза сена, хомут и сани. Александру Шуляку из Прудков причитаются 4 *битых талера*, одолженных у него сыном Юрия Лиса Лаврином, лубок меда стоимостью в 4 тынфа, а также изношенная Лисом его новая сермяга стоимостью в 4 *шостака*⁶⁹⁶ и захваченная у него *пасека на корец жита*, т. е. расчищенный от леса участок, на котором можно высеять 1 корец ржи. Что касается сенокоса и *жита*, якобы захваченных Юрием Лисом и его сыновьями у другого Лаврина Лиса, то они подлежат возвращению, *если сам покажет*.

Этот перечень злоупотреблений войта показывает, какими влиятельными фигурами были представители крестьянской экономической элиты, вдобавок облеченные властью. Юрий Лис фактически поставил себя вне общины, основав собственный хутор Лищицы, на котором хозяйствовал вместе с зятем Михаилом Высоцким и партнером (*новиком*) Тимохом Корчашко. Все они были самостоятельными дворохозяевами и несли повинности раздельно, о чем свидетельствует инвентарь 1740 г. В следующем инвентаре (не ранее 1744 г.) в качестве четвертого дворохозяина деревни Лищицы выступает старший сын Юрия Лиса Василь, отделившийся незадолго до того. Показательно, что одной из жертв самоуправства Юрия Лиса стал, видимо, его однофамилец (точнее, отдаленный родственник) Лаврин Лис, также принадлежавший к сельской элите, — именно он отправлял несколькими годами ранее злополучный груз пеньки на продажу, а также вместе с Юрием и Матеем Лисами обвинялся подданными Малого Кореня в захвате сенокосов. Не исключено, впрочем, что Лаврин просто попытался

⁶⁹⁴ ОРБАНЛ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 10756.

⁶⁹⁵ ОРБАНЛ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 234. Л. 412—414.

⁶⁹⁶ Шостак — серебряная монета, курс которой во второй четверти XVIII в. колебался от 12 до 17 грошей.

воспользоваться опалой, в которую попал ранее могущественный сосед, чтобы урвать кое-что в свою пользу. Во всяком случае его претензии вызвали сомнения у разбиравшего дело каноника.

Что касается Алексея Шуляка, то именно он, судя по всему, был инициатором жалоб на Юрия Лиса. Это принесло ему несомненную выгоду — должность войта. В составленном вскоре после этих событий инвентаре престимония Прудки особо оговаривается, чтобы подданные с надлежащим почтением относились к особе нового войта Шуляка, *яко маючого карту на войтовство от пресветлой капитулы*, и слушались его. За неповиновение, а тем более насилие в его адрес устанавливались денежный штраф (*вина*) в размере 5 коп (300 грошей, или 10 злотых) и телесное наказание (*кара плягова*). Со своей стороны войт также не должен был притеснять и бить крестьян, а лишь доносить о их неповиновении владельцам. За самоуправство ему угрожало отрешение от должности и штраф в размере 10 коп.

На деле далеко не все конфликты разрешались апелляцией к суду капитула или его комиссарам. Порой доходило до самоуправления. В акте визитации Кореньского костела в 1742 г. упомянуто произошедшее незадолго до того нападение жителей деревни Михалковичи на плебанский двор. В отсутствие ксендза они захватили укрывавшегося там подданного, который обвинялся в каком-то преступлении, увели его в Михалковичи и жестоко избили. На лиц, совершивших самосуд, каноник наложил штраф в размере 50 злотых *на репарацию костела*.

В 1812 г. жители Кореньщины, как и всей Беларуси, испытали большое потрясение — **войну** между Францией и Россией. В крестьянской среде с приходом французов связывались большие надежды на отмену крепостного права, как это произошло в занятой ими Польше. Смена власти вызвала в июле 1812 г. волнения в пограничном с Кореньщиной имении Кузевичи. Тамошние крестьяне в предвкушении свободы отказались выполнять обычную барщину⁶⁹⁷. В имении Красный Бор до открытых выступлений дело не дошло, но похожие настроения наверняка присутствовали.

Об этой войне сохранилось довольно много преданий, приводимых А. Варлыгой: *Когда француз шел на восток, то гнал с собой стадо скотины. Одна белая корова зашла на двор к Соколовскому. От этой коровы Соколовский после развел хороший скот. В деревне Лицицы пришли французы к крестьянину и потребовали, чтобы он отвел их к «мызе» — во двор к пану. Говорили они, наверно, ко «мсье». Когда крестьянин отказался вести их, они его избили до полусмерти. Но он выжил. Этот случай, кажется, был тогда, когда француз шел на восток.*

По свидетельству А. Варлыги, симпатии крестьян, несмотря на подобные инциденты и тот факт, что немало местных уроженцев участвовали в военных действиях в составе российской армии, в целом были на стороне французов. Люди думали, что *француз шел воевать на Москву, чтобы освободить наш край и от москаля, и от пригона. В Москве же француз был побит не московским войском, а двумя генералами: Холодиллом и Голодиллом*. Так или иначе, но в конце 1812 г. обитатели Кореньщины стали свидетелями драматического отступления наполеоновской армии после переправы через Березину, о котором сохранились наиболее яркие воспоминания. Крестьяне Михалкович (родной деревни А. Варлыги) и других деревень топили *осети* и бани, чтобы отогреть замерзающих французов. *Наши крестьяне, как могли, помогали несчастным французам. Только какой-то Шуляк из деревни Прудки содрал с мерзлого француза синий мундир жене на шнуровку. Люди говорили, что его Бог за это в скором времени наказал, так как он стал слеповатым и все его семья и потомство были слеповатые. Когда после весной сошел снег, то на поле люди находили много неживых французов.* В памяти людей остался и такой эпизод: *У Левона Носевича в осети казак нашел француза с отмороженными руками и ногами. Француз не мог идти, а полз на локтях и коленях. Казак же его подгонял, бил ногами под бока. Когда этот француз приполз из гумна на двор, то казак поднял толстую деревянную колодку и ударил француза по середине. Француз вытянулся и умер.*

Коллективная память засвидетельствовала факты насилия со стороны не столько французов, сколько преследовавшей их русской армии. В Михалковичах у какого-то крестьянина русские солдаты зарезали корову. Когда же он стал просить, чтобы ему оставили хотя бы *печенеевка* и *легенеевка*, солдат ударил его по лицу этим самым *печенеевком*. В семье самого А. Варлыги сохранилось предание о случае, произошедшем в деревне Чернево в доме его прапрадеда по материнской линии Михася Окулича. В отсутствие хозяина 12 солдат остановились в хате на ночлег. Сами они сели чистить ружья, а маленькому сыну хозяина Якубу, которому было лет 5–6, приказали светить лучиной. Когда же мальчик им чем-то не угодил, один из солдат сунул жменю горячей лучины ему за шиворот рубашки, от чего у него сильно обгорели плечи. В это время в колыбели заплакал другой ребенок. Солдат обрезал веревки колыбели и выбросил ее на снег вместе с младенцем. Мать не решилась вносить ее обратно в хату и отнесла в хлев, где вкопала в теплый овечий навоз.

⁶⁹⁷ Документы і матэрыялы па гісторыі Беларусі (1772 — 1903 гг.). Т. 2. — Мн., 1940. С. 51.

Вскоре после войны была составлена опись убытков, которые понес в ней Борисовский уезд. Про убыль скота выше уже упоминалось. В число других потерь по имени Кореньской плебании (совместно с именем Укроповичи) входили реквизируемые российскими войсками 213 четвертей хлеба, 1286 пудов сена и 77 пудов водки, французскими — 31 четверть хлеба, 96 пудов сена и 7 пудов водки⁶⁹⁸. Недосев хлеба составил 76 четвертей. Во владениях И. Неплюева французские войска реквизиций не совершали, зато российские взяли 3456 четвертей хлеба, 20309 пудов сена и 2214 пудов водки. Недосев составил 598 четвертей хлеба⁶⁹⁹. Эти официальные правительственные цифры подтверждают, что последствия прохождения русских войск оказались более тяжелыми для местного населения.

После ухода войск испытания не закончились. А. Варлыга далее пишет: *Когда прошли на запад французы, а за ними москали, на деревни начали наезжать банды разбойников. Они были одеты, как крестьяне, в кожухи и сермяги, но головы были обмотаны намитками. Крестьяне думали, что это была шляхта. Кто догадался и припрятал зерно, тот имел семена на посев. Грабители забирали все: и скот, и одежду, и полотно, и все зерно. У моего прадеда Якуба была выставлена липовка ячменя и липовочка пшеницы на поленницу, где их между дров завяло снегом, так и было весной что посеять. После войны крестьянство сильно обеднело. Хотя бедствия, причиненные войной и ее последствиями, были огромны, в коллективном сознании память о ней прочно ассоциировалась с несбывшейся надеждой на улучшение жизни. Очень характерно приведенное тем же А. Варлыгой предание о шапке и рукавицах, будто бы оставленных французом (надо полагать — самим Наполеоном) в Борисове в церкви во время поспешного отступления. Крестьяне верили: когда он придет в Борисов за своей шапкой и рукавицами, тогда и вызволит наш край от москаля. Это предание упоминает в своей пьесе «Павлинка» Янка Купала. Не исключено, что поэт услышал его именно в описываемых местах.*

Несмотря на довольно своеобразную религиозность жителей Кореньщины, о которой речь уже шла и еще пойдет позже, **костел** играл определяющую роль в их культурной жизни, задавая ритм выходных и праздников, а также осуществляя довольно активную хозяйственную деятельность. Инвентарь 1740 г. содержит подробное описание нового здания костела и находящегося рядом с ним двора ксендза — плебании. Костел был освящен в честь Успения Девы Марии (в описаниях XIX в. он выступает как посвященный *Wniebowzięciu Panny Maryi* или *Успению Божьей Матери*) и имел традиционную для деревянных культовых построек Беларуси архитектуру. Передний фасад украшала башня-звонница с железным крестом. Над основным помещением находилась меньшая башенка, также с крестом. Крыт был костел деревянными дощечками — *гонтами*.

Хозяйский двор ксендза состоял из усадьбы, обнесенной оградой с воротами, и отдельно расположенного гумна. Упомянута также принадлежавшая плебании водяная мельница (*млын*) на речке Бачиловке, основанная незадолго до того ксендзом Калиновским. В плебании находились жилой дом (*rum mieszkalny*), состоящий из двух изб с сенями между ними, комора, погреб, амбар (*свирен*) с пристроенными к нему пятью крестьянскими амбарами, пекарня, конюшня (*стайня*), пивоварня (*бровар*) с колодезем (*студней*) и несколько хлевов. Все постройки деревянные, крытые дранкой. В жилой избе стеклянные окна и изразцовая (*кафляная*) печь. Хозяйственные постройки вымощены плахами. В хлевах находилась живность: 2 коровы, 2 бычка-трехлетки, 1 теленок, 8 овец, 8 свиней, 10 кур.

В 1783 г. плебании принадлежали два пруда (*става*) при мельницах — в Копцах и Бачиловке (из них второй — пополам с именем Укроповичи). В инвентаре 1807 г., составленном по случаю передачи плебании новому ксендзу — Иозефу Валицкому, вступившему в должность после смерти Рафала Гзовского, описаны дворовые постройки, включавшие дом плебана, *свирен*, *бровар*, фольварк с током и овощным огородом, дом органиста и корчму. В описании костела за 1796 г. упоминается парафиальная школа, директором которой был органист Каспер Люторович. В ней числилось 6 учеников⁷⁰⁰. На приход, насчитывавший более 2 тысяч человек, это была капля в море. Не случайно в метрических книгах о браке, где свидетели новобрачных должны были ставить свои подписи, в большинстве случаев стоят крестики.

После секуляризации владений плебании в 1843 г. государственные чиновники, разбираясь с документами в ее архиве, пришли к выводу, что некоторые уголья незаконно попали в состав соседних имений Красный Бор и Укроповичи. В частности, крестьяне деревни Михалковичи захватили сенокосы в урочищах Осинник, Белая Лужа, Кут, Волковая Бяла и Прудок, а владелец Укропович помещик Валицкий — мельницу на реке Бачиловке, некогда основанную ксендзом Калиновским. Управление государственных имуществ в августе 1848 г. предъявило иск владельцам Красного Бора и Укропович. Однако четких доказательств управление госимуществ предоставить так и не смогло. Ситуация с мельницей

⁶⁹⁸ НИАБ. Ф. 319. Оп. 1. Ед. хр. 50. Л. 1358об.—1359.

⁶⁹⁹ НИАБ. Ф. 319. Оп. 1. Ед. хр. 50. Л. 1342об.—1343.

⁷⁰⁰ НИАБ. Ф. 147. Оп. 2. Ед. хр. 121. Л. 91—94 об.

осложнялась тем, что в начале XIX в. настоятелем Кореньской плембании был ксендз Иосиф Валицкий, являвшийся одновременно владельцем имения Укроповичи. После его смерти в 1820 г. в руках Ксаверия и Петра Тарасевичей, к которым перешли Укроповичи, оказалась и мельница в урочище Бачиловка, или Войцехов, но о том, кому она принадлежала ранее, у каждой из сторон было свое мнение. Свидетели утверждали к тому же, что мельница в Бачиловке была заново построена в 1826 г. взамен сгоревшей⁷⁰¹. Так или иначе, в ноябре 1855 г. Борисовский уездный суд отклонил иск, а в июне 1867 г. при рассмотрении апелляции это решение было оставлено в силе⁷⁰².

Вторым после костела центром общественной жизни Кореньщины была, очевидно, **корчма**. В ней крестьяне проводили свой досуг, справляли праздники. Но это традиционно воспринималось как мужское времяпрепровождение, что запечатлено даже в записанной А. Варлыгой поговорке: *Топор у карчму панёр, а сякера дома сядзела*⁷⁰³. О существовании корчмы впервые упоминается в акте фундации новооснованному костелу в 1591 г. Видимо, уже с этого времени в ней продавалась хлебная водка, которая вошла в употребление по всей Европе на протяжении XVI в. и вытеснила традиционные алкогольные напитки на медовой основе. Употребление пива, второго напитка из зерна, имело более ритуальный характер по причине особенностей технологии приготовления (оно варилось в больших котлах вместимостью в десятки литров) и короткого срока хранения. Поэтому пиво готовилось и сразу же потреблялось на праздниках, в которых участвовала вся деревня, или на свадьбах. Не случайно в повторном акте фундации в 1605 г. оговаривается, что крестьяне могут сами варить его для свадеб — это не могло составить конкуренции корчме, торговавшей непортящейся водкой.

В XVIII в. корчма находилась в деревне Михалковичи и сдавалась в аренду. Арендаторами были, как правило, евреи. В 1747 г. еврей-корчмарь, державший волоку земли, платил аренды 96 злотых. В 1781 г. корчмарь платил уже 200 злотых, что свидетельствует о росте оборота и неплохих доходах.

Еще одна корчма не позднее 1780 г. появилась во владениях плембании. Первоначально она размещалась в урочище Копцы на южной окраине Кореньщины. Вероятно, конкуренцией между этими двумя питейными заведениями объясняется конфликт, о котором сообщает жалоба плебана Кореньского костела Яна Бобровича на держателя престимония Михалковичи каноника Игнатия Климантовича⁷⁰⁴. В ней говорится, что 7 сентября 1780 г. подданные деревни Михалковичи (очевидно, по указанию или с ведома каноника) напали на корчму в Копцах, арендуемую евреем Моцкой Ароновичем. Там они забрали из *бровара* пивные котлы и другую утварь, при этом едва не убили самого арендатора.

На момент визитации костела в 1783 г. плебанская корчма находилась уже в селе Корень, недалеко от здания костела. Она представляла собою деревянную постройку, крытую *драницами*. Рядом с ней арендатор Гершон за свой счет построил две избы, свирен, гумно и хлева. В инвентаре 1804 г. вновь фигурирует эта же корчма и ее арендатор — Гирша Гершонович, контракт с которым был заключен в апреле того года. Судя по всему, это сын прежнего арендатора, т. е. корчемный бизнес переходил по наследству в данной еврейской семье. Помимо дохода с корчмы Гирша пользовался пустошью из состава дворной земли, за которую платил 50 злотых. Этот же *жид Гирш арендар* упомянут и в инвентаре 1807 г. Не исключено, что именно его имя оказалось увековеченным в поговорке, услышанной А. Варлыгой спустя столетие: *Ня будзя Гірша, дык будзя чорт інышы*.

О местонахождении хозяйственных построек трех капитульных престимониев в XVIII в. сведений нет. Вероятно, двор престимония Прудки располагался рядом с одноименной деревней, Великий Корень — рядом с деревней Михалковичи, а Малый Корень — поблизости от урочища Копцы, на месте основанной впоследствии усадьбы имения Красный Бор. В актах капитула за 1797 г. приводится перечень утраченных владений, среди которых фигурируют престимоний каноника Игнатия Климаньского — Великий Корень, престимоний Якуба Дедерки — Прудки, престимоний Никодима Пузыны — Корень или Красный Бор⁷⁰⁵.

По данным Экономических примечаний 1800 г., в имении Красный Бор находились одноименный фольварк (в нем 3 души мужского пола и 3 — женского, принадлежавшие к сословию служилой шляхты) и 10 селений, включая фольварк Копцы с мельницей, мельницу при деревне Городец, кирпичный завод при деревне Михалковичи. Этот завод нигде больше не упоминается, но вместо него вскоре появилось новое предприятие — сукновальня. Она фигурирует в инвентарном описании

⁷⁰¹ НИАБ. Ф. 147. Оп. 2. Ед. хр. 121. Л. 51, 237об.

⁷⁰² НИАБ. Ф. 147. Оп. 2. Ед. хр. 121. Л. 236—242.

⁷⁰³ В этой поговорке обыгрывается синонимичность слова «топор» (мужского рода), заимствованного из русского языка, и исконно белорусского слова «сякера» (женского рода), обозначающего тот же предмет.

⁷⁰⁴ ОРБАНЛ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 10743.

⁷⁰⁵ ОРБАНЛ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 244. Л. 336.

Кореньского костела за 1822 г.⁷⁰⁶, которое включает перечень всех населенных мест с указанием количества дворов и прихожан. Среди прочих упомянута *фабрика Сукення*, где числилось 30 прихожан, из них 8 детей, еще не бывших на исповеди.

Эта фабрика, основанная около 1817 г., занималась, судя по названию, производством сукна из овечьей шерсти. Работали на ней крепостные и дворовые люди имения Красный Бор, там же они и жили со своими семьями. В метрических книгах за 1818–1823 гг. Сукення неоднократно указывается как место рождения детей в шести семьях: Онуфрия Хотько, Андрея и Иосифа Заборонько (в ревизии 1816 г. все они упомянуты как дворовые люди), Адама Драча или Воронько (в 1816 г. неоседлый при деревне Михалковичи), Лаврина Соколинского и Казимира Единовича (в 1816 г. дворохозяева в деревне Чернево). Там же в 1822 г. умер 21-летний Давид Ясюкевич, переведенный из имения Ганевичи. С 1825 г. местом рождения детей в указанных семьях выступает Красный Бор, а Казимир Единович в ревизии 1834 г. вновь отмечен в деревне Чернево. Лишь один из детей Андрея Заборонько в 1830 г. вновь отмечен как рожденный в Сукенне, но местом его смерти в следующем году указана деревня Жирблевичи, а к моменту ревизии 1834 г. семья Андрея была временно переведена на службу в имение Славечна на Украине (как и семья Онуфрия Хотько). Видимо, и этот эксперимент И. Неплюева с крепостным фабричным производством оказался неудачным, и вскоре после его смерти фабрика прекратила существование.

Новый владелец Красного Бора гвардии полковник К. Чудовский, вступив во владение имением в 1826 г., нашел другой способ увеличить его доходность. С этой целью он наладил производство смолы на продажу. Сырье для ее производства (смолистая сосновая древесина) в имении имелось в избытке. Проблема заключалась в том, чтобы организовать заготовку лучины с наименьшими затратами. Чудовский решил эту проблему просто: перенацелил на это шестинедельную норму барщины (т. е. по 24 дня с каждого двора). На 12-й день каждый из 153 дворов имения Красный Бор обязан был предоставить по *шурке* (штабелю) смоляков, т. е. всего по 2 вязанки в год. Длина штабеля должна была составлять 3 локтя, высота и ширина — по 2,5 локтя. Всего с подданных имения причиталось 306 таких шурок, что позволяло выгнать 51 бочку смолы (по 6 шурок на бочку). Кроме того, крестьяне могли заготавливать лучину сверх нормы, которую им предписывалось продавать исключительно владельцу имения по цене 5 злотых⁷⁰⁷ за шурку. Оплата этих сверхнормативных шурок осуществлялась не деньгами, а натурой — сукном, солью и водкой. Контроль за заготовкой лучины исполняли назначенные из числа крестьян три *смоловых писаря*: Якуб Лойковский (отвечал за выполнение повинности жителями Прудков, Козырей и Селища), не названный по имени Кухаронок (Черехи, Чернево и Громница) и Михалко Высоцкий (Лищицы, Жирблевичи и Михалковичи). Ежедневно они должны были рапортовать о количестве заготовленных вязанок⁷⁰⁸.

Недовольные новой повинностью крестьяне попытались апеллировать к властям. Уже 29 июня 1827 г. уездный маршалок Свида писал губернскому маршалку Леону Ошторпу⁷⁰⁹, что до него дошли жалобы на введение в имении полковника Чудовского (названном в документе *Копцы*) новых, крайне обременительных для крестьян повинностей. Маршалок лично посетил имение, но помещика на месте не оказалось (он находился в Варшаве, да и вообще редко навещался в Красный Бор). Сообщение урядника о том, что заготовка штабеля смоляков засчитывается за 6 дней панщины, маршалка полностью удовлетворило, и он распорядился лишь о применении умеренных наказаний за неисполнение повинности.

Это решение не могло, естественно, удовлетворить крестьян. Они воспользовались содействием войта государственного имения Гайна, который 12 марта 1829 г. подал повторную жалобу в уездный земский суд. В переписке уездного и губернского маршалков пересказывается ее содержание⁷¹⁰. В ней утверждалось, что помещик запрещал крестьянам обрабатывать собственные наделы до тех пор, пока они не рассчитаются со смоляной повинностью. Крестьяне вынуждены были тайно работать на своих наделах, но рыскавшие по полям дозоры хватили их и силой отправляли на смолокурню. Из-за этого в имении оставалось не более 50 дворов, в достаточной мере обеспеченных хлебом. К работе привлекались даже *соуцкие* и *десяцкие*, вследствие чего они не могли должным образом исполнять свои обязанности. Вдобавок крестьяне обвинили Чудовского в изнасиловании 12 девушек, список которых прилагался.

Чем окончилось обвинение в изнасилованиях, которое должен был рассматривать уездный суд, выяснить не удалось. Что касается экономического притеснения, то этот вопрос вновь разбирался уездным маршалком Свидой. Он вторично

⁷⁰⁶ НИАБ. Ф. 1781. Оп. 27. Ед. хр. 377. Л. 28—41.

⁷⁰⁷ В западных губерниях Российской империи злотый долго оставался счетной денежной единицей. Он приравнивался к 10 российским копейкам.

⁷⁰⁸ НИАБ. Ф. 147. Оп. 2. Ед. хр. 121. Л. 17—18.

⁷⁰⁹ НИАБ. Ф. 320. Оп. 1. Ед. хр. 74. Л. 5—5об.

⁷¹⁰ НИАБ. Ф. 320. Оп. 1. Ед. хр. 74. Л. 6—14.

приехал в имение и опять не застал его владельца. Опрошенные крестьяне, сотники и десятники единодушно жаловались, что вынуждены от воскресенья до воскресенья работать на смоляной фабрике, корчевать в лесу пни, заготавливать и носить лучину, из-за чего не могут обрабатывать собственные наделы. Однако краснороссийский урядник Михаил Гронковский заявил, что крестьяне чрезмерного притеснения не испытывают, а в случае нехватки хлеба могут получить его из запасного магазина. В итоге маршалок нашел единственное нарушение: несоблюдение указа Правящего Сената от 14 июня 1823 г., который предписывал *приготовление лучины на смолу и бересты на деготь раздавать крестьянам не иначе как по сделанному начальством расчислению*. Он велел под подпись ознакомить Гронковского с сенатским указом, после чего доложил губернскому маршалку, что в имении *не оказалось никакого притеснения крестьян*.

Введенная К. Чудовским смоляная повинность была настолько обременительной для крестьян, что воспоминание о ней сохранялось на протяжении нескольких поколений в форме предания о *смоле*, записанного А. Варлыгой. В ту пору большой популярностью у жителей Кореньщины пользовался монах-доминиканец из соседнего Хотаевичского монастыря по прозвищу Белеуш (его прозвище А. Варлыга связывает с юбилейными мероприятиями — по-польски *юбилеушами*, проводимыми католической церковью в 1825 г.). Этот монах, видимо, пережил клиническую смерть (*будто бы уже умер, а потом ожил*), после чего у него открылся дар пророчества. Его предсказаниям жадно внимали, некоторые начали под их влиянием бродяжничать и юродствовать, т. е. наблюдались характерные приметы массовой истерии. На дорогах ставились *Белеушевы кресты*, которые также становились объектами поклонения.

Одно из пророчеств Белеуша гласило: *Придут к вам хозяева. Они будут из вас смолу гнать, а вы будете их панами называть*. Это пророчество вскоре исполнилось, и под его впечатлением ужесточение эксплуатации, наблюдавшееся в последние десятилетия крепостного права, получило в народе название *смола*. Как пишет А. Варлыга, *крестьяне тогда были неграмотными и поэтому не могли пользоваться какими-либо «эрами» календарного летоисчисления, а большие отрезки времени своей истории обозначали по выдающимся событиям своей жизни. Время «смолы» в крестьянских преданиях сочетается с эпохой царя Николая I. О событиях, происходивших до 1825 года, говорилось, что это было еще «до смолы», а про позднейшие говорилось, что это уже было «за смолой»*.

Конкретный повод для появления названия *смола* к началу XX в. осознавался уже смутно, и это название связывалось крестьянами с ужесточением крепостничества в целом. В памяти людей остались воспоминания о том, что многих крестьян новый помещик отправлял в Россию на лесные и земляные работы, которые продолжались годами. Многие из них умерли на чужбине. Все это происходило на фоне неурожая и эпидемий. Участились случаи побегов, когда люди бросали свое хозяйство и отправлялись бродяжничать. В мироощущении доминировали мрачные тона. Приведу дословно еще один фрагмент из очерка А. Варлыги: *Во время «смолы» люди стали более суеверными и боязливыми. Рассказывали, что в деревне стал являться какой-то призрак. Ночью из кустов старого кладбища, что было в конце деревни, выходила женщина в белом. Она медленно шла улицей и протяжно кричала: «Лихо! Лихо! Лихо!»... И так почти каждую ночь. Этот призрак наводил страх на людей. Крестьянин Жилинский однажды ночью сел под забором, тут выходит это привидение с кладбища и кричит: «Лихо!» Тогда он бросился ему наперерез, а привидение пустилось наутек и при этом выкрикнуло: «Было лихо, а стало хуже!» После этого призрак больше не появлялся*.

В качестве комментария к этому сообщению можно отметить совпадение криков таинственного существа с возгласом, характерным для женщин, подверженных массовым формам коллективной истерии — так называемого *кликушества*. Специально исследовавший это явление в конце XIX в. русский врач Н. Краинский отмечал: *Кликушество, начиная с XVI века по настоящее время, составляет явление русской народной жизни, игравшее и играющее в ней далеко не последнюю роль. Несмотря на значительный прогресс, имевший место за последние десятилетия в культуре русского народа, кликушество и в настоящее время проявляется в той форме, как оно нам известно по литературным источникам XVI и XVII века. Эта типичная форма проявлялась в том, что женщина начинала кричать на голоса, издавая разные бессвязные звуки, всхлипы и вопли или же выкрикивая определенные слова. Содержание выкрикиваемых слов весьма различно. Чаще всего она кричит: «Ой, лихо мне, ой тяжело, страда-а-аю» и т. д.⁷¹¹ Припадок кликушества, часто сопровождаемый катанием по земле и неконтролируемыми движениями, мог длиться от 10 минут до 2–3 часов.*

⁷¹¹ Краинский Н. Порча, кликуши и бесноватые как явление русской народной жизни. — Новгород, 1900. С. 213—214. Цит. по: Бехтерев В. М. Гипноз. — Донецк, 1999. С. 228—230.

Приводя эти описания, психиатр В. Бехтерев дополнил их собственными наблюдениями о том, что *кликунши, по крайней мере в моих случаях, обнаруживали амнезию всего припадочного состояния*⁷¹². Эта черта перекликается с широко известным явлением сомнамбулизма (хождения во сне), при описании которого тот же В. Бехтерев прямо отмечает: *В известном родстве с естественным сомнамбулизмом стоит и такой невроз, как истерия, припадки которой также представляют собой сноподобные состояния и даже как бы патологические состояния сна*⁷¹³. Вероятно, зафиксированный А. Варлыгой рассказ отражает реальный эпизод, в котором фигурировала женщина, страдающая сочетанием кликушества и сомнамбулизма (отсюда и белое одеяние — сорочка, в которой она бессознательно вставала с постели по ночам).

В преданиях довольно точно запечатлелись и некоторые другие реалии — например, тот факт, что в 1830-е гг. массовой стала отдача собственниками и арендаторами белорусских имений своих крепостных внаем. По этому поводу даже было принято решение Государственного совета «Об отдаче белорусскими помещиками крестьян их по найму в земляные и другие черные работы», утвержденное царем Николаем I 29 мая 1835 г.⁷¹⁴ В нем предписывалось обязательное заключение контракта с указанием платы (как помещику, так и крестьянам), количества и продолжительности рабочих дней, бытовых условий и питания работников. На помещиков налагалось ограничение — отдавать внаем не более половины работников в возрасте от 20 до 48 лет. В ревизской сказке 1834 г. более 20 человек значатся как находящиеся на службе за пределами имения. Среди них были три или четыре семейные пары, три вдовы с дочерьми, три незамужние девицы в возрасте около 30 лет, один 58-летний вдовец, один 34-летний холостяк, два 20-летних парня и 12-летний брат одного из них.

Статистическое описание, датированное 4 ноября 1855 г., описывает постройки помещицей усадьбы в Красном Бору — деревянный жилой дом, флигель с кухней, конюшня, сарай, каменный ледник с деревянной пристройкой, сельский хлебный магазин, винокурный завод. В имении функционировали две корчмы — в Михалковичах и при мельнице в урочище Городец (из этого можно заключить, что остальные корчмы, упомянутые в инвентаре 1846 г., просуществовали недолго). Мельница приносила 800 руб. серебром годового дохода. Крестьяне, как указывалось в описании, фабричной и ремонтной промышленностью не занимаются, живут за счет хлебопашества и работы по найму.

Дела в имении Красный Бор шли далеко не блестяще — впрочем, как и в большинстве помещичьих хозяйств Беларуси, пораженных во второй четверти XIX в. глубоким кризисом. В советской историографии он получил название *общего кризиса феодально-крепостнической системы*. Через десять лет после приобретения имения, 18 августа 1836 г., К. Чудовский заложил его в Санкт-Петербургском опекуновом совете под обеспечение взятого им на 37 лет займа в размере 165300 руб. ассигнациями и *надбавочных* 55100 руб.⁷¹⁵ Не выкупая из залога, его брат и наследник Алексей 9 декабря 1846 г. за 2000 руб. отдал это имение в аренду на 12 лет помещику Людвигу Ковалевскому, который в 1848 г. перезаложил его Герминии Чудовской, а та еще годом позже — Фортунелию Щитту⁷¹⁶. О типичности этой ситуации свидетельствует тот факт, что к 1857 г. в Минской губернии около 60% помещичьих крестьян находились в залоге под займы своих владельцев⁷¹⁷.

⁷¹² Бехтерев В. М. Гипноз. С. 230.

⁷¹³ Бехтерев В. М. Гипноз. С. 36.

⁷¹⁴ Нарысы гісторыі Беларусі: У 2 ч. Ч. 1. — Мн., 1994. С. 278.

⁷¹⁵ НИАБ. Ф. 146. Оп. 2. Ед. хр. 1778. Л. 4.

⁷¹⁶ НИАБ. Ф. 146. Оп. 2. Ед. хр. 1778. Л. 21.

⁷¹⁷ Доўнар-Запольскі М. В. Гісторыя Беларусі. — Мн., 1994. С. 320.

Часть четвертая
Традиция и модернизация

Отмена крепостного права

Общественное устройство, основанное на рабском труде крепостных, к середине XIX в. доказало свою нежизнеспособность. В 1861 г. российские власти вынуждены были пойти на реформу, отменившую крепостное право. В этой связи 19 февраля 1861 г. император Александр II издал манифест. Одновременно принято и положение о порядке предоставления крестьянам личной свободы. Для практического осуществления реформы и надзора над крестьянским самоуправлением вводились новые должности государственных чиновников — *мировых посредников* (как правило, из числа местных помещиков). На уровне уезда они образовывали съезд мировых посредников, который подчинялся *губернскому по крестьянским делам присутствию*. В течение двух лет после издания манифеста мировым посредникам надлежало составить в каждом имении *уставные грамоты*, которые закрепляли бы количество, размеры крестьянских наделов и устанавливали порядок их постепенного перехода в собственность крестьян на условиях выкупа земли у помещиков.

Обнародование условий реформы проводилось в церквях и костелах в присутствии полиции. Большого энтузиазма она не вызвала, поскольку крестьянам обещали (и то не сразу) только личную свободу, а свою землю они должны были постепенно выкупать у помещика. Особое недовольство крестьян вызвал двухгодичный переходный период, который предусматривался манифестом, — они ожидали немедленного освобождения. Но на Кореньщине от объявления реформы до ее непосредственного начала прошел год. **Уставная грамота** имения Красный Бор, все еще принадлежавшего помещику А. Чудовскому, была составлена 8 марта 1862 г.⁷¹⁸ Вместе с имением Ганевичи его территория образовала Красноборскую волость, в которой создавались 14 сельских обществ.

Отныне за крестьянами на постоянный срок закреплялись их наделы по состоянию на 1861 г., которые подлежали обязательному выкупу в рассрочку, на протяжении 49 лет. Они освобождались от шарварков, семидневного сторожества, ночного караула и натуральных податей. Отработочные повинности в виде барщины, сгонов и подвод сохранялись, хотя барщина и уменьшалась на 27 дней. В дальнейшем предполагалось постепенно заменить ее денежным оброком. За основу для расчета его суммы брался наделный участок в 13,3 дес. (14,5 га), состоявший из 1 дес. усадебной земли, 9 дес. пашни, 3 дес. 792 сажени сенокосов. Кроме того, учитывались пастбища, находившиеся в общем пользовании, из расчета примерно по 1,7 дес. на двор. Отработочные повинности, причитавшиеся с такого участка (94 упряжных и 118 пеших дней в год), пересчитывались в денежном эквиваленте из расчета 15 коп. за упряжный и 10 коп. за пеший день, а за транспорт — из расчета 75 коп. за 100 верст. В сумме это давало 29 руб. 55 коп. в год, или 1 руб. 97 коп. за 1 десятину надела. Общая стоимость земли, подлежащей выкупу, определялась так, словно бы крестьяне взяли ее в кредит и должны были расплачиваться ежегодными платежами с учетом 6% годовых. При этом полная цена выкупа 1 дес. составила 32 руб. 83 коп., т. е. за участок в 13,3 дес. предстояло за 49 лет выплатить 436,6 руб. Вряд ли эта сложная система расчета была доступна крестьянам. В массе своей они понимали только, что ежегодно им предстоит платить значительные суммы.

Все леса оставались в собственности помещика. Крестьяне могли заготавливать дрова с его письменного разрешения по пятницам и субботам в октябре — ноябре, а вывозить — по этим же дням в декабре — феврале. С 1 марта по 1 октября вход в лес для них запрещался. Стоимость кубической сажени дров определялась в 50 коп. серебром, причем разрешалось погашать ее отработкой, но из расчета 30 коп. за упряжный день и 20 коп. — за пеший.

Одновременно проведена работа по составлению именного списка дворохозяев, получивших землю. Всего в нем фигурируют 146 хозяйств, наделенных полевыми участкам в размере 13,3 дес., и 5 огородников (имевших только по 1 дес. усадебной земли). При составлении уставной грамоты в деревню Жирблевици переселены двое дворовых людей — Данило и Яков Кункевичи. Было также принято решение переселить в деревню Громница Доминика Балцевича, состоявшего дворовым сторожем и жившего на *односельи* (хуторе) в урочище Залесье. Отдельно составленный список батраков, не имевших собственного хозяйства, включал 21 семью (27 душ мужского пола). Из них 2 человека значились в бегах. Помимо этого еще 8 батраков (из бывших дворовых людей) находились на службе в имении Славечна Волынской губернии.

Однако прежде, чем крестьяне успели приступить к выплате выкупных платежей, грянули события, заставившие власти изменить ход реформы в белорусских и литовских губерниях. На территории Польши, Литвы и Беларуси вспыхнуло **восстание**, имевшее целью возрождение независимой Речи Посполитой. Его главную силу составляло местное дворянство, многие представители которого являлись офицерами царской армии. Успех восстания в значительной степени зависел от того, чью сторону примет крестьянство, составлявшее основную массу населения мятежных губерний. Поэтому и повстанцы, и

⁷¹⁸ НИАБ. Ф. 242. Оп. 2. Ед. хр. 392. Л. 158—164 об.

правительственные органы развернули активную агитацию. Первые убеждали крестьян, что им нечего надеяться на милость, спущенную сверху, — подлинной свободы они смогут добиться только сами, осознав свои интересы. Правда, помимо общих лозунгов, революционные агитаторы не предлагали конкретной программы улучшения жизни крестьян. Правительство со своей стороны разъясняло, что помещики, якобы недовольные отменой крепостного права, восстали, чтобы вернуть прежнюю власть над своими крестьянами. Для массового сознания этот аргумент был гораздо более доходчивым. Это в сочетании с традиционными для крестьянства монархическими воззрениями предопределило его позицию.

Нет сведений о том, что агитаторы повстанцев действовали на территории Кореньщины. Однако не исключено, что ее достигли отголоски события, имевшего место по соседству. В начале 1863 г., когда в Польше восстание уже разгоралось, 23-летний прапорщик М. Цюндзевицкий, сын владельца имения Вильяново Борисовского уезда, находился дома в четырехмесячном отпуске. Одевшись в тулуп и шапку, он разъезжал по имениям уезда, пытаясь агитировать крестьян. Одна из таких попыток произошла в корчме при деревне Камень (примерно в 15 км от Кореньщины). Угостив водкой крестьян, справлявших там крестины, Цюндзевицкий стал читать им революционный листок — вероятно, издаваемую подпольной типографией «Мужицкую правду». Крестьяне, однако, сообщили о нем властям. Молодого офицера арестовали и приговорили к расстрелу⁷¹⁹.

Кореньщину не затронули также и боевые действия. Имеются сведения о действиях на территории Борисовского уезда лишь двух повстанческих отрядов, один из которых прошел в апреле 1863 г. примерно в 15 км севернее, через Нестановичи, Метличицы, Деделовичи и Мстиж, другой — значительно южнее, в районе Смолевич⁷²⁰.

Значительно большее воздействие на жизнь Кореньщины оказали изменения в политике властей, последовавшие за подавлением восстания. Пытаясь сохранить лояльность белорусского крестьянства, правительство по инициативе виленского генерал-губернатора М. Н. Муравьева (которому подчинялась и Минская губерния) изменило условия освобождения крестьян в западных губерниях. Высочайшим указом от 1 марта 1863 г. отработочные повинности отменялись, а все крестьяне переводились на денежный оброк. Сумма его была снижена на 20% по сравнению с первоначальными расчетами. С 1 мая того же года крестьяне признавались собственниками наделных земель. Они получили также право пользоваться некоторыми из угодий, оставшихся в собственности помещиков (*сервитутами*). Главным образом это касалось пастбищ. Согласно указу от 2 ноября 1863 г. в белорусских губерниях начали деятельность поверочные комиссии, которые пересматривали условия уставных грамот и возвращали крестьянам земли, отрезанные у них после составления обязательных инвентарей 1840-х гг., а также предоставляли наделы безземельным хозяйствам.

Очередь на возобновление реформы в имении Красный Бор на основании указа от 2 ноября 1863 г. дошла в следующем году. **Протокол Борисовской уездной поверочной комиссии**, датированный 27 августа 1864 г., констатировал, что на основании инвентаря 1846 г. от крестьянских наделов в 1854 г. были отрезаны все земли, превышавшие 13,3 дес. на двор, что в итоге составило значительные земельные массивы. Владелец имения А. Чудовский согласился с этим и выразил готовность по желанию крестьян сделать из запасных земель прирезку до размеров их прежнего надела. В результате общая площадь наделов увеличилась до 2956,8 дес., а с учетом 328 дес. пастбищ и 188 дес. зарослей и прочих неудобий — примерно до 3466 дес. Вновь наделались землей 7 хозяйств (из них 2 отставных солдата, 4 молодые семьи, ранее хозяйствовавшие вместе с родителями, и 1 бывший батрак, получивший огородный надел). Общее число хозяйств увеличилось таким образом до 157⁷²¹.

Средний размер надела после прирезки должен был составить 18,8 дес. на двор. На душу мужского пола (согласно данным ревизии 1858 г.) приходилось около 5,3 дес. Обеспеченность землей по разным деревням сильно варьировала. В Михалковичах она почти не увеличилась — 13,8 дес. на двор (3,9 на душу мужского пола). В Черневе средняя величина надела достигла после прирезки 14,2 дес. (4,1 на душу), в Терехах — 18,4 (4,3), в Прудках — 21,2 (5,2), в Жирблевичах, включая 1 огородника, — 20 (5,4), в Лишицах, включая 4 огородников, — 16,6 (5,8), в Громнице — 22,7 (7,8), в Козырях — 26,4 (7,8).

При проверке суммы оброка комиссия отметила, что земля в имении песчаная, каменистая. Озимую пшеницу на ней не сеют, яровую сеют только на хорошо унавоженных участках. Урожай ржи, согласно показаниям крестьян, оценивался в 1–2 зерна (что при норме высева 0,9 ц/га означало всего около 2 ц/га). Укос с наделных сенокосов (преимущественно болотных) составлял в Жирблевичах по 90 пудов (6 возов при весе воза 16 пудов, или 2,6 ц), в Лишицах и Прудках — по 120 пудов, в Михалковичах — 75, в Громнице — 100, в Терехах — 120, в Козырях — 104. Помещик не согласился с этой оценкой, заявив, что обычный урожай зерновых составляет 4–5 зерен, а укос — по 225–300 пудов, что позволяет некоторым хозяйствам

⁷¹⁹ Восстание 1863—1864 гг. в Литве и Белоруссии. — М., 1965. № 235. С. 422.

⁷²⁰ Восстание 1863—1864 гг. в Литве и Белоруссии. № 234. С. 421—422.

⁷²¹ НИАБ. Ф. 242. Оп. 2. Ед. хр. 393. Л. 5—18.

содержать по 30–40 голов скота. Крестьяне, заинтересованные в уменьшении платежей, стояли на своем. Комиссия пришла к соломонову решению, что урожаи зерновых следует оценивать в 3 зерна (т. е. около 2,7 ц/га).

В итоге оброчные платежи все же значительно снизились. Их сумма, ранее уже сокращенная по указу от 1 марта 1863 г. с первоначальных 29 руб. 55 коп. до 23 руб. 2 коп. в год, устанавливалась теперь в разных деревнях в пределах от 6 руб. 38 коп. (за надел размером в 13,3 дес.) до 19 руб. 16 коп. (за самый крупный надел в 35,5 дес., который получил Иосиф Францев Стасюлевич из деревни Громница). На основании оценки качества земель сумма платежей с 1 дес. была определена в деревнях Жирблевичи и Терехи в 42 коп., в Михалковичах и Козырях — 48 коп., в Громнице, Лищихах, Прудках и Черневе — 54 коп. Общая сумма оброка с имения, составлявшая первоначально 4237 руб. 15 коп. и после 20-процентного снижения уменьшенная до 3396 руб. 92 коп., по решению поверочной комиссии сократилась до 1455 руб. 76,5 коп. в год.

В протокол было вписано заявление помещика о том, что он не согласен со столь низкой суммой выкупа и намерен подать протест в губернское присутствие. Это намерение А. Чудовский вскоре исполнил, и его жалоба, датированная 28 сентября 1864 г., приобщена к тому же делу в фонде присутствия по крестьянским делам⁷²². В ней он повторяет те же аргументы о средней урожайности в 4–5 зерен и добавляет, что по экономическим книгам имения она составляет даже 6,5 зерна. Крестьяне имеют в запасном магазине до 1700 четвертей зерна и никогда ни прибегают к его покупке. Между тем, как отмечает помещик, при трехпольном севообороте и урожае в 2–3 зерна они не смогли бы прокормиться. Сбор сена тоже занижен, о чем должны свидетельствовать данные о количестве скота из несохранившегося инвентаря 1858 г., приведенные в жалобе Чудовского. Тогда на 270 хозяйств (очевидно, в обоих имениях — Красном Бору и Ганевичах вместе) будто бы насчитывалось 4800 голов крупного рогатого скота (17,8 на хозяйство), численность которого с тех пор еще более возросла. Судить же о качестве сенокосов по нынешнему необыкновенно дождливому лету было, по мнению Чудовского, неправильно.

Далее он отмечал, что крестьяне заявили поверочной комиссии об отсутствии у них дополнительных заработков. Между тем они регулярно нанимаются на вывозку леса и зарабатывают на этом за зиму по 40–50 руб. Кроме того, есть возможность наняться на работу и в самом поместье, причем плата за пеший день составляет 30 коп., а за упряжный — 40, так что трудолюбивый хозяин в год может заработать 40–50 руб. дома. Комиссия также указала плату за наем 1 дес. пашни в 50 коп., а сенокоса — 1 руб., не отметив, что эти цены относятся к запасным землям низкого качества, расположенным вдали от селений. Цена же за надельную землю, по мнению Чудовского, вполне соответствует прежней сумме оброка в 20 руб. за надел в 13,3 десятины, что с учетом 2 зимних транспортов и 12 рабочих дней (сгонов) летом дает примерно 1 руб. 50 коп. за десятину пашни и 2 руб. — за десятину сенокоса.

Сумма оброка, за которую так настойчиво сражался Чудовский, все равно не попадала в его руки, так как имение было заложено в Санкт-Петербургской сохранной казне (бывшем опекуном совете). Оброк перечислялся туда на погашение долга. При этом ежегодные платежи не покрывали даже проценты по займу. Так, за 1862–1863 гг. выплачено 7317 руб., тогда как проценты за это же время составили 7426 руб.⁷²³ Отсюда становится понятной озабоченность помещика: более чем двукратное уменьшение суммы оброка, определенное поверочной комиссией, вообще лишало его надежды расплатиться с долгом.

Выкупной акт на имение Красный Бор был окончательно составлен поверочной комиссией 8 декабря 1865 г.⁷²⁴, однако сумма оброка в нем оставалась прежней — 1455 руб. 76,5 коп. Это означает, что жалоба Чудовского осталась без последствий. Несколько увеличилась площадь общинных сельхозугодий. Структура наделов в окончательном виде отражена в таблице 44.

В среднем на один двор крестьяне получили в пересчете на гектары по 1,16 га усадебной земли, 13,7 га пашни, 5,7 га сенокосов, 2,05 га пастбищ и неудобий. При оценке численности населения около 1500 человек, на одну душу приходилось 1,55 усадебной и пахотной земли, 0,9 га прочих угодий, в сумме около 2,5 га обрабатываемой земли.

Кроме того, несколько крестьян получили в дар от помещика существенные дополнения к своим наделам. В частности, 31 августа 1865 г. Чудовский за *прошлые заслуги* подарил одному из своих бывших крестьян, Ивану Емельянову Ясюкевичу из Громницы, дополнительный земельный участок в размере 16 дес. пашни и 6 дес. сенокоса из состава помещичьих земель. Тогда же другой крестьянин, Николай Яковлев Лойковский из Прудков, получил 9,1 дес. пашни и 3,4 дес. сенокоса. В ноябре 1865 г. Чудовский выдал еще 4 дарственные на земельные участки, которыми он одарил Ивана, Семена и Алексея Михайловых Лисов из Козырей и Ивана Яковлева Лойковского из Лищих. Первый из них в дополнение к наделу получил 15

⁷²² НИАБ. Ф. 242. Оп. 2. Ед. хр. 393. Л. 19–27 об.

⁷²³ НИАБ. Ф. 242. Оп. 2. Ед. хр. 392. Л. 134.

⁷²⁴ НИАБ. Ф. 242. Оп. 2. Ед. хр. 392. Л. 32.

дес. пашни и 5 дес. сенокоса, второй — 14 дес. пашни и 10 дес. сенокоса, третий — 3 дес. пашни, четвертый — 3 дес. пашни и 1 дес. сенокоса⁷²⁵. Всего, таким образом, 6 хозяйств получили 85,5 дес. земли, которая в последующем земельном учете не смешивалась с надельной и фигурировала в категории *дарственной* земли.

Т а б л и ц а 44. Распределение надельных земель имения Красный Бор согласно акту поверочной комиссии 1865 г. (в десятинах)

Деревня	Число дворов	Усадебная земля	Пахотная земля	Сенокосы	Пастбища	Неудобицы	Всего	В том числе надел
Громница	20	20,0	295,8	111,3	49,7	16,8	493,6	427,1
Жирблевичи	16	19,0	236,2	96,3	37,6	19,7	408,8	351,5
Козыри	15	15,0	267,6	113,5	43,9	37,4	477,4	396,1
Лищицы	17	17,0	180,1	84,8	38,5	44,2	364,6	281,8
Михалковичи	30	31,0	267,4	113,4	64,0	48,9	524,7	411,8
Прудки	22	30,0	292,5	138,2	62,6	19,4	542,7	460,7
Терехи	24	22,0	315,0	112,0	80,7	54,4	584,4	449,0
Чернево	13	13,0	117,0	55,1	28,0	8,8	221,8	185,1
Итого	157	167,0	1971,5	824,5	405,0	250,0	3618,0	2963,1

Материалы о наделении землей бывших государственных крестьян Корень и Нарбутова гораздо более скудны. Видимо, в руках крестьян остались в основном те наделы, которые фигурируют в акте люстрации и посемейном списке за 1850 г. (11 хозяйств в Корене и 4 — в Нарбутове, на них приходилось 252 дес. пашни и сенокосов, 12 дес. пастбищ). Несколько позже (вероятно, около 1865 г.) из лесного ведомства исключили земли, переданные под распашку крестьянам Гайненского сельского общества. В перечне этих земель упомянуты урочища Алтар, Гатовка и Бабья Лужа при деревне Корень, а также урочище без названия при деревне Нарбутово⁷²⁶. Земли, ранее занятые лесом, лесной порослью и пашней из-под леса, были перераспределены под пастбища (21,8 дес.) и неудицы (13,9 дес.).

С 1 февраля 1866 г. правительство объявило о принудительном выкупе надельных земель у помещиков. Последние получали выкупную сумму единовременно из государственной казны, а крестьяне должны были возвращать ее теперь уже уездному казначейству. Этой мерой окончательно упразднялась личная зависимость крестьян от бывших владельцев. Отныне им предстояло овладевать навыками самоуправления на сельских и волостных сходах. По случаю изменения характера выкупных платежей был составлен еще один список дворохозяйств, переходящих с 1866 г. на выплату в пользу государства⁷²⁷. В основном он повторяет данные списка, приложенного к протоколу поверочной комиссии от 27 августа 1864 г.

В связи с этим постановлением Минское губернское по крестьянским делам присутствие 12 марта 1866 г. еще раз рассмотрело материалы о выкупе земель по имению Красный Бор и пришло к выводу, что с момента фактического начала выплат (1 мая 1865 г.) по 1 января 1866 г. крестьяне внесли помещику оброк в сумме 5861 руб. 29,75 коп., тогда как по норме, установленной поверочной комиссией, с них причиталось за этот период всего 3907 руб. 67,5 коп. Поэтому было решено понизить общую сумму оставшейся выкупной ссуды на величину, переплаченную крестьянами. После этого она составила 22309 руб. 12 коп., а величина ежегодных выплат — 1338 руб. 54,75 коп.⁷²⁸ На одно хозяйство в среднем приходилось около 8,5 руб., или по 45 коп. за десятину надела. Благодаря переплате оставшиеся платежи оказались ниже, чем в среднем по губернии, где они составляли 67–68 коп. за десятину⁷²⁹.

В 1867 г. на выкуп перевели государственных крестьян, со времени люстрации находившихся на оброке. С этого момента они также переходили в разряд крестьян-собственников, и статус двух категорий крестьянства (государственных и помещичьих) окончательно уравнивался⁷³⁰. Тогда же бывшие государственные крестьяне влились в состав волостей. При этом Красноборская волость упразднялась. Территория имения Ганевичи вошла в Юрьевскую волость, а вся территория Кореньщины, включая принадлежащие отныне к Гайненскому сельскому обществу деревни Корень и Нарбутово, — в Гайно-Слободскую волость. Волостное правление разместилось в деревне Слобода бывшего имения Мурованый Двор, расположенной недалеко от южной границы Кореньщины (в 3 км юго-западнее Жирблевич). К этому времени произошло

⁷²⁵ НИАБ. Ф. 242. Оп. 2. Ед. хр. 393. Л. 1.

⁷²⁶ НИАБ. Ф. 242. Оп. 2. Ед. хр. 393. Л. 207 об.

⁷²⁷ НИАБ. Ф. 242. Оп. 2. Ед. хр. 392. Л. 202.

⁷²⁸ НИАБ. Ф. 242. Оп. 2. Ед. хр. 392. Л. 32.

⁷²⁹ Гісторыя сялянства Беларусі са старажытных часоў да нашых дзён: У 3 т. Т. 2. — Мн., 2002. С. 106.

⁷³⁰ Панютіч В. П. Социально-экономическое развитие белорусской деревни в 1861—1900 гг. — Мн., 1990. С. 31.

укрупнение сельских обществ, сохранившееся впоследствии на несколько десятилетий: деревни Жирблевичи и Михалковичи образовали Жирблевичское общество, Громница, Лищицы и Чернево — Лищицкое, Прудки, Терехи и Козыри — Прудчанское.

Завершающим штрихом в аграрной реформе стало оформление *данной* на землю крестьянам имения Красный Бор бывшей Красноборской, а затем — Гайно-Слободской волости, составленной 8 ноября 1868 г.⁷³¹ В этом документе указывается общее количество ревизских душ мужского пола — 561, включая 23 батраков. Земельные наделы крестьян трех сельских обществ распределялись со ссылкой на выкупной акт от 8 декабря 1865 г., но цифры по деревне Козыри иные: вместо прежних 267,6 дес. пашни значилось 206,6, т. е. на 61 десятину меньше. Слегка изменилась также величина усадебной земли в деревне Терехи: вместо 22,4 дес. указано ровно 22 дес. Трудно сказать, явилось ли это следствием исправления ошибки или вызвано какими-то пертурбациями в распределении земли между помещиком и крестьянами.

На основании этих данных, а также материалов люстрации Кореня и Нарбутова можно определить величину сельскохозяйственных угодий в расчете на дворохозяйство (без учета запасной земли) (таблица 45).

Т а б л и ц а 45. Обеспеченность наделной землей в расчете на хозяйство (в гектарах)

Деревня	Число дворов	Усадебная	Пахотная	Сенокосы	Пастбища	Неудобицы	Всего	В том числе надел
Громница	20	1,1	16,1	6,1	2,7	0,9	26,9	23,3
Жирблевичи	16	1,3	16,1	6,6	2,6	1,3	27,8	23,9
Козыри	15	1,1	19,4	8,2	3,2	2,7	34,7	28,8
Корень	11	0,8	13,5	3,1	0,8	0,0	18,2	17,4
Лищицы	17	1,1	11,5	5,4	2,5	2,8	23,4	18,1
Михалковичи	30	1,1	9,7	4,1	2,3	1,8	19,1	15,0
Нарбутово	4	0,7	10,9	2,6	0,7	0,0	14,8	14,1
Прудки	22	1,5	14,5	6,8	3,1	1,0	26,9	22,8
Терехи	24	1,0	14,3	5,1	3,7	2,5	26,5	20,4
Чернево	13	1,1	9,8	4,6	2,3	0,7	18,6	15,5
Итого	157	1,2	14,9	6,0	2,9	1,7	26,8	22,1

Как видно из таблицы, наилучшая обеспеченность землей, несмотря на отмеченное уменьшение, наблюдается в Козырях, наихудшая — в Михалковичах, Черневе и Нарбутове. В Прудках она оказалась ближе всего к средним показателям.

Получить представление о **составе земель, оставшихся в руках помещика**, поможет следующий факт. В январе 1890 г. владелец имения Красный Бор Т. Давидович принял решение заложить его в Дворянском банке. В связи с этим Минская казенная палата поручила податному инспектору Борисовского уезда уточнить площадь и состав угодий⁷³². Вероятно, именно в результате этого обследования установлены цифры, которые затем фигурируют в окладных листах последующих лет: 10 дес. усадебной земли, 1 дес. сада, 11 дес. огорода, 1464 дес. пашни на супесчаных землях, 40 дес. суходольных сенокосов и 572 дес. болотных, пастбищ болотных 45 дес. и по лесной поросли — 39 дес. Всего, таким образом, удобной земли насчитывалось 2182 дес. Кроме того, 796 дес. находилось под дровяным лесом и 60 дес. — под кустарником, а 1966 дес. числились в разряде неудобных (не подлежащих налогообложению). Общая площадь по имению составляла, согласно этим данным, 5281 дес.⁷³³ Помимо этих угодий имелись еще земли, относившиеся к хутору Остров, который при продаже имения Красный Бор от К. Чудовского Т. Давидовичу остался во владении первого. В 1881 г. при отдаче его в аренду там значилось усадебной земли на 1 дес., пахотной на 24 дес., сенокосной на 4 дес., еще 6 дес. приходилось на озеро Глухое, 249 дес. оставалось под болотом⁷³⁴.

Всего с учетом сведений о землях Кореня и Нарбутова на территории Кореньщины крестьяне получили около 2346,5 дес. усадебной и пахотной земли, или 60% ее общего количества. Оставшиеся 40%, около 1544 дес., находились во владении помещика и костела. Крестьянские сенокосы составили около 868,5 дес., помещицы — 616 дес., или 59 и 41%. Из пастбищ крестьянам досталось 439 дес. (84%), помещику — 84 (16%). Весь строевой лес (около 910 дес.) и основная масса неудобниц (около 2221 дес., занятых в основном болотами и мелколесьем, годным на дрова) остались за помещиком и костелом, крестьяне использовали лишь около 264 дес. неудобниц (под улицами, дорогами, межами и пр.).

⁷³¹ НИАБ. Ф. 242. Оп. 3. Ед. хр. 404.

⁷³² НИАБ. Ф. 333. Оп. 4. Ед. хр. 6836. Л. 4.

⁷³³ НИАБ. Ф. 333. Оп. 4. Ед. хр. 6836. Л. 9об.—10, 28об.—29, 45—46.

⁷³⁴ НИАБ. Ф. 147. Оп. 3. Ед. хр. 32716.

В качестве характерной особенности крестьянской реформы в западных губерниях Российской империи (включая Минскую) следует отметить то, что наделные земли здесь были сразу же закреплены в **подворное владение**, как и в условиях крепостного права. При этом в ведении сельского общества оставались только пастбища и неудобицы, вся пахотная земля и сенокосы принадлежали каждому хозяйству индивидуально и переходили по наследству. В России и на востоке Беларуси (в Могилевской и Витебской губерниях) наделная земля обычно поступала в ведение сельской общины, которая периодически (раз в 10–15 и более лет) осуществляла передел в соответствии с изменившимся составом хозяйств: в случае увеличения количества работников хозяйства могли получить добавочную землю за счет тех, у кого их число сокращалось. На востоке Беларуси общинное владение охватывало в 1877 г. 96,2% наделной земли⁷³⁵. В остальных губерниях эта форма встречалась эпизодически. Допускался переход с одной формы землевладения на другую по решению сельского схода при условии, если его поддержали не менее 2/3 дворохозяев, имевших право голоса.

Крестьяне Кореньщины, как и подавляющее большинство в Минской губернии, получили свои наделы в подворное владение. До погашения выкупной ссуды право собственности крестьян на эти земли было ограниченным. С точки зрения фискальной системы объектом обложения оставалось сельское общество. Поэтому в налоговых документах (*окладных книгах*), которые велись губернской казенной палатой, индивидуальные хозяйства не фигурируют. Сельское общество несло коллективную ответственность за выплату доли налога, причитавшейся с каждого хозяйства. В свою очередь члены хозяйства несли коллективную ответственность за выплату выкупной ссуды. Община регулировала также *принудительный севооборот*: озимый клин всех хозяйств надлежало концентрировать в одной части сельских угодий, яровой — в другой. Необходимость этого диктовалась тем, что пожня после уборки озимых, а также паровой клин использовались как дополнительное совместное пастбище.

Наделная земля обычно состояла из нескольких узких (шириной в 5–20 м) и длинных (сотни метров) полосок (*шнуров*), расположенных в разных местах, нередко довольно далеко друг от друга. Такая чересполосица, унаследованная от времен крепостного права, объяснялась стремлением компенсировать недобор урожая из-за неодинакового качества земли в разных урочищах. Две-три полоски одного севооборотного клина, расположенные далеко друг от друга, позволяли хозяевам иметь в среднем сопоставимый уровень плодородия. Узкие и длинные полоски были оптимальны для пахоты, поскольку не требовалось слишком частых разворотов.

Жизнь после реформы

Отмена крепостного права существенно изменила **правовой статус** крестьян. Им предстояло заново овладеть навыками общинного самоуправления, практически сведенными на нет в последние десятилетия крепостного права. Жители одной или нескольких деревень образовывали сельское общество. Несколько сельских обществ объединялись в волость. Сельский сход в составе всех дворохозяев сельского общества выбирал сельского старосту (на трехлетний срок) и уполномоченных на волостной сход — по 1 от каждых 10 дворов. В его полномочия входили раскладка налогов и сборов по отдельным хозяйствам, прием в общину новых членов, выделение займов из запасного хлебного магазина, вопросы благоустройства и пр. Староста поддерживал в случае надобности контакты с полицией, осуществлял предварительное дознание и мог сам задерживать виновных в правонарушениях, налагать на них штраф до 1 руб., подвергать аресту или принудительным общественным работам на срок до 2 дней. Сельский сход контролировал и перемещения крестьян: без его санкции можно было отлучаться из дома (например, на заработки) на срок не более года. По истечении этого срока он мог быть в принудительном порядке отправлен домой.

На волостном сходе старосты и уполномоченные от сельских сходов избирали (также на 3 года) волостной суд и волостное правление, ключевыми фигурами в котором были волостной старшина и писарь. В их руки передавались довольно существенные административные полномочия. Старшина осуществлял надзор за сельскими старостами, ведал денежными средствами, поступавшими в распоряжение волости, был ответственен за сбор налогов, мог налагать такие же взыскания, как сельский староста. Волостной суд в составе от 4 до 12 судей действовал на основе обычного права. Он мог рассматривать мелкие гражданские и уголовные дела (по исковым суммам не выше 100 руб.), приговаривать к телесному наказанию (до 20 ударов розгами), штрафу (до 3 руб.), кратковременному тюремному заключению (до 7 суток). Параллельно создавались

⁷³⁵ Гісторыя сялянства Беларусі са старажытных часоў да нашых дзён. Т. 2. С. 142.

полицейские службы в составе десятских (выбирались по одному от примерно 10 дворов) и сотского⁷³⁶. Сотским и десятским предписывалось периодически нести дежурство при станowych приставах и уездном полицейском управлении, которое длилось по неделе и более.

В хозяйствах, имевших нескольких взрослых мужчин, кто-то из наследников мог покинуть общину. Для этого требовалось обязательное разрешение главы хозяйства, который гарантировал продолжение выплаты выкупных платежей в полном объеме (если за хозяйством числилась недоимка, то на выход требовалась еще и санкция губернского присутствия). Покидающий хозяйство должен был уплатить все налоги и сборы, распределенные на него, и отказаться от своего права на наследство, получив от остальных наследников материальную компенсацию — *удовлетворение*.

Правовая и налоговая база не оставалась неизменной. Земский поземельный сбор в 1875 г. преобразован в государственный поземельный налог. В 1886–1887 гг. подушный налог отменен, а поземельный — повышен. В начале XX в. земский поземельный налог составлял в среднем по Беларуси 12,9 коп. в расчете на десятину надела, общественные сборы — 42,4 коп., обязательные страховые платежи — 20,8 коп. Стоимость подводной повинности в переводе на деньги оценивалась в 11,5 коп.

В 1878 г. был введен институт полицейских урядников, по 11 в каждом уезде, с подчинением им сотских и десятских. По закону от 12 июня 1900 г. в пореформенное общественное устройство внесены новые существенные изменения. В частности, вводился институт земских начальников, которые отныне утверждали волостных старшин, писарей и судей из предложенных сходом кандидатов, осуществляли некоторые судебные функции, ранее входившие в компетенцию волостного суда. Земский начальник, назначаемый генерал-губернатором (обычно из числа местных потомственных дворян) значительно усилил государственный контроль над общинным самоуправлением. С марта 1903 г. полностью отменялась круговая порука при сборе государственных и земских налогов. В 1904 г. по случаю крещения наследника престола были отменены телесные наказания, которые ранее налагал волостной суд⁷³⁷.

Первые свидетельства осознания крестьянами своих новых прав связаны именно с выплатой налогов. При составлении уставной грамоты в 1862 г. в нее были включены 8 дворовых людей, еще в 1850 г. отданных А. Чудовским в услужение в имение Славечна, принадлежавшее его родственнице Элизе Чудовской. За них крестьяне Красноборской волости сообща выплачивали подушный налог. Когда же в 1862 г. семеро из этих работников вернулись, выяснилось, что владелица Славечны также вычитала из их заработной платы сумму подушного налога, оставляя ее, очевидно, в свою пользу. Дать ход этому делу крестьяне решились только 11 апреля 1864 г., подав прошение на имя мирового посредника с просьбой взыскать с помещицы Чудовской незаконно удержанные деньги и перечислить их в пользу сельского общества. Минский губернатор признал требование крестьян справедливым и отослал его в Волынское губернское по крестьянским делам присутствие, которое 7 сентября 1864 г. удовлетворило их иск, присудив удержать с помещицы указанную сумму⁷³⁸.

В 1867 г., через месяц после объявления крестьянам об изменении характера выкупных платежей, они направили в губернское присутствие жалобу. В ней утверждалось, что при исчислении оброка за 1863–1865 гг. в его сумму включались и платежи за прирезку в размере 1753,6 дес., добавленную к наделам согласно протоколу поверочной комиссии. Между тем выкупной акт, оформивший увеличение наделов, окончательно составлен только в конце 1865 г., т. е. крестьяне платили за прирезку, которая им реально еще не принадлежала. Жалоба была составлена от имени 16 дворохозяев из деревни Жирблевичи (сельский староста — Михаил Федоров Жолторович), 2 дворохозяев из Михалкович, 11 хозяйств из Лищиц (староста — Иван Яковлев Лойковский), 14 хозяйств из Громницы (староста — Иван Николаев Окулич), 17 хозяйств из Терехов (староста — Адам Францев Вашкевич), 14 хозяйств из Козырей (староста — Иван Матвеев Лис) и 12 хозяйств из Прудков (староста — Михаил Карлов Лис)⁷³⁹. Второе испытание способности крестьян постоять за свои интересы также оказалось успешным — 7 декабря 1866 г. их представители расписались в уведомлении о том, что жалоба удовлетворена, а переплаченная сумма в размере 1500 руб. учтена при начислении последующих платежей. В расписке фигурирует почти тот же состав дворохозяев, что и в жалобе, хотя есть и отличия. Старостой от Жирблевичского общества назван Юрий Носевич (живший, согласно списку дворохозяев, в Михалковичах), от Лищицкого — Осип Соколинский (житель Чернева), а от Прудчанского — Франц Вашкевич⁷⁴⁰.

⁷³⁶ Полное собрание законов Российской империи. 2-е собр. Т. XXXVI. № 36657.

⁷³⁷ Гісторыя сялянства Беларусі са старажытных часоў да нашых дзён. Т. 2. С. 154—155, 280—284.

⁷³⁸ НИАБ. Ф. 242. Оп. 1. Ед. хр. 232.

⁷³⁹ НИАБ. Ф. 242. Оп. 2. Ед. хр. 293. Л. 103—104об.

⁷⁴⁰ НИАБ. Ф. 242. Оп. 2. Ед. хр. 293. Л. 118—119.

Как можно оценить **экономические условия, в которых оказались крестьяне в результате реформы?** У бывших помещичьих крестьян наделы несколько выросли. В основном это произошло благодаря деятельности поверочных комиссий, лишь 6 хозяйств получили дарственные земли от помещика. Те 14–16 дес. пашни, которые оказались в итоге в руках у большинства хозяйств, соответствовали 3/4 старой волоки и примерно на 50% превышали размер, характерный для середины XIX в. Посевная площадь в большинстве деревень составляла 10–11 га, или на 3–4 га больше, чем в модели хозяйственного цикла указанного периода. Это означало дополнительный сбор за вычетом семян от 5 до 6,6 ц ржи и от 8 до 12 ц яровых, 30–40 ц соломы. С 2,7 га добавочных сенокосов можно было накопить около 33 ц сена. Даже если учесть, что для такой площади пашни требовалось не менее 2 коней, а средняя населенность двора к концу 1860-х гг. выросла до 11 человек, к реализации должно было оставаться на 8–12 ц зерна больше, чем в прежней модели. Дополнительный доход составлял не менее 20 руб., а при продаже по рыночным ценам — вдвое больше. Другими словами, доход от земледелия мог возрасти примерно вдвое.

Отмена крепостного права высвободила также 930 человеко-дней, из которых от 110 до 140 требовались на обработку увеличенного надела, а 790–820 (полный бюджет времени почти трех взрослых работников) могли быть использованы для работы по найму. Теоретически при среднем дневном заработке в 20 коп. это могло принести около 160 руб. Но, во-первых, возникало естественное желание использовать высвободившийся ресурс рабочего времени на увеличение досуга. Во-вторых, добавочные заработки еще следовало найти. Расположенные рядом помещичьи имения, после реформы оставшиеся без крепостных, наверняка предоставляли такую возможность. Но неизвестно, какая часть их угодий обрабатывалась наемными работниками, а какая сдавалась в мелкую аренду, при которой арендаторы обрабатывали участки собственным трудом. Существовала и конкуренция со стороны профессиональных батраков (в основном это бывшие дворовые люди и неоседлые, не получившие наделов во время реформы). Такие батраки жили при помещичьих имениях целыми семьями. По мнению В. П. Панютича, именно они составляли в имениях большинство. Поэтому реально при сезонном найме на период страды (шесть летних месяцев) работник зарабатывал в Минской губернии от 18 до 30 руб., при поденной работе — от 40 до 44 руб. Более гарантированный заработок давала отдача члена семьи в постоянные батраки на весь год. Но в таком случае ставка оплаты была ниже. В среднем за 1870-е гг. она составила 35 руб. (12,5 коп. в день при 280 рабочих днях в году), за 1880-е — 45, за 1890-е гг. — 49,4 руб. При найме в семью зажиточного крестьянина батрак зарабатывал еще меньше, чем в имении. В 1870-е гг. такой наем стоил от 10 до 25 руб.⁷⁴¹ К тому же следует учитывать низкий статус батрака в глазах самих крестьян, поэтому решиться на такой способ заработка без крайней необходимости было сложно.

Выгоднее было отправляться на заработки в отдаленные места, где ощущалась гораздо большая потребность в сезонных работниках и платили лучше. В частности, в южных степных губерниях реальный заработок сельскохозяйственного рабочего, выраженный в местных ценах ржи, был выше на 81,4%⁷⁴². Для такого отходного промысла требовался временный паспорт (на срок в 6 месяцев или 1 год) или краткосрочный отпускной билет, который давал право перемещаться за пределами родной губернии в течение 1–3 месяцев. Судя по динамике выдачи таких документов, сразу после реформы их получали менее 2% работоспособного населения Беларуси, а к 1890-м гг. их число увеличилось в 6,6 раза, составив уже 12,5% работоспособных⁷⁴³. Если уровень отходничества на территории Кореньщины принять сопоставимым со средним по Беларуси, то можно прийти к выводу, что в нем ежегодно принимало участие порядка 100–200 чел., или один представитель от 2–3 наделных хозяйств. Многие нанимались на лесосплав. В Борисовском уезде при численности населения в конце 1890-х гг. около 250 тыс. человек ежегодно плотогонами становились 2–3 тыс. мужчин (для Кореньщины при той же пропорции это должно составлять 20–30 человек). Они объединялись в команды по 5 человек, которые сплавливали лес по Гайне и Березине в Днепр и затем в южные губернии или по Илии или Вилии в Неман и Прибалтику. Доставка плота занимала от 2 недель до 3 месяцев, в день за такую работу получали от 18 до 50 коп. На вывозке бревен из леса к местам сплава работник со своей лошадью мог заработать за зиму около 20 руб.⁷⁴⁴

Таким образом, один член хозяйства, полностью посвятивший себя заработкам на стороне, мог заработать в год порядка 40 руб. Демографический состав хозяйства позволял выделить на это до 3 работников, но реально их, видимо, бывало не более двух, а чаще всего один. Следовательно, максимальный уровень денежного дохода, который могло получить пореформенное крестьянское хозяйство, составлял около 120 руб., а чаще он равнялся половине этой суммы.

⁷⁴¹ Панютич В. П. Наемный труд в сельском хозяйстве Беларуси 1861—1914 гг. — Мн., 1996. С. 46—53, 65, 72.

⁷⁴² Панютич В. П. Наемный труд в сельском хозяйстве Беларуси 1861—1914 гг. С. 73.

⁷⁴³ Гісторыя сялянства Беларусі са старажытных часоў да нашых дзён. Т. 2. С. 195.

⁷⁴⁴ Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Минская губерния. Ч. 1 / Сост. И. Зеленский. СПб., 1864. С. 265—266.

На выкупные платежи уходило до 10 руб. Кроме того, крестьяне продолжали платить государственные налоги и сборы: подушный налог (в 1867 г. он составлял в белорусских губерниях от 1,34 до 1,85 руб.), земский подушный сбор, к которому в 1872 г. добавился земский поземельный налог на местные нужды. С государственных крестьян взимались еще и общественные сборы на расходы по управлению, размежеванию и пр. Общую сумму налогов и сборов определить сложно, так как она менялась в зависимости от местности, количества душ и земли в хозяйстве. В целом налоговое бремя в расчете на десятину примерно вдвое превышало выкупные платежи. В первой половине 1870-х гг. оно составляло по Беларуси 6,3 руб. на душу мужского пола или 1,3 руб. на десятину⁷⁴⁵. В таком случае хозяйство из 11 человек, получившее надел в 22 дес., должно было выплачивать в год около 30–35 руб. налогов и сборов. Помимо этого существовали общественные натуральные повинности: работы по ремонту дорог, тушению лесных пожаров, предоставление подвод для государственных нужд (перевозки войск, арестантов, чинов полиции, сельских врачей и фельдшеров). На нужды религиозного культа тоже требовались определенные средства, но их доля в общем бюджете не выходила за пределы погрешности реконструкции. Вместе с выкупом обязательные выплаты составляли до 40–45 руб. В итоге чистый остаток составлял несколько десятков рублей, а при максимально эффективном использовании земли и высвободившегося рабочего времени — до 100 руб. Видимо, это было верхним пределом для хозяйства, не имевшего дарственной земли, которого достигал далеко не каждый.

Многое зависело от того, как хозяйство распоряжалось этой суммой. При желании всю ее можно было попросту пропить: среднедушевое потребление водки в России во второй половине 1860-х — 1880-е гг. колебалось от 0,9 до 0,6 ведра, к 1890-м гг. оно снизилось до 0,5 ведра, но цена этого ведра выросла к тому времени до 6,4 руб.⁷⁴⁶ Это значит, что на семью из 6 человек приходилось в среднем 3 ведра, за которые требовалось уплатить 19,2 руб. Превысив средний уровень втрое, можно было потратить сумму, сопоставимую с годовым доходом. Если же откладывать в год по 25 руб., за 10 лет можно было скопить сумму, которая позволила бы купить еще почти 20 дес.: в 1870-е гг. в Беларуси десятina земли стоила в среднем 12 руб. 86 коп., к 1890-м гг. цена ее возросла до 34 руб. 87 коп.⁷⁴⁷ Правда, и рынок недвижимости был узок. Надельные земли не разрешалось продавать до погашения выкупной ссуды. К тому же покупавший землю становился членом общины, на территории которой она находилась, а на это требовалось согласие сельского схода. Реальнее было купить помещичью землю, если она выставлялась на торги, но эти земли продавались обычно большими участками, в сотни десятин. Крестьяне могли приобрести такой участок только в складчину, как поступили в 1883 г. основатели Вицковщины, описанной Н. Улащиком. Однако подобная акция требовала большой организованности и попросту грамотности хотя бы некоторых инициаторов, а главное — преодоления многих стереотипов. Слишком уж рискованным, да и непривычным, не освященным традицией был этот шаг.

Уровень дохода во многом определялся и отношением крестьян к своему хозяйству, степенью интенсивности их труда. Исследования 1920-х гг. на территории российского Нечерноземья показали, что интенсивность труда могла сильно изменяться в зависимости от того, какие задачи ставил перед собой работник. Причем отмечена тенденция, наблюдавшаяся при сосуществовании малосемейной и общежительской моделей поведения. Если крестьянин имел большой надел — он трудился интенсивнее. При наличии небольшого количества земли он уделял работе меньше времени, сосредоточиваясь на других источниках дохода (или в соответствии с принципом *кто не мае, той і не дбае* обращал оставшееся время в свободный досуг). Как показал А. В. Чаянов⁷⁴⁸, при одном и том же составе семьи (пропорция *е/р* от 1 до 1,3) работник, имевший не более 2 дес., с каждой из них производил продукции в среднем на 76,4 советского рубля. Если на него приходилось от 2,1 до 3 дес., отдача с каждой из них составляла уже 103,5 руб., а если более 3 дес. — 105,1 руб. Но еще интереснее, что отдача с десятины значительно возрастала, если на работника приходилось больше едоков. При пропорции *е/р* от 1,31 до 1,6 и при участке до 2 дес. она составляла 106,3 руб., от 2,1 до 3 дес. — 125,8 руб., свыше 3 дес. — 128,6 руб. Если же пропорция *е/р* превышала 1,6 (напомню, это случалось с односемейным хозяйством в определенной фазе его жизненного цикла), цифры возрастали соответственно до 107,8 руб., 136,6 руб. и 175,8 руб.!

Этот пример показывает, что при равной обеспеченности землей работник мог варьировать интенсивность своего труда более чем в полтора раза. В целом же с учетом всех обстоятельств она могла колебаться от 76,4 до 175,8 руб. производимой продукции, т. е. в 2,3 раза. Обследовав 25 хозяйств в Волоколамском уезде, А. Чаянов установил, что

⁷⁴⁵ Гісторыя сялянства Беларусі са старажытных часоў да нашых дзён. Т. 2. С. 184—186.

⁷⁴⁶ Зайцева Л. И. С. Ю. Витте и Россия. Ч. 1: Казенная винная монополия. 1894—1914. (По научным публикациям и архивным материалам конца XIX — начала XX века.) — М., 2000. С. 51, 295.

⁷⁴⁷ Панютин В. П. Наемный труд в сельском хозяйстве Беларуси 1861—1914 гг. С. 79.

⁷⁴⁸ Чаянов А. В. Бюджет крестьянского хозяйства // Очерки по экономике трудового сельского хозяйства. — М., 1924; Чаянов А. В. Крестьянское хозяйство: Избр. труды. — М., 1989. С. 106.

количество человеко-дней, отводимых собственному хозяйству и промыслам, колебалось примерно в таком же диапазоне, как и отдача с десятины. Среднее количество на 1 работника составило 131,8 дня (из них 13,7 дня — на промыслы), минимальное — 78,8 дня, максимальное — 216. Эту переменную А. Чаянов предложил назвать *мерой самоэксплуатации*⁷⁴⁹.

От степени интенсивности труда зависело многое, но не все. Ключевым ресурсом все-таки являлась земля — ее плодородие и площадь надела. Не случайно **земельный вопрос** в пореформенной России вышел на первый план. Этой теме посвящена огромная литература, но ее вряд ли можно исчерпать до дна. Ниже я вернусь к ней более основательно, пока же отмечу, что догматическое освещение многих аспектов аграрной истории в годы советской власти способствовало укоренению некоторых стереотипов. Большинство людей со школьного курса истории уверены, что реформа 1861 г., равно как и последующая политика царского правительства, отвечала интересам прежде всего помещиков, а не крестьян, зато аграрные преобразования первых лет советской власти привели к кардинальному решению вопроса о земле. О том, насколько упрощенным является такое представление, можно судить по тому обстоятельству, что А. Чудовский в результате реформы не только не получил никаких выгод, но и полностью утратил свое поместье. Оставшееся в его руках имение Красный Бор находилось в залоге у Санкт-Петербургской сохранной казны (бывшего опекунского совета). Оброк перечислялся туда на погашение долга. При этом ежегодные платежи не покрывали даже проценты по займу. Так, за 1862–1863 гг. выплачено 7317 руб., тогда как проценты за это же время составили 7426 руб.⁷⁵⁰ В итоге за неуплату долгов 22 января 1878 г. имение было описано становым приставом и выставлено на публичные торги, в ходе которых его приобрел за 40200 руб. надворный советник Тамерлан Яковлевич Давидович.

Земли проданного имения охватывали фольварки Антоновка, Алексополье, Гани, Идалино и Селище, застенки Гряда, Межигорье, Купалы и Равы, усадьбу Курганы и 2 водяные мельницы⁷⁵¹. Их площадь указана в размере 6644 дес., но эта цифра сомнительна, так как после выделения крестьянам 3560 дес. в составе имения должно было остаться около 5640 дес. Тамерлан Давидович был введен во владение имением Красный Бор 4 ноября 1878 г. в присутствии 8 свидетелей — крестьян Жирблевичского сельского общества во главе со старостой Гавриилом Ивановым Носевичем⁷⁵².

Новый владелец имения 20 мая 1885 г. подал в губернское присутствие жалобу, в которой утверждал, что при разграничении крестьянских наделов, составленном в 1875 г. и заверенном протоколом мирового посредника 19 апреля 1876 г., в состав крестьянских земель было включено на 321 дес. больше, чем полагалось по выкупному акту от 1865 г. По его мнению, крестьяне завладели значительными участками помещичьей земли, которые представляли довольно большой перечень (таблица 46), причем суммарная цифра в нем оказывается еще выше.

Т а б л и ц а 46. Земли, захваченные крестьянами из состава имения Красный Бор в 1875 г.

Деревня	Захвачено земли (десятин)	
	всего	в том числе в урочищах
Громница	17,1	Яловец — 2,1; корчемный участок — 15
Жирблевичи	4,4	Под Болтовкой — 4,4
Козыри	152,5	Майдан, Королево Поле, Прадедов Крыж — 62,7; Каменица, Пасека — 9; Острова — 26,1; Подселище — 27,8; Борки — 26,9
Лищицы	15,7	Под Болтовкой — 3; Костяновка — 12,7
Михалковичи	133,0	Углы — 3; Конашевка и Новинки — 38; Новинки — 15,5; Великое Поле — 10; Поддубье — 2,1; Староречье — 1, Волчье Болото — 62,4
Прудки	12,7	Яловец — 5,1; при дороге из Красного Бора в ф. Селище — 4,9; при дороге из Михалкович в Мурованый Двор — 2,7
Терехи	7,5	Чистик — 4; Колубелищи — 3,5
Чернево	40,6	Углы — 7,1; при дороге из Кореня — 33,5
Итого	383,5	

Т. Давидович поименно назвал 35 дворохозяев, а также 2 отставных солдат и 2 посторонних лиц (членов других обществ Лаврентия Стригу и Илью Кишкурно), владевших этими землями⁷⁵³. Позднее, в 1889–1890 гг. он подал еще 6 жалоб

⁷⁴⁹ Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство: Избр. труды. С. 232, 238–239.

⁷⁵⁰ НИАБ. Ф. 242. Оп. 2. Ед. хр. 392. Л. 134.

⁷⁵¹ НИАБ. Ф. 147. Оп. 3. Ед. хр. 22355.

⁷⁵² НИАБ. Ф. 1595. Оп. 2. Ед. хр. 147. Л. 14–14 об.

⁷⁵³ НИАБ. Ф. 1595. Оп. 2. Ед. хр. 147. Л. 90–90 об.

на крестьян отдельных деревень, обвиняя их в захвате помещичьих земель. Однако при окончательном разбирательстве, состоявшемся летом 1891 г., Давидович не смог доказать свои обвинения. Некоторые из них крестьяне легко опровергали. В частности, отставные солдаты и один из «посторонних», Лаврентий Стрига, заявили, что пользуются наделами своих родственников, а Илья Кишкурно — что вообще не пользуется землей бывшего имения. В конце концов жалоба помещика была отклонена, равно как и его апелляции, последняя из которых была подана на имя императора и оставлена им без последствий 29 октября 1893 г.⁷⁵⁴

Любопытную информацию содержат окладные листы на земли бывших помещичьих крестьян, составленные в начале XX в.⁷⁵⁵ Их сведения можно сопоставить с цифрами, содержащимися в данной на землю от 1868 г., и такими же сведениями люстрационного акта имения Гайна 1850 г. (с добавками пастбищ и неудобий, переданными из лесного ведомства в 1865 г.). Цифры несколько расходятся, и это расхождение показательно (таблица 47).

Т а б л и ц а 47. Изменения в количестве надельной земли с 1860-х по 1900-е гг. (в десятинах)

Деревня	На момент реформы				По окладным листам 1904–1912 гг.			Прирост надельной земли	Захвачено в 1875 г. (по жалобе помещика)
	надельной и пастбищной земли	неудобий	дарственн ой земли	всего	надельной земли	дарственной земли	всего облагаемой земли		
Громница	476,8	16,8	22,0	515,6	502,8	22,0	524,8	24,0	17,1
Жирблевичи	389,1	19,7	0	408,8	390,0	0	390,0	0,9	4,4
Козыри	379,0	37,4	47,0	463,4	568,3	43,0	611,3	189,3	152,5
Лищицы	320,4	44,2	4,0	368,6	338,6	4,0	342,6	18,2	15,7
Михалковичи	475,8	48,9	0	524,7	538,6	0	538,6	62,8	133,0
Прудки	523,3	19,4	12,5	555,2	532,8	13,0	545,8	9,6	12,7
Терехи	530,1	54,7	0	584,8	515,6	0	515,6	-14,5	7,5
Чернево	213,1	8,8	0	221,9	254,8	0	254,8	41,7	40,6
Всего по имению Красный Бор	3307,4	250,0	85,5	3643, 0	3641,5	82,0	3723,5	334,1	383,5

Количество надельной земли, которое должно было оставаться неизменным, существенно выросло. Вряд ли это объясняется только несовершенством измерений, поскольку все отклонения (за исключением деревни Терехи) направлены в пользу крестьян. Скорее прирост площади наделов объясняется захватами, на что жаловался в своем неудачном иске Т. Давидович. Хотя упомянутые обвинения и не были доказаны, но общая площадь захваченных земель, указанная помещиком, подозрительно близка к той цифре, на которую увеличились наделы в окладных листах. Вероятно, имевшее место несовершенство учета сознательно использовалось крестьянами, которые успешно осуществляли своего рода «ползучую экспансию» на помещичьи владения, а впоследствии столь же успешно прибегали к коллективной защите своих приобретений. Это вновь показывает, что в пореформенную эпоху крестьяне порой выступали в отношении своих бывших владельцев в роли не столько жертвы, сколько хищника. Даже апелляция помещика к государственной и судебной власти могла оказаться безуспешной⁷⁵⁶.

У бывших государственных крестьян из Кореня площадь наделов увеличилась почти на 61%. Это, возможно, произошло в основном за счет запасной земли, ранее секуляризованной у костела. Указанные земли после реформы были предоставлены в наделы некоторым арендаторам, причисленным к Кореньскому сельскому обществу.

Данные о структуре сельхозугодий на момент аграрной переписи 1917 г. подтверждают, что при всех неточностях учета площадь неудобий существенно не менялась, а увеличение наделов за счет помещичьей земли действительно имело место (таблица 48).

⁷⁵⁴ НИАБ. Ф. 1595. Оп. 2. Ед. хр. 147. Л. 127—172.

⁷⁵⁵ НИАБ. Ф. 333. Оп. 2. Ед. хр. 1238. Л. 38об.—40, 41об.—44; Ед. хр. 1240. Л. 27об.—29; Ед. хр. 1241. Л. 37об.—42; Ед. хр. 1242. Л. 26об.—27.

⁷⁵⁶ С этими фактами можно сопоставить оценку той же ситуации историком марксистской ориентации, приводимую без ссылки на конкретные факты: *В первое пореформенное десятилетие абсолютное большинство их (крестьянских и помещичьих земель. — В. Н.) не было разграничено в натуре, что приводило к злоупотреблениям помещиков, которые стремились «округлить» свои владения за счет крестьян.* (Гісторыя сялянства Беларусі са старажытных часоў да нашых дзён. Т. 2. С. 158.)

Т а б л и ц а 48. Структура сельхозугодий по данным аграрной переписи 1917 г.

Деревня	Количество дворов		Количество земли (в десятинах)								
	наделных	дарственных	усадебной	пашня	сенокосы	пастбища	всего наделной	лес и неудобицы	дарственной	всего купчей	всего
Громница	45	0	28,0	344	80,3	47	499,3	16,8	17,6	0	533,7
Жирблевичи	37	0	16,0	268	72	37,6	393,6	19,7	0	26,4	439,7
Козыри	27	1	30,5	322,4	106,5	36,9	496,3	37,8	78	0	612,1
Корень	40	0	10,5	188,8	34,1	108,4	341,8	34,8	0	0	376,6
Лищицы	30	0	17,8	222,4	59	39,2	338,4	44,2	17	0	399,6
Михалковичи	77	0	30,0	341,5	103	64,3	538,8	48,9	0	0	587,7
Нарбутово	7	0	2,0	48	12,5	11,3	73,8	7	0	0	80,8
Прудки	57	0	26,9	269,5	154,7	70,8	521,9	18,1	0	0	540
Терехи	65	0	40,0	266	224	15,3	545,3	54,4	0	0	599,7
Чернево	33	0	12,7	166,4	52	28	259,1	8,8	0	0	267,9
Итого на наделных землях	418	1	214,4	2437	898,1	458,8	4008,3	290,5	112,6	26,4	4437,8

На момент переписи странным образом увеличилось даже количество дарственной земли. Если изменение цифры по Прудкам объясняется тем, что дарственная земля Николая Лойковского оказалась причисленной к Лищицам в связи с переездом туда его наследников, то возрастание площади дарственной земли у крестьян деревни Козыри на целых 31 дес. объясняется, вероятно, той же «ползучей экспансией».

Влияние реформы выходило далеко за рамки ее основных направлений — предоставление крестьянам личной свободы и закрепление за ними земли. Новым фактором, серьезно отразившимся на повседневной жизни, стало осуществление в 1874 г. **военной реформы**. Рекрутская служба (с 1862 по 1873 г. ее срок составлял 7–8 лет) была заменена всеобщей воинской повинностью, которой подлежали все мужчины в возрасте свыше 20 лет, кроме старшего сына главы хозяйства. Они призывались на 6 лет, а лица, закончившие начальную школу, — на 4 года. С этого времени через военную службу проходило большинство молодых людей. Практически все они возвращались затем назад и обзаводились семьями, но армейский опыт расширял их кругозор и не мог не отразиться на поведении. Одним из последствий стало обострение конфликта между поколениями: для возвращавшихся со службы молодых мужчин жизнь в условиях общежительской модели хозяйствования оказывалась, как правило, неприемлемой.

Не менее важным для повседневной жизни стало формирование сети **народных училищ и сельских школ**, которые дали возможность научиться читать и писать значительной части крестьянских детей. По официальной статистике, количество учащихся в Минской губернии с 1872 по 1887 г. выросло на 86% (при том, что численность населения выросла на 33%). Из всех учащихся 82% составляли крестьянские дети, посещавшие народные училища. Обучением было охвачено 13,75% детей в возрасте от 7 до 15 лет, т. е. примерно один из семи детей этой возрастной группы⁷⁵⁷.

Одним из первых документов, отражающих деятельность органов крестьянского самоуправления вновь созданной Гайно-Слободской волости, является протокол волостного схода по учреждению в деревне Слобода сельской школы, датированный 14 декабря 1867 г.⁷⁵⁸ Сход отметил, что народное училище в местечке Гайна расположено далеко и не всем удобно посещать его. Поэтому волость на свои средства переоборудовала под школу дом, который уступила для этой цели владелица имения Мурованый Двор Екатерина Степановна Смоляк. Ее зять барон Рутлянд выделил в пользу волости 20 руб. серебром на устройство при школе мастерской, а также обязался жертвовать ежегодно по 15 руб. в течение 10 лет на содержание школы.

Волостной сход со своей стороны постановил собирать ежегодно на жалованье народному наставнику Гайненского училища, сельскому учителю и мастерам Слободской школы по 10 коп. с каждой ревизской души мужского пола, коих в волости насчитывается 2107. Всего, таким образом, получалось 210 руб. 70 коп. Из этой суммы наставнику училища выделялось в счет жалованья 26 руб. 42 коп. (с тем, чтобы часть жалованья в размере 23 руб. 58 коп. доплачивала Минская

⁷⁵⁷ Довнар-Запольский М. В. Исследования и статьи. Т. 1. — Киев, 1909. С. 433—434.

⁷⁵⁸ НИАБ. Ф. 242. Оп. 1. Ед. хр. 1017. Л. 15—17.

дирекция народных училищ). Оставшуюся сумму было решено употребить на наем учителя и мастеров для Слободской школы. Решение утвердили представители от сельских обществ в количестве 56 человек, из них около 18 — с территории Кореньщины.

Курс обучения в таких заведениях регламентировался официально утвержденными правилами. Такие правила для Виленского учебного округа, принятые 23 марта 1863 г., предусматривали преподавание закона Божьего и церковного пения, церковнославянского чтения, русского чтения и письма, арифметики. Специальным распоряжением от 6 января 1864 г. в стенах школ и училищ предписывалось разговаривать только на русском языке, употребление местных наречий допускалось только для толкования ученикам незнакомых слов. Правила от 1871 г. предусматривали трехлетнее обучение, учебный год должен был длиться с 1 сентября до 1 мая. Реально он продолжался обычно не более четырех месяцев, поскольку родители отпускали детей на учебу только в периоды, свободные от хозяйственных работ⁷⁵⁹. Многие родители сознательно прекращали учебу своих детей, едва они овладевали минимальными навыками чтения, письма и счета в пределах 100, так как бытовало мнение, что излишняя наука делает детей неуправляемыми.

Значительно возросла интенсивность **информационных потоков**, связывающих популяцию с окружающим миром. Новые знания, суждения и вкусы приносили дети, посещавшие народное училище, возвращавшиеся со службы солдаты, отходники, подрабатывавшие на стороне в свободное от интенсивных сельскохозяйственных работ время. Основную информацию о происходящем за пределами узкого мирка повседневных интересов белорусские крестьяне издавна получали тем же путем, что и в любом традиционном обществе, — в процессе прямого межличностного общения. Каждая встреча людей, не видевших друг друга хотя бы несколько дней, предполагала обязательный обмен новостями и слухами. Более динамичными переносчиками информации были профессиональные нищие, которых независимо от возраста называли *старцами*. Существовала прямая заинтересованность старцев в степени своей информированности: чем более ценными сведениями они располагали, тем на большую симпатию и, следовательно, подаяние могли рассчитывать. Скорость распространения слухов в крестьянской среде порой поражала воображение государственных чиновников⁷⁶⁰.

Окружающий мир воздействовал на мораль, причем иногда в лучшую, иногда — в худшую сторону. Имеется ряд свидетельств об **асоциальном поведении и уголовных преступлениях**, совершенных отдельными жителями Кореньщины в пореформенные десятилетия. Первое из них датируется декабрем 1861 г.⁷⁶¹, когда крестьянин деревни Жирблевичи Томаш Юрьев Запольский убил свою жену, ударив ее *долбней* по голове в сенях собственного дома, после чего убежал в лес. Когда же его догнала погоня, организованная сельским старостой Михаилом Равиной, Запольский выпил серную кислоту из имевшейся у него бутылочки и умер через неделю в больнице Борисовской городской тюрьмы. Опрос свидетелей, включая родителей Томаша Запольского, показал, что хозяйством он не занимался, свое имущество промотал, часто отлучался из дому и *шлялся по разным местам*, страдал венерической болезнью, для лечения которой им и была куплена кислота (*витриаль*) у какого-то минского еврея. Лишенный из-за болезни возможности иметь интимную близость с женой, он постоянно доводил ее ревностью и подозрениями в измене. Причиной убийства одни называли *глупость и ревность*, другие — уверенность Запольского в том, что жена его околдовала. По данным метрической книги, на момент смерти ему было 29 лет.

В 1870-е гг. был осужден крестьянин Лищицкого сельского общества Иосиф Николаев Жуковский. После отбытия наказания сельский сход, заново рассмотрев вопрос о зачислении его в члены общины, 12 ноября 1876 г. принял положительное решение⁷⁶². Этот же крестьянин впоследствии еще раз упоминается в документах губернского присутствия. 16 июля 1892 г. он обратился с апелляцией на решение волостного суда о разделе его хозяйства, в результате которого к зятю Жуковского — Иосифу Балцевичу отошла половина надела в ущерб интересам трех оставшихся дочерей. Однако губернное присутствие в конце 1893 г. отклонило жалобу⁷⁶³.

Решение о судьбе другого уголовного преступника оказалось более строгим. 28-летний житель деревни Терехи Василий Михайлов Шейпа 21 января 1878 г. был осужден на 2,5 года за четыре кражи (из них две — со взломом). После отбытия наказания в Борисовской тюрьме Прудковское сельское общество в составе 60 дворохозяйств (243 ревизских душ) 24 апреля 1880 г. отказалось принять его в свои члены. Апелляцию Василия Шейпы 24 ноября того же года отклонило и губернное присутствие, после чего 2 мая 1881 г. его выслали на поселение в Сибирь. Через два года, вскоре после праздника

⁷⁵⁹ Гісторыя сялянства Беларусі са старажытных часоў да нашых дзён. Т. 2. С. 488—491.

⁷⁶⁰ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи и правового государства: В 2 т. — 2-е изд., испр. — СПб., 2000. Т. 2. С. 240, 242.

⁷⁶¹ НИАБ. Ф. 145. Оп. 2. Ед. хр. 868.

⁷⁶² НИАБ. Ф. 242. Оп. 1. Ед. хр. 13798.

⁷⁶³ НИАБ. Ф. 242. Оп. 1. Ед. хр. 4528.

Пасхи 1883 г., Шейпа тайно приехал на родину, чтобы повидать отца и сестру, оставшихся членами сельского общества. В феврале 1884 г. односельчане, опознав его, сообщили в полицию, и Шейпу вновь отправили в Сибирь⁷⁶⁴.

В апреле 1886 г. Минский окружной суд возбудил дело о краже со взломом в доме мещанина-еврея Мовши Гурария в урочище Присады, рядом с местечком Зембин. Двое злоумышленников, в том числе 28-летний житель деревни Терехи Степан Алексеев Шульгович, взломали раму окна и украли вещи на сумму около 100 руб. Кроме того, при себе они имели револьвер. По приговору суда, вынесенному в октябре того же года, оба преступника получили по 3 года тюрьмы⁷⁶⁵.

Достаточно показательную картину рисуют материалы еще одного уголовного дела. Вечером 8 сентября 1893 г. на улице села Корень у кабака (*питейного дома*), который содержала Магдалена Жижемская, произошла пьяная драка, закончившаяся убийством. Началось все с того, что хозяйка заведения выгнала одного из клиентов — жителя урочища Затишье, мелкого шляхтича Осипа Политанского. Последний продолжал буяннить на улице, где ударил по щеке вышедшую из кабака хозяйку. За нее вступился племянник — Иван Фомин Ясюкевич. Завязалась драка. Ее свидетелями были отец Осипа Франц Августинов Политанский и братья последнего Викентий и Владислав, а также некоторые крестьяне из Громницы и Терехов. Владислав вмешался в драку. По утверждению его родственников, он лишь пытался разнять дерущихся. Крестьяне утверждали, что Владислав сначала набросился на стоявшего рядом Фому Вашкевича из Громницы, который оттолкнул его, а затем — на 35-летнего жителя Терехов Николая Степанова Ясюкевича. Последний ударил Владислава Политанского в висок, отчего тот свалился замертво. После этого Николай Ясюкевич еще раз ударил лежащего ногой в пах. Политанский от полученных ударов умер на месте. Суд, состоявшийся 17 ноября 1894 г., признал Николая Ясюкевича виновным в неумышленном убийстве, приговорив его к 6 месяцам тюрьмы и церковному покаянию⁷⁶⁶.

Свидетельством заметного сдвига в отношении к внебрачным сексуальным связям может послужить дело о незаконном сожителстве Антона Рафаилова Романовича и Агафьи Гавриловны Носевич, разбиравшееся в 1892–1893 гг. Минским окружным судом⁷⁶⁷. Поводом для него послужила достаточно тривиальная житейская история: 22-летний сын отставного солдата Дорофея (Рафаила) Романовича Антон, живший в деревне Михалковичи, соблазнил 25-летнюю односельчанку Агафью (Агату), дочь Гаврилы Носевича. Он, как водится, обещал на ней жениться, но не сдержал слова. В апреле 1891 г. Агафья родила внебрачного ребенка. Несколькими десятилетиями ранее эта история осталась бы личной проблемой обманутой девушки и ее семьи. Но Агафья 19 июня 1891 г. обратилась к судебному следователю Борисовского уезда с иском о присуждении алиментов, а 19 мая 1892 г. подала соответствующее прошение в Минский окружной суд. К тому времени Антон Романович, не имевший земли, уже покинул родную деревню и в декабре 1891 г. поселился в урочище Дубовый Лог Гребенской волости Игуменского уезда, где *взял на збудоуваньє уволоку* у некоего Гарбузевича.

Однако расчет Агафьи и, видимо, ее родителей не оправдался: суд возбудил дело против обоих молодых людей по обвинению в незаконном сожителстве (статья 994 ч. 2 действовавшего тогда Уложения о наказаниях). Романович повел себя наступательно и выставил в качестве свидетелей Клементия Щербовича и Осипа Соколовского, которые должны были подтвердить, что он не состоял ни в какой связи с Агафьей, а последняя, *ведя себя постоянно самым распутным образом, имела непотребные сношения со всяким и каждым молодым человеком*, а также выдавала себя за 20-летнюю, хотя ей на самом деле исполнилось больше 30 лет. Показания, касающиеся возраста, — явная ложь: к делу приобщена метрическая выписка о рождении Агафьи 21 октября 1865 г., т. е. к августу 1890 г., когда произошел ее скоротечный роман с Антоном, ей было неполных 25 лет. Судебное решение, вынесенное 27 апреля 1893 г., признало обоих виновными в незаконном сожителстве и предписало подвергнуть их церковному покаянию. С Романовича также были взысканы одновременно 30 руб. на содержание ребенка. Отмечу, что Агафья впоследствии так и не вышла замуж. Вместе с братом Иваном они жили бобылями еще в 1920-е гг.

В массовом сознании происходили определенные сдвиги, связанные с повышением ценности человеческой жизни. Среди в общем немногочисленных сообщений об уголовных преступлениях, совершенных жителями Кореньщины, с конца XIX в. впервые начинают фигурировать факты убийства матерями незаконнорожденных младенцев. Всего зафиксированы 3 таких случая: в Козырях в 1895 г.⁷⁶⁸, в Михалковичах в 1897 г.⁷⁶⁹ и в Новом Черневе в 1912 г.⁷⁷⁰ Довольно позднее появление

⁷⁶⁴ НИАБ. Ф. 242. Оп. 1. Ед. хр. 13799; Ф. 183. Оп. 2. Ед. хр. 63.

⁷⁶⁵ НИАБ. Ф. 183. Оп. 2. Ед. хр. 1340.

⁷⁶⁶ НИАБ. Ф. 183. Оп. 2. Ед. хр. 7117, 7118.

⁷⁶⁷ НИАБ. Ф. 183. Оп. 2. Ед. хр. 6165.

⁷⁶⁸ НИАБ. Ф. 183. Оп. 2. Ед. хр. 9075.

⁷⁶⁹ НИАБ. Ф. 183. Оп. 2. Ед. хр. 10591.

⁷⁷⁰ НИАБ. Ф. 183. Оп. 2. Ед. хр. 23501.

судебных дел такого рода свидетельствует не столько о запоздалом возникновении самого явления, сколько о возрастании негативной оценки его в обществе. Дела возбуждались по инициативе (или, если угодно, по доносам) соседей, подмечавших на определенном этапе беременность молодых женщин. В то же время в материалах дел не ощущается всеобщего осуждения таких поступков, и наказание за них бывало достаточно мягким.

Довольно примечателен в этом смысле первый из вышеупомянутых случаев, когда от новорожденного избавилась 24-летняя солдатка Мария Вашкевич. Сама она вела себя довольно дерзко, поначалу отрицая самый факт беременности. Когда свидетели привели неопровержимые доказательства этого факта, Мария изменила показания, заявив, что была беременна от мужа, который приходил на побывку, но при родах *вышел не ребенок, а зной*. Вернувшийся вскоре с воинской службы муж, Яков Францев Вашкевич, как ни странно, решительно занял сторону жены. В своем прошении он подчеркивал, что убежден в ее верности, а также предлагал оригинальную версию: Мария по неопытности не поняла, что была беременна, потому и не сообщила о неудачных родах. Эта «неопытность» приобретает совсем анекдотический оттенок, если учесть, что она уже имела трехлетнего сына. Тем не менее суд вынес по этому делу оправдательный приговор. Во втором случае 20-летняя обвиняемая фактически не отрицала свою вину, заявив лишь, что ребенок родился уже полумертвым. Ее приговорили к трехнедельному аресту.

В пореформенные годы население Кореньщины, видимо, столкнулось с определенными проблемами по причине принадлежности к католической конфессии. В условиях **русификации**, наиболее активно осуществляемой после восстания 1863 г., католическая церковь, ведшая богослужение на польском языке, рассматривалась как потенциально подрывная организация, что и определяло отношение к ней. В 1867 г. был закрыт один из старейших в Беларуси Гайненский костел, а его приход присоединен к Логойскому приходу. В Кореньском приходе в начале 1870-х гг. также временно не было настоятеля, а его функции совмещал администратор Логойского костела.

Весьма любопытен рапорт борисовского декана минскому губернатору от 16 апреля 1876 г., посвященный состоянию дел в этом приходе⁷⁷¹. Поводом для него послужило заявление священника Плещеницкой православной церкви Саховского в адрес уездного полицейского исправника от 12 января того же года. В нем Саховский писал о *закостенелом фанатизме* крестьян Кореньского прихода, не принявших перевод богослужения на русский язык. В связи с этим якобы распространились идеи «беспоповства», не пресеченные в самом начале. В результате уже шестой год прихожане *вводят вымышленные ими обрядности: дали бабам право крестить своих младенцев, старикам поручили сочинять браки, более грамотным освящать воду, пасху и могилы умерших*. Более 300 детей, по утверждению Саховского, за это время не были подвергнуты каноническому обряду крещения.

Декан, получив от исправника это сообщение, поручил администратору Логойского костела ксендзу Лазоровичу доложить о состоянии дел в заведуемом им Кореньском приходе. Тот в рапорте от 11 марта 1876 г., приложенном деканом к его письму в адрес губернатора, сообщил, что метрические книги костела ведутся регулярно. В подтверждение ксендз привел сведения обо всех рождениях, браках и смертях, зарегистрированных в Корене с момента его вступления в должность логойского администратора в 1874 г. (очевидно, ближе к концу года) по начало апреля 1876 г., поименно перечислив всех новорожденных, сочетавшихся браком и умерших. Из них на территории исследуемого региона в 1874 г. зарегистрированы 8 рождений, 20 браков и 2 смерти, в 1875 г. — 76 рождений, 15 браков и 2 смерти, в начале 1876 г. — 12 рождений, 4 брака и 1 смерть.

Эти цифры свидетельствуют, что с метрическими записями дело действительно обстояло неблагополучно. Число рождений в 1874 г. слишком мало в сравнении с числом браков, в то время как в 1875 г. — слишком велико в сравнении с сохранившимися записями за 1870 г. (тогда на территории Кореньщины родилось 52 ребенка). Часть рождений явно была зарегистрирована уже задним числом. На это указывает и тот факт, что отнесенные на 1875 г. 76 рождений пришлись всего на 65 семей, причем в девяти семьях якобы родилось по два ребенка, а в одной (семье Франца Белостоцкого из Михалкович) — даже три. Что касается количества смертей, то оно явно несоизмеримо с реальным уровнем смертности. Признавая этот факт, ксендз Лазорович утверждал, что многие похороны совершались настоятелями соседних Хотаевичского и Зембинского костелов и, следовательно, вписаны в их метрические книги. Проверить данное утверждение невозможно, так как книги указанных костелов за эти годы также не сохранились.

После восстания 1863 г. крестьяне-католики ущемлялись и в праве покупать землю, которое было предоставлено всем крестьянам законом от 10 декабря 1865 г. Виленский генерал-губернатор А. Л. Потапов, в ведении которого находилась и

⁷⁷¹ НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Ед. хр. 3092.

Минская губерния, после выхода этого закона потребовал от губернаторов, чтобы при разрешении покупать землю католикам собирались сведения о политической благонадежности как продавца, так и покупателя. В 1885 г. уже новый генерал-губернатор И. С. Коханов своей властью ограничил размер участка, покупаемого крестьянином-католиком: вместе с уже имеющимся наделом он не должен был превышать 60 дес. Это ограничение действовало до 1905 г.⁷⁷², хотя, как будет показано далее, на практике оно не соблюдалось уже в начале 1900-х гг., когда приступили к распродаже земли имения Красный Бор.

Настороженное отношение власти к католической церкви сохранилось до конца существования Российской империи. В 1916 г. ксендз Кореньского костела Станислав Ивановский обвинялся в *сворачивании крестьян из христианской веры в католическую*. Обвинение основывалось на изданном в 1908 г. запрете венчать прихожан по католическому обряду, если один из них был православным. За это предусматривалась уголовная ответственность (статья 362 Уложения о наказаниях). Ксендзу вменили в вину то, что еще в июне 1907 г. он обвенчал местного прихожанина Осипа Колошу с православной Антониной Мирончик. Не принимался во внимание даже тот факт, что вдовая мать Антонины была католичкой. Ксендза спасло лишь то, что венчание состоялось раньше, чем были изданы и обнародованы соответствующие запреты⁷⁷³.

Начало демографического перехода

На протяжении 1860-х — 1890-х гг. в белорусских губерниях Российской империи происходил значительный рост населения. Этот процесс представлял собой первую фазу так называемого *демографического перехода (demographic transition)*, наблюдаемого во всех странах мира при смене традиционного типа воспроизводства (баланс на основе высокой рождаемости и высокой смертности) современным (низкая рождаемость и низкая смертность). В классической, многократно описанной форме⁷⁷⁴ такой переход обычно характеризуется разрывом в темпах снижения обоих показателей. Благодаря совершенствованию медицинского обслуживания смертность уменьшается, тогда как рождаемость еще некоторое время остается на очень высоком уровне, характерном для традиционных обществ. Прежде чем она также начнет снижаться, население успевает значительно вырасти.

Принято считать, что на территории Восточной Европы демографический переход начался во второй половине XIX в., а завершился в первой половине XX в. К сожалению, отсутствие метрических книг и посемейных списков не позволяет надежно реконструировать динамику популяции Кореньщины в начальной фазе этого периода. Имеются только отрывочные материалы, относящиеся к населению всего Кореньского прихода, хотя по этим цифрам можно получить примерное представление и о населении исследуемого микрорегиона. В описании костела, составленном в 1856 г., общая численность его прихожан определена в 3515 душ⁷⁷⁵, а по данным консистории, на 1859 г. число прихожан составляло 3560 (1698 душ мужского пола и 1862 — женского)⁷⁷⁶. Поскольку эти данные практически синхронны материалам ревизии 1858 г., они позволяют установить долю Кореньщины в населении всего прихода, чтобы в дальнейшем экстраполировать ее на более поздние цифры. Число обитателей имений Корень и Красный Бор составляло, согласно ревизии, 1405 человек, а в действительности, вероятно, на 2–3 десятка больше. Это дает порядка 40–41% от населения Кореньского прихода.

На рубеже 1860 и 1861 гг. число прихожан костела составляло 3596 человек (соответственно 1943 мужчины и 1653 женщины)⁷⁷⁷, к началу 1862 г. — 3676 (1740 и 1936)⁷⁷⁸, к 1865 г. — 3854 (1837 и 2017)⁷⁷⁹, к 1866 г. — 3817 (1906 и 1911)⁷⁸⁰, к 1867 г. — 3882 (1909 и 1973, а по другим данным — 1865 и 2017)⁷⁸¹. Резкие колебания числа мужчин и женщин не могут объясняться динамикой рождений и смертей и явно указывают на несовершенство учета. Тем не менее они позволяют предполагать, что к 1862 г. население Кореньщины возросло примерно до 1500 человек, к 1867 г. — до 1600 или даже более (если допустить, что число прихожан несколько занижено). Похоже, что в эти годы имел место устойчивый рост — порядка 1% ежегодно.

⁷⁷² Гісторыя сялянства Беларусі са старажытных часоў да нашых дзён. Т. 2. С. 127—128, 153.

⁷⁷³ НИАБ. Ф. 299. Оп. 2. Ед. хр. 16532.

⁷⁷⁴ Woods R. I. Theoretical Population Geography. — London, 1982. P. 158 — 184; Caldwell J. C. The Mechanisms of Demographic Change in Historical Perspective // Population Studies. Vol. 35. 1981. No. 1. P. 5 — 27; Вишневский А. Г. Воспроизводство населения и общество. — М., 1982; Coale A. and Watkins S. C. The Decline of Fertility in Europe. — Princeton, 1986.

⁷⁷⁵ НИАБ. Ф. 1781. Оп. 27. Ед. хр. 460. Л. 37—44.

⁷⁷⁶ НИАБ. Ф. 1781. Оп. 32. Ед. хр. 34. Л. 14об.—15.

⁷⁷⁷ НИАБ. Ф. 1781. Оп. 32. Ед. хр. 76. Л. 23об.—24; Ед. хр. 77. Л. 3.

⁷⁷⁸ НИАБ. Ф. 1781. Оп. 32. Ед. хр. 78. Л. 34об.—35.

⁷⁷⁹ НИАБ. Ф. 1781. Оп. 32. Ед. хр. 81. Л. 160об.—161.

⁷⁸⁰ НИАБ. Ф. 1781. Оп. 32. Ед. хр. 82. Л. 48.

⁷⁸¹ НИАБ. Ф. 1781. Оп. 32. Ед. хр. 83. Л. 66, 69об.—70.

Более поздние данные противоречивы. Число прихожан Кореньского костела на 1875 г. определено в 3890 человек⁷⁸², т. е. по этим сведениям оно практически не изменилось за истекшие 8 лет. Официальные данные губернского статистического комитета указывают даже на сокращение числа католиков в населении Борисовского уезда с 23478 человек в 1863 г. (из них 1050 человек в городах Борисов и Докшицы)⁷⁸³ до 21496 человек в 1876 г. (включая 961 человек в городах)⁷⁸⁴. В то же время общая численность жителей уезда возросла со 116577 до 153092 человек, т. е. на 31%, а сельское население — на 21,5%. Эти цифры отражают или значительный переход католиков в православие, обусловленный политикой русификации и официальной ставкой на православие, или «лукавство» статистики, стремившейся соответствовать этой политике. Во всяком случае нет никаких сведений о массовых переходах в православие обитателей Кореньщины, равно как нет оснований считать значительным отток населения в конце 1860-х — начале 1870-х гг. Если предположить, что население микрорегиона росло теми же темпами, что и сельское население уезда в целом, то к 1876 г. оно должно было достигнуть примерно 1850 человек (около 4600 человек для всего прихода).

Нисколько не проясняет ситуацию список населенных мест Кореньского прихода (с указанием количества дворов и прихожан), составленный в 1877 г.⁷⁸⁵ Прежде всего, он охватывает не всю территорию прихода — полностью отсутствуют сведения о зоне, которую обслуживал в то время филиальный Ганевичский костел (в нее входили крестьяне бывшего имения Ганевичи). По Кореньщине список населенных пунктов, видимо, достаточно полон — отсутствует лишь застенки Нарбутово, но его показатели, похоже, приплюсованы к Кореню. Однако количество дворов и прихожан сильно занижено — по большинству селений оно уступает даже цифрам 1850-х гг. (таблица 49).

Т а б л и ц а 49. Количество дворов и прихожан в селениях Кореньщины по списку 1877 г.

Деревни	Число дворов	Число прихожан	Застенки и фольварки	Число дворов	Число прихожан
Громница	13	88	Алексополь	1	8
Жирблевичи	12	86	Антоновцы	1	5
Козыри	13	72	Гани	1	7
Корень	12	86	Гряда	1	5
Лищицы	10	94	Затишье	1	4
Михалковичи	17	102	Идалино	2	12
Прудки	28	147	Красный Бор	2	5
Терехи	14	106	Межигорье	1	6
Чернево	11	87	Остров	1	6
Всего в деревнях	130	868	Всего в застенках	11	58
			Итого	141	926

Столь же противоречивы сведения Борисовского деканата о числе прихожан Кореньского костела в начале 1880-х гг. В 1880 г. их было 4910 человек (2610 мужчин и 2300 женщин)⁷⁸⁶. Годом позже называются гораздо большие цифры — 6695 человек (3423 и 3272)⁷⁸⁷. Любопытно, что такая разбежка наблюдается в сведениях только по Кореньскому приходу. Для других костелов Борисовского уезда цифры за 1880 и 1881 гг. в целом близки между собой, а общее число католиков по уезду составляло в эти годы соответственно 27122 и 30017. В 1882 г. количество кореньских прихожан оценивалось в 6795 (3470 и 3325)⁷⁸⁸. Если предположить, что доля жителей исследуемого микрорегиона в составе прихода осталась прежней (порядка 40%), их численность в начале 1880-х гг. составляла либо около 2000–2100 человек (если верна цифра за 1880 г.), либо около 2700–2750 человек (если верить цифрам 1881 и 1882 гг.). Последнее представляется сомнительным, так как предполагает почти двукратное увеличение по сравнению с 1858 г. Население Борисовского уезда, по данным официальной статистики, выросло с 112067 человек (включая 7971 человека в городах) на конец 1857 г.⁷⁸⁹ до 172873 человек на конец 1880 г.⁷⁹⁰ и до

⁷⁸² НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Ед. хр. 2550. Л. 30.

⁷⁸³ Памятная книжка Минской губернии на 1865 г. Составлена и издана Минским губернским статистическим комитетом. — Мн., 1864. С. 3. Опубликованная практически одновременно статистика Генерального штаба дает для 1863 г. несколько меньшее число католиков Борисовского уезда (без городов) — 21641. См.: Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Минская губерния. Ч. 1 /Сост. И. Зеленский. — СПб., 1864. С. 414.

⁷⁸⁴ Памятная книжка Минской губернии на 1878 г. — Мн., 1877. Ч. 2. С. 25—27.

⁷⁸⁵ НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Ед. хр. 2550. Л. 152об.—154об.

⁷⁸⁶ НИАБ. Ф. 131. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 5об.—6.

⁷⁸⁷ НИАБ. Ф. 131. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 1об.—2.

⁷⁸⁸ НИАБ. Ф. 131. Оп. 1. Ед. хр. 35. Л. 2об.

⁷⁸⁹ Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Минская губерния. Ч. 1. С. 462—463.

176858 человек на конец 1883 г.⁷⁹¹, т. е. примерно в 1,6 раза. Это позволяет предполагать для Кореньщины цифру порядка 2200 человек в качестве наиболее правдоподобной на начало 1880-х гг.

Прямые данные о росте населения Кореньщины дают материалы переписи 1897 г. (таблица 50). В них по состоянию на 9 февраля упоминается 32 селение, а общая численность жителей составила чуть более 2900 человек⁷⁹² (рис. 10).

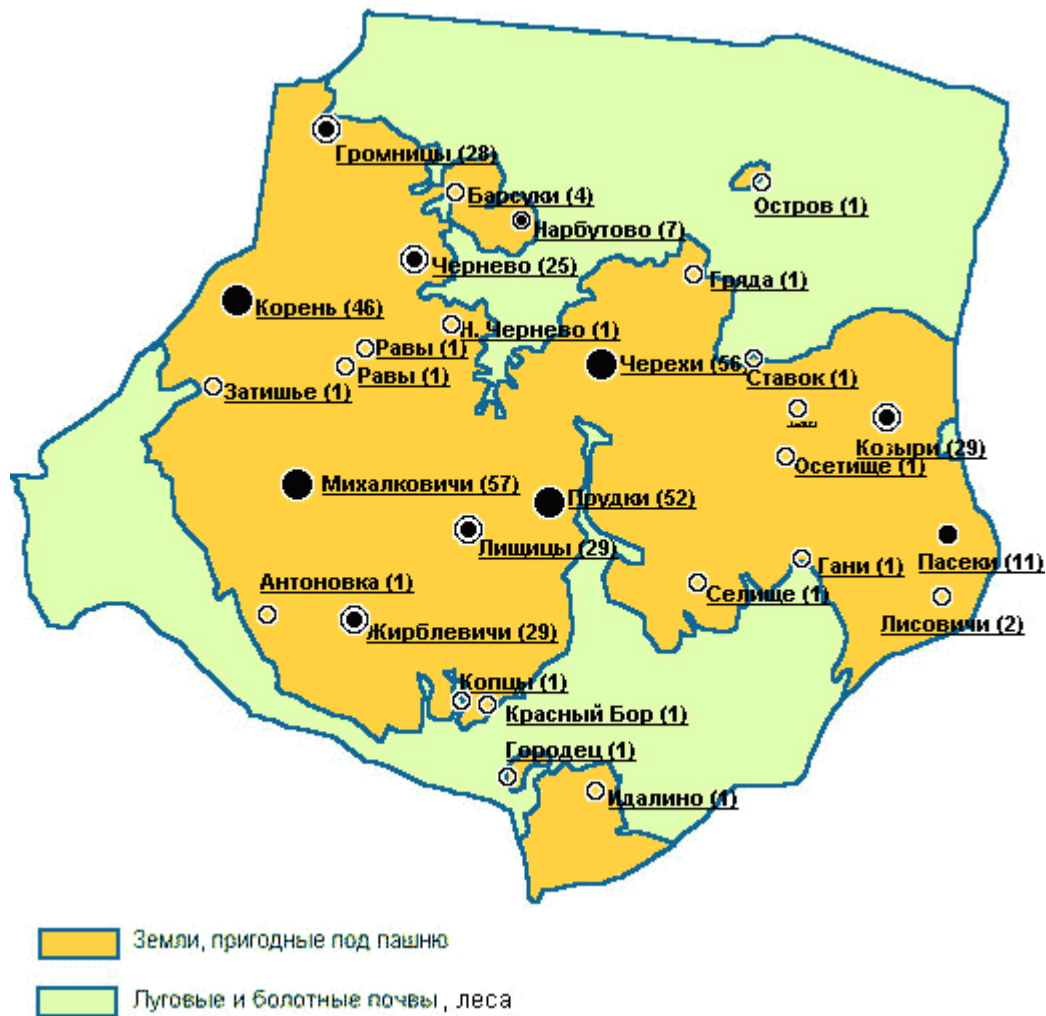

Рис. 10. Расположение поселений в 1897 г. (в скобках – количество дворов)

Таким образом, население Кореньщины с 1858 по 1897 г. увеличилось примерно вдвое. Такой темп в целом пропорционален росту населения Минской губернии, которое в 1858 г. составляло около 1 млн. человек, а по данным переписи — около 2,15 млн. Но при этом заметную роль в увеличении численности микрорегиона сыграло появление большого числа приезжих арендаторов, которые населяли большинство фольварков и застенков на помещичьих землях. Их точное число определить сложно, поскольку часть коренного населения также, видимо, переместилась на хутора и односелья, арендуемые у помещика. Все же можно полагать, что число приезжих арендаторов составляло порядка 400–500 человек (14–17%). Население старых деревень (на надельных землях) увеличилось только в 1,75 раза, но и этот рост весьма значителен. Вероятно, имел место и отток части местных уроженцев за пределы популяции. Его масштабы при отсутствии прямых данных оценить очень сложно, но разрозненные факты свидетельствуют, что выходцы из Кореньщины оседали в соседних волостях, а некоторые переселялись в города.

Главным «двигателем» демографического перехода считается снижение смертности. Вопрос о том, было это снижение единовременным или постепенным, достаточно сложен. Данные для определения коэффициентов рождаемости и смертности за указанный период имеются только на макроуровне — в отношении всей Минской губернии (доля крестьянского населения в ней на 1866 г. оценивалась в 70,1%⁷⁹³, по данным переписи 1897 г. — 71,8%⁷⁹⁴) и сопредельных территорий. К сожалению, они столь ненадежны, что могут привести к противоположным выводам.

⁷⁹⁰ Памятная книжка Минской губернии на 1883 г. — Мн., 1883. С. 243.

⁷⁹¹ Памятная книжка Минской губернии на 1886 г. — Мн., 1885.

⁷⁹² РГИА. Ф. 1290. Оп. 11. Ед. хр. 1299. Л. 605—635, 761, 762.

⁷⁹³ Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Минская губерния. Ч. 1. С. 469.

⁷⁹⁴ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. — СПб., 1903—1904. Вып. IV—V.

Т а б л и ц а 50. Население Кореньщины по данным переписи 1897 г.

Населенные пункты	Число дворов	Число мужчин	Число женщин	Всего
<i>Деревни</i>				
Громница	28	114	95	209
Жирблевичи	29	106	100	206
Козыри	29	95	97	192
Корень (село)	46	131	136	267
Лищицы	29	102	131	233
Михалковичи	57	171	170	341
Прудки	52	144	154	298
Терехи	56	179	166	345
Чернево	25	80	76	156
Всего в деревнях	351	1122	1125	2247
<i>Фольварки</i>				
Антоновка	1	3	5	8
Гани	1	9	5	14
Гряда	1	2	2	4
Затишье	1	8	10	18
Идалин	1	19	8	27
им. Красный Бор	1	3	3	6
Осетище (Межигорье)	1	7	4	11
Остров	1	5	3	8
Равы	1	8	7	15
Селище	1	3	6	9
Чернево	1	2	3	5
Всего в фольварках	11	69	56	125
<i>Застенки</i>				
Барсуки	4	13	14	27
Нарбутово	7	131	136	267
Пасеки	11	42	36	78
Пасеки (Лисовичи)	2	12	8	20
Всего в застенках	24	198	194	392
<i>Мельницы</i>				
Городец	1	1	1	2
Копцы	1	0	0	0
Остров	1	2	1	3
Всего на мельницах	3	3	2	5
<i>Урочища и односелья</i>				
Козыри (Табун)	1	5	4	9
Моисеев Лог	1	7	4	11
Новинки	2	6	7	13
Равы	1	2	2	4
Ставок	1	7	4	11
Всего в урочищах	6	27	21	48
Итого	395	1419	1398	2917

Материалы официальной статистики по территории Европейской России, опубликованные А. Г. Рашиным⁷⁹⁵, как будто подтверждают мнение о классической модели перехода — опережающем снижении смертности при одновременном, но более плавном снижении рождаемости. Раньше всего снижение обоих показателей отмечено в Прибалтике, где ситуация была наиболее близка к западноевропейской. Самые низкие показатели рождаемости и смертности были характерны для Курляндской губернии. И наоборот, самый высокий уровень баланса наблюдался на востоке Европейской России. Лидировала в этом плане Пермская губерния. Минская губерния имела промежуточные показатели, хотя и более близкие к Западу, чем к Востоку (таблица 51).

Однако необходимо учитывать, что статистический учет в Российской империи в третьей четверти XIX в., а отчасти и в 1880-е гг. был далеко не точным. Если количество рождений и смертей, определяемое по метрическим книгам, более-менее соответствовало действительности, то данные о численности населения отличались большими погрешностями. Поэтому занижение численности населения приводило к заметному завышению коэффициентов рождаемости и смертности, особенно в 1860-е — 1870-е гг. Этот вопрос затрагивался уже в первом демографическом обзоре Минской губернии, опубликованном в 1864 г. Его составитель И. Зеленский отмечал, что изменение численности населения губернии, фиксируемое ревизиями 1850

⁷⁹⁵ Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811—1913 гг.): Статист. очерки. — М., 1956. С. 167—168, 187—188.

и 1858 гг., совершенно не соответствует сумме рождений и смертей за тот же период, причем разница не может быть отнесена за счет миграций. Проанализировав весь комплекс данных, он пришел к выводу, что общая численность населения оказалась заниженной по крайней мере на 90–95 тыс. человек, или примерно на 10%⁷⁹⁶.

Т а б л и ц а 51. Коэффициенты рождаемости и смертности в некоторых губерниях Европейской России в 1861–1913 гг.

Годы	По всем 50 губерниям		Пермская губ.		Минская губ.		Курляндская губ.	
	коэффициент рождаемости	коэффициент смертности	коэффициент рождаемости	коэффициент смертности	коэффициент рождаемости	коэффициент смертности	коэффициент рождаемости	коэффициент смертности
1861–1865	50,7	36,5	55,2	45,6	53,0	29,5	36,2	22,0
1866–1870	49,9	37,4	56,4	45,6	46,9	28,3	31,0	24,5
1871–1875	51,2	37,1	58,5	45,5	47,1	30,7	31,0	19,1
1876–1880	49,5	35,7	55,4	43,6	44,4	25,9	29,0	18,5
1881–1885	50,5	36,4	56,7	45,0	44,1	27,4	28,8	19,2
1886–1890	50,2	34,5	55,1	44,2	45,5	25,3	27,8	17,7
1891–1895	48,9	36,2	53,6	41,8	46,9	26,3	26,5	17,5
1896–1900	49,5	32,1	55,9	40,9	45,1	24,9	28,6	19,3
1901–1905	47,7	31,0	54,8	40,8	43,3	24,3	27,5	19,0
1906–1910	45,8	29,5	57,7	41,3	39,7	20,3	23,4	16,6
1911–1913	49,3	27,1	55,2	42,2	37,5	18,2	24,6	16,8

Такое положение в статистике не было полностью исправлено вплоть до первой общероссийской переписи населения. На 1 января 1897 г. численность населения Минской губернии оценивалась в 2101789 человек, тогда как перепись дала по состоянию на 28 января заметно большую цифру: 2160045 человек постоянного населения, или 2147621 — наличного⁷⁹⁷. Разница в постоянном населении составила более 58 тыс. человек, или 2,7%. При этом по Борисовскому уезду статистика насчитывала на 1 января 1896 г. 199101 человека сельского населения (без Борисова и заштатного города Докшицы)⁷⁹⁸, а на начало 1897 г. эта цифра резко выросла до 220136, т. е. на целых 10,5%. Городское население на 1 января 1897 г. оценивалось в 28034 человека, из них 22314 — в Борисове⁷⁹⁹. Перепись дала цифры в 219526 человек наличного сельского населения и 18705 — городского⁸⁰⁰.

Все это показывает, что цифры за период до 1897 г., приведенные в таблице 51, нуждаются в корректировке. В таблице 52 предлагается попытка такой корректировки для Минской губернии. Официальные данные о числе рождений и смертей⁸⁰¹ оставлены без изменений, а численность населения скорректирована с помощью метода обратной проекции, при этом за основу взята цифра переписи 1897 г. как относительно точная. Учет миграций производился таким образом, чтобы выйти на цифру населения на 1858 г., соответствующую оценке И. Зеленского.

Корректировка привела к заметному уменьшению коэффициентов рождаемости и смертности Минской губернии в 1860-е — 1870-е гг., еще более приблизив их к показателям, характерным для Курляндии и других прибалтийских губерний. При этом какой-либо устойчивой динамики обоих коэффициентов в это время не наблюдается, а уровень рождаемости колеблется вокруг значений, достигнутых уже в 1850-е гг. Реальное снижение смертности, с 32–33 до 25 промилле, произошло лишь однократно, на рубеже 1850-х и 1860-х гг., т. е. сразу после отмены крепостного права. В следующие десятилетия проявлялись последствия этого снижения, в результате которого разрыв между рождаемостью и смертностью достиг 20 промилле. Вторым немаловажным обстоятельством стало отсутствие резких пиков смертности, характерных для предыдущих десятилетий. Рекордный уровень в 32,6 промилле, зафиксированный в 1872 г., не идет ни в какое сравнение со вспышкой 1855 г. — 55,6 промилле. Этих двух факторов оказалось достаточно, чтобы ежегодный прирост населения сохранялся в пределах от 1,5 до 2%, в годы относительных всплесков смертности понижаясь до 1%.

⁷⁹⁶ Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Минская губерния. Ч. 1. С. 450—451.

⁷⁹⁷ Кобузан В. М. Народы России в первой половине XIX в. Численность и этнический состав. — М., 1992. С. 106.

⁷⁹⁸ Памятная книжка Минской губернии на 1897 г. — Мн., 1896.

⁷⁹⁹ Памятная книжка Минской губернии на 1898 г. — Мн., 1897.

⁸⁰⁰ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / Под ред. Н. А. Тройницкого. Вып. 6: Наличное население обоего пола по уездам и городам, с указанием преобладающих вероисповеданий и сословий. — Б. м., 1905. С. 17.

⁸⁰¹ Эти данные по губернии в целом и с разбивкой по уездам опубликованы в изданиях «Статистического временника Российской империи», выходившего неперіодически в 1866—1890 гг. (всего за это время вышло 25 выпусков), а также в ежегодных «Памятных книжках Минской губернии». Пользуясь случаем, автор выражает благодарность сотруднику Института истории НАН Евгению Насытку, который любезно предоставил сделанные им выписки ежегодной статистики из этих изданий.

Т а б л и ц а 52. Скорректированные показатели естественного движения населения Минской губернии с 1859 по 1895 г.

Годы	Оценка численности на середину года	Число родившихся за год	Число умерших за год	Естественный прирост	Коэффициент рождаемости	Коэффициент смертности	Коэффициент естественного прироста
1859	1100000	50419	25695	24724	45,84	23,36	22,48
1860	1125000	48081	27160	20921	42,55	24,04	18,51
1861	1145000	50044	26323	23721	43,71	22,99	20,72
1862	1170000	55278	31507	23771	47,25	26,93	20,32
1863	1195000	55733	31501	24232	46,64	26,36	20,28
1864	1220000	55733	31496	24237	45,68	25,82	19,87
1865	1245000	54543	29980	24563	43,81	24,08	19,73
<i>За период 1861–1865</i>	5975000	271331	150807	120524	45,41	25,24	20,17
1866	1270000	52157	32123	20034	41,07	25,29	15,77
1867	1290000	54406	31028	23378	42,18	24,05	18,12
1868	1310000	53118	35455	17663	40,55	27,06	13,48
1869	1330000	54469	32155	22314	40,95	24,18	16,78
1870	1350000	52691	34136	18555	39,03	25,29	13,74
<i>За период 1866–1870</i>	6550000	266841	164897	101944	40,74	25,18	15,56
1871	1375000	57952	35654	22298	42,15	25,93	16,22
1872	1390000	58629	45297	13332	42,18	32,59	9,59
1873	1410000	60737	39161	21576	43,08	27,77	15,30
1874	1430000	62715	39266	23449	43,86	27,46	16,40
1875	1460000	62691	37342	25349	42,94	25,58	17,36
<i>За период 1871–1875</i>	7065000	302724	196720	106004	42,85	27,84	15,00
1876	1485000	65394	34611	30783	44,04	23,31	20,73
1877	1515000	63712	34031	29681	42,05	22,46	19,59
1878	1540000	59684	35970	23714	38,76	23,36	15,40
1879	1565000	64519	36924	27595	41,23	23,59	17,63
1880	1590000	64650	44300	20350	40,66	27,86	12,80
<i>За период 1876–1880</i>	7695000	317959	185836	132123	41,32	24,15	17,17
1881	1610000	64831	44782	20049	40,27	27,81	12,45
1882	1635000	72651	46828	25823	44,43	28,64	15,79
1883	1660000	69714	40328	29386	42,00	24,29	17,70
1884	1690000	67939	40733	27206	40,20	24,10	16,10
1885	1720000	73421	44914	28507	42,69	26,11	16,57
<i>За период 1881–1885</i>	8315000	348556	217585	130971	41,92	26,17	15,75
1886	1750000	74054	39136	34918	42,32	22,36	19,95
1887	1780000	75964	45254	30710	42,68	25,42	17,25
1888	1815000	80872	44117	36755	44,56	24,31	20,25
1889	1850000	83906	45971	37935	45,35	24,85	20,51
1890	1890000	84789	49238	35551	44,86	26,05	18,81
<i>За период 1886–1890</i>	9085000	399585	223716	175869	43,98	24,62	19,36
1891	1925000	85506	48408	37098	44,42	25,15	19,27
1892	1965000	86037	49595	36442	43,78	25,24	18,55
1893	2000000	92478	49501	42977	46,24	24,75	21,49
1894	2045000	92462	52566	39896	45,21	25,70	19,51
1895	2085000	95091	53461	41630	45,61	25,64	19,97
<i>За период 1891–1895</i>	10020000	451574	253531	198043	45,07	25,30	19,76

Такая картина демографического перехода не позволяет объяснять его только успехами медицины, которые в начале 1860-х годов были неощутимы в сельской местности. Лишь с декабря 1868 г. в западных губерниях Российской империи, где не были введены земства, началось создание медицинской службы для крестьян. Предусматривалось иметь на уезд одного сельского врача, 7–9 фельдшеров (по одному на 7 тыс. населения) и 3 акушерок. На комплектование волостных аптек и закупку медицинских инструментов выделялось всего 125 руб. на уезд⁸⁰². Возможно, появление сельских врачей сказалось на одной из составляющих прироста населения — отсутствии всплеск смертности. Но вторая составляющая, снижение общего фона смертности до уровня 25 промилле, требует иного объяснения. Наиболее вероятным представляется, что это снижение было напрямую связано с тем событием, с которым оно совпало по времени, — с отменой крепостного права, прежде всего барщины. Высвободившиеся 4–5 человеко-дней в неделю позволили матерям уделять больше внимания своим детям, а старики и подростки могли совершенно беспрепятственно сконцентрироваться на присмотре за малолетними. Результат не замедлил сказаться. И вряд ли случайно, что достигнутый при этом уровень смертности оказался очень близок к тому, что наблюдался у западноевропейских крестьян, не знавших барщины, на протяжении XVIII — первой половины XIX в.

Новое снижение смертности до уровня 18 промилле, как явствует из таблицы 51, произошло только в начале XX в. Это событие уже достаточно уверенно можно связывать с улучшением медицинского обслуживания. С 1887 г. количество сельских врачей и фельдшеров в белорусских губерниях увеличилось вдвое. Каждый уезд делился на два врачебных участка, при каждом из них открывалась больница на 8–12 коек. С 1903 г. уезды Минской губернии делились на 3 врачебных участка, а к 1913 г. их стало по 6–8 на уезд⁸⁰³.

Достаточно показательны медицинские отчеты по врачебным участкам Борисовского уезда за 1912 г. В отчете о состоянии здравоохранения по Логойскому участку за 1912 г.⁸⁰⁴ численность населения Гайно-Слободской волости оценена примерно в 14 тыс. жителей. В середине отчетного года эта волость передана в состав вновь образованного Плещеницкого врачебного участка⁸⁰⁵. Общее население трех составивших его волостей (Гайно-Слободской, Мильчанской и Плещеницкой) указано в 33 тыс. чел. На весь участок приходились 1 врач (в местечке Плещеницы), 1 акушерка (там же) и 3 фельдшера (из них 1 — в Гайно-Слободской волости). Участковая больница в Плещеницах имела 6 коек. За полгода в ней лечились 66 человек. Амбулаторно услугами врача воспользовались 3279 человек, услугами фельдшеров — 9090, в порядке частной практики врач обслуживал еще 320 человек, фельдшеры — 14. Из учтенных 12703 случаев заболеваний самую значительную группу составляли болезни органов пищеварения — 3299, или около 26 % (из них 2820 случаев определены как *желудочно-кишечный катар*, еще 729 составили болезни полости рта и зева). Второе место занимали незаразные болезни органов дыхания — 1970 случаев (15,5 %), в том числе воспаления дыхательных путей — 1443. К ним примыкали такие инфекционные заболевания, как грипп (653 случая, или 5,1 %) и крупозная пневмония (253, или 2 %). Достаточно распространенными заболеваниями были истерия и невралгия — 504 случая (4 %), чесотка — 469 (3,7 %), анемия, или *бледная немочь*, — 418 (3,3 %).

Приведенную выше статистику можно сравнить с факторами смертности, отраженными в метрических книгах Кореньского костела за 1820-е — 1840-е гг. Конечно, данные не вполне сопоставимы между собой. В одном случае речь идет о смертельных исходах за много лет, а в другом — об общей заболеваемости, повлекшей обращение за медицинской помощью в течение 6 месяцев. Тем не менее некоторые выводы сделать можно. К началу XX в. явно отступили наиболее грозные инфекции, бывшие ранее главными причинами детской смертности: оспа, скарлатина, дифтерия, корь. Две первые вообще не зарегистрированы за полугодие среди 33-тысячной выборки. На корь пришлось всего 44 случая, на дифтерию — 17. Правда, относительно распространенными оставались коклюш (116 случаев, 0,9%) и лихорадка (295, или 2,3%). Заболеваний брюшным тифом зарегистрировано 31, сыпным тифом — 17.

Динамику численности населения Кореньщины с 1897 г. до начала Первой мировой войны оценить сложно. Известно, что общее количество населения губернии за это время увеличилось на 38,5%, достигнув в январе 1914 г. 2992 тыс. человек⁸⁰⁶. Но проецировать общегубернскую динамику на территорию Кореньщины при отсутствии прямых данных слишком рискованно, поскольку имели место активные миграционные процессы. В начале XX в. часть земель имения Красный Бор была распродана, и на них осели около 40 пришлых семей (об этом ниже будет сказано более подробно). Можно лишь

⁸⁰² Гісторыя сялянства Беларусі са старажытных часоў да нашых дзён. Т. 2. С. 481.

⁸⁰³ Гісторыя сялянства Беларусі са старажытных часоў да нашых дзён. Т. 2. С. 481—483.

⁸⁰⁴ НИАБ. Ф. 299. Оп. 3. Ед. хр. 1444.

⁸⁰⁵ НИАБ. Ф. 299. Оп. 3. Ед. хр. 1443.

⁸⁰⁶ Памятная книжка Минской губернии на 1915 г. — Мн., 1914. С. 3.

предполагать в самом общем виде, что население в эти годы устойчиво росло. В начале 1914 г. его численность, вероятно, приблизилась к 3500 человекам. Но с началом войны должно было произойти падение численности.

Это подтверждается данными Всероссийской аграрной переписи 1916–1917 гг., которые относятся к третьему году войны. Они как бы подводят итог всем переменам, произошедшим после отмены крепостного права, и одновременно отражают воздействие военных лет. В материалах переписи указано и количество мужчин, мобилизованных в российскую армию (таблица 53).

Т а б л и ц а 53. Население Кореньщины в 1917 г.

Селения	Кол-во наличных дворов	Количество взрослых мужчин				Всего мужчин	Взрослых женщин		Всего женщин	Всего населения
		в трудо-способном возрасте	в нетрудо-способном возрасте	из них в армии	отсут. по другим причинам		в трудо-способном возрасте	в нетрудо-способном возрасте		
Громница	45	86	22	45	0	147	88	5	145	292
Жирблевичи	39	66	18	28	0	119	63	11	130	249
Козыри	30	61	15	22	3	107	57	8	92	199
Корень	58	72	17	30	0	142	74	7	132	274
Лищицы	31	58	11	28	0	102	61	4	97	199
Михалковичи	81	121	8	55	3	195	123	10	228	423
Нарбутово	8	10	1	6	0	24	14	2	27	51
Прудки	57	70	12	41	0	145	103	2	168	313
Терехи	68	114	12	64	0	209	115	6	203	412
Чернево	34	51	5	22	0	89	52	2	101	190
Всего на надельных землях	451	709	121	341	6	1279	750	57	1323	2602
Имение										
Красный Бор	4	5	0	1	0	10	7	0	13	23
Антоновка	12	19	4	6	1	34	19	5	38	72
Гани	12	15	7	8	0	41	20	2	37	78
Гряда	3	7	1	4	0	17	5	1	9	26
Лисовичи	1	1	2	1	0	4	1	0	1	5
Новое Чернево	17	39	2	16	2	61	32	0	52	113
Остров	1	3	2	0	0	5	2	1	6	11
Табун	1	3	1	2	0	6	0	0	3	8
Хутора арендаторов*	10	24	0	10	0	37	25	0	43	80
Всего на помещичьих землях	61	116	19	48	3	215	111	9	202	416
Итого	512	825	140	389	9	1494	861	66	1525	3018

* Коренево, Осетище, Селище, Ставок

Общая численность оказалась всего на 100 человек выше, чем в 1897 г. Это означает, что весь предыдущий прирост был утрачен в результате войны или миграций. Недавно прибывшие (жители деревень Антоновка, Гани, Гряда, Новое Чернево) составляли примерно 12% от населения микрорегиона, а арендаторы — около 2,7%. Видимо, переселенцы заменили собой большую часть арендаторов 1897 г., а процент коренного населения изменился несущественно. Основная убыль военных лет также пришлась на новоприбывших и арендаторов, тогда как в надельных деревнях население возросло на 15,8% — с 2247 человек в 1897 г. до 2602 в 1917 г.

Миграции и разделы

Демографический рост оказался серьезным вызовом, требовавшим от общества должного ответа. На уровне отдельной семьи этот вызов ощущался далеко не всегда: случайности репродуктивных исходов приводили к тому, что на фоне общего роста населения некоторые хозяйства оставались без наследника и вынуждены были принимать примаков либо вовсе исчезали. Те, кто имели единственного сына, тоже не испытывали никаких проблем. Но в большинстве случаев предстояло решать проблему постоянного размера надела при возрастающем числе членов хозяйства. Возможных вариантов решения этой проблемы было четыре:

- уход избыточного населения в города или переселение в другие регионы;
- совместное хозяйствование;
- раздел и дробление надела между наследниками;
- аренда и покупка новых земель по мере разрастания семьи.

Первый из этих вариантов очень сложно проследить на микроуровне, поскольку без ревизских сказок и аналогичных им учетных документов установить точное число покинувших популяцию невозможно. При сплошном анализе архивных фондов, отражающих миграции (выдачу паспортов и разрешений на переселение), можно было выбрать факты, относящиеся к исследуемому объекту. Но во многих случаях такие документы откладывались на губернском уровне, что превращает эту задачу в поиск иголки в стоге сена. Поэтому ступень миграции из деревни приходится рассматривать на макроуровне.

В. П. Панютяч, пытаясь подтвердить тезис классиков марксизма об обязательном присутствии на начальной стадии развития капитализма так называемого *скрытого аграрного перенаселения*, пришел к следующим выводам. По оценкам российских статистиков конца XIX в., один взрослый работник мог обработать за год в среднем 2,3 дес. посевной площади, при выращивании трудоемких культур (лен, картофель, овощи) на каждые 2 дес. требовался дополнительно еще один работник. Если сопоставить эти цифры с общей площадью посевов и количеством трудоспособного населения, получалось, что в 1890 г. примерно треть работников (32,7%) были «лишними» — их наличие не было обязательным для того, чтобы обработать всю землю⁸⁰⁷. Эти подсчеты не лишены интереса, но нужно помнить, что смысл существования людей, пусть даже в трудоспособном возрасте, не сводился к тому, чтобы вспахать и засеять всю имеющуюся землю. Время, уделяемое этой процедуре, определялось еще и чаяновской мерой самоэксплуатации, вследствие чего излишек рабочей силы, объективно существовавший в деревне, субъективно мог вовсе и не ощущаться или ощущаться в гораздо меньшей степени.

Видимо, этим отчасти объясняется тот факт, что пореформенные белорусские крестьяне поначалу демонстрировали сравнительно низкий уровень мобильности на общем фоне Европейской России. При том, что население 5 белорусских губерний составляло 7,5% населения этой части империи, среди отходников белорусы составляли только 5%. В 1880-е гг. в белорусских губерниях на 1000 человек сельского населения ежегодно бывало востребовано 48 временных паспортов и отпускных билетов, тогда как в среднем по Европейской России — 69. В 1890-е гг. эти показатели составили соответственно 62 и 83⁸⁰⁸. Внутри Беларуси В. П. Панютяч выделил 6 зон с разной интенсивностью и направлениями отходничества. Наиболее интенсивным оно было в уездах Подвинья, прилегающих к Латгалии, — 68 отходников в год на 100 крестьянских дворов. В других регионах число отходников на 100 дворов составляло от 24 до 57, причем территория Кореньщины попадает в регион, где их число было наименьшим⁸⁰⁹.

Менее интенсивным был и отток населения в города. В 1866 г. выходцы из крестьян насчитывали всего 3,4% городского населения Беларуси, или 0,5% самого крестьянского сословия. На момент переписи 1897 г. в городах Беларуси постоянно проживали 2,5% лиц, принадлежавших к указанному сословию, при этом они составляли 19,1% населения городов. В Минской губернии данный показатель был самым низким — 16,3%, тогда как в целом по Европейской России выходцы из сельских сословий составляли в то время 43% городского населения. По мнению В. П. Панютяча, большую роль играло слабое развитие фабрично-заводской промышленности (но тут сложно разобрать, что было причиной, а что следствием), а также сильная конкуренция со стороны евреев, преобладавших среди населения белорусских городов и местечек. Удерживаемые там своей принадлежностью к мещанскому сословию, а также чертой оседлости, которая не позволяла им расселяться в собственно российские города, евреи заполняли все вакансии, на которые могли бы рассчитывать выходцы из белорусской деревни и которые беспрепятственно заполнялись русскими крестьянами в городах Европейской России⁸¹⁰.

Закрепиться в городе можно было, только владея каким-то ремеслом. Для этого требовалось образование, превышающее уровень сельской школы. Чтобы получить его, следовало отрядить своего отпрыска в городское четырехклассное училище, откуда можно было поступить, например, в учительскую семинарию и приобрести профессию сельского учителя. Другие училища, дающие профессию телеграфиста или кузнеца, были платными, и решиться на такой расход мог не просто зажиточный, но и особо склонный к новациям хозяин. По свидетельству Н. Улащика, даже в зажиточной Вицковщине детей начали отдавать в городскую науку только после 1905 г., и до революции из 18 хозяйств в город перебрались 7 человек. На Кореньщине, по данным переписи 1917 г., отсутствующими помимо службы в армии значились всего 6 взрослых мужчин на надельных землях и 3 — на купчих (см. таблицу 53). Видимо, все или часть из них работали в городе.

⁸⁰⁷ Панютяч В. П. Из истории формирования пролетариата Белоруссии 1861—1914 гг. — Мн., 1969. С. 31—32, 36—38; Гісторыя сялянства Беларусі са старажытных часоў да нашых дзён. Т. 2. С. 136.

⁸⁰⁸ Гісторыя сялянства Беларусі са старажытных часоў да нашых дзён. Т. 2. С. 197.

⁸⁰⁹ Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: У 6 т. Т. 1. — Мн., 1993. С. 64.

⁸¹⁰ Панютяч В. П. Социально-экономическое развитие белорусской деревни в 1861—1900 гг. С. 49 и далее; Гісторыя сялянства Беларусі са старажытных часоў да нашых дзён. Т. 2. С. 201—202.

Белорусские крестьяне также не слишком активно использовали возможность для переселения в другие регионы России, где евреи вовсе не проживали. Эта возможность стала более-менее реальной с 1881 г. и особенно с выходом закона «О переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли» от 13 июля 1889 г., который позволил крестьянам перебираться на новое место без санкции сельского общества. Правда, в 1892 г. выдачу разрешений на переселение временно приостановили⁸¹¹. К началу 1897 г. за пределами Минской губернии обитали 4,3%, а за пределами всех 5 западных губерний — 6% их уроженцев, притом далеко не все из них были крестьянами. В Сибири их насчитывалось еще очень немного — 33,9 тыс. (6,6% от всех покинувших эти губернии). В целом по Европейской России за пределами родных губерний жило 7,8% населения, по всей империи — 9,4%⁸¹².

В 1896 г. в связи с началом широкого освоения районов Сибири, прилегающих к Сибирской железной дороге, выдача разрешений на переселение возобновилась, а порядок их получения еще более упрощался. С этого времени поток переселенцев в Сибирь стал нарастать. В течение 1896–1899 гг. туда переселились 66,9 тыс. крестьян из западных губерний, но 14,3% вернулись назад. В 1901–1905 гг. число переселенцев из этих же губерний составило еще 72,8 тыс., но 11,3% из них тоже не смогли устроиться на новом месте. Основную массу отъезжающих (более 70%) представляли выходцы из восточных регионов — Могилевской и белорусской части Витебской губернии⁸¹³.

К началу XX в. отток избыточного населения из белорусской деревни стал уже ощутим на местном уровне, но отчасти чиновники, видимо, выдавали желаемое за действительное. Согласно рапорту борисовского уездного податного инспектора от 2 декабря 1901 г., за 4 предыдущих года естественный прирост населения Гайно-Слободской волости составил 3,9%, но в связи с начавшимся значительным переселением в Сибирь общее количество дворов якобы не увеличивалось, а даже сокращалось. Действительно, если в 1884 г. в Гайно-Слободской волости было 906 дворов (см. таблицу 54), то, согласно рапорту 1901 г., их осталось 868, в среднем на двор приходилось 13,4 дес. земли⁸¹⁴, что намного выше средних показателей по белорусским губерниям (они составляли около 10 дес. на двор⁸¹⁵). Но похоже, что эти данные попросту фиктивны. По сведениям такого же рапорта на 1 января 1909 г., население волости насчитывало уже 11146 человек, количество дворов составляло 1279, а их обеспеченность землей — чуть менее 9 дес. на двор⁸¹⁶. Признание достоверными обеих цифр численности населения, за 1901 и 1909 гг., означало бы 40-процентный прирост за 8 лет между ними, что маловероятно как на общегубернском фоне, так и с учетом продолжавшегося переселения, которое как раз в конце 1900-х гг. достигло своего максимума.

Число мигрантов из западных губерний в 1907–1909 гг. составило почти 250 тыс. За последующие 5 лет, с 1910 по 1914 г., их было только 87 тыс. Назад в период с 1907 по 1914 г. вернулись 10,9%, в том числе в годы, следовавшие за пиком эмиграции (в 1910 и 1911), количество возвращающихся составляло 37,2% от числа уезжающих. Многие возвращались не в родные места, а оседали в городах, превращаясь в профессиональных батраков⁸¹⁷.

Спад объясняется тем, что и на новом месте условия оказались не завидными. В среднем на одну переселенческую семью из Беларуси приходилось всего 6 дес. земли. К тому же для обустройства требовались гораздо большие средства, чем те, которыми располагали новоприбывшие. Средняя выручка от земли, проданной ими на родине, составляла порядка 200–250 руб., тогда как стоимость полного обустройства оценивалась на менее чем в 450 руб.⁸¹⁸

В итоге за 33 года в переселенческом движении с разным успехом приняли участие около 438 тыс. белорусских крестьян, т. е. 9% от общего числа (около 4,6 млн.) таких переселенцев из европейских губерний России⁸¹⁹. Так что в конце концов удельный вес белорусов среди мигрантов превысил их долю в населении Европейской России, но это произошло лишь в начале XX в.

⁸¹¹ Патканов С. Краткий очерк колонизации Сибири // Ежегодник России 1907 г. — СПб., 1908. С. XXIV, XXVII—XXIX.

⁸¹² Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. — СПб., 1903—1904. Вып. IV, V, XI, XXII, XXIII; Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. — СПб., 1905. Вып. 1. С. 2, 124—127, 142—145; Гісторыя сялянства Беларусі са старажытных часоў да нашых дзён. Т. 2. С. 203—205.

⁸¹³ Турчанинов Н. Итоги переселенческого движения за время с 1896 по 1909 г. (включительно). — СПб., 1910. С. 30—35.

⁸¹⁴ НИАБ. Ф. 333. Оп. 4. Ед. хр. 7967. Л. 124—144.

⁸¹⁵ Панютин В. П. Социально-экономическое развитие белорусской деревни в 1861—1900 гг. С. 92.

⁸¹⁶ НИАБ. Ф. 333. Оп. 4. Ед. хр. 13831. Л. 14.

⁸¹⁷ Турчанинов Н. Итоги переселенческого движения за время с 1896 по 1909 г. (включительно). С. 32—35; Турчанинов Н., Домрачев А. Итоги переселенческого движения за время с 1910 по 1914 г. — Пг., 1916. С. 30—34.

⁸¹⁸ Липинский Л. П. Столыпинская аграрная реформа в Белоруссии. — Мн., 1978. С. 129; Гісторыя сялянства Беларусі са старажытных часоў да нашых дзён. Т. 2. С. 380.

⁸¹⁹ Бородкин Л. И., Максимов С. В. Крестьянские миграции в России/СССР в первой четверти XX века (Макроанализ структуры миграционных потоков) // Отечественная история. 1995. № 5. С. 124—125, 132.

Как минимум два хозяйства Кореньщины делегировали своих представителей **на заработки в Америку**. Глава одного из них, Антон Иванов Лис из Козырей, имел несколько сыновей, что позволяло ему обходиться без батраков, несмотря на большое хозяйство — не менее 4 коней, конная молотилка. Один из младших, Иосиф, родившийся около 1890 г., незадолго до революции уехал в штат Иллинойс. Деньги на дорогу (около 300 руб.) ему собрали всей семьей. После революции он не вернулся домой и остался жить в Америке. По окончании Второй мировой войны от него пришло письмо, но родственники не решились вести переписку с заграницей, и связь оборвалась.

В источниках советского времени упоминается также, что побывал в Америке и вернулся в 1920-е гг. Иван Игнатович Батура из Нового Чернева. Ранее, еще в 1900-е гг., в Америке провел 9 лет и вернулся с заработанными деньгами Франц Фалей из Больших Укропович. Этот случай хотя и не относится к территории Кореньщины, но к нему имели отношение ее уроженцы — Иван, Антон и Петр Адамовы Щербовичи из деревни Громница. Кроме того, случай очень интересен сам по себе.

В 1918 г. братья Щербовичи арендовали на 3 года участок в 30 дес. с постройками, принадлежавший жителям Больших Укропович Николаю Семенову и Михаилу Николаеву Фалеям. По истечении срока аренды в 1922 г. они отказались возвращать землю законным владельцам. Те обратились в волостной суд. В их заявлении указывается, что вследствие недостатка надельной земли они в свое время отправили одного члена семьи, Франца Фалея, на заработки в Америку. Там он провел около 9 лет, причем, как говорится в заявлении, *первое время, не зная чуждых ему языка и обычаев, перенес много горя и страданий, а затем, работая без устали, скопил немного денег и возвратился домой*. На эти деньги семья в 1911 г. купила около 80 дес. земли. Однако, чтобы обустроить их и возвести необходимые постройки, пришлось влезть в долги и даже продать часть скота, причем около 40 дес. оказались непригодными к обработке и остались под дерном. Большая часть оставшегося участка была отдана в аренду братьям Щербовичам, чтобы расплатиться с долгами. Теперь же Щербовичи, имевшие около 15 дес. собственной земли в Громнице, отказались вернуть не только землю, но и молотилку, оставшуюся после Франца Фалея.

Время наложило свой неповторимый отпечаток на этот конфликт. Суд, состоявшийся 7 сентября 1922 г., исходил из революционного принципа: землей может владеть лишь тот, кто ее обрабатывает. Поэтому суд принял решение вернуть Фалеям постройки и молотилку, но в иске о земле отказать, так как у них имеется еще 60 дес., которые они не могут обработать личным трудом. Что касается спорного участка, то Щербовичам было позволено оставить в своем распоряжении лишь часть его — 7 дес. Остальная земля переходила в распоряжение земельного отдела волостного исполкома (*волземотдела*, часто называемого в документах также *волземкомом*). Теперь уже Щербовичи сочли себя обиженными и сгоряча подали в уездную земельную комиссию жалобу, что их лишают лучшего куса земли, которую они уже пятый год обрабатывают своим трудом. Однако, поразмыслив, стороны решили прийти к компромиссу, который позволил избежать потери земли. Щербовичи обязались возвратить Фалеям спорные 30 дес., а те взамен согласились отдать им участок, остававшийся под дерном. Учитывая достигнутое согласие, уездная комиссия вернула дело в волость, не рассматривая его. Повторный волостной суд состоялся 17 января 1923 г. Он утвердил соглашение, заключенное сторонами уже на новых условиях: Щербовичи возвращали Фалеям лишь постройки, молотилку и полосу земли площадью в 2 дес. Остальной спорный участок остался в их распоряжении⁸²⁰.

Но в любом случае трудовая миграция в США в начале XX в. была не слишком массовой. Она не может быть поставлена в сравнение с миграцией из Польши. В малопольской деревне, где проводил свое исследование Ецуо Ёшино, практически каждая семья имела родственников, оставшихся в Америке, причем оседали они в основном в том же штате Иллинойс. В округе бывали и такие случаи, когда уезжали 6 из 7 детей⁸²¹. Впрочем, значительная часть этой эмиграции пришлась на время после 1917 г., когда переселение из советской части Беларуси стало практически невозможным.

Второй и третий варианты ответа на демографический вызов можно рассматривать одновременно. Один из них (разрастание хозяйства) вел к росту психологического напряжения, другой (разделы) — к парцелляции и нищете. Судя по всему, правительство рассчитывало на второй вариант, следствием которого должно было стать превращение дворохозяйства в нечто подобное южнославянской задруге, где нередко сосуществовали 5–6 брачных пар. Но этот путь предполагал дальнейшее подавление индивидуальности в пользу духа коллективизма. Между тем импульсы модернизации, неизбежно проникавшие в деревню, толкали ее в противоположную сторону — к индивидуализации сознания. В итоге крестьяне в массе своей предпочли раздел.

⁸²⁰ ГАМО. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 45.

⁸²¹ Yoshino E. *Polscy chłopi w XX wieku. Podejście mikro-deskrytywne*. — Warszawa, 1997. S. 44.

Формально ст. 167 «Положения о выкупе» вообще запрещала разделы наделных участков до погашения выкупной ссуды. Разрешать такие разделы могло только губернское по крестьянским делам присутствие и лишь в том случае, если надел составлял не менее 20 дес. Но когда Минское губернское присутствие в 1882 г. затребовало от уездных присутствий сведения на это счет, выявилась весьма красноречивая картина⁸²². В представленных Борисовским уездным присутствием сведениях о количестве разделов отмечалось, что по состоянию на 19 февраля 1861 г. в уезде числилось 9814 дворохозяйств, а по именным спискам выкупных актов (на середину 1860-х гг.) — 11383. Хотя с тех пор уездное присутствие официально не утвердило ни одного документа о разделе наделных участков, эти разделы происходили явочным порядком, в результате чего число хозяйств на 1 июля 1882 г. достигло 15854. Таким образом, 4471 из них появились уже после составления выкупных актов — в результате разделов, имевших место более чем в 39% первоначальных хозяйств.

Причиной разделов уездное присутствие называет *ссоры и несогласие в семействах*, зачинщиками которых в большинстве случаев выступают женщины и возвратившиеся с военной службы солдаты. Ссоры обычно приводят к рассмотрению дела волостным судом, который устанавливает раздельное пользование хозяйством, хотя и сохраняет, как правило, сбор повинностей с целого участка. Присутствие констатировало, что дробление наделов не только вредно отражается на уплате податей, но и *влияет на экономический быт и нравственность крестьян, которые видят безнаказанность распрей и не подчиняются старшему в семье, а потом и старшим односельчанам и, наконец, волостным старшинам*. Находя поэтому разделы безусловно вредными, уездное присутствие предложило тем не менее утвердить состоявшиеся разделы, а в дальнейшем запретить их лишь в случаях, когда на одну из частей приходится менее 10 дес.

Для предотвращения разделов предлагались меры консервативно-патриархального характера. Предлагалось предоставить отцу право распоряжаться всем движимым и недвижимым имуществом, включая и право решать, кто из сыновей остается на домашних работах, а кто уходит на заработки. Это, а также право отца завещать участок по своему усмотрению должно было принудить младших членов семьи к повиновению. В случае отсутствия завещания судьбу надела предписывалось решать старикам-односельчанам. Им же, по мнению чиновников, следовало определять сумму, которую оставшиеся наследники выплачивают члену, покидающему хозяйство.

Рапорты других уездных присутствий Минской губернии отражают в целом аналогичную картину и предлагают схожие меры по предотвращению разделов. В частности, Речицкое присутствие называет главной причиной разделов *отсутствие братской родственной любви и неуважение к старшему*. Выход членам этого присутствия виделся в *повышении нравственности*. Слуцкое присутствие отмечает, что в 90 случаях из 100 виновниками разделов являются возвратившиеся с военной службы молодые крестьяне, которые не желают подчиняться старшему в семье. В качестве превентивной меры оно предлагает оригинальное на общем фоне средство — введение майоратов, т. е. наследование участка старшим сыном.

В другом деле губернского крестьянского присутствия содержатся поволостные данные о числе разделов в Борисовском уезде с 1 января 1874 по 1 января 1884 г.⁸²³ В частности, в Гайно-Слободской волости на начало 1874 г. числилось 699 крестьянских хозяйств, а за 10 лет их количество увеличилось до 906, или в 1,3 раза. В среднем за год происходило примерно по 20 разделов, при этом меньше всего их было в 1875 г. (12), больше всего — в 1879 (34). Ситуация по всему уезду была схожей: число хозяйств возросло с 12324 до 16917, т. е. в 1,37 раза. Интерес представляет также приводимое в этом документе распределение на 1.01.1884 г. хозяйств по числу работников — взрослых мужчин (таблица 54).

Любопытно, что чиновники уездных присутствий совершенно игнорировали фактор демографического роста, хотя они не могли не знать, что население Минской губернии с 1863 по 1881 г. увеличилось примерно в 1,5 раза, по данным официальной статистики — с 1 млн.⁸²⁴ до 1 млн. 544 тыс. человек⁸²⁵, а с учетом корректировки — с 1,2 млн. до 1,6 млн. Естественно, выросло и число взрослых мужчин, претендовавших на право быть главами собственных хозяйств. К середине 1890-х гг. в Минской губернии подвергся разделу уже каждый второй участок, полученный крестьянами по выкупным актам 1860-х гг. Это сопровождалось восстановлением статистических параметров сбалансированной модели поведения: по данным переписи 1897 г., средний размер крестьянского дворохозяйства в Беларуси составил 6,5 человека⁸²⁶. Вероятно, за этим стояла прежняя привязанность к общежительской модели большинства хозяйств, оставшихся неразделенными, при ориентации разделенных на малосемейную модель

⁸²² НИАБ. Ф. 242. Оп. 1. Ед. хр. 2158.

⁸²³ НИАБ. Ф. 242. Оп. 1. Ед. хр. 1616. Л. 42.

⁸²⁴ Памятная книжка Минской губернии на 1865 г. С. 3.

⁸²⁵ Памятная книжка Минской губернии на 1883 г. С. 243.

⁸²⁶ Гісторыя сялянства Беларусі са старажытных часоў да нашых дзён. Т. 2. С. 139.

Т а б л и ц а 54. Распределение хозяйств Борисовского уезда по числу работников в 1884 г.

Дворохозяйства	Борисовский уезд		Гайно-Слободская волость	
	число	%	число	%
С 1 работником	8885	52,35	460	50,77
С 2 работниками	5299	31,22	282	31,13
С 3 работниками	2066	12,17	129	14,24
С 4 работниками	136	0,80	28	3,09
С 5 работниками	132	0,77	7	0,77
Всего	16917	100	906	100

М. В. Довнар-Запольский, затрагивая вопрос о крестьянских разделах, отмечал, что ссоры в многосемейном хозяйстве составляли его непреходящий эмоциональный фон: *Ивану кажется, что Степан ленив, что он мог бы в один день скосить сенокос, да затянул на другой, а тут пошли дожди, и сено пропало; а Степану в свою очередь кажется, что по вине Ивана пала кобыла, целый год кормившаяся соломой с крыши, и т. д. до бесконечности. Всякому кажется, что если бы он один косил, не полагаясь на брата, то дождь не сгноил бы сена, да и кобыла, хоть и без сена, а жила бы, и т. д. Братья еще кое-как терпят, младший уступает старшему, и тот и другой понимают тяжелое положение хозяина-одиночки. Но женщины сживаются с большим трудом. Они ссорятся друг с другом из-за детей, работы и пр., и если сам хозяин не пользуется достаточным авторитетом, не прикрикнет вовремя, то эти ссоры ведут к разделу: жены пользуются всяким случаем, чтобы возбудить враждебные отношения между мужьями*⁸²⁷. Сам автор считал эти ссоры лишь внешним симптомом, глубинную же причину он видел в сложной экономической атмосфере, в которой существовали крестьянские хозяйства: в малоземельности, высоком уровне налогов, трудностях для заработков на стороне и пр. Демографический фактор как первопричину малоземельности он не упоминает.

Как правило, сама процедура раздела тоже сопровождалась ссорами, а порой дело доходило и до драки. По воспоминаниям, зафиксированным Н. Улащиком, *про тот случай, когда разделялись совсем мирно, долго говорили во всей округе*⁸²⁸. Значительная часть документов, сохранившихся в фонде губернского по крестьянским делам присутствия в отношении Кореньщины, посвящена конфликтам по поводу наследства и земельным тяжбам при разделе хозяйств. Начиная с середины 1880-х гг., т. е. через 20 лет после составления выкупного акта, выявлено 15 документов на эту тему. К тому времени умерло значительное число дворохозяев, упомянутых в акте, а их повзрослевшие дети не всегда приходили к согласию при дележе наследства. В частности, в 1884, 1885 и 1891 гг. губернское присутствие разбирало по одному такому делу, в 1892 г. их было уже 3, в 1895 г. — 1, в 1899 и 1900 гг. — по 2, в 1901, 1906, 1909 и 1917 гг. опять по одному. Несомненно, это лишь часть земельных тяжб, происходивших на территории Кореньщины. Сведения о них сохранились благодаря тому, что по данным делам подавались апелляции. В случаях же, когда стороны довольствовались решением волостного суда, дело находило отражение только в документах волостного правления, впоследствии утраченных.

Довольно показателен конфликт, происходивший в семье жителя Лищиц Якова Высоцкого. Он может служить наглядной иллюстрацией к рассуждениям чиновников о причинах разделов. Волостной суд 20 февраля 1893 г. рассматривал жалобу младшего сына Якова Высоцкого — Павла — на притеснение со стороны отца. Яков утверждал, что сын ушел из дому против его воли, оставив его со старшим сыном Устином. Свидетели показали, что по возвращении Павла с военной службы отец женил его, но потом *возненавидел и устранил от себя*, выделив только треть надела безо всяких построек. Суд решил, что до смерти отца Павел должен довольствоваться выделенным ему участком, а затем весь надел должен быть разделен поровну между ним и Устином. Что касается построек, то суд постановил выделить Павлу половину усадьбы с хлевом и баней, а также обязал его отца помочь в переоборудовании под жилой дом *варывни* (кладовой). После смерти Якова Высоцкого волостной суд 19 декабря 1898 г. постановил осуществить передел, причем Павлу должна была перейти одна из двух изб, хлевок, а из скота — 1 вол. Его брат Устин оспорил это решение в уездном присутствии, утверждая, что отец отделил Павла за непослушание и тот 6 лет вел отдельное хозяйство, тогда как он, Устин, все это время содержал большого отца и затратил на его лечение 40 рублей, а теперь вынужден отдавать постройки, нажитые без участия Павла. Тем не менее

⁸²⁷ Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей / Под ред. В. Л. Семенова. Т. IX: Верхнее Поднепровье и Белоруссия. — СПб., 1905. С. 148.

⁸²⁸ Улащик М. Была такая вёска: Гіст.-этнограф. нарыс. — Мн., 1989. С. 68.

уездное присутствие в январе 1899 г. подтвердило решение волостного суда, а апелляция Устина в губернское присутствие была отклонена 28 мая того же года⁸²⁹.

Еще чаще конфликты возникали в случаях, когда надел переходил в наследство по женской линии. Жительница Кореня Антонина Гусаковская пыталась оспорить завещание умершего осенью 1890 г. отца Феликса Гусаковского, который отписал весь земельный участок площадью в 15,17 дес. старшей дочери Агафье, состоявшей в браке с уроженцем Укропович Ипполитом Фалееем, а младшей Антонине оставил только корову, свинью и овцу (надо полагать, в качестве приданого). Волостной суд в ноябре 1891 г. отклонил иск Антонины. В своей апелляции в губернское присутствие в марте 1892 г. она отмечала, что *нет такого обычая, чтобы из двух равноправных наследниц одна получила все, а другая — ничего*. Тем не менее и губернское присутствие оставило это решение в силе⁸³⁰.

В июле 1892 г. житель Чернева Иосиф Николаев Жуковский подал апелляцию на решение волостного суда от 21 марта того же года, согласно которому половина его надела, составлявшего 14 дес., была выделена в распоряжение зятя Иосифа Балцевича. Жуковский не имел сыновей, а лишь 4 дочерей, две из которых к тому времени были замужем. Именно муж старшей из них, проживший в семье тестя 14 лет, инициировал раздел. Причем на долю второго зятя, Адама Окулича, и двух незамужних дочерей в возрасте 18 и 15 лет осталась всего половина надела, что сулило проблемы в дальнейшем. Именно на это указывал Жуковский в своей апелляции, предлагая выделить старшему зятю лишь четвертую часть участка. Тем не менее и уездное, и губернское присутствие оставили в силе решение волостного суда. Было отклонено и повторное прошение Жуковского от 20 февраля 1894 г.⁸³¹

Также в июле 1892 г. в уездное присутствие обратились жители деревни Михалковичи Антон Жолнерович и Мария Коровацкая, опекуны малолетних детей умершего ранее Максима Коровацкого. Этот крестьянин (уроженец соседней Юрьевской волости) в юности стал приемным жителем Михалкович Ивана Булаха (умершего еще до отмены крепостного права, в 1856 г.). Максим Коровацкий женился на дочери Булаха Анне и прожил с ней около 20 лет, ведя хозяйство и воспитывая младшего брата жены — Матвея Булаха. От этого брака у них осталась дочь. После смерти Анны Максим Коровацкий женился повторно, но остался на участке своего бывшего тестя, разделив его пополам с шурином Матвеем Булахом. Этот раздел санкционировал волостной суд в 1874 г. Прижив от второй жены, Марии, еще 3 детей, Коровацкий умер в 1891 г. После этого волостной суд своим решением от 1 февраля 1892 г. земельный участок Коровацкого площадью 13 дес. передал Матвею Булаху, при котором должна была оставаться 18-летняя племянница Ева (дочь Коровацкого от первого брака). Вторую жену Коровацкого и ее детей лишили права на землю. Суд руководствовался тем, что Коровацкий имел еще 10 дес. дарственной земли на родине, в Юрьевской волости. После апелляции, поданной опекунами, решение было откорректировано: хотя спорный участок и остался в руках Булаха, в распоряжение вдовы Коровацкого и ее детей передавалась усадьба с гумном и 6 *гоней* огорода. Кроме того, суд обязал Булаха выделить на приданое племяннице Еве корову, овцу и свинью. Это решение утверждено губернским присутствием 28 августа 1892 г.⁸³² В дальнейшем Булах не оставил попыток устранить наследников Коровацкого со своей земли. 18 апреля 1907 г. он добился решения волостного суда о выселении Антона и Осипа Максимовых Коровацких и о сносе их построек, поскольку они, как и их сестра Агафья, уже достигли совершеннолетия. Однако волостной писарь не исполнил это решение. По утверждению Булаха, это объяснялось взяткой, полученной им от Коровацких. Булах пытался апеллировать к земскому начальнику, но тот встал на сторону Коровацких, заявив при этом: *Я имею государственную власть. Что я сделаю, мне никто не поправит!* К тому же в решении ничего не упоминалось о вдове Коровацкого Марии, поэтому она заявила, что выселяться не будет. Тяжба продолжалась до сентября 1909 г., когда волостной суд вынес повторное решение о выселении всех Коровацких. Вероятно, на этот раз оно было исполнено⁸³³.

Пожалуй, наиболее драматично развивались события при разделе имущества жителя Лищиц Казимира Яковлева Высоцкого в 1899 г. После смерти последнего на его наделе остались 60-летняя вдова Ева Фоминична, 30-летний сын Николай и 2 дочери, из которых старшая была уже замужем и прав на отцовскую землю не имела. Младшая дочь, вероятно, уже после смерти отца вышла замуж за Николая Лиса, которому Ева Высоцкая как теща начала отдавать явное предпочтение перед собственным сыном. Подробности конфликта из дела не вполне ясны, но Николай Высоцкий обвинял свою мать в том, что она, завладев имуществом сына, передала его зятю. Вероятно, Высоцкая настаивала на разделе участка между сыном и

⁸²⁹ НИАБ. Ф. 242. Оп. 1. Ед. хр. 11396.

⁸³⁰ НИАБ. Ф. 242. Оп. 1. Ед. хр. 11397.

⁸³¹ НИАБ. Ф. 242. Оп. 1. Ед. хр. 4528.

⁸³² НИАБ. Ф. 242. Оп. 1. Ед. хр. 4515.

⁸³³ НИАБ. Ф. 1595. Оп. 1. Ед. хр. 1918. Л. 112—117.

дочерью, что фактически означало переход половины его в руки Николая Лиса. Волостной суд тем не менее присудил весь участок Николаю Высоцкому. Ева Высоцкая и ее зять отказались подчиниться этому решению, причем Ева даже оскорбила судебного пристава, за что подверглась двухмесячному аресту. Затем 18 марта 1899 г. уже Ева обратилась в суд с жалобой на то, что сын избил ее. Тем временем 6 июня в присутствии волостного старшины, судьи, сельского старосты и понятых осуществлено принудительное переселение Николая Лиса и его жены в дом Лиса. Однако вскоре родственники Николая Лиса перенесли сундук с их имуществом обратно. В возникшей драке Высоцкий нанес побои родственницам Лиса — Елене и Анне. Обе драки стали предметом уголовного разбирательства. По факту избиения матери Николай Высоцкий 18 ноября того же года был оправдан судом присяжных. При разбирательстве отмечено, что Ева сама *стала вязаться к сыну, как приняла зятя*, и завладела землей сына. Второе разбирательство тянулось до марта 1902 г., когда Высоцкого признали виновным в нанесении побоев Елене и Анне Лис и приговорили к аресту на 7 суток⁸³⁴.

Долгую историю имел спор вокруг земельного участка в Михалковичах, принадлежавшего по выкупному акту Ивану Матвееву Колоше. Он умер в 1871 г., а перед смертью опекуном своих несовершеннолетних дочерей назначил двоюродного брата Гавриила Иванова Носевича, которому передал и свой земельный участок. Это решение 15 ноября 1870 г. утвердил сельский сход. С тех пор Гавриил Носевич владел участком брата площадью в 13,3 дес. Трех дочерей Ивана Колоши он выдал замуж, обеспечив их необходимым приданым: старшую Михалину — за Станислава Шульговича из деревни Лищицы (примерно в 1883 г.), Анну — за Осипа Запольского из Жирблевич (около 1887 г.) и Еву — за Николая Щербовича из Прудков (около 1892 г.). Их наследственную землю Гавриил рассчитывал оставить в своих руках. Но в июле 1900 г. его бывшие подопечные подали иск, потребовав разделить отцовский надел между ними. Волостной суд отклонил иск, но уездное присутствие пересмотрело решение, постановив передать землю наследницам, а Гавриилу предоставило право взыскать с них стоимость вложенного труда. Однако сумма иска не была указана, и по этой причине губернское присутствие 10 ноября 1900 г. отменило данное решение и постановило вынести новое⁸³⁵. Каким был окончательный исход дела — неизвестно, так как на апелляцию в Минск оно больше не поступало, а дела уездного присутствия не сохранились.

Конфликт могла породить ситуация, когда один из братьев покидал общину, отказываясь от своей доли земельного надела. Известны два случая, когда потомки в дальнейшем пытались претендовать на эту землю. В 1895 г. жительница деревни Терехи Екатерина Матвеева Лис (урожденная Балцевич) пыталась отсудить часть имущества у своего дяди Мартина Балцевича. Ее отец, Матвей Балцевич, за 27 лет до этого переехал на постоянное жительство в Логойскую волость, получив от старшего брата Мартина компенсацию за свою долю отцовского наследства. Однако Екатерина доказывала, что Мартин подкупил волостное правление, утверждавшее размер этой компенсации, вследствие чего ее отец получил тогда *удовлетворение не за недвижимое имущество, а только за часть движимого*. Уездное присутствие в январе 1895 г. и губернское присутствие в июне 1895 г. отклонили ее иск⁸³⁶.

В 1900 г. губернское присутствие разбирало жалобу Казимира Иванова Шуляка из Прудков. Речь шла о правах на надел, принадлежавший до отмены крепостного права братьям Николаю и Ивану Францевым Шулякам. Еще тогда Иван *не желал отбывать пригон и отошел на долю* к соседу Осипу Вашкевичу, получив при этом *полное удовлетворение*, но не ужился с Вашкевичем и позднее *жил вольной службой*. По акту поверочной комиссии весь участок площадью в 13,66 дес. был записан за Николаем. Иван умер в 1878 г., оставив сыновей Петра и Казимира. Впоследствии Петр тоже умер, а Казимир обзавелся семьей и, не имея земли, обратился в волостной суд с просьбой выделить ему часть надела, некогда покинутого его отцом. Этот надел после смерти Николая принадлежал сыновьям последнего — Семену и Якову. Волостной суд 10 июня 1895 г. отклонил иск, но при повторном рассмотрении 22 мая 1899 г., исходя из того что Казимир Шуляк является безземельным, а *оставаться таким на всю жизнь нельзя*, постановил выделить ему 1/3 надела двоюродных братьев. Те, естественно, подали апелляцию. Уездное правление 19 июля 1899 г. постановило, что волостной суд не вправе менять свое первоначальное решение. Жалоба Казимира в губернское правление была отклонена без рассмотрения как просроченная. Таким образом, его попытка обзавестись землей за счет двоюродных братьев не увенчалась успехом⁸³⁷.

В первые годы советской власти многие крестьяне продолжали столь же упорные тяжбы по поводу разделов земли и имущества. В фонде Гайно-Слободского волысполкома имеется 14 таких дел, разбиравшихся волостным земельным судом в

⁸³⁴ НИАБ. Ф. 183. Оп. 2. Ед. хр. 12127, 12134.

⁸³⁵ НИАБ. Ф. 242. Оп. 1. Ед. хр. 4516.

⁸³⁶ НИАБ. Ф. 242. Оп. 1. Ед. хр. 11397.

⁸³⁷ НИАБ. Ф. 242. Оп. 1. Ед. хр. 4518.

период с начала 1921 по середину 1924 г.⁸³⁸, в фонде Борисовской уездной земельной комиссии — 10 дел, поданных туда на апелляцию⁸³⁹. Содержание их в основном однотипно. 12 мая 1923 г. житель Козырей Иосиф Лис выдвинул претензии на землю и имущество покойного отца Фомы, включая сени, каморку, амбар, каменный склеп, баню, сарай, 3 головы крупного рогатого скота, 9 свиней, 5 овец и 50 пудов ржи. Как явствует из дела, общий семейный надел площадью в 30 дес. около 1900 г. был разделен на три части. Глава семьи Фома Лис оставил себе 8 дес., а равные участки по 11 дес. выделил своим сыновьям Иосифу и Ивану. На старости лет Фома жил в семье Ивана, который содержал отца и пользовался его участком и имуществом. После смерти отца в 1921 г. Иван продолжал владеть обоими участками, своим и отцовским, а кроме того — купленными им лично 9 дес. Иосиф потребовал разделить отцовский участок пополам, ссылаясь на то, что у брата на семью из 12 человек приходится 28 дес. надельной и 9 дес. купчей земли, а у него на 7 человек — только 11 дес. надельной. Волземком 12 июня 1923 г. отклонил иск на том основании, что Иосиф уже 25 лет ведет отдельное хозяйство, к тому же недостатка земли у него не ощущается. Уездный комитет оставил это решение в силе⁸⁴⁰.

Любопытны обстоятельства иска жителя Терехов Николая Адамова Балцевича к своей родственнице Анне Францевой Балцевич в январе 1924 г. Они чересполосно владели бывшим надельным участком площадью в 20 дес., раздел которого между истцом и его дядей Викентием Яковлевым Балцевичем произошел еще до революции. При этом, как сообщает истец, сам он жил бедно, а его дядя, долгое время занимавший должность сельского старосты, — богато. При разделе дядя подверг племянника настоящей травле — пользуясь своим служебным положением, запугивал его и даже сажал в кутузку при полном попустительстве вышестоящих инстанций. В результате раздела у Викентия оказалось 14 дес., а у Николая — всего 6. После смерти Викентия Балцевича его земля перешла к Анне Балцевич, и Николай обратился в волземком с просьбой восстановить справедливость. Дело было решено полюбовно: Анна признала неправильным, что в ее семье на 6 душ приходится 16 дес., а в семье истца — 6 дес. на 9 душ. Поэтому она добровольно согласилась уступить ему 3 дес. пашни и 2 дес. сенокоса⁸⁴¹.

Т а б л и ц а 55. Изменения в обеспеченности надельных хозяйств землей с 1860-х по 1917 г.

Деревня	На момент реформы					На момент переписи 1917 г.				
	Число дворов	Число душ*	Обрабатываемой земли (га)			Число дворов	Число душ	Обрабатываемой земли (га)		
			всего	на 1 двор	на 1 душу			всего	на 1 двор	на 1 душу
Громница	20	143	489,5	24,5	3,4	45	292	512,2	11,4	1,8
Жирблевичи	16	110	383,1	23,9	3,5	37	249	388,0	10,5	1,6
Козыри	15	113	416,5	27,8	3,7	28	199	585,8	20,9	2,9
Корень	11	79	232,0	21,1	2,9	40	274	254,4	6,4	0,9
Лищицы	17	111	311,5	18,3	2,8	30	199	344,7	11,5	1,7
Михалковичи	30	222	448,9	15,0	2,0	77	423	517,2	6,7	1,2
Нарбугово	4	26	79,7	19,9	3,1	7	51	68,1	9,7	1,3
Прудки	22	191	515,8	23,4	2,7	57	313	491,7	8,6	1,6
Терехи	24	215	489,8	20,4	2,3	65	412	577,7	8,9	1,4
Чернево	13	98	201,8	15,5	2,1	33	190	251,9	7,6	1,3
Всего	172	1308	3568,4	20,7	2,7	419	2602	3991,7	9,5	1,5

* По ревизии 1858 г.

Избранный крестьянами вариант решения земельной проблемы был в конечном счете бесперспективен. В европейской зоне пашенного земледелия в условиях рыночной экономики способно устойчиво существовать хозяйство, владеющее, как правило, не менее чем 20 га сельхозугодий. Надел менее 15 га является уже недостаточным для эффективного хозяйства и обеспечивает самые минимальные связи с рынком. На наделе размером менее 5 га земледелие и животноводство приобретают вспомогательное значение, а основные средства к жизни добываются с помощью иных занятий (ремесел, наемного труда и т. п.). Таблица 55 показывает, что возможность ведения полноценного хозяйства к 1917 г. была утрачена повсюду, кроме деревни Козыри, изначально находившейся в лучших условиях. Обеспеченность надельной землей на душу населения сократилась в 1,8 раза, в то время как ее количество возросло более чем на 400 дес. — в основном, видимо, путем «округления» за счет соседних помещичьих угодий. По другим таблицам той же переписи, отражающим состав угодий более

⁸³⁸ ГАМО. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 15; Ед. хр. 3. Л. 13, 36—37, 39; Ед. хр. 4. Л. 114; Ед. хр. 11. Л. 158—161, 164; Ед. хр. 22, 45, 48, 66, 69, 76, 79, 80.

⁸³⁹ ГАМО. Ф. 1495. Оп. 1. Ед. хр. 103, 118, 206, 207, 233, 302, 342, 343, 350, 450.

⁸⁴⁰ ГАМО. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 80; Ф. 1495. Оп. 1. Ед. хр. 343.

⁸⁴¹ ГАМО. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 98.

детально, площадь пашни по сравнению с 1860-ми гг. увеличилась с 1971,5 до 2419,1 дес., площадь сенокосов — с 824,5 до 867,1, пастбищ — с 405 до 460 дес. Но среди сенокосов преобладали болотные, пасти скот также приходилось по болотам и кустарникам.

Т а б л и ц а 56. Структура сельхозугодий на бывших наделных землях в 1917 г. (в десятинах)

Деревня	Число дворов	Обрабатываемые земли				Сенокосы			Пастбища		Всего земли	В том числе	
		усадебная	сады	огороды	пашня	суходолы	луговые	болотные	болотные	кустарники		облагаемой	необлагаемой
Громница	45	8,0	3,0	17,0	344,0	15,0	25,0	40,3	40,7	9,0	518,8	502	16,8
Жирблевичи	39	6,0	0,5	9,5	268,0	12,0	35,0	25,0	37,6	0	413,3	393,6	19,7
Козыри	30	11,0	2,0	17,5	322,4	15,0	14,5	47,0	36,9	0	504,1	466,3	37,8
Корень	58	3,0	1,0	6,5	188,9	0	0	34,1	0	108,3	376,6	341,8	34,8
Лищицы	31	5,8	1,5	17,8	216,4	8,0	34,0	17,0	0	38,0	382,7	338,5	44,2
Михалковичи	81	8,8	1,0	20,2	341,5	27,0	0	76,0	0	64,3	587,7	538,8	48,9
Нарбугово	8	0,3	0,3	1,5	48,0	2,0	0	9,5	11,3	0	79,9	72,9	7,0
Прудки	57	15,8	2,4	11,5	257,5	0	57,0	97,7	70,8	0	530,1	512,7	17,4
Терехи	68	16,0	4,0	20,0	266,0	24,0	80,0	120,0	15,3	0	599,6	545,3	54,3
Чернево	34	5,7	2,0	6,0	166,4	12,0	25,0	15,0	0	28,0	268,9	260,1	8,8
Итого	451	80,4	17,7	127,5	2419,1	115,0	270,5	481,6	212,6	247,6	4261,7	3972,0	289,7

Судя по тому, что население наделных деревень выросло очень незначительно, обеспеченность землей к началу 1920-х гг., видимо, почти не изменилась. Согласно налоговым спискам 1922 г., оно составляло 2644 человека. Зато число хозяйств на наделных землях выросло к 1922 г. до 504. Одному хозяйству должно было принадлежать 7,9 дес. обрабатываемой земли. Правда, подтвердить это с помощью документов советского периода невозможно: земельный учет в то время совершенно нарушился, и общая площадь земли в отмеченных хозяйствах составляла, по налоговым спискам, всего 2540 дес. вместе с прирезкой в 200 дес., которую получили в 1921 г. малоземельные хозяйства из состава бывших помещичьих земель. Это значит, что порядка 1650 дес. (более 40%!) успешно скрывались от налогового учета.

Но сколь бы ни высок был недоучет, налоговые списки фиксируют впечатляющую картину парцелляции, достигнувшей в некоторых хозяйствах крайних пределов. Так, в Корене участок в 5 дес. принадлежал совместно 4 хозяйствам (Юзефы, Иосифа, Марии и Агафьи Мороз), насчитывавшим 12 человек. На каждую из четырех частей приходилось по 1 дес. пашни и 0,25 дес. сенокоса. В той же деревне семья Викентия Мороза из 9 человек имела 2 дес. пашни и 0,5 дес. сенокоса, семья Виктора Веншковского из 3 человек — только 0,5 дес. пашни. В Прудках хозяйства Данилы Иванова Шуляка и вдовы его брата Константина — Екатерины (соответственно 4 и 6 человек) имели по 1 дес. пашни и 0,5 дес. сенокоса. В Черневе братья Франц и Иосиф Яковлевы Окуличи (5 и 3 человека) совместно с Магдаленой Окулич (4 человека) делили участок в 4,5 дес., так что на каждую семью приходилось по 1 дес. пашни и 0,5 дес. сенокоса. Там же братья Иосиф, Петр и Станислав Окуличи с семьями в 4, 7 и 4 человека владели каждый по 1 дес. пашни и вообще не имели сенокоса. В Терехах семье Станислава Адамова Вашкевича из 10 человек принадлежали 2 дес. пашни и 1 дес. сенокоса. В Михалковичах 5 сыновей Фомы Носевича с семьями общей численностью в 20 душ обрабатывали участки по 1 дес. пашни и 0,75 дес. сенокоса, причем у одного из них, Адама, семья насчитывала 6 человек. У Николая Адамова Колоши на 6 человек приходилось 0,5 дес. пашни и столько же сенокоса. Даже если увеличить эти цифры на среднюю величину недоучета — 41%, обеспеченность землей в этих хозяйствах выглядит катастрофической.

До такой жизни эти хозяйства дошли всего за два поколения. Ничего не прибавив к наделам, доставшимся их дедам и отцам при реформе, они лишь дробили их на все более мелкие части. Трудно представить себе тот уровень пассивности, который обеспечил растянувшееся на десятилетия сползание в безземелье без каких-либо попыток изменить свою судьбу. Трагедия этих людей заключалась в том, что избранный ими путь был освящен традицией: они всего лишь жили так, как предписывала им унаследованная от предков модель поведения. Для того чтобы осознать ее неадекватность, следовало подняться над повседневностью, взглянуть на себя со стороны глазами более активных и предприимчивых людей. Но многим это оказалось не по плечу.

Новая земля

Осталось рассмотреть факты, относящиеся к выбору **четвертого варианта** — приобретение дополнительной земли. Пока крестьяне трудились на своих мельчавших наделах или пытались найти счастье в Сибири, рядом оставались огромные массивы пахотной земли, принадлежавшей имению Красный Бор. История помещичьего хозяйства в пореформенной Беларуси пока никем не написана, и в мою задачу это тоже не входит. Достаточно сказать, что эффективное использование помещичьей земли, вопреки чаяниям инициаторов реформы, так и не удалось наладить. Вероятно, владельцы имения предпочитали наиболее простой путь — сдавать землю в аренду, а самим превратиться в рантье, живущих за счет доходов от нее.

Социальный портрет арендаторов в имении Красный Бор изобразить очень сложно, поскольку эта прослойка населения почти не фигурирует в сохранившихся документах. Удалось найти лишь прошение на высочайшее имя крестьянок Гайно-Слободской волости Каролины Адамовой Кухарской и Эмилии Адамовой Миклашевской (возможно, родных сестер), которые с 1865 г. владели участком в 118 дес. и 1740 саж. в урочище Гряда. В августе 1877 г. они попытались оформить этот участок в свою собственность, поскольку владели им более 10 лет. Опрошенные по этому случаю шесть дворохозяев соседней деревни Чернево показали, что участок был не продан, а только *заложен* — сдан в аренду. На этом основании соединенная палата Минского гражданского и уголовного суда в январе 1879 г. отклонила ходатайство Кухарской и Миклашевской⁸⁴². Подобным арендатором в фольварке Селище, как уже упоминалось, был с 1895 по 1902 г. отец Янки Купалы, шляхтич Доминик Луцевич.

В арендном пользовании находился также хутор Остров, который при продаже имения Красный Бор К. Чудовским Т. Давидовичу остался во владении первого. В 1881 г. он отдан в долгосрочную аренду (на 36 лет) дворянину А. Р. Янушковскому с выплатой 10 руб. ежегодно. После смерти Чудовского в апреле 1882 г. хутор был описан за его долги и назначен в публичную продажу. На торгах право собственности на хутор купил за 100 руб. генерал-майор П. А. Юзефович. Тем временем арендатор Янушевский в 1883 г. перезаложил его К. А. Освецимскому за сумму в 2000 руб. с 8-процентным ростом сроком на 6 лет⁸⁴³.

Возможно, крестьяне тоже широко арендовали земли у помещика. По данным статистики, на рубеже XIX–XX вв. в белорусских губерниях площадь земель, арендованных крестьянами, составляла около 1/3 площади их наделов⁸⁴⁴. Наибольшее распространение имела аренда за часть урожая. Полностью проводя весь цикл работ на чужой земле, крестьяне отдавали ее владельцу обычно 1/3 собранного. В зависимости от местных условий и плодородия земли ставка арендной платы могла колебаться от 1/5 до 2/3.

Но в документах, выявленных автором, эта сторона жизни Кореньщины почти не прослеживается. Факт аренды уроженцем деревни Терехи Осипом Викентьевым Балцевичем (1871 г. рожд.) земли в урочище Райск соседней Логойской волости известен только благодаря тому, что в 1913 г. он обвинялся в самогонварении. При корчевке пней в лесу графа Тышкевича был обнаружен *самогонный завод*, следы от которого вели в сторону хутора, где жил арендатор Балцевич с женой и четырьмя детьми. Он был, впрочем, оправдан за недостаточностью улик⁸⁴⁵.

Тамерлан Давидович владел Красным Бором 16 лет. Этот срок оказался рекордным для пореформенного времени, потому что в дальнейшем владельцы начинают меняться гораздо быстрее. В 1894 г. имение купил за 180 тыс. руб. инженер, коллежский советник Федор Александрович Новиков. *Купчая крепость* была утверждена старшим нотариусом Минского окружного суда 16 ноября 1894 г. В составе имения на тот момент перечислены те же селения, что и при покупке его Давидовичем в 1878 г.: фольварки Идалин, Антоновка, Затишье, Алексополье, Гани, Селище, застенки Мендзыгорье, Гряда, Раввы, Купеллы, усадьба Курганы и две водяные мельницы⁸⁴⁶.

Спустя неполных 4 года имение Красный Бор вновь сменило владельца. Согласно купчей крепости, утвержденной 4 июня 1898 г., его приобрели за 130 тыс. руб. витебский купец 2-й гильдии Андрей Кузьмич Серпинский и надворный советник Роберт Людвигович Ульрих. Таким образом, Новиков продал его на 50 тыс. дешевле, чем приобрел. Состав имения был тем же, что и при предыдущих продажах. Указывается, что площадь его, по данным Виленского поземельного банка, в котором

⁸⁴² НИАБ. Ф. 147. Оп. 3. Ед. хр. 12981.

⁸⁴³ НИАБ. Ф. 147. Оп. 3. Ед. хр. 32716, 35328.

⁸⁴⁴ *Шабуня К. И.* Аграрный вопрос и крестьянское движение в Белоруссии в революции 1905—1907 гг. — Мн., 1962. С. 23, 115.

⁸⁴⁵ НИАБ. Ф. 183. Оп. 2. Ед. хр. 24539.

⁸⁴⁶ НИАБ. Ф. 333. Оп. 4. Ед. хр. 6836. Л. 1.

оно было заложено, составляла 5281 дес., а по *акту укрепления* — 6644 дес. (т.е. ту величину, которая впервые появилась при переходе имения от Чудовского к Давидовичу)⁸⁴⁷.

Вскоре новые владельцы перешли от практики сдачи земель имения в аренду к их распродаже. Так спустя примерно 40 лет после начала реформы появилась возможность приобретения крестьянами **купчих земель** в непосредственной близости от своих наделов. Воспользовались ею очень немногие из бывших крепостных этого имения. В 1901 г. в их руки перешли 4 участка: Мартин Захаров Урбанович купил 14 дес. 1412 саж. при деревне Жирблевичи, заплатив за них 850 руб. (400 руб. он внес сам, остальное составила банковская ссуда)⁸⁴⁸, Антон Мартинов Лис — 13 дес. 1081 саж. при деревне Прудки за 1000 руб. (из них 700 руб. ссуды)⁸⁴⁹, Осип Иванов Лойковский — 20 дес. в урочище Низкое за 1000 руб. (490 руб. ссуды)⁸⁵⁰, Иван Адамов Равина — 54 дес. 1008 саж. в урочище Равы за 2857 руб. (2000 руб. ссуды)⁸⁵¹. Стоимость одной десятины при этих покупках составила от 50 руб. для И. Равины до 74 руб. 35 коп. для А. Лиса. Купчие оформлены у минского нотариуса 2 марта 1901 г., а утверждены Минской казенной палатой в мае и октябре 1902 г. В деле о продаже этих земель упоминается, что чуть ранее из состава имения Красный Бор исключен участок, купленный Затишинским крестьянским товариществом в числе трех дворохозяйств⁸⁵². По другим источникам, в это товарищество, основавшее хутор Затишье, вошли два уроженца Кореньщины, Карл и Франц Семеновы Соколовские, имя третьего участника установить не удалось.

Вскоре были проданы два довольно крупных участка. На сей раз в качестве покупателей фигурируют уже не уроженцы Кореньщины, а приезжие, приобретающие землю в складчину, что обходилось несколько дешевле. В ноябре 1901 г. 4 крестьянские семьи купили 118 дес. 240 саж. земли в фольварке Гряда, образовав Грядовское сельское товарищество⁸⁵³, состав которого в документах, отражающих сделку, не указывается. За землю товарищество заплатило 6000 руб. (около 50 руб. за десятину), из которых ссуда составила 2670 руб. В мае 1902 г. таким же образом 300 дес. при фольварке Алексополь-Чернево перешли в руки другого сельского товарищества⁸⁵⁴. Состав его можно установить по прошению, поданному членами товарищества в казенную палату 2 мая 1904 г. с просьбой переоценить окладный сбор (форма земельного налога) с их участков⁸⁵⁵. Это прошение подписали Осип Щучка, Антон Сивицкий, Елизавета Батуро, Анна Орлович, Фадей Батуро, Осип Тикота, Антон Тикота, Игнатий Плоский и Игнатий Байко. Чуть ниже в том же деле упоминаются Фома Батуро и Михаил Орлович — вероятно, члены семей указанных хозяев⁸⁵⁶. Все они были, по более поздним сведениям, уроженцами соседних Вилейского и Ошмянского уездов Виленской губернии. Им покупка обошлась в 13500 руб. (11300 руб. ссуды), или 45 руб. за десятину.

В 1903 г. распродажа имения продолжалась. Крестьянин Антон Викентьев Козловский (вероятно, уроженец имения Ганевичи) 29 апреля приобрел за 1000 руб. (700 руб. ссуды) 14 дес. 2132 саж. в четырех небольших участках, примыкавших к наделным землям деревни Чернево, с правом пользоваться совместным с этой деревней пастбищем площадью в 29 дес. 1055 саж.⁸⁵⁷ Затем 30 мая 1903 г. 13 приезжих хозяйств приобрели за 15300 руб. (10380 руб. ссуды) земли фольварка Гани площадью в 340 дес. 840 саж., образовав Ганинское товарищество⁸⁵⁸. В конце того же года 10 хозяйств Антоновского товарищества приобрели 242 дес. 2214 саж. из состава фольварка Антоновка (сделка утверждена 25 ноября 1903 г., стоимость земли не указана), а 4 хозяйства Идалинского товарищества — 120 дес. (из состава фольварка Идалино, 13 октября 1903 г.)⁸⁵⁹.

Состав большинства товариществ, купивших землю сообща, устанавливается по списку землевладельцев Минской губернии, опубликованному в качестве приложения к «Минским губернским ведомостям» за 22 июня 1911 г.⁸⁶⁰ В списке указаны все лица, владевшие индивидуальными участками в размере 20 и более десятин. В частности, при фольварке Гани 46 дес. значились в собственности Фрола Степанова Кондратьева, 40 дес. — у Давида Назарова Кудряшова, 30 дес. — у Франца Людвигова Чернявского. Еще 6 хозяев, принадлежность которых к Ганинскому товариществу устанавливается по более поздним данным, упомянуты в списке просто как владельцы земель из состава имения Красный Бор: Сергей Осипов Тимофеев

⁸⁴⁷ НИАБ. Ф. 333. Оп. 4. Ед. хр. 6836. Л. 24.

⁸⁴⁸ НИАБ. Ф. 333. Оп. 4. Ед. хр. 10841. Л. 14—16, 46, 55.

⁸⁴⁹ НИАБ. Ф. 333. Оп. 4. Ед. хр. 10841. Л. 17, 45, 56.

⁸⁵⁰ НИАБ. Ф. 333. Оп. 4. Ед. хр. 10841. Л. 21, 48, 53.

⁸⁵¹ НИАБ. Ф. 333. Оп. 4. Ед. хр. 10841. Л. 24, 47, 54.

⁸⁵² НИАБ. Ф. 333. Оп. 4. Ед. хр. 10841. Л. 12.

⁸⁵³ НИАБ. Ф. 333. Оп. 4. Ед. хр. 10841. Л. 2 об., 27, 49, 52.

⁸⁵⁴ НИАБ. Ф. 333. Оп. 4. Ед. хр. 10841. Л. 31, 50, 51, 76, 78, 80.

⁸⁵⁵ НИАБ. Ф. 333. Оп. 4. Ед. хр. 10841. Л. 76.

⁸⁵⁶ НИАБ. Ф. 333. Оп. 4. Ед. хр. 10841. Л. 78, 80.

⁸⁵⁷ НИАБ. Ф. 333. Оп. 4. Ед. хр. 10841. Л. 11, 35, 38, 41, 86—87.

⁸⁵⁸ НИАБ. Ф. 333. Оп. 4. Ед. хр. 10841. Л. 36, 37, 83—85.

⁸⁵⁹ НИАБ. Ф. 333. Оп. 4. Ед. хр. 10841. Л. 69—70 об.

⁸⁶⁰ Библиотека НИАБ. № 16760.

(60 дес.), Федор и Федот Назаровы Кудряшovy (по 35 дес.), два Ивана Осиповых Тимофеевых (по 30 дес.), Иван Казимиров Пухальский (30 дес.). Большинство из них, как свидетельствуют воспоминания современных жителей Кореньщины, представляли родственную группу русских старообрядцев, приехавших из Виленской губернии. Вероятно, они или их родители входили в число тех 3736 старообрядческих семей, которым после восстания 1863 г. было позволено переселиться в Виленскую и Ковенскую губернии для усиления русского присутствия в политически неблагонадежном крае⁸⁶¹. При поселении они получили значительные льготы, что позволило им к началу XX в. скопить средства на приобретение новых земель. Имена еще четырех участников товарищества точно не установлены. Позднее, по данным 1920-х гг., в Ганях проживали семьи по фамилии Трус и Янукович, не упомянутые в данном списке (возможно, они приобрели участки у кого-то из вышеназванных временных владельцев).

На бывших землях фольварка Чернево в списке землевладельцев упомянуты 13 хозяев: Игнат Матвеев Байко (40 дес.), Антон Михайлов Сивицкий (40 дес.), Фадей Осипов Батуро (20 дес.), Елизавета Казимилова Батуро (30 дес.), Антон Осипов Гороховик (20 дес.), Анна Францева Орлович (20 дес.), Игнат Казимиров Плоский (30 дес.), Иван Осипов Цикота (30 дес.), Антон Казимиров Цикота (20 дес.), Иосиф Фадеев Цикота (30 дес.), Осип Георгиев Щучка (30 дес.), Иван и Станислав Щучки (по 20 дес.). Сопоставление с подписями под прошением от 1904 г. показывает, что некоторые участки успели уже перейти от отца к сыну или испытать раздел между несколькими наследниками. На этих землях возникла деревня, получившая название Новое Чернево. Помимо крестьян-собственников в ней проживали безземельные арендаторы. Сохранилось разрешение губернского правления минскому мещанину Ивану Осипову Белановичу, постоянно проживавшему в фольварке Алексополь-Чернево, на покупку 20 дес. у члена местного крестьянского товарищества Антона Осипова Гороховика. Оно датировано 13 января 1913 г.⁸⁶²

Владельцем земель фольварка Антоновка в списке 1911 г. непосредственно назван только Станислав Андреев Сапега (20 дес.), но по другим сведениям устанавливается принадлежность к Антоновскому товариществу хозяев, упомянутых просто на землях имения Красный Бор: Михаила Яковлева Сапеги (40 дес.), Осипа Михайлова Бондаренко (20 дес.), Казимира Касперова Сурвило (20 дес.), Андрея Иванова Сурвило (30 дес.). Все они и еще 4 семьи (согласно другим источникам, носившие фамилии Касперович, Любинский, Терешко и Драгун) стали жителями основанной ими деревни Антоновка.

В списке упомянуты также Мирон и Осип Сильвестровы Шинкевичи, каждому из которых принадлежало по 40 дес. из состава имения Красный Бор. Эти земли, согласно более поздним источникам, находились при фольварке Идалино, а сами братья Сильвестровы входили в состав 4 дворохозяев Идалинского товарищества. Два других члена этого товарищества, владевшие оставшимися 40 дес. (по другим источникам, они носили фамилии Бирский и Сапронов), в списке не упомянуты. Кроме того, крупные участки купчей земли из состава имения Красный Бор имели Николай Яковлев Король (50 дес., вероятно, при застенке Гряда), Карл и Франц Семеновы Соколовские (по 29 дес. на хуторе Затишье). Иван Адамов Равина продолжал держать купленное в 1901 г. урочище Равы, где он основал одноименный хутор (в списке 1911 г. за ним значится 54 дес. при имении Красный Бор).

Средняя цена десятины земли при всех покупках составила 47 руб. 39 коп. Все сделки совершались при участии Минского отделения Крестьянского поземельного банка. Условия, на которых получил ссуду, например, Антон Козловский, были таковы: из общей суммы в 1000 руб. банк предоставил 700, а вернуть на протяжении 55,5 года предстояло 2000 руб., выплачивая каждое полугодие по 18 руб. 38 коп. (т. е. погашение ссуды обходилось ежегодно в 2 руб. 47 коп. на десятину купленной земли).

Земельные владения, оставшиеся в руках помещиков к июлю 1904 г., включали 19,35 дес. усадебной земли, 1 дес. сада, 8,015 дес. огорода и другие угодья общей площадью примерно в 4068,5 дес.⁸⁶³ Эта цифра несколько отличается от тех, что указаны в *Окладных листах денежного сбора с помещичьих имений Борисовского уезда* за 1904–1907 гг.⁸⁶⁴ На момент составления этих листов, т. е. на начало 1904 г., площадь имения Красный Бор, принадлежавшего Серпинскому и Ульриху, указана в 4372,7 дес. По данным на вторую половину 1904 г., эта цифра снизилась до 4030,8 дес. (т. е. на 37,7 дес. меньше, чем значилось на ту же дату в деле о покупке этой земли), по данным на начало 1905 г., она составила 4020,5 дес. Во второй половине 1905 г. в составе имения значилось только 3661,8 дес. Эта цифра повторяется в новой окладной книге на начало 1908

⁸⁶¹ Гісторыя сялянства Беларусі са старажытных часоў да нашых дзён. Т. 2. С. 128.

⁸⁶² НИАБ. Ф. 299. Оп. 2. Ед. хр. 15205.

⁸⁶³ НИАБ. Ф. 333. Оп. 4. Ед. хр. 10841. Л. 95об.—96.

⁸⁶⁴ НИАБ. Ф. 333. Оп. 2. Ед. хр. 1237. Л. 47об.—48.

г., но затем она исправлена на 3969,07 дес.⁸⁶⁵ Можно предполагать, что реальная площадь имения с учетом погрешностей измерения была близка к 4000 дес.

Сведения о площади участков, проданных из состава имения Красный Бор, в окладных листах слегка отличаются от указанных на момент продажи, но в целом соответствуют им. Так, во владении 2-го Алексополь-Черневского товарищества, приобретшего земли фольварка Алексополь-Чернево с урочищем Сибирка, по окладу 1904–1907 гг. значилось около 296,2 дес.⁸⁶⁶, во владении Грядовского товарищества (4 дворохозяйства) — 117, Ганинского (13 хозяйств) — 339,3⁸⁶⁷, Идалинского (4 хозяйства) — 117,9, Антоновского (10 хозяйств) — 240,8 дес.⁸⁶⁸ Те же цифры фигурируют и в следующей окладной книге крупных землевладельцев — на 1908–1912 гг.⁸⁶⁹

Более мелкие участки как купчей, так и дарственной земли отражены в *Окладных листах денежным сборам с мелкопоместных владельцев* за 1904–1907 и за 1908–1912 гг.⁸⁷⁰ В них с незначительными изменениями указана величина 5 участков, купленных отдельными крестьянами в 1901–1903 гг.: за Мартином Урбановичем значится 14,6 дес., за Антоном Лисом — 13,3, за Осипом Лойковским — 20, за Иваном Равиной — 54,2, за Антоном Козловским — 14,9 дес. Затишскому товариществу в составе 3 домохозяев принадлежало 59,5 дес.

В окладных значится еще один участок купчей земли — при фольварке Остров, записанный за Францем Ивановым Окуличем. По воспоминаниям, эту землю купил накануне русско-японской войны отец Франца Иван Данилов Окулич, умерший в январе 1905 г. Величина участка менялась — возможно, он покупался в несколько приемов. В окладной книге за 1904–1907 гг. и по данным на начало 1908 г. за Францем Окуличем значилось 49 дес., а затем эта цифра была исправлена на 68 дес. Кроме того, в книге за 1908–1912 гг. во владении Франца Окулича значится также участок в урочище Коськово, первоначально указанный в размере 43,2 дес., а затем переправленный на 33,2 дес. В списке 1911 г. владельцами хутора Остров указаны два брата Франца Иванова Окулича — Иосиф и Семен (по 38 дес.), которые ошибочно названы Францевичами.

Всего, таким образом, в первые годы XX в. из состава имения было продано примерно 1400 дес., или чуть менее 22 % его общей площади. При этом коренные уроженцы смогли купить всего 5 участков общей площадью примерно в 253 дес., зато популяцию Кореньщины пополнили свыше 40 пришлых семей. По 8 из 12 проданных участков и по землям, оставшимся в руках помещиков в середине 1904 г., имеются данные о структуре угодий (таблица 57).

Т а б л и ц а 57. Структура земель, проданных из состава имения Красный Бор в 1901–1904 гг.

Покупатель	Количество земли (в десятинах)								Цена (руб.)	В том числе ссуда
	усадьба, сад, огород	пашня	сенокос	пастбища	лес	неудобицы	под озерами	всего земли		
М. Урбанович	0,71	9,45	4,43	0	0	0,13	0	14,59	850	450
А. Лис	1,83	5,20	5,84	0	0	0,16	0	13,45	1000	700
О. Лойковский	0	16,16	3,84	0	0	0	0	20,00	1000	490
И. Равина	0,13	47,50	6,60	0	0	0,19	0	54,42	2857	2000
Грядовское общ. (4 хоз.)	1,41	48,38	67,25	0	0	1,04	0	118,10	6000	2670
Черневское общ. (9 хоз.?)	2,54	201,41	79,86	0	12,35	3,8	0	300,00	13500	11300
А. Козловский	0,83	9,35	4,67	0	0	0,03	0	14,89	1000	700
Ганинское общ. (13 хоз.)	1,85	139,55	188,77	0	7,05	1,2	2	340,42	15300	10380
Всего по угодьям	9,3	477,00	361,26	0	19,4	6,6	2	875,87	41507	28690
Антоновское общ. (10 хоз.)								242,9		
Идалинское общ. (4 хоз.)								120,0		
Затишское общ. (3 хоз.)								59,5		
Ф.Окулич (Остров, Коськово)								101,2		
Всего продано								1399,6		
Осталось у помещиков на июль 1904 г.	28,4	1209,8	1913,4	84	784,9	37,7	10,2	4068,5		

Некоторые покупки, совершенные уроженцами Кореньщины, в последующие годы фиксируются уже постфактум. Так, в окладных листах за 1908 г. при деревне Козыри указан дополнительный индивидуальный участок площадью в 28,2 дес.,

⁸⁶⁵ НИАБ. Ф. 333. Оп. 2. Ед. хр. 1247. Л. 163об.—164.

⁸⁶⁶ НИАБ. Ф. 333. Оп. 2. Ед. хр. 1237. Л. 94об.—95.

⁸⁶⁷ НИАБ. Ф. 333. Оп. 2. Ед. хр. 1237. Л. 95об.—96.

⁸⁶⁸ НИАБ. Ф. 333. Оп. 2. Ед. хр. 1237. Л. 101об.—102.

⁸⁶⁹ НИАБ. Ф. 333. Оп. 2. Ед. хр. 1247. Л. 187об., 189об.

⁸⁷⁰ НИАБ. Ф. 333. Оп. 2. Ед. хр. 1239. Л. 149 об., 152об.—154об., 230об., 241об.—242, 243об.—244; Ед. хр. 1246. Л. 22об., 24об., 26об., 27об., 30, 64об., 66об., 67об.

принадлежавший Степану Иванову Лису⁸⁷¹. Поскольку ни площадь наделов деревни Козыри, ни площадь дарственного участка, принадлежавшего ему при той же деревне, при этом не изменились, речь должна идти о новой покупке, совершенной им в конце 1907 г. В списке 1911 г. Михаил Семенов Лис указан владельцем 57 дес. при той же деревне, купленных незадолго до того. Он же чуть позднее выступает в другом документе в качестве владельца хутора Табун, основанного на этой земле. При исчислении оклада за 1912 г. приписаны еще два участка, приобретенных накануне Игнатом Доминиковым Фалеем при деревне Козыри (12,5 дес.) и Михаилом Николаевым Королем при деревне Прудки (6,9 дес.)⁸⁷². Первый из них был уроженцем деревни Укроповичи, второй — одним из трех хозяев, ранее купивших земли в урочище Затишье.

В ведомостях раскладки поземельного налога по Борисовскому уезду за 1916 г. указаны все участки, купленные в 1901–1912 гг. из состава помещичьих земель. При этом Антон Лис на сей раз назван Максимовичем, а участок в 60 дес. при д. Козыри (включая 3 дес. неудобной земли) значится за Семеном Лисом (вероятно, речь идет о хуторе Табун, принадлежавшем на самом деле Михаилу Семенову Лису). Кроме того, появились новые индивидуальные участки: Антона Мартинова Балцевича (12,9 дес.) и Ивана Степанова Балцевича (11,8 дес.) при деревне Прудки, вольного человека Леонтия Степанова Дзегилевича (63,6 дес.) при фольварке Селище имения Красный Бор.

Некоторые уроженцы Кореньщины приобрели земли за ее пределами. Так, в списке 1911 г. фигурирует Семен Иванов Лойковский, владелец 45 дес. на хуторе Кожухово Плещеницкой волости. При деревне Укроповичи 26 дес. купчей земли принадлежало Николаю Фомину Окуличу, а 29 дес. — Станиславу Иванову Окуличу. Франц Адамов Щербович владел 25 дес. при имении Людча Зембинской волости, а Фелициан и Осип Клементьевы Лойковские — по 20 дес. при имении Августово Логойской волости. Уроженец Михалкович Карл Фомин Носевич между 1911 и 1916 гг. приобрел 22,3 дес. при соседнем имении Укроповичи.

Итоги всех перераспределений земли в имении Красный Бор отражают материалы аграрной переписи 1917 г. Они позволяют уточнить структуру земель, купленных в начале XX в., в том числе в тех случаях, когда при покупке эти сведения не конкретизировались (таблица 58).

Т а б л и ц а 58. Распределение бывших помещичьих земель по угодьям в 1917 г. (в десятинах)

Деревни и хутора*	Обрабатываемая земля			Сенокосы			Пастбища болотные	Лес		Всего земли	В том числе	
	усадебная	сады, огороды	пашня	суходолы	луговые	болотные		строеной	дровяной		облагаемой	необлагаемой
Антоновка (10)	1,9	0	105,9	0	0	133	0	0	0	242,9	240,8	2,1
Гани (13)	1,0	0,9	139,6	0	0	188,8	0	7,1	0	338,5	337,4	1,1
Гряды (4)	0,4	1,0	48,4	2,0	0	65,3	0	0	0	118,2	117,1	1,1
Затишье (3)	0,7	0	53,1	0	0	5,7	0	0	0	60,0	59,5	0,5
Идалино (4)	5,0	0	48,9	0	0	36,2	0	20,7	7,0	119,9	117,8	2,1
Нов. Чернево (14)	1,5	1,0	201,4	0	0	79,9	0	3,0	9,4	300,0	296,2	3,8
Остров (1)	1,3	0	20,0	6,2	0	10,5	0	0	30,0	280,5	68,0	212,5
Равы (1)	0,1	0	47,5	6,6	0	0	0	0	0	54,4	54,2	0,2
Селище (1)	1,5	0,5	22,0	0,2	28	0	8,1	0	2,0	63,3	62,3	1,0
Другие индивид. участки (14)	6,8	2,5	156,6	9,7	4,5	40,6	4	0	13,6	241,2	238,3	2,9
Всего купчей	20,2	5,9	843,4	24,7	32,5	560	12,1	30,8	62	1818,9	1591,6	227,3
Имение Красный Бор	16,6	8,7	948,3	22,4	278,2	959,7	321,7	832,9	518,6	3932,3	3907,1	25,2
Всего	36,8	14,6	1791,7	47,1	310,7	1519,7	333,8	863,7	580,6	5751,2	5498,7	252,5

* В скобках указано число хозяйств.

Оставшаяся часть имения продолжала переходить из рук в руки. После Серпинского и Ульриха им владел дворянин Евгений Андреевич Криштофович, причем уже в апреле 1909 г. Красный Бор вновь фигурирует среди имений, назначенных Борисовским уездным казначейством к продаже с публичных торгов за долги⁸⁷³. 12 декабря 1909 г. его купили дворянин Михаил Иванович Плещеев и харьковский мещанин Тихон Григорьевич Безкровный⁸⁷⁴. На тот момент площадь имения

⁸⁷¹ НИАБ. Ф. 333. Оп. 2. Ед. хр. 1241. Л. 41об.

⁸⁷² НИАБ. Ф. 333. Оп. 2. Ед. хр. 1241. Л. 292об.

⁸⁷³ НИАБ. Ф. 299. Оп. 2. Ед. хр. 14208.

⁸⁷⁴ НИАБ. Ф. 1595. Оп. 2. Ед. хр. 147. Л. 240 об.

составляла 3995,3 дес.⁸⁷⁵, но, по данным списка землевладельцев за 22 июня 1911 г., за ними числилось 3666 дес. (по 1833 дес. у каждого). Затем 9 сентября 1911 г. имение перешло в руки полтавского купца Федора Алексеевича Горохова. Вскоре он умер, и 31 октября 1912 г. владелицей имения выступает его вдова Елена Емельяновна⁸⁷⁶. Последним владельцем вплоть до 1917 г. был дворянин Лев Алексеевич Давыдов⁸⁷⁷.

По данным аграрной переписи 1917 г., в имении вновь оказалось 3991 дес. Возможно, разница объясняется тем, что часть земель временно была сдана в аренду, а ее держатели в списке 1911 г. фигурируют в качестве владельцев. Действительно, при имении Красный Бор в списке указаны участки Петра Иосифова Гуторовича (164 дес.), Станислава Иванова Буйко (42 дес.), Фомы Иванова Тумаша (40 дес.), Андрея и Антона Калистратовых Ярошевичей (по 42 дес.), Осипа и Лаврена Карловых Лещинских (по 42 дес.), Франца Осипова Максимова (42 дес.). Обстоятельства приобретения ими этих участков по другим источникам не прослеживаются, отсутствуют они и в материалах аграрной переписи 1917 г. и в более поздних документах. Поэтому я полагаю, что названные лица владели землями имения временно.

Все происходившее в начале XX в. в имении Красный Бор было достаточно типичным для земельного рынка того времени. По всей Беларуси площадь купчих крестьянских земель с 1877 по 1905 г. возросла в 8,3 раза и составляла 21,7% от площади наделов. Половина этих покупок совершалась с помощью кредитов Крестьянского поземельного банка⁸⁷⁸. Масса бытовых подробностей, связанных с покупкой крестьянами земли при помощи банковской ссуды, нашла отражение в поэме Якуба Коласа «Новая земля»⁸⁷⁹. Разница лишь в том, что ее герои обращались за ссудой в Виленское отделение Крестьянского банка, а покупатели земель Красного Бора — в Минское.

Быт крестьян, основавших новые деревни на купчих землях, прекрасно описан в книге Н. Улащика⁸⁸⁰. Землю, купленную в складчину, обычно распределяли по жребию. Как и при получении наделов, неодинаковые по плодородию угодья делились на полосы, и каждое хозяйство получало свои полосы в разных местах. Первые годы на новом месте обычно бывали очень тяжелыми. Все что можно крестьяне старались продать, для собственного потребления оставляли самый минимум. Хлеб пекли из невеяного зерна, при забое животных себе оставляли только внутренности. Ходили в лаптях, практически не носили покупной одежды. Но по мере погашения кредита и налаживания хозяйства они быстро богатели. Основатели Вицковщины, купившие землю в 1883 г., уже лет через 20 разительно выделялись своей зажиточностью на фоне окрестных крестьян — потомков бывших крепостных.

Формирование сельской элиты

К моменту реформы большинство крестьянских хозяйств находилось в примерно равных условиях. Некоторым преимуществом, возможно, владели лишь те, кто получил от помещика дополнительные участки дарственной земли. Дальнейшая судьба была в их руках. Но воспользоваться своим шансом сумели лишь единицы. Тем более важно проследить те факты, которые фиксируют их возвышение над общим уровнем.

Первым свидетельством экономического успеха послужило **досрочное погашение выкупной ссуды**. К 1880 г. ее полностью выплатили трое крестьян деревни Козыри: Павел Иванов Лис, Иван Данилов Окулич и Иван Антонов Шейпа — первыми из бывших крепостных Красного Бора. По решению судебной палаты от 4 июля 1880 г. им выдали индивидуальные данные на землю как ее полноправным собственникам⁸⁸¹. К концу 1881 г. полностью рассчитались с выкупом наделов еще двое крестьян из деревни Громница — Иван Емельянов Ясюкевич и его сын Фома, выделенный в 1865 г. в самостоятельное хозяйство. Еще один крестьянин той же деревни, Филипп Павлов Стасюлевич, погасил ссуду в 1882 г.⁸⁸²

Чуть позже, 15 июня 1883 г., индивидуальную данную на выкупленный надел получил Иван Михайлов Лис из Козырей. Согласно его завещанию, составленному 18 декабря 1887 г. и утвержденному к исполнению Минским окружным судом 23 марта 1895 г., этот наделный участок, а также участок дарственной земли в размере 20 дес., были в 1902 г.

⁸⁷⁵ НИАБ. Ф. 1595. Оп. 2. Ед. хр. 147. Л. 240 об.

⁸⁷⁶ НИАБ. Ф. 1595. Оп. 2. Ед. хр. 147. Л. 239, 240 об.

⁸⁷⁷ НИАБ. Ф. 325. Оп. 2. Ед. хр. 603. Л. 12.

⁸⁷⁸ *Логанов Г.* Статистика землевладения Европейской России по уездам. — СПб., 1906. С. 3; Гісторыя сялянства Беларусі са старажытных часоў да нашых дзён. Т. 2. С. 161.

⁸⁷⁹ Можно порекомендовать всем интересующимся недавний исторический комментарий к этому сюжету «Новой земли»: *Антанян А., Белы А.* «Панамі будзеце, панамі», або Навошта дзядзька ездзіў у Вільню // Спадчына. №4. 2002. С. 28—46.

⁸⁸⁰ *Улашчык М.* Была такая вёска: Гіст.-этнаграф. нарыс. С. 31—34, 116—117.

⁸⁸¹ НИАБ. Ф. 147. Оп. 3. Ед. хр. 28443—28445.

⁸⁸² НИАБ. Ф. 242. Оп. 2. Ед. хр. 392. Л. 251—251 об.

переоформлены губернской казенной палатой на его сына Степана⁸⁸³. При этом отчетливо проявилась неразвитость индивидуалистических представлений в сознания крестьян: Степан фигурирует в документах этого дела как единственный наследник, хотя фактически он выступал от имени всей семьи, включавшей его взрослых братьев Павла и Антона. Впоследствии это стало поводом для тяжбы между ними, когда в 1908 г. Степан Лис обвинил братьев во вторжении в его владения, имея в виду дарственный участок, полученный отцом от помещика Чудовского в 1865 г. Павел и Антон утверждали, что всегда пользовались этой землей наравне с братом, поскольку *она граничит с нашей надельной землей и была отцом отдана нам в пользование*. Борисовский уездный суд в марте 1910 г. оправдал Павла и Антона, но опекуны имущества умершего к тому времени Степана подали кассационную жалобу, настаивая, что исключительные права на участок принадлежали Степану. Жалоба была отклонена в июне того же года. Позднее, в январе 1917 г., Павел и Антон Лисы обращались в губернское присутствие за копией этого решения. При этом местом их жительства указан хутор Лисовичи, а сами они значатся минскими мещанами⁸⁸⁴. Это свидетельствует, что сыновья Ивана Лиса к тому времени вышли из общины и вели хозяйство фермерского типа.

Среди бывших государственных крестьян полностью выкупил надел лишь Илья Михайлов Кишкурно, который в люстрационном акте 1850 г. упоминается как содержатель кореньской корчмы. Впрочем, его участок был весьма невелик — всего чуть более 2 дес. (1 дес. при костеле и столько же при кладбище), утвержденных в его владении согласно решению губернского присутствия в марте 1870 г. Уже в сентябре 1883 г. Илья Кишкурно обратился с просьбой выдать ему данную на эту землю, поскольку выкупную ссуду он полностью выплатил⁸⁸⁵. Позднее он завещал свою землю крестьянам Степану и Марии Красуцким. Завещание от 23 августа 1895 г. утвердил Минский окружной суд. После смерти И. Кишкурно в конце 1898 г. наследники выселили из дома его вдову, о чем она жаловалась в губернское присутствие в апреле 1900 г.⁸⁸⁶ Чуть ранее, 1 апреля 1899 г., присутствие отказало крестьянину Плещеницкой волости Брониславу Рудковскому, постоянно проживавшему в селе Корень, в купле этой земли у наследников Ильи Кишкурно, так как земля была описана за долг Ильи собственной жене⁸⁸⁷. Вероятно, выплатив этот долг, наследники больше не церемонились с вдовой Кишкурно. К сожалению, сохранившиеся материалы описывают эту историю весьма лапидарно, хотя ее подробности были бы интересны для выяснения вопроса о степени развития кредитно-денежных операций в крестьянской среде.

Таким образом, самостоятельно погасить ссуду смогли лишь 7 из примерно 170 хозяйств, получивших полные наделы, и 1 владелец неполного, главным занятием которого была торговля. Из семи крестьянских дворов владельцы двух имели важное преимущество — они в свое время получили дарственную землю (Иван Ясюкевич — 22 дес., а Иван Лис — 20). Этот же фактор, несомненно, способствовал успеху сына И. Ясюкевича Фомы. С другой стороны, Павел Лис, Иван Шейпа, Иван Окулич и Филипп Стасюлевич не имели такого преимущества, и досрочный выкуп объясняется их собственными усилиями. Что касается остальных крестьян Кореньщины, то они, судя по всему, так и не рассчитались с выкупными платежами вплоть до их отмены в 1905 г. Среди них были и братья Ивана Лиса, а также Николай и Иван Лойковские, которые тоже имели дарственную землю. Некоторые из них, похоже, просто не пожелали досрочно погашать выкупную ссуду, хотя имели такую возможность.

История рода Лойковских оставила следы в целой серии документов. При составлении выкупного акта братья Доминик и Иван Яковлевы Лойковские из деревни Лищицы получили надел в 35,15 дес., которым предстояло владеть на равных правах единственному сыну Доминика Францу и пяти сыновьям Ивана (из них двое родились уже после составления выкупного акта). Кроме того, Ивану в дар достались 4 дес., выделенные из бывшей запасной земли при деревне Громница. На хозяйство каждого из его сыновей в случае раздела пришлось бы, таким образом, около 4,3 дес. — не слишком выгодная стартовая позиция. Как видно из многочисленных примеров, такая семейно-демографическая ситуация напрямую вела к малоземелью и нищете. Но наиболее деятельные и предприимчивые находили выход, умудряясь заработать стартовый капитал и вложить его в покупку земли. Иван Лойковский сумел приобрести целых 120 дес., о чем свидетельствует его тяжба с племянником Францем — сыном умершего в 1878 г. брата Доминика.

В октябре 1891 г. Иван опротестовал в губернском крестьянском присутствии решение волостного суда от 8 июня того же года о разделе имущества с племянником. Суд на основании действовавших правил постановил разделить всю землю пополам, тогда как Иван считал, что выкупной акт составлялся на 5 ревизских душ, из которых его брату принадлежала всего

⁸⁸³ НИАБ. Ф. 333. Оп. 4. Ед. хр. 10367.

⁸⁸⁴ НИАБ. Ф. 1595. Оп. 8. Ед. хр. 7263.

⁸⁸⁵ НИАБ. Ф. 242. Оп. 3. Ед. хр. 424.

⁸⁸⁶ НИАБ. Ф. 242. Оп. 1. Ед. хр. 11393.

⁸⁸⁷ НИАБ. Ф. 242. Оп. 3. Ед. хр. 424.

одна (Франц родился уже после 1865 г.). Поэтому племяннику на 1 душу мужского и 2 души женского пола следует выделить только пятую часть наделной земли, тогда как остальные 4/5 должны остаться в хозяйстве Ивана, имеющем 6 душ мужского пола и 2 — женского. Любопытно, что Франц со своей стороны выдвинул контрпредложение: весь надел должен достаться ему одному, так как дядя прикупил 120 дес. на общие деньги, а пользоваться этой землей не дает.

Очень показательны разнообразные аргументы, приводимые Иваном Лойковским в его пространном прошении. Он пускается на наивную и легко опровергаемую хитрость, занижая размер наделной земли, выделенной им с братом в 1865 г., до 15 дес. и утверждая, что сделанная поверочной комиссией прирезка в размере 20,15 дес. является именно той дарственной землей, которую он лично получил от Чудовского и которая, таким образом, не подлежит разделу. Далее он упоминает, что к моменту смерти брата хозяйство их было *скудное*, и поднять его удалось лишь благодаря личным усилиям самого Ивана и его удачной женитьбе. В приданое за дочерью Семена Долинского он получил 500 руб. серебром, а после смерти тестя перевез из его двора в деревне Прудки 3 хозяйских строения, рабочий скот и семена на сумму в 150 руб. Вложив все приданое в хозяйство, он *трудом своим и семейства* добился успеха, причем вынужден был содержать малолетнего племянника и его сестер, от которых реальной помощи в ту пору не имел. Одновременно Иван пытается целиком отклонить решение волостного суда на том основании, что этот суд уполномочен решать имущественные дела с исковой суммой не более 100 руб., тогда как его хозяйство стоит значительно дороже: за землю к середине 1891 г. выплачено выкупных платежей на сумму 485 руб. 42 коп., а также вложена в постройки и удобрения вся сумма приданого (500 руб. наличными и 150 руб. имуществом). Дворовые строения застрахованы на сумму 400 руб. На этом основании Иван Лойковский оценил свое хозяйство в 1385 руб. 42 коп., из которых племянник не внес ни копейки. Однако его аргументация пропала втуне: губернское правление 22 ноября 1891 г. отклонило его апелляцию⁸⁸⁸.

О принадлежности Ивана Лойковского к числу наиболее авторитетных дворохозяев свидетельствует тот факт, что он был одним из трех уполномоченных, выбранных в ноябре 1885 г. жителями всех деревень для решения имущественных вопросов с властями⁸⁸⁹. Дальнейшую судьбу этого крестьянского рода отражает посемейный список, приложенный в 1902 г. к уголовному делу одного из сыновей Ивана Лойковского. Судя по списку, сам Иван умер в 1897 г. После смерти в 1899 г. его племянника Франца, у которого остались малолетние дети, их семьи вновь объединились и продолжали жить под одной крышей и вести совместное хозяйство. На рубеже веков совладельцами надела были мать Франца Анна, ее 36-летняя незамужняя дочь Дарья, вдова Франца — также Дарья — с двумя малолетними сыновьями и дочерью, а также четверо женатых сыновей Ивана (пятый сын умер в 1895 г. в 28-летнем возрасте). Всего в хозяйстве было 25 человек, из них четверо трудоспособных мужчин⁸⁹⁰. Перед нами явный пример хозяйства, сознательно избравшего многосемейную модель поведения ради экономического успеха.

Старший из братьев, Семен Иванов Лойковский, владел, помимо доли в отцовском наследстве, 90 дес. земли в фольварке Кожуховка Плещеницкой волости, купленной при помощи ссуды Крестьянского поземельного банка⁸⁹¹. Его брат Осип (Иосиф) был одним из немногих местных уроженцев, купивших землю имения Красный Бор.

Семен в отличие от отца полагался не только на собственный труд, но и на не вполне законные средства. В марте 1896 г. он вступил в сговор с владельцем имения Укроповичи Викентием Фальковским, которому угрожала публичная распродажа имения за долги. Фальковский и Лойковский составили подложную доверенность от имени умершего почти 20 лет назад прежнего владельца Укропович Степана Подвысоцкого, который якобы передал имение под управление Лойковского. Затем они же вместе с мещанином Заликом Лейбовым Коганом явились к нотариусу в г. Борисове, где засвидетельствовали этот акт, причем Фальковский выдавал себя за Подвысоцкого, а Лойковский и Коган изображали вымышленных свидетелей. Впоследствии Лойковский предоставил фиктивную доверенность в Борисовский съезд мировых судей, чтобы освободить имение от принудительной продажи. Афера, однако, была раскрыта, и 11 февраля 1902 г. Минский окружной суд приговорил Семена Лойковского (которому на тот момент было 43 года) к тюремному заключению сроком на 1 год⁸⁹².

Это событие, однако, не стало крахом жизненной карьеры предприимчивого крестьянина. В 1904 г. он продолжал активную деятельность, продав жителю Борисова Александру Зеленко два векселя на 100 руб. каждый, якобы полученные им от младших братьев Иосифа и Якова в августе 1899 г., когда он покупал у крестьянина Юрьевской волости Юрия Воронко землю в застенке Батыновка. По позднейшим объяснениям Семена Лойковского, он передал братьям деньги для уплаты Юрию

⁸⁸⁸ НИАБ. Ф. 242. Оп. 1. Ед. хр. 11395.

⁸⁸⁹ НИАБ. Ф. 242. Оп. 2. Ед. хр. 392. Л. 371.

⁸⁹⁰ НИАБ. Ф. 183. Оп. 2. Ед. хр. 13682. Л. 190.

⁸⁹¹ НИАБ. Ф. 183. Оп. 2. Ед. хр. Ед. хр. 35410. Л. 11.

⁸⁹² НИАБ. Ф. 183. Оп. 2. Ед. хр. Ед. хр. 13682.

Воронко, но они деньги растратили, и тогда он взял с них векселя. Однако при попытке Александра Зеленко дать ход этим векселям выяснилось, что они — поддельные. Векселя были написаны одной рукой, но, как установила экспертиза, не Зеленко и не Семеном Лойковским. Братья последнего заявили, что они никаких векселей не давали. Против Семена вновь возбудили уголовное дело. Кстати, в показаниях его братьев упоминается еще одна любопытная подробность: оказывается, Иосиф и Яков судились с Семеном из-за отцовской земли, и хотя земля была присуждена им, однако Семен по-прежнему не дает ей пользоваться. В описи имущества Семена Лойковского указывалось, что он владеет 3 лошадьми (оцененными в 120 руб.), 2 волами (50 руб.), 4 коровами (80 руб.), 9 овцами (9 руб.) и 4 свиньями (20 руб.). Как отмечалось выше, ему принадлежала купленная земля площадью 90 дес. в Кожуховке. Рассмотрение дела состоялось 25 апреля 1912 г. Суд присяжных вынес вердикт: подложность векселей считать доказанной, а причастность к этому Семена Лойковского — нет. В результате он был оправдан⁸⁹³.

Не менее яркими представителями новой формирующейся элиты были братья Фома и Адам Ясюкевичи. Их отец Иван Емельянов Ясюкевич получил, согласно выкупному акту, в 1865 г. надел в 13,7 дес., относившийся к числу минимальных. Однако весь этот надел фактически предназначался его младшему сыну Адаму, поскольку старший, 21-летний Фома, тогда же оказался в числе всего двух счастливых, вновь наделенных полными наделами, и получил собственный участок в 13,3 дес. К тому же Иван Ясюкевич был среди тех 6 крестьян, которые получили от помещика дополнительные дарственные земли, причем его участок увеличился на целых 22 дес. Таким образом, общие владения этой семьи составили 49 дес. Имея всего троих трудоспособных мужчин, Ясюкевичи наверняка привлекали для их обработки труд батраков. После смерти Ивана Ясюкевича в феврале 1885 г. сельский сход подтвердил переход его участка (видимо, без учета дарственной земли) в пользу одного из сыновей — Адама, так как Фома имел собственный участок⁸⁹⁴.

Экономическое процветание семьи сыграло не последнюю роль в том, что Фома Ясюкевич на протяжении трех сроков, в 1881–1889 гг., был волостным старшиной, т. е. первым человеком в масштабе Гайно-Слободской волости. О его деятельности в этой должности помимо неоднократных общих упоминаний свидетельствуют и два достаточно специфических случая. Осенью 1883 г., когда Фома приводил в исполнение приговор волостного суда о наказании розгами крестьянина деревни Заречье Петра Гринкевича, родственник последнего ударил старшину кулаком в грудь, за что был подвергнут аресту на 6 недель⁸⁹⁵. Второе дело оказалось еще более щекотливым: в мае 1885 г. крестьянка деревни Лищицы Ева Высоцкая обвинила волостного старшину в том, что при решении о разделе наследства с ее сестрой Дарьей Балцевич, имевшем место в 1881 г., он вымогал взятку в размере 26 руб. Факт получения взятки, однако, не был доказан⁸⁹⁶. Фома Ясюкевич в последний раз упоминается в должности волостного старшины в феврале 1889 г.⁸⁹⁷ В марте 1892 г. и затем в мае 1899 г. он фигурирует уже в должности волостного судьи, также связанной с довольно значительными властными полномочиями. Ее он тоже занимал не менее трех сроков⁸⁹⁸.

У семьи Ясюкевичей случались трения с менее зажиточными односельчанами. Об этом свидетельствует поданная 27 сентября 1895 г. в губернское присутствие жалоба 13 крестьян деревни Громница на решение волостного суда от 1 июля того же года, утвержденное уездным крестьянским присутствием 17 августа. В этом решении крестьяне были признаны виновными в самоуправном разрушении каменной стены, отделявшей их земли от земель Фомы и Адама Ясюкевичей, а также в потраве овса и сенокоса, за что каждый из них был оштрафован на 50 коп. В жалобе крестьяне писали, что установленная Ясюкевичами стена загрозила единственному пути для прогона их скота на пастбище, поэтому ее разрушение явилось вынужденной мерой. Протокол о самоуправстве, по их утверждению, волостной старшина составлял в пьяном виде, причем в качестве свидетелей показания в суде давали родственники Ясюкевичей (их сват и шурин), вообще не проживавшие в этой деревне. Тем не менее губернское присутствие решением от 3 ноября 1895 г. оставило приговор волостного суда в силе⁸⁹⁹.

Еще один предприимчивый житель Громницы, Филипп Павлов Стасюлевич (один из тех немногих, кому к 1883 г. удалось рассчитаться с выкупными платежами), также имел тяжбу с односельчанами Осипом (Иосифом) и Домиником Францевыми Стасюлевичами. 24 ноября 1888 г. последние обратились в уездное присутствие с жалобой на решение волостного суда от 6 мая того же года, которым им было отказано в иске к Филиппу Стасюлевичу о возврате земли, ранее

⁸⁹³ НИАБ. Ф. 183. Оп. 2. Ед. хр. Ед. хр. 35410.

⁸⁹⁴ НИАБ. Ф. 242. Оп. 2. Ед. хр. 392. Л. 332, 341.

⁸⁹⁵ НИАБ. Ф. 183. Оп. 2. Ед. хр. 56.

⁸⁹⁶ НИАБ. Ф. 242. Оп. 1. Ед. хр. 11394, 15677.

⁸⁹⁷ НИАБ. Ф. 242. Оп. 1. Ед. хр. 4505.

⁸⁹⁸ НИАБ. Ф. 242. Оп. 1. Ед. хр. 4528, 4518.

⁸⁹⁹ НИАБ. Ф. 242. Оп. 1. Ед. хр. 11395.

отданной ему во временное пользование. Речь шла о 7 дес. пахотной и сенокосной земли в урочище Горы. При разбирательстве Филипп предъявил документ о том, что эту землю он купил у Осипа Стасюлевича 18 лет назад, 13 апреля 1870 г., за 20 руб. серебром в присутствии свидетелей. Осип пытался доказать, что Филипп упоил его в кабаке в городе Борисове и подсунил расписку, которую тот спьяну подписал, а затем без его ведома оформил акт купли-продажи в волостном правлении. По его словам, эта земля, принадлежавшая Осипу и его брату в дополнение к основному наделу и поросшая кустарником, была передана Филиппу лишь на время — до тех пор, пока их сыновья не достигнут рабочего возраста. Свидетелем выступил житель Коренья Илья Кишкурно, подпись которого от имени неграмотного Осипа стояла на акте, оформлявшем сделку. Он полностью подтвердил версию Филиппа, заявив, что обе стороны приезжали к нему в Коренья составить условия сделки, оформление которой состоялось в доме Адама Жижемского. Часть спорной земли, по показаниям Ильи Кишкурно, Филипп расчистил и удобрил, а на оставшемся участке за 18 лет вырос хороший лес. Этим, по мнению свидетеля, и объяснялся вдруг вспыхнувший интерес Осипа и его брата к участку, от которого они ранее отказались как от ненужного. Волостной суд вынес решение в пользу Филиппа, которое затем было утверждено уездным и губернским присутствием соответственно 1 сентября 1888 и 13 января 1889 г.⁹⁰⁰

В числе наиболее успешных и предприимчивых оказались потомки Данилы Юрьева Окулича из деревни Козыри, которому к моменту составления выкупного акта в 1864 г. исполнилось 68 лет от роду. Помимо единственного сына Ивана он имел зятя — Василия Фомина, тоже по фамилии Окулич, перешедшего в примачи около 1847 г. из деревни Терехи. На шесть душ мужского пола (у Ивана Данилова родились к 1864 г. три сына — Антон, Франц и Данило) им достался стандартный для указанной деревни надел в 28,2 дес. Хозяйство Ивана Окулича оказалось одним из трех, первыми погасивших выкупную ссуду в 1880 г. По этому случаю были составлены также посемейные списки всех трех хозяйств. Согласно приписке к посемейному списку Ивана, он вскоре обратился с ходатайством в казенную палату о переходе из сословия крестьян в разряд минских мещан. Ходатайство удовлетворено в 1882 г., после чего семья Окулича утратила экономическую связь с общиной⁹⁰¹. Впрочем, другие связи сохранялись: в декабре 1887 г. крестьяне всех трех сельских обществ выбрали Ивана одним из двух своих уполномоченных для ведения тяжбы с владельцем имения Красный Бор Т. Давидовичем по поводу «округления» их наделов за счет помещичьей земли. В следующем году именно он подал от имени крестьян встречный иск⁹⁰². (Вторым был упоминавшийся выше Адам Иванов Ясюкевич. Это дело, напомним, выиграли крестьяне.)

К концу жизни Иван Окулич скопил достаточно средств, чтобы купить хутор Остров недалеко от Козырей, затерянный в болотистом лесу на небольшом островке пригодной земли (отсюда, видимо, и его название). Между Окуличами и еще одним представителем новой элиты — владельцем хутора Табун Михаилом Лисом имелась давняя земельная тяжба по поводу 2 дес. сенокоса в урочище Синявка. Решение волостного суда от 14 апреля 1903 г. предписало изъять у Михаила Лиса эту землю и вернуть Окуличам (Ивану Данилову и его сыну Иосифу, которые действовали по доверенности от имени остальных сыновей — Антона, Франца и Семена). Исполнение этого решения состоялось только в 1912 г., но Лис тогда же заявил протест, поскольку волостной старшина изъясил совсем не тот участок, который был предметом тяжбы. В деле упоминается, что Михаил Лис не имел надельной земли и принадлежал к сословию мещан, т. е. тоже вышел из состава сельского общества⁹⁰³.

Земли Ивана Данилова Окулича в 1905 г. унаследовали четверо его сыновей, всю жизнь ведущие неразделенное хозяйство. Из них старший, Антон, умер в 1913 г. в возрасте 59 лет, вероятно, пережив своих детей. Пятый сын, Иван (родившийся, согласно посемейному списку, в 1878 г.), по воспоминаниям потомков этого рода, служил в кадровой армии и имел накануне революции чин штабс-капитана, что для выходца из крестьянской семьи было выдающимся достижением.

В материалах аграрной переписи 1917 г. приводятся результаты сплошного обследования хозяйств, имевших 50 и более десятин земли. Из всех хозяйств Кореньящины в эту категорию попали всего два. Одним из них было имение Красный Бор, находившееся во владении помещика Льва Давыдова и имевшее площадь 3991,8 дес. Вторым крупным хозяйством оказался хутор Остров, владельцем которого значился Франц Иванов Окулич. Его общая площадь составила 280,5 дес.⁹⁰⁴ Правда, удобная земля насчитывала всего 28,5 дес., включая 1,5 дес. под усадьбой и 20 дес. пашни. Остальные земли, занятые болотистым лесом, понемногу расчищались и обрабатывались благодаря напряженному труду трех братьев Окуличей (60-летнего Франца, 52-летнего Осипа и 48-летнего Семена). Им принадлежали также надельные земли при деревне Козыри и купленный участок в Зембинской волости.

⁹⁰⁰ НИАБ. Ф. 242. Оп. 1. Ед. хр. 4505.

⁹⁰¹ НИАБ. Ф. 242. Оп. 2. Ед. хр. 392. Л. 251—251об.

⁹⁰² НИАБ. Ф. 1595. Оп. 2. Ед. хр. 147. Л. 122; Ф. 242. Оп. 2. Ед. хр. 392. Л. 398.

⁹⁰³ НИАБ. Ф. 1595. Оп. 1. Ед. хр. 4376.

⁹⁰⁴ НИАБ. Ф. 325. Оп. 2. Ед. хр. 603. Л. 12, 2.

Для семьи Окуличей тоже была характерна стойкая ориентация на общежительскую модель ведения хозяйства. Четверо братьев, оставшихся в отцовском доме, работали сообща, двое из них до конца жизни оставались холостяками. На момент переписи жену имел лишь один из братьев (Семен), у которого было 2 сына в возрасте 17 и 13 лет и 5 дочерей от 18 до 2 лет. Всего, таким образом, на хуторе проживали 11 человек, из них 6 — в работоспособном возрасте. В хозяйстве имелись мельница, конная молотилка, веялка, 2 плуга. Домашний скот насчитывал 3 взрослых лошадей, 3 молодых и 1 жеребенка, 2 волов, 1 быка, 4 коров, 1 бычка, 5 телят и подтелков, 9 овец, 6 ягнят, 6 свиней и 5 поросят.

На парафиальном кладбище в Корене до сегодняшнего дня прекрасно сохранился гранитный памятник, поставленный около 1913 г. на могиле трех представителей этой семьи: Ивана Даниловича Окулича (родился в июле 1834 г., умер в январе 1905 г.), его жены Марьяны Ивановны, урожденной Балцевич (1833–1874), и одного из их сыновей, Данилы, который умер в августе 1897 г. в 38-летнем возрасте. Этот памятник, разительно выделяющийся на фоне простых каменных надгробий первой половины XX в., служит зримым воплощением состоятельности и успеха, которых добилась эта семья.

На промежуточном финише

Общие итоги, к которым пришли бывшие крепостные крестьяне за полвека после реформы 1861 г., отражены в материалах аграрной переписи 1917 г. и налоговых списках 1921–1922 гг., а также официальных статистических материалах и экономических обзорах.

Динамика среднего размера дворохозяйства свидетельствует, что уже к 1890-м гг. сбалансированная модель поведения не только восстановилась, но и начала вытесняться малосемейной. Но экономически успешным хозяйствам, как уже отмечалось, была по-прежнему свойственна общежительская модель. На момент переписи 1897 г. населенность крестьянского двора в старых деревнях сократилась до 6,4 человека, тогда как в населенных арендаторами застенках и фольварках она оставалась довольно высокой — почти 13 человек на двор. Средняя цифра по всем поселениям — 7,4 (что выше среднебелорусского показателя именно за счет застенков и фольварков). По данным аграрной переписи 1917 г., средняя численность надельного двора сократилась до 5,8 человека. На купчих землях она равнялась 6,6 человека, а у арендаторов была по-прежнему очень высока (8 человек на двор), хотя и заметно меньше, чем 20 лет назад. Средняя цифра по всем поселениям составляла теперь 5,9 человека на двор (все цифры приводятся с учетом временно отсутствующих, в том числе мобилизованных в армию). В течение 1917–1922 гг. произошел интенсивный переход к малосемейной модели: крестьяне, пользуясь бесхозностью леса, активно строили новые дома, которые лепились впритык к старым. В результате населенность двора на надельных землях сократилась до 5,2 человека, а по всей популяции — до 5,4.

Обеспеченность разными видами угодий на момент переписи 1917 г. на надельных и купчих землях (в пересчете на гектары) отражена в таблице 59. В общую площадь обрабатываемой земли включены огороды (на надельных землях), пашня и сенокосы.

Как видим, из недавно основанных селений только в Новом Черневе обеспеченность землей опустилась ниже 20 га на хозяйство. На надельных землях лишь в Козырях она держалась выше 15 га. По всей Беларуси обеспеченность землей составила в это время 11,6 га на хозяйство⁹⁰⁵.

По налоговым спискам 1922 г., на одно хозяйство Кореньщины приходилось 5,5 души, 6,4 га земли (реальная цифра, видимо, близка к 9 га), 1,35 головы крупного рогатого скота, 1,23 овцы, всего 0,31 взрослой свиньи, что объясняется потерями военного времени.

В пореформенный период произошел переход от курных печей к печам с дымоходами. К началу XX в. сохранявшиеся кое-где курные хаты воспринимались уже как архаизм. Впервые за столетия обитатели жилищ избавлялись от едкого дыма, заполнявшего помещения и вызывавшего развитие слепоты у пожилых людей. Кроме того, потолок и стены курных изб покрывались слоем черной сажи, чего не происходило при пользовании «белой» печью. В сельских домах начали обзаводиться керосиновыми лампами.

Появление на рынке дешевых промышленных тканей и изделий из них привело и к изменениям в традиционной крестьянской одежде. Даже не очень зажиточные хозяева могли позволить себе парадную цветную рубашку и картуз или кепку, женщины — яркий платок. В деревню проникли такие невиданные ранее фасоны, как френч или пиджак. Под влиянием

⁹⁰⁵ СССР по районам. Западный район (Белорусская ССР и Западная область РСФСР) / Сост. М. В. Довнар-Запольский. — М.; Л., 1928. С. 27.

городской моды и самотканую одежду начали ярко раскрашивать покупными красителями. Но не все нововведения приживались одинаково легко. Н. Улащик пишет: *Крестьянки знали, что в Минске, который считался столицей моды, женщины ходят в панталонах, однако вицковские женщины, особенно пожилые, считали это прихотью, которую могут позволить себе только горожанки. Работая на морозе, женщины сильно мерзли, но изменить положение, по крайней мере до середины 20-х годов, никто из них не отважился*⁹⁰⁶.

Т а б л и ц а 59. Обеспеченность угодьями в 1917 г.

Деревня	Количество дворов	Количество душ	Пашня (га)		Сенокосы (на двор) (га)	Всего (га)	
			на двор	на душу		на двор	на душу
Громница	45	292	8,3	1,3	1,9	10,7	1,6
Жирблевичи	39	249	7,5	1,2	2,0	9,8	1,5
Козыри	30	199	11,7	1,8	2,8	15,1	2,3
Корень	58	274	3,6	0,8	0,6	4,3	0,9
Лищицы	31	199	7,6	1,2	2,1	10,3	1,6
Михалковичи	81	423	4,6	0,9	1,4	6,3	1,2
Нарбутово	8	51	6,5	1,0	1,6	8,3	1,3
Прудки	57	313	4,9	0,9	3,0	8,1	1,5
Терехи	68	412	4,3	0,7	3,6	8,2	1,3
Чернево	34	190	5,3	1,0	1,7	7,2	1,3
Всего на надельных	451	2602	5,8	1,0	2,1	8,3	1,4
Антоновка	12	72	12,6	2,1	7,3	20,1	3,3
Гани	12	78	11,6	1,8	15,7	27,5	4,2
Гряды	3	26	16,0	1,8	22,3	39,0	4,5
Лисовичи*	1	5	40,0	8,0	10,0	50,0	10,0
Новое Чернево	17	113	11,8	1,8	4,6	16,7	2,5
Остров	1	11	20,0	1,8	10,5	31,8	2,9
Табун	1	8	27,0	3,4	25,0	55,0	6,9
Хутора арендаторов**	10	80	9,3	1,2	0,0	9,3	1,2
Всего на купчих	57	416	29,3	4,0	30,5	21,1	2,9
Итого	508	3018	8,8	1,5	5,6	20,9	3,5

*При хуторе Лисовичи 10 дес. не распределено по угодьям.

**Коренево, Осетице, Селище, Ставок.

В земледелии из технических новаций наибольшее распространение получил железный плуг. К 1910 г. такие плуги заменили сохи в 36,4% крестьянских хозяйств Беларуси. Бороны с деревянной рамой и железными зубьями приобрели 34% хозяйств⁹⁰⁷. В структуре посева 4,4% составили сеяные травы — сравнительно новое явление, неизвестное традиционному земледелию. Травы (клевер, люпин) высевались на части пара, что позволяло повышать плодородие без простоя этих земель и знаменовало начало перехода от трехполья к более совершенной травопольной системе земледелия. Правда, к 1923 г. этот показатель упал до 2,3%⁹⁰⁸.

Урожайность ржи по белорусским губерниям в среднем за период с 1905 по 1913 г. составляла 6,4 ц/га (в 1913 г. — 7 ц), овса — 7,2 ц (в 1913 г. — 8,8), картофеля — 64,4 ц (78,2)⁹⁰⁹. В 1907–1908 гг. с гектара получали 6,3 ц льноволокна, в 1912–1913 гг. — 5,2 ц, в структуре посевов лен и конопля занимали 3,5%⁹¹⁰. Некоторый рост урожайности в начале XX в. очевиден. Но он был ниже, чем по России в целом. Если в 1887–1888 гг. средние урожаи зерновых в империи составляли 5,9 ц/га, то к 1913 г. они возросли до 8,7 ц. Но и этот прирост выглядит весьма скромным на фоне Западной Европы. В Польше сбор зерновых за этот же период возрос с 5,9 до 11 ц/га, в Германии — с 10,8 до 20,7, в Великобритании — с 15,5 до 17,4, в Бельгии — с 16,5 до 24,2 ц/га⁹¹¹.

По оценкам экономистов начала XX в., средний доход с десятины крестьянского надела составлял примерно 3,6 руб. Это значит, что хозяйство, имевшее 10 дес., могло получить доход до 36 руб. В то же время все налоги, платежи и сборы в расчете на десятину составляли 2,17 руб., а в расчете на душу Ф. Ястремский оценивал их даже в 7,09 руб.⁹¹² Для хозяйства из

⁹⁰⁶ Улашчык М. Была такая вёска: Гіст.-этнаграф. нарыс. С. 113.

⁹⁰⁷ Сельскохозяйственные машины и орудия в Европейской и Азиатской России в 1910 г. — СПб., 1913. Поуездные таблицы. С. 18—19.

⁹⁰⁸ СССР по районам. Западный район (Белорусская ССР и Западная область РСФСР). С. 51—52.

⁹⁰⁹ СССР по районам. Западный район (Белорусская ССР и Западная область РСФСР). С. 51—52.

⁹¹⁰ Гісторыя сялянства Беларусі са старажытных часоў да нашых дзён. Т. 2. С. 386.

⁹¹¹ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи и правового государства. Т. 2. С. 401.

⁹¹² Веселовский Б. Крестьянский вопрос и крестьянское движение в России (1902 — 1905 гг.) — СПб., 1907. С. 6—7; Ястремский Ф. Повинности крестьян Минской губернии. — Мн., 1906. С. 8.

6 человек это означало сумму платежей в 42,5 руб. В любом случае несомненно, что после уплаты всех платежей в типичном хозяйстве практически не оставалось свободных денежных средств, которые можно было пустить на накопление.

Подробнее представить себе **условия хозяйствования** белорусских крестьян помогает очерк научного сотрудника НИИ им. Ленина экономиста Янки Кислякова, опубликованный в журнале «Наш край»⁹¹³. Его расчеты сделаны применительно к 1923/24 хозяйственному году, но эти данные можно распространять и на предвоенные годы, поскольку общие условия практически не изменились. В качестве типичного он рассматривает условное хозяйство, состоящее из 6 человек, при этом коэффициент едока (видимо, по модели А. Чаянова) принимает равным 4,45, а коэффициент работника — 3,53. В распоряжении такого хозяйства было 10 га, или 9,18 дес. земли, включая 5,48 дес. пашни и 2,45 дес. сенокоса, под усадьбой, выгоном и неудобьями — 1,12 дес., под огородом — 0,13 дес. Стоимость всех капитальных и оборотных средств хозяйства он выражает в *житных единицах* (такая единица равна стоимости 1 пуда ржи, что в ценах 1912–1913 гг. составляло 83 коп., в ценах 1923–1924 гг. — 63 коп.). Хата, крытая соломой, оценена автором в 150 житных единиц, 2 хлева — в 47,5, гумно, ток, клеть и погреб — в 96,8. Общая стоимость всех построек составила 294,2 ед., или 244,2 довоенного рубля. Хозяйственный инвентарь стоил 82,44 ед. (68,4 руб.), в том числе орудия обработки земли — 16,73 ед. (13,9 руб.). Домашний скот в составе взрослого коня и жеребенка (вместе 189,23 ед.), двух коров и двух телок (151 ед.), пяти овец (16,6 ед.), 3 свиной (29,2 ед.) и 9 голов домашней птицы (9,4 ед.) в совокупности стоил 385,59 ед., или 320 руб. Свободные оборотные средства составляли 22 ед.

На озимом и яровом клине засеивалось зерном 3,17 дес. (80,5%, при этом посев ржи составлял 10 пудов, или 1,64 ц, овса — 14 пудов, или 2,3 ц), картофелем — 0,46 дес. (11,5%, при высеве 91,5 пуда, или 15 ц), сеянными травами — 0,19 дес. (4,8%), льном — 0,13 дес. (3,2%). Под паром оставалось 1,55 дес.

Сбор составлял 50 пудов (8,2 ц) ржи, 55 пудов (9 ц) овса, 513,8 пуда (84,3 ц) картофеля. Стоимость произведенных продуктов оценивалась в 435,85 житной единицы, или 361,8 довоенного рубля. Чистый остаток за вычетом семян, стоимости удобрений, расходов на содержание лошади и износа орудий был в пределах 283,32 ед. Продукция животноводства стоила 521,8 ед. (433,1 руб.), а за вычетом расходов на корма — 162,52 ед., доходы от заработков на стороне и ремесел — 88,61 ед., за вычетом связанных с ними расходов — 70,29 ед. Всего, таким образом, чистая продуктивность хозяйства оценивалась в 516,13 ед. (428,4 руб.).

Из этой суммы 402,67 ед. уходило на питание членов хозяйства, 41,29 — на налоги, 32,78 — на возмещение падежа животных. В наличии оставалось 29,39 единицы, или 2,7 довоенного рубля в расчете на десятину. Но при эффективно возобновляемом хозяйстве необходимо было бы направлять на амортизацию построек, животных и инвентаря 5% их стоимости (35,7 ед.) и иметь прибыль не менее 5%, т. е. 24,5 ед. В действительности средств не хватало даже на амортизацию, т. е. при таком балансе хозяйство постепенно проедало основные фонды.

Несмотря на несколько иную методику подсчета, картина выглядит достаточно похожей на ту, что получалась в моделях для конца XVIII и середины XIX в. Менялся размер надела, количество едоков и работников, домашнего скота, менялось соотношение цен и размеры повинностей, но крестьянское хозяйство неизменно балансировало на грани простого выживания.

Бюджет рабочего времени тоже был аналогичен более раннему. Общий его фонд, переведенный в условные «мужские» дни, Я. Кисляков оценивает в 1002 человеко-дня (без выходных и праздников). Из них 600 дней уходило на полевые работы и уход за животными, 230 — на домашнее хозяйство, 58 — на промыслы, в резерве оставалось 114 дней (11,3%), приходившихся на «мертвое» в хозяйственном отношении зимнее время.

Я. Кисляков отмечает, что приверженность традиции не позволяла использовать даже явно имеющиеся возможности для повышения эффективности хозяйства. Низкая продуктивность животных (надой на корову он принимает равным 71,6 ведра, или 873,5 литра, хотя в экономическом обзоре Логойского района фигурирует цифра в 50 ведер) отчасти объяснялась тем, что зимой скот кормили неизмельченной соломой и поили холодной водой, хотя ничто не мешало крестьянину подогреть воду и порубить солому, чтобы сделать из нее мешанку.

Следуя традиции, крестьяне столь же упорно стремились обеспечить себя прежде всего хлебом, уменьшая размер сенокосов, а следовательно, и численность скота. Это порождало порочный круг, поскольку сокращение скота вело к недополучению органических удобрений и снижению урожая, для восполнения которого требовалась еще большая площадь

⁹¹³ Кісьлякоў Я. Тып беларускай сялянскай гаспадаркі (Эканамічны нарыс на падставе рахункова-агранамічнага досьледу) // Наш край. 1925. № 2—3. С. 3—10.

под зерновой клин. Между тем рыночная конъюнктура подсказывала специализацию на животноводстве: если принять уровень цен в 1890-е гг. за 100%, то накануне войны цены на хлеб достигли 138,8%, а цены на мясо — 168,7%. В начале 1920-х гг. разрыв еще увеличился: цены на хлеб составляли 105,5% от уровня 1890-х гг., а цены на мясо — 160,3%.

По мнению Я. Кислякова, эффективное животноводческое хозяйство требовало примерно равной площади зерновых и сенокосов. Это означало сокращение сбора зерна ниже минимальной потребности хозяйства, но более высокие цены на мясо не только позволяли покупать недостающий хлеб, но и давали при этом выигрыш. Такая стратегия хозяйствования была потенциально возможна, но преградой для нее выступала психологическая неготовность крестьян: хозяйство, не обеспечивающее себя хлебом, просто не укладывалось в их сознании. Ту же черту в начале 1890-х гг. отмечал Д. З. Шендрик: *Белорус прежде всего пахарь. Раз он чувствует недостаток в земле, он теряется, не умея выйти из затруднительного положения*⁹¹⁴. По этим причинам крестьянское хозяйство к 1910 г., по оценке Минского губернского присутствия, представляло собой яркую картину отсталости и запущенности.⁹¹⁵

Дополняет картину характеристика **санитарного состояния** крестьянского жилища, опубликованная в журнале «Наш край» в 1926 г.⁹¹⁶ Среди обследованных 1052 хат выявлено довольно много (38,9%) новых — постройки 1915–1925 гг. Это объяснялось тем, что в годы революционных потрясений и войн леса оставались бесхозными и крестьяне не испытывали проблем со строительными материалами. В период с 1905 по 1915 г. построены 19,1% домов, до 1905 г. — 40,1%. На дом приходилось в среднем 1,13 семьи, 5,9 человека (на Кореньщине, по налоговым ведомостям 1922 г., населенность двора оказалась чуть ниже — 5,5 человека).

Из всех жилищ 747 (71%) представляли собой традиционные четырехстенные срубы размером примерно 5 x 5,7 или 5,7 x 6,4 м с 3–4 окнами, в том числе 153 (каждое пятое) не имели даже дощатых сеней. В таких домах жила преимущественно беднота. На четырехстенку приходилось в среднем 1,6 грамотного, 3,4 дес. пашни, 2,8 головы крупного рогатого скота. Намного удобнее были *пятистенки* — срубы несколько большего размера (6 x 9,5 м), разделенные бревенчатой стеной на две секции, с 4–5 окнами. Их строили, как правило, более зажиточные и образованные крестьяне: в пятистенке в среднем было 2,5 грамотного, размер пашни у них достигал 4,3 дес., имелось 3,3 головы скота. Всего к этому типу принадлежали 223 избы, или 24%, из них 135 имели еще снаружи дощатые сени. Из построенных после 1915 г. изб на пятистенки приходилось более половины. Третий тип жилища представляли хаты, состоящие из двух четырехстенных срубов с сенями между ними. Всего их было 82, или 5% от числа обследованных, среди построенных после 1915 г. они составляли 42,7%. В обзоре отмечено зарождение новой тенденции в строительстве жилищ — сруб с помощью дощатых перегородок делился на изолированные комнатки. Средняя площадь пола на человека составляла 6,7 кв. м.

Всего 60,5% домов имели каменные фундаменты, в остальных нижний венец сруба лежал прямо на земле. У 22,2% домов пол был земляной, у остальных — дощатый. Курные печи уже практически исчезли, а изредка сохранившиеся воспринимались самими крестьянами как глубокая старина. Конструкция жилища подчинялась главной задаче: сбережению тепла в зимний период. Поэтому маленькие окна наглухо закрывались на зиму, а порой затыкались сеном или ветошью. По уровню освещенности, определяемому как отношение площади окон к площади пола, достаточно освещенными были признаны 32,1% хат (отношение составляло 1:12 и более), недостаточно освещенными — 46,5%, полутемными (соотношение 1:28 и менее) — 21,4%. Окна с двойными рамами имели 54% хат, у 7,9% часть окон были двойными, остальные — одинарными. Глухие окна (без форточек, не открывающиеся даже летом) имели 23,7% домов.

Непосредственно рядом с хлевами размещались 26% жилых построек. Почти повсеместно (в 93,5% случаев) поило для скота готовили прямо в хате, что усугубляло влажность в ней и давало стойкий неприятный запах. К этому добавлялся тяжелый запах от корнеплодов, обычно хранившихся в хозяйственной яме под дощатым полом, посреди хаты. В сильные морозы в избу очень часто брали молодняк домашних животных. Из обследованных хозяйств 37,6% держали животных в хате более 7 дней в году. Почти неизменным атрибутом жилища были насекомые: клопы — в 57,1% домов, блохи — в 55,8, прусаки — в 17,5, тараканы — в 16,2%. Чистыми от насекомых оказались 15,2% жилищ. Все это позволило автору сделать общий вывод о том, что в своей массе крестьянская хата представляла собой влажное, тесное, неудобное помещение без внутренних перегородок, кишашее насекомыми.

⁹¹⁴ Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. Т. IX: Верхнее Поднепровье и Белоруссия. С. 155.

⁹¹⁵ РГИА. Ф. 1288. Оп. 4. Ед. хр. 56. Л. 4. Цит. по: Гісторыя сялянства Беларусі са старажытных часоў да нашых дзёнТ. 2. С. 381.

⁹¹⁶ *Магілеўчык З. К.* Санітарна-гігіенічныя ўмовы хаты і двара беларускага сялянства // Наш край. 1925. № 6—7. С. 3—20.

Но Н. Улащик, описывая **элитные хозяйства** на купчих землях, рисует несколько иную картину. Из 18 хозяйств деревни Вицковщина только в двух хаты были крыты соломой, все остальные — гонтами. Одна изба, построенная в 1914 г., имела крышу из оцинкованной жести. Большинство хат через некоторое время после постройки обшивались досками, что предохраняло основной сруб от дождя и снега. Все жилища, за исключением двух, были пятистенками (как правило, с пристроенными сенями, в конце которых размещалась отгороженная досками камора) или состояли из двух половин, разделенных сенями. У наиболее зажиточных треть основного жилого помещения отгораживалась дощатой перегородкой, за которой на самодельной кровати спали глава хозяйства и его жена. Отделенная сенями часть представляла собой чистую половину (*новую хату*). У некоторых жителей соседних хуторов с начала XX в. появились никелированные кровати с матрацами, но на них члены семьи никогда не спали — они предназначались для почетных гостей. Тогда же вместо сундуков с приданным начинают использоваться комоды городской выделки, а кое-где — венские стулья, явный признак богатства. Для верхней одежды хозяева мастерили грубые шкафы.

В каждом хозяйстве непременно соорудился во дворе погреб с деревянным срубом, в котором хранились капуста и корнеплоды. У некоторых погреба были обложены кирпичом. Они избавляли от необходимости хранить картофель под полом жилища.

Среднее хозяйство имело около 30 дес. земли, из которых примерно 18 дес. занимала пашня, 7–8 дес. — сенокос, 4–5 дес. оставалось под усадьбой, выгоном и неудобницами. В структуре посевов рожь занимала около 5,5 дес., пшеница — 0,25–0,5, овес — 3, ячмень и картофель — по 1–1,5, гречиха и лен — по 0,5 дес. На парах с начала XX в. начали сеять клевер, а также люпин, который использовался вместо удобрения: его не убирали, а запахивали в землю перед посевом ржи. Это поднимало урожай примерно в три раза, с некоторых участков затем собирали почти по 20 ц ржи. Средний урожай зерновых составлял 75 пудов с десятины (11,3 ц/га), общий сбор за вычетом семян мог составлять примерно 65–74 ц ржи, 20 ц овса, 10 ц ячменя, 32 ц картофеля. На продажу шло порядка 300 пудов (49,2 ц) ржи, что при цене 80 коп. за пуд могло приносить 240 руб. Около 100–120 пудов (16,4–19,7 ц) прочих зерновых по цене 70–80 коп. за пуд давали еще до 75 руб. Картофель практически весь потреблялся в хозяйстве. Выручка от земледелия составляла в таком случае 315 руб. Это соответствует 380 житным единицам по методике Я. Кислякова.

В таком хозяйстве держали не менее 2 рабочих коней, 1–2 молодых жеребцов, 5–6 взрослых коров и 2–3 телок, 10–12 свиней, 5 овец, занимались также кролиководством. Ежегодно продавали одного коня (при передвоенной цене в 100–200 руб.) и одного жеребенка (25–30 руб.), одну корову (35–40 руб.), 4–5 телят (по 4–5 руб.), 2–3 откормленных свиней весом по 12–13 пудов (54–65 руб. за каждую) и несколько поросят (общей ценой примерно в 10 руб.). Весь доход от продажи животных равнялся примерно 350–400 руб. На продажу шло 120 кг масла на сумму до 55 руб. Выручка от продажи сыра (по цене от 8 до 20 коп. за кг) давала около 40 руб., от продажи кур, яиц и молока — еще 25–30 руб. Общий доход от животноводства составлял 400–500 руб., что эквивалентно 480–600 житным единицам.

Рыночная ориентация животноводства в зажиточных крестьянских хозяйствах подтверждается некоторыми данными макростатистики. В 1900 г. белорусские губернии переживали пик товарного свиноводства: в них было сосредоточено 43% поголовья свиней всех 24 нечерноземных губерний Европейской России. Правда, вскоре конъюнктура ухудшилась, и к 1906 г. это поголовье снизилось с 1,7 млн голов до 1,4 млн. Прибыль от одной коровы в 1905–1906 гг. могла составлять порядка 40–60 руб. в год⁹¹⁷.

Все хозяйства Вицковщины имели сады. Правда, у кого-то сад состоял из старой груши и нескольких вишен, но в хорошем хозяйстве было по 12–15 яблонь и вишен, 4–5 груш, несколько слив, кустов смородины, крыжовника и малины. Сад считался несущественной частью хозяйства и никогда не удобрялся, его продукция редко шла на продажу.

Сопоставляя эти данные с моделью Я. Кислякова, можно отметить, что чистый доход, за вычетом средств на питание, составлял от 860 до 980 житных единиц, тогда как в его модели — всего чуть более 100. На налоги, земские сборы и погашение банковских кредитов требовалось примерно 3 руб. на десятину, или 90 руб. на хозяйство. Ежегодно на одежду для всей семьи расходовалось порядка 100 руб. Кожухи обычно заказывали из своей овчины, мастер брал за шитье 10 руб. Столько же стоили услуги портного по пошиву рубах и штанов, а также сапожника по пошиву кожаной обуви. Головные уборы были уже исключительно покупными — меховые шапки, летние кепки или фуражки. Многие обзаводились парадными зимними пальто, пиджаками, рубашками с целлулоидными воротниками и манжетами, ботинками и туфлями. Из покупной ткани шились повседневные женские юбки, практически все женщины имели и выходные платья, фабричные платки.

⁹¹⁷ Гісторыя сялянства Беларусі са старажытных часоў да нашых дзён. Т. 2. С. 277, 279.

Традиционная одежда — самотканые юбки (*андаракі*), корсеты и вышитые сорочки — уже воспринималась как признак дурного вкуса.

Обработка указанного выше количества пашни и уход за скотом требовали большого числа рабочих рук. На 18 хозяйств перед войной приходилось 28 наемных работников — 8 молодых мужчин, 10 девушек и 10 мальчиков-пастушков. Наем работника стоил в 1910-е гг. 35–40 руб. в год, работницы — 25–28 руб. Кроме того, хозяин обязан был обеспечить его одеждой (она стоила 10–15 руб.) и питанием из расчета 13–15 коп. в день. Годовое содержание работника обходилось в 100–110 руб. При поденном найме хороший косец получал в день до 1 руб., жнея — 60–70 коп. на уборке ржи и 40–50 коп. овса. Таким образом, на хозяйство приходилось 1,6 работника. Самый богатый хозяин Вицковщины, имевший более 80 дес., держал до революции 5 постоянных работников, а также нанимал женщин на сезонные работы — жатву и уборку картофеля. На это он тратил более 500 руб. Среднее хозяйство имело одного постоянного работника.

Бюджет зажиточного хозяйства позволял проводить не только полноценную амортизацию, но и вкладывать значительные средства в новый инвентарь. Примерно 330 руб. в год тратилось на приобретение более совершенных сельскохозяйственных орудий. Уже к концу XIX в. сохи в Вицковщине были полностью вытеснены железными плугами. Те, кто родился в начале XX в., знали о них только по рассказам старших. Производительность одноконного плуга была примерно такая же, как у сохи — до 0,5 дес. в день. Но при пахоте плугом этот результат достигался гораздо меньшими физическими усилиями, поскольку для обеспечения нужной глубины вспашки на соху следовало постоянно налегать всей тяжестью тела. К 1914 г. некоторые хозяева приобрели уже двуконные плуги, поднимавшие полосу в полтора раза шире, а двое — двухлемешные. Одноконный плуг стоил чуть более 3 руб., двуконный — 5. Все хозяйства имели также легкие плуги для окучивания картофеля, стоившие 3 руб. В 10 хозяйствах пользовались фабричными культиваторами ценой по 15 руб.

Пять хозяев, имевших более 40 дес. земли, к 1914 г. обзавелись конными жатками системы МакКормика или Диринга (стоимостью соответственно в 120 и 180 руб.). Ими никогда не убирали весь урожай: самое рослое и колосистое жито по-прежнему жали серпами. Производительность жатки составляла 2–3 га в день, но работа с ней предполагала участие трех человек — возницы и двух женщин, вязавших снопы. Тем не менее выигрыш был велик, поскольку при жатве вручную на десятину уходило около 7 дней. Конные косилки не нашли применения — крестьяне пришли к выводу, что они косят слишком высоко.

Еще с конца XIX в. большинство хозяйств приобретали деревянные молотилки (по цене 120 руб.), работавшие на конной тяге. Их основу составлял вертикальный вал высотой около 2 м, к которому на расстоянии 70–80 см от пола крепилось дышло для запряжки трех коней, которых погоняли два человека. Такие молотилки размещались в пристроенном к гумну манеже. Копу из 60 снопов они смолачивали менее чем за час, тогда как при молотьбе ручным цепом по нормам барщины на это требовался полный человеко-день. Но весь цикл работ при молотьбе, включая веяние и уборку зерна, требовал примерно таких же затрат времени: за день 5–6 человек, занятых на молотилке, успевали смолотить 5–6 коп. И все же выигрыш был, поскольку часть этих работ могли выполнять дети и старики, тогда как ручная молотьба требовала мужской силы. В XX в. деревянные молотилки начали заменять более легкими металлическими, две были приобретены еще до войны. Тогда же все жители деревни уже обзавелись арфами для веяния обмолоченного зерна, которые давали выигрыш в 3–4 раза по сравнению с ручным веянием. 14 или 15 хозяйств имели и механические соломорезки для измельчения соломы или травы.

Но даже зажиточные хозяйства, воспринявшие многие черты городского быта, по-прежнему сохраняли далеко не лучшие черты традиционного образа жизни. Деревенская улица была такой узкой, что два воза могли разминуться на ней только в некоторых местах. Глубокие (в полметра) выбоины после дождей наполнялись водой и грязью. Передвигались в таких местах только по самому краю, держась за штaketник. Иногда в этих лужах увязали коровы, и их приходилось вытягивать веревками. Ямы понемногу заполняли хворостом и разным мусором, но проезжей в любую погоду улица стала только в 1928 г.

Жилища из-за близости хлебов летом кишели мухами. Не удивительно, что в теплое время года все обитатели, особенно молодежь, стремились спать не в доме, а на сеновале или в гумне. Пол в основном жилом помещении был покрыт грязью (иногда его специально посыпали песком, который впитывал избыточную влагу с пола). Информаторы Н. Улащика вспоминали, что даже в начале XX в. мыть пол хотя бы раз неделю хозяйки считали бессмысленной тратой сил и времени. Его мыли и скоблили несколько раз в год, перед большими праздниками. Если на такой пол ребенок ронял *суслу* (импровизированная соска-пустышка в виде комка пережеванного хлеба, завернутого в тряпицу и завязанного тесемкой) — ее

поднимали и снова совали малышу в рот. Ели все члены семьи из общей посуды, вытирались одним полотенцем. О чистке зубов никто не имел даже понятия.

Н. Улащик неоднократно отмечает, что описанные им хозяйства Вицковщины при всей их нетипичности для надельных деревень были обычными для хуторов и новых деревень, возникших на купчих землях. С этим можно согласиться. Отрывочные данные по зажиточным хозяйствам Кореньщины позволяют утверждать, что их хозяйство и быт к началу 1920-х гг. были аналогичны только что описанным. В деле о разделе имущества между Осипом Ивановым Лисом, его братьями Николаем, Адамом и сестрой Магдаленой перечисляется все подлежавшее разделу в хозяйстве их умершего отца: участок надельной земли при деревне Прудки площадью в 12 дес., при нем дом с 2 санными сараями, скотный сарай, 4 лошади, 4 коровы, телка и 2 телят, 13 овец, сруб для строящегося амбара, молотилка, веялка, 2 телеги, 2 саней, 3 плуга, 4 бороны, 2 хомута и прочее имущество. В марте 1923 г. один из братьев, Николай, потребовал раздела этого имущества. Волземотдел постановил совершить раздел полюбовно на основании предварительного решения, уже достигнутого братьями в ноябре 1922 г.⁹¹⁸ Видимо, раздел прошел так легко потому, что эта земля не была единственной. По крайней мере Осип имел еще участок купленной земли на хуторе Пястун, который упоминается в других документах.

Составленный, видимо, осенью 1921 г. список веялок на территории Прудковского сельсовета перечисляет 10 хозяев, обладавших ими⁹¹⁹. Это Данило Иванов Лис из Козырей, Михаил Семенов Лис с хутора Табун, Михаил Кореневский с хутора Кореневка, Степан Леонов Дзягилевич с хутора Селище, Сергей Осипов Тимофеев из деревни Гани, Петр Павлов Лис с хутора Лисовичи, Иван Ильич Лис из деревни Прудки, Семен Иванов Лойковский с хутора Низкое, Яков Лойковский из деревни Лищицы. Фигурирует в списке и Николай Лис, место жительства которого не указано. Вероятно, это один из вышеупомянутых братьев, чуть позднее деливших отцовское наследство в Прудках. В том же деле отмечается, что в Михалковичском сельсовете веялок не было⁹²⁰. Сведения по Черневскому сельсовету отсутствуют.

Именно такие хозяйства могли позволить себе накопительные денежные вклады. К 1906 г. в трех губерниях, Витебской, Минской и Могилевской, крестьяне завели 52,6 тыс. сберегательных книжек, на каждую из которых в среднем приходился вклад на сумму в 177 руб. К 1915 г. число таких вкладов возросло в 2,5 раза, до 129,3 тыс., а средняя сумма вклада составила 211 руб.⁹²¹

Духовная культура

Реконструкция традиционного общества как целостной системы будет неполной, если не сказать ничего о духовных ценностях — «сухом остатке» каждодневной борьбы за существование, о том, как люди проводили досуг, как они интерпретировали смысл своего существования и собственное назначение. Проявления этих сторон жизни в источниках найти нелегко. Часто приходится использовать выводы, сделанные на макроуровне, и лишь мемуары Адама Варлыги позволяют взглянуть на картину глазами уроженца Кореньщины.

Культура досуга, которую он застал в годы своего детства и юности, была уже сильно трансформирована воздействием городской культуры. На деревенских свадьбах и вечеринках танцевали кадрили, краковяк, вальс, польку. Но его мать еще помнила народные танцы, популярные во второй четверти XIX в.: *лявоніху*, *мяцеліцу*, *таптун*. Особенно модной тогда была *круцёлка* (по утверждению Н. Улащика, это та же *лявоніха*), исполнявшаяся наподобие позднейшей польки. В этих танцах, видимо, отсутствовала архаичная обрядовая составляющая, они служили чисто развлекательным целям. Танцы обычно сопровождалась озорными припевками, некоторые из них А. Варлыга приводит. Довольно древней была шуточная припевка для танца *шостак*, название которого восходит к монете времен ВКЛ:

Шэсць дзён малаціла, шастак зарабіла. А за таго шастака ды купіла мужыка.

Танцы являлись непременным атрибутом деревенской свадьбы или праздничных гуляний, устраиваемых в летнее время. До конца 1860-х гг. под них обычно отводился ток. Но при желании можно было в корчме организовать игрище, не приуроченное к свадьбе или празднику, заплатив за это еврею-корчмарю, который нанимал музыкантов. Если молодежь собиралась на посиделки по хатам, танцевали обычно без музыки, под припевки. Самым распространенным развлечением на игрищах и посиделках были сложные хороводные игры, одинаково популярные по всей Беларуси (*Яцёр*, *Женитьба Терешки* и др.). Их отмирание происходило на глазах Язепа Гладкого.

⁹¹⁸ ГАМО. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 79.

⁹¹⁹ ГАМО. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 84.

⁹²⁰ ГАМО. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 90.

⁹²¹ Гісторыя сялянства Беларусі са старажытных часоў да нашых дзён. Т. 2. С. 382.

Музыканты были, как правило, самоучками. Увлечение этим занятием не слишком поощрялось, так как плохо совмещалось с успешным хозяйствованием: *З музики і дударя не будзя гаспадара*. Но хорошие музыканты представляли большую редкость, о них помнили спустя многие десятилетия. Так, в Красном Бору у пана Чудовского еще до отмены крепостного права служил музыкантом некто Шеляговский, умевший играть на *тарабане* (нечто вроде 24-струнных гуслей, которые вешались на ремне на шею, а звуки извлекались пальцами в перчатках со специальными когтями). Играл он также и на скрипке. В Михалковичах в ту пору славился Казимир Белостоцкий, хорошо игравший на *дуде* (волынке). Дуда вызывала несколько настороженное отношение у религиозных людей — очевидно, под воздействием церковнослужителей, еще не забывших языческие корни этого инструмента (непременного атрибута древних скоморохов). Она была единственным инструментом, на котором запрещалось играть в костеле. Зато на ней, по народным представлениям, могли играть черти. Шутник и сказочник Михась Лис по прозвищу *Крученый Михалка* рассказывал, будто слышал, как на болоте Чистик черт играл на дуде и пел:

*Церахоўцы мае, штанюкоўцы мае,
А лішчане, грамнічане або будуць, або не.*

Эта байка представляла собой памфлет на жителей окрестных деревень. Терехи, расположенные у края болота (как и находящиеся на другом его краю Штанюки), имели в округе недобрую репутацию — там водились воры. За жителями Лишиц и Громницы тоже замечались кое-какие грешки. Громничане любили высмеивать соседей, а лищане порой устраивали небольшие налеты на корчму: заходили в нее целой толпой и, отвлекая внимание корчмаря, воровали у него мелкие вещи⁹²².

О национально-культурной жизни в начале XX в. имеется свидетельство Адама Варлыги: *В конце октября 1905 г. открылась в Корене российская народная школа. Первые два года учителем этой школы был Степан Щемер из Новогрудчины, по политическим убеждениям черносотенец. Летом 1905 г. в Кореньскую парашию приехал молодой ксендз Вацлав Пацевич, по национальности, как он сам себя называл, жмудин. Он закончил Петербургскую духовную академию, профессором в которой был известный белорусский национальный деятель Бронислав Эпимах-Шипило. В то время в духовной академии ширилось уже белорусское национальное движение, белорусы со жмудинами действовали одним фронтом. Ксендз Пацевич был первым в нашей округе проявлением белорусского национального возрождения. От него первого мы услышали слово «белорус». <...> Ксендз Пацевич вел белорусскую национальную работу в школе с детьми, а вне школы — со взрослыми. Он всегда предупреждал, чтобы с ним говорили по-белорусски, да и не только с ним, а со всеми, своими и чужими, чтобы и молились по-своему. Он уверял, что Бог понимает и белорусский язык. <...> Второй пропагандист белорусской возрожденческой идеи в нашей округе по национальности тоже был чужаком — евреем. Это был сын кореньского корчмаря, Моська Фаин, приятель известного белорусского поэта-писателя Змитрока Бядули. Когда стали выходить осенью 1906 года белорусская газета «Наша доля», а потом «Наша нива», то он выписывал эти газеты, распространял среди крестьян, да и сам писал заметки под псевдонимом М. Пекны.*

Осенью 1906 г., по свидетельству А. Варлыги, учителя-черносотенца в Кореньской школе сменил уроженец местечка Романово на Случчине Алексей Жалейка, демократ и сознательный белорус. Он распространял «Нашу ниву» среди учеников и во многом способствовал формированию убеждений двух братьев, сыновей крестьянина деревни Михалковичи Адама Гладкого — Казимира и Язепа (второй из них — А. Варлыга). После А. Жалейки, в 1908 г. поступившего в учительский институт в Вильне, в Кореньской школе преподавал агроном по образованию Я. Лютаревич, а во время войны в 1914–1917 гг. — недоучившиеся подростки. Тогда же польские шовинисты, по утверждению А. Варлыги, организовали в частном доме в Корене польскую школу. Учителем в ней была какая-то панна Мария, гораздо более образованная, чем подростки, преподававшие в русскоязычной народной школе. Это способствовало притоку в польскую школу многих учеников, особенно девочек-переростков, которые ранее нигде не учились.

Тема преподавания в Кореньской школе (*народном училище*) дважды нашла отражение на страницах «Нашей нивы» — в анонимных заметках, присланных в редакцию кем-то из местных жителей. Заметка, опубликованная в номере за 28 марта 1908 г., сообщала, что после открытия училища в 1905 г. местные католики активно добивались того, чтобы преподавал там ксендз, а не православный священник, и даже устроили по этому поводу забастовку. Их требование было учтено, но после того, как сменились и настоятель костела, и школьный учитель, преподавание было переведено на православную основу. Недовольные этим крестьяне отказывались возить лес для строительства нового школьного здания, заявляя, что *такая школа, где нет всем равных прав, нам не нужна*. Вторая заметка, опубликованная 18 (31) июля 1908 г., упоминала о церемонии

⁹²² Варлыга А. Карэншчына. Успамін-нарыс з канца XIX — пачатку XX ст. // Літаратура і мастацтва. № 14. 8 красавіка 1994.

освящения нового школьного здания, состоявшейся 6 июля. Проводил ее православный священник, что опять-таки вызвало недовольство жителей⁹²³.

Приход школьного образования непосредственно на территорию Кореньщины отражал общую тенденцию: сеть начальных школ в Беларуси на рубеже веков быстро расширялась. Во второй половине 1890-х гг. ежегодно открывалось в среднем 122 школы, в 1901–1907 гг. — 213, в 1908–1911 гг. — 759. К началу 1911 г. одна школа приходилась на 7,3 населенного пункта, 1022 жителя⁹²⁴. Если к моменту переписи 1897 г. среди сельского населения Беларуси старше 10 лет грамотных насчитывалось 18,1%, то выборочное обследование в 1925 г. зафиксировало в 1052 крестьянских дворах около 6200 человек, из которых грамотными были 1880, или 30% от общей численности, включая маленьких детей⁹²⁵.

Документы середины 1920-х гг. впервые за всю историю Кореньщины составлены на родном языке ее жителей — белорусском, что связано с проводившейся в эти годы политикой «белорусизации» органов государственного управления. Активным проводником этой политики в ту пору вместе со своим братом Казимиром (*Казюком*) был Язеп Гладкий, о чем он пишет в своих мемуарах. Оба закончили двухклассную школу в Хотенчицах, вслед за тем Казимиру удалось поступить на педагогические курсы в Минске. После революции он два года работал учителем в белорусских школах Минска, а в 1921 г. вернулся в Корень и основал там первую белорусскую школу во всем Борисовском уезде. Существовавшая ранее в Корене русская школа была закрыта после Февральской революции по инициативе ксендза Г. Лимбо, ополяченного литовца. Вместо нее основана польская, которая с перерывами проработала до 1920 г. Ей на смену и пришла белорусская школа Казимира Гладкого. Учителем-практикантом при нем работал брат Язеп, который по уровню образования несколько отставал. На диком *новоязе* первых лет советской власти должность учителя обозначалась уродливым сокращением от слов «школьный работник» — *шкраб*. Этот период деятельности Казимира Гладкого дважды нашел отражение в документах волисполкома. Уже 2 мая 1921 г. в волисполком поступила жалоба сторожихи Кореньской школы Изабеллы Ивановны Мурашко на *шкраба* Гладкого, уволившего ее⁹²⁶. Ровно через год, 2 мая 1922 г., он был секретарем собрания жителей деревни Михалковичи, решавшего вопрос о запасных землях в урочище Болтовка.

В 1923 г. Казимир Гладкий основал в Красном Бору еще одну белорусскую школу, а в 1924 г. в Корене появился культурно-просветительский кружок, привлекавший национально-активную молодежь. Тогда же еще одна белорусская школа открылась в Михалковичах, там начал преподавать Язеп Гладкий. Он вспоминает, что в 20-е гг. неоднократно предпринимались попытки превратить белорусскую школу в Корене в польскую на том основании, что население Кореньщины было преимущественно «польского» (католического) вероисповедания. Как учителя, так и сами местные жители давали этим попыткам решительный отпор. С 1925 г. на белорусский язык в рамках программы «белорусизации» были переведены все сельские школы Кореньщины, которые существовали к тому времени почти во всех крупных деревнях.

Материалы переписи 1917 г. отчасти отражают **этническое самоопределение** местных жителей. Предшествующие годы были временем довольно активной национальной агитации, причем в двух противоположных направлениях. Деятели белорусского национального возрождения, публикации национальной прессы формировали чувство принадлежности к белорусской нации, процесс становления которой активно протекал в эти годы. С другой стороны, польская пропаганда подчеркивала конфессиональное тождество с католиками Польши, которое отделяло обитателей Кореньщины от большинства белорусов, придерживавшихся православного вероисповедания. Результаты конкуренции этих идей отражены в материалах переписи о национальном составе жителей описанных деревень, в ходе которой необходимую информацию, вероятно, получали со слов самих жителей.

Жители Ганей, Громницы, Нарбутова, Старого Чернева, хуторов Остров и Гряда поголовно значатся белорусами. То же относится к Жирблевичам, Козырям, Михалковичам и Терехам, но в каждой из этих деревень помимо белорусских семей указано по 1 еврейской. Из 5 хозяйств при имении Красный Бор 4 указаны как белорусские, 1 — как великорусское (вероятно, речь идет о семье Макара Сергеева, действительно прибывшего из России). В Корене 55 хозяйств названы белорусскими, 2 — малороссийскими (украинскими) и 1 — литвинское (литовское). В Новом Черневе лишь 6 семей бывших переселенцев названы белорусскими, а остальные 11 — литовскими. В Антоновке все семьи переселенцев значатся как белорусские.

Но особенно интересно обозначение национальности жителей Лищиц и Прудков, населенных исключительно коренными жителями (в большинстве случаев — близкими родственниками обитателей соседних деревень). В Лищицах 5

⁹²³ Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Лагойскага р-на. Кн. 1. — Мн., 2003. С. 147.

⁹²⁴ Гісторыя сялянства Беларусі са старажытных часоў да нашых дзён. Т. 2. С. 494—496.

⁹²⁵ *Магілеўчык З. К.* Санітарна-гігіенічныя ўмовы хаты і двара беларускага сялянства // Наш край. 1925. № 6—7. С. 19.

⁹²⁶ ГАМО. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 1—2.

хозяйств значатся как белорусские, а 29 — как польские. В Прудках белорусским названо всего 1 хозяйство, жители остальных 56 записаны поляками. Польской названа и семья с хутора Табун. Среди 11 семей, населявших хутора Лисовичи, Кореневка, Осетище, Селище и Ставок (почти все они также были исконными обитателями данной местности) 9 определены как белорусские, 2 — как польские. Видимо, польская пропаганда произвела особенно сильное впечатление на жителей именно этих селений (или, по крайней мере, на местных информаторов переписчика). Всего, таким образом, из 418 хозяйств жители одного названы великорусами, двух — украинцами, 4 — евреями, 12 — литовцами, 88 — поляками и 311 — белорусами. При этом ни одного настоящего поляка среди них скорее всего не было вообще.

Есть смысл хотя бы вкратце затронуть тему **взаимоотношений белорусов с евреями**. Совместная жизнь на протяжении столетий придала этим отношениям особый характер. Стоит отметить, что само слово *жид*, которым обозначались евреи в белорусском языке, не имело того ругательного оттенка, который оно приобрело в русском, и было точным эквивалентом русского слова *еврей*. Белорусские крестьяне встречали евреев если не ежедневно, то очень часто: в корчме, торговой лавке, в местечке, куда ездили на рынок. Многие евреи, со второй половины XVIII в. составлявшие большинство населения белорусских городов и местечек, промышляли розничной торговлей в разъезд. Нередко они надолго поселялись в деревнях, жили там семьями, что и зафиксировала перепись 1917 г. Их непохожесть, принадлежность к иной культуре отчетливо осознавалась. Евреев недолюбливали за их склонность злоупотреблять простотой крестьян, обманывать их. Отсюда и заповедь: *З жыдам шчыра ні дружы*. Но по сравнению с паном бедный еврей все же выглядел более предпочтительным партнером: *Лепі сібраваць (дружить) з жыдам галапатым, як з панам багатым*. Непохожесть евреев была примерно того же порядка, как непохожесть пана или администратора имения, священника, представителя уездной администрации, сельского учителя из приезжих (с конца XIX — начала XX в. к этим категориям добавились врачи и фельдшеры, ветеринары, агрономы) и в какой-то мере — вернувшегося со службы отставного солдата. Каждый из них занимал свою социальную нишу, это признавалось естественным и даже нашло отражение в пословице: *Нядобра, калі жыд пазная грунт, а мужык пазная фунт*.

Словом, разница между евреями и крестьянами воспринималась как социальная, а не этническая. В этом было принципиальное отличие от России вне черты оседлости, где евреи были приезжими и воспринимались как чужаки. На Беларуси они были непохожие, но свои. Не раз мне приходилось при опросе старожилов Кореньщины наблюдать, как их лица озарялись улыбкой при воспоминании о евреях, живших некогда в их деревне. Семья Локши Либермана, державшего лавку в Михалковичах в 1920-е гг., затем переехала в местечко Плещеницы, но бывшие односельчане, бывая там, всегда старались зайти в гости, а хозяйева непременно старались чем-то угостить. Свидетельств явно выраженного бытового антисемитизма я не обнаружил.

Эта картина подтверждается контент-анализом крестьянских петиций и наказов периода революции 1905–1907 гг., который был проведен О. Г. Буховцом⁹²⁷. Из рассмотренных им 673 документов, относящихся к территории Беларуси, ключевые слова «еврей», «еврейский», «жид» и т. п. встретились в 69, что составляет 10,4%. Еще 24 документа затрагивают эту тему иносказательно или косвенно: в 9 из них речь идет об «инородцах», а в 15 говорится о равноправии всех наций без исключения, что предполагает и евреев. Таким образом, тема затрагивается в 93 документах, что составляет 14% от рассмотренных. По мнению автора, этот процент говорит о том, что данная тема отнюдь не находилась в центре внимания крестьян. «Еврейский вопрос» мало связывался ими с решением важнейших, животрепещущих проблем, по поводу которых они апеллировали к властям или депутатам Государственной Думы.

Из 69 явных упоминаний 5 отражают несомненно позитивное, сочувственное отношение к проблемам евреев. В 8 документах упоминание сугубо нейтральное, по ходу дела (*навоз покупаем у евреев* и т. п.). В 23 документах евреи фигурируют как богатая, состоятельная, благополучная группа — скорее социальная, чем этническая. В 4 документах просматривается умеренный, а в 11 — явно выраженный негативизм в отношении евреев. Но многие из них при достаточно «правой» политической ориентации не выражают патологического юдофобства: *считаем, что дать евреям равноправие теперь будет преждевременно* и т. п. И лишь 4 петиции отражают тотальное неприятие: *пришельцы, паразиты* и т. п. Предлагается выселить их в Палестину или *пусть уходят в любую республику, где дадут им право управлять страной*. Последние написаны людьми явно черносотенного толка, в них одновременно сквозит неприязнь к другим национальностям, а в одном случае к интеллигенции вообще. С другой стороны, из 54 текстов, в которых указано, кто записывал их со слов

⁹²⁷ Буховец О. Г. Нации и этноконфессиональные группы Российской империи в массовом сознании (по петициям и наказам 1905—1907 гг.) // Социальная история. Ежегодник. 1997. — М., 1998. С. 249—262.

крестьян, в каждом третьем случае были именно евреи. Автор полагает, что это демонстрирует определенный уровень доверия к евреям.

Довольно емкую характеристику **семейных отношений** в белорусской деревне содержит очерк М. В. Довнар-Запольского и Д. З. Шендрика. Составители очерка прежде всего подчеркивают особую роль главы хозяйства, которым обычно был старший по возрасту мужчина. В отличие от русского *большака*, он не обозначался каким-то специфическим термином, выступая просто как хозяин. *Значение домохозяина прежде всего определяется тем, что он ведает всеми мужскими работами в хозяйстве. Распределение работ делается обыкновенно вечером за ужином. <...> Хозяин почти всегда бывает и казначеем в семье. <...> Хозяину же принадлежит и наблюдение за поведением молодых членов семьи: он понуждает ленивых работать более усердно, следит за нравственностью молодежи, наказывает провинившихся, отпускает на заработки свободных от общих работ, отдает в наймы молодых членов семьи, если это оказывается нужным и т. д. <...> В тяжелой крестьянской работе хозяин выступает первым, и взмах косы хозяина определяет скорость работы остальных косарей. <...> Как представитель семьи, хозяин окружен знаками почета и уважения. Он садится за столом на самом почетном месте — на куту, в углу под образами. <...> Перед началом еды он творит общую молитву и начинает есть сам, и уже за ним остальные члены по старшинству.*

К концу XIX в. глава хозяйства несколько утратил то значение, которое он имел в период господства общежительской модели поведения. *Власть хозяина в семье не бывает деспотической, потому что всякая несправедливость с его стороны по отношению к кому-нибудь из членов семьи, неопытность в работах, неумелое распоряжение имуществом, наконец пьянство и лень — неминуемо ведут к разрыву семьи, к разделу ее, или к переходу домохозяйства в другие руки, например — к старшему сыну в семье, или к брату хозяина.* Отделение сыновей при жизни отца стало уже достаточно распространенной практикой, хотя считается еще явлением необычным. При этом отец, как правило, оставался в семье младшего сына, который должен был досматривать его в старости и по этой причине получал несколько больший участок, чем старшие братья.

Жена хозяина отвечала за порядок в женской части хозяйства: расходовании пищевых запасов и приготовлении еды, дойке коров, стирке, уборке, уходе за детьми, прядении, ткачестве и шитье нижней одежды. В этом ей подчинялись все женщины и девушки в доме. Бывали случаи, когда женщина ведала и деньгами. Как полагают авторы обзора, *вообще положение женщины в белорусской семье не может быть названо угнетенным. В хозяйстве она является помощницей своего мужа, а сфера домоводства ей принадлежит целиком. <...> В случае смерти мужа народный обычай предоставляет матери опеку над малолетними. Наконец, женщина в белорусской семье обладает своим, отдельным от семейного, имуществом. Такое личное имущество прежде всего складывается из того приданого, с которым женщина переходит в семью мужа; кроме того, жена имеет свои частные заработки, которые она получает от продажи огородных овощей, льну, полотен, домашней птицы. Этими путями каждая мать копит приданое для своей дочери*⁹²⁸.

По свидетельству Н. Улащика, деньгами все-таки распоряжался мужчина — даже теми, которые жена приносила в качестве брачного *посага*. Распределение ролей в семье регламентировалось достаточно жестко, закрепляясь в пословицах: *Хто бабы слухая, той сам баба; Па гаспадару плача клець, а па гаспадыні плача печ* (муж ответственен за хозяйство, а жена — за то, чтобы семья была накормлена). Разделение труда между мужчинами и женщинами было таким строгим, что женщины, прожившие всю жизнь в деревне, не умели запрячь коня и не решались самостоятельно, без мужчины, куда-либо поехать. Только во время Первой мировой войны, когда почти всех мужчин призвали в армию, изредка можно было увидеть женщину за плугом или с косой. С другой стороны, *мужчина считал оскорблением своего достоинства подоить корову, принести воды, вытянуть из печи тяжелый саган и даже достать, когда женщин не было дома, приготовленный обед*⁹²⁹.

Дети в семье воспитывались в духе строгого послушания любому старшему. К родителям, деду и бабушке, дядькам и теткам, вообще всем взрослым они должны были обращаться исключительно на «вы». Обращение к ним на «ты» считалось крайней грубостью и хулиганством. В обращении взрослых с детьми за период между 1880-ми и 1910-ми гг. произошли значительные изменения: *В первые десятилетия матери и особенно отцы учили своих детей подпругой, хворостиной, а порой и кнутом. В XX в. неслух тоже мог заработать оплеуху и попробовать кнута, но формы этого воспитания были уже значительно более мягкими*⁹³⁰. Этнографы отмечали, что основную строгость проявлял обычно отец. За столом глава хозяйства всегда имел наготове ложку, чтобы щелкнуть по лбу нарушителю порядка. Мать крайне редко бывала жестока с детьми. Если

⁹²⁸ Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. Т. IX: Верхнее Поднепровье и Белоруссия. С. 149—152.

⁹²⁹ Улашчык М. Была такая вёска: Гіст.-этнограф. нарыс. С. 73—74.

⁹³⁰ Улашчык М. Была такая вёска: Гіст.-этнограф. нарыс. С. 69.

ей случалась послать им в сердцах проклятье за какую-то шалость или непослушание, она тут же вполголоса обращалась к Богу: *Каб ты не пачуу*⁹³¹.

В отношении новорожденных каких-либо изменений в практике ухода за эти годы не произошло. Их, как и повсюду в традиционном сельском обществе, туго пеленали, так что, за исключением нескольких раз в день, когда пеленки меняли и давали ребенку немного подвигаться, он был лишен возможности пошевелить руками или ногами. По мнению Ллойда де Моза, телесные наказания в детстве и тугое пеленание диктовались не практической целесообразностью, а психологическими проблемами самих родителей, которые таким путем транслировали их потомкам⁹³². Порка детей была, по сути, санкционированным традицией способом выхода внутренней агрессивности, подлинные истоки которой представители глубинной психологии усматривают в эмоциональном шоке, сопровождающем процесс родов⁹³³. Пеленание детей повсеместно диктовалось иррациональным убеждением, что предоставленный сам себе младенец непременно расцарапает лицо и даже выцарапает себе глаза. В свою очередь, постоянное пребывание в спеленатом состоянии в первые месяцы жизни было одним из факторов, формировавших у человека рефлекторную боязнь чрезмерной свободы, что делало его восприимчивым к общественной морали и атрофировало личную инициативу. Отмирание этого обычая, которое в Западной Европе прослеживается с XVIII в., имело огромное значение в становлении капиталистического общества с его духом предпринимательства и инициативы. В Восточной Европе пеленание начало отмирать только во второй половине XX в., и именно непеленатое поколение, полагает Л. Демоз, смогло легко отказаться от тоталитарного общества в конце этого столетия и чувствовать себя комфортно в новых условиях.

Семейным и хозяйственным отношениям, коллизиям быта посвящена часть пословиц и поговорок из собрания А. Варлыги. С самоиронией крестьяне признавали свою склонность жить «задним умом», долго анализировать допущенные промахи и переживать по их поводу, хотя это мало сказывалось на решении новых проблем. По этому поводу они вкладывали в уста мещанина поговорку: *Каб майму сыну той розум наперед, што ў мужыка заду*.

Люди прекрасно понимали слабости человеческой природы — способность в условиях суровой борьбы за выживание утратить сострадание к сиротству и старости, скатиться в эгоизм и урвать лучший кусок за счет ближнего — и предохранялись от них едкой насмешкой: *У каго матка, у таго галоўка гладка; Як памёрла матка, дык асьлеп і татка; Малыя дзеці спаць ні даюць, вялікія дзеці жыць ні даюць* (в двояком смысле: повзрослев, терзают душу родителей недетскими проблемами, а также в прямом смысле не дают жить постаревшим, беспомощным родителям); отсюда: *Бацькі запазухі дзяруць, дзецям хлеб хаваючы, а дзеці запазухі дзяруць, ад бацькоў хлеб хаваючы; Дзяціны хлеб горак* (хлеб, который доживающие век старики едят в доме взрослых детей). Но в то же время: *Благі грыб хрушч, але без яго пушч* (сколь бы ни мала была польза от старика в хозяйстве, без него еще хуже).

Ряд поговорок касается подробностей быта, и они порой способны сказать больше, чем многословные описания: *Як жыта красуя, гаспадар галасуя* (ко времени цветения жита в хозяйстве обычно иссякали запасы прошлогоднего хлеба и оставалось только голосить); *Як жыта наліваецца, гаспадар умываецца* (в ожидании нового хлеба как дорогого гостя); *Як жыта палавее, гаспадар шалее* (шалее от радости, что дождался урожая); и попросту: *Няма горшай балесьці, як хочацца есці*.

Целый ряд пословиц затрагивает вопросы **традиционной этики**. Подчеркивается достоинство умеренности и вред невоздержанности, безусловное предпочтение бедности перед успехом, достигнутым ценой моральных издержек: *Жыві проста — пражывеш лет до ста; Ні ўздыхай: чаго няма, таго няхай; Хоць латаная, алі ні хватаная* (лучше носить свою бедную одежду, чем краденую богатую); *Хоць кішэнь пуста, алі душа чыста* (лучше иметь пустой карман, но чистую душу). Любой подарок предполагал равноценную отдачу: *Дар за дар, а дарма нічога*. Создание излишних запасов не поощрялось: *Што занадта, таго й свьіньня ні ядуць; Сто коп — на год хлеба, і капа — на год хлеба*. Характерно, что эта поговорка совершенно не принимает в расчет, что лишние 99 коп можно было бы продать. Осуждение вызывали также любые кредитные операции: *Пазычай — благі звычай*. Идеальная линия поведения, предписываемая традицией, — полная имущественная самодостаточность: *Дай, Божя, сваё спажыць, а на чужое не разівацца*.

На этом фоне понятной становится пассивность основной массы крестьян, не воспользовавшихся возможностями рыночных отношений, которые дала им реформа. Можно представить, какое усилие над собой делали хозяева, добивавшиеся особых успехов на этом поприще, и какое давление со стороны окружающих им приходилось выдерживать. Конечно, недостижимость всеобщего равенства признавалась бесспорной (*Бог ня роўна дзеля; Бог і лесу не зраўняў*), а растрата нажитого

⁹³¹ Шейн П. В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. — СПб., 1893. Т. 3. С. 513.

⁹³² Демоз Л. Психоистория. — Ростов н/Д, 2000. С. 14—111, 437—449.

⁹³³ Гроф С. Психология будущего. — М., 2001. С. 71—83 и др.

родителями осуждалась безоговорочно (*Бацька зьбіраў войкаючы, а сын пускае гойкаючы*), но удача, сопровождавшая богатых, воспринималась с явным неодобрением, хотя и с оттенком зависти: *Багатаму і чорт дзяцей калыша*. Богатство почти наверняка предвещало моральную глухоту (*Багаты ня ведае, чым бедны абедая*), затрудняло сохранение душевного равновесия и чистой совести, ставя людей перед слишком сильными искушениями: *Чалавек гора вытрывае, а роскашы не; Ні дай Бог сьвінні рог, а мужыку панства*.

Нужно учитывать, что фоном для этих взглядов было общее для традиционных культур многих народов представление о доле или удаче как причитающейся каждому части общего счастья. Это общее счастье представлялось как некая конечная величина, которая в случае равномерного распределения обеспечила бы потребности каждого. Но, подобно закону сохранения энергии, возрастание доли одного человека выше среднего уровня означает, что кому-то другому достанется меньше. Отсюда восприятие определенной категории людей как *обездоленных* (по-белорусски *бяздольных*), лишенных своей части по каким-то неведомым, не зависящим от них причинам. Одновременно те, чья доля превышает средний уровень, не могли не восприниматься с привкусом морального осуждения — они пользуются избытком счастья, которое при справедливом разделе могло бы принадлежать другим. Характерно, что в славянских языках термин, определяющий неудачника, совершенно не имеет того оттенка, который ощущается в английском эквиваленте — *loser*, т.е. человек, который сам потерял свою долю.

Отношение к удаче, помощи высших сил тоже было двойственным. С одной стороны, рекомендовалось довериться воле Божьей, не слишком суетиться: *Дасьць Бог дзень, дасьць і пажытак; Калі будзем у Бога годны, дык ня будзім галодны*. Но в то же время на Бога не стоит слишком уповать, больше нужно рассчитывать на собственные силы: *У Бога веру, а Богу ня веру; Свая воля дае долю*. Явным неодобрением сквозит поговорка о людях, вспоминающих Бога (в переносном смысле — также бывших добродетелей и разумных советчиков) только в случае нужды: *Калі трывога, тады да Бога*.

Народная мудрость напоминала о том, сколь суров был окружающий мир, сколь зыбка грань между благополучием и лишениями: *Век чыста ні перахадзіць, ласкава ні піражыць і смачна ні піраесяці; Ад вастрогу і ад торбы ні адмовіся; Кожнаму трэба сваю галамянку (голую кость) адгрызьці (подразумевается: одним в молодости, другим в старости, но периода лишений не миновать); и наконец — Ад сьмерці рук ні падложыш*. Отношение к превратностям жизни, предписываемое пословицами, ближе всего к этическому кодексу стоицизма: *Свайго нішчасця ні абойдзіш, ні аб'едзіш; Прайшла зіма й лета, пройдзя й гэта; Будзім мучыцца, пакуль сьмерць лучыцца; Бог даў, Бог і ўзяў; Ня цешся, калі знайшоў, і ні смуціся, калі згубіў*. Но готовность покоряться обстоятельствам должна иметь предел, о чем напоминала полная самоиронии поговорка: — *Якаво, чорця, у балоця? — А як прывык, дак і добра*.

Часть пословиц выражает убежденность, что выполнение повседневных обязанностей, упорная борьба с невзгодами непременно окупятся материальным результатом: *Рабі, нябожа, дык і Бог дапаможа; Хто стараіцца, таму й Бог дае*. Но добросовестное выполнение своей социальной роли является, по большому счету, категорическим императивом, превышающим масштаб человеческого существования: *Паміраць збірайся, а жыта сей* (вариант: *На ўраджай ні зважай, а жыта сей*). Хотя сакраментальная поговорка *Ад работы і конідохнуць* была известна информаторам А. Варлыги, стремление дать себе хотя бы временное послабление осуждалось как с прагматических позиций (*Хто ўлетку халадуя, той узімку галадуя*), так и из соображений моральной ответственности перед Богом: *Хто на абедзе аддыша, таго Бог за сьвіньню запіша*.

Психологические черты белорусского крестьянина в очерке М. В. Довнар-Запольского и Д. З. Шендрика описываются так: *По натуре довольно пассивный, белорус не отличается предприимчивостью, <...> однако отличается сильным развитием воображения и впечатлительностью. Он охотно уходит в мир мечтаний, воображения. Стоит прислушаться к разговору деревенских парней, когда они сойдутся на ночлег для пастьбы лошадей: разгоряченные лица целую ночь ведут беседу о всевозможных ужасах, говорят о самых фантастических, недоступных их пониманию предметах. Полет фантазии необыкновенный!*⁹³⁴

Эта склонность к метафизике дополняется довольно критической характеристикой А. Богдановича: *Обряды, сопровождающие жизнь белоруса от колыбели до могилы, <...> свидетельствуют о сравнительно невысоком уровне умственного развития. Об этом также свидетельствует лучшее мерило духовного развития народа — его язык. По впечатлению А. Богдановича, этот язык гораздо беднее словами для обозначения отвлеченных понятий, чем великорусский народный язык, и даже уступает в этом отношении малорусскому. <...> Слов, соответствующих русским существительным с окончанием на -ие, -ость и -есть, в нем чрезвычайно мало. <...> Среди белорусов почти не сохранилось*

⁹³⁴ Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. Т. IX: Верхнее Поднепровье и Белоруссия. С. 158.

исторических сказаний, так как этот народ несколько веков не жил исторической жизнью. <...> Былинная поэзия совершенно отсутствует. Белорус или вовсе не принимал участия в создании того цикла эпических образов, к которому принадлежат старшие и младшие богатыри киевского периода, или если и принимал, то совершенно забыл о существовании своих детищ. Также нет в Белоруссии ничего соответствующего украинским казацким думам⁹³⁵.

К степени объективности этих оценок по существу я вернусь чуть позже. Здесь прежде всего важен относительный аспект — то, как белорусская деревня представлялась на фоне русской и украинской.

Пласт **мифологических представлений** в сознании белорусских крестьян М. В. Довнар-Запольский и Д. З. Шендрик считают более мощным, чем на территории других губерний: *Повсеместно в России еще сохраняются в большей или меньшей степени следы языческих культов и верований. Но белорусу в этом отношении бесспорно принадлежит первенство.* В подтверждение они приводят колоритные предания об оборотнях и другие подобные сюжеты, а также насыщенность повседневной жизни обрядовыми действиями. *Белорус с большим почтением относится к обряду; для него обряд — это акт священнодействия, установленный предками, освященный веками и поэтому требующий к себе уважения и точного выполнения*⁹³⁶.

Те же авторы отмечают склонность белорусов к персонификации явлений окружающего мира, особенно вредоносных: *Вообще белорус олицетворяет всякую беду, всякое несчастье. Оттого и болезни он представляет себе в виде злых существ, духов, которые вселяются в человека. <...> Смерть в воображении белоруса также представляется в виде особого существа. Смерть «душит людей», однако она поражает не тех, кого хочет, но того, кого назначает Бог*⁹³⁷.

Эта последняя черта, видимо, подмечена верно. Ее можно проиллюстрировать народной песней, записанной в 1960-е гг. Ушедшая от постылого мужа женщина ведет такой диалог со встретившейся ей на дороге смертью: — *Смерць, мая маці, куды ты ідзеш?* — *Іду ад Бога па нялюбага твайго.* — *Смерць, мая маці, не бяры яго. Не бяры яго, а бяры мяне. Ўсе людзі знаюць, што я не любіла. Ўсе людзі скажуць, што я атравіла*⁹³⁸.

Но персонификация смерти, болезней и даже признание того, что они могут быть орудием Божьей кары, отнюдь не исключало целого арсенала алгоритмов для борьбы с ними. О магической стороне этого арсенала речь пойдет особо, пока же нужно вслед за А. Богдановичем отметить наличие довольно развитой народной медицины. Вопросы ее эффективности он не берется обсуждать, но отмечает, что знахарки имели рецепты средств против лихорадки, ревматизма и ломоты в костях, грудных болезней, чесотки, ожогов. Для лечения геморроя применялись физиотерапевтические процедуры — ванны с отваром травы *дзівосила* и компресс в виде горячего кирпича, привязанного к крестцу⁹³⁹. Бог, запечатленный в пословицах и поговорках, отнюдь не воспринимался в примитивно-языческом плане как объект манипуляций, у которого можно выпросить желаемое: *Бог ня слухае, што свіньня рухае.* Удивительная онтологическая глубина заключена в поговорке, которой характеризовали безнадежного в этическом или интеллектуальном плане человека: *Бог душу сапсаваў: як у пень усадзіў.* В ней Всевышний предстает обладателем своеобразного арсенала духовных зародышей, которые посылает на землю для превращения косной материи в человеческие существа. Но он может ненароком и промахнуться, заключив душу в неподходящую для нее оболочку. Такой взгляд чем-то перекликается с гностицизмом, неоплатоническим учением о *монадах*.

Совершенно в духе гностицизма звучит и дуалистический миф о сотворении мира, широко распространенный в Беларуси. Его вариант, зафиксированный А. Богдановичем в Холопеничах, повествует о том, как в начале мира черт выступал подручным Бога в акте творения. *В начале вода покрывала землю. Бог приказал черту нырнуть на дно и достать оттуда горсть земли. Черт спустился на дно, захватил горсть земли, но не всю отдал Богу, а спрятал часть во рту. Бог взял в руки горсть земли, благословил ее и бросил на воды, — и земля начала расти, расширяться, покрывать воду гладким и ровным, как ток, слоем. Но стала расти и та земля, что была у черта во рту, стала раздирать ему рот. Черт, корчась от боли, стал кататься по земле и выплевывать изо рта землю. Долго он катался так и плевал. Оттого поверхность земли сделалась гористой, и земля местами отравилась чертовой слюной.* На этой отравленной земле вместо полезных для человека растений выросли сорняки, а некоторые из созданных для человека животных, поев такой ядовитой травы, превратились в опасных

⁹³⁵ Богданович А. Е. Пережитки древнего мирозерцания у белорусов: Этнограф. очерк. — Гродно, 1895. С. 3—5.

⁹³⁶ Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. Т. IX: Верхнее Поднепровье и Белоруссия. С. 158, 172.

⁹³⁷ Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. Т. IX: Верхнее Поднепровье и Белоруссия. С. 162.

⁹³⁸ Лірычныя песні / Уклад. і рэд. Н. С. Гілевіча. — Мн., 1976. С. 278.

⁹³⁹ Богданович А. Е. Пережитки древнего мирозерцания у белорусов: Этнограф. очерк. С. 147—150.

хищников. Когда же Бог слепил из глины человека и вдохнул в него жизнь, черт тоже украдкой дохнул на человека, — и вселился также в человека и злой дух, и человек получил склонность ко злу⁹⁴⁰.

А. Богданович так характеризует отношение белорусов к огню: он является одной из основ семьи, домашним пенатом, началом целебным и всеочищающим. Особенно это сказывается в захолустных местностях. Там в каждой семье стараются поддерживать *свой* (выделено автором. — В. Н.) огонь, тщательно загребая горячие уголья в печурку. Он вздувается по мере надобности. При переходе из одного жилья в другое, при семейном разделе, несут с собой огонь из домашнего очага. Осквернять огонь плевками или чем-нибудь в этом роде считается делом нечестивым и небезопасным⁹⁴¹.

Ему же принадлежит довольно удачная, на мой взгляд, хотя и сделанная с отстраненной позиции характеристика культа предков, составлявшего одну из основ мировосприятия крестьян: По воззрениям белорусов, весной, вместе с оживанием природы, с пробуждением ее от зимнего сна, оживают и души мертвых и выходят из тесных гробов на вольный свет. Полагают, что они нуждаются в пище и питье, что они едят и пьют, но редко: три — четыре раза в год с них вполне достаточно. Для удовлетворения этой потребности и в знак уважения к предкам, периодически устраиваются поминальные столы, по-белорусски — «дзяды». В такие дни все как-то торжественно настроены, полны ожидания чего-то таинственного. Разговоры обыкновенно вращаются около умерших; вспоминаются обстоятельства их жизни, вкусы, привычки. Чего не хватает этому описанию, так это субъективной составляющей — представления о том, что же давал контакт с предками самим исполнителям культа⁹⁴².

Судя по объяснению, которое дает культу предков А. Варлыга в своем очерке «Четыре торжества», сам он приобрел вместе с образованием материалистический (даже, пожалуй, вульгарно-материалистический) взгляд на бессмертие души, и эта субъективная составляющая также была им утрачена: Наши пращуры в те времена верили в жизнь «на том свете». Такая вера образовалась благодаря снам. Покойник часто показывался во сне живому человеку в том самом виде, в каком был живым: так был одет, так двигался, так говорил, а порой и ел. А поэтому наши пращуры сильно верили, что покойнику на том свете нужны все те вещи, орудия и еда, чем он пользовался и при жизни⁹⁴³.

С совсем иных позиций, с высоты приобретений и утрат еще одного столетия пытается взглянуть на это же явление наш современник — Янка Крук: И по народным представлениям, и в соответствии с христианским учением Смерть не есть пограничная межа, за которой приходит полный разрыв. Традиции почитания умерших ярко свидетельствуют, что в сознании белорусов распространено предположение о том, что душа умершего отлетает в вы-**Рай** и там живет вечно, помогая представителям своего Рода и в тяжелый час, и во время общеродовых празднований. И далее: Восприятие Смерти как законченности земного цикла и перехода в мир предков (выделено автором. — В. Н.) предопределило спокойное, сдержанное отношение к ней со стороны наших предшественников⁹⁴⁴. Другими словами, культ помогал человеку встретить кульминационное событие своей собственной судьбы — личную смерть (что актуально для всех нас без исключения, независимо от наших убеждений и верований). Человек, воспитанный в материалистических, модернистских традициях, просто не мог прийти к такому выводу, поскольку для него тема экзистенциального страха смерти была своего рода табу. Умение переключаться с нее на более веселые темы расценивалось как непрменный атрибут психического здоровья. С такой точки зрения и напряженная склонность белорусских крестьян к метафизическим вопросам выглядит несколько иначе.

Этот пример показывает, что информация, заключенная в этнографических и фольклорных записях, каждым поколением неизбежно интерпретируется заново. Чем более интимных сторон нашего бытия касается эта информация, тем сложнее такая интерпретация и тем важнее для нее учитывать сведения, накопленные психологией XX в., и современные парадигмы.

В мировоззрении крестьян постоянно соседствовали друг с другом сакральное и мирское, и будни перемежались с праздниками, пронизанными глубоко архаической обрядностью. Как католики, жители Кореньщины должны были следовать календарю Римско-католической церкви, но по-настоящему народными стали только те праздники, которые равно почитались и католиками, и православными. Обычно они сохраняли мощный пласт ритуалов языческого происхождения.

Рождество Христово (Каляды, 25 декабря) открывало насыщенный обрядами двухнедельный период, который завершался Крещением (6 января). Полуязыческий характер носили народные праздники *Грамніцы* (приуроченные к церковному празднику Сретенья Господня, 2 февраля), день 40 мучеников (Саракі, 9 марта), *Аўлас* (последний четверг перед

⁹⁴⁰ Богданович А. Е. Пережитки древнего мирозерцания у белорусов: Этнограф. очерк. С. 131—132.

⁹⁴¹ Богданович А. Е. Пережитки древнего мирозерцания у белорусов: Этнограф. очерк. С. 15.

⁹⁴² Богданович А. Е. Пережитки древнего мирозерцания у белорусов: Этнограф. очерк. С. 55.

⁹⁴³ Варлыга А. Чатыры ўрачыстасьці. — Нью-Ёрк, 1970. С. 50.

⁹⁴⁴ Крук Я. Сімволіка беларускай народнай культуры. — Мн., 2001. С. 249, 253.

Великим постом), *Масленіца* (канун Великого поста, этот праздник приходился на воскресенье). Затем следовали Благовещение (*Багавешчаньне*, 25 марта), Пасха (*Вялікдзень*, главный праздник года), *Радаўніца* (весенний день поминовения усопших, второй вторник после Пасхи), весенний день Св. Георгия (*Юр'я*, 23 апреля, в этот день празднично отмечался первый выгон скота на пастбище), весенний день Св. Николая (*Мікола*, 9 мая), Вознесение (*Ушэсьце*, 40-й день после Пасхи), Троица (*Сёмуха*, конец 7-й недели после Пасхи, приходилась на воскресенье) и следующий за ней день Сошествия Св. Духа (*Духаў дзень*), канун дня Св. Иоанна Крестителя (*Купалье*, 24 июня), день Св. Петра и Павла (30 июня), день Св. пророка Ильи (*Ілья*, 20 июля, сохранивший черты культа Перуна), Преображение Господне (*Спас*, 6 августа), Успение Девы Марии (15 августа, это был титульный праздник Кореньского костела, его народное название — *Першая Прачыстая*), Рождество Девы Марии (*Багач* или *Другая Прачыстая*, 8 сентября), Воздвижение Креста Господня (*Узьвіжаньне*, 14 сентября), день Всех Святых (19 октября) и сопряженные с ним по времени *Дзяды* (осенний день поминовения, предпоследнее воскресенье октября), осенние дни Св. Георгия и Св. Николая (26 ноября и 6 декабря).

На Кореньщине, как и повсеместно в белорусской деревне, архаичная обрядность особенно ярко проявлялась во время трех христианских праздников: Рождества, Пасхи и дня Ивана Купалы, а также в осенний день поминовения усопших, являвшийся кульминацией культа предков. Уделяя им особое внимание, Адам Варлыга в своем очерке «Четыре торжества» выделяет и другие отрезки времени, насыщенные обрядами и ритуалами. Ими обставлялись начало и конец любого дела⁹⁴⁵.

Но следует различать два вида ритуалов: сакральные и магические. Первые из них сопряжены с чувством благоговения, вторые — безотчетного страха. По представлениям современной глубинной психологии, эти эмоции являются двумя гранями более фундаментального чувства *нуминозности*, переживанием контакта с архетипическим источником религиозности, от рождения присутствующим в душе человека⁹⁴⁶. Две составляющие нуминозного чувства, благоговение и ужас, пребывают в непрерывном взаимопревращении, подобно энергиям Инь и Янь древнекитайской философии: усиление благоговения приводит к вытеснению страха и наоборот.

Эмоциональный фон обрядов плодородия хорошо ощущается в детских воспоминаниях Язепа Гладкого: *Когда мне было 6 лет, ходил с мамой зажинать жито. Мама вечером взяла серп и постилку, и мы пошли к житу. Сначала мама нажала маленький снопок и назвала его «господар». Мама положила «господара» на разостланную постилку. Потом она нажала еще десять снопов и составила их в бабку. Мама обернула «господара» в постилку по самые колосья, и мы пошли домой. Дома мама вывернула «господара» из постилки и поставила за столом на покути. А когда через некоторое время папа вез первый воз снопов, то остановил коня на подворье, пришел в хату, забрал «господара» и положил его на воз снопов. Въехав в гумно, папа снял «господара» с воза и положил его первым на том месте, где будет лежать кладка снопов, а потом на него положил другие привезенные снопы. Около трех лет спустя я был и на дожинках, когда мама со старшей сестрой дожинали жито. Когда остался несжатым маленький кусочек жита, мама со старшей сестрой жали его круговую. А когда остался маленький чубик, то они срезали только колосья, а солому закрутили в жгут, а под ним закопали кусочек хлеба с солью. С последних сжатых колосьев сестра свила венок и дома повесила на покути. Зажинки и дожинки считались домашними праздниками, и в те дни готовился хороший ужин⁹⁴⁷.*

В этих строках нет страха, от них скорее веет благоговением. То, что обрядовые действия производились не механически, доказывает уже тем фактом, что они навсегда запечатлелись в памяти Язепа, который воспроизводит их во всех деталях спустя более полувека. В своем описании он склоняет слово *господар* («хозяин»), как относящееся к одушевленному существу. С точки зрения ортодоксального монотеизма, предполагающего полное и безоговорочное посвящение себя одному источнику Благодати, это может показаться идолопоклонством. Но скорее оправданна ассоциация с иконопочитанием, также вызывавшим в свое время ожесточенные споры в христианском богословии. И вердикт может быть таким же, какой вынесла Церковь, отвергая иконоборчество: объектом ритуала является не сам материальный предмет, а то, что он воплощает. Это, безусловно, не трансцендентный Бог, а скорее пантеистический Всемирный Дух, разлитый во всей природе и способный концентрироваться в любой ее части.

⁹⁴⁵ Более подробную сводку этнографических описаний календарных обычаев и обрядов см. в издании из серии «Беларуская народная творчасць»: *Земляробчы каляндар: Абрады і звычай / Уклад., класіф., сістэм. матэрыялу і камент. А. І. Гурскага.* — Мн., 1990.

⁹⁴⁶ Понятие *нуминозность* ввел в начале XX в. профессор Марбургского университета Рудольф Отто: *Otto R. Das Heilige.* — Breslau, 1917; *Он же. Aufsätze, das Numinose betreffend.* — Gotha, 1923. Англ. перевод: *Otto R. The Idea of the Holy.* — London, 1959. Оно занимает также немалое место в аналитической психологии К. Г. Юнга и в творчестве Мирчи Элиаде. См. напр.: *Элиаде М. Священное и мирское.* — М., 1994.

⁹⁴⁷ *Варлыга А. Чатыры ўрачыстасці.* С. 48.

То обстоятельство, что в этнографических материалах из других регионов оставленная на поле несжатая прядь имела вполне хтоническую интерпретацию (она оставлялась *Велесу на бородку*), не имеет решающего значения. Язычески персонифицированный смысл ритуала мог быть утрачен (как это, видимо, произошло в семье Адама Гладкого), но это ничуть не сказывалось на том значении, которое он имел для участников. Точно так же замена древнего Перуна Ильей-пророком и Ярилы Иоанном Крестителем, видимо, не затронула глубинную суть крестьянской религии — подобно тому, как замена иконы в храме не меняет ничего в глазах молящегося.

Описывая обряды, приуроченные к церковным праздникам, А. Варлыга признает, что каноническое содержание календаря оставалось вне сознания участников: *О христианском значении праздника Благовещения наш крестьянин, пожалуй, и не знал, да его это и не интересовало, но в его восприятии сохранилось много весенних явлений, связанных с этим праздником*. Осенние Дзяды на Логойщине, где соприкасалось католическое и православное население, без всякого ущерба для их смысла разделились на два праздника — Первые (Католические) и Вторые (Русские) Дзяды. *Часто случалось так, что православные деревни отправляли Первые Дзяды, а католические деревни — Вторые Дзяды,* — отмечает он⁹⁴⁸. Но и тут было бы поспешно утверждать, что такая небрежность являлась следствием равнодушия к духовной составляющей бытия. Скорее за ней стояло интуитивное убеждение в приоритете содержания перед формой. В судьбе человека решающее значение признавалось за его внутренней сутью, а не за формальным следованием церковной обрядности: *Калі чалавек подлы, дык не паможа ні вера, ні модлы* (молитвы). Это — та самая идея, которой пронизаны слова Христа: *Если принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-то против тебя, оставь дар твой пред жертвенником, и пойди, прежде примиришься с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой*⁹⁴⁹.

Именно требование ритуальной чистоты, гармонии со своей душой и окружающим миром было главным в крестьянской интерпретации сакрального, и в этом смысле оно ничем не отличается от канона любой мировой религии. Как и во всяком обществе, встречалось и более легкомысленное отношение к религии, когда от обрядов оставалась лишь внешняя форма. Оно тонко подмечено народной припевкой: *Пайду я ў касцёл у святу нядзельку: гляну раз на абраз, сем разоў — на дзеўку*. Религиозность стала довольно интенсивно размываться на рубеже XIX–XX вв., что констатировали наблюдатели: *Школа и заносы из города, влияние церкви, очень сильное в последнее время, не могут окончательно побороть привычки к выполнению обрядов, достигая лишь того, что обряды выполняются с сокращениями и со стороны молодежи не всегда серьезно*⁹⁵⁰.

Такая утрата трепета перед высшими силами активизировала другую сторону нуминозности — чувство безотчетного страха, невротическую тревогу сделать что-то не так, тем самым навлекая на себя или окружающих неведомые беды, и столь же навязчивое стремление обезопасить себя от этой угрозы псевдомагическими ритуалами — сплунуть через левое плечо, обрызгать углы святой водой, спросить совета у звезд и т. п. Этнографический очерк А. Богдановича полон проявлений такого мировосприятия. Но все дело в том, что исследователи XIX в. склонны были абсолютизировать его, придавая ему большее значение, чем сами носители традиционной культуры. Они как-то умудрялись совершенно упускать из виду, что члены этого же общества не начинали еду без молитвы, регулярно ходили в церковь или костел, принимали причастие, исповедовались, слушали проповеди, т. е. параллельно вели религиозную жизнь, предписанную Церковью, и притом отнюдь не испытывали чувства шизофренической раздвоенности.

А. Варлыга тоже собрал обширную коллекцию суеверий, пронизанных маниакальной тревогой и первобытно-магическим представлением, что определенное действие автоматически вызывает желательный или нежелательный результат. Если ходить с одной обутой ногой — это может привести к смерти отца или матери. Если воры украли что-либо со двора, но оставили открытыми ворота, есть надежда найти украденное; если же они закрыли ворота за собой, то надежды вернуть добро нет. В качестве предостережения от скарлатины, если она появлялась в округе, детям завязывали на шее красную тесемку. Чтобы остановить начавшийся пожар, женщина должна нагишом и с распущенными волосами обежать горящие постройки и выбежать в поле (этот обряд практиковался в деревне Михалковичи в 1901 г.)⁹⁵¹. Иной ритуал соблюдался в Укроповичах в 1895 г., когда от удара молнии загорелась хата. Подошедший ксендз стал упрекать собравшихся на пожаре людей, что они не пытаются тушить огонь. Ему объяснили, что ждут конного посланца, спешно отправленного за козьим молоком (ближайшая

⁹⁴⁸ Варлыга А. Чатыры ўрачыстасці. С. 26, 53.

⁹⁴⁹ Матф. 5: 23, 24.

⁹⁵⁰ Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. Т. IX: Верхнее Поднепровье и Белоруссия. С. 158, 172.

⁹⁵¹ Забавоны / Запісаў Адам Варлыга на Логойшчыне. — Нью-Ёрк, 1972. С. 13.

коза была в соседней Бачиловке у еврея Мовши). По убеждению крестьян, тушить пожар от удара молнии можно только после того, как плеснешь в огонь козьего молока — иначе можно навлечь на себя гнев Перуна⁹⁵².

Для индивидов, сохраняющих гармонию в своей душе, эти страхи и метания были предметом насмешек и здорового скептицизма, как у того крестьянина, который подкарауливал привидение на ночной деревенской околице. Это же мировосприятие великолепно демонстрирует сам А. Варлыга, воспроизводя стиль своих информаторов: *Чтобы конь воз с места не сдвинул, когда молодые от молодой будут ехать до молодого, то нужно в этот воз незаметно подбросить стручок боба или гороха на девять зерен. Хотя практика показала, что таких стручков не бывает, но случаи были, что конь не мог воз сдвинуть с молодыми. Правда, стручка на девять зерен в возу не находили, но находили кол в спицах задних колес*⁹⁵³. Описывая другое поверье (о том, что, ударив парня коромыслом, можно сделать его особо притягательным для девушек и наоборот), он приводит такой случай из жизни: в деревне Лищицы в 1906 г. мать зашла в пуню, чтобы разбудить ночевавшую там дочь, и застала ее в компании ухажера. Схватив коромысло, она стала бить им обоих — в расчете, что молодые люди вспыхнут друг к другу еще большей страстью и поженятся. Однако парень увернулся и дал оплеуху будущей теще. Дело дошло до волостного суда, но было оставлено без последствий из-за отсутствия свидетелей инцидента⁹⁵⁴.

Известный австрийский психиатр Виктор Франкл объяснял тревожную навязчивость как *экзистенциальный невроз*, вызванный утратой ощущения смысла собственного существования, которое, по его мнению, составляет суть подлинной религиозности⁹⁵⁵. Два из четырех симптомов такого невроза, описанных им, — бесплановость, установка жить день за днем, и фаталистическое отношение к жизни — находят отражение в собрании А. Варлыги. Для оправдания первой из этих установок у крестьян была заготовлена поговорка: *Трэба жыць, як набяжыць*. Сужение поля личной ответственности, стремление переложить вину за страдания и болезни на внешние силы демонстрирует поговорка: *Кароста не напасыць, а каму Бог дасыць*. От рока не спасет ни пассивное ожидание, ни попытка уклониться. Словно мораль к мифу об Эдипе, звучит парализующая волю сентенция: *На ціхага Бог нанясе, а рэзвы сам набяжыць*. Попытка огородиться от неведомой угрозы частоколом из магических предписаний и табу является прямым следствием этой установки.

Тем же самым чувством внутренней тревожности объясняются две крайности хозяйственного поведения: гипертрофированное трудолюбие и безразличие. Склонные к первой крайности превращались в «трудоголиков»: досуг явно тяготил их, и они немедленно начинали искать, чем его заполнить. Таких современники Язэпа Гладкого подначивали: *Табе й намерці часу ня будзя*. Другие пытались избежать неприятного чувства пустоты в своей душе, ударяясь в какое-либо увлечение, на первых порах оправданное своей практической пользой, — например, в охоту или рыбалку. Оно могло целиком овладеть человеком, приводя в запустение хозяйство. В таких случаях односельчане могли лишь подсказать: *Хлеб кажда гаспадара: кінь стрэльбу і вуду, тады з табой буду*. Порой такой мятущийся индивид находил утешение в пьяном загуле, и тут оставалось только констатировать: *Гулі ні аднаго ў латці абулі*. Но хуже всего было, если человек впадал в полную апатию (воспринимаемую окружающими как лень): *Не бойся п'яніцы, а бойся нідбаліцы, бо п'яны праспіцца, а гультай гэтакім будзе да веку*.

Два других симптома экзистенциального невроза, описанных В. Франклом, — коллективное мышление (отказ от собственной личности в пользу общественного мнения) и фанатизм (игнорирование личности другого, отказ ему в праве на свое мнение) — если и проявлялись изредка, то такому человеку в любой момент можно было напомнить: *Чужым розумам век не пражывеш; Што галава, то й розум*. Традиционная деревня в целом не была маниакально-неврастеничной, тревожно-мнительная составляющая нуминозного чувства доминировала в душах лишь части популяции. Полное отсутствие комплекса неполноценности и прочное внутреннее достоинство демонстрирует поговорка, которой встречали излишнее восхваление чего-то далекого, никем не испробованного: *Слаўны бубны за гарамі, а як выйдучь — роўны з намі*. Опять-таки примечательно, что здесь нет оттенка априорного превосходства своего над чужим, речь идет именно о равенстве.

Таким образом, духовная жизнь белорусских крестьян регулировалась сложным комплексом религиозных и этических предписаний, в котором находилось место и для коллективной молитвы в костеле, и для глубоко интимной беседы с Богом, и для архаического по форме, но глубоко религиозного по сути обряда плодородия, а к услугам утративших подлинную религиозность был целый набор суеверий и магических ритуалов — *Бога хвалі, але і чорта не гняві*. Это уже не было двоеверием, если понимать под ним механическое смешение двух религиозных систем. Система была единой и цельной, хотя

⁹⁵² Варлыга А. Чатыры ўрачыстасьці. С. 44—45.

⁹⁵³ Забабоны / Запісаў Адам Варлыга на Лагойшчыне. С. 5.

⁹⁵⁴ Забабоны / Запісаў Адам Варлыга на Лагойшчыне. С. 10—11.

⁹⁵⁵ Франкл В. Человек в поисках смысла. — М., 1990; *Он же*. Основы логотерапии. Психотерапия и религия. — СПб., 2000.

и сочетала модели поведения и мировоззренческие схемы, нередко ошибочно противопоставляемые как христианские и языческие. Такое противопоставление восходит к полемическим текстам христианских богословов, проецировавших на язычество психологическое состояние, являющееся на самом деле универсальным. Это все то же различие между благоговением и страхом, или, в богословских терминах, — между *верой* и *суеверием*.

Обряды, предназначенные усилить чувство благоговения и тем самым преодолеть страх смерти, были свойственны тайным языческим культам (наиболее известный пример — Элевсинские мистерии, составлявшие основу религии Эллады⁹⁵⁶), но эти же ощущения переполняли ранних христиан: *Потому что закон духа жизни во Христе Иисусе освободил меня от закона греха и смерти*⁹⁵⁷. Что касается одержимости магическими суевериями, то ее этнографы, воспитанные в христианских университетах, поначалу принимали за неотъемлемую черту язычества. Но на самом деле она характерна для любого общества, охваченного коллективным неврозом. И деградировавшие, вытесненные на периферию мировой цивилизации «первобытные» народы, и западные христиане в период охоты на ведьм, и выискивающие вездесущих «врагов народа» спецслужбы, и погруженные в чтение гороскопов наши современники — все они в какой-то мере тождественны друг другу. Пустота, оставшаяся на месте чувства благоговения перед миром и осознания своей связи с ним, заполняется неясной тревогой или откровенным страхом.

Система, сформированная традиционной деревней, была шире, чем догматическая религия, оставляющая неверующих или оступившихся в лучшем случае в церковном притворе. Эта традиция обслуживала духовные запросы всех членов общества, на разделяя их на овец и козлиц и не требуя от всех единственного выбора. Наоборот, она сама подстраивалась под выбор каждого, хотя и не была к нему безразлична.

Наиболее близким аналогом такой системы является синкретическая культовая традиция Японии или Китая, естественно и непротиворечиво сочетающая черты мировых религий (буддизма и отчасти христианства), философско-этических систем (конфуцианства, бусидо), местных политеистических религий (даосизма, синтоизма), шаманских и мантических практик. Она позволяет человеку в определенных ситуациях вести себя в соответствии с буддийским канонам, но в других столь же искренне прибегать к услугам даоса или синтоистского жреца, при этом равно почитая сакральные места и даты всех религиозных систем⁹⁵⁸.

Подобный же характер имело мировоззрение западноевропейских крестьян в эпоху Средневековья. Но в процессе Реформации и контрреформации оно пошло совершенно иным, уникальным в масштабе всего человечества путем. О спиритуализации веры как составной части этого процесса речь уже шла. Со времени Макса Вебера общеизвестна также роль, которую сыграли идеи Реформации в формировании рыночной экономики⁹⁵⁹. Мартин Лютер сформулировал трактовку призвания (*Beruf*) как добросовестного исполнения любой социальной роли, что является единственным средством быть угодным Богу, одновременно проявляя христианскую любовь к ближнему. Важен не характер труда, а *пребывание в призвании своем*. Развивая эту идею, Кальвин поощрял инициативу, деловитость, накопление материальных ценностей, но при одном условии. Успех на любом поприще, включая и богатство как результат предпринимательской деятельности, должен восприниматься не как самоцель, а как знак божественной благодати. Он имеет смысл лишь как индикатор того, что ты следуешь своему предназначению. Главным и самым тяжким грехом стала бесполезная трата времени, ибо жизнь должна быть использована для подтверждения призвания⁹⁶⁰.

В некоторых из приведенных выше пословиц можно увидеть зародыш этой этики. Но он пребывает в состоянии нереализованной потенции, как и аналогичный пассаж Бхагавадгиты: *На дело направь усилие, о плодах не заботясь; Да не будет плод дела твоим побуждением, но и бездействию не предавайся*⁹⁶¹. В них не хватает ключевого момента: идеи о том, что Бог снабдил тебя твоим призванием и он же судит о его исполнении, более того — ждет от исполнителя максимального усердия. Не хватает мысли, заложенной в словах Христа: *Как ветвь не может принести плода сама собою, если не будет на лозе, так и вы, если не будете во Мне*⁹⁶². Традиционное общество белорусской деревни, как и общества Востока, не испытало

⁹⁵⁶ Кареньи К. Элевсин: Архетипический образ матери и дочери. — М., 2000. С. 38—41.

⁹⁵⁷ Римл. 8:2.

⁹⁵⁸ Овермайер Д. Л. Религии Китая: Мир как живая система // Религиозные традиции мира: В 2 т. Т. 2. — М., 1996. С. 396—491; Иэрхарт Х. Б. Религиозные традиции Японии: Множество дорог, ведущих по одному священному пути // Там же. С. 492—610.

⁹⁵⁹ Weber M. *The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism*. — London, 1930.

⁹⁶⁰ Гарин И. И. Лютер. — Харьков, 1994. С. 260, 278—285.

⁹⁶¹ Бхагавадгита. Книга о Бхишме (отдел «Бхагавадгита», кн. VI, гл. 13—24). Сер. «Философские тексты Махабхараты». 3-е изд., доп. — СПб., 1994. С. 97.

⁹⁶² Иоанн 15:4.

той кардинальной трансформации, через которую прошла Западная Европа. В этом плане они оказались по разные линии водораздела, и к концу XIX в. различия стали уже огромными.

И все же географическая близость к Западу и вхождение в орбиту его политического и культурного влияния не прошли бесследно. Реконструируемая система мировоззрения белорусских крестьян имеет ощутимые отличия от аналогичной системы, которую Б. Н. Миронов восстановил для русских крестьян на основании пословиц и поговорок из собрания В. И. Даля. Одно из наиболее явных различий — отсутствие отношения к труду как к неприятной необходимости, реализуемой лишь под внешним принуждением. Именно этой стороне русской традиционной культуры Б. Н. Миронов уделяет немало страниц, приводя достаточно красноречивые примеры⁹⁶³. В пословицах из собрания А. Варлыги восприятие труда как самодовлеющей ценности проявляется достаточно отчетливо. Вторым отличием является гораздо больший уровень индивидуализма. Классическая сельская община с круговой порукой и переделами земли, для русского крестьянина воспринимавшаяся чуть ли не как основа миропорядка, на территории Беларуси привилась под российским господством только в восточных, пограничных с Россией губерниях — Витебской и Могилевской. В Минской губернии, не говоря уже о более западных, устойчиво господствовало подворное землепользование, оно же осталось повсеместно и после реформы, когда крестьяне сами могли большинством голосов выбирать между подворным и общинным вариантами.

Женская доля

С радикализмом, свойственным феминистскому движению, некоторые представительницы гендерной истории, или истории полов, сформулировали вывод о том, что вся история представляет собой только *his-story*⁹⁶⁴ — историю мужчин, написанную самими мужчинами, притом с позиций «мужского шовинизма». Этот упрек отчасти справедлив. Большую проблему представляет преодоление специфического уклона исторических источников, которые освещают прежде всего вопросы, связанные с деятельностью мужской части населения. Да и написаны они, действительно, в основном мужчинами. Мужские дела и заботы направлены вовне, связывают семью с обществом. А функция женщины обращена внутрь дома, связана с повседневной рутинной: *У гаспадыні работа адна, трэба рабіць яе штодня* (ежедневно).

И все же источник, отражающий женский взгляд на мир и созданный самими женщинами, есть. Правда, он не письменный, а устный — это лирические песни, в огромных количествах зафиксированные собирателями фольклора. На А. Богдановича этот фольклор произвел удручающее впечатление. Он пишет: *Песен у беларусов довольно много, но содержание их очень бедно, очень однообразно. Особенным однообразием отличаются те из них, которые посвящены изображению горькой доли замужней женщины. А песен этого рода большинство: они заполняют, нисколько не преувеличивая, две трети всего песенного материала. Это бесконечные вариации на тему о побоях мужа, свекра, о преследованиях свекрови, злобе золовок; к этому господствующему мотиву присоединяется тоска по роду-племени и изрядное чувство ревности или мести к злой разлучнице. Но вы не встретите в них выражения более сложных или более тонких чувств. Нет в них и помина о том разнообразном проявлении нежной любви, которая так разлита в малорусских песнях. Напротив, в среде беларусов обращается множество песен и припевок самого бесстыдного содержания. Их распевает стар и млад, мужской и женский пол, — распевает не стесняясь, как нечто совершенно обыкновенное. <...> Мелодии их, по видимому, еще беднее содержания: в Белоруссии часто целый отдел песен поется на один мотив. <...> Веселые напевы сравнительно редки; большинство же до последней степени однообразно-заунывно, так что наводят щемящую тоску даже и на привычного слушателя.*⁹⁶⁵

Многие особенности белорусского песенного творчества подмечены удивительно метко. Но общий вывод поспешен. Внимательно приглядевшись к содержанию лирических песен и припевок, в них можно найти сложнейшую гамму чувств, сопровождающих все ключевые этапы жизненного цикла женщины: юность с ее робким пробуждением полового влечения, период ухаживания с его коллизиями, сватовство, замужество и сложные отношения в новой семье, тяжелый труд, мимолетные радости, утрату близких, старческое угасание. Я хотел бы продемонстрировать это примерами из сборника лирических песен, подготовленного Нилом Гилевичем по материалам кафедры белорусской литературы БГУ. Песни записаны в 1960-е гг. преимущественно на территории центральной Беларуси — Минской и прилегающей части Витебской области⁹⁶⁶.

⁹⁶³ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи и правового государства. Т. 1. С. 370—374, 397—408. Особенно ярким примером является история потомков Ивана Сусанина, которые в 1619 г. были освобождены от всех налогов и повинностей. Такую исключительную возможность они использовали совершенно бездарно — к 1861 г. эти потомки, *белопаицы*, жили намного беднее окрестных крестьян, испытывавших крепостное право. Таковыми остались они и к началу XX в.

⁹⁶⁴ Игра слов, основанная на созвучии английского слова *history* — «история» и словосочетания *his story* — «его рассказ».

⁹⁶⁵ Богданович А. Е. Пережитки древнего мирозерцания у беларусов: Этнограф. очерк. С. 1—3.

⁹⁶⁶ Лірычныя песні / Уклад. і рэд. Н. С. Гілевіча. — Мн., 1976.

Кореньщина находится в самом центре данного ареала, и большинство этих песен наверняка звучало там. Некоторые из них зафиксированы в ее окрестностях, но это не принципиально — фольклор бытует очень широко. Припевка про шостак, которую Я. Гладкий слышал в родных Михалковичах, попала в записи кафедры из Ивьевского района, примерно в 120 км к западу.

Некоторые песни, судя по упоминаемым в них реалиям, очень древние: их персонажи получают за труд давно вышедшие из обращения шостаки, пьют мед (забытый как алкогольный напиток уже к XVII в.); в них фигурируют казаки, едущие на Украину (это — тоже реалия XVII в.) и даже татарские набеги (на территории Беларуси они прекратились в первой половине XVI в.); в отдельных вариантах очень популярной песни про несчастную невестку мать посылает героя, вернувшегося с войны, рубить калину или рябину, в которую превратилась его жена, не топором, а мечом, что соотносится с реалиями не позднее XIV в. (затем меч был вытеснен саблей, да и крестьяне на войну уже не ходили). Среди этих песен большинство — специфически женские, и через них женщины доставили нам свое послание, с которым не могут сравниться по яркости и пронзительной эмоциональности все написанные мужской рукой документы.

Сборник ценен прежде всего тем, что из огромной массы сырого материала профессиональный поэт (к тому же родившийся всего в 8 км от Кореня) отобрал тексты, отличающиеся наибольшим художественным достоинством. Выборка из этой выборки (результат своего рода «двойной дистилляции»), предлагаемая вниманию читателя, содержит в концентрированном виде те жемчужины, которые рассеяны по множеству песен, порой действительно однообразных и не всегда художественно безупречных. А. Богданович эти жемчужины разглядеть не сумел.

Кое в чем их дополняют воспоминания, записанные Н. Улащиком. Он отмечает, что уже пяти-шестилетние дети нянчили младших, а с семи-восемилетних девочек учили прясть. Понемногу их привлекали к сушке сена, уходу за скотом, дойке коров, учили шить и готовить. С 12 лет, а то и раньше, девочки начинали жать. Это был тяжелый труд. На поле выходили рано утром, как только подсыхала роса, и до одиннадцати работали без перерыва. После получасового отдыха жали до обеда, около третьего часа пополудни, и тогда отдыхали примерно час. Затем вновь жали — уже до захода солнца. Работали всегда босиком, ступая по острому жнивью. Некоторые модницы создавали себе дополнительные проблемы: *В начале XX в. мода требовала, чтобы женское лицо было белым. С этой причины девчата и молодые женщины «закручивались» — завязывали все лицо, оставляя только узкую щель для глаз, и целый день дышали через платок.* Во время этой монотонной работы и после нее, по дороге домой, рождались и исполнялись многие из тех песен, которые остались нам в память об ушедшей эпохе.

От детства и подросткового возраста в фольклоре остался след одной заветной мечты: *Дай Бог усяго, чаго хочацца: паспаць, паляжаць, паварочацца.* Но проходит время, и новые, еще непонятные тревоги просыпаются в душе: *Як выйду на вуліцу, рассыплю арэшкі. А дзе ж вы падзеліся, дзявоцкія смешкі?* Понемногу чувства приобретают более ясные очертания: *І сохну, і вяну, як лапаць на печы, бо не знаюць мальцы, што я ёсць на свеце.* И наконец, в сердце поселяется первое чувство: *У выстопцы была, канпельку цёрла. Як пачула, што ты йдзеш — чуць я не памёрла.*

В этом возрасте, в предвкушении короткой поры цветения, девушка должна быстро усвоить те критерии, по которым осуществляется выбор. Не красота и не богатство, а прежде всего исправность хозяйства, трудолюбие и аккуратность самой девушки, даже чистота ее рубашки (*кашулі*) могут стать главными козырями: *Я не выйду, я не выйду, мама не вялела: руса каса не чэсана, кашуля не бела; Хлопцы знаюць, хлопцы занюць, знаюць з кім знаёміцца: у каго куры нясуцца і карова доіцца; Хоць караляў поўна шыя, а кашулі не пашые і рубчыка не зарубіць — яе хлопец не палюбіць.* Правда, для полного комплекта необходимо еще и приданое — *посаг*, минимальный комплект которого предполагал белье, подушки, вышитую юбку (*спадніцу*). Если и в этом отношении все в порядке, можно рассчитывать на успех: *Ці кашуля чорна? А ці я пазорна? Кашулячка бела, бяры мяне смела. І спадніца ў кружкі, чатыры падушкі.* Но если девушка не овладела всеми необходимыми трудовыми навыками, это сулит серьезные затруднения, которые выявляются в шутовском диалоге с будущим женихом: *Як жа тваёй быць — не ўмею рабіць: шыці, мыці, кросны ткаці, раненька ўставаць. — А ў мяне ёсць біч — навуча рабіць. — Яшчэ і не ўзяў — збіраешся біць. А бадай ты не даждаўся маім мужам быць!*

Но пока еще замужество лишь маячит на горизонте. Наступает пора, когда душа рвется на волю из родительского дома: *Мароз трашчыць, вада коціцца. Аж у сэрцы баліць — гуляць хочацца.* Отношения с родителями становятся напряженными: *Бацька добры, бацька добры, а маці ліхая: не пускае пагуляці, кажэ: маладая. — Пусці, маці, пагуляці, я не забавлюся, як запяе першы певень, я назад вярнуся. Пяе певень, пяе другі і кура сакоча. Кліча маці вячэраці, а дачка не хоча. — Вячэрайце, мая мамка, вячэрайце самі, бо ужо мне надаела вячэраці з вамі.*

Словно цветущая яблоня, привлекающая рой пчёл, девушка в эту весну своей жизни купается во внимании парней: *Як я была мала, мала, калыхала мяне мама. Як я стала падростаць, сталі хлопцы калыхаць; У гародзе на градзе тры качаны ўюцца. А за мяне, маладую, тры хлопчыкі б'юцца. Біцця не біцця — не ваша паненка. Яшчэ замуж не пайду, бо я маладзенька.* Но к хорошему быстро привыкаешь, и если внимание переключается на кого-то еще, это вызывает острую ревность: *Журавіны не ўзышлі, кавуны пасохлі. Ка мне хлопцы не прыйшлі, каб яны падохлі.*

Постепенно на первый план выходит могучий голос плоти, ощущения пронизывает эротика, появляются нескромные фантазии: *Ой, мамачка, рада буду: са спадніцы зраблю буду, а з паперы зраблю дзверы, каб хадзілі кавалеры, каб стучыкі не стучэлі і падкоўкі не звінелі, каб матуля не чувала, з кім дачушка начавала.* И в отношениях с парнями появляются новые оттенки: *Ты не стой на гарэ і не кліч ты мяне. Лепей стань у лагу — я сама прыбягу; Не вядзі мяне ў мякіну, а то я ўкалюся, вядзі мяне ў лебяду — сама павалюся.* В таком состоянии легко совершит непоправимую ошибку, и очень многое зависит от матери, от ее бдительного и порой весьма решительного контроля: *Чырвоная стужачка шоўкам перашыта. Ў маладога казачэнькі спіна перабіта. А хто яму перабіў? Марусіна маці. — Было яму не хадзіць да майго дзіцяці.* Достается и самой девушке, но совладать с ней трудно: *Біла мяне маці беразовым прутам, каб я не гуляла з маладым рэкрутам. А я ўсё гуляла, пакуль пеўні пелі, дзверы палівала, каб не зарыпелі.*

Иногда непоправимое все же случалось: — *Чаму гэта, дочка, сабакі брахалі? — Ой, мама, мама, ў лесе воўка чулі. — А хто гэта, дочка, пад акенцам ходзіць? — Ой, мама, мама, ўбогі хлеба просіць. — Чаму гэта, дочка, скрыпіць тваё ложка? — Ой, мама, мама, бо з сырое ліпы. — Чаму гэта, дочка, твой фартушак пнецца? — Ой, мама, мама, крахмал не ўдаецца. — Чаму гэта, дочка, твой пояс не сходзіць? — Ой, мама, мама, бо мой час прыходзіць. Ой, ці табе, мама, першая навука? Калыхала мяне — калышы і ўнука.* Но в большинстве случаев период взаимных ухаживаний удавалось преодолеть благополучно, разве что на сердце оставались шрамы от неразделенной любви: *Мілы ў сваты выязджае з маляванаю дугой. Абмінуў мае вароты і паехаў да другой.*

Река жизни течет дальше, и приоритеты меняются: *Чаго йдзеш, чаго йдзеш, чаго цягнешся? Чаму мяне не бярэш, толькі дражнішся? Те, кому не удалось обзавестись надежным женихом, чувствуют себя совсем неудобно: Я на ганачку стаю, слёзы коцяцца. Усе дзеўкі замуж ідуць, і мне хочацца. Чаму мяне не бяруць — ці ж я не такая? Ліцо маё румянае, сама маладая.* И совсем худо приходится тем, чей социальный статус не позволяет рассчитывать на выгодную партию: *У гародзе рэпка, на плоце націнка. Ніхто замуж не бярэ, бо я сірацінка.*

Ответственный момент наступает для всей семьи: *Бацька грае, сын басуе, дачка замуж галасуе. Бацька жыта прадае, дачку замуж аддае.* Хорошо, когда выбор родителей согласован с мнением самой невесты: *Сяку дуб, сяку дуб, куды трэскі ляцяць. Адай мяне, мой татулька, куды вочы глядзяць.* Но бывало и так, что девушке оставалось только гадать о своей дальнейшей судьбе: *Нядолечка ды няшчасцейка — ніхто праўды не скажа. Не гаворыць і мая мамачка, з кім ручанькі звяжа.* Стоит отметить, что сравнительно поздний возраст брака не способствовал популярности сюжета о выдаче замуж совсем юной девушки, психологически не готовой к этому. В российском фольклоре он был гораздо более распространен — вспомним хотя бы столь любимую Пушкиным песню, в которой звучит растерянный девичий голосок: *Сударыня-матушка образа снимае, сударыня-матушка меня благославляет!*

По мере модернизации в деревню проникают новые веяния, и примерно к началу XX в. появляются совсем неслыханные ранее мотивы: *Сама сені зрубіла, сама выцесала. Сама мілага злюбіла, сама высватала. Жыві маці, у той хаце, што я выцесала, любі, маці, таго зяця, што я высватала.*

Каким же представляется желанный партнер? Требования к нему не слишком высоки. *Каля саду я хадзіла ды шчытала вішні. Дай жа, Божжа, кавалера ды па маеі мыслі. Каб і люлькі не курыў, табакі не нюхаў, чужых жонка не любіў, адну мяне слухаў.* Но с курением еще можно смириться. Главное, чего девушка ожидает от будущего мужа — это все-таки верность: *За люлечку — капеечку, за цыбук — тры грошы. — Куры, куры, мой міленькі, бо ты ёсць харошы. Куры, куры, мой міленькі, ды не накурайся. На чужыя, красівыя ты й не заглядайся.* Эта жгучая ревность — неременный атрибут любви. Сквозь многие песни она проходит рефреном: *Сівы конь, сівы конь, белыя галёнкі. Не едзь, не едзь, мой міленькі да чужое жонкі. Бо чужая жонка, як асінка, горка. А я ж, маладзёнка, як мёд, саладзёнка; Салавейка шчабеча, а зязюля кукуе. А Бог знае, ды Бог ведае, дзе мой мілы начуе. Калі ён у дарозе — намажы яму, Божжа, калі ў дзевачкі у пасцелячцы — пакарай яго, Божжа!*

Женщины были достаточно требовательны к интимным отношениям: *Ой, дастаўся мне муж — праклятае ліха. Калышу, варушу — а ён ляжыць ціха. — Уставай, не маўчы, разварушы косці. Ой не сушы, не муці маеі маладосці.* Что должно последовать за этими отношениями — они тоже прекрасно себе представляли: *Ці ж я табе не казала, ці ж не*

гаварыла: не кладзіся ля мяне, бо будзе Гаўрыла. А ты ж мяне не паслухаў, каля мяне клаўся. А цяпер жа ты пытаеш, скуль Гаўрыла ўзяўся.

Но замужество было сопряжено не столько с любовью и сексом, сколько с той новой ролью, в которую вступала молодая женщина, — ей предстояло стать хозяйкой в доме, а в многосемейном дворе — младшей из хозяек. Как отмечает Н. Улащик, это был труд до изнеможения. Например, чтобы зимой накормить коров и свиней, нужно было наносить воды из колодца, корзинкой натаскать из подпола или погреба картошки (а в зажиточном хозяйстве на корм скоту в день уходило килограммов 50–60), помыть ее в ледяной воде, засыпать в саганы, весившие по 15–20 кг, и поставить в печь. Пареную картошку затем нужно было извлечь из печи, вывернуть в корыто и в клубах пара истолочь, а потом вынести за дверь. Стараясь хоть как-то сберечь силы, хозяйки обычно не несли еду в хлев, а подгоняли скотину к крыльцу, где ставили корыто.

Уход из родительского дома в семью мужа очень резко и внезапно изменяет жизнь молодой женщины: *А ты, дзеўка, ты дурная: не йдзі замуж маладая. Замуж пайсці, трэба знаці — позна легчы, рана ўстаці, ўсю сямейку абудзіці, дзевяць кароў падаіці, дзяжу цеста замясіці*. Он, как правило, застаёт врасплох: *Я ж думала ў мамачкі панаваці — чаравічак з ножак не здымаці. Аж прышлося ж, родная, гараваці, на шырокім полюшку жыта жаці*. Под гнетом внезапно свалившихся проблем настроение меняется, меняется и отношение к родителям: *Ой, я злую, ой, я злую на сваю матулю, што аддала замуж мяне, маладую. Я не нажылася, я не набылася, за табою, мілы, роду выраклася*.

Дополнительные психологические сложности возникали, если девушку выдавали замуж за вдовца (такое, напомним, случалось не так уж и редко — в 17,6% случаев): *А ў удаўца, мая мамка, да тры наравы — ды не хопіць, мая мамка, беднай галавы. Ён жа будзе, мая мамка, біці, караці, будзе мяне першай жонкай дакараці: “Як у мае першай жонкі белы лаўкі, а ты ў мяне негадзяйка, шчэ й караўка”*. Шокирующее впечатление производил переход в хозяйство с более низким достатком. Реагировать на это можно было по-разному — или жалобной песней (*Кацілася гарошынка з гары у паддолейка. Аддала мяне мамачка з роскашы ў бяздолейка*), или веселой припевкой: *Ой, дзеўкі, бяда: за каго я вышла! Ні каровы, ні каня — адна чупрына пышна*. Но если сама жена не соответствовала ожиданиям новой семьи, это также было достаточно болезненно: *Ты не знаў, каго браў, што не ўмее жаці: будзе твая пшанічанька ў полі зімаваці*.

Чреват коллизиями был вариант, когда девушка любила одного, но оказывалась женой другого. Внешне все, видимо, выглядело благопристойно, но в своих песнях женщины не скрывают, что сохранить супружескую верность в такой ситуации бывало непросто: *Цераз сад-вінаград бочачку каціла. Не даў Бог за таго, каго я любіла. Цераз сад-вінаград пагнала цялятка. Туды маё сэрца рвецца, дзе мілога хатка. Цераз сад-вінаград на жоўты пясочак. Падману я мужыка за сыра кусочак. Но безнаказанно обмануть удавалось не всегда: *Я ў суседа на бяседзе была, я ж у яго піва п'янае піла, а мой мілы пад аконцам стаяў, раменну плець пад палою дзяржаў*.*

Но главная проблема, безусловно, была связана с отношениями в семье мужа, если он сам был одним из младших в своем хозяйстве. Решающее слово принадлежало в таком случае его родителям, а угодить им было непросто: *Мілы ў мілае пытае: — Чаго ходзіш ты хмурная? — Ой, як жа мне вясёлай быці? Тваёй мамцы не ўгадзіці: пасцялю пасцель — не ляжа, памыю лаву — не сядзе, замяту хату — не ступіць, выйдзе на вуліцу — судзіць: “Нявехна мая лядашита, яе работа ні зашта”*. Типичность этой ситуации не без юмора фиксирует поговорка: *Дзе добрыя дочки дзяюцца, і дзе благія нявесткі бяруцца?*

Если же невеста оказывалась бесприданницей, она могла столкнуться вдобавок и с едкой издевкой: — *Ідзі ж, ідзі, нявестачка, ды падой карову. Падой тую каровачку, што з сабою прыгнала. — Айшто, айшто, мой міленькі, ці ж я не казала? Ужо твая матулечка пасагам ругае. — Пакінь, пакінь, мая мамка, пасагам ругаці, і ты знала, і я ведаў — не трэ было браці. Багатая багатырка — яна ўсё дзьмецца, а бедная сірацінка к сэрцу прыхільнецца. Дзяўчыначка-сірацінка кашулячкі мыла, калі ўзялі, павянчалі — дык будзем жыці міла*.

Огромным счастьем в такой ситуации бывало, если муж принимал сторону жены, и в нем она находила хоть какую-то опору. Упование на это запечатлено в удивительно лиричной песне, которую женщины пели зимними ночами под шум веретена или прялки: *Тоненька праду, спаценькі хачу. Як пайду ў каморачку, прыкладу я галовачку: ой, спіцца мне, дрэмлецца мне. А свёкар ідзе па снях, стучыць, гручыць і гаворыць: “Спі, шэльма, спі, спі, не гадай. Усё дзела не роблена: сыра пшонка не мелена, шэры гусі не скублены, чорна воўна не прадзена”*. Во втором куплете те же слова повторяет свекровь. И наконец, когда женщина засыпает в третий раз, появляется муж — толи наяву, толи во сне: *Ой, спіцца мне, дрэмлецца мне: мой мілы па снях ідзе паціхеньку, памалюсеньку: “Спі, жонка, спі, спі, малада. Усё дзела пароблена: сыра пшонка памелена, шэры гусі паскублены, чорна воўна папрадзена”*.

Если же муж был нелюбимым, женщине приходилось особенно тяжело. Именно этой ситуации посвящена значительная часть внеобрядовой лирики, и как раз она произвела такое впечатление на А. Богдановича. Как правило, в песнях дело усугубляется еще и тем, что женщина отдана замуж в чужую сторону, страдает от разлуки с близкими: *Ах, выйду я на вулічку — там жоўты пясок. Нігдзе маёй радзіначкі — адзін мой слядок.* Такие песни действительно пронизаны тоской и жалобами, обращенными к далеким родителям: *Аддалі мяне на чужынаньку, не маяюць мяне за дзяцінаньку. Ой, ёсць у мяне каму біць, ругаць, а няма каму ды й пажалаваць. Аддалі мяне, каб глуміціся, а няма каму заступіціся.* Толи наяву, толи в мечтах женщина посещает родной дом, чтобы излить свою боль: *Ці ела, мама, рэдзьку з палыном? Так мне, маладой, за чужым сталом. Ё канцы століка настаялася, лічаных кусочкаў наглыталася, саломкаю печкі напалілася, гаршчочкамі вадзічкі нанасілася.* Этот мотив варьируется многократно: *У чужых людзях цяжанык у грудзях: у канец стала настаялася, кожнаму ніці надавалася — падай старому, падай малому, свайму нелюбу падай першаму.* Одна из самых популярных песен этого жанра ритмично причитает: *Ты думаеш, мама, што я тут паную, прыдзі, падзівіся, як я тут гарую. Ты думаеш, мама, што я тут не плачу, а я ж з за слязамі бела свету не бачу. Успомні мяне, мама, хоць раз у нядзелю, а я цябе мама, сцелячы пасцелю. Успомні мяне, мама, хоць раз у аўторак, а я цябе, мама, на дзень разоў сорак* — и т. д. по всем дням недели.

Следует отметить, что в действительности невеста оказывалась в далекой стороне гораздо реже, чем можно предположить исходя из частоты встречаемости этого сюжета, — примерно в одном случае из десяти, к тому же отнюдь не всегда невестка заставляла в живых родителей своего мужа. Этот архетипический сюжет, несомненно, был излюбленным у женщин, он уходит корнями в миф о жене, не сумевшей прижиться в чужом роду и превратившейся в рябину (калину), срубленную затем ничего не подозревающим мужем. Думается, женщины пели эти песни не столько для того, чтобы излить свои реальные переживания, а скорее с целью посочувствовать чужой беде, на время окунуться в гораздо более тяжелую ситуацию. Это была своеобразная психотерапия, которая позволяла черпать силы для исполнения своей роли — тоже достаточно нелегкой.

Первые годы супружеской жизни обычно проходили в семье одного из родителей. Если это были родители жены, то достаточно нелегко приходилось мужу, чему тоже посвящена очень популярная песня, известная в нескольких вариантах: *Цвіце, цвіце чарамшына, ягадак не мае. А хто ў прымах не бываў, той гора не знае.* В этой песне описываются страдания примака, который позже всех дожидается обеда на поле, а по возвращении с пахоты ему не приходится рассчитывать и на сытный ужин: *Не паспеў наш прымачэнька ды й на лаву сесці, загадала яму цешча несці свінням есці. — Паздыхалі б тае свінні, хата каб згарэла! Так мне гэта прымацкая доля надаела!* Один из вариантов заканчивается полным самоиронией эпизодом: три примака, излив друг другу свои беды, решают сообща утопиться, но им не везет даже в этом: *Пастаялі, паглядзелі — мелкая вадзіца. Така доля прымацкая — недзе утапіцца!*

Женские песни аналогичного жанра, как правило, лишены юмористического оттенка и наполнены слезными мотивами. В тех сюжетах, когда женщина на чужой стороне терпит еще и побои от своего мужа, это нередко описывается с почти мазохистскими подробностями: *Мой міленькі — як вецер ліхенькі. Вот я яму кашулячку шью, а ён жа мне кулаком у шью. Вот я яму вячэрачку гатую, а ён жа мне журыць маладую. Вот я яму пасцельку сцялю, а ён мяне галоўкай аб сцяну; Ды ўжо ж маё цела ад нагаек скіпела. Мая белая ўся кашулячка ад крыві ўзмакрэла.* Но их лиризм бывает порой пронзительно острым: *Ой, аддавала мяне мамачка, за каго я не хацела. Ой, шуміць, гудзе да й нагаечка ля майго беллага цела. Тую нагайку кіну пад лаўку — хай яна трошкі аддыша. Няхай мае шыты рукавы буйны вецер калыша.* Иногда в таких песнях муж истязает жену в присутствии всей семьи, и каждый ее член (свекровь, свекор, деверь) поочередно поощряют его: — *Бі, бі, навучай — на свой абычай перавучай.* За несчастную заступает только сестра мужа: *Залвіца-сястрыца пужачку адбірае: — А не бі ж, браток, а не бі ж яе: усё гэта будзе мне на чужой старане.*

Обычно женщина в таких песнях выступает безропотной жертвой. Лишь иногда она ведет себя активно: *Самі сядуць вячэраць, мяне паілюць па ваду. Я вадзіцу нясу, уціраюся, у новы сені ўвайду да й прыслухаюся, што ў хаце гавораць, майго мілага зводзяць: — Чаго жонку не б'еш, нашто патачку даеш? — Як я маю яе біць: яна ўмее ўсё рабіць: і пашыць, і памыць, і дзяжу замясіць.* Героиня не полагается на защиту мужа, а сама переходит в наступление: *Я у хату ўвайшла ды не змоўчыла: — Вы не біце мяне, не сушыце мяне. А не трэба я вам — адпраўляйце мяне. Буду ў таткі рабіць — будзе хлебом карміць. Буду братку гадзіць — буду хараша хадзіць. Буду мамцы гадзіць — буду на вулку хадзіць.*

Эта сцена выглядит бытовой зарисовкой с натуры, но ее концовка заведомо нереальна: как раз вернуться-то в родительский дом традиционная мораль не позволяла. Это означало навлечь позор на всю семью, и родители вряд ли бы решились на то, чтобы принять беглянку. *Адкроіная скібка не прыліпня,* — гласила на этот счет пословица, что точно

соответствует русской пословице: *Откроенный ломоть не приложишь*. Гораздо более правдива ситуация, изображенная в другой песне: *Як выйду на ганак ды крыкну дадому: — Вары, мама, вячэру, і на маю долю. — Варыла, варыла, ні многа, ні трошкі: няма табе, дочка, ні міскі, ні ложкі. Міску разламалі, а ложку згубілі. Ідзі туды, дочка, каго ты любіла. Все, чем родители реально могли помочь, так это мудрым советом: — Іду ў прочкі, мой татачка. — Ад каго йдзеш, дзіцятачка? — Ад свёкра, ад свякроўкі, ад дзевера, ад залоўкі. Свёкар кажа: “парыйніца”, свякроў кажа: “памыйніца”, дзевер кажа: “палятушка”, а залоўка: “памятушка”. — Ой, вярніся, дзіця маё, ой, вярніся, дарагое, і сумей ім адказаці: ў хлеве свіння — парыйніца, ў хаце рашка — памыйніца, ў полі птушка — палятушка, ў таку мятла — памятушка, а я ў хаце гаспадыня: і натаўкла-намалола, і ў агародзе апалола, і бацвіння наварыла, і сямейку накарміла.*

Реальные взаимоотношения в большой семье были очень разными, и их отражают другие жанры лирической песни. Свекровь нередко не могла помочь неопытной невестке в уходе за ребенком просто потому, что сама находилась в схожей ситуации: первенец одной мог быть ровесником последыша другой: *— Ты, свякроўка, мая матачка, калышы маё дзіцятачка. — А чорт яго накалышацца, у мяне сваё ў калысачцы.* Бывало и так, что свекрови приходилось терпеть обиду от жены сына. В одной из песен она поутру будит невестку с мягким упреком: *— Ўжо нашы суседзі да таўкуць і мелюць, а у нас, нябога, не чуваць нікога.* В ответ пожилая женщина нарывается на откровенную дерзость: *Нявестачка ўстала, горда адказала: — Не ты мяне нарадзіла, каб мяне будзіла. Не ты гадала, каб мной пасылала. Свякроў адышлася, ручкі заламала: “Ой Божя мой, Божя, чаго я прыждала: чужое дзіцятка горда адказала”.*

Отношения с родителями мужа представляют лишь один из элементов семейной жизни. Решающую роль в судьбе все же имели отношения между самими супругами: *Як пад гаем, як пад гаем траўка зелянеіць. За харошым мужам жонка маладзёіць. Як пад гаем, як пад гаем траўка падсыхаіць. За няўдалым мужам жонка пагібаіць.* Неудачный брак мог быть следствием ошибки родителей, но и собственный выбор не гарантировал от него: *— Мамачка мая, мілая мая, не аддай мяне за п'янічэньку — будзіць роду жаль. — Дачушка мая, мілая мая, выбірай сабе, выглядай сабе ўсякага сама. — Мамачка мая, мілая мая, я й выбірала, я й выглядала, ды не доля мая.* Оставалось осыпать мужа горькими упреками: *Не рубай, не сячы зялёнага дубу. Чаму шыі не скруціў, як ехаў да шлюбу? Не рубай, не сячы зялёнай бярозы. А нашто ты мяне браў — праліваці слёзы?* В таких случаях и мать мало чем могла помочь, разве что призывать дочь к стоическому терпению: *— Жыві, жыві, дачушка, жыві, нябога, гэта табе, дачушка, доля ад Бога. Тры гары капаючы, сядзеш адпачнеш і з нялюбым дружочкам веку дажыवेश.*

В конечном счете все зависело от того, чей характер оказывался крепче. Иногда женщина с самого начала предвидела, что расклад будет в ее пользу: *Табе — саха, барана, мне — чужая старана. Ты будзеш касіць, араць, а я буду панаваць.* Случаи, когда жена брала полный верх над мужем, видимо, были не так уж и редки: *Жана мужа біла, на ліха не ўчыла: — Сядзі, мужу, дома, стружы верацёна, калышы дзіцятка і пасі цялятка.* В пословице эта же ситуация отражена с мужской точки зрения: *Благая тая дамова, дзе вала бадзе карова.* Есть и мужские припевки на эту тему: *Горачка нямае — жоначка няўдалая. Горачка вялікае — жоначка сярдзітая.* Отношение жены к такому мужу было снисходительно-насмешливым: *Такі-сякі авясец — трэба яго жаці. Такі-сякі мужычок — трэба паважаці.* Уважение порой бывало чисто внешним: *Така, така мая доля, так я і рабіла: словам мужа шанавала, а хлапцоў любіла.* Но насколько часто семейная жизнь складывалась таким образом, знали только сами женщины.

А. Богданович был не совсем прав, утверждая, что веселые мотивы редко встречаются в женских песнях. Другое дело, что даже на залихватские мотивы, вроде знаменитой «Лявоніхі», порой ложились не такие уж веселые слова: *Як я ў роднай мамкі была, на галоўку русу косу пляла. Да свякроўкі як папалася, руса каса растрапалася. Папалася злomu ліху-мужыку — засушыў мяне, як ліпінку ў духу.* Женщина могла и помечтать об избавлении от такой доли: *Наехала повен двор татароў, ды й забралі майго мужа ў палон.* Сожаление при этом вызывает не то, что татары забрали его в плен, а то, что плохо связали: *Ён, паганец, уцячэць, уцячэць, мне галоўку натаўчэць, натаўчэць. Трэба будзе уцякаць, уцякаць, з вераб'ямі пад страхой начаваць.*

Случалось и так, что житейские тяготы ломали женщину, и ей становилось уже не до юмора. Душевный надлом превращал ее в истеричную кликушу или заставлял искать забвение в пьянстве: *А прала б я кудзеліцу — галоўка баліць, а пайшла б я у карчомку — мілы не вяліць. Як паехаў мой міленькі ды ў поле араць, а я, млада-младзюсенька, — у карчомку гуляць.* Опьянение сулило хоть и временное, но облегчение: *Ой, дайце мне, дайце, пяць чарак гарэлкі: адну чарку дайце, каб я была п'яна, а другую дайце, каб я была смела, а трэцюю дайце, каб песню запела, чацвёртую дайце, каб я была дужа, а пятую дайце, каб набіла мужа!* Если женщина совсем спивалась, зрелище во все времена было гораздо более неприглядное, чем являл собой спившийся мужчина. Это констатирует поговорка: *Хочаши пабачыць чорта — паглядзі на п'яную бабу.*

Сколь бы ни тяжела казалась семейная жизнь, но гораздо хуже было преждевременно потерять мужа: *Расці, зелле, травою — я асталася ўдавою. Расці, зелле, кветкамі — асталася з дзеткамі. Расці зелле, жоўты цвет — я удоўка на ўвесь свет.* Если не удавалось выйти замуж повторно, женщину ждала печальная участь: *Усе гоні зелянеюць, паміж імі адна чорна — дзе сеяла бедна ўдова. Дзе сеяла, валачыла, да слёзкамі памачыла, дзе сеяла, палівала, сваю долю праклінала.*

Часто жизнь самой женщины обрывалась рано, и ей приходилось оставлять сиротами маленьких детей. Мысль об этом отравляла последние минуты: — *Устань, устань, Анелячка, плача тваё маленечка. — Няхай плача, прызабудзе — ў яго маткі век не будзе. Няхай плача, перастане — яго матка век не ўстане.*

Если смерть до поры и обходила женщину стороной, прожитые годы уносили с собой жизни родителей и других родственников: *Любая гасціначка — дачушка у мамачкі. А як памрэ мамачка, мінецца гасціначка. Зарастуць дарожанькі ельнічкам, бярэзнічкам, зялёненькім арэшнічкам, колкаю шыпынкаю, горкаю калінкаю.* Круг близких лиц неотвратимо сужался: *У мяне роду не багатка — адзін родненькі братка.*

Свою грусть по поводу расставания с молодостью женщины тоже увековечили в песне: *Ёсць у майго у брацяткі коні варанья — я паеду даганяці леты маладыя.* Но прожитых лет не вернуть: *Сідзяць, сідзяць мае леты ў калінавым кусце. — Вярніцеся, мае леты, хаця ка мне ў госці. — Не вернімся, не вернімся, бо няма да чаго: было ўмеці шанаваці здароўечка сваё.* Порой казалось, что ноша жизни уже исчерпана, но женщину ждали еще кое-какие задачи: *Я рада была б памерці, ды не дае мне Бог смерці: яшчэ сыноў не жаніла і дачок не аддавала. І сама не ўгадала, калі старэнькая стала.*

Теперь предстояло пройти жизненный круг словно бы по второму разу: уже в роли матери, отгоняющей от дочери назойливых кавалеров, а затем определяющей ее судьбу (не случайно в песнях именно голос матери в вопросе о замужестве дочери представлен как решающий). Потом ей же доводилось принимать упреки, если выбор оказался неудачным, и переживать за дочь, отданную в чужую семью. Но в то же время тем, кто вырастил детей, предстояло сыграть и роль *святроўкі-змяёўкі* или злой тещи, на которую так жаловался бедный примак.

Те женщины, которым довелось прожить в браке четверть века и более (а такая судьба доставалась примерно одной из трех), часто мало хорошего могли увидеть, оглянувшись назад: *Гора маё, гараваннейка маё, пацярала я здароўечка сваё, да за ліхім мужыком жывучы, да ліхому мужыку годзячы.* Утрата такого мужа уже не казалась трагедией. Порой, хотя бы в озорных припевках, женщины могли даже помечтать об избавлении: *Мой муж ды нядуж, ляжыць у запечку. Кох-вох, каб ён здох, запаліла б свечку.* Можно было даже посмеяться над самой смертью: *На магільнік вязуць — я падплакваю, а з магільніка іду ды й падскакваю. Музыканты мае, падыграйце вы мне: пахавала я старога, што памучыў мяне.*

Впрочем, и со стороны мужчин чувства бывали взаимными: — *Што пасадзіш на магіле, мілы мой міленькі? Што пасадзіш на магіле, голуб мой сівенькі? — Бур'яну, міла, бур'яну, міла, бур'яну, уха-ха, чарнабровая мая!* Тут, как говорится, в каждой шутке есть доля шутки. Последним образом, который принимала женщина на своем долгом житейском пути, мог стать тот образ неугомонной старухи, который запечатлен в популярной шуточной песне: *І сляпая, і крывая, яшчэ к таму злая: і крычыць, і бурчыць, проці дзеда не змаўчыць.* Конец ее в этой песне оказался печальным — она так допекла своего деда, что тот столкнул ее с моста в речку: — *Цяпер, бабка, кайся — трошкі пакупайся. А як бабка узнырне, то дзед кіем папіхне.* Но куда более вероятным был исход, при котором муж оставался под каблуком до конца жизни: *Пасеяў дзед грэчку, баба кажа: “Мак”. — Гоп, гоп, жынка мая, няхай будзе воля твая. Няхай так, няхай сьяк, няхай грэчка будзе мак.* В конце концов сама жена запоздало осознает: — *Ой, мае ж вы людцы, што я нарабіла? Я свайго мужыка дураком зрабіла. — Гоп, гоп, жынка мая, няхай будзе воля твая. Няхай так, няхай сьяк, няхай я буду дурак.*

Но был, несомненно, и другой образ: терпеливой и безропотной труженицы, честно испившей отмеренную ей чашу. Думается, и в семейной жизни не все состояло из одних горестей. Те 20 случаев, когда один из супругов не пережил другого и на месяц, наверное, не сводятся целиком к совпадениям. Мы не можем заглянуть в их сердца, но хочется верить, что была среди этих случаев и такая любовь, при которой жизнь одного превращалась в жизнь обоих и смерть становилась одной на двоих.

А потомкам остался образ, запечатленный в памяти благодарного сына: *А мне жонка міла — з вечара да свету, а мне мамка міла — ад веку да веку: як мяне насіла — цяжынька хадзіла, як мяне раджала — канала-ўмірала, мяне гадала — ночкі недаспала.* К этому образу стремятся по заросшей ельничком-березничком дороге мысли и чувства ее взрослой дочери. И светлая память тех, кому она дала жизнь, заменяет собой все эпитафии, которых не было, да и не могло быть на увенчанной простым серым камнем могиле белорусской женщины.

Часть пятая
Разрушение традиции

Революция, или в поисках пятого варианта

Отметив в одной из предыдущих глав, что в распоряжении крестьян имелись четыре варианта решения земельной проблемы, я сознательно был не совсем точен. К началу XX в. начал довольно отчетливо вырисовываться пятый, **радикальный вариант**: отнять у имущих и поделить между неимущими. Во время первой российской революции это настроение впервые зазвучало в полный голос. Открытое покушение на помещичью собственность проявилось и на территории Кореньщины. Газеты упоминали о массовых потрах посевов и сенокосов в имениях Красный Бор, Ганевичи и Кузевичи, осуществленных крестьянами окрестных деревень 30—31 мая 1905 г.⁹⁶⁷ События такого рода происходили тогда повсеместно под влиянием революционного брожения в городах.

Несомненно, только неспособность социального устройства России обеспечить более цивилизованный выход могла привести к такому радикализму. Он совершенно не имел опоры в традициях. Среди пословиц и поговорок нет никакого намека на идею «отнять и поделить». Наоборот, запрет зариться на чужое выступает достаточно явственно: *Хто чужога ні шануя* (не уважает), *той свайго мець ня будзя; Лепі лічыць свае вошы, як чужыя грошы*. Эволюция идеи о переделе помещичьей земли, зародившейся в народническом движении и унаследованной эсерами, заслуживает отдельного исследования. Мне представляется важным подчеркнуть, что возникла она в среде городских интеллигентов-разночинцев, недавних выходцев из той же деревни. Помещичье хозяйство, также не сумевшее приспособиться к пореформенным условиям и без особой пользы удерживавшее в своих руках огромные массивы земли, представлялось им хорошим объектом для жертвоприношения во имя общего блага.

В деревню эта идея пришла в готовом виде, в форме революционной агитации. На территории Кореньщины факты такой агитации не зафиксированы, но один случай имел место у южной ее окраины. В октябре 1906 г. староста деревни Ратьковичи Гайно-Слободской волости застал в хате крестьянина Жилинского сходку, организованную мещанином Иосифом Вольским. Последний называл себя социалистом и собирал с крестьян по 5 копеек на партийные нужды (вероятно, имелась в виду партия эсеров). При разбирательстве выяснилось, что ранее он таким же образом собирал деньги в Эйнарновичах и обещал, что его партия *побьет всех панов* и наделит крестьян землей. Однако там ему ничего не дали. В деревне Слижин он использовал иной аргумент — угрожал в случае отказа *разорить деревню*. Это оказалось более действенным, и крестьяне собрали по 5 копеек с каждого двора⁹⁶⁸.

Уже в силу своей необычности такая информация передавалась из уст в уста. Кое-кто задумывался, и наедине с собой возможность наделения помещичьей землей представлялась не такой уж кощунственной. Питательной средой для этой идеи являлась та часть населения, которая уже осознала бесперспективность хозяйствования на уменьшающихся в результате разделов клочках земли, но не чувствовала в себе способности последовать примеру более успешных. Да и время для этого было упущено: благоприятные стартовые возможности, которые сложились сразу после реформы, за полвека были безвозвратно утрачены. Скопить начальный капитал для перехода на более эффективное хозяйство, имея в наличии 5 или даже 10 дес., было совершенно нереально при любой мере самоэксплуатации. Столь же нереальным оказалось заработать нужную сумму наемным трудом, а для поездки в Америку, где такие возможности имелись, тоже требовался немалый стартовый капитал.

В такой ситуации не все были способны устоять перед соблазном. Абсолютным запретом могли послужить религиозные убеждения, но их тоже начало размывать воздействие городской культуры. Язеп Гладкий, видимо, утратил веру в бессмертие души задолго до советских антирелигиозных кампаний. Вряд ли он был одинок, а на отчаявшуюся, уставшую от безземелья и безденежья душу утрата веры могла оказывать и вовсе разрушительное воздействие. Но все же для того, чтобы покуситься на чужое, нужно было хоть какое-то идейное обоснование. Спасительной опорой послужила переиначенная этическая норма, первоначально направленная против лодырей в собственной среде: *Хто ні ўмее араці* (пахать), *таму хлеба ні даці* (общезвестный русский вариант: *Кто не работает, тот не ест*). Чтобы перейти от нее к революционному принципу *Земля должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает*, требовалось лишь сообразить, что помещик сам землю не пашет, да и не умеет это делать. Теперь уже можно было закрыть глаза на то обстоятельство, что он умеет делать что-то другое, тем более если это «что-то» было непонятно крестьянам.

⁹⁶⁷ Северо-Западный край. 1905. № 762 (4 июня).

⁹⁶⁸ Центральный государственный архив Октябрьской революции. Ф. 124. Оп. 44. Ед. хр. 2025. Л. 1—2. (Ссылка дается в том виде, в котором она содержится в картотеке Института истории НАН Беларуси.)

В своем анализе традиционной крестьянской ментальности Б. Н. Миронов справедливо отмечает, что представление об исключительном праве на землю тех, кто на ней работает, не было свойственно этой ментальности изначально, а появилось лишь в пореформенное время. Но он считает, что конфискация помещичьих земель и их передача в общинную собственность стали *сокровенным желанием крестьян* сразу после 1861 г.⁹⁶⁹ Мне представляется, что такое мнение недостаточно обосновано. Более вероятно, что относительно широко в крестьянскую среду эта идея проникла лишь к весне 1905 г., когда начавшаяся революция и выдвигаемые ею требования стали предметом широкого обсуждения, а значительная часть самих крестьян успела разочароваться в итогах своего хозяйствования.

В пользу того, что к началу революции мысль об отчуждении земель еще не устоялась в крестьянском сознании, свидетельствует контент-анализ документов приговорного движения⁹⁷⁰, проведенный О. Г. Буховцом. Изучив решения сельских сходов Воронежской и Саратовской губерний, он выявил 60 петиций, в которых присутствуют требования об отмене частной собственности на землю, о передаче земли тем, кто ее обрабатывает своим трудом, о необходимости вынесения этого вопроса на Учредительное собрание. В 15 из этих документов, т. е. в каждом четвертом, одновременно содержались противоположные по смыслу реформистские высказывания: допущение выкупа земли *по справедливой оценке*, суждения о том, что этот вопрос решит Дума и т. п. Примерно такая же картина выявилась и в отношении наиболее радикальных и реформистских (а то и откровенно монархических) требований политического характера⁹⁷¹. По моему мнению, это свидетельствует о том, что активная политическая жизнь, пробужденная революцией, застала крестьян врасплох, и свое отношение к политическим лозунгам и программам они вырабатывали на ходу.

Важно отметить, что упование на помещичью землю как на средство решения земельной проблемы с самого начала было иллюзорным. К 1917 г. в имении Красный Бор оставалось чуть более 1000 га пахотных земель. Разделив их поровну между 418 надельными хозяйствами, существовавшими на тот момент, можно было добавить каждому из них всего по 2,5 га. Это позволило бы поднять среднюю обеспеченность землей с 9,5 до 12 га. Для ведения эффективного рыночного хозяйства этого все равно было недостаточно, да и продолжавшийся демографический рост поглотил бы эту добавку за считанные годы или десятилетия. По всей России наблюдалась примерно такая же ситуация. Но крестьяне, далекие от статистики, не могли проанализировать эту ситуацию. Материалов статистики не знали или не хотели знать и политики, эксплуатировавшие идею конфискации помещичьей земли. Для эсеров это был сильный козырь в состязании с правыми партиями, в значительной части представлявшими интересы крупных землевладельцев.

Поражение революции отнюдь не прекратило брожение в крестьянских умах. Анализируя факты, отражающие политическое сознание белорусской деревни в послереволюционные годы (1907—1914), тот же О. Г. Буховец отмечает его *доминантную деструктивность*. И крестьяне, и апеллировавшие к ним партии были готовы бороться не столько *за* что-то, сколько *против*: против роста налогов, несправедливых законов, духовенства, самодержавия в целом. Уже тогда встречались персональные обличения и оскорбления царя как *кровопийцы, изверга* и т. д. вплоть до призывов покончить с ним и его семьей, на десять лет предвосхитивших екатеринбургскую трагедию 1918 г.⁹⁷² Идея перераспределения земли, однажды преодолев моральное табу *не пожелай чужого*, эволюционировала в идею *черного передела* не только помещичьих земель, но и принадлежавших зажиточной верхушке крестьянства, т. е. тем, кто умел работать и нередко делал это лучше других. Психологическую подоснову составлял, видимо, комплекс неполноценности тех, кто сам не сумел добиться успеха и вынужден был продавать свой труд. Неосознанное недовольство собой проецировалось на того, кто этим трудом пользовался. Тот факт, что для обработки своих участков некоторые хозяева вынуждены были привлекать наемных рабочих, убеждал в том, что они, подобно помещикам, имели больше, чем могли использовать. А значит, «излишки» можно было попросту отнять.

Даже начало **Первой мировой войны** не сразу смогло отвлечь внимание крестьян от земельной проблемы. Процессы, происходившие в эти годы в сознании великорусских крестьян, рассмотрены в работе О. С. Поршневой⁹⁷³. Видимо, в Беларуси они были в целом аналогичными. Войны воспринималась как разновидность стихийного бедствия, грянувшего непонятно

⁹⁶⁹ *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи и правового государства: В 2 т. — 2-е изд., испр. — СПб., 2000. Т. 1. С. 328, 344.

⁹⁷⁰ Под приговорным движением в литературе понимается массовое составление петиций, обращений в Государственную Думу, наказов ее депутатам и других резолюций (*приговоров*), происходившее в российской деревне в 1905—1907 гг.

⁹⁷¹ *Буховец О. Г.* Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи начала XX века: новые материалы, методы, результаты. — М., 1996. С. 221—224.

⁹⁷² *Буховец О. Г.* Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи начала XX века: новые материалы, методы, результаты. С. 309—313.

⁹⁷³ *Поршнева О. С.* Социальное поведение российского крестьянства в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917 гг.) // Социальная история. Ежегодник. 2000. — М., 2000. С. 57—83.

откуда. Стихийный патриотизм сочетался с полным непониманием причин и целей войны, попытками дать ей рациональное объяснение в своей системе ценностей (*Кабы мне знать, в чем толк-то, из-за чего народы, такие мирные, передрались. Не иначе, как за землю*)⁹⁷⁴. Но и необходимость воевать за какую-то чужую землю в тот момент, когда взгляд только начал примеряться к лежащей совсем рядом помещицкой, вызывала недоумение. О. С. Поршнева приводит высказывания, зафиксированные в период мобилизации: *Пока нам земли не дадут — не стоит воевать* и т. п. Похоже, недодуманный до конца вопрос о земле гвоздем сидел в вязком крестьянском сознании.

Но война принесла с собой много новых проблем. Прекращение продажи водки требовало изыскать новые способы проведения досуга. Кое-где широкое распространение получили карточные игры на деньги, но при возможности крестьяне проявляли интерес и к неизвестным ранее формам культурного отдыха: народному театру, передвижному кинематографу.

Значительная часть социально активного населения (по данным аграрной переписи — 336 мужчин из 451 наделного двора Кореньщины) были призваны в действующую армию. Оставшихся широко привлекали к подводной повинности, начались реквизиции лошадей и мясного скота на нужды армии, причем по ценам гораздо ниже рыночных.

С началом войны прекратились поставки орудий иностранного производства, местная промышленность тоже была переориентирована на военные нужды. К 1917 г. производство сельскохозяйственного инвентаря и машин в России составило 15% от довоенного уровня. Цены на них повысились в 4—5 раз. Правда, повысились и цены на продукты, что было выгодно для крестьян. В не оккупированных уездах Минской губернии к концу 1915 г. картофель стоил вдвое дороже, чем в начале войны. Масло подорожало на 71%, ржаной хлеб — на 33, свиное сало — на 25%. Зато и соль подорожала на 252%⁹⁷⁵.

Военные действия затронули Кореньщину лишь однажды. Во время катастрофической для русской армии кампании 1915 г. немецкие войска, заняв в сентябре на короткое время территорию Мильчанской, Плещеницкой и Гайно-Слободской волостей Борисовского уезда, разграбили имущество 51 мирного жителя⁹⁷⁶. Но немцев вскоре оттеснили, фронт стабилизировался примерно в 70 км к западу, на территории соседнего Вилейского уезда. На последующих этапах войны, вплоть до начала 1918 г., Кореньщина оставалась под контролем России. Вероятно, немало жителей были привлечены к земляным работам по рытью окопов и строительству блиндажей, как повсюду в прифронтовой полосе.

Поражения 1915 г. способствовали росту недовольства, падению авторитета правительства. Министерство юстиции фиксировало с этого времени лавинообразное нарастание слухов, дискредитирующих монархию. Возникло стойкое мнение, что царь и царица, немка по происхождению, ведут дело к поражению России. В 1916 г. добавились слухи о похождениях Распутина. Под воздействием тягот военного времени многие окончательно утрачивали и без того пошатнувшуюся веру в Бога. В первые два года войны около трети крестьян в России не исповедовались и не причащались, в 1916 г. их число еще более возросло.

Следствием отступления российской армии стал приток полутора десятков семей беженцев, которые, судя по данным аграрной переписи, проживали в качестве *посторонних* хозяйств по разным деревням, но преимущественно в селе Корень. Эта же перепись свидетельствует, что к концу войны многие хозяйства потеряли своих кормильцев и остались без рабочего скота.

Война особенно сильно отразилась на поголовье домашних животных. На наделных землях на хозяйство приходилось в среднем 0,8 коня (с учетом жеребят — 0,9), на одного коня — 6,4 дес. пашни, что оказалось близким к верхнему пределу того, что можно было эффективно обработать. На купчих землях коней тоже насчитывалось не слишком много — чуть менее 1,5 головы на двор (1,6 с жеребятами). Учитывая размер пашни, их остро не хватало: на коня приходилось 9,5 дес. Волы практически исчезли: лишь в Михалковичах имелось 6 голов и еще 3 — на хуторе Лисовичи. Это, видимо, связано с переходом от сохи к плугу. Для плужной вспашки конь подходил больше, чем пара волон, поскольку требовалось не столько мощное тяговое усилие, сколько поворотливость и «сообразительность»⁹⁷⁷. Коз тоже совсем перестали держать — лишь в Терехах было 4 головы. Из других животных на наделных землях на двор приходилось 1,35 коровы и 0,6 теленка (вместе с яловыми телками), 2 овцы (включая молодняк), 1,7 свиньи. На купчих землях все эти показатели были выше: 2 коровы, 1,5 теленка, 3,2 овцы, 3,75 свиньи.

⁹⁷⁴ Федорченко С. Народ на войне. Фронтовые записи. — Киев, 1917. С. 12. Цит. по: Поршнева О. С. Социальное поведение российского крестьянства в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917 гг.). С. 61.

⁹⁷⁵ Гісторыя сялянства Беларусі са старажытных часоў да нашых дзён. Т. 2. С. 425—427.

⁹⁷⁶ Документы и материалы по истории Белоруссии (1900—1917 гг.). Т. 3. — Мн., 1953. № 1025. С. 795.

⁹⁷⁷ Сержпутовский А. К. Земледельческие орудия Белорусского Полесья // Материалы по этнографии России. — СПб., 1910. Т. 1. С. 15.

Т а б л и ц а 60. Состояние дворохозяйств Кореньщины в 1917 г.

Селения	Дворов						В том числе				
	наличных					отсутст- вующих	без наличных работников	без работников вообще	без рабочего скота	без скота вообще	без посева
	надель- ных	купчих и др.	беззе- мельных	посто- ронних	все- го наличных						
Громница	45	0	0	0	45	2	15	4	10	5	6
Жирблевичи	37	0	1	1	39	0	13	5	8	4	0
Козыри	27*	1*	1	1	30	0	5	2	2	1	2
Корень	40	0	5	13	58	0	21	8	23	9	12
Лищицы	30	0	1	0	31	3	9	1	5	2	1
Михалковичи	77	0	2	2	81	0	26	4	22	1	1
Нарбутово	7	0	1	0	8	0	5	0	1	0	0
Прудки	57	0	0	0	57	0	28	7	7	2	2
Терехи	65	0	2	1	68	0	23	4	21	4	5
Чернево	33	0	1	0	34	0	8	1	9	1	0
Всего на надельных землях	418	1*	14	18	451	5	153	36	108	29	29
Имение											
Красный Бор	0	0	4	0	4	1	0	0	4	1	1
Антоновка	0	12	0	0		2	2	1	1	1	1
Гани	0	10	2	0	12	0	5	1	0	0	0
Гряда	0	3	0	0	3	0	1	0	1	0	0
Лисовичи	0	1	0	0	1	0	0	0	0	0	0
Новое Чернево	0	16	1	0	17	0	4	0	3	0	0
Остров	0	1	0	0	1	0	0	0	0	0	0
Табун	0	1	0	0	1	0	0	0	0	0	0
Хутора арендаторов**	0	0	10	0	10	0	3	0	0	0	0
Всего на помещичьих землях	0	44	17	0	61	3	15	2	9	2	2
Итого	418	45	31	18	512	8	168	38	117	31	31

* В Козырях 10 дворов имели надельную и дарственную землю, 1 двор — только дарственную.

** Корнево, Осетище, Селище, Ставок.

В 1916 г., как отмечает О. С. Поршнева, окончательно развеялись надежды на победное окончание войны, резервы общественного согласия в России были исчерпаны. И на фронте, и в тылу росло безразличие к проблемам государства и усиливалась сосредоточенность на собственных интересах, из которых земельный вопрос продолжал оставаться ключевым.

Документов, отражающих участие жителей Кореньщины в событиях **Февральской революции 1917 г.** и в период Временного правительства (за исключением приведенных выше материалов аграрной переписи 1917 г.), обнаружить не удалось. Весьма вероятно, что они участвовали в выборах делегатов на Первый съезд крестьянских депутатов Минской и Виленской губерний, состоявшийся 20—23 апреля 1917 г. (здесь и далее даты для 1917 г. приводятся по старому стилю). Делегаты на этот съезд избирались по одному от каждого сельского общества, всего их было 800. После горячих споров депутаты постановили добиваться того, чтобы *все земли церковные, монастырские, казенные, удельные, панские и частновладельческие стали общенародной собственностью без всякого выкупа*. Принципы национализации соответствовали аграрной программе партии эсеров. Съезд потребовал также обновления состава уездных исполнительных комитетов, пополнения их представителями крестьян⁹⁷⁸.

Вскоре Временное правительство постановлением от 4 мая 1917 г. упразднило волостные суды⁹⁷⁹. Вместо них предписывалось создавать новые низовые органы власти на местах — волостные комитеты, члены которых избирались по одному от каждых 300—500 жителей волости. Из состава волостного комитета избирались 3 представителя в уездный комитет⁹⁸⁰. Возможно, на жизни микрорегиона каким-то образом отразились действия Борисовского уездного земельного комитета, созданного Временным правительством вместе с аналогичными комитетами в других уездах с целью подготовки аграрной реформы. Борисовский земельный комитет отличался заметным радикализмом. В июне 1917 г. комитет принял постановление о разделе всех излишков сенокосов, принадлежавших частным владельцам. После этого начался массовый захват сенокосов крестьянами и их раздел между ними. Временное правительство вынуждено было вмешаться и отменить постановление уездного комитета⁹⁸¹. О том, затронули ли эти события непосредственно Кореньщину, прямых сведений нет.

⁹⁷⁸ Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии: Документы и материалы. Т. 1. — Мн., 1957. С. 245—247.

⁹⁷⁹ Собрание указаний и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства, 1917—1918. № 104. Ст. 577.

⁹⁸⁰ *Ігнаценка І. М.* Кастрычніцкая рэвалюцыя на Беларусі: асаблівасці і вынікі. — Мн., 1995. С. 41—42.

⁹⁸¹ Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии: Документы и материалы. Т. 1. № 353. С. 409.

Тогда же, июне 1917 г., в Борисове был созван уездный съезд крестьянских депутатов, который вскоре выразил недоверие представителю Временного правительства — уездному комиссару — за игнорирование постановлений съезда по земельному вопросу⁹⁸². Тем не менее, согласно протоколу совещания исполнительного комитета Совета крестьянских депутатов Минской и Виленской губерний от 5 июля 1917 г., в Борисовском уезде на тот момент не было крестьянских советов или каких-либо иных революционных органов самоуправления⁹⁸³. Надо полагать, местные жители довольно пассивно выжидали, как решится судьба России в столице и крупных городах.

Социальные противоречия резко обострились осенью, когда политическая ситуация в стране на какой-то период стала неуправляемой. Если в августе произошло 37 крестьянских выступлений по всей Минской губернии, то в течение сентября — октября 1917 г. в одном Борисовском уезде крестьяне захватили и разгромили 17 помещичьих имений⁹⁸⁴. Деструктивную программу (имевшую глубинные психологические истоки) больше ничего уже не сдерживало. По воспоминаниям, помещицья усадьба в Красном Бору тоже была сожжена — видимо, именно в это время.

Переворот в Петрограде 25 октября 1917 г. привел к власти большевиков. Вскоре начала формироваться новая система управления — посредством объединенных советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, в силу чего она вошла в историю под названием **советской власти**. 19 ноября 1917 г. состоялся III съезд крестьянских депутатов Минской и Виленской губерний в составе 337 делегатов, который постановил организовать советы во всех уездах и волостях и поручил им переизбрать волостные комитеты таким образом, чтобы большинство в них составляли бедняки⁹⁸⁵. В Борисове объединенное заседание уездных советов и земельного комитета с участием представителей от волостей и батраков состоялось 5 декабря 1917 г. На нем принято решение передать власть совету, состоящему из трех секций — солдатской, рабочей и крестьянской. Все земли помещичьих имений, национализированные согласно Декрету о земле от 26 октября 1917 г., передавались в ведение волостных земельных комитетов. Главой исполнительной власти — уездным народным комиссаром — был избран солдат-большевик Сергей Нелюбов, первоначально направленный в Борисовский уезд в качестве эmissара Военно-революционного комитета Западного фронта⁹⁸⁶.

От внимания крестьян не укрылась та особенность, что на службу к новой власти охотно шли евреи. Эта их новая роль была воспринята скорее негативно, накладываясь на болезненное осмысление смены государственного строя. По свидетельству Адама Варлыги, в те дни родилась новая поговорка, имеющая одновременно оппозиционный и антисемитский оттенок: *Лепі служыць манарху, як нейкаму парху (парх, пархатый* — оскорбительные клички евреев).

Первый период советской власти на территории Кореньщины оказался коротким: крушение Российской империи на несколько лет ввергло ее территорию в военный хаос. 18 февраля 1918 г. **германские войска** возобновили военные действия против России и за несколько последующих дней заняли весь Борисовский уезд. Согласно Брестскому мирному договору, подписанному 3 марта, большая часть территории Беларуси осталась под контролем Германии вплоть до полной выплаты Россией контрибуции. Все революционные декреты на этой территории отменялись, а в качестве низовых органов воссоздавались волостные правления и суды. Приказом министра земледелия Германии от 8 июня 1918 г. восстанавливалась помещицья собственность на землю. Каких-либо сведений о том, вернулся ли после этого в Красный Бор его прежний владелец, помещик Лев Давыдов, отыскать не удалось. В поздних документах упоминается лишь, что имением в это время управлял некий Нестеров, но от чьего имени — неизвестно. Нет также данных о том, подверглись ли репрессиям активные сторонники советской власти из числа жителей Кореньщины (в целом такие репрессии проводились повсеместно).

Немецкий оккупационный режим просуществовал до ноября 1918 г., когда в Германии тоже вспыхнула революция, а большевистское правительство России 13-го числа в одностороннем порядке расторгло Брестский договор. Новое правительство Германии начало отвод своих войск с территории Минской губернии. Вслед за ними двигались части Красной Армии. Контроль России над Кореньщиной был восстановлен, по-видимому, в начале декабря.

По образцу, уже оформившемуся к тому времени на территории России, в Борисовском уезде были **восстановлены местные органы советской власти** — уездный и волостные советы, а также уездный отдел социального обеспечения, сокращенно *собес*. Именно в фонде последнего сохранились самые ранние документы, отражающие жизнь Кореньщины в условиях советской власти. Речь идет о ведомостях на выдачу пособия семьям солдат, находившихся в плену, пропавших без

⁹⁸² *Игнаценка І. М.* Кастрычніцкая рэвалюцыя на Беларусі: асаблівасці і вынікі. С. 40, 88; Государственный архив Российской Федерации. Ф. 398. Оп. 2. Ед. хр. 112. Л. 213—214.

⁹⁸³ Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии: Документы и материалы. Т. 1. № 382.

⁹⁸⁴ *Игнаценка І. М.* Кастрычніцкая рэвалюцыя на Беларусі: асаблівасці і вынікі. С. 89—90.

⁹⁸⁵ *Игнаценка І. М.* Кастрычніцкая рэвалюцыя на Беларусі: асаблівасці і вынікі. С. 115, 127.

⁹⁸⁶ Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии: Документы и материалы. Т. 2. — Мн., 1957. № 301, 361.

вести или потерявших трудоспособность во время Первой мировой войны. Эти ведомости по Гайно-Слободской волости датируются январем 1919 г.⁹⁸⁷ В них перечислены семьи 7 солдат из деревни Громница, 3 — из Жирблевич, 1 — из Козырей, 5 — из Кореня, 7 — из Михалкович, 12 — из Терехов и 3 — из Чернева. Дополнительные ведомости за период с 1 января по 11 апреля 1919 г.⁹⁸⁸ упоминают еще 1 солдатскую семью из Козырей, 3 — из Михалкович, 2 — из Прудков и 2 — их Терехов. Всего, таким образом, не вернулись с войны или стали на ней инвалидами не менее 46 уроженцев Кореньщины, хотя список скорее всего неполон.

В течение зимы 1918/19 г. существенных изменений в жизни Кореньщины, видимо, не происходило. В это время большевистское правительство решало вопрос о дальнейшей судьбе Беларуси. В первой половине декабря созрело решение создать на ее территории буферное государство, которое отделяло бы Советскую Россию от только что созданной при содействии Антанты Польской Республики. Первоначально 1 января 1919 г. провозглашена независимая Советская Социалистическая Республика Белоруссия, но уже через месяц в связи с изменением международной обстановки родился план ее объединения с Советской Литвой, правительство которой к этому времени почти утратило контроль над своей территорией. Литовско-Белорусская Советская Социалистическая Республика (*Литбел*) была создана 27 февраля.

Весной и летом 1919 г. разгорелись наиболее значительные кампании гражданской войны в России (наступление армии Колчака на Восточном фронте и Добровольческой армии Деникина — на Южном), а также боевые действия польской армии в Литве и Западной Беларуси. Это вызвало массовые мобилизации в Красную Армию, которые на территории формально независимого Литбела осуществлялись так же, как и на территории, непосредственно контролируемой правительством Российской Федерации. Согласно ведомостям на выдачу пособия семьям мобилизованных красноармейцев, в январе 1919 г. был призван один житель Нового Чернева, в марте — 8 жителей Лищиц и 1 — Чернева, в июне — 11 жителей Михалкович, в июле — 2 жителя Антоновки и 2 — Кореня, всего, как минимум, 24 человека⁹⁸⁹.

В августе 1919 г. наступающие с запада польские войска заняли территорию Кореньщины, положив конец второму периоду существования советской власти. **Под контролем поляков** микрорегион оставался почти год, до июля 1920 г. Об этом периоде документальных свидетельств не сохранилось. Известно, что смена власти вновь сопровождалась репрессиями против большевиков и их наиболее активных сторонников. Земельная реформа прекратилась. По воспоминаниям, некоторые крестьяне были привлечены перевозить грузы для польской армии, один из них (Пранук Вашкевич из Михалкович) погиб при исполнении этой повинности.

В третий раз советская власть была восстановлена в ходе летнего наступления Красной Армии в июле 1920 г. 31 июля в Минске вторично провозглашена Советская Социалистическая Республика Белоруссия, позднее называвшаяся Белорусской Советской Социалистической Республикой — БССР. Но после поражения Красной Армии под Варшавой в августе того же года поляки перешли в контрнаступление и едва вновь не достигли Кореньщины, к моменту прекращения боевых действий 18 октября заняв территорию соседнего Вилейского уезда. Таким образом, исследуемый микрорегион остался под советским контролем, хотя и на пограничье. Были восстановлены низовые органы советской власти — уездный и волостные советы, от имени которых фактически выступали исполнительные комитеты — *исполкомы*. В прежних сельских обществах избирались сельские советы — сокращенно *сельсоветы*, исполнительный аппарат которых составляли председатель и секретарь.

Сразу же после отступления поляков возобновилась **мобилизация в Красную Армию**. Уже в августе — начале сентября 1920 г. на фронт ушли 1 житель Михалкович, 1 — Нового Чернева, 6 — Прудков (одного из них к концу года уже не было в живых), 6 — Терехов, 1 — хутора Осетице. В сентябре — октябре были призваны 2 жителя Лищиц, а в декабре — еще 6, т.е. всего 23 человека⁹⁹⁰. Многие крестьяне встретили мобилизацию без энтузиазма, о чем свидетельствует список дезертиров по Гайно-Слободской волости, бежавших от призыва в период с 22 августа по 2 сентября 1920 г. Среди них 7 жителей Козырей и 1 — Лищиц⁹⁹¹.

Не все из призванных в Красную Армию уроженцев фигурируют в волостных списках, так как некоторые призывались из других мест. Об одном таком случае свидетельствует иск о разделе отцовского надела, предъявленный демобилизовавшимся в 1922 г. жителем Михалкович Даниилом Колошей⁹⁹². Он был призван в армию в 1918 г., но в списках

⁹⁸⁷ Государственный архив Минской области (далее — ГАМО). Ф. 475. Оп. 1. Ед. хр. 106.

⁹⁸⁸ ГАМО. Ф. 475. Оп. 1. Ед. хр. 107.

⁹⁸⁹ ГАМО. Ф. 475. Оп. 1. Ед. хр. 108, 470.

⁹⁹⁰ ГАМО. Ф. 475. Оп. 1. Ед. хр. 470, 574.

⁹⁹¹ ГАМО. Ф. 475. Оп. 1. Ед. хр. 356.

⁹⁹² ГАМО. Ф. 1495. Оп. 1. Ед. хр. 103.

на выдачу пособий семьям красноармейцев его фамилия отсутствует, поскольку до призыва Колоша жил и работал в Минске и лишь после демобилизации вернулся в родную деревню. В этом же деле упоминается его брат Героним, которого с лошадью и подводой в 1920 г. забрала проходившая через деревню часть Красной Армии и о котором вестей с тех пор не поступало. Поскольку он не был мобилизован в армию, а лишь привлечен для перевозки грузов, сведения о нем в списках также отсутствуют. Возможно, такие случаи были не единичны.

О судьбе одного из мобилизованных в июне 1919 г., Осипа Семенова Лиса из Михалкович, свидетельствуют материалы раздела его участка между братьями в 1923 г.⁹⁹³ В деле приводятся показания его односельчанина Антона Равины, служившего вместе с Лисом. По свидетельству Равины, Лис попал в госпиталь в городе Вятка, где, видимо, умер. Из этого явствует, что оба они оказались на Восточном фронте, а не на Западном, хотя к моменту призыва поляки уже начинали наступление на Минск. Кстати, в списке семей мобилизованных Осип Лис действительно упоминается, а вот Антон Равина — нет, что может служить еще одним указанием на неполноту списков.

Еще один фронтовик, Михаил Колоша (призванный, вероятно, в июне 1919 г.), попал в польский плен, где провел 2 года и 3 месяца и вернулся только осенью 1921 г., после подписания мирного договора. В заявлении, адресованном в исполнительный комитет Гайно-Слободского волостного совета (*волисполком*) 27 ноября 1921 г., он пишет, что не имеет никаких средств к существованию, а мать его живет в *дырявой халупе* в поселке Красный Бор. Михаил Колоша просил выделить 10 пудов картофеля, чтобы не умереть с голоду⁹⁹⁴.

Мирный договор между Советской Россией и Польшей был подписан в Риге 18 марта 1921 г. Он зафиксировал новую государственную границу между Польшей и БССР, которая прошла всего в 15 км западнее Коренья. С этого времени и до сентября 1939 г. Кореньщина оставалась в приграничной полосе, что оказывало существенное влияние на жизненный уклад населения.

К 1921 г. количество скота еще более сократилось, поскольку территория Кореньщины не раз попадала в зону прохождения войск — немецких, польских, Красной Армии.

Т а б л и ц а 61. Обеспеченность хозяйств Кореньщины скотом в 1921 г.

Селения	Количество дворов	Количество душ	Количество крупного рогатого скота		В том числе дойных коров		Овец		Свиней	
			всего	на хозяйство	всего	на хозяйство	всего	на хозяйство	всего	на хозяйство
<i>Михалковичский сельсовет</i>										
Антоновка ¹	16	83	18	1,1	15	0,9	17	1,1	12	0,8
Жирблевичи	42	285	64	1,5	55	1,3	58	1,4	23	0,5
Корень ²	52	205	43	0,8	35	0,7	30	0,6	15	0,3
Михалковичи ³	79	430	100	1,3	98	1,2	60	0,8	23	0,3
Всего по сельсовету	189	1003	225	1,2	203	1,1	165	0,9	73	0,4
<i>Прудковский сельсовет</i>										
Гани ⁴	20	163	37	1,9	33	1,7	57	2,9	27	1,4
Козыри	30	185	32	1,1	31	1,0	45	1,5	6	0,2
Лищицы	35	216	51	1,5	48	1,4	62	1,8	13	0,4
Прудки	58	309	83	1,4	71	1,2	62	1,1	21	0,4
Всего по сельсовету	143	873	203	1,4	183	1,3	226	1,6	67	0,5
<i>Черневский сельсовет</i>										
Громница	49	260	80	1,6	58	1,2	85	1,7	42	0,9
Новое Чернево ⁵	32	203	57	1,8	43	1,3	67	2,1	33	1,0
Старое Чернево	37	181	56	1,5	42	1,1	45	1,2	18	0,5
Терехи ⁶	73	437	90	1,2	87	1,2	118	1,6	50	0,7
Всего по сельсовету	191	1081	283	1,5	230	1,2	315	1,6	143	0,7
Итого	523	2957	711	1,4	616	1,2	706	1,3	283	0,5

¹ Вместе с урочищем Болтовка (2 двора).

² Вместе с Красным Бором (23 души в 1 дворе).

³ Вместе с хутором Затишье (2 двора).

⁴ Вместе с хуторами Кореневка (1 двор), Лисовичи (2), Осетище (3), Ставок (1), Пястун (3), Табун (1).

⁵ Вместе с Нарбутовым (13 дворов).

⁶ Вместе с застенком Гряда (5 дворов), хуторами Остров (1), Равы (1).

⁹⁹³ ГАМО. Ф. 1495. Оп. 1. Ед. хр. 342.

⁹⁹⁴ ГАМО. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 152.

С окончанием военных действий уклад жизни в целом вернулся к довоенному и дореволюционному состоянию, хотя теперь в нем появились ранее не известные оттенки. Новая власть, утвердившаяся в России в результате революции и гражданской войны, опиралась на идеологию марксизма — одного из наиболее радикальных модернистских течений в истории человечества. Хотя отказ от традиций был общим фоном этой эпохи, мало кто исповедовал его так последовательно и безоговорочно, как марксисты, причем большевики оказались едва ли не самыми радикальными приверженцами этой идеологии. Они были готовы разрушить старый мир *до основанья*, чтобы построить на его месте нечто совершенно противоположное.

Одно из новых веяний, которое все почувствовали почти сразу, проявилось в виде непримиримой **борьбы с религией**. Публичное исполнение религиозного культа сделалось весьма затрудненным. Классики марксизма, как известно, рассматривали религию как *опиум для народа*, иллюзорное утешение угнетенных циничными эксплуататорами с целью удержать их в покорности. Почва для восприятия такого взгляда в деревне уже имелась — вспомним откровенный скептицизм в отношении посмертного существования, которым пронизано описание культа предков у А. Варлыги. Теперь те, кто придерживался материалистических взглядов, получили мощную государственную поддержку и могли демонстрировать их с рвением неопитов. Для молодежи это была к тому же прекрасная возможность реализовать прирожденное стремление выйти из-под родительской опеки. В такой атмосфере Кореньский костел был закрыт, крещение и венчание заменены регистрацией в сельсовете.

Со светской регистрацией брака традиционная деревня еще могла мириться, поскольку в сложном свадебном обряде церковное венчание всегда было лишь одним из эпизодов. Но невозможность проводить крещение новорожденных и отпевание умерших, несомненно, повергла в шок старшее поколение. Для тех, кто сохранял веру в бессмертие души, эти два обряда были ключевыми, поскольку обеспечивали нечто более важное, чем преходящие ценности земной жизни: нормальный переход в мир предков и благополучное посмертное существование. Как и в период упадка костела в 1870-е гг., оставалось самим читать молитву над телом умершего, окроплять младенца простой водой в надежде, что Бог все видит и все поймет. Но гарантии в том, что он действительно все поймет, не мог дать никто, и это окрашивало земную жизнь смутной тревогой. Возрастание внутренней тревожности было неизбежно и для тех, кто воспринял материалистический взгляд на мир. Предстоящая смерть приобретала для них неизмеримо более грозное обличье — теперь с земной жизнью терялось все без остатка. Рвение в строительстве нового, лучшего мира во многом было попыткой хотя бы понизить остроту этой проблемы, придать земной жизни самостоятельный смысл. Об экзистенциально-невротическом характере такой активности свидетельствует то, что она сопрягалась с крайней нетерпимостью по отношению к иным мнениям: они атаквались или высмеивались с большим эмоциональным накалом.

С 1921 г. во всех советских республиках вместо продразверстки, введенной в годы гражданской войны, установлен фиксированный налог, что знаменовало начало так называемой **новой экономической политики (нэп)** большевистского правительства. Размеры налога исчислялись в зависимости от числа едоков в том или ином населенном пункте, площади сельхозугодий, наличия домашнего скота. Данные по сельсоветам и деревням Гайно-Слободской волости о раскладке натурального налога на 1921/22 сельскохозяйственный год содержат длинный перечень продуктов, которые крестьяне должны были поставлять государству: рожь, овес, ячмень, картофель, льняное семя, масло, шерсть, мясо (включая говядину, свинину, баранину и мясо птицы), яйца, мед, воск, сено, льняное и конопляное волокно⁹⁹⁵.

Власть, утвердившаяся в России, объявила себя защитницей интересов рабочих и крестьян. Для последних это было внове, и появление такого защитника сразу же спровоцировало **всплеск потребительских настроений**. В течение конца лета — осени 1921 г. Гайно-Слободской волостполком составил пространные списки нуждающихся в получении леса на строительство и семенной ссуды на посев. В них фигурируют почти все хозяйства, существовавшие в то время на территории Кореньщины. В частности, список нуждающихся в строевом лесе по Михалковичскому сельсовету включал первоначально 73 семьи в Михалковичах (позднее в нем появилось еще 6 имен), 14 — в Антоновке, 44 — в Жирблевичах, 27 — в Корене (дописаны еще 10) и 2 — в имении Красный Бор. По Черневскому сельсовету список включал 71 семью в Терехах, 48 — в Громнице, 13 — в Нарбутове, 20 — в Новом Черневе, 36 — в Старом Черневе, 3 — в Гряде, по 1 — в хуторах Остров и Равы, по Прудковскому сельсовету — 36 в Лишицах, 32 — в Козырях, 51 — в Прудках, 11 — в Ганях, по 2 — на хуторах Осетице и Лисовичи и по 1 — на хуторах Кореневка, Табун, Ставок и Селище⁹⁹⁶. Список получивших ссуду овсом и картофелем на

⁹⁹⁵ ГАМО. Ф. 369. Оп. 1. Ед. хр. 260. Л. 1—12.

⁹⁹⁶ ГАМО. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 69—95.

семена сохранился лишь частично. В Михалковичском сельсовете он охватывает 86 хозяйств, в Прудковском — 91, в Терехах (Черневский сельсовет) — 9⁹⁹⁷.

Примечательны дописки, сделанные позднее. Похоже, кое-кто из крестьян поначалу отказался от социальной помощи, не испытывая в ней острой нужды. Но по мере того, как стремление воспользоваться помощью приобретало все более массовый характер, иждивенческий принцип *дают — бери* возобладал над иными нормами поведения человека.

Еще один список содержит сведения о ссуде яровыми семенами, предоставленной инвалидам и нетрудоспособным Черневского и Прудковского сельсоветов в начале 1922 г. Список содержит имена 5 жителей Терехов, по 1 — Нового и Старого Чернева, 5 — Громницы, 2 — Козырей и 1 — Ганей⁹⁹⁸. В апреле 1922 г. были составлены списки хозяйств, нуждающихся в дополнительном наделении землей. По Михалковичскому сельсовету в них фигурируют все 77 хозяйств деревни Михалковичи и еще 18 — из Кореня и Жирблевич⁹⁹⁹. Однако в другом месте указывается, что в Михалковичах имелось 3 безземельных и 73 малоземельных хозяйства, в Корене — 4 безземельных и 42 малоземельных, в Жирблевичах — 1 безземельное и 20 малоземельных¹⁰⁰⁰. По Прудковскому сельсовету список содержит 10 хозяйств в Козырях (из них 1 безземельное), 39 в Прудках (2 безземельных) и 19 в Лищихах (1 безземельное)¹⁰⁰¹, по Черневскому — 32 хозяйства в Терехах (из них 7 безземельных, еще 2 имели всего по 0,5 дес.)¹⁰⁰². Список по этому сельсовету, очевидно, неполон.

Главным мотивом, побудившим значительную часть крестьянства поддержать большевиков и смириться даже с тяготами продразверстки и последующего налогообложения, гораздо более мелочного, чем при крепостном праве, была надежда на решение все той же **земельной проблемы**. Опасение, что победившие противники советской власти восстановят помещичье землевладение и вновь сделают национализированные земли недостижимыми для крестьян, значительно ограничивало социальную опору как белогвардейцев, так и поляков.

Тем не менее победа большевиков, оплаченная отчасти и кровью жителей Кореньщины, не привела (да и не могла привести) к кардинальным переменам. Поначалу на основной части имения Красный Бор было создано государственное сельскохозяйственное предприятие — *совхоз*, привлекавший наемную рабочую силу и сдававший полученную сельхозпродукцию государству. Его отношения с крестьянами порой удивительно напоминали их прежние отношения с помещиком. Например, 28 июля 1921 г. 16 дворохозяев деревни Терехи обратились в волземотдел с жалобой на заведующего совхозом, который требовал с них доли урожая за обрабатываемые ими сверх надела земли совхоза¹⁰⁰³. Характерно, что крестьяне не настаивали на передаче им этих земель, ранее бывших помещичьими, и не ставили под сомнение право заведующего взимать плату натурой за пользование ими. Они лишь пытались доказать, что возделываемые ими участки никогда к совхозу не принадлежали, поскольку находятся в 7 верстах от него. Они также ссылались на то, что прежний владелец имения не обрабатывал эти земли по причине плохого качества и позволял засеивать желающим крестьянам, не требуя с них части урожая, так как скудность земли и без того едва компенсировала затрачиваемые усилия. Другими словами, крестьяне хотели лишь того, чтобы претензии совхоза не превышали таковые прежнего помещика!

В годы военной круговерти перераспределению подверглась лишь небольшая часть бывших помещичьих земель худшего качества, ранее считавшихся запасными. Еще в конце 1918 г., перед отступлением немцев, управляющий имением Красный Бор Нестеров выделил из его состава около 70 дес. земли в урочище Болтовка, которую передал 11 хозяевам из Михалкович, разделив на участки от 5 до 10 дес., сдаваемые впоследствии до 1922 г. в аренду односельчанам этих крестьян. Упомянутый случай долго будоражил сознание жителей деревни, став примером вопиющего нарушения справедливости. В частности, 30 августа 1921 г. волземотдел рассматривал заявление 56 крестьян Михалкович о 72 десятинах земли, которая издавна числилась запасной и обрабатывалась всеми желающими. После ухода немцев (т. е. в конце 1918 г.) ею завладели несколько хозяев, в руках которых она и продолжала находиться. Жители Михалкович на сходке постановили распределить эти земли между 10 малоземельными хозяйствами, список которых прилагался. В указанных хозяйствах насчитывалось 59 едоков, а в распоряжении их находилось всего 24 дес. собственной земли и 65 дес. — арендуемой¹⁰⁰⁴. Вероятно, речь в заявлении шла именно о тех землях в урочище Болтовка, которые были переданы 11 крестьянам управляющим Нестеровым.

⁹⁹⁷ ГАМО. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 27—34, 46об.—48.

⁹⁹⁸ ГАМО. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 21, 23, 26.

⁹⁹⁹ ГАМО. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 15, 17.

¹⁰⁰⁰ ГАМО. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 24об.

¹⁰⁰¹ ГАМО. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 25—26.

¹⁰⁰² ГАМО. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 4.

¹⁰⁰³ ГАМО. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 32.

¹⁰⁰⁴ ГАМО. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 59а, 59б.

Волземотдел на сей раз отклонил предложение сходки, но вопрос о бывших запасных землях в урочище Болтовка повторно встал весной 1922 г., когда в конце апреля 15 малоземельных хозяев из деревни Михалковичи самовольно распахали их. По жалобе владельцев этих земель самовольщики были арестованы. 2 мая конфликт разбирался на собрании жителей Михалкович в присутствии председателей местного сельсовета и волземотдела. Из 11 хозяев, владевших этими участками, 10 подтвердили, что земля была передана им в 1918 г., и утверждали, что впоследствии предоставляли ее в пользование малоземельным. Одиннадцатый *показал, что ничего не знает*, как было зафиксировано в протоколе. Малоземельные крестьяне со своей стороны утверждали, что при поляках пользовались этой землей бесплатно, но при советской власти владельцы вносили с них треть урожая, хотя сами налоги за эту землю не платили. На сей раз было принято решение вплоть до землеустроительной комиссии предоставить право всем жителям деревни пользоваться спорными землями¹⁰⁰⁵.

И в других случаях крестьяне, не дожидаясь официального разрешения, начинали распахивать необрабатываемые пустоши. Один самовольный захват был зафиксирован в сентябре 1921 г. (произошел он, видимо, ранее) — 18 хозяев из деревни Козыри завладели землей в урочище Падары¹⁰⁰⁶. В том же урочище еще один житель Козырей, Иван Антонов Вашкевич, в 1920 г. засеял явочным порядком 0,5 дес., пустовавших после прежнего владельца. Когда же на следующий год он рассчитывал повторить эту акцию, оказалось, что участок уже вспахан его односельчанином Николаем Лойковским. В жалобе, датированной 9 сентября 1921 г., Иван Вашкевич просил признать спорную землю за ним, так как у Лойковского имеется в этом же урочище 4 дес. своей земли, а у него — только 2,5 дес. Решение было вынесено в его пользу, однако 17 сентября председатель Прудковского сельсовета Владислав Окулич сообщил в волость, что Лойковский этому решению не подчинился и засеял участок сам¹⁰⁰⁷.

Еще об одном захвате простодушно сообщает в волземотдел сам его инициатор. В заявлении от 9 сентября 1921 г. житель Терехов Иван Яковлев Балцевич пишет, что он вспахал под пар участок неудобной земли, ранее принадлежавший имени Красный Бор, но никем не обрабатываемый ввиду его неурожайности. Теперь же, когда он вспахал эту целину, двое жителей той же деревни, Иван Николаев Балцевич и Франц Феликсов Вашкевич, самовольно ее засеяли¹⁰⁰⁸.

Между тем подготовка к земельной реформе продвигалась медленно. В январе 1921 г. состоялся съезд земотделов, утвердивший инструкцию о передаче земель нетрудового пользования, которая упоминается впоследствии в ряде документов. Она предусматривала конфискацию земельных излишков (такowymi признавались все земли, владельцы которых не могли обработать их своим трудом, без привлечения наемной рабочей силы) и передачу их малоземельным и безземельным хозяйствам. Однако, прежде чем приступить к осуществлению этого, надлежало составить и официально утвердить в качестве приложений к этой инструкции списки нуждающихся в земле.

Судя по всему, **первый этап официального перераспределения земель** состоялся 10 сентября 1921 г. Совхоз в имении Красный Бор к этому времени был упразднен, а часть его земель распределена между нуждающимися. Суммарные итоги перераспределения отражены в одном из документов Гайно-Слободского волисполкома¹⁰⁰⁹. В нем упомянуты 5 деревень на территории Кореньщины. Среди них в деревне Корень 17 малоземельных хозяйств (насчитывавших 82 души) получили в сумме 17,5 дес. пашни и 3,25 дес. сенокосов из бывших земель ксендзов Кореньского костела. Из состава имения Красный Бор 22 хозяйствам в деревне Жирблевичи (121 душа) выделено 42 дес. пашни и 9,5 дес. сенокосов, 52 хозяйствам в Михалковичах (246 душ) — всего 8 дес. сенокосов. В деревне Лищицы 2 безземельным хозяйствам (12 душ) и 16 малоземельным (111 душ) передано 10 дес. пашни и 4 дес. сенокосов. В Прудках наделение землей осуществлялось за счет угодий имения Красный Бор и хутора Пястун. Там 1 безземельное хозяйство (3 души) и 17 малоземельных (101 душа) получили 10 дес. пашни и 2 дес. сенокосов. Нетрудно убедиться, что приращения земель были весьма скромными. Возможно, к этому же мероприятию относится сохранившаяся в другом деле недатированная сводка прирезки запасных земель из состава имения Красный Бор в пользу 26 перечисленных поименно крестьян деревни Жирблевичи, каждому из которых досталось от 1 до 4 дес. Всего было распределено 42 дес. пашни, а сенокоса не получил никто. Там же отмечается, что еще осталось 80 дес. нераспределенной запасной земли¹⁰¹⁰.

Одновременно с расформированием совхоза часть земель была отнята у зажиточных хозяйств. Например, у одного из таких хозяев, А. Балцевича, конфисковали не только землю, но и имущество. Об этом свидетельствуют упоминания о выдаче

¹⁰⁰⁵ ГАМО. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 148—159.

¹⁰⁰⁶ ГАМО. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 186.

¹⁰⁰⁷ ГАМО. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 77, 157.

¹⁰⁰⁸ ГАМО. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 65.

¹⁰⁰⁹ ГАМО. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 69 — 72.

¹⁰¹⁰ ГАМО. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 100.

нуждающимся фуража из состава его имущества, датированные 6 и 10 октября 1921 г.¹⁰¹¹ Второй жертвой стал Осип Иванов Лис, владелец хутора Пястун, у которого были отняты большие земельные массивы. Не смирившись с этим, 29 августа 1922 г. он подал жалобу в уездное земельное управление о том, что годом ранее 14 хозяев из деревни Прудки с разрешения заведующего волземотделом захватили 45 дес. земли при этом хуторе, принадлежавшей ему в течение 40 лет. В его распоряжении осталось всего 7—8 дес. на 7 членов семьи, хотя рядом находятся нетронутые земли имения Красный Бор. При разбирательстве дела председатель Прудковского сельсовета (им был в это время А. Лис) поддержал интересы жалобщика, показав, что тот всегда обрабатывал землю своим трудом. Теперь же оставшаяся у Осипа Лиса земля окружена со всех сторон захваченными участками, так что он не имеет даже доступа к ней¹⁰¹². Исход разбирательства из дела не ясен, однако судя по тому, что из уездного управления жалоба была направлена в волость, т. е. тем, на кого и жаловался Осип Лис, благоприятное для него решение представляется маловероятным.

Основная трагедия революции заключалась в том, что именно наиболее успешные хозяйства воспринимались новым руководством, ослепленным марксистской идеологией, как главная опасность для нее. Никто из большевистских руководителей не был близко знаком с реальным бытом и мировоззрением этих людей. Но достаточно оказалось того, что они подпадали под ярлык мелкобуржуазных. В работах В. И. Ленина тех лет можно найти немало страстных пассажей против мелкобуржуазной идеологии, *ежечасно* порождаемой крестьянством и угрожающей делу революции. Для низовых партийных работников, лучше представлявших себе действительную картину, эти мнения руководства были обязательной директивой, которую надлежало проводить в жизнь.

Крестьяне, оставшиеся в рамках традиционной модели, тоже прекрасно представляли себе истинное положение дел. Но признать даже самим себе, что разница в материальном положении и бытовых условиях в какой-то мере порождена их собственной пассивностью и неумением приспособиться к новым условиям, было бы слишком болезненно. Новые идеологические веяния давали спасительную лазейку для сознания, позволяли спроецировать недовольство собой на внешний объект. К этому примешивался и вполне шкурный интерес: за счет попавших в идейную опалу кулаков появилась реальная возможность улучшить свое положение. Считать чужие деньги вместо собственных вшей вдруг стало не только позволительно, но и выгодно.

Несмотря на частичное перераспределение земли и несанкционированные захваты, социальная напряженность сохранялась. Об этом свидетельствует датированное 30 июня 1922 г. заявление в волысполком от старшего полевого сторожа деревни Михалковичи Адама Коренского. Он пишет о наличии в деревне хозяев, которые не в состоянии засеять всю имеющуюся у них землю, но малоземельным не позволяют пользоваться ею. В заявлении предлагается выслать комиссию *для устранения этого дефекта*¹⁰¹³. (Кстати, личная обеспеченность землей Коренского была далеко не самой худшей — на семью из 4 человек приходилось 6,5 дес. пашни и 1,5 дес. сенокоса, т. е. 2,25 дес. угодий на душу — более чем вдвое выше среднего показателя по деревне.)

Земельная реформа сильно осложнялась отсутствием эффективных методов учета земли. Это давало возможность крестьянам успешно скрывать от налогообложения значительные массивы сельхозугодий. Вполне вероятно, что некоторые из тех, кто фигурировал в списках малоземельных (официальным критерием была 1 дес. на душу), в действительности таковыми не являлись. Как и после 1861 г., крестьяне пополняли свои земли и за счет «ползучей экспансии». Подтверждением этого служат материалы комиссии по выявлению скрываемой пашни, которая работала в Гайно-Слободской волости с 15 декабря 1921 по 1 января 1922 г.¹⁰¹⁴ По дореволюционным статистическим данным, в имении Красный Бор числилось 950 дес. пашни. Из них комиссии удалось обнаружить всего 650 дес., причем 200 дес. было распределено между крестьянами Михалковичского и Прудковского сельсоветов, а 450 дес. остались не обложенными налогом, поскольку из-за позднего распределения и плохого качества эти земли оказались незасеянными. Результаты работы комиссии отражает таблица 62.

Налоговые списки 1922 г. демонстрируют довольно резкое **имущественное расслоение**, все еще сохранявшееся в деревне. Правда, нижеследующие цифры нужно воспринимать с учетом того, что суммарная площадь обрабатываемых земель в этих списках оказалась на 41% ниже, чем значилось по дореволюционным данным. Все же общую тенденцию они, несомненно, отражают.

¹⁰¹¹ ГАМО. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 53, 55.

¹⁰¹² ГАМО. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 266.

¹⁰¹³ ГАМО. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 23.

¹⁰¹⁴ ГАМО. Ф. 369. Оп. 1. Ед. хр. 260. Л. 19-21.

Т а б л и ц а 62. Скрываемая пашня на Кореньщине в 1921 г. (в десятинах)

Сельсовет	Размер пашни по статистическим данным	Размер пашни по налоговым спискам	Обнаружено комиссией	В том числе незаконно захваченной у совхоза	Заросшей лесом
Михалковичский	804,1 (903)*	968	86	52	34
Прудковский	1018,9	633	418	75	44
Черневский	1093,4	519	482	-	122
Имение Красный Бор	950,0	-	450	-	-
Всего	3866,0 (3965,3)	2120	1436	127	200

* В материалах комиссии приводятся две разные цифры.

На одном полюсе находились около 40 крупных хозяйств. Многие из них являлись хуторами, некогда возникшими на купчей земле. Так, у жителя хутора Табун Михаила Семенова Лиса после обрезок еще оставалось 19 дес. пашни и 8 дес. сенокоса на семью из 9 человек, у владельцев хутора Кореневка Иосифа и Франца Корневских — в сумме 44 дес. (первому из них принадлежало 28 дес. пашни и 6 дес. сенокоса, второму — 7 и 3). Правда, их семьи были очень крупными — соответственно 13 и 10 человек. На хуторе Селище Леонтий Дзягилевич владел 8 дес. пашни и 2 дес. сенокоса на семью из 3 душ, а выделенный в отдельное хозяйство его сын Степан — 15 дес. пашни и 20 дес. сенокоса на 9 человек. Всего земли упомянутого хутора составляли, таким образом, 45 дес. Братья Карл и Франц Семеновы Соколовские, указанные в конце списка деревни Михалковичи, владели, как явствует из других источников, хутором Затишье. У каждого из них значилось по 23 дес. пашни и 7 дес. сенокоса (т. е. в сумме 60 дес.), при этом семья первого состояла из 10 душ, второго — из 9. При той же деревне указаны владения Антона Дубовика, семье которого из 4 человек принадлежало 15 дес. пашни и 7 дес. сенокоса. Крупными были владения Ивана Адамова Равины с хутора Равы (показанные совместно с Черневым) — 20 дес. пашни и 3 дес. сенокоса на 9 человек. При Новом Черневе указаны земли Михаила Антонова Воронко (также жившего на хуторе Равы), насчитывавшие 10 дес. пашни и 2 дес. сенокоса на 5 душ, а также земли Адама Казимирова Лиса — 12 дес. пашни и 5 дес. сенокоса на 10 душ. На хуторе Осетище семье Василия Окулича из 8 человек принадлежало 10 дес. пашни и 4 дес. сенокоса, а семьям Казимира и Ивана Гоздельских из 5 и 6 человек — 9 и 10 дес. пашни и по 4 дес. сенокоса.

Земли других хуторов к этому времени были уже довольно сильно обрезаны, в результате чего обеспеченность угодьями на душу населения стала относительно скромной. Так, на хуторе Пястун за Иосифом Ивановым Лисом числилось 7 дес. пашни и 5 дес. сенокоса на семью из 7 душ, а за Иваном Иосифовым Вашкевичем — 8 дес. пашни и 4 дес. сенокоса на 10 человек. На хуторе Куты Лисовые братьям Петру и Антону Павловым Лисам принадлежало по 6,5 дес. пашни и 5 дес. сенокоса. При этом семья первого указана в размере 8 человек, а второго — 20 (вероятно, ошибочно). На хуторе Низкое семья Иосифа Иванова Лойковского (5 человек) владела 8 дес. пашни и 4 дес. сенокоса. От некогда огромных владений хутора Остров, принадлежавших Францу Иванову Окуличу, осталось 15 дес. пашни и 10 дес. сенокоса на семью из 15 человек.

Из деревень, основанных на купчих землях, лучше всего обстояло дело с угодьями в Ганях. Сергею Тимофееву на семью из 10 душ приходилось 22 дес. пашни и 3 дес. сенокоса, Науму Кудряшову на 7 человек — 15 дес. пашни и 2 дес. сенокоса, Сильвестру Трису на 4 человека — 11 дес. пашни и 2 дес. сенокоса, Ивану Пуханьскому — такой же участок на 5 душ, Григорию Кудряшову на 8 душ — 14 дес. пашни и 2 дес. сенокоса. В Новом Черневе самый крупный надел (10 дес. пашни и 5 дес. сенокоса) принадлежал семье Иосифа Белановича из 6 человек. Такой же участок, но на 12 человек, был у Ивана Иосифова Цыкато. В Антоновке два участка по 15 дес. пашни и 5 дес. сенокоса принадлежали Михаилу Яковлеву Сапеге и Станиславу Лубинскому, при этом семья первого состояла из 6 душ, второго — из 13.

Сравнительно крупные участки были и на надельных землях. Наилучшим образом обстояло дело в Козырях. Там хозяйство Иосифа Антонова Окулича (13 человек) владело 22 дес. пашни и 9 дес. сенокоса, хозяйство Данилы Иванова Лиса (8 душ) — 16 дес. пашни и 4 дес. сенокоса, хозяйство Ивана Фомина Лиса (12 душ) — 16 дес. пашни и 3 дес. сенокоса, хозяйство Антона Иванова Шейпы (6 человек) — 12 дес. пашни и 2 дес. сенокоса, хозяйство Франца Адамова Щербовича (7 человек) — 10 дес. пашни и 6 дес. сенокоса, хозяйство Владислава Рашкевича (3 души) — 10,75 дес. пашни и 5 дес. сенокоса. В Лищицах семья Иосифа Иванова Лойковского (8 человек) пользовалась 15 дес. пашни и 4 дес. сенокоса, а семья Антона Францева Лойковского (также 8 человек) — 10 дес. пашни и 2 дес. сенокоса. В семье вдовы Николая Высоцкого Марии на 7 душ приходилось 10 дес. пашни и 4 дес. сенокоса. Во всех оставшихся деревнях ни одна семья не владела более чем 10 дес. пашни.

Документальные материалы об **окончательном распределении** оставшихся 450 дес. бывших помещичьих земель обнаружить не удалось. Из устных воспоминаний явствует, что примерно в 1923 или 1924 г. целый ряд семей получили

возможность переселиться в новый поселок Красный Бор, основанный по соседству с сожженной усадьбой. Точнее, там возникли два одноименных поселка — по обе стороны от нее. Их обитатели получили земельные наделы из состава имения. На основании списка налогоплательщиков за 1922 г. (в котором эти поселки еще отсутствуют), более позднего списка дворохозяев за 1929 г.¹⁰¹⁵ и устных сведений можно установить, что в восточный поселок переселились 6 хозяев из деревни Михалковичи, 3 — из Прудков, 6 или 7 — из Лищиц и 1, вероятно, из Громницы. В другом поселке, к западу от усадьбы, землю получили 4 или 5 семей бывших работников имения (в списке 1922 г. они показаны вместе с деревней Жирблевичи), 2 или 3 семьи из Михалкович и 9 — из Жирблевич. Всего в каждом поселке в 1929 г. значилось по 17 хозяйств.

Ранее некоторые из них действительно принадлежали к числу наименее обеспеченных земель. Так, Николай Антонов Картуль из Лищиц в 1922 г. владел участком всего в 1 дес. на семью из 5 душ, Иван Антонов Шейпа из той же деревни — 1,5 дес. на 3 человека, Иосиф Иванов Колоша из Михалкович и Данило Иванов Шуляк из Прудков по — 1,25 дес. (на 6 и 4 человека соответственно). У Макара Сергеева и Александра Демидчика (из числа работников бывшего имения) тогда же значилось соответственно 1,5 дес. на 6 душ и 2 дес. на 7 душ. Другие переселенцы ранее имели наделы, которые можно отнести к средним по размерам: братья Николай и Иосиф Владиславовы Кункевичи из Жирблевич — соответственно 5,25 дес. на 6 человек и 5 дес. на 5 человек, Карл Иванов Колоша и Иосиф Адамов Равина из Михалкович — соответственно 6 дес. на 6 душ и 7 дес. на 7 душ. Прежние наделы остальных переселенцев были в основном порядка 3—4 дес., причем некоторые владели ими совместно с младшими братьями и другими родственниками. Представление о величине новых наделов, полученных ими в поселке Красный Бор, дают сохранившиеся частично карточки учета сельскохозяйственного налога на 1930/31 хозяйственный год¹⁰¹⁶. Всего имеется 11 карточек по хозяйствам этого поселка. Величина их наделов колеблется от 6,7 до 10 дес. (от 3,5 до 5,8 дес. пашни и от 2,8 до 4,2 дес. луга). В среднем на хозяйство приходилось 5,5 едока и 8,28 дес. сельхозугодий, или 1,51 дес. на душу. В частности, в хозяйстве вышеупомянутого Иосифа Иванова Колоши на 5 человек теперь приходилось 9,35 дес. земли (в том числе 5,75 дес. пашни), в хозяйстве Макара Сергеева — на 8 человек 9,2 дес. (5,6 пашни), в хозяйстве Алеся Демидчика — на 5 душ 9,2 дес. (5,7 пашни), в хозяйстве Николая Кункевича — на 7 душ 10 дес. (5,8 пашни).

Судя по позднейшим упоминаниям, в 1924 г. произведена еще одна обрезка крупных хуторов. Тогда этой процедуре подверглось, в частности, хозяйство Карла Соколовского с хутора Затишье. Из 30 дес. (32,7 га), имевшихся у него согласно налоговому списку 1922 г., осталось 9,2 га (из них 7 га пашни)¹⁰¹⁷. Вероятно, такой же была участь его брата Франца, имевшего в 1922 г. 30 дес. Было обрезано также хозяйство Михаила Воронко, жившего на хуторе Равы. Из имевшихся у него до революции около 60 га осталось 10¹⁰¹⁸. Впрочем, эта обрезка, вероятно, произошла раньше чем в 1924 г., поскольку уже в 1922 г. за его хозяйством значится 10 дес. пашни и 2 дес. сенокоса (показанных вместе с землями деревни Чернево). Другой совладелец хутора Равы и тесть Михаила, Иван Адамов Равина, также имел до революции 60 дес. По списку 1922 г. его надел (указанный при деревне Новое Чернево) равнялся 20 дес. пашни и 3 дес. сенокоса, а к 1931 г. он составлял, по одним сведениям, 15 га, по другим — 12¹⁰¹⁹. Вторая обрезка, вероятно, имела место около 1924 г. После этого структура землевладения на какое-то время стабилизировалась.

Таким образом, заветная мечта неимущих все же осуществилась. На протяжении 1921—1924 гг. все помещичьи земли были разделены между ними, заодно зажиточные хозяйства лишились значительной части земли, ранее нажитой многолетним трудом. Коллизии, связанные с этим санкционированным властями *черным переделом*, многократно описаны в литературе. Поэтому доказывать, что психологический эффект был резко негативным, нет необходимости. Достаточно вспомнить крест, воздвигнутый на *Петраковой Голгофе* из повести Василя Быкова «Знак беды» — отчаянное, запоздалое обращение к Богу с мольбой снять проклятие с земли, приобретенной такой ценой. Об утрате в ходе революции неисчислимых культурных ценностей Российской империи тоже известно всем. О ней и сегодня напоминают нам заросли одичавшей сирени, возвышающиеся над бурьяном на месте бывших помещичьих усадеб, да полотна живописцев, успевших некогда запечатлеть их освещенные солнцем веранды. Почти столетие потребовалось нам, чтобы нечто подобное начало возрождаться в сельской местности.

Был ли достигнут хотя бы экономический эффект? С 1 апреля 1924 г. в БССР введен новый земельный кодекс. Он предусматривал норму максимального наделения землей на хозяйство с 4 работниками — от 10 до 15 га обрабатываемой

¹⁰¹⁵ ГАМО. Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 222. Л. 13об.—14.

¹⁰¹⁶ ГАМО. Ф. 314. Оп. 1. Ед. хр. 17.

¹⁰¹⁷ ГАМО. Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 484. Л. 48.

¹⁰¹⁸ ГАМО. Ф. 206. Оп. 1. Ед. хр. 192. Л. 72об.

¹⁰¹⁹ ГАМО. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 116. Л. 47, 48.

земли. Минимальная норма составляла наполовину меньше, т. е. от 5 до 7,5 га. Фактическая обеспеченность на 1925 г. по БССР была равна 9,5 га. На 1 душу приходилось 1,7 га. К категории бедняцких (без посева и с посевом до 2 дес.) относились 28,7% хозяйств, в них проживало 22,7% крестьянского населения. Средняцкие хозяйства (от 2 до 6 дес. посева) насчитывали 64,3%, или 68,1% населения. Зажиточными (свыше 6 дес. посева) считались 7% хозяйств (9,2% сельского населения). На бедняцкое хозяйство в среднем приходилось 4,2 человека (что означает полностью односемейную модель), на средняцкие — 5,6 человека. В зажиточных хозяйствах на двор приходилось 7 душ — они еще не полностью отказались от общежительской модели. Размеры капиталов в среднем на хозяйство оценивались в 895,9 руб. (на инвентарь приходилось 10%, на скот — 33%, остальное — на постройки и запасы), валовая продукция — в 638,2 руб., условный чистый доход — в 420,5 руб. Доля сеяных трав в посевном клине, к 1923 г. опустившаяся до 2,3%, к 1925 г. поднялась до 6,9%, превысив довоенный уровень. Средняя по республике урожайность ржи возросла за это же время с 6,9 до 7,5 га, картофеля — с 78,4 до 82,2 ц¹⁰²⁰.

По Логойскому району к 1925 г. безземельными оставались 3,5% хозяйств, от 1 до 3 га имели 22,1%, от 3 до 5 — 33, от 5 до 10 — 32,5, от 10 до 20 — 7,3, свыше 20 — всего 1,3%. На хозяйство приходилось около 11,6 га обрабатываемой земли. Обеспеченность землей на душу населения составляла 1,5 га пашни и 0,62 га прочих угодий. На хозяйство при этом приходилось (по состоянию на 1926 г.) в среднем 5,5 человека, чуть более 1 коня, 2,3 коровы, 2,7 овцы, 2,1 свиньи. Урожайность ржи составляла 7,4 ц/га, овса — 8,2, картофеля — 101,6 ц/га¹⁰²¹.

В целом значительная часть прежних безземельных и малоземельных хозяйств смогла подняться до того среднего уровня, который описан и проанализирован в очерке Я. Кислякова, хотя для почти 30% хозяйств он даже после передела остался недостижим. До этого же уровня были опущены и те крестьяне, чьи хозяйства описал Н. Улащик. Математически точно взвесить сальдо потерь и приобретений при этом, конечно, невозможно. Но несомненно одно: средняцкое хозяйство не имело исторической перспективы. Его неспособность произвести то количество товарного хлеба, которое требовалось стране, стала очевидной уже через несколько лет. Это предопределило политическое поражение той части большевистского руководства, которая пыталась сделать ставку на средняцкое хозяйство, — Н. Бухарина и его единомышленников. В конечном счете поплатились и экономисты, которые искали варианты его развития и невольно оказались в роли «черных вестников». Школа А. Чаянова была уничтожена, в июне 1930 г. арестован и Я. Кисляков (правда, он отделался пятью годами высылки)¹⁰²². Но Сталин и его сторонники, разделившись с *правым уклоном*, отнюдь не собирались каяться в коллективном ослеплении, приведшем страну из одного тупика в другой. С трезвым прагматизмом они прибегли к тому единственному варианту, по которому можно было направить дальнейшее развитие без крутого, катастрофического для них самих разворота. То, что этот вариант оказался катастрофическим для деревни, — это уже отдельный разговор.

Выход, спущенный по разрядке

Как ни парадоксально, российский марксизм целиком воспринял и даже усилил традиционалистское по своей сути негативное отношение к наемному сельскохозяйственному труду. Правда, формально осуждалось лишь использование такого труда для извлечения прибыли, но эти тонкости не принимались в расчет на местах. Гораздо проще было рассматривать в качестве криминала любое привлечение наемных работников зажиточным хозяйством. Эсеровский лозунг о том, что земля может принадлежать только тем, кто ее непосредственно обрабатывает, в полной мере восприняли и большевики, хотя само зарождение их партии оказалось возможным лишь в среде наемных промышленных рабочих. При первых аграрных преобразованиях победившей советской власти у каждого, кто имел земли больше, чем мог обработать своими руками, не просто изымали такие «излишки» — он оставался в глазах окружающих неисправимо испорченным, вредоносным паразитом. Его можно было лишиться земли, но нельзя было отнять те способности, которые он однажды продемонстрировал, поэтому враждебность к таким людям сохранилась.

В силу окрашенности такими представлениями модернизация в советском исполнении приобрела своеобразный характер. Необходимость сочетать две на первый взгляд несовместимые вещи — очевидную эффективность только крупного земледельческого хозяйства и моральный запрет на обработку земли наемным трудом — нашла выход в первобытном

¹⁰²⁰ СССР по районам. Западный район (Белорусская ССР и Западная область РСФСР) / Сост. М. В. Довнар-Запольский. — М.; Л., 1928. С. 27—30, 43, 51, 63.

¹⁰²¹ Лагойскі раён Менскай акругі. Кароткае краязнаўчае апісанне / Выданне Менскага акруговага таварыства краязнаўства. — Мн., 1929.

¹⁰²² База данных Комитета по архивам и делопроизводству при Совете Министров Республики Беларусь по реабилитированным жертвам политических репрессий (далее — БД «Реабилитированные»). Оригинал дела — Архив КГБ Республики Беларусь. № 20951-с.

коммунизме, при котором обобщены и труд, и потребление. В конечном счете это было творческое развитие того варианта, который уже дважды — после волоочной реформы и отмены крепостного права — отвергался крестьянами, а именно совместная обработка большого участка трудом его владельцев. На сей раз предлагалось делать это даже не силами неразделенной большесемейной общины, а путем объединения усилий совершенно посторонних друг другу семей.

Для западноевропейского общества, в котором индивидуализм стал неотъемлемым, если не ключевым звеном, попытка реализовать эту идею в массовом масштабе была бы абсолютно бесперспективной, хотя небезуспешный опыт создания сельскохозяйственных кооперативов имелся и там. Зато этот путь казался пригодным для модернизации традиционного общества с присущей ему во все времена общежительской моделью поведения. Следовало только распространить эту модель с многосемейного хозяйства на коллективное, дополнив ее некоторыми атрибутами других относительно эффективных коммун: религиозной общины и воровской шайки.

Попытки создания таких коммун начались сразу после победы советской власти. Хотя первые коммуны, создаваемые в бывших поместьях, обычно разваливались после того, как проедали оставшиеся от прежних хозяев ресурсы, стремление возродить их было постоянным фоном аграрной политики большевиков. Если рассуждать абстрактно, коллективное хозяйство (*колхоз*) действительно могло послужить реальным выходом для бедняков — безлошадных и почти безземельных. Десять семей, объединив наделы по два гектара, могли образовать относительно крупное хозяйство, способное производить товарную продукцию на сумму, достаточную для их пропитания. Другое дело, что для этого требовались не только земля и рабочие руки, но и стартовый капитал, необходимый для перехода к возделыванию трудоемких, но прибыльных культур. Нужно было еще и изменение сознания, к которому безуспешно призывал Я. Кисляков: отказ от стремления непременно обеспечить себя своим хлебом, готовность покупать его на деньги, вырученные от товарного производства. У бедняцких хозяйств не имелось ни того, ни другого. Середняки могли бы, возможно, за счет объединения трех-четырех хозяйств в одно аккумулировать необходимый капитал, но психологической готовности к неудобствам коммуны у них было еще меньше, тем более что собственное пропитание они худо-бедно обеспечивали и так.

По этим причинам до конца 1929 г., когда насильственные меры по созданию колхозов еще не применялись, их количество хотя и росло, но оставалось незначительным. По Минскому округу, в состав которого входил Логойский район, в колхозах на 1 октября 1927 г. состояли 380 крестьянских хозяйств (0,3% их общей численности), на 1 октября 1928 г. — 768 (0,6%), на 1 октября 1929 г. — 2142 (1,7%)¹⁰²³. Из 6 колхозов, существовавших в районе к началу 1929 г., один точно находился на территории Кореньщины — колхоз «Чырвоная зорка» («Красная звезда»), созданный в Кореньском сельсовете (в самой деревне Корень). Местонахождение центров колхозов «Первое Мая» и «Згода» Кузевичского сельсовета мне установить не удалось¹⁰²⁴. В целом же крестьянство игнорировало постоянные призывы вступить в колхозы.

В конце 1920-х гг. большевистское руководство СССР начало программу форсированной индустриализации, осуществляемой в значительной мере за счет *перекачки* средств из сельского хозяйства в промышленность. Уже заготовительные кампании 1927/28 и 1928/29 гг. проводились силовыми методами, напоминая времена гражданской войны. Однако, чтобы добиться от крестьянских хозяйств поставок сельхозпродукции в необходимых объемах (в ущерб их собственным интересам), следовало приступить к массовому созданию коллективных хозяйств, непосредственно контролируемых государством. По мере борьбы с правым уклоном коллективизация все более явственно выступала как единственная оставшаяся альтернатива. Но не менее очевидным было и то, что по доброй воле крестьяне массово в колхозы не пойдут никогда.

Решающим аргументом стал политический террор в отношении наиболее независимой и предприимчивой части сельского населения, способной стать инициатором сопротивления. Порой коллективизация и политические репрессии рассматриваются как два синхронных, но самостоятельных процесса. В действительности они были неразрывно связаны: боязнь разделить судьбу строптивых односельчан принуждала крестьян покоряться мероприятиям властей.

Прелюдией к предстоящим репрессиям послужило лишение избирательных прав, которое предписывалось применять в отношении бывших служащих полиции и служителей религиозного культа, частных торговцев и лиц, прибегающих к наемному труду для извлечения прибыли, а также всех их иждивенцев. Поначалу оно применялось не слишком широко. Согласно избирательным спискам 1925 г., по Кореньскому сельсовету оказались лишенными избирательных прав Осип Иванов Окулич, Адам Политанский и Данило Яковлев Лойковский. Первые двое после апелляции были восстановлены в

¹⁰²³ Проведение сплошной коллективизации сельского хозяйства Белорусской ССР (ноябрь 1929—1922 г.): Сб. документов и материалов. — Мн., 1973. С. 118.

¹⁰²⁴ Лагойскі раён Менскай акругі. Кароткае краязнаўчае апісанне / Выданне Менскага акруговага таварыства краязнаўства. С. 19.

правах. Ходатайство Лойковского, служившего в полиции в 1915—1916 гг., было отклонено, хотя он утверждал, что фактически исполнял обязанности паспортиста, а полицейским числился лишь потому, что в участке не имелось штатной должности паспортиста¹⁰²⁵. По Кузевичскому сельсовету в категорию *лишенцев* попал еврей Сроль Кремер, живший в деревне Прудки. Его виной стало занятие торговлей¹⁰²⁶.

В преддверии новых выборов в сельсоветы, состоявшихся в феврале 1930 г., список лишенных избирательных прав значительно расширился. По Кузевичскому сельсовету обнаружены лишь отрывочные сведения. В частности, в списки лишенных права голоса попали два жителя поселка Красный Бор — бывший белогвардейский офицер Алесь Антонов Занемонец и Алексей Филиппов Демидчик, при царе всего лишь служивший сторожем¹⁰²⁷. По Кореньскому сельсовету в список лишенцев внесены 83 человека. В него в полном составе были включены семьи Семена и Иосифа Ивановичей Окуличей с хутора Остров (7 человек), обвиненные в том, что *использовали наемную силу с целью получения прибыли*. Такое же обвинение выдвинуто семьям жителя Терехов еврея Сроля Шульмана (4 души) и жителя Старого Чернева Адама Казимировича Лиса (3 человека), жителю Михалкович Антону Адамовичу Щербовичу с женой Анной, семье жителя Кореня Феликса Адамовича Ясюкевича (4 человека). В качестве лиц, живущих на нетрудовые доходы, лишены избирательных прав семьи жителя Нового Чернева Исидора Плоского (4 человека) и жительницы Нарбутова Михалины Рендаревич (4 души). За занятие торговлей этому же наказанию подверглись семьи Станислава Лубинского из Антоновки (4 человека) и Мовши Абрамовича Скмота из Жирблевич (4 души), а также Николай Мирончик с женой Марцелой из Громницы. Данило Лойковский из Лищиц вновь был лишен избирательных прав как бывший полицейский, а Иван Погоцкий и Ядвига Жаркевич из Кореня — как бывшие землевладельцы, живущие на нетрудовые доходы. Всего по избирательным участкам в Терехах из 175 человек в возрасте 18 лет и старше (включая хутора Солдатское и Ставок) были поражены в правах 10 человек, в Лищицах — 1 из 97 (с хутором Низкое), в Жирблевичах — 3 из 116 (с хутором Болтовка), в Михалковичах и Антоновке — 6 из 251 (с хутором Бор), в Старом и Новом Черневе — 11 из 202 (с Нарбутовым, хуторами Равы и Барсуки), в Громнице 2 из 166 (с хутором Моисеев Лог), а по Кореньскому участку, включавшему кроме Кореня деревню и хутор Великие Укроповичи, леревни Лозки, Александрино и хутор Затишье, 26 из 261¹⁰²⁸.

Второй репрессивной мерой стало обложение наиболее зажиточных хозяйств налогом на 1929 г. в так называемом *индивидуальном порядке* — по гораздо более высокой ставке, чем для остальных хозяйств. Эта мера имела не только экономическое, но и политическое значение. Каждый обложенный в индивидуальном порядке рассматривался как потенциальный враг советской власти. В 1929 г. в эту категорию попали 14 хозяйств Кореньщины — 11 в Кузевичском сельсовете и 3 — в Кореньском. Среди них Адам Лойковский с хутора Нивки, братья Антон и Петр Лисы с хутора Лисовичи, Михаил Корневский с хутора Корневка, Данило Иванов Лис, Антон Шейпа и Франц Щербович из деревни Козыри, Сергей Тимофеев из деревни Гани, Семен Иванов Окулич с хутора Остров, Адам Казимиров Лис из Чернева и Фелька (Феликс) Ясюкевич из Кореня, а также жители хутора Райск Петрунеля Лис и Язеп (Иосиф) Балцевич. Из них Ф. Ясюкевич был также лишен избирательных прав. Кроме него этой участи подверглись Станислав Дубинский из Антоновки, Исидор Плоский из Нового Чернева, Анна Рендаревич из Нарбутова¹⁰²⁹.

Подлинное наступление на крестьянство началось во время **кампании по сплошной коллективизации** бедняцких и середняцких хозяйств с одновременным *раскулачиванием* зажиточных. У многих из лишенных права голоса вскоре отняли и все недвижимое имущества и скот, а самих в административном порядке выселили в отдаленные места. Любая попытка сопротивления трактовалась уже как уголовное преступление, караемое вплоть до смертной казни.

Начало этой кампании положило печально знаменитое секретное постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г. «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации»¹⁰³⁰. Исходя из политики *ликвидации кулачества как класса*, оно предусматривало конфискацию у кулацких хозяйств всего движимого и недвижимого имущества и дальнейшие меры *в целях решительного подрыва влияния кулачества на отдельные прослойки бедняцко-середняцкого крестьянства и безусловного подавления всяких попыток контрреволюционного противодействия*. Кулаки дифференцировались по трем категориям. К первой относился *контрреволюционный кулацкий актив*, подлежащий

¹⁰²⁵ ГАМО. Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 28. Л. 36—36об.

¹⁰²⁶ ГАМО. Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 105. Л. 12об., 15.

¹⁰²⁷ ГАМО. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 117. Л. 4, 15.

¹⁰²⁸ ГАМО. Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 432. Л. 14, 33—34, 37.

¹⁰²⁹ ГАМО. Ф. 314. Оп. 2. Ед. хр. 11. Л. 5.

¹⁰³⁰ Публикации документа: Исторический архив. 1994, № 4. С. 147—152; Хрестоматия по отечественной истории (1914—1945 гг.). — М., 1996. С. 435—442; Рэабілітацыя: 36. дакументаў і нарматыўных актаў па рэабілітацыі ахвяраў палітычных рэпрэсіяў 1920—1980-х гадоў у Беларусі / Уклад. А. Дзярновіч. — Мн., 2001. С. 62—69.

немедленному заключению в концлагеря или расстрелу. Вторую категорию кулацких хозяйств предписывалось силами ОГПУ высылать в *отдаленные местности*, третью — оставлять в пределах района, расселив на вновь отводимых участках за пределами колхозных земель. Были указаны и контрольные цифры: в первую категорию по всей стране должны были попасть 60 тыс. человек, во вторую — 150 тыс., по Белоруссии — соответственно 4—5 и 6—7 тыс. На все мероприятия отводилось четыре месяца (февраль — май).

Постановление Политбюро немедленно продублировали бюро ЦК союзных республик, в том числе и Белоруссии. В частности, решение бюро ЦК КП(б)Б предусматривало «встречный план» — до начала весеннего сева коллективизировать не менее 75—80% бедняцких и середняцких хозяйств¹⁰³¹.

В Логойском районе непосредственное осуществление кампании началось без промедления, уже в феврале 1930 г. Первыми жертвами террора на Кореньщине стали жители хутора Остров Иосиф и Семен Ивановичи Окуличы, соответственно 1863 и 1870 г. рожд. Они были арестованы 2 февраля 1930 г. (всего на третий день после принятия постановления Политбюро!) по обвинению в содействии банде и антисоветской агитации, а 3 марта приговорены *тройкой* к расстрелу. Оба посмертно реабилитированы 21 апреля 1989 г.¹⁰³² Семья Семена Окулича была выслана. 10 февраля на хуторе Райск арестован, а 16 июня приговорен к высылке в Сибирь за антисоветскую агитацию и участие в контрреволюционной организации Иосиф Викентьевич Балцевич, 1871 г. рожд. (уроженец Терехов и брат того Викентия Балцевича, который столь сурово обходился со своим племянником при разделе). Семья его в составе жены и 4 детей подверглась высылке еще до вынесения ему приговора тройки. Реабилитирован военной прокуратурой 12 июля 1989 г.¹⁰³³

В середине февраля в Кореньском сельсовете на организованных общих собраниях жителей ряда деревень принимались заранее заготовленные представителями власти резолюции и решения о раскулачивании. Протокол собрания жителей деревни Терехи (совместно с застенком Гряды и хутором Солдатское) от 16 февраля гласил: *Работу сельсовета проводить в направлении сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса, в частности возбудить ходатайство перед органами Советской власти о раскулачивании хозяйств Окулича Семена с х. Остров, Шульмана Сроля из д. Терехи и других и выселить их вместе с семьями за пределы БССР*¹⁰³⁴. Характерно, что ходатайство о раскулачивании Семена Окулича вынесено уже после его ареста.

Аналогичные резолюции приняты общими собраниями жителей Михалкович и Антоновки 19 февраля¹⁰³⁵, Громницы — 22 февраля¹⁰³⁶. В последней из них содержались более развернутые формулировки: *Вся работа сельсовета должна быть направлена на подъем сельского хозяйства через коллективизацию всего сельсовета, с целью до весенней посевной кампании коллективизировать 75% населения, а ко времени осенней посевной кампании все 100%. А вместе с этим провести работу по ликвидации кулачества как класса в самое ближайшее время. Общее собрание ходатайствует перед соответствующими органами Советской власти о раскулачивании хозяйств <...> Окулича Семена х. Остров, Шульмана Сроля д. Терехи, Лиса Адама д. Старое Чернево и выселении их за пределы Беларуси как вредный элемент в перестройке сельского хозяйства, а имущество передать вновь организованным колхозам в неделимый капитал.* Приведенные в этой резолюции цифры коллективизации всего лишь отражают принятое накануне решение бюро ЦК КП(б)Б. Таким образом, директива высшего руководства представлялась как инициатива народных масс.

Решения о выселении кулацких семей оформлялись с неперенными ссылками на эти резолюции общих собраний. Их копии сохранились в нескольких экземплярах, в том числе отпечатанные на машинке и снабженные печатями райисполкома. Вероятно, аналогичные собрания проводились и в Кузевичском сельсовете, где раскулачиванию подверглись хозяйства Антона Шейпы, Франца Щербовича и Данилы Лиса из Козырей, Антона и Петра Лисов с хутора Лисовичи, Михаила Кореневского с хутора Кореневка, Степана Дзягилевича с хутора Селище, а также из поселений на окраине Кореньщины — Владимира Бирского с хутора Идалино, Петрули Лис и Язепы Балцевича с хутора Райск и Ивана Доминецкого с хутора Падапы.

Некоторые из намеченных там жертв также были уже выселены, а кое-кто и арестован. В эти дни органами ОГПУ оформлялся коллективное дело на трех кулаков, одним из которых был житель хутора Райск Казимир Иосифович Лис, 1897 г. рожд., арестованный 18 февраля 1930 г. На следующий день по тому же делу арестовали жителя деревни Козыри Данила

¹⁰³¹ Врублевский А. П., Протьюко Т. С. Из истории репрессий против белорусского крестьянства. 1929—1934 гг. — Мн., 1992. С. 114—115.

¹⁰³² БД «Реабилитированные». Оригинал — Архив КГБ Республики Беларусь. № 23616.

¹⁰³³ БД «Реабилитированные». Оригинал — Архив КГБ. № 27245.

¹⁰³⁴ ГАМО. Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 431. Л. 7, 13.

¹⁰³⁵ ГАМО. Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 431. Л. 9.

¹⁰³⁶ ГАМО. Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 431. Л. 7, 13.

Ивановича Лиса, 1878 г. рожд., и жителя хутора Лисовичи Антона Павловича Лиса, 1885 г. рожд. Обвинениями послужили участие в банде в 1919—1922 гг. (вероятно, обвинители руководствовались принципом *лучше поздно, чем никогда*) и антисоветская агитация накануне ареста. 5 марта Антон и Даниил Лисы были приговорены к высылке вместе с семьями, а Казимир осужден на 5 лет исправительно-трудовых лагерей. Он отбывал наказание в Чуйском отделении Сиблага, откуда освобожден в 1934 г. По обвинению в бандитизме все трое реабилитированы военным трибуналом 9 мая 1962 г.¹⁰³⁷ По второму обвинению Даниил Лис реабилитирован комиссией при Управлении внутренних дел Минской области 12 октября 1992 г.¹⁰³⁸

В деревне Козыри 4 апреля 1930 г. арестован, а 25 апреля приговорен к высылке в Хабаровск Владислав Михайлович Лис, 1886 г. рожд., с женой и тремя детьми. Обвинения — участие в банде во время польской оккупации и антисоветская агитация. По первому из этих обвинений он реабилитирован Прокуратурой БССР 29 декабря 1989 г., по второму — 16 марта 1992 г.¹⁰³⁹ Вместе с ним был выслан арестованный в деревне Терехи 7 апреля 1930 г. Даниил Фомич Балцевич, 1892 г. рожд., с женой, трехмесячной дочерью, матерью и двумя сестрами. Обвинения те же, что и в предыдущем случае. Реабилитирован Президиумом Минского областного суда 23 июля 1960 г.¹⁰⁴⁰

Жертвами этой кампании стали еще как минимум три хозяйства в деревне Жирблевицы — Миколы (Николая) Стасюлевича, Язеп (Иосифа) Шуляка и Фильки (Филиппа) Высоцкого. Их высылка упоминается в связи с составлением отчета о выборах по Кореньскому сельсовету на 1930/31 г.¹⁰⁴¹ Кроме того, в списках незаконно репрессированных, составленных уже в наши дни по данным Гайненского сельсовета, упоминается Михаил Павлович Рендаревич из Нарбутова, в 1930 г. высланный в Архангельскую область. Таким образом, в этом году раскулачиванию подверглись не менее 17 зажиточных хозяйств, владельцы одного из них — расстреляны.

Можно добавить, что репрессии коснулись и некоторых уроженцев Кореньщины, живших за ее пределами. Так, еще накануне массовой кампании по раскулачиванию, 10 мая 1929 г. был арестован уроженец деревни Козыри Даниил Васильевич Окулич, проживавший в деревне Осовино Плещеницкой волости. 18 июня 1929 г. он осужден за шпионаж в пользу Польши на 3 года лагерей. 30 марта 1930 г. арестован, а 28 мая осужден на 5 лет лагерей 22-летний уроженец деревни Антоновка Казимир Андреевич Сурвило, на момент ареста живший в деревне Токари Плещеницкой волости. 9 апреля 1930 г. арестован и по приговору от 18 апреля выслан в Сибирь еще один уроженец Кореньщины — Иосиф Андреевич Балцевич, 1898 г. рожд., житель соседней деревни Губа Кузевичского сельсовета. С ним отправлены в ссылку жена и 2 дочери¹⁰⁴².

Судьбу некоторых семей, ставших жертвами раскулачивания, можно проследить по воспоминаниям их потомков. Жена и дети расстрелянного Семена Окулича с хутора Остров были высланы в Котлас Архангельской области. Две его старшие дочери к тому времени уже состояли в браке, и их беда не затронула. Старшая, Алина Соколовская, жила с мужем недалеко от Зембина. Вторая, Мария, вышла замуж в самом конце 20-х гг. за жителя Козырей Иосифа Рашкевича. Предвидя, чем обернется дело, отец поспешил выдать ее замуж, чтобы вывести из-под удара. Он купил дочери и зятю землю на хуторе Ставок рядом с Козырями, чтобы они могли вести отдельное хозяйство. В ссылку вместе с матерью Ядвигой отправились 22-летняя Софья, 20-летний Иван (Ясь), 17-летняя Станислава, 14-летняя Владислава и младший Казимир, которому было лет 11—12. Их привезли в дикую тайгу, где предстояло строить поселок и начинать новую жизнь с нуля. Вскоре поступило разрешение возвращать из ссылки несовершеннолетних, если у них оставались родственники на родине. Старшая сестра Алина с мужем съездили в Котлас и привезли Владиславу и Казимира, что спасло им жизнь. Владислава осталась в семье сестры (в начале войны она переехала в Козыри к другой сестре, Марии), а Казимира определили в интернат. Во время войны он работал на немцев, был водителем в Логойске, за что арестован в 1944 г. Оставшаяся в ссылке семья выжила ценой жизни Яся, который надорвался на непосильной работе, но все же позволил матери и сестрам как-то обустроиться. Впоследствии мать также умерла, а сестры вышли замуж и остались жить в Вологодской области. Так было уничтожено одно из некогда самых успешных хозяйств Кореньщины, а большая семья разметана по свету.

Похожая участь постигла семью Антона Ивановича Шейпы из Козырей, около 1880 г. рожд. Его зажиточность основывалась на половине 28-десятинного надела, полученного дедом в 1864 г. и досрочно выкупленного отцом в 1880 г. По налоговой ведомости 1922 г., хозяйство Антона Шейпы имело на 6 едоков 12 дес. пашни и 2 дес. сенокоса. Но, по

¹⁰³⁷ БД «Реабилитированные». Оригинал — Архив КГБ. № 17523.

¹⁰³⁸ БД «Реабилитированные». Оригинал — в Информационном центре УВД Минской обл. № 781.

¹⁰³⁹ БД «Реабилитированные». Оригинал — Архив КГБ. № 32007.

¹⁰⁴⁰ БД «Реабилитированные». Оригинал — Архив КГБ. № 16568.

¹⁰⁴¹ ГАМО. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 116. Л. 5.

¹⁰⁴² БД «Реабилитированные».

воспоминаниям потомков, хозяйство было действительно крепким, в нем держали до 8 коней и около 12 коров. Старшая дочь Антона, Михалина, была замужем в той же деревне, а старший сын Иван каким-то образом оказался за границей, в принадлежавшей Польше Вилейке, где и женился. В ссылку в Котлас отправились сам Антон, его жена, сын Михаил и дочь Павлина, которым было не более 15 лет. На родину никто из них больше не вернулся. Родители умерли на Севере, а Михаил женился там и оттуда был призван в армию. После войны он осел в городе Орше, туда же перебралась и его сестра.

Односельчанина Шейпы Даниила Ивановича Лиса, владевшего в 1922 г. 20 дес. земли, выслали с женой и двумя детьми на спецпоселение в поселок Талец Верхне-Тоемского района Архангельской области. Как явствует из дела о его реабилитации, там он умер в 1944 г., а его жена Анна — двумя годами позже. В ссылке у них родились еще двое детей, освобожденных вместе со старшим сыном Иосифом в 1947 г. (дочь Мария освобождена в 1939 г. — возможно, в связи с выходом замуж).

Что касается семьи еврея Сроля (Израэля) Шульмана, имевшей в 1922 г. 10 дес. на шестерых, то ей удалось избежать высылки. Впоследствии семья жила в деревне Терехи до самой войны.

Несмотря на террор, сопровождавший кампанию по сплошной коллективизации, она не достигла поставленной цели. К 1 марта в колхозы удалось согнать в целом по республике около 58% хозяйств, а по Минскому округу этот показатель составил 44,9%¹⁰⁴³. По Логойскому району цифры были гораздо более скромными. В информации райисполкома, полученной в Минске 17 марта, утверждалось, что на 1 января по району коллективизировано 3% хозяйств, а к марту эту цифру удалось поднять лишь до 25%¹⁰⁴⁴.

Крестьяне, напуганные принудительным обобществлением домашнего скота, отреагировали массовым забоем животных, в результате чего к маю их поголовье по республике сократилось более чем на четверть¹⁰⁴⁵. Негативные последствия кампании оказались столь очевидны, что большевистское руководство вынуждено было дать задний ход. 2 марта 1930 г. опубликована статья Сталина «Головокружение от успехов», фактически дезавуировавшая прежние установки. Бюро ЦК КП(б)Б 17 апреля приняло резолюцию «О борьбе с перегибами в колхозном движении», в которой курс, проводившийся на протяжении предыдущих месяцев, признавался ошибочным¹⁰⁴⁶. Часть наспех созданных колхозов тут же прекратили свое существование, и уже к 1 апреля в колхозах по Минскому округу числилось 24,9% хозяйств, а к 10 мая — всего 13,9%¹⁰⁴⁷.

Коллективизацию с недоверием встретили даже те крестьяне, для которых она объективно являлась неплохим выходом из личных трудностей. Ярким примером может служить заявление уроженца Терехов Антона Ивановича Балцевича, полученное Логойским районным земельным отделом 28 июня 1930 г. В заявлении он указывает, что до 1928 г. пользовался участком в 3,25 дес. в родной деревне, который передал затем брату Петру, а сам взял в аренду участок переезжающего в Сибирь жителя деревни Эйнарловичи Антона Бычковского площадью 5 дес. и выкупил все его постройки. Переезд на новое место вынудил его влезть в долги. Тем временем его брат в 1929 г. выехал в колхоз, передав свою землю в земельный фонд. Теперь же в результате коллективизации в Эйнарловичах под колхоз отошел и тот участок, который арендовал А. Балцевич, так что он с семьей из 7 человек остался без средств к существованию, являясь к тому же инвалидом. Пенсии он не получал, так как *неграмотный и о ней не ходатайствовал*. Приемлемым для себя выходом заявитель видит выделение ему в Эйнарловичах индивидуального надела. При этом он отмечает: *Что касается колхоза, то семья моя последнего еще не осознала, к тому же со стороны населения имеются угрозы, так я и сам боюсь*¹⁰⁴⁸.

Немалыми издержками сопровождалось **землеустройство**, проводившееся с целью выделения колхозам компактных земельных массивов. В апреле 1930 г. 37 единоличных хозяйств деревни Корень подали коллективную жалобу о том, что им достались неудобные земли вдали от деревни, тогда как под колхоз отошли земли, непосредственно прилегающие к деревне, включая весь выгон, так что жители лишились возможности прогонять своих коров на пастбище, вывозить навоз на поля и вообще заезжать на выделенные им земли. В жалобе отмечалось, что в колхоз вошли всего 2 хозяйства из самой деревни и 4 одиночки, *так как семья их в колхоз не идет*, а также по 1 семье из Путилова, Гилевщины, Лозок и Терехов, 3 семьи из Укропович. Этому коллективному хозяйству была выделена земля 10 высланных кулацких семей площадью 140 га, *разбросанная по всему сельсовету*, а также 36 га бывшей земли кореньского ксендза, принадлежавшей *старому колхозу*, и 37

¹⁰⁴³ Проведение сплошной коллективизации сельского хозяйства Белорусской ССР (ноябрь 1929—1932 г.): Сб. документов и материалов. — Мн., 1973. С. 118.

¹⁰⁴⁴ ГАМО. Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 440. Л. 220.

¹⁰⁴⁵ Победа колхозного строя в Белорусской ССР. — Мн., 1981. С. 154.

¹⁰⁴⁶ Победа колхозного строя в Белорусской ССР. С. 201.

¹⁰⁴⁷ Проведение сплошной коллективизации сельского хозяйства Белорусской ССР (ноябрь 1929—1932 г.): Сб. документов и материалов. С. 119.

¹⁰⁴⁸ ГАМО. Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 440. Л. 76, 78.

га, отрезанных от деревенских наделов. У крестьян-единоличников на 176 едоков осталось 71 дес., тогда как у колхоза — 213 дес. Решение райисполкома по этой жалобе принималось на следующий день после вышеупомянутой резолюции бюро ЦК КП(б)Б — 18 апреля. Оно было отчасти благоприятным для крестьян — предписывалось выделить им прогон для скота, а также *помочь индивидуальным бедняцко-средняцким хозяйствам в распределении отведенного им ярового клина*¹⁰⁴⁹.

Примерно в это же время составлен список земель, оставшихся после раскулаченных хозяйств Кузевичского сельсовета. Президиум сельсовета 4 июня распределил их между вновь образованными колхозами. Колхозу «Большевик» отошли земли Антона Шейпы из Козырей (9,5 дес. пашни и 5 дес. сенокоса), Ивана Доминецкого с хутора Падары (9,85 дес. пашни), Петрули Лис и Язепы Балцевича с хутора Райск (соответственно 14,5 дес. пашни и 1,5 дес. сенокоса, 9,8 дес. пашни и 2 дес. сенокоса). Колхозу «1 Мая» достались земли Степана Дзягилевича с хутора Селище (7,7 дес. пашни и 8 дес. сенокоса), Михаила Кореневского с хутора Кореневка (10,6 дес. пашни и 4 дес. сенокоса), Владимира Бирского с хутора Идалино (5,35 дес. пашни и 2,8 дес. сенокоса), Антона и Петра Лисов с хутора Лисовичи (по 3,7 дес. пашни и 1 дес. сенокоса у каждого), Даниила Лиса из Козырей (10,7 дес. пашни и 3 дес. сенокоса), колхозу «Коммунист» — земли Франца Щербовича из Козырей (11,5 дес. пашни и 2 дес. сенокоса)¹⁰⁵⁰. В Кореньском сельсовете, как уже отмечалось, колхозу «Красная звезда» передавались земли 10 выселенных хозяйств (из них 6 — на исследуемой территории) и прочее их имущество, оцененное в 4530 руб.¹⁰⁵¹

Одновременно с коллективизацией была разработана программа **мелиорации болот**, для чего в деревнях создавались мелиорационные общества. Однако и это мероприятие люди встретили с явной тревогой. Гидротехник Сакович в докладной записке от 9 мая 1930 г. отмечал, что в ряде мелиорационных обществ, включая Черневское, Громничанское и Тереховское, имеются *колебания в том смысле, что если осушим болота, то колхоз заберет как лучшие земли*¹⁰⁵². Тем не менее 6 июня в Черневе на общем собрании мелиорационного общества 17 из 60 членов согласились участвовать в работах, за что получили дополнительные сенокосы. Однако 27 июня председатель общества Я. Окулич и член сельсовета А. Белостоцкий составили акт о том, что на мелиорационные работы ни один из согласившихся так и не явился¹⁰⁵³.

Между колхозом и Котласом

Выдержав паузу на время летних сельскохозяйственных работ, власти с осени 1930 г. вновь начали нажим на крестьян, побуждая их вступать в колхозы. Возобновились и репрессии. В тот год на Кореньщине родилась новая поговорка: *Ці ў калгас, ці ў Катлас*. В Ганях раскулачиванию подверглось хозяйство Сергея Иосифовича Тимофеева, о чем свидетельствует акт описи его имущества от 8 ноября 1930 г. Были описаны новый дом, оцененный в 1000 руб., старый скотный сарай (100 руб.), гумно (50 руб.), амбар (20 руб.), погреб (10 руб.), 150 пудов сена, столько же соломы, 15 коп ржи, 5 коп овса, 3 пуда обмолоченного ячменя, 4 пуда гречихи, 3 пуда ржи, 3 пуда гороха, 5 пудов ячменной крупы, 50 пудов картофеля, корова стоимостью в 150 руб., телка (15 руб.), 12-летняя лошадь (15 руб.), 2 свиньи (20 руб.), 2 овцы (20 руб.). Из мебели в опись вошли 3 шкафа (40 руб.) и 2 стола (5 руб.)¹⁰⁵⁴.

Число крестьян, вступивших в колхозы, снова начало медленно расти. По БССР в целом с мая по сентябрь в колхозах оставались чуть более 11% хозяйств, на 1 января 1931 г. эта цифра составила 14,6%, на 1 апреля — 21,2, на 1 июля — 39,9, на конец года — около 50%¹⁰⁵⁵. Однако следует учитывать, что при определении данных цифр местные органы власти прибегали к простому, но эффективному приему, позволявшему завышать показатели: процент коллективизации исчислялся в отношении не всех крестьянских хозяйств, а только бедняцко-средняцких. Критерии для установления их численности были довольно расплывчатыми. На территории Кореньщины реально существовали в этот период, по-видимому, всего 5 колхозов: «Красная звезда» (в деревне Корень), «Красная Антоновка» (в деревне Антоновка), «Красное Чернево» (в Новом Черневе), «Красный Бор» (в одноименном поселке) и «Красные Козыри» (в Козырях). Как видно, их создатели не сильно ломали голову, придумывая названия новым колхозам, и полагались в основном на революционную силу прилагательного «красный». Никого, по-видимому, не смущало, что название «Красные Козыри», например, вызывает ассоциации с карточными играми. Впрочем, случались и более занятные казусы. Жители деревни Подонки того же Логойского района, не мудрствуя лукаво, в

¹⁰⁴⁹ ГАМО. Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 440. Л. 232—233.

¹⁰⁵⁰ ГАМО. Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 440. Л. 89, 231.

¹⁰⁵¹ ГАМО. Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 440. Л. 486—487.

¹⁰⁵² ГАМО. Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 440. Л. 90.

¹⁰⁵³ ГАМО. Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 440. Л. 49.

¹⁰⁵⁴ ГАМО. Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 440. Л. 481.

¹⁰⁵⁵ Проведение сплошной коллективизации сельского хозяйства Белорусской ССР (ноябрь 1929—1932 г.): Сб. документов и материалов. С. 312.

духе общей моды назвали свой колхоз «Красные Подонки». Похоже, ни они, ни районное руководство совершенно не осознавали двусмысленности этого названия.

Из пяти населенных пунктов, оказавших наименьшее сопротивление коллективизации, три были основаны совсем недавно: поселок Красный Бор — всего за несколько лет до описываемых событий, а Антоновка и Новое Чернево — примерно за четверть века. В то же время из 10 более древних поселений только 2 поддались первому натиску, среди них и деревня Корень, в которой особенно высоким оказался процент пришлых (по налоговым спискам 1922 г., из 53 хозяйств этой деревни лишь 33 принадлежали потомкам коренных жителей, остальные — недавним переселенцам или бывшим арендаторам). Хотя деревню Козыри населяли выходцы из соседних поселений, она тоже была сравнительно молодой — ее история насчитывала к тому моменту чуть более 100 лет. Вероятно, старинные поселения имели более устойчивые культурные традиции, позволявшие их обитателям эффективно противостоять новым веяниям.

Из первых колхозов **статистические данные** удалось обнаружить только по «Красным Козырям». Среди фрагментарно сохранившихся карточек обложения налогом по Кузевичскому сельсовету на 1930/31 хозяйственный год¹⁰⁵⁶ имеются данные по этому колхозу. В него входили на тот момент 23 семьи, имевших 167,2 дес. земли (117,2 дес. посева, 50 дес. лугов), 16 коней, 4 жеребят, 10 коров, 2 бычков и 9 телок. Структура посевов включала 43,6 дес. озимой ржи, 52,8 дес. яровых культур, 4 дес. сеяных трав, 12,7 дес. картофеля, 0,7 дес. корнеплодов, 0,2 дес. овощей, 2,1 дес. льна и 0,8 дес. конопли. Там же имеются данные и по 9 хозяйствам этой деревни, не вошедшим в колхоз. В них насчитывалось 47 едоков, включая 14 работоспособных мужчин. В распоряжении единоличников оставалось 56,8 дес. земли, включая 40,5 дес. пашни, 0,6 дес. садов и огородов, 15,7 дес. лугов, а также 11 коней, 17 коров и 2 телки, 41 голова мелкого скота, всего 1 свинья и 1 поросенок (явное следствие недавней паники, вызванной коллективизацией). В структуре посевов озимая рожь занимала 15,85 дес., яровые — 12,65, картофель — 3,9, лен и конопля — 1, сенокосы — 1,3 дес.

По колхозу «Красный Бор» карточка налогообложения не сохранилась, но в том же деле имеются такие карточки на 11 единоличных хозяйств этого поселка. Кроме того, обнаружено 9 разрозненных карточек на хозяйства деревни Прудки, по 2 — на хозяйства хуторов Осетище и Табун, по 1 — на хутора Падары и Лисовичи. Из этого можно заключить, что жителям указанных хуторов удалось избежать выселения. Однако к тому времени они лишились большей части своих земельных владений. В частности, по хутору Осетище в 1922 г. 3 хозяйства в составе 19 человек владели в сумме 41 дес. пашни и сенокосов. Теперь же на 2 упомянутых хозяйства, имевших 11 едоков, приходилось всего 13 дес. (судьбу третьего хозяйства проследить не удалось). У владельца хутора Табун Михаила Лиса в 1922 г. на семью из 9 человек еще было 27 дес., а в 1930 г. хозяйства его вдовы и сына в сумме насчитывали 10 едоков и всего 10,65 дес. земли.

К уцелевшим хозяйствам, отнесенным к категории кулацких, применялась тактика **экономического удушения**. Они облагались налогом в таком объеме, что выплатить его можно было только за счет полного разорения хозяйства. Такой участи подвергся Иван Андреевич Равина, живший на хуторе Равы. До обрезки он имел 60 дес. земли, 10 голов крупного рогатого скота, 2 коней, использовал наемный труд батраков. После обрезки у него на семью, состоящую из жены и 5 детей, осталось 15 дес. земли, 5 голов крупного рогатого скота, 1 конь и 15 голов мелкого скота. 3 марта 1931 г. Равина был обложен в индивидуальном порядке, причем в качестве обоснования такой меры указывалось, что он поддерживает связь с кулаками соседней Польши. Районная налоговая комиссия оценила прибыльность его хозяйства в размере 2790 руб., а причитающийся налог — суммой в 1175 руб. (годом ранее она составляла всего 28 руб. 15 коп., а средняя цифра налога по 22 единоличным хозяйствам Кузевичского сельсовета, судя по карточкам налогообложения за 1930 г., равнялась 14 руб. 76 коп.). Астрономическую сумму нового налога требовалось внести в течение недели с момента обложения — к 10 марта 1931 г. На основании этого же решения об индивидуальном обложении 7 марта Иван Равина вдобавок был лишен избирательных прав¹⁰⁵⁷. Правда, ему удалось избежать выселения, и впоследствии его семья жила в деревне Лищицы.

Других данных о налогообложении в 1931 г. практически не сохранилось, за исключением карточек на 5 единоличных хозяйств деревни Громница¹⁰⁵⁸. В сумме на 28 едоков в них приходилось 52,6 дес. земли (1,9 дес. на душу), включая 32,5 дес. пашни, 0,9 дес. садов и огородов, 19,25 дес. лугов. При этом отмечалось некоторое сокращение посевов по сравнению с прошлым годом — 26 дес. против 23,15 дес. в 1930 г. Количество скота составило 7 коней, 11 коров, 18 овец, 14 коз (данные по свиньям не приводились). Средняя сумма налога на 1 хозяйство составила 24 руб. 87 коп.

¹⁰⁵⁶ ГАМО. Ф. 314. Оп. 1. Ед. хр. 17.

¹⁰⁵⁷ ГАМО. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 116. Л. 47—49.

¹⁰⁵⁸ ГАМО. Ф. 314. Оп. 1. Ед. хр. 16.

В целом во второй половине 1930 и в течение всего 1931 г., судя по имеющимся данным, на Кореньщине имели место лишь единичные случаи высылки и арестов. В списках репрессированных, подготовленных Гайненским сельсоветом в конце 1990-х гг., указывается, что в 1931 г. был арестован житель хутора Табун Иосиф Николаевич Лис (в базе данных «Реабилитированные» запись об этом не обнаружена). Кроме того, в Минске 28 июня 1931 г. арестован уроженец Ганей Михаил Иосифович Дзягилевич, 1879 г. рожд., работавший истопником в бане на станции Минск-Пассажирский¹⁰⁵⁹. В документах Логойского районного суда удалось обнаружить всего 3 случая, когда жители микрорегиона привлекались к суду по уголовным делам¹⁰⁶⁰.

Много подробностей о жизни в эти годы содержат **подшивки районной газеты «Чырвоная Лагойшчына»**. Первый из сохранившихся номеров открывается передовой статьей «Развернуть подготовку к 3-й большевистской весне», в которой приводятся цифры коллективизации по району на конец 1931 г. — 52,6% бедняцко-средняцких хозяйств и 62,5% посевных площадей¹⁰⁶¹. Один из следующих номеров сообщает об открытии в Логойске первой в районе машинно-тракторной станции (МТС), 30 тракторам которой предстояло обрабатывать поля 58 из 99 существовавших на тот момент колхозов, включая и территорию Кузевичского сельсовета. Безусловно, это было действительно эпохальным событием в жизни крестьян, хотя колхозам, оставшимся вне зоны обслуживания МТС (в том числе во всем Кореньском сельсовете), приходилось по-прежнему полагаться исключительно на использование лошадей. Тот же номер содержит текст постановления бюро Логойского районного комитета КП(б)Б от 15 января 1932 г., в котором устанавливаются пропорции различных сельскохозяйственных культур в предстоящем яровом посеве как колхозов и совхозов, так и индивидуальных хозяйств. Всего яровой клин по району составлял 30970 га, из них 2584 га приходилось на земли совхозов, 17872 га — колхозов, 10514 га — единоличный сектор¹⁰⁶². Характерно, что нормы высева определяли не сами крестьяне и даже не органы советской власти, а райком партии, причем его решения имели обязательную силу не только для колхозников, но и для единоличников.

Столь же обязательным для всех было предписание сдавать государству кожи забитых коров и свиней. Попытка игнорировать его со стороны члена Кореньского сельсовета жителя деревни Терехи Алеся Равины не прошла незамеченной бдительным односельчанином. Под рубрикой «Срывщики заготовок свиных кож» газета опубликовала анонимную заметку о том, что вместо проведения разъяснительной работы член сельсовета сам осмолит зарезанную свинью, сделав ее кожу непригодной для сдачи государству. Там же приводятся фамилии еще трех крестьян, последовавших его примеру. «Сигнал с места» завершается призывом привлечь виновных к ответственности. В том же номере еще один селькор, подписавшийся лишь инициалом С., отмечает порочное явление, процветающее на ферме колхоза «Красная Антоновка» — *имеется тенденция кормить лучше свою бывшую корову*. Он же пишет о разбазаривании колхозных кормов и бездеятельности председателя колхоза¹⁰⁶³.

Похожий мотив звучит в заметке «Позорные темпы сева», посвященной состоянию дел в колхозе «Красная звезда», на 30 мая засеявшем лишь 37 га из запланированных 135. Правление колхоза оправдывало это дождливой погодой. Между тем, по мнению анонимного корреспондента, *в хорошую погоду и в самые горячие дни колхозники засеивали свои собственные огороды, площадь которых составляет 40 га*. Полевода колхоза Жизневского автор упрекает в том, что он не организовал соревнование, утверждая, что в его бригаде *все ударники*¹⁰⁶⁴.

В 1932 г. стал очевиден **кризис коллективизации**. Несмотря на усиление нажима на крестьян, процесс вступления в колхозы не только замедлился, но и пошел вспять. К 20 июня официальный процент коллективизации по БССР снизился с 50 до 43,7%¹⁰⁶⁵. Цифры по Логойскому району в тот момент лишь слегка превышали общереспубликанские. В районе на 1 января 1932 г. числились коллективизированными 52,8% бедняцко-средняцких хозяйств, а на 20 июня 1932 г. — 45,3%¹⁰⁶⁶. Достоверность этих цифр можно приблизительно оценить, сопоставив их с недатированным списком населенных пунктов Логойского района, сохранившимся в деле райисполкома среди разных материалов за 1932—1933 гг. Судя по составу колхозов, этот список составлен в первой половине 1932 г. По Кореньскому сельсовету в нем указаны 619 дворов (3150

¹⁰⁵⁹ БД «Реабилитированные». Оригинал — Архив КГБ. № 28471.

¹⁰⁶⁰ ГАМО. Ф. 422. Оп. 1. Ед. хр. 526, 558, 626.

¹⁰⁶¹ Чырвоная Лагойшчына (Орган РК КП(б)Б, РВК і Райпрафсавету). № 2(51). 10 января 1932.

¹⁰⁶² Чырвоная Лагойшчына. № 8 (58). 15 февраля 1932.

¹⁰⁶³ Чырвоная Лагойшчына. № 13. 10 марта 1932.

¹⁰⁶⁴ Чырвоная Лагойшчына. № 35. 9 июня 1932.

¹⁰⁶⁵ Проведение сплошной коллективизации сельского хозяйства Белорусской ССР (ноябрь 1929—1932 г.): Сб. документов и материалов. С. 391.

¹⁰⁶⁶ Проведение сплошной коллективизации сельского хозяйства Белорусской ССР (ноябрь 1929—1932 г.): Сб. документов и материалов. С. 328.

человек), из которых 160 дворов (25,8%) входили в состав 7 колхозов, а остальные 459 оставались единоличными хозяйствами. В Кузевичском сельсовете насчитывалось 664 двора (3066 человек), в том числе в 10 колхозах — 258 дворов (38,9%), а единоличных — 406¹⁰⁶⁷. В таблице 63 приводится выборка из упомянутого списка, относящаяся к территории Кореньщины.

Т а б л и ц а 63. Показатели коллективизации Кореньщины в первой половине 1932 г.

Название населенных пунктов и колхозов	Число дворов	Число жителей	Название населенных пунктов и колхозов	Число дворов	Число жителей
<i>Антоновка</i>	2	12	к/х «Красная звезда»	46	211
к/х «Красная Антоновка»	11	51	пос. Красный Бор	25	130
з. Барсуки	8	44	к/х «Красный Бор»	10	48
хут. Болтовка	2	10	Лищицы	38	201
хут. Бор	2	10	Михалковичи	71	346
Гани	10	32	хут. Моисеев Лог	3	15
Громница	45	274	з. Нарбутово	8	58
хут. Гряда	5	33	хут. Низкое	1	4
Жирблевичи	40	208	к/х «Красное Чернево»	21	125
Идалино	13	61	Прудки	67	342
Козыри (с пос. Губа)	36	128	хут. Солдатское	3	19
к/х «Красные Козыри»	33	175	Старое Чернево	35	164
Корень	49	224	Терехи	59	327
			Всего	643	3252
			В том числе в колхозах	121	610

П р и м е ч а н и е. Цифровые данные, выделенные курсивом, относятся к единоличникам.

Кроме того, не исключено, что на территории Кореньщины целиком или частично находились два колхоза Кузевичского сельсовета, точное местонахождение которых установить не удалось: «Коммунист» (ему в 1930 г. переданы земли раскулаченного Франца Щербовича из Козырей) в составе 18 дворов, 84 жителя, и «Большевик» (которому передавались земли раскулаченных жителей Райска и Падаров, а также Антона Шейпы из Козырей). Этот колхоз, согласно списку населенных пунктов, состоял из двух отделений. В первом из них было 17 дворов и 75 человек, во втором — 21 двор и 114 человек.

Летом 1932 г. выход из колхозов усилился, некоторые из них совсем распались. Согласно планам хлебозаготовок на 1932 г. (составленный в конце лета или осенью), по Кореньскому сельсовету числилось 580 крестьянских хозяйств, из которых всего 111 (19,1%) были в составе 6 колхозов, а 469 — единоличными. По Кузевичскому сельсовету числилось 663 хозяйства, из них 171 (25,8%) — в составе 8 колхозов, а 492 — единоличных¹⁰⁶⁸. На исследуемой территории в колхозах Кореньского сельсовета «Красная звезда» и «Красное Чернево» состояло на тот момент соответственно 34 и 9 хозяйств, в Кузевичском сельсовете — всего 9 хозяйств в «Красных Козырях» и 4 — в «Красном Бору». Колхозов «Красная Антоновка» и «Большевик» в этом списке уже нет, что свидетельствует об их распаде.

Массовый выход из колхоза в Козырях произошел, вероятно, в начале июня 1932 г. Косвенное упоминание об этом обнаружено в заметке районной газеты, сообщавшей, что два других колхоза Кузевичского сельсовета вынуждены были экстренно выслать по 4 конные упряжки с людьми в колхоз «Красные Козыри», который *потерпел убытки от кулацкой агитации*¹⁰⁶⁹. С этими же событиями связан и материал о судебном процессе над бывшим членом этого колхоза Язепом Фалеем. В августе 1932 г. он осужден на полтора года за то, что при выходе из колхоза украл с поля полторы копы колхозного жита (очевидно, в качестве платы за отработанное в коллективном хозяйстве время) и советовал другим покидающим колхоз поступать так же¹⁰⁷⁰.

Другие сохранившиеся колхозы также раздирались политическими страстями. Очень характерна для общего стиля разоблачительных материалов районной газеты заметка «Разогнать кулацкую стаю в колхозе “Красный Бор”», подписанная инициалом С. В этом колхозе к началу лета 1932 г. находилось 5 хозяйств, с которыми *зажиточно-кулацкая часть сжилась*. Да и сами члены колхоза, по мнению автора, под видом активных колхозников вели *разлагательскую работу*. Председателем

¹⁰⁶⁷ ГАМО. Ф. 25. Оп. 1 Ед. хр. 480. Л. 70, 71 об.

¹⁰⁶⁸ ГАМО. Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 497. Л. 59 об., 60 об.

¹⁰⁶⁹ Чырвоная Лагойшчына. № 34. 6 июня 1932.

¹⁰⁷⁰ Чырвоная Лагойшчына. № 57. 31 августа 1932.

колхоза был бывший белогвардейский офицер, учитель Красноборской школы Александр Занемонец, *которому красные партизаны отбили ногу*. (Это сообщение, возможно, соответствует действительности — выше упоминалось, что в 1930 г. он лишен избирательных прав как бывший офицер, хотя там местом его службы названа армия Юденича, а в газетной заметке — армия Деникина.) Автор упрекает председателя в том, что он лично помогал собрать имущество колхознику К. Колоше, подавшему заявление о выходе из колхоза, и даже дал ему коня, чтобы перевезти пожитки. Другой член колхоза, Макар Сергеев, ранее владевший мельницей, в 1931 г. облагался налогом в индивидуальном порядке, *а теперь благодаря круговой поруке — «активный колхозник»*. Досталось и прежнему председателю этого же колхоза Щербовичу, который до вступления в колхоз имел 11 га земли, да и в колхоз пошел лишь затем, чтобы уклониться от индивидуального обложения. Весной 1932 г. он, видя царящую в колхозе бесхозяйственность, покинул его и бежал. Еще два колхозника, Язеп Равина и Алеша Демидчик, *работают «и нашим и вашим», исполняют кулацкие предложения, делят намолоченное зерно, пьянствуют и растаскивают колхозное имущество*¹⁰⁷¹.

Аналогичный материал за подписью *Дышлевич* появился в газете через месяц. На этот раз *кулацкую стаю* предлагалось разогнать в колхозе «Красная звезда». В него, как писалось в заметке, пролез бывший эксплуататор Ковзан, ранее владевший мельницей и кузницей и нанимавший по 2—3 работника. В колхоз он вступил, чтобы избежать индивидуального налога, а теперь срывает трудовую дисциплину. С той же целью проник в колхоз Язеп Плоский, в прошлом имевший 28 га земли, 6 коров, 2 коня и лишенный избирательных прав. Еще двух колхозников, Антона Цикоту и Пранука (Франца) Саврицкого, автор называет *подкулачниками*. Именно влиянием этих лиц он объясняет то, что 18 июля часть колхозников разобрали свое имущество, но *благодаря проводимой работе колхоз сохранен*¹⁰⁷². Можно только догадываться, что за работа была проведена. Очень показателен в этой публикации один мелкий штрих. В качестве примера того, как Ковзан срывает дисциплину в колхозе, приводится его высказывание: *моя полячка больше вырабатывает, чем ты*. Непонятно, каким образом приведение в пример *полячки* (очевидно, жены Ковзана) может подрывать дисциплину, но автора заметки это не смущает. Тут явно проглядывает личная антипатия. Политический климат в стране позволял использовать невиданные ранее способы отплатить обидчику безо всякого риска для себя.

В другом материале сообщается, что 12 сентября выездная сессия Логойского народного суда осудила в Корене колхозников «Красного Чернева» Альфонса Вербицкого и его свояка Орловича, не названного даже по имени. Первый из них был колхозным кузнецом и припрятывал лемеха от плугов, впоследствии за плату выковывая из них разные вещи для односельчан. Он же советовал всем выходить из колхоза, заявляя: *все равно вам не жить, поляки придут и всех перебьют*. Уволенный из кузницы, он не допускал в нее нового кузнеца, а потом разбил три окна в доме колхозного активиста К. Сивицкого. Вина Орловича сводилась к тому, что в этот момент он держал Сивицкого за руки — очевидно, удерживая его от драки. За это он был осужден на 2 года. Вербицкий же получил 10 лет¹⁰⁷³.

С приходом осени все чаще упоминается болезненная тема **государственных заготовок** сельхозпродукции и выплаты налогов. Как пример для подражания приводится решение единоличников деревни Терехи, обязавшихся выплатить *самообложение* в стопроцентном размере. Подчеркивается заслуга демобилизованного красноармейца Янки Шейпы, который *первым дал отпор классово-враждебным выступлениям и мобилизовал трудящиеся массы*¹⁰⁷⁴. А в следующем номере под стереотипным заголовком «Дать отпор классовому врагу» сообщается о случае в деревне Лищицы, где при проведении хлебозаготовок *кулацко-вражеский элемент* Амилия Лойковская вслух говорила о том, что *скоро придут поляки и тогда рассчитаются с теми, кто накладывает заготовки*. Для доказательства враждебной сущности этой крестьянки используются привычные аргументы: в прошлом она имела около 30 га земли, 15 коров, 5 коней и использовала наемную рабочую силу¹⁰⁷⁵.

В октябре в качестве приложения к газете начал выходить оперативный бюллетень, посвященный вопросам заготовок. В первом же номере сообщалось, что в деревне Лищицы кулаки Язеп Лойковский (вероятно, брат осужденного ранее Данилы) и Марья Урбанович увезли и спрятали зерно, а потом на собрании кричали, что у них ничего нет и они голодают. Очередной номер газеты содержит заметку о том, что в деревне Корень представители зажиточной части крестьян Янка Щербович и Язеп Рендаревич сорвали собрание по заготовке мяса¹⁰⁷⁶. Достаточно многозначителен и тот факт, что чуть ранее газета как о выдающемся событии сообщает о выполнении и даже частичном перевыполнении плана по сдаче зерна двумя крестьянами

¹⁰⁷¹ Чырвоная Лагойшчына. № 38. 23 июня 1932.

¹⁰⁷² Чырвоная Лагойшчына. № 48. 31 июля 1932.

¹⁰⁷³ Чырвоная Лагойшчына. № 63. 21 сентября 1932.

¹⁰⁷⁴ Чырвоная Лагойшчына. № 63. 21 сентября 1932.

¹⁰⁷⁵ Чырвоная Лагойшчына. № 64. 24 сентября 1932.

¹⁰⁷⁶ Чырвоная Лагойшчына. № 72. 22 октября 1932.

деревни Терехи, Михаилом Шуляком и Кастусем Якубовским¹⁰⁷⁷. В декабре газета критикует Кореньский сельсовет, в котором хлебозаготовки идут *черепашьими темпами* — заготовлено 66,8% от плановой цифры, тогда как в целом по району этот показатель составил 70%. Как видим, даже столь небольшое отставание от общих темпов не проходило незамеченным. По мнению автора заметки, *объясняется оно отсутствием борьбы за хлеб* со стороны членов сельсовета, которые сами не выполнили план поставок зерна государству¹⁰⁷⁸.

Под тоталитарным прессом

Первая схватка традиционной деревни с формирующейся тоталитарной системой не привела к явной победе одной из сторон. Деревня понесла немалые потери — как в людях (причем наиболее предприимчивых и авторитетных), так и в поголовье домашнего скота. Но ее сопротивление заставило режим временно ослабить напор. Передышка была короткой. Партийное руководство просто изыскивало обходные пути к своей цели. В 1932 г. резко возрастает количество уголовных дел — их было 13¹⁰⁷⁹, причем во многих случаях за уголовными формулировками скрывались коллизии, порожденные коллективизацией, — неуплата повышенных налогов, насилие в адрес активистов и т. п. Вновь появляются и политические дела. Так, 20 февраля арестован, а 4 сентября осужден на 5 лет за антисоветскую агитацию житель Антоновки Станислав Викентьевич Лубинский, родившийся в 1877 г. в деревне Сурвины Виленской губернии. Впоследствии, уже в 1937 г., он осужден повторно и расстрелян, что случилось тогда со многими политзаключенными. Реабилитирован 26 июня 1989 г.¹⁰⁸⁰

19 апреля 1932 г. в деревне Лищицы арестованы Иосиф Иванович Лойковский (1871 г. рожд.) и его племянник Данила Яковлевич (1892 г. рожд.). Иосиф — сын того Ивана Лойковского, который в 1891 г. жестоко судился за землю с племянником, и младший брат Семена Лойковского, дважды замешанного в финансовых махинациях на рубеже веков. Данила был сыном еще одного брата — Якуба Ивановича. Ранее он уже лишился избирательных прав как бывший полицейский. Столь яркая семья просто не имела шансов безболезненно пройти через этот период ломки социальных структур. Иосифа Лойковского 3 июня приговорили к высылке на 3 года за антиколхозную агитацию. Реабилитирован 27 июля 1989 г.¹⁰⁸¹ Данила за антисоветскую агитацию 11 июня был осужден на 3 года исправительно-трудовых лагерей. Реабилитирован 21 июля 1989 г.¹⁰⁸² По данным Гайненского сельсовета, в 1932 г. арестован также Иосиф Николаевич Окулич из Старого Чернева.

С осени 1932 г. началась новая серия массовых арестов. Ее первой жертвой стал 15 октября 1932 г. житель Антоновки Франц Михайлович Касперович, родившийся в 1893 г. в деревне Старлыш Виленской губернии. За антисоветскую агитацию его приговорили к 5 годам лагерей. Реабилитирован 27.05.1989 г.¹⁰⁸³ Затем 25 декабря 1932 г. арестован житель Ганей Клим Вавилович Игнашов, 1901 г. рожд., а 8 января 1933 г. — житель той же деревни Наум Назарович Кондрашонок, родившийся в 1872 г. в деревне Сербино Хотенчицкой волости Вилейского уезда. По стандартному обвинению в антисоветской агитации первый из них 3 февраля 1933 г. осужден тройкой на 5 лет лагерей, а второй приговорен к высылке на 3 года вместе с женой и 4 детьми. После окончания срока высылки он жил в Орше, где в 1937 г. повторно арестован и расстрелян как польский шпион. Реабилитирован по первому делу 6 мая, по второму — 29 сентября 1989 г.¹⁰⁸⁴

13 января 1933 г. арестованы Иосиф Станиславович Рудковский, единоличник из Кореня, 1902 г. рожд., и Антон Францевич Соколовский с хутора Затишье, 1891 г. рожд., член колхоза «Красная звезда». Их тоже обвинили в антисоветской агитации, а Соколовского, кроме того, в том, что помогал кулакам разбазаривать колхозное имущество и восхвалял жизнь в Польше. Семью его (жену и троих детей от 9 до 2 лет) 3 февраля приговорили к высылке на 3 года, а самого — к 5 годам исправительно-трудовых лагерей. Реабилитирован 6 июня 1989 г.¹⁰⁸⁵ И. Рудковский был осужден в один день с ним на 3 года лагерей, наказание отбывал на строительстве Беломорско-Балтийского канала. Его семью выслали на 3 года в северные районы СССР. Реабилитирован 20 января 1967 г.¹⁰⁸⁶

¹⁰⁷⁷ Чырвоная Лагойшчына. № 67. 5 октября 1932.

¹⁰⁷⁸ Чырвоная Лагойшчына. № 86. 15 декабря 1932.

¹⁰⁷⁹ ГАМО. Ф. 422. Оп. 1. Ед. хр. 730, 840, 863, 879, 890, 911, 935, 941, 953, 954, 1044, 1052, 1064.

¹⁰⁸⁰ БД «Реабилитированные». Оригинал — Архив КГБ. № 23807-с; 23808.

¹⁰⁸¹ БД «Реабилитированные». Оригинал — Архив КГБ. № 27337.

¹⁰⁸² БД «Реабилитированные». Оригинал — Архив КГБ. № 26244.

¹⁰⁸³ БД «Реабилитированные». Оригинал — Архив КГБ. № 26922.

¹⁰⁸⁴ БД «Реабилитированные». Оригинал — Архив КГБ. № 22677.

¹⁰⁸⁵ БД «Реабилитированные». Оригинал — Архив КГБ. № 23373.

¹⁰⁸⁶ БД «Реабилитированные». Оригинал — Архив КГБ. № 19659.

Затем 14 января был арестован единоличник из деревни Терехи Фадей Степанович Шульгович, 1880 г. рожд., а 16 января — житель Громницы Николай Павлович Мирончик, 1891 г. рожд. Оба проходили по одному делу и обвинялись в агитации против колхозов и сдачи хлебазаготовок. Решение *тройки* состоялось 3 февраля. Н. Мирончика приговорили к 3 годам лагерей, а его семью — к высылке на 3 года. Ф. Шульгович был выслан вместе с семьей. Оба реабилитированы 27 июня 1989 г.¹⁰⁸⁷

Вскоре та же участь постигла бывшего учителя Кореньской и Красноборской школ Казимира Адамовича Гладкого, 1893 г. рожд. Правда, в воспоминаниях его брата Язепы указывается, что Казимира арестовали в 1929/30 учебном году. Однако, судя по всему, тогда во время кампании по борьбе с *белорусским буржуазным национализмом* его только уволили из школы, после чего он жил в деревне Швабовка того же Логойского района. Согласно записи в базе данных, именно там и арестовали Казимира Гладкого 4 февраля 1933 г. По одному делу с ним проходили уроженец соседней со Швабовкой деревни Логи Лука Григорьевич Гринь, на момент ареста 14 января 1933 г. живший в Козырях, и житель Лищиц Иосиф Яковлевич Лойковский (1896 г. рожд., брат бывшего полицейского Данилы Лойковского), арестованный 24 февраля. Обвиненные в членстве в контрреволюционной повстанческой организации, все они были расстреляны в Минске 6 апреля 1933 г. Л. Гринь семьи не имел, а семьи остальных — жену и трех детей К. Гладкого в возрасте от 8 до 5 лет, жену и трех детей И. Лойковского от 11 лет до 4 месяцев — постигла конфискация имущества и высылка на 3 года. Реабилитированы они Верховным Судом БССР 21 января 1957 г.¹⁰⁸⁸

В марте настал конец и *кулацкой стае* из колхоза «Красный Бор». По воспоминаниям сегодняшних жителей поселка Красный Бор, в начале 1930-х гг. в нем действительно сложилась нездоровая обстановка: образовались две враждующие на личной почве группы, которые начали писать друг на друга доносы. История получила трагический финал — и те и другие были в конце концов арестованы. Подтверждения этому имеются в базе данных «Реабилитированные», где есть сведения об аресте в марте 1933 г., в течение 15 дней, сразу 17 человек, почти все — из Красного Бора.

Первыми эта участь постигла 4 марта Макара Сергеева, 1899 г. рожд., уроженца деревни Укроповичи, Иосифа Равину, 1901 г. рожд., уроженца Михалкович, Николая Ивановича Лашкевича, 1885 г. рожд., уроженца Жирблевич (все трое жили в Красном Бору) и Антона Карловича Новицкого, 1902 г. рожд., из деревни Прудки. Им предъявили грозное обвинение — членство в диверсионной организации, причем Сергеев якобы являлся членом руководящей тройки, а Равина — командиром десятка. Сергееву также инкриминировалось участие в банде в годы гражданской войны и владение водяной мельницей. На следующий день как члены той же организации были арестованы жители Красного Бора Алексей Демидчик, родившийся в 1910 г. на хуторе Антополье Логойской волости, и Иван Шейпа, родившийся в 1888 г. в Лищицах. Еще через день, 7 марта, арестовали Бронислава Яковлевича Окулича (в деле — Акулич), 1895 г. рожд. 9 марта настал черед уроженца Лищиц Николая Картуля, 1879 г. рожд., также объявленного командиром десятка. Арестованный 11 марта Александр Занемонец, родившийся в 1893 г. в деревне Стайки Гайно-Слободской волости, фигурировал в качестве организатора и руководителя этой диверсионно-повстанческой организации. В деле он вновь назван бывшим офицером, но на сей раз — армии Колчака. Через два дня в Гомеле арестован сын Николая Картуля Иосиф, 1910 г. рожд., служивший там в 31-м кавалерийском полку.

Можно представить, с какой жадностью сотрудники карательных органов ухватились за это дело. Видимо, из арестованных выбивали показания и этим втягивали в водоворот все новых и новых людей. С паузой в неделю аресты возобновились. В Красном Бору 18 марта арестовали Михаила Николаевича Кункевича, родившегося там же в 1904 г., а на следующий день были разом взяты еще пятеро: братья Иосиф и Иван Францевичи Щербовичи, 1902 и 1906 г. рожд., Иван Антонович Шейпа, 1893 г. рожд., Антон Фомич Урбанович, 1891 г. рожд. и житель соседних Жирблевич Антон Францевич Вашкевич, 1899 г. рожд. После новой паузы 10 апреля арестован Антон Станиславович Урбанович, 1892 г. рожд. По воспоминаниям, арестовали также его брата Михаила, но вскоре отпустили. Видимо, где-то в недрах карательного аппарата было решено, что пора остановиться.

Следствие оказалось недолгим. Решение по этому делу тройка вынесла уже 29 апреля 1933 г.: А. Занемонец, И. Равина и М. Сергеев приговорены к расстрелу, Н. Лашкевич и Н. Картуль осуждены на 10 лет (в июне того же года их освободили по инвалидности — возможно, она была прямым следствием допросов или таким образом им зачлась дача показаний), А. Демидчик — на 8 лет (отбывал наказание в Волголаге, освобожден в сентябре 1940 г.), Б. Окулич, И. Картуль, М. Кункевич, А. Вашкевич — на 3 года. Иосиф Щербович первоначально также получил 3 года лагерей, но в 1938 г. повторно осужден и

¹⁰⁸⁷ БД «Реабилитированные». Оригинал — Архив КГБ. № 25993.

¹⁰⁸⁸ БД «Реабилитированные». Оригинал — Архив КГБ. № 29940.

приговорен к расстрелу. Остальные шестеро арестованных получили более мягкий приговор — 3 года ссылки в Казахстан. Все проходившие по делу реабилитированы военным трибуналом Белорусского военного округа 12 мая 1960 г.¹⁰⁸⁹ Домой после отбытия наказания вернулись только А. Демидчик и М. Кункевич. Отпущенные вскоре после осуждения Н. Лашкевич и Н. Картуль остались где-то в Сибири. Остальные канули безвестно.

Осенью 1933 г. начал раскручиваться маховик дела о так называемой *Польской организации войсковой (ПОВ)* — подпольной организации, якобы разоблаченной бдительными сотрудниками ОГПУ. На деле такой организации никогда не существовало, а весь процесс по ее разоблачению сфальсифицирован теми же методами, что и контрреволюционная организация в Красном Бору. Это не помешало привлечь к ответственности 45 жителей Логойского и Плещеницкого районов. Приговоры им были вынесены тройкой 19 декабря 1933 г., а реабилитированы они трибуналом Белорусского военного округа 12 октября 1960 г.¹⁰⁹⁰ Из жителей Кореньщины по этому делу проходили 5 человек, все — из деревни Прудки. Первым 30 сентября арестовали Антона Адамовича Вашкевича, 1893 г. рожд., приговорив к 8 годам лагерей. Там он и умер 12 июня 1943 г. Арестованный 30 ноября Николай Андреевич Носевич, 1885 г. рожд., получил 5 лет, которые отбывал в Севжелдорлаге. Освобожден 21 февраля 1939 г. Антон Константинович Лойковский, 1892 г. рожд., арестован 2 декабря и получил тоже 5 лет. Умер в лагере системы Ухитнеглага 15 октября 1937 г. Арестованные в один день (6 декабря) Викентий Николаевич Кишкурно, 1877 г. рожд., уроженец деревни Уболотье Плещеницкой волости, и его сын Иван, родившийся в 1900 г. в Прудках, получили соответственно 3 и 10 лет лагерей. Кроме них по делу проходил и уроженец Прудков Франц Иванович Шульгович, 1875 г. рожд., на момент ареста 28 октября 1933 г. живший в деревне Горавец Бегомльского района. Он был приговорен к 5 годам, а впоследствии повторно осужден и расстрелян в Новосибирской области 21 ноября 1938 г.

На этом фоне сравнительно безобидным эпизодом выглядит арест Павлины Александровны Шульгович из деревни Лищицы, 1893 г. рожд. Она была арестована 27 марта 1933 г., а 9 мая за антисоветскую агитацию приговорена к поражению в правах на 3 года. Можно полагать, что женщина сказала вслух что-то, чего говорить не следовало. Реабилитирована 18 июня 1989 г.¹⁰⁹¹

Всего, таким образом, по политическим мотивам в течение 1932—1933 гг. осуждены около 40 жителей Кореньщины, трое из них расстреляны. Но к этой цифре нужно добавить еще не менее десятка тех, кто попал под суд за обычную нерасторопность, расцененную как сознательное вредительство. Попасть под такое обвинение было очень легко. В январе 1933 г. президиум Кореньского сельсовета заслушал доклад члена сельсовета Равины о ходе заготовки и вывозки леса в деревне Терехи. Поскольку дела шли хуже, чем ожидалось, последовало решение: *за явный саботаж* отдать под суд Томаша Степанова Балцевича и члена сельсовета по этой деревне Адама Балцевича. На следующий день аналогичное решение принято при рассмотрении хода заготовки в деревне Громница: вывести из состава сельсовета П. Окулича *за явно кулацкий саботаж* и передать дело в прокуратуру¹⁰⁹². В марте районная газета не преминула сообщить о передаче в суд дела на единоличников Янку Ясюкевича из Громницы и Янку Урбановича из Жирблевич, которые сдали на заготовительный пункт *снятое* молоко, т.е. предварительно сняв с него сливки¹⁰⁹³.

Впрочем, были и случаи вооруженного сопротивления, даже террора в адрес советских активистов. Так, 1 мая 1933 г. на хуторе Буковщина около Больших Укропович был убит председатель Кореньского сельсовета, уроженец Путилова Василий Михайлович Карпович. Получив сообщение, что на этом хуторе остановились бандиты, он в сопровождении участкового милиционера поехал туда, но был встречен выстрелом из винтовки или обреза¹⁰⁹⁴.

Параллельно с политическими репрессиями продолжалась **экономическая война против кулаков**. С лета 1932 г. сельсоветы широко применяли такую меру, как обложение зажиточных хозяйств *твердым заданием* — дополнительным налогом на поставку определенного количества продуктов сельского хозяйства. Эта мера преследовала одновременно как экономическую цель (выполнить высокие нормы заготовок в пользу государства), так и политическую — выступала еще одним средством террора в отношении противников коллективизации. Поскольку действительно зажиточных хозяйств к этому времени уже не осталось, обложению твердым заданием подвергались в основном верхняя прослойка середняков, а также разоренные хозяйства бывших богачей, повторно караемые за прошлые грехи (таблица 64).

¹⁰⁸⁹ БД «Реабилитированные». Оригинал — Архив КГБ. № 12861.

¹⁰⁹⁰ БД «Реабилитированные». Оригинал — Архив КГБ. № 12863.

¹⁰⁹¹ БД «Реабилитированные». Оригинал — Архив КГБ. № 24857.

¹⁰⁹² ГАМО. Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 526. Л. 5—6, 22.

¹⁰⁹³ Чырвоная Лагойшчына. № 23. 23 марта 1933.

¹⁰⁹⁴ Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Лагойскага р-на. Кн. 1. — Мн., 2003. С. 225.

В протоколах президиума Кореньского сельсовета за 1932 г. сохранились многочисленные материалы на эту тему. Так, 6 мая президиум рассматривал заявления 6 хозяев, ходатайствовавших об отмене неправильно возложенного на них твердого задания. В двух случаях эти ходатайства увенчались успехом. Задание было снято с жителя хутора Гряда Язеп Короля, поскольку его земля отличалась плохим качеством, и с жителя Лищиц Язеп Можальского, так как он ранее был малоземельным, а большой надел приобрел лишь в 1929 г. благодаря тому, что свою землю ему передал брат, переселившийся в Сибирь. В остальных случаях решение оставлено в силе: хозяйства Феликса Михайлова Щербовича из Кореня, Янки Гаврилова Носевича и Антося Адамова Щербовича из Михалкович, Янки Рудковского из Лищиц признаны *действительно зажиточными* и в былые времена эксплуатировали наемный труд. В отношении Феликса Щербовича отмечается, что он в прошлом вступил в колхоз, чтобы скрыть свое хозяйство от обложения, и занимался там вредительством¹⁰⁹⁵.

Интересна аргументация, которой сопровождалось решение от 22 июля 1932 г. о наложении твердого задания на жителя Нового Чернева Исидора Плоского. Его виной была все та же зажиточность, за которую он в 1929—1930 гг. облагался налогом в индивидуальном порядке: имел 28 га пашни и 4 га сенокоса. Тем не менее после этого Исидор Плоский не только сохранил какое-то хозяйство, но в 1931 г. *ошибочно залез в колхоз и начал вредить*, за что был *вычищен* из него. Твердое задание заключалось в обязательной поставке 25 пудов ржи, 10 пудов ячменя, 10 пудов пшеницы, 3 пудов гороха, 3 пудов льноволокна, 25 фунтов льняного семени и 1 кабана весом в 8 пудов¹⁰⁹⁶.

Т а б л и ц а 64. Список обложенных твердым заданием в 1932 г. (Кореньский сельсовет)

Глава хозяйства	Деревня	Размер семьи	Размер надела (га)			Твердое задание (пуд.)				Скот на мясо
			пашня	всего	на 1 душу	зерно	картофель	сено	солома	
Бондаренок Язеп	Антоновка	4	7,65	9,85	2,46	18	50	40	20	2 овцы
Лубинский Стась Викен.	Антоновка	7	15,3	19,7	2,81	32	80	80	30	3 овцы
Сурвило Язеп Казим.	Антоновка	9	7,65	9,85	1,09	13	40	40	20	2 овцы
Урбанович Данило Язеп.	х. Болтовка	8	11,6	14,9	1,86	23	60	50	80	1 телка, 1 овца
Стасюлевич Франц Гавр.	Громница	5	10,1	15,35	3,07	30	50	100	-	-
Шаршун Адам Степ.	Громница	11	18,35	26,75	2,43	34	40	125	150	1 телка, 1 овца
Шейпа Николай Ант.	Громница	2	6,3	10,35	5,18	32	60	80	80	1 овца
Анискович Янка Фран.	Жирблевичи	9	14,5	18,15	2,02	27	50	50	100	1 корова, 1 овца
Соколовский Карл	х. Затишье	5	7	9,2	1,84	25	30	30	40	-
Лойковский Язеп Ив.	Лищицы	6	8,5	14	2,33	34	70	100	150	1 телка
Лойковский Якуб Ив.	Лищицы	3	5,7	9,2	3,07	27	60	80	50	-
Высоцкий Язеп Ник.	Лищицы	6	10,65	18,3	3,05	32	40	150	100	1 корова, 1 овца
Белостоцкий Антон Матв.	Михалковичи	6	6,2	8,4	1,40	22	40	50	30	1 телка
Кореньский Адам Фран.	Михалковичи	8	8,6	9,46	1,18	23	50	-	50	1 корова
Носевич Янка Гавр.	Михалковичи	3	9	11,8	3,93	32	50	25	40	1 телка
Щербович Антон Адам.	Михалковичи	2	9	11,2	5,60	44	70	40	50	1 телка
Окулич Язеп Ник.	Старое Чернево	6	8,75	10,95	1,83	29,5	65	40	60	1 корова
Мацкевич Рафал	Старое Чернево	4	11	13,2	3,30	29,5	65	40	80	-
Бычковский Язеп Карл.	Терехи	6	10,9	17,45	2,91	12	40	80	100	1 корова, 1 овца

На размышления наводит наличие в перечне продуктов сельского хозяйства, облагаемых дополнительным налогом, сена и соломы, которые не могли быть ни предметом потребления в городах, ни товаром для экспорта. Остается единственное объяснение: отобранное у единоличников сено распределялось между колхозами, которые в стремлении обеспечить государственные поставки зерна были, видимо, просто не в состоянии вести полноценное хозяйство, в том числе заготавливать достаточное количество кормов для обобществленных животных.

Данные таблицы 64 отражают, кроме того, состав и имущественное положение той части населения, которая являлась, во-первых, наиболее зажиточной по состоянию на 1932 г., а во-вторых, — наименее желательной в социальном плане с точки

¹⁰⁹⁵ ГАМО. Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 485. Л. 19.

¹⁰⁹⁶ ГАМО. Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 485. Л. 30.

зрения построения социализма как *общества социальной справедливости*. Достаточно сравнить величину наделов со средними цифрами на момент отмены крепостного права, чтобы убедиться, что зажиточность этой категории крестьян весьма относительна даже по меркам середины XIX в. Равенство, предполагавшее устранение этой прослойки, было поистине **равенством в нищете**.

Примечательно, что в списке обложенных твердым заданием фигурирует Адам Коренский из Михалкович, который десятью годами ранее искал справедливости, требуя перераспределения наделов своих односельчан, владевших *излишками* земли. Судя по тому, что его надел составлял не 8 дес. (8,7 га), как в 1922 г., а почти 9,5 га, кое-какую прирезку он тогда действительно получил. Теперь это рикошетом ударило по нему самому. Другие крестьяне, попавшие в список, также имели наделы, увеличенные по сравнению с 1922 г. Так, у Антона Белостоцкого тогда имелось 5,5 дес. (около 6 га), теперь — 8,4 га, у Ивана Носевича — соответственно 9 дес. (9,8 га) и 11,8 га, у Антона Щербовича — тоже 9 дес. и 11,2 га, у Язепа Бычковского — 7 дес. (7,6 га) и почти 11 га. У Адама Шаршуна из Громницы в 1922 г. было всего 9 дес. Вероятно, он унаследовал такие же по площади участки своего отца Степана и брата Язепа, фигурировавших рядом с ним в списке 1922 г. Таким образом, «крамольный» надел в неполных 27 га, действительно бросающийся в глаза на общем фоне, представлял собою всего лишь первоначальный надел в 24 дес., полученный его дедом Адамом Игнатовым Шаршуном при отмене крепостного права в 1864 г. и в отличие от других аналогичных наделов не подвергшийся дроблению. Это обстоятельство, обусловленное чисто демографическими факторами, теперь приобрело неожиданный и грозный социальный смысл — означало принадлежность к кулачеству, подлежащему *ликвидации как класс*.

Среди других крестьян, обложенных твердым заданием, оказались оставшиеся представители упомянутой ранее семьи Лойковских — Якуб и его брат Язеп (судя по записи в базе данных, последний был к этому времени уже осужден, так что выполнять повинность предстояло его сыну Казимиру). Развернувшиеся вскоре события показывают, какими последствиями было чревато невыполнение твердого задания. Уже 15 сентября 1932 г. составлен акт о наложении штрафа в размере 100 руб. на хозяйство Язепа Лойковского, сорвавшего план по заготовке мяса (надо полагать, речь вновь идет о Казимире Иосифовиче)¹⁰⁹⁷. Через две недели газета «Чырвоная Лагойшчына» сообщила о показательном судебном процессе над Казимиром Лойковским, обвиненным в невыполнении твердого задания на поставку государству 3 ц мяса и 34 ц зерна. Вместо этого он сдал только 5 пудов зерна, а телку зарезал и продал на рынке. Штраф в размере 100 руб. не дал результата, и тогда выездная сессия районного суда осудила Казимира на 2 года лишения свободы¹⁰⁹⁸. Даже такой «бунт на коленях», как продажа на базаре мяса, предназначенного для поставок государству, повлек суровое публичное наказание — с явной целью устрашить всех строптивых.

7 декабря 1932 г. в Кореньском сельсовете составлен еще один, дополнительный список хозяйств, обложенных твердым заданием. В него попали жители Жирблевич Антон Высоцкий (обязанный сдать 35 пудов зерна и 120 пудов картофеля), Альжбета Урбанович (30 пудов зерна, 150 пудов картофеля), Янка Мартинов Урбанович (соответственно 25 и 80 пудов), Якуб Кункевич (35 и 120 пудов), жители Михалкович Пранук (Франц) Тарлецкий (25 и 80 пудов), Данила Коренский (30 и 100 пудов), Антось Матвеев Булах (35 и 120 пудов), Язеп Рудковский (30 и 150 пудов), житель Громницы Янка Гилевский (30 и 100 пудов). Сведения о размере наделов и составе семьи на этот раз отсутствуют¹⁰⁹⁹.

По сравнению с Кореньским в Кузевичском сельсовете кампания по обложению твердым заданием была далеко не столь массовой. В списке, составленном 24 августа 1932 г., фигурируют лишь 4 хозяйства Кореньщины: Антося Вашкевича (9,9 га земли на 4 души) и Анися Балуса (6,6 дес. на 2 души) из Прудков, Петра Лиса (13 га) из Козырей, Казимира Гуздельского с хутора Осетище. Последний до обрезки имел 40 дес., в 1931 г. вступил в колхоз, однако вышел из него в августе 1932 г., получив причитающиеся на трудодни деньги и зерно. Наказание в виде твердого задания последовало незамедлительно¹¹⁰⁰.

Общее число обложенных твердым заданием в 1932 г. составило не менее 34 хозяйств. Тем временем Совет народных комиссаров БССР 23 февраля 1933 г. принял постановление «О дополнительном выявлении кулацких хозяйств», в котором предписывал вернуться к практике обложения индивидуальным налогом. При этом финансовым органам ставилась задача *выявить и проверить всех лиц и хозяйства, которые были обложены в индивидуальном порядке в прошлые годы, начиная с 1928 г., и если будет установлено, что они проживают на доходах, полученных от спекуляции, эксплуатации, и других*

¹⁰⁹⁷ ГАМО. Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 485. Л. 28.

¹⁰⁹⁸ Чырвоная Лагойшчына. № 66. 30 сентября 1932. См. также: ГАМО. Ф. 422. Оп. 1. Ед. хр. 941.

¹⁰⁹⁹ ГАМО. Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 485. Л. 56.

¹¹⁰⁰ ГАМО. Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 485. Л. 11.

*нетрудовых доходах, за что в свое время облагались индивидуально, неотлагательно обложить эти хозяйства в индивидуальном порядке, хотя бы они в 1931 и 1932 гг. и не имели надворных нетрудовых эксплуататорских признаков*¹¹⁰¹.

Список кулацких хозяйств Кореньского сельсовета, в августе 1933 г. обложенных индивидуальным налогом на основании этого постановления, включал Янку Францева Анисковича из Жирблевич, Янку Язепова Погоцкого из Кореня, Язепу Казимириова Сурвило и Язепу Станиславова Лубинского из Антоновки, Кароля Семенова Соколовского с хутора Затишье, Язепу Николаева Окулича из Старого Чернева и Адама Степанова Шаршуна из Громницы. Трое последних, а также Лявон Анискович из Жирблевич (возможно, имя записано ошибочно и речь идет о том же Иване) были в том же году лишены избирательных прав¹¹⁰².

Почти все они сделали попытку доказать несправедливость обложения, подав апелляции в районный финансовый отдел. В частности, Язеп Окулич утверждал, что в настоящий момент на семью из 7 человек имеет всего 8,75 га пашни и 2,2 га луга, 1 лошадь, 1 корову и совсем не имеет мелкого скота. Поскольку в качестве основания для обложения в индивидуальном порядке сельсовет указывал использование в хозяйстве до 1931 г. наемной рабочей силы (в качестве батрака якобы работал Казя Вашкевич из Громницы), Окулич приложил к заявлению расписку самого Казя в том, что тот у него никогда не работал. Впрочем, эта попытка не имела шансов на успех. Слишком уж «убойной» была аргументация, использованная при вынесении решения об индивидуальном обложении: в предыдущие годы в хозяйстве Язепу Окулича было 4 коровы, 2 подтелка, 2 коня, 15 голов мелкого скота. До 1932 г. он перепродавал сало, т. е. занимался спекуляцией. К тому же имел судимость за саботаж при заготовке зерна, а в весеннюю посевную кампанию 1933 г. сорвал план сева: вместо предписанных 10,43 га засеял всего 3,03 га. В результате налог на его хозяйство, и без того возросший с 27 руб. 95 коп. в 1930 г. до 163 руб. в 1933 г., был увеличен до фантастической суммы — 3942 руб. Окулич имел все основания утверждать, что не сможет выручить эту сумму, даже распродав все свое имущество¹¹⁰³.

Ситуация с его товарищами по несчастью была аналогичной. Адам Шаршун владел молотилкой, за использование которой брал по 1 пуду муки с каждых 10 намолотых, что давало по 3 пуда дохода в день. Он же до 1929 г. использовал труд сезонных рабочих в количестве 120 человеко-дней в году, имел постоянного батрака Жизневского, давал зерно в долг под проценты, а в последнюю посевную кампанию вместо предписанных планом 17,75 га засеял только 4. К тому же его хозяйство имело 18,35 га пашни и 8,4 га сенокоса, а до 1931 г. — 2 коней, 3 коров, 2 нетелей и 15 голов мелкого скота. Сумма индивидуального налога для него составила 4100 руб.¹¹⁰⁴

Житель Жирблевич Янка Анискович обвинялся в том, что до революции служил волостным старшиной и имел 25 га земли, 6 коров и 2—3 коней, а в последнее время — 14,8 га пашни, 3,65 га сенокоса и к тому же молотилку, от использования которой имел большие доходы. Он ссужал зерно под проценты, а в 1933 г. совершил два непростительных проступка — сбыв обоим коней, чтобы избежать их конфискации (одного продал за 200 руб.), и к тому же сорвал план сева: вместо 5 га засеял только 1,5 га. Результатом стало индивидуальное обложение в размере 3000 руб.¹¹⁰⁵ Дальнейшая судьба этого человека прослеживается по публикации районной газеты: 23 января 1934 г. Логойский районный суд приговорил Янку Пранукова Анисковича к 10 годам лишения свободы в отдаленных местностях СССР по обвинению в том, что он взял под влияние более отсталую часть крестьян и организовал саботаж заготовок льна. Сам он не сдал ни одного килограмма льна, пеньки, конопля и льняного семени, хотя имел все возможности. Этого, как видим, оказалось вполне достаточно для столь сурового приговора¹¹⁰⁶.

Особой была ситуация с Иваном Язеповичем Погоцким из деревни Корень. Он, согласно заключению сельсовета, до революции был помещиком, вместе с братом владел в имении Мацки на территории Белоручского сельсовета 4000 га земли. Брат его в 1923 г. бежал за границу, а сам он с 1918 г. перебрался в Корень, где купил 1 га земли и открыл лавку, в которой занимался перепродажей сала и разных продуктов. Сам он не работал на земле, нанимая для этого бедняков. Кроме того, сдавал внаем жилье, от чего имел доход в размере 105 руб. Еще 800 руб. дохода ежегодно он получал за сад площадью в 0,28 га. Погоцкий был обложен налогом в сумме 1500 руб.¹¹⁰⁷ Пока велось затянувшееся рассмотрение апелляции, вопрос о нем

¹¹⁰¹ Завершение коллективизации сельского хозяйства и организационно-хозяйственное укрепление колхозов Белорусской ССР (1933 — июнь 1941 гг.): Сб. документов и материалов. — Мн., 1985. С. 27—8.

¹¹⁰² ГАМО. Ф. 314. Оп. 2. Ед. хр. 11. Л. 4, 30.

¹¹⁰³ ГАМО. Ф. 314. Оп. 1. Ед. хр. 168.

¹¹⁰⁴ ГАМО. Ф. 314. Ед. хр. 178.

¹¹⁰⁵ ГАМО. Ф. 314. Ед. хр. 169.

¹¹⁰⁶ Чырвоная Лагойшчына. № 10. 26 января 1934.

¹¹⁰⁷ ГАМО. Ф. 314. Оп. 1. Ед. хр. 172. Л. 1—6.

решился сам собой — согласно справке из сельсовета от 25 апреля 1935 г., Погоцкий к этому времени умер, не оставив после себя ни единого родственника¹¹⁰⁸.

28 октября 1933 г. президиум Кореньского сельсовета рассмотрел заявление жителя хутора Болтовка Юлияша Язепова Урбановича, который просил освободить его от твердого задания и принять в колхоз имени Покровского. В просьбе было отказано, так как *хозяйство зажиточное, а такие в колхоз не принимаются*¹¹⁰⁹. Одновременно задним числом принято решение об обложении в индивидуальном порядке жителя хутора Равы Михаила Антоновича Воронко, родившегося в 1888 г. в деревне Погребище Логойской волости. Он имел до революции 60 га земли, 12 голов крупного и 25 — мелкого скота, 3 коней и 2 пары волов. В его хозяйстве работал постоянный батрак Немирский из Старого Чернева, а также беженцы, находившиеся на территории Кореньщины во время войны. После обрезки в 1924 г. у него осталось 10 га, затем до 1930 г. он занимался контрабандой и имел связи с бандитами. В 1930 г. вступил в колхоз «Красная звезда», но перед этим *разбазарил все имущество* и вскоре исключен из колхоза.

Принимая 28 октября решение об индивидуальном обложении, работники сельсовета прекрасно знали, что Михаил Воронко уже неделю как был арестован сотрудниками ОГПУ. Они даже упомянули, что при обыске у него найдено 180 пудов зерна, 3 ц сухарей и 1 ц сушеного картофеля. Согласно базе данных «Реабилитированные», его арестовали 21 октября 1933 г., обвинив в незаконном переходе границы и участии в антисоветской организации. 10 февраля 1934 г. осужден на 5 лет. Реабилитирован 31 мая 1989 г.¹¹¹⁰

По сведениям Гайненского сельсовета, в 1933 г. подверглись также раскулачиванию и высылке (вероятно, в административном порядке) Антон Степанович Кухаронек из Громницы и Иосиф Николаевич Король с хутора Гряда, записи о которых в базе данных не обнаружены. Таким образом, в 1933 г. было раскулачено не менее 3 хозяйств и не менее 7 разорены непосильным индивидуальным налогом.

Но все же ситуация в Беларуси выглядела относительно благополучной по сравнению с Украиной, где в это время миллионы крестьян умирали от голода, сознательно спровоцированного властями с целью сломить сопротивление коллективизации. Спасаясь от украинского голодомора, из-под Харькова в Козыри переехали две семьи, находившиеся в каком-то родстве с раскулаченным и высланным в Котлас Антоном Шейпой. Об одной из этих семей сведения не обнаружены, известна только фамилия — Еременко. Вторая семья, Василий Козубенко с женой Дарьей и сыном Андреем, прочно осела в Козырях, их потомки живут там и доньше.

Именно в это время в стране утвердился политический режим, приобретший все черты **тоталитаризма**, — присутствие государства, его идеологических и карательных органов ощущается буквально во всех сферах личной и общественной жизни. Очень показательна деятельность государственных органов по развертыванию нового для белорусского крестьянства движения за повышение роли женщины в общественной жизни. Накануне Международного женского дня, 7 марта 1933 г., в Логойске состоялась конференция женщин района, делегатками которой были наиболее активные колхозницы. Среди них оказались и две представительницы недавно организованного колхоза «Красная Логойщина» — Антонина Щербович и Мальвина Лис из деревни Михалковичи. Надо полагать, для них это явилось ярким и незабываемым событием. Партийное руководство района беседовало с делегатками конференции как с равноправными участниками общественной жизни, ожидая конкретной помощи в решении стоящих перед районом задач. Но участие это с самого начала было поставлено на весьма узкие рельсы. Резолюция конференции (несомненно, заготовленная заранее партийными активистами) предписывала каждой участнице провести в своем колхозе собрания женщин, где им надлежало прочитать итоги январского пленума ЦК и ЦКК, речь Сталина и обращение Первого всесоюзного съезда колхозников. Кроме этого, им предписывалось пересмотреть планы весеннего сева, срочно организовать засыпку семян и страхового фонда, а также *повысить классовую бдительность женщин против расхищения колхозного имущества, безжалостно изгоняя из колхозов, совхозов контрреволюционный элемент, выгоняя из колхоза прогульщиков, лодырей, рвачей*. Резолюция отмечала, что в 1932 г. многие женщины совсем не выходили на колхозную работу, и эту тенденцию предлагалось искоренить¹¹¹¹. Другими словами, провозглашенное равноправие женщин власти использовали лишь с одной целью — максимально мобилизовать трудовые ресурсы для работы в колхозе.

¹¹⁰⁸ ГАМО. Ф. 314. Оп. 1. Ед. хр. 172. Л. 16.

¹¹⁰⁹ ГАМО. Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 526. Л. 72об.

¹¹¹⁰ БД «Реабилитированные». Оригинал — Архив КГБ. № 27081. По воспоминаниям жителей деревни Михалковичи, сообщенным мне В. Полупановым, отбыв наказание, вскоре после войны Михаил Воронко вернулся в родные места и поселился в Корени. По общему мнению, он забрал спрятанное на своем бывшем хуторе золото, поскольку жил впоследствии довольно богато.

¹¹¹¹ ГАМО. Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 480. Л. 35, 42.

С таких же позиций строилась и антирелигиозная пропаганда. Статья с характерным названием «Коляды — праздник буржуазно-кулацкой контрреволюции», опубликованная в районной газете накануне православного Рождества, утверждала: *колядные легенды и колядное пьянство нужны кулачеству и враждебным нам элементам для борьбы против организационно-хозяйственного укрепления колхозов, против успешного выполнения заготовок мяса, картофеля, зерна, льна и др., для расхищения и уничтожения социалистической собственности, для срыва социалистического строительства*¹¹¹².

Нагнетаемая властями атмосфера перманентной гражданской войны находила отклик среди некоторых крестьян. В районной газете в конце 1932 — начале 1933 г. с завидной регулярностью появляются анонимные заметки из колхоза «Красное Чернево», в которых изобличаются пролезшие в него *классово-враждебные элементы*. Одним из них назван Антось Бойко, который *до революции служил у пана управляющим и издевался над крестьянами*, а теперь является бригадиром и заведует инвентарем¹¹¹³. Разоблачается кулак Язеп Сивицкий, до революции владевший 40 га земли, а в 20-е годы перепродававший контрабанду. Теперь он, как сообщает анонимный корреспондент, при уборке картофеля советовал женщинам красть его, а сам украл колхозную телегу и единолично накопил на обобщественном лугу 400 пудов сена¹¹¹⁴. Третья заметка (под знакомым заголовком «Разогнать кулацкую стаю») нацелена против Янки Игнатовы Батуры: до революции он имел 30 га и *эксплуатировал батраков целыми семьями, из которых высасывал кровь*. Сам находился в Америке, откуда приехал после гражданской войны с целью продать хозяйство и сбежать в Польшу к брату, с которым и теперь поддерживает связь. В 1932 г. он проводил людей через границу. Там же вскользь упоминается другой кулак — Михась Казимиров Батура. Его вина заключалась в том, что до вступления в колхоз имел 20 га земли, а отец его был *ксендзовским прихлебателем*. Автор заметки дотошно вспоминает, как еще прошлой весной Янка и Михась Батуры читали газеты и комментировали их колхозникам, распространяя слухи, что *скоро война и колхозы погибнут, и вас перевешают*¹¹¹⁵.

Похожее по смыслу сообщение из деревни Громница (подписанное инициалом Ч) появилось в газете за 7 марта 1933 г. В нем говорилось, что единоличники названной деревни засыпали семенной и страховой фонд, и лишь один Бронька Корецкий не сделал этого — *выполняет кулацкие указки по срыву посевной*, за что его следует привлечь к *суровой ответственности*¹¹¹⁶. Не надо забывать, что такие разоблачения писались в дни, когда по всему району шли массовые аресты. Бдительные селькоры вполне осознанно пытались обрушить на головы чем-то неугодных им людей всю репрессивную мощь государства.

В качестве примера для подражания газета опубликовала резолюцию собрания единоличников деревни Лищицы, которые, заслушав доклад представителя районного потребительского союза, постановили продать государству свои излишки зерна в размере 20 пудов 35 фунтов и призвали жителей Кореня, Жирблевич и Терехов последовать их примеру¹¹¹⁷. В одном из следующих номеров члены колхоза «Красные Козыри» в числе 14 хозяйств рапортуют о своем единодушном решении продать государству 6 ц зерна¹¹¹⁸. Как известно, государственные закупки осуществлялись по ценам, гораздо более низким, чем те, по которым продавали зерно на рынке.

Вскоре, однако, колхоз «Красные Козыри» фигурирует уже в качестве отрицательного примера. Этому хозяйству, имевшему 47 трудоспособных работников и 18 коней, было предписано засеять 127 га, включая 20 га овса, 7,5 га ячменя, 11 га картофеля и т. п. Однако к концу апреля колхоз *очутился в тылу глубоких прорывов*, вспахав лишь 25 га и забороновав 16 га. К посеву овса приступили только с полудня 24 апреля, поскольку с утра безуспешно искали ключ от амбара, унесенный председателем колхоза Алисиенком. Причиной отставания объявляется плохая организация: из 47 колхозников на работу ежедневно выходят 30—35, в том числе из 20 женщин — лишь 10—12. Шестеро колхозников в страдную пору оказались занятыми на стройке, а пятеро — на отхожих промыслах за пределами хозяйства. Не выполнялись и нормы выработки: в среднем работник вспахивал только 0,4 га в день вместо 0,5 га по норме, а бороновал 0,8 га вместо 1,25 га¹¹¹⁹. Критика, очевидно, подействовала, и через месяц в газете появилась телефонограмма председателя «Красных Козырей» Алисиенка о том, что колхоз 25 мая закончил сев на площади 61,5 га¹¹²⁰.

¹¹¹² Чырвоная Лагойшчына. № 1. 6 января 1933 г.

¹¹¹³ Чырвоная Лагойшчына. № 83. 3 декабря 1932.

¹¹¹⁴ Чырвоная Лагойшчына. № 11. 7 февраля 1933.

¹¹¹⁵ Чырвоная Лагойшчына. № 36. 22 апреля 1933.

¹¹¹⁶ Чырвоная Лагойшчына. № 18. 7 марта 1933.

¹¹¹⁷ Чырвоная Лагойшчына. № 22. 19 марта 1933.

¹¹¹⁸ Чырвоная Лагойшчына. № 26. 28 марта 1933.

¹¹¹⁹ Чырвоная Лагойшчына. № 52. 1 мая 1933.

¹¹²⁰ Чырвоная Лагойшчына. № 57. 26 мая 1933.

Труд единоличников, в том числе на их собственных участках, к этому времени также воспринимался как вид общественной повинности, о чем свидетельствует победный рапорт секретаря партийной ячейки Фидельмана: единоличники деревни Прудки засеяли 267 га, выполнив план на 100%, после чего отправили 27 коней в помощь отстающему колхозу «Логоза»¹¹²¹. Достаточно показательно и такое сообщение: колхоз «Красная звезда» на 100% выполнил обязанности по тягловой силе и людям на ремонт дорог в Кореньском сельсовете. Столь же активное участие приняли единоличники Старого Чернева во главе с членом сельсовета Окуличем, а вот деревня Жирблевичи (член сельсовета Соколовский) выполнила эту обязанность только на 30%¹¹²². С началом осенней заготовительной кампании сводки о процентах выполнения плана заготовок как колхозами, так и единоличниками публикуются вперемешку. Так, в конце августа тот же Фидельман сигнализировал о тревожном отставании: план хлебозаготовок по единоличному сектору Кузевичского сельсовета выполнен на 8,1%, а по колхозу «Красный Бор» — на 10%, тогда как средняя цифра по району достигла уже 11,4%¹¹²³.

Точно так же, без различия между колхозниками и единоличниками, распределялись денежные повинности в виде обязательного *займа второй пятилетки*. На Кузевичский сельсовет, например, была спущена контрольная цифра подписки на этот заем — 19000 руб. Получив ее, секретарь партийной ячейки Фидельман, председатель сельсовета Кухаронок и уполномоченный райкома и райисполкома Сошневу развернули соответствующую разъяснительную работу. В результате удалось добиться того, что по сельсовету подписка на заем достигла 20000 руб., причем колхоз «Красные Козыри» подписался на 815 руб., единоличники деревни Прудки — на 2100 руб., единоличники Козырей — на 715 руб., в том числе крестьянин Николай Лойковский один подписался на 40 руб., из которых 33 руб. сразу же внес наличными¹¹²⁴. Единоличник деревни Корень Язеп Малишевский с гордостью сообщает в газету, что полностью внес налог в сумме 64 руб., страховку в сумме 20 руб. и купил облигации займа на 30 руб. Он призывает всех следовать своему примеру¹¹²⁵.

В такой атмосфере в 1933 г. происходит **перелом в ходе коллективизации**. Дальнейшее сопротивление теряло смысл: единоличники все равно не могли уклониться от бесконечных поборов со стороны государства и только лишались тех немногих преимуществ, которые имели члены колхоза, — права на лучшие земли, возможности участвовать в слетах активистов или попасть на курсы трактористов. Новые интонации звучат в опубликованной 8 июля 1933 г. заметке делегата Второго слета колхозников-ударников Логойщины, бригадира полеводческой бригады колхоза «Красная звезда» Гусаковского (имя его в газете не приводится). Он пишет, что в прошлом году кулаки вели колхоз к развалу, но *мы поставили целью — очиститься от них*. Нынешнее состояние колхоза бригадир оценивает как достаточно стабильное, приводит список передовиков труда и рапортует об успешном выполнении плана посевной кампании¹¹²⁶.

Число колхозов вновь начинает расти. Уже 28 февраля в районной газете среди хозяйств Кореньского сельсовета впервые упоминается колхоз «Красная Логойщина», основанный в деревне Михалковичи (в его состав влились и бывшие члены колхоза «Красная Антоновка»). Сводка Кузевичского сельсовета о состоянии коллективизации на 1 июля 1933 г. упоминает на его территории уже 10 колхозов. Среди них, правда, нет колхоза «Красный Бор», прекратившего существование после разгрома органами ОГПУ, но появился новый колхоз «Вторая пятилетка», созданный в деревне Прудки. В него вошли 15 хозяйств (74 человека, из них 37 работоспособных). В колхозе имелось 10 коней. Колхоз «Красные Козыри» вновь увеличился до 24 хозяйств (114 человек, из них 41 трудоспособный, 19 коней). Колхоз «Великий Палик», видимо, объединял жителей разбросанных хуторов на юго-востоке Кореньщины и деревни Гани. Он насчитывал 12 хозяйств (55 человек, из них 30 работоспособных)¹¹²⁷. Всего по Кузевичскому сельсовету в колхозах состояло 337 хозяйств, по Кореньскому сельсовету — 197¹¹²⁸. По БССР в целом показатель коллективизации на 1 октября 1934 г. составил 61,2%, а в 16 районах превысил 75-процентную отметку¹¹²⁹.

10 октября районная газета опубликовала сообщение о том, что единоличники деревень Жирблевичи и Лищицы Кореньского сельсовета *после проработки постановления ЦК* организовали еще 2 новых колхоза, в каждый из которых первоначально вошло по 7 хозяйств¹¹³⁰. В протоколах президиума Кореньского сельсовета сохранилась датированная 3

¹¹²¹ Чырвоная Лагойшчына. № 58. 28 мая 1933.

¹¹²² Чырвоная Лагойшчына. № 77. 15 июня 1933.

¹¹²³ Чырвоная Лагойшчына. № 90. 27 августа 1933.

¹¹²⁴ Чырвоная Лагойшчына. № 52. 20 мая 1933.

¹¹²⁵ Чырвоная Лагойшчына. № 90. 27 августа 1933.

¹¹²⁶ Чырвоная Лагойшчына. № 75. 8 июля 1933.

¹¹²⁷ ГАМО. Ф. 206. Оп. 1. Ед. хр. 192. Л. 15.

¹¹²⁸ ГАМО. Ф. 206. Оп. 1. Ед. хр. 192. Л. 16.

¹¹²⁹ Завершение коллективизации сельского хозяйства и организационно-хозяйственное укрепление колхозов Белорусской ССР (1933 — июнь 1941 гг.): Сб. документов и материалов. С. 119.

¹¹³⁰ Чырвоная Лагойшчына. № 105. 10 октября 1933.

октября резолюция, утверждающая решение жителей Жирблевич от 29 сентября об основании колхоза имени Покровского в количестве 6 хозяйств (58,55 га пашни и 13,7 га сенокоса)¹¹³¹. Такое же решение в отношении колхоза имени Луначарского, созданного в Лищицах, было принято 28 октября. В колхоз вошли 9 хозяйств и 4 *одинокника*, его сельхозугодия составили 46,35 га пашни и 19,1 га сенокоса¹¹³².

В течение 1934—1936 гг. **накал борьбы заметно спадает**. Деятельность карательных органов в Логойском районе уже не столь активна. За это время в базе данных выявлен лишь один арест по политическим мотивам: в апреле 1935 г. арестован житель деревни Гани Михаил Иосифович Дягилевич, 1897 г. рожд. По стандартному обвинению в антисоветской деятельности он приговорен к 8 годам лагерей, где умер в июле 1942 г. Реабилитирован 24 августа 1960 г.¹¹³³

Последние сообщения о раскулачиваниях и высылках в административном порядке также датируются 1935 годом. Тогда по решению местных органов власти были высланы на спецпоселение в Коми АССР житель деревни Корень Иван Иванович Чертович и житель деревни Терехи Иван Иванович Балцевич. О втором из них обнаружено решение о реабилитации, проведенной 26 октября 1992 г. комиссией при УВД Минской области. В нем упоминается, что вместе с Иваном Балцевичем были высланы жена и трое детей от 5 до 2 лет. Еще одна дочь родилась в месте высылки — Железнодорожном районе Коми АССР. Вся семья освобождена только в августе 1951 г.¹¹³⁴ По воспоминаниям жителей Терехов, тогда же в Коми АССР были высланы тесть Ивана Балцевича Викентий Францевич Щербович и сын последнего Антон (1907 г. рожд.), записи о которых не обнаружены.

Очевидно, к этому времени не ощущалось особой необходимости в новых репрессиях — все способные к сопротивлению были уже уничтожены физически или сломлены духовно. Правда, вышестоящие власти не сразу успокоились, восприняв уменьшение количества жертв как показатель ослабления натиска на классового врага. Крайне любопытен документ, оказавшийся приобщенным к делу по апелляции обложенного индивидуальным налогом Ивана Погочко: письмо народного комиссара финансов БССР А. Хацкевича, отпечатанное типографским способом для рассылки секретарям райкомов и председателям райисполкомов, в котором оставлены места для заполнения необходимых сведений от руки. Это письмо, датированное 27 октября 1934 г., гласило: *На 15.10 по вашему району индивидуально обложено 3 (цифра вписана от руки. — В. Н.) кулацких хозяйства. Прошу в 3-дневный срок сообщить, чем объясняется такое положение: а). или отсутствием большего количества кулацких хозяйств, б). или плохой работой сельсоветов, райфо, районной налоговой комиссии и президиума РИК, которые должны выявлять и оформлять постановлением Райисполкома кулацкие хозяйства с безусловным взысканием всех платежей*¹¹³⁵.

Создание новых колхозов тем временем продолжалось. В октябре 1934 г. районная газета опубликовала обращение *ко всем трудящимся единоличникам Кореньского сельсовета и всего района*, подписанное 27 хозяевами деревни Громница. Они сообщали, что, *твердо убедившись в преимуществах колхозной жизни на примере соседних колхозов*, осуждают свою ошибку и вступают в колхоз, призывая всех последовать их примеру. В обращении указывалось, что колхоз образовали 30 хозяйств, хотя подписи трех из них отсутствуют¹¹³⁶. Этот колхоз назвали «Власть Советов». Колхоз в деревне Терехи, получивший название «XVII партсъезд», впервые упоминается среди хозяйств Кореньского сельсовета 13 апреля 1935 г. Вероятно, к этому времени образован и колхоз имени Калинина в деревне Старое Чернево. В целом по республике доля коллективизированных хозяйств в течение 1934 г. увеличилась с 50,4 до 72,6% (эта цифра практически была достигнута уже к августу), а на 1 января 1936 г. составила 85,6%. После этого показатели коллективизации стабилизировались в течение двух последующих лет, к 1 января 1938 г. увеличившись лишь до 87,6%¹¹³⁷.

При образовании колхозов им по-прежнему выделялись лучшие земли, а оставшимся единоличникам выкраивались новые наделы. В деревне Терехи новое землеустройство было проведено весной 1936 г. Однако 18 единоличников, как сообщает газета, сумели захватить около 10 га колхозной земли. Наказание последовало незамедлительно: районный суд приговорил двух из них, Ивана Кункевича и Игната Тихоновича, к 2 годам лишения свободы, а Н. Кишкурно, признанного

¹¹³¹ ГАМО. Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 526. Л. 67.

¹¹³² ГАМО. Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 526. Л. 72.

¹¹³³ БД «Реабилитированные». Оригинал — Архив КГБ. № 31424-с.

¹¹³⁴ БД «Реабилитированные». Оригинал — Информационный центр УВД Минской обл. № 23.

¹¹³⁵ ГАМО. Ф. 314. Оп. 1. Ед. хр. 172. Л. 10.

¹¹³⁶ Чырвоная Лагойшчына. № 110. 14 октября 1934.

¹¹³⁷ Завершение коллективизации сельского хозяйства и организационно-хозяйственное укрепление колхозов Белорусской ССР (1933 — июнь 1941 гг.): Сб. документов и материалов. С. 200.

зачинщиком захвата, — к 3 годам. Впрочем, учитывая признание своей вины Кункевичем и Тихоновичем, суд тут же смягчил им меру наказания — оба получили по 1 году принудительных работ¹¹³⁸.

К 1936 г. сопротивление крестьян коллективизации и тотальному контролю государства над их жизнью было в основном сломлено. В течение 1930—1935 гг. путем прямого насилия и экономическими мерами на Кореньщине ликвидированы более 30 наиболее перспективных хозяйств (около 5% их общего количества), насчитывавших порядка 150 человек. Примерно такое же количество хозяйств испытало тяготы всевозможных *твердых заданий*. Еще не менее 50 человек были арестованы по политическим или уголовным (с политическим подтекстом) обвинениям индивидуально, без высылки семей. Из них 6 человек получили смертные приговоры, еще 4 расстреляны позднее в лагерях или при повторных арестах. Эти цифры могут показаться не очень высокими, но важен прежде всего качественный состав. По остроумному замечанию Эльдара Рязанова, *для того, чтобы превратить мужчину в евнуха, нужно отрезать совсем немного*. Всего от коллективизации в той или иной степени пострадали около 360 человек, или 10% населения.

Пришло время подводить **первые итоги коллективизации**. Судя по отчетному докладу председателя СНК БССР Н. М. Голодеда на XI Всебелорусском съезде Советов 14 января 1935 г., рост числа колхозов и колхозников отнюдь не сопровождался столь же ощутимым увеличением сельскохозяйственного производства. Урожайность зерновых по республике, согласно приведенным им цифрам, в 1930 г. составила 7,84 ц с гектара, в 1931 г. — 6,5, в 1932 г. — 6,16, в 1933 г. — 9,13, в 1934 г. — 9,1 ц, урожайность картофеля — соответственно 96,5, 93, 84,9, 100,5 и 105,7 ц. Довольно неуклюжими манипуляциями с цифрами председатель Совнаркома пытался несколько сгладить тот факт, что поголовье домашних животных так и не восстановилось до уровня 1928 г. В 1932 г. количество лошадей составляло 71,7% от того, что было накануне коллективизации, а за 1933 г. еще более сократилось, составив чуть более 65% от уровня 1928 г. По крупному рогатому скоту эти цифры составили соответственно 71,2 и 86,1%, по свиньям — оставались на уровне 67%, по овцам — порядка 50%. В качестве достижения Н. Голодед отмечал, что удалось хотя бы задержать уменьшение поголовья, которое сильно сократилось в 1930—1931 гг. и частично в 1932 г. *в связи с кулацким саботажем, который был организован кулачеством против мероприятий партии и правительства по реорганизации сельского хозяйства*¹¹³⁹.

О состоянии дел в некоторых конкретных колхозах извещают материалы, публикуемые районной газетой. В июне 1934 г. в ней появилась заметка, посвященная колхозу имени Луначарского, председателем которого был Казимир Лис, под заголовком: «Лис! — так руководить нельзя». В ней говорилось, что колхоз на 16 июня засеял всего 20 га, а прополол 2 га. Председатель не видит, что сорняки уже переросли посеvy. Женщины, которые должны заниматься прополкой, утро посвящают домашним делам, а на работу выходят в 10—11 часов, некоторые — даже в полдень. При этом из 12 женщин-колхозниц работают не более 5—6. Немногим отличаются от них и мужчины: например, Язеп Ясинский *выехал на поле в 10 часов, поработал полчаса, выпряг коня и пошел за молоком в Мурованку*¹¹⁴⁰.

В конце 1934 г. газета опубликовала материалы *рабселькоровского рейда* в тот же колхоз. Участники рейда обнаружили колхозную молотилку под открытым небом в грязи, а также беспорядочно разбросанные плуги и бороны. Конюшня оказалась совершенно непригодной к зимовке: в ней не было ни одного окна, крыша не утеплена соломой, в стенах щели, дверь не отремонтирована. Колхозные кони обезличены — на них ездит каждый желающий, в результате чего они сильно изнурены. К тому же их никогда не чистят. На замечания проверяющих заведующий хозяйством Язеп Ясинский ответил: *когда я был хозяином, то всегда конь мой зимовал в холодном хлеву и был сытый, как тот ментуз (налим)*¹¹⁴¹. В этой фразе, пожалуй, наиболее красноречиво ее начало — *когда я был хозяином*. Совершенно очевидно, что в колхозе этот человек, несмотря на свою должность заведующего хозяйством, чувствовать себя хозяином перестал.

Аналогичный материал, отмечающий бесхозяйственность в колхозе имени Покровского, появился в газете в августе 1936 г. Там сельскохозяйственный инвентарь также был разбросан по двору, а колхозная жатка ржавела под открытым небом¹¹⁴². Впрочем, эта черта стала типичной для тысяч колхозов на протяжении всей их истории вплоть до настоящего времени.

Форсированная индустриализация начала приносить некоторую отдачу сельскому хозяйству (за счет которого она в немалой степени осуществлялась). Количество тракторов в БССР в 1928 г. составляло всего 102, в 1932 г. оно выросло до

¹¹³⁸ Чырвоная Лагойшчына. № 80. 5 августа 1936.

¹¹³⁹ Завершение коллективизации сельского хозяйства и организационно-хозяйственное укрепление колхозов Белорусской ССР (1933 — июнь 1941 гг.): Сб. документов и материалов. С. 142—145.

¹¹⁴⁰ Чырвоная Лагойшчына. № 60. 21 июня 1934.

¹¹⁴¹ Чырвоная Лагойшчына. № 127. 15 декабря 1934.

¹¹⁴² Чырвоная Лагойшчына. № 89. 29 августа 1936.

2822, в 1933 г. — до 3200, в 1934 г. — до 3971. Численность грузовых автомобилей хотя и возросла с 12 в 1932 г. до 423 в 1934 г., но в масштабах республики еще оставалась неощутимой¹¹⁴³. С 1935 по 1936 г. сельское хозяйство получило еще 1400 новых тракторов, 107 грузовиков, а всего 5 тыс. разных машин. К весне 1937 г. в составе 137 МТС насчитывалось 6194 трактора¹¹⁴⁴. Удельный вес тракторных работ в сельском хозяйстве БССР в 1935 г. составлял 11,1%, а в 1936 г. возрос до 24,1%, в том числе в весенних работах он увеличился с 8,9 до 23,1%, а при вспашке зяби — с 20,1 до 40,1%¹¹⁴⁵.

Одновременно шла интенсивная подготовка кадров для новой техники: в течение 1936 г. было подготовлено 7423 тракториста и 460 бригадиров тракторных бригад, а на 1937 г. запланировано подготовить еще 5850 трактористов, в том числе 1823 женщины. В районных *колхозшколах* в это время обучались 3690 будущих счетоводов, бригадиров, полеводов и животноводов¹¹⁴⁶. Эти перемены реально и осязательно трансформировали облик села, вели к появлению новой элитной прослойки крестьянства — механизаторов и специалистов. Впрочем, эта прослойка еще лишь зарождалась, составляя порядка 1% сельского населения.

19 декабря 1935 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли решение о выдвижении женщин-колхозниц на руководящую работу, которое предписывало местным партийным органам целенаправленно готовить из числа женщин кандидатуры на должности председателей сельсоветов и колхозов, бригадиров и заведующих фермами. Однако инерция векового неравноправия в этом вопросе менялась медленно: за 1936 г. на руководящие работы в БССР было выдвинуто 1564 женщины, но основная масса — на второстепенные должности (729 заведующих фермами, 394 счетовода колхозов, 420 бригадиров, 421 заместитель председателя колхоза). Председателями колхозов за это время стали лишь 129 женщин, председателями сельсоветов и их заместителями — 46¹¹⁴⁷.

По воспоминаниям местных жителей, жизнь в эти годы была довольно суровой (но веселой — добавляют некоторые). Хлеба, который выдавался на трудодни, не хватало, и в муку вновь, как в годы крепостного права, подмешивали мякину. После обобществления домашнего скота многие держали оставшуюся мелкую живность и кур прямо в хатах, от чего развелось огромное количество блох. Появилось много нищих: практически каждый день несколько попрошаек проходили через деревню. Подавали им мало.

Наметившаяся уже в 1933 г. тенденция к росту поголовья крупного рогатого скота в последующие годы сохранилась. На 1 января 1934 г. в республике оно составляло 1354,7 тыс. голов, на 1 января 1935 г. — 1491,9 тыс., на 1 января 1936 г. — 1845,4 тыс. (наконец превысив уровень 1928 г.), на 1 января 1937 г. — 1960,6 тыс. Возросло и поголовье свиней, увеличившись с 1050,4 тыс. на начало 1934 г. до 1989,9 тыс. на начало 1936 г. Правда, к концу этого года оно вновь сократилось до 1586,4 тыс. голов. Только поголовье лошадей продолжало устойчиво сокращаться (что, возможно, отчасти объясняется начавшимся вытеснением их тракторами). В начале 1934 г. лошадей было 733,1 тыс. голов, в начале 1937 г. — 658,4 тыс.¹¹⁴⁸

Урожайность основных культур по мере успехов коллективизации не только не выросла, но и пошла вниз к уровню прошлого века. По данным сельскохозяйственного отдела ЦК КП(б)Б, фактический сбор зерновых в колхозах БССР в 1933 г. составил 6,3 ц с гектара (по колхозам и единоличным хозяйствам вместе, судя по докладу Н. Голодеда, он был гораздо выше — 9,13 ц), в 1934 г. — 6,7 ц, в 1935 г. — 6,2, в 1936 г. — 4,6, в 1937 г. — 6,4 ц, урожайность картофеля — соответственно 63,5, 82,8, 85,1, 75,8, 87,3 ц¹¹⁴⁹. Урожайность оставалась на том же уровне и в последующие годы: в 1938 г. она составила по Минской области 5,9 ц зерновых с гектара и 91,3 ц картофеля, по Логойскому району — соответственно 5,4 и 80 ц. В 1939 г. по области эти цифры составляли 7 и 80,8 ц, по району — 6,3 и 82 ц, в 1940 г. — 6 и 135 ц по области, 5,8 и 130 ц по району¹¹⁵⁰. Для сравнения: в соседней Польше урожайность в 1880-е гг. была аналогичной — 5,9 ц/га. Но уже в 1929 г. было собрано 12,6

¹¹⁴³ Завершение коллективизации сельского хозяйства и организационно-хозяйственное укрепление колхозов Белорусской ССР (1933 — июнь 1941 гг.): Сб. документов и материалов. С. 144.

¹¹⁴⁴ Завершение коллективизации сельского хозяйства и организационно-хозяйственное укрепление колхозов Белорусской ССР (1933 — июнь 1941 гг.): Сб. документов и материалов. С. 164, 176

¹¹⁴⁵ Завершение коллективизации сельского хозяйства и организационно-хозяйственное укрепление колхозов Белорусской ССР (1933 — июнь 1941 гг.): Сб. документов и материалов. С. 171.

¹¹⁴⁶ Завершение коллективизации сельского хозяйства и организационно-хозяйственное укрепление колхозов Белорусской ССР (1933 — июнь 1941 гг.): Сб. документов и материалов. С. 172.

¹¹⁴⁷ Завершение коллективизации сельского хозяйства и организационно-хозяйственное укрепление колхозов Белорусской ССР (1933 — июнь 1941 гг.): Сб. документов и материалов. С. 168—170, 172.

¹¹⁴⁸ Завершение коллективизации сельского хозяйства и организационно-хозяйственное укрепление колхозов Белорусской ССР (1933 — июнь 1941 гг.): Сб. документов и материалов. С. 174.

¹¹⁴⁹ Завершение коллективизации сельского хозяйства и организационно-хозяйственное укрепление колхозов Белорусской ССР (1933 — июнь 1941 гг.): Сб. документов и материалов. С. 182.

¹¹⁵⁰ Завершение коллективизации сельского хозяйства и организационно-хозяйственное укрепление колхозов Белорусской ССР (1933 — июнь 1941 гг.): Сб. документов и материалов. С. 225.

ц, в 1939 г. — 12,7 ц¹¹⁵¹. В условиях немецкой оккупации на западе Польши в 1940 г. средний урожай ржи составлял 14,7 ц/га, в 1941 г. — 13,5 ц¹¹⁵².

Ради этих весьма сомнительных достижений потребовалось сломать вековой уклад крестьянской жизни. Крестьяне лишились своей главной ценности, которой было для них собственное хозяйство. Правда, взамен с них снимался груз психологической ответственности за собственный успех или неудачу. Исчезло различие между богатыми (их уничтожили), средними и бедными (они превратились в членов колхоза и уравнились между собой). Отныне все могли работать примерно одинаково и гарантированно получать за это равную долю общих благ. При этом собственное хозяйство частично проецировалось на весь колхоз, и в нем могли успешно проявиться те психологические черты, которые культивировались ранее совместным трудом в многосемейном хозяйстве. Этого было недостаточно, чтобы относиться к переменам с энтузиазмом, но достаточно для того, чтобы смириться с ними. Сотрудниками Института искусствознания, этнографии и фольклора Национальной академии наук Беларуси зафиксирована показательная поговорка: *У калгасе добра жыць: адзін робіць — сем ляжыць*¹¹⁵³.

Колхозная жизнь быстро проявила еще одну свою особенность, выраженную другой ироничной поговоркой: *Все вокруг колхозное — все вокруг мое*¹¹⁵⁴. Обобществленное хозяйство предоставляло прекрасные возможности для мелких хищений, в результате чего значительная часть плодов коллективного труда распределялась, так сказать, в рабочем порядке, не дожидаясь официальной выдачи жалованья. Сквозь газетные материалы рефреном проходит мотив о необходимости бороться с расхитителями колхозного имущества. Летом 1934 г. родился часто используемый газетой термин *кулацкие парикмахеры*, которым обозначались люди, тайком срезающие колосья на колхозных полях. Опубликованная 20 июля карикатура показывала благодушно спящего колхозника, за спиной которого враг под покровом ночи косил колхозную рожь.

Открылись богатые возможности для коррупции должностных лиц путем манипуляции учетными показателями при определении количества трудодней, сдаче молока на заготовительные пункты и т. п. В августе 1934 г. селькор, подписавшийся как *молокосдатчик*, разоблачал махинации заведующего сепараторным пунктом в деревне Козыри Язепа Фалея — сына бывшего лавочника из деревни Укроповичи. Отец его был *вычищен из колхоза «Красная Звезда» в деревне Корень как агитатор, срывщик посевной кампании и классово чуждый элемент*. Сам Язеп ранее заведовал таким же пунктом в Александринове и был снят с работы за нечестность. Избежав суда благодаря тому, что директор молокозавода Барабалин *пьянствует с ним*, он устроился в Козырях, где проживали 7 его свояков из рода Лисов (автор заметки перечисляет их поименно). Для них Язеп Фалей завышал показатели жирности сдаваемого молока за счет других сдатчиков, которым эти цифры умышленно занижались. В подтверждение своих обвинений автор ссылался на показания работницы пункта Наташи Томашевской и члена сельсовета Степана Лойковского¹¹⁵⁵.

Все эти явления (безусловно, нежелательные с точки зрения властей) оказались той отдушиной, которая облегчила крестьянам адаптацию к непривычному и чуждому их психологии колхозному укладу. Это был как раз тот случай, для которого имела поговорка: *Рэдзька кажэ: я з мёдам добра, а мёд кажэ: а я бяз рэдзькі яшчэ лепш*.

Наиболее сообразительные быстро поняли, что в колхозе тоже можно жить, особенно если руководствоваться категориями двойной морали: на собраниях (представлявших собой некий эквивалент совместных молений в религиозных коммунах) громко ратовать за трудовую дисциплину и классовую бдительность, а в то же время использовать колхозный амбар для откорма собственного поросенка, а родство с заведующим заготовительным пунктом — для фиктивного перевыполнения плана заготовок. Эта двойная мораль позволила выжить людям, у которых отняли их прежний жизненный уклад, но она была разрушительна для общества в целом. Из личных наблюдений могу засвидетельствовать: современные белорусские крестьяне, безусловно признающие воровством, скажем, вытаскивание денег из чужого кармана, отнюдь не считают преступлением прихватить мешок муки из колхозного амбара. В их представлении *так делают все*. Эти условия вызвали появление еще одной современной поговорки: *Вор — не тот, кто крадет, а тот, кто попадается*. Предпосылки для такой морали формировались еще в эпоху крепостного права, когда леса были собственностью пана, и незаконный промысел в них расценивался как своеобразная удаль: *Хто ў леся ні злодзі, той дома ні гаспадар*. Но теперь в такой отчужденный лес

¹¹⁵¹ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи и правового государства: В 2 т. — 2-е изд., испр. — СПб., 2000. Т. 2. С. 401.

¹¹⁵² Historia Polski w liczbach: rolnictwo, leśnictwo. Zeszyt 2. GUS. 1991. S. 232.

¹¹⁵³ Беларусь. Т. 5: Сям'я. — Мн., 2001. С. 47.

¹¹⁵⁴ Из личных наблюдений автора.

¹¹⁵⁵ Чырвоная Лагойшчына. № 80. 3 августа 1934.

превратилась вся окружающая действительность. Карман при этом, по большому счету, остался пустым, но душа утратила прежнюю чистоту.

Нормы двойной морали быстро усвоили и председатели колхозов. Жизнь научила их: для того, чтобы быть на хорошем счету у начальства, необходимо обеспечить выполнение плановых показателей, а какой ценой это достигается — вопрос второстепенный. Наилучшим способом нередко оказывались приписки и подлоги, хотя иногда их разоблачение все же оборачивалось серьезными неприятностями. Один такой случай имел место в 1933 г. (правда, не на исследуемой территории, но совсем рядом): проверка выявила, что 5 колхозов, в том числе «Красный партизан» (в деревне Лозки Кореньского сельсовета), умышленно занизили в своих отчетах цифры ожидаемого урожая, чтобы оставить большую его часть в своем распоряжении. Двое из этих руководителей, председатель колхоза «Красные Олешники» Юрковичского сельсовета Антон Шульгович и председатель «Красного партизана» Янка Саевич, были за обман государства осуждены на 3 года лишения свободы¹¹⁵⁶. Но власти не могли покарать всех фальсификаторов отчетности — для этого пришлось бы осудить слишком многих. В конце концов и здесь установился принцип: главное — не попадаться.

Сельское общество ко второй половине 1930-х гг. оказалось глубоко деморализованным. Это на время парализовало социальные механизмы, регулировавшие и канализировавшие ту энергию подсознания, которая подобно магме напирала изнутри психики каждого человека. Вскоре она проявила свое дикое обличье, когда логика упрочения единоличной власти Сталина инициировала **новые репрессии**, пик которых пришелся на 1937—1938 гг. Острие удара на этот раз было направлено против партийных и военных кадров, однако для их массовой чистки потребовалось создать в стране атмосферу всеобщей подозрительности и доноительства, когда любой сигнал о чьей-то неблагонадежности почти автоматически запускал механизм репрессивной машины. Сами сотрудники карательных органов, преобразованных в июле 1934 г. из ОГПУ в Главное управление государственной безопасности Народного комиссариата внутренних дел (ГУГБ НКВД), не могли не дать ход самому бредовому доносу, так как рисковали в этом случае быть обвиненными в попустительстве врагам. Желая доказать свое рвение, они пытками выбивали из арестованных показания на их предполагаемых сообщников, в результате начиналась новая волна арестов. В свою очередь члены *троек* и особых трибуналов, вынося приговоры обвиняемым, тоже не могли рисковать, проявляя мягкотелость и снисходительность. Поэтому наказания в этот период были гораздо более суровыми.

Процесс был аналогичен охоте на ведьм в Западной Европе, но с тем отличием, что на сей раз побеги индивидуализма приносились в жертву стадному инстинкту. Именно в это время недостающие ранее симптомы экзистенциального невроза по В. Франклу — коллективное мышление и фанатизм — расцвели в полной мере, позволяя говорить даже не о неврозе, а об искусственно вызванном остром психозе. Людей, устойчивых к нему и способных остановить его распространение подобно тому, как графитовые стержни гасят цепную реакцию в уране, к этому времени уже не было в популяции.

Представление об итогах этой вспышки коллективного безумия дает база данных «Реабилитированные». Она содержит печальный мартиролог имен простых крестьян, в том числе и обитателей Кореньщины, схваченных органами НКВД без всякой логики (а главное — без всякой вины) и, как правило, получивших смертные приговоры. В лучшем случае их ждал огромный срок в лагерях, иезуитски названных *исправительно-трудовыми* (ИТЛ). Александр Солженицын в своей книге «Архипелаг ГУЛАГ» назвал их *истребительно-трудовыми*. Поскольку **у истоков каждого дела был чей-то донос**, само их количество дает представление о том моральном климате, который сложился в *стране победившего социализма* во второй половине 30-х годов. Сколь бы ни длинен был список жертв, его хочется привести целиком (в хронологической последовательности арестов и с формулировками обвинения).

Т а б л и ц а 65. Список жителей Кореньщины, репрессированных в 1937—1938 гг.

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Год рожд.	Деревня	Семья (чел.)	Дата ареста	Обвинение	Приговор	Дата реабилитации	№ дела в архиве КГБ
1	Соколовский Иосиф Францевич	1904	Затишье	2	18.07.1937	Антисоветская агитация	10 лет ИТЛ	27.03.1989	24824
2	Лис Иван Петрович	1878	Прудки	3	21.07.1937	Член шпионской организации	Расстрелян 5.01.1938	1989	24233
3	Политанский Адам Доминикович	1871	Корень	4	21.07.1937	Член ПОВ	Расстрелян 5.01.1938	27.11.1958	13320

¹¹⁵⁶ Чырвоная Лагойшчына. № 78. 19 июля 1933; № 83. 3 августа 1933.

4	Шульгович Юзефа Францевна	1906	Громница	2	21.07.1937	Член ПОВ, шпионаж	Расстреляна 3.01.1938	30.04.1989	24232
5	Шуляк Адам Леонтьевич	1874	Старое Чернево	2	21.07.1937	Член ПОВ	Расстрелян 5.01.1938	27.11.1958	13320
6	Шуляк Иван Леонтьевич	1876	Старое Чернево	1	21.07.1937	Член ПОВ	Расстрелян 5011938	27.11.1958	13320
7	Мороз Иосиф Игнатьевич	1890	Корень	5	25.07.1938	Агент польской разведки	Расстрелян 14.10.1938	30.04.1989	23411
8	Коренский Феликс Францевич	1898	Михалковичи	3	6.08.1937	Агитировал колхозников не выходить на работу	10 лет ИТЛ	15.03.1989	21278
9	Окулич Петр Иосифович	1897	Громница	0	6.08.1937	Антисоветская агитация	Расстрелян 26.09.1937	22.03.1989	21330
10	Фалей Иосиф Адамович	1874	Затишье	2	6.08.1937	Антисоветская агитация	10 лет ИТЛ, умер в лагере 16.06.1942	30.04.1989	23266
11	Стасюлевич Иосиф Николаевич	1886	Громница	2	13.08.1937	Член ПОВ	Расстрелян 3.01.1938	27.03.1989	21794
12	Климашевский Адольф Викентьевич	1910	Корень	2	23.08.1937	Член ПОВ	Расстрелян 11.01.1938	27.03.1989	21793
13	Стасюлевич Антон Николаевич	1896	Громница	6	23.08.1937	Антисоветская агитация	10 лет ИТЛ	18.04.1989	22573
14	Щербович Антон Адамович	1894	Прудки	4	23.08.1937	Агент польской разведки	Расстрелян 9.01.1938	30.04.1989	27722
15	Григорчик Николай Яковлевич	1887	Прудки	3	23.08.1937	Агент польской разведки	Расстрелян 17.01.1938	16.03.1989	21115
16	Благуш Анисим Михайлович	1897	Прудки	1	24.08.1937	Антисоветская агитация	10 лет ИТЛ	23.03.1989	21347
17	Вашкевич Антон Иванович	1887	Прудки	1	24.08.1937	Агент польской разведки	Расстрелян 28.01.1938	31.03.1989	21801
18	Вашкевич Альжбета Иосифовна	1879	Прудки	0	24.08.1937	Антисоветская агитация	10 лет ИТЛ	10.04.1989	22298
19	Носевич Ефим Андреевич	1887	Прудки	5	24.08.1937	Агент польской разведки	Расстрелян 21.12.1937	23.03.1989	24833
20	Лис Магдалена Петровна	1883	Прудки	0	24.08.1937	Агент польской разведки	10 лет ИТЛ	31.03.1989	21811
21	Лис Мария Николаевна	1883	Прудки	1	24.08.1937	Агент польской разведки	Расстреляна 16.01.1938	20.03.1989	
22	Лис Николай Иванович	1891	Козыри	8	24.08.1937	Антисоветская агитация, распространял слухи о перемене власти	10 лет ИТЛ, умер в Рыбинске 23.08.1940	30.04.1989	23583
23	Лис Станислав Иосифович	1898	Пястун	5	24.08.1937	Агент польской разведки (передавал сведения о конском поголовье колхоза)	Расстрелян 21.12.1937	30.03.1989	24890
24	Гусаковский Петр Викентьевич	1904	Корень	3	24.08.1937	Член ПОВ	Расстрелян 26.12.1937	21.03.1989	22305
25	Рендаревич Иван Иосифович	1910	Корень	2	24.08.1937	Антисоветская агитация	10 лет ИТЛ, умер в лагере 25.10.1940	31.03.1962	17513

26	Заянковский Бенедикт Иосифович	1902	Громница	3	24.08.1937	Агент польской разведки	Расстрелян 5.01.1938	30.10.1858	13180
27	Стасюлевич Станислав Николаевич	1884	Громница	2	24.08.1937	Агент польской разведки	Расстрелян 3.01.1938	12.06.1989	25508
28	Шульгович Франц Францевич	1889	Громница	3	24.08.1937	Контрреволюцион ная деятельность	Расстрелян 8.01.1938	28.12.1959	15157
29	Бычковский Иосиф Карлович	1902	Терехи	4	24.08.1937	Агент польской разведки	Расстрелян 5.01.1938	9.03.1989	21121
30	Богданович Анна Адамовна	1873	Прудки	0	25.08.1937	Антисоветская агитация	8 лет ИТЛ	20.04.1989	22203
31	Вашкевич Адам Павлович	1893	Пястун	5	27.08.1937	Агент польской разведки	Расстрелян 21.12.1937	31.03.1989	21934
32	Шульгович Антон Иосифович	1891	Пястун	1	18.09.1937	Антисоветская агитация	10 лет ИТЛ	21.03.1989	21462
33	Высоцкий Казимир Павлович	1889	Лищицы	3	19.09.1937	Агент польской разведки	Расстрелян 21.12.1937	9.05.1959	14124
34	Окулич Иосиф Яковлевич	1900	Михалковичи	3	26.09.1937	Агент польской разведки	Расстрелян 29.11.1937	19.08.1966	19539
35	Щербович Иосиф Михайлович	1900	Корень	7	26.09.1937	Агент польской разведки	Расстрелян 26.12.1937	1.08.1962	17780
36	Сантерский Иван Игнатович	1896	Терехи	1	ранее 10.1937	Идеализировал расстрелянных врагов народа, распространял слухи о перемене власти	Расстрелян 20.10.1937	21.02.1959	13880
37	Лис Антон Иосифович	1894	Козыри	7	15.10.1937	Антисоветская агитация, хранил обрез	10 лет ИТЛ	27.03.1989	21418
38	Картуль Иван Антонович	1902	Лищицы	3	19.11.1937	Член ПОВ	Расстрелян 14.01.1938	15.12.1958	13535
39	Картуль Станислав Антонович	1909	Лищицы	3	19.11.1937	Член ПОВ	Расстрелян 14.01.1938	15.12.1958	13535
40	Картуль Михаил Антонович	1903	Лищицы	1	20.11.1937	Агент польской разведки	Расстрелян 5.01.1938	9.01.1959	13717
41	Жолнерович Иосиф Иосифович	1901	Терехи	0	20.11.1937	Член ПОВ	Расстрелян 5.01.1938	9.01.1959	13717
42	Батура Иван Игнатьевич	1877	Новое Чернево	2	14.12.1937	Агент польской разведки	Расстрелян 20.02.1938	8.10.1959	14812
43	Стасюлевич Марк Фомич	1902	Громница	1	18.01.1938	Член польской шпионской диверсионной организации	Расстрелян	30.11.1959	15056
44	Балцевич Петр Антонович	1898	Терехи	6	14.03.1938	Агент польской разведки	Расстрелян 13.10.1938	8.03.1963	5295
45	Рендаревич Болеслав Адамович	1901	Корень	2	14.03.1938	Агент польской разведки	Расстрелян 13.07.1938	28.07.1958	12057
46	Воронович Антон Иосифович	1894	Громница	1	15.03.1938	Агент польской разведки	Расстрелян 13.07.1938	22.06.1959	14327
47	Жолнерович Иван Иванович	1891	Терехи	1	ранее 05.1938	Агент польской разведки	Расстрелян 13.07.1938	28.04.1989	30323
48	Шульгович Пелагея Францевна	1908	Громница	0	27.05.1938	Агент польской разведки	Расстреляна 26.09.1938	30.04.1989	24442

49	Ясюкевич Иван Адамович	1886	Громница	6	27.05.1938	Агент польской разведки	Расстрелян 26.09.1938	23.06.1989	24449
50	Кудряшонок Федот Назарович	1872	Гани	3	28.05.1938	Член контрреволюцион ной шпионской организации	Приговорен к расстрелу, умер в тюремной больнице 23.10.1939	29.12.1992	35375
51	Шумский Митрофан Терентьевич	1893	Гани		28.05.1938	Член контрреволюцион ной организации	Расстрелян 5.10.1938	31.04.1989	24477
52	Шумская Ефимия Ивановна	1900	Гани		28.05.1938	Член контрреволюцион ной организации	Расстрел заменен на 8 лет ИТЛ	29.02.1992	35375
53	Кудряшонок Григорий Федорович	1918	Гани	0	3.06.1938	Член контрреволюцион ной шпионской организации	Расстрелян 5.10.1938	23.06.1989	24446
54	Кудряшонок Василий Федорович	1907	Гани	0	4.06.1938	Член контрреволюцион ной шпионской организации	Расстрелян 5.10.1938	23.06.1989	24446
55	Кудряшонок Федор Назарович	1872	Гани	2	24.06.1938	Член контрреволюцион ной шпионской организации	Расстрелян 5.10.1938	26.04.1989	24544
56	Кудряшонок Екатерина Антоновна	1878	Гани		24.06.1938	Член контрреволюцион ной шпионской организации	Расстреляна 5.10.1938	26.04.1989	24531
57	Мороз Станислав Игнатьевич	1883	Корень	1	25.07.1938	Агент польской разведки	Расстрелян 14.10.1938	30.04.1989	23404
58	Окулич Иван Антонович	1895	Старое Чернево		25.07.1938	Агент польской разведки	Расстрелян 3.10.1938	30.12.1958	13785
59	Батура Иосиф Фадеевич	1895	Новое Чернево	5	28.07.1938	Агент польской разведки	Расстрелян 19.11.1938	30.12.1958	13646
60	Заянковский Адам Иосифович	1889	Громница	7	3.08.1938	Агент польской разведки	Расстрелян 19.11.1938	31.05.1966	19465
61	Батура Михаил Казимирович	1904	Новое Чернево	1	5.08.1938	Агент польской разведки	Расстрелян 3.10.1938	27.11.1858	13324
62	Соколовский Константин Иосифович	1898	Жирблевичи	8	ранее 09.1938	Агент польской разведки	Расстрелян 29.09.1938	7.06.1973	20353

Этот печальный список не является исчерпывающим. В частности, жители деревни Прудки вспоминают об аресте Антона Николаевича Лойковского (около 1880 г. рожд.), запись о котором в базе данных не обнаружена (видимо, его фамилия и место жительства в деле искажены). Возможно, более тщательный опрос позволил бы выявить еще кого-то. Так или иначе, с июля 1937 г. по август 1938 г. на территории с населением около 3,5 тыс. были арестованы не менее 62 человек, из которых 30 оказались «польскими шпионами», а 18 — членами шпионско-диверсионных организаций, в том числе и вновь возникшей мифической «Польской организации войсковой» (ПОВ). Свою роль, безусловно, сыграла близость польской границы, а также тот факт, что многие жители Кореньщины на основании конфессиональной принадлежности называли себя поляками. Из них 50 человек получили смертные приговоры, остальные 12 — сроки заключения от 8 до 10 лет (не менее 3 из них погибли в лагерях). Еще 159 человек насчитывали члены их семей (испытавшие, как минимум, моральный террор и лишение политических прав в качестве *семей врагов народа*). С учетом этой цифры общее количество лиц, в разной степени затронутых волной репрессий 1937—1938 гг., составляло порядка 6% населения.

Наибольшее число арестов пришлось на деревни Громница (12) и Прудки (10). В Корене были арестованы 8 человек, в Ганях — 7, в Терехах — 5, в Лищицах — 4, в Старом и Новом Черневе, на хуторе Пястун — по 3, в Михалковичах, Козырях и на хуторе Затишье — по 2, в Жирблевичах — 1. Совсем миновали аресты на сей раз деревни Антоновка и Нарбутово. Примечательно, что все трое арестованных в деревне Новое Чернево фигурировали в разоблачительной заметке,

опубликованной анонимно в районной газетой в 1933 г. Очевидно, виной их гибели был тот же давний недоброжелатель, который, наконец, дождался своего часа.

Немало уроженцев Кореньщины, живших за ее пределами, тоже стали жертвами этой волны террора. Есть смысл привести и их список, так как многие из них наверняка сохраняли тесную связь с родными местами. Вести об их арестах, доходившие до родственников и друзей, добавляли свои оттенки в палитру местной жизни второй половины 30-х годов.

Т а б л и ц а 66. Список уроженцев Кореньщины, репрессированных за ее пределами

№	Фамилия, имя, отчество	Год рождения	Место рождения	Место жительства	Дата ареста	Обвинение	Мера наказания	№ дела в архиве КГБ
1	Носевич Михаил Карлович	1890	Михалковичи	д. Броды Логойского района	11.07.1937	Агент польской разведки	Расстрелян 28.09.1937	25482
2	Окулич Адам Фомич	1882	Терехи	мест. Плещеницы	23.08.1937	Член контрреволюционной организации	Расстрелян 30.12.1937	13884
3	Окулич Иван Фомич	1884	Терехи	мест. Хотаевичи Плещеницкого района	24.08.1937	Член ПОВ	Расстрелян 30.12.1937	11488
4	Балцевич Викентий Адамович	1890	Терехи	пос. Острошицы Минского района	24.08.1937	Агент польской разведки	Расстрелян 16.01.1938	24206
5	Бойко Иосиф Александрович	1914	Новое Чернево	г. Минск, лесопильный завод	24.08.1937	Агент польской разведки	Расстрелян 8.01.1938	24381
6	Балцевич Франц Фомич	1894	Терехи	д. Михалово Логойского района	26.08.1937	Агент польской разведки	Расстрелян 17.01.1938	18133
7	Кондрашенко Наум Назарович	1876	Гани	г. Орша	19.11.1937	Агент польской разведки	Расстрелян 21.12.1937	нет данных
8	Герлятович Иван Иванович	1884	Корень	д. Малые Беседы Логойского района	15.12.1937	Агент польской разведки	Расстрелян 10.03.1938	24427
9	Рабецкий Александр Григорьевич	1890	Прудки	хут. Лужки Логойского района	14.01.1938	Член шпионской диверсионной организации	Расстрелян 10.03.1938	25176
10	Носевич Иосиф Адамович	1897	Михалковичи	г. Логойск, счетовод маслозавода	7.04.1938	Агент польской разведки	10 лет ИТЛ, умер в лагере 2.11.1940	18732
11	Скют Абрам Мовшевич	1886	Жирблевичи	мест. Плещеницы	29.07.1938	Агент польской разведки	Расстрелян 9.10.1938	24502
12	Шаршун Иосиф Степанович	1881	Терехи	Логойск, сторож райпотребсоюза	8.08.1938	Агент польской разведки	10 лет ИТЛ, умер в Темиртау 26.01.1942	11615
13	Вашкевич Михаил Степанович	1894	Терехи	д. Кузевичи Логойского района	6.07.1939	Антисоветская агитация	10 лет ИТЛ	31295

Всего же с начала коллективизации по 1938 г. в популяции, насчитывающей около 3,5 тыс. человек, не менее 260 подверглись прямым репрессиям: около 110 были арестованы и около 150 — высланы (более 60 из них погибли). Еще около 150 человек пострадали от экономических санкций (твердые задания и т. п.), примерно столько же или чуть более — в качестве членов семей арестованных. При таком подсчете доля прямых жертв составляет более 7%, а общее количество пострадавших и членов их семей — около 18—19%, т. е. почти пятую часть популяции. Еще раз подчеркну, что в большинстве случаев это была ее лучшая часть — люди, добившиеся наибольшего успеха в хозяйстве и имевшие собственный взгляд на мир. Именно этим они вызывали опасения властей и зависть всевозможных «красных подонков». Конечно, среди активистов колхозного движения тоже оказалось немало ярких личностей, искренне поверивших в возможность построения нового мира и посвятивших свои жизни осуществлению этой мечты. Тем не менее из популяции насильственно устранены люди, не только умеющие работать и полагаться на свои силы, но и психологически устойчивые к миражам легкого счастья. Исчезновение этой элиты болезненно ощущается и сегодня, спустя более полувека после тех трагических событий.

Ущерб, нанесенный Кореньщине репрессиями 1930-х гг., в целом сопоставим с тем, что происходило на всей тогдашней территории БССР. По мнению М. П. Костюка, в границах 1939 г. проживало около 5 млн. человек, а репрессиям подверглось около 500 тыс., или каждый десятый (в эту цифру входят и репрессированные в послевоенные годы, но не входят члены семей арестованных и пострадавшие от экономических санкций)¹¹⁵⁷.

Последним звеном в цепи многочисленных потрясений, выпавших на долю белорусской деревни в межвоенный период, явилась кампания по **селению хуторов** в колхозные селения, проведенная в 1939—1940 гг. С этого времени на территории Кореньщины остались 14 населенных пунктов: Антоновка, Гани, Громница, Жирблевичи, Козыри, Корень, Красный Бор, Лищицы, Михалковичи, Новое Чернево, Нарбутово, Прудки, Старое Чернево и Терехи. Большинство их жителей были уже колхозниками — судя по тому, что на 1 июля 1939 г. в целом по республике в колхозах состояло 91,9% хозяйств¹¹⁵⁸. Немногочисленные оставшиеся единоличники в основном были лицами, ранее исключенными из колхозов или не принятыми в них из-за своего кулацкого прошлого.

Снова война

Первым этапом Второй мировой войны, в котором принял участие Советский Союз, была почти бескровная акция по присоединению Западной Беларуси в сентябре 1939 г. Зимой 1940/41 г. произошла война с Финляндией. Она оказалась более кровопролитной, но официальные данные о потерях не афишировались и отдельные списки их не составлялись. Насколько удалось установить по опросам местных жителей, в этой войне погибли по крайней мере 6 жителей Кореньщины: Адам Фомич Балцевич из Терехов, Александр Иванович Лис из Козырей, Павел Равина, бывший ранее председателем колхоза в Прудках, Адам Петрович Фалей из Кореня, Владислав Антонович Носевич из Михалкович и Антон Михайлович Ковалевский, бывший председатель колхоза в той же деревне. Кроме того, на финской войне погибли уроженец Терехов Иван Васильевич Хотько, ранее переселившийся в деревню Юрковичи в примаки, и уроженец Прудков Иосиф Адамович Лис (около 1915 г. рожд.), живший в Минске.

После нападения фашистской Германии на Советский Союз 22 июня 1941 г. начался один из самых мрачных и в то же время героических периодов в истории Кореньщины — **период Великой Отечественной войны**. Ее территория оказалась оккупированной немцами уже в первые недели войны. Это помешало развернуть полную мобилизацию, и многие мужчины призывного возраста на время оккупации остались в своих домах. Первый удар приняли на себя регулярные части Красной Армии, в которых на тот момент находились несколько десятков уроженцев Кореньщины. По имеющимся данным, в этот период войны на фронте погибли и пропали без вести не менее 25 из них, многие попали в плен. Впрочем, некоторым посчастливилось уцелеть и, попав в окружение, даже вернуться домой. Житель Красного Бора Казимир Щербович попал в окружение под Ломжей, на границе с Польшей. Укрытый на несколько дней одним из местных жителей, он затем отправился пешком *на восход солнца* и, пройдя несколько сот километров по занятой врагом территории, благополучно вернулся домой.

Население, не успевшее хоть немного оправиться от многолетнего террора собственного правительства, испытало ужасы террора захватчиков, которые оставили неизгладимый след в коллективной памяти. На их фоне все, происходившее в предыдущие годы, потускнело и отошло на второй план. Первыми жертвами стали евреи. На территории Кореньщины, судя по имеющимся данным, к этому времени оказались 5 еврейских семей, живших в деревне Терехи: ранее раскулаченная семья торговца Сроля Шульмана в составе 5 или 6 человек, семья Ицки Савельсона из 4 человек, семья Нехамы Гершман (4 человека) и семьи Ицки Берсона и его сына Невуха, насчитывавшие вместе 12 человек. Четыре из этих пяти семей были расстреляны 30 августа 1941 г.¹¹⁵⁹ Уцелеть посчастливилось лишь одной семье — Сроля Шульмана. В течение трех лет оккупации они прятались в землянке где-то посреди болота Чистик. Все это время нужно было чем-то питаться. Сыновья Сроля худо-бедно помогали партизанам (очевидно, за продукты), выполняя их разовые задания. Нередко они, черные от грязи, насквозь пропахшие дымом, приходили в деревню: просили продукты, а порой и откровенно вымогали, пугая старушек несуществующей бомбой. Это не вызывало особого энтузиазма, но выдать Шульманов полиции никто не посмел.

¹¹⁵⁷ Касцюк М. Балшавіцкая сістэма ўлады на Беларусі. — Мн., 2000. С. 176.

¹¹⁵⁸ Завершение коллективизации сельского хозяйства и организационно-хозяйственное укрепление колхозов Белорусской ССР (1933 — июнь 1941 гг.): Сб. документов и материалов. С. 216.

¹¹⁵⁹ В Государственном архиве Минской области хранится микрофильм этого дела, скопированный с оригинала, находившегося в Государственном архиве Российской Федерации в Москве: ф. 7021, оп. 87, ед. хр. 8. Упоминание о расстреле евреев содержится на л. 6, а перечень расстрелянных — в общих списках жертв преступлений нацистов на л. 104.

По воспоминаниям местных жителей, с приходом немцев население поначалу заняло выжидательную позицию. Проходящие фронтовые части в особых зверствах не были замечены. Некоторые люди, бывшие тогда детьми, вспоминают, как солдаты угощали из конфетами. Расстрел евреев стал первым событием, которое показало, что от новых хозяев ничего хорошего ждать не приходится.

Оккупационный режим, установленный немцами, оставил практически неизменной прежнюю административную структуру. Сельсоветы были преобразованы в волости, а в каждой деревне назначен староста, ответственный за контакты между властями и населением. В Козырях старостой немцы назначили Лиса (имя установить не удалось). Этой должностью он был обязан своему знанию немецкого языка, так как в Первую мировую войну побывал в немецком плену. В Прудках должность старосты предложили Николаю Носевичу, который считался пострадавшим от советской власти — в 1933 г. арестован по делу ПОВ и вернулся из лагерей незадолго до войны. Но он исполнял обязанности не на должном уровне, и тогда старостой назначили Антона Луцкого, перед войной переселенного с хутора.

Поначалу в крупных деревнях разместились небольшие полицейские гарнизоны, в которых служили в основном полицейские, присланные из других мест. Довольно много желающих служить в полиции оказалось только в Новом Черневе, вследствие чего эта деревня получила репутацию «полицейской». В других деревнях такие случаи бывали единичными. Колхозы сразу прекратили существование, и уже в августе 1941 г. крестьяне разделили землю, скот и сельскохозяйственный инвентарь. Однако вскоре из волости пришел приказ — собрать все назад. Той же осенью новые власти все же разрешили разделить колхозное имущество. Крестьяне разобрали на участки колхозные поля вместе с еще не убранным урожаем и поделили имевшийся скот (некоторым хозяйствам достался один конь на двоих).

Весной 1942 г. каждая семья заседала тот участок, которым владела до коллективизации. Безземельным и новоприбывшим выделялись земли, ранее принадлежавшие раскулаченным хозяйствам. В первые месяцы войны германские войска захватили много пленных, в отношении которых порой проявляли неожиданную либеральность. Часть советских военнопленных была отпущена в распоряжение сельских старост, которые расселили их по дворам, где не имелось трудоспособных мужчин. Так во дворах некоторых вдов и одиноких женщин возникли необычные временные семьи, порожденные прихотью войны. Весной пленные помогали сеять, но вскоре последовал приказ всем им явиться в Логойск. Многие не подчинились этому приказу — перешли на нелегальное положение или ушли в лес, в партизаны.

В первые месяцы оккупации количество **партизан** в лесах, окружавших Кореньщину, исчислялось максимум несколькими десятками человек. Это были в основном *окруженцы* — кадровые военнослужащие Красной Армии, оказавшиеся в глубоком тылу противника, но не сложившие оружие. Одна такая группа, известная как партизанский отряд «Борьба», сформировалась уже в июле 1941 г. в лесах севернее Кореньщины, на территории тогдашнего Плещеницкого района. Осенью значительная часть отряда решила уйти к своим, за линию фронта, оставшиеся объединились в апреле 1942 г. с новой группой окруженцев, пришедшей из Западной Беларуси. Другой такой отряд, получивший название «Мститель», сформировался в феврале 1942 г. в том же Плещеницком районе из окруженцев и местных жителей, число которых пополнили подпольщики-железнодорожники из Минска, под угрозой ареста вынужденные уйти в леса. Его командиром стал один из офицеров-окруженцев В. Т. Воронянский, уроженец Полтавщины. В апреле 1942 г. юго-западнее Кореньщины, в лесах по берегам реки Илии, начал действовать еще один отряд — «Штурм», командиром которого стал один из бывших военнопленных, распущенных из лагерей, — Б. Н. Лунин, уроженец Саратовской области. В тех же местах действовала небольшая группа окруженцев под командованием В. Д. Захарова, в лесах восточнее Плещениц — группа лейтенанта Большакова.

Деятельность этих малочисленных групп не представляла серьезной угрозы для немецкого оккупационного режима и мало соответствовала директивам Ставки Верховного главнокомандующего о развертывании в тылу врага всенародной партизанской борьбы. Чтобы интенсифицировать эту борьбу, советское командование с лета 1942 г. перешло к новой тактике: пользуясь разрывом в линии фронта, образовавшимся к северо-востоку от Витебска (так называемые «Витебские ворота»), оно начало отправлять в немецкий тыл хорошо вооруженные пешие группы из отозванных с фронта военнослужащих, специально подготовленные для партизанской войны. Часть этих групп имела разведывательно-диверсионные задачи, но главной их целью было послужить катализатором партизанского движения на оккупированной территории. Каждой группе заранее намечался район дислокации, куда она должна была скрытно перебазироваться и стать ядром крупного партизанского формирования — отряда или бригады.

Эта тактика оказалась успешной. Диверсионная группа «Бывалые» под командованием офицера-спецназовца П. Г. Лопатина, в мае 1942 г. прибывшая в глухие леса на правом берегу Березины, западнее озера Палик, объединилась с группой Большакова и образовала отряд «Дяди Коли», а также инициировала появление нескольких небольших отрядов из числа местных жителей. В июне в отведенный группе лесной район восточнее Логойска, по нижнему течению реки Гайны, прибыла вторая группа, образовавшая отряд «Смерть фашизму». В район озера Палик (но восточнее, на левый берег Березины) также перебросили группы партизан с севера, из Витебской области, образовавшие отряд «Старик». Еще одна такая группа была переброшена в район действий отряда «Штурм», где вместе с диверсионной группой, присланной из советского тыла, она образовала отряд имени Фрунзе.

Численность партизан после этого начала быстро расти, и уже в августе отряд «Дяди Коли» и созданные под его воздействием местные отряды объединились в партизанскую бригаду, сохранившую название «Дяди Коли» (ее командиром стал П. Г. Лопатин), а на базе отряда «Старик» возникла одноименная бригада, в состав которой в ноябре вошел и отряд «Смерть фашизму». Отряды, действовавшие на западе Плещеницкого района, в сентябре также объединились в бригаду, поначалу получившую название «Дяди Васи». Ее командиром стал В. Т. Воронянский. Чуть позже, в декабре 1942 г., на базе отряда «Штурм» и выделившихся из его состава дочерних отрядов создана бригада «Штурмовая» под командованием Б. Н. Лунина.

Таким образом, в течение лета — осени 1942 г. в радиусе 30—40 км от Кореньщины возникли четыре крупных партизанских формирования, каждое из которых насчитывало несколько сотен вооруженных бойцов: на юго-западе — бригада «Штурмовая» и действовавший самостоятельно отряд им. Фрунзе, на северо-западе — бригада «Дяди Васи», на северо-востоке — бригада «Дяди Коли», на юго-востоке — отряд «Смерть фашизму» бригады «Старик». Еще более крупное формирование, бригада «Железняк», базировалось выше по течению Березины (основной сферой ее действий стал тогдашний Бегомльский район, но один из отрядов базировался в Логойском). Действия бригад подчинялись, хотя и не без трений, подпольному центру ЦК КПБ(б), который возглавил присланный из-за линии фронта партийный работник П. А. Жукович¹¹⁶⁰. В ноябре 1942 г. на основе группы коммунистов, несколькими месяцами ранее выделенной из состава отряда «Мститель» для партийной работы в районе, был образован подпольный Логойский райком КП(б)Б¹¹⁶¹.

Все это коренным образом изменило обстановку. Небольшие полицейские гарнизоны уже не могли противостоять такому противнику и были стянуты в райцентры и крупные местечки. Гарнизон численностью около 240 полицейских находился в Логойске, другой — в Плещеницах. Чуть далее от Кореньщины, в Зембине, размещался еще один гарнизон численностью около 120 человек. В конце 1942 г. партизаны, накопив силы, перешли к наступательным действиям. Бригада «Железняк» 17 декабря полностью ликвидировала гарнизон в Бегомле, окруженном густыми лесами, и взяла под свой контроль практически всю территорию района. В это же время бригада «Дяди Васи» атаковала гарнизон в Плещеницах, бригада «Дяди Коли» — в Зембине, а «Штурмовая» 23 декабря разгромила гарнизон в Логойске. Правда, в этих местечках партизанам закрепиться не удалось. Но тем не менее вдоль всего верхнего течения Березины, между Докшицами и Борисовом, сформировалась обширная зона, куда представители оккупационного режима доступа не имели. В литературе она известна как Борисовско-Бегомльская партизанская зона.

На территории Кореньщины, как и во многих других районах по всей Беларуси, установилось своеобразное двоевластие. Местная администрация, назначенная немцами, действовала в дневное время, все заготовительные и прочие акции осуществлялись только наездами из крупных гарнизонов. Ночью территория принадлежала партизанам. В деревнях, расположенных среди леса, как, например, Козыри, они свободно появлялись даже днем, заходили в дома пообедать. Практически в каждой деревне несколько человек, главным образом молодые парни, ушли в партизанские бригады.

Отношение к партизанам было двойственное. Сотни человек, сконцентрированные в лесных лагерях, нуждались в большом количестве продуктов. Резолюция подпольного райкома, принятая 2 января 1943 г., закрепляла за каждым партизанским отрядом зону ответственности, в которой они должны были проводить заготовку продовольствия, а также организовать самооборону и сформировать скрытые кадровые резервы для пополнения отрядов личным составом. Территория

¹¹⁶⁰ Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 — июль 1944). — Мн., 1983. С. 457—458, 466—469, 472, 475, 478.

¹¹⁶¹ Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Лагойскага р-на. Кн. 1. С. 286.

пяти сельсоветов, включая Кореньский и Кузевичский, была закреплена за отрядом «Мститель», впоследствии послужившим основой для формирования бригады «Дяди Васи»¹¹⁶²

В деревнях, находившихся в глубине партизанской зоны, жители сеяли хлеб для партизан, но убрать и сохранить его было непросто. Решение бюро подпольного райкома о проведении посевной кампании, принятое 3 апреля 1943 г., предписывало всем отрядам на время сева вернуть крестьянам всех лошадей, оставив лишь необходимый минимум. Не ставя вопрос о восстановлении колхозов, райком лишь предписал создание комиссий для *правильного распределения земли*¹¹⁶³.

Организованная заготовка продуктов среди мирного населения в основном встречалась с пониманием. Любопытно, что сбор продуктов для партизан зачастую организовывали сельские старосты, в свое время назначенные немцами (по крайней мере так было в Терехах). Гораздо чаще крестьяне страдали от небольших групп, посланных на разведывательные и диверсионные задания и лишенных вследствие этого контроля со стороны командиров. Очень часто такие группы занимались реквизицией на свой страх и риск, действуя порой как обычные бандиты. В воспоминаниях очевидцев постоянно подчеркивается, что среди партизан были «хорошие» и «плохие», в зависимости от личных качеств. Последние чаще встречались не среди кадровых военных, а среди местных уроженцев. Одна жительница Прудков, бывшая в то время девушкой-подростком, вспоминала, как чем-то не угодила одному такому партизану, и он погнался за ней с ружейным шомполом. Она, правда, убежала от него, но долго пряталась, не решаясь вернуться домой до глубокой ночи.

Репрессии оккупантов в отношении крестьян поначалу носили довольно локальный характер, хотя и в ту пору можно было лишиться жизни за сравнительно небольшую провинность. В списках погибших в годы войны мирных жителей, составленных уже в наши дни Гайненским сельсоветом, упоминается о гибели в 1942 г. жительницы Жирблевич Марии Андреевны Урбанович, 1912 г. рожд., казненной немцами в Минске. Тогда же в Терехах немцы убили Василия Мартиновича Хотько (около 1890 г. рожд.). Мне довелось слышать две версии его смерти. Согласно первой, немцы забрали у него коня, и он долго умолял вернуть его, пока не был за это убит. По другой версии, немцы разыскивали сына Хотько — Петра, связанного с партизанами, а отец отказался назвать место его нахождения. Жена Василия в войну умерла от тифа, как и многие другие жители. По воспоминаниям, зимой 1941/42 г. погиб советский офицер по фамилии Соколов, до войны служивший в военном городке, который находился между деревнями Корень и Чернево. Зброшенный в немецкий тыл, он пришел в Новое Чернево, чтобы повидаться со своей девушкой, но кем-то из жителей был выдан немцам и вскоре расстрелян в Логойске.

Зимой 1942/43 г. партизаны начали все чаще расправляться с теми, кто пошел на сотрудничество с немцами, совершали террористические акты на лесной дороге из Логойска в Плещеницы, проходившей по восточной окраине Кореньщины. В новогоднюю ночь на 1 января 1943 г. в результате диверсионной акции, подготовленной отрядом «Смерть фашизму», погиб от взрыва бомбы комендант логойского гарнизона Фюрстер. Не в состоянии справиться с набравшими размах действиями партизан, немцы и вставшие на их сторону представители местной администрации вскоре перешли к практике массовых расправ над беззащитными жителями деревень в контролируемых партизанами районах.

Первая такая расправа произошла после того, как утром 22 марта 1943 г. на дороге Логойск — Плещеницы недалеко от поворота на Козыри партизаны отряда «Мститель» расстреляли автомашину, в которой ехал в отпуск один из офицеров размещенного в Плещеницах 118-го карательного полицейского батальона — Ханс Вёльке, в прошлом олимпийский чемпион по толканию ядра, любимец самого Гитлера. Поднятый по тревоге 118-й батальон (состоявший из бывших уголовников и советских военнопленных, в основном украинцев) спешно прибыл на место происшествия. К несчастью, неподалеку жители Козырей валили у дороги лес, создавая по приказу немецких властей 50-метровую охранную полосу по обочинам шоссе. Полицейские собрали их и погнали по дороге, а когда напуганные крестьяне вдруг начали разбегаться, начальник штаба батальона Григорий Васюра отдал приказ открыть огонь. Раненых добивали на месте. В этой бойне погибли 27 жителей Козырей. В тот же день каратели под командованием Г. Васюры сожгли деревню Хатынь, в сторону которой вели следы партизан, уничтожив при этом всех ее жителей¹¹⁶⁴. Название этой деревни стало впоследствии нарицательным, поскольку на ее месте был создан известный мемориал жертвам фашизма.

В апреле 1943 г. немцы предприняли карательную акцию против отряда «Смерть фашизму». Территорию Кореньщины она не затронула, но, преследуя партизан, большие силы карателей уничтожили несколько деревень между Логойском и Борисовом, в том числе в деревне Хотенево в сарае были заживо сожжены 184 человека. Вскоре началась гораздо более

¹¹⁶² Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4. Оп. 33а. Ед. хр. 271. Л. 17—19. Документ опубликован: Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Лагойскага р-на. Кн. 1. С. 288.

¹¹⁶³ НАРБ. Ф. 4. Оп. 33а. Ед. хр. 271. Л. 29. Документ опубликован: Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Лагойскага р-на. Кн. 1. С. 290.

¹¹⁶⁴ Краткое изложение обстоятельств этой трагедии было изложено в газетной публикации: *Лилия Ломсадзе*. Так кто же прав, кто виноват? // Народная газета. № 116. 16 июня 1993 г.

масштабная операция, известная под кодовым названием “Cottbus”. Она проводилась с 20 мая по 21 июня 1943 г. с целью полной ликвидации Борисовско-Бегомльской зоны. Крупные силы немцев и полицейских батальонов, при поддержке танков и авиации, двигались с нескольких направлений в район озера Палик, оттесняя туда партизан. В эту облаву попали и бригады, в которых было немало уроженцев Кореньщины: «Штурмовая», «Дяди Коли», «Смерть фашизму», «Железняк». Бригада «Дяди Васи» вырвалась из смыкающегося кольца на запад, на территорию Вилейского района. На несколько дней немцы восстановили контроль над Бегомлем, где было убито около 300 мирных жителей. Но конечной цели им добиться не удалось: в ночь на 19 июня основные силы партизан прорвали блокаду западнее озера Палик и вернулись в места своей дислокации¹¹⁶⁵.

В течение 1943 г. оккупационный режим становился все более жестоким. Согласно спискам Гайненского сельсовета, в том году за связь с партизанами были казнены житель Михалкович Феликс Иванович Тарлецкий, жительница Нового Чернева Вероника Брониславовна Гусаковская (1905 г. рожд.), житель Терехов Иосиф Францевич Балцевич (1910 г. рожд.) и другие. Ответный террор со стороны партизан был не менее жестоким. Они утопили в туалете старосту деревни Козыри Лиса, так как считали его виновным в гибели Хатыни: будто бы он, пытаясь отвести беду от своей деревни, сам указал немцам следы, ведущие в Хатынь. Также партизаны убили единственного полицейского в Красном Бору — Станислава Шейпу и жителя Терехов Иосифа Николаевича Балцевича. Мне доводилось также слышать смутное воспоминание о том, что в Старом Черневе партизаны за что-то убили некоего Щербовича, который ранее снабжал их самогоном.

Возросли поборы и реквизиции с населения со стороны оккупационных властей, началась практика массовой отправки людей в Германию на принудительные работы. Летом состоялся обмен паспортов, во время которого много молодежи немцы забрали для отправки в Германию. Более пожилых крестьян отправили на работы в Минск, откуда они понемногу разбежались и пешком возвращались домой. Летом 1943 г. деревню Прудки окружила конная полиция, всех согнали на сходку, на которой объявили нормы заготовки сельхозпродукции, а часть молодежи угнали в Германию. В конце того же лета 9 конных полицейских угнали деревенский скот, который пасся на жнивье.

Партизаны также продолжали наносить ощутимые удары. В отдельные периоды гарнизоны в Логойске и Плещеницах оказывались в такой плотной блокаде, что их снабжение приходилось осуществлять по воздуху. Бывшая бригада «Дяди Васи», с июня 1943 г. называвшаяся «Народные мстители»¹¹⁶⁶, 17 августа в очередной раз разгромила плещеницкий гарнизон, после чего он не действовал более полугода. Ряды партизан постоянно пополнялись местными жителями. В сентябре 1943 г. из молодежи Логойского, Плещеницкого и Смолевичского районов в партизанской зоне был сформирован учебно-резервный батальон. Постановление подпольного райкома от 18 октября 1943 г. предписывало создать лагерь партизанского резерва, в котором должны были проходить подготовку все военнообязанные из числа мирного населения. Зоной для заготовки продовольствия для этого лагеря были объявлены три сельсовета, включая Кузевичский¹¹⁶⁷. Подготовленный таким способом резервный батальон в марте 1944 года влился в 1-ю Антифашистскую бригаду¹¹⁶⁸. Другие партизанские формирования тоже разрастались за счет притока людей. Отряд «Большевик», действовавший в непосредственных южных окрестностях Кореньщины, к началу октября 1943 г. вырос настолько, что им стало трудно управлять. Было принято решение выделить из его состава дочерний отряд, названный «Большевик-2». Ему были переданы 80 винтовок, 5 автоматов, 4 пулемета и 58 гранат¹¹⁶⁹. Вскоре таким же путем был образован и третий отряд, а в феврале 1944 г. все три объединились в новую партизанскую бригаду, также получившую название «Большевик» (штаб ее размещался в урочище Рудня Янушковского сельсовета, юго-западнее Кореньщины). В марте на территории Плещеницкого района была сформирована еще одна бригада — имени Калинина¹¹⁷⁰. В этих формированиях находилось немало уроженцев Кореньщины.

¹¹⁶⁵ Подробности этих событий изложены в мемуарах командира бригады «Железняк» И. Ф. Титкова и комиссара отряда (с 29 июля 1943 г. — бригады) «Смерть фашизму» И. П. Дедюли. См.: *Титков И. Ф. Бригада «Железняк»*. — 2-е изд. — Мн., 1982; *Дедюля И. П. Лесная гвардия*. — Мн., 1968.

¹¹⁶⁶ Позднее, 9 января 1944 г., этой бригаде было присвоено имя ее погибшего в сентябре 1943 г. командира — Василия Трофимовича Воронянского. Его именем названа также одна из улиц в Минске.

¹¹⁶⁷ Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Лагойскага р-на. Кн. 1. С. 292.

¹¹⁶⁸ Такое название получило в августе 1943 г. крупное подразделение (дружина, с апреля 1943 г. — бригада) так называемой «Русской национальной освободительной армии», сформированной немцами из русских эмигрантов и военнопленных и брошенной на борьбу с партизанами. Эта бригада под командованием полковника В. В. Родионова (Гиль-Родионова) 16 августа 1943 г. перешла на сторону партизан в зоне действия бригады «Железняк» и в дальнейшем активно сражалась против немцев. Ее боевые действия охватывали и окрестности Кореньщины. 21 сентября 1943 г. ею при участии бригад «Дяди Коли» и «Смерть фашизму» был атакован зембинский гарнизон. См. об этом: *Титков И. Ф. Бригада «Железняк»*. С. 212 и далее; *Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны* (июнь 1941 — июль 1944). С. 477.

¹¹⁶⁹ Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Лагойскага р-на. Кн. 1. С. 292.

¹¹⁷⁰ Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 — июль 1944). — Мн., 1983. С. 480, 481.

Успехи партизан не проходили бесследно для мирного населения, которое оккупанты использовали в качестве заложников, чтобы страхом ответных расправ сковать активность партизан. По мнению переживших войну старожилов Кореньщины, немалую роль в судьбе отдельных деревень сыграли личные качества сельских и особенно волостных старост. В Кореньской волости (бывшем сельсовете) эту должность занимал уроженец Нового Чернева Александр Батура, который стремился поддерживать шаткий баланс между партизанами и оккупационными властями, предотвращать массовые репрессии на территории своей волости. В результате за всю войну ни одна деревня в ней не испытала массовой экзекуции. В Кузевичской волости старостой служил некто Азанович из деревни Добренево (его семью раскулачили в 30-е гг.), искренне стремившийся угодить немецким хозяевам. К тому же в этой волости, где леса с двух сторон обступали шоссе Логойск — Плещеницы, деятельность партизан отличалась особой дерзостью и успехом. По рассказам очевидцев, староста Азанович однажды публично заявил: *Всю волость выжгу, а партизан изведу*. За этими словами последовали поистине страшные события: каратели сожгли 7 из 13 деревень в Кузевичской волости, их них три находились на территории Кореньщины: Гани, Красный Бор и Прудки. Такая же участь постигла и небольшой поселок Идалино на границе микрорегиона.

Этой трагедии предшествовала очередная акция партизан (по воспоминаниям местных жителей — из бригады «Железняк»), которые сразу после наступления нового 1944 года устроили засаду на шоссе у деревни Слаговище и разгромили колонну машин с полицейскими и немцами. После боя партизаны ушли с дороги на запад, в сторону деревни Гани. Карательные части, прибывшие на место разгрома колонны, двинулись по их следам. Три деревни, оказавшиеся на их пути, были уничтожены в один день — 3 января 1944 г. Жителей Ганей каратели захватили врасплох, окружив это небольшое (11 дворов) селение и тем самым не оставив никому даже надежды на спасение. Сначала отобрали всех взрослых мужчин и угнали для отправки в Германию. Потом началась расправа над женщинами и детьми. Все, кто оказался в тот день в своих домах (50 человек), были убиты, а дома сожжены. По трагической случайности погибли и отобранные для работы в Германии мужчины. Их везли в эшелоне, который попал под бомбежку советской авиации. Уцелел лишь один 40-летний Панфил Кудряшов, впоследствии вернувшийся на родину.

Наибольшим количеством жертв сопровождалась расправа над жителями многолюдной деревни Прудки (до войны в ней было около 70 дворов и более 300 жителей). Погибла примерно половина из них — все старики, женщины и дети, которые оказались в тот день в деревне и не успели убежать или остались в домах в надежде, что их не тронут. Убиты были даже жена и дочери старосты Антона Луцкого. Некоторые уцелели чудом, как, например, семья Анны Ивановны Зеленко. Она успела спрятать одного из своих детей в кучу хвороста в саду, оставшуюся после обрезки вишен, а с другим прямо на огороде укрылась на снегу белой скатертью. Там они и лежали, пока рядом горела их хата, а полицейские стреляли кур во дворе. Потери могли бы быть гораздо больше, но у прудчан имелось время для бегства, так как они видели дым и слышали стрельбу в соседних Ганях.

У жителей Красного Бора, оказавшегося следующим на пути карателей, было еще больше времени, чтобы спастись. Многие так и сделали, но около 40 человек остались. Кто-то был стар и слишком слаб, чтобы бежать по снегу, кто-то понадеялся, что беда пройдет стороной. Здесь, как и в Прудках, сработал странный психологический эффект, неоднократно отмеченный исследователями геноцида. Некоторые из тех, кто делал роковой для себя выбор, искренне полагали, что оставаться безопаснее: ведь бегство может послужить доказательством вины. Если же они останутся дома, то тем самым продемонстрируют свою невиновность. Почти все эти люди были убиты, лишь единицам удалось ускользнуть уже после начала расправы.

Прудки и Красный Бор после войны возродились, поскольку почти в каждой семье кто-нибудь выжил. Идалино и Гани навсегда исчезли. Немногие уцелевшие жители Ганей, а также сожженной ранее Хатыни впоследствии поселились в деревне Козыри. Из воспоминаний тех, кто прошел через этот ад, можно создать отдельную книгу. Впрочем, она послужила бы лишь дополнением к уже написанным на эту тему страшным книгам Алеся Адамовича, Янки Брыля и Владимира Колесника «Я из огненной деревни» и не менее жуткой документальной повести того же Алеся Адамовича «Каратели».

Для населения уцелевших деревень последние месяцы оккупации превратились в отчаянную борьбу за выживание. В документах подпольного райкома упоминается налет карателей в феврале 1944 г., которому подверглись Корень, Громницы, Михалковичи, Терехи, а также соседние Лозки, Большие Укроповичи и Новый Селец. В этих 7 деревнях было убито 20 человек, ранено 13, угнано в Германию 4¹¹⁷¹. В частности, согласно спискам погибших, тогда были расстреляны жители Михалкович Иосиф Ковалевский (1866 г. рожд.) и Николай Равина (1918 г. рожд.).

¹¹⁷¹ НАРБ. Ф. 4. Оп. 33а. Ед. хр. 271. Документ опубликован: Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Лагойскага р-на. Кн. 1. С. 251.

Старожилы вспоминают, что в Кореньской волости действовала налаженная система оперативного оповещения о передвижениях полиции: возле каждой деревни устанавливали высокий шест, который был виден издали. Если поблизости замечали полицейских или немецких солдат, шест тут же валили на землю, и этот сигнал повторялся в соседних деревнях. Их обитатели покидали свои дома и разбегались по ближайшим укрытиям, чтобы избежать гибели в случае начала карательной акции. Иногда такие тревоги случались по 2 раза в неделю, хотя порой спокойствие сохранялось по месяцу и больше. Почти всех коней и коров за время войны забрали или немцы, или партизаны. К концу войны в деревнях оставалось в лучшем случае по 3—4 коня. В списках погибших Гайненского сельсовета значится, что в 1944 г. немцы расстреляли жителей Михалкович Иосифа Ковалевского (1866 г. рожд.) и Николая Равину (1918 г. рожд., расстрелян 14 февраля). В отношении многих погибших известен только факт их гибели, но точных данных о ее времени и обстоятельствах не выявлено.

В конце апреля — начале мая 1944 г. под жестокий удар карателей попала 1-я Антифашистская бригада. Из 10 составлявших ее отрядов 5 были разгромлены, погибли более 1000 человек. Судя по воспоминаниям и опубликованному списку погибших партизан Минской области¹¹⁷², в их числе оказались как минимум два уроженца Кореньщины: Николай Заянковский из Громницы (1923 г. рожд.) и Иван Колоша из Михалкович (1921 г. рожд.). Оба они пропали без вести 4 мая 1944 г. Возможно, их было больше, но в указанном списке отсутствуют сведения о месте рождения погибших, поэтому выявить среди них уроженцев Кореньщины без дополнительных сведений проблематично, хотя некоторые фамилии специфичны именно для данной местности.

Незадолго до освобождения, в мае — июне 1944 г. немцы предприняли последнюю массированную попытку ликвидировать партизанскую зону в бассейне верхней Березины. Карательная операция под кодовым названием «Баклан» («*Kormoran*») с участием регулярных армейских частей вновь привела к оттеснению партизанских бригад из окрестностей Кореньщины (число бойцов в них к этому времени достигло около 6 тыс.) в район озера Палик, где они были блокированы. В этой блокаде погибли жители Громницы Антон Садовский (1924 г. рожд., бригада им. Фрунзе, погиб 2 июня 1944 г.) и Антон Ясюкевич (1922 г. рожд., бригада «Большевик»); житель Жирблевич Николай Стрига (1924 г. рожд., бригада «Большевик», погиб 24 июня 1944 г.); житель Кореня Михаил Лис (1923 г. рожд., бригада «Большевик», пропал без вести в июне 1944 г.); не менее 4 жителей Михалкович: Владимир Высоцкий (1923 г. рожд., бригада «Железняк», пропал без вести в июне 1944 г.), Иосиф Коренский и Амилия Ивановна Белостоцкая, а Анна Антоновна Вашкевич из той же деревне подорвалась на mine (имена трех последних в опубликованном списке отсутствуют); житель Прудков Петр Щербович (1922 г. рожд., бригада «Железняк») и, видимо, еще несколько уроженцев Кореньщины. На сей раз прорваться удалось лишь небольшой части партизан. Остальных спасло начавшееся в конце июня 1944 г. наступление Красной Армии, которое вынудило немцев снять блокаду.

Во время операции «Баклан» немцы захватили много мирных жителей для угона в Германию. Из них 5 жителей Лищиц, забракované в Логойске по причине слабого здоровья и отпущенные домой, по дороге были убиты (кем и при каких обстоятельствах — так и осталось неизвестным).

Данные о количестве угнанных в Германию за весь оккупационный период содержатся в материалах комиссии по расследованию преступлений фашистов, действовавшей в 1944 г.¹¹⁷³, а также в похозяйских книгах Кореньского сельсовета, составленных в том же году вскоре после освобождения. Эти данные не совсем совпадают между собой, что свидетельствует об их неточности. Тем не менее общее представление о масштабах угона рабочей силы они дают. На работы в Германию больше всего попало жителей деревень Козыри и Прудки — 42 и 39 человек соответственно. Из Лищиц угнали не менее 28 человек, из Нового Чернева — 23, из Старого Чернева — 22, из Громницы — 16, из Михалкович — 15, из Кореня — 6, из Терехов — 4, из Жирблевич, Нарбутова и Антоновки — по 3. Всего в Германию были отправлены как минимум 184 человека (возможно, в действительности их насчитывалось более 200). Не менее 6 человек умерли на этих работах или пропали без вести. По крайней мере одна девушка из Красного Бора осталась в Польше, выйдя там замуж вскоре после освобождения.

В первых числах июля 1944 г. территория Кореньщины была освобождена. Однако испытания для ее жителей на этом не закончились. Бывшие партизаны, как и все мужское население призывного возраста, вскоре пополнили ряды наступавшей Красной Армии. Они участвовали в освобождении от немцев территории Литвы, в боях в Восточной Пруссии, Венгрии, а впоследствии также в Манчжурии против японских войск. В этих боях погибло не менее 60 уроженцев Кореньщины.

¹¹⁷² Список погибших партизан, подпольщиков, связных партизанских формирований и подпольных организаций, действовавших на территории Минской области в годы Великой Отечественной войны. — Мн., 1995.

¹¹⁷³ ГАМО. Ф. 7021. Оп. 87. Ед. хр. 8 (микрофильм). Л. 158—169об.

Освобождение сопровождалось **новыми карательными акциями**, на сей раз вновь со стороны советских спецслужб. Все, кто служил в полиции или запятнал себя как-то иначе, предстали перед судом и были осуждены на разные сроки. В советские лагеря, прямо из эшелона в эшелон, отправили и многих военнопленных, освобожденных из немецких лагерей, — им в вину ставился сам факт сдачи в плен или какие-то обстоятельства поведения в плену, если они выявлялись при проверке в фильтрационных лагерях. Впрочем, некоторые из бывших советских военнопленных избежали этой участи, закончили войну вновь в рядах Красной Армии и благополучно вернулись домой. Препный волостной старшина А. Батура, сразу после освобождения от немцев тоже призванный в армию, вернулся с фронта инвалидом и был впоследствии осужден на 25 лет. Отсидел он, по воспоминаниям, около 10 лет, после чего поселился где-то в Витебской области. Вместе с ним был осужден и бывший волостной писарь Петр Цикота. Точное количество пострадавших от этой волны репрессий назвать невозможно. Поскольку факт сотрудничества с оккупантами действительно имел место, почти никого из них не реабилитировали, а следственные дела пока недоступны. Ни сами эти люди, ни их родственники не любят говорить об этом. Я полагаю, они имеют право на молчание.

В последующие годы и десятилетия теме Великой Отечественной войны придавалось огромное значение в литературе, публицистике, исторических исследованиях и воспитательно-патриотических мероприятиях. Сложился даже своеобразный культ подвига советского народа и его исторической Победы над фашизмом. Несмотря на все это, нет достаточных данных для восстановления исчерпывающего списка погибших хотя бы в масштабах исследуемого микрорегиона. Имеющиеся в сельсовете списки неполны, что видно из сопоставления их с материалами похозяйских книг 1944—1946 гг., хранящихся в том же сельсовете, и с данными комиссии по расследованию преступлений фашистов. Ни один из этих источников также не содержит исчерпывающих сведений. В частности, не удалось восстановить точный список жителей Красного Бора, погибших при сожжении этого поселка. По деревне Прудки в современных списках сельсовета имеются имена только 8 жителей, погибших в карательной акции. В материалах комиссии содержится список из 147 имен, тогда как в справочнике «Немецка-фашысцкі генацыд на Беларусі» утверждается, что в этой акции были убиты 182 жителя¹¹⁷⁴. Возможно, впрочем, что в это число вошли все жители Прудков, погибшие в партизанах и в целом за время оккупации. Детальное восстановление предвоенного состава каждой семьи этой деревни, проведенное с помощью некоторых ее жителей, позволило выявить только 162 погибших. Вероятно, кто-то оказался пропущенным, но поголовный опрос старожилов требует слишком много времени.

В таблице 66 приводится очень приблизительная статистика потерь по каждой деревне, составленная на основе документальных свидетельств и воспоминаний односельчан. В нее, как правило, включены только те погибшие, кого я могу назвать поименно (их около 500). Степень полноты данных сильно варьирует. По деревне Козыри большинство погибших на фронте указаны вместе с мирными жителями, так как в списках сельсовета они не разделяются, а похозяйские книги этой деревни за 1944—1945 гг. не сохранились. Но все же по этой деревне, а также по Прудкам и отчасти по Михалковичам учет погибших относительно полон, поскольку я по возможности уточнял его методом устного опроса. По большинству других деревень тщательный опрос старожилов, несомненно, принес бы еще сотни имен.

Т а б л и ц а 67. Людские потери Кореньщины в Великой Отечественной войне

Деревня	Призванные в армию		Партизаны, мирные жители		Всего погибших	Население на конец 1945 г.
	погибли на фронте	вернулись живыми	погибли	были угнаны в Германию		
Антоновка	1	8	3	4	3	85
Гани	Нет данных	Нет данных	121*	Нет данных	121*	-
Громница	19	18	12	16	35	264
Жирблевичи	15	23	1	3	16	235
Идалино	Нет данных	Нет данных	28*	Нет данных	28*	-
Козыри	1	7	56	42	57	298
Корень	13	22	2	6	13	194
Красный Бор	3	3	60*	Нет данных	60*	81
Лишицы	10	22	5	28	15	219
Михалковичи	32	32	11	15	48	341
Нарбутово	2	6	Нет данных	3	2	53
Новое Чернево	5	11	2	23	7	127
Прудки	9	12	182*	40	191	152
Старое Чернево	11	22	2	22	9	254
Терехи	26	17	7	4	33	238
Всего	147	203	492	206	638	2541

* Данные из книги: Нямецка-фашысцкі генацыд на Беларусі (1941—1944). — Мн., 1995. С. 32, 34, 55, 269.

¹¹⁷⁴ Нямецка-фашысцкі генацыд на Беларусі (1941—1944). — Мн., 1995. С. 55.

Очень сложно оценить удельный вес военных потерь. Точная численность популяции накануне войны неизвестна. Самая близкая по времени цифра, по состоянию на 1932 г., дает 3252 человека, с поправкой на погрешность учета ее можно оценить в 3300 человек. Данные аграрной переписи 1917 г. и налоговые списки 1922 г. дают схожие цифры — около 3000 человек, по переписи 1897 г. было 2917 человек. Насколько выросло население с 1932 по 1941 г., сказать трудно. В качестве ориентира можно использовать общие данные об изменении численности сельского населения Беларуси. В 1897 г. оно составляло (в современных границах) 5774 тыс. человек, по откорректированным данным переписи 1939 г. оценивается в 7057,4 тыс., на начало 1941 г. — в 7123,3 тыс.¹¹⁷⁵ Если динамика населения Кореньщины была близка к общереспубликанской, то на начало 1941 г. оно должно было насчитывать примерно 3600 человек. В таком случае число погибших составляет 17,7% от довоенной численности, угнанных в Германию — 5,7%.

По Логойскому району в целом сводка прямых военных потерь была окончательно оставлена специальной комиссией при Логойском райисполкоме в 1969 г.¹¹⁷⁶ Комиссия учитывала документированные потери на территории района в его границах на тот момент, т. е. с учетом бывшего Плещеницкого района, присоединенного в 1962 г. На 1933 г. на этой территории значилось 83647 человек, в том числе в тогдашнем Логойском районе — 43772, в Плещеницком — 39875¹¹⁷⁷. Численность накануне войны можно оценить примерно в 91 тыс. человек. Согласно выводам комиссии, за время оккупации из 335 населенных пунктов были полностью уничтожены 70, частично — 95, число сожженных дворов составило 4847. Количество погибших мирных жителей она определила в 8527 человек (что дает 9,4% от довоенной численности), погибших в партизанах — 802 (0,9%), погибших на фронте — 3063 (3,3%). Всего, по этим данным, были убиты 12392 человек (13,6%), угнаны в Германию — 3168 (3,5%).

Есть основания считать все эти цифры заниженными, поскольку общая убыль населения в результате войны оказалась значительно выше. По похозяйским книгам, население Кореньщины на конец 1945 — начало 1946 г. находилось в пределах 2500—2600 человек. Убыль по сравнению с 1941 г. составляет порядка 1000 или чуть более. Конечно, во время войны люди тоже умирали естественным путем, продолжали рождаться дети. Многие уезжали или приезжали, и не все эти миграции точно отражаются похозяйскими книгами. И все же я думаю, что оценка прямых военных потерь цифрой порядка 1000 человек недалеко от истины. Это значит, что для половины из них я не смог установить имена и обстоятельства гибели, а данные комиссии 1969 г. отличаются еще большей неполнотой. Прямые и косвенные потери Кореньщины в таком случае следует оценивать примерно в 28% от довоенной численности. Эта цифра сопоставима с оценками потерь по Беларуси в целом, которые также весьма приблизительны — считается, что погиб каждый четвертый житель.

Конец традиционной деревни

В годы оккупации среди крестьян широко распространилась вера в то, что после изгнания немцев колхозы не будут восстановлены. Они ждали отмены колхозов как награды за те страдания, которые терпели, и за ту лояльность к советской власти, которую они в большинстве своем сохранили в годы оккупации.

Освобождение избавило крестьян от постоянного страха прямого физического уничтожения, но не принесло облегчения повседневной жизни. Послевоенное восстановление промышленности требовало огромных ресурсов, и на сельское хозяйство их не оставалось. Восстановленные, вопреки чаяниям многих крестьян, колхозы не получали необходимых машин и удобрений, но должны были поставлять продукты для городов. Они справлялись с этой задачей только благодаря терпению и покорному, почти рабскому труду колхозников. Война и связанные с ней чудовищные страдания, которые пришлось перенести абсолютно каждой семье, внесли очень глубокую перемену в систему ценностей белорусского крестьянства. На фоне ужасов, пережитых в эти годы, сильно повысился «порог болевой чувствительности» тех, кто остался в живых. Люди были готовы с бесконечным терпением переносить лишения, совершенно неприемлемые в другой ситуации. Вплоть до наших дней представители «военного поколения» меряют жизнь одним критерием: *лишь бы не было войны*.

Вторая половина 1940-х — 1950-е годы были для белорусской деревни временем нищеты. Именно тогда начался процесс глубокой, необратимой трансформации социальной и популяционной структуры. Детальный его анализ заслуживает отдельного исследования, я же лишь очерчу его беглыми штрихами. Идеал счастливой или просто достойной жизни уже никак не ассоциировался с жизнью в деревне. Все, кто сохранял надежду на такую жизнь для себя или своих детей, связывали ее с

¹¹⁷⁵ Население Республики Беларусь: Стат. сб. — Мн., 2001. С. 9.

¹¹⁷⁶ ГАМО. Ф. 2270. Оп. 1. Ед. хр. 558. Л. 164. Документ опубликован: Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Лагойскага р-на. Кн. 1. С. 253.

¹¹⁷⁷ Усе раёны БССР. — Мн., 1933. С. 201, 227.

переездом в город. В эти годы там действительно возник большой спрос на рабочие руки, так как из Германии в качестве контрибуции было вывезено много промышленного оборудования. В городах началось строительство крупных промышленных предприятий. Единственным ограничением было то, что от будущих рабочих требовался определенный уровень квалификации, который можно было получить только на базе среднего образования. Поэтому сельская молодежь получила большие преимущества перед своими родителями, которые до войны не получили образования и теперь, занятые работой в колхозе, не имели возможности восполнить этот пробел.

Именно на таком социальном фоне в послевоенной Беларуси начался **процесс урбанизации**. На 1950 г. пропорция городского и сельского населения еще сохранялась примерно на уровне довоенных десятилетий: соответственно 21 и 79%. К 1959 г. доля городского населения выросла до 31%, к 1970 г. — до 43%. В 1970 г. количество городского и сельского населения сравнялось, к 1979 г. число горожан выросло до 55%, а к 1989 г. — до 65%¹¹⁷⁸. В отношении Кореньщины ситуацию усугубляла близость крупного города — Минска. На момент освобождения летом 1944 г. его население составляло около 80—90 тыс. человек. Уже к осени 1950 г. оно выросло более чем в три раза, достигнув 273 тыс. человек, из которых 137 тыс. работали на заводах и в учреждениях. К началу 1972 г. население Минска превысило 1 млн человек, а к середине 1980-х годов достигло 1,5 млн. В столице сосредоточилось более 15% населения Беларуси, и жители Кореньщины внесли в это свою лепту в полной мере.

Пока традиционная деревня сохраняла свою силу, белорусские крестьяне редко становились лидерами в миграционных процессах. Когда же она вступила в пору распада, маятник качнулся в другую сторону. Вчерашних белорусских крестьян хватило на то, чтобы заселить не только свои города, но и выплеснуть на просторы Советского Союза многомиллионную диаспору, которая осела в городах тех регионов, где местное крестьянство не покидало родные места столь стремительно. Это особенно характерно для республик Прибалтики, где городское население росло столь же быстро, но вклад местных уроженцев был куда более скромным (обретение Прибалтикой независимости в 1990-е гг. превратилось для мигрантов в серьезную политическую проблему).

Эти процессы отразились самым драматическим образом на структуре сельского населения Беларуси. Исход молодежи в город был почти тотальным. Его сдерживала только необходимость получить базовое образование, а для парней — обязанность воинской службы. Закончив 8 или 10 классов, девушки обычно или сразу шли работать на завод, или поступали в среднее техническое училище либо университет, после чего устраивались на работу в городе. Парни часто оставались в деревне до призыва в армию, но шли туда с твердым решением не возвращаться в родительский дом. После службы они также шли учиться или работать в городах, некоторые поступали в военные училища и становились офицерами армии.

Жизненные приоритеты за короткое время изменились на противоположные. Если в прошлом главной целью было сохранение хозяйства, унаследованного от отца, то теперь каждый хотел покинуть его. Тот, кто не сумел закрепиться в городе и возвращался домой, воспринимался как неудачник. Лишь небольшая часть сельской молодежи осознанно выбирала жизнь в деревне. Обычно этот выбор определялся консерватизмом их характера или более-менее осознанным стремлением избежать конкуренции, характерной для городской жизни. В любом случае в сельской местности оставалась наименее энергичная и предприимчивая часть молодого поколения.

Характер этого процесса наглядно виден на примере деревни Жирблевичи. Там, по данным похозяйских книг, в 1944 г. насчитывалось 42 хозяйства, 235 жителей, из них 113 детей в возрасте до 16 лет. В последующие годы 2 ребенка умерли в детстве, 28 выбыли вместе с семьями своих родителей. Из оставшихся по достижении совершеннолетия 58 уехали в города (в основном в Минск), 9 парней основали семьи в других деревнях (обычно это были главные селения окрестных колхозов и совхозов), 9 девушек вышли замуж. В родной деревне остались лишь 7 человек. За первые 16 послевоенных лет, с 1945 по 1960 г., в этой деревне родился еще 51 ребенок. Из них 4 умерли в детстве, а 7 выбыли вместе с родителями. По достижении совершеннолетия в города уехали 36 человек, 3 переселились в другие деревни, 1 девушка вышла замуж за жениха из сельской местности. В родной деревне не остался никто. За последующие 20 лет, с 1961 по 1980 г., родились 18 детей. Из них 7 выбыли вместе с родителями. В города уехали 8 человек, в другую деревню — 1, и лишь двое на 1995 год оставались в семье своих родителей.

Таким образом, за послевоенные годы в Жирблевичах достигли совершеннолетия 134 человека. Из них лишь 9 остались в родной деревне, а 102 уехали в разные города, в том числе в Минск — не менее 70 человек. В результате на 1995 г.

¹¹⁷⁸ Население Республики Беларусь: Статист. сб. — Мн., 2001. С. 9—10.

в деревне оставалась лишь одна полная семья, состоявшая из родителей и 2 детей в возрасте 21 и 20 лет. Еще в 8 домах жили 12 пожилых людей, самому молодому из них было 48 лет.

Такие или очень похожие процессы происходили в тысячах деревень по всей Беларуси. В результате кардинально изменился состав как городского, так и сельского населения. Вызванные этим изменения затронули все стороны социальной жизни, включая ментальность, идеалы, ценности, поведенческие стереотипы. В сознании новоиспеченных горожан происходил полный отказ от традиционных моделей. Но подавляющее большинство из них сохраняло тесную связь с деревней. Практически каждую субботу и воскресенье они проводили в родительском доме, выступая как выразители нового, непривычного мировосприятия и системы ценностей. Родителям по большому счету нечего было им противопоставить. Слишком разителен и очевиден был контраст тех возможностей, которые имели они сами, и тех новых горизонтов, которые открывались их детям в городах.

В городах, куда уехало большинство молодежи, она испытала мощное идеологическое давление. Те, кто переселился в города, жили обособленно друг от друга. Не возникло ничего подобного на общины уроженцев одной местности, поддерживающих регулярные контакты. Главными для таких людей стали новые социальные контакты с сослуживцами, соседями по городским общежитиям или квартирам. С земляками они встречались только в деревне, куда приезжали на выходные или в отпуск. Свой отпечаток накладывала особенность жилищной политики в городах. Обычно молодые семьи проводили несколько лет в общежитиях, после чего получали от государства бесплатную квартиру в многоэтажном доме. Жизнь в таких домах не способствовала тесному общению с соседями. Обычным стало явление, когда многие жильцы в подъезде, насчитывавшем 30—40 квартир, не знали друг друга в лицо.

Все это резко ослабило духовные связи между поколениями. Был полностью разрушен прежний жизненный уклад, когда человек проводил всю жизнь там, где рождались и умирали его родители и деды. Молодые люди начинали самостоятельную жизнь в условиях, совершенно не похожих на условия жизни их отцов и матерей. Подобные явления сопровождали процесс урбанизации по всему миру. Но в Беларуси он протекал особенно остро. Новые белорусские горожане, которые быстро составили большинство населения страны, оказались чрезвычайно восприимчивыми к идеологическому воздействию со стороны государственной машины, тем более что жизнь в городах и крупных селах сопровождалась значительным повышением жизненного уровня по сравнению с жизнью родителей в маленьких деревнях. Новые бытовые удобства, которые были следствием технического прогресса по всему миру, под воздействием пропаганды ассоциировались с достижениями социализма.

Жизненный уклад в сельской местности также претерпел кардинальные изменения. Основная часть тех, кто проживал в сельской местности, сосредоточились в крупных селах. Обычно на один колхоз или совхоз приходилось одно или два таких селения. Местных уроженцев в них осталось очень мало. Большинство семей были приезжими. В середине 1950-х гг. произошло укрупнение колхозов, а к началу 60-х их преобразовали в совхозы — крупные сельскохозяйственные предприятия, охватывающие по 10—15 деревень, где за работу платили уже не продуктами на трудодни, а деньгами. На территории Кореньщины 3 деревни (Антоновка, Жирблевичи и Красный Бор) оказались в составе совхоза «Гайна», а остальные 10 (Громница, Козыри, Корень, Лищицы, Михалковичи, Нарбутово, Новое Чернево, Прудки, Старое Чернево и Терехи) — в совхозе «Кореньский», центральная усадьба которого находилась в Корени. Именно там концентрировалась основная масса приезжих, многие из них селились также в Терехах и Козырях, расположенных вдоль главной дороги, связывавшей Корень с магистралью Логойск — Плещеницы (в Козырях была основана звероводческая ферма, что повлекло приезд специалистов по выращиванию норок и уходу за ними). Вторая значительная дорога шла через Корень с севера на юг, в Гайну, проходя через Михалковичи. Деревни, оказавшиеся в стороне от этих двух транспортных осей, понемногу приобретали налет заброшенности. Вышеприведенный пример с обезлюдением Жирблевич характерен как раз для них. Местное население, стремительно рedeющее по причине оттока в город, вдобавок растворялось в массе приезжих.

Изменился весь сельскохозяйственный ландшафт. В результате мелиорации заболоченных низин основные сельхозугодья совхозов «Кореньский» и «Гайна» переместились туда, а значительная часть старопахотных земель, истощенных за века эксплуатации, была засеяна лесом. Он покрывает теперь урочища с названиями исчезнувших хуторов и с названиями, запечатлевшими их прежнее сельскохозяйственное использование, — Купленное, Новинки. Даже болото Чистик, извечный приют чертей, было осушено и превращено в торфопредприятие.

По мере все более широкого внедрения техники в сельское хозяйство ключевая роль в деревне переходила к механизаторам — трактористам, комбайнерам, работникам механизированных ферм (прежняя доярка теперь напыщенно

именовалась *оператором машинного доения*). Традиционный труд, связанный с прополкой, сушкой сена и т. п., осуществлялся в полеводческих бригадах и приобрел отчетливый характер плантационного. К тому же тот факт, что эту работу мог выполнять человек, не имевший никакой квалификации, неизбежно приводил к падению престижа полеводства. Оно в какой-то мере становилось уделом стариков и немощных. Но любой труд в колхозе или совхозе оплачивался так низко, что им занимались только люди, не нашедшие лучшего варианта. Тем, кто не имел специальности, гораздо выгоднее было устроиться в государственное лесное хозяйство (хорошо платили на *подсочке* — сборе смолы с сосновых деревьев, предназначенных к валке). Одна жительница Козырей вспоминает, сколько усилий ей пришлось приложить, чтобы уйти из совхоза и устроиться на работу в придорожный ресторан, открывшийся на магистрали после возведения мемориального комплекса «Хатынь». Доход механизаторов в совхозе тоже был несравним с заработками в дорожно-строительных и мелиорационных организациях, действовавших по всей округе. Устроиться туда считалось большим успехом, и на этом фоне труд в родной деревне еще больше ассоциировался с уделом неудачников. Жена одного из механизаторов, пытавшегося устроиться где-то на стороне, вспоминает, как он однажды в сердцах бросил ей: *Ну что ты все тянешь меня в колхоз, в это болото!*

Эти слова подводят символическую черту под историей старой деревни. Мир, который веками давал приют (*У родным краї, як у раі*) и придавал смысл существованию своих обитателей, в пору своего распада стал непригляден и тесен. Но некоторые черты традиционного сознания оказались **унаследованными городской культурой** или попросту самовосстановились в ней, поскольку выходцы из деревни не имели альтернативных взглядов и представлений.

Наиболее характерна в этом отношении, пожалуй, общежительская модель поведения. Не то чтобы дети, рожденные в деревне, впитывали ее с молоком матери. Но им негде было приобрести представление о том, что молодая семья должна создаваться только тогда, когда может себя обеспечить, — представление, ставшее уже с XVI в. одной из неотъемлемых черт западноевропейской культуры. В белорусской деревне молодая семья обычно начинала свою жизнь под одной крышей с родителями, и эту же модель начало стихийно воспроизводить второе поколение горожан. Если их родители после переезда в город ютились в общежитиях и там же обзаводились семьями (изобретен даже особый вид общежития — семейное), то ко времени взросления своих детей они обычно имели уже государственную квартиру. Их взрослые дети продолжали жить совместно с родителями и лишь после вступления в брак начинали думать о собственной квартире. Это представлялось настолько естественным, что и градостроительная политика (проводимая такими же выходцами из деревни) с огромным запозданием отреагировала на обострение жилищной проблемы у второго поколения горожан. Подобно тому как чиновники Российской империи не приняли упреждающих мер против грядущего дробления наделов, в городах было допущено дробление жилплощади с новым обострением давно, казалось бы, забытой проблемы свекровей и невесток (или тещ и зятьев-примаков) и чудовищными очередями нуждающихся в улучшении жилищных условий. Истоки этой проблемы были, несомненно, не столько экономическими, сколько психологическими.

Отсутствие предприимчивости, покорное сползание во все ухудшающуюся ситуацию — тоже черты, не раз продемонстрированные традиционной деревней. Опять-таки, пассивность не воспитывалась специально — она сама собой всходила на поле, не «засеянном» активностью. Особой нужды в предприимчивости не ощущалось в те столетия, когда каждый по праву рождения получал свой статус и свою социальную роль, а если возникали какие-то проблемы — всегда имелась сила сверху, способная вмешаться: община или помещик, предоставлявшие новый надел или хотя бы указывавшие участок леса, который надо расчистить. Те, кто в подобных ситуациях привык полагаться на самого себя, в ком дух индивидуализма проявлялся особенно сильно, при том общественном устройстве оставляли меньше потомков. Они становились либо *похожими людьми*, чей жизненный путь был сопряжен с повышенным риском, а шансов вырастить многочисленное потомство у них оказывалось относительно мало, либо казаками, после которых вообще не оставалось на земле ничего, кроме песен о славных походах. Когда представлялся шанс, такие люди первыми срывались с мест, пытались счастья в Сибири или в Америке, порой благополучно оседали там, в любом случае вымывая из популяции свои гены. Так веками возрастала пропорция тех, кто либо имел врожденную предрасположенность к пассивной реакции на неизвестность, либо учился ей у окружающих, не подозревая о возможности иного ответа.

В тоталитарном XX веке на эту естественную селекцию наложилась еще и искусственная — когда сознательно устраняли наиболее непоседливых и неумных на устрашение остальных, чтобы их участь послужила горьким подтверждением старой пословицы: *На жычкую крапіву мароз знойдзіцца*. Закрепленная таким опытом, эта психологическая черта ярко проявилась после крушения советской системы, когда миллионы людей так и не смогли найти адекватного ответа на изменившиеся условия или беспомощно оглядывались в поисках помещика, который предоставит им новый надел. Если же

кто-то вызывался взять на себя такую роль — ему доверялись слепо и безоглядно, с облегчением вручая ненужный груз своей личной ответственности.

Некоторые черты традиционной ментальности, вроде бы безвозвратно изжитые в период советской модернизации, неожиданно воскресли, когда противники коммунистического режима стали апеллировать к ценностям прошлого. Как подметила Е. Гапова, среди этих ценностей оказалось и патриархальное неравенство полов. В националистическом дискурсе в один ряд с другими примерами *антибелорусского геноцида* органично встало и распространение абортов и контрацепции. То, что по мнению феминистского движения представляется реализацией *репродуктивных прав* женщины, с этой позиции оценивалось как фактор демографического вымирания белорусской нации. Подобное отношение к контрацепции характерно и для других антикоммунистических движений — например, польской «Солидарности», где оно обосновывалась апелляцией к ценностям католицизма. Еще более яркий признак того, что в основе лежит традиционный принцип разделения половых ролей, Е. Гапова усматривает в другом примере: когда в ночь после президентских выборов 2001 г. лидеры потерпевшей поражение белорусской оппозиции пытались обострить ситуацию и забаррикадировались в минском Дворце профсоюзов, они призвали остаться в живом оцеплении мужчин, а женщинам и детям предложили разойтись по домам. По мнению Е. Гаповой, это стремление «защитить» женщин неразрывно сопряжено с подсознательным отрицанием их права самим определять политическое будущее страны¹¹⁷⁹.

Еще одной «родимой меткой», унаследованной современной культурой, стало инстинктивное неприятие социального расслоения. Нынешние граждане Беларуси (как и других постсоветских республик) являются не просто потомками крестьян — в большинстве случаев это потомки той части крестьян, которые не сумели эффективно воспользоваться небогатыми возможностями пореформенной России, но сумели обрушить свою классовую ненависть на тех, кому это удалось. Равенство в нищете, которое их деды предпочли расслоению на богатых и бедных, не прошло бесследно для общественной психологии. В качестве иллюстрации можно привести притчу из современного фольклора: *Бог пообещал человеку, что исполнит любое его желание при условии, что сосед получит в два раза больше. Человек подумал и назвал свое желание: ослепнуть на один глаз.* Почти что фольклорный характер носит и слышанный мною в первые годы постсоветских реформ рассказ о том, как коттедж, возводимый одним из *новых белорусов*, из-за ошибки, допущенной при закладке фундамента, дал трещину через всю стену, а люди специально приходили полюбоваться на нее и позлорадствовать — от того, что более богатый понес материальный ущерб, им и вправду становилось легче.

Птенцы, выпорхнувшие из старого гнезда, многое унаследовали от распадающейся традиции, но **многое оказалось утраченным**. Новые горожане перешли на совершенно иной стиль демографического поведения, обрели несравненно более широкий кругозор, круг понятий и даже — другой язык.

На заводах, в учреждениях, университетах и школах разговорным языком являлся русский. Государственная идеология была призвана активно внушать молодым людям их принадлежность прежде всего к советскому народу, гражданам единого Советского Союза. Их собственная национальная идентичность никак не культивировалась. Наоборот, ее утрата приветствовалась государством и не вызывала осуждения со стороны друзей и соседей. Языковая ассимиляция происходила очень быстро. По истечении нескольких лет и даже месяцев жизни в городе выходцы из деревень начинали пользоваться в быту русским языком, благо он был очень близок к родному белорусскому. Их дети, горожане второго поколения, вырастали уже в русскоязычных семьях. Белорусский язык, который они слышали в гостях у своих бабушек и дедушек, казался им непривычным и смешным, *деревенским* языком. Призыв политиков, сделавших ставку на национализм, к возрождению *матчиной мовы* уже не мог достичь цели: среднее поколение, которое могло бы стать их основной опорой как наиболее образованное и устоявшееся в жизни, из уст матерей слышало только русскую речь и ее готово было защищать от посягательств. Те же, кто сам сделал этот выбор, считали себя вправе отстаивать его.

Среди утрат оказалась и способность удержаться на нужной грани нуминозности. Поколение 30-х — 40-х гг. рождения, первым освободившееся от «пут прошлого», в целом очень прочно восприняло материалистический взгляд на мир. Их родители, как правило, сохранили религиозность, но были лишены возможности передать ее своим детям. Максимум, что они могли себе позволить, это крестить их. Совершение обряда крещения оказывалось далеко не простым делом, поскольку ближайший к той же Кореньщине незакрытый костел находился в поселке Красное под Молодечно, в 40 км к западу по прямой. Даже в Минске в ту пору не было действующего костела. Но убеждение в обязательной необходимости крещения

¹¹⁷⁹ Гапова Е. On nation, gender, and class formation in Belarus ... and elsewhere in the post-Soviet world // Nationalities Papers. Vol. 30, No 4, 2002. P. 639—662.

оказалось непоколебимым. Крестили, правда, не новорожденных, а уже в возрасте, который позволял совершить далекую поездку. Некоторые ездили ради этого даже в Вильнюс, благо граница между Беларусью и Литвой в советское время была абсолютно прозрачна. Не могли противостоять этой традиции даже молодые члены партии, которым участие в обряде крещения грозило неприятностями. В крайнем случае некоторые из них устранились, разрешив матерям и бабушкам осуществить обряд.

Вторая составляющая традиционной мировоззренческой системы столь же активно вытеснялась, вполне заслуженно воспринимаясь как набор темных суеверий. Но проблема заключалась в том, что взамен для людей, утративших подлинную религиозность, не предлагалось достойной альтернативы. Каждому приходилось искать ее самостоятельно. Некоторым для сохранения внутренней цельности достаточно было твердо держаться за общежитейские ценности, в равной мере присущие как церковным заповедям, так и суррогатному «моральному кодексу строителя коммунизма». Смысл своего существования они, как и их предки, находили в каждодневном труде, добросовестном исполнении того, чего от них требовали окружающие. Часть поколения искренне восприняла ту цель, которая предлагалась официальной пропагандой: построение самого справедливого общества. Труд на своем рабочем месте приобретал в этом случае более высокий смысл: он вливался в труд страны, укреплял ее обороноспособность (в годы «холодной войны», при постоянном ощущении внешней угрозы, это имело немаловажное значение), давал право считать общественные достижения (освоение космоса, новостройки, научные открытия, о которых сообщалось по радио и в газетах) в какой-то мере и своими личными достижениями.

Даже в таких, сравнительно благополучных вариантах *свято место* не могло остаться пустым: тревожность неизбежно заполняла место в душе, оставленное благоговением. Отсутствие религиозной составляющей по-прежнему превращало таких людей в «трудоголиков». Правда, в городах, где свободного времени стало особенно много, занять себя непрерывной работой по хозяйству стало проблематично, но зато появилась такая спасительная вещь, как телевизор. Те, кто остался в деревне, тоже столкнулись с проблемой досуга, поскольку подсобное хозяйство ограничительными мерами государства было сведено к минимуму (в начале 1960-х гг. регламентировалось даже количество кур). В 1970-е гг. в социологических опросах впервые зафиксировано новое явление: не только старики, но и молодые, здоровые люди, работавшие на селе, не считали для себя необходимым вести подсобное хозяйство — держать корову, домашнюю птицу¹¹⁸⁰.

Традиционные способы проведения досуга в конце концов редуцировались в универсальную форму совместного застолья по любому поводу (с неизменным дополнением в виде хорового пения и танцев). Главным развлечением в мужских компаниях после рабочего дня стало пьянство в чистом виде. Тех, кто имел к этому физиологическую предрасположенность, оно быстро делало настоящими алкоголиками.

Иные избирали путь, естественно предполагаемый материалистическим мировоззрением: вечную гонку за успехом, за внешним благополучием. Навязчивое стремление преуспевать, быть ни в чем не хуже других — тоже характерная черта экзистенциального невроза, как его понимал В. Франкл. В этом очень мало общего с протестантской этикой, для которой успех в материальных делах является лишь проявлением богоизбранности. Там, где нет высшего предназначения, не может быть и избранности, а есть лишь вечный бег в колесе, в попытке убежать от пустоты и страха в своей душе.

В исполнении обряда крещения, смысла которого уже не понимал практически никто, тоже надо видеть проявление внутренней тревожности. Этот формально религиозный обряд воспринимался скорее как магический ритуал, производимый «на всякий случай» и призванный оградить ребенка от возможной кары неведомых сил — проецированного внутреннего страха. Поведение, соответствовавшее внешним требованиям веры, являлось по сути чистейшим суеверием.

Интерес к религии, резко пробудившийся у многих после крушения советской идеологии, также несет в себе печать традиционного сознания. Люди пытаются восстановить не ортодоксальное христианское вероисповедание, о нем по-прежнему знают очень мало, а ту синкретическую веру, которая была присуща их бабушкам и отзвук которой они еще уловили в своем детстве. Пробуждение религиозности начинается прежде всего с обрядовой стороны: возжигания свечей, освящения пасхальных куличей, приобретения крестиков и иконок, которым придается роль чисто магических оберегов. Отождествляя себя с христианством, многие не верят в реальность Воскресения Христа или трактуют его иносказательно. Переполюя храмы в праздничные дни, эти вчерашние материалисты ожидают услышать и слышат не совсем то, что пытаются сказать им Церковь. Все это немножко напоминает попытку влить новое вино в старые мехи.

Я не берусь оценивать, что из утраченного, сохраненного и приобретенного было со знаком плюс, а что — со знаком минус. В конечном счете это не имеет смысла: что произошло, то произошло, и усилия, направленные на возврат прошлого,

¹¹⁸⁰ Тарасевич В. Ф., Лешкевич В. В. Формирование и развитие белорусского села. — Мн., 1983. С. 119.

куда разумнее направить на строительство будущего. Нужно лишь помнить некоторые уроки, чтобы не наступать бесконечно на одни и те же грабли. А то, чем прошлое может быть еще полезно, — нужно с благодарностью брать с собой. В этом смысле ушедший мир традиционной деревни тоже может кое-чему научить. Подобно тому грибу хрущу, с которым сравнивала поговорка немощного старика, она еще долго была полезна своим отпрыскам, да и поныне остается необходимой. Там находили присмотр дети горожан первого поколения, когда возникали проблемы с детским садом. Там же они проводили затем свои летние каникулы. Оттуда шли каждую осень пригородные автобусы и электрички, забитые сумками с картошкой, яблоками и другими дарами приусадебных участков. Сегодня деревенские дома, пустеющие один за другим после смерти стариков, превращаются в летние дачи для их детей и внуков. На 1997 г. в деревнях Кореньщины около 80 домов принадлежали горожанам — детям и внукам их прежних обитателей. С тех пор количество таких домов намного возросло. Некоторые из горожан, выйдя на пенсию, переезжают туда жить, чтобы уже их собственные внуки проводили у них лето. *И на круги свои возвращается ветер*, и кружит он, словно бабочка над своим опустевшим коконом.

Заключение

Мы проследили судьбу обитателей Кореньщины, с разной степенью детализации, на протяжении шести столетий. За это время традиционные структуры, пребывавшие до XIV в. в архаичном состоянии, к XVIII в. достигли зрелости и законченности. Они могли бы довольно долго пребывать в таком виде, обеспечивая своих носителей механизмами выживания в условиях флуктуаций климата, периодических вспышек инфекции, неуклонно нарастающей эксплуатации со стороны помещика, неожиданно появившихся запросов огромной империи, которая нуждалась в пушечном мясе для ведения войн.

Пожалуй, именно войны были самым тяжелым испытанием, особенно если они непосредственно затрагивали данную местность. Страшны были не столько прямые потери, сколько эпидемии и голод, которые неизбежно следовали за военными действиями и выкашивали значительную часть популяции. И тем не менее общественные структуры каждый раз возрождались почти в неизменном виде. Их приспособление к меняющимся условиям (наличию свободных земель, уровню эксплуатации, эпидемической обстановке и связанной с ней вероятности выживания потомства) осуществлялось путем плавной самонастройки. Слегка увеличивалось или сокращалось время, проводимое женатыми братьями в совместном хозяйстве до его раздела, изменяя тем самым пропорцию едоков и работников, чуть сдвигался возраст первого брака, больше сил и внимания направлялось на выхаживание новорожденных — и желаемый баланс с окружающей средой достигался вновь.

При всей своей жесткости традиционные модели поведения всегда допускали альтернативу, предоставляли индивиду выбор, за последствия которого ему приходилось нести ответственность самому. Можно было пожертвовать психологическим комфортом, подавляя в себе естественный индивидуализм, но за счет совместного труда двух-трех семей обеспечить стабильность хозяйства, передать его наследникам в состоянии не худшем, чем унаследовал сам. Можно было избрать и относительно вольное существование в кругу лишь своей семьи — но тогда после человека мало что оставалось в материальном плане, а эта семья могла превратиться в траву перекасти-поле. Когда позволяли социально-экономические условия, можно было избрать путь чистой совести и пустого кармана, а можно — испытать традицию на прочность и постараться возвыситься над окружающими, как одинокие вершины елей возносятся над лесом. Любой из вариантов, остающихся в поле традиции, общество готово было принять и признать, не выталкивая индивида из своей среды. Безоговорочное осуждение вызывали лишь душевная глухота, откровенный паразитизм или лень и пассивность по отношению к своей социальной роли, отказ от попыток найти ответ на вызовы жизни.

Если изменение внешних условий предоставляло очевидные преимущества, эти новшества могли очень быстро, в считанные десятилетия адаптироваться и стать неотъемлемыми чертами культуры, как это произошло с внедрением картофеля в первой половине XIX в.

Это общество не было эталоном этики на все времена. Оно могло позволить себе рожать детей «про запас», чтобы в случае нужды пожертвовать их жизнями. В этом проявлялся могучий животный инстинкт — та же сила, которая побуждает растения разбрасывать семена наугад. Но сквозь века мучительно медленно брали верх менее расточительные модели, позволявшие рожать меньше детей, но обеспечивать им лучшую выживаемость. И в этом традиционное общество было частью живой природы, в которой такая эволюция репродуктивных механизмов прослеживается сквозь миллионы лет.

Не было это общество и безответной жертвой иерархически превосходящих его социальных структур. При случае оно умело быть хищным и бесцеремонным по отношению к ним: вовремя приbedниться, чтобы урвать побольше или уплатить поменьше, скрытно отвоевывать жизненное пространство, а то и дать волю долго подавляемой агрессивности, пуская огнем ненавистное поместье.

Традиционная деревня имела все же серьезные ограничения своей гибкости. Культурные импульсы, постоянно приходившие с Запада, побуждали ее к эволюции в двух разных сферах, которые в эпоху Просвещения приобрели известный антагонизм. Одним из этих импульсов была *спиритуализация* мировоззрения, предполагавшая трансцендентный (находящийся вне материального мира) источник благодати, являющийся одновременно точкой отсчета для всех земных деяний. Второй импульс требовал *модернизации* хозяйства и быта, применения новых идей и технологий для чисто прагматических целей. Обоим деревня довольно успешно сопротивлялась до последней четверти XIX в., а когда прежняя замкнутость все же уступила напору времени, первый импульс на самом Западе уже успел смениться духом скептического материализма. Шанс приобщиться к нему был упущен.

Деревня так никогда и не сумела приспособиться и к миру, в котором все, даже земля и человеческий труд, свободно продается и покупается. Белорусский крестьянин смог лишь уступить эту нишу более предприимчивому еврею, не затаив при

этом зависти и злобы. Хозяйство так и осталось почти натуральным — к реализации на рынке оставалась совсем незначительная часть выращенных продуктов. Даже деньги, необходимые для уплаты повинностей и налогов, приходилось изыскивать на стороне, дополнительными заработками. Не сумела деревня породить и социальный механизм, который обеспечивал бы экономическую эффективность, позволяя при этом проявляться индивидуальной предприимчивости, как это делал принцип единонаследия в Западной Европе (там он тоже смог оформиться лишь благодаря воздействию римского права, т. е. стал посмертным даром исчезнувшей цивилизации). За неспособность ответить на этот вызов пришлось заплатить высокую цену — веками выполнять роль сырьевого придатка. Вещи, изменившие мир на протяжении последних столетий, были придуманы кем-то другим, и прибыль от этого тоже получили другие. Разрыв в уровне материального благополучия с западноевропейскими странами — это расплата, которую мы продолжаем вносить до сих пор.

Отмена крепостного права пришла в деревню извне и потребовала довольно радикальной трансформации традиционных структур. Принципиально новым фактором оказалась привязанность к жестко ограниченному набору средств существования. Каждая семья получила постоянный надел, зависимость от которого привязывала их к месту не менее эффективно, чем крепостное право. Как раз в это время изменения в общественной морали парализовали эффективный, но бесчеловечный способ демографической регуляции — за счет повышения детской смертности. Новые способы еще предстояло выработать, а пока деревня столкнулась с новым для себя вызовом — избыточным населением. Ранее вопрос решился бы просто — всегда под рукой имелись пустующие земли или нетронутые леса, которые можно было освоить под пашню. К тому же эти леса и другие уголья давали широкие возможности для дополнительных доходов. Теперь же они оказались в собственности помещиков, доступ в них был жестко ограничен институтом неприкосновенной частной собственности — еще одним даром модернизации.

Из всех возможных вариантов ответа большинство выбрало тот, который завел в тупик. Нечто подобное уже произошло однажды, при проведении волоочной реформы. Тогда надел размером в волоку, оптимальный для товарного производства, оказался слишком велик для обработки силами одной семьи. Два возможных решения, наем рабочей силы и увеличение числа семей, были задействованы лишь частично, и основным решением стало дробление надела до уровня, оптимального для натурального хозяйства, — половины волоки. Это позволило не привлекать дополнительную рабочую силу и в то же время поддерживать в доме минимум психологического комфорта. Лишь гнет барщины вынудил увеличивать число членов хозяйства выше этого оптимума, чтобы иметь лишние руки для отработки повинностей. Когда же надобность в этом отпала, продолжать жизнь в многосемейном хозяйстве согласились очень немногие. И вновь наделы, у многих хозяйств к моменту реформы достаточно крупные для рыночного хозяйства, начали сокращаться. Разница с эпохой волоочной реформы состояла в том, что над крестьянами уже не было хозяина, который мог распоряжаться нетронутым земельным резервом. Они оказались брошенными в море самостоятельности, и многие попросту утонули в нем.

В какой-то мере деревня в пореформенный период оказалась заложницей более общей системы, частью которой она являлась, — общества Российской империи. Это общество не смогло найти применение избыточному демографическому потенциалу деревни, позволило ему копошиться на сокращающихся клочках дедовских наделов и копить ненависть к тем, кому в этом плане больше повезло. Но вину за это нельзя целиком снимать и с самой деревни. Слишком высок оказался процент тех, кто после реформы избрал путь чистой души и пустого кармана, когда вызов заключался в изыскании способов наполнить этот карман. Те, кто избирал альтернативную модель поведения, а порой просто более высокую *меру самоэксплуатации*, добивались успеха с самых разных исходных позиций, далеко не всегда благоприятных. Это доказывает, что шанс преуспеть был если не у всех, то у большинства. Если бы этот путь был востребован более активно — кто знает, как повернулась бы история, и не стал ли бы тогда белорусский паренек Ясь Окулич, понапрасну загубленный в архангельских лесах, национальной гордостью и главным достоянием своей страны. Но этого мы уже не узнаем никогда.

Модернизация по западному образцу тоже имела свою цену. Она сулила решение клубка земельных и демографических проблем за счет расслоения деревни на немногих землевладельцев и огромную массу наемных рабочих. Это были те самые американский (фермерский) и прусский (латифундистский) пути развития, которые так горячо обсуждались на рубеже веков. Но чтобы построить такую систему, нужен был совсем другой фундамент — общество, испытавшее воздействие римского права, Реформацию, прошедшее через спиритуализацию религии, имевшее совсем другую культуру наемного труда и другие традиции отношения к нему. Не стоит забывать, что и на Западе молодой капитализм был поначалу довольно непригляден, и потребовался страшный пример тоталитарных режимов, чтобы придать ему современное цивилизованное обличье (которое тоже отнюдь не всех приводит в восторг). Традиционное общество, кое-как мирившееся с унаследованным

от предков расслоением на аристократию и народ, расслоение этого самого народа восприняло как нарушение социальной справедливости. Этому пути оно не пожелало, и все пореформенные десятилетия шел напряженный поиск спасительного выхода, который позволил бы решить проблему как-то иначе.

К началу XX в. зависть неудачников к тем, кто добился успеха, выкристаллизовалась в идею справедливого равенства, в которой обе составляющие оказались синонимами. Идея «отнять и поделить» была рождена не деревней, а городским люмпеном, но расколота начавшейся модернизацией деревня не нашла в себе иммунитета против этой инфекции. Возможно, часть вины за это лежит и на тех, кто добился успеха. Они могли отнестись к неудачникам двояко: смотреть на них либо с состраданием и сочувствием, либо с брезгливым пренебрежением и высокомерным упреком. Те, кто выбрал второе, вряд ли задумывались о том, что это отношение вернется к ним грозным эхом *классовой ненависти*. Та стена, которую успешные хозяева Громницы воздвигли между собой и односельчанами, разделила нечто большее, чем спорный выгон.

Модернизация по западному образцу шла наперегонки с процессом саморазрушения Российской империи — и проиграла забег. На смену ей пришла модернизация по-советски, окрашенная специфически интерпретированным марксистским учением. Ее сплав с некоторыми особенностями традиционного мировоззрения (прежде всего — с неприятием наемного труда) породил гремучую смесь, взрыв которой в начале 1930-х гг. уничтожил всходы альтернативного варианта, а вместе с ними и ту часть популяции, которая была их питательной средой. Одним из многочисленных парадоксов было то, что такой вариант модернизации привел к устранению именно той части населения, которая в предыдущие десятилетия проявила наибольшую способность к модернизации классического, западного типа.

В итоге модернизация все же состоялась, но в чуждой крестьянскому укладу форме коммуны, состоящей из чужаков (как в смысле родственных отношений, так и эмоциональных связей между людьми). Деревня не могла не ощущать, что попытка поправить самого Бога, выровнять вершины сотворенного им леса была изменой прежним ценностям. Одновременно пришел и материализм, причем в совершенно нетерпимой, воинственной форме. Он отнимал религиозное чувство, но предложенная им альтернатива оказалась несостоятельной. Платой за это был тотальный невроз, который однажды прорвался острым психозом «охоты на ведьм».

Перемены в жизни белорусской деревни в 1930-е гг. были драматичными, но еще не достигли самой сердцевины традиционного уклада. Он еще сохранял способность к самовосстановлению. Частично эта способность реализовалась в начальный период немецкой оккупации, когда колхозы были ликвидированы. Крестьяне разобрали свои прежние наделы и быстро восстановили прежний способ хозяйствования, но в военных условиях это давалось им нелегко. Вынужденная необходимость кормить две воюющие силы очень быстро заглушила эту тенденцию. После этого люди жили главным образом надеждой на окончание войны, которое могло прийти только с победой одной тоталитарной системы (советской) над другой — германским фашизмом.

Эта склонность терпеливо уповать на спасение извне не раз проявлялась и раньше: то от Московской Руси ждали искоренения католицизма с его непонятными новыми веяниями, то от французов — избавления от барщины, то от поляков — избавления от колхозов. Теперь от Красной Армии ждали освобождения от немцев, но и на сей раз оно не принесло тех перемен, на которые рассчитывали крестьяне. Наоборот, от них потребовали все новых и новых жертв. Именно после этого в их сознании произошел решающий перелом. Пружина сломалась бесповоротно — точнее, была в конце концов раздавлена непосильным внешним давлением. Массовый исход молодежи в города стал возможен благодаря начавшемуся коллапсу традиции, но он же привел к ее окончательному разрушению.

Еще один вызов остался без ответа — вызов существования даже не на стыке, а в пазовом сцеплении двух цивилизаций, с одной из которых имеешь общие корни, а с другой сплетаешься кроной своей интеллектуальной элиты. Обеспечить циркуляцию животворных соков между корнями и кроной в такой ситуации действительно очень сложно. Но вызов никогда не возникает случайно: если задача была поставлена, значит, у нее имелось правильное и, главное, сильное решение. Белорусские крестьяне в массе своей так и не смогли найти его. Многие из них склонились к самоидентификации с одним из внешних образов. Жители Кореньщины то позволяли составителям переписи на основании конфессиональной принадлежности записывать себя в поляки, то с легкостью переходили на русский язык, поспешно связав его с городской культурой. Но ответ, сводящийся к отождествлению с одним из цивилизационных блоков за счет отрицания своей связи с другим, слишком прост для такой сложной задачи: для этого не обязательно попадать в сочленение между ними. И расплата за это тоже была сурова. Не будь этого легкого признания себя поляками, не было бы и повода для выявления стольких «польских шпионов» в момент, когда уже поздно было что-то осознавать самим и объяснять синим фуражкам НКВД.

Людей, попытавшихся найти ответ, как только вызов прозвучал в их душе, тоже оказалось слишком мало — по крайней мере, они оставили мало следов. Этот поиск угадывается в упрямстве прихожан, отказывавшихся принять русский язык богослужения в 1870-е гг. На рубеже XX в. из популяции Кореньщины, насчитывавшей до четырех тысяч человек, яркий след своего поиска оставили всего двое — сыновья Адама Гладкого из деревни Михалковичи. Один из них заплатил за свою непохожесть жизнью, а другой, может быть, нашел ответ для себя лично — но оказался вдали от Родины, откуда его голос не мог долететь до земляков. Что ж, этот вызов еще не вычеркнут окончательно из экзаменационного расписания. Он достался в наследство следующим поколениям белорусов. Нельзя только забывать, что за неспособность найти ответ бывает расплата.

Осталось сказать только о последнем вызове — самом фундаментальном, на который в принципе не может быть коллективного ответа. Этот вызов — сам факт нашего существования, смысл которого мы должны объяснить сами себе. Способен ли опыт предков действительно чему-то научить? В поисках смысла они тоже находили альтернативные ответы. Но две стороны нуминозного чувства, благоговение и страх, имеют разную цену. Сохранять гармонию в душе и силу, позволяющую стойчески переносить любые испытания, удавалось лишь тем, кто был способен ощутить сакральную силу, разлитую вокруг. Это чувство было глубоко религиозным, даже если внешне оно не вполне соответствовало предписаниям официальной религии.

Среди жителей Кореньщины, как и любого человеческого общества, были люди, сохранившие религиозность и утратившие ее — отчаянно пытаясь найти замену этой утрате, избавиться от безотчетной тревоги. При этом не имеет решающего значения, продолжали они трудиться и посещать костел (из страха перед Божьей карой или просто на всякий случай) или ударялись в ворожбу, забрасывали хозяйство ради увлечения рыбалкой или искали забвение в корчме. В традиции находилось место (более или менее достойное) для каждого из них. *Души не выплюнешь* — это, может быть, самая мудрая поговорка в собрании А. Варлыги, совершенно напрасно забытая материалистическим XX веком.

Скользя по многовековому отрезку времени, описанному на предыдущих страницах, мой взгляд задерживается на одной картине. Я вижу синее июльское небо с горячим солнцем; золотистые волны спелой ржи на узких полосках, разделенных зелеными межами; маленький снопок, который коричневая от загара, загрубевшая женская рука бережно заворачивает в белую ткань с красным орнаментом по краю; ясные глаза русоволосого мальчика в белой рубашонке, с непонятным ему самому трепетом глядящего на это. Светлое, теплое сияние исходит от этой картины и беспрепятственно пронзает толщу времени, наполненного кровью и страданием. Наверное, именно способность ощущать эту внутреннюю гармонию и преодолевать страх смерти была главным достоянием традиционной культуры, передаваемым от отцов к сыновьям.

Но тот способ, которым это достигалось, вряд ли устроит современного человека. Мир изменился необратимо, хотя и не во всем в лучшую сторону. Бесплезно искать в прошлом готовые ответы на сегодняшние вопросы. Те ответы, которые были найдены правильно, сняли порождавшие их вопросы. Те вызовы, которые актуальны и сегодня, остаются таковыми потому, что ответы на них пока не найдены. А самый главный вызов — он всегда индивидуален для каждого из нас. Общественный выбор складывается из миллионов таких индивидуальных выборов, и даже Бог не вмешивается в это, сохраняя нам привилегию свободной воли. Наш выбор остается за нами.

Список таблиц

- Таблица 1. Соотношение возможных вариантов классификации дворохозяйств
- Таблица 2. Состав хозяйств в имении Селец, 1596 г.
- Таблица 3. Группы соседних родственных дворохозяйств в имении Селец, 1596 г.
- Таблица 4. Распространение фамилий в селениях Кореньщины на 1740 г.
- Таблица 5. Прибытие и убытие семей на территории Кореньщины в XVIII в.
- Таблица 6. Суммарное распределение браков по месяцам
- Таблица 7. Помесячные индексы брачности в Западной Европе
- Таблица 8. Распределение браков по длительности
- Таблица 9. Частота повторных браков
- Таблица 10. Продолжительность брака и число детей в семьях
- Таблица 11. Распределение семей по числу детей
- Таблица 12. Интервалы между венчанием и рождением первенца
- Таблица 13. Суммарное распределение рождений по месяцам
- Таблица 14. Количество смертей по возрастным группам у лиц, родившихся до 1762 г.
- Таблица 15. Общие изменения в составе первых 6 когорт
- Таблица 16. Количество смертей и продолжительность жизни среди взрослых в первых 6 когортах
- Таблица 17. Детская смертность в 14 когортах по возрастным группам
- Таблица 18. Причины смерти по данным метрических книг 1827—1850 гг.
- Таблица 19. Репродуктивный исход в семьях, имевших детей
- Таблица 20. Суммарное распределение смертей по месяцам
- Таблица 21. Численность населения Кореньщины по данным инвентаря 1740 г.
- Таблица 22. Предположительная динамика популяции Кореньщины в 1762—1793 гг.
- Таблица 23. Численность населения Кореньщины по данным ревизии 1795 г.
- Таблица 24. Предположительная динамика популяции Кореньщины в 1794—1820 гг.
- Таблица 25. Коэффициенты рождаемости и смертности в Западной Европе в 1801—1820 гг.
- Таблица 26. Население Кореньщины по данным ревизии 1834 г. и с учетом пропущенных
- Таблица 27. Население Кореньщины по данным ревизии 1850 г.
- Таблица 28. Предположительная динамика популяции Кореньщины в 1821—1850 гг.
- Таблица 29. Коэффициенты рождаемости и смертности у православных и католиков Минской губернии в 1848—1857 гг.
- Таблица 30. Социальный состав православных и католиков Минской губернии в 1863 г.
- Таблица 31. Коэффициенты рождаемости и смертности в Западной Европе в 1821—1850 гг.
- Таблица 32. Структура дворохозяйств Кореньщины в 1740 г.
- Таблица 33. Соотношение индексов едока (e) и работника (p) в модели А. Чаянова
- Таблица 34. Динамика индексов e и p по мере взросления и старения индивида
- Таблица 35. Результаты реконструкции жизненного цикла 50 выбранных хозяйств
- Таблица 36. Структура дворохозяйств по четырем выборкам
- Таблица 37. Семейная структура в Бытчанском приходе 1850 г. при разных способах подсчета
- Таблица 38. Обеспеченность дворохозяйств Кореньщины землей в XVIII — начале XIX в.
- Таблица 39. Структура наделных земель в имении Красный Бор в 1855 г.
- Таблица 40. Распределение земель по угодьям в имении Красный Бор около 1851 г.
- Таблица 41. Структура помещичьих земель в имении Красный Бор в 1855 г.
- Таблица 42. Распределение земель в Корене и Нарбутове по данным люстрации 1850 г.
- Таблица 43. Обеспеченность домашним скотом в расчете на одно хозяйство
- Таблица 44. Распределение наделных земель имения Красный Бор согласно акту поверочной комиссии 1865 г.
- Таблица 45. Обеспеченность наделной землей в расчете на хозяйство
- Таблица 46. Земли, захваченные крестьянами из состава имения Красный Бор в 1875 г.

- Таблица 47. Изменения в количестве наделной земли с 1860-х по 1900-е гг.
- Таблица 48. Структура сельхозугодий по данным аграрной переписи 1917 г.
- Таблица 49. Количество дворов и прихожан в селениях Кореньщины по списку 1877 г.
- Таблица 50. Население Кореньщины по данным переписи 1897 г.
- Таблица 51. Коэффициенты рождаемости и смертности в некоторых губерниях Европейской России в 1861—1913 гг.
- Таблица 52. Скорректированные показатели естественного движения населения Минской губернии с 1859 по 1895 г.
- Таблица 53. Население Кореньщины в 1917 г.
- Таблица 54. Распределение хозяйств Борисовского уезда по числу работников в 1884 г.
- Таблица 55. Изменения в обеспеченности наделных хозяйств землей с 1860-х по 1917 г.
- Таблица 56. Структура сельхозугодий на бывших наделных землях в 1917 г.
- Таблица 57. Структура земель, проданных из состава имения Красный Бор в 1901—1904 гг.
- Таблица 58. Распределение бывших помещичьих земель по угодьям в 1917 г.
- Таблица 59. Обеспеченность угодьями в 1917 г.
- Таблица 60. Состояние дворохозяйств Кореньщины в 1917 г.
- Таблица 61. Обеспеченность хозяйств Кореньщины скотом в 1921 г.
- Таблица 62. Скрываемая пашня на Кореньщине в 1921 г. (в десятинах)
- Таблица 63. Показатели коллективизации Кореньщины в первой половине 1932 г.
- Таблица 64. Список обложенных твердым заданием в 1932 г. (Кореньский сельсовет)
- Таблица 65. Список жителей Кореньщины, репрессированных в 1937—1938 гг.
- Таблица 66. Список уроженцев Кореньщины, репрессированных за ее пределами
- Таблица 67. Людские потери Кореньщины в Великой Отечественной войне